Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность

Сборник статей и тезисов докладов
Международной научно-практической конференции
(28 февраля 2020 г.)

Москва | 2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей и тезисов докладов

Международной научно-практической конференции

28 февраля 2020 г.

65-летию ИСАА
посвящается

Москва
2020

УДК 94(575.1) (092) Бабур
ББК 63.3(5)
И73

Редакционная коллегия:

док. ист. наук, проф. *И.И. Абыглазиев*
канд. ист. наук, проф. *Д.Д. Васильев*
док. ист. наук, проф. *И.В. Зайцев*
док. философ. наук, проф. *Н.С. Кулешова*
док. филос. наук, проф. *Т.М. Махаматов*
док. филол. наук, проф. *Ш. С. Сирожиддинов*
док. ист. наук, проф. *Ж.С. Сыздыкова*

Отвественный редактор:

канд. ист. наук *Д.В. Жигульская*

И73 **Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность**: Сборник статей и тезисов докладов Международной научно-практической конференции. – М. : Пробел-2000, 2020. – 660 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-772-0

Данный сборник содержит статьи и тезисы докладов, представленные на международной научно-практической конференции «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность».

ISBN 978-5-98604-772-0 © Авторы, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии……13

Приветственное слово директора ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова профессора И. И. Абылгазиева……..14

Абдимиталипуулу Н.
«Бабур-наме» как источник по истории кыргызов и Кыргызстана……16

Абдуллаев Д. Н.
«Меценатская деятельность Бабура в культурно-просветительской сфере» …..17

Абдуллаев М. Х. (Abdullaev M. H.)
«Ubaydiyning hikmat gulshani» *(на узбекском языке)* ……20

Абдуллаева Р.
«Навоий ва Гёте: ҳаётий муштарак нуқталар» *(на узбекском языке)* ……..25

Абдурахманова М. И.
Роль Бабура в процессе развития социокультурных связей между Центральной и Южной Азией. Монголизмы в «Бабур-наме» …….34

Авлакулов Я. И.
«Произведения Захириддина Мухаммада Бабура – важный источник изучения музыкального искусства эпохи Бабуридов» ……...……38

Адизова И. (Adizova Iqboloy)
«Poetry skills of Zahiriddin Muhammad Babur» *(на английском языке)* ……44

Акобирова С. Т.
«Хэролд Лэмбнинг «Бобур - йўлбарс» (Babur the tiger) асарида З. М. Бобур шахси» *(на узбекском языке)* ……..52

Алимова З. К., Расулова И. М.
«Формирование духовности личности в творчестве Захириддина Мухаммада Бабура» ……..57

Алимова М. К., Мавлонова Г. Б.
«Вечная жизнь в скитаниях» ……...61

Алымкулова С. К., Турдуева А. С.
«Исторические памятники Кыргызстана, связанные с жизнью и творчеством Бабура» ..…… ……65

Аманлаев А. Х., Шукурова Ф. Х.
«Литературное наследие Бабура и его жизненный путь» ……..……68

Амонов М. У.
«Бобурнома»даги арабча изофий бирикмаларнинг морфологик шаклланиши» *(на узбекском языке)* ……...72

Антипина О. И., Нестерова А. С.
«Творчество Бабура как философия этики и любви» ...……..……77

Арапов А. В., Черенков Р. А.
«Кабир и религиозный синтез в империи Моголов» ……....80

Арипова А. Х.
«Осиё халқларининг ҳаётида муҳим из қолдирган шоҳ ва шоир Заҳириддин Муҳаммад Бобур меросини ўрганиш» *(на узбекском языке)* ……...87

Атанова С. А.
«Из Средней Азии с любовью: «могольский» стиль и среднеазиатская вестиментарность (на примерах миниатюрной живописи из коллекции государственного музея Востока, Метрополитена и других музеев)» *(тезисы доклада)* ……....93

Атдаев С. Д.
«Эпоха Бабуридов – время личностей (на примере Байрам-хана)» …….94

Ахмедова М.
«Бобурнома» асарида қўшма сўзлар *(на узбекском языке)* ……..……98

Ахмедова Ш. Н.
«Развитие бабуроведения в Бухаре» *(тезисы доклада)* ……...……...101

Ачилов Н. К., Джумаева Н. И.
«Вопрос исторической личности в эпическом исполнении и ее художественная интерпретация» ……...……...103

Бабин А. Н.
«Рукопись «Бабур-наме» по обе стороны Атлантики: к вопросу о двойных миниатюрах в иллюстрированных манускриптах» …….107

Баканова М. В.
Политическая роль Бабура как «собирателя земель индийских» ……..108

Баллал Е. М. А. (Ballal E. M. A.), Латышев О. Ю. (Latyshev O. Yu.), Луизетто М. (Luisetto M.)
«Modern significance of didactical legacy of Zahiriddin Muhammad Babur» *(на английском языке)* ……..……...112

Балтабаев Х. У.
«Николай добролюбов о Бабуре и Бабуридах» ……117

Баратова Р. М.
«Проблема разработки методики обучения переводу реалий» ...……121

Бурхонов И. М.
Из истории книги Бабура «Бабур-наме» ……..……...……...124

Буряченко Т. И.
«Использование художественных произведений Захириддина Мухаммада Бабура на занятиях по русскому языку с целью языкового и нравственного развития студентов» ……...……127

Ганиев Б. С.
«Социально-философские (в предпринимательском контексте) взгляды Захириддина Мухаммада Бабура» ..……...131

Гасанзаде Дж. Ю.
«Бабуриды и Запад: политика, конфессия, искусство» ……...136

Головизнин М. В.
«Естественнонаучный дискурс «Бабур-наме» и его медицинские аспекты» ……...141

Гурбансой Ф.
«Дешифровка одной муаммы Бабура» ……..……150

Дехканов А. К.
«Создание портрета правителей-тимуридов – современников Бабура в «Бабур-наме» ……152

Джаманкулова К. Т.
«Литературное и научное наследие Бабура» ……....157

Дусматов Х., Зоитова Ш.
«Легенды «Олтин бешик» («Золотая колыбель») и «Санги ойна» («Каменное зеркало»): историческая правда или художественный вымысел» ……..163

Дустов А. Г., Ганиев М. А.
«Историческое развитие основных величин измерения, их единиц в средневековой Средней Азии» ……..…….168

Жиянова Н.
«Захириддин Муҳаммад Бобур асарларида нумератив сўзлар ва уларнинг этимологик таҳлили» *(на узбекском языке)* ……..173

Жиянова Н.
«Роль заимствованных счётных слов в наследии Захириддина Мухаммада Бабура» …….179

Журабаева Г. С., Шарафутдинова Н. Х.
Исследования топонимов ферганской долины в «Бабур-наме» ……..185

Журабоев О. Р.
«Лирика Бабура: рукописи, текст дивана и его составление» ……188

Жураев И. М. (Жўраев И. М.)
«Бобурнома» да маиший таназзул ва ижтимоий инқироз масалалари *(на узбекском языке)* ……199

Жураев Х. А. (Жўраев Ҳ. А.), Косимова Г. Н. (Қосимова Г. Н.)
«Бир мактуб тарихи ёхуд Бобурнинг кашф этилиши» *(на узбекском языке)* ….204

Зиливинская Э. Д.
В какой бане мылся Бабур: археологические комментарии к тексту «Бабур-наме» ……...209

Ибодова М. Б.
«Скитальческая душа между двух стран» ……219

Исломова М.
«Бобур асарларида юрт согинчининг образли ифодаси («Бобурнома» ва лирикаси аспектида)» *(на узбекском языке)* ……223

Исмайлова Л. Г.
«Газели Захириддина Мухаммада Бабура»..……227

Кадирова Н. С.
«Литературно-просвещенческая беседа, посвященная Бабуру» *(тезисы доклада)* ……...……231

Кадырбаев А. Ш.
«Бабур – ученый на индийском троне» ……..……232

Каландарова Д. А., Каршибоева З. Ф.
«Характер творца в поэзии Бабура» ……..……...236

Камалетдинова А. Я.
«Сопряжение человека и общества в интеллектуальном наследии З. М. Бабура» ……..……239

Камалова З.
«Воспевание любви к родине в рубаи Бабура» ……246

Камбаров А. А. (Қамбаров А. А.)
«Заҳириддин Муҳаммад Бобур асарлари ҳақида айрим мулоҳазалар» *(на узбекском языке)* ……248

Караева Б. Х.
«Изучение жизни и творчества Захириддина Мухаммада Бабура в процессе обучения узбекскому языку (на примере практических занятий в МГЛУ)» ……...……253

Караходжаева М. Х.
«Бабур-наме» – выдающийся памятник узбекского литературного языка XV-XVI вв..…… ……258

Каримова Н. Б.
«Взгляд на творческую лабораторию Бабура» ……..……...263

Кемальоглу О. М. (Oğulcan Mert Kemaloğlu)
«Babürlüler dönemine ilişkin iki kaynak: Babürname ve Hümayunname» *(на турецком языке)* ……..……267

Косимова Г. (Қосимова Г.)
«Шоҳ ва шоир ибрати» *(на узбекском языке)* ……..……...……..273

Кувватова Д., Сохибова З.
«Исторические основы образа времен года в поэзии Бабура» ……...……277

Курбонова С. (Qurbonova S.), Хакимова Д. (Hakimova D.)
«Boburnoma»da qo`llangan o`simlik nomlarini guruhlashtirish *(на узбекском языке)* ……..……..281

Кучкарова М. Х.
«Анализ личности Бабура в узбекской классической литературе» ...……286

Кушокова Б. Й. (Qo'shoqova B.Y.), Умирова Д. (Umirova D.)
«Ikki xalq dilbandi Zahiriddin Muhammad Bobur» *(на узбекском языке)* ...……..289

Лосева-Бахтиярова Т. В.
«Роль «записок» Бабура в истории изучения среднеазиатских (узбекских) цыган» ……..293

Лукмонов Х.
«Толерантность великого Бабура» ……...……..297

Максумова С.
«Заҳириддин Муҳаммад Бобур лирикасида бадиий санъатларнинг қўлланиши» *(на узбекском языке)* ……..……..300

Мамаджанова Г. М.
«Мир поэзии Бабура» ……..……304

Маннопов И. (Mannopov I.), Исроилова М. (Isroilova M.)
«Zahiriddin Muhammad Bobur ruboiylarida vatan mavzusi» *(на узбекском языке)* ……...……308

Махаматов Т. М., Маматов М. А.
«Вопросы национально-этнической идентичности и толерантности в политике и творчестве Захириддина Бабура» ……..……...……..312

Махмудова З. (Маҳмудова З.)
«Бобурнома» асаридаги лисоний чегараланган бирликлар *(на узбекском языке)* ……...……316

Махмудова Н. (Маҳмудова Н.)
«Бобурнинг диний – фалсафий қарашлари» *(на узбекском языке)* ……..319

Махмудова Н. (Маҳмудова Н.)
«Ўзбек адабий тили тараққиётида Бобур асарларининг ўрни» *(на узбекском языке)* ……..……324

Мелиева В. А.
«Причины, по которым Бабуру пришлось покинуть Самарканд» ……...328

Мирзарахимов Б. (Mirzarahimov B.)
«Bobur va boburiylar tashqi siyosatiga oid ayrim mulohazalar» *(на узбекском языке)* ……..…….331

Михайлов С. Э.
«Религиозная политика Бабура в Индии: причины и результаты» ……..336

Муллаходжаева К. Т.
Личность Бабура сквозь лирику и «Бабур-наме» ……....342

Муминова А. К.
«Бобур-нома»да қўлланган мансаб ва унвон номларининг социолингвистик хусусиятлари *(на узбекском языке)* ..……...349

Мурзакметов А. К.
«Мир растений Центральной Азии в мемуарах Бабура» ……...356

Мухамеджанова В. А.
«Влияние Бабура на духовную жизнь народов Индии» ……...363

Мухамедов О. Г.
«Военное мастерство Бабура в трактовке Харольда Ламба» ……...366

Мухаммадиева Д.
«Семантическая классификация фразем в «Бабур-наме» и проблемы их передачи в турецких переводах» ……...368

Мухитдинова Х. С.
«Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг дипломатик қарашлари» *(на узбекском языке)* ……..375

Науменко О. А.
«На путь добра меня направь своей рукой…» или в поисках утраченного смысла……..……379

Нишонов А. А.
«Фарғона водийсида бобур мирзони шайбонийхонга қарши кураши» *(на узбекском языке)*……..383

Носирова М. О.
«Педагогические мысли Алишера Навои и Захириддина Мухаммада Бабура» ……..…….389

Нурулла-Ходжаева Н. Т.
«Индийская историография империи Моголов» ……..……...394

Нуруллаева С. М.
«Метафоризация мифологических образов в газелях Бабура» ……..400

Нутфуллаева М. К.
«Роль лирического жанра «туюк» в творчестве Захириддина Мухаммада Бабура» ……404

Одилжонова Н.
«Созидательная деятельность Бабура (создание величественных садов)»…...408

Омонов М.
«Бабур – великий полководец» ……..……..……..411

Почекаев Р. Ю.
Суд и правосудие в «Бабур-наме» ……..……...413

Пулатова Д. З.
«Империя Бабуридов в Индии» ……420

Раджабова Б.
Интерпретация наставничества и поддержки в «Бабур-наме» ……..425

Ражабова Д. Т., Бекниязова С. Н.
«Научное изучение «Бабур – Бабурин» в Сибири и Средней Азии» ……432

Ражабова Н. Н.
Исследования французских ученых по изучению «Бабур-наме» ……..435

Расулмухамедова Д.
«Boburning badiiy olami» *(на узбекском языке)* ……...440

Рахматов Й. Г. (Раҳматов Й. Г.)
«Ойчинор» достонида халқ мақолларининг ўрни *(на узбекском языке)* ……..444

Рахмонова Ш. М.
«Традиции Бабура в узбекской поэзии второй половины XX века» ……...451

Рузикулов Ф. Ш.
«Наследие Бабура и современный Узбекистан» ……..……...457

Салишева З. И.
«Формирование социокультурной компетенции студентов русских групп (на примере произведений Бабура)» ……..……..……460

Салохи Д. И.
«Анализ своеобразия художественного мастерства Бабура на фоне поэтического стиля Навои» ……..466

Саматова Ф. Н.
Описание семьи Бабура в «Бабур-наме» ……..……..……..473

Сапрынская Д. В.
Сведения о тюркоязычных народах в воспоминаниях Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» ……..……...476

Сафаров М. А.
«Исследования С.С. Губаевой по изучению «Бабур-наме» (вопросы этнонимии)» ……482

Сулимов С. И., Черных В. Д.
«Социально-политическая деятельность Бабура как иллюстрация процесса ухода-и-возврата» ……...488

Сыздыкова Ж.С.
Образ А. Навои и Х. Байкара по «Бабур-наме» ……...495

Таджиддинова С. Ш.
«Искусство создания портрета» ……498

Тешабаева З. К.
Сравнительный анализ концепта «слово» в английском переводе в произведении «Бабур-наме» ……..503

Тешаева Г. Ж.
Анализ газели Захириддина Мухаммада Бабура «горя любовью» …….……...511

Тимохин Д. М.
Особенности развития исторического нарратива в державе великих Моголов на примере «Тарих-и алфи» (тезисы доклада) ……..515

Тимощук А. С.
«Бабур и глобальное значение тюркской государственности» ...……...517

Тошбоев Б. Э., Шукурова Ф. Х.
«Проявление элементов узбекского национального характера в наследии Захириддина Мухаммада Бабура» ……521

Тошпулатова Н. М. (Тошпўлатова Н. М.)
«Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг «Бобурнома» асари - тарихий манба ва унинг илмий - маърифий аҳамияти» *(на узбекском языке)* …….……...525

Тураева Б. Б. (Тўраева Б. Б.)
«Юлдузли тунлар» ва «Авлодлар довони» романларида бадиий замон шакллари *(на узбекском языке)* ……..……..530

Туракулова З. А.
«Захириддин Мухаммад Бабур, выдающаяся фигура возрождения в образе новой эпохи востоковедов» ……...…….……...535

Туракулова О. А.
«Поэт в королевстве, король в поэзии (изучение работ Захириддина Мухаммеда Бабура на уроках литературы)» ..…….538

Урумбаева А. Н., Шарафатдинова А. Н.
«Жизнь и творчество Бабура – пример для потомков» ……..542

Усанов Р. Т.
«Идеи справедливости в творчестве Бабура» ……..……..……...551

Усмонова З. Ж.
«Роль творчества Захириддина Мухаммада Бабура в духовном воспитании молодёжи» ……...555

Хазраткулова Э.
Изображение правителей-тимуридов в «Бабур-наме» ……559

Халлиева Г. И.
«Российское бабуроведение XX века» …….562

Халманова З., Мухамедова С. Х.
Семантические группы лексических единиц в «Бабур-наме» ……...567

Хамдамова М. Б.
«Концепт цвета в лирике Бабура» ……573

Хамраева Х., Тохтасимов Ш., Муродова М., Аловутдинова Н., Муллажонов Б.
«Бобур асарларида санъатга оид терминлар» *(на узбекском языке)* …….577

Хатамова З. Н.
Из истории изучения наследия З. М. Бабура: «Бабур-наме» …..……...581

Холматова Д. А.
«Литературное наследие Бабура в этнографическом контексте» ……..584

Холматова Ш. С.
Концепт любви в философско-религиозной концепции «Бабур-наме» ..……..588

Холматова Ш. С.
«Творчество Бабура в истории культуры и литературы узбекского народа»...591

Хохлова Л. В.
«Сикхские и персидские источники о встречах гуру с двумя великими моголами» ……596

Шарафиддинов Х., Шарафутдинова Н. Х.
«Бабур-наме» как энциклопедическое произведение……..602

Шарипов Ф. Н., Бердиев Ж. П.
Трактовка исторических личностей в труде Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» («Записки Бабура») ……606

Шарипов Ф. Н., Кучаров Ж. К., Темиров Ш. К.
«Уникальный шедевр архитектуры Бабуридов» ……609

Шахин Х. Х. (H. Hilâl Şahin)
«Baburnameye göre babürlülerin kimliği» *(на турецком языке)* …….……614

Шералиева А. У.
«Бабур-наме» – произведение великого правителя, творческой личности, поэта, предприимчивого, смелого человека – Захириддина Мухаммада Бабура……...…….……...619

Шукурова Н.
«Сопоставительный анализ газели Бабура в переводах на русский-английский языки (на основе переводов Л. Пеньковского и Д. Султановой)» ……623

Эралиева Ы. С.
«Исторический и тематический экскурс в творчество Захриддина Мухаммада Бабура» ……..…..627

Эргашев К. О.
Мемуарно-биографические сочинения и тезкире Алишера Навои и их влияние на «Бабур-наме» ……..633

Эфендиев А. Ф.
«Отражение политических взаимоотношений Сефевидов и Моголов по материалам миниатюрной живописи» ……638

Эшонбобоев А. К.
«Изучение творчества мирзо Бабура в Узбекистане в годы независимости»...645

Юлдашева Ф. Ф.
«О лирике Захириддина Мухаммада Бабура» ……649

Юсупова Д. Р.
Роль «Трактата об Арузе» Бабура в развитии арузоведения в тимуридский период……..653

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Дорогие читатели!

Перед вами сборник статей и тезисов докладов, посвященных биографии и историческому наследию основателя империи Великих Моголов (Бабуридов) Захириддина Мухаммада Бабура (1483–1530). Эта книга является результатом совместной работы участников Международной научно-практической конференции «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность», которая состоялась 28 февраля 2020 года в Москве по инициативе Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова при поддержке Посольства Республики Узбекистан в Российской Федерации.

Среди авторов нашего сборника – доктора и кандидаты исторических, филологических, философских наук, ведущие исследователи в области востоковедной науки из крупных научных центров России, Узбекистана, Азербайджана, Киргизии, Пакистана, Таджикистана, Туркмении и Турции. Также в издание включены работы молодых исследователей: аспирантов, магистрантов и студентов.

В книге содержатся ценные сведения по истории, литературе, философии, религии, культуре и искусству Центральной и Южной Азии XVI-XVI вв. В ней подробно рассматриваются политическая биография Бабура и его преемников, вопросы внутренней и внешней политики империи Великих Моголов (Бабуридов). Проводится глубокий анализ вопросов сравнительной лингвистики и перевода произведений Бабура, сохранившихся до наших дней. Ряд статей посвящен основным тенденциям в развитии литературы на тюркских и иранских языках, а также роли и вкладу Захириддина Мухаммада Бабура в сокровищницу средневековой мировой литературы. В сборнике детально рассмотрены и проанализированы литературные источники, созданные Захириддином Мухаммадом Бабуром и его современниками, их актуальность и роль в современном мире. Особенного упоминания достойны материалы, посвященные истории развития *бабуроведения* – отдельного направления в мировом востоковедении, посвященного наследию Захириддина Мухаммада Бабура – в России, странах СНГ и Запада.

В сборник вошли статьи на русском, узбекском, английском и турецком языках. Обращаем внимание на то, что материалы опубликованы в авторской редакции.

Организаторы Конференции и редакционная коллегия выражают благодарность участникам Конференции и авторам статей за вклад в создание сборника. Надеемся, что это издание заинтересует людей науки и читателей, изучающих историю и культуру средневекового Востока, и, в частности, наследие выдающегося представителя своей эпохи – Захириддина Мухаммада Бабура.

Д. В. Жигульская

Приветственное слово директора ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова профессора И. И. Абылгазиева участникам конференции «Интеллектуальное наследие З. М. Бабура и современность»

Уважаемый господин Посол Узбекистана, уважаемый господин Посол Афганистана, дорогие участники и гости Международной научно-практической конференции «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность»!

От лица Института стран Азии Африки МГУ имени М. В. Ломоносова и Оргкомитета сердечно приветствую всех докладчиков, среди которых много гостей из различных городов России, Узбекистана, Киргизии и Турции.

Сегодня на пленарном заседании присутствуют почетные гости. Для нас большая честь приветствовать Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Узбекистан в России г-на Асадова Ботиржона Закировича, Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Афганистан в России господина Мохаммада Латифа Баханда, Президента Международного фонда имени Бабура профессора Машрабова Зокиржона Машрабовича, доктора исторических наук из Университета Гиресун (Турция) госпожу Хиляль Шахин.

Позвольте выразить слова благодарности руководству Государственного музея Востока в лице его директора Седова Александра Всеволодовича за организацию уникальной выставки миниатюр «Бабур-наме», открытие которой приурочено к сегодняшней конференции.

Стоит отметить, что в XXI веке интерес мирового научного сообщества к личности, эпохе и наследию Захириддина Бабура только растет. Изучение различных аспектов его деятельности, от военной до культурной, остается актуальным.

Действительно, трудно переоценить вклад Бабура в процесс исторического развития на всем Евразийском пространстве. Наследие Захириддина Бабура многогранно и во многом определило основные тенденции в мировой геополитике, литературе и культуре. Бабур основал крупнейшую империю своего времени, не только регионального, но и мирового масштаба.

Оставив след в истории как великий правитель и завоеватель, Захириддин Мухаммад Бабур также известен миру в качестве мемуариста и автора научных сочинений.

Потомок Тимура в пятом поколении, Бабур, как и другие великие полководцы и правители Средней Азии, смог создать по-настоящему уникальную империю, границы которой простирались в пределах территории современной Индии, Пакистана, Бангладеш и юго-восточного Афганистана.

Талант правителя и созидателя Бабура выразился в жизнеспособности его империи: созданная в XV веке, она фактически просуществовала до середины XIX века. Тадж-Махал, эпохальное творение Шах-Джахана, потомка Бабура, навсегда закрепило в сознании мирового сообщества величие Бабура и его династии. А его литературное и философское наследие хранит в себе мудрость веков и не теряет своей актуальности и сегодня. Мемуары Бабура значительно

повлияли на развитие литературы Востока и, в особенности, средневековой тюркоязычной традиции.

Можно с уверенностью сказать, что Бабур был одним из тех, кто объединял культуры и народы. Так и сегодня в этом зале собрались представители разных стран, традиций, люди, говорящие на разных языках, которым, однако, не безразлична судьба востоковедной науки и наше общее историческое наследие.

Надеюсь, что сегодняшняя конференция послужит новой ступенью в развитии научного и культурного взаимодействия, а также интеллектуального обмена с целью дальнейшей реализации исследований в области востоковедения. Всем участникам желаю плодотворной работы и объявляю конференцию открытой!

И. О. директора Института стран Азии и Африки
МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор исторических наук, профессор И. И. Абылгазиев

Н. Абдимиталипуулу,
преподаватель ОшГУ, г. Ош;
Докторант КТМУ, г. Бишкек (Кыргызстан)

«БАБУР-НАМЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КЫРГЫЗОВ И КЫРГЫЗСТАНА

Литературное наследие Захириддина Мухаммада Бабура (1483-1530) является бесценным достоянием народов Средней Азии. Его перу принадлежат «Диван» тюркских и персидских стихов, «Мубайиан», «Трактат об арузе» и перевод на среднеазиатский тюрки труда «Рисала-и Валадийа» («Родительское послание») духовного лидера суфийского ордена накшбандийя Ходжа Ахрара. Особое место в творчестве Бабура занимают его мемуары, написанные на среднеазиатском тюрки. В научной литературе это сочинение известно под названием «Бабур-наме». Находящиеся в «Бабур-наме» описания Ферганы, бассейна Зеравшана, Кабула, северной Индии, их народностей и их обычаев, культурной жизни и т. д. могут справедливо считаться классическим произведением для своего времени наравне с «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дуглати. Естественно, использование мемуаров Бабура в исследовании истории народов Средней Азии, в том числе кыргызов, является актуальным. Так, например, указанный в мемуарах этноним *чограк* в настоящее время зафиксирован как один из родов кыргызских племен *нойгут* и *теит*. Хотя известно, что *чограки* в средневековье были большим отдельным племенем, и в словаре Махмуда Кашгари они зафиксированы как *ограк*. После монгольского нашествия *чограки* вошли в состав Чагатайского улуса, потом в состав Империи Моголов. В результате изнурительных войн в период распада Моголистана *чограки* ослабли и влились в состав кыргызских племен. В настоящее время на юге Кыргызстана есть несколько топонимов под названием *Чогорак*.

В данной статье проведен сравнительный анализ могольских этнонимов в «Бабур-наме» с названиями родов и племен современных кыргызов.

© **Абдимиталипуулу Н.**, 2020

Д. Н. Абдуллаев,
д. и. н., ТГПУ, г. Ташкент (Узбекистан)

МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАБУРА В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ

Как известно из истории, существует много духовных и золотых периодов прошлого, когда наши великие предки представляли нацию и даже всю страну на весь мир. Одним из ярких и золотых периодов для узбекского народа является правительство великого Бабура и Бабуридов.

Как известно, в феврале этого года в мире широко отмечался 537-й юбилей одного из великих исторических деятелей, героя узбекского народа Захириддина Мухаммеда Бабура. Бесценны услуги Бабура Мирзо и Бабуридов в области социального развития и экономики, науки и просвещения общества, которые обогатили культурное наследие и исторические ценности шедеврами не только узбекского, но и афганского, пакистанского и индийского народов.

Необходимо отметить, что Бабур и Бабуриды – великие деятели своего времени, которые, наряду с социальным и духовным развитием общества, внесли значительный вклад в архитектуру, градостроительство, парки, народное прикладное творчество и ремесла.

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев отметиол: «Мы уделяем особое внимание изучению истории каждого региона нашей страны. Бабур Мирзо – великий сын нашего народа. Имя его живет в литературе, науке, просвещении. Необходимо еще более благоустроить этот парковый комплекс, превратить его в центр воспитания. Работа по повышению национального самосознания, пропаганде нашей великой истории среди молодежи, развитию науки и просветительства даст высокие результаты» [4], что стало основой для глубокого изучения исторического периода Бабура Мирзо и династии Бабуридов.

Поэтому одной из важных задач сегодняшнего дня является изучение и анализ новых аспектов эпохи Бабуридов в политической и экономической сферах, а также созидательной деятельности в сфере строительства в данном периоде.

На протяжении всей истории Бабур и представители династии Бабуридов не только были влиятельными государственными деятелями, смелыми воинами, но и через созидательную деятельность осуществляли свой интерес к творчеству, проблемам Родины, благоустройству народа.

Стоит отметить, что во времена Бабуридов вопросы строительства осуществлялось в три этапа. Во-первых, их услуги по направлениям градостроительства, архитектуры, открытии парков, национальной архитектуры и процветания страны; во-вторых, их деятельность в области культурно-просветительской работы среди народа, таких как строительство библиотек и обсерваторий, изобразительное искусство, каллиграфия, живопись и ремесленничество; в-третьих, созидательное и культурно-просветительское

наследие отражено в духе интернационализма, унаследованного от эпохи Тимуридов, с творческой деятельности представителей простых творческих людей.

Бабур Мирзо с юности воспитывался в творческой среде и вырос, изучая прекрасные образцы архитектурного искусства, когда его отец Умаршайх Мирзо[1] был правителем Ферганской области.

Согласно историческим данным, Бабур Мирзо во время правления в Самарканде (1497-1498) по собственной инициативе ввел новый алфавит и создал несколько школ для обучения его молодежи [5, 9]. Важно отметить, что этот алфавит является первоначальным видом изобретения «Хатт-и Бобурий», которое Бабур позже ввел в Кабуле, что указывает на то, что Бабур занимался просветительской, образовательной и воспитательной деятельностью.

Когда Бабур был Агре, он осуществил ряд мероприятий, чтобы предотвратить беспорядки в Кабуле и восстановить благоустройство. К ним относятся приведение в порядок крепости, строительство жилья для прибывающих послов, мечетей, караван-сараев и бань, легальное расходование денег и затрат.

В эпоху Бабура ряд индийских городов, особенно Агра и Дели, стали более процветающими, и их культурный и политический статус повысился. Городское благоустройство отражено в развитии торговой деятельности, в обеспечении питьевой водой, строительстве благотворительных зданий и создании парков.

Бабур в своем произведении «Бабур-наме» утверждает, что он развернул широкое строительство в Индии и что были вовлечены тысячи строителей и специалистов [1, 268]. Также, когда Бабур прибыл в Индию, беков и тура (князей) рядом с ним не устраивали неприятный климат и отсутствие питьевой воды в этом месте, и они готовятся покинуть Индию и отправиться в Кабул. Тогда, в результате инициативности Бабура, из-за необходимости создания условий для жизни осуществляются работы по улучшению существующей территории. Например, когда Бабур увидел беспорядок на земле между дворцом Ибрагима и внутренней стеной крепости Агры, он начал строить там большой садовый парк и ирригационное сооружение «войин» (глубокий колодец с лестницами, индусы назвали его «войной») [1, 275]. Позже он поручил вырыть такие ирригационные сооружения в городе Секри.

Бабур, чтобы восстановить важную, но нарушенную караванную дорогу между Агрой и Кабулом, поручил построить башни наблюдения на расстоянии каждые 9 курухов (приблизительно 20-22 км) для измерителей расстояния, довести ее высоту до 12 кари (7 м) и предоставить место для наблюдателей. Было поручено после каждых 18 курухов организовать место для шести лошадей, платить конюшнику и кормить лошадей. Очевидно, что эти меры были приняты в целях обеспечения безопасности торговцев, прибывающих из Агры в Кабул.

[1] Умаршайх Мирзо – правнук Тимура (Тимур – Мироншах – Султан Мухаммад – Султан Абдусаид – Умаршайх) 4, 7.

Бабур любил принимать ванны в жаркие дни Индии и строил много бань, думая об общественном здоровье [6, 19-20]. Бабур Мирзо мечтал благоустроить те места, где он был, построить архитектурные сооружения, здание или. Об этой инициативе свидетельствуют его усилия по развитию десятков городов, таких как Ош, Кабул, Кандагар, Одинапур, Дели, Агра, Секри, Гвалиор. Например, в городах, куда он прибывал, строились парки, дворцы, здания, плотины и мосты.

Ученый Эрскин, переводивший «Бабур-наме» на английский язык, говорил о Бабуре: «Мы редко встречаем среди правителей Азии таких гениальных и талантливых людей, как Бабур.... Что касается активной деятельности разума, бодрости духа, щедрости, таланта, храбрости, любви к науке и искусству, то среди правителей Азии таких правителей, как Бабур, невозможно встретить» [2, 272].

Основываясь на вышеизложенном анализе, Бабур Мирзо как представитель Тимуридов проявлял свой потенциал в творчестве, особенно в областях художественного искусства, духовности, просвещения и архитектуры. Он создал великое государственное правление в другой стране и стремился благоустроить его и сделать его известным миру. Его деятельность в области науки и культуры (меценатство) внесла значительный вклад в культуру и историю народов Востока. Признание Бабура не только государственным деятелем, но и покровителем науки и культуры является основой развития сферы меценатства в нашей истории.

Литература

1. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. – Тошкент, 1989. – Б. 268.
2. Неру Дж. Открытие Индии. – Москва, 1955. – С. 272.
3. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёев: Илм-маърифатни ривожлантирсак, ҳеч қачон кам бўлмаймиз. – URL: http://protoday.uz/uz /archives/41895 (дата обращения – 14.06.2017)
4. Ўролов А., Сафаров Н. Бобурийлар ва бунёдкорлик. – Самарқанд, 1995. – Б. 9.
5. Ўролов А. Халқ ҳаммомлари. – Тошкент: Фан, 1987. – Б. 19-20.

© **Абдуллаев Д. Н**., 2020

М. Х. Абдуллаев (M. H. Abdullaev),
tarjima nazariyasi va amaliyoti, kafedrasi dotsenti, filologiya fanlari nomzodi
(O‘zbekiston)

Аннотация: Статья посвящена сопернику Захириддина Мухаммада Бабура в борьбе за власть, Убайдулле, сыну Мухаммада Шейбани. Он родился в 1487 году, вырос в Бухаре и в возрасте восемнадцати лет взошел на трон. Участник и свидетель политической жизни Мавераннахра, в свое время он считался знатоком хадисов, фикха, мистики, умелым каллиграфом, специалистом по накшу (резьбе), музыковедом, поэтом, писавшим на тюркском, персидском и арабском языках. В своих стихах, написанных под псевдонимом «Убайди», Убайдулла опирается в том числе и на суфийские воззрения, в частности, на доктрину тариката Ясави. Он был сведущ в персидско-таджикской и арабской литературе, приглашал арабских, персидских и турецких поэтов, проводил литературные собрания и беседы, на которых вел дискуссии о религиозно-мистической поэзии. Также в своем творчестве Убайдулла обращается к темам любви, вечности и совершенства.

UBAYDIYNING HIKMAT GULSHANI

Millatimiz tarixida faqat davlat va saltanat boshlig’i emas, shoir, olim, ilm- fan va madaniyat homiysi o’laroq o’chmas iz qoldirgan shaxslar ko’p bo’lgan. Shayboniylar sulolasiga mansub hukmdor Mahmud Sultonning o’g’li Ubaydullaxon ham shulardan biridir.

U 1487- yildatug’ilib, Buxoroda voyaga yetdi va o’n sakkiz yoshida Buxoro taxtiga o’tiradi. Ko’pdan- ko’p tarixiy voqea- hodisalarga guvoh bo’lgan bu sharif zot o’z davrida hadis, fiqh, tasavvuf ilmining bilimdoni, mohir xattot, naqqosh, musiqashunos, turkey, forsiy va arabiy tilde ijod qilgan shoir sifatida tanilib, tan olingan. Ubaydiy taxallusi bilan yozilgan turli janrdagi she’rlardan tarkib topgan ikki devon ham uning adabiy merosi hisoblanadi.

«Tarixi Rashidiy» kitobining muallifi Mirzo Haydar Ubaydullaxon hukmronlik qilgan davrda Buxoro ijtimoiy, madaniy va ma’naviy hayotini Hirotnikiga, xonning o’zini esa Husayn Boyqaroga qiyoslagan. Bu qiyos, ehtimol, tarixiy haqiqatga to’la mos kelmas. Ammo Ubaydiyning ilm- fan peshvosi, qurilish va bunyodkorlik tashabbuskori bo’lganini isbotlovchi hujjat- dalillar yetarli. Ubaydiy Haqvaxalq , din vadavlat, shariat va tariqat, ilm va irfon birligini yangi bir bosqichga ko’tarishga xizmat qilgan podshohlar sirasiga kiradi. Bizningcha, uning eng ibratli fazilatlaridan biri Qur’oni karimga cho’ng mehr- muhabbati, cheksiz ishonchi vas obit e’tiqodi edi. U zohiriy e’tirofi yuzasidan «Meni Haq qori Qur’on qilibdur…» demagan. Qur’onni chiroyli nasx xatida ko’chirib, unga turkey tilde tafsir yozgani Ubaydiyning nainki hayotda, ijodda ham Alloh kitobiga teran tayanganidan dalolat beradi. Bunga iqror bo’lish uchun uning hikmatlarini o’qish kifoya deb o’ylaymiz.

Hikmat aslida, insonning borliq va ashyo haqiqatini iqtidori qadar bilish, shunga ko’ra harakat qilishni o’rgatuvchi bir ilmdir. Hikmat tabiiy, riyoziy va ilohiy deya uch

qismga ajratilgan. Xoja Ahmad Yassaviyning hikmatlari uchinchi turga mansub bo'lib, uning bosh sharti olam sir- asrorini odamning o'zini anglash orqali kashfaylashdir. Ubaydiy ham hikmatnavislikda shu yo'lni tanlagan desak also xato bo'lmasa kerak.

Ubaydiy she'riyatda Yassaviy va Boqirg'oniy, Lutfiy va Navoiy an'analariga tayangan, ayni paytda ularni o'zaro uyg'unlashtirishga ham kuch sarflagan. Shoir g'azallarini oshiqlik va sidqusodiqlik holatlarining tasviriy ojozi bali sharhlari desak, hikmatlarini oriflik shavqi va mushohadalarining xilma- xil hadyalari deyish lozim bo'ladi.

Chin oshiq, tolib va orif zavq- shavqi bilan o'zligini idrok etganda Ubaydiy saltanat tashvishlari, shahanshohlik g'avg'olarini «fanojo'robi» bilan supurib tashlaydi. Shunda u ko'nglini Ahmad Yassaviy, Farididdin Attor, Jaloliddin Rumiylarga hamnafas va hamroz sezadi, hikmat rishtalarini hikmatga ulaydi. Goho Ahmad Yassaviyga o'xshab hammasi «o'taro» deydi:

Qul Ubaydiy, doimo aning soriha voqil, O'kunch ila bu dunyo borcha eldin o'taro…

Ubaydiy bor yo'g'i ellik uch yil umr ko'radi. Ammo nisbatan qisqa hayotida u asrlardan asrlarga, nasllardan nasllarga o'tib xotirlanib, sharaflasa arzidigan ishlarni bajarishga ulgiradi. Bu xol Allohning xudojo'y bir bandasiga inoyati va marhamati, albatta.

Tarixshunos olimlar Ubaydiyning to'liq nomini Ubaydulloxon ibn Mahmud Sulton ibn Budog' Sulton ibn Abulxayrxon deb qayd etishadi. Abulxayrxonning Budog' Sulton ismli o'g'li bo'lib , bu o'g'ildan Muhammad Shayboniyxon va Mahmudxon dunyoga kelgan. Mahmudxon Dashti qipchoqda bobosi Abulxayrxon qo'lida tarbiyalanadi. Keyinchalik u Muhammad Shayboniyxon bilan birga toju taxt uchun kechgan janglarda faol qatnashadi .

Ubaydiyning yoshlik yillari ko'proq Buxoroda o'tadi. U otasining yolg'iz farzandi ekani tarixiy manbalarda keltirilgan. Ubaydiy o'z davrining yetuk olimlardan ta'lim tarbiya oladi. Arab va fors tillarini mukammal o'zlashtirib, Amr Abdulloh Yamaniy, Xoja Muhammad Sadr singari o'z davrining yetuk allomalaridan ilm olgani manbalarda qayt etilgan. Aniqsa, Qur'oni karimga muhabbati va qiziqishi yosh paytidan ko'zga tashlanib o'zi ta'kidlaganidek, uni yod oladi.

Meni Haq qorii Qur'on qilibtur,
Jamolig'a mani hayron qilibtur.
Ilmlar berib o'tluq o'lordin,
Tasavvuf mulkida sulton qilibdur….

«Kalommulloh»ni nasx xatida o'z qo'lida ko'chirib, Makka va Madinaga yuboradi va bu ulug' Kitobga turkiy tilda tafsir ham bitadi. Xasan xo'ja Nisoriyning «Muzakkiriy ahbob» kitobida bu to'g'rida bunday deyilgan: «Fazilatlarning eng yaxshi ko'rsatkichlardan biri – u Qur'on mutolasi va qiroatni yengillashtirish uchun turkiy tilda yozgan Qur'on tafsiri kim, dalillari suyaniladigan asosda bitilgan…»

Ubaydiy fiqh ilmiga bag'ishlab bir risola ta'lif qilganki uni «foydalar koni», deb ta'riflashgan. Uning qiroat, tafsir yoki dinning boshqa masalalariga bag'ishlangan risolalari ham bo'lib, hozirgacha topilgani yo'q. keltirilgan ma'lumotlar Ubaydiyning

diniy ilmlar bilan jiddiy shug'ullanib uni badiiy ijod bilan bog'lashga harakat qilganini ko'rsatadi.

Darhaqiqat, Ubaydiy mazkur risolalarni yo'l yo'lakay yozib qoldirgan deb bolmaydi. Shu munosabat bilan yana bir voqeani eslab o'tish lozimga o'xshaydi. Ubaydiyning otasi Mahmud Sulton dastlab Toshkentda yashab, so'ng Buxoroga kelgan Xoja Ahror Valiyning muridi Mavlono Muhammad Qoziga qo'l beradi.Ismoil Safaviy qo'shini bostirib kelgach, Mavlono oldin Andijonga, undan so'ng Axsiga ketib qoladi. Mavlono Muhammad 1506-1507 yillarda Buxoroda istiqomat qiladi. Ayni shu vaqtda uning suhbat va va'zlaridan bahramand bo'lgan Ubaydulloxon shogirt bo'lishni ko'ngliga tukkan bo'lishi ehtimoldan yiroq emas. Ubaydiy 1504 – yilda katta amakisi Suyunchaqxon Sultonning qiziga uylanadi. Shu yilning oxirlarida esa otasi Mahmud Sulton Qunduzda vafot etadi. Shayboniyxon yolg'iz ukasining jasadini Samarqandga keltirib dafn etgach, Ubaydullo 18 yoshida Buxoro taxtiga o'tiradi. Uning taxtga o'tirishiga ko'pchilik ilm-fan va adabiyot namoyondalari katta umid bilan qarashdiki, buni Mir Muhammad Munshiyning shu voqea munosabati bilan yozgan tarixidan ham bilib olish qiyin emas.

Abulg'ozi Ubaydullo Baxodirxoni dinparvar,
Bihamdillohki, shud joyash farozi masnadi xoni.
Mu'iyni dini Payg'ambar shudu gardid tarixash,
Muiyniddin Ubaydullo ibn Mahmud Shayboniy.

Ubaydiyning Buxoro taxtiga o'tirgan yili Shatboniyxon Xorazmga yurish boshlaydi. Bu yurishda Ubaydiy ham ishtirok etib, Xorazmni egallash uchun kechgan jangda jasur, tadbirkor, mohir sarkarda sifatida tanildi. Umuman olganda, Ubaydiyning kuchli harbiy salohiyati, qo'rqmas sarkardaligi tarixiy kitoblarda alohida qayd etilgan. «Tarixi Muqimxoniy» da uni «Adolat shevasida yagona, jang shabhasida bag'oyat farzona edi», deb maqtalgan. «Tarixi Shayboniyxoniy», «Tarixi Rashidiy», «Tarixi Roqimiy», «Zubdat ul Asror» singari asarlarni tasvirlangan bir qancha xarbiy voqealar bu bahoning haqqoniy ekanligini ko'rsatadi. Aytish mumkinki, Ubaydulloxon amakisi bilan faqat xarbiy yurishlarda emas, balki ilmiy va adabiy majlislarda ham birga ishtirok etib, bunday o'rnak olishga harakat qilgan. Shu sababli Ubaydiyning" davr sultonlari ichida fazilat va kamolotda yagona" ligi goh goh Shayboniyxon nomi bilan bog'liq tarzda tilga olinadi. Hatto Eron tarixchilaridan biri: «Ubaydxon ibn Mahmud Sulton Shayboniyxonning jiyani bo'lib saxovvat shijoatda davr yagonasi edi», dedi. Ubaydiy adolat va saxovati, birinchi navbatda din ravnaqi, yurt obodligi, xalq farovonligi, ilm – fan, san'at, adabiyot rivojiga va shu soha kishilarining taqdiriga jiddiy e'tibor berganida ham ko'zga tashlanadi.

Shuni ta'kidlash kerakki, Ubaydiy tasavvufni chuqur bilish, shaxsiy hayotida tasavvufiy qarashlarga rag'bat bildirish bilan kifoyalanib qolmasdan, diniy-tasavvufiy adabiyot xazinasiga o'z hissasini qo'sha olgan shoir sifatida tanildi. U fors-tojik va arab adabiyotidan xabardor bo'lib, arabiy, forsiy va turkiygo'y shoirlarni yig'ib, adabiy majlis va suhbatlar o'tkazgan, bu yig'inlarda diniy-tasavvufiy she'riyat ustida ham bahslar uyushtirgan. Mashxur turk olimi M.F.Kupruli Ubaydiyni Qur'on qiroati, tafsir, hadis va fiqh kabi islomiy ilmlarni mukammal egallagan, arabcha va forsiyni she'r yozish qadar yaxshi bilgan, badiiy san'atlarga kuchli qiziqish ko'rsatgan, hatto naqqosh

va musiqashunos, ma'rifatli bir shoh va iste'dodli shoir sifatida ta'riflaydi. Adabiy majlislarda ishtirok etgan Zayniddin Vosifiy yozadi: «Ul hazratning (Ubaydiy – M.A) odatinshu erdiki, har kuni bir she'rni o'rtaga tashlab, unga tatabbu va javob yozishga shoirlarni undardilar. Derdilarki, tab'ni bekorga o'tkazmanglar, uni mashg'ul qilmoq lozim. Sustlik tab'ning bo'shashiga sabab bo'ladi va zehnni o'tmaslashtiradi».

Shuni ham aytish kerakki, Ubaydiy she'r yozish bilan ancha erta shug'ullangan. Uning dastlabki she'rlarida Xoja Ahmad Yassaviydan ta'sirlaning ko'zga tashlanadi. Shuning uchun uning ilk davr she'rlarigagina asoslanib: «Ubaydiy she'rlari ham o'zining tematikasi va g'oyaviy mazmuni bilan Shayboniy she'rlaridan hech farq qilmaydi», degan fikrlarni qo'llab-quvvatlash haqiqatga to'g'ri kelmaydi. Ubaydiy ilmiy va madaniy saviyasi yuksak shoir sifatida «Ubaydiy» va «Qul Ubaydiy» taxalluslari bilan ijod qilgan.

Ubaydulloxon umrini ko'proq siyosiy va harbiy kurashlarda o'tkazganiga qaramay, ilm va adabiyot, ayniqsa, sge'riyat rivoji uchun o'z ulushini qo'sha oldi. U 1540 milodiy (945- 46 hijriy) yilda badanida paydo bo'lgan kasallikdan vafot etadi va vasiyatiga ko'ra Xoja Naqshbandiy oyoq uchi tarafida dafn etiladi.

Ubaydiy sharq she'riyatining deyarli barcha janrlarida qalam tebratgan ijodkor. Uning bizga yetib kelgan eng katta kulliyoti 1583 –yilda Mir Husayniy al-Husayniy tomonidan ko'chirilgan. Bu qo'l yozma O'zR FA abu Rayhon Beruniy nomidagi Sharqshunoslik instituti qo'lyozmalar fondida 8931 raqami bilan saqlanadi. Shoirning yana bir devoni masoil us- salot, hikmat, ruboiy, tarje'band va noma kabi janrlardan iborat. Biz mazkur devonning hikmat qismini nashrga tayyorladik.

O'zbek mumtoz adabiyotidagi eng qadimiy janrlardan biri hikmat deb atalgan. Ilmiy adabiyotlarda diniy-axloqiy mazmundagi she'rlarda X asrlardan e'tiboran hikmat deb yuritilgani qayt etilgan. «Hikmat – donishmandlik, irfon, ma'rifat, hikmatli so'z, sirli va maxfiy kalima, bilimdonlik va falsafiy ma'nolarni aks ettiradi». Turkiy adabiyotda birinchi bo'lib hikmat yaratgan Ahmad Yassaviyning maktabi shoirlari ijodida hikmatnavislik an'anasining muvaffaqiyat bilan davom topishini ta'minladi. Ahmad Yassaviydan keyin o'nlab shoirlar hikmat shaklida qalam tebratgan bo'lsalarda, ular orasida e'tiborli ijodiy yutuqlarni qo'lga kiritganlari unchalik ko'p emas.

Ubaydiy hikmatlari orasida bevosita Yassaviy ta'sirida yozilgan yoki ma'no va ohang jihatidan ularga o'xshash she'rlar ham uchraydi. Bunday she'rlar g'oyaviy-badiiy ahamiyatidan tashqari, o'ziga xos tarixiy qimmatga egadir. Chunki Ubaydiy Yassaviy hikmatlarini asl shaklida o'qigan va ulardan ta'sirlangan deyishga yetarli asos va dalillar mavjud. Ahmad Yassaviyning mashxur hikmatlaridan birida shunday deyiladi: *Beshak biling, bu dunyo barcha xalqdin o'taro.*

Inonmag'il molingga, bir kun qo'ldan ketaro.
Ota-ona qarindosh qayon ketti, fikr qil,
To'rt ayog'lig' cho'bin ot bir kun senga yetaro.
Dunyo uchun g'am yema, Haqdin o'zgani dema,
Kishi molini yema, sirot uzra tutaro.

Dunyo, umr va molu davlatning o'kinchiligi haqida bitilgan ushbu hikmat har tomonlama ibratlidir. Shu bois u o'z hayoti va umrining mazmuni xususida fikr

yuritgan har bir kishi qalbiga kuchli ta’sir ko’rsatadi. Bu fikrni Ubaydiy to’g’risida ham aytish mumkin:

Ko’ch eldek, ey rafiq, olam bari ko’charo,
Ko’zni yumib ochquncha aziz umring kecharo.
O’lim solur motamg’a, odam o’g’lin har g’amg’a.
Aqli bo’lg’on odamg’a ushbu ibrat yetaro.
Davlating’a tayonma, ganju molg’a inonma,
Ham barchag’a ishonma, bari sandin ketaro.

Yassaviy hikmatlaridan o’xshab Ubaydiy hikmatlaridan asosiy mavzui ilohiy ishq sirlari bayoni va ishq ahliga pandu nasihatdir. Uningcha: *Muhabbatning sharobidin ichgon kishi*

Sakkiz uchmoh sharobini ko’zgo olmas.

Ubaydiy hikmatlarining lirik qahramoni shoirning boshqa janrlardagi lirik qahramonidan ancha farqlanadi. Chunki u chin ma’nosi bilan Husni mutlaqning oshiqi shaydosidir:

Qul Ubaydiy Allohning shaydosidi,
Ham boshida doim aning savdosidir.
Tolib ul-matlub aning liqosidir.
Jovidonga liqo kerak, biling, do’stlar.

© **Abdullaev M. H.,** 2020

Р. Абдуллаева,
Турон ФА фахрий академиги, ф. ф. номзоди, доцент (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена творчеству Алишера Навои в контексте западноевропейской критической и востоковедной традиции. Автор проводит параллели между творчеством Алишера Навои, в частности, его основными идейными составляющими и произведениями таких европейских мастеров слова, как Мартин Лютер, Кристофер Марло, Иоганн Гете, Томас Манн. Несмотря на существовавший в Европе большой интерес к литературным произведениям Востока, творчество Алишера Навои не получило широкой известности вплоть до новейшего времени. В Германии, как и в других странах региона, только зарождалась тюркологическая школа и углубленное постижение арабского и персидского языков, необходимых для понимания произведений восточных авторов. Тем не менее, дальнейшее их изучение подтвердило идейную взаимосвязь творцов Запада и Востока.

НАВОИЙ ВА ГЁТЕ: ҲАЁТИЙ МУШТАРАК НУҚТАЛАР

XVIII-XIX асрларда Ғарбда ***филоореантализм*** ғоялари ривожланган бир пайтда ориенталист ва туркологларнинг саъй-ҳаракатлари туфайли етти буюк форсий аллома: ***Фирдавсий, Анворий, Низомий, Румий, Саъдий, Ҳофиз, Жомий***лар ижоди Европага кириб келган. Таассуфки, булар орасида озор шоири Фузулий ўз девонининг дебочасида «***манзури шоҳаншоҳи Хуросон***» дея улуғлаган, Германияда «***Ҳиротнинг бахти», «Ҳирот бошига қўнган бахт қуши***» (Хофманн) дея эътироф этилаётган бетакрор шоиримиз Алишер Навоий номи учрамайди.

Бетакрор истеъдод соҳиби Ҳазрат Навоий сайёрамизнинг энг кучли шоирлари қаторида эътирофга лойиқ кўрилаётган бўлса-да, бадиий ижодидан жаҳон шеършунослари тўлиқ баҳраманд бўлган, дейиш қийин. Зеро, Ғарбий Европа шарқшунослари Навоий ижодиёти билан чуқур шуғулланмасдан, ***«Навоий Хисрав Деҳлавий, Низомий ва Жомийларнинг таржимони, тақлидчиси»,*** улардан нусха олган ***«кўчирмачи», «сарой шоири»*** деган ғайриилмий қарашларни олға сурдилар. Илмий исботланмаган бу хулосалар Ф. Белен, Ҳ. Пургштал, Ҳ. Вамберилар томонидан Европа мамлакатларида узоқ давом этди. Умумбашарий ғояларни кўтарган, ўзбек шеъриятининг мустаҳкам қасрини яратган сўз санъаткори сифатида адабий мероси тан олинмади. Унга ғарбликлар биринчи навбатда давлат арбоби, шох Ҳусайн Бойқаронинг ишонган дўсти, инсонпарвар вазир деб қарадилар, ашъорларини давлат бошқаруви орасида кўнгилхушлик учун ёзилган битиклар, машқлар дейишди.

20-йилларда ўзимизда ҳам шоир миллатини аниқлашга уриниб, «*уруғи - насли ҳам, тили ҳам ўзбекча бўлмаган, балки чиғатой ёки уйғур шоири», «форс шоири*» (А. Саъдий) деб даъво қилганлар ҳам бўлган.

Афсонавий тарихий шахс *Фауст* ҳақида ғарб адиблари, жумладан, немис тилини лотин тили исканжасидан қутқариб, адабий тил даражасига кўтарган ислоҳотчи ***Мартин Лютер Манн*** (1875-1955)**,** инглиз, немис ёзувчи ва драматурглари ***Кристофер Марло*** (1564-1593)**,** «***буюк немис***» деб сифатланган ***Йоҳанн Вольфганг Гёте*** (1749-1832) дан тортиб, то немис замонавий адабиётида, айниқса танқидий реализм адабий йўналиши тараққиётида муҳим ўрин эгаллаган ***Томас Манн*** (1875-1955) гача бу мавзу атрофида турли жанрда қалам сурганлар. Уларни салафларига эргашган ***«тақлидчи», «таржимон», «кўчирмачи»*** ёки **«*маддоҳ, сарой шоири*»** деб аташ мумкинми? Нега ғарбликлар улар асарларини **«*таржима*»** ёхуд **«*тақлид*»** дейишмади? Салафларга **«*назира*»** боғлаш ёки **«*андоза олиб*»** асар яратиш барча даврларда санъат бўлган-ку! Бу санъат ғарб адабиётида ҳам учрайди.

Шу поэтик санъат хақида француз шоири ***Никола Буало-Дегрео*** (1636-1711) ***«Шеърий санъат»*** (1674) асарини ёзган. Асарда жаҳон адабиётида анъанага айланган **«*тақлид қилиш*», «*андоза олиш*»** усули эстетиканинг асосий принциплари даражасига кўтарилган. Агар ғарблик мунаққидлар бундан хабардор бўлганларида, ўйлаймизки, Шарқ мумтоз шеъриятига бундай беписандларча муносабатда бўлмаган бўлар эдилар.

Шахс озодлиги ва эркинлигини улуғлаган, **«*малик уш шуаро*»**[1] дея этироф этилган, Алишер Навоий афсуски, Германияда кенг эътироф этилмади. Бунинг асосий сабаби, ғарбликлар туркий тиллар, хусусан эски ўзбек тилидан яхши хабардор эмас эди, ***иккинчидан,*** улар Алишер Навоий ижодига руҳан яқинлаша олмаган, ***учинчидан***, Алишер Навоий руҳий оламига кира оладиган, ирфоний ғазалларни севадиган, романтикага бой, китобий илмлардан-да юксакроқда турадиган орифона, шоирона қалбнинг танқислигидир. Эркин Воҳидов Нурулло Отахонов билан суҳбатида: «Навоийга ақл билан етиш мумкиндир, уни тафсир қилиш, фикрларни, ташбеҳларни, ғояларни ўрганиш мумкиндир, лекин унга ҳис билан етиб бориш, руҳан яқинлашиш учун қарийб Навоийдай ҳиссиёт ва руҳиятга ҳам эга бўлиш керак…» – деганида минг бор ҳақ эди.

Алишер Навоий яшаган даврда туркий эл адабиёти ривожланган бўлса-да, туркий тил шоирлар форс тилида ижод этганлар. Шу боис, Шарқни ўрганишни ихтиёр этган европаликлар форс тилига эътибор бериб, ўрганишга киришган. Германия атрофидаги немис тилли мамлакат университетларда ***араб, форс*** тиллари фан сифатида ўқув дастурига киритилган. Буюк шоиримиз ижод этган туркий тил мураккаблиги, сўзлар кўп маънолигига кўра ўрганиш, тадқиқ этиш европаликларга қийинчилик туғдирган ҳам бўлиши мумкин. Зеро, Алишер Навоийнинг ғазал, рубоий, ҳикмат ва достонларида жуда кўп тилларда сўзлар учрайди.

Й. В. Гётенинг Ҳофиз шеърияти таъсирида яратган «***Ғарбу Шарқ девони***»да Соҳибқирон Амир Темурга бағишлов бор. Аммо темурий хонадонга ниҳоятда яқин шеърият султони Алишер Навоийга муносабат билдирилмаган. Лекин ***Алишер Навоийни Ғарб учун кашф этмоқ зарур эди.*** Буни Немис санъат

[1] «Малим уш шуаро» – «шоирлар шоҳи» демак.

академиясининг академиги, давлат арбоби, Навоийнинг бир неча ғазаллари, «***Фарҳод ва Ширин***»дан парча ўгирган таржимон, танқидчи Алфред Курелла «***Буюк шоирнинг қайта кашф этилиши***» номли эссе характеридаги тадқиқоти билан унинг бутун туркий заминда ягона ***«шеърият султони»*** эканини асослаб берди ва Европадаги «***Навоий – форс шоирлари тақлидчиси***» қабилидаги ғайри илмий қарашларга зарба беришга эришди. Бу билан Ғарбда Навоийни ўқиш ва ўрганиш борасида янги босқич бошланган эди. Бугун немис тилли ҳудудларда юқорида эслаганимиздай, Алишер Навоийни ***«Ҳиротнинг бахти», «Ҳирот бошига қўнган бахт қуши***» дея эътироф этиб, ЮНЕСКО қарори билан халқаро доирада мунтазам тадбирлар, симпозиумлар ўтказмоқдалар.

Алфред Курелла Алишер Навоийга бағишлаган тадқиқотини «***Буюк шоирнинг қайта кашф этилиши***» деб номлаган? Шоир қайси сабабларга кўра, беш асрдан сўнг «***қайта кашф***» этилибди? ***Фирдавсий, Низомий, Румий, Саъдий, Ҳофиз*** шеърлари Европада тараннум этиб турилганда, «***шоирлар шоҳи***» Навоий ижодига Германияда эҳтиёж туғилмади? Зеро ***Навоий ва Гёте*** ҳам шоир, ҳам давлат арбоби сифатида муштарак зотлардир. Улар нозиктаъб ишқ куйчилари ҳисобланган, умумбашарий ғояларни кўтариб чиққан, давлатни бошқаришда фаол иштирок этган. Навоий ва Гётени 3 аср ажратса-да, жаҳон адабиёти ихлосмандлари уларнинг бадиий ижоддаги комиллигини ниҳоятда юқори қўядилар.

Алишер Навоий Амир Темур наслидан бўлмиш ***Ҳусайн Бойқаро***нинг ишонган дўсти, ўнг қўл вазири эди. Й. В. Гёте ***Саксон-Ваймар*** герцоги ***Карл Август***нинг дўсти, давлат маслаҳатчиси. Икки сиймони бирлаштириб турган омил, ҳукмдорларининг сўз санъатига ошуфталиги, назмни нозик ҳис қилишлари, шоирлик таъби борлигидир. Чунончи, ***Ҳусайн Бойқаро*** туркийда «***Ҳусайний***» тахаллуси билан девон тартиб қилғон. Шу боис, ҳукмдорлар ***Ҳусайн Бойқаро*** ва ***Карл Август*** бу буюкларга ҳомийлик қилиб, руҳий мадад берганлар. Алишер Навоий «***Хазоин ул-маоний***» да: «***Султон соҳибқироннинг ҳиммат юзидин иҳтимомию саъй ғоятидин таълими бардавоми бўлмаса, мундоқ душвор иш илгари бормоғи мутаассир, балки ҳаёлимға кечирмаги мутааззирдур...***» деб ёзган бўлса, «***Бадойиъ ул-бидоя***» девонининг дебочасида Ҳусайн Бойқарога аталган:

Шаҳеким, васфи юз минг йил туганмас, деса юз минг тил,
Бу айтилғонча юз минг бил, яна ҳар бирни юз минг қил.
Ки юз мингдин бири ўлмағай, зикр ўлса юз минг ***қарн***[1]*,*
Бу юз минг қарндин ҳам бўлса ҳар бир лаҳза юз минг йил,

каби юксак поэтик санъатлар билан ифодаланган бағишловида шоирнинг шохдан миннатдор эканини сезамиз.

Бу икки шоир ва давлат арбоби ўз замонасининг етук сиёсатдонлари ҳам эдилар, Фалсафада «*хирадман бўлиб*», фалсафа билан жиддий шуғулланганлари дунёқарашларини янада яқинлаштирган. Уларни бирлаштириб турган яна бир омил, ***мулк*** ва ***миллат*** масаласидир. Алишер Навоий «***Вақфийя***» асарида бир

[1] Қарн – аср, давр.

неча тимлар[1]и борлиги келтирилади. Булардан келган даромадлар халқ фаровонлиги йўлида сарфланган. Исломдаги «***Муборак бешлик***»нинг тўртинчиси «***закот***» тўлашга қўлида вақо қолмагани боис «***Вақфийя***»да: «***...нақд жоним ул тангрига закотдир***» – деган.

Навоий ўз атрофига даврнинг машҳур кишилари, жумладан, тарихчи ***Хондамир,*** ҳаттот ***Султон Али,*** рассом ***Беҳзод,*** (Ҳусайн Бойқаронинг суюкли шоиртаъб набираси ***Мўмин Мирзо*** ҳам Навоийдан сабоқ олган, унинг шогирди бўлган) каби иқтидорли ёшларни йиғиб, уларга ҳомийлик қилган бўлса, Гёте ҳам герцог Карл Август раҳномалигида бутун Германиядаги иқтидорли шоир ва бастакорларни, мўйқалам соҳиблари ва саҳна юлдузларини мўжазгина Ваймар шаҳрига таклиф қилиб, уларга руҳий мададкор бўлган, рағбатлантирган.

Навоий «***Буюк бешлик***» – *«Хамса»* билан бадиият оламини забт этди. Дарвоқе, Хазрат Навоий *«Хамса»* ёзганларнинг биринчиси эмас эди. Тарихда *«Хамса»* ёзганлар кўп бўлган, ҳатто маълум бир давр ижодкорлари орасида хамсачилик анъанага айланган, бироқ уларнинг ҳеч бири поэтик жиҳатдан Навоий даражасига кўтарила олмаган. Фақат «***буюк учлик***» ҳисобланган форсийгўй ҳинд шоири ***Ҳисрав Деҳлавий*** (1253-1325), улуғ тожик шоири ***Абдураҳмон Жомий*** (1414-1492) ва ***Алишер Навоий***гина (1441-1501) ***Низомий*** кўтарилган кенгликлардан ўрин эгаллашга мушарраф бўлганлари ҳақида илмий - тарихий манбаларда маълумотлар келтирилган.

Гёте ҳам ўзининг *«**Фауст**»* трагедияси билан Ғарбда шу юксакликка кўтарилди, дейиш мумкин. Фауст тимсоли билан боғлиқ ***сайёр сюжет***лар Ғарбий Европада ҳам кўпгина асарларга ғоя бўлиб, турли жанрда, мазмун ва шаклда асарлар яратилган. Аммо ҳеч бири Гётенинг «Фауст» трагедиясидек ғоя жиҳатидан бадиий бақувват асар ҳисобланмаган.

Гётенинг бадиий тафаккур олами уммон янглиғ тубсиз, уфқлар қадар чексиз – чегарасиздир. У фаннинг кўп йўналишлари бўйича: ***илоҳиёт, асотир, фалсафа, минералогия, ҳуқуқ, кимё, табобат*** билан шуғулланганини асарларидан билиб оламиз. Шу маънода, уни нафақат назм устаси балки қомусий файласуф олим ҳам дейиш лозим. Буни «***Фауст***» трагедиясининг «***Тун***» қисмида готик услубдаги томи қуббалик уйда асар қаҳрамони Фауст (Фауст тимсолида биз Гётени ўзини кўрамиз. Бу образ шоирнинг ички салбий ва ижобий эмоциялари билан тўйинтирилганини ҳис қиламиз – А. Р.)нинг миктобга қўйилган очиқ китобга кўз тикиб ўйчан, бедор ўтирган ҳолатидаги:

Илоҳиёт *ила банд бўлдим*
Фалсафада *хирадманд бўлдим*
Бўлдим яна ***адолатшунос,***
Ҳаким *бўлдим –* ***табобатшунос,***
(Эркин Воҳидов таржимаси)
каби мисраларидан билиб олса бўлади.

У бадиий асарнинг турли жанрларида (трагик, драматик ва поэтик) асарлар яратиб, Ваймар герцоги ***Карл Август***нинг ишончли дўсти сифатида, Навоийга

[1] Тимлар – расталар, дўконлар.

ўхшаб юртда адолат ва маърифатпарварлик каби умуминсоний ғояларини илгари сурган, уларни амалга оширган.

Ҳазрат Навоий ҳам ижодкор, ҳам кўп қиррали қомусий олим бўлган.

Мантиқ, фалсафа, риёзиёт, ***мусиқа, тил илми*** каби фанлар билан шуғулланган ва бу борада бир қанча илмий ишларни амалга оширган.

Гёте Амир Темурга бағишлаб шеър битади. Жомийни ***«форс классик поэзиясининг порлоқ юлдузи»*** дея мадҳ этади, аммо *Навоий*га муносабат билдирмайди. Бинобарин, биз Гёте Навоий асарларини ўқиганми, йўқми, деган саволга аниқ жавоб топа олмаймиз. Агар у Навоий ижоди билан таниш бўлганида, ул зотнинг шахси ёки асарлари ҳақида нимадир деган бўларди. Бу бизнинг ***биринчи*** *версиямиз*. ***Иккинчи*** *тахминимиз* шуки, узоқ йиллар Европада Ҳазрат Навоийга берилган салбий сифатлар Гётени ўйлантириб қўйган ҳам бўлиши эҳтимолдан йироқ эмас. Яна унинг олдида туркий тилнинг мураккаблиги масаласи ҳам кўндаланг турган. Ҳатто, Гёте *«девон»*[1]нинг *«Ишқнома»* қисмида, мумтоз адабиётдаги олти жуфт ошиқ: «*Рустам ва Рудабо, Юсуф ва Зулайҳо, Жамил ва Бутайна, Сулаймон ва қўнғир малика, Фарҳод ва Ширин, Мажнун ва Лайло»*[2] (бу қаторга еттинчи ошиқ - маъшуқ, *«Вомиқ ва Узро»* ҳам кирган – А. Р.) ларни ҳам тилга олади. Бу рўйхатда *«Фарҳод ва Ширин», «Мажнун ва Лайло»* ларнинг учраши, бизда Гёте Навоийдан таъсирланган деган умид учқунини уйғотмайди. Аксинча, «***Ғарбу Шарқ девони***» да унинг Низомий қаҳрамонлари ҳақидаги фикрларидан кейин «*Гёте ва Навоий»* ҳақидаги фикр мулоҳазаларимиз янада ойдинлашди ва катъийлашди.

Гёте ва Навоий ҳақида матбуотда чалкаш фикрлар учрайди. Чунончи, Шоҳиста Назарованинг ***«Мағрибда Машриқ ифори***» мақоласида: «Гёте Шарқ мумтоз адабиётининг фозиллари ибн Сино, Ҳайём, Низомий, Фирдавсийлар қаторида Навоий ижодидан ҳам етарлича баҳраманд бўлган» дейилган. Гарчи Навоий бу рўйхатдан жой олишга арзирли бўлса-да, Гёте илмий-ижодий фаолиятида бу фактни учратмадик. Бу муаллифнинг Гёте ҳасби ҳоли, бадиий ижодини чуқур ўрганмаганидан далолатдир. Ёки *«девон»*га кирган *«Низомий»* фаслидаги *«Мажнун билан Лайло», «Хусрав билан Ширин»* ҳақидаги фикрлар Ш. Назаровани, Низомий ва Навоий қаҳрамонларини ажрата олмай, чалғитган ҳам бўлиши мумкин. *Шарқ оламидаги... етти юлдуз қаторида Саъдий, Ҳофиз ва Навоийни санар экан, Гёте*: «***мен уларнинг соясига ҳам арзимайман***», фикрлари илмий тўплам ва академик нашрларда ҳам учрамоқда. Гёте «Шарҳлар» ида форс-тожик тилидан ўгирилган асарлар ҳақида фикр юритганини, туркий тил ҳақида бирор калима келтирмаганини, «***Ғарбу Шарқ девони***»ни ёзишда Ҳофиздан таъсирлангани маълум.

Савол туғилади. Нега Гёте Навоийдан ашъор мутолаа қилмадийкин?

«Девон»га *«**Ҳофизнома**», **«Темурнома», «Зулайҳонома»*** фасллари кирган. ***«Темурнома»***да Гёте *Наполеон* юришлари билан Амир Темур юришларида

[1] Гётенинг «Ғарбу Шарқ девони» назарда тутилмоқда – А. Р.

[2] Оригинал матнида *«Мажнун ва Лайло»* деб берилган – А. Р.

ҳайратланарли муштараклик кўради. Бу фаслга кирган «***Қиш ва Темур***» шеъри эътиборлидир.

Ўз даврининг дипломати – Амир Темур олиб борган сиёсат ва ислоҳотлар Ўрта Осиё, Эрон, Ҳиндистон ўлкаларининг давлат идораларига таъсир этган. Халқлар ўртасида маданиятлараро алоқа ўрнатган. Мадрасалар қурдирган. У ***ерда фикҳ, риёзиёт, илоҳиёт, мантиқ, аруз илми, араб тили*** каби дунёвий фанлар ўргатилган. Буларнинг бари Амир Темур буйруғи билан бўлган. ***Лутфий, Навоий, Бобур***ларнинг етишиб чиқишига темурийлар даври замин бўлган.

Бироқ, «***Қиш ва Темур***» шеърида *соҳибқирон* тимсоли фақат золим подшоҳ сифатида намоён бўлган, Гёте унинг ижобий сифатларини кўра олмаган. Балки унинг Темур ҳақидаги фикрлари кейинги авлодларга дастак бўлган бўлиши мумкин. Зеро, у кишиларни ўзига эргаштира оладиган маънавий куч қудратга эга ижодкор бўлган. «***Қиш ва Темур»***ни таржима ва қиёсий таҳлил қилиш эҳтиёжи бизга унинг ноаён қирраларини очишга ёрдам беради.

Навоий адабий мероси туркийгўй халқлар адабиёти тараққиётига самарали таъсир кўрсатди. Салафлар ижодига назира боғлаш урф бўлиб, буюк саркарда, ҳассос шоир ва шох Захириддин Муҳаммад Бобурдан тортиб то Машрабгача Навоий ижоди таъсирида ғазаллар, мухаммаслар битганлар.

Хуллас, Навоий ва Гёте масаласи фанимиз олдида жавоби йўқ жумбоқ бўлиб қолаверади. Наздимизда, ***«шакар лаб»*** унвонини олган Ҳофизни ўзига «***устоз»*** санаган Гёте, шу шеър тилини ***«ташлаб»*** эски ўзбек тилига ўтган Навоийни асл мақсадини тушунмаган бўлса керак. Аксарият немис туркийшунослари худди ана шу жиҳатга эътибор бериб қолишди. Бир тилни ***«ташлаб»*** иккинчисига ўтиш жараёнини бошқача талқин этишди. Гўёки Навоий форсийзабон шоирларнинг тақлидчиси, муқаллидлигини бекитиш мақсадида бошқа тилга ўтган эмиш. Бинобарин, туркий тилни ихтиёр этган Навоийнинг бемисл тафаккур оламини етарли даражада англашга ғарбликлар қодир эмас эдилар. Буни сабабини *А. Курелла* шундай изоҳлайди: «Шоир ижоди билан шуғулланган Европа ориенталистларининг асарлари 1841 йилдан пайдо бўла бошлади. Бу муаллифлар Алишерни **машҳур шахс** сифатида баҳоладилар, бироқ **буюк шоир** сифатида унга кам эътибор бердилар. Европада уни ўрганиш шарқшуносларнинг тор доирасида, туркий тиллар билан шуғулланувчи филологлар доираси билан чегараланиб қолган эди». Муаллиф Навоий замонида форс тили адабий тил сифатида тан олинганини таъкидлайди. Бунинг яна бир сабаби *Буюгимиз мўғил, хитой, араб, форс – тожик, уйғур* тиллардан фойдалангани, ҳатто ижодида туркий қавмлар лаҳжаларининг ҳам учрашидир.

«***Бобурнома***» Ғарб тилларига ўгирилганидан кейингина Европа мамлакатларида Навоий шахсиятига жиддий қизиқиш уйғонади. *А. Курелла* ***«Буюк шоирнинг қайта кашф этилиши»*** асарида таъкидлашича, Ғарб олимлари Навоийнинг давлат арбоби сифатидаги «***улкан тарихий хизматлари***»га астойдил қизиққанлар, ўша хизматларнинг ўзи Навоий номини абадиятга муҳрлашга етарли, деган хулосага келганлар. Бу янглиғ муносабат шоир ижоди камситилганини, унга етарли баҳо берилмаганини исботлайди.

«***Бобурнома***» мемуарида Навоий қаламига мансуб форсча ғазалларга пастроқ баҳо берилгани: «*Форсий назмда «Фоний» тахаллус қилибтур, баъзи абёти ёмон эмастур, вале аксар суст ва фурудтур»* каби фикрлар Германияда урчиб кетишига сабаб бўлгандир, эҳтимол. Негаки, ***«Шарқ Цезарининг хотиралари»*** деб таърифланган ***«Бобурнома»*** Ғарб ёзувчи шоирлари-ю, файласуфлари севиб ўқийдиган китоблар сирасига киради. Асар Европада қайта-қайта нашр этилган. Мемуар мутолааси воситасида улар Шарқ бадиий тафаккурини, темурийзодалар сулоласини, сулолага яқин кишилар дунёсини тушунишга ҳаракат қилганлар.

Мухтасар айтганда, биз алламолар фаолиятини кузатиб, ўхшашликлар, муштарак нуқталар топгандек бўлдик ва мавзуни шартли равишда ***«Навоий ва Гёте: ҳаётий муштарак нуқталар»*** деб белгиладик. Нега? Зеро, бу генетик жиҳатдан бир-биридан йироқдаги тил соҳибларининг табиати, феъл - атворидаги ўзига хос сифатлари, ташқи ўхшаш белгиларидир. Масалан, Навоий Атторнинг ***«Мантиқ ут тайр»*** идан таъсирланиб, ***«Лисон ут тайр»*** ни ёзган. Демак, Аттор билан Навоий ораларида руҳан яқинлик мавжуд. Бироқ Гёте ва Навоийда бундай белгилар йўқ. Лоақал бирор жойда уни номини ҳам тилга олмаган. Шундай экан, уларда тўғридан – тўғр адабий контакт ёки ўзаро ижодий таъсирланиш жараёни кечган, деб айтолмаймиз.

Атторнинг ***«Мантиқут тайр»*** достонидаги «***Неки мен дедим муҳаббатдан эди***» сатри Гётенинг «***Фақат севган дамларда ёздим***» мисрасини ёдга солади. Ўхшаш бу мисралар Европада филоориентализм ғоялари ривожланиб, Шарқ адабий-маданий доираларининг таъсири кучайган бир даврда, Гёте Аттор ижодидан хабардор бўлган бўлса керак, деган фикр уйғотиши табиий.

Бу икки буюк шахс ҳаёт йўлларининг бир нуқтада кесишадиган қирралари кўп бўлса-да, шахсий ҳаётда уларни ажратиб турадиган бир томон борки, у ҳам бўлса ***жуфти – ҳалоллик*** масаласидир. Навоий қалбида бу туйғу, бу гўзал изтироблар бир умр ҳукмронлик қилган бўлсада, у доим ёлғиз яшаган. Гёте севган аёллар эса кўп бўлиб, (*Фридрика, Лилия, Шарлотта, Кристиана, Минна, Марианна, Улрика...)* Немис шоири уларга асарлар бағишлаган – А. Р.), улар гётешунослар томонидан жаҳон адабиётшунослигида алоҳида мавзу сифатида ўрганилган. Инчунун, Навоий соҳибжамол аёл шахсиятини кузатаркан, қуйидаги байтларни битади:

Ишқ бирла гар бирав лофи вафоу аҳд урар,
Ишвагарлар аҳдиға йўқ эътибор, эй дўстлар.
Айламанг бекаслигимни таън, бир кун бор эди
Менда ҳам бир нозанин чобуксувор, эй дўстлар

Замондошларининг хотирлашича, Навоий кучли муҳаббат дардига мубтало бўлган. Аммо қандайдир сабаблар туфайли севгилисига эриша олмаган. Илоҳий ишқ соҳиби Навоий ***Гулини*** деб, танҳо яшаб ўтгани ҳақида З. М. Бобур «Бобурнома»да ёзади: «Ўғул ва қиз ва аҳлу аёл йўқ, оламни тавре фард ва жарийда ўткарди» [1, 233] Бироқ, ишқ изтироблари борасида ҳеч нима ёзмайди.

Шу боис бўлса керак, шоир қайси мавзуда ёзмасин, ёниқ муҳаббатининг тафти асарларига сингиб кетган:

Менга ёр бўлмади ўшал париваш,
Ундан шод ўлмади бу дили ғамкаш.
Усиз бирор бир тинч нафас олмадим.
Усиз ҳар нафасим оташдир, оташ

Гёте, унинг издошлари экзистенциалист[1] ёзувчилар ҳам, барча нарсалардан, инсон руҳий кечинмаларини, руҳият масаласини, устун қўйиб келишган. Бу янглиғ мўъжизалар Навоий ижодида исталганча топилади. Навоийни ўқисангиз, немис файласуфи ***Ф. Ницше,*** «*Қаср*», «*Жараён*», «*Отамга мактублар*», «*Қишлоқ табиби*» асарлари муаллифи ***Ф. Кафка,*** «*Бегона*» қиссаси муаллифи ***А. Камью***лар қаламига мансуб ҳайратбахш мулоҳазаларни ўзбек шоири бир неча асрлар муқаддам айтиб қўйганига гувоҳ бўласиз. Инчунун, Навоий ўша замонлардаёқ умуминсоний ғоя «***исён***» масаласига алоҳида урғу берган эди. Яъни:

Мазмуни:
*Қилибмен анча **исёнким,** агар **дўзах** аро кирсам,*
*Менинг беҳад гуноҳим бирла **дўзах** сарбасар бўлғай*
Худоё, авф осонроқдурур, йўқса, ғазаб қилсанг,
*Магарким ўзга **дўзах,** ўзга **ўт,** ўзга **азоб** ўлғай.*
*Худога қарши кўп **исён** қилдим.Агар Худо мени **дўзах**га туширса,*
*беҳад гуноҳларим билан **дўзах**ни ҳам остин – устин қилиб юбораман.*
Эй, Худо, шунинг учун мени кечириб қўяқол. Агар ғазаб қилсанг,
*мени учун бошқа **дўзах,** бошқача **олов**, бошқача **азоб** ўйлаб*
топишингга тўғри келади.

Навоий, бу дунё бошқача алпозда яратилмоғи даркор эди, қабилидаги фикрда бўлади ва ўша ҳолатни «***исён***» сифатида баҳолайди. Инсоннинг ***исёнлари*** бир жиҳат, Оллоҳнинг бандаларига авфи-карами, қаҳри бир жиҳат бўлса-да, биз мисралардан гуноҳкор исёнкорнинг Оллоҳдан умидворлигини ҳис қиламиз. Агар Оллоҳ уни авф этса, у «***дўзах, ўт, азоб»*** лардан фориғ бўлиши мумкин бўлган фалсафий фикрни баён қилади. Навоий *«**дўзах, ўт, азоб**»* образларини пала-партиш ишлатмайди. У ***дўзах*** бор жойда ***ўт*** бор, ***ўт*** бор жойда ***азоб*** бор, қабилидаги маънони илгари суради.

Хуллас, «Навоий ва Гёте: ҳаётий муштарак нуқталар» мавзуи кузатувимиз дебочасидир. Келажакда мавзуни янада чуқурлаштириш ниятидамиз.

Литература

1. Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли луғати : 4 жилдлик. – 4 жилд. – Т. : Фан, 1985. – Б. 33.
2. Бобур Захириддин Муҳаммад. Бобурнома. Т. : Фан, 1960. – Б. 233.

[1] *Экзистенциалист* – барча билимлар асосида иккиланиш, умид, қўрқув каби ҳис- туйғулар турадиган фалсафий назария.

3. Гёте Й. В. Ғарбу Шарқ девони / олмончадан С. Салим таржимаси. – Т. : Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси, 2010. – Б. 4.
4. Каримов Б. Жадид мунаққиди Вадуд Маҳмуд. – Т. : Университет, 2000. – Б. 76.
5. Назарова Шоҳиста. Мағрибда машриқ ифори. – Туркистон газ, 2007.
6. Сўзни малҳам деб билган даҳо // Ёшлик журнали. – 1988. – 2 сон. – Б. 3.
7. Ўзбек тили ва адабиёти журн. – 1977. – Б. 70-7.
8. Goethe J. W. West – östlicher Divan :Achte erweiterte Auflage. – Frankfurt am Main, 1988. – S. 63-64.
9. Kurella Alfred. Die Wiederentdeckung des grossen Dichters : Aus: Wofür haben wir gekämpft? Beiträge zur Kultur und Zeitgeschichte. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1975. – S. 265-285.
10. Kurella Alfred. Wofür haben wir gekämpft? : Beiträge zur Kultur und Zeitgeschichte. – Berlin : Aufbau-Verlag, 1975. – S. 265-285.
11. Mīrʿ Alīšīr Nawāī : Akten des Symposiums aus Anlass des 560. Geburtstages und des 500. Jahres des Todes von Mīrʿ Alīšīr Nawāī am 23. April 2001. – Würzburg, 2003.

© **Абдуллаева Р.,** 2020

М. И. Абдурахманова,
студентка ФерГу, г. Фергана (Узбекистан)

РОЛЬ БАБУРА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИЕЙ. МОНГОЛИЗМЫ В «БАБУР-НАМЕ»

Прямой потомок Тамерлана, основатель империи Великих Моголов в Индии – Бабур, практически всю жизнь проведший на полях схваток, основную часть своих записок посвятил описанию военных экспедиций.

Высоко одаренный, разносторонне талантливый автор дает меткое описание политического, административного устройства не только своей родной Ферганы, но и других областей Средней Азии, уделяет огромное внимание описанию природы, флоры и фауны, приводит топонимику и дает географическое описание завоеванных им областей и этимологию многих исторических терминов того времени.

Записки Бабура хронологически охватывают события периода 1494-1528 гг. Его записки разделены на три части: «Фергана», «Кабул» и «Хиндустан». Из них по содержанию монголизмов отличается первая часть. Это разъясняется тем, что Фергана собственно входила в состав Чагатайского улуса и тем, что основная часть моголов Моголистана в начале XV века перебралась в Фергану. [1, 15-16]

Монголизмы и исторические определения в «Бабур-наме» условно можно разделить на 5 групп. В первую группу можно включить названия монгольских родов и племен (аймаков).

В записках упоминаются наименования таких монгольских родов и аймаков, как джалайр, барлас, каучин, орлат, которые были переданы в удел Чагатай-хану в составе 4 тысяч воинов и переведены в Среднюю Азию, после чего они вошли в основной состав моголов Моголистана [1, 153]. Хотя эти роды и аймаки ко времени Бабура в течение двух веков были уже ассимилированы в тюркской среде, но в XV-XVI вв. они все еще сохраняли некоторые элементы родной культуры.

Джалайры, барласы, барины считаются монгольскими родами и аймаками, названия которых перечислены в «Сокровенном сказании монголов». Если в «Сокровенном сказании» они приведены в сочетании с именами собственными: Баарин Усун убугун, Жалайр Бала нойон [3, § 216] и т. д., то точно в таком же порядке они приводятся и в «Бабур-наме»: Шейх Абдаллах Барлас [1, 29], Джунанд Барлас [1, 85], Сейид Касим ишиг-ага Джалаир [1, 55, 78, 89], Тулун Хожа Барин [1, 39, 52] и др. Из этих родов и амайков в «Сокровенном сказании» приведен рассказ о происхождении рода баарин. Согласно нему, род баарин происходит от сына Бодончара – Бааридая [3, § 41].

В записках Бабура многократно упоминаются имена людей из рода Каучин: Али Мазид Каучин [1, 13, 14, 55], Касим бек Каучин [1, 14, 16, 18], Мир Шах Каучин [1, 40, 55] и др. Происхождение слова «каучин» восходит к монгольскому слову «хуучин» (хаучин), что означает «старый, древний». Это

самое первое упоминание данного монгольского аймака. В монгольских же исторических источниках он приводится в связи с событиями лишь XVII в. Хуучины входили не только в состав восточных монголов, однако, согласно некоторым данным, в XVII – в первой половине XVIII в. они были в составе Ойратов.

В записках Бабура приводятся также названия ещё двух иных монгольских родов – Чарас и Бекчик, которые сражались между собой за право бороться на правом и левом флангах боевого строя [1, 6]. Упомянутый здесь род Чарас, возможно, восходит к ойратскому аристократическому роду Чорос, часть которого откололась и вошла в состав моголов, из-за чего его название несколько менялось в «чарас».

В другую категорию монголизмов «Бабур- наме» входят те определения и понятия, которые сам Бабур считает монгольскими. В качестве примера можно привести следующее. Младший брат Султан Махмуд-хана – Султан Ахмед-хан, дядя Бабура, прославился под именем Алача-хан. По этому поводу в записках выделено: «Говорят, будто причина, почему его назвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют «алачи», а так как Султан Ахмед-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли алачи, от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» [1, 11].

Возможно, в этом случае слово *Алача* действительно происходит от монгольского корня *ал* и формирует слово *алаачи*, т. е. убийца.

Бабур считает, что слово *Карши* является монгольским словом. В соответствии с этим: «“Карши” – могольское название, *кладбище* на могольском языке будет *карши*. Возможно, подобное название появилось уже после завоевания [Мавераннахра] Чингисханом» [1, 47]. В историографии Чагатайского улуса принято считать, что слово *Карши* восходит к монгольскому слову *харши*, что означает *дворец*.

В третью группу монголизмов в «Бабур- наме» входят административно-правовые и военные термины. Следует отметить, что данная категория терминов получила обширное продвижение у народов Евразии.

Люди в Средней Азии в составе Монгольской империи входили в структуру военно-управленческой концепции монголов, по этой же причине и в XV–XVI вв. они сохраняли и использовали административно-правовые и военные термины монгольской периода. В записках Бабура широко использованы понятия *туман* и *орчин* [1, 21, 49, 100–104].

Слово *туман* произошло от числительного *тум* – 10 тысяч, т. е. *тьма*, а слово *орчин* означает «округа, вокруг». Оба термина означают военно-административные единицы Монгольской империи. В Чагатайском улусе административное преобразование было осуществлено прямым потомком Чагатая – Кебек-ханом (1318–1326) [5, 61]. Согласно запискам Бабура, можно выяснить географию распространения данного термина в его время: «Орчин Хунака» [1, 21-122], «туман Сагаричи» [1, 20], «туман Шавдар» [1, 64], «туман Барин» [1, 78], «туман Нарин» [1, 128] и др.

Уран – это монгольское слово, что означает «вперёд, призыв» (урагшаа, уриа). По мнению российского исследователя Т. А. Бертагаева, *уран* происходит от монгольского слова *урагшаа*, а *ура* у средневековых монголов был племенным *ураном* [2, 175].

Бабур в своих записках пишет о тактике ведения боя у узбеков. Таким образом, например, в каждой битве узбеки применяли стратегию *тулгама*, сущность которой сближалась к внезапному нападению спереди и сзади на врага. «Они нападали спереди и сзади, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков – та самая "тулгама"» [1, 106]. По общему суждению, понятие *тулгама*, вероятно, имеет монгольское происхождение. Слово *тулгама* на монгольском языке значит «внезапность». По этой причине оно по смыслу совпадает с узбекской тактикой внезапного нападения на врага.

Следует отметить, что практически все эти определения без исключения в период Бабура применялись в собственном изначальном значении.

Тархан (дархан) считается своеобразным общественным институтом средневековой Монголии. Впервые Чингисхан возвёл в тарханы своих нукеров, которые сражались вместе с ним за формирование государства, и они пользовались такими преимуществами, как свободный прием с ханом, присваивание военной добычи, а также помилование 9 проступков. Институт тарханства был распространён в государствах, входивших в состав Монгольской империи.

Бахадур. По мнению Т. А. Бертагаева, *багатур* – «это смельчак, отличившийся в бою» [2, 175]. В «Бабур-наме» этот термин употреблен в этом же смысле: Шейх Али бахадур [1, 12], Мухаммед Хумаюн бахадур [1, 320]. В этом случае бахадур выступает в качестве звания.

Даруга. Во времена Монгольской империи в населенных пунктах завоеванных стран монголы определяли «даругу» в качестве наместников. В соответствии с «Записками», этот пост существовал в быте Средней Азии в XV–XVI вв. и использовался в исконном смысле. «Эта крепость является местопребыванием Яр-яйлакского даруги» [1, 70], «Едет Юсуф-даруга» [1, 137], «Даруга Санг-Зара сделал крепость» [1, 94].

Гурган. Согласно суждению монгольского историка Д. Гонгора, «в XII – начале XIII в. существовала прослойка знатных людей под названием «гурган». Борджигины, как правило, состояли в брачных отношениях с представительницами других знатных родов. Поэтому появилась аристократическая группа людей, которая пользовалась этими брачными связями в своих политических интересах». После падения Монгольской империи в Средней Азии относительно долго продолжала существовать группа лиц под этим названием, заключавшаяся в супружеских отношениях с представительницами рода Чагатай-хана. В имени «Мухаммед Хусейн Гургана» [1, 21] из «Бабур-наме» слово «гурган», вероятно, значит «зять». Важно отметить, что предшественник Бабура Тамерлан гордился своим титулом «Эмир гурган» – «эмир-зять», который стал носить после женитьбы на Мульк Ханум Султан – дочери Казан-хана, прямого потомка Чагатай-хана.

Ям (дзам). При благоустройстве своей страны Бабур первоначальным делом издал указ об учреждении ямской службы. «Учредить через каждые 18 курухов (36 км.) *ямы* с 6 конями» [1, 351]. По смыслу данного предложения можно выяснить, что речь идёт именно о конно-почтовых ямах. Как пишет Т. А. Бертагаев, слово *ям* происходит от монгольского слова *дзам* (дорога) [2, 175].

В наименованиях флоры и фауны в «Бабур-наме» встречаются определения, которые, скорее всего, имеют монгольские истоки. Например, *теке* [1, 441] (монг. *техи*) – горный козёл; кулан [1, 142] (монг. *хулан*) – дикая лошадь светлой масти; *буте* [1, 140] (монг. *бут*) – куст, кустарник; *табулгу* [1, 15] (монг. *тавилга*) – порода дерева.

Кроме этого, в записках встречается метрический термин *аргамчи* [1, 348]. Аргамчи (аргамжи) – на монгольском означает «кожаный ремень длиной в 10–15 м». А на нынешнем узбекском языке это понятие означает «прыгалки», т. е. своего рода игра для детей. Также здесь наблюдается схожесть понятий.

Таким образом, было бы ошибкой утверждать, что все без исключения рассмотренные выше монголизмы были унаследованы от Монгольской империи. Вероятно, во времена Монгольской империи в Средней Азии были распространены в основном военно-административные термины и этнонимы, а прочие монголизмы были взяты в предшествующие эпохи. Помимо этого, монгольский и тюркский языки принадлежат к одной языковой системе, поэтому в обоих языках есть идентичные слова с одним тем же смыслом. И утверждать их монгольскими было бы ошибкой.

Литература

1. Бабур, З. М. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Ташкент, 1958.
2. Бертагаев Т. А. Монголизмы в русском языке // Studia mongolica. – T. I. Fasc. 9. – Улан-Батор, 1973.
3. Монголын нууц товчоо. – Улаанбаатар, 2006.
4. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т. I. Кн. 1. – М. ; Л., 1952.
5. Энхчимэг Ц. Монголын Цагадайн улс [= Монгольский Чагатайский улус]. – Улаанбаатар, 2006.

© **Абдурахманова М. И.**, 2020

Я. И. Авлакулов,
к. ф. н., доц. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЭПОХИ БАБУРИДОВ

Эпоха Бабуридов сыграла важную роль в культуре народов Центральной Азии. Именно в эпоху Бабуридов наблюдается высокое развитие науки и культуры в их различных аспектах и направлениях. Стоит особо отметить вклад в этот процесс государственного деятеля и поэта Захириддина Мухаммада Бабура. Он был не только искусным полководцем и государственным деятелем, великим литератором, историком, но и музыковедом. Его глубокие знания по музыке находят свое отражение в описаниях известных в то время музыкальных инструментов, таких как *танбур, уд, кобыз, гиджак, чанг, канун, рубаб, табл, накора* и в их использовании, а также в музыкальных жанрах *амал, иш, кор, пешрав, савт, накш, тарона*.

В известном произведении Бабура «Бабур-наме» приведены сведения об уде, кануне, чанге, танбуре, рубабе, *кобыз*е и других музыкальных инструментах, которые сегодня являются узбекскими национальными музыкальными инструментами. Бабур пишет о 38 музыкантах и людях, связанных с искусством.

В «Бабур-наме» при описании города Андижана поэт приводит следующие слова: «*Элининг орасида ҳусни хейли бордур. Хожа Юсуфким мусиқада машҳурдур, Андижонийдур*» [1, 35].

В этом предложении понятно использование слова *мусиқа* (музыка), однако не совсем понятна связь красоты с музыкой или музыки с красотой. В одном из словарей значение слова *ҳусн,* точнее *ҳусни савт,* трактуется как «сладкий голос»: т. е. хусн – красота и изящность, добро и благодеяние, следовательно, савт – это мелодия, звучание. В целом, *ҳусни хейли* означает «утонченный народ, народ искусства». Таким образом, предложение можно перевести следующим образом: «В народе много приверженцев искусства. Юсуф Хожа – известный музыкант, он – андижанец». Интересные факты об этом сладкоголосом певце приведены в антологии Давлатшаха Самарканди (1435–1495) «Тазкират уш-шуаро». Как пишет Давлатшах, «Хожа Юсуф Андижони был бесподобным певцом и музыкантом», он получил высокое признание народа во времена правления Бойсунгура мирзо (1397–1433). Брат Бойсунгура мирзо – правитель Персии Иброхим Султон (1394–1435) – неоднократно посылал письмо с просьбой прислать Хожа Юсуфа в Шираз. Однако все его просьбы были отклонены, даже крупное вознаграждение в сто тысяч динаров не помогли переманить известного музыканта.

Иброхим Султон и Бойсунгур Мирзо являлись сыновьями султана Шохруха Мирзо (1377–1447). Бойсунгур Мирзо был правителем Хорасана, который входил во владения его отца, Шохруха Мирзо. Юсуф Амири дал высокую оценку правлению Бойсунгура Мирзо в произведении, посвященном

правителю Хорасана, «Дахнома». О нем также лестно отзывается и Алишер Навои в книге «Изящные меджлисы». Как пишет Давлатшах, народ с любовью слушал песни «Довудий» и «Хусравоний» в исполнении Хожа Юсуфа. Мелодии «Довудий» и «Хусравоний» появились во времена правления Сасанидов (224–651) и, совершенствуясь на протяжении веков, стали любимыми у певцов. Для исполнения песни «Довудий» требовался высокий и приятный тенор, как у Давида (пророка), в связи с чем эта мелодия стала называться «Довудий». Мелодия песни «Довудий» и сама песня в основном исполнялись в траурные часы: мелодия полна скорбных нот, в ней превалируют горечь и страдания. Мелодия «Довудий» представляет собой одно из ответвлений «Ушшоқ» двенадцати макомов, а «Хусравоний» является циклом мелодий, который написан Борбадом Марвази (585–628) для Хусрава Парвиза (умер в 628 г.). Текст для «Хусравоний» был выбран из книги «Яшт» «Авесты» в период правления Сасанидов.

«Хусравоний» считается началом традиции исполнения макомов. Он охватывает семь крупных самостоятельных мелодий. В свою очередь, эти семь крупных мелодий делятся на несколько частей, которые также разбиваются на более мелкие. Имя Юсуфа Андижони Алишер Навои упоминает в «Сердцах возлюбленных». Когда Бабур был в Герате, он почерпнул много сведений о придворных музыкантах и певцах Хусейна Бойкаро (1438–1506), которые вошли в его мемуары. Эти факты очень важны для изучения истории узбекского музыкального искусства в его упорядочении. Бабур пишет о том, что Навои занимался музыкой и писал мелодии: «Он написал хорошую музыку. У него есть хорошие [жанры] накш и пешрав» [1, 132].

Несомненно, появление нового направления мелодии «Исфаҳоний» связано с именем Навои. Общеизвестно, что музыке Навои учится у Хожа Юсуфа Бурхона. Рассуждая о развитии музыкального искусства в Герате, Бабур восторженно пишет о заслугах Бинаи (1453–1512) в области музыки. Бабур и Бинаи встречаются в 1500 г. в Самарканде, где Бинаи исполняет мелодию направления «Наво», посвящая её Бабуру: «Он написал одну мелодию в направлении наво». [1, 167] В «Бабур-наме» утверждается, что отец Бинаи Мухаммад Сабз был строителем, поэтому сын выбрал именно такой псевдоним. Как утверждает Бабур, Бинаи был не только хорошим поэтом, но и талантливым композитором. Под его авторством создано девять новых мелодий в направлении «Рост». Все указанные творения Бинаи были высоко оценены лично Навои.

Бабур особо отмечает заслуги следующих музыкантов и исполнителей: Хожа Абдулло Марвори, который виртуозно играет на кануне, Кулмухаммада Уди, великолепного мастера-исполнителя на уде и гиджаке, Шайхи Нойи, талантливого мастера-исполнителя на нае, гиджаке, уде, Шохкули, мастерски владеющего гиджаком, Хусайна Уди – одаренного мастера-исполнителя на уде. Кроме них, приводятся имена Гулома Шоди, Мир Азу, Пахлавона Мухаммада, Бабур также высоко оценивает искусство сладкоголосого Хофиза Хожи, мастера ная Джалолиддина Махмуда, Шоди, играющего на музыкальном инструменте *чанг*. Сравнивая исполнителей Герата и Самарканда, Бабур указывает на их

индивидуальность, подчеркивая, что певцы Герата владеют нежным и сладким голосом, а самаркандские певцы – высоким тенором.

Постоянно поощряя музыкантов, способствуя их творческому росту и совершенствованию, Бабур в то же время критически осмысливал их искусство, детально анализировал и давал объективную оценку их творчеству. «Шайхи Нойи, – подчеркивал Бабур, – хорошо играл на уде и гиджаке. С десяти-двенадцати лет хорошо овладел музыкальным инструментом най. Однажды во время встречи с Бадиъуззамоном Мирзо он отлично исполнил мелодию на нае. А музыкант Кулмухаммад не смог исполнить её на гиджаке. Он сказал, что гиджак – это не универсальный музыкальный инструмент. Шайхи уверенно взял гиджак из рук Кулмухаммада и мастерски и без ошибок исполнил эту же мелодию. О Шайхи рассказывают следующее: он настолько оперативно откликался на мелодии, что, услышав какую-либо музыку, сразу же говорил, какая нота и какая мелодия близка к ней» [1, 171].

В «Бабур-наме» людей искусства Бабур передает под следующими терминами: *наѓма аҳли* или *аҳли наѓма* (музыканты), *аҳли соз* (играющие на музыкальных инструментах), иногда *аҳли зарофат* (народ изящества) и *беназир эл* (бесподобные люди). Музыкальные произведения обозначает поэт словами *савт* (голос, мелодия), *амал* (исполнение), *наки* (песня, мелодия), *пешрав* (передовой, высокий) и *ранг* (орнамент, украшенный).

Бабур любил музыку, хорошо знал все тонкости музыкального искусства, что четко прослеживается и в его стихах:

Мажлис ичра чанг бирла тортиб овоз, эй пари,
Сабру ҳушим жузву авроқини барбод айлагил.
(*Эй, пери, сведи меня с ума, играя на чанге, и голосом своим*)

Эта газель посвящена девушке, играющей на музыкальном инструменте чанг. В ней приводится имя легендарного исполнителя Барбода (Борбада). Такие бейты встречаются и в других газелях, рубаи и фардах Бабура. В источниках имя Бабура приводится в качестве автора одного из напевов *чоргох*. Кроме того, имеются сведения о том, что он написал трактат, посвященный музыке – «Мусиқий илми». В других источниках содержится информация о том, что Бабур является автором произведения «Асрори мусикий».

Бабур жил в золотой век музыкального искусства Центральной Азии – во второй половине XV – начале XVI в. Поэтому в «Бабур-наме» с мотивами социальной жизни того периода перекликались сведения из сферы музыкального искусства. Приведенный в мемуарах Бабура материал о музыкальном искусстве и музыкантах можно классифицировать следующим образом: 1) музыкальная среда; 2) музыканты; 3) музыкальные термины; 4) жанры музыки; 5) музыкальные инструменты.

К основным факторам развития музыкального искусства в ту эпоху следует отнести проведение музыкальных вечеров и пиров в резиденциях правителей и влиятельных лиц. Организаторы и участники подобных грандиозных мероприятий проходили специальную подготовку. Был сформирован определенный свод правил, которые требовалось соблюдать во

время таких вечеров. Как утверждалось в трактате Нажмиддина Кавкаби «Рисолайи мусиқий», если участниками вечеров являются представители духовенства, то в них превалирует дидактический дух, а если организаторами являются правители, в них господствует дух справедливости, отваги и щедрости.

Ценные сведения в этом плане можно получить из книги Бабура «Бабур-наме». Вот что пишет Бабур о встрече, организованной Бадиъуззамоном Мирзо в честь Бабура: «На вечере из музыкантов присутствовали Хофиз Хожи, Жалолиддин Махмуд Нойи, младший брат Гулома Шоди – Шодийбача. Брат Гулома Шоди – Шодийбача играл на чанге. Хофиз Хожи отлично пел. Гератцы поют низким и нежным голосом. У Жахонгира Мирзо был певец по имени Миржон, который родом был из Самарканда. Так вот, он пел высоким, грубым и неравномерным голосом. Опьяненный Жахонгир Мирзо велел Миржону исполнить песню. Тот исполнил песню странным, высоким и неприятным голосом...» [1, 190].

В «Бабур-наме» встречаются музыкальные термины *нағма*, *куй* и *соз*. Примечательно, что автор отличает композиторство от исполнительства: И ещё был Мир Азу, – пишет Бабур, – он не играл на музыкальном инструменте, однако был хорошим композитором. Несмотря на то, что у него было немного произведений, но все они достойны множества похвал» [1, 182]. На основании сведений из «Бабур-наме» можно заключить, что в ту эпоху музыкальное исполнение, исполнение песен и композиторство были уже сформированы как самостоятельные отдельные профессии.

В «Бабур-наме» приводятся данные о музыкальных жанрах и формах: *амал, иш, кор, пешрав, савт, накш, тарона* и др. Размышления Бабура в этой области свидетельствуют о его глубоких познаниях в музыке. Амал – эталонный вид цельного произведения, основанного на системе тонов и ритма. В этом значении одинаково использовались персидский термин *кор* и тюркское слово *иш*. Упрощенный вид *амал* называли *савт* (песня, мелодия). Одну из разновидностей *савт* называли *накш*. Если сравнить сведения в «Бабур-наме» и трактаты по музыке, созданные в ту эпоху (например, произведения его современника бухарца Мавлоно Кавкаби), то можно удостовериться в том, что в научно-теоретическом плане они практически не отличаются. Поэтому можно заключить, что Бабур был одним из величайших знатоков музыки своего времени.

В произведениях Бабура также содержится материал о широко распространенном среди народов Востока искусстве «маком». Слово *маком* он употребляет в двух значениях: 1) место, статус, уровень, обстоятельство: «В это время Иброхим Сору вошел в замок Исфара, велел читать хутба на имя Бойсункура Мирзо и был оппозиционером» [1, 30]; 2) разновидность мелодии.

В поэзии Бабура это слово встречается, как отмечалось, в обоих значениях. Например:

Бобур, ул гул кўйида булбул киби топдинг мақом,
Бир навое «Рост» қил мундоқ мақоминг борида.

(*Бабур от любви к тому цветку нашел себе пристанище, словно соловей, сыграй мелодию «Рост», пока есть голос)*

Бабур обращается и к лирическому жанру, состоящему из рифмованных двустиший – *месневи*. В одном из его месневи приведены 12 макомов: Сафахон, Наво, Бузург, Ирок, Рохави, Рост, Зангула, Ушшок, Зерафганд, Бусалик, Ҳусайний, Хижоз – и 6 видов макомов: Моя, Навруз, Салмак, Гардония, Гувошти, Шахноз.

Как известно, в узбекском устном народном творчестве важную роль играет поэзия. Поэтические произведения, в отличие от образцов классической литературы, написаны, согласно силлабическому размеру, свойственному узбекскому языку, т. е. в целом тюркским языкам. Бабур проанализировал следующие виды народных песен:

1. Песня аргуштак (оргуштак). Это песня, которую исполняли в связке с притоптывающими танцами. Вот как описывает её Бабур в трактате «Аруз»: «Эта песня близка к широко распространенному в тюркской поэзии метрическому размеру – рамали мусаммани махзуф. При исполнении песни оргуштак учитывали эту мелодию» [3, 132].

2. Песня кушик. Это народная песня, исполняемая под музыку. В произведении Алишера Навои «Весы размеров» приведены ценные сведения о данном виде народной песни. Навои пишет, что одна стопа песни исполняется в рамале, а другая – в махзуф, её основателем является Султон Хусайн. В качестве примера Бабур приводит следующий бейт:

Келгил, эй ороми жон, неча тортай интизор,

Қилди хажринг нотавон, қилди шавқинг беқарор. [3, 132]

(О, красавица, сколько же мне страдать из-за тебя, разлука с тобой обездолила меня, и потерял я покой)

3. Песня туркий. Это узбекская народная песня, соответствующая метрическому размеру *рамали мусаммани махзуф*. Вот как толкует её Бабур в трактате «Аруз»: «Во времена Султона Хусайна Мирзо появился ещё один вид песни. Тюрки посчитали, что ему тоже соответствует данный размер» [3, 132].

4. Песня уланг. Это народная песня из двух бейтов. В трактате «Аруз» Бабур пишет, что эту песню исполняют на свадьбах, добавляя в конце строки «ёр-ёр». В книге приведен следующий образец песни:

Қайси чамандан эсиб келди сабо, ёр-ёр,

Ким дамидин тушти ўт жоним аро, ёр-ёр. [2, 157]

(Из какого цветника веет, ёр-ёр, чье дыхание разыграло огонь в сердце моём, ёр-ёр?)

В целом, Захириддин Мухаммад Бабур в своих произведениях, например, в мемуарах «Бабур-наме», приводит ценные сведения о музыкальном искусстве. Являясь большим любителем искусства, в частности, музыки, Бабур раскрывает своеобразные особенности этого вида искусства и знакомит с его яркими представителями. Приведенные в его трудах ценные сведения о музыкальных жанрах, видах, музыкальных инструментах очень важны для исследователей

музыки. В то же время многие использованные в книге музыкальные термины требуют углубленного изучения в аспекте лингвистики.

Литература

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т., 2002.
2. Заҳириддин Муҳаммад Бобур энциклопедияси. – Т., 2017.
3. Хасанов С. Бобурнинг «Аруз рисоласи» асари. – Т., 1981.

© **Авлакулов Я. И.,** 2020

И. Адизова (Iqboloy Adizova),
к. ф. н., доц. ТашГУУЯЛ им. А. Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

Аннотация: Статья посвящена поэтическим навыкам Бабура. Анализируя его жизнь, творчество и философские мысли, автор выражает уверенность, что Бабур уникален и велик в своем мужестве, честности не только как художник, но и как личность. По словам доцента И. Адизовой, перед нами образ человека, вкусившего «горькое вино лишений, но одержавшего многочисленные победы». Бабур был способен встретить все испытания с честностью и достоинством, и эти уникальные чувства поэта глубоко запечатлены в его творчестве.

В статье отмечается, что поэзия Бабура – это поэзия боли: в произведениях Захириддина Мухаммада Бабура слышен своеобразный стон, который потрясает сердце читателя, уводя его в безграничные глубины романтических чувств. Это чувство исходит, прежде всего, из восприятия поэтом взаимоотношений человека и природы. С этим же связана одна из особенностей стиля Бабура – икусство использования глубоких смысловых параллелей.

POETRY SKILLS OF ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BABUR

The poet's motherland is his mother tongue. Zahiriddin Muhammad Babur is one of the poets who lived his life in the words. The sense of Motherland in her heart is in common with the Uzbek language. The poet himself acknowledged this:

«Har vaqtki, ko'rgasen mening so'zumni,
So'zumni o'qub, anglag'aysen o'zumni» [1, 188].

(Translation: Every time you see my word, comprehending my word, you understand me)

Poetry is the product of suffering. It is the pain of the poet, the people, the nation, the motherland. Observing the poetry of Zahiriddin Muhammad Babur we can see how true this view is. Because Babur's poetry is a painful poetry. We see in him a picture of a great deal of pain and suffering. The poet's pain seems to be a personal emotion. But he is no stranger to a reader. Expression of emotion in such a clear and powerful, universal way is the result of great poet's skill and greatness. This is closely linked to the ability to sing the true feelings and deeply understand the national spirit and pain of the nation.

In the poetry of Zahiriddin Muhammad Babur, there is a peculiar groan that shakes the heart of the reader, leading him to the boundless depths of romantic feelings. It comes primarily from the poet's perception of the relationship between man and nature.

The art of using deep meaning parallels is one of the features of the Babur style. He portrays man and nature in parallel. He cannot imagine them apart. Human cases of balance, with the experience of nature, natural phenomena and manifestations of the human image and his inner sees:

«To uzildi ko'nglum ul oy qaddidin afsurdadur,

Kim, uzulgay g'uncha gulning shoxidin pajmurdadur»[1] [1, 112].

The heart that has lost the yoke is the stalks of the horn. This analogy tells us many experiences. The life of the stalks removed from the horns ends and withers. It is the source of life, the source of life, and its soul – the branches. The reader can easily imagine this. Therefore, the poet compares the loss of the soul to that of the soul. This analogy serves as a unique key to both the description and the perception of the lyric hero.

Babur's use of the wording in the verses has also been evident. The meaning of the soul is similar to that of the bud. The poet expresses his sadness and sorrow, referring to his redness and tenderness. The parallels of the heart are buds, the moon is full of flowers, and the horns are not the same. In the poems of Babur, the art of rhyming choice requires a separate study. In particular, his ghost is evident in this ghazal, and in particular byte. The words «afsur» and «pajmurda» are synonyms. Although different in form, they both give similar meanings as «withered, withered». But they also take into account the subtlety of the meaning. The crunching of the bud when it is dry is based on the use of the word «pajmur» - meaning «affection». It allows for emphasis on balance and mood in the bud and heart.

He does not bring nature scenery alone to decorate his works. It also includes deep psychological analysis. This is an important tool in revealing the character of Babur's lyric hero. In particular, we can see this in the following byte analysis:

«Mening ko'nglumki gulning g'unchasidek tah-batah qondur,
Agar yuz ming bahor o'lsa ochilmog'i ne imkondur» [1, 121].

(«My heart is as blossom as a flower bud, What is the probability that one hundred thousand spring will die?»)

Or:

«G'unchadek ko'nglum mening gulzor mayli qilmag'ay,
G'am bila butgan ko'ngul gulgasht ila ochilmag'ay».

(«My heart does not make me as a bud; The sad heart cannot blossom as a flower»).

We all know that Babur has been burning of nostalgia for the rest of his life. This joy is clearly reflected in the poetry of Babur. The poet describes the same situation in harmony with nature so that we can no longer express it. The bud is a symbol of the spirit of love and the spirit of separation. Its flower-like appearance resembles a cheerful face. Babur's lyrical hero is as heartless as a bud. Why not? This is because light and light are necessary for flower buds to open. Homeland and related memories give life to the sun like a person. It gives him hope to live. A person who has lost his home will be left with a lot of heartache. Its color turns yellow, and its lifespan is dull. The hero of the Ghazal is just like his sun, which gives him light.

The poet thinks not only in words but also in the images. This will give a more vivid picture of emotions. The softness and redness of the «ghuncha» helps to

[1] Destroying, collapsing, depressed. In Babur's Devon, this form of the word comes as "afsundadur", as an error. "Afsundadur" means magic, deceit, cunning, trick, deception. As for "afsurdadur" the meaning and the rhyme of the word is the feeling of regret.

understand the sighs of the word. Babur's unique talent is demonstrated in his use of the same image. From a superficial glance, Guncha is a traditional image that is familiar to the reader, used in classical literature. But the basis for its importance and novelty is that it is in the second verse that Babur gives the reader the whole range of pain and heartache that is in harmony with his heartache and sorrow:

What is the probability that one hundred thousand spring will die? [1, 121].

Or:

The sad heart does not open as a flower.

With these points the reader will feel the pain of the poet's heart. It is closely related to the power of the word and the poet's ability to use it.

As we read the works of the writer, we get acquainted with his worldview, his philosophical thoughts about the world, we enter his inner world, and we come to the frontiers of higher thought. Babur is one of those creative people. By learning about his life, his work, and his philosophical thoughts, we can be sure that he is unique and great in his courage, honesty, not only as an artist but also as a human being. He is the man who tastes the bitter wine of deprivation and the proud aspect of his victory. He was able to meet all of this with honesty and dignity. These unique feelings of the poet are deeply sealed in his works. The pain, pain, and sighing that were evident in his works were the product of these conflicting experiences. Honesty and bravery have become the life's motto for the poet. The desire of his contemporaries to remain in the same position, and the fact that he does not always hold them, saddens the poet:

You do not care about my pain every time,
You, O sleeper, do not know the pain of your heart [1, 94].

The following Ghazal consists of 3 bytes. No pseudonyms were used at the end of the work. But there is a sense of completeness of the idea:

Habib bo'lsa edi, yo raqib o'lsa edi,
Raqib o'lsa edi, yo habib bo'lsa edi.
Ko'ngulga mehnatu g'am, har ne bo'lsa, bo'lsa edi,
Ki yorga qotilib, g'ayrdin qutulsa edi.
Firoq shahrida bo'lg'uncha kosh ko'yingda,
Tanim so'ngak bo'lubon, so'ngakim ukulsa edi.

(«Had he been a competitor or a rival. Had the opponent been a loser or a loser. If he had to work hard, whatever it was I wish my body was bone and my bones would be scattered until I was in Firak»).

Although this ghazal is short, the poet's dream, his dreams, his heart, his purpose – is a work that embodies all of his existence. It describes the feelings of spiritual loneliness, embarrassment, separation, and suffering. Art plays an important role in the deep expression of the poet's feelings. In the text, the poet uses both art of reflection (reverse repetition) and explanatory (alliteration of sounds). He repeats the words «if it was over» and «if the opponent was dead» by means of an axle art. Babur used this art in his poetry. And he never used it just for decoration. The opposite of it, of course, has meaning. So, what is their significance here? The poet dreams: If he was friendly, at least he could have been an opponent rather than loneliness and loneliness. We can understand the reverse in the second verse in the same way. But there was no logic in

it. Babur also refers to the essence of the phrase, «If an opponent is, in other words, defeated, and able to associate with disgrace», under a veil.

The harmony of the sounds, combined with the pronunciation of the sounds, has also given the house a great charm. The recurrence of «b, l, s, d» repeatedly gave the poem a melodic and musical tone.

The second byte is the same - has a deep meaning. «If there was anything wrong with the sadness, the sadness and the empty space, it would be possible to unite with a friend and get rid of strangers». It is not hard to see in the second verse that in addition to the original meaning, it is a false confession, that is, the desire of the soul to be sincerely swept away from God, from alienation, materialistic pursuits, and natural aspirations. In the third byte, the city of Firak, the body, and the last word are very important. The meaning that is clear to the average reader is: «I wish my body was bone and my bones would be scattered until I was in Firak». This is the thesis written by the poet. It takes a little more preparation from the learner to grasp the inner meaning behind it. Living in the city of Firak is a stranger. It means losing the true essence - the ore. The lyric hero would rather prefer to be bones and disperse. Why not? For when the body is crushed and the body is freed from the cage, the spirit is set free. And the free spirit is attached to the soul and is free from strangers. It appears that the third byte is meant to interpret the second byte, to clarify its essence. Despite its small size, the ghazal has a deep and deep inner meaning. It leads us to the boundless expanses of the poet's world of thought. His works, created in folklore and simple style, show the ability to instill deep, mysterious and philosophical ideas into the background.

In one of the quatrains, this philosophical attitude of Babur to the world is reflected:

Tariqi faqr suluk ahliga ne xush yo'ldur,
Vale bu yo'lda keraklikturur rafiqi shafiq.
Tariqi faqr agar istasang, beri kelkim,
Suluk ahli demish: «alrafiqu summa tariq»[1].

(How good the poor poor family but Vale is is the path that is needed. Tarik fakhir if you want to come. The noble people say: «Alrafiqu summa tarik».)

In this regard, the poet reflects on poverty, which is the best way to live. We should not understand poverty in the light of the lyrical hero in the sense of poverty. It is used in classical literature in the sense of moral, spiritual perfection, perfection. A person who is poor is free from such pride, pride, greed, wealth, and ambition. Babur offers his friendship, extending a tax on his career. This is equivalent to acknowledging his way and attitude to the world.

When we look at the works of Zahiriddin Muhammad Babur, we see that he is a person who thoroughly reflects on each event, the relationship between the world and the human, and the principles of human existence. He always expressed his feelings of joy, sometimes sadness, sometimes satisfaction, sometimes dissatisfaction, and sometimes his admiration for his work:

Besabrmenu besaru somondurmen,

[1] Meaning: Firstly, choose your friend, and after go on in your way

Bir g'amzadadurmenu parishondurmen,
Ne dinning ishin qildimu ne dunyoning,
Yo rab, netay o'z ishimga hayrondurmen.
Or:
Bu g'amdamenki, ishim fikrini ne nav' etayin?
Ne yerda sokin o'lay, ne qilay, qayon ketayin?
Ne dayrdin eshikim ochilur, ne masjiddin,
Necha eshikdin eshikka gado kibi yetayin?

These verses cannot be neglected. Not only the Sultan with immense wealth and boundless country rule, we feel the vibrations and trembles of the soul of the poet, who gazes at the delicate sensations of the soul with the sweet, floral flowers, sweet butterflies and sweet almond flowers.

It confronts defects that lead to the degradation of humanity and society, such as indifference and neglect, in the image of their own suffering. It denies impotence. He urges his contemporaries to be vigilant, to guide the most humane of Bakhouddin Nakshband's doctrine, to practice the most humane doctrine of «With your mind, look at every step».

In the poems of Babur he tries to use form and content in a balanced, perfect way. This is especially evident in his small-scale works, in particular in the ruboi. It follows the way of preserving, maintaining and improving existing classical traditions. There is an art in the literature called music - side-by-side. At the same time, a poem of 4 or 6 verses is read aloud in both vertical and horizontal directions. It is complex and requires unique art, with only a few such works in Oriental classical literature. It is only found in the millennium Turkish literature in the works of Agahi. Babur also created a rubai based on this art:

Yetti meni	O'lturgali	oxir	Hijron
O'lturgali	Qo'yma	Meni qutqar	Ey jon
Oxir	Meni qutqar	Bu firoq	Asru yomon
Hijron	Ey jon	Asru yomon	Ohu fig'on

This unique work of the poet is on the subject of Hegira. The heartbeat that comes from it is expressed in words, in different order, and in color repetition. The words in the Egyptians are read aloud horizontally and vertically. But Babur will further improve it. It also takes into account the relationship of meaning in the arrangement of words. Even when we read the words in the other directions, we see that the poet expresses his feelings. These include: The end is not the end; Hijron - save me - save me, Hijran; O soul - this is the spirit - O soul; It's ugly - bad, sad. Such artistic expression reflects the versatility of the poet, his versatility in art.

Yetti meni	**O'lturgali**	oxir	**Hijron**

O'lturgali	Qo'yma	**Meni qutqar**	Ey jon
Oxir	**Meni qutqar**	Bu firoq	**Asru yomon**
Hijron	Ey jon	**Asru yomon**	**Ohu fig'on**

We see that all of the human qualities of Babur are incorporated into the works. The poet's contemporaries and later followers have repeatedly acknowledged this. Hasankhoja Nisari's 16th century «Muzakkiri ahbob», a poet, describes the poet's works as «a sea full of pearls» There are some places where Babur himself proudly mentioned the wisdom of his works. In his Ruboi «Bahr Ahqaaf» the meaning of the word used in the works, he said, is not normal in the river shimmered Ahqaaf recognize that, «brings a unique analogy»:

Ash'oringkim, she'r oti to bo'lg'ay,
Tab' ahli anga volau shaydo bo'lg'ay.
Har lafzi duri bahri ma'oni anda,
Kim ko'rdi dureki, anda daryo bo'lg'ay?

It is possible to say that the poems of Zahiriddin Muhammad Babur are rich in poetry. The poet's skills in using words, creating images, and using art are clearly demonstrated in them.

In his works in the genre of Rubai, the poet's life experiences, thoughts, dreams and suffering are more clearly reflected than in any other genre. As we read them, we gain a clearer understanding of Babur's personality, his outlook, his appearance, his relationship to the world and man.

Loneliness is common subject in his poetry. The human body is not alone. It is always in contact with the process around it, the moving creature. The work of the soul is hard. His world is different. Seeking for an ocean that resonates with his own cries. This road is exhausting. Sometimes the floods are hurting, and sometimes they get intoxicated by the wine of loneliness and gloom. We see in the Babai rubais the different kinds of poetry of the soul:

G'urbat tug'i yopqon ruxi zardimnimu dey,
Yo hajr chiqargan ohi sardimnimu dey.
Holing nedurur, bilurmusen dardimni,
Holingni so'raymu, yo'qsa dardimnimu dey.

In this rubai, Babur promoted universal value ideas through the images of his own dreams. The first two verses depict separation and hegemon and his actions. The first verse deals with the hajj and its associated yellow face. In the lyric character's image, «rukhi zard» - a yellow facial expression was the main factor. Through it, we understand and feel all the factors that cause the face to turn yellow. It is not hard to see that the expression «ahi sard» in the second verse is a logical continuation of the expression «cold». It is known that as a result of the colder days in autumn, the leaves of the plant frost and turn yellow and begin to grow. Babur uses this simple and natural process as an artistic detail. By comparing nature and human life, the lyric hero is able to accurately describe his mental state in the reader's imagination. The lyrical hero has

a yellow face. The reason for this is the cold sighs that came out of his heart because of Hegira. In Babur's poetry, yellow is the most commonly used artistic tool. Such images have many meanings. In it, we understand the state of the fallen lover and the expression of the poet's spiritual experiences far from home. There are two more words in this byte that really deepen the poet's point of view. These are the words of love and humor. Struggles are expressed in terms of strangeness, loneliness, alienation, distance from one's homeland, loss of origin, origin, and away from the irreligious dictionaries. And Hajr is interpreted in the linguistic dictionaries as linking to something other than divinity and the pursuit of materiality.

So these two words are very important in determining the status of a lyric hero. Because the heroine has a yellow face and aches. And Hajr puts him in a cold chill that saved his life. So, the ghost is rhythmic and the Hajj is the basis of this byte. The first byte of Rubai describes the appearance of the lyric hero's mental state, while the last byte provides an insight into his inner essence. In Rubai, it is not stated exactly who the idea is. But we can understand that it was created in the sense of addressing a friend (o friend), depending on its content, style of communication, and classical literature:

Holing nedurur, bilurmusen dardimni,
Holing so'raymu, yo'qsa dardimnimu dey?

The basis of these bytes is the thoughts of the poet on human relations. We understand the poetic expression of the poet in his heart against the indifference and indifference of his nature.

As you know, Hajr is accompanied by a sense of loneliness. The first byte of Rabai deals with hajj and its disasters, while the second byte focuses on the loneliness that results from it. The lyric hero, who has been isolated from the spirit, has a feeling of longing for him, and he begins to look for an interlocutor, a writer and a lighthearted companion. The poet uses logical confusion to describe such a psychological process. He needs to know what his friend is doing and in turn talk about his situation. It appears that if the first byte is directly related to the mood of the lyric hero by the words of gossip and humor, the second byte creates a logical coherence with the first byte. After all, the lyrical heroine who has been sentenced to the hegemonic death of friends and mates needs sympathy and fellowship. The poet was able to describe his sad state of mind through rhetorical questioning, without saying anything skillfully through art. This proves Babur's attitude to the word as a poet and his unique skill in using them. Babur does not express the theme or idea contained in the rubai by words alone. Perhaps the composition of the work, the arrangement of words, and the pronunciation of the letters that make up them, also make sense. In particular, the rubai is intended to illuminate feelings of strangeness, separation and loneliness. From this, each corpus composition is divided into two. In this sense and in the pause of the pronunciation, it is evident:

G'urbat tug'i yopqon ruxi zardimnimu dey?
Yo hajr chiqarg'an ohi sardimnimu dey?
Holing nedurur, bilurmusen dardimni,
Holingni so'raymu, yo'qsa dardimnimu dey.

It is seen that the pauses in verses also mean the feeling of separation. That is, the gap between part 1 and part 2 of the verse serves as an intermittent artistic function. Babur was able to illuminate the inner world and the heart of the person in just four lines. Of course, the poet achieved this by putting a strain on the word and treating it responsibly.

Bibliography

1. Babur. Devon: Works: Three volumes. – Volume 1. – Tashkent: Fiction Publishing House, 1965.
2. Babur. In short. – Tashkent: Science, 1971.
3. Erskin, William. Babur is in India. – Tashkent: Chulpon Publishing Company, 1995.
4. Zahiriddin Muhammad Babur. Baburnoma. – Tashkent: Eastern NMC, 2002.
5. Адабий тур ва жанрлар : 3 жилдлик. – 2-жилд : Лирика. – Т. : Фан, 1982.
6. Аҳмад Худойдод Тарозий. Фунун ул-балоға. – Т. : Маънавият, 1999.
7. Акрамов Б. Шеърият гавҳари. – Т., 1979.
8. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана : Сочинения. – Т. II, Ч. I. – М., 1963. – С. 165.
9. Гадамер Г. Г. Актуальностьь прекрасного. – С. 300.
10. Гегель. Эстетика : в 4-х томах. – М., 1968.

© **Adizova I. I.,** 2020

С. Т. Акобирова,
к. ф. н., доц., ТГЮУ, г. Ташкент (Узбекистан)

Аннотация: Статья посвящена роману американского востоковеда Гарольда Лемба «Babur the Tiger». Согласно большинству источников, первые переводы произведений восточных авторов появились в Европе еще в 17 веке. На американском континенте произведение «Бабур-наме» стало известно лишь в 20 веке, а труд Лемба увидел свет в 1961 году. В своем романе автор пытается изобразить Бабура одновременно в качестве воина-властителя и любящего отца-семьянина. Роман был переведен и напечатан в СССР, а в 1960 году Лемб посетил Ташкент, где работал в Академии Наук Узбекской ССР. Произведение Лемба показывает интерес мирового сообщества к истории Средней Азии и Узбекистана в частности, а исследования, посвященные Бабуру, не теряют своей актуальности и по сей день.

ХЭРОЛД ЛЭМБНИНГ «БОБУР - ЙЎЛБАРС» (BABUR THE TIGER) АСАРИДА З. М. БОБУР ШАХСИ

Умуминсоний туйғулар тасвири, ўлмас ғоялар ва ахлоқий ўгитлари билан Шарқ барчани ўзига ҳамиша жалб этиб келган. Шарқ адабиёти жаҳон цивилизациясига беминнат хизмат қилган. Муаззам Шарқ бешигида камол топган буюк зотлар тафаккури инсониятни доим ўзига мафтун этган. Шундай сиймолардан бири Заҳириддин Муҳаммад Бобур сиймосидир.

Бизга маълумки, Бобур асарлари XVII асрдан бери бир неча бор Европа тилларида қайта-қайта нашр этилди. Илм оламида улар ҳақида мулоҳаза ва муносабатлар билдирилди. Бугунги кунда техника билан уйғунлашиб кетаётган бир пайтда XX аср Европасининг бу борадаги қарашлари қандай? Хусусан, Америка адабиётининг Бобур шахсига нисбатан муносабати қай ҳолда? Бу хусусда кичик изланиш олиб бориб, Америкада З. М. Бобур шахси ва ижодига ўзига хос қизиқиш мавжудлигига гувоҳ бўлдик.

XX асрда Бобур асарлари таржималари орқали Америка қитъасига етган, мақола ва тақризлар билан бир қаторда АҚШда Хэролд Лэмбнинг «Бобур – Йўлбарс» (Babur the Tiger) номли асари яратилган ва бу китоб 1961 йили Нью-Йоркда босмадан чиққан.

Х. Лэмб шарқшунос ижодкор. У 1892 йил Нью-Жерсида туғилган, Колумбия университетининг шарқшунослик факультетини тамомлаган, араб ва форс тилларини жуда яхши ўрганган олим. АҚШ армиясида хизмат қилган. Иккинчи жаҳон уруши даврида араб давлатлари ва бошқа Шарқ мамлакатларида алоҳида вазифаларни бажарган, бу ишлари учун кўплаб орден ва медаллар билан мукофотланган. У ўз ҳаётининг етуклик даврини Осиё, Россия ва Яқин Шарқ маданияти тарихини ўрганишга бағишлаган.

Унинг қизиқишлари IX-XV асрлардаги Шарқ Уйғониш даври бўлган ва шу йўналишда бир қатор ишларни амалга оширган инсон.

Х. Лэмбнинг тарихий эссе ва мақолалари бевосита ижодий сафар ва ўрганишлар асосида яратилди. У Марко Поло, Чингизхон, Искандар Зулқарнайн, Амир Темур, Умар Хайём ва Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг шахси ва фаолиятини чуқурроқ ўрганиш мақсадида кўп ерларда саёҳатда бўлган. У қайси халқ ҳақида ёзса, ўша халқнинг адабиёти, оғзаки ижоди ва анъаналарини синчиклаб ўрганиб, сўнг Уйғониш даври миллий хусусиятлари ҳақида сўзларди.

«Бобур – Йўлбарс» (Babur the Tiger) романи рус тилига таржима этилиб, 1979 йили «Звезда Востока» журналида босиб чиқарилди.

Х. Лэмбнинг «Бобур - Йўлбарс» асари биз учун катта аҳамиятга эга, чунки бу роман орқали биринчи марта жаҳон адабиётида шоир ва жангчи, фарзандларга меҳрибон ота, ажойиб фазилатларга эга чин инсон образини кўрсатишга уриниш кўзга ташланади.

Бобур ҳақидаги бу китоб кириш ва саккиз бобдан иборат. Асарни яратиш жараёнида Х. Лэмб Тошкентда бўлиб кўзга кўринган шарқшунос олимлар билан суҳбатлашди, академик В. В. Бартольд, профессор С. Азимжонова ва бошқа шарқшунос олимлар ишларини ўрганди.

Китобнинг тузилиши, бобларга бўлиниши «Бобурнома»даги тартибни эслатади. Муаллиф Бобур асарига тўла суянган, ундан жуда кўп, айрим ўринларда бир неча варақлаб парчаларни айнан келтириб, кейин воқеанинг давомини шарҳлаб берган. Бу келтирилган парчаларни, «Бобурнома»нинг ўзбек тилидаги асл нусхасига солиштирганимизда улар инглиз тилига тўғри таржима қилинганлиги аниқланди.

Китоб Бобурнинг Шайбонийхон билан кураш ва чекиниши ҳақидаги ҳикоя билан бошланади. Бобурнинг Фарғона водийси, Тошкент ва Самарқанд шаҳарлари оралиғидаги саргардонликлари, Кобулни ишғол қилиш, Ҳиротга келиб, Шайбонийхонга қарши лашкар тўплаганлиги ҳақидаги воқеаларга батафсил тўхтаб ўтилган. Кейинги боблар Бобурнинг Ҳиндистонни босиб олиши ва Буюк империя ташкил этишига бағишланган.

«Бобур - Йўлбарс» (Babur the Tiger) китобининг охирги саккизинчи бобида Ҳиндистонда Улуғ бобурийлар салтанатига асос солиниши, Бобурнинг Ҳиндистондаги ҳаёти жонли лавҳаларда чизиб берилган. Х. Лэмб Бобур Мирзонинг мамлакатни бошқариш давридаги ижобий томонларини романда қуйидаги сатрлар билан ифода этади:

«*With him he brought to India the Timurid devotion to music and verse – and wine. His fondness for building gardens in the most unlikely spots earned him the name of the Gardener King. More than tree-shaded gardens followed him to Agra. Out of white and red stone, palace dwellings, great mosques, and tombs began to rise in the pathway of the moguls. Babur hardly lived to see if, but Samarkand, his lost city, was brought to India*» [1, 331].

Мазмуни: «*У ўзи билан темурийларнинг куй ва шеъриятга ва яна ... шаробга бўлган қизиқишларини ҳам Ҳиндистонга олиб келди. Нобоп ерларда ҳам боғ-роғлар барпо этишга интилиши унга «Боғбон шоҳ» деб ном берилишига сабабчи бўлди. Соя-салқин боғлар у билан бирга Аграгача чўзилди. Оқ ва қизил тошлардан улар қадами етган ерда саройлар, буюк масжидлар, мадрасалар қад*

кўтарди. Шундай қилиб, Бобур қўлдан бой берган севимли шаҳри Самарқандни Ҳиндистонга олиб келди» (таржима бизники).

Китобнинг хотимасида ёзувчи Х. Лэмб Бобур Мирзо амалга оширган ишларга холис баҳо беради. Х. Лэмб асарда Бобур образини ёритар экан, унинг фаолиятини ҳаққоний баҳолашга ҳаракат қилган:

«The Tiger had torn the map of India apart, across the old mountain barriers, joining Kabul and Kashmir to the Punjab rivers and the Ganges 'basin, and ended, in so doing, the feudal hegemonies of the Lodi sultans and Rajput princes, and religious conflict as well. He restored the power of a single monarch, long absent in Indian lands. His dominion had a new outlook, toward the future rather than the past. Local traditions and economies were preserved. Government, however, came, into the hands of the ministers of the throne. The monarch remained aloof, to judge the conduct of his administrators. His subjects could appeal to him as judge against his own government" [1, 330].

Мазмуни: «*Йўлбарс Ҳиндистон харитасини парчалаб, нуроний тоғ тизмалари тўсиқларини олиб ташлади ва Кобул билан Кашмирни Панжоб дарёларига ва Ганг дарёсининг қуйилишларига боғлади. Шундай қилиб, Лўдий султонлари, Ражпут шаҳзодаларини феодал гегемонлигига ҳамда диний низоларга барҳам берди. Ҳиндистон заминида кўп йиллардан бери унутилган якка ҳокимлик давлатини қурди. Буюклиги шундан иборатки, унинг нигоҳи ўтмишга эмас, балки келажакка қаратилган эди. Миллий анъаналар ва маҳаллий иқтисодиёт сақлаб қолинди. Шунга қарамасдан, ҳукумат, тахт, вазирликларнинг қўлига ўтди. Шоҳнинг ўзи ягона маъмурий бошқарувнинг ҳаками бўлиб қолди. Унинг қўл остидагилар ўз шикоятларини Бобурга етқазар эдилар. Хуллас, Бобур ҳам шоҳ, ҳам қози эди» (таржима бизники).*

Сўнгги сўзда муаллиф Бобур вафотидан кейинги айрим воқеалар, уни дафн этиш, Бобур мақбараси, сўнгги давр Осиё тарихидаги айрим ўзгаришлар устида тўхтаган.

Бобур буюк сўз устаси сифатида тўғри имло, равон услуб ва талаффузга катта эътибор берган. У содда ва тушунарли ёзишни тавсия қилиб, фарзанди Ҳумоюннинг хатида айрим имловий хатолар борлиги ва мураккаб услубда ёзгани учун танқид қилади, мактубни тушунарли, содда ва равон ёзса, ўзига ҳам, ўқувчига ҳам қийин бўлмаслигини уқтиради:

«*Хатингни худ ташвиш билан ўқиса бўладур, вале асру (жуда) мутлоқдур (чалкаш). Насри муаммо ҳеч киши кўрган эмас. Имлонг ёмон эмас, агарчи хили рост эмас ... хатингни худ ҳар тавр (равишда) қилиб ўқиса бўладур, вале бу мутлоқ алфоз (сўзлар)ингдин мақсуд тамом мафхум (тушунилмоқ) бўлмайдур. Ғолибо, хат битирда қоҳиллигинг (суслик) ушбу жиҳатингдур. Такаллуф (безак) қилай дерсан, мундин нари бе такаллуф ва равшан пок алфоз била бити, ҳам сенга ташвиш озроқ бўлур, ҳам ўқувчига*» [2, 421]. Айнан шу сатрлар Х.Лэмбнинг асарида ҳам келтирилган:

«Again, you have written me a letter as I ordered. But did you read it over? If you tried, you couldn`t have done it. I managed to puzzle out the letter, with much trouble. It certainly was not meant to be an enigma in prose! Your spelling, while not

too bad, is not good … it can hardly be understood because of your obscurity. And that is due to your embroidered wording. In future, don`t embroider words; make them plain, and clear. That will cause less trouble to you and to the reader» [1, 292].

Ёзувчи ўзининг «Бобур-Йўлбарс» романини яратишда «Бобурнома»нинг А.Б.Илминский (Қозон, 1857), С.Азимжонова (Тошкент, 1958) нашрлари, шунингдек Э.Барри, Л.Булват, И.Прасад ва академик В.В.Бартольд асарларидан унумли фойдаланганини қайд этган.

Х.Лэмб Покистонга қилган сафарида доктор Азиз Аҳмад ҳузурига ташриф буюриб, Бобурнинг Лаҳургача бўлган ҳарбий маршрутини аниқлаган, шоир тўғрисида кўп маълумотларни қўлга киритиб, Бобурнинг «Мубаййин» асарига оид қимматли маълумсотларни С. Азимжонованинг илмий ишларидан олганлигини қайд этган.

Х. Лэмб 1960 йил ёзида Тошкентда, Ўзбекистон Фанлар Академиясининг Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институтида бўлиб, олимлардан Шайбонийхон характери ва одатлари, темурийлар даврида Самарқанд шаҳри меъморчилиги ва бошқа масалалар бўйича ёрдам олганлигини романда миннатдорчилик билан эслаб ўтади.

Х. Лэмбнинг Шарқ тарихига бағишланган романлари, хусусан Бобур ҳақидаги мазкур асари биз учун катта аҳамиятга эга.

Бу асар орқали америкалик китобхонлар ҳам Бобур шахсияти, шижоати, жасорати билан танишади. Шу аснода 47 йил умр кўриб буюк ишларни амалга оширган наср, назм, ҳарб илми, мусиқий ва давлат бошқарувида ўз қарашлари, собит сўзи, амали билан ном қолдирган. Шарқ ўғлонига таҳсинлар айтиб, унинг ҳаёт тарзига қизиқувчилар ошади. Буни эса таржимон, шарқшунос Х. Лэмбнинг хизматлари натижаси деб баҳолай оламиз.

Қадимий тарихимиз, маданиятимиз ва маърифатимиз бугунги ғоявий юксалишимизнинг асосий манбаи бўлиб турибди. Уларни билиш, миллий ўзликни англаш ва ёш авлодни тарбиялашда катта аҳамиятга эга.

Инсон идроки ва қўли орқали яратган дурдоналар бугунги кунда ҳаммани ҳайратлантиради. Буни Шарқ билимдони Х. Лэмб ўз ижодида жуда яхши кўрсатган.

Бу ҳол ўзбек халқида ҳақиқий ғурур уйғотибгина қолмай, балки Ватанимиз олимлари илмий-тадқиқот ишларига қўйиладиган талабларни ҳам оширади. Шу билан бир қаторда Ўзбек бобуршунослиги жаҳон бобуршунослик тадқиқот йўлини мунтазам ёритиб боради ва белгилаб бериши лозим бўлган вазифаларни аниқ мақсад қилиб қўяди.

Адабиётлар

1. Бабур, Заҳириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Т.: Шарқ, 2008.
2. Бобир, Заҳириддин Муҳаммад. Бобирнома / Шамсиев П., Мирзаев С. – Т. : Фан, 1960.
3. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т.: Шарқ, 2002.
4. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т.: Ўқитувчи, 2008.
5. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад.. Бобурнома. – Т.: Фан, 1960.

6. Файзиев Т. Темурийлар шажараси. – Т.: Ёзувчи: Хазина, 1995.
7. Файзиев Т. Заҳириддин Муҳаммад Бобур ва унинг авлодлари. – Т.: Ёзувчи, 1996.
8. Моруа А. Современная биография // Прометей. – 1968. – № 5.
9. Наркирьер Ф. Книга о титане. – Кишинев, 1980.
10. Lamb H. Babur the Tiger: First of the Great Moguls. – NY: Doubleday & Company, 1961.

© **Акобирова С. Т.,** 2020

З. К. Алимова,
преп. ТГПУ им. Низами, г. Ташкент (Узбекистан);
И. М. Расулова,
преп. ТГПУ им. Низами, г. Ташкент (Узбекистан)

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

В узбекском литературоведении личность Бабура описывается в качестве «правителя с достойными качествами. Среди этих качеств преобладали смелость и гуманность. Никому, кроме Бабура, после Алишера [Навои] не удалось создать тюркские стихи».

Захириддин Мухаммад Бабур является одним из последних представителей династии Тимуридов, который внес огромный вклад в науку и литературу и оставил своей плодотворной деятельностью неизгладимый след в истории человечества. Он – литератор, деятель культуры, полководец, благочестивый правитель и правдивый литературовед, представитель судьбы со сложными противоречиями. Бабур воспитывался и обучался при дворе. С детства был увлечен науками и поэзией. Из-за отваги, храбрости и ловкости его назвали «Бабуром», то есть «тигром».

Мирза Бабур как поэт, литератор, стихотворец-литературовед, мудрец, богослов, лингвист, природовед, общественный деятель, осведомленный логистикой и общественными науками, оставил после себя бесценное духовное наследие. Интересовался наукой и искусством, всеми сферами жизни. Усердие, инициативность и талант превратили Бабура в великий образ развитого феодального периода. Здравомыслящий Мирза Бабур в свои 9 лет обучился грамоте, начал писать и истолковывать стихи. До последнего вздоха высоко держал знамя благодеяний. Всепрощаемость была одной из редких ценностей, дарованной Мирзе Бабуру.

Бабур в 12 лет, как представитель высокого таланта, после смерти отца занял трон правителя. Бабур до последних дней своей жизни в историко-географической книге «Бабур-наме» излагал боевые сражения, свидетелем которых был сам, скитания в чужой стране, тоску по Родине, отношения к детям, семье, родственникам. Захириддин Мухаммад Бабур создал при жизни своеобразную школу. Бабур заложил основу школе написания мемуаров посредством произведения «Бабур-наме». Важной особенностью Бабура в теории образования является передача знаний будущим поколениям. Это поспособствовало ему оставить несметное духовное богатство для человечества. Его лирические стихотворные произведения «Мухтасар», «Мубаййин», «Волидия» заняли особое место в мировом литературоведении, особенно в законах народного образования. Сведения, представленные в «Бабур-наме», и на сегодняшний день имеют важное значение в истории, географии, литературоведении.

Захириддин Мухаммад Бабур прошел сложный жизненный путь, создал бесценные произведения в литературе, искусстве, истории и различных отраслях науки несмотря на то, что был вынужден провести основную часть своей жизни в боевых сражениях. Как говорится в «Бабур-наме», Бабур всегда заботился о воспитании и образовании своих детей, призывал их чтению и исследованию. Он в произведении «Мубаййин» пишет, как Хумаюн и Камрон обучались религиозным вопросам. Написанные сыновьям письма также направлены на данную тему. К примеру, в письме Камрону говорится, что «фарзанди аршад ва аржуманди саодатнишон Муҳаммад Комронга Мирзо баҳодирга саломи муҳаббат анжомидан сўнг улким кўкалтош ва ичкиларинг била сабоқ ўқурға ружуъ келтируб эрмишсен. Бу жиҳаттин кўнгулга сурур ва хотирга ҳузур етиб на бисёр хушҳоллик юз берди. Тангри таола даргоҳидан умидим борким жамиъи қобилият ва салоҳият бобида комил ва мукаммал бўлиб камолга етгайсен». Как видно, Бабур считал своим отцовским долгом писать книги с целью пробудить любовь к чтению, воспитать их справедливыми, образованными. Призывал их говорить складно, писать грамотно.

В творчестве Бабура неповторимо нашли свое отражение чувство любви к Родине и идеи просветительства. Мы, в свою очередь, неоднократно читая его произведения, должны обращать внимание на уместное использование их в обучении и воспитании молодежи. Именно в качестве отца глубокое осознание ответственности Бабуром также является поучительным примером. Он уделяет большое внимание воспитанию детей. Этому свидетельствуют отрывки из «Бабур-наме», где говорится о заботе к сыну Мирзе Хумаюну в качестве отца и наставника, а также об указаниях вплоть до исправления орфографических ошибок в письмах и поведении. Подобные редкие шедевры литературы внесли большой вклад в процветание узбекского литературного языка, науки.

«Илтифотни “то” билан битибсен, қулунжни “ё” билан битебсен, хатингни худ хар тавр қилиб ўқиса бўладур, вали бу мутлақ атрофингдан мақсуд тамам мавҳум бўлмайдур. Такаллуф қилиб дейдин нари бетакаллуф ва равшан ва пок алфоз била бити ҳам санга ташвиш озроқ бўлўр ва ҳам ўқуғувчиға». Действительно, в каждой им написанной строке можно увидеть, что Бабур является милостивым человеком с большой душой, безмерной любовью к Отчизне.

Он прощал грехи людей, предавших его, но честно признавших свою порочность. Мирза Бабур иногда доверял им высокие посты. Великий полководец, переживший мучения и страдания, занявшись творчеством в своем саду, хотел провести оставшуюся жизнь в Агре. Огорченное сердце великого поэта и в последние дни желало благих дел.

Ким кўрибдур, эй кўнгил, аҳли жаҳондин яҳшилиғ
Кимки, ондин яхши йўқ, кўз тутма ондин яхшилиғ
Гар замонни найф қилсам айб қилма, эй рафиқ
Кўрмадим ҳаргиз, нетайин, бу замондин яхшилиғ.

Изучение научного наследия Захириддина Мухаммада Бабура формирует у молодежи такие чувства, как трудолюбие, благородство, пробуждение любви

к науке, культуре, искусству и просвещению. Творчество Бабура в качестве совершенного творческого продукта передается из поколения в поколение.

На сегодняшний день методическая, педагогическая и психологическая подготовленность при совершенствовании содержания дошкольного образования превратилась в требование времени. Так как совершенствование содержания дошкольного образования, являясь многозначным понятием, должно быть инновационным при эффективном его осуществлении, участии воспитателей-педагогов, родителей, а также детей в образовательном процессе. Согласно «Государственным требованиям, предъявляемым к развитию детей раннего и дошкольного возраста», а также Государственной учебной программе «Первый шаг», в процессе компетентного подхода обогащение каждой возрастной группы качественной педагогически-психологической, методической, художественной литературой также является важной задачей.

Организация образовательных развивающих игровых центров, которые отражают в играх проблемные ситуации, призывающие детей к осознанной игре, привлечение родителей и общественности при координации их деятельности и другие факторы повышают содержание дошкольного образования.

В целях содержательной и интересной организации повседневной деятельности детей, плодотворного использования свободного времени, определения способностей и, исходя из этого, творческого подхода к процессу, приведения проводимых занятий и источников в состояние, отвечающее потребностям детей и общества, предусмотрен рациональный и системный анализ при достижении качества и эффективности дошкольного образования. В частности, использование технологии «Кейс-стади», являющейся инновационным приемом, в дошкольном образовательном учреждении побуждает воспитуемых к активному получению образования. Посредством применения данного приема воспитатель учит ребенка правильно отвечать на заданный вопрос.

На основании Кейса существует возможность разносторонней организации деятельности детей на занятиях. К примеру, появляется возможность инсценирования предлагаемой ситуации и нахождения её решения, обучения детей мышлению посредством различных соревновательных игр, выражению мысли полной речью. Здесь можно обеспечить участие детей, заинтересовать, способствовать их душевному подъему.

Существует несколько видов Кейса. В системе дошкольного образования целесообразно использовать практические и образовательные кейсы.

Итак, как осуществляется профессиональное мастерство, требуемое от воспитателя при ознакомлении детей с личностью Захириддина Мухаммада Бабура в ДОУ? Следует использовать в процессе занятий связанные с жизнью и деятельностью Бабура рассказы «Бобур лақаби» («псевдоним»), «Етим қолмасин», «Ақл ёшда эмас», «Ғазал ва қилич», «Бир ғазал шаҳар олибди», «Шакарпалак», «Бобурий палови», «Оқилона тадбир», а также рубаи и газели поэта.

В процессе выполнения Кейса у детей развиваются следующие навыки:

- принимать и обрабатывать информацию (анализ текста, поиск путей решения проблем и решение в виде игры);
- коммуникативный (беседовать, убеждать других, защищать свою точку зрения, оценивать поведение товарищей, самоконтроль);
- рефлексивный (анализировать свое мнение и мнение других).

Мастерство воспитателя заключается в обеспечении образовательных возможностей для широкой свободы детей в творчестве. В групповых занятиях требуются общие игры, чтения вслух, мастерское установление времени проведения очередного занятия и игр, изменение или приостановление занятия при утомлении детей или пассивности действий.

В заключении следует отметить, если мы сможем применить вышеперечисленные чувства сострадания к детям в личности Захириддина Мухаммада Бабура в познавательном и образовательном процессе подрастающего поколения, то в каком-то смысле выполним свой долг перед молодежью. И здесь ответственность ДОУ очень велика. Ибо они считаются ответственными базовыми образовательными учреждениями в образовательно-воспитательном процессе.

Литература

1. Бабур З. М. Бобурнома. – Т., 2011.
2. Буюк мутафаккирлар тўғрисида ҳикоялар / Ўз. Рес. Халқ таълими Вазирлиги. – Т., 2007.
3. Воҳидов Р. Биз билган ва билмаган Бобур. – Т., 2008.
4. «Илк қадам» Давлат ўқув дастури. – Т., 2018.
5. Мактабгача таълим методикаси ва назарияси журнали. – Т., 2019. – №5.
6. Мўминова С. Заҳириддин Муҳаммад Бобур – Шарқ ва Ғарб нигоҳида. – Қарши, 2012.
7. Ўзбекистон Президенти Ш. М. Мирзиёев томонидан илгари сурилган Ёшлар маънавиятини юксалтириш ва уларни бўш вақтини мазмунли ташкил этиш борасидаги 5 та муҳим ташаббус. – Т., 2018.
8. Ўзбекистон Республикасининг илк ва мактабгача ёшдаги болалар ривожланишига қўйиладиган: Давлат талаблари. – Т., 2018.

© **Алимова З. К., Расулова И. М.,** 2020

М. К. Алимова,
учитель школы № 17, г. Шахрисабз (Узбекистан);
Г. Б. Мавлонова,
студентка, ТГПУ имени Низами, г. Ташкент (Узбекистан)

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ В СКИТАНИЯХ

Известно, что очень много завоевателей, полководцев прошли через круговорот истории. Они создавали свою историю и запечатлели её на сусальном золоте. Одним из них был Захириддин Мухаммад Бабур – справедливый правитель, любимый муж, милосердный отец. Также следует отметить, что Бабур одновременно был пораженцем при дворцовых играх, среди людей и чужих.

Захириддин Мухаммад Бабур с детства рос любознательным мальчиком. Также интересовался таинствами правления. Едва ему исполнилось 12 лет, как умер его отец. Бабура, правящего государством под содействием матери Кутлуг Нигарханум, ожидали исторические испытания.

Захириддин Мухаммад Бабур – один из неповторимых личностей в истории литературы. Он не только крупный писатель, великий историк, ученый, но и умелый полководец, государственный деятель. В течение своей жизни написал множество газелей, рубаи. С большим мастерством в стихотворном жанре перевел произведение Хаджи Ахрара «Волидия». В 20 лет изобрел «Хатт-и Бобурий». Творец, внесший свой вклад и в науку аруз (аруз – метрическая система стихосложения, основанная на определенном чередовании долгих и кратких слогов, широко применявшаяся в узбекской классической поэзии), довел количество бахров от 19 до 21. Оставил в наследие сложные и редкие стихотворные размеры помимо широко распространенных в восточной поэзии. В ряд ранее известных размеров добавил «ариз» и «амик». Создал произведение «Мубаййин ал-закот», отражающее дела по взиманию подати, а также 2 дивана «Кобул девони» и «Ҳинд девони». «Кобул девони» не дошел до нас. «Бабур-наме», вершина его творчества, является мемуарами и одним из прекрасных образцов узбекской прозы. До этого времени были только произведения Юсуфа Хас Хаджиба «Қутадғу билиғ», проза Рабгузи. «Бабур-наме» олицетворяется как своеобразное изобретение узбекской прозы. В нем на высоком уровне выражены все аспекты литературы, в том числе мастерство ритма. Наряду с географическим анализом территорий, природы, месторасположений Мавераннахра, Афганистана и Индии, изложены также образ жизни, обычаи и традиции проживающих там народов. Великое произведение писателя отличается разнообразием содержания, отражением мировой культуры, красотой языка и стиля. Во время чтения данного произведения становишься свидетелем того, что Бабур является великим творцом, правителем-созидателем, личностью, стремящейся к новизне.

Заглядывая в историю, можно сказать, что Бабур одновременно и творец, и правитель. Несомненно, Бабура можно назвать правителем эпохи, отдавшим

47-летнюю жизнь в боевых сражениях. За свою жизнь он создал научные, художественные, исторические произведения, мемуары. Он был совершенной, высокообразованной личностью своего времени. За короткий период жизни Бабур оставил огромное литературное и научное наследие. Творил на узбекском и персидском языках. Несмотря на то, что в основном Бабур создавал произведения на своем родном тюркском языке, он в совершенстве владел арабским и персидским языками. Об этом говорится в «Бабур-наме»:

Ҳеч кас ман харобу ошиқу расво мобод,
Ҳеч маҳбубе чу ту бераҳму бепарво мобод.

Действительно, каждое произведение Бабура, независимо от объема, в узбекском литературоведении искренне приветствовалось другими тюркскими творцами. Поистине, художественно-научное наследие поэта на протяжении многих веков является духовной пищей для народов мира, в том числе для тюркского народа, школой чтения для каждого творца.

Нелегко найти творца, не воодушевленного Бабуром, не насладившегося творчеством поэта, не стремившегося к совершенству в своей литературе. Бабур – бесподобный поэт в искусстве стихосложения. В каждом слове и строке Бабура ярко выражены чувства красоты и нежности. Творческий путь Бабура, прежде всего, путь души и духовности. Вершина творчества поэта «Бабур-наме» также известна как «Бобурия», «Тузуки Бобурий». Произведение начинается со следующих слов: *«Тенгри таолонинг инояти билан Ҳазрати он сарвари коинотнинг шафоати билан ва шаҳарёри ҳиммати билан сешанба куни рамазон ойининг 5 да тарих саккиз юз тўқсон тўққизда Фарғона вилоятинда 12 ёшга подшоҳ бўлдум».* Этими совами он указывал на предательство своих близких. Свидетельство тому – скитания, измены, потеря близких. Однако насколько не было бы печально изгнание из Родины, измены, скитания очень значимы в становлении Бабура. Каждое слово произведений, газелей, словно жемчужина. Бабуру удалось собрать эти жемчужины в одну нить. Его стихи, словно родник, переполненный вдохновением поэта. В его газелях ярко выражено пылающее сердце, личность, чувствительная душа, бунтовская природа. В истории узбекской литературы нет такого творца, который бы прожил свою жизнь вечно в скитаниях, боевых действиях, победах и поражениях, творчестве и созидательной деятельности. Бабур продолжал творить, проживая жизнь, с одной стороны, в предательстве своих близких, с другой – в борьбе с бесчестными врагами.

Бабур был всесторонне развитым, сверхспособным сыном своего народа. Он благодаря великому таланту смог превратить беспокойную, скитальческую жизнь в прекрасную. Его жизнь была полна не только бесконечными боями, но и мгновениями вдохновения. В следующих строках рубаи, исходя из своей пережитой жизни, мастерски выразил чувство тоски по Родине:

Ғурбат тузи ёпқон руҳи зардимниму дей?
Ё ҳажр чиқорғон оҳи сардимниму дей?
Ҳолинг надур? Билурмисан дардимни?
Ҳолингни сўрайму, йўқса дардимниму дей?

Рубаи было написано в результате душевных страданий. Иногда подобные автобиографические строки сопровождаются любовными строками и отражаются в нежном художественном одеянии. Эти строки – отражение страданий поэта, пережившего и беспощадные войны, и предательство друзей. Мастерство Бабура в том, что ему своеобразно удавалось выразить то, что другому не дано было увидеть. В процессе ознакомления с поэзией Бабура приходишь к мысли о том, что он любил жизнь, словно ценил каждый дарованный ему миг. Поэтому в любые тяжелые моменты стремился к жизни. Общая сторона его стихов в том, что их объединяет единое чувство – искренность. Несомненно, искренность чувств в его рубаи привлекают к себе книголюба. Газели поэта – целостный образ личности и чувств. Он настолько глубоко выражал печаль и огорчения, что, прочитав всего лишь один бейт газели, читатель пребывал в определенном настроении.

Чархнинг мен кўрмаган жабр-у жафоси қолдиму?
Ҳаста кўнглум чекмаган дард-у балоси қолдиму?

Поэт посредством этой газели проявляет себя в качестве владельца тонкого вкуса, внимательного взгляда. Газели Бабура отличаются совершенством, естественностью, чувствительностью мыслей. Общение с поэзией Бабура вносит большой вклад в обогащение внутреннего мира, духовности читателя. Особенно газели о Родине и патриотизме являются поучительным примером не только в качестве переживаний людей того времени, но и для сегодняшнего поколения.

Жизненные события, отраженные в газелях, также заставляют человека задуматься, укрепляют веру человека в свои силы и мощь, убеждения, служат образованию в самом человеке таких чувств. Нельзя не восхититься неповторимым мастерством Бабура в изображении милосердия и любви.

Девонима не рабту не тартибдурур,
Не жадвалу не лавҳу не тазҳибдурур.

Можно сказать, что Бабур своим творчеством, в частности, «Бабур-наме» и стихотворными диванами, оказал большое влияние на развитие литературы и изобразительного искусства. Правда, до нас не дошли и достойно не проиллюстрированы подобные источники при его жизни. В свое время Бабур писал, что создал рукопись из произведения «Вақое» и отправил ее в Мавераннахр. Стало известно, что на сегодняшний день создана всего лишь одна иллюстрация к рукописи сборника стихов о Родине «Девон», которая хранится в Национальной библиотеке Франции.

Соратник и чиновник Бабура Шайхзайн Хавофи приступил к переводу великого произведения Бабура «Бабур-наме» на персидский язык до его завершения и создал отдельное историческое произведение. Действительно, где бы ни был Бабур, он прежде всего интересовался природой, животным и растительным миром того места, записывал свои впечатления.

Вот уже на протяжении многих веков человечество интересуется личностью Бабура. Не секрет, что наследие, оставленное Бабуром и Бабуридами, богатые духовные строки восхищают народы мира. Французский ученый Жан

Поль Ру пишет: «Одна из самых великих фигур, Бабур – самая вечная личность, оставившая след в истории». Говоря так, ученый имел в виду, что творческое наследие нашего великого предка служит духовности народов мира, переходя из поколения в поколение.

Бабур плодотворно трудился в жанрах, как китъа, газель, рубаи, фард, но нужно отметить, что его произведения, написанные в жанре рубаи, считаются самыми совершенными. Тот факт, что книга, посвященная анализу произведений Омара Хайяма, который являлся одним из мастеров рубаи персидской поэзии, заканчивается главным рубаи Бабура, свидетельствует о величии рубаи Бабура-шаха. Абдурауф Фитрат в своих воспоминаниях о Бабуре пишет так: «Многие поэты стараются быть похожими на Хайяма. Есть рубаи Навои, Лутфи, Омар-хана, Фазли. Однако ни один рубаи не сравним с рубаи Хайяма. Только Мирза Бабур близок Хайяму. Открытость, простота в рубаи Бабура схожи с Хайямом». В качестве литературоведа Бабур пишет произведение «Рисолайи аруз». Изучил науку аруз. Отдельно останавливаясь на каждом бахре (литературное название каждой из 19 групп стихотворных размеров аруза), описал их примерами. Как говорится в некоторых исторических источниках, Бабур проанализировал некоторые газели Алишера Навои. Писал о существовании некоторых ошибок при составлении ритма и бахр. По его мнению, Навои допустил некоторые ошибки. Однако, по мнению современных исследователей творчества Навои, эта ошибка является ошибкой не поэта, а каллиграфов.

В заключении следует отметить, что творчество Бабура, словно океан. Находить ракушек на дне этого океана, извлекать из них жемчужины в наших руках. Творчество Бабура послужит для молодежи наставлением при формировании чувства преданности к Родине. Следовательно, изучению творчества Бабура стоит уделять особое внимание. Его 537-летие широко было отмечено в стране. Память о нем навечно останется в наших сердцах.

Литература

1. Бобур ва дунё: илмий-маърифий, адабий-бадиий журнали. – Т., 2017.
2. Бобур З. М. Бобурнома. – Т., 1989.
3. Матчонов С., Сариев Ш. Адабиёт. – Т., 2011.
4. Тўхлиев, Боқижон. Адабиёт. – Т., 2018.
5. Фитрат, Абдурауф. Аруз ҳақида. – Т., 2000.

© **Алимова М. К**., **Мавлонова Г. Б**., 2020

С. К. Алымкулова,
д. и. н., проф. КГУ им. И. Арабаева, г. Бишкек (Кыргызстан)
А. С. Турдуева,
к. и. н., доц., Фонд исторического и культурного наследия кыргызского народа «Мурас» при Президенте Кыргызской Республики, г. Бишкек (Кыргызстан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КЫРГЫЗСТАНА, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ БАБУРА

Имя Захириддина Мухаммада Бабура широко известно в Кыргызстане, а его наследие в качестве обязательного курса изучается в учебных программах на исторических, филологических и других факультетах гуманитарного профиля вузов республики.

Гора Сулайман-Тоо является не только известным на весь мир историческим памятником Кыргызстана, находящимся под охраной ЮНЕСКО как Ошский объединенный историко-культурный заповедник с 2009 г., но и почитается как святыня страны.

На горе сохранилось очень много петроглифов с эпохи бронзы, что также свидетельствует о почитании этого места с древности как святыни. Известно, что до XVI в. она носила название Бара-Кух, затем была переименована в Тахти-Сулайман («Трон Соломона»), сегодня она вошла в список самых известных памятников мирового значения как Сулайман-гора. Согласно легенде, однажды пророк Сулейман молился на горе, и остались следы его коленей, преклоненных до земли, и следы от его лба при соприкосновении с землей. Каменная плита, символически носящая следы этого моления, названа в народе «Кадам-джай» – следы Сулеймана.

Мечеть Тахти-Сулайман, давшая сегодняшнее имя горе, красуется на его вершине и связана с именем Бабура, почитаемого как потомока великого Тамерлана и основателя династии Великих Моголов в Индии. Легенда гласит, что посещение Сулайман-горы поразило воображение Бабура, и он велел построить на этом месте прекрасную худжру (небольшую келью) с михрабом (нишей в стене мечети, указывающую направление на Мекку). Хотя она официально называлась и называется мечетью «Тахти-Сулайман», в народе она получила название «Домик Бабура». В советское время (в 1963 г.) мечеть была разрушена и только в 1991 г. она была восстановлена по сохранившимся фотографиям.

Посетителям Сулайман-горы гиды расскажут завораживающие и поражающие воображение легенды. Особое место в них занимают легенды о местах, обладающих чудодейственной силой. Поэтому каждый посетитель не только сможет насладиться прекрасной панорамой, увидеть весь 3000-летний город Ош как на ладони, но и услышать эти легенды и на месте попытаться испытать на себе чудодейственное влияние святынь Сулайман-горы и, конечно, посетить музей.

Не только сама гора, но и её окресности окутаны легендами и богаты памятниками: Мавзолей Асаф ибн-Бухрия (XI–XVII вв.), мечеть Рават-Абдуллахана (XVII–XVIII вв.), мечеть Юсуп Байходжи уулу (1909 г.). Согласно одной из легенд, именно мавзолей Асаф ибн-Бухрия является местом погребения мифического сподвижника Сулеймана, который пожелал после смерти покоиться у подножия священной горы.

Итак, Бабур (полное имя – Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, а полная тронная титулатура – ас-Султан аль-Азам ва-л-Хакан аль-Мукаррам Захир ад-дин Мухаммад Джалал ад-дин Бабур, Падшах-и-Гази) в 1526 г. заложил основы Империи Великих Моголов в Индии. Бабур был выдающимся государственным деятелем, поэтом и писателем. Потомок династии Тимуридов, он еще в 12 лет унаследовал от отца трон Ферганы и был вынужден бороться много лет с противниками и конкурентами. В 1504 г. Бабуру пришлось с небольшим войском уйти в Афганистан через гору Алтынбешик. Это событие было описано в романе национального кыргызского писателя Тологона Касымбекова на основе документальных материалов как исход из территории совеременного Кыргызстана.

В том же 1504 г. Бабур покорил Кабул. До 1512 г. он не оставлял попыток возвратить Бухару и Самарканд с окрестностями. С 1519 г. он совершил первый поход на Индию, а в 1525 г. дошел до Дели. Проведя блистательные бои против правителя Дели Ибрагимом Лоди в 1526 г. на поле Панипата, князя Раджпута с Сангра Синхти до 1529 г., он овладел Восточным Афганистаном, Пенджабом, долиной Ганга до границ с Бенгалией. Вновь созданное им государство, Империя Великих Моголов, просуществовала до 1856 г.

Биография Бабура в основном описана в его произведении «Бабур-наме». Не только автобиография, но и события 1493-1529 гг.: пребывание на территории современного Кыргызстана, исход в Афганистан, походы в Индию. В историческом источнике отразились события политической истории Кыргызстана, его исторической географии. Есть сведения по этнической истории южных кыргызов, например, о племени чогорок в составе кыргызов. «Бабур-наме» сохранилась не полностью, известны два издания 1857 и 1905 гг.

Следует подчеркнуть, что Бабур всегда выражал тоску по любимой земле – Ферганской долине, и это отразилось в его творчестве:

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.
Каких страданий не терпел и тяжких бед, Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет, Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур.

Литература

1. Бабур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
2. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М.: Наука; ГРВЛ, 1977. – 176 с.
3. Галицкий В.Я., Плоских В. Старинный Ош. – Фрунзе, 1987.
4. Кыргыз тарыхы: Энциклопедия. – Бишкек, 2003.
5. Асанканов А. А., Осмонов О. Дж. История Кыргызстана: с древнейших времен до нащих дней. – Б., 2002.
6. Кыргызы в древности и средневековье: материалы и исследования. – М., 1997.

© **Алымкулова С. К., Турдуева А. С.**, 2020

А. Х. Аманлаев,
к. ф. н., доц. ДжГПИ, г. Джизак (Узбекистан);
Ф. Х. Шукурова,
ст. преп., ДжГПИ, г. Джизак (Узбекистан)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БАБУРА И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Узбекский народ поистине может гордиться своим богатейшим литературным наследием. Прекрасные, ценные для всех народов Востока передовые мысли отображены в творениях наших великих мыслителей. Они до сих пор не потеряли своего значения в определении пути к прогрессу. Действительно, «… у нас есть великая история, которая достойна всякого восхищения. А также она богата творениями великих предков, которые оставили нам богатое литературное наследие» [3, 136].

Имеющие богатое духовно-нравственное наследие, наши великие учёные-мыслители Абу Наср Фараби, Аль-Хорезми, Ахмад аль-Фергани, Абу Рейхан Бируни, Авиценна, Имам аль-Бухари, Алишер Навои, Машраб и другие внесли значительный вклад в развитие науки Мавераннахра. Среди тех, кто оставил нам богатое литературное наследие, есть и имя Захириддина Мухаммада Бабура. Произведения Бабура отличаются своей притягательностью, глубокой содержательностью и художественностью ритма. Он прошёл сложный жизненный путь, благодаря своему широкому мировоззрению, богатому литературному наследию, он занял достойное место в истории узбекской литературы.

Бабур был не только государственным деятелем и искусным полководцем, но и великим поэтом, литератором, историком и учёным. Известный государственный деятель индийского народа Джавахарлал Неру в переведённой в 1955 году на русский язык книге «Открытие Индии» писал: «… Бабур был человеком с прекрасной душой, типичным представителем эпохи Возрождения, человеком смелым и предпринимательным, он любил жить, наслаждаясь жизнью и литературой» [4, 272].

Хотя Бабур большую часть своей жизни проводил в военных походах, боях, в бурных спорах, битвах, он находил время для творчества. Он создал ценные произведения, касающиеся разных сфер науки. Как сказал наш Президент Ш. М. Мирзиёев, «…этот великий человек с 12 лет не останавливался ни перед чем, чтобы сохранить государство Тимуридов, не побоялся никакого врага, никаких испытаний. За свои 46 лет жизни не знал покоя. В качестве наследия он передал будущему поколению свою любовь к Родине и добродетельные качества» [3, 9].

Бабур в течение 46 лет жизни создал небольшой сборник стихов, стихотворные произведения «Мубайин», «Рисолаи Волидия», известное всему миру энциклопедическое произведение «Бабур-наме». В произведениях Бабура, особенно в стихотворениях, часто можно встретить поучительную речь дидактического характера, касающуюся воспитания и нравственности. Учёный-

энциклопедист и творец, ценивший науку и просвещение, в своих стихотворениях беспокоится о том, что учёных людей мало, и призывает к образованию, овладению науками.

Он делает такое заключение, что просвещение помогает человеку жить, просветляет его душу. Чтобы овладеть науками, нужно жаждать знаний. Вот такую идею он считал самой важной. Эти мысли он отразил в своих рубаи (четверостишия, в которых рифмуются 1-я, 2-я и 4-я строки) и маснави (стихотворная форма с парной рифмовкой полустиший, двустишие):

Кто жаждет знаний,
тому нужны знания,
я жажду знаний,
мне нужны знания [2, 94].

Бабур всегда высоко ценил человеческие качества. Он призывал людей не гоняться за личной выгодой, быть честными, искренними, чистосердечными, не унижать и не обижать простой, обездоленный народ.

Обретя богатство – не забудь о труде,
Не будь рабом своих презренных мыслей [2, 89].

Бабур в данном рубаи отмечает, что человек не должен предаваться страсти, потому что он должен воздерживать себя от любого проявления алчности, что он, опираясь на ум, должен правильно планировать свои дела.

Страсть – это увлечение, алчность,
Жадность, корыстолюбие, будучи алчным –
Перед душой своей ты станешь мерзким,
Знай, мой друг, алчность – это твой враг.

Бабур призывает людей делать добро, владеть хорошими манерами, быть примером, образцом для других, пропагандирует такие положительные человеческие качества, как заботливость, честность, добросовестность. Это всё он явно отразил в своих рубаи:

Всё хорошее делай для народа,
Нет лучше этого добра [2, 71].

Бабур в своих стихотворениях дидактического содержания пропагандирует идеи гуманизма, справедливости, любви к науке, призывает людей к добродетели, верности, преданности, благодеянии. Поэт приводит рифмы, в которых говорит, что хороший человек достоин благ, плохой человек испытывает страдания, мучения.

Кто предан – тому и преданны,
Кто приносит страдания другим, тот сам страдает.
Хороший человек с плохим не сталкивается,
Кто делает зло, тот и получает наказание [2, 36].

Основное внимание в газелях и рубаи Бабур уделял чувству любви к Родине, образу возлюбленной и любви к ней.

Тема Родины занимает в творчестве Бабура центральное место. Известно, что Бабур, покинув свои родные места, вынужден был поехать сначала в Афганистан, а потом в Индию. Многолетние тяжёлые бои, постепенное

отдаление от родных мест, возвращение друзей в Афганистан и Мавераннахр, несомненно, очень угнетало поэта. Когда ему преподнесли дыню из Ферганы, т. е. из его родного города, он, разрезая ее, горько-горько плакал. Вдали от своей Родины он скучает по ней, тоскует, ропщет на свою судьбу, раскаивается за свои ошибки, сожалеет и грустит:

Счастье и удача отвернулись от меня,
Все мои старания напрасны,
Покинув родную землю,
Поехал в Индию,
О, что мне делать?! Как досадно! [2, 87]

Находясь далеко от Родины, в чужих краях, Бабур чувствовал себя одиноким, чужим. Вот такое подавленное настроение отражено в ряде его печальных, жалобных стихотворений, которые проникнуты безграничной любовью к Родине.

До нашего времени дошли не только стихотворения, но и такие произведения, как «Мубаййан», «Хатт-и Бабури», самое крупное произведение «Бабур-наме» и другие.

В творческом наследии Бабура «Бабур-наме» занимает центральное место. Это произведение занимает достойное место в узбекской классической литературе, именно в нем поэт мастерски показал себя как прозаик и использовал для этого те методы, которые были созданы великим Навои. В «Бабур-наме» события происходят в конкретном порядке: ото дня к дню, от года к году, в эволюционном порядке и охватывает весь период его жизни (1494-1530).

«Бабур-наме» помогает изучить историю восточных народов, богатых ценными материалами, изучить литературу и искусство этих народов. Известно, что в «Бабур-наме» описываются жизнь и деятельность многих исторических личностей, в сюжете участвуют около ста образов. Автор даёт объективную оценку социально-классовому положению, образам и героям, похожих и различных по характеру, мировоззрению, убеждениям, старается дать правильную и объективную информацию. В оценке любого лица Бабур, в первую очередь, освещает его деятельность, его место в обществе; привлекательно то, что автор использует социальный подход к личности. А также поэт возвеличивает тех, кто внёс вклад в развитие общества страны, науки, культуры. А тех, кто приносит зло обществу, жестоко обличает. Поэт призывает брать пример хороших людей и приводит ряд имён таких личностей, благодаря труду которых расцвела наука и литература: «Всему народу, и учёному, и простому, известно имя Алишербека. Наставник Кулмухаммад, Шайхи Нойи и Хусейн Удийким были выдающимися в музыкальной сфере, получив воспитание и образование, обрели славу и почесть. Наставник Бекзод и Шах Музаффар достигли в искусстве больших результатов благодаря стараниям бека. Бек сделал такое доброе дело, которое не всем по плечу» [1, 233].

Одной из причин того, что «Бабур-наме» приобрёл такую известность, является то, что в нем отношения, происходящие в реальной жизни, изображены

мастерски. Поэтому интерес к чтению данного произведения всё более и более растёт.

Вместе с тем «Бабур-наме» является энциклопедическим произведением. В нем вместе с историческими событиями даётся ценная информация, касающаяся других сфер, таких, как медицина, география, топография, литературоведение, языкознание, этнография и педагогика. Если смотреть с этой точки зрения, глубокое научное изучение наследия «Бабур-наме» в настоящее время имеет важное научно-просветительское и воспитательное значение.

«Бабур-наме» наряду со своей литературной деятельностью послужил осуществлению множества назидательных, созидательных дел. Примером этому могут служить строительные работы, проведённые в Афганистане и Индии.

Бабур внес вклад в развитие культуры, особенно архитектуры, в укрепление связи между индийским народом и народами Средней Азии, развитие торговли между ними.

Бабур объединил разные народы Индии, упразднил налоги, которые являлись тяжёлым грузом для народа. «По всей стране отменяется повысившийся до предела налог, являющийся пережитком султанов и не входящий в правила шариата. Издаётся указ, согласно которому ни в каком городе, ни в каком селе, дороге, улице впредь не будет оплачиваться налог. Не вносить изменения в данный указ: кто, узнав об этом, внесёт изменения, тому не избежать наказания» [1, 468].

«Бабур-наме» – своеобразное крупное литературное произведение, являющееся образцом в развитии последующих периодов литературы. Можно сказать, «жизненный путь трудолюбивых, интеллигентных, просвещённых людей всегда является для молодёжи предметом для подражания. Их дела, совершённые на протяжении их жизни, тяжёлый, неутомимый труд должен стать школой жизни для подрастающего поколения» [5, 64].

Научное наследие и его жизнь, полная поучений и наставлений, для нас, настоящего поколения, является образцом и примером.

Литература

1. Бабур З. М. Бабурнаме. – Т.: Фан, 1960.
2. Бабур. З. М. Из поэзии Бабура. – Т., 1982.
3. Мирзиёев Ш. М. Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. – Т.: Узбекистан, 2017.
4. Неру Дж. Открытие Индии. – М., 1955.
5. Одил И. Оталар ибрати – хаёт мактаби = Назидание отцов – школа жизни // Маърифат. – Ташкент, 2003. – апрель.

© Аманлаев А. Х., Шукурова Ф. Х., 2020

М. У. Амонов,
ст. преп. ФерГУ. г. Фергана (Узбекистан)

Аннотация: Статья посвящена языковедческому аспекту «Бабур-наме», в частности, его лексической составляющей. Помимо тюркских слов, в языке Захириддина Мухаммада Бабура, как известно, широкое распространение имеют персидско-таджикские и арабские лексические единицы. Большое внимание в статье уделяется схожести узбекских и таджикских лексических единиц. Наманганский и ферганский диалекты говорят о взаимовлиянии таджикского и узбекского языка в этих регионах, а также о повсеместном распространении двуязычия. Время, в которое жил и творил Бабур, было признано специалистами периодом мирного сосуществования предков узбекского и таджикского народов. Вполне естественно, что такая языковая двойственность оказала большое влияние и на «Бабур-наме», в лексике которого также прослеживается лингвистическое разнообразие региона.

«БОБУРНОМА» ДАГИ АРАБЧА ИЗОФИЙ БИРИКМАЛАРНИНГ МОРФОЛОГИК ШАКЛЛАНИШИ

Заҳириддин Муҳаммад Бобур асарлари тили лексикасида асл туркий сўзлар билан бир қаторда, форс-тожик ва араб лексик бирликлари ҳам маълум салмоққа эга эканлиги маълум.

Ўзбек ва тожик тилларининг муносабатига бағишланган ишларда [1, 2, 4, 6, 7, 8, 9] Наманган ва Фарғона гуруҳи тожик шевалари билан ўзбек шевалари ўртасидаги ўзаро ўхшашлик, аралашув шунингдек, билингвизм-яъни иккитиллилик каби масалаларнинг синхрон аспекти тўғрисида сўз боради. Биз ушбу ишда мазкур масалаларга диахрон аспектда «Бобурнома» тили мисолида ёндашамиз.

Бобур яшаб ижод этган давр ўзбек ва тожик халқлари учун иккитиллилик даври эканлиги, Мовароуннаҳрда, жумладан, Фарғона водийсида туркий тилда сўзлашувчи халқлар билан тожиклар аралаш ҳолда яшаб, тожик тили «туркигўй» аҳоли орасида кенг тарқалганлиги ва уларнинг тожик тилида бемалол гаплаша олганлиги мутахассислар томонидан эътироф қилинган [4, 185]. Табиийки, жонли сўзлашув тилида мавжуд бўлган иккитиллилик адабий тилга таъсир кўрсатмай қолмаган.

Бобур ўша даврда Марғилон аҳлининг ҳам тожик тилида сўзлашганини эътироф этади: *«Яна бир Марғинондур, Андижоннинг ғарбидадур, Андижондин етти йиғоч йўлдур... Ови қуши яхшидур, оқ кийик ёвуқта бўлур. Эли сорттур[1] ва муштзан ва пуршару шўр элдур* [5, 6].

Ана шу ижтимоий-лисоний шароит туфайли ўзбек тилига тожикча лексик ва фразеологик воситалар билан бир қаторда айрим тожикча морфологик

[1] Ўрта асрларда “сарт” атамаси тожик тилида сўзлашувчи аҳолига нисбатан қўлланилган (М. А.)

элементлар(аффикслар) ҳам ўтиб ўзлашган. Шулардан бири изофа ҳодисасидир. Изофали бирикма ўзбек тили қолипидаги мослашув, битишув, бошқарув усули билан бириккан сўз бирикмаларига шаклан ўхшамайди. Тожик тилида изофа кўрсаткичи и(йи) бўлиб урғу қабул қилмайди.

Ҳозирги ўзбек адабий тилида изофали бирикмани (туркий изофани ҳисобга олмаганда) ташкил қилган сўзлар қайси сўз туркумига тааллуқлигини, табиийки, фарқлаш мушкул. Профессор Фаттоҳ Абдуллаев таъкидлаганидек, диққат қилинса, тожикча изофали бирикмаларнинг компонентлари қуйидаги 3та асосий туркумга алоқадорлиги кўринади[1, 24]: от, сифат, сифатдош; *таржимаи ҳол, обиҳаёт* (от+от), *жаноби олий, волидайи муҳтарама* (от+сифат), *булбули гўё, сарви равон, оби равон* (от+сифатдош). Бошқа сўз туркумларининг иштирокидаги изофали сўз бирикмаси нисбатан кам учрайди. Бироқ оз бўлса-да, ўзбек тилида, хусусан, «Бобурнома»да компонентлар таркиби сон, феъл, ёрдамчи сўзлардан ташкил топган бирикмалар ҳам учрайди;

а) *работи дудар* (от+сон+от) - икки эшик ораси;

б) *миёни дуоб* (от+от+сон) –икки сув ораси;

в) *Боғи жаҳоноро, Боғи Нурафшон* (от+от+феъл)

Работи Дударда Фаридун Ҳусайн мирзо ва иниси Ибни Ҳусайн мирзо Темур Султон ва Убайд Султон Шайбоқхоннинг илғори билан уруштилар, мағлуб бўлдилар [5, 150].

Ўшандин қочғон била Оламхон Миёни дуоб сари кечиб, Понипат навоҳисидин яна Понипат сари ўтарлар [5, 236].

Ҳар икки-уч кунда бориб, Боғи Жаҳонорода Бадиуззамон мирзоға кўрунуш қилур эдим [5, 170].

Бобурнинг шоҳ асари «Бобурнома»да жами 300дан ортиқ форс-тожик изофали бирикмаси қайд қилинди. Булар жой номлари, ҳайвон ва ўсимликлар номлари, касб-ҳунар маъносини билдирувчи лексик бирликлар ва бошқалардир.

Биргина топономик изофали бирикмалар таркибини морфологик таҳлил қилганимизда, аниқланмишнинг аксарият отдан иборат эканлиги аён бўлди. Аниқловчи ҳам кўп ҳолларда от сўз туркумидан ифодаланган, бундай изофали бикмаларнинг энг кўпи, яъни 54 таси от+от шаклида учради: *Боғи Биҳишт, Боғи Шамол, Боғи Зоғон, Боғи Бинафша, Боғи Вафо, Боғи Зубайда, Боғи Назаргоҳ, Боғи Хиёбон, Боғи Чанор, Боғи шаҳр, Боғи Фатҳ, Дараи Нур, Дараи Зиндон, Дараи Сўф, Дараи Бом, Дараи Газ, Дараи Занг, Дарвозаи Малик, Дарвозаи қипчоқ, Дарвозаи Ироқ, Дашти Шайх, Кўҳи Меҳтар Сулаймон, Кўҳи Жуд, Кўли Малик, Кандибодом, Курраи Тозиён, Майдони Рустам, Оби Хон, Обираҳмат, Пуштаи Кўҳак, Пули Солор, Пуликоҳ, Пулимолон, Пули Мирзо, Пули Муҳаммад, Пули Мағок, Работи Суғд, Работи Заврақ, Работи Хожа, Работи сарҳанг, Работи Рўзақ, Тахти Бобурхон, Тахти остона, Тахти Сафар, Тахти Навоий, Тахти Баргар, Тахти Ҳожибек, Шаҳри Самарқанд, Шаҳи Кобул, Қалъаи Зафар, Қалъаи Ихтиёриддин, Ғазнаи Намангон, Ғори Ошиқон, Ҳисори Фируза* сингари.

Самарқанд эли сипоҳи ва шаҳри Пули Муҳаммад Чаб навосиға қалин чиқтилар [5, 42].

Мирзохонни Муборакшоҳ қалъаи Зафарға тилаганда Абобакр Кошғарийнинг чопқунига йўлуқуб, Шоҳбегим ва Меҳр Нигорхоним ва жамиъ элнинг аҳли ва аёли асирликқа тушуб, ул золим бадкирдорнинг ҳабсида дунёйи фонийни видоъ қилдилар [5, 13].

Асарда миқдор жиҳатдан навбатдаги ўринни от+сифат шаклидаги жой маъносини англатувчи изофали бирикмалар эгаллайди. Уларнинг сони 11 та*: Боғи Сафо, Боғи Калон, Боғи Сафид, Дараи Хуш, Дарвозаи Хуш, Дарёйи Хўрда, Кўҳи Сафид, Кўҳи Соф, Обигарм, Пули мағок, Шаҳри Сафо.*

Бу кентта Боғи Калон отлиқ Улуғбек мирзонинг бир мағсуб боғи бор эди [5, 124].

Дарёйи Хўрда улуғ кўл эди, сув маслатиға ушбу ерда тушулди[5, 349].

«Бобурнома» тилида аниқловчиси нисбий сифат бўлган изофали бирликлар ҳам мавжуд: *Боғи Наврўзий, Дараи Фулоди, Қабри Оҳанин, Дарбанди оҳанин, Қалъаи Дабуси* Бу ерда ***и(ий), ин*** қўшимчалари форс тилидаги нисбий сифат ясовчи қўшимчалардир.

Ажаб қодиредур, бир кишиким, йигирма-ўттуз минг навкарнинг эгаси эди, Қаҳлуғдингим Дарбанди Оҳанин ҳам дерлар, Ҳиндиқуш тоғигача Султон Маҳмуд мирзоға тааллуқ вилоёт тамом анинг тахти тасарруфида эрди [5, 113].

Шайбонийхон била қалъаи Дабусида урушуб бостурди [5, 23].

Аниқловчиси ҳозирги замон ёки ўтган замон сифатдоши билан ифодаланган бирикмаларга дуч келинди:

а) Оби Истода-тўхтаб турган сув;

б) Пули равон- оқувчи кўприк;

в) Сабади равон-оқувчи сават.

Аниқловчиси тақлидий сўз орқали шаклланган изофали бирикмалар ҳам учрайди: *Масжиди Лақлақа. Самарқанднинг қалъасининг ичида яна бир қадимий имороттур, масжиди Лақлақа дерлар. Ул гунбазнинг ўртасида ерга тепсалар тамом гунбаздин лақ-лақ ун келур, ғариб амердур, ҳеч ким мунинг сиррини билмас* [5, 45].

Аниқловчиси мураккаб сўзлардан ифодаланган изофали бирликлар мавжуд. Булар аниқловчиси от+сифатдошдан ифодаланган: *Боғи Дилкушо;* от+феълдан ташкил топган: *Кони обгир, Боғи Жаҳоноро, Боғи Нурафшон*; сифат+отдан ифодаланган: *Шаҳри Заххоб;* от+сон+от *Работи дудар.*

Баъзи дерларким, бу ўлангнинг асли оти Кони обгир экандур, вале тарихларда тамом Конигил битирлар, хейле яхши ўлангдур [5, 46].

Аниқланмиши изофали кўмакчи воситасида ифодаланган бирикмаларни кузатиш мумкин: *Миёни вилоят, Миёни дуоб, Миёни Сулаймон* –иккинчи бирикмада аниқловчи сон+отдан ташкил топган. Ҳиндистондаги вилоятлар номи.

Индирийға етган маҳалда бир баҳона қилиб, Миёни Сулаймондин уч-тўрт лак олиб қўярлар [5,236].

Аҳл сўзи билан ҳосил қилинган (от+от) шаклидаги шахс номини ифодаловчи изофали бирикмалар ҳам асарда ўндан ортиқ: *аҳли мансаб, аҳли*

наѓма, аҳли табъ, аҳли соз, аҳли фазл, аҳли шеър, аҳли ҳунар, аҳли ислом, аҳли куффор, аҳли иртидод каби

Чун бу «Фатҳнома»дин ислом черикининг кайфияти ва куффор ҳайлининг камийяти, суфуф ва ясолнинг турмушлари ва аҳли ислом ва аҳли куфрнинг урушлари мушаххас ва маълум бўлур, ул жиҳаттин безиёда ва нуқсон ўшул «Фатҳнома»ким, Шайх Зайн иншо қилиб эди, сабт бўлди[5,290].

Шунингдек, «Бобурнома»да *соҳиб* лексемаси билан таркиб топган шахсни ифодаловчи (от+от) шаклидаги изофали бирикмалар ҳам ўндан ортиқ:

Соҳиби ҳидоя, соҳиби девон, соҳиб ихтиёр, соҳиб тажриба, соҳиби вуқуф, соҳибусул, соҳибқадам, соҳиб ҳимматон, соҳиби узр каби.

Умаршайх мирзо воқеасидан сўнг менинг эшигимда соҳиб ихтиёр ул эди. Ичи тор ва кам ҳавсала ва фитна, қисқароқ киши эди [5, 16].

Соҳибқадам Комилнинг бир забунѓина оти бор эди, тушуб манга тортти миндим [5, 101].

Кобулдин чиқиб, Иброҳимни босиб, Огрони олгунча, Хожа Калон яхшилар борди, мардона сўзлар айтти ва соҳиб ҳимматон раъйлар кўрсатти, вале Огрони олѓондин неча кун сўнгра тамом раъйлари ўзга бўлди [5, 271].

Юқоридаги бирикмаларнинг айримларида изофа белгиси **и** тушиб қолган ва лексикализацияга учраб содда сўз шаклига келиб қолган, қолганлари эса эркин изофали бирикма хусусиятини сақлаб қолган. Эркин изофали бирикма ҳозирги ўзбек адабий тилида деярли учрамайди, нисбатан янги изофали бирикмалар ҳосил қилинмайди, ҳозирги ўзбек адабий тилидаги арабча ва тожикча изофали бирикмаларнинг аксарияти идиоматик-фразеологик характерга эга ва турғун бирикма, термин сифатида мавжуд.

Соҳиб сўзи билан таркиб топган уч компонентли изофали бирикмалар ҳам учрайди; *Соҳиби «Саҳиҳи Бухорий», Соҳиби «Қасидаи Бурда», соҳиб мансаби девон* каби.

Яна соҳиби «Саҳиҳи Бухорий» Хожа Исмоил Хартанг ҳам Моваройннаҳрдиндур [5, 44].

Асарда (от+сифат ёки ясама сифат) шаклидаги изофали бирикмалар навбатдаги ўринни эгаллаган; *муши мушкин, мушки тар, пойи чўбин, хуки обий, шери обий, қўтоси баҳрий, хурмойи ҳиндий, олуйи бухорий, жавоби шофий.*

Яна бир сичқон Нижровда бўлур эмиш, муши мушкин дерлар. Мушк иди андин келур эмиш [5, 123].

Яна киюрадур, бисёр латиф иди бор. Мушкнинг айби будурким, хушклуѓи бордур, муни мушки тар деса бўлур. Бисёр латиф иди бордур [5, 264].

Хулоса қилиб айтганда, Бобурнинг нутқида бу қадар тожикча изофали бирикмаларнинг кўп қўллашининг сабаби, аввалambор ўша давр туркий адабий тилининг анъанаси бўлса, қолаверса, Бобур ҳам бошқа ижодкорлар сингари тасвирнинг тантановор, нутқининг таъсирли бўлишига интилган.

Адабиётлар

1. Абдуллаев. Ф. Сўзлар ўзаро қандай боғланади. – Т., 1974.
2. Абдуллаев. Ф., Эшондадаев Д. Ўзбек тилида тожикча изофали бирикмалар // Ўзбек тили ва адабиёти. – Т., 1973. – № 1.
3. Бегматов. Э. Ономастик сўз ясаш масалаларига доир // Ўзбек тили ва адабиёти. – Т., 1965. – № 3.
4. Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языка / В сб.: Ученые записки ИВАН, том IV. – М.
5. Бобур М. З. Бобурнома. – Т., 1989.
6. Зокиров М. Лингвистик интерференция ва унинг ўзбек-тожик билингвизмида намоён бўлиши. филолол. фанл. номз.диссер. автореф. – Т., 2007.
7. Ишандадаев Д. Некоторые особенности словообразования в таджикских и узбекских говорах Наманганской группы районов АКД. – Т., 1967.
8. Юсупов К. Ўзбек ва тожик тилларининг ўзаро таъсири. – Т., 1974.
9. Юсупов. М. Типы изафетных конструкций в прозаических произведениях Алишера Навои : автореф. дис. канд. – Т., 1984.
10. Ҳакимов. Д. Ўзбек тили лексикасида изофий бирикмалар тизими // Ўзбек тили ва адабиёти. – Т., 2004. – №4.

© **Амонов М. У.,** 2020

О. И. Антипина, А. С. Нестерова,
Студенты ЧелГУ, г. Челябинск

ТВОРЧЕСТВО БАБУРА КАК ФИЛОСОФИЯ ЭТИКИ И ЛЮБВИ

Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530) – правитель, полководец, основатель династии Бабуридов и государства Великих Моголов, помимо этого, он известен как поэт, мыслитель и историк. Бабур родился в г. Андижане (14 февр. 1483 г.) [2, 320–321].

Бабур был одним из величайших людей своего времени. Создав одну из самых сильных империй в истории Востока, он тем не менее оставался в душе пламенным патриотом своей Родины и до конца своих дней стремился наладить дипломатические и дружественные связи с родным городом Андижаном [1, 58].

Его стремления к мирному сосуществованию с родным городом и в целом его взгляды на мир и на людей отразились в его теперь уже классических произведениях, которые собраны в «Кабульский диван» (1519), затем в «Индийский диван» (1529–1530). В целом, его стихотворения, как было сказано ранее, наполнены в своем содержании окружающим миром самого Бабура, жизнью и чувствами поэта. Пишет Захириддин Мухаммад достаточно просто и кратко, объясняя это так: «Пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда и тому, кто читает». Он использует яркий, выразительный и оригинальный стиль. В его стихотворениях отражены его личная жизнь, окружающая среда и исторические события, однако основу поэзии Бабура составляют стихи любовно-лирического содержания.

В них он акцентирует внимание на человеческих переживаниях, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, говоря о том, что существование одного не может обойтись без другого:

Мне красавица эта, чья плоть так нежна, – нужна,
Словно солнце, чьим светом душа зажжена, нужна.
Мне, упавшему ниц, не михраба священный свод –
Эта бровь, что искусницей насурьмлена, нужна. [4]

На примере данного отрывка можно выделить одну из ключевых тем его произведений – любовь, которая практически приобретает сакральное значение, любовь становится высшим проявлением чувств. Рассматривая его поэзию, можно предположить, что для Захириддина Мухаммада любовь – это верность, преданность, благородство, самопожертвование и великодушие. Любовь как проявление высших чувств приобретает более глубокое значение, нежели просто отношения между мужчиной и женщиной.

В строчках:

Что с того, что с тобой неприветливы все, Бабур?
Ведь тебе лишь улыбка подруги одна нужна, [4] –

Захириддин Мухаммад демонстрирует свою отстранённость от окружающего его мира, отдавая приоритет частному, «подруге» и ее «улыбке», которым он поклоняется.

Здесь можно сделать интересное сравнение с идеями религии любви такого философа, как Людвига Фейербах.

Людвиг Андрес фон Фейербах (28 июля 1804 – 13 сентября 1872) – представитель немецкой классической философии. Его главная гуманистическая концепция – религия любви, которая заключена в том, что человек – это абсолютная ценность, а любовь ставится на место религии, приобретая главное значение в жизни человека.

«Человек любит, он обязан любить, – пишет Л. Фейербах, – но любовь его различна, ее истина и ценность определены содержанием и объемом чувства. Чем глубже предмет любви, тем она сильнее, а по этой силе определяется ценность любви: чем больше ты отдаешь самого себя, тем истиннее твоя любовь. Нельзя любить без самоотдачи» [5, 338].

В наше время тема любви приобретает новое значение, но несмотря на это, Бабур с его философией остается актуальным и в XXI веке. Любовь – по-прежнему проявление высших чувств, хотя и происходит подмена понятий: люди опошляют чувства друг друга, видя в людях только инструмент для удовлетворения собственных желаний. Чтобы избежать ошибочного понимания любви, стоит обратиться к сочинениям Захариддина Мухаммада: в его творчестве предельно ясно показаны истинные проявления любви, а также ценность человеческих чувств.

С точки зрения философии так же интересны выдержки из завещания Бабура, где он указывает сыну и наследнику Хумаюну о необходимости обращать внимание на положение всех групп людей в государстве, не жалеть для них помощи, а также быть справедливым и мудрым правителем. Данные положения носят нравственный характер, поэтому эти установки можно отнести к этике. Стремление Захариддина Мухаммада Бабура передать свои знания о морали подрастающему поколению отражены в его наставлениях:

1. По мнению поэта, нужно всегда избегать сектантского фанатизма, быть в добросовестном отношении к каждому сословию;
2. Народ должен подчиняться по доброй воле;
3. Не разрушать бога никакого рода или племени;
4. Вместо угнетения лучше процветание ислама, вместо меча лучше благосклонность и благодеяние;
5. Всегда интересоваться положением своих подданных. [3, 59–60].

Анализируя основные положения наставлений Бабура, можно выделить несколько ключевых моментов, которые актуальны и в наше время:

1. *Справедливость.* Народ не должен находиться в страхе перед правителем, чтобы народ мог доверять ему, не бояться быть обманутым. Правитель должен стремиться к заслуженному уважению.
2. *Толерантность.* Каждый человек равен другому, неважно какой веры и происхождения. Нет места нетерпимости к другим.
3. *Отрицание войны и насилия.* Война не единственный путь развития государства. Все можно решить путем переговоров. Также население не должно бояться своего правителя, испытывать перед ним страх.

4. *Государь — слуга народа.* Правитель, прежде всего, должен заботиться о благосостоянии своего народа, принимая лишь законы, которые положительно влияют на общество.

Наследие Бабура поистине многогранно и уникально. Даже несмотря на то, что он жил более 500 лет назад, его творчество актуально и для нашего поколения, а его произведения побуждают людей задумываться о, казалось бы, обычных вещах: кто из нас задумывается о любви в настоящее время с точки зрения философии, как чувства, которое подталкивает человека стремиться к самому лучшему – к самой любви? Или кто из нас рассматривает этику не с позиции норм поведения, а со стороны философии, рассматривая ее со всех позиций, как совокупность всех сфер человеческий жизнедеятельности. Человек у него не просто часть природы, для него человек – это индивид, который сам властвует над своими решениями, над своей судьбой. Именно поэтому творчество Захириддина Мухаммада Бабура представляет интерес не только для историков и биографов, которые изучают прошлое и его личности, но и для философов, которые пытаются осмыслить его произведения с философской позиции, замечая при этом значимость и для современности.

Литература

1. Адилова, Д. Н. История творческого наследия Бабура // Вестник современной науки. – 2016. – №2. – С. 57–60.
2. Бабер // Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911–1915. – Т. 4: Б – Бомба. – С. 320–321.
3. Гафуров, Б. А. Отражение социальной и религиозной политики Бабура в его завещании / Б. А. Гафуров, Д М. Холназарова // Наука и образование сегодня. – 2016. – №4 (5). – С. 59–60.
4. Захириддин Мухаммад Бабур. Рубаи и афоризмы // GreyLib: библиотека Хуршида Даврона, 2020. – URL: http://greylib.align.ru/461/zaxiriddin-muxammad-babur-rubai-i-aforizmy.html (дата обращения: 17.01.2020).
5. Feuerbach, L. Gesammelte Werke. – Bd. 1. – Berlin, 1961. – S. 338.

© **Антипина О. И., Нестерова А. С.**, 2020

А. В. Арапов
д. филос. н., доц., ВГУ, г. Воронеж
Р. А. Черенков
к. и. н., доц., ВГУИТ, г. Воронеж

КАБИР И РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНТЕЗ В ИМПЕРИИ МОГОЛОВ

О правлении падишаха Бабура в основанной им империи Великих Моголов и царственной деятельности его наследника Хумаюна нередко справедливо говорят, что это были чёрные дни индуизма и буддизма. Падишах Бабур действительно не различал представителей различных индийских конфессий и охотно использовал в войне с раджпутами джихадистскую риторику. Падишах Хумаюн был поглощён борьбой со своими братьями за престол, и на целенаправленную религиозную политику у него попросту не оставалось времени. Зато годы правления падишаха Акбара (1556-1605 гг.) стали для Северной Индии эпохой духовного плюрализма и фактической свободы вероисповедания. В данной работе мы очертим контур синкретического учения проповедника и поэта Кабира Даса (1440-1518 гг.), доброжелательно обсуждавшегося при дворе монарха. Интерес и терпимость (если не сказать, благосклонность) падишаха Акбара к таким религиозно-философским системам демонстрирует духовный климат, прочно установившийся в империи Моголов во второй половине XVI в.

Что же подвигло падишаха Акбара изменить радикальной нетерпимости к иноверцам, которой славились его отец и дед? Британский историк Д. Кей полагает, что Акбар, в отличие от Бабура и Хумаюна, родился в Индии, а не в Средней Азии, и поэтому воспринимал её как свою родину, а не добычу [1, 407-408]. И, как любой патриотичный монарх, он был заинтересован в том, чтобы в государстве наступил гражданский мир. Именно в правление Акбара в империи Моголов была отменена унизительная для индусов джизья (специальный налог для иноверцев в мусульманских странах). Но правитель пошёл в своей толерантности ещё дальше, устраивая в своём дворце Фатехпур-Сикри открытые богословские диспуты для представителей всех конфессий и анонсируя создание интегральной синкретической религии, подходящей для всех его подданных. Среди гостей и участников таких дискуссий были представители всех существовавших в Индии конфессий, включая католицизм, проповедуемый португальцами в Гоа, и кашмирский шиваизм, веками клеймимый мусульманами как «многобожие». Вот как описывает духовный климат, установившийся в Фатехпур-Сикри, Д. Кей: «К цитатам из Корана, приводимых шиитами, суннитами и исмаилитами, добавлялись мистические и популистские изречения суфиев различных орденов, горячее бхакти посвященных шиваитов и вишнуитов, насмешливая логика нагих джайнов и разнообразные озарения многочисленных аскетов, святых и прочих “бесчувственных отшельников”» [1, 411]. В такой обстановке любое синкретическое религиозно-философское

учение могло чувствовать себя как дома, и система Кабира Даса не стала исключением.

Точные годы рождения и смерти Кабира Даса неизвестны. Некоторые историки предполагают, что период жизни Кабира – это 1398-1448 годы, в то время как другие отдают предпочтение 1440-1518 годам. Существует много легенд, непоследовательных в своих деталях, о его родной семье и ранних годах жизни. Согласно одной из версий, матерью Кабира была незамужняя женщина, принадлежавшая к высшей касте Брахманов, жившая в Варанаси. Будущий философ был рождён от непорочного зачатия и появился на свет через ладонь материнской руки. Мать затем оставила его в корзине, плавающей в пруду, и ребенок Кабир был найден и затем воспитан мусульманской семьей. Однако современная наука опровергла эти легенды из-за отсутствия исторических свидетельств, и Кабир Дас, по общему признанию, родился и вырос в семье мусульман-ткачей.

Некоторые ученые утверждают, что родители Кабира, возможно, были недавно обращены в ислам, они и Кабир, вероятно, не знали об исламской ортодоксальной традиции и, вероятно, следовали школе Натха (Шива-йоги) индуизма. Основателями Натха-сампрадайи являются Матсьендранатх и Горакшанатх. Источником Божественного знания в этой системе считается сам Господь Шива, который именуется Адинатхом, т. е. высшим, изначальным натхом. Матсьендранатх получил тайные знания непосредственно от Шивы и, в свою очередь, передал их Горакшанатху. Натхи рассматривают видимую и невидимую Вселенную как космическое тело Шивы, как непрерывное цветение Его Шакти в бесконечности душ, миров и сил. Жизнь и смерть, человеческие слабости и человеческая Божественность – все это проявленный Шива. Эта точка зрения, хотя и оспариваемая другими учеными, была резюмирована Шарлоттой Водевиль следующим образом: «Обрезанный или нет, Кабир официально был мусульманином, хотя вполне вероятно, что какая-то форма Натизма была его наследственной традицией. Только этим можно объяснить его относительное незнание исламских догматов, его примечательное знакомство с практиками тантрической йоги и его щедрое использование ее эзотерического жаргона [в своих стихах]. Он, по-видимому, гораздо лучше знаком с основными установками и философией Натх-Пантхи, чем с исламской ортодоксальной традицией» [6, 31].

Широко распространено мнение, что Кабир стал одним из многочисленных учеников поэта бхакти Сан Свами Рамананда из Варанаси, известного своим ревностным вайшнавизмом с сильной склонностью к монистической философии Адвайты. Ранние тексты о его жизни связывают его с вайшнавской традицией индуизма, а также с суфийской традицией ислама [8, 412]. Согласно Ирфану Хабибу, две рукописные версии Персидского текста «Дабистан-и-Мазахиб» являются самыми ранними известными текстами с биографическими сведениями о Кабире. «Дабистан-и-Мазахиб» утверждает, что Кабир является «Байраги» (вайшнавским йогом) и что он является учеником

Рамананда (в тексте он неоднократно упоминается как «Ганг»). Кроме того, в ней говорится, что Кабир – монотеист, а его бог – «Рама» [4, 479-480].

Некоторые легенды утверждают, что Кабир никогда не был женат и соблюдал целибат. Большинство ученых делают вывод из исторической литературы, что эта легенда также не соответствует действительности, что Кабир, вероятно, был женат, его жену, вероятно, звали Дхания, у них были, по крайней мере, один сын по имени Камаль и дочь по имени Камали [5, 47].

Стихи Кабира были написаны на хинди, заимствованном из различных диалектов, включая Авадхи, Брадж. Они охватывают различные стороны жизни и призывают к любовной преданности Богу. Кабир сочинял свои стихи простыми словами на хинди. Большая часть его сочинений была связана с преданностью, мистицизмом и ученичеством.

Там, где царствует весна, владыка времен года, там звучит сама по себе нестройная музыка,
Там струятся во все стороны потоки света, мало найдется людей, способных перебраться на тот берег!
Там, где миллионы Кришн стоят со сложенными руками,
Где миллионы Вишну склоняют свои головы, где миллионы брахманов читают Веды,
Где миллионы Шив погружены в созерцание, где миллионы Индр обитают в небесах,
Где боги и муни неисчислимы, где миллионы Сарасвати, богини музыки, играют на вине,
Там мой Господь самооткровенен, и аромат сандала и цветов обитает в этих глубинах [10, 15].

Кабир и его последователи называли его поэмы мудрости, составленные в устной форме, «bāṇī» (высказывания). К ним относятся песни и куплеты, называемые по-разному: dohe, śalokā (санскрит: ślokā) или sākhī (санскрит: sākṣī). Последний термин означает «свидетель», подразумевая, что стихи являются доказательством Истины. Литературные произведения с композициями, приписываемыми Кабиру, включают Кабир-Биджак, Кабир-Парачай, Сакхи Грант, Ади-Грантх (сикхский) и Кабир-Грантхавали (Раджастхан). Однако, за исключением Ади-Грантха, существуют значительно различающиеся версии этих текстов, и неясно, какая из них более подлинна; например, Кабир-Биджак существует в двух основных версиях.

Поэмы Кабира Даса передавались устно на протяжении столетий. Кабир-Биджак был составлен и записан только в XVII веке. Разумеется, эта форма передачи породила изменение, интерполяцию и искажение стихов. Более того, целые песни были написаны неизвестными авторами и приписаны Кабиру, а в подлинные его песни были вставлены новые куплеты. Это происходило не из-за нечестности, а из уважения к Кабиру и желания приписать ему все лучшее, что было создано в анонимной устной традиции. Английский перевод стихотворений в виде сборника «Сто стихотворений Кабира» Рабиндраната Тагора был впервые опубликован в 1915 году и стал классическим изданием,

получившим широкое распространение, в частности, на Западе. Вероятно, лишь небольшая часть стихов этого сборникаявляются подлинными. Однако это не является сознательной фальсификацией Тагора. Тагор искренне полагал, что эти стихи принадлежат Кабиру, так как они совпадали с общераспространёнными богословскими взглядами. Неподлинные стихи, тем не менее, принадлежат движению Бхакти в средневековой Индии и могут быть результатом работы тех, кто разделял мировоззрение Кабиру, но жил позже.

Кабир Дас принял терминологию и концепции ислама и индуизма, но энергично критиковал обе религии. Он был далеко от какой-либо ортодоксии. Кабир отверг лицемерие и ложные ритуалы, наблюдавшиеся в различных религиозных практиках его времени, как в исламе, так и в индуизме.

Святых я видел на обоих путях.
Индуисты и мусульмане не хотят дисциплины, они хотят вкусной еды.
Индус соблюдает одиннадцатый день поста, питаясь каштанами и молоком.
Он обуздывает зерно, но не свой ум, и прерывает свой пост мясом.
Турок [мусульманин] молится ежедневно, постится раз в год и кричит: "Боже! Боже!", словно петух.
Какое небо предназначено для людей, которые убивают цыплят в темноте?
Вместо доброты и сострадания они оставили все желания.
Один убивает ножом, другой пускает кровь, в обоих домах горит один и тот же огонь.
У турок и индусов - один путь, гуру ясно дал это понять.
Не говори Рам, не говори Худа [Аллах], так говорит Кабир [3, 46].

Кабир призывал людей смотреть внутрь себя и рассматривать всех людей как проявление Бога, как его живые формы:

Если Бог внутри мечети, то кому принадлежит этот мир?
Если Рам находится внутри храмовой статуи, к которой вы приходите во время своего паломничества, тогда кто знает, что происходит снаружи [храма]?
Хари находится на востоке, Аллах – на Западе.
Загляни в свое сердце, ибо там ты найдешь и Карима, и Рама;
Все мужчины и женщины мира – его живые формы.
Кабир – дитя Аллаха и Рама: Он мой гуру, он мой Пир [10, 72].

Шарлотта Водевиль утверждает, что философия Кабира и других мыслителей данного движения – это поиск Абсолюта. Понимание этого бескачественного (ниргуна) Абсолюта, согласно Водевиль, есть то же самое, что «Концепция Брахман-Атмана в упанишадах и монистической веданте. Это интепретация Ведантической традиции, которая отрицает любое различие между душой [в человеческом существе] и Богом и призывает человека познать в себе свою истинную Божественную природу» [9, 26]. Водевиль отмечает, что эта философия Кабира и других Бхакт-сантов внутренне противоречива. Если Бог находится внутри, то это ведет к отрицанию любви и преданности по отношению

к Богу как к другой личности, как к «Ты». Здесь на место личностного «единения с Богом» как с другом и Возлюбленным должно прийти безличное «слияние с Богом», «растворение в Боге» или «единство сущности». С другой стороны, утверждает Водевиль, сагунапрема-бхакти (нежная преданность личному Богу) может быть предложена как путь к познанию Ниргуна Брахмана – безличного Абсолюта, выходящего за пределы концепции личного Бога монотеизма [9, 27-33].

Такое сочетание (противоречивое или взаимодополняющее) личностного бхакти и познания безличного Абсолюта позволяет искать истоки мировоззрения Кабира как и исламском мистицизме, так и в недвойственной веданте.

Давид Н. Лоренцен и Адриан Муньос прослеживают идею Бога в философии Кабира как ниргуна-Брахмана до школы адвайта веданта индуизма, хотя и с некоторыми различиями. Лоренцен в своем обзоре философии и поэзии Кабира пишет: «Степень, в которой Кабир заимствовал элементы из Ислама, спорна. Многие современные ученые утверждают, что он просто отверг ислам и взял почти все свои идеи и верования из индуистской традиции. Современный последователи Кабира приводит примерно такой же аргумент. Большая часть лексики, используемой в его песнях и стихах, заимствована непосредственно из индуистской традиции. Тем не менее трудно не заметить влияние ислама в его настойчивом требовании преданности Единому Богу, которого Кабир чаще всего называет Рам» [6, 48]. Некоторые авторы утверждают, что сексуальные образы в некоторых поэмах Кабира отражают мистическое влияние суфийского ислама. Причем Кабир инвертирует традиционное суфийское представление о Боге-женщине и преданном мужчине, жаждущих Союза, и вместо этого он использует образы Господа-мужа и преданной ему невесты [5, 116]. Другие исследователи, напротив, утверждают, что неясно, повлияли ли суфийские идеи на бхактисантов, таких как Кабир, или наоборот, предполагая, что они, вероятно, развивались совместно путем взаимодействия [9, 177-178].

Кабир оставил ислам, но это не значит, что Кабир принял индуистские верования, утверждает Рональд Макгрегор [7, 47]. Кабир, тем не менее, критиковал такие практики, как убийство и поедание говядины мусульманами, подобно тому, как индуисты критиковали эти практики:

Мы исследовали тураки-дхарам [религию турков, ислам – авт.], эти учителя бросают много молний,
Безрассудно они проявляют безграничную гордость, объясняя свои собственные цели, они убивают коров.
Как они могут убить мать, чье молоко пьют, как молоко кормилицы?
Молодые и старые пьют молочный пудинг, а эти дураки едят коровье тело.
Эти идиоты ничего не знают, они блуждают в невежестве,
Не заглядывая в свое сердце, как можно достичь рая? [6, 27]

Двустишия Кабира предполагают, что его преследовали за его взгляды, пока он был жив. Он заявил, например:

Святые, я вижу, что мир сошел с ума.

Если я говорю правду, они бросаются бить меня, если я лгу, они доверяют мне [3, 4].

Ответом Кабира на гонения и клевету было принятие. Он называл клеветника другом, выражал благодарность за клевету, ибо она приближала его к Богу. Винанд Каллеверт переводит стихотворение, приписываемое Кабиру в воинственно-аскетической традиции Дадупантхи, следующим образом:

Держите клеветника рядом с собой, постройте ему хижину в вашем дворе,
Ибо без мыла или воды он очистит вас [2, 274].

Легенды о Кабире описывают его как человека тяжелой судьбы, который, тем не менее, побеждает в испытаниях. Искреннее и глубокое религиозное чувство Кабира и его яркое поэтическое выражение определило влияние Кабира на религиозную жизнь Индии и сделало его одним из самых известных индийских религиозных поэтов.

В заключение зададимся вопросом: помогло ли учение Кабира Даса падишаху Акбару выполнить задачу формирования единой для всей Империи Моголов синкретической религии? Думается, что нет. Ведь нетрудно заметить, что основной пафос философии Кабира – отрицательный. Мастерски и тонко подмечая недостатки и ошибки индуизма и ислама, поэт не торопится предложить какую-нибудь положительную доктрину, лишь расплывчато ссылаясь на индуистский мистицизм. Вероятно, такова судьба всех эклектических учений, созданных под влиянием момента: удачно отвергать, но неумело утверждать.

Литература

1. Кей Д. История Индии / Д. Кей. – М. : АСТ, 2011. – 761 с.
2. Callewaert W. M. The Sarvāṅgī of the Dādūpanthī Rajab. Orientalia Lovaniensia analecta / W. M. Callewaert. – Oriëntalistiek Kathol. Univ., 1978. – 446 p.
3. Hess L. The Bijak of Kabir / L. Hess, S. Shukdev. – Oxford : University Press, 2002. – 216 p.
4. Irfan H. A Fragmentary Exploration of an Indian Text on Religions and Sects: Notes on the Earlier Version of the «Dabistan-i-Mazahib» / H. Irfan. – Proceeding soft the Indian History Congress, 2001. – 500 p.
5. Larson G. J. India's Agony Over Religion / G. J. Larson. – Olbany : SUNY Press, 1995. – 393 p.
6. Lorenzen N. Yogi Heroes and Poets: Histories and Legends of the Naths / N. Lorenzen, A. Muñoz. – Olbany : SUNY Press, 2012. – 246 p.
7. McGregor R. Hindi literature from its beginnings to the nineteenth century / R. McGregor. – Verlag : Harrassowitz, 1984. – 239 p.
8. Rizvi S. A. A history of Sufism in India : in 2 volumes / S. A. Rizvi. – New-Deli : Manoharlal, 1983. – Volume 2. – 532 p.
9. Schomer K. The Sants: Studies in a Devotional Tradition of India / K. Schlomer, W. H. McLeod. – Berkeley, 1987. – 472 p. – (Religious Studies Series).

10. Tagore R. One hundred poems of Kabir / R. Tagore. – Toronto : Underhill, 1915. – 114 p.

© **Арапов А. В., Черенков Р. А.**, 2020

А. Х. Арипова,
тил ўргатиш кафедраси доценти, ф. ф. н.,
ТДЮУ, Тошкент (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена достижениям Захириддина Мухаммада Бабура на политическом поприще и в дипломатической сфере. В частности, приводятся детали отправленного Бабуром посольства в Московское царство. Неслучаен факт, что с воцарением Романовых в Россию начали активно проникать индийские купцы, особенно в регион Поволжья (Астрахани). Трудно переоценить влияние Бабура в регионах Индии, Средней Азии, Афганистана, Ирана. Помимо этого, в статье отмечается заметная роль Захириддина Мухаммада Бабура в становлении узбекского языка и литературы. Доцентом Ариповой А.Х. приводится особый словарь слов, характерных для различных регионов Центральной Азии 15 – 16 веков. Многогранная деятельность Захириддина Мухаммада Бабура и сегодня выполняет воспитательную задачу для подрастающего поколения. По мнению автора, идеи доброты и гуманизма, выдвинутые в трудах Бабура, не утратили своего значения на протяжении веков и продолжают оказывать существенное влияние на современное общество Узбекистана.

ОСИЁ ХАЛҚЛАРИНИНГ ҲАЁТИДА МУҲИМ ИЗ ҚОЛДИРГАН ШОҲ ВА ШОИР ЗАҲИРИДДИН МУҲАММАД БОБУР МЕРОСИНИ ЎРГАНИШ

Шарқнинг ўрта асрлардаги таниқли фан ва маданият арбоблари орасида алоҳида ўрин тутган Заҳириддин Муҳаммад Бобур – «Бобурнома» деб номланган ажойиб асарнинг муаллифи.

Бобур иқтидорли ёзувчи, санъат, адабиёт ва география фанларини яхши билувчи, ўзига хос кенг дунёқарашга эга бўлган, Марказий Осиё, Афғонистон ҳамда Ҳиндистон халқларининг ҳаётида муҳим из қолдирган шоҳ ва шоир.

Ўзининг ажойиб қобилияти туфайли нафақат қўмондон ва ҳукмдор, олим ва шоир, Ҳиндистонда Бобурийлар сулоласининг асосчиси бўлган Бобур, балки фиқҳ билимдони сифатида ҳам мусулмон ҳуқуқшунослиги соҳасида бой ижодий адабий ва илмий мерос қолдирди. У асл лирик асарларини (ғазаллар, туюқлар), ислом ҳуқуқи тўғрисидаги рисолалар (Мубаййин), назмда (Аруз рисоласи), мусиқа, ҳарбий ишлар, шунингдек, «Ҳатти Бобурий» алифбосини ёзиб қолдирган буюк аллома.

«Мубаййин» асари «Ҳамд» – Аллоҳ таолога ҳамду сано, «Наът» – Пайғамбаримизнинг (соллаллоҳу алайҳи ва саллам) таърифлари, «Китоб назмининг сабаби» каби кириш қисмларидан ва «Эътиқодия», «Китобус салот» (Намоз китоби), «Китобуз закот», «Китобус савм» (Рўза китоби), «Китобул ҳаж» каби беш рукнга доир боблар ҳамда «Китоб хотимаси» бўлимидан иборат.

Бобур ҳамдда давом этиб: «Инсоннинг жисмида неча тук бўлса, улар сенинг ва бошқа барча инсонларнинг танида тил бўлиб, ҳаммаси Аллоҳнинг

ҳамдини айтиб, Уни зикр қилса, ойлару йиллар Унга ҳамду сано айтса, барчаларининг сўзи бир бўлади: ҳаммалари ўз ожизлигига иқрор бўлади, холос», дейди. Яъни, ягона ва қудратли Зотнинг наздида ҳамма ўз ажзига иқрордир. Бу таърифлар Бобур маърифатининг мумтоз намуналаридир.

Бобур асарлари ичида марказий ўринни бебаҳо адабий насрий ёдгорлик - унинг «Бобурнома» (Тузуки Бобурий) тарихий асари эгаллайди. Китоб Ҳиндистонда нашр этилган, асосан автобиографик асар бўлиб, XV аср охири - XVI аср бошларида Ўрта Осиё, Афғонистон ва Ҳиндистон халқларининг тарихини акс эттирадиган мемориал ёднома. Маълумотларнинг умумийлиги ва ишончлилиги жиҳатидан «Бобурнома» энг муҳим ва қимматли тарихий ва насрий асар бўлиб, Ўрта асрларда Ўрта Осиёда, Эронда, Афғонистонда ва Ҳиндистонда ёзилган шунга ўхшаш асарлар орасида тенгсиздир.

Асардаги эпизодлар ифодаси бойлиги ва хилма-хиллиги, тил ва услубда "Бобурнома" ўша давр тарихий йилномалари ичида энг устуни ҳисобланади. Шу сабабли турли вақтларда бу китоб бутун дунё олимларининг эътиборини жалб қилганлиги ажабланарли эмас.

«У Шарқдаги барча қўмондонларга қараганда камсуқум эди. Аммо одамлар у ҳақида қандай нуқтаи назарда бўлишидан қатъи назар, биз у ҳақида уни буюк ва хушмуомалалик борасида тенги йўқ инсон сифатида тан оламиз».

Бобурнинг илмий ва адабий мероси Ўрта Осиё ва Ҳиндистон маданий ҳаётида улкан ўрин эгаллайди. Бундан ташқари, у Ўрта Осиёда ҳукмронлик қилган феодал маданиятнинг энг яхши вакилларидан бири бўлиб, ҳинд-мусулмон маданияти, аввалambор Ўрта Осиё ва Ҳинд тарихшунослигининг ривожланишига катта ҳисса қўшган намоёндаларидан бири.

«Бобурнома» – мамлакат атрофидаги оламни диққат билан кузатиб бориш асносида яратилган, ўзига хос тарихий ҳужжат, Бобур томонидан ёзиб қолдирилган илмий рисола ҳамда биринчи ўринда турувчи аҳамиятга эга бўлган мерос. Унда XV аср охири – XVI аср бошларида Ўрта Осиё, Афғонистон ва Шимолий Ҳиндистонда юзага келган сиёсий вазият батафсил баён қилинган.

XV аср охири – XVI аср бошларида Ўрта Осиё, Афғонистон ва Ҳиндистонда феодал муносабатларни ўрганиш учун адабий ва тарихий ёдгорлик. «Бобурнома» китобидаги маълумотларнинг аниқлик даражаси далиллар ичида тенги йўқдир.

Бобурнинг тарихчи, географ, этнограф, насрий ёзувчи ва шоир сифатидаги хизматлари бугунги кунда жаҳон шарқшунослари орасида ҳам тан олинган, бундан ташқари у олим сифатида ҳам эътироф этилган ажойиб сиймо. Унинг мероси дунёнинг деярли барча Шарқ маданиятини ўрганиш (МДҲ, Чехия, Словакия, Германия, Туркия, Италия, Франция, АҚШ, Англия, Ҳиндистон, Покистон, Афғонистондаги) марказларда ўрганилмоқда. Бунинг амалдаги тасдиғи сифатида 1980 ва 1985 йилларда Парижнинг ЮНЕСКО мутасаддилиги остида нашр этилган француз тилига таржима қилинган «Бобурнома»си яққол мисол. Таниқли француз шарқшуноси Луи Базан француз тилидаги (1980 йилдаги) таржимасида «Бобурнома – автобиографик рисоласи ислом адабиётида жуда кам учрайдиган жанрдир» деб ёзган.

«Бобурнома» – ёзма нутқнинг гўзал намунаси. Бу асар ниҳоятда гўзал тавсифларга бой бўлиб, унда қайд этилишича ва айни пайтда авлодлари, замондошлари, тарихчиларнинг таъкидлашича, Бобур моҳир шоир. Ҳиндистон юрти учун жуда кўп улуғ ишлар қилган одил, маърифатли, илғор, суҳандон шоҳ сифатида тарихда абадий қолди.

«Бобурнома»да этнографияга оид жуда кўп фактлар мавжуд: ҳиндларнинг турли кийимлари, уларнинг мазҳабларга бўлиниши, урф-одатлари, оддий одамларнинг турмуш тарзи ва феодал зодагонларининг қизиқ табиати эътироф этилган. Масалан, «Бобурнома» асарида ҳинд эркакларининг «дхоти», аёлларининг «сари» деб номланган кийимлари тарихи, атама сифатида шаклланиши келтирилади. Бобур Ўрта Осиёнинг лангут атамасини ҳам келтириб ўтиб, кийиниш услубини батафсил баён қилади. Шунга ўхшаш маълумотлар бошқа тарихий йилномаларда йўқ ва бу маълумот тарихий-этнографик асарлар ичида қимматли маълумот саналади.

«Бобурнома»да ўз мухлисига қарата айтилган «...агар бу ҳаётда яхшилик қилмасангиз, нима учун яшайсиз?» деган фикри бугунги хайрихоҳ илм ижодкорлари учун насиҳат бўлиб хизмат қилиши аниқ.

Китобда, шунингдек Вахш ва Панжаб орасидаги улкан ҳудудда истиқомат қилувчи турли афғон қабилаларининг ҳаёти ва фаолияти, шунингдек, кўчманчи ва ярим кўчманчи қабилалар уюшмалари ҳаёти ва фаолияти батафсил баён қилинган. У ерлари ва ҳунармандчилик хўжаликлари тўғрисида жуда кўп маълумот беради, деҳқончилик усуллари, Афғонистон ва Шимолий Ҳиндистоннинг турли минтақаларида далаларни суғориш усулларини тавсифлайди.

Ўзбек нутқи, нотиқлик санъати тарихида ҳам Заҳириддин Муҳаммад Бобур алоҳида ўрин тутади. Сўз кудрати беқиёсдир. Замбараклар олишга қурби етмаган истеҳкомларни оддий сўз таслим этган воқеалар тарихимизда кўп бўлган.

Бобур ўзбек адабиётининг йирик вакили, инсоният тарихида муқаррар ўз ўрнига эга бўлган буюк давлат арбоби ва истеъдодли ёзувчи. Бу ерда Жавоҳарлал Нерунинг қуйидаги ажойиб фикрини келтириб ўтиш кифоя: *«Бобур дилбар шахс, Уйғониш даврининг типик ҳукмдори, мард ва тадбиркор одам бўлган. У санъатни, адабиётни севарди, ҳаётдан ҳузур қилишни яхши кўрарди...»*

Жанговарлик санъатида бадиий сўзнинг таъсир қудратини кўрсатиб берувчи қатор жонли далиллар бор. Бобурнинг ҳарбий қисмларда сўзлаган нутқи нотиқликнинг энг ёрқин намунасидир.

Жумладан, бир воқеани келтириш жоизки, бунда Бобурнинг нутқий маҳорати лашкарлар орасида бошланган тарқоқликни тўхтатди. Бобурнинг Ҳиндистонда Рано Санго билан жанги олдидан (1527й.) қўшинлари орасида баъзи бир номақбул сабабларга кўра тарқоқлик бошланади. Бу аҳволни кўрган Бобур лашкарлари олдида нутқ сўзлайди. Гулбаданбегимнинг маълумотига кўра, «бунга мажлисдагиларнинг ҳаммаси рози бўлишиб..., томиримизда бир томчи қонимиз қолгунча кўрашамиз, деб қасам ичадилар...» деган далил келтирилган: *«Ҳар кимки ҳаёт мажлисига киритбур, оқибат ажал паймонасидин ичкусидир*

ва ҳар кишиким, тириклик манзилига киритбур, охир дунё ғамхонасидин кечкусидур, ёмон от билан тирилгандин, яхши от билан ўлган яхшироқ... Тангри таоло бу навъ саодатни бизга насиб қилитбур ва мундоқ давлатни бизга қарийиб айлабтур. Ўлган шаҳид ва ўлдурғон ғозий, барча Тангрининг каломи билан онт ичмак керакким, ҳеч ким бу қатолдин юз ёндирур хаёл қилмай, то бадандин жони айрилмағунича, бу муҳориба ва муқотиладин айрилмағай...»

Кўриниб турибдики, Бобурнинг ушбу оташин нутқидан сўнг барча аскарлар жангга отланишган ва бир жон-у бир тан бўлиб жанг қилишган. Бобурнинг нотиқлик маҳорати қўл келиб, у бутун бошли лашкар қўшинини жангга шайлантира олган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур нотиқлик санъатини мукаммал эгаллаган бўлиб, у нафақат ҳарбий нотиқликда, балки умуман воизлик санъатида юқори чўққига эришган маҳорат соҳибидир. «Инсонлик нишони сўзламоқ» экан, киши шундай сўзласинки, тингловчи қалбида эҳтиром ва эътиборни уйғотсин. Инсон нотиқ, бўлиши учун кўп йиллик меҳнат, ўқиш ва изланиш талаб қилинади. Аммо кимларгадир бу қобилият туғма инъом қилинади. Бобур – моҳир нотиқ, ўз нутқи билан лашкарларни қарата олган, жозиба ришталари билан боғлаган ҳукмдор.

Бобур-истеъдодли, моҳир воиздир. Унинг асарларида сўз одоби, гўзал нутқ ҳақида эътиборга лойиқ фикрлар билдирилган. Шоир кишининг ахлоқ одобини сўзидан белгилаш мумкинлигини таъкидлаб:

Сўзингким ҳизр суйидин нишондур,
Вале ул сув киби мендин ниҳондур.
Ҳар вақтке кўргасен менинг сўзумни,
Сўзумни уқуб англагайсен ўзумни,

дейди. Муаллиф фикрича, яхши сўз билан, ўз ўрнида билдирилган фикр билан, «...ўзни ёндоштуруб ўзинг бирла, сўзни чирмаштуруб сўзунг бирла...»; ўзгани ўзингга «ёндоштиришинг» мумкин. Халқ эътиборини ўзига қарата билиш фақат нотиқ, воиз одамгагина хос. Буни эса ҳассос шоир, давлат арбоби, машҳур қўмондон Бобур уддалади.

Бобурнинг ёзиб қолдирган асарлари орқали биз бир қанча тарихий, этнографик маълумотлар билан бир қаторда, ҳатто ўша даврга оид баъзи иқтисодий атамаларнинг номланиши хусусида ҳам манбага эга бўлишимиз мумкин:

Заҳириддин Бобур даври атамашунослиги (XV – XVI асрлар)

Авкоф – мулк (даромадли мулк, кўчмас мулк;)
Ажнос – қимматбаҳо мулк;
Амвол – мол;
Амин - омонатни сақловчи;
Амлок – тасарруфдаги мулк;
Аанора - фойда;
Арса – ер, кенглик;
Ато – ҳадъя;
Агзия – маҳсулот;
Бадмаош – инқироз;
Бай – олди – сотди;
Байтул – мол – мусодара қилинган мол – мулк;
Барид – курьер;
Баҳшиш – эҳсон;
Бақое – қолдиқ (улуш);
Бергў – олди – сотди;
Бозаргон – савдогар;
Буржлуғ – қарзга олинган пул, кредит;
Вабол – камчилик, камомад;
Вазифа – маош, ойлик, нафақа;
Валиаҳд – меросхур;

Валинеъмат – хўжайин -, мулк эгаси, мулкдор;
Вақф – даромадли ер, мол – мулк;
Вомхоҳ – карз берувчи, кредитор;
Воридат – даромад, кирим;
Газанд – зарар;
Ганж – хазина, давлат хазинаси;
Ганжур– хазиначи (казначей);
Гаронмая – қимматбаҳо мулк;
Даббоғ – чорвадор;
Даллола – даллол;
Дангона – жамғарма;
Дақҳоқ –ишбилармон;
Дағал – фирибгар;
Дебо – ипак мато;
Девон – кирим-чиқим ишлари билан шуғулланувчи давлат маҳкамаси;
Дийдбон – банк ходими;
Динор – олтин;
Дирҳам – кумуш танга;
Донг – ҳисса, миқдор; пул;
Жийбачи – омбор бошлиғи;
Журмона – жарима;
Закот – диний солиқ тури;
Зар – олтин;
Зарбхона – пул ясаладиган жой (монетный двор);
Зиё – экин ерлар, мулки;
Имдод – ёрдам пули; нафақа;
Иқола – савдодан айниш;
Йийин - банк; пул йиғиладиган жой;

Бобурнинг Ҳиндистон ва бошқа давлатлар билан олиб борган савдо муносабатларида доимий равишда қадимги ўзбек тилида тузилган фармонлари таркибида келтирилган атамалар бугунги кунда таржимада ёки синоним вариантда қўлланилмоқда.

Ўзбек шеърияти ва тилини ривожлантиришда Бобурнинг ўрни катта. Унинг ўзбек тилида ёзилган шеърий асарлари дунё олимларининг асарларида муносиб эътироф этилади.

Шу билан бирга, унинг барча соҳалардаги ютуқлари ҳам таҳсинга лойиқ, жумладан, тарихий ёдномаларда Бобурнинг 1528 йилдаги Москва элчихонасига юборган ўзбек тилидаги «дўстлик ва биродарлик» мазмунидаги таклифи Никон солномасида ҳам қайд қилинган. Никон солномасидан маълумки, Бобурнинг бу хати, афсуски, сақланмаган. Шунингдек, Романовлар сулоласининг биринчи вакили Михаил Федорович ҳукмронлиги даврида (1613-1645) ҳинд савдогарлари Волга бўйлаб Россияга борганлари ҳам маълум. XVII асрда Астрахан шаҳрида ҳинд савдогарларининг пайдо бўлиши рус-ҳинд алоқалари азалдан Бобур ҳукмронлиги давридан ўрнатилганлигига асосдир.

Бобур кўп қиррали ижодкор, ўз даврининг машҳур одами, таниқли ва ташаббускор вакили бўлган. Шунинг учун, унинг Ўрта Осиё, Афғонистон ва Шимолий Ҳиндистондаги давлат фаолияти асосан ўша давр феодал жамият асосларини мустаҳкамлашга, ҳокимият мавқеини мустаҳкамлашга қаратилганлиги мантиқан тўғри.

Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг кўп қиррали фаолияти бугунги кунда ҳам ёш авлод учун маърифий вазифани бажаради. Асарларида илгари сурилган эзгулик ва инсонпарварлик ғоялари асрлар давомида ўз аҳамиятини йўқотмаган ва бугунги кунда мамлакатимиз ҳаётида рўй берган улкан ўзгаришларга жуда ҳамоҳангдир.

Адабиётлар

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме [Электронный ресурс]. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Babur/framepred .htm. (дата обращения – 01.02.2020).
2. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. : Шарқ, 2002.
3. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Мубайин [Электронный ресурс]. – URL: http://kh-davron.uz/kutubxona/uzbek/zahiriddin-muhammad-bobur-mubayyin-mirzo-kenjabek-bobur-mirzoning-mubayyin (дата обращения – 01.02.2020).
4. Базан, Луи. История неоткрытой тайны. – [б. м.], 2015. – С. 23.
5. Морланд, В. Н. Исломий Ҳиндистоннинг аграр тизими. – М., 2012. – Б. 4.

© А. Х. Арипова, 2020

С. А. Атанова,
к. и. н., науч. сотр.
ИВ РАН, г. Москва; INALCO, г. Париж (Франция)

ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ С ЛЮБОВЬЮ: «МОГОЛЬСКИЙ» СТИЛЬ И СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ВЕСТИМЕНТАРНОСТЬ (НА ПРИМЕРАХ МИНИАТЮРНОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА, МЕТРОПОЛИТЕНА И ДРУГИХ МУЗЕЕВ)

(Тезисы доклада)

Получив в XVI веке ключи от Индии, одаренный литератор и талантливый полководец Захириддин Мухаммад Бабур не только основал Империю «Великих Моголов», но и принес с собой новый декоративный стиль, связанный с художественными традициями Средней Азии и Ирана. Это был тот случай, когда создание нового политического образования привело к рождению нового стиля в мировом искусстве. «Могольский» стиль отметил своим блеском архитектуру, миниатюрную и настенную живопись, декор ткани и мебели. В сокровищницах Государственного Музея Востока (Москва), музея Метрополитен (Нью-Йорк) и других мировых музеев представлены великолепные образцы «могольского» искусства – живописные миниатюры, представляющие правителей, вельможей, военных и простых людей, одетых по обычаю своего времени. Сопоставление этих миниатюр с образцами среднеазиатского искусства поможет продемонстрировать «среднеазиатский след» в изысканной вестиментарности двора «Великих Моголов». Данная работа намерена, в частности, проанализировать вариации на тему головных уборов и верхней одежды из обихода знати Средней Азии, которая позднее прочно обосновалась в гардеробе могольских вельмож. Происхождение некоторых вестиментарных элементов восходит к эпохе парфянского царства и даже ранее к Пазырыкской культуре, эти элементы можно увидеть в современном туркменском, таджикском и узбекском национальных костюмах. Вестиментарный стиль могольского двора рассматривается в его развитии и последующем влиянии в том числе на «высокую» парижскую моду XVIII века.

© **Атанова С. А.**, 2020

С. Д. Атдаев,
к. и. н., Институт Истории и археологии АНТ, г. Ашхабад (Туркменистан)

ЭПОХА БАБУРИДОВ – ВРЕМЯ ЛИЧНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ БАЙРАМ-ХАНА)

Время Бабуридов – это пора расцвета империи Великих Моголов (1526-1857), когда на территории Южной и Центральной Азии ряд мелких княжеств были объединены в огромное государственное образование. Укрепление новой империей требовало грамотного административного управления. Этот период ознаменован развитием тюрко-мусульманской литературы и языка, искусства и архитектуры. Все эти явления породили появлению на исторической арене харизматичных личностей, обладающих особыми интеллектуальными и духовными качествами. Одним из них был Байрам-хан Туркмен (1501-1561), выдающийся государственный деятель при дворе Великих Моголов. Он проявил себя как опытный полководец, политик и дипломат. Его любовь к поэзии и музыке оставила заметный след в истории и культуре стран Среднего Востока и Азии.

Империя Великих Моголов, образованная сразу после распада Делийского султаната, представляла собой крупнейшую державу на территории Индии и Афганистана, с центрами в Агре и Дели. Основателем государства Великих Моголов является потомок легендарного Амира Тимура (1336-1405) Захириддин Мухаммад Бабур (годы правления 1526-1530). Сын Бабура Хумаюн после ряда столкновений с Шер-шахом (Шер-хан, 1472-1545) и его последователями вернул себе престол в 1555 году. Однако в феврале следующего года он умирает, и наследственную линию Бабуридов продолжил его сын – Джалаладдин Акбар I Великий (г. п. 1556-1605).

Байрам-хан при дворе Моголов. Байрам-хан родился в 1497 году в местечке Кила-и Зафар в Бадахшане. Происходил он из богатой и знатной семьи туркмен рода Бахарлы племени Каракоюнлы, предки которых, согласно историческим источникам, состояли на государственной службе еще при дворе первых Тимуридов. Отец Байрам-хана Сайф Али-бек являлся губернатором Газны и находился на службе у Бабура. После его отца семья переезжает к родственникам в Балх. Повзрослевший к тому времени Байрам-хан зачисляется на военную службу и активно участвует в боевых действиях. Смелый и отважный, он быстро проявляет себя и вскоре входит в число самых приближенных принца Хумаюна, который в 1530 году утверждается на престол и назначает Байрам-хана своим ближайшим советником.

Однако вскоре обстановка в регионе осложняется. На политической арене появляется некий Шер-шах из афганского племени Сур, которому удается смести с престола Хумаюна. Отряды шаха спешно отступают в глубь страны. В одном из сражений Байрам-хан попадает в руки неприятеля. Несмотря на всевозможные увещевания, богатые посулы и предложение со стороны Шер-

шаха, Байрам-хан остается верным правителю Хумаюну. В последующем хронист Бабуридов Абу-л Фазл (1551-1602) так опишет этот момент в своем знаменитом труде «Акбар-наме»: «Шер-хан поднялся, чтобы приветствовать его, и, желая прельстить, обратился к нему с лукавыми речами. Среди прочего он сказал: «Тот, кто хранит верность, не спотыкается». В ответ прозвучало: «Да. Тот, кто хранит верность, не споткнется». Шер-хан потом иногда повторял: «Когда Байрам-хан сказал при всех: "Хранящий верность никогда не споткнется", – мы сразу поняли: с ним нельзя договориться» [1, 258].

Спустя некоторое время Байрам-хану удается бежать из плена. Пройдя через фронт противника, он вскоре предстает пред взором Хумаюна. В «Акбар-наме» мы читаем: «7 мухаррама 950 г. х. (13 апреля 1543 г.) из Гуджарата в одиночестве прибыл Байрам-хан и явился бальзамом для израненной души Его Величества, принеся радость и ободрение… Солдаты победоносной армии были изумлены и подумали: «Он пришел из сокровенного воинства (Аллаха)». Когда обнаружилось, что это – Байрам-хан, крики восторга прокатились по бранному полю, и сердце Его Величества возрадовалось» [1, 257].

Вернувшись в ставку Хумаюна, он предпринимает меры по консолидации и укреплению сил. Первым делом он примиряет братьев Хумаюна. Затем он направляется за помощью в Иран, где правила династия Сефевидов. Встретившись в Казвине с шахом Тахмаспом (1514-1576) на охоте и получив от него предварительное согласие, Байрам-хан организовывает встречу двух правителей. Шах Хумаюн, зная любовь сефевидского правителя к алмазам, преподносит ему в дар знаменитый камень Кух-и-Нур. Польщенный столь редким подарком, Тахмасп-шах выявляет свое расположение гостю и выделяет ему в помощь свои войска. Отметив старание и дипломатическую проницательность Байрам-хана, оба правителя совместным указом удостоили его высоким титулом хан-ханан (то есть хан ханов). Получив ощутимую поддержку, Хумаюн возвращает себе трон, а Байрам-хана назначает аталыком (опекуном) малолетнего принца Акбара.

В 1556 году Хумаюн неожиданно умирает. По одной версии, император, услышав призыв к молитве, поспешил, но оступился и, упав с мраморной лестницы, разбился насмерть. По другой версии, длительное сидение и наблюдение за звездами увлеченного астрономией Хумаюна послужило причиной его невнимательности и падения. На трон был провозглашен 13-летний Акбар. Регентом при нем становится Байрам-хан. Получив известие о смерти Хумаюна, претенденты на шахский престол двинулись на Дели. 5 ноября 1556 г. Байрам-хан разбивает войска полководца Хему при Панипате. Затем, разбив Сикандар-шаха Сура и отняв Аджмир и Гвалиор у раджпутов, он упрочил власть моголов в Пенджабе.

В 1561 г. Байрам-хан отправляется с семьей в Мекку. На несколько дней была сделана остановка в Гуджарате. В один из зимних дней, когда Байрам-хан прогуливался в лесу, он был убит наемным убийцей. Байрам-хан был похоронен своими соратниками здесь же, в Гуджарате. Позже он будет перезахоронен: по одной версии в Дели, по другой – в Мешхеде.

Духовное наследие Байрам-хана. Байрам-хан был очень образованной и эрудированной личностью. Он слыл прекрасным поэтом и прозаиком и по праву считался одним из основоположников туркменского литературного языка. Байрам-хан писал лирические стихотворения: газели, рубаи и фарды – а также торжественные оды-касыд в честь правителей Хумаюна и Акбара. Тематическая направленность поэзии, включая и его «ученые стихи», разнообразна, но главной темой все же остается человек с его чувствами и переживаниями. До нас дошли только два сборника его стихотворений: туркменский и персидский диваны. Копии многих рукописей стихов Байрам-хана некогда хранились в библиотеке его сына Абдурахим-хана (1556-1627).

Байрам-хан увлекался философией и астрономией, часто устраивал литературные чтения, куда приглашались знаменитые поэты Востока и Азии. Он считался большим знатоком и ценителем музыки. Байрам-хан покровительствовал и мастерам художественной кисти. При нем начала складываться уникальная школа туркменской миниатюры.

Супругой Байрам-хана являлась внучка Бабура Салима Султан бегум. Она считалась одной из самых видных женщин во дворце. О ее уме и красоте с восхищением писали многие придворные авторы. Дочь Бабура Гульбадан бегим (1523-1603) в своей книге «Хумаюн-наме» писала, что Салима Султан бегум была очень образованной и воспитанной женщиной. Увлекалась она поэзией и была известно под псевдонимом Махфи [2, 20].

После смерти Байрам-хана его сын Абдурахим попадает под покровительство шаха Акбара. Абдурахим получает прекрасное воспитание и образование. В 1576 г. император Акбар назначает Абдурахима губернатором Гуджарата и вскоре делает его опекуном своего сына Селима. В 1583 г., после подавления мятежа в Гуджарате, Акбар, подобно своему отцу, получает от императора почетный титул хан-ханан. В 1589 Абдурахим назначается на должность векиля (премьер-министра) государства. Умер Абдурахим-хан в 1628 году в возрасте 72 лет.

Абдурахим был прекрасным поэтом. Он знал многие языки: туркменский, персидский, арабский, урду, хинди и другие – в общей сложности 13 языков. Ему принадлежит перевод произведения «Бабур-наме» с туркменского на персидский. Абдурахим является также автором и двух работ по астрологии: «Хет Каутукам» и «Двавишд Йоговали».

При всем своем высоком положении при дворе, он имел скромный нрав и проявлял благородные поступки. Его современник, индийский поэт Тулсидас (1532-1623) так описывал поведение Абдурахима: «Он был известен тем, что часто одаривал бедных людей милостыней и производил это своеобразным странным образом. Когда он делал подаяния, то никогда не смотрел в глаза просящего и смиренно опускал свой взгляд вниз. Тулсидас, удивленный, с какой покорностью и истинной кротостью Абдурахим совершал щедрые подношения, посвятил ему краткий стишок:

Господин, почему дары свои
Ты преподносишь подобным образом?

Где ты этому научился?
Руки свои ты возносишь так высоко
Глаза же свои опускаешь так низко [2, 21].

Подобное смирение и скромное поведение было присуще многим справедливым деятелям и истинным поэтам того времени. Находясь у власти и владея огромными сокровищами, свое истинное богатство они искали внутри себя, обуздывая личные амбиции и укрощая человеческое тщеславие. Они искренне верили в справедливость своих убеждений и творили благородные деяния. Прав был правитель, говоря о Байрам-хане: «Хранящий верность никогда не споткнется».

Литература

1. Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме : Т. 1. – Самара : Агни, 2003. – 400 с.
2. Атдаев С. Хранящий верность никогда не споткнется // Возрождение. – Ашхабад, 2009. – №7. – С. 20-21.

© **Атдаев С. Д**., 2020

М. Ахмедова,
магистрант, Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети,
Тошкент (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена «Бабур-наме» как источнику, на примере которого представляется возможным выявить особенности употребления сложных слов в староузбекском языке. М. Ахмедовой приведены материалы, характеризующие и типизирующие различные формы слов и выражений, которые были использованы Бабуром, а в дальнейшем также сохранились в узбекском языке. Особое внимание уделяется формам, которые являются устаревшими как в современном литературном узбекском языке, так и в его разговорном варианте. На основе анализа произведения автор заключает, что в «Бабур-наме» было использовано большое количество сложных слов, значение которых непонятно современному читателю. Автор выражает надежду, что анализ сложных слов, представленный в настоящей статье, будет полезен для широкого круга исследователей.

«БОБУРНОМА» АСАРИДА ҚЎШМА СЎЗЛАР

Заҳириддин Муҳаммад Бобур – одил ҳукмдор, буюк темурийлар сулоласининг сўнгги, забардаст вакили ва бобурийлар сулоласининг асосчиси. Бобур- шоҳ ва шоир сифатида тарихда ўчмас из қолдирган. У адабиётда мумтоз шоир, тилшунос ва адабиётшунос сифатида ижод ва фаолият юритган серқирра ижодкордир. Заҳириддин Муҳаммад Бобурни тилга оларканмиз, унинг буюк мероси бўлмиш «Бобурнома» асарини қайд этиб ўтишни жоиз деб биламиз.

«Бобурнома» – қомусий-энциклопедик асар сифатида ўзида беҳад кўп илмий маълумотларни жамлаган. Бу асар китобхонга нафақат Бобур ва унинг ижодини, балки, тарихий шахслар ва воқеаларни, ҳайвонот ва набодот оламини ҳам яқиндан танишга ёрдам беради.

«Бобурнома» асарини таҳлил қиларканмиз, унда қўлланилган сўзларнинг бир томондан соддалигига, иккинчи томондан эса уларнинг маҳорат билан ишлатилганлигига гувоҳ бўламиз. Шундай сўзларга қўшма сўзларни мисол қилиб келтиришимиз мумкин.

«Бобурнома» асарини таҳлил қилганимизда, қўшма сўзларнинг кўп миқдорда қўлланилганлигига гувоҳ бўлдик. Айниқса, от+феъл кўринишидаги қўшма феълларни кўп учратиш мумкин. Қуйида қўшма сўзлар билан, уларнинг «Бобурнома» асарида берилиши ва изоҳи билан яқиндан танишамиз.

Қўшма сўзлар- бир маънога эга бирдан ортиқ негиздан иборат сўзлардир. А. Ҳожиевнинг таъифига кўра: Қўшма сўз- ўзаро боғланган икки ёки ундан ортиқ сўз эмас, балки бирдан ортиқ негиздан ташкил топган бир сўз.

Ўзбек тилида қўшма сўзлар компонент таҳлилига кўра: қўшма от, қўшма феъл, қўшма сифат, қўшма сон, қўшма равиш ва қўшма олмош кўринишида

бўлади. Ушбу асарни таҳлили жараёнида асосан қўшма феъллар ғоят кўп ишлатилганига гувоҳ бўлдик.

Масалан, *бадал қилмоқ* (от+феъл)- алмаштирмоқ, ўрнига ўрин қўймоқ; «*Ҳар кимдин яхши қоида қолғон бўлса, анинг била амал қилмоқ керак, ага рота ёмон иш қилғон бўлса, яхши иш била бадал қилмоқ керак.*»

Иликка тушмоқ (от+феъл)- қўлга тушмоқ; «*Бойсунғур мирзо Султон Али Мирзо била Бухорода урушиб мағлуб бўлғонда иликка тушти.*»

Банд бўлмоқ (сифат+ феъл)- бу ерда: подшоҳга садоқат билан хизмат қилиш учун онт ичиб, байъат қилиб боғланиш; «*...ўзга халойиқ ҳам бу насойиҳда бор эрдилар, бориси қабул қилиб, банд бўлдилар.*»

Қочиб келмоқ (феъл+ феъл)- қочиб келмоқ; «*Қалоттин ўтганда бу икки мирзо Қандиҳордин қочиб келдилар*»

Қўшма феълларнинг деярли кўп қисми от+феъл шаклида берилган. Масалан, *Бош индурмак* (от+феъл)- бўйсунмоқ, тобеъ бўлмоқ

Гўш қилмоқ (от+феъл)- қулоқ солмоқ.

Қўшма феъллар билан бир қаторда қўшма отлар ҳам кўп миқдорда қўлланилган. Қуйида улардан айримларини санаб ўтамиз.

Масалан, *Тахтиравон* (от+равиш)- подшоҳлар тушиб юрадиган кажава; кўтариб юриладиган тахт; «*Бу беҳузурлиқ муддатида тахтиравон била кўтариб юрур эдим*.»

Ҳарамсарой (от+от)- бу ерда ҳарам ичкари уй,хос ховли маъносида; «*Султон Иброҳимнинг ҳарамсаройининг ўртасидаги тош сутунлуқ айвон гунбазта улук суҳбат тутулди*.»

Ферузжанг (сифат+от)- урушда ғалаба қозонувчи, урушни эпловчи; «*Ўзи хейли мардона эди, вале фирузжанг эмас эди.»*

Чорчаман (сон+от)- тўрт чаман; «*Боғ ўртасидаги чорчаман бу пуштанинг устида воқиъ бўлубтур*.»

Асар таҳлили жараёнида бошқа сўз туркумларига оид қўшма сўзларнинг ҳам қўлланилганлигига гувоҳ бўлдик, лекин улар қўшма от ва қўшма феъл сингари кўп маротаба қўлланилмаган.

Масалан, *тўққиз юз икки* (қўшма сон)- «*Бу тоғнинг қулласида Султон Маҳмудхон бир ҳужра солибтур, ул ҳужрадин қуйироқ ушбу тоғнинг тумшуғида тарих тўққиз юз иккида мен бир айвонлик ҳужра солдим*.»

Ҳушхулқ (қўшма сифат)- «*Хулқи даги саховатича бор эрди, ҳушхулқ ва ҳарроф ва фасиҳ ва ширин забон киши эрди, шужоъ ва мардона киши эди*.»

Ҳар ерда (қўшма равиш)- «*Ҳар ерда ўлтурушлуқ бўлса, чархлар ясаб, оқар сувлар қилиб, тарҳлиқ ва сиёқ ерлар ясаса бўлур*.»

Ҳар ким (қўшма олмош)- «*Муқаррардур, ҳар кимки кўп айтур, паришон айтур*.»

«Бобурнома» асари тарихий асар бўлганлиги сабабли, унда тарихий исмлар, жой номларини ҳам кўп учратиш мумкин. Улар орасида ҳам қўшма сўзларни кўришимиз мумкин. Масалан, *Умаршайх, Қоракўзбегим*; *Кандибодом* (жой номи) ва б.

Хулоса ўрнида шуни айтишимиз мумкинки, асарнинг таҳлили жараёнида гувоҳи бўлганимиздек, унда кўп миқдорда қўшма сўзлар қўлланилган, лекин уларнинг кўп қисмини ҳозирги адабий тилимизда ишлатмаймиз. Гарчи асар тили ўз даври бошқа асарларига нисбатан анча содда ҳисобланса ҳам, баъзи сўзларнинг маъносини тушуниш китобхонга бир мунча қийинчилик туғдириши мумкин.

Асрлар оша бизга қадар етиб келган бу асар таркибидаги қўшма сўзларнинг таҳлили кейинги тадқиқот ишлари учун қисман бўлса-да фойдали бўлади деган умиддамиз.

Адабиётлар

1. Бобур З. М. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1990.
2. Исҳоқов Ф. «Бобурнома» учун қисқача изоҳли луғат. – Андижон, 2008.
3. Ҳожиев А. Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. – Т. : Фан, 1963.

© **Ахмедова М.,** 2020

Ш. Н. Ахмедова,
д. ф. н., проф. БухГУ, г. Бухара (Узбекистан)

РАЗВИТИЕ БАБУРОВЕДЕНИЯ В БУХАРЕ
(Тезисы доклада)

Доклад посвящен истории развития бабуроведения в Бухаре. В частности, научно-исследовательской деятельности такого ученого как д. ф. н., проф. Алиева С. А. Он был первым среди литературоведов Бухары в 1948 году, который защитил диссертацию о лирическом мастерстве Бабура. Это было первое широкомасштабное исследование в Узбекистане, посвященное изучению лирики Бабура. Академик Ойбек и кандидат наук, драматург Иззат Султан официально рецензировали это исследование. Они высоко оценили научный потенциал молодого ученого. Алиев С. А. в своей работе «Поэтическое творчество Бабура» подробно описал жизнь Бабура и его творчество. В своем всестороннем анализе поэтического наследия Бабура он коснулся его газелей, рубаи, писем, «туюков» и других произведений. Алиев исследовал особенности художественности и формы поэзии Бабура на примере различных произвдений. Именно он впервые в узбекском литературоведении на основе исследования поэтического мастерства Бабура дал начало изучению поэтического наследия великого поэта, что обеспечило путь для дальнейших исследований в этой области.

Впоследствии Алиев С. А. заявлял о необходимости создания новых программ и учебников для улучшения образования в средних школах. Так, под руководством известного ученого Каримова Г. вместе с Юнусовым М. и Долимовым С. был создан учебник «История узбекской литературы» для 5 и 8 классов. Это был первый учебник для средних школ, в котором содержались целостные и последовательные знания по истории узбекской литературы. Раздел, посвященный Бабуру, был написан Алиевым С.

На сегодняшний день в Бухаре литературоведы продолжают изучать творчество великого поэта и государственного деятеля З. М. Бабура. Потому как даже в наши дни «Бабур-наме», «письма судьбы» («такдирнома»), «письма разлуки» («фирокнома»), «письма терпения» («сабрнома») учат делать выводы из уроков истории, признавать горькую правду, давать истинную оценку каждому событию.

Литература

1. Алиев, Саиджон. «Бухоронома»-га тенгдош мухбирман // Бухоро янгиликлари. – Бухоро, 2000.
2. Бобурнома. – Ташкент: Гл. ред. узб. энцикл., 1993. – 5-28 бетлар.
3. Воҳидов, Р. Биз билган ва билмаган Бобур. – Тошкент, 2008.
4. Мукаммал асарлар тўплами : XX том. – Тошкент : Фан, 1985.
5. Сафаров О. Устозлар ва сафдошлар. – Тошкент: Наврўз, 2010.

6. Олимов М. Ўзбек бобуршунослиги тарихидан // Ўзбек тили ва адабиёти. – 1989. – № 3.3-9 б.

© **Ахмедова Ш. Н.**, 2020

Н. К. Ачилов,
к. ф. н., доцент Каршинского государственного университета,
г. Карши (Узбекистан);
Н. И. Джумаева,
к. пед. н., доцент Международной исламской академии Узбекистана,
г. Ташкент (Узбекистан)

ВОПРОС ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Живое устное выступление требует большого мастерства и таланта в изображении исторической реальности и образа исторического человека в обобщенном эпическом повествовании. Потому что стихи об актуальном историческом процессе традиционно не популярны в контексте узбекских народных песен и поэтических школ. Тем не менее, некоторые произведения в эпическом исполнении состоят из исторических дастанов.

Известно, что в исторических дастанах описываются события и деятельность исторических личностей. «У них есть мифы и факты, переплетенные с исторической правдой, и в этих работах новый фольклор дается и оценивается в определенной исторической реальности» [1, 18].

Хотя любое историческое произведение изображает процессы и образы, связанные с реальными событиями, они воплощаются на основе народного мировоззрения в эпических обобщениях. «В тех случаях, когда в эпос попадают исторические имена, их носители подчиняются законам былинной поэтики и становятся эпическими персонажами» [3, 102]. Таким образом, для фольклора, особенно в исторических поэмах, в исполнении набирает популярность реальность, основанная на мировоззрении людей. Люди, которые оставили определенный след в социально-экономической и повседневной жизни народа, их типичные примеры иллюстрируются в художественных обобщениях фольклора. В социально-историческом процессе исторические события и личности не всегда считаются творческими действиями для эпоса. Вероятно, возникновение великих общественных событий в истории нации и обстоятельства, способные отразить деятельность человека, который ее вызвал, показывают, что люди обладают силой художественного мышления и станут художественным источником для эпоса. В репертуаре узбекских бахши (народных певцов) исполнялись дастаны, описывающие деятельность таких исторических деятелей, как Тумарис, А. Тимур, З. М. Бабур и Шейбанихан, и общественную среду того времени.

Рассмотрим особенности исполнения бахши исторических личностей и исторических процессов на примере дастанов «Шейбани-хан» [4] поэта Пулкана и «Ойчинар» Кадыр Бахши [2].

Известно, что Захириддин Мухаммад Бабур – известный государственный деятель, великий полководец, поэт, историк, переводчик и знаменитая личность.

Хотя существует множество научных, научно-популярных и художественных произведений о жизни писателя, его творческих способностях и лидерских качествах, а также о государственном управлении, у каждого из них есть свой собственный объект изучения.

Но тот факт, что литературное выражение образа Бабура иллюстрируется в народных эпосах, в эпическом повествовании привлекают внимание процессы, в которых описывается поэтическая поэзия писателя. Хотя вышеприведенные дастаны основаны на изображении Бабура и его борьбе с Шейбаниханом за защиту Самарканда, бахши подходят к исторической фигуре двумя способами. У поэта Пулкана доминирует традиционное исполнение.

Стихотворение «Шейбани-хан», написанное в репертуаре поэта, представляет собой полную историю событий, связанных с судьбой Хуршидой. Со всеми эпическими требованиями он представляет собой традиционность. История ходжанского купца и его дочери Хуршидой, изображенная в начале стихотворения, является выдумкой. Хотя Бовирхан и Шейвалихан не являются выдуманными образами, они не являются историческими фигурами для поэтического закона. В стихотворении Бовирхан – отрицательная фигура и, следовательно, униженный образ. Вот почему голос из земли пророчествует: «Бовирхан, беги, ты умрешь», – или: «Ударил тебя мотылёк этой страны». Шейвалихан является эпическим символом новой жизненной силы, преодолевшей угнетение и насилие. Он не только правитель, но и фигура справедливости. В репертуаре поэта образы Бабура и Шейбанихана заканчиваются специфично традиционному эпосу литературным финалом. В пьесе «Ойчинар» из репертуара Кадыр Бахши З. М. Бабур изображен как историческая фигура. В этом творческом процессе Бахши связан со случаем формирования индивидуальных чувств творчества в результате знакомства с письменной литературой, эпическими знаниями и поэтическими иллюстрациями. Поскольку Кадыр Бахши является грамотным поэтом с высшим образованием, он прочитал версию «Пулкан Бахши». Именно поэтому введено изображение Ойчинар в виде персонажа Хуршидой, которая напоминает историю стихотворения. Кроме того, во всех чертах характера Бабура преобладают дух личности и чувство индивидуального творчества в отношении мировоззрения. Сочетание таких визуальных процессов в образах стихотворения напрямую связано с влиянием культурных факторов на позитивное мировоззрение.

Тем не менее, эпический фольклор представляет собой совершенное произведение искусства, основанное на форме и стиле исполнения. Рассмотрим эти особенности на основе анализа некоторых эпизодов в дастане. В эпосе «Ойчинар» рассказывается о местонахождении Бабура в Каттапае после поражения во время завоевания Самарканда по пути в Афганистан. Следовательно, в дастане отражается не полная картина жизни Бабура, а лишь определенные психологические процессы. С одной стороны, Бабур – честный и справедливый, патриот своей страны, человек истины, любитель чистоты и тот, кто борется против эгоизма, невежества и обмана; с другой же стороны, когда

это требуется, он – властный и строгий правитель. Эти качества в Бабуре раскрываются в ходе событий, в столкновениях с Назарбаем, Кайсаром, Шейбаниханом, Ойчинар и другими. Хотя Бабур физически не присутствует во всех событиях дастана, но он духовно находится в них. Два события, которые играют важную роль в истории, показывают черты Бабура как справедливого и мудрого царя. Сначала Ойчинар столкнулась с Бабуром в Каттапае, где прибыл по просьбе людей Назарбая, которые не выполнили его условия. «Молодой человек сидит среди аксакалов. Тюрбан с золотой короной на голове и вышитые золотом костюмы на нем очень к лицу. Его глаза и взгляд как у льва, глаза его как у орла, а губы, его губы…» [2, 45].

Когда Бабур искренне спросил Назарбая о его делах, он рассказал о намерении жениться на вдове, которая поставила условие и попросила на приданое десять ягнят, двадцать волков, тридцать львов, сорок тигров, пятьдесят жеребцов, шестьдесят пять свиней и многое другое; в итоге он не смог выполнить условия. Но Бабур, который был очень чувствителен, умен и внимателен, спрашивая о возрасте Назарбая, объяснил ему о значении условия вдовы.

Мастерство Бахши в том, что он описывает Бабура в этой ситуации как мудрого, умного человека. Комментируя условия вдовы, Бабур восхищается её умом, которая поставила такое условие и говорит Назарбаю: «Не ходи ни за что к невесте свататься, забудь к ней дорогу, если твоя голова для тебя дорога». События этой истории продолжаются, таким образом, очень интересно. Второй эпизод эпического изображения Бабура в дастане – это его встреча с Шейбаниханом. Хотя эти два правителя противопоставлены друг другу, но по обе стороны Амударьи они вели переговоры. Их беседа проводится загадочным образом и будет понятна только для самих правителей. В результате встречи Бабур узнает, кто его враги. Индивидуализация образа Бабура в дастане является условием для попытки автора создать образ исторической фигуры.

В дастане Кадыр Бахши использует художественные средства и традиционные методы, формулы, чтобы выделить специфику каждого изображения. Вот почему и Бабур, и красивая, храбрая Ойчинар, и хитрый и алчный Назарбай или коварный служитель изображены в характерных по своей специфике образах, с характерами и специфичностью.

В рамках школ поэтов-бахши и дастановедов по образу З. М. Бабура можно сделать следующие выводы. Во-первых, народные творцы не просто популяризируют историческую реальность и личный образ для исполнения. Он попытался художественно изобразить образ народа, который важен для эпоса, что играет важную роль в мировоззрении и менталитете людей.

Во-вторых, З. М. Бабур и реалии его жизни оказали значительное влияние на развитие исторического и эстетического мышления народа и послужили источником его творчества по эпическому закону.

В-третьих, были творчески созданы в рамках традиций эпических поэтических школ, общих для образа Бабура. Образ Бабура в репертуаре поэта Пулкана также является одним из них.

В-четвертых, в дастанах Кадыра Бахши изображаются традиционность и эпичность, все же для них характерна относительная индивидуальность.

В общем, полководческая деятельность, творческие способности и человеческие качества З. М. Бабура отличаются исполнением и популярностью дастана как эпического жанра.

Литература

1. Мирзаев Т., Саримсаков Б. Дастан, его виды и историческое развитие // Эпические жанры узбекского фольклора.. – Т. : Фан, 1981. – С. 18.
2. Ойчинар. Дастан / сказитель Кадыр Бахши Рахимов // Узбекское народное творчество : многотомник. – Т. : Гафур Гулям, 1984. – С. 45.
3. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 102.
4. Шейбанихан. Дастан / сказитель Мухаммадкул Жомрад Пулкан оглы. – Т., 1928.

© **Ачилов Н. К.**, **Джумаева Н. И.**, 2020

А. Н. Бабин,
НИУ ВШЭ, Государственный музей Востока, г. Москва

РУКОПИСЬ «БАБУР-НАМЕ» ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ: К ВОПРОСУ О ДВОЙНЫХ МИНИАТЮРАХ В ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ МАНУСКРИПТАХ

Установление власти мусульманских династий на севере Индийского субконтинента повлекло за собой мощные изменения в искусстве Южной Азии, в частности, книжной культуре региона. Здесь на смену традиционному формату рукописной книги, вытянутому по горизонтали, приходит вертикально ориентированная книга-кодекс. Новый формат привносит свои, не характерные ранее, модели для художественного оформления манускриптов. Так, в рукописях появляются своего рода двойные миниатюры; т. е. две иллюстрации на развороте книги, образующие единую композицию. Данный приём можно встретить и в тимуридской, и в сефевидской живописи; в ранней могольской миниатюре он довольно часто используется в иллюстрированных исторических хрониках эпохи Акбара, в т. ч. «Бабур-наме».

Фрагмент одного из списков «Бабур-наме», хранящийся в коллекции Государственного музея Востока, включает подобные композиции на двух листах разворота. Из них наиболее выразительной стоит назвать сцену охоты Бабура в долине Каттаваза (событие 913 г. х.). Однако московская рукопись включает и такие иллюстрации, вторая половина которых находится в других собраниях: так, ещё один крупный фрагмент этого списка хранится в Музее Уолтерса, Балтимор. В докладе хотелось бы представить некоторые результаты сопоставления указанных фрагментов рукописи и «воссоединить» некоторые миниатюры, разнесённые по разные стороны Атлантического океана.

© **Бабин А. Н.**, 2020

М. В. Баканова,
главный врач, журналист, аналитик, писатель,
г. Исламабад (Пакистан)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ БАБУРА КАК «СОБИРАТЕЛЯ ЗЕМЕЛЬ ИНДИЙСКИХ»

Если не затрагивать более древние времена, то со времени прихода ислама на земли Индостана здесь было основано государство Делийский султанат (1206-1526 и с попыткой восстановления 1539-1555), которое изначально управлялось тюркскими династиями, а затем правители имели смешанное происхождение. Изначально политически и экономически сильное государство, активно продвигающее науку, искусство, образование, в конце своего существования подверглось распаду и разделению на мелкие провинции, управляемые фактически независимыми правителями. Последняя династия Делийского султаната Лоди (не считая попытки Шер Шаха восстановить Делийский султанат в 1539-55 уже после его завоевания Бабуром) в 1451 году приняла последнюю попытку восстановления его единства и величия, однако к правлению его последнего представителя Ибрагима шаха II Лоди она себя исчерпала, что привело к многочисленным восстаниям, оставив последнему султану под управлением фактически только небольшую область вокруг Дели.

С другой стороны, безземельный на тот момент Бабур, которого лишили его владений в Средней Азии и фактически блокировали на небольшой афганской территории с центром в Кабуле, вел весьма агрессивную политику в отношении Индостана, совершая раз за разом военные походы на его территорию. Нестабильность внутренней политики в Индостане вела к тому, что наместники территорий формального Делийского султаната вместо того, чтобы препятствовать продвижению Бабура к центру Индии, еще и помогали ему. Так, наместник Пенджаба Даулат-хан, который находился во вражде с царствовавшим в Дели султаном Ибрахимом Лоди, решил поддерживать действия Бабура. Среди заговорщиков был и князь Санграм Сингхом. Оба эти правителя пользовались и значительной поддержкой среди сановников в Дели.

Таким образом, пришествие и закрепление Бабура на землях Индостана было успешным благодаря следующим факторам:

1. слабость Делийского султаната под правлением Ибрагима Лоди;
2. разрозненность индийских провинций и различные политические интересы в них;
3. заинтересованность части политической элиты в приходе Бабура;
4. заинтересованность самого Бабура в завоевании Индостана и построении крупной империи.

Собственно говоря, Даулат Хан просчитался. Он предполагал, что Бабур, разбив Лоди и захватив богатую добычу, уйдет обратно в Кабул, подобно своему предку Тимуру. Однако, вопреки всему, Бабур остался в Индостане, начав строительство собственной империи с 1524 года, и уже в следующем году

наголову разбил своего бывшего союзника Даулат Хана, который попытался ему противостоять. Изначально Бабур закрепился в современном пакистанском городе Лахор, который ранее уже выступал в роли столицы Делийского султаната.

Решающая битва за господство в Индостане состоялась 21 апреля 1526 года на равнине Панипата, на пути из Лахора в Дели. Войска были представлены 12-тысячным корпусом Бабура с 40-тысячной армией делийского султана. Несмотря на численное превосходство, армия Бабура была лучше организована и вооружена (в том числе и турецкими пушками), а также он смог использовать боевые наработки монгольско-тюркских армий, выработанные в Средней Азии.

30 апреля 1526 года Бабур занял Дели и, не упуская возникшей инициативы, сразу же подавил Агру, как второй город султаната (Лахор был взят на 2 года раньше). Одномоментно были зачищены дворцы и правительственные здания, опечатана сокровищница и казна, смещены или приведены к присяге высшие сановники. Специальным приказом войска Бабура немедленно занялись восстановлением порядка, также им строго запрещалось грабить или оказывать давление на местных жителей. Награду они все получили из казны бывшего султана в виде денег, украшений, оружия, коней и др. Кроме этих раздач велось распределение земельных участков, угодий и пастбищ. Щедрые подарки получили Кабул, Газна, Кандагар и даже Мекка, куда их отправили через паломников. Эта щедрость стала причиной множества слухов, которые дошли и до соседних стран. Согласно одному из них, пришлый падишах раздал все захваченные им сокровища Индии и ничего не оставил себе, действуя как странствующий дервиш. Сам владыка Бабур отразил эту мысль в стихах: «Я не принадлежу к братству дервишей, но, как царь, я их брат по духу».

На самом деле, конечно, раздача земель и денег верной Бабуру армии и тем, кто влился в нее, имел весьма отдаленный и практичный смысл – остаться служить новому щедрому правителю. Бабуру совсем не нужны были внутренние протесты. Тем более, участки земли позволяли его воинам самим прокормить себя, а также врасти в индийскую землю и переселиться сюда насовсем. Дело в том, что далеко не все из его афганских соратников хотели остаться жить в Индостане на постоянной основе: непривычный климат и еда, иное окружение с иными традициями и др. А полностью положиться на поверженную армию своего противника Бабур попросту не мог.

И здесь на полях истории вновь появляется бывший соратник Бабура – князь Санграм Сингхом. Раджпутские правители во главе с ним также пришли к мысли, что Бабур намерен навсегда закрепиться на землях Индостана, что противоречило их политике самостоятельных индуистских государств. Решающая битва раджпутов с армией Бабура состоялась при Кхануа (близ Сикри) в марте 1527 года. И вновь превосходство войск Бабура в артиллерии и ручном огнестрельном оружии сыграло решающую роль. Более многочисленные войска раджпутов атаковали оборонительные порядки Бабура. Однако их атаки разбились об умелую оборону и контратаки. Раджпутские князья потерпели сокрушительное поражение. Их предводитель Санграм Сингхом (Рана Санга)

был тяжело ранен и умер в этом же году. Ни один из его потомков не осмелился продолжить борьбу. Эта победа над конфедерацией Раджпута привела к окончательному установлению власти Бабура над Северной Индией. Добившись успеха, Бабур перенёс центр вновь образованной державы в Агру. До конца своей жизни – 1530 года, он расширил свою державу, присоединив к ней долину Ганга, до границ Бенгалии. Он разгромил 6 мая 1529 года битве при Гогре правителей Бихара и Бенгала. К 1529 году владения Бабура включали Восточный Афганистан, Пенджаб и долину Ганга, до границ Бенгалии.

Часть афганского войска Бабура вернулась на родину, гружёная богатой добычей. Другая часть осталась в Индии. Воины получили от падишаха земельные наделы. Новые землевладельцы обычно нанимали в качестве управляющих местных жителей, которые лучше разбирались в местных условиях. Бабур проводил формирование налогово-административного аппарата и централизованной системы управления в новой державе.

Несмотря на очень краткое правление, 1526-1530 гг., Бабур смог заложить основы будущей великой державы, объединив значительную часть раздробленной Индии. Он упорядочил земельно-водные отношения, налоговую систему. По его указанию была начата большая строительная программа, сооружали мечети, бани, здания различного назначения, рылись колодцы. В крупнейших городах Индостана: Дели, Агре, Лахоре, Девалпуре – падишах заложил сады и парки с декоративными растениями. Видимо, первым подобным сооружением стал большой сад, именуемый Кабул-бахтом, основанный в Панипате в честь победы над делийским султаном Ибрахимом Лоди. В садах, разбитых в Индии, падишах впервые применил опыт по выращиванию дынь и винограда из Средней Азии.

Бабур большое внимание уделял благоустройству подчиненных ему крупных индийских городов. Архитектура, планировка общественных и частных зданий, их внешние детали и внутренний интерьер, много взяли из стиля, принятого в Средней Азии, в то же время смогли органично сочетаться с индийским стилем.

Основатель новой державы деятельно стремился укрепить торгово-экономические связи с Афганистаном, Ираном, Средней Азией. Был издан указ Бабура о благоустройстве караван-сараев, строительстве специальных колодцев на торговых путях, заготовке продовольствия и фуража для путников. Все эти мероприятия были направлены на рост товарооборота с соседними странами и нормализацию отношений с ними. Бабур нормализовал отношения с Шейбанидами. Падишах даже незадолго до своей смерти отправил посла к русскому правителю Василию Ивановичу.

Таким образом, политика, проводимая Бабуром на территории Индостана, вполне определяет его роль как «собирателя земель индийских» и основателя цельной и единой Империи на землях Индостана. Впоследствии его политика будет продолжена, в особенности внуком Акбаром, и приведет страну к величайшей в своем времени экономической и политической мощи.

Правление правнука Акбара Аурангзеба закончится же подрывом экономических и политических сил, началом падения империи и постепенного перехода ее под власть Великобритании. Хотя формально потомки Бабура сохраняли звание императоров вплоть до 1858 года – поражения Бахадур-шаха в восстании сипаев. Англичане официально заявили о падении Могольской империи и основали богатейшую колонию – Британскую Индию.

Литература

1. Asher, C. B. & Talbot. India Before Europe. – 1st ed. – Cambridge University Press, 2008. – P. 50-52.
2. Candice Goucher, Linda Walton. World History: Journeys from Past to Present. – Edinburgh : Routledge, 2013. – C. 401.
3. Foltz R. C. Mughal India and Central Asia. – Karachi, 1998. – P. 13-14.
4. Haidar M. Indo-Central Asian Relations: from Early Times to Medieval Period. – New Delhi, 2004. – P. 125-126.
5. Lobo J. W. Reinventing Cultural Histories: Need to Place India-Central Asia Historical and Cultural Linkages in Proper Geographical and Ethnic Perspectives // International Seminar on Cultures and Societies in Transition : India, Russia and Other CIS Countries. – New Delhi, 2006. – P. 110.
6. Muzaffar Alam & Sanjay Subrahmanyan. The Mughal State 1526-1750. – Delhi, 1998.
7. Peter Jackson. The Delhi Sultanate: A Political and Military History. – Cambridge University Press, 1999. – P. 312-317.
8. Richard Eaton. Temple Desecration and Indo-Muslim States // Journal of Islamic Studies. – 2000. – Vol. 11, no. 3. – P. 283-319.
9. Stephen Frederic Dale. Steppe Humanism: The Autobiographical Writings of Zahir al-Din Muhammad Babur, 1483-1530 // International Journal of Middle East Studies. – 1990. – Vol. 22, No. 1. – P. 37.
10. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М. : Наука ; ГРВЛ, 1977. – 176 с.
11. Бабур / Л. Б. Алаев, В. Х. Ганиев // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. – 2004-2017. – Т. 2 : Анкилоз – Банка. – М. : Большая российская энциклопедия, 2005. – С. 625.
12. Баканова М. В. Мир под названием Пакистан. – Канада : Альтаспера, 2015. – С. 32-34.
13. Баканова М. В. Вдоль караванной тропы: традиционные взаимоотношения стран Центральной Азии и Пакистана. – Альтаспера, 2019. – С. 211-221, 242-265.
14. Уляницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индией в XVI-XVII вв. – М., 1889. – С. 3.

© Баканова М. В., 2020

Е. М. А. Баллал (E. M. A. Ballal),
PhD in Philology, Assistant Professor of AL-Ahfad University, Omdurman (Sudan);
О. Ю. Латышев (O. Yu. Latyshev),
ScD h. c., PhD in Philology, professor of RANH, academician of IAST, UANH, IANH, IAYTLH, Corresponding Member of IAPS, President of International Mariinskaya Academy named after M. D. Shapovalenko, Moscow, (Russia);
М. Луизетто (M. Luisetto),
PhD in pharmacy, the head of research center of bio-medical and pharmacological researches and academician-secretary of branch of Pharmacology of International Mariinskaya Academy named after M.D. Shapovalenko, Piacenza, (Italy)

Аннотация: Статья посвящена современному значению дидактического наследия Захириддина Мухаммада Бабура. Идея света и процветания, которая была путеводной звездой для Бабура на протяжении 47 лет его жизни, побудила его сформировать вокруг себя общество высокообразованных людей. Поскольку Бабур с двенадцати лет лишился отцовской опеки, ему выпало быстро научиться принимать ответственное и единственно правильное решение, от которого будет зависеть судьба его подданных и его собственная судьба. В свою очередь, это обстоятельство научило Бабура развивать стремление к образованию у своих близких соратников, а затем и у их детей. В этих условиях Бабур лелеял мечту о восстановлении империи Тимуридов. Но близорукость других представителей клана Тимуридов не позволила ему решить эту проблему, что побудило Бабура изменить свою стратегию действий и даже покинуть родину в надежде получить новые государственные полномочия. Поэзия Бабура показывает его ясное представление о временности земной власти и тщетности попыток узаконить ее навсегда. Однако именно в образовании Бабур видит реальную возможность продлить торжество своих мыслей. Передавая знания потомкам, Бабур закладывает фундамент своей законной пятисотлетней славы как мудрого правителя, поэта и мыслителя.

MODERN SIGNIFICANCE OF DIDACTICAL LEGACY OF ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BABUR

The idea of light and prosperity, which was a guiding star for Babur for 47 years of his life, encouraged him to form a society of highly educated people around him. Since Babur, from the age of twelve, lost his father's guardianship, it fell to him to quickly learn to make a responsible and only right decision, on which the fate of his subjects and his own fate will depend. In turn, this circumstance taught Babur to develop a desire for education from his close associates, and then from their children.

In this environment, Babur cherished the dream of rebuilding the Timurid Empire. But the shortsightedness of other representatives of the Timurid clan did not allow him to solve this problem, which prompted Babur to change his strategy of action and even leave his homeland in the hope of gaining new government powers.

In 1501, Babur wisely wrote on one of the stones of the mountains of Tajikistan:

"We seized the world with courage and strength,
But they did not carry with them to the grave" [16, 144].

This shows Babur's clear idea of the temporality of earthly power and the futility of trying to legitimize it forever. However, it is in education that Babur sees a real opportunity to extend the triumph of his thoughts. Feelings and aspirations. Passing knowledge to descendants, and teaching his close ones to do it after him, Babur lays the foundation for his legitimate five hundred year glory as a wise ruler, poet and thinker.

In his immortal rubyai lines, Babur expresses his legitimate chagrin at how insignificantly small a circle he can convey his precious knowledge and experience:

"To the one who sought the light and comprehended knowledge,
A worthy student is more necessary than any books.
I learned a lot, but the poor students
Perhaps because I myself am a student".

The utter modesty of the man who ruled the vast empire is no less instructive in itself than the light of knowledge that continues to shed Babur's cultural heritage to this day.

However, the example of Gulbadan-Begim, the youngest daughter of Babur, shows us the triumph of his didactic principles. So, in the Middle Ages, only her name adorns the historical heritage of the fair sex of Central Asia, the Muslim East as such. Moreover, the unprecedented education of Gulbadan-Begim in the circle of fellow countrymen-contemporaries also brought its significant didactic fruits. Acting as the teacher of her nephew, Emperor Akbar the Great, she was also able to convey to her student a love of high syllable and deep historical knowledge. This statement is reflected in the fact that it was Akbar the Great who became the inspiration for Gulbadan-Begim in the process of creating the only Indian historical chronicle that emerged from the pen of a woman in the Middle Ages.

Thus, the special thirst for knowledge of the grandson of Babur, Akbar the Great, also proclaims the longevity of the didactics of the poet, writer and thinker all rolled into one. However, Babur's influence in the field of education on the successors of his family is not limited to this. Inviting his teacher Gulbadan-Begim to create subsequently the immortal memories of "Humayun-name", Akbar the Great thereby paved the way for historical knowledge for further representatives of the rule of the Great Mughal Empire, their relatives and subjects. The fact that it was precisely under Akbar the Great that the culture and art of India reached their heyday also saw the significant influence of the didactic heritage of Babur. A significant role, in our opinion, was played by the ability of Babur directly or indirectly, directly or indirectly to transfer his political education to his descendants. In relation to Akbar the Great and

his contemporaries, this influence is read thanks to the fact that Akbar the Great greatly expanded the Mughal Empire to a definite part of Central and Northern India.

Babur's humanist views also had proper manifestations in the rule of his grandson. This is evidenced by the fact that Akbar the Great canceled the collection of taxes for crop failure and famine, and also ordered the issuance of the courts - both in money and in grain. In addition, it is Akbar that will abolish taxes on non-Muslims. The moral pressure on the indigenous people of the Hindustan Peninsula will significantly decrease when the decision of Akbar the Great poll tax comes into force. Finally, the actual academic progress, for which Babur so advocated, will also take place on the initiative of the successor of his work. First of all, it was expressed in the fact that through the efforts of Babur, and, accordingly, of his descendants, interest was cultivated in using the scientific achievements of the previous Timurids. So, Akbar the Great laid the foundation of the solar calendar, introduced by him throughout the Empire of the Great Mughals, given the "New Astronomical Tables" created by the grandson of Tamerlan Ulugbek. In addition, Babur and Akbar the Great continued the Ulugbek tradition of forming a coherent step system of Muslim religious education and educational institutions. So, in Samarkand, Gijuvan and Bukhara, the majestic buildings of the madrasah built by the order of Ulugbek, which played the role of both a secondary school and a Muslim theological seminary, have survived to this day. Ulugbek collected the most prominent scientists of his time to work in them. Both the Babur and Akbar the Great followed this noble tradition of free education for the younger generation. According to Maurice S. Dimand, "Akbar has established itself as the patron of science, art and architecture. Based on the principle of tolerance, he gathered around his throne the best scientists, poets, musicians and artists of different faiths. During the reign of Akbar, a school of painting was created, and the walls of his palaces were decorated with frescoes. Thanks to him, a rich library of more than 24 thousand volumes was compiled ... Akbar himself translated several works from Persian to Sanskrit and from Sanskrit to Persian" [6, 46].

Babur as a Muslim prince made Islamic specialty minority religion. Then, there is a real treatment of religion in his diary. So, religiosity has achieved understudied opinions of his great document. While Babur relates immediately to Islam during writings, his Islamic religiosity remains as important evidence in his stories. One of the poets said within proudness, the horses and the night and the desert know me. And the sword, the spear, the grit, and the pen. Thus, he combines office government, equality, freedom, justice and science.

Language is a source of human life and power. It is not an essential part of our nature, neither invented nor handed down as a reward. Merely language just happened, because it is the most natural outcome in the world. It developed out of the cries of nature, and animals born with language and thought. Parents never teach language to their children but only direct their attention to the differences between things. In that case, Babur's new reading method consists of complicated designs to improve learning. Concerning a CD player, caste tape, audiobooks and digital audios that creates images and listening, can't achieve the reading aims. Certain give materials where the eyes were useless for reading and only ears were needed. A child understands of the story,

supplying his ability to language expressions. A youth who listens, following a book, effects in conjunction with the text, where the product appears in prints. Therefore, reading needs mixing and mastering processes that focus on content rather than a container.

1. The faster they read, the more they read.
2. The more further they read, the more spacious they learn.
3. The more they learn, the more extra they enjoy it.
4. The more they enjoy, the more powerful they read.
5. The faster they read, the saver they'll be.
6. The smarter they grow, the stronger their voices will be.

In view of the foregoing, it seems to us possible to draw the following conclusions:

1. Although the art of didactics did not come to the fore in the collection of various talents of Babur, nevertheless, it was the didactic component of his many works that led to the prosperity of his heritage over the centuries.

2. Since high education traditionally makes a person extremely modest, Babur spoke of the prevalence of apprenticeship over teaching in the paradigm of his life.

3. The decisive influence that Babur had on the fate of his youngest daughter, Gyulbadan Begim, was also reflected in the fact that his ideas and teacher mentality continued to remain in the possession of subsequent generations.

4. Babur was aware that the real transformations in the field of science and education, the foundation of which was laid by Ulugbek and he continued to cultivate it, would be possible only with the formation of a system of appropriate conditions, which had already been achieved with his grandson Akbar the Great.

5. It was precisely being a grateful descendant that Babur was able to develop the foundations of didactics in parallel with the study of history, geography, ethnography, epic art and versification. All this allowed Babur to make the totality of his diverse creations a precious asset to his descendants.

References

1. Annette S. Beveridge. The Haydarabad Codex of the Babar-Nama or Waqi'at-i-Babari of Zahiru-d-Din Muhammad Babar, Barlas Turk // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – Jan. 1906. – P. 79.
2. Bhattacharya S. A Dictionary of Indian History. – Calcutta, 1967. – P. 600.
3. Howell E. B. The History of Aryan Rule in India : From the Earliest Times to the Death of Akbar. – L., 1918. – P. 420.
4. Chaliand G. Nomadic Empires. From Mongolia to the Danube. – New Jersey, 2004. – P. 4.
5. Lobo J. W. Reinventing Cultural Histories : Need to Place India-Central Asia Historical and Cultural Linkages in Proper Geographical and Ethnic Perspectives // International Seminar on Cultures and Societies in Transition : India, Russia and Other CIS Countries. – New Delhi, 2006. – P. 110.
6. Mansura Haider. Relations of Abdullah Khan Uzbeg with Akbar // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1982. – Vol. 23, No. 3/4 (Jul. – Dec.). – P. 313.

7. Maurice S. Dimand. Mughal Painting under Akbar the Great (неопр.) // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. – 1953. – Т. 12, № 2. – P. 46–51.
8. Nuri M. H. India and Central Asia: Past, Present and Future // Regional Studies. – 1992-1993. – Vol. 11. – No 1. – P. 71.
9. Sinha N. K., Banerjee A. C. Istoriya Indii [= History of India]. – Moscow, 1954. – P. 211.
10. Stephen Frederic Dale. Steppe Humanism: The Autobiographical Writings of Zahir al-Din Muhammad Babur, 1483-1530 // International Journal of Middle East Studies. – 1990. – Vol. 22, No. 1. – P. 37.
11. Бабур / Л. Б. Алаев, В. Х. Ганиев // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017. – Т. 2 : Анкилоз – Банка. – 2005. – ISBN 5-85270-330-3. – С. 625.
12. Бабур. Избранная лирика / пер. на русский язык. – Ташкент : ЦК КП Узбекистана, 1982. – 126 с.
13. Бабур. Избранное : В 2-х тт. / сост. Саидбек Хасанов. ; пер. М. Салье. – Ташкент : ЦК КП Узбекистана, 1982. – 112+256 с.
14. Бабур. Рубаи / перевод Наума Гребнева и Льва Пеньковского. – Сувенирное издание. – Ташкент : Изд-во Г. Гуляма, 1981.
15. Бабур-наме / перевод М. А. Салье. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992. – С. 222–223.
16. Бабур-наме: Записки Бабура / перевод М. Салье ; Общ. ред. и доработка С. А. Азимджановой ; Ин-т востоковедения АН Респ.Узбекистан. – 2-е изд. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с. – ISBN 5-89890-060-8.
17. Бабур-намэ / перевод М. Салье ; под ред. М. Шевердина. – Т. : Госиздат Уз ССР, 1948. – С. 144.
18. Кор-Оглы Х. Г. Узбекская литература. – М., 1968.
19. Руденко Е. И. Зарубежные исследователи о тюркском элементе в Южной Азии // Известия НАН РК : Серия общественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 2. – С. 4.
20. Уляницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индией в XVI–XVII вв. – М.,1889. – С. 3.

© **Ballal E. M. A., Latyshev O. Yu., Luisetto M**., 2020

Х. У. Балтабаев,
д. ф. н., проф. НУУ, г. Ташкент (Узбекистан)

НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ О БАБУРЕ И БАБУРИДАХ

В России с творчеством выдающегося узбекского поэта и правителя, основателя империи великих бабуридов в Индии начали интересоваться с середины XIX века. Сперва в «Энциклопедическом лексиконе» (СПб, 1835) опубликовано краткое примечание на его произведение «Бабурнаме» [2, 25-26], затем было опубликован текст «Бабурнаме» в Казани под редакцией востоковеда Н.И. Ильминского под названием «Записки Султана Бабура» (1857) с предисловием [1, I-IV]. В этом же году опубликован отрывок из великого произведения в «Тюркской хрестоматии» И.Н. Березина [4, 226-272]. Сам Н.И. Ильминский ознакомил русскую интеллигенцию с творчеством и государственной деятельностью Бабура в докладе «Вступительное чтение в курсе турецко-татарского языка» и опубликовал на эту тему отдельную статью [13, 1-59]. Именно в этом году в журнале «Современник» была опубликована громадная статья с подписью «Н. Турчинов» (псевдоним знаменитого русского критика Н. Добролюбова) [16, 51-92]. Принадлежность статьи известному критику устанавливается свидетельством Чернышевского: «Под псевдонимом "Н. Турчинов" он (Н.А.Добролюбов – Х. Б.) напечатал в сентябрьской книжке "Современника" 1857 г. статью: "Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии"… И действительно, статья вышла хорошая» [9, 506].

Почему исконно русский критик, занимавшийся русской литературой XIX века, интересуется Ост-Индской компанией и в своей работе глубоко освещает историю великого Захириддина Бабура и Бабуридов?

По истории Индии нам известно, что 10 мая этого года началось восстание сипаев [8, 5-20], которое продолжалось все лето. Восстание возбуждало всеобщий интерес в Западной Европе, в том числе в России. По свидетельству Н. Чернышевского видно, что «Современнику» нужна была статья об этом восстании. И Николай Гаврилович поручил написать такую статью Николаю Александровичу [17, 289]. Н. Добролюбов сперва отказался, потом после определенного времени имел возможность ознакомиться с материалами на английском [7, 260-67] и французском языках и согласился исполнить просьбу.

В это время самодержавие продолжало войну за покорение Кавказа, затем стремилось в Центральную Азию и далее – к Индии. По этому поводу взгляд русской интеллигенции на восстание сипаев против английской колонии и интересовало русское правительство. Тем более в данном отношении на страницах «Отечественных записок» (1857, № 7), «Библиотеке для чтения» (№10), «Современной летописи» (X, кн.2), «Русском инвалиде» (1857, № 133, 174 и в др. номерах) были опубликованы материалы, касающиеся не только индийского восстания, но и будущих среднеазиатских намерениях. Бабур, выходец из Андижана как продолжатель тимуридской династии в Индии создал великое государство, которое называлось «Империей Великих Моголов» (1525–

1857). А восстание вспыхнуло именно против английской колониальной системы, где главные силы – сипаи, суфии-мусульмане и местное население Индии. В начале статьи пишется, что «если и нельзя ожидать, чтобы Индия могла теперь освободиться от господства Англии, то все же несомненно, что нынешнее восстание поведет к большим изменениям в настоящем положении дел Ост-Индийской компании»[1] [9, 7].

Помимо описания состояния компании Ост-Индии, Н. Добролюбова интересует история индийского народа и особенно его прежнее состояние при Тимуридах и Бабуридах. В статье говорится о мусульманском завоевании Индии арабами, о покорении Махмудом Газневи северной части Индии и в конце XIV века о походе Амира Тимура со стотысячным войском. «Со времен Бабура в 1525 году победою при Панипате (на севере Индии), получившего во власть свою весь Индостан, которая устанавливается твердо и непоколебимо». Далее Н. Добролюбов цитирует «Бабурнаме»: «В Индии есть царский престол, равно как есть места и звания визиря, эмира и проч. Этот престол, эти места и звания и составляют единственный предмет уважения для народа» [3, 185]. Автор статьи разъясняет, что «этими замечаниями Бабура объясняется для нас, почему большинство народа было совершенно равнодушно к перемене правителей, да и не считало себя вправе вмешиваться в то, что происходит между ними». Объяснив ситуацию, автор статьи пишет, что «правительство (Бабуридов – Х. Б.) XVI-XVII веков оставило в Индии много следов «своего мудрого государственного управления». Акбар, царствовавший в течение второй половины XVI века, и Аурунзеб (Аврангзеб – Х. Б.), умерший в 1707 году, особенно памятны своим мудром и блестящим правлением. И действительно, Акбар определил положительными узакониями чиновную администрацию, ввел лучшую систему сбора податей, увеличил государственные доходы, устроил дороги, завел правильные почты, ввел лучшую дисциплину в войске, произвел множество великолепных построек, доселе, даже в своих развалинах, возбуждающих изумление путешественников. Аурунзеб в особенности прославился своими громадными и роскошными сооружениями» [9, 17].

В статье Н. Добролюбов, опираясь на одного французского писателя (имя не указано), пишет, что при нем (Аврангзебе – Х. Б.) выстроено несколько великолепных храмов, пагод, дворцов и пр. «Могущество это было велико и действительно придавало державе необыкновенный блеск и величие». Н. Добролюбов, глубоко изучавший первоисточники, говоря об экономическом состоянии страны, цитирует строки из произведений Акбара: «Творец мира, – говорит Акбар в своих записках, – вверил царям господство над ними для того, чтобы они имели попечение о счастии народов и особенно заботились о чести и славе знатных фамилий» [9, 18]. Затем, охарактеризовав Акбар-падишаха, Н. Добролюбов продолжает, что «Акбар (ум. 1605 г.) принадлежит к числу людей

[1] Здесь и далее цитируется из книги: Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти т-х. т. 2. М., 1962. С.7-46.

истинно гениальных. Его положение мешало отчасти его уму в совершенно свободном и окончательном развитии своих идей, но и в том, что он успел сделать, выразилась уже его умственная сила» [9, 18]. Добролюбов как демократ искренно поддерживает Акбара, позволившего Франциске Ксавье проповедать в стране своей, но и эта пропеведь ему не понравилась. Особенно характерно, что Добролюбов утверждает религиозную политику Акбара-падишаха в дуалистическим ключе: «Испытавши все вероучения и продолжая философствовать по-своему, Акбар составил свою религиозную систему, имеющую деистический характер... Он обнародовал свое учение и хотел его ввести в Индии. Но ни мусульмане, ни последователи браминского учения его не поняли. Религиозные идеи индийцев давно уже пришли к тому, к чему необходимо приводит всякий умственный застой» [9, 19].

Оценивая ситуацию той обстановки, «акбарового» времени, автор статьи приходит к такому верному выводу: «В таком народе невозможно было установить религию, подобную Акбаровой, без принудительных мер; но Акбар не хотел насилия. Он решился лучше сделать уступку и прибавил к своему учению сабеистическое почитание звезд и огня: в этом виде религия его приобрела несколько прозелитов. Тем не менее она прекратилась вместе со смертию самого Акбара» [9, 19]. Правда, что Акбар-падишах, внук Бабура, кроме административных преобразований пытался создать общую для всей Индии религию, представляющую собою сочетание элементов индуизма, зараостризма, ислама и даже христианства.

Объясняя причину упада государства Бабуридов, Н. Добролюбов, хорошо знавший историю Востока, пишет о нашествии иранского царя Надир-шаха в Индию: «В 1739 году персидский шах Надир опустошил и ограбил империю ... , оставив из милости престол сыну Аурангзеба Магомету XIV. Сокровища, вывезенные им из Дели, великолепием своим происходят самые знаменитые добычи, о которых только упоминает история. Между прочими предметами в это нашествие вывезен престол, доныне находящийся во дворце тегеранском и представляющий павлиний хвост, весь составленный из брильянтов и других драгоценных камней. Захвативши добычу, Надир-шах тотчас же удалился из Индии…» [9, 20].

Затем автор статьи характеризует экономическое положение страны периода захвата англичанами. Во второй части работы Н. Добролюбов обращается «к современному состоянию Ост-Индии» и объясняет причину восстания 10 мая 1857 г. в Индии. В конце статьи автор как революционер-демократ утверждает, что «Индия должна быть управляема из Индии и *для Индии,* а не из Англии и *для Англии*» [9, 46].

Таким образом, русский демократ-критик Н. А. Добролюбов, описывая всеобщую историю Индии, резко осуждая деятельность Ост-Индской компании и колониальную систему Англии на Востоке, оставил свое представление о великом Бабуре и Бабуридах.

Литература

1. Баберъ-Намэ, или Записки Султана Бабера / Изд. въ подлин. текстѣ Н.И. [Илминскім]. – Казань, 1857.
2. Баберъ-намэ, заглавіе историческихъ записокъ Великаго Монгола Бабера, писанныхъ на турецко-джагатайскомъ языкѣ : Т. 4 / Энциклопедическій Лексиконъ. – СПб. : тип. А. Плюшара, 1835.
3. Бабур Захириддин Мухаммад. Бабур-нама: Записки Бабура / пер. М. Салье. – Ташкент : АН УзССР, 1958.
4. Березинъ И. Н. Турецкая хрестоматія : Часть 1 : XVI, текст на тюркском языкѣ, из содерж. Баберъ. – Казань : тип. Университета, 1857.
5. Болтабоев Х. Николай Добролюбов о Бабуре и Бабуридах // Zahirəddin Məhəmməd Babur və Azərbaycan. Beynəlğalq elmi konfransın materialları. – Bakı, 2018. – S. 81-87.
6. Болтабоев Х. Рус мунаккиди Бобур ва бобурийлар хакида // Жахон адабиёти : №3. – 2019. — С. 121-122.
7. Baltabaev H. Gazî Zahiriddin Muhammad Baburşah'in Hindistan'a Seyahati ve bu ülkeye islami yaymasindaki rolü («Babürname» Esasinda) // Türk İslam Dünyasında Seyyahlar ve Seyahatnameler Ulaslararası Bilgi Şöleni. Atatürk Kültür Merkezi. Konya, 13-15 Ekim. 2016; Babür Şah ve Babüriler Dönemi Türk Tezkireleri / Mustafa Isen Adina Uluslararası Sempozyum: Klasik Türk Edebıyatında Biyografi. – Ankara: Ataturk Kultur Merkezi, 2011. – S. 101-109.
8. Варрен Э. Английская Индия 1843 г. : Часть 2. – М., 1845.
9. Восстание сипаев в Индии // Вестник иностранной литературы. – СПб., 1894.
10. Добролюбов Н. А. Собр. соч. : в 9-ти т-х. – Т. 2. – М., 1962.
11. Добролюбов Н. А. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии // Глазами друзей: Русские об Индии. – М., 1957.
12. Добролюбов Н. А. Ост-Индиянинг тарихи ва ҳозирги ҳолатига назар // Жахон адабиёти. – 2019. – №3. – С. 123-132.
13. Захириддин Мухаммад Бабур. Бабуриды. Библиография / авт.-сост. Ш. Ш. Рустамхужаев. – М. : ИВЛ, 2016.
14. Ильминскій Н. И. Вступительное чтениіе въ курсе турецко-татарского языка // Ученые записки Императ. Казан. Ун-та. – 1861. – Кн. 3.
15. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1961-1862 годах : Т.1. / сост. Н. Г. Чернышевский. – М., 1890. – С. 465.
16. Тамарченко Г. Е. Примечания / Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти т-х. : Т. 2. – М., 1962.
17. Турчинов Н. [Добролюбов] Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии // Современник. – 1857. – № 9, Отд. II.
18. Чернышевский Н. Г. Полное собр. сочинений : Т. IV. – 1947.

© Балтабаев Х. У., 2020

Р. М. Баратова,
студентка НГПИ, г. Навои (Узбекистан)

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ РЕАЛИЙ

Усложнение программы обучения студентов Навоийского Государственного Педагогического Института рождает новые методики донесения информации до студентов. Для того чтобы после окончания института студенты были профессионально подготовлены, нужно отточить их мастерство общения на иностранном языке, в данном случае – английском. В курсе бакалавриата закладываются основы теоретических знаний и осуществляется систематическое развитие умений и навыков переводческой деятельности. Именно правильное умение перевода помогает построить «мост» между переводчиком и иностранцем. Переводчик должен превосходно понимать говорящего и уметь точно доносить свою мысль.

На факультете иностранных языков есть предметы, помогающие студентам достичь уровня профессиональной подготовки. Одним из таких предметов является теория перевода, который студенты изучают на втором курсе. Студент, закончивший этот курс, должен владеть системой теоретических знаний в области письменного, устного и последовательного перевода.

В данной статье мы представим методику обучения переводу и сопоставительному анализу без эквивалентной национально-специфичной лексики реалий на основе творческих произведений великого узбекского поэта и научного деятеля – Захириддина Мухаммада Бабура. Разработанная система заданий направлена на формирование базовой составляющей переводческой компетенции студентов-бакалавров. В рамках раздела мы представили реалии из «Бабур-наме» – воспоминаний Бабура, основателя Империи Великих Монголов, потомка Тамерлана. Благодаря умению автора объективно представлять исторические события, незатейливо рассказывать о достопримечательностях сёл, городов, стран, нравах и культурно-бытовых традициях этносов, о климате и природных богатствах той или иной земли, научный материал обретает свойство увлекательного художественного текста, в котором содержится большое количество реалий.

Реалии – лексемы, обозначающие предметы или явления материальной культуры, этно-национальные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы и обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

Как известно, «Бабур-наме» переведено на многие языки мира. В предложенной методике студенты попробуют найти и объяснить значение реалий, а также поработают над произношением реалий в практике.

Реалии в «Бабур-наме» делятся на следующие категории:

1. **Географические –** названия объектов физической географии, названия географических объектов, связанных с деятельностью человека, названия

растений и животных (сюда можно отнести названия определенных мест, городов, стран, замков той или иной эпохи).

2. **Этнографические –** связанные с культурой, бытом и религией.

Виды и стили перевода реалий

Существует не так много эффективных способов перевода реалий. Проделав исследовательскую работу, мы выявили несколько действенных способов перевода реалий, которые точно пригодятся в будущей профессиональной деятельности студентов и в нынешней для переводчиков.

1 способ – Калькирование.

Калькирование в лингвистике – заимствование иноязычных слов, выражений, фраз буквальным переводом соответствующей языковой единицы, а также результат этих заимствований: слова, выражения и фразы. Например, слово «айван» [1, 14] буквально переводится на английский язык как «terrace». Слово «айван» имеет аналог в английском языке, но не все слова имеют свои аналоги. Поэтому нужно также уметь использовать другие методы.

2 способ – Описательный метод.

Считается, что не найдется ни одного слова, которое нельзя перевести данным способом. Например, слово «ишикага» [1, 27] не имеет своего аналога в английском языке, так как это слово использовалось только в то время – в период правления династии Тимуридов. И описательный метод в этом случае нас спасает. Слово «ишикага» можно описать на английском как «one of the highest ranks at the court of the Timurids».

3 способ – Транскрипция и транслитерация.

Транслитерация – передача звучания иноязычного слова буквами английского языка (передача графической формы). В свою очередь, транскрипция – передача звуковой формы. Эти приемы применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических названий, названий газет, журналов и так далее. Например: «Вокруг Ферганы находятся горы; с западной окраины, где Самарканд и Ходжент, гор нет; ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти зимой» [1]. В данном отрывке даны географические названия, и переведем мы их методом транскрипции: «Around Fergana there are mountains; on the West: the outskirts, where Samarkand and Khodzhent, there are no mountains; on any side, except this, the enemy cannot pass in winter».

Нельзя однозначно сказать, какой из вышеописанных приемов перевода лучше. Определяющим при выборе перевода в любой ситуации является уместность: не к месту примененный прием будет неудачным. Переводя какой-либо текст, необходимо учитывать следующие особенности: характер текста, значимость реалий в контексте, характер реалии, ее место в лексических системах иностранного и переводящего языков, словообразовательные возможности, языковые и литературные традиции обоих языков, кто будет читать переведенные тексты. Жанровые особенности литературы существенно влияют на выбор приема перевода реалии. В художественной литературе – к транскрипции или описательному переводу. Приема транскрибирования следует избегать в диалогах.

Заключение

В заключении следует отметить, что такое явление, как «реалия», остается до сих пор спорным моментом в теории и практике перевода, но, с другой стороны, тем самым оно привлекает к себе огромный интерес лингвистов и переводчиков. Тема эта является актуальной в любое время, так как связана с историей общества, которая всегда существовала наряду с ним, и в связи с техническим прогрессом, с развитием межкультурной коммуникации можно предположить, что интерес к переводу реалий будет только расти.

Литература

1. Бабур-наме / перевод М. Салье, под ред. М. Шевердина. – Т., 1993.
2. Влахов С, Флорин С. Непереводимое в переводе : монография. – М. : Высшая школа, 1986.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие. – М. : ЭТС, 2002.
4. Червоткина Ю. А. Особенности перевода реалий с английского на русский язык : по материалам британской службы новостей «Би-Би-Си». – Томск : НИТГУ РФ, [б. г.].

© **Баратова Р. М.**, 2020

И. М. Бурхонов,
преподаватель Ферганского политехнического института, г. Фергана (Узбекистан)

ИЗ ИСТОРИИ КНИГИ БАБУРА «БАБУР-НАМЕ»

Бабур был четвертым сыном Умар-шейха – Султона Абдусаида – и вел свою родословную к Амиру Тимуру. И со стороны отца, и со стороны матери его потомками были цари-Тимуриды. Это, безусловно, сказалось на личности Бабура, на его таланте полководца. В совершенстве обладая военным искусством, своим личным примером вдохновляя войска, он смог завоевать огромную территорию, покорить народы и стать родоначальником династии Бабуридов, слава о которой пережила века.

Бабур не только имел выдающиеся способности в военном деле и умении руководить войсками, но и был удивительно творческим человеком. Его таланты как полководца, так и литератора были отражены в историческом труде «Бабур-наме», который является бесценным литературным памятником прозы на узбекском языке.

По мнению специалистов, его основной труд – «Бабур-наме» – по богатству и разнообразию материала, по языку и стилю может быть поставлен выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени. Это произведение не имеет аналогов среди сочинений, созданных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии. Истинность сведений Бабура, изложенных в его итоговой книге, «подтверждают историки того времени: Хондемир, Мухаммед Хайдар, Мухаммед Салих, Беннаи и другие» [1, 10]. Сам Бабур пишет: «… все, что здесь написано, истина, и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя, все, действительно, было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мною слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило» [1, 10].

Среди огромного количества лиц, окружавших Бабура, специалистам не удалось обнаружить имя летописца, который вел бы записи для будущей книги. По свидетельству его современника, известного историка Мухаммед Хайдара, «в его [т. е. Бабура] время не было принято иметь придворного летописца» [1, 8]. Следовательно, «Бабур-наме» – всецело результат неутомимого труда самого автора. Вопрос о том, когда именно Бабур приступил к сбору материала для книги, также остается открытым. Но, вместе с тем, некоторые события, описания в «Бабур-наме» указывают на вполне определенное время – 1494 г., следовательно, для написания книги Бабуру потребовалось почти 36 лет.

Бабур старался скрывать от посторонних процесс сбора материала для книги и тем более – изложение его на бумаге. Даже люди из его ближайшего окружения не знали, что конкретно он задумал.

Будучи в Индии, Бабур начал приводить свои записи в порядок и, возможно, именно в этот период у Бабура возникла идея о написании книги.

Согласно сведениям дочери Бабура Гульбаданбегим, в г. Сикри (Индия) в саду Бабуром была устроена специальная площадь для игры в конное поло.

В помещении в форме крытой беседки, построенном в верхней части этой площадки, Бабур имел обыкновение писать книгу.

Бабур никому не говорил, о чем книга, даже своим детям. Когда они спрашивали об этом, он уклончиво отвечал: «Все узнаете в свое время».

Бабур скончался, не завершив работу. С рукописью книги не расставались его сыновья и внуки. Они с трепетом, глубокой любовью и уважением относились к книге. Это было самое дорогое для них, оставшееся в память об отце и деде.

При внуке Бабура Акбар-шахе (1556–1605) книга трижды переводилась с тюркского на персидский язык. Тогда этот труд называли «Вакиат-и Бабури» («Записки Бабура»). Лучшим переводом «Бабур-наме» считался перевод, выполненный Абурахман-ханом. Перевод этот был сделан на высоком профессиональном уровне, быстро приобрел большую известность, не потеряв научного значения и в наши дни. Заметим, что материалы, изложенные в «Бабур-наме», были широко использованы в качестве первоисточников многими историками Индии: Абул Фазлом, Фериштa, Низамутдином Херави, Бадауни, Хинди Мирхи и другими. Данные «Бабур-наме» вошли неотъемлемой частью в сводные тома по истории народов Средней Азии, Афганистана, Индии.

Поучительна история введения «Бабур-наме» в современный научный оборот. Рукопись «Бабур-наме» нашли в 1714 г. в Бухаре. Эта рукопись была изучена Георгом Джекат Кером в Санкт-Петербурге. На основе этой рукописи в 1857 г. было осуществлено первое издание «Бабур-наме» в Казани Н. И. Ильминским. Другая рукопись, переписанная Абу ал- Вахибом в 1809 г., попала в Петербург, и там в 1824 г. с нее была сделана копия О. Сенковским.

Большой вклад в изучение «Бабур-наме» внесли многие ученые. Российский тюрколог А. Н. Самойлович (1880–1938) переиздал и перевел на русский язык в 1915–1917 гг. лирику Бабура. Кроме этого, он даёт большое знание в своих трудах «Новый английский перевод записок Бабура», «Творчество императора Бабура. Проблемы изучения “Бабурнаме”» и «Замечания к печатным изданиям разных переводов (В. Л. Вяткина, С. И. Полякова, Островского, В. Эрскина, А. Певе де Куртейля, Мирзы Рахима) «Бабур-наме» по изданиям Н. И. Илминского и А. Бевериж».

Литература

1. Бабур, Захир ад-дин Мухаммед. Бабур-наме = Записки Бабура. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1993.
2. Благова Г. Ф. Бабур-наме : язык, прагматика текста, стиль. – М., 1946.
3. Самойлович А. Н Новый английский перевод записок Бабура // Архив РНБ. – Ф. 671. Д. 86.
4. Самойлович А. Н Творчество императора Бобура : проблемы изучения «Бабурнаме» // Архив РНБ. – Ф. 671. Д.85. – 1915.

5. Самойлович А. Н. Замечания к печатным изданиям разных переводов (В. Л. Вяткина, С. И. Полякова, Островского, В. Эрскина, А. Певе де Куртейля, Мирзы Рахима) «Бабурнаме» по изданиям Н. И. Илминского и А. Бевериж // РНБ. – ф. 671. оп.487. разрVI. ед.хр 84. – 34 л.

© **Бурхонов И. М.**, 2020

Т. И. Буряченко,
доцент, Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек (Кыргызстан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ЦЕЛЬЮ ЯЗЫКОВОГО И НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ

Как известно, национально-культурные особенности любого народа наиболее ярко проявляются в художественных текстах. Они являются источником культуры и содержат не только лексический и грамматический материалы, но и богатую культурологическую информацию. Это чаще всего тексты, описывающие (интерпретирующие или комментирующие) объекты культуры, артефакты, языковые феномены, традиции народа, религиозные ритуалы, бытовые обряды, праздники, биографии деятелей культуры, историко-значимые события или явления природы, оказывающие эмоционально-нравственное воздействие на читателя (слушателя), вызывающие у него определённые чувства добра, справедливости или негодования. Именно такую ценность и представляют художественные произведения Захириддина Мухаммада Бабура, который занял видное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока. Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур обладал широким кругозором и пытливым умом. Благодаря своим выдающимся способностям Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель — основатель династии Бабуридов в Индии, но также как ученый и поэт, оставивший богатое творческое литературное и научное наследие: это и лирические произведения (газели и рубаи), и трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), и труды по поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури». Однако центральное место в творчество Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы – его исторический труд «Бабур-наме».

Захириддин Мухаммад Бабур прожил недолгую жизнь, но оставил богатое литературное и научное наследие. Снискавшее мировую славу многогранное творчество Бабура превратили его в символ национальной гордости узбекского народа. Его произведения, воспевающие Родину, любовь, дружбу, стремление к прекрасному, заслуженно стали жемчужиной узбекской литературы. Избегая сложных выражений, мастер художественного слова предпочитал выражать свои мысли кратко и четко, благодаря чему вся палитра чувств и переживаний ясно воспринималась народом. Художественный язык Бабура прост, ясен, сжат и общедоступен. Поэт не любил громких фраз и сложных выражений. Он призывал выражать свои мысли четко: «Пиши проще, ясным и чистым слогом, и тебе будет меньше труда, и тому, кто читает». Эти строки из «Бабур-наме» свидетельствуют о том, что поэтическое мастерство автора оказало ощутимое

влияние на живописный язык его прозаического произведения, придав ему большую художественную красоту.

Для нас, как для лингвистов, основную ценность представляют фразеологические единицы, афоризмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки как обобщение многовекового жизненного опыта народа, широко представленные в его произведениях. Для обучения языку недостаточно понятие только языка, изучение языка лишь как информационного средства не влияет на развитие языкового чутья и, следовательно, не способствует формированию личностных нравственных качеств. Формирование этих качеств возможно лишь при изучении выразительной, духовной силы языка литературных образцов, несущих в себе воспитательный заряд. «Бабур-наме», хотя и посвящен политической истории, однако изобилует также бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и другие аспекты современной автору эпохи. Необходимым условием для формирования культурно-нравственных ценностей у студентов при изучении таких текстов является отбор содержания обучения в соответствии со следующими критериями, сложившимися в лингвокультурологии: описательным, ценностным, деятельностным, нормативным, духовным, диалогическим, информационным, символическим, типологическим. Каждый из них является важным в процессе формирования культурно-нравственных ценностей. Эти критерии отбора учебного материала позволяют определить характер дидактического материала, отражающих историю народа и культуры. Что есть добро? Зло? Любовь? Долг? Честь? Совесть? В чем смысл жизни человека? Может ли он быть хозяином своей судьбы? Нет, не устарели вечные вопросы и в наш век научно-технического прогресса. Напротив, сегодня, как никогда раньше, они особенно актуальны.

Работа над художественными произведениями Бабура позволяет органично сочетать воспитательный, обучающий и развивающие аспекты педагогического воздействия. Изучая его тексты, студенты обогащают свой культурный багаж, формируют собственные представления о разных сторонах жизни, совершенствуют нравственные чувства. Предлагаю рассмотреть одно из упражнений, в котором использованы рубаи Бабура. Данное упражнение относится к лексической теме: «Из жизни замечательных людей».

Задание 1. Перепишите упражнения, вставляя пропущенные буквы.

Задание 2. Найдите в предложениях обстоятельства, подчеркните их.

Задание 3. В упражнении используются рубаи Бабура. К каждому высказыванию Бабура подберите синонимическую пословицу или поговорку. Объясните смысл данных высказываний [6, 176].

1. *Кто през..рает всех, презрения достоин.*
   Жестокий человек мучения достоин.
   Хорошим людям Бог хороших даст в друзья,
   А кто с другими плох, отмщения д..стоин.
2. *Наверно, вообще любимых нет таких,*
   Что из-за пуст..ков на нас не хмурят взгляда.

3. *Нам нравит..ся подчас то больше, что вдали:*
   Друг, что далек от нас, те что давно прошли.
4. *Проживеш.. ты сто лет или один день, все равно*
   Придет..ся уйти из этих чертогов, радующих сердце.
5. *Раз существует в мире страсть, то прав..дность, смиренье –*
   Одни слова: что в них есть смысл – нам явно показалось.
6. *Уж таков ее обычай: кр..сота всегда права.*
7. *Чем жить с дурной славой, лучше ум..реть с доброй славой.*
8. *Ты можешь закрыть в..рота города, но не можешь закрыть рта врагам.*
9. *Уж лучше совершить тяжелых сто грехов,*
   Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
   Чем, став ослушником, родителя обидеть.
   Чем не прийти к нему в т..желый час на зов.
10. *Слад..сть вина знает только пьяный. Какая радость от него трезвому?*
11. *Тот, кто г..ворит много, г..ворит без толку.*
12. *Где пролил пот усердья человек,*
    Пожнет плоды бе..смертья человек.
13. *Делать хорошее дурным людям то же самое, что поступать дурно с хорош...ми людьми.*
14. *Извес..но: мудрость и любовь не совпадают никогда.*
15. *Когда назначена судьба, ее никто не обойдет,*
    И не помогут ни борьба, ни боль терпения, ни стон.
    Весельем ..долей недуг и скорбью мира не томись:
    Единого мгновенья мук, поверь, совсем не стоит он!
16. *Кто жалкие слава с обидой г..ворит,*
    Тот или неумен, иль ищет сам обид.
    Я дам тебе совет: смывай вино обиды —
    Сам знаешь, тот, кто пьян, обиды не хранит.
17. *Иду я, как в бреду, несу свою беду,*
    И с ношею такой из жизни я уйду,
    Хоть знаю: здесь, где ты, не отыскал я счастья,
    А там, где нет тебя, подавно не найду.
18. *Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,*
    Лишь нынче понял я, что жизнь как птица, брат.
    Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
    Ведь завтра этот день не повторится, брат!

Произведения Бабура восхищают своей многогранностью. Перед нами возникает образ автора как ценителя красоты природы и человека, певца лучших нравственных качеств личности, объективного летописца исторических событий, происходивших у него на глазах, осуждающего насилие и ханжество. Он предстает мудрым ученым, меценатом, ценителем творчества людей науки и искусства, который умеет объективно и с точки зрения самых передовых взглядов своего времени оценить деятельность исторических личностей. Работа с его произведениями в условиях классно-урочной системы, с одной стороны,

должна стать стимулом для обсуждения различных проблем, с другой стороны, должна представить необходимые факты и языковой материал для создания собственного речевого высказывания. Значит, главное на занятии – исследования языкового материала, частичный и всесторонний анализ образцового предложения, высказывания. Ясно, что прикосновение к таким примерам должно быть предельно осторожным, вдумчивым, чутким. Сознавая, какое воспитательное и образовательное значение имеет язык, данное упражнение пробуждает у студентов умение увидеть и ощутить сложность и совершенство языка, умения преодолеть упрощенное отношение к слову, открыть для себя его силу, восхититься имеющейся у человека способности говорить.

Литература

1. Благова Г. Ф. А. Н. Самойлович – исследователь «Бабур-наме» // Литература и язык. – М. : ИАН, 1994. –Т. 53, № 1.
2. Благова Г. Ф. Академик Самойлович : изучение литературного наследия Захириддина Бабура // Восток. – 1997. – №6. – С.120-125.
3. Благова Г. Ф. Из истории тюркской текстологии. – М., 1993.
4. Благова Г. Ф. О нереализованных научных планах академика А.Н. Самойловича : по архивным данным // Петербургское востоковедение. – СПб, 2003. – №10. – С. 436-446.
5. Благова, Г. Ф., Ильминский Н. И. А.Н. Самойлович : работа над «Бабур-наме» // Восток. – 2005. – N 1. – С. 134-148.
6. Буряченко Т. И. И дым отечества нам сладок и приятен : учебное пособие по русскому языку как неродному. – Бишкек, 2005. – С. 176-178.
7. Захираддин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе : факсимиле рукописи / изд. текста, вступ. ст. и указ. И. В. Стеблевой. – М., 1972.

© **Буряченко Т. И**., 2020

Б. С. Ганиев,
доцент, д. ф.(PhD), ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ (В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТЕ) ВЗГЛЯДЫ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Научно-философское наследие великого мыслителя, государственного деятеля Захириддина Мухаммада Бабура занимает особое место в истории и культурно-духовном наследии народов Средней Азии, в том числе и Узбекистана. Его творчество и социально-философские взгляды имеют огромное значение в развитии научно-философской мысли и духовной культуры средневековья. Великий полководец, ученый, философ, умелый организатор государственного строительства, Захириддин Мухаммад Бабур сумел построить одну из крупнейших империй в истории человечества. В условиях средневековья смог создать на территории Индии централизованное государство. Бабур был не только поэтом, ученым: он, будучи правителем, выступал за развитие производственных сил, укрепление обороны страны и других ценностей политической, экономической и социальной сферы. В результате успешной предпринимательской деятельности, целенаправленной, гибкой социально-экономической внутренней политики, мобилизации человеческих, интеллектуальных ресурсов ему удалось прекратить междоусобные и религиозные войны, положив тем самым начало новому этапу в истории страны, отмеченной высоким подъемом экономики, культуры. Видный политический деятель Индии Джавахарлал Неру писал: «Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым, предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью...» [4, 371].

В процессе строительства нового государства он предстает как дальновидный политик, стратег, глубоко знающий роль культурно-экономического механизма в обеспечении безопасности и развития страны, социальной стабильности в обществе. Бабур вошел в историю Средневековья как талантливый стратег, обладавший безграничным мужеством, знаток основы социально-экономического и военного управления государственного механизма. Великому полководцу удалось создать высокоорганизованное дисциплинированное войско, стать непререкаемым авторитетом для своих воинов, пользоваться их безграничным уважением, успешно осуществлять работу по обеспечению войска необходимым оружием и провиантом. В период правления Бабур сумел многое сделать для развития инфраструктуры городов, улучшения международных торговых связей, в том числе успешного действия Великого Шелкового пути на территории нынешней Индии и Афганистана. В результате проведения мирной внутренней политики в условиях его правления государством получило широкое распространение строительство караван-сараев, торговых точек, городских рынков, библиотек и медресе. Он создал атмосферу творчества вокруг себя, собрав великих ученых, поэтов, художников эпохи Возрождения. Именно в Агре увидели свет известные произведения

Бабура, подлинная жемчужина его творчества – «Бабур-наме», книга, давшая исчерпывающие сведения об истории, географии, политике, экономике и социальной жизни народов, населявших Среднюю Азию, Афганистан и Индию в условиях средних веков. «Фиксируя в своем дневнике и крупные и незначительные события, свидетелем и участником которых он был, Бабур оставил нам подробное описание битв и сражений, точные наблюдения над жизнью, нравами и обычаями своей родины и чужих стран. "Бабур-наме" богат остроумными высказываниями и неожиданными сравнениями, меткими характеристиками и тонкими замечаниями, свидетельствующими о глубоком знании человеческой души и окружающего мира в целом. Большой любитель природы и ценитель культурного наследия предков, Бабур охотно останавливается на описаниях понравившихся ему цветов и деревьев, подробно рассказывает о диковинных зверях, на которых ему приходилось охотиться, не забывая при этом упомянуть о вкусе их мяса» [1, 8]. В творчестве Бабура особое место занимает тема родного края, его горы, земельно-водные ресурсы, неповторимая красота флоры и фауны. Он особо подчеркивает о роли родного края, семьи, близких ему людей в формировании личности. Бабур пишет, что «в горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу; больше его нигде нет. Табулгу – дерево с красной корой, из этого дерева делают посохи, вырезают ручки плеток, делают клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его вывозят в далекие места» [1, 17]. В его стихотворениях выражены тоска по родине, по родной земле и беспредельная любовь к ней, уважение к национальным традициям, фольклору, литературе и искусству.

Неру также отмечал: «При жизни в Индии Бабур тосковал по снегам и ледникам северных гор, по мясной пище, по цветам и фруктам Ферганы, но говорил все-таки, что Хиндустан необыкновенно красивая страна» [4, 371]. Хотя Бабур в своих «Записках» не упоминает о желании вернуться на родину, это его стремление не вызывает сомнения. Так, в письме, адресованном Ходжа калану в Кабул в 1528 г., он писал: «… мое стремление направиться в те края беспредельно и безгранично. Обстоятельства в Хиндустане начинают некоторым образом приходить в порядок... По упорядочению этих дел мы, с божьей помощью, без промедления выступим в Кабул» [2, 409]. Однако Бабуру так и не удалось осуществить свою мечту. «Довольно подробные сведения о последних месяцах жизни отца оставила в своей книге "Хумаюн-наме" дочь Бабура, Гульбадан-бегим. Бабур, спасая тяжело заболевшего сына Хумаюна, согласно обряду, три раза обошёл вокруг ложа больного, говоря при этом, что берет на себя болезнь Хумаюна. Вскоре Хумаюн стал поправляться, а Бабур, заболев, слег и через три месяца скончался. Такова романтическая версия гибели Бабура, оставленная потомкам его дочерью» [3, 13].

В трудах, в неповторимой поэзии поэта затронуты философские вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Великий мыслитель возвышает благородство, дружбу между людьми, преданность своему делу, верность идеалам и созидательные возможности человека, относится к

самоотверженному труду с великим уважением, высоко ставит человеческое достоинство. Бабур в своих произведениях критикует эгоизм, самолюбие, жадность, предательство, тщеславие – негодные качества, губящие личность. Даёт искренние советы людям, молодому поколению. В социально-философском наследии мыслителя имеются взгляды о необходимости формирования гуманистических черт в личности, как человек должен воспитывать в себе духовно моральные и нравственные качества. Исследуя проблему социального и нравственного облика человека, основное назначение человеческой деятельности видит в созидательном труде, добре, великодушии, благородстве. В трудах поэта имеются ценные мысли о роли дружбы между народами, он считает дружбу самой важной стороной человеческого качества в торгово-экономических отношениях и в борьбе с неприятелем.

Бабур принимал меры для создания централизованного государства, обеспечивающего социально-экономическую стабильность и благосостояние страны. Бабур оставил человечеству богатейшее литературное и научно-философское наследие, внес огромный вклад в развитие мировой литературы. Алфавит «Хатт-и Бабури», трактат «Аруз рисоласи», книга по исламской религии «Мубайин», перевод философско-суфийского сочинения Ходжа Ахрара «Рисолаи волидия» и другие научные, философские и художественные произведения о поэзии, музыке, военном деле. Бабур является автором произведения «Мубайин», который является ценным источником руководства по взиманию налогов, где излагались принципы налоговой системы, определялись порядок взимания и размер каждого налога. Уникальный энциклопедический, научный труд «Бабур-наме» по сей день вызывает большой интерес ученых, в том числе философов во всем мире.

В «Бабур-наме» воспевается красота природы и человека, лучших нравственных качеств личности, автор выступает в качестве объективного летописца исторических событий, происходивших в условиях средних веков, осуждая насилие и ханжество. Бабур предстаёт мудрым учёным, меценатом, ценителем творчества людей науки и искусства, который умеет объективно и с точки зрения самых передовых взглядов своего времени оценить деятельность исторических личностей. «Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о политическом и хозяйственном устройстве стран Центральной Азии и Индии, природе, науке и культуре, о быте и языке этих народов, приводит словесные портреты современников, государственных деятелей, художников, музыкантов, историков. Чрезвычайно ценными являются сведения о полезных ископаемых городов Центральной Азии, отмечается их назначение в хозяйственной жизни страны. «В этих горах есть бирюзовые россыпи и железные рудники. Доходами области Ферганы можно, если соблюдать справедливость, содержать три-четыре тысячи воинов» [1, 18].

С большой любовью и восхищением пишет Бабур о Самарканде, дает описание обсерватории Улугбека, отмечая совершенство этого сооружения. Главное, автор не только собирает и описывает свои наблюдения, но и обобщает их, давая увиденному точную характеристику. Бабур пишет: «Улугбек Мирза

написал в этой обсерватории “Гургановы таблицы”, которыми пользуются теперь во всём мире» [2, 61]. «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени, поэтому неудивительно, что еще при жизни автора труд вызывал большой интерес ученых, а с XIX века оказался в центре внимания ученых всего мира. «Бабур-наме» – своеобразный человеческий документ, составленный на основе его тонких наблюдений за окружающим миром. В нём подробно описана политическая обстановка в Средней Азии, Афганистане и Северной Индии на рубеже XV-XVI вв. Это литературный и историко-философский памятник для изучения социально экономических отношений в Средней Азии, Афганистане и Индии в конце XV и начале XVI вв. Бабур хорошо знал обычаи, нравы жителей страны, которые были оседлыми земледельцами и скотоводами, говорившими на различных языках и обитавших на обширных территориях.

В «Бабур-наме» имеются бесценные научные материалы из социально-экономической жизни народов, затрагиваются вопросы морали, этики, нравственности и другие аспекты эпохи Средневековья.

«Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о биографии многих поэтов того времени, живших в Средней Азии, Афганистане и Индии и писавших свои стихи на персидском и узбекском языках. В книге много словесных портретов государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов. Очень ценным является описание творческого портрета великого поэта, мыслителя Алишера Навои. Как подчеркивает Бабур, Алишер Навои не только талантливый поэт и учёный, но и тонкий дипломат, меценат науки и культуры своей эпохи.

Историко-познавательное и воспитательное значение научно-философского наследия Бабура, чья жизнь и творчество посвящены торжеству добра, гуманизма и созидания, огромно. Оно и сегодня служит методологическим источником для совершенствования социально-экономической деятельности человека, играет важную роль в воспитании молодежи. Бабур в своем творчестве ставит на первый план воспевание настоящего, созидательного человека, возвеличивает его, призывает высоко ценить честь и достоинство. Со дня смерти Бабура прошло более четырех веков, но имя великого мыслителя Бабура – историка, философа, этнографа, талантливого поэта, умелого полководца и государственного деятеля – бессмертно. «Память человечества экономна, у великого обилия возникающих образов, имён и деяний она хранит позднее лишь те, которые еще содержат в себе нечто важное и потребное для жизни. Она обобщает уверенно, по какому-то безошибочному чутью, крепко храня нужное, пока оно нужно, и сметая всё остальное, как сор, в быстро уносящую реку забвений» [5, 3]. Именно бесценное произведение Бабура «Бабур-наме» выдержало суровое испытание истории.

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-философские взгляды Захириддина Мухаммада Бабура свидетельствуют о том, что он был не только разносторонне развитой личностью, крупным государственным деятелем, полководцем, талантливым ученым, великим поэтом, большим ценителем и покровителем искусства, но и страстным патриотом. Социально-

философские мысли, творчество и литературное наследие великого ученого и поэта и в наши дни несет воспитательную миссию для молодого поколения. Идеи добра и гуманизма, воспетые в произведениях Захириддина Мухаммада Бабура, не утратили своей ценности и значимости на протяжении веков и очень созвучны тем огромным переменам, которые происходят в жизни нашей страны в условиях нового этапа развития Узбекистана (после 2017 года). Девиз «Если не делаешь в этой жизни добро, зачем живешь?» служит напутствием сегодняшнему читателю «Бабур-наме».

Литература

1. Захириддин Бабур. Бабур-наме. / пер. М. Сале. – Баку : Нагыл-Еви, 2011.
2. Захириддин Бабур. Бабур-наме. / пер. М. Салье. – Ташкент, 1958.
3. Захириддин Бабур и его труд «Бабур-наме». – Ташкент : Энциклопедия, 1992.
4. Неру Дж. Открытие Индии. – Москва, 1955.
5. Петрарка Ф. Автобиография : Исповедь Сонаты / пер. М. Гершензона и В. Иванова. – Москва, 1915.

© **Ганиев Б. С.**, 2020

Дж. Ю. Гасанзаде,
д. иск., проф., г. Баку (Азербайджан)

БАБУРИДЫ И ЗАПАД: ПОЛИТИКА, КОНФЕССИЯ, ИСКУССТВО

Биограф Акбара Абу-аль Фазл писал, что впервые Акбар увидел европейские артефакты, когда в начале 1570-х годов был завоеван Гуджарат. Также Абу-ль Фазл сообщал, что христиане с острова Гоа встретились с Акбаром в 1572 г. и подарили ему много ценных вещей из своей страны. И если официально Акбар не принимал от европейцев подарки до 1570-х гг., то произведения его художников свидетельствовали о его знакомстве с большим количеством современных им европейских гравюр.

1580 год был годом прибытия первой иезуитской миссии к могольскому двору. Братья-иезуиты привезли из своего центра на острове Гоа «Королевскую Полиглотную Библию» Кристофера Плантена, восьмитомное издание, напечатанное несколько лет тому назад в Антверпене и иллюстрированное гравюрами. Хотя и маловероятно, что это было первое европейское издание, привлекшее внимание Акбара, прибытие книг, за которыми последовало большое количество североевропейских гравюр, а затем и постоянное присутствие европейцев в столице, повлекло огромный интерес к европейским композициям и худ. техникам. Сама Библия была источником для многочисленных подражаний. Так, рисунки Басавана и его сына Манохара (ксерокс) сделаны по мотивам двойной страницы фронтисписа.

Одной из самых удачных работ эклектического характера, навеянной Западом, является «Аллегорическая фигура» художника Басавана (Париж, Музей Гиме.), свободная вариация на тему фронтисписа первого тома «Полиглотной Библии» Плантена. Очень свободно восприняв этот фронтиспис, Басаван не колеблясь заменил титульную надпись пейзажа, также слева и справа от центральной фигуры он поместил двух коленопреклоненных женщин. Этот гармоничный и уравновешенный рисунок сделан с графическим мастерством, что выгодно отличает его от других, созданных одновременно и позже. Эта тема молодой женщины на пьедестале была очень популярна среди могольских живописцев. Вверху в правом углу привлекает образ бородатого Бога-отца, потрясающего свитком с надписями среди облаков.

«Молодая женщина и старец», Басаван, ок. 1590-х гг., бумага, тушь. (Париж, Музей Гиме). Скорее всего, для этого рисунка Басаван использовал два источника, а изначально оригиналом была гравюра «Святой Лука, рисующий Богоматерь». Старец, изображенный читающим Евангелие, – пророк или евангелист – взят из христианского иконографического репертуара, в то время как элементы окружения и мебели типичны для могольского обихода того времени. Гибридный по характеру, этот рисунок Басавана свидетельствует о его индивидуальном подходе в отличие от других, как, например, его современник Кесу Дас, в точности копируют европейские модели. Здесь чувствуется некий

маньеризм, манера изображать широкие одеяния, часто трепещущие на ветру [10, 76].

К этой же группе относится «Рождество». Художник – Манохар, ок. 1600 г. (Париж, Музей Гиме).

Копируя европейские гравюры, могольские художники, ничуть не колеблясь, создавали амальгаму, смешение стилей, сочетая в одном произведении детали нескольких других, и лишь изредка делали точные копии. Смешение стилей выражают ангелы отнюдь не европейского образца, поклоняющиеся младенцу Христу. Они несут дары. Образ Девы Марии отличается большим мастерством и выразительностью.

«Два географа-португальца на фоне пейзажа». Бумага, гуашь. Ок. 1580-х гг. (Париж, Музей Гиме). Очарованные «экзотизмом» новоприбывших европейцев, художники Акбара с удовольствием изображали этих людей, прибывших в Индию для торговли пряностями и драгоценными камнями. Так, португальцы, ставшие владельцами Гоа в 1510 г., когда Альфонс де Альбукерке отнял его у султана Биджапура и чье влияние в Индии было огромным до конца 17 века, стали персонажами некоторых рисунков могольских художников.

«Святой Иероним». Бумага, гуашь. 1580-85 гг. Художник – Кесу Дас. (Париж, Музей Гиме). Этот портрет святого Иеронима навеян, безусловно, неким европейским образцом, точно не идентифицированным. Он часто повторялся с небольшими изменениями в течение XVII века; эти варианты хранятся в различных частных коллекциях. Художник китаб-хане Акбара Кесу Дас, иногда же в упрощённой форме просто Кесу или же Кесу Калан (Кесу Старший), занимает пятое место в списке 17 лучших художников Акбара, составленном Абу-ль Фазлом. Известный своими многочисленными работами, адаптирующими европейские образцы, а также иллюстрированием большинства рукописей Акбара в качестве создателя композиций (тарх) и рисунка, он был в особенности активен в 1580-1596 годах. В своих работах он обращал особое внимание на пейзаж, на растительность. В частности, здесь на голубоватом фоне даётся поэтический пейзаж с бурыми и оливковыми цветами [11, 121].

Т. Каптерева и ряд ученых подводят к общему знаменателю, указывая на идентичность художественных процессов в сефевидском и могольском искусстве. Таким образом, в развитии миниатюрной живописи XV-XVI вв. ясно сказались две тенденции. Для одной из них характерно более свободное изображение реальной жизни, интерес к конкретной натуре, бытовым подробностям. С другой стороны, преобладают элементы более условной декоративности, стремление путем особой изощренности художественных средств воплотить в миниатюре поэтически-прекрасную, праздничную сторону жизни.

В период расцвета миниатюры указанные тенденции не противодействуют друг другу, они сложно и тесно связаны между собой не только в различных живописных школах, но и в творчестве отдельных мастеров, как об этом свидетельствует пример Султана Мухаммеда. Их взаимодействие сохраняется до тех пор, пока поиски нового, более реального изображения не выходят за рамки

условной выразительности, которая присуща всему образному строю миниатюры. Иными словами, сам жанр восточной миниатюры как особый вид изобразительного искусства Средневековья возможен только как жанр условный. Когда же художник в поисках более реального воплощения темы вносит в старую образную систему такие новые элементы, как портретность персонажей, подчеркнуто бытовой характер трактовки, пространственность, свойственную уже станковой живописи, отказывается от декоративности цвета, миниатюра – это яркое и своеобразное явление средневековой культуры – по существу перестает существовать. Нельзя отрицать, что сам факт стремления мастеров к более широкому освещению действительно прогрессивен, он отражает поступательное развитие искусства. Но полноценные художественные результаты могли быть достигнуты лишь на путях полного разрушения старой образной системы и подлинно творческого осмысления действительности. В противном случае искусство становится все более эклектичным, безжизненным и приходит в полный упадок.

Исторически закономерные особенности этого процесса становятся очевидными в иранской живописи XVII в., когда Исфахан в конце XVI в. приобретает значение ведущего центра художественной культуры, и при дворе Сефевидского шаха Аббаса I складывается исфаханская школа живописи. С одной стороны, в ней сохраняются традиционные формы миниатюры, которые, однако, не идут дальше повторения канонических сюжетов, образов и приемов. Вместе с тем сказывается стремление мастеров к новым формам, поиски новых художественных средств. В развитии последней тенденции определенную роль играло возросшее воздействие европейского искусства, т. к. в начале XVII в. в Иран проникают произведения европейской гравюры. Но влияние это носило, по существу, поверхностный характер, оно не привело к коренному перевороту в художественном мировоззрении и сводилось лишь к принятию некоторых изобразительных моментов, а также к распространению новых сюжетов, например, христианской мифологии. Все это в целом обусловило большую противоречивость общей картины развития исфаханской школы живописи».

Влияние западноевропейского искусства выразилось в дальнейшем распространении и совершенствовании этих принципов. Однако, несмотря на заметное у могольских мастеров желание изображать окружавшую их действительность достоверно, поиски ими решения этой задачи путём передачи объёмности и массы предметов светотенью не увенчались успехом. Миниатюристы могольской школы восприняли лишь внешнюю сторону наложения светотени, т. е. они не учитывали определённый источник света. [2, 10]

Акбар проявлял живой интерес ко всему, что шло с Запада. Его пытливый ум не мог оставаться равнодушным к чему-то новому. Он отправил специальную делегацию на Гоа в 1578 году. Его доверенный Хаджи Хабибулла привёз купленные в португальских ремесленных центрах множество предметов европейского быта. Он также пригласил нескольких португальцев на работу к Акбару через 2 года, в 1580 году иезуитская миссия прибыла в Фатхпур Сикри.

Акбар их любезно принял. Святые отцы подарили ему королевскую полиглотную Библию Плантена в 8 томах, напечатанных в 1569-1573 годах при покровительстве Филиппа Второго Испанского, ещё португальцы подарили ему изображение Иисуса и Богоматери. Акбар позволил им основать капеллу, которую они часто посещали. Акбар проявлял большой интерес к изображениям Иисуса, Девы Марии и других святых. Он велел своим художникам сделать копии этих портретов.

Для святых отцов отношение Акбара к священным образам, его преклонения перед христианскими ценностями было хорошо знакомо. Однако это было всего лишь на всего его чисто эстетическим наслаждением. Это любопытство Акбара к искусству Запада послужило причиной проникновения его в искусство могольской школы. Индийские художники стали усердно копировать новые картины и вводить элементы этих произведений в свои индийские работы. Придворный художник Кесава Дас преподнёс в 1588 году Акбару альбом-муракка с множеством копий картин западных художников.

После гегемонии тебризской школы в первой половине правления Акбара, на смену пришло пристрастие к искусству Запада, которое достигло апогея во времена правления его наследника. Европейское искусство, проникнув в могольскую школу, центр художественного творчества Индии, внесло концепцию мира и человека, совершенно незнакомые Востоку, а также совершенно иное понимание живописной поверхности. Помимо перспективы для решения задач изображения природы и анатомии, необходимой для построения человеческой фигуры, западная живопись разработала свои законы композиции, отличающиеся от привычных для Востока. Отметим же вкратце основные различия её от сефевидской и индийской структуры композиции.

Могольская композиция XVII века является результатом синтеза местных и привнесённых извне элементов. Индийскому наследию она обязана своей монументальной структурой, и своей геометрической выстроенностью, европейскому же влиянию она обязана органическим соотношением своих частей, их подчинённостью целому и полному их единству, которое является следствием.

Западная манера концепции и изображения человека должна была показаться весьма странной индийским мастерам Акбара. Европейские нововведения: монокулярная перспектива и моделирование формы – в крайнем случае могли бы быть использованы ими при построении пейзажного фона, так как изображение природы играло второстепенную роль в живописи того времени. Человек же, напротив, занимал в индийском искусстве важнейшую роль, и всякое изменение в привычной для них манере, насчитывающей века, заставило бы индийского художника отказаться от самых важных и дорогих ему принципов. Именно поэтому западное по стилю изображение человека, в особенности его тела, оказало лишь частичное влияние на индийского художника.

Литература

1. Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме : Книга 1. – Самара : Агни, 2002.
2. Акимушкин О. Ф., Грек Т. В., Иванов А. А. Альбом индийских и персидских миниатюр XVI-XVIII вв. – М., 1962.
3. Бабур-наме : Записки Бабура. – Ташкент : Институт востоковедения АН Республики Узбекистан ; Главная редакция энциклопедий, 1992.
4. Каптерева Т. П. О некоторых проблемах средневекового искусства арабо-мусульманских народов // Советское искусствознание. – М., 1981. – 80/1.
5. Barrett D., Gray B. Indian Painting. – Geneva, 1963.
6. Beach M. C. The Imperial Image : Painting for the Mughal Court. – Washington, 1981.
7. Beach M. C. The New Cambridge History of India I:3 Mughal and Rajput Painting. – Cambridge University Press, 1992
8. Das, A.K. Mughal Painting During Jahangir's Time, Asiatic Society, Calcutta, 1978

   Desai, V. Life at Court: Art for India's Rulers, 16th-19th Centuries, Boston, 1985 (exhibition catalogue)
9. Okada A. Indian Miniatures of the Mughal Court. N.Y., 1999.
10. Rogers J. M. Mughal Miniatures. London, 2006.

© **Гасанзаде Дж. Ю.,** 2020

М. В. Головизнин,
к. мед. н., доц., МГМСУ им А.И. Евдокимова,
Ассоциация медицинский антропологов, г. Москва

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ДИСКУРС «БАБУР-НАМЕ» И ЕГО МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ

Книга «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура как литературное произведение и исторический источник стала привлекать к себе внимание еще современников автора, что не вызывает удивления. Даже на фоне весьма многочисленных произведений средневековых авторов мусульманского Востока «Бабур-наме» выделялось как многогранностью повествования, так и личностью автора – правителя, завоевателя, основателя новой империи Великих Моголов, а также литератора, поэта и человека, обладавшего острым естествоиспытательским умом. Захириддин Бабур был одним из потомков Тимура (Тамерлана), внуком которого, как известно, являлся выдающийся средневековый ученый-астроном Улугбек. Эта семейная традиция интереса к естественным наукам упомянута в «Бабур-наме». Автор говорит и об обсерватории Улугбека, «где находится инструмент для составления звездных таблиц, … которыми теперь пользуются во всем мире», и о Тимуре, который перестроил свою столицу Самарканд с учетом естественного рельефа местности и архитектурных приемов своего времени [1, 60-61].

Что касается самого Бабура, то его чрезвычайная любознательность и широкий круг интересов давно попали в поле зрения как исследователей, так и просто читателей его книг. Почему оригинальность Бабура оказалась актуальной для современного читателя и ученого и какую роль сыграл тут его широкий кругозор и фактографичность повествования, мы постараемся раскрыть в настоящей работе. Бабур дает развернутое и детализированное описание географии и природы Ферганской долины, Афганистана и тех районов Индии, в которых развивалась его деятельность и военные походы. Также Бабур подробно описывает флору и фауну упомянутых регионов. Это описание сохраняет научное значение до наших дней. В этом отношении уместно процитировать Джавахарлала Неру, который считал, что Бабур «создал подлинную энциклопедию жизни средневекового Среднего Востока. Пишет ли он о своих современниках – противниках или союзниках, об административно-социальном укладе, военном деле или о культуре, нравах и обычаях своего времени, сообщает ли сведения по этнографии, географии, о фауне и флоре завоеванных им земель, делает это обстоятельно, добросовестно и тщательно. Он рассказывает нам об Индостане, о его животных и цветах, деревьях и фруктах – не забывает даже о лягушках…» [2, 197]

Отметим, что в естественнонаучном дискурсе «Бабур-наме» выделяются два аспекта: научно-описательный и практический. Что касается второго, то Бабур, в первую очередь, фиксировал те характеристики климата, флоры, фауны увиденных им стран, которые должны быть учтены им как будущим правителем

этих регионов для оптимального строительства нового государства. В частности, он уделяет много внимания факторам, способствующим, говоря современным языком, «здоровому образу жизни населения»: полезным культурным растениям, проточной воде, чистому воздуху. Еще на родине, в Ферганской долине, молодой Бабур вполне в духе средневековой научности связывает гнилостные испарения с заразными болезнями: «В воздухе Андиджана есть гнилостность, осенью многие болеют лихорадкой» [1, 12]. Также среди недостатков, отмеченных им в Индии, Бабур выделяет недостаток проточной воды, опять-таки нездоровый воздух и недостаточное, по его мнению, культивирование полезных растений местными жителями. Бабур подчеркивает, что при его правлении это должно быть исправлено. «Мне постоянно приходило на ум, – писал Бабур, – что одним из великих недостатков Хиндустана является отсутствие там проточной воды. Всюду, где пришлось бы обосноваться, я решил установить водяные колеса, провести воду и разбить по плану ровные [сады]. Спустя несколько дней после прихода в Агру, мы ради этого дела перешли реку Джун и осмотрели места, где можно было бы разбить сад» [1, 344].

Из текста «Бабур-наме» следует, что автор обладал немалыми практическими познаниями в садоводстве и, как сказали бы мы сейчас, в «дизайне» садово-парковой архитектуры, которые неоднократно применял в своих новых владениях. «Сначала вырыли большой колодец, из которого берут [теперь] воду для бани, – говорит Бабур о благоустройстве Агры, – потом стали работать в том месте, где растут деревья амбли и находится восьмиугольный водоем. После этого устроили большой водоем и двор, затем прорыли водоем перед каменными постройками и воздвигли талар. После этого разбили садик вокруг моих личных покоев и построили комнаты; затем построили баню. Таким образом, в этом неприглядном и неблагоустроенном Хиндустане появились прекрасные сады, разбитые по хорошему плану. В каждом углу были устроены приятные лужайки, на каждой лужайке росли красивые розы и шиповники, расположенные в совершенном порядке». Сказанное выше указывает на то, что Бабур уделял внимание телесному здоровью своих соратников. «В Хиндустане мы страдали от трех вещей: во-первых, от жары, во-вторых, от сильного ветра и, в-третьих, от пыли. Баня устраняет все три [неприятности]: пыль и ветер ничего не могут сделать в бане, а в жаркую погоду там так свежо, что человек почти зябнет от холода» [1, 344].

Если образованный современный читатель, к тому же, знаток Индии зафиксирует свое внимание на упомянутых выше фактах, то он может задать вопрос: столкнулся ли Бабур с индийской йогой – одним из эталонов современного здоровьесбережения, и если да, то какое впечатление у него осталось? Записки Бабура позволяют констатировать: автор что-то знал об индийских йогах: «Я слышал хорошие отзывы о Гуре-Катри; там, говорят, находится одно из капищ йогов и индийцев, они приходят из дальних стран и стригут себе волосы и бороду» [1, 170]. Но когда ему наконец удалось достичь этой местности, то ли он не смог пообщаться с йогами, то ли общение не привело к взаимопониманию, но лаконичная запись, которую он оставил, оказалась

скорее негативной: «В тот год … я очень жалел, что не видел Гура Катри. Оказалось, что особо жалеть было не о чем» [1, 270].

Врачи, болезни, медицина в Бабур-наме.

Еще задолго до Бабура в Средней Азии, наряду с «Каноном» Абу Али ибн Сины (Авиценны), была известна книга Абу Рейхана Бируни «Китаб ас-сайдана фи-т-тибб» (книга фармакогнозии в медицине). Бируни, по-видимому, на основании собственных впечатлений, хорошо знал Индию. На наш взгляд, описание некоторых полезных растений Индии (например, цитрона) у Бабура и у Бируни очень близки. Однако, в отличие от Бируни, Бабур мало останавливается на собственно лечебных свойствах даже заведомо лекарственных растений (например, мандрагоры). Однако время от времени замечания на эту тему у Бабура встречаются: «Сангтара, как и лимон, укрепляет желудок и не послабляет его, как апельсин …. Если отравившийся вскипятит лимонный корень и выпьет, это якобы устранит вред от яда» [1, 331-332].

Возможно, боязнь яда – привычного атрибута восточной политики и дипломатии – побуждала Бабура к медицинским самонаблюдениям, одним из которых явился подробно описанный эпизод его отравления в Индии, предпринятого приближенными разгромленного им султана Ибрагима Лоди. «Когда кушанье накладывали, … [повар] положил на фарфоровое блюдо тоненькие ломтики хлеба, а на хлеб высыпал меньше половины яда, находившегося в бумажке. Поверх яда он наложил мяса, жаренного в масле. Если бы [повар] высыпал яд на мясо или бросил в котел, было бы плохо, но он растерялся, просыпал больше половины яда в очаг». Почувствовав себя плохо и проанализировав ситуацию, Бабур приказал задержать повара, поскольку «раньше меня никогда не рвало после еды, даже при попойках меня не тошнило» [1, 351]. В ходе разбирательства был поставлен своеобразный следственный эксперимент: Бабур распорядился дать рвотные массы собаке и наблюдал за ней. «На следующее утро незадолго до первой стражи собака почувствовала себя очень плохо, брюхо у нее как будто раздулось. Сколько в нее ни кидали камнями, сколько ее ни ворочали, она не подымалась. До полудня собака была в таком положении, потом поднялась – не умерла» [1, 352]. На основании этого факт попытки отравления был установлен, и виновникам вынесли суровые приговоры. Надо также отметить, что роль следователя (а впоследствии – прокурора, адвоката и судьи), по-видимому, выполнял сам правитель.

Описывая свою полную скитаний и боевых походов жизнь, Бабур не скрывает и другие сведения о лишениях и болезнях, которыми страдал он и его сподвижники: «Не ожидая наших людей, которые были далеко, я без промедления в жестокую зимнюю стужу выступил, уповая на бога … Ночью был крепчайший мороз, так что некоторые воины отморозили руки и ноги, а у многих распухли уши и стали, как яблоки…». «Из-за болей в боку для меня устроили нечто вроде носилок, перенесли меня с берегов реки в город» [1, 88, 188].

По текстам записок Бабура можно предположить, что он и его семья в разные периоды жизни прибегали к услугам «врачей-специалистов», по большей

части иностранцев: «У меня на теле появилась язва. На этой стоянке один румиец применил способ лечения, недавно найденный в Руме. Он вскипятил в глиняном горшке перец, истолченный в порошок, и я поставил свою язву под горячий пар. Когда пару стало меньше, я обмыл язву этой горячей водой. Лечение вызвало задержку на два звездных часа…» [1, 415] «В месяц мухаррам с моей матерью Кутлук Нигар ханум приключилась болезнь хасбе[1]. Ей отворили кровь, но [крови] оказалось мало. При ней был один хорасанский врач, его Сейид табибом звали. По хорасанскому обычаю он дал больной арбуза, но так как, видимо, пришел ее срок, то через шесть дней, в субботу, она преставилась к милости Аллаха» [1, 182]. «Чтобы лечить мою рану, ко мне прислали монгольского костоправа по имени Атиге Бахши –монголы называют костоправов «бахши» … В искусстве править кости он был очень сведущ. Если даже у человека вываливается из костей мозг, этот костоправ и то давал лекарство. Любую рану на жилах он легко исцелял. К некоторым ранам он прикладывал лекарство вроде пластыря, при других ранах давал лекарство съесть. К ране на моем бедре он велел прикладывать жженую шерсть, а фитиля не вкладывал. Кроме того, один раз он дал мне съесть какой-то корешок. Этот Бахши сам рассказывал: «У одного человека сломалась тонкая кость на стопе и кусок кости величиной с ладонь превратился в порошок. Я разрезал мясо, вынул все кости стопы и вместо костей положил лекарство, измельченное в муку. Это лекарство образовало как бы кость вместо настоящей кости, и [рана] закрылась». Таких удивительных и диковинных вещей он рассказывал множество. В нашей земле костоправы не способны так лечить» [1, 127].

Тексты Бабура свидетельствуют, что автор был знаком с такими распространенным и на Западе, и на Востоке средневековыми лечебными средствами, как рвотные, слабительные и кровопускание. Последнее он даже делал себе сам: «В пятницу, двадцать девятого, в теле у меня появился лихорадочный жар, и я пустил себе кровь. Меня лихорадило то ежедневно, то через день, то через два. При каждом припадке горячка не оставляла меня, пока я весь не обольюсь потом. Через десять или двенадцать дней Мулла Ходжака дал мне разбавленного вина с нарциссом. Я выпил его раз или два, но это тоже не принесло пользы» [1, 273]. Анализ этого и других отрывков «Бабур-наме» дает основание предполагать, что Бабур, ушедший из жизни в 47 лет, страдал каким-то хроническим заболеванием с периодами лихорадки, интоксикации и эпизодами кровохаркания. Возможно, это был туберкулёз легких[2]: «Вечером я

[1] В различных вариантах публикации «Бабур-наме» [в частности, Электронный ресурс: URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Babur/frametext6.htm Дата обращения 1 марта 2020 г.] болезнь «хасбе» حصبه трактуется как корь, что соответствует переводу этого слова с арабского языка. Тем не менее в персидском языке, гораздо более распространенном в Средней Азии, под этим термином понимается тиф. – Прим. автора.

[2] Во многих биографических источниках, включая популярную «Википедию», указано, что смерть Бабура наступила от дизентерии. Нам не удалось найти оснований для такого утверждения. Ни в тексте «Бабур-наме», ни в исследованиях, посвященных языку и лексике этого произведения [2] нам не удалось обнаружить кишечных симптомов дизентерии у Бабура,

простудился и меня лихорадило. Простуда вызвала кашель, при кашле я плевал кровью. Я очень испугался, [но], слава Аллаху, через два-три дня все прошло» [1, 296]. «Когда мы остановились там, я схватил горячку. Удивительное это было недомогание! Если меня с величайшими усилиями удавалось разбудить, то мои глаза сейчас же смежались сном. Через четыре-пять дней мне, в общем, стало лучше» [1, 183]. «В это время, тринадцатого числа месяца рамазана, у меня начались мучительные боли в боку, так что меня сорок дней ворочал с боку на бок особый человек» [1, 188]. «В воскресенье, шестнадцатого мухаррама, на меня напала лихорадка с дрожью. Приступ следовал за приступом, они тянулись двадцать пять-двадцать шесть дней. Я пил слабительное лекарство, и, в конце концов, болезнь прошла. Я очень страдал от бессонницы и жажды» [1, 380] [См. рис. 1].

Интересным является то, что Бабур не счел нужным скрывать довольно предосудительный с точки зрения ислама факт своего пристрастия к алкогольным напиткам, описывая не только многочисленные пиры и пирушки, имевшие место в промежутках между боями, но и их последствия для здоровья. «Пирушка разгорелась, вино поднялось в голову. [Участники попойки] имели намерение заставить меня вить и ввести меня тоже в круг [пьяниц]; хотя я до этого времени не пил вина допьяна и не знал как следует, каково состояние и удовольствие от нетрезвости и опьянения, но склонность пить вино у меня была, и сердце влекло меня пройти по этой долине» [1, 221]. «В понедельник утром, в день праздника, мы выступили в поход; по дороге, чтобы прогнать похмелье, мы ели ма'джун. Когда мы все опьянели от ма'джуна, принесли колоквинт… Я сказал, что это хиндустанский арбуз, отрезал ломоть и дал Ходжа Мухаммеду. Ходжа Мухаммед с жадностью разгрыз колоквинт; горечь во рту не прошла у него до самого вечера» [1, 282].

В этой долгой борьбе с самим собой Бабур, в конце концов, делает вывод, что его болезнь есть наказание за грех винопития: «День или два спустя … я простудился и стал лихорадить. Простуда вызвала кашель: при каждом покашливании я плевал кровью. Я понял, откуда это предупреждение и от каких дел произошло это расстройство. “Кто преступил клятву, тот сделал это во вред самому себе, а кто выполнил обет, данный Аллаху, тому дарует он награду великую”» [1, 295].

Восприятие недугов как воздаяния за грехи, а также мусульманский фатализм и убеждение в предопределенности судьбы каждого человека, по-видимому, сформировали отношение Бабура к болезни как к року, которому невозможно противостоять: «Я подумал про себя и сказал: “Пусть человек проживет сто, и даже тысячу лет, в конце концов, все-таки нужно умереть”. Проживешь ты сто лет или один день, все равно придется уйти из этих чертогов, радующих сердце» [1, 137]. Врач в борьбе с болезнью остается всего лишь

обязательных для этого заболевания. Длительная лихорадка и ознобы могли быть признаками малярии, однако кашель и кровохаркание в большей степени заставляют предполагать туберкулез легких *(прим. автора)*

смертным человеком, и возможности его весьма ограничены: «В это же время из Самбала пришло удивительное известие. Али Юсуф, который … хорошо управлял и распоряжался этой областью, неожиданно отправился к милости господа в один день с одним его другом, который находился при нем в качестве врача» [1, 426].

Тем не менее текст «Бабур-наме» дает нам повод пофантазировать, что Бабур при своей наблюдательности и при том, как он уделял внимание описанию признаков болезней, вполне мог бы, в дополнение к своим многочисленным способностям, научиться медицине, помогать раненым, облегчать страдания больных и, таким образом, уподобиться идеальному Платоновскому правителю-врачу, к тому же отсекающему все вредное и заразное в общественном организме. Этого не случилось, но естественнонаучный менталитет стал одним из источников литературного дара Бабура.

Проза, выстраданная как документ

Автор, которому верят, должен быть
не только свидетелем, но и участником
великой драмы жизни [4, 144].
В. Т. Шаламов

Данный подзаголовок и эпиграф, взятый из эссе русского писателя XX века, медика и узника колымских лагерей В. Т. Шаламова, может показаться неожиданным в контексте разговора о произведениях средневековой литературы Востока. Однако в данном подразделе мы планируем порассуждать о том, почему интерес к творчеству Бабура нарастает у современных читателей и ученых и какова в этом роль его литературной манеры изложения. Г. Ф. Благова, автор монографии «“Бабур-наме”: Язык, прагматика текста, стили», провела подробный анализ языка «Бабур-наме». Она замечает, что Бабур сознательно идет наперекор действовавшей литературной традиции, описывая реальный мир живым языком, употребляя нередко обиходные слова. И совсем уж непоэтической у Бабура является «физиологическая лексика», с помощью которой он описывает свои и чужие телесные страдания. Исследовательница подчеркивает, что вся чагатайская литература за малым исключением была придворной. «Придворный поэт был обязан угождать вкусам своего адресата все более изощренным литературным мастерством … Новаторство Бабура в области стиля тем явственнее, что он в данном своем сочинении совсем не пытается добиться некоего формального совершенства, той (подчеркнутой) «литературности» стиля, … к которой так стремились его современники – придворные литераторы. …. Именно этот цветисто-изощренный возвышенный стилистический фон литературного средневековья позволяет по достоинству оценить простоту и сдержанность стиля “Бабур-наме”, свободного от избыточной образности и метафоричности» [2, 61-62, 172].

Взаимоотношение литературы элитарной и литературы народной, не скованной условностями жанра, стиля и языка, не являлись спецификой жанров

Востока, они имели место и на заре отечественной словесности. А. С. Пушкин, рассуждая о достоинствах и недостатках своих предшественников (поэт называет Сумарокова, хотя в их число уместно поставить и Тредиаковского, и Державина) деликатно дает понять, что русская придворная драматургия была вторичной, воспринималась как подражание французским увеселениям. Поэт с долей сожаления констатировал, что у нас все еще «прекрасное есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть польза». Безусловно, Пушкин, воспитанный на традициях античной культуры, воздавал должное классицизму с его «подражанием изящной природе», академическими канонами и изображением должного вместо сущего. Но он дает понять, что классические каноны для него тесны и, оценивая разницу между трагедией народной Шекспира и придворной драмой Расина, отдает предпочтение первой: «Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувствуемым. При дворе, напротив, поэт чувствовал себя ниже своей публики. … Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию» [3, 146-152].

Бабур, очевидно, также чувствовал себя не ниже своей предполагаемой аудитории, что давало ему свободу от условностей. Современное восприятие «Бабур-наме» перекликается и с другой пушкинской мыслью: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя». В наше время вопрос о «придворной литературе» не стоит с такой прямотой, как во времена Пушкина. Однако дискуссии об истине страстей возобновились едва ли не с большей остротой в бурном XX веке, проявившись даже в таких крайних вариантах, как «литература факта», адепты которой отказывались от эпических и лирических жанров в пользу абсолютной документальности изложения.

Чем Бабур близок современному читателю? Описывая свои перипетии, он предстает перед читателем то сильным, то слабым, то беглецом, то героем, то великодушным, то мстительным. Ему не чуждо ничего человеческое. Он пишет просто, без изысков, фактами и именами, и это придает его прозе документальность. Варлам Шаламов, упомянутый в начале данного подраздела, обосновал свои «Колымские рассказы» следующим образом: «Я ставил себе задачей создать документальное свидетельство времени, обладающее всей убедительностью эмоциональности» [6, 488]. Нам представляется, что Бабур также имел право произнести данные слова в свой адрес. И дело тут не в том, что масштаб человеческих трагедий XX и XVI века трудно сопоставим, а в том, что другая прозорливая мысль В.Т. Шаламова: «Проза будущего – это проза бывалых людей», – имела свои глубокие корни в далеком прошлом [5, 158].

Нам представляется, что именно эта «проза бывалых людей» и есть мостик от Бабура, творившего почти полтысячелетия назад, к современной литературе. Опять же Шаламов, подчеркивая необычайную популярность биографического жанра и мемуаров в наше время, говорил: «Авторская воля, направленная на

описание придуманной жизни, искусственные коллизии и конфликты (малый личный опыт писателя, который в искусстве нельзя скрыть) раздражают читателя, и он откладывает в сторону пухлый роман [4, 144]. Читатель XX столетия не хочет читать выдуманные истории, у него нет времени на бесконечные выдуманные судьбы» [6, 487]. «Собственная кровь, собственная судьба – вот требование сегодняшней литературы» [4, 154].

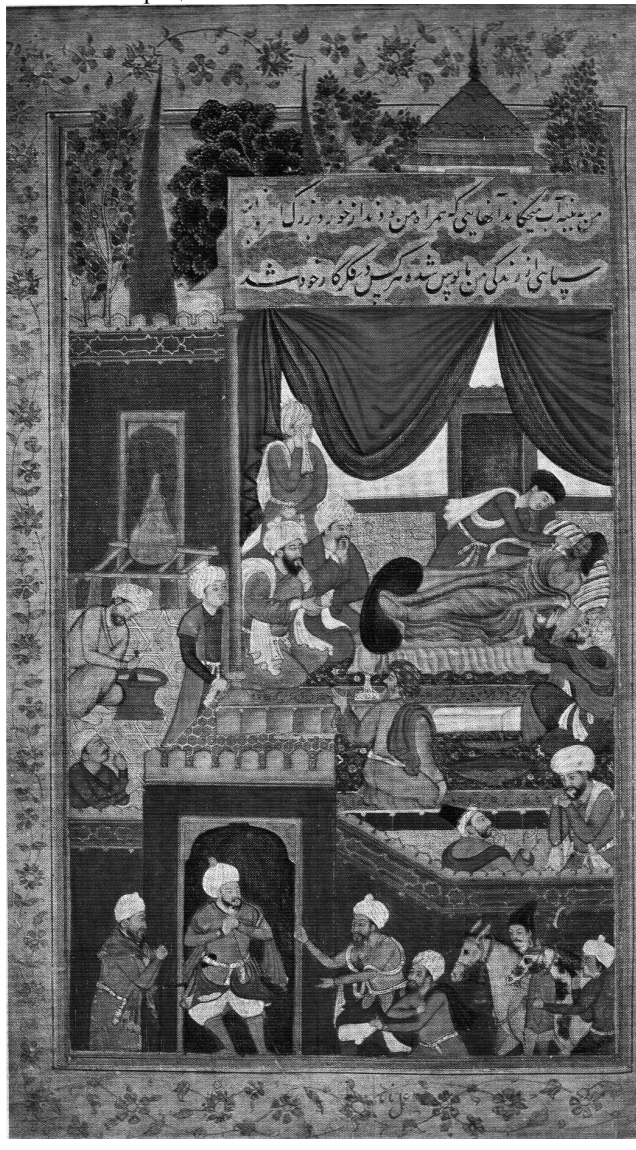
В заключение мы хотели бы кратко вернуться к медицинскому аспекту творчества Бабура. Писатели-врачи (или даже те из них, кто хотя бы соприкасался с медициной), от Омара Хайяма до Чехова, составляют весьма заметную группу литераторов разных стран мира, и это объяснимо. У них нет «реакции отторжения» душевного и телесного негатива. Сама профессия обязывает их быть точным в описании тех самых «истины страстей и правдоподобия чувствований», о которых говорил Пушкин. Будь это медицинская история болезни, или художественное произведение, автор обязан дать достоверный, по возможности краткий и недвусмысленный текст. Бабур формально не был медиком, хотя, возможно, источники XVI века говорят нам не все, ведь если он умел делать кровопускания, то кто-то его этому учил. Но это частности. Главное, ментальность, характер и мировосприятие Бабура обусловили то, что его произведения, написанные столетия назад, близки современному читателю, а современный историк видит в них достоверность документа.

Литература

1. Бабур-наме : Записки Бабура / перевод А. Салье. – Ташкент : АН УзССР, 1958. – 529 с.
2. Благоева Г. Ф. «Бабур-наме» : Язык, прагматика текста, стиль. – М. : Восточная литература, 1994 г. – 404 с.
3. Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 7. : Критика и публицистика. – 1978.
4. Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6 т. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2004–2005. – Т. 5 : Эссе и заметки: записные книжки. – С. 144–157.
5. Шаламов В. Т. О новой прозе // Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6 т. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2004–2005. – Т. 5 : Эссе и заметки: записные книжки. – С. 157–160.
6. Шаламов В. Т. Собр. соч. в 6 т. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2004-2005. –Т. 6 : Письма.

© Головизнин М. В., 2020

Рис. 1. Миниатюра «Больной Бабур в Самарканде». Опубликована в издании «Бобирнома расмлари» (Миниатюры к «Бабур-наме» / сост. Х. Сулейман. – Ташкент; Будапешт, 1979). Автор выражает признательность А. Н. Бабину за предоставление иллюстрации.

Ф. Гурбансой,
к. ф. н., доц., зав. каф. Общественные науки Азербайджанской Национальной Консерватории, г. Баку (Азербайджан)

ДЕШИФРОВКА ОДНОЙ МУАММЫ БАБУРА

Сколько эпитетов не скажешь в честь Бабура, они полностью не раскроют его сущность. Личность мирового масштаба, основатель империи Великих Моголов, которого называли в свое время «ас-Султан аль-Азам вал-Хакан аль-Мукаррам Захир ад-Дин Мухаммад Джалал ад-Дин Бабур, Падшах-и- Гази» («Великий султан, милосердный хакан, шах-победитель»). У этого великого правителя, бесстрашного воина, стратега, ученого-энциклопедиста билось сердце поэта, прозаика и переводчика. Он был искусным полиглотом. Как и Гази Бурхан ад-Дин (1345-1398), Джахан шах Хагиги (1397-1467), Шах Исмаил Хатаи (1487-1524), Султан Селим Явуз (1470-1520), Султан Сулейман Кануни (1494-1566), и Бабур овладел троном, мечом и пером. Он писал в поэтических жанрах: газели, рубаи, кита, туюг, фард и маснави.

В исламском мире Средних веков поэзия была всем: она включала в себя науку, познание, философию, любовь, ненависть, увлечения. В поэзии с первого услышанного звучали такие безбожные строки вне шариата, называемые «шатхийя», которые с помощью поэтического шариата, ссылаясь конкретными аятами Священного Корана, можно было угадать смысл слов. Например, даже употребление слов, запрещенных Кораном: *май* (вино) или *бут* (идол) – в поэзии встречается почти в каждом бейте и обретает поэтические символы.

Для увлечения умов были и другие поэтические методы, называемые «*лугаз*» (по-арабски «загадка»), «*чистан*» («чист ан?», от перс. «что это?»), «муамма». Чтобы разгадать эти поэтические загадки, требовались глубокие знания во всех отраслях науки.

У Бабура можно прочесть 52 муаммы на чагатайском (староузбекском) языке. Эти муаммы построены сложными принципами. Слова *муамма* معمّا по-арабски значит «скрытый смысл». Это небольшие формы стиха-загадки, скрывающей в себе какие-то слова. Поэт перед муаммой показывает то слово, которое нужно разгадать. Например, слово для разгадки سعيد «Сайид» (от арабского «счастливый») спрятано на поэтическом тексте:

Тийги жафони кимга десанг ах,ли х,олдур,
Бошига синдурур бути беэътидолдур.

Это бейт (двустишие) дословно переводится так:

«*Об острие страдания твоего, кому скажешь, тот окажется из понимающих сердечных людей,*

(Он) голову ломает (как помочь выйти из этого положения, ведь), красавица неумеренная»

Персидское слово بت «бот» дословно переводится как «идол», «кумир», а в поэзии, однозначно, показывает красавицу, которую безответно любят. Как идолопоклонники перед идолом покланяются, ожидая от него милости, но не

получая отдачу, так и красавица не разделяет тех чувств, которые испытает влюбленный.

Арабское слово اعتدال «эътидал» обозначает «умеренность», с персидским отрицательным префиксом بي «би» получается «неумеренность». В бейте слова «беэътидалдур», можно прочесть как «бе «эъ», «ти», «дол» дур», без буквы ت «ти» с буквой ع айн (эъ), ى и د «даль».

А фраза «Бошига синдурур» обозначает не «ломает головы», а «син» дурур», в начале стоит буква س «син». Собирая эти буквы вместе, можно и прочесть слово سعيد «Саъид».

В этом муамме спрятано то психическое состояние поэта, который страдает от любви, ведь это счастье.

Литература

1. Бабур З. М. Избранные сочинения. – Т., 1959.
2. Бабур, З. М. Бабур-наме. – Т., 1993.

© **Гурбансой Ф.**, 2020

А. К. Дехканов,
к.ф.н., доцент ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

СОЗДАНИЕ ПОРТРЕТА ПРАВИТЕЛЕЙ-ТИМУРИДОВ – СОВРЕМЕННИКОВ БАБУРА В «БАБУР-НАМЕ»

В «Бабур-наме» говорится о многих людях. В частности, в своеобразном стиле даются сведения о разных людях, которые относятся к высоким слоям общества, об их качествах, человеческих достоинствах, о недостатках их характера. «Некоторые рассказы об интересных людях того времени кратки, но Бабур умеет передать своё представление о том или ином человеке каким-либо характерным штрихом, отличающим его от других людей. В этих портретных зарисовках Бабур проявил себе блестящим мастером деталей. Его портреты удивительно, выразительны и жизненны» [3, 23]. По занимаемому ими в жизни общества месту и по роду занятий их можно разделить на следующие группы:

1. Образ Бабура.
2. Образы Тимуридских правителей.
3. Тарханы и представители военной аристократии.
4. Представители науки, искусства и литературы [2, 7].

Из этой классификации мы будем акцентироваться на места, где освещаются образы правителей-Тимуридов. В «Бабур-наме» речь идет о нескольких поколениях Тимуридов. Среди них особое значение имеет совершенность и подробно описание портретов отца Бабура, его дядей и Хусейна Байкаро. Также очень ценны сведения о современниках – принцах Бабура, то есть его двоюродных братьях, о сыновьях Хусейна Байкаро и других дальних родственниках.

В связи с этим мы сочли необходимым остановиться о главных факторах, которые обеспечивают вечность «Бабур-наме». Своеобразная привлекающая сторона данного произведения – это правдивость автора в удивительной степени. Это подчеркивает сам Бабур в произведении: «В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мною слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило. Поэтому я записал о родичах и братьях то хорошее и плохое, что хорошо известно, и рассказал о недостатках и достоинствах близких и чужих мне людей, что действительно было» [1, 233].

Действительно, основной причиной всемирного интереса к этому произведению является вышеуказанная сторона.

Говоря о близких родственниках – правителях-Тимуридах, в первую очередь, Бабур даёт полное сведение о годе рождения; о происхождении; о внешнем виде; о вере, морали, человеческих достоинствах, недостатках; о войнах, проведенных ими; о местах их владения; о детях, женах, невольницах; о знаменитых эмирах, которые служили описываемому правителю.

Первым в произведении описывается отец Бабура Омар Шейх мирза. Бабур рассказывает всю правду о своём отце. Сначала даёт сведение о таких достоинствах Омар Шейха мирзы, как чистая вера, щедрость, справедливость,

смелость: «Омар Шейх мирза был ханафит по исповеданию и человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвы, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран... Он отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости...» [1, 17]

В связи с этим необходимо отметить, что великодушие является одним из достоинств самого Бабура. При чтении «Бабур-наме» множество раз можно убедиться в этом. Это качество перешло ему от отца, а отцу от дедушки Миран Шейха мирзы. Ибо Адрураззак Самарканди в произведении «Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн» подчеркивает великодушие, благородность Миран Шейха мирзы – деда Бабура.

Бабур правдиво рассказывает о недостатках в характере отца. Например, то, что его отец как правитель не имел важного свойства – дипломатии – излагает следующим образом: «По склонности к захвату земель он часто сменял мир на битву и дружбу на вражду...» [1, 17]

Бабур в «Бабур-наме» даёт полное сведение и о двоих своих дядях: Султане Ахмаде мирзе и Султане Махмуде мирзе. На основе характеристики, данной Бабуром об этих правителях-Тимуридах, у нас появляется общее представление о них. Султан Ахмад мирза описывается как человек с положительными качествами: чистая вера, вежливость, простодушие, честность, застенчивость. Но у него есть и серьёзные недостатки. Он описывается как правитель, передавший всю волю бекам, пьяница, который если начнет пить, то двадцать-тридцать дней продолжает попойку, как нерешительный правитель. Как пример его нерешительности Бабур приводит следующею историю, которая произошла между ним и его дядей. Когда умер Омар Шейх мирза, Султан Ахмед мирза повел войска на Андижан. После смерти отца на трон сел Бабур и начал переговоры с дядей Султанам Ахмедом мирзой. Бабур отправил посла к дяде и попросил руководить Ферганской областью в качестве его вассала, то есть повиноваться дяде:

«Ходжу (Маулана-и) Кази и Узун Хасана, брата Ходжа Хусейна, я отправил [к Султану Ахмеду мирзе] в качестве послов с таким предложением: “В эту область должна поставить кого-нибудь из ваших слуг. Я вам и слуга, и сын; если бы эту службу поручили бы мне, то было бы найдено лучшее решение”» [1, 26].

Это предложение было самым уместным и благоприятным для Султана Ахмед мирзы. Но он не взял во внимание предложение племянника. Дело, которое без потерь могло решиться в его пользу, он, послушав эмиров и беков, не принял это предложение: «Султан Ахмед мирза был человек немногословный, скромный и мягкий; никакое его слово, соглашение или дело не имело силы без беков. Беки не вняли моим словам и, дав грубый ответ, двинулись вперёд. Однако Аллах всевышний, который по своему совершенному могуществу всегда устраивал всякое моё дело, как подобает и следует, не обязывая меня благодарности его тварям, тогда тоже явил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своём выступлении и вернулись без удачи» [1, 27].

В итоге ситуация решается в пользу Бабура, и они вынужденно предлагают Бабуру перемирие. Султан Ахмед мирза от этого похода не получил никакого результата и во время приезда в г. Уратепа скончался.

Бабур даёт доскональные сведения и о втором дяде – султане Махмуде мирзе. Как известно, он занял трон Самарканда после смерти брата Султана Ахмед мирзы. Это происходит примерно в 1494 году. В отличие от брата, он был очень строгим, войско и граждане не могли отступиться от линии, которую он начертил. На троне Самарканда он сидел всего пять-шесть месяцев. За этот срок народ пострадал и испытал отвращение от насилия беков, от развратничества. Бабур пересчитывает все мерзкие качества дяди. Упоминая о плохих качествах дяди, Бабур отдельно подчеркивает его жестокость и зло к Хоже Убайдуллаху Ахрору и близким ему людям.

На этом месте следует подчеркнуть, что вопрос отношения потомков Амира Тимура к Ходже Ахрару имеет большую значимость. Как известно, в первые годы правления Султана Абу Сеида мирза Ходжа Ахрар завладевает большим статусом и активно участвует в политических процессах. Из истории известно, как в тяжелых ситуациях Ходжа Ахрар оказывал помощь Султану Абу Сеиду мирзе. Абу Сеид мирза уважает его как наставника. Его сыновья: Султан Ахмед мирза и Омар Шейх мирза – и даже сам Бабур сильно уважали Ходжу Ахрара и чтили, как отца. Даже после смерти Ходжи Ахрара уважительно относились к его детям, и близким ему людям.

Но среди сыновей Абу Сеида мирзы только Султан Махмуд мирза пренебрежительно относится к детям Ходжи Ахрара: «Придя в Самарканд, он (Султан Махмуд мирза) тотчас же вводит новые правила и порядки, повинности и налоги. Людям, связанным с досточтимым Ходжа Убайд Аллахом, из коих многие, бедные и нищие, благодаря его покровительству были раньше избавлены от обид и злоупотреблений в отношении повинностей и налогов, начали чинить всякие притеснения и строгости. Эти притеснения и строгости распространились даже на потомков самого Ходжи» [1, 34].

Бабур в «Бабур-наме» рассказывает о нескольких принцах, которые являлись из одного рода с ним, то есть о двоюродных братьях. Среди них очень значима характеристика, которая даётся второму сыну Султана Махмуда мирзы – Бойсункару мирзе. Бойсункар мирза в восемнадцать лет после смерти отца занял престол. Бабур отобрал Самарканд из его рук. Бойсункар мирза вынужденно покидает Самарканд и уходит в Гиссар. Там он казнится беком Хусрав-шахом, который короткое время правил этой местностью. Это событие Бабур описывает с безграничной скорбью и сожалением: «В этом году Хусроу шах, вознамерившись повести войска на Балх, вызвал Бойсункар мирзу в Кундуз и выступил к Балху. Дойдя до Убаджа, Хусрау шах, этот злополучный и неблагодарный человек, жаждая власти, – а как может достаться власть таким низким, неспособным людям, без роду и племени, без умения, расчета и соображения, без храбрости, совести и справедливости? – схватил Бойсункар мирзу и его беков и накинул на шею Бойсункар мирзе веревку. Было десятое мухаррам, когда он сделал мучеником такого даровитого царевича, полного

достоинств, украшенного личными заслугами и высоким происхождением» [1, 84].

Также Бабур даёт сведения о ещё двух сыновьях Султана Махмуда мирзы – Султане Масуд мирзе и Султане Али мирзе.

Даются полные сведения о битвах между этими братьями за престол Самарканда, как по приказу Бойсункара мирзы в глаза Султана Али мирзы втыкают ствол, как не повреждаются его глаза, о его побеге в Бухару, также о том, как он, набрав войско, организует поход на Самарканд.

Мнения о братьях самого Бабура, то есть о Джахангире Мирзе и Насире мирзе, встречаются в нескольких местах «Бабур-наме».

От мнения Бабура о своём отце Омар Шейхе мирзе, о дядях Султана Ахмаде мирзе и Султане Махмуде мирзе, о двоюродных братьях (принцах Султане Масъуде мирзе, Бойсункаре мирзе, Султане Али мирзе), о братьях Джахангире мирзе и Насире мирзе, а также от решений, принятых ими в тяжелых ситуациях, становится известно, что в этот период в Мавераннахре среди правителей-Тимуридов не осталось таких одаренных правителей, которые, приняв от предков трон, с сильной волей постарались объединить государство и обладали господствующем положением.

В «Бабур-наме» широкое место уделено описанию правителя Хорасана Султана Хусейна мирзы и его сыновей. В повествовании событий, происшедших в 911 году (1505-1506), говорится о том, как Хусейн Байкаро, пригласив к себе сыновей и принцев-Тимуридов, призывает их к запланированной совместной битве против Шейбани-хана: «В это время Султан Хусейн мирза, твёрдо решившись разбить Мухаммеда Шейбани-хана, велел созвать всех своих сыновей. Ко мне он тоже прислал Сейида – Афзаля, сына Сейида Султан Али Хаббина, призывая меня. Направиться в Хорасан нам было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, когда столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, сидящий на месте Тимур-бека, собрав людей, созывает со всех концов своих сыновей и беков, чтобы двинуться против такого врага, как Шейбани-хан, то если другие идут на ногах, мы пойдём на голове, и, если другие пойдут с палкой, мы пойдём с камнем...» [1, 184].

Но это намерение Султана Хусейна не совершилось. Он начал поход на Шейбани-хана и, дойдя до места с названием Бобо Илахи, скончался.

В «Бабур-наме» приводятся более подробные сведения о Султане Хусейне Байкаре. Детально даётся информация о годе его рождения, предках, братьях и сестрах, о детях, женах, об эмирах. Говоря о битвах, проведенных Хусейном Байкаро, Бабур отдельно подчеркивает его отважность, храбрость в бою. Особенно описывает то, как он побеждает войско с тремя тысячами войнами, которое отправлено со стороны Султана Абу Сеид мирзы, с шестьюдесятью воинами: «... В другой раз Султан Абу Саид мирза послал вперёд три тысячи человек под начальством Мухаммед Али Бахши. Султан Хусейн мирза, придя с шестьюдесятью йигитами, наткнулся на них и наголову разбил их. Это одно из славных и выдающихся дел Султан Хусейн мирзы...» [1, 191].

С сожалением подчеркивает, как правитель, который в молодости показал удивительную отвагу и храбрость, спустя годы поддался наслаждению и увеселению, не стал продолжать деятельность, направленную на расширение государства и все бросил на произвол судьбы: «Когда в его руках оказался такой город, как Герат, Султан Хусейн днём и ночью только и делал, что наслаждался и веселился; больше того, среди его слуг и приспешников не было человека, который бы не наслаждался и не веселился. Султан Хусейн не нёс тягот и бремени миродержавия и полководчества; поэтому с течением времени его дружины и владения стали незначительными и не увеличивались» [1, 192].

Кроме того, Бабур со скорбью пишет о том, как не один из сыновей храброго и отважного правителя после смерти отца не смог пойти против Шейбани-хана, защитить крепость Герат, как они, оставив своих родных: матерей, жен, сестер, детей и казну – в руках противника, постарались только сберечь свою жизнь: «Матери, сестры, жены и казна мирз находились в крепости Ихтияр ад-дин, которую [теперь] называют Ала-курган. Мирзы достигли города к вечеру. Они поспали до полуночи, дав отдохнуть лошадям, на заре покинули город, не подумав даже укрепить крепость. Имея столько времени и сроку, они не увезли своих матерей, жен, сыновей и дочерей и бежали, оставив их в плену у узбеков» [1, 239].

От портретов правителей-Тимуридов и принцев, которые приведены в «Бабур-наме», от их поведения, способностей и пригодностей становится известным, что в течение около ста пятидесяти лет в этой местности среди представителей великой династии не было личности с сильной волей, которая смогла бы объединить страну своих предков и создать единое централизованное государство. Следовательно, существует жизненный закон: каждая возвышенная вещь в один день упадет вниз. И солнце Тимуридов дошло до запада. Хотя Бабур был одним из последних сильных правителей династии, он был очень молодым. Ибо он остался в истории, как один из последних сильных представителей великой династии и как один из основоположников новой династии.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме : Записки Бабура / перевод М. Салье. – Т., 1958.
2. Джамалов С. О художественных особенностях «Бабур-наме». – Т., 1961.
3. Стеблева И. В. Захираддин Мухаммад Бабур – поэт, прозаик, учёный. – Т., 1983.

© **Дехканов А. К.**, 2020

К. Т. Джаманкулова,
д.ф.н., доцент, проф.
Национального университета им. Джусупа Баласагына, г. Бишкек
(Кыргызстан)

ЛИТЕРАТУРНОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ БАБУРА

Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530 гг.) является одним из ярких представителей конца эпохи Тимуридов. Талантливейший писатель, историк, географ, этнограф, поэт, новатор автобиографического жанра в востоковедческой литературе, он внес огромный вклад в историю, литературу, географию, этнографию Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV — начале XVI вв.

Катализаторы для создания «Бабур-наме». «Бабур-наме» З. М. Бабура считается автобиографичным, так как события его жизни легли в основу произведения «Бабур-наме». Бабур в своей книге не дает никаких данных о том, каким образом и при каких обстоятельствах у него возникла идея создания специальной книги и на основании каких именно материалов приступил к ее написанию в Индии. Но мы считаем, что ряд биографических событий оказали наибольшее влияние на творчество Бабура, послужили «катализатором» дня создания «Бабур-наме»:

1) ***Его родословная.*** Бабур, сын правителя Ферганского удела Омар Шейх Мирзы II, родился 14 февраля 1483 года в Андижане. После смерти отца Бабур был объявлен государем Ферганы. Отец был правнуком тимуридского султана Миран-шаха, третьего сына Тамерлана. Мать Кутлуг-Нигар-ханым, дочь могулистанского правителя Йунус-хана, происходила из Чингизидов [2]. Сестра Бабура Ханзаде-бегум – жена узбекского хана Мухаммеда Шейбани. Его родословная обязывала его бороться за сохранение власти Тимуридов;

2) ***Желание сохранить власть и продолжить*** дело отца;

3) ***Насыщенная биография, богатая политическими событиями***.

Жизнь З.М. Бабура с самого начала была насыщена политическими событиями. Старший сын удельного владетеля Ферганы, Захириддин Мухаммад Бабур после смерти отца в двенадцатилетнем возрасте в качестве правителя боролся за сохранение власти, после поражения – за восстановление власти Тимуридов в Средней Азии. После неудачных попыток он жил в Кабуле (1505-1515), основал новое государство, получил титул «падишах», создал «Сад верности». Бабур неоднократно пытался вернуть Бухару и Самарканд, упорно стремился к Мавераннахру, т.е. к территории между Амударьей и Сырдарьей, чтобы создать крупное централизованное государство. Но, не достигнув своей цели, в 1514 году он прекращает борьбу за восстановление власти Тимуридов. В 1519 году он направляется в Северо-Западную Индию. Сражение 1525 года при Панипате было решающим: он разгромил войско султана Ибрахима Лоди и основал в Индии империю, которая известна под названием «Империя Великих Моголов».

Ко времени создания «Бабур-наме» у него был богатый жизненный опыт. Он был правителем Ферганы (1494-1504), Кабула (1504-1526), главой Империи Тимуридов в титуле «падишах» (1507-1526), правителем Мавереннахра (1497-1498), падишахом Индустана (1526-1530).

Автобиография как «литературный прозаический жанр». Автобиография определяется в литературоведении как «литературный прозаический жанр», «описание автором собственной жизни» [7, 12]. Это пограничный жанр, сочетающий фактическую достоверность и творческое переосмысление фактов. «Для автобиографического жизнеописания характерно стремление осмыслить прожитую жизнь как целое, придать эмпирическому существованию оформленность и связность». Это и осуществил З. М. Бабур. Он создал автобиографическое произведение «Бабур-наме».

Все события, протекавшие на рубеже XV — XVI вв. в Средней Азии, Афганистане и в Индии, нашли отражение в «Бабур-наме». В основном этот труд посвящён описанию деятельности З. М. Бабура, его военных походов, удач и поражений, изложению всех перипетий его богатой приключениями жизни.

История автобиографического жанра. Понятие «автобиография» как обозначение литературного жанра существует с XIX века. Е. М. Болдырева выделяет автобиографию как «особый литературный жанр» [3, 242–251]. Но в теории литературы и историко-культурной памяти человечества в целом желание запечатлеть и выразить собственный жизненный опыт определяет древность жанра автобиографической прозы.

Изданные ранее тексты, которые по своему содержанию напоминали автобиографический роман, имели другие названия, например, исповедь (например, «Исповедь сына века» Ж. Руссо).

Родоначальником жанра автобиографии принято считать Блаженного Августина, автора 13 автобиографических сочинений.

Итальянский поэт XIV века Франческо Петрарка создал сочинение «Моя тайна», а также автобиографичное произведение «Письмо к потомкам» [8, 298], где он уходит от исповедального характера письма в частное жизнеописание.

В мировую литературу на понятия «автобиография» и «исповедь» оказал большое влияние французский писатель **Жан Жак Руссо** [10, 640]. Он является первым автором исповедально-автобиографичсекого романа.

Понятие «исповедь» **в Лермонтовской** энциклопедии определяется как «разновидность лирического самовыражения» [6, 784].

Автобиографическое произведение на Востоке. «Бабур-наме» З. М. Бабура является первым автобиографическим произведением, созданным на Востоке на тюркском[1] языке. История 1493-1529 гг., т.е. события XV-XVI вв., происшедшие в Средней Азии, Афганистане и Индии, нашли отраженияе в произведении «Бабур-наме».

[1] Бабур очень гордился, что является потомком тимуридов. Бабур считал себя тюрком, а чагатайский язык - родным языком.

Крупный французский востоковед Луи Базан в своем введении к французскому переводу (1980) писал: «Автобиография [Бабура – Д. Т.] представляет собой чрезвычайно редкий жанр в исламской литературе». Такого же мнения придерживаются и ученые из других стран: С. Азимджанова (Республика Узбекистан), Абдул-хай Хабиби (Афганистан), Мухиб ул-Хасан (Индия).

Ретроспективное прозаическое повествование. Автобиография определяется в литературоведении как «литературный прозаический жанр», «**описание автором собственной жизни».** Ф. Лежен дает такое определение данному жанру: это «***ретроспективное прозаическое повествование*** реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [5, 108-116]. Главный герой произведения – Бабур, правитель, обладающий лидерскими качествами, борец за свободу, независимость, за объединение тимуридского общества, полководец, основатель династии Бабуридов в Индии. Бабур – реальный участник всех событий 1493-1529 годах, произошедших в Средней Азии, Афганистане и Индии. Более того, он был во главе всех исторических событий той эпохи.

Достоверность и творческое переосмысление фактов. Автобиографичность. Автобиография – это пограничный жанр, сочетающий ***фактическую достоверность*** и творческое ***переосмысление фактов***. Автобиографичность – принцип отбора событий, которые будут моделировать сюжет [3, 242–251].

«Бабур-наме» отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV — начале XVI вв. Описываются жизнь Бабура в Мавраннахре, в Кабуле и в Индии в хронологическом порядке. Подробно рассказывается о его деятельности, военных походах, успехах, поражениях, о жизненых перипетиях.

Некоторые исследователи отмечают, что нет разграничения между мемуарами, дневниками, автобиографиями. В науке о литературе отсутствуют четкие разграничительные критерии автобиографического жанра и его производных форм. Р. Фолкенфлик отметил, что у автобиографии «есть нормы, но не правила» [12, 20]. ***Мемурары*** – это специфический жанр литературы, особенностью которого является ***документальность,*** он основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Особая ценность мемуаров состоит в том, что наша история плохо отражена в документах. Значимость «Бабур-наме» состоит в том, что оно основывается на свидетельских показаниях очевидца – автора произведения.

Исторические и типологические аспекты в автобиографическом произведении. Определяя важнейшие классификационные критерии автобиографического жанра, ученые отмечают, что жанр в равной степени есть категория как 1) **типологическая, 2) историческая** [9, 271].

1) Исследователями неоднократно отмечалось, что документальная литература, мемуаристика и дневники появляются на свет в периоды, отличающиеся социально-экономической и политической нестабильностью. «Бабур наме» появился в период общественного кризиса, накала социальной

жизни и общественных потрясений. Бабур родился в стране, где царил экономический и политический кризис, когда феодальная междоусобная борьба различных претендентов достигла своего апогея за раздел обширной территории, созданной Тимуром в Средней Азии и Хорасане. Постоянные внутренние конфликты создавали хаос в обществе. Торговля не шла. Власть переходила от одного правителя к другому, и каждый из них, воспользовавшись властью, облагал народ налогами. Участившиеся земельные и другие налоги привели к обнищанию бедных земледельцев. Бабур – старший сын владетеля Ферганского удела Омар Шейха Мирзы, родившийся 14 февраля 1483 г. в Андижане и после смерти отца ставший государем Ферганы, был оцевицем всех этих событий, описал достоверные факты этого периода.

2) Одним из первых идею исконной правдивости автобиографии провозгласил Шопенгауэр, позднее она получила последовательную разработку в «Науках о духе» В. Дильтея. Защитники автобиографий указывали на ее уникальность, способность передать «дух времени» («Zeitgeist»), на возможность с ее помощью проникнуть в глубины человеческой личности. Однако были и есть ученые, оспаривающие ценность автобиографии как источника сведений о прошлом, обращая внимание на ее субъективизм и неточности, порожденные несовершенством человеческой памяти.

Историзм – литературоведческое понятие, обозначающее одно из важных свойств художественной литературы – ее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи.

«Бабур-наме» – исторический документ. Все события, протекавшие на рубеже XV-XVI вв. в Средней Азии, Афганистане и в Индии, нашли отражение в «Бабур-наме». Он пишет: ***«... всё, что здесь написано, истина, и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя, – всё, действительно, было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мной слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило***» [8, 11].

В книге описаны портреты государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов, единомышленников, а также врагов своего времени. Среди них особенно выделяется портрет Алишера Навои. Он с ним переписывался на тюркском языке.

Фактическая канва «Бабур-наме». Автобиографический текст основан на следовании фактической канвы событий из жизни писателя [4, 282]. Текст «Бабур-наме» основан на событиях, которые сопровождают Бабура в течение его жизни. Политическая жизнь и творческая деятельность Бабура описываются в произведении в хронологической последовательности. Например, **первая часть** «Бабур-наме» посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV в. Скитания Бабура в дни неудач в борьбе за власть, охватывающие период 1483-1504 гг., подробно отражены в этой части. **Во второй части** описываются события, происходившие на территории Афганистана, который в те времена был известен как «Кабульский удел». Достоверно переданы обычаи,

нравы жителей страны, говорящих на различных языках племен и народностей, а также караванные дороги, соединяющие крупные города страны. В **третьей части** более подробно описаны политические события 1525-1530 гг. в Северной Индии, её географические данные, природные особенности, а также сведения о народах.

Научная значимость «Бабур-наме». Научная значимость «Бабур-наме» неоспорима. Мы считаем, что, несмотря на литературные и, в частности, лингвистические исследования произведения «Бабур-наме», оно в полной мере еще не изучено. «Бабур-наме» открывает широкий простор для научных исследований в области исторических терминов и понятий, в частности, административно-правовых и военных, топонимии, этимологии, этнонимии и т. д. Конечно, есть научные исследования в этой области. Например, Цэндмаа Энхчимэг в своей статье отмечает, что монголизмы, использованные в историческом источнике Средней Азии XV-XVI вв., в «Записках» Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме», подразделяются на 5 групп: 1) этнонимы монгольских родов и племён (аймаков); 2) понятия и термины, которые сам автор считает монгольскими; 3) административно-правовые и военные термины(автор отмечает, что эта группа терминов получила широкое распространение у народов Евразии); 4) слова, распространённые в Средней Азии посредством монголов; 5) слова алтайской языковой семьи [14, 165]. Но «Бабур-наме» нуждается в еще более тщательном научно-исследовательском изучении со стороны лингвистов, тюркологов, историков, литераторов, этнологов.

Бабур – автор газелей, рубаи.

Перу З. М. Бабура принадлежат оригинальные лирические произведения. Его **газели, рубаи** затрагивают вопросы ***морали, этики, нравственности*** и другие аспекты современной автору эпохи.

Тема Родины. Бабур – талантливый поэт своего времени. В его произведениях особое место занимает тема Родины. Его любовь к Родине, тоска по ней пронизывает его поэзию.

«Индийский диван» «весьма интересен как исторический документ» [1, 39]. В него вошли немногочисленные газели и рубаи, отражающие события жизни последних лет его жизни в Индии, стихи, полные скорби и тоски по родине.

«Трактат об Арузе» Бабура – это арабско-персидская система стихосложения, написанная Бабуром. И. В. Стеблева отмечает, что «Трактат об Арузе» Бабура «показывает незаурядные познания в области теории и истории поэзии одного из наиболее выдающихся тюркоязычных поэтов и в то же время вполне типичного представителя своего времени, эпохи Тимуридов, – Захир ад-Дина Мухаммада Бабура» [11, 39].

Его перу принадлежат и трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальному алфавиту «Хатт-и Бабури».

Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика, поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой, и его наследие

изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира. Данное мероприятие [Международная научно-практическая конференция «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность» – прим. ред.] свидетельствует, что интерес к замечательным творениям Бабура, особенно к его книге "Бабур-наме", возрастает из года в год во всем мире. Кроме литературной и научной значимости, произведения Бабура привлекают своей открытостью, искренностью, человечностью, любовью к отчизне, преданностью своему делу, и мы думаем, что его творения будут почитаемы последующими поколениями.

Мы заканчиваем свое вступление двустишием Бабура:

Пока еще я жив и ты пока жива,
Пойми меня, прочтя стихов моих слова (Бабур).

Литература

1. Азимджанова С. Индийский диван – Ташкент: 1966.
2. Бабер // Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого … [и др.]. — СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911-1915.
3. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский вестник. – 2017. – № 4.
4. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века : дис. … д. филол. наук. – СПб. : СПбГУ, 2003.
5. Лежен, Ф. В защиту автобиографии [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – URL: http://finbahn.com/в-защиту-автобиографии/ (дата обращения – 12.01.2020).
6. Лермонтовская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1981.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1987.
8. Петрарка Ф. Письма к потомкам / пер. с ит. М. Гершензона. – М. : Рипол Классик, 2017.
9. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. – М. : Просвещение, 1972.
10. Руссо Ж. Ж. Исповедь сына века / пер. с франц. Н. Бердяев, О. Вайнер. – СПб. : Азбука, 2012.
11. Стеблева И. В. Захир ад-дин Мухаммед Бабур : Трактат об ‘Арузе’. – М. : Наука, 1972. – С. 32.
12. Folkenflik, Robert. Introduction: The Institution of Autobiography : In The Culture of Autobiography / ed. Robert Folkenflik. – Stanford, CA: Stanford UP, 1993.
13. Цэндмаа Энхчимэг. Монголизмы в «Бабур-наме» // Ученые записки ЗабГГПУ. – Улан-Батор, 2013. – № 2 (49).

© Джаманкулова К. Т., 2020

Х. Дусматов,
д. ф. н., ст. преп., ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан);
Ш. Зоитова,
ст. преп. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ЛЕГЕНДЫ «ОЛТИН БЕШИК» («ЗОЛОТАЯ КОЛЫБЕЛЬ») И «САНГИ ОЙНА» («КАМЕННОЕ ЗЕРКАЛО»): ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

Вопрос соотношения исторической правды и художественного вымысла является одним из первостепенных в истории и теории литературы. Изучение этого вопроса в литературных источниках и фольклоре дает всеобъемлющий взгляд на проблему. В последние годы в узбекском литературоведении также была проведена определенная работа в этом ключе.

Народные сказания «Олтин бешик» («Золотая колыбель») и «Санги оина» («Каменное зеркало») художественно отображают жизнь Захириддина Мухаммада Бабура в период его скитаний в Сохском районе Ферганской области. Этот факт сыграл важную политическую роль не только в жизни данного исторического деятеля и поэта, но и в истории Кокандского ханства.

Как известно, весь жизненный путь Бабура прошёл в сражениях и боях. Когда ему было 12 лет, он захватил царский трон в Андижане. Путь к Индии и ее полное завоевание, этот жизненный период Бабура, одним словом, можно назвать неспокойным и суетливым. Но посреди всей безрадостной жизни мы можем увидеть, почему так сильно он любит её. Мы чувствуем, что все события жизни находятся в его сердце, в его душе, что он обладает невероятным умом, божественным воодушевлением и благородным чувством.

Очевидно, когда мы читаем «Бабур-наме», мы не в силах правильно оценить его историческую ценность. Содержание этого произведения показывает, что у автора большое терпение, поскольку в книге описываются определенные даты, места и люди, чудеса природы, тайные загадки животного и растительного мира. В книге показывается, насколько чист дух Бабура, как глубок его ум. Приведем пример, наглядно демонстрирующий это: «На 9 км к югу от Исфары, между двумя ущельями падает камень, кусок скалы, длина которого 12 км, высотой – выше роста человека, 165 см и 85 см. Он именуется как «Санги оина» («Каменное зеркало») и всё отражает, как зеркало» [2, 7]. В описаниях непосредственно выражается внимательность Бабура-полководца, сражающегося на поле брани, а через описания расположения камня выявляются его познания в области географии.

Бабур на некоторое время лишается трона после поражения в битве против Шейбани-хана в Фергане. Сох (одна из современных деревень Сох, расположенная сопредельно с Кыргызстаном между горами) и в особенности Хушьяр являлись стратегически важными местами для проживания, поэтому он переселяется в горы Сох. Учёный-географ Х. Хасанов дал этому факту следующий комментарий: «Поскольку Шейбани-хан перекрыл дорогу Бабура

через Самарканд-Карши, он не мог совершить поход в Гиссар, а дорога через долину Самарканд-Зеравшан также была опасной. Здесь властвовали сторонники Шейбани-хана. В последний раз, когда Мирзо Бабур покинул Ферганскую долину, он мог пересечь высокие горы (Олай и Каратегин) и спуститься из деревни Мастчох в Гиссарскую долину через Гарм и Обигарм» [5, 15]. После поражения под Архоном Бабур был вынужден покинуть Фергану, только отправившись в Сох. Русский ученый А. П. Федченко, посетивший Кокандское ханство в 1871 году, также побывал в деревне Сох, где увидел его расположение воочию: «Я слышал, что одна из крепостей была построена на скале, до которой нельзя было добраться. Также хочу сообщить, что верхняя часть Соха почти со всех сторон окружена горами, и идти со стороны Чичиктов очень опасно. Это также путь к низине, в которой расположен Сох. Даже Бабур, который был коронован как король, прятался в горах Сох и Хушьяр около года». [7, 160] А. П. Федченко делает вывод, что Мирзо Бабур не зря выбрал эти места для жизни. Следовательно, верхняя часть Сох и деревня Хушьяр были удобным местом, чтобы прятаться от вражеских преследований. Кроме того, жизнь в Сохе имела свои преимущества: изобилие животных для охоты, чистая вода, чистый воздух... Весьма вероятно, Бабур отправился туда, чтобы увидеть предначертанное, отражённое в зеркале Санги, являющееся отражением всего, что он увидел во сне и услышал от местных жителей. Когда он взглянул в зеркало, он увидел себя, восседающего на троне в королевских одеяниях. После этого, он безмерно благодарил Бога и, вернувшись назад, отправился в Кабул и заново его покорил.

Когда Бабур подошёл к зеркалу Санги, которое приснилось ему во сне и о котором он услышал от местных жителей, он увидел своё отражение на королевском троне и в королевских одеяниях. Затем он послал бесчисленные благословения Богу и после этого вернулся назад, двинулся к Кабулу и захватил там власть [5, 13].

Существует народная поговорка: «В основе легенды лежит истина». Кажется, что настоящая правда скрыта в мифах о зеркале Санги в Сохе. Несмотря на прошедшие века, народ до сих пор хранит легенду о Бабуре Мирзо. Нам всегда нужен комплексный подход к легендам. «Санги ойна» – это правда или вымысел?

Первые страницы «Бабур-наме» начинаются с событий 1494 года, с изображения Ферганской области. Автор, рассказывая об области Исфара, уделяет особое внимание истории захвата Мавераннахра Шейбани-ханом: «Мухаммед Шайбанийхан с султаном Махмудханом наносили поражение Олачхону и, когда он завоевал Ташкент и Шахрухии, приехал в Кабул, где, несмотря на трудности, превратил этот город в процветающий» [2, 7].

В книге «История Рашидий», которую мы можем назвать «второй» «Бабур-наме» на персидском языке, также приведено доказательство трудных времен в Сохе и Хушьяре: «Шах отправился в горы к югу от Ферганы и испытал много затруднений. Мать короля также сопровождала его. Большинство придворных шаха были также со своими женами. Благочестивый имам, лучший из лучших,

эмир мусульман Хазрат Али (пусть Аллах освещает его лицо светом веры), упомянул слова Пророка: “Путешествие есть часть ада”. Бедствие, вражда и угнетение коварной судьбы, которые приготовила для каждого святого и благородного человека, жестокости небес во время странствия, были возложены на плечи Бабура и его приближённых» [8].

Эти события описываются в книге Хуршида Даврона «Воображение Самарканда» так: «Мирза Бабур жил около года на склонах Соха, затем пересёк горы и реки со своими людьми и направился в Кабул». Стремясь к своей цели, он ни в чём не находил покоя. День и ночь, следуя по дороге верхом на лошади, повторял двустишие Алишера Навои:

Хорошо, если найдётся цель, но что делать, если нет?
К какому месту мне уносить голову?
(Мақсуд топилса яхши, йўқса нетайин,
Бошимни олиб қай сори эмди кетайин?)

«Хорошо если найдётся цель, – повторяли шёпотом его побледневшие от усталости губы, – хорошо если найдётся цель...» Эти слова горечи свидетельствовали о жестоких пытках, таящихся глубоко в его сердце. Бабур Мирзо был морально готов испытатъ нравственные страдания своего сердца – покинуть свою Родину.

В статье Пиримкула Кадырова «Люди, потерявшие свой родной язык, потеряют свою духовную Родину» особо подчеркивается, что Бабур провел два года в изгнании в Сохе и Хушьяре. Люди из местечка Сух, имена которых зафиксированы в «Бабур-наме», позже прибыли в поисках Бабура в Индию, и им была устроена встреча с большими почестями со стороны самого Бабура. И это утверждают потомки Сухцев как исторический факт. В «Бабур-наме» это событие описывается следующим образом: «В субботу, в шестой день месяца, состоялась свадьба. На свадьбе присутствовали послы племени красноголовых, узбеков и индийцев. Ещё были гости из Андижана, когда-то помогавшие в изгнании Бабура, также из Соха и Хушьяра, которым дарили одеяния и драгоценности. Помимо этого, нукерам Шейха икахмарда приносили дары таким образом». [2, 323-324].

Таким образом, можем сделать вывод, что жители сел Соха и Хушьяра, упомянутые в «Бабур-наме», присутствовали на свадьбе Бабура в Индии, вдали от Ферганы, в 1528 году и получили ценные подарки, проявили к нему большое уважение и почтение во время своего пребывания в Сохе и Хушьяре.

Писатель Пиримкул Кадыров призывает историков изучить важный вопрос, связанный с Бабуром и Сохом: «Об изгнании Бабура из Соха и Хушюра в Хорасан появилась знаменитая легенда «Олтин бешик» («Золотая колыбель»). Его сын, оставшийся в колыбели, впоследствии стал уважаемым человеком, а после смерти был похоронен в особом мавзолее возле Коканда. Было бы хорошо, если бы наши историки выяснили, на сколько эти рассказы совпадают с жизненной реальностью» [3].

Известно, что у Бабура было четыре сына: Хумаюн Мирзо, Комрон Мирзо, Аскарий Мирзо, Хиндол Мирзо. Однако легенда гласит, что у него был еще один

сын. Младенца, оставившего в золотой колыбели, нашёл и воспитал аксакал племени Минг. Легенда о «Золотой колыбели» послужила причиной захвата Кокандского ханства племенем Минг. «Золотая колыбель» – легенда о династии Минг, которая управляла Кокандским ханством. В 1512 году Бабур сбегает из Самарканда в Индию через Фергану, и одна из его жен, Саидофок, рожает сына. Беженцы были вынуждены оставить ребенка. Его поместили в колыбель с драгоценностями и дорогими вещами, а затем он был оставлен на попечение одного из его верных слуг, который должен был сообщать Бабуру о судьбе ребенка. В то время в этом районе были племена узбеков, которые называли себя *сорок* (*кырк*), *кипчак*, *кыргыз* и *минг*. Представители одного из этих племен нашли ребенка и назвали его Золотой Колыбелью. Мальчика включили в ряды племени минг. Когда Золотая Колыбель стал совершеннолетним, ему разрешили жениться на одной девушке из каждого племени (сорок, кыпчаков, кыргызов и минг). Старшая жена из племени минг рожает ему единственного сына. Ребёнок был назван Тангриор, иначе Худаяр, или элок Султаном. Бабур не упоминает о Золотой Колыбели в своих произведениях, и его современники тоже не упоминают об этом. Поэтому возможно, что эта история носила вымышленный характер и была придумана представителями династии Кокандского ханства, чтобы связать своих предков с Бабуром и укрепить свою власть.

Согласно повествованию, Золотая Колыбель умер в 1545 году. Его сын Тангриер позже стал правителем Ферганы, но его звали не Хан, а бий. Это имя носили его потомки до Алимхана. Можно предположить, что последний правитель Кокандского ханства Саид Мухаммад Худоярхон Шералихон являлся последним представителем рода Золотой Колыбели и произошел, таким образом, от султана Бабура и его жены Саидофок. Эта родословная связана с предками султана Бабура с великим амиром Тимуром Курагоном. Об этом повествуют многочисленные авторы прошлого в своих произведениях. Например, в таких произведениях, как «История Шахрухи» Ниязмухаммад ибн Авазмухаммада, «Ансобу-с-салотин и тавориху-л-хавоцин» («Происхождение Султанов и история каганов») Мирзо аль-Муширфа, «История джадидаии Ташкента» («Новая история Ташкента») Мухаммеда Салиха Ташкендия, «Полная история Ферганы» Фозилбека ибн Отабека, «Рассказы о ханах Ферганской области» Мухаммеда Аминбека ибн Худойорхона, русского историка Владимира Наливкина «Краткая история Кокандского ханства» и др.

Также эту точку зрения высказывали некоторые известные авторы. Амир Умархон эпиграфом своего дивана пишет: «Бу ошуфта тасвидот роқими ва бу паришон абёт нозими андоқ баёни ҳол ва шарҳи мофилбол қилурким, вужудим гулбуни Темур Кўрагон гулистонини шажарасини самарасидур, асолат бўстонида иззат баҳорининг обу ҳавоси тарбияти бирла бош чекиб, нашъу намо пайдо қилди ва хилқатим ниҳоликим, Бобур Султон чаманининг навбодасидир». [9, 19] В эпиграфе своего дивана он художественно отобразил становление и равитие личности Мирзо Бабура как продолжателя и самого яркого представителя династии Тимура Курагони.

Мы видим, что эта мысль нашла отражение и в газелях Нодирабегим. Например, в одной из них она писала:

Я из семьи потомка-скитальца Бабур-шаха,

О боже, да будет милостью божьей; моим родным…

Тем самым она подтверждает родство с ним.

В то же время, отвергая эти мысли, многие исследователи считают историю о «Золотой колыбели» легендой. Есть те, кто считает «Золотую Колыбель» не легендой, а реальным фактом. Другими словами, жизнь Бабура полна таких тайн, которые можно охарактеризовать следующими строчками: «Хотя это повествование кажется нам легендой, оно не далеко от правды».

Литература

1. Алламбергенов А. Ж. Синтез исторической правды и художественная интерпретация в исторических романах : на примере исторических произведений К. Мамбетова. – Т., 2012.
2. Бабур З. М. Бобурнома. – Т . : Юлдузча, 1989. – Б. 367.
3. Кадыров П., Содик Ш. Беседа П. Кадырова и Ш. Содика : комментарий // Журнал Молодежный. – 1989. – № 5. – URL : http://ziyouz.uz/index.php?option=com_content&view=article&id=6815:2014-10-[8]-05-50-45&catid=501:2013-05-20-06-46-09&Itemid=123 (дата обращения – 20.02.2020).
4. Каюмов Пулатжон. Tazkirai Qayyumiy. – Т., 1998.
5. Суфи, Хаким. Сох Амулет. – Т .: Новое поколение, 2007. – Б. 221.
6. Суфиев О. Х. Дехвайрон андар сухи бостон. – Т. : Навруз, 2011. – Б. 143.
7. Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. – М., 1875. – Б. 160.
8. Хайдар, Мирза Мухаммад.Тарих-и Рашиди [Электронный ресурс] / пер. Вахоба Рахмонова и Янглиша Егамова. – Урумчи : Синьцзюнь, 2007. – URL: http://e-tarix.uz/milliyat-insholari/194-tarixi-rashidiy.html (дата обращения – 20.02.2020).
9. Эмир. Девон. – Т. : Наука, 1972.
10. Юсупов Шариф. Смерть Худаёрхана [Электронный ресурс]. – URL: http://e-tarix.uz/maqolalar/489-maqola.html (дата обращения – 20.02.2020).

© **Дусматов Х., Зоитова Ш.**, 2020

А. Г. Дустов,
ст. преп. Каршинского государственного университета,
г. Карши (Узбекистан);
М. А. Ганиев,
студент Каршинского государственного университета,
г. Карши (Узбекистан).

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ВЕЛИЧИН ИЗМЕРЕНИЯ, ИХ ЕДИНИЦ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Метрология (от греч. μέτρον – мера, измерительный инструмент + др.-греч. λόγος – мысль, причина) – наука об измерениях, методах, средствах обеспечения их единства и способах достижения требуемой точности. Предметом метрологии является извлечение количественной информации о свойствах объектов с заданной точностью и достоверностью; нормативная база для этого – метрологические стандарты [7]. Задача современной исторической метрологии заключается в освещении соответствия истории единиц измерения, применявшихся в различные периоды человеческой цивилизации, и нынешних единиц измерения, а также в доведении бесценного наследия наших предков до нынешних и будущих поколений. Прогресс метрологии зависит от развития производительных сил общества.

Наши предки, внесшие бесценный вклад в сокровищницу мировой науки, также известны испокон веков своими достижениями в создании фундамента такой науки, как метрология. Первоначально они нашли и применили на практике методы, необходимые для измерения таких величин, как время, длина, поверхность, объем и вес. В средневековой Средней Азии наряду с профессиональными представителями системы мер и весов существовали и исследователи в данной важной сфере.

Подтверждением данного аргумента служит такой пример, как достижения великого среднеазиатского математика, астронома и географа Ахмада аль-Фергани. В Западной Европе был известен под латинизированным именем Alfraganus. Он, как известно, первым в регионе в IX веке изобрел и использовал на практике прибор для измерения уровня воды рек – нилометр, а также написал такой известный труд, как «Книга о сооружении солнечных часов».

Также следует подчеркнуть, что в труде выдающегося среднеазиатского математика, астронома, географа и историка, основателя классической алгебры Аль-Хорезми «Краткая книга об исчислении аль-джабра и аль-мукабалы», есть часть, посвященная геометрии. Она так и называется: «О единицах измерения». В ней большое внимание уделяется расчетам и вычислениям, связанным с длиной, поверхностью и объемом. В ней приводятся подробные данные о применявшихся тогда единицах и приборах измерения, а также способах их практического использования. В «Книге о солнечных часах» («Китаб ар-рухама») Аль-Хорезми также приводятся ценные данные, имеющие отношение к сфере измерений.

Как утверждает российский ученый Ф. Ю. Зигель в своем известном исследовании «Русские астрономы и их работы», «знаменитый хорезмский ученый Аль-Бируни (973—1048) разработал новый оригинальный способ определения длины окружности земного шара, который дал возможность получить результаты, весьма близкие к современным. Им же подробно описано явление сумерек и зодиакального света. За много веков до Коперника Аль-Бируни высказал смелые идеи о возможности движения Земли, что свидетельствует о гениальности и смелости мысли этого великого узбекского ученого» [5]. Ему вторят такие российские ученые, как О. А. Мельников, Г. Г. Слюсарев, А. В. Марков, Н. Ф. Купревич: «...трудам Бируни астрономия обязана определением географических координат многих пунктов Средней Азии и конструкцией ряда астролябий. Бируни высказывал сомнения относительно неподвижности Земли в пространстве и считал, что движение планет легко объяснить, с одной стороны, движением Земли вокруг Солнца, а с другой, – обращением ее вокруг оси. Наконец, в XI в. он очень точно, методом понижения горизонта, измерил диаметр Земли» [5]. Естественно, эти и другие достижения гениального среднеазиатского ученого были бы невозможны без скрупулезного выполнения правил системы единиц измерения.

Наши предки, не ограничившись формированием основ единства единиц измерения, установили жесткий контроль за правильным соблюдением средств измерения. Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский, написавший в 1069 году на тюркском языке такой известный труд, как «Кутадгу билиг» («Наука быть счастливым»), призывал к совершенному знанию системы мер:

Во-первых, блюди чистоту серебра,

И проба пусть будет отменно добра [2, 416].

Он оставил такие практические рекомендации, как проверка чистоты драгоценных металлов, поверка весов и единиц веса на рынках, а также проверка золотых и серебряных монет, находящихся в обращении, на содержание драгоценного металла и обусловленный правилами вес.

Юсуф Хас-Хаджиб также привел ценные данные о таких важных фигурах в сфере средневековой метрологии, как мухтасибы (от арабского «мухтасиб» – контролёр, инспектор) – первоначально в исламских государствах контролёры мер и весов, следившие за порядком на рынках. Вот как Юсуф Хас-Хаджиб отмечает в своем главном труде «Наука быть счастливым»: «Еще мухтасибы есть. В общинах властно. Они вытравляют все то, что опасно» [2, 416].

Как сказано в священной книге Коран, «наполняйте меру полностью и не будьте в числе тех, кто недомеривает. Взвешивайте на точных весах, не убавляйте людям то, что им причитается, и не творите на земле беззакония и неправого дела» [10].

Как утверждается в ряде письменных исторических источников, в том числе являющихся трудами русских путешественников, за обвешивание или недомер предусматривалось строгое наказание.

Построенный Сахибкираном Амиром Тимуром в городе Шахрисабзе в течение 1380-1404 годов дворец Ак-Сарай отличается от многих аналогичных

сооружений своей сейсмоустойчивостью. Его можно считать одним из блестящих примеров применения на практике математических знаний в целом и единой системы мер и весов в частности [4].

Такую же высокую оценку можно дать и Самаркандской обсерватории, построенной в 1420-1429 годах одним из выдающихся потомков Амира Тимура – правителем Мавераннахра Мирзой Улугбеком. Средневековой историк Абдураззак Самарканди написал об этом известном сооружении следующее: «Здание построено, как основа силы, прочное, как величие. Фундамент и стены сооружены монолитно как гора, они до последнего дня не сдвинутся с места и не упадут» [4].

Другой известный предок Амира Тимура Захриддин Мухаммад Бабур в своем знаменитом произведении «Бабур-наме» приводит сведения о таких единицах измерения дистанции (длины), как «йигач», «курух», «кадам», «газ», «кариш», «шерри».

Йигач – около 6-9 километров. «Еще один город – Ош. Он стоит к юго-востоку от Андижана в четырех йигачах пути. Воздух там прекрасный; проточной воды много; весна бывает очень хороша» [1, 13].

Кадам – шаг, около 75 см. «В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Тимурбек сделал Самарканд столицей, до Тимурбека ни один государь, столь великий, как Тимурбек, не делал Самарканд столицей. Я приказал пройти сверху по внутренней стене крепости – вышло десять тысяч шестьсот шагов» [1, 73].

Курух – около 2 км. «...Мы выехали из Оша и в полночь встали против Чиль-Духтарана, в одном курухе от Андижана» [1, 153].

Шерри – около 2-3 км. «В одном шери к югу от Исфары среди холмов есть глыба камня, называемого “сенг-и аине”. Длина ее будет около десяти кари» [1, 15].

Также Захриддин Мухаммад Бабур приводит в своем вышеупомянутом произведении следующие интересные сведения: «Еще был Маулана Шейх Хусейн. Он хорошо знал философские и практические науки, а также богословие. Маулана Шейх Хусейн был очень близок к Султану Абу Саиду Мирзе и обладал при нем полной властью. Он имел отношение ко всем важным делам, происходившим во всех областях государства. Должность мухтасиба никто не исполнял лучше его» [1, 143].

Сотрудник академии правителя Мавераннахра Мирзы Улугбека, один из руководителей Самаркандской обсерватории Гиясиддин Джамшид ал-Коши в своем произведении «Арифметика калити» («Ключ к арифметике») приводит полные определения таких важных для нашей темы понятий, как измерение, мера, тело, линия, поверхность и другие [11].

Словом, такие знаменитые на весь мир ученые, как Авиценна, Абу Райхан Бируни, Мирза Улугбек и другие, использовав в своей деятельности систему местных единиц мер и весов, внесли заметный вклад в мировую цивилизацию. Архитектурные сооружения Самарканда, Бухары, Шахрисабза, Хивы, других

городов Узбекистана были построены на основе строгого соблюдения единства основных величин, их единиц и производных единиц [4].

Абу Райхан Бируни в своем знаменитом произведении «Канон Масуда» приводит сведения о таких единицах измерения дистанции (длины), как «мерило локтя»: «Сведения народов о величинах земних дуг расходится в зависимости то тех [мер длины], которыми они пользовались при определении расстояний. Нет такого места, жители которого, [приезжая к нам], не привозили бы с собой [мерило] локтя, отличающееся от того, что мы считаем мерилом, и [не только нам] трудно здесь учесть, но и достичь этого специально занимающемуся ими. Кроме того, эти [меры] не являются постоянными у них для [всех] веков и поколений, а меняются в короткие промежутки» [3, 429].

Как известно, по мере развития промышленной революции и ее такого важного фактора, как оживленные торговые связи между странами, произошел переход к единой метрической системе. 20 мая 1875 года в Париже дипломатические представители 17 стран подписали документы Метрической конвенции (фр. *Convention du Mètre*) – международного договора, служащего для обеспечения единства метрологических стандартов в разных странах. После того, как Российская империя установила свое господство в Средней Азии, постепенно произошел переход с местных средств и способов измерения на российские. В целом, Международная система единиц, принятая в 1960 г. на XI Генеральной конференции мер и весов (ГКМВ), явилась естественным развитием метрической системы мер. Она представляет собой когерентную систему, включающую в себя основные величины, их единицы и производные единицы.

В настоящее время в книжных фондах Узбекистана хранится более 100 тысяч древних рукописей. К сожалению, эти уникальные книги еще полностью не изучены, они ждут своих исследователей и читателей, в том числе интересующихся раскрытой нами темой [8].

В заключение подчеркнем важность следующего высказывания Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева: «Сохранение и изучение, передача из поколения в поколение исторического наследия является одним из главных приоритетов нашего государства» [9].

Литература

1. Бабур, Захир ад-Дин. Бабур-наме. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992.
2. Баласагунский, Юсуф. Благодатное знание / пер. Сергея Иванова. – М. : Наука, 1983.
3. Бируни А. Р. Избранные сведения. – Том 5 : Канон Масуда Часть 1. – Т., 1975.
4. Дустов А. Г. Метрология : [на узбекском языке]. – Т., 2008.
5. Зигель Ф. Ю. Русские астрономы и их работы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.astro-cabinet.ru/library/raiir/russkie-astronomy-i-ih-raboty2.htm. (дата обращения – 12.02.2020).

6. Мельников О. А. Современный телескоп [Электронный ресурс] / О. А. Мельников, Г. Г. Слюсарев, А.В. Марков, Н.Ф. Купревич. – М. : Наука, 1968. – URL: http://astro-cabinet.ru/library/Instrum/Teleskop_6.htm (дата обращения – 12.02.2020).
7. Метрология [Электронный ресурс] // Академик. – URL: https://dvc.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/96337 (дата обращения – 12.02.2020).
8. Мирзиёев, Шавкат. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии совета Министров Иностранных Дел Организации Исламского Сотрудничества // Народное слова. – 2016 года. – № 206 (6641), октябрь.
9. Мирзиёев, Шавкат. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису 22 декабря 2017 года. – Ташкент, 2018.
10. Османова М. Н. Коран : перевод смыслов [Электронный ресурс]. – Сайт Крымской Молодежи.
11. Рахмонкулова З. Хронология : [на узбекском языке]. – Ташкент, 2017.

© **Дустов А. Г., Ганиев М. А.**, 2020

Н. Жиянова,
ЎзДЖТУ, ўзбек тили ва адабиёти, кафедраси доценти (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена анализу нумеративов, используемых в произведениях Захириддина Мухаммада Бабура. «Слова счета» имеют особое значение для изучения становления и развития узбекского литературного языка, его грамматических и семантических особенностей. Эта лексическая категория часто используется в классических литературных произведениях. В статье приводится подробный этимологический анализ нумеративов, которые встречаются в сочинении Бабура «Бабур-наме».

ЗАХИРИДДИН МУҲАММАД БОБУР АСАРЛАРИДА НУМЕРАТИВ СЎЗЛАР ВА УЛАРНИНГ ЭТИМОЛОГИК ТАҲЛИЛИ

Ўзбекистон мустақилликка эришгач, халқимизнинг тарихий меросини ўрганишга бўлган эътибор янада кучайди. Мумтоз манбалар тилини ўрганиш ва тадқиқ этиш ишлари бўйича кенг кўламли изланишлар амалга оширилди. Кўпгина тарихи ёзма обидалар, уларнинг тили тадқиқ қилинди. Чунки улар халқ маданияти ва маънавиятининг таркибий қисми ҳисобланади. Мумтоз манбалар тилини ўрганиш ёш авлод онгини маънавий юксалтиришнинг муҳим омилларидан биридир. Мумтоз адабий асарлар тилини таҳлил этиш, тарихий сўзларнинг этимологиясини билиш ва бугунги ёш авлодга ўргатиш зарурдир. Чунки келажаги буюк давлатни қуриш учун авлодлар тарихини, унинг маданияти, маънавияти, адабиёти ва тилини билиш муҳим саналади. Зеро, ўтмишсиз келажакни қуриб бўлмайди. Келажак пойдевори доимо кўҳна тарихимиз илдизлари билан чамбарчас боғлиқдир.

Ўзбек адабий тилининг шаклланиш ва ривожланиш йўлларини назарий жиҳатдан асослашда бизгача етиб келган тарихий манбалар тилида қўлланилган турли луғавий бирликларнинг маъновий хусусиятларини ўрганиш муҳим аҳамиятга эгадир. Ҳисоб (нумеративлар) сўзлари ҳам шундай бирликлар сирасига киради.

Бизга маълумки, тилшуносликда сон сўз туркуми билан бирга ҳисоб сўзлари ҳам ўрганилади. Бундай сўзларнинг қўлланилиши қадим-қадимга бориб тақалади. Ҳисоб сўзларнинг маъновий турлари кенг бўлиб, мумтоз адабий асарлар тилида қўлланилган. Ушбу мақоламизда З. М. Бобурнинг «Бобурнома» асарида қўлланилган айрим ҳисоб сўзларининг этимологик таҳлили хусусида фикр юритмоқчимиз.

Ҳисоб сўзлар узоқ даврлардан бери қўлланилиб келинмоқда. Ҳатто, қадимда ўлчов бирликлари шаклланмаган даврларда ҳам одамлар ўз ҳаётий эҳтиёжларидан келиб чиққан ҳолда, маълум предметларнинг номини ўлчов бирлиги сифатида қўллаганлар. Бу ўлчов бирликлари эса турли давр ва худудларда ҳар хил қийматни ифодалаб келган. Қўлланилиши жиҳатидан ҳам бир-бирларидан фарқланган.

Ҳисоб сўзлари ўзбек тилининг грамматик қурилишини ўрганишда, лексик-семантик хусусиятларини тадқиқ этишда муҳим ўрин тутади. Алишер Навоийгача ва у билан бир даврда ижод этган, шунингдек, Навоийдан кейин адабиёт майдонида қалам тебратган шоир ва ёзувчилар асарлари тилида ҳисоб сўзлари жуда ҳам кўп қўлланилган.

Жамият тараққиётининг илк даврларида, ҳали ўлчовнинг муайян системаси шаклланмаган пайтларда кишилар кундалик эҳтиёжи учун зарур нарсаларнинг оғирлигини, узунлигини, миқдорини, кеча ва кундузга мансуб вақтнинг маълум аниқлигини, у ёки бу манзилнинг оралиқ масофасини аниқлашга ҳамда белгилашга эҳтиёж сезганлар. Кўпинча бундай аниқликни тахминий бўлса-да, маълум бир сўзлар билан аташган. Бундай аниқликни инсон имкониятлари доирасида ўз даврида қиймат ифодаловчи бирлик сифатида фойдаланган. Ҳозирги кунда оғзаки нутқда қўлланилиб келинаётган тахминий

ўлчамни англатадиган **қадам, қулоч, қарич, энлик** каби ҳисоб сўзлари жамиятнинг илк даврларида ҳам айнан шу маънода қўлланган. Бундай лексик бирликлардаги яшовчанликнинг сири ҳам улар англатган денотатнинг қулайлигида, бу ўлчам воситаларининг ҳамиша инсон билан бирга мавжудлигида яширингандир. Масалан, **қадам** ҳисоб сўзи қадамлаб ҳисоблаш мумкин бўлган бирор нарсанинг, у ёки бу объект оралиғидаги масофанинг ўлчамини ҳам аниқлашга хизмат қилган. **Қулоч** ҳисоб сўзи рўзғор учун керакли турли узунликдаги предметнинг аниқ ўлчамини ҳам, дарахтнинг йўғонлик ўлчамини ҳам тахминий даражада аниқлашга хизмат қилган**. Қарич** ҳисоб сўзи кичик узунликдаги нарсаларни ўлчашга қўл келган**. Энлик** ҳисоб сўзи бирор нарсанинг кенглигини ёки узун-қисқалигини тахминий ўлчаш имконини берган. Шунингдек, **туш, оқшом, субҳ, тонгда, кеч** каби нутқий бирликлар ҳам қадимдан то бугунги кунгача тахминий вақт бирлиги сифатида қўлланилиб келинмоқда. Булардан ташқари, йўл узунлигини ифодалашда **чақирим, кўз етар ер, кўз кўрар ер каби сўз ва бирикмалар ҳам** қўлланилган. **Чақирим** соғлом инсоннинг овози етган ергача бўлган масофани билдирган. Шунингдек, пул бирлигини ифодаловчи **танга, ашрафий, донге, фулус, йрамоқ, динор, дирҳам, шоҳруҳий** каби ҳисоб сўзлар ҳам қўлланилган. Бундай ҳисоб сўзлари бошқа мумтоз адабий асарлар тилида ҳам мавжуд.

Кейинчалик кишилик жамиятининг ривожланиши, турли иқтисодий муносабатлар туфайли ўзаро товар айира бошлашнинг пайдо бўлиши, аниқ миқдорий ўлчам воситаларига бўлган эҳтиёжни кучайтирган. Натижада муайян ҳудуд доирасида ўзаро келишувга асосланган аниқ миқдор ифодаловчи ҳисоб сўзлари ҳам пайдо бўлган. Бу ҳол борган сари такомилга эга ўлчов воситаларини юзага келтирган. Келишувга асосланган аниқ қиймат ифодаловчи ҳисоб сўзлари фақат бир ҳудуд доираси учун хизмат қилган. Бошқа ҳудуд доирасида эса бошқа қийматни ифодалаган. Бундай қўлланиш ҳисоб сўзларининг қиймат ифодасидаги ҳар хилликнинг юзага келишига олиб келган. Натижада мумтоз асарлар тилини ёритувчи луғатларимизда ҳисоб сўзларининг қиймат ифодасида ҳар хиллик мавжуд.

Тарихдан бизга маълумки, қадимда пул бирлиги сифатида, асосан, тангалар ишлатилган. Улар олтин, кумуш ёки мисдан ясалган ва англатган қиймати ҳам шунга мувофиқ ҳолда бир-биридан фарқ қилган. Тангаларнинг қиймати тангага кетган олтин, кумуш ёки миснинг оғирлик даражаси ҳамда металлининг қадри билан белгиланган. Шунинг учун ҳам худудий қиймати бир хил эмас. Демак, танга қандай предметдан ясалишидан қатъий назар ўз даври ва худуди учун аниқ пул бирлиги сифатида муомалада бўлган. Мумтоз адабий асарлар тилида пул бирлиги сифатида **ашрафий, шоҳруҳий, оқ ёрмоқ, ярмоқ, танга, фулус, донге** каби ҳисоб сўзлари қўлланилган. Юқорида келтирилган пул бирлигини ифодаловчи сўзларни А.Навоий, Лутфий, Саккокий, Бобур, Махмур, Фурқат, Муқимий каби мумтоз адабиёт вакиллари асарларида учратиш мумкин. Булардан ташқари, М.Кошғарий, Юсуф Хос Ҳожиб асарларида ҳам қўлланилган. Айниқса, Бобур асарларида пул бирлигини ифодаловчи ҳисоб сўзлари жуда кўп қўлланилган:

АШРАФИЙ сўзи эски пул бирлиги бўлиб, червон қийматига тенг бўлган. Бу сўз ўн сўмлик (10 сўм) пул қийматини англатган: *Алихон чиқиб, бир пора ашрафий пешкаш қилди*. Червон 1922-1947 йилларда ўн сўмликни англатган. Баъзи манбаларда қайд этилишича, ашрафий Эроннинг миллий олтин пули бўлган. Бу нарса Техронда чоп этилган “Луғатнома”да ҳам қайд этилган. Бу сўз тарихи ҳақида Эрон тилшунослари орасида икки хил қарашлар мавжуд:

1. Ашраф афғон Фотиҳи Исфаҳон ХП асрда шу тангани бостирган. Шунинг учун пул унинг номи билан юритилади.
2. Бу пул ашраф ойида зарб этилган.

Аммо бу маълумотлардан қатъий назар, Эрон ашрафийси уч хил бўлган:

1) бир туман, яъни бир мисқол тилло;

2) беш минг туман, яъни ярим мисқол тилло;

3) икки туман, яъни тўрт ярим мисқол тилло.

Бошқа мамлакатларда ашрафийни «лира» деб ҳам номлашган. Бу сўз XIX аср манбаларида сийрак бўлса-да учрайди. «Ғиёс ул-луғот»да у олтин ақча яъни, 10 моша миқдорида бўлганлиги қайд этилган. **Ашрафий** мумтоз асарлар тилини акс эттирувчи луғатларда оддий ва мавҳум **«олтин пул», «тилла», «ақча»** деб берилган. Аммо, ақча қанча қийматга эгалиги кўрсатилмаган. Гулбадан Бегимнинг «Хумоюннома» асарида ҳам Ҳиндистонда XVI асрда истеъмолда бўлган ўлчов бирликларидан пул қийматини ифодаловчи **ашрафий ва шоҳруҳий** кўп қўлланган. **Ашрафий** Ҳиндистонда узоқ вақт муомалада бўлган ва бугунги кунда ҳам халқ тилида сақланиб қолган.

ШОҲРУҲИЙ сўз Амир Темурнинг тўртинчи фарзанди Шоҳруҳ номи билан боғлиқ. У 770 ҳижрийда дунёга келган. 20 ёшида, яъни 799 ҳижрийда Хуросонни бошқарган. Маданият ва қадриятларга катта эътибор берган. Айниқса, санъатни, илм-маърифатни жуда қадирлаган. Хурсонни гуллаган мамлакатга айлантириш учун бутун кучини сарфлаган. Ўз номига танга зарб эттирган. 43 йил ҳукмронлик қилиб, 73 йил умр кўрган. Эронда 5 динор қийматга эга бўлган бу пул руслар пули билан солиштирилганда, тахминан 40 тийинга

(копеека) тенглиги қайд этилган. Бобур шундай ёзади: *Кобулнинг жамъини вилоят ва тамғо ва саҳронишини била секкиз лак шоҳруҳий жамъ қилдилар*.

ОҚ ЁРМОҚ//ЁРМОҒ//ЙАРМОҚ//ЯРМОҚ. Мумтоз адабий асарлар тилида пул бирлиги сифатида қўлланилган: *Фуқаро ва масокинга бир пора ярмоқ улашиб, ўрдуға келдилар; Бек ва беғот улуғ-кичик сочиқ келтурдилар, қалин оқ танга ўқулди, ондин бурун онча қалин оқ ёрмоқни бир ерда кўрулмайдур эди, хейли яхши тўй бўлди*. XIII-XIV асрлар туркий адабий ёдгорликлар тилида бу сўз **йармоқ** шаклида учрайди.

Бу туркий сўз Навоий асарларида ҳам қўлланилган. Қадимда туркий халқлар мис тангаларни **йармоқ** деб аташган. Бу сўз Замахшарий, Юсуф Хос Ҳожиб асарларида ҳам қўлланилган. М. Кошғарийнинг «Девону луғотит турк» асарида эса **jarinmoқ (йаринмоқ)** шаклида учрайди. Унинг **йармоқ (jarmoқ)** шакли ҳам бор. **Jarinmoқ (йаринмоқ)** шакли, асосан, уйғур тилида қўлланилган. Мумтоз асарлар тилида оқ ёрмоқ, йармоқ, жармоқ, жаринмоқ шаклларда пул бирлиги сифатида қўлланилган.

ТАНГА сўзи XIX асргача асл маъносида қўлланган. XIV-XV асрларда 3,25 граммга тенг бўлган ва кумушдан ясалган. **Танга** Бухоро хонлигида 15, Қўқон хонлигида эса 20 тийинга тенг бўлган кумуш пул бирлиги бўлган. Ж.Амансариевнинг ёзишича, туркманларда 1 танга марказий диалектларида 20 копуг, баъзи диалектларда 12 копуг, ҳатто айрим диалектларда 60 копугни англатган. Этимологик луғатларда қайд этилишича, **танга** аслида **тамға**, яъни **белги** сўзидан олинган бўлиб, XIII-XIV асрларда туркий тиллардан рус тилига **деньга, деньги** тарзида ўзлашган.

Фин туркологи М. Рясянен фикрича, тунгус тилидаги denke (соболь) сўзи ханти-мансий тилларидаги «олмахон» ва «тийин» (копейка) сўзлари билан алоқадор бўлиб, бу сўз мўғул тилига tenke, туркий тилларга tanka тарзида ўтган: *Бовужудким, Кулол йиқилиб эди, маъюс қилмай анга ҳам сару пой ва уч минг танга инъом бўлди*.

Хивада бир танга 32 пул, қора танга – 16 пул (10 тийин); Уйчида йэмтэ (ярим танга) – 10 тийин, бештэ: - бир сўм, бир йэмтэ: - 30, уштэ:-60, тэттэ:-80 тийинга тенг бўлган.

Пул форсча сўз бўлиб, у Рабғузийнинг асарларида учрайди. Будаговнинг фикрича **пул** термини грекча **полус** ва арабча **флус капека, чақа** маъносини ифодалаган. А. Навоийда бу сўз 1) пул; 2) капитал; пул бирлиги, ойлик маъноларида қўлланган. Бугунги кунда ҳам майдаловчи пул бирлиги сифатида қўлланилмоқда.

ФЛУС//ФУЛУС сўзи қадимда мис тангаларнинг номини англатган. Бу сўз мумтоз адабий асарларда **фулус**, **флус, феълс, фалъс** шаклларда қўлланилган. Айрим луғатларда эса **фалс** шаклига ҳам эга.

В. М. Беркутовнинг фикрича, қадимда туркий халқлар мис тангаларнинг оғирлиги ва қийматига қарамасдан ҳаммасини **пул** деб атаганлар. **Пул** сўзи мис танагаларнинг номи сифатида Сибирда ва форсларда қўлланган. Туркий пул сўзи лотинчада cfalilis – фалъс (мис) деган маънони англатган. Туркий халқларда *Ф* фонемаси (товуши) ўрнида *П* фонемаси (товуши) қўлланганлиги сабабли пул

атамасининг келиб чиқишига асос бўлган: *Шаҳардин ҳар нима ротибаким, тайин қилиб эдилар, андин ўзга бир флус ҳеч мамардин Султон али мирзоға тегмас эди*.

Ушбу сўз луғатларда **мис танга, қора пул, балиқ тангаси** ёки **майда мис танга** тарзида изоҳланган. Ироқда **флус** динорнинг 1/1000 қисмига тенг бўлган. **Фулус** сўзи дастлаб «Гулистоний»да учрайди, бошқа туркий ёдномаларда қўлланилмаган. Асосан, **танга, чақа**, маъноларида қўлланган.

ДОНГЕ сўзи луғатларда **донге//данг//донг//данаг//данак** шаклларида учрайди. Данк кумуш танганинг 6/1 қисмини ташкил этиб, кичик майда танга вазифасини ўтаган. Оғирлиги тахминан 0,5 граммга тенг бўлган. В.Хинцнинг таъкидлашича, дангнинг арабча шакли даник бўлиб, олтидан бир (6/1) деган маънони беради. Оғирлик ва пул ўлчови бирлигида дирҳамнинг 6/1 қисми ёки мисқолнинг 6/1 динорига тенг бўлган: *Бухоро саркоридин донге кишиға бермас эди*. Араблар бу сўзни дониқ деб аташган ва кичик пул бирлиги сифатида қўллашган. У 6/1 дирҳамга тенглиги Замахшарий асарларида ҳам кўрсатилган. Булардан ташқари, араблар **озгина, арзимас** нарсани ҳам **донг** дейишган. «Мазҳабул асмо»да 6 ҳубба деб қайд этилган. Арабларда 6 ҳубба эса бир дона буғдой оғирлигини ифодалаган. Донг тассужнинг 4/1 бўлаги эканлиги ҳақида ҳам маълумотлар бор. Тассуж 2 та буғдойнинг оғирлигига тенг бўлган қийматни ифодалаган. Бу каби турли хил қарашларни барча луғатларда ҳам кўриш мумкин.

Юқорида келтирилган мисоллардан ҳам кўриниб турибдики, Бобур асарларида ҳисоб сўзлари жуда ҳам кўп қўлланилган. «Бобурнома»да қўлланилган ҳисоб сўзларини ўрганиш ва этимологик таҳлил этиш зарур. Чунки қадимдан қўлланилиб келинган ҳисоб сўзларининг даврлар асосида ўрганиш ва қийматини келтириб чиқариш, бу асар тилини тушуниб олишимизга ёрдам беради.

Хулоса ўрнида шуни айтиш мумкинки, мумтоз адабий асарлар тилида ҳисоб сўзлари жуда ҳам кўп қўлланилган. Бундай ҳисоб сўзларини келажагимиз бўлган ёшларга ўргатиш, этимологик таҳлилини ёритиб бериш амалий аҳамият касб этади. Чунки ота-боболари қўллаган ҳисоб сўзларини билишлари бу тарихий асарлар тилини таҳлил этишларига, тушуниб ўқишларига ёрдам беради. Шунингдек, жаҳон метрик системаси жорий қилингунга қадар қўлланилган ҳисоб сўзларининг қиймат ифодасини билиб олишади. Мумтоз асарлар тилида учрайдиган ҳисоб сўзларининг келиб чиқиш этимологиясини билишади.

Адабиётлар

1. Амансарыев Ж. Туркмен диалектологиясы. – Ашгабад : Туркменистан, 1970.
2. Бабур Захириддин Мухаммад. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Т., 1993.
3. Беркутов В. М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань, 1987.
4. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1989.
5. Ғиёсиддин, Муҳаммад. Ғиёс ул-луғот. – Душанбе : Адиб, 1988.
6. Дехҳода, Али-Акбар. Луғатнома : 14 жилдли. – Теҳрон : Теҳрон университети нашриёти, ҳижрий 1334.

7. Навоий асарлари луғати. – Т. : Ғафур Ғулом нашриёти, 1972.
8. Персидско-русский словарь. – М. : Сов.энциклопедия. – Т. 1. – М., 1970.
9. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955.
10. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – М., 1980.
11. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. – М. : Наука, 1970.

© **Жиянова Н.,** 2020

Н. Жиянова,
к. ф. н., доц. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЧЁТНЫХ СЛОВ В НАСЛЕДИИ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Изучение заимствованных счетных слов, использовавшихся в дошедших до нас письменных источниках, считается на сегодняшний день одной из серьёзных проблем в сфере истории языка. Их сбор и теоретический анализ являются важной задачей современной науки. Необходимо изучать конкретное значение слова, опираясь на временной период. Такой подход способствует правильному пониманию нами языка выдающихся литературных произведений.

Нумеративы используются на протяжении длительного времени. Даже в древности, когда единицы измерения еще не были сформированы, люди, исходя из своих потребностей, использовали в качестве единиц измерения названия некоторых предметов и частей человеческого тела. В исторических источниках есть сведения о том, что в качестве единиц измерения длины использовались человеческие или конские волосы. Применявшиеся единицы измерения обладали конкретным значением для своей эпохи и региона. Это можно рассмотреть также на примере счетных слов, использованных в языке всех выдающихся литературных произведений. Счетные слова отличаются между собой и тем, как они выражают значение, поэтому целесообразно изучать их, разделив на семантические группы. Счетные слова, использованные в выдающихся литературных произведениях, можно разделить на следующие тип: счетные слова, выражающие длину, вес, время, объем и денежную стоимость; нумеративы, выражающие измерение земельной площади. Эти счетные слова, применявшиеся веками, встречаются и на языке выдающихся поэтов, писателей, и в языке их литературных произведений. Рассмотрим некоторые заимствованные счетные слова, использованные в языке произведений Захириддина Мухаммада Бабура.

Учитывая власть Захириддина Мухаммада Бабура и его статус правителя, в распоряжении которого находилась огромная территория, равная Афганистану и Индии, ему требовалось вести учет расходов на управление такой большой страной, охрану государства и обеспечение социальной жизни и поступлений из разных областей в конкретных количествах. Об этом свидетельствует объяснение значений нумеративных (счетных) слов, обозначающих в произведении большое количество, посредством соотношения точных чисел. При этом особенно примечателен факт использования заимствованных нумеративов, чья роль в анализе наследия Бабура бесценна. Бабур сравнивает своеобразные стороны единиц измерения, использовавшихся в Средней Азии и в Индии, и их роль в выражении значения. Он комментирует применявшиеся в Средней Азии единицы измерения относительно их значения в Индии:

Четыре тысячи шагов – один миль;

Знай, что жители Хинда называют его курух [2, 323]

В произведении Бабура «Бабур-наме» очень часто используются заимствованные счетные слова, выражающие вес, время, длину, площадь поверхности, денежную стоимость, они использованы в качестве единиц измерения для определённого региона. А в другом регионе выражение значения частично отличается. В своём произведении «Бабур-наме» Бабур также рассуждает о различиях в выражении значения.

СИР//СЕР//САР (ф.). Это слово встречается в произведениях Бабура в следующем тексте: «Четырнадцать тула составляют один сар» [2, 266]. Или: «При отъезде Баки шгаула я обещал ему по одному сиру золота за голову каждого из этих старых негодяев. Кроме упомянутых милостей Мир Хама, был выдан один сир золота, согласно этому обещанию» [2, 284]. **Сир//сер// сар** – это слово на фарси (персидском), и означает оно 1/40 (одну сороковую). До 1935 года 1 **сер** был равен 74,24 граммам. В Иране же это составляло 75 граммов [13, 39].

В городах и областях Средней Азии слово **сир//сер** использовалось довольно часто. Как писал Е. А. Давидович, будучи применяемой на практике единицей измерения веса, слово **сир//сер** выполняло в городах и областях Мавераннахра роль счетного слова, выражающего основное значение. А в Средние века, будучи равным 1/40 мана (батман), оно чаще использовалось в Самарканде и Бухаре [4, 103]. Как писал А. Ишаев, **сар//сер** у индийцев равнялся 933,1 г, в Пенджабе и Тамиле – от 600 г до 1 кг, у персов – 74,24 г, в Афганистане – около 7,066 кг [6, 331]. **Сир//сер//сар** в Хорасане означало 15 мискалей. На сегодняшний день это 16 мискалей в Тегеране. Итак, единица измерения веса **сер** была равна 14 мискалям, а именно 41 табризскому ману [5, 2239]. А в «Персидско-русском словаре» значение определяется как 7,5 г.

ГАЗ (ф.). Это слово используется в произведениях Бабура в качестве единицы измерения и в основном встречается в словосочетаниях: «Говорят, он слетает вниз, с дерева на дерево, на расстояние полета стрелы» (1, 123). А в произведениях Навои это слово использовалось в двух значениях: 1. Растение тамариск; 2. Стрела без оперения для лука. Термин **газ** существует в тюркских языках Средней Азии и Казахстана (узбекский, туркменский, каракалпакский, киргизский, казахский), а также в таджикском, курдском, персидском языках и в хинди. Использовалось оно в качестве единицы измерения [6, 345]. Как писал В. Хинц, **газ (гез, гяз)** в переводе с персидского означает «запястье». В Иране **газ** также называли **зар, зера, араш**. В средние века **1 газ** равнялся 62 см, а в XVII веке в Барсе – 94 см. Также использовался **газ** для малых размеров, в основном его применяли при измерении ковров, шелка и дорогих тканей. Он был равен 63,16 см. На сегодняшний день в Иране есть один вид **газа**, он равен 104 см. [13, 63]. А в «Персидско-русском словаре» значение слова **газ** определяется как 150 см. [11, 1395].

Термины **газ** и **зар** использовались в Средней Азии в качестве синонимов. Согласно этнографическим сведениям, в хозяйственных делах чаще использовался **газ**. В юридической документации в равной мере применяли оба термина. Но относительно термина **газ**, термин **зар** применялся чаще. В Средней Азии было 3 типа термина **газ**:

1. Расстояние от кончиков пальцев до плеча, от кончиков пальцев до середины груди (или до кончика носа), от кончиков пальцев до второго плеча.
2. Будучи мерой по толщине пальцев, один **газ** был равен 24 пальцам.
3. Основывается на кулачной мере. При этом большой палец направлен вверх. Тогда 1 **газ** равен 7 кулакам. В некоторых случаях поднят только палец седьмого кулака.

В Хорезме в XIX веке было два типа **газа**: один из них использовался для измерения земельной площади, а второй – для измерения тканей. **Газ** для измерения земельной площади был равен 101,822 см, а **газ** для измерения тканей – 58,184 см.

В Бухаре в XVIII веке **газ** был равен 49,875 см. **Газ**, использовавшийся при строительстве, составлял 78,74 см. Подобные различия также встречались в Самарканде, Ташкенте и Фергане [4, 115-116].

В наследии Бабура и особенно в «Бабур-наме» также использованы нумеративы, выражающие измерение земли (поверхности), они применялись для конкретного значения определённого земельного измерения. Но и они отличаются между собой при сравнении на базе временных периодов и регионов.

ДЖЕРИБ//ДЖАРИБ (ф.). Это слово, встречающееся в языке произведений Навои и Бабура, в основном использовано в значении единицы измерения земли. По мнению В. Хинца, в позднем средневековье **1 джариб** равнялся 100 кв. касабам, а точнее 1592 кв. м. Одна касаба – 399 см. Этот **джариб** назывался у персов **малым джарибом** и равнялся 60-70 локтям. **Большой джариб** был равен 2/3 от 3 **малых джарибов**. В позднем средневековье **джариб** обозначал квадратный участок, каждая сторона которого была равна 32 2/3 **газа** – 1067 **кв. газов**. **Газ** был равен 4,745 см, или 1200 кв. м, как указывается в некоторых исторических произведениях [13, 73]. Как писал Е. А. Давидович, **джариб** применялся параллельно с танабом, **один джариб** в Средней Азии был равен 3600 **кв. газов** [4, 122]. А в Иране он обозначал 1 гектар. Персы в основном использовали **малый джариб**. **Малый джариб** обозначал площадь от 960 кв. м до 1600 кв. м. [13, 73]. В произведении Х. Султонова «Бабурийнома» **джариб** обозначен как площадь с длиною 60 метров и высотою 80 метров. Становится понятным, что в разные периоды **джариб** выражал разные измерения. В произведении это слово встречается в следующем тексте: «И каждому даётся по восемьдесят джарибов [земли]: из них сорок танабов можно использовать на своё усмотрение и считать своей долей, вне зависимости от того, хороший или плохой будет с той земли урожай, а при посевах на оставшихся сорока танабах положено дать корову» [1, 149]. В Иране **джариб шах** обозначал 1200 кв. м, а **джариб расм** – 760 кв. м [13, 73]. Опираясь на вышесказанное, мы примем **джариб** за 1200 кв. м, то тогда восемьдесят **джарибов** будут равны 96 000 кв. м. Если мы примем в расчет, что в «Словаре произведений Навои» указано, что это слово равно приблизительно 1 танабу, то умозаключения Е. А. Давидовича действительно кажутся более приближенными, так как и в произведении «Гиёс ул-лугот»

подчеркивается, что **джариб** равен значению, выраженному **газом** [7, 230]. А у индийцев 1 джариб равен 29 гаттханам или 50 м.

МУЗД (ф.). Это слово использовано в языке произведений Навои в форме **музд**, а в языке произведений Бабура в форме **мизд**. В древности **музд** обозначал разные платежи: а) **музди ужрат** – премия, выдаваемая за работу, тяжелый труд; б) **музди дандон** – кормили едой бедных и нищих, и сколько денег стоили те блюда, столько денег им же и раздавали; в) **музди тоат** – деньги, которые давались как награда за блогодеяние; д) оплата аренды; е) оплата взноса [5, 18321]. Это слово и в произведениях Навои, и в произведениях Бабура в основном использовалось в значении заработной платы, оплаты труда, платежа: «В этот день мы послали в Кабул за дынями, виноградом и плодами одного из нукеров магфура дивана, наняв сто пятьдесят носильщиков» [1, 247]. Отмечается, что в языке Хорезмских письменных памятников это слово также используется в значении **заработной платы**.

Также в качестве единицы времени применялись такие слова, как **пахр, пос, гири/гари, қисмат**. Подобные заимствованные слова использовались в качестве единиц времени.

ПАХР (х.). В словарях указывается, что слово **пахр** обозначает 3/1 дня и ночи, а именно промежуток времени, равный 3 часам. Если ночь равна 12 часам, и день равен 12 часам, то разделив день и ночь на 4, мы получим 3 часа. Можно также назвать это 1/8 суток. Но в результате всё равно получится 3 часа. В «Бабур-наме» это слово встречается в следующем тексте: «На исходе третьего пахра они привезли известие, что враги, проведав о нашем приходе, беспорядочно, без оглядки бегут» [1, 328]. Если слово **пахр** встречается в предложении вместе с числительным или со словами «день», «ночь», то оно выражает конкретный временной промежуток. В качестве единицы измерения времени слово **пахр** выражает значение часов и в современности сохранилось в народном языке Индии.

ПОС (ф.). В «Бабур-наме» это слово встречается в следующем тексте: «После первого вечернего паса мы вышли оттуда и, немного поспав по дороге, пришли в Фатхпур в Рапари, пройдя шестнадцать курух» [1, 256]. Слова **пахр** и **пос** считаются синонимами. Потому что в словарях единицы времени, которые они выражают, одинаковы. Например, в «Логатнаме» и в «Персидско-русском словаре» отмечается, что оба этих слова обозначают 1/8 суток или 1/4 часть ночи [6, 5084; 10, 263].

ГИРИ//ГАРИ (х.). Это слово относится к языку хинди, и в «Бабур-наме» встречается в двух формах **(гари//гири)**. В «Гиёс ул-лугот» даётся три значения слова **гари//гирини:** 1. Предмет, показывающий время, который можно надеть на руку или повесить на стену; 2. Промежуток времени, равный 24 (минутам) секундам; 3. Время, момент, период [7, 3]. А в «Кратком словаре для произведений Бабура» написано, что **гари//гири** – это единица измерения времени, равная 22 минутам 10 секундам [9, 30]. В древности для часов существовала специально изготовленная ёмкость, наполняемая медью. Потом ёмкость ставили под воду, и по прошествии 1 часа емкость в воде издавала звук.

И ёмкость, обозначавшую этот промежуток времени, тоже называли **гари**. Также словом **гари** называли часть суток. Эта часть была равна 22 минутам 30 секундам [5, 16817].

О **гири//гари** Бабур писал так: «Хиндустан тоже делят сутки на шестьдесят частей, каждую из которых называют гари» [2, 358]. Индийский народ разделил сутки на 60 частей, и каждую из этих 60 частей называли **один гари**. Следовательно, 1 **гири** выполнял задачу меры времени, равной 60 минутам. **Гари** и сегодня применяется в Индии в форме **гхари** и выражает значение минут.

КУРУХ (а.). Это слово для измерения расстояния обозначало примерно 2 км. [1, 380]. А в некоторых словарях оно даётся как единица измерения длины, равная 4 тысячам шагов [9, 164]. Автор «Гиёс ул-лугот» писал так: «У индийцев это называлось глазом. И это обозначало расстояние в 4 тысячи **газов**. В некоторых словарях также указано, что это 3 тысячи газов и каждый газ равен 2 зира (тирсак), а каждый зар – 8 гира. В некоторых трактатах, а также у греков и индийцев, есть различия в определении куруха. Мы написали основные выводы» [7, 167]. Та же мысль подчеркивается и в «Логатнаме»: «Курух – это 1/3 фарсаха, а это 3 тысячи газов. **Курух** арабы называли **куроъ**. Некоторые лексикографы трактуют **курух** как меру веса, превышающую 4 тысячи газов» [5, 16133]. Эта мысль присутствует и в произведении Бируни «Индия» [3, 135]. В «Бабур-наме» это слово встречается очень часто: «На следующее утро мы снялись с лагеря и, пройдя один курух, остановисись из-за коней на берегу Джуна» [2, 299]. Значения слова **курух** различались и по видам сыпучих веществ. Например, 1 **курух** пшеницы был равен 2925 кг, а 1 **курух** риса – 3656,25 кг. В некоторых местах значение слова **курух** вычисляли по значению мана. Для пшеницы за основу брали значение 1250 манов, а для ячменя – значение в 100 манов. Такая ситуация стала причиной появления разных взглядов на конкретное значение слова **курух**. Несмотря на это, по региональному использованию оно считалось нумеративным словом, выражающим конкретное значение. Потому что в языке выдающихся литературных произведений можно встретить **курух**, использованный в качестве единицы измерения длины.

Как мы видим, счетные слова играют заметную роль в изучении наследия З. М. Бабура. Потому что Бабур сравнивал между собой счетные слова, которые применялись в ту эпоху, и объяснял их различия. Выражение их значений также отражало те значения, которые были конкретными для своего периода и региона. А это свидетельствует о том, что счетные слова использовались в качестве народного достояния. На сегодняшний день необходимо изучать этимологический анализ счетных слов, использованных в языке выдающихся литературных произведений, сравнивать их на базе временных периодов, определяя их конкретные значения. Это поможет современным учащимся сформировать теоретические и научные взгляды на счетные слова, применявшиеся издревле, и понимать язык выдающихся литературных произведений. В особенности это поможет им в изучении наследия Бабура и в понимании значений единиц измерения, которые использовали наши предки.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Ташкент : АН УзССР, 1958. – 380 с.
2. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бобурнома = Бабурнаме. – Ташкент : Юлдузча, 1989. – 367 с.
3. Бируни. Ҳиндистон [= Индия]. – Ташкент: Фан. – Т. 2. – 1965. – 135 с.
4. Давидович Е. А. Материалы по метрологии Средневековой Средней Азии. – М. : Наука, 1970. – 144 с.
5. Деххода, Али-Акбар. Логатнаме : [в 14 т.]. – Тегеран : Данешгах-е Техран [= Издательство Тегеранского университета], 1334 год хиджры. – 21149 с.
6. Ишаев А. Ўзбек шеваларидаги метрологик сўзлар [= Метрологические слова в диалектах узбекского языка] // Ўзбек шевалари лексикаси [= Лексика диалектов узбекского языка]. – Ташкент : Фан, 1966. – С. 327-377.
7. Муҳаммад Ғиёсиддин. Ғиёс ул-луғот. – Душанбе : Адиб-Тадж., 1988. – 416 с.
8. Навоий асарлари луғати = Словарь произведений Навои. – Ташкент : Гафур Гулям, 1972.
9. Назарова Х. З. М. Бобур асарлари учун қисқача луғат [= Краткий словарь для произведений З. М. Бабура]. – Ташкент : Фан, 1972. – 3 с.
10. Персидско-русский словарь. – М. : Сов. энциклопедия. – Т. I. – 1970. – 783 с.
11. Персидско-русский словарь. – М. : Сов. энциклопедия. – Т.2. – 1970. – 848 с.
12. Фазылов Э. Хорезмские памятники XIV века : Т. I-II. – Ташкент : Фан, 1971. – 780 с.
13. Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. – М. : Наука, 1970. – 147 с.

© **Жиянова Н.**, 2020

Г. С. Журабаева,
преп. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан);
Н. Х. Шарафутдинова,
преп. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан)

ИССЛЕДОВАНИЯ ТОПОНИМОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ В «БАБУР-НАМЕ»

В изучении истории того или иного народа значительную роль играют собственные имена географических мест. Посредством названий человек осознаёт, кто он, к какой этнической группе, народу, нации исторически он относится. Благодаря именам он ощущает свою территорию, родину, племя, и на основании этого у него появляются чувства гуманизма и патриотизма. Конечно же, для этого существует ряд правил. Наименование, во-первых, должно правильно произноситься и писаться; во-вторых, вариантное название объекта не должно уходить далеко от своего первоначального значения; в-третьих, абсолютно нельзя менять названия, которые выражают историю народа и местность. Например, никак нельзя оправдать попытку изменения названий Куйи Чирчик, Урта Чирчик, Юкори Чирчик Тошкентской области на основании пролетарской идеологии.

В изучении названий, исходя из их первоначального значения, в определении их исторического изменения, как и все древние источники, «Бабур-наме» тоже имеет особое место.

Произведение «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура отражает особенности языка XV-XVI вв., как признают специалисты, является: «шедевром Центральной Азии, который дал развитие топонимике как самостоятельной науке» [2, 273]. Действительно, данное произведение является редкостным источником в изучении ономастики, в частности, исторических топонимов Узбекистана и Северного Афганистана – ономастики Хорасана в период правления Бабура. По данным наших наблюдений, в «Бабур-наме» зарегистрировано около ста географических названий Ферганской долины. В источнике можно приобрести ценные сведения о названии, этимологии и исторических вариантах множества топонимов данного региона.

Часть топонимов, употреблённых в произведении, осталась без изменений: они пишутся и произносятся так же, как и тогда: *Фергана, Андижан, Исфара, Хужанд, Ош, Сух, Варух, Хушьяр, Пап, Карнан, Санг;* ещё одна часть на данный момент употребляется с различным фонетическим изменением: *Маргинон – Маргилан; Рушдон – Риштан; Кандибодом – Канибадам; Косон – Касансай; Узганд – Узган; Кубо – Кува; Хўкон – Каканд; Насух – Нурсух; Навканд – Навкент; Архиён – Айкиран; Газнайи Наманган – Наманган; Пешхорон – Пешкурган; Гаво – Гава;* а другие топонимы изменили своё название в следствие социальных и политических причин: гора *Барокух – гора Сулейман; гора Мунугил – гора Мугул; степь Ха-дарвиш – степь Каракчикум; Между двумя водами (Миён Рудан) – Работак урчини.*

В свою очередь, можно прибавить, что в источниках X-XVI веков, а также в «Бабур-наме» большая часть названий водяных бассейнов именовались названием той территории, по которой они протекали, что характерно гидронимике данных монументов, позже некоторые из них изменили своё название. Например: *Ахси суйи – Касансай; Андижон руди (суйи) – река Акбура; Хўжанд суйи – Сырдарья.*

В произведении целостно изображены Ферганская долина и большие города, такие как *Андижан, Ош, Маргилан, Исфара, Хужанд, Ахси, Касан.* В исследовании характерных сторон этих мест Бабур подходил к каждому событию с точки зрения естествоведа, историка, этнографа, геоботаника и языковеда. Поэтому описание этих городов даны в определённой последовательности, то есть сначала географическое нахождение местности, потом климат, сельское хозяйство, растения, ископаемые ценности, животные и описание населения [2, 195].

Кроме этого, в процессе раскрытия своеобразных сторон местности автор даёт сведения и об оронимии, гидронимии, ойкодонимии, некронимии и фитонимии места. Это, в свою очередь, служит для совершенного представления о той или иной местности, также обеспечения всевозможности и достояния ономастики произведения:

1. Отражаются имена, а также некронимы маленьких гор, городков, степей, находящихся на территории города: «Исфара – гористая область из четырёх булуков. Один называется Исфара, другой Варух, третий – Сух, и четвёртый – Хушьяр… У подошвы горы Бара-кух, между горой и городом стоит мечеть, называемая Джуаза ..., каждый путешественник и странник, проходя, отдыхает там» [1, 31].

2. Приводятся сведения о названии гор, составляющих часть орономии: «К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-кух. В последние годы жизни Омар Шейха мирзы на этой горе нашли камень с белыми и красными прожилками; к северу от крепости и реки стоит гора, называемая Муту-гил; говорят, на этой горе находятся бирюзовые месторождения и другие рудники». [1, 30-31]

3. Указываются гидронимы территории, то есть названия «проточных вод»: «Река Андижан, пройдя через предместья Оша, течёт в Андижан … Река Сейхун, известная под названием Воды Ходженда, приходит в Фергану с северо-восточной стороны; пройдя через эту область, она течёт на запад» [1, 29-30].

4. Приводятся фитонимы – собственные имена растений: «Плоды там очень хороши, ходжентские гранаты славятся своим прекрасным качеством. Как говорят: “Самаркандские яблоки”, так говорят: “ходжентские гранаты” … Дыни здесь бывают хорошие; есть один сорт дынь, называемый миртемурий; неизвестно, существуют ли ещё где-нибудь в мире такие дыни» [1, 31-32].

5. В произведении указаны имена знаменитых личностей, а также их псевдонимы, связанные с местом их рождения и житья: «Ходжа Юсуф – прославленный музыкант, известен как Андиджаний … Ахсикета так же, как и поэта Асир ад-дина, называют Асир ад-дин Ахсикетти» [1, 30-31].

6. Отмечаются взгляды на происхождение населения: «Жители Андижана – все тюрки; в городе и на базаре нет человека, который не говорил по-тюркски. Говор народа сходен с литературным… Жители Маргилана – сарты; это драчливый и беспокойный народ ... большинство знаменитых кулачных бойцов в Самарканде и в Бухаре – маргиланцы» [1, 30-31].

Ещё одна драгоценная сторона «Бабур-наме» в том, что в ней использован сравнительный метод. В частности, в книге даны первоначальные названия географических объектов, а также названия этих же объектов во время правления Бабура: «Река Сейхун известна, как Воды Ходженда; Один из городков на северном берегу реки Сейхун – Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсикет» [1, 29-30].

Также в произведении приводятся рассуждения об этимологии топонимов *Ха-Дервиш*, *Канд-и Бадам*, касающиеся долины.

Канд-и Бадам – «это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходен; по этой причине [Канд-и Бадам] и назван таким именем. Весь его миндаль идёт в Хурмуз и в Хиндустан» [1, 31].

Ха-Дервиш: «Между Ходжендом и Канд-и Бадамом раскинулась степь, называемая Ха-Дервиш. В степи этой всегда дует ветер; на восток в Маргинан мчится ветер оттуда; на запад, в Ходженд, ветер постоянно дует оттуда. Сильные бывают там вихри. Говорят, будто несколько дервишей попали в эту пустыню в сильный ураган. [Их разметело], и они не могли найти друг друга; стали кричать “Ха, дервиш, ха, дервиш”, и пока все не погибли. С тех пор эту пустыню и называют Ха-Дервиш» [1, 31].

Произведение «Бабур-наме» является ценным источником языкознания в сфере ономастики, этимологии и лексикографии. Сведения о географических названиях имеют важное значение для исследования происхождения и номинативно-мотивационных свойств топонимов Ферганской долины.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Boburnoma [= Бабур-наме]. – Toshkent : Yangi asr avlodi, 2015.
2. Кораев С. [Qorayev S.] Toponimika. – Toshkent : O’zbekiston faylasuflari milliy jamiyati, 2006.
3. Ҳасанов Ҳ. Сайёҳ олимлар. – Тошкент : Ўзбекистон, 1981.
4. Ҳудуд ул-олам. – Тошкент : O’zbekiston, 2008. – Истахрий : Китоб ул-масолик вал-мамолик. – 1 жилд.

© Журабаева Г. С., Шарафутдинова Н. Х., 2020

О. Р. Журабоев,
к. ф. н., доц., зам. директора по науке
Государственного музея Литературы им. Алишера Навои АН РУ,
г. Ташкент (Узбекистан)

ЛИРИКА БАБУРА: РУКОПИСИ, ТЕКСТ ДИВАНА И ЕГО СОСТАВЛЕНИЕ

Захириддин Мухаммад Бабур (1453-1530) – одна из крупных фигур Восточной классической литературы. Он также плодотворно творил в лирических жанрах. У него есть **دیوان** *(«диван»)* – стихотворный сборник, состоящий из таких произведений.

В истории литературы, созданной в XX веке, сказано: «Бабур создал два дивана, один на узбекском языке, а во втором собраны стихи на персидско-таджикском языке» [1, 646]. Далее: «Бабур собрал своё лирическое наследие в два дивана, один из них был составлен в 1519 году в Кабуле, мы условно назовём его Кабульским диваном, второй был составлен в 1528-1529 годах в Индии, учёный С. Азимджанова назвала его Индийским диваном Бабура и издала. Однако утверждается, что до сих пор Кабульский диван неизвестен» [2, 54]. Таким образом, в литературоведении возникла «странная известность» о создании Бабуром двух диванов. Это до сих пор повторяется в учебниках литературы.

Сколько на самом деле дошедших до нас экземпляров дивана Бабура? Который из них имеет полный и достоверный текст?

Мнения ученых, внесших весомый вклад в изучение и пропаганду поэзии поэта, по этому поводу на протяжении многих лет были различными. В частности, Д. Росс [3], Ф. Купрули [4], А. Самойлович [5], А. Каюмов [6] дали сведения о двух; С. Хасанов [7] о четырех, Ш. Яркин [8] о пяти и Б. Южел [9] о шести экземплярах дивана.

Судя по последним исследованиям, нами стало известно, что в мировых книгохранилищах хранятся десять экземпляров рукописей дивана Бабура [10, 123-125; 11, 114-116].

Это рукописи:

1. **رساله ترکی منظوم نوشته دستی تصنیف بابر پادشاه قلمی**

Индия, библиотека Риза в городе Рампур, рукопись № 19 (India, Rampur Raza Library, №19) [12]. Рукопись переписана красивым таъликом и является важным источником изучения творчества поэта. Страницы обрамлены в рамки, имеют медальоны и художественное оформление, позолоту. 22 листа. Однако не имеет форму классического дивана. Он состоит из «Рисола-и волидия», 2 месневи, 24 рубаи, 2 газели, 3 китъа и отрывок из «Рисола-и аруз». Обнаружен автограф Бабура, по утверждению Шаха Джахана и Байрамхана, на нижней части

последнего листа[1]. Можно сказать, что источник был переписан в 935 году хиджры (1528 г.), то есть в год вольного перевода «Волидия». На некоторых её полях есть поправления-редакции Бабура. Об этом уникальном источнике сообщали в свое время Д. Росс [3] С. Азимджанова [13] и А. Хусейни [14].

2. دیوان ترکی بابر پادشاه

Париж, Национальная библиотека, рукопись № 1230 (Paris, Bibliotheque Nationale, Suppl. Turc. 1230). Текст рукописи переписан красивым настаъликом, на каждой странице размещено по два столбца. Титульный лист художественно оформлен красивыми орнаментами и таблицами. 51 лист. Каллиграф – ал-Абд Мухаммад Бакий. Место переписки и дата не указаны (хотя утверждается о принадлежности этого источника к XVI веку [15, 5]). В этом экземпляре 89 завершённых, 1 незавершённая газель, 63 рубаи, 1 месневи, 11 туюк, 1 китъа, 29 муамма, 21 фард. Расположение стихов не соответствует традиционному составлению дивана. Это указывает, что данный экземпляр дивана переписан с чернового варианта автора.

3. دیوان بابرشاه چغاتائ

Библиотека Стамбулского университета, рукопись № 3743 (İstanbul Üniversitesi kütüphanesi No: 3743). Текст рукописи переписан средним настаъликом по два столба на каждой странице. Черновой вариант; переписан простым способом, некоторые места зачёркнуты [9, 20]. 105 листов. Место переписки, время и каллиграф не указаны. Эта рукопись тоже составлена не как диван, жанры даны вперемешку. Но экземпляр считается самым полным из собраний стихов Бабура. Он состоит из «Рисолаи Волидия», 121 газели, 8 месневи, 211 рубаи, 53 муамма, 18 китъа, 15 туюк, 79 матлаъ и маснуъ, а также прозаических отрывков.

4. دیوان سلطاالاعظم بابر میرزا

Стамбул, библиотека Раван дворца Топкапи, рукопись № 2314 (Topkapı Sarayı Revan kütüphanesi no: 2314). Рукопись переписана настаъликом по два столба на каждой странице. Страницы украшены позолотой и таблицами. Дата переписки и каллиграф неизвестны. По некоторым признакам её тоже можно отнести ко второй половине XVI века. В ней также не соблюдён порядок составления дивана, и она состоит из 113 газелей, 12 месневи, 139 рубаи, 57 муамма, 14 китъа, 13 туюк и нескольких незаконченных стихов.

5. دیوان میرزا بابر

Городская библиотека Стамбула, отдел рукописей Муаллима Джавдата, рукопись № 332 (İstanbul 100. Yıl Atatürk Kitaplığı (Belediye Ktb.) Muallim Cevdet yazmaları K. 332). Текст рукописи переписан таъликом на желтоватой бумаге. Страницы рукописи украшены позолоченными цветными таблицами. 74 листа. Дата и каллиграф не указаны. Этот источник тоже не составлен в порядке как

[1] Рубаи, начинающийся со слов: *«Ҳар вақтики, кургасен менинг сўзумни. Сўзумни ўқуб соғингайсен ўзумни....»* - Бабур написал своей рукой. Написав этот стих, он отправил её рукопись своему старшему сыну Мухаммад Хумаюн Мирзе. Это подтверждено в «Бабурнаме» (357бс.), а также и Байрамханом.

диван. В нём даны 84 законченных и 8 незаконченных газелей, 12 месневи, 136 рубаи, 57 муамма, 15 китъа, 13 туюк и несколько незавершенных стихов.

6. **دیوان بابر پادشاه**

Индия, музей Салардженг Хайдарабада, рукопись № 4 (India, Salar Jung State Library No: 4) [16, 49-51]. Текст рукописи переписан мелким и ровным настаъликом по два столпа на каждой странице. Страницы не украшены. Каллиграф неизвестен. Переписан в XVII веке. Эта рукопись тоже составлена не в традициях дивана. В ней размешены 90 газели, 31 рубаи, 2 туюка и 3 фарда (под некоторыми строчками на персидском написаны их значения).

7. **دیوان بابر پادشاه**

Индия, музей Салардженг Хайдарабада, рукопись № 18 (India, Salar Jung State Library No: 18) [16, 49-51]. Текст рукописи переписан двумя столбами на каждой странице, каждый стих разделён словами «ва лаху» (и это тоже). 23 листа. Каллиграф – Али Катиби. Переписан в 1188 году хиджры (1774 г.). Эта рукопись тоже составлена не как классический диван. В ней размещены 89 газелей, 65 рубаи, 11 туюк, 1 китъа, 49 фарда и 10 месневи (лист 1^6 начинается с надписи *«Мин маколати Хазрат ал-аъло»* и продолжается газелями, значение многих строк которых своим почерком прокомментировал другой каллиграф). После дивана в рукописи размешено произведение Алишера Навои «Мухакамат-ул-лугатайн» (Л. 29-43).

8. دیوان بابر پادشاه

Лондон, Библиотека Британского музея, рукопись № D.P.1402. (London, The British Library D.P. 1402, Turki Ms 25) [17, 14-20]. Текст рукописи переписан красивым настаъликом двумя столбцами черными, а заглавия красными чернилами. На полях некоторых страниц написаны стихи. Источник не украшен. Каллиграф – Хаят Али. В заключительной части отмечается, что она переписана по приказу Бабурида по имени Аджит Синх Джайб Бахадур в 1190 году хиджры (1776 г.). Диван: 32л. Размер рукописи – 11,5-20 см.; размер текста 7-14 см. В этой рукописи также даны два дивана Тимуридов Султана Хусейна Мирзы и Султана Маъсуда Мирзы Шахи. Эти диваны тоже переписал Хаят Али и собрал в одном томе.

Значение данного источника заключается в том, что в нём впервые была сделана попытка дать стихи Бабура в порядке традиционного классического дивана: каждый редиф озаглавлен своей буквой (*маснавият, рубаият, фардият-муфрадот, китъаот*). По нашему предположению, это осуществлено каллиграфом. В рукописи даны 88 газелей, 4 месневи, 1 маснуъ, 76 рубаи, 2 китъа и 29 фарда (в части “Фардият” вперемешку даны муамма).

9. **بابر دیوانی**

Фонд Государственного музея литературы им. Алишера Навои АН РУз, рукопись № 317. (Создание этого источника была по предложению проф. С. Хасанова.) Текст переписан на кокандской бумаге светло-бежевого цвета и русской фабричной разноцветной бумаге. Переписан ровным настаъликом чёрными чернилами. На страницах использованы позолоченные цветные и обычные таблицы. В ней даны 121 газели, 196 рубаи, 9 месневи, 52 муамма, 19

китъа и 1 фард. Каллиграф – Тухтамурад сын усто Усмана Зуфари Шаши. Переписан в Ташкенте в 1996 году. Размер рукописи: 12-20 см. Размеры текста: 7,5-14; 6-13; 9-15см. В твёрдом переплёте красного цвета с тремя медальонами. (В медальоне написано имя сахаффа-переплётчика: Мир Мухаммад, дата 1274).

10. Ещё об одной рукописи дивана даёт сведения в своём диссертационном исследовании туркменский учёный Р. Куренов [18]. По его словам, в Национальной библиотеке Исламабада (Пакистан) хранится рукопись дивана Бабура под номером 3. Хотя в этой диссертационной работе подразумевалось текстологическое исследование дивана Бабура, в ней полностью не было осуществлено изучение всех рукописей, и вследствие неосведомлённости об многих материалах, полной и всеобъемлющей работы проведено не было.

* * *

В процессе изучения вышеупомянутых рукописей мы пришли к таким выводам: А) они в основном переписаны между XVI-XVIII веками (кроме Ташкентского экземпляра); Б) ни один из них в полном понимании не имеет классическую форму дивана традиционного составления; В) в них, в первую очередь, сильно просматривается то, что они являются собранием черновиков (мусаввада) стихов поэта для составления дивана; Г) среди них есть богато оформленные некоторые экземпляры, которые считаются с точки зрения источниковедения и текстологии самыми почитаемыми в бабуроведении; Д) почти все эти рукописи переписаны ровным и красивым почерком (в основном, настаъликом).

Поскольку это так, то возникает естественный вопрос – «Создал ли Бабур собственноручно диван?» [19; 20; 21, 41-43].

Известно, что в полном смысле слова в классической литературе иметь свой диван считается для поэта элементом полного овладения классической литературой. И это требует от поэта большой ответственности и таланта. Составление дивана имеет многовековую традицию, и поэт, только полностью освоив ее, может приступить к этой работе.

Мы считаем, что не изучив взгляды Захириддина Мухаммада Бабура на этот вопрос, не изучив рукописи его дивана, правильно ответить на этот вопрос не представится возможным.

Поэтому будет приемлемым сделать научный вывод из изучения теоретических взглядов автора по поводу создания Бабуром своего дивана.

Можно сказать, что Бабур имеет свой подход к составлению дивана.

Однако нам не известны полные записи Бабура, отражающие его научные взгляды по поводу составления дивана, хотя у него есть специальное научное произведение об арузе, с теоретическими взглядами на науку аруз. [22; 23]

Но среди его записей есть некоторые места, посвящённые данной проблеме, посредством которых мы можем судить, что автор имел в этой области совершенные знания. В нижеследующем рубаи он говорит так:

Девонима не работу не тартибедур
Не жадвалу не лавҳу не тазҳибедур
Гар санга йибардим ани, айб айламаким,

Девонингни тиларга тақрибедур.

(Дивану моему ни связи ни порядку
Ни таблицы, ни пюпитр, ни тазхиб.
Если отправил его тебе, необессудь
Твой диван близок к людской молве.)

А в одном месте «Бабурнаме» он пишет: «Я отправил свой диван хакиму Самарканда Фулад Султану». [24, 174] Это событие произошло, когда он был в Кабуле, точнее, около 1518 года. Исходя из этого, можно сказать, что поэт в это время начал составлять первые черновые варианты своего дивана.

Однако когда же написан приведённый рубаи? До 1518 года или позже? У кого же Бабур спрашивает взамен диван за свой диван? Зачем он считает недостатки своего дивана и в чём их «айб» («вина»)?

Действительно одно четверостишье порождает столько вопросов?

Но сейчас очень трудно найти ответы на все эти вопросы. Особенно вопрос, кому он был направлен, остаётся открытым, пока на это не ответит какой-нибудь источник.

Однако, если обратить внимание, Бабур в первую очередь утверждает, что он полностью не успел составить свой стихотворный сборник в рамках традиционного классического дивана. И этот рубаи был написан в 1518 году, то есть после отправления Фуладу Султану первого литературного сборника.

Есть причины того, что мы пришли к этому выводу.

Прежде всего, текст этого рубаи встречается только в трёх экземплярах дивана, хранящихся в Стамбуле. Во-вторых, первый из этих источников, как мы уже утверждали прежде, экземпляр Стамбульского университета считается вобравшим в себя самое большое количество стихов Бабура. Вышеприведённый рубаи расположен на листах рукописи 67^{b}-68^{a}. Также именно этот экземпляр послужил основой для двух последующих источников, которые хранятся в Стамбуле.

Вопрос в том, что отсутствие этого рубаи в самых почитаемых диванах Бабура: Рампурском (Rampur Library of Risa, № 19) и Парижском (Bibliotheque Nationale, Suppl. Turc. 1230) экземплярах указывает, что он относится к более позднему периоду жизни поэта (после 1520 года). Потому что упомянутый экземпляр Стамбульского Университета с точки зрения составления дивана напоминает собрание стихов Бабура. Даже по некоторым каллиграфическим признакам на некоторых страницах турецкий учёный Б. Южел выдвигает предположение, что в нём присутствует автограф самого автора [9, 20]. Однако с этим полностью согласиться нельзя. Ибо мы выше подтвердили, что автограф Бабура присутствует только в Рампурском экземпляре дивана. Эта мысль нашла своё подтверждение в сопоставлении текстов Стамбульской рукописи с автографом Бабура из Рампурского экземпляра. Вдобавок к этому, создание Стамбульского источника приходится ко второй половине XVI века.

А теперь вернёмся к основной проблеме, главное в том, что Бабур в этом своём рубаи напоминает о важных элементах составления дивана. А именно

здесь автор, хотя и вкратце констатирует элементы, которые служат формам и теоретическим основам составления дивана.

Значит, по мнению Бабура, необходимо следующее для того, чтобы форма дивана была полной:

1. **ربط** (Рабт) – этот термин приводится в значении «связь» и «строение». Исходя из этого, во внутренней структуре дивана должна быть дисциплина, то есть взаимосвязь: сперва должно иметь место «дебоча» (вступление), затем «хамд» (хвала Аллаху), «мунаджат» (просьба Аллаху) и «наът» (восхваление пророка Мухаммада).

2. **ترتب** (*Тартиб* – порядок) – значение этого термина известно. Только в этом отношении поэт имеет в виду последовательность букв алфавита и жанров стихотворений дивана.

3. **جدول** (*Джадвал*) – этот термин применялся много в книжном искусстве средних веков [25, 103] и считался очень важным (иногда приходит в форме «джазвал»). Джадвал является одним из самых часто используемых художественных украшений. Он может быть простым, изящным и позолоченным. Джадвал может обрамлять одну или две страницы текста рукописи. Если текст одной страницы состоит из нескольких столбов, то каждый столбец отделяется друг от друга линиями джадвала. В диванах и баязах каждый стих обрамляется в джадвал. Простой джадвал, обрамляющий текст, в большинстве случаев представляет собой красную одноцветную линию, изящный джадвал с очень тонкой двух-, трёх-, четырёхцветными линиями; одной или несколькими позолоченными линиями.

4. **لوح** (*Лавх, Лавха*) – этот термин используется в книжном искусстве также довольно часто [25, 141]. Это слово используется в нескольких значениях, относительно тех предметов, которые они выражают. Однако здесь он приводится как один из главных художественных украшений восточного книжного искусства. Лавх может быть применен вначале рукописи, а если она состоит из нескольких произведений, вначале каждого из них, а иногда и в начале глав и частей. Лавх состоит из узора на половину страницы начала текста или одну треть ее высоты. В XIV-XVI веках в восточном книжном искусстве в лавхе в основном использовалось позолота. Лавхи рукописей XVII-XIX веков выделяются в основном простыми красками.

5. **تذهيب** (Тазхиб) – этот термин тоже активно применялся в древнем книговедении Востока [25, 301]. Тазхиб – украшение рукописей позолотой. В большинстве поля некоторых рукописей украшались опрыскиванием позолотой. Такие поля назывались «тазҳиби ҳошия» («тазхибными полями»).

Итак, если обратить внимание на приведенный выше рубаи, то считается важными или достаточными утверждаемые Бабурам **пять терминов**, для полного завершения дивана и доведения его до читателя.

Если посмотреть на третью строку рубаи *«Гар санга йибардим ани, айб айламаким»* («Я отправил его тебе, не сочти его недостатки»), хотя пять основных элементов «рабт», «тартиб», «джадвал», «лавх» и «тазхиб» в нем не присутствуют, он просит: «Не сочти своего дивана виноватым».

В свою очередь, по причине этого он приводит *«Девонингни тиларга тақрибедур»*, то есть он отправляет этот рубаи другому поэту-создателю дивана, дабы с намерением взамен своего незаконченного дивана попросить у него его сборник.

Выявляется, что полностью ещё не составленный и законченный диван Бабура имел славу. Почитатели автора, с намерениями быстрейшего ознакомления с диваном, просили у Бабура дать его почитать, хотя диван ещё не был завершён.

Из рубаи Бабура можно сделать следующие теоретические заключения, связанные с составлением дивана. Если первые два термина «рабт» и «тартиб» связаны со структурой дивана, то «джадвал», «лавх» и «тазхиб» связаны с образом дивана, то есть термины, связанные с художественным оформлением рукописи.

Значит, ***диван*** должен иметь, с точки зрения текста Бабура, твердый внутренний порядок (последовательность букв алфавита, поочередность *кафия-редифов*, последовательность жанров; наличие *дебоча, хамд, муножат* и *наът*), а затем его рукопись связана с уместным применением указанного внутреннего художественного оформления. Необходимо ещё напомнить и то, что встречается много экземпляров дивана простых, без художественного оформления. Однако здесь уместно иметь в виду, что Бабур был правителем и творцом с высоким эстетическим вкусом.

Выявляется, что Бабур предстает перед нашим взором как поэт, стремившийся показать грани своего своеобразного творчества в составлении совершенного своего дивана, отвечающего требованиям классического дивана. Его взгляды на составление дивана ещё раз подтверждают, что он в совершенстве знал традиции составления классического дивана, как обладателя опыта и мастерства, талантливого творца.

Значит, Бабур ещё при жизни не успел окончательно составить свой диван в форме классического традиционного дивана. Только рукопись дивана *«Девони Бобур подшох»*, хранящаяся в библиотеке Британского музея, отвечает форме дивана. Однако и он был переписан каллиграфом в 1190 году хиджры (1776 г.) и, как мы уже указывали выше, был составлен переписчиком. До сих пор неизвестен совершенный экземпляр поэта, полностью отвечающий требованиям бабуроведения, составленный по канонам классического дивана.

В результате активного интереса к творчеству Бабура, в XX веке были отдельные попытки привести его лирические произведения в форму дивана. До сегодняшнего дня образцы поэзии Бабура были изданы несколько раз в различном виде. Здесь можно перечислить имена исследователей как Ф. Купрули [4], А. Самойлович [5], А. Каюмов [6], С. Хасанов [7], Ш. Яркин [8; 26], А. Абдугафуров [27], Б. Южел [9] и другие.

Многие из этих и других изданий имеют в основном популярный характер, из которых два выделаются научностью – осуществлённые афганской ученой Шафика Яркин и турецким ученым Билалом Южелом, исследовательские

публикации относительно полны и снабжены некоторым научным аппаратом. Они в определенной степени обладают свойствами критического текста.

Однако можно утверждать, что они тоже нуждаются в совершенном научном комментарии, не полностью охватывают поэзию поэта и достоверного текста. Потому что:

1) Ш. Яркин и Б. Южел к своим исследованиям не привлекли экземпляры дивана Бабура из Хайдарабада, Лондона, Исламабада и Ташкента;

2) эти издания в полном виде не приведены в форме традиционного классического восточного дивана;

3) хотя в текстах обоих изданий (особенно издание Б. Южела) показаны несколько различий между рукописями, они не полны, потому что использованы не все экземпляры и принципы научно-критического (или сборно-сопоставительного) текста.

В результате ознакомления с диваном Бабура и проведения исследований мы убедились в том, что весьма необходимо создание научно-критического текста дивана поэта.

Однако, пока у нас в руках не окажется оригинал дивана Бабура, невозможно осуществить научно-критический анализ его текста. Неизбежны вопросы, в каком порядке автор составлял свой диван, соблюдал ли правила традиционного классического дивана.

Выше было утверждено, что все приведённые рукописи с краткими описаниями – это собрания стихов для создания дивана, или их поздние переписанные некоторые экземпляры. Также единственный экземпляр, переписанный при жизни Бабура (Рампурский экземпляр) тоже составлен не как диван.

В создавшейся ситуации наиболее достоверен **сводно-сопоставительный текст**.

Важнейшей проблемой современного бабуроведения является издание стихов Бабура в форме *«сахих»* (исправленно-достоверных) текстов, с учётом различий между их рукописями, своеобразия размещения стихов, использования слов в различных формах, создания текста на основе единой системы и его сопоставлении. Ввиду этого стало целесообразным создать такой текст.

Всего в него вошли произведения на узбекском и персидском: 125 газелей (2 незаконченных), 2 маснуъ (1 таржеъ-маснуъ), 14 месневи, 30 китъа, 17 туюк, 124 фард (+9), 57 муамма, 230 рубаи, 1 таърих.

Также в составе дивана заняли место стихи (месневи, рубаи, китъа и фарды) автора из «Бабурнаме» и «Аруз рисоласи». Так как Бабур приводит в «Бабурнаме» время написания нескольких стихов и их тексты (первое двустишье газелей).

В построении дивана должны быть собраны все лирические стихи автора, формируясь в единый сборно-сопоставительный текст. А название в тексте поэтических очерёдностей (так, как, к примеру, *«радифул-бо ал-муваҳҳид», «радифут-те»*) и построение (как *газалият, рубаият, маснавият*) даются по

Лондонскому экземпляру. В действительности только в этом диване сохранён порядок составления классического дивана.

Персидские стихи Бабура займут место в приложении. Они следующих жанров: газель (2), рубаи (10), китъа (8), таърих (1), фард (15). Наряду с этим, уместно приведение отрывка «санъатли рубоийлар» («рубаи с искусством») встречающихся в экземпляре дивана Стамбульского университета, два письма, связанных с проблемами художественности и вступительные двустишья некоторых отдельных бейтов (9).

Межтекстовые изменения, различия и разнообразное приведение слов в сводно-сопоставительном тексте встречаются часто. Почти что каждый стих не свободен от них. А посредством их возникает возможность бросить взгляд на творческую лабораторию поэта на основании текстологии ещё более глубокого исследования лирики поэта. Для науки очень важно определение места каждого стихотворения в рукописях, показ их различий на каждой странице и снабжение их таким множеством подстрочных комментариев.

Десятки ошибок в тексте дивана выявляются только в сопоставлении между собой. Например, некоторые изменения бейта газели проявляются в сопоставлении рукописей. Обратим внимания на газель с редифом *«Топилмас» («не найдётся»)*. В двух рукописях дивана Бабура, хранящихся в Стамбуле, одно выражение в этой газели *«жинси башар»* дано в виде *«хусни башар»*.

«Башарият» («человечество») – приемлемое описание возлюбленной как достойной степени красоты человечества. Однако, по значению стиха, возлюбленная по своей красоте прекрасная как *пери* «башар жинси» - среди людей не найдется.

Изменения и различия в тексте встречаются не только в различных словах, но и в полных строках. Скажем, во втором бейте газели с редифом «Қилгудек» («сделавший») в Парижском, Лондонском и Хайдарабадском экземплярах читаем:

Кўнглумизга жаври беҳад қилди ул номеҳрибон,
Жонима юз минг ғаму меҳнатни ҳосил қилғудек -
(В душе нашей сделала мук безмерно немилосердная,
Как духу моему, создав сто тысяч печалей)

А в трех рукописях в Стамбуле:

Кўнглуму кўзум юзига волиҳу ҳайрон бўлдим,
Жонима юз минг ғаму меҳнатни ҳосил қилғудек -
(Душа моя, глаза мои удивленно очарованы ее лицом,
Как духу моему, создав сто тысяч печалей)

В таких случаях в первую очередь с точки зрения старинности и достоверности берется первый вариант бейта. А второй вариант указывается под текстом.

Или в газели, начинающейся со слов *«Сочию кўзию қошидин бошта ҳаводур»*, бейт:

Ишқ ичра ёшурғон юраким қонини, ваҳким,
Бу сели сиришким бори оламға яёдур...

(В любви спрятала кровь моего сердца,
Льет потоки слез всему свету)

дан пятым, и он дан только в экземпляре Стамбульского университета. Кроме этого, в самом тексте газели есть несколько различий.

Однако мы далеки от претензий на то, что вопрос окончательного решения того, какие редактирования в экземпляре рукописи сделал автор, а какие – каллиграф, только исходя из времени создания (переписывания) рукописи, можно высказать предположительные мнения.

Хотя это так, в результате последовательного ознакомления с текстом появилась возможность ещё поближе ознакомиться с такими качествами лирики Бабура, как её оригинальность, своеобразие приёма, мастерство применения слов, красота поэтических сравнений.

Имея в виду эти и другие свойства, целесообразны указания в комментариях под текстом, в каких экземплярах рукописей приводятся каждая газель, месневи, рубаи и стихи других жанров поэзии.

Например, обратим внимание на те рукописи, в которых есть газель, начинающаяся со строфы *«Келтурса юз балони ушал бевафо манга»* («Принесла мне та неверная сто бед»). Сначала ставится условное название рукописного фонда, источник и номер листа газели. К примеру: İU (рукопись Стамбульского университета) – 18^{a}, İT (Стамбул, Топканский музей) – 5^{a}, İMC (Стамбул, Муаллим Джавдет) – 6^{a}, P (Парижский экземпляр) – 7^{b}, L (лондонский экземпляр) – 2^{a}. Если газель не значится в экземпляре, тогда «–» (означает «нет»). К примеру: R (Рампурский экземпляр) –, H1 (Хайдарабадский первый экземпляр) –, H2 (Хайдарабадский второй экземпляр) –.

На самом деле, ни в какой рукописи стихи не пронумерованы. Здесь для сохранения точности текста и в целях создания удобства для читателей они будут пронумерованы и взяты в квадратные скобки []. Согласно принципам составления сводно-сопоставительного дивана, в качестве опорного экземпляра выбираются экземпляры P и İT, а с точки зрения составления классического традиционного дивана – экземпляр L. Другие экземпляры рукописей рассматриваются как вспомогательные. Различия слов и некоторых строф текста рукописей указываются в сносках под текстом.

Необходимо внести ясность еще по одному вопросу. В действительности, в соответствии с требованиями текстологии, научно-критический и сводно-сопоставительный текст тоже создается на том виде письменности, на котором создан сам текст (то есть, на арабской письменности).

Делая вывод, можно сказать, что целью проведения текстологических исследований лирики Бабура является создание самого полного («мукаммал») и достоверного («сахих») собрания его дивана, используя надежные рукописные источники и по мере возможности избегая текстологических ошибок.

Литература

1. Абдуғафуров А. Бобур девони қўлёзмасининг Баламкада нусхаси // Ўзбек тили ва адабиёти. – 1997. – № 4.

2. Абдуғафуров А. Заҳириддин Муҳаммад Бобур : Девон. – Тошкент : Фан, 1994.
3. Азимджанова С. Индийский диван Бабура. – Ташкент : Фан, 1966.
4. Захираддин Мухаммад Бабур. Трактат об арузе : факсимиле рукописи / изд. текста, вступ. ст. и указ. И. В. Стеблевой. – Москва : Наука, 1972.
5. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома / нашрга тайёрловчи: С. Ҳасанов. – Тошкент : Шарқ, 2002.
6. Заҳириддин Муҳаммад Бобир : Мухтасар / нашрга тайёрловчи: С. Ҳасан. – Тошкент : Фан, 1971.
7. Заҳириддин Муҳаммад Бобур энциклопедияси (қайта ишланган иккинчи нашр). – Тошкент : Sharq, 2017.
8. Заҳириддин Муҳаммад Бобур энциклопедияси. – Тошкент : Шарқ, 2014.
9. Жўрабоев О. Бобур девон тузганми? // ЎзАС. – 2018. – №8.
10. Жўрабоев О. Бобур девонининг саҳиҳ матни борми? // ЎзАС. – 2017. – №7.
11. Жўрабоев О. Бобурнинг нечта девони бор? // Til va adabiyot ta'limi. – 2018. – №2.
12. Каюмов А. Бобир : Асарлар. – 1-ж : Девон. – Тошкент : Бадиий адабиёт, 1965.
13. Маллаев Н. Ўзбек адабиёти тарихи. – Тошкент : Ўрта ва Олий мактаб Давлат нашриёти, 1963.
14. Самойлович А. Н. Собрание стихотворений императора Бабура : Часть 1. – Петроград, 1917.
15. Ўзбек адабиёти тарихи : Беш томлик, III том. – Тошкент : Фан, 1978.
16. Ҳакимов М. Шарқ манбашунослиги луғати. – Тошкент : Davr Press, 2013.
17. Хасанов С. Бобир шеъриятидан. – Тошкент : ЎзКП Марказий нашриёти, 1982.
18. Хасанов С. Заҳириддин Муҳаммад Бобур : Маҳрами асрор топмадим... (Париж девони нусхаси). – Тошкент : Ёзувчи, 1993.
19. Хасанов С. О Хайдарабадской рукописи дивана Бабура // Общественные науки в Узбекистане. – 1979. – № 12.
20. Azizuddin Husayn. Diwani Babur. – India, Rampur : Raza Library, 2014.
21. Babür divanı : Gramer, Metin, Sözlük, Tıpkıbasım / hazirlayan: Dr. Bilal Yucel. – Ankara, 1995.
22. Diwan-i Babur / with preface by E. Dennison Ross. – Calcutta, 1910.
23. Kardas S. Raza library catalogue of Turkish manuscripts // The Journal of International Social research. – Volume 6, Issue 28. – Fall 2013. – P. 200-209.
24. Kurenov R. A. Zahyreddin Muhammet Babyryn «Diwanynyn» tekstologik dernewi : filologiya ylymlarynyn kandidaty alymlyk derejesini almak ucin Dissertasiyanyn awtoreferaty. – Asgabat, 2016.
25. محمد فواد كوپريلوزاده. بابرشاهنگ شعرلری.ملی تتبعلرمجموعه سی، 1-2 جلد،استنبول،1331
26. 1362 ديوان ظهيرالدين محمد بابر با مقدمه،مقابله وتصحيح شفيقه يارقين. كابل
27. دريادرگوهر (ديوان كامل ظهيرالدين محمد با مقدمه،مقابله وتصحيح:دكتورشفيقه يارقين. كابل،1387 بابر)

© **Журабоев О. Р.,** 2020

И. М. Жураев (И. М. Жўраев),
ФарДУ табиий йўналишлар бўйича чет тиллар кафедраси ўқитувчиси,
Фарғона шаҳри (Ўзбекистон)

Аннотация: В статье приводится подробный анализ взглядов Бабура на преемственность власти. На основании творчества Бабура автор статьи также описывает особенности социально-экономического развития общества исследуемого периода. Мемуары Бабура являются важным источником не только по истории Центральной Азии, но и мировой социально-политической истории. Из произведений Бабура мы узнаем об основах средневековой государственности, экономической политики, системе управления обществом и просветительско-нравственных ориентирах того времени. При этом события, описанные в «Бабур-наме», отличаются неповторимой художественной достоверностью и широтой охвата идей.

«БОБУРНОМА» ДА МАИШИЙ ТАНАЗЗУЛ ВА ИЖТИМОИЙ ИНҚИРОЗ МАСАЛАЛАРИ

Заҳириддин Муҳаммад Бобур умри давомида адолат мезонлари асосида фаолият юритишга интилган. «Катталар кўтаримли бўлиши керак» деган шиорга оилавий масалаларда ҳам, давлат бошқарувида ҳам мунтазам амал қилганлиги “Бобурнома”даги кўплаб лавҳаларда ўз аксини топган. «Халқнинг аниқ мақсад сари ҳаракат қилиши, давлатманд бўлиши, бахтли бўлиб иззат-ҳурмат топиши, жаҳонгир бўлиши ёки заиф бўлиб, хорликка тушиши, бахтсизлик юкини тортиши, эътибордан қолиб, ўзгаларга тобе ва қул, асир бўлиши уларнинг ўз ота-оналаридан болликда олган тарбияларига боғлиқ», – деб ёзган эди XX асрнинг машҳур маърифатпарварларидан бири Абдрауф Фитрат. Бобур ўз ҳаётий фаолияти давомида кўплаб темурийларнинг таназзули оилавий-маиший турмуш тарзи туфайли рўй берганлигининг гувоҳи бўлди.

Темурийлар орасида Шоҳрух, Улуғбек, Ҳусайн Бойқаролар давлатни марказлаштириш ва мамлакатда тинчликни таъминлаш, маърифий ишларни ривожлантиришга ҳаракат қилдилар. Аммо бошқа шаҳзодалар орасидаги қонли курашлар Шайбонийхон қўлининг баланд келишига ва темурийлар салтанатининг Туронда тугатилишига олиб келган. Биргина Бобур мирзогина Амир Темур васиятларига содиқ бўлганлиги, энг илғор қарашларига қатъият билан амал қилганлиги учун у асос солган сулола уч асрдан зиёд ҳукм сурди.

«Бобурнома» фақат Бобур мирзонинг таржимаи ҳоли, ҳаёт йўли ва фаолияти баёнидан иборат асар эмас, балки халқимизнинг ҳали тўла ўрганилмаган ўрта асрлардаги маиший турмуши, ижтимоий-сиёсий ҳаётининг тарихи ҳамдир.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўз салтанати сиёсатини амалга оширишда ислом, шариат, тариқат, футувват илмларини тўла эгаллаш билангина эмас, балки дунёвий илмларни ҳамда сиёсат тамойилларини, ўтмишдаги давлат бошлиқлари сиёсий қарашларини, маиший турмуш тарзини ўрганиш ва ларнинг

энг мақбулларини қабул қилиш билангина муваффақиятли сиёсат юргизиш мумкинлигини англаб етган.

Бобурнинг мемуар асари нафақат Марказий Осиё, балки жаҳон ижтимоий-сиёсий, адабий-маърифий тарихида муҳим манба бўлиб келмоқда. Ўрта асрлар давлатчилигининг муҳим асослари, жамиятни бошқарув тизимига доир айрим ҳаётий хулосалар, оилавий муносабатлар, маърифий-ахлоқий ўгитлар бугунги кунда ҳам ўз аҳамиятини йўқотмасдан келмоқда. «Бобурнома»дан ўрин олган ҳар бир йил воқеалари бетакрор бадийяти, ҳаққонийлиги, ғоялар қамрови, фалсафий-маърифий жиҳатлардан ўзига хос адабий обидадир. Шарқ адабиёти тарихида мемуар характердаги кўплаб тарихий ва бадиий асарлар яратилгани маълум. Кўплаб қалам соҳиблари ушбу мавзуга қўл уриб, давлатчилик асослари, жамиятни бошқарув масалалари билан боғлиқ муаммоларни ўзига хос йўсинда бадиий ҳамда тарихий талқин қилишга уринганлар. Аммо барча қалам соҳиблари ҳам ҳазрат Бобур сингари ҳаётийлик ва ҳаққонийлик жиҳатдан юксакликка кўтарила олмаганлар.

Бобурнинг яна бир муҳим фазилати ўзгаларнинг камчилик ва нуқсонларини ҳаққоний ва рўй-рост танқид қилишида, ўзи ҳам танқидни тўғри қабул қилишида, ўз асарлари ҳақида бошқаларнинг фикри билан қизиқишида кўринади. «Бобурнома»нинг энг муҳим хислати шундаки, унинг муаллифи нимани баён қилмасин, масалага танқидий қарай олган, асарда ўша даврдаги жамиятнинг барча ноқисликларини бирма-бир очиб берган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг энг жозибали фазилатларидан бири ҳам ҳақиқатга тик қараш, рост гапни ҳамиша айта билиш ва адолатни ёқлаш бўлган. «Бобурнома»да бу ҳақда шундай ўринлар бор: «Бу битилганлардин ғараз шикоят эмас, рост ҳикоятдурким, битибтурмен. Бу мастур бўлғонлардин мақсуд ўзнинг таърифи эмас, баёни воқеи бу эдиким таҳрир этибтурмен. Чун бу тарихта андоқ илтизом қилилибтурким (қарор қилиндиким) ҳар сўзнинг ростини битилгай ва ҳар ишнинг баёни воқеини таҳрир этилгай...» [1, 180]

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ҳам бобокалони Амир Темур изидан бориб, бағрикенглик, кечиримлилик сиёсатига умр бўйи амал қилган. Жумладан, не-не машаққатлар билан қўлга киритилган Кобулни вақтинчалик тарк этиб, Ҳиротга кетганида холасининг эри Муҳаммад Ҳусайн мирзо ўз ўғли Мирзохонни ҳукмдор деб эълон қилади. Бобур қайтиб келгач, тахтни қайтадан тортиб олади. Хиёнатчи ва гуноҳкор Муҳаммад Ҳусайнни тутиб, олдига келтирганларида уни нафақат авф этади, балки меҳрибончиликлар кўрсатиб, шафқат қилади: «Муҳаммад Ҳусайн мирзоким, мундоқ зишт ва шаниъ ҳаракотга иқдом қилди, бу навъ шўр ва фитна ангиз ва бунёдиға эҳтимом қилди, агар пора-пора қилсам, ери бор эди, турлук-турлук азобу уқубат била ўлмакка сазовор эди, – деб ёзади “Бобурнома” муаллифи, – чун орада бир навъ уруғлуқ бўлуб эди, менинг туққон (туғишган) холам Хўб Нигорхонимдин ўғлонлари ва қизлари бор эди, бу ҳуқуқни ёд қилиб, Муҳаммад Ҳусайн мирзони озод қилдим». Аммо Муҳаммад Ҳусайн бу яхшиликларни унутиши, Шайбонийхон томонга ўтиб, яна душманлик қила бошлаши Бобурни изтиробга солади ва қуйидаги байтни келтиради:

Ту бад қунандаи худро ба рўзгор супор,

Ки рўзгор туро чокарест кина гузор.

(Мазмуни: Сен ўзингга ёмонлик қилганни турмушга топшир, турмуш сенинг ўч олувчи хизматкорингдир) [1, 181]

Бугина эмас, ўгай укалари Жаҳонгир мирзо ва Носир мирзолар ҳам пайти келди дегунча Бобурга хиёнат қиладилар, тож-тахт илинжида унга қарши чиқадилар. Аммо ҳар сафар Бобур уларга илтифот кўрсатади, кечиради ва қайтадан тарбия қилади. Масалан, Носир мирзонинг навбатдаги хиёнатидан кейин, яна бош эгиб келиши ҳолатини «Бобурнома»да шундай ҳикоя қилинади: «Носир мирзо... Кобулға йетмиш-сексон талатғон, олдурғон, оч-яланғоч навкар-савдари била келди. Ажаб қодиредур, икки-уч йил мундин бурун Носир мирзо тамом эл ва улусни кўчириб суруб, Кобулдин ёғиқиб чиқиб, Бадахшонға йетиб, дара ва қўрғонларини беркитиб, не хаёллар била юрур эди, бурунғи қилғонларидин сарафганда ва хижил, ул навъ айрилғонларидин шарманда ва мунфаил бўлубтур. Мен доғи ҳеч навъ юзига солмадим. Яхши сўруб-истаб инфиол(хижолат)дан чиқордим».

Ўгай укаси Жаҳонгир мирзо Бобурнинг душмани бўлган Аҳмад Танбалнинг фитнасига учиб, акасидан бир неча марта юз ўгиради, керак бўлса тахтга даъвогарлик қилади, охир-оқибатда Андижонда парокандаликлар юзага келади. Бобурнинг мамлакатни бирлаштириб, қудратли давлат тузиш ҳақидаги орзулари пучга чиқади, саъй-ҳаракатлари бекор кетади. Аммо Бобур укасига нисбатан кек сақламайди, унинг бошига оғир кунлар тушиб, саргардон бўлганида паноҳига олади. Яна бир ўгай укаси Носир мирзо ҳам Бобурдан бир неча марта юз ўгиради, душманлар билан тил бириктиради. Аммо «Бобурнома» муаллифи ўзининг «катталар кўтаримли бўлиши керак» деган ғоясига амал қилиб, уни ҳар гал кечиради, раҳм-шафқатини аямайди.

«Бобурнома»нинг энг муҳим хислати шундаки, унинг муаллифи нимани баён қилмасин, масалага танқидий қарай олган, асарда ўша даврдаги жамиятнинг барча ноқисликларини бирма-бир очиб берган. У ифода қилган шахслар образида илғор ғоялар билан биргаликда, улар шахсиятида акс этган очкўзлик, фаҳш, золимлик, саркашлик, мунофиқлик каби типик ҳоллар ҳам баробар тасвирланади. Масалан, темурийларнинг, айниқса, Ҳусайн Бойқаро бошлиқ унинг ўғилларининг айш-ишратга ўта берилганликлари ҳақида Заҳириддин Муҳаммад Бобур шундай ёзади: Ҳусайн Бойқаро «аввал тахт олғон маҳалда олти –етти йил тоиб эди. Андин сўнгра ичкуга тушди. Қирқ йилға ёвуққим Хуросонда подшоҳ эди, кун йўқ эдиким, номози пешиндан кейин ичмагай... Ўғлонлари ва жамъи сипоҳига ва шаҳрига бу ҳол эди. Ифрот била (ҳаддидан ошириб) айш ва фисқ қилурлар эди» [1, 190].

Шайбонийхон бошчилигидаги қўшин Ҳиротга ҳужум қилганида Ҳусайн Бойқаронинг ўғиллари Бадиуззамон ва Музаффар мирзолар оналари, хотин, бола-чақаларини ҳам ташлаб қочганликлари ҳақида «Бобурнома»да шундай дейилган: Шайбонийхон қўшини Ҳиротга ҳужум қилганида Бадиуззамон ва Музаффар «Мирзоларнинг она ва эгачи сингил ва ҳарамлари ва хавотинлари тамом қалъаи Ихтиёриддинда эдиким, Олақўрғонға машҳурдир, мирзолар кеч шаҳрга етарлар, ярим кечагача отларини тиндуруб, уюхларлар, саҳар вақти

солиб тебрарлар. Қўрғон беркитурни худ хаёл қила олмаслар. Мунча фурсат ва фуржада она ва эгачи сингилни ва кўч ва ўғлон-ушоқни ҳам олиб чиқмай, ўзбакнинг асирлигига ташлаб қочарлар».

Бобур бирор манфаат йўлида отага қарши борувчиларни қатъий қоралайди. Рубоийларидан бирида бу ҳақда шундай дейди:

Олудаи юз туман маосий бўлмоқ,
Юз ранжу туман азоб хоси бўлмоқ.
Кўп яхши экин аҳли хираднинг қошида
Ким, оғритибон атони осий бўлмоқ. [2, 96]

Абдуллатиф Мирзонинг «беш кунлик ўтар дунё» учун шоҳ ва донишманд отасини ўлдириши, Бадиуззамон ва Музаффар мирзоларнинг ўз жонларини сақлаб қолиш учун оналарини, оилаларини Шайбонийхон асирлигига ташлаб қочишлари ҳам муаллиф томонидан нафрат ва афсус билан тилга олинадики, ўқувчи бу тарихий шахсларнинг ноахлоқий қилмишларидан тегишли хулосалар чиқариб олади.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур мамлакат тараққиёти, давлатчиликнинг мустаҳкамлигини, аввало, исломий ақидаларга таяниш, шариат аҳкомларига амал қилишда деб билади. Жумладан, темурийлардан бўлган Ҳусайн Бойқаронинг салтанати таназзулга юз тутишида ҳам исломий қадриятларга зарар етиши, шариат поймол қилинишида деб билади. Масалан, «Бобурнома»нинг 1496-1497 йиллар воқеаларига бағишланган қисмида Ҳусайн Бойқаро ва унинг ўғиллари ўртасидаги можаролар, ҳарбий низоларнинг келиб чиқиши ҳақида сўз юритар экан, шаҳзодаларнинг маиший бузуқлик, майпарастлик ва фисққа берилганликларини очиқ-ойдин танқид қилади. Бир томонда Шайбонийхондек душман хавф солиб турганида Ҳусайн Бойқаро ва унинг ўғиллари аҳиллик ва иттифоқ билан иш тутиш ўрнига айш-ишратга бериладилар: «Бу мирзолар андоқ ифрот била фисқ ва айшқа машғул эдиларким, отасидек кордийда ва кордон подшоҳ тушчилик йўл келиб, рамазондек мутабаррак ва азиз ойға кечалик фурсат қолиб, отасидан ийманмай, тенгридан қўрқмай, ҳануз иши чоғир ичмак эди нашот била, мажлис оролик эди инбисот била. Муқаррардурким, мундоқ бўлғон киши андоқ шикаст топқай ва бу навъ ўтган элга ҳар ким даст топқай» [1, 40].

Бобур мирзонинг ўзи ҳам бошидан ўтказган, кўрган-кечирганларидан ҳаётий тажриба сифатида фойдаланишга интилади. Отаси Умаршайх мирзодан ибрат олиб, ҳалоллик ва мардликни умр бўйи шиор қилиб олади. Ҳусайн Бойқаро ўғилларининг ноаҳллиги, маишатпарастлиги, бир-бирига душманлик қилишларини кўриб, ўз фарзандларини аҳилликка, тотувликка, бир-бири қўллаб – қувватлашга даъват этади. Жумладан, катта ўғли Ҳумоюнга ёзилган мактуби «Бобурнома»га киритилган бўлиб, унда фарзандини укаларига ҳамиша ғамхўрлик кўрсатишга, ғанимларнинг фириб ва иғволарига учмасликка ундайди, «катталар кўтаримли бўлиши керак»лигини уқтиради.

Гулбаданбегимнинг ёзишича, Бобуршоҳ Ҳиндистонни тўла фатҳ этганидан кейин темурий хотин-қизларнинг жуда кўпчилиги (уларнинг сони 96 та деб кўрсатилади) унинг ҳузурига келади. Эндигина барпо этилган янги давлат

юмушларидан ортиб, Бобуршоҳ ҳар жума – дам олиш кунларида ана шу аёл қариндошларни бирма-бир зиёрат қилган. «Подшоҳ ҳазратлари (яъни Бобур) Агра шаҳрида тўрт йил турдилар, – деб ёзади Гулбаданбегим, – Ҳар жума куни аммаларини кўргани борар эдилар. Бир куни, ҳаво ниҳоятда иссиқ эди, онам ҳазратлари (Моҳим бегим): "бугун ҳаво ўта иссиқ, агар бир жума кўргани бормасангиз нима бўлади, бегимлар бундан хафа бўлмасалар керак", деб сўрадилар. Подшоҳ онамга бундай деб жавоб бердилар: "Моҳим, сиздан бу гапнинг чиқиши тажжубдир. Ҳазрат Абу Саид мирзонинг қизлари ўз ота ва биродарларидан жудо бўлиб, бу ерга келган, агар мен уларнинг кўнглини олмасам, унда нима бўлади?» [7, 21] Бобур феъл-атворидаги яқинларига бўлган бундай улкан меҳр-муҳаббат унинг шеърларида ҳам ўз аксини топган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг қизи Гулбаданбегимнинг ёзишича, шоҳнинг рафиқаси Моҳим бегим Кобулдан Ҳиндистонга чақириб олинганда, Бобур уни бир неча чақирим пиёда юриб келиб, кутиб олади ва малика минган от жиловини тутган кўйи яна пойтахтга пиёда йўл олади. Бу ҳам улуғ шоҳ ва забардаст шоирнинг Ватан ғурбатини бирга тортаётган аҳли аёлига, демакки, садоқатли ватандошига бўлган чуқур эҳтироми рамзи эди, дейиш мумкин.

Хулоса қилиб айтганда, Заҳириддин Муҳаммад Бобур салтанат мустаҳкамлиги, жамият тараққиёти, энг аввало, юрт бошқарувчиларининг хулқ ва атворига, уларнинг оилавий-маиший масалаларда ҳам ибратли бўлишларига боғлиқлигини тарихий-ҳаётий мисоллар орқали кенг ёритиб берган.

Адабиётлар

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т., 1990.
2. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Девон. – Т., 1994.
3. Бобурнома жаҳон кезади. – Т., 1984.
4. Нуритдинов М. Бобурийлар сулоласи. – Т., 1994.
5. Ҳумоюннома. – Т., 1959.

© **Жўраев И. М.,** 2020

Х. А. Жураев (Ҳ. А. Жўраев),
ФарДУ профессори, филология фанлари доктори (Ўзбекистон)
Г. Н. Косимова (Г. Н. Қосимова),
ФарДУ факультетлараро чет тиллар кафедраси ўқитувчиси (Ўзбекистон)

Аннотация: В статье приводится анализ переписки Бабура с Алишером Навои, а также рассматривается влияние, которое оказал Навои на судьбу основателя Империи Великих Моголов. Бабур-шах был 18-летним подростком, когда взошел на Самаркандский престол, захватив его у Шейбани-хана. Это уникальное для своего времени военное событие привлекло внимание великого мыслителя, поэта, государственного и общественного деятеля Алишера Навои. После переписки с Навои в жизни молодого Бабура произошли серьезные изменения. Авторы статьи Х. А. Жураев и Г. Н. Косимова считают, что подробное описание Бабуром внезапной смерти Навои заставляет читателей думать, словно Бабур был свидетелем тех событий. Авторы приходят к выводу, что «Бабур-наме» является одним из важных источников, обогащающих наши представления о биографии, литературном наследии, практической деятельности Алишера Навои.

БИР МАКТУБ ТАРИХИ ЁХУД БОБУРНИНГ КАШФ ЭТИЛИШИ

Бобуршоҳ Самарқанд тахтини Шайбонийхондан тортиб олганда 18 ёшли ўспирин эди. Ўз даври учун ноёб бўлган бу ҳарбий ҳодиса улуғ мутафаккир шоир, давлат ва жамоат арбоби бўлмиш Алишер Навоийнинг ҳам эътиборини ўзига тортди. Шу заҳоти ёш ҳукмдор ва навқирон саркардани эришилган зафар билан қутлаб, унга мактуб йўллади.

«Бу иккинчи навбат Самарқандни олғонда, Алишербек тирик эди. Бир навбат манга китобати (мактуби) ҳам келиб эди. Мен ҳам бир китобат йибориб эдим, орқасида турки байт айтиб, битиб йибориб эдим. Жавоб келгунча тафриқа ва ғавғо бўлди» [2, 78].

Муборак мактуб ҳақидаги бор гап шу. Қизиқ, нега бу мактуб ҳақида, унинг мазмуни борасида бирор гап айтилмаган? Наҳотки Бобур мирзо бу табаррук номани сақламаган бўлса? Дарвоқе, «Бобурнома» муаллифи бир ўринда Алишер Навоийнинг ижодий мероси ҳақида гапирар экан, унинг турли мактубларини йиғиб, тўплам ҳолига келтирганини унча маъқулламайди: «Яна баъзи мусаннафоти борким, бу мазкур бўлғонларға боқа пастроқ ва сустроқ воқе бўлубтур. Ул жумладин, иншо (мактуб)ларини Мавлоно Абдураҳмон Жомийга тақлид қилиб жамъ қилибтур. Ҳосила калом, ҳар кимга ҳар иш учун ҳар хатким битибтур, йиғиштирубтур». Эҳтимол, шу туфайли ҳам муборак мактуб бизгача етиб келмагандир.

Юқорида айтганимиздек, Бобурнинг бу улкан зафари умрини темурийлар салтанатини мустаҳкамлаш ишларига бағишлаган Навоийни мамнун қилгани аниқ. Улуғ шоирнинг «Тарихи мулуки Ажам» асарида Ҳусайн Бойқаронинг

Хуросон тахтини эгаллаб олган Ёдгор мирзони қандай тор-мор этганлиги афсонавий шоҳ Баҳромнинг ҳоқонни маҳв этишига ўхшаб кетиши ҳақида шундай қайдлар бор: «...Аммо Баҳром Озарбойжондин Гуржистон била Дашти Қифчоқдин чиқиб, Хоразм бостуриб, Журжон навоҳисида ҳоқонға шабохун уриб, оз киши била уч юз минг черикни бузуб, ҳоқонни дастгир қилиб, ўз илки била бошин чопти. Ва бу бир иш эдиким, ондин бурун ҳеч подшоҳ қилмайдур эрди ва ондин сўнгра даҳи ҳеч кишига даст бермайдур эрди, магарким Абулғози Султон Ҳусайн Баҳодирхон ҳаллада Оллоҳу мулкаҳуға муяссар бўлдиким, бу навъ иш қилди».

Алишер Навоий Бобур мирзога йўллаган мактубида ана шу воқеани яна бир бор эсга олиб, оз киши билан кўпчиликни енгиш борасида унинг учинчи саркарда сифатида тарихга кирганлигини таъкидлагани аниқ. Чунки Бобур мирзо Самарқанднинг фатҳ этилиш тарихини эслар экан, ўз зафарини Ҳусайн Бойқаро муваффақияти билан таққосланишига эътироз билдиради:

«Султон Ҳусайн мирзо ҳам Ҳирийни ушбу йўсунлиқ ғофиллиқта олибтур. Вале иш билур киши олида равшан ва инсофлиқ эл қошида мубайяндурким, бу иш била ул иш орасида кўп фарқ бордур. Аввал буким, Султон Ҳусайн мирзо кўп ишлар кўрган, бисёр тажрибалар кечурган улуғ ёшлиқ подшоҳ эди. Иккинчи буким, ғаними Ёдгор Муҳаммад мирзо эди, ўн етти-ўн секкиз ёшлиқ бетажриба ўғлон эди. Учунчи буким, ғанимнинг ичидин кайфиёт ва ҳолотни билган киши Мир Али мирохур мирзога (Ҳусайн Бойқарога) кишилар юбориб, ғофиллиқта ғаним устига келтурди. Тўртунчи буким, ғаними қўрғонда эмас эди, Боғи Зоғонда эди. Султон Ҳусайн мирзо олғон маҳалда Ёдгор муҳаммад мирзо ва тавобеи андоқ ичкулукка тушган экандурларким, ул кеча Ёдгор Муҳаммад мирзонинг эшигида уч киши экандур, алар ҳам маст. Бешинчи буким, ул мартаба ғофиллиқта-ўқ келди ва олди.

Мен Самарқанд олғонда ўн тўққиз ёшта эдим. Не кўп иш кўруб эдим, не тажриба бўлуб эди.Иккинчи буким, менинг ғанимим Шайбонийхондек пуртажриба ва кўп иш кўрган ва улуғ ёшлиқ киши эди. Учинчи буким, бизга Самарқанддин ҳеч киши келмайдур эди. Агарчи шаҳр эли манга кўнгуллук эди, вале Шайбоқхоннинг қўрқунчидин ҳеч киши бу хаёлни қила олмас эди. Тўртинчи буким, менинг ғанимим қўрғонда эди, ҳам қўрғонни олилди, ҳам ғанимни қочурулди. Бешинчи буким, бир мартаба Самарқанд қасдиға келиб, ғанимға туйдуруб (душман сезиб қолиб), иккинчи мартаба келганда тенгри рост келтурди. Самарқанд фатҳ бўлди» [2, 76].

Бобур мирзонинг батафсил шарҳларидан маълум бўладики, у Навоийнинг мактубида зикр этилган воқеалар тарихини кейинроқ чуқур ўрганиб чиққан. Гарчи Мир Алишерга эътирозларини ёзмаган бўлса-да, бу борадаги фикр-мулоҳазаларини ўзининг умр китобига киритган.

Меҳр кўп кўргуздим аммо меҳрибоне топмадим,

Жон басе қилдим фидо оромижоне топмадим.

Алишер Навоийнинг мазкур шоҳ сатрлари шоир ҳаётлигидаёқ жуда машҳур бўлган. Бинобарин, ёшлигидан шеърият ихлосманди бўлган, адабий давраларда ўсган Бобур ғазални ёд билгани тайин. Айниқса, бошига жуда эрта

салтанат юки тушган, атрофидаги муҳитдан безиб қолган, кетма-кет тақдир зарбаларини бошидан кечирган Бобур юқоридаги матлаъни кўнгил кечинмаларининг ёрқин изҳори сифатида такрорлаб юрган. Бу пайтда «Мажолис-ун нафоис»нинг тўлдирилган нусхаси устида ишлаётган Алишер Навоий ёш ҳукмдорга мактубида адабиёт ва санъат хусусида ҳам сўз юритган, Бобурнинг табъи назми билан қизиққан, ижоди намуналаридан юборишини сўраган. Шу маҳалгача «бирор-иккирор байт айтиб» юрган, уларни ниҳоясига етказишга қунт қилмаган Бобур бадиий ижод ҳақида жиддий ўйлаб қолган. Жавоб мактубида эса улуғ шоир ва мутафаккирга эҳтиром маъносида, татаббу йўлида «биргина туркий байт айтиб» юборади:

Жонимдин ўзга ёри вафодор топмадим,
Кўнглумдин ўзга маҳрами асрор топмадим.

«Бобурнома»нинг 1501 йил воқеаларида ана шу байтнинг ғазал сифатида тугалланган ҳақида маълумот бор: «Ул ғазалеким, тугаттим, ушбу кун ушбу юртта (Тошкент яқинидаги Сом сийрак навоҳисида) тугаттим... Бу ғазал етти байт турур. Мундин сўнг ҳар ғазалеким туганди, ушбу тартиб била-ўқ битилди» [2, 90]

Алишер Навоийнинг бирорта ғазали етти байтдан кам бўлмаган. Демак, Бобур ғазал ҳажмини белгилашда ҳам улуғ устоз анъаналарига амал қилишга ҳаракат қилган.

Ёш Бобур ҳаётида Навоий билан ёзишмалардан сўнг жиддий бурилишлар кўзга ташланади. «Бобурнома» нинг шундан кейинги воқелари тасвирида адабий муҳит, бадиий ижод, илм-фан, касб-ҳунарга оид маълумотлар кенгая боради. Муаллиф, шунингдек, Алишер Навоий ҳаёти ва ижодига оид ҳар бир муҳим тафсилотга ўрин ажратади. Унинг туркий ҳамда форсий тилдаги асарларини таҳлил этади, илмий филологик асарларига ҳам муносабат билдиради. Ҳатто шоирнинг тўсатдан вафот этиши манзараларини ҳам ўзи гувоҳ бўлгандек таъсирли тасвирлайди. Шунинг учун ҳам «Бобурнома» Алишер Навоийнинг таржимаи ҳоли, адабий мероси, амалий фаолияти ҳақидаги тасаввурларимизни бойитувчи мўътабар манбалардан бирига айланади.

Андижон «... эли туркдур. Шаҳр ва бозорисида турки билмас киши йўқтур. Элнинг лафзи қалам била росттур. Ани учунким, Мир Алишер Навоийнинг мусаннафоти (асарлари) бовужудким, Ҳирийда нашъу намо топибтур, бу тил биладур». Албатта бу сатрларни битаётган ўсмир Бобур Алишер Навоийнинг ўзбек адабий тилига асос солганлиги, «мамлакатни якқалам» қилганлигини англашдан ҳали ожиз бўлган. Шунинг учун ҳам болаларча беғубор ифтихор билан Навоийдек даҳо ижодкор ўз асарларини «Андижонликлар тили» да ёзганлигини қайд этади.

Бора-бора ўзи ҳам забардаст сўз устаси бўлиб етишгач, тил бойликларини намоён қилиш, керак бўлса она тилининг камситилишига қарши курашиш зарурлигини ҳис қилади. Тил Ватаннинг таркибий қисми, миллатнинг қиёфасини белгиловчи асосий омиллардан бири эканлигини тушунади.

Туркий тилни хорлик бурчагидан шеърият осмонига кўтариш Алишер Навоий учун осон бўлмаган. Эски ўзбек тилини дағал, ижод учун ярамайди, дея

таҳқирловчиларнинг аксарияти ўзи туркий бўлатуриб, форс-тожик тилида ижод қилувчилар эди. Камолиддин Биноий ана шундайлар тоифасидан бўлиб, бу ҳақда ҳатто Навоий билан юзма-юз тортишишдан ҳам тоймаган. Биргина мисол: Биноий туркман ҳукмдори Ёқуббек ҳузурида бир неча вақт бўлиб, қайтиб келгач, Навоий ундан Ёқуббекнинг яхши фазилатларидан сўзлаб беришини сўрайди. Шунда Биноий: «Унинг энг яхши фазилати шуки, бирорта ҳам ўзбекча сўзни оғзига олмас экан», – дея жавоб беради.

Бобур шунга ўхшаш можаролардан яхши хабардор бўлган. Самарқанд тахтига иккинчи бор ўтирган кезлари, тақдир тақозоси билан Бобур ҳузурига келиб қолган Биноий ўзининг қашшоқ ҳолга тушиб қолганлиги, ейишга нону, кийишга кийими йўқлигини форс-тожик тилидаги рубоийси орқали баён қилади. Шунда Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўта зукколик билан бир вақтлар ўзбек тилини камситган Биноийга танбеҳ беришнинг ўзига хос йўлини тутади. Яъни унинг форс-тожик тилидаги рубоийсига туркий тилда қуйидаги шеър билан жавоб беради.

Ишлар бори кўнглунгдагидек бўлғусидур,
Инъому вазифа бори буйрулғусидур.
Ул ғаллау муҳмалки деб эрдинг бердим,
Муҳмалға бўю, ғалладин уй тўлғусидур.

Бобурнинг зимдан қилган нозик ишорасини фаҳмлаган Биноий, хижолат чекиб, ўз миннатдорчилигини туркий тилда жавоб рубоийсини айтиш билан билдиради.

Шунга ўхшаш воқеа Ҳиндистонда ҳам бўлиб ўтади. Бобурнинг энг яқин дўстларидан бири Хожа Калон Ҳиндистон жазирамаларига чидай олмасдан, рухсат олиб, Ғазнига кўчади. Кетаётганида ўзи яшаган уй деворига форс-тожик тилида «Ҳиндни яна кўришни истасам юзим қаро бўлсин» мазмунидаги мисраларни ёзиб қолдиради:

Агар ба хайру саломат гузар зи Синд кунам,
Сиёҳ рўй шавам, гар ҳавои Ҳинд кунам.

Бобур бу зарофатга қарши она тилининг ўткир ва тагмаъноли хусусиятини ишга солиб, қуйидаги рубоийсини битади ва Хожа Калонга юборади:

Юз шукур де, Бобурки, кариму ғаффор
Берди сенга Синду Ҳинду мулки бисёр.
Иссиқлиғига гар санга йўқтур тоқат,
Совуқ юзини кўрай десанг Ғазни бор!

Бунга ўхшаш мисолларни яна келтириш мумкин. Муддао шуки, Заҳириддин Муҳаммад Бобур туркий тилнинг бой имкониятларини намоён этиш, бу тилнинг жаҳон ҳамжамияти томонидан эътироф этилишига эришиш учун улуғ устоднинг ғоявий маслагидан умр бўйи оғишмади. Шу тариқа, Алишер Навоий даҳосининг сўз санъати майдонида пайдо бўлиши тасодифий эмаслигини, балки тарихий қонуният ва зарурат эканлигини амалда исботлади.

Хулоса қилиб айтганда, Алишер Навоий Заҳириддин Муҳаммад Бобурдаги олмос истеъдодни олис Ҳиротда туриб пайқаган, шогирдида адабиёт ва санъатга,

яратувчиликка чексиз иштиёқ уйғотган, уни улуғ мақсадлар сари руҳлантиришга муяссар бўлган мўътабар сиймо ва улуғ устод эди.

Адабиётлар

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Асарлар. – Т., 1965.
2. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т., 1990.
3. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Девон. – Т., 1994.
4. Бобурнома жаҳон кезади. – Т., 1984.
5. Валихўжаев Б. Ўзбек адабиётшунослиги тарихи. – Т., 1993.
6. Жалилов С. Бобур ва Андижон. – Т., 1993.
7. Зоҳидов В. Ўзбек адабиёти тарихидан. – Т., 1963.
8. Муҳитдинов М. Талқинларда оламча маъно. – Т., 1984.
9. Нуритдинов М. Бобурийлар сулоласи. – Т., 1994.

© Жўраев Ҳ. А., Қосимова Г. Н., 2020

Э. Д. Зиливинская
д. и. н., ИЭА РАН, г. Москва

В КАКОЙ БАНЕ МЫЛСЯ БАБУР: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ «БАБУР-НАМЕ»[1]

Общественные бани играли огромную роль в культуре городов Востока. Собственно, средневековый восточный город знает три вида общественных мест или, как сейчас говорят, публичного пространства – это мечети, общественные бани и базары.

«Бани также необходимы мусульманину, как и мечети», – писал о Константинополе в начале XX века Джелал Эссад [14, 267]. Впечатляющие данные о Багдаде приводит А. Мец. Он пишет, что в IX веке там было 5 тыс. бань только на восточной стороне, в X веке – 10 тыс. бань, а в XII – 2 тысячи [10, 356]. И, хотя эти цифры завышены, возможно, в сотни раз, они все же свидетельствуют о значительном распространении банных заведений. Такая популярность общественных бань объясняется не только их важным гигиеническим значением в условиях жаркого климата и требованиями религии, но и тем, что в средние века они являлись своеобразными клубами, где посетители проводили довольно много времени. «... Баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и разговора о купле-продаже, о торговой сделке, и для показа мастерства в шахматах или нардах. Трудно найти литературное произведение, написанное на любом из восточных языков, будь то сказка, повесть, поэма или роман, в котором баня не была бы упомянута хоть раз», – писал академик И. А. Орбели [11, 159].

Непременно упоминаются бани и в описаниях путешественников, так как их количество и качество во многом определяет лицо города. Например, Ибн Асакир очень подробно перечисляет все бани Дамаска XII века с указанием их названия и местоположения [3, 113]. На основании данных о количестве бань были даже сделаны попытки вычисления численности населения средневековых восточных городов [3, 109-111].

Существенную роль играли бани на Востоке и в жизни женщин, для которых посещение этого заведения являлось одним из немногих развлечений. Однако не во всех восточных странах женщины имели свободный доступ в бани. Например, в Арабском халифате считалось, что «муж не должен давать своей жене денег на баню, ибо тем самым способствует поступку, достойному порицания» [10, 355-356]. В Средней Азии посещение бани разрешалось только больным и беременным женщинам. Зато в Турции, Армении, Азербайджане женщины проводили в бане целые дни, занимаясь косметикой, угощая друг друга сластями и распевая песни.

[1] Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

В средние века бани выполняли функции лечебных учреждений. В «Каноне врачебной науки» ибн Сины целый раздел посвящен целебным свойствам бани, и говорится о том, какие бани являются наиболее полезными для здоровья [8, 196]. Для лечения широкого круга болезней в банях применяли отвары и настои трав (лавр, шпорник), а также растворы минеральных веществ (золы, купороса, серы).

Восточные бани часто сравнивают с античными термами. Причиной тому является одинаковое устройство системы отопления, при которой горячий воздух, идущий из топки бани, обогревает всю поверхность пола. Для этого плиты пола кладут на специальные столбики или устои, пространство между которыми заполняется дымом, который затем удаляется по вертикальным дымоходам, проложенным в толще стен. Такая система «гипокаустов» была изобретена в Древнем Риме Сергием Оратой. Она описывается у Витрувия [4, 144-147].

Бани с подпольным отоплением не только получили распространение по всей огромной территории Римской империи, но и стали неотделимы от римского образа жизни. Византийские императоры, стремившиеся перенять и развить всю роскошь Рима, продолжали строительство общественных бань.

На Востоке бани подобного типа появились во время арабских завоеваний. А. Мец считает, что и до арабов, в Сасанидском Иране, строились отдельные общественные бани, но из-за религиозных предрассудков они не получили широкого распространения [10, 355]. При арабах картина резко изменилась, и уже в IX веке общественные бани строились во всех кварталах города [12, 28-30]. В первые века хиджры «у мусульман, строго соблюдавших предписания ислама, бани всегда рождали подозрения» [10, 355]. Абу Бакр не был уверен, посещал ли пророк баню, а Али отмечал, что в банях на стенах нет ни одного изречения из Корана [10, 355]. Тем не менее бани с подпольным отоплением стали важнейшими общественными заведениями во всех мусульманских странах. В иранском дидактическом трактате XI века «Кабус-намэ», охватывающем все стороны жизни знатного феодала, отдельная глава посвящена правилам посещениям бани: «...А зимой и летом, когда пойдешь в баню, сначала проведи некоторое время в холодной комнате, чтобы природа этим насладилась. Потом уже иди в среднюю комнату и посиди и там немного, чтобы насладиться и ею. Потом ступай в жаркую комнату и посиди немного и там, чтобы получить удовольствие и от жаркой комнаты. Когда жара бани на тебя подействует, пойди в халват-хону и вымой там голову» [9, 73]. Этот отрывок дает представление и о планировке бани, которая состоит из холодного предбанника, двух парилен, теплой и горячей, а также мыльного помещения.

Упоминаются бани и в записках Бабура. «Бабур-наме» обычно оценивается как важный исторический источник. В то же время, это произведение отражает самые разные стороны жизни и быта Средней Азии, Афганистана и Северной Индии в XV-XVI вв. При описании Самарканда Бабур пишет о бане, построенной Улугбеком: «Недалеко от медресе и ханаки он построил хорошую баню: “Баней Мирзы” называется. Полы в ней выстланы камнем всех цветов. Неизвестно, есть

ли в Хорасане и Самарканде другая такая баня» [1, 71]. Где находилась эта баня, в настоящее время узнать невозможно, но мы можем реконструировать ее внешний облик по данным археологии и тем средневековым зданиям, которые сохранились до наших дней.

Если мы рассмотрим среднеазиатские бани до XIII-XIV вв., то в общем и целом планировку их можно разделить на два варианта: здания, состоящие из нескольких произвольно пристроенных друг к другу помещений, либо здания линейной планировки, состоящие из нескольких помещений с постепенно нарастающей температурой. Не все из них имели систему гипокаустов. Типичным примером являются две бани, исследованные в Самарканде. Баня IX века на городище Афрасиаб представляет собой целый городской квартал, перестроенный под общественные бани [13, 127-140]. Помещения группировались вокруг нескольких внутренних дворов разной площади, причем количество и характер комнат, расположенных вокруг двора, различно, планировка – произвольна. Стены были сложены из сырцового кирпича и местами достигали толщины 3-4,5 м. Полы купален, залов и айванов выстланы жженым кирпичом фигурной кладкой. Г. В. Шишкина выделяет раздевальни, комнаты для отдыха, массажное отделение, моечные помещения с ваннами, комнаты для служителей и цистерны для воды [13, 130-135]. Ванны Афрасиабской бани образовывали интересную систему резервуаров с разным уровнем днищ: в большую ванну, вдоль которой была сделана скамеечка для сидения, была встроена ванна более глубокая и меньшего размера со стоком в яму поглощающего колодца. Отопительная система бани состояла из большого количества неглубоких канавок, выложенных обожженным кирпичом, которые проложены от топки вдоль суф, ванн и резервуаров с водой. Стены, полы, поверхности резервуаров и ванн покрыты водостойким раствором. В некоторых комнатах стены украшены росписями и резным ганчем.

Бани другого типа расчищены на востоке и в западной части Афрасиабского городища [13, 140-142]. Обе они относятся к X веку. Здания состояли из отдельных, изолированных друг от друга помещений с самостоятельной системой отопления, ваннами и суфами для массажа и отдыха. Обогрев помещения осуществлялся при помощи тандыра, из топки которого горячий воздух по канавкам распространялся по периметру ванны и вдоль подножия суфы. Рядом с тандыром помещался врытый в пол хум для воды, которую можно было черпать из ванны через специальный проем в переборке. Г. В. Шишкина считает, что такой тип бань был господствующим в X-XI вв., и именно его имел ввиду ибн Сина, когда говорил, что «лучшая баня – та..., где топку разжигают сообразно натуре тех, кто хочет в нее зайти» [8, 196]. Однако во времена ибн Сины существовал и другой тип бань, в котором «первая комната охлаждает и увлажняет, вторая – согревает и увлажняет, третья – согревает и высушивает» [8, 196], то есть там имелся ряд комнат с постепенно возрастающей температурой. Вполне возможно, к этому типу принадлежала афрасиабская баня, кратко описанная В. Л. Вяткиным, про которую известно лишь, что она имела настоящую систему подпольного отопления в виде жаропроводящих каналов,

завершающихся арочным перекрытием [7, 16].

Начиная с XIII-XIV вв., все бани становятся настоящими хаммамами сложно разработанного плана. Для Средней Азии В. Л. Воронина выделяет три типа их планировки [6, 136-141]. Количество помещений в банях различно, но строго постоянно внутри каждого типа (рис. 1-2).

Бани этого периода представляют собой многокупольные сооружения с центральным залом и строго последовательной системой соединения помещений. Хаммамы имели систему подпольного отопления, подобную римским термам, но, в отличие от последних, для лучшего удержания тепла они сильно заглублялись в землю. Для уменьшения теплопотерь стены зданий делались толстыми (до 1,5 м), а перекрытия в теплых помещениях – низкими. Топочное отделение состояло из круглой или овальной в плане печи, окруженной со всех сторон очень толстыми стенами. Цистерны для воды, представлявшие собой соединенные между собой камеры, покрытые изнутри водостойким раствором, находились над топочным отделением. Обычно цистерн было две или три. В дно горячей цистерны, расположенной непосредственно над печью, вмуровывался чугунный или бронзовый котел.

Вода в цистерны набиралась из колодцев или арыков. Внутри бани вода разводилась по керамическим или металлическим трубам, или же ее зачерпывали непосредственно из цистерн через специальные окошки. Использованная вода стекала в канавки, проложенные в полу или под полом, и выводилась за пределы бани.

В разных странах хаммамы несколько отличаются по планировке и составу помещений, однако их непременной чертой является наличие центрального зала, представляющего композиционный центр здания. Центральный зал в виде креста, многоугольника, звезды выполняет роль массажного отделения. К нему примыкают все остальные помещения бани. Все здание хаммама обычно имеет форму прямоугольника. Сначала посетитель попадает в предбанник, который расположен в противоположном от топочного отделения конце здания и не имеет подпольного отопления. Предбанник чаще всего прямоугольный в плане, и размеры его тем больше, чем больше значение бани как общественного места. В предбаннике посетители раздеваются и отдыхают до и после банных процедур. За предбанником могут быть одна или две промежуточные теплые комнаты. В Средней Азии их называют «первая и вторая комнаты для мытья ног» [5, 119]. Далее следует центральный зал. Наиболее простая его форма – крестообразная. Она получается, когда по углам квадратной в плане части здания стенами отделяются четыре квадратные комнатки, предназначенные для мытья. Проходы в них располагаются в углах, примыкающих к центру зала. Для этого углы скашиваются, и центральная часть массажного отделения приобретает форму восьмиугольника, четыре стороны которого соединялись с открытыми лоджиями, а четыре другие состояли из глухих стен с узкими дверями. Если проходы в лоджии перегораживались стенами, то весь зал принимал форму восьмиугольника, к каждой стороне которого примыкала небольшая квадратная комната. Остальные типы планировки центрального зала возникли в результате

дальнейшего усложнения этих фигур [6, 155-157].

Температура в массажном отделении постепенно увеличивается: самым прохладным помещением является лоджия, в которую ведет проход из предбанника, а самым горячим – лоджия, примыкающая к топке. Два других рукава креста имеют среднюю температуру. Мыльные помещения также делятся на два теплых и два горячих (пристроенных вплотную к топочному отделению). Кроме этих основных помещений, в восточных банях могла быть комната для совершения намаза (в банях Средней Азии она находилась в соответственно ориентированной лоджии центрального зала), комната для интимного туалета (удаления волос) и уборная.

Центральный зал и мыльные комнаты обычно перекрывались куполами. Предбанник мог иметь плоское перекрытие, а остальные комнаты – сводчатое или тоже купольное. Освещение здания осуществлялось через отверстия в куполах, наличие которых к тому же препятствовало конденсации влаги в помещениях. Для защиты от осадков отверстия закрывались световыми фонарями, сначала керамическими с прорезями, а затем – стеклянными.

Интерьер восточных бань довольно прост и подчинен функциональной целесообразности. В холодном предбаннике строилась большая суфа, которая могла иметь отдельный обогрев. В середине центрального зала в большинстве стран находится каменное возвышение круглой или восьмиугольной формы (камень-пуп), на котором во время массажа помещалось сразу несколько человек. Лежанки также находились и в лоджиях центрального зала.

Для банных помещений характерно большое количество ниш и нишек в стенах. В предбаннике в них складывали одежду и обувь, а в мыльном отделении – различные банные принадлежности. Стены и полы в банях покрывались слоем водостойкого раствора сложного состава. Штукатурка стен могла быть окрашена в один цвет или расписана несложным орнаментом. В некоторых банях полы мостились мрамором или другим камнем разных сортов.

Именно такая баня изображена на миниатюре к «Бабур-наме» (рис. 3) из коллекции Музея Востока [2, ил. 79]. Она иллюстрирует эпизод, относящийся к 1502-1503 гг.: «Однажды утром из Маргинана, покинув Танбала, прибежал Джехангир Мирза. Когда пришел Мирза, я был в бане…» [1, 125]. Встреча Бабура с Мирзой происходит в довольно обширном предбаннике. Они стоят босиком на полу, покрытом ковром. За Бабуром, вышедшим из мыльного отделения, идет банщик с полотенцем в руках. На высоко расположенной галерее двое людей читают какую-то книгу. К предбаннику примыкает основная часть бани, которая представляет собой многокупольное здание. Центральная часть (центральный зал, массажное отделение) перекрыта большим куполом. Его окружают малые купола, которые перекрывают угловые мыльни и лоджии центрального зала. На куполах хорошо видны световые фонари с цветными стеклами. В задней части здания снаружи расположена топка. Возле нее сидит полуголый истопник, которому, вероятно, очень жарко, и товарищ поит его водой из бурдюка. Здесь изображение сцены в бане более реалистичное, чем на миниатюре делийского

списка[1] [15]. На ней (рис. 4) Бабур принимает Мирзу прямо в основном массажно-моечном отделении бани, сидя одетым на коврах и подушках, чего быть никак не могло.

О том, сколь важны были бани для любого жителя Востока, свидетельствует еще один отрывок из Бабур-наме. Эпизод относится к 1525-26 гг., когда Бабур занимался строительством своей резиденции близ Агры. Он пишет следующее: «Сначала вырыли большой колодец, из которого берут [теперь] воду для бани... После этого разбили садик вокруг моих личных покоев и построили самое комнаты; затем построили баню… В Хиндустане мы страдали от трех вещей: во-первых, от жары, во-вторых, от сильного ветра и, в-третьих, от пыли. Баня устраняет все три [неприятности]: пыль и ветер ничего не могут сделать в бане, а в жаркую погоду там так свежо, что человек почти зябнет от холода» [1, 296].

Баня была достаточно роскошной, не хуже, чем в Самарканде: «То помещение бани, где находится горячий водоем, сплошь выложили камнем. Нижняя часть стен была из белого камня; все остальное, пол и потолок – из красного камня, который [привозят] из Бианы» [1, 297]. На важность бани указывает и тот факт, что только после ее постройки возвели мечеть, причем Бабур пишет, что «ее построили нехорошо – так как строят в Хиндустане» [1, 297].

Литература

1. Бабур-намэ. – Ташкент, 1993.
2. Бабур-наме : миниатюры из собрания Государственного музея Востока. – Самара, 2005.
3. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока : VII – середина XIII в. – М., 1984.
4. Витрувий. Об архитектуре : 10 книг. – Л., 1936.
5. Воронина В.Л. Об узбекских банях / СЭ. – 1951. – № 1.
6. Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока / Архитектурное наследство. – 1983. – № 31.
7. Вяткин В. Л. Афрасиаб – городище былого Самарканда. – Ташкент, 1926.
8. Ибн Сина Абу Али. Канон врачебной науки : Кн. I. – Ташкент, 1954.
9. Кабус-намэ. – М., 1953.
10. Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1996.
11. Орбели И. А. Баня и скоморох XII в. : Сборник памятников эпохи Руставели. – Л., 1939.
12. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. – М., 1983.
13. Шишкина Г. В. Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба / Афрасиаб, вып. II. – Ташкент, 1973.
14. Эссад Дж. Константинополь : от Византии до Стамбула. – М., 1919.
15. Babarnama ke rangacitra / сост. M. S. Randhawa. – [б. м.], 1993.

[1] Приношу благодарность А. Бабину за предоставленные изображения миниатюр.

Иллюстрации:

Рис. 1. Позднесредневековые бани Средней Азии 1 и 2 типов (по В. Л. Воронина, 1983).

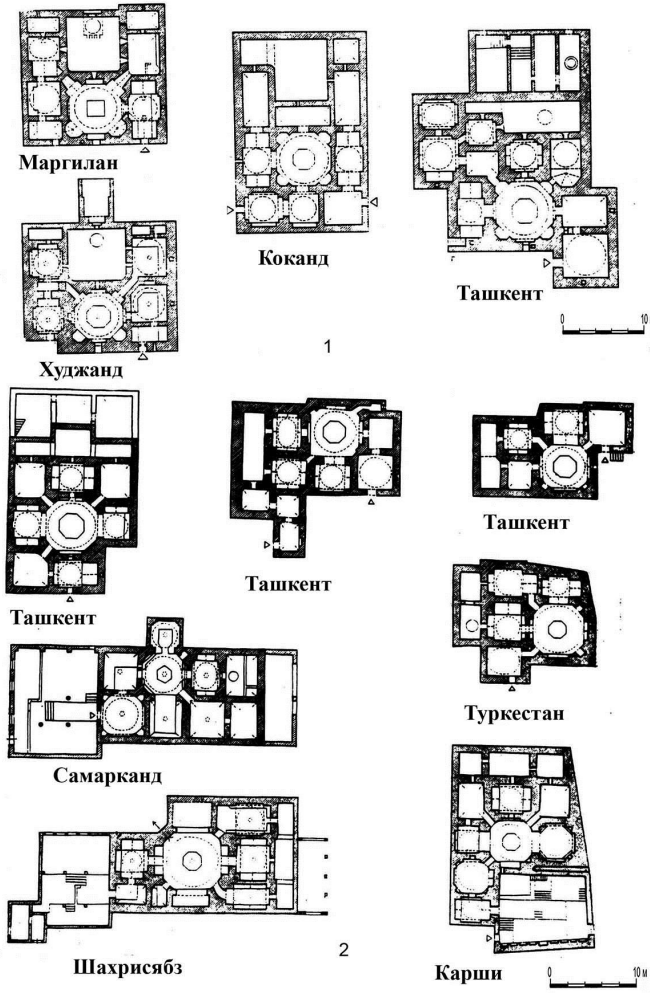
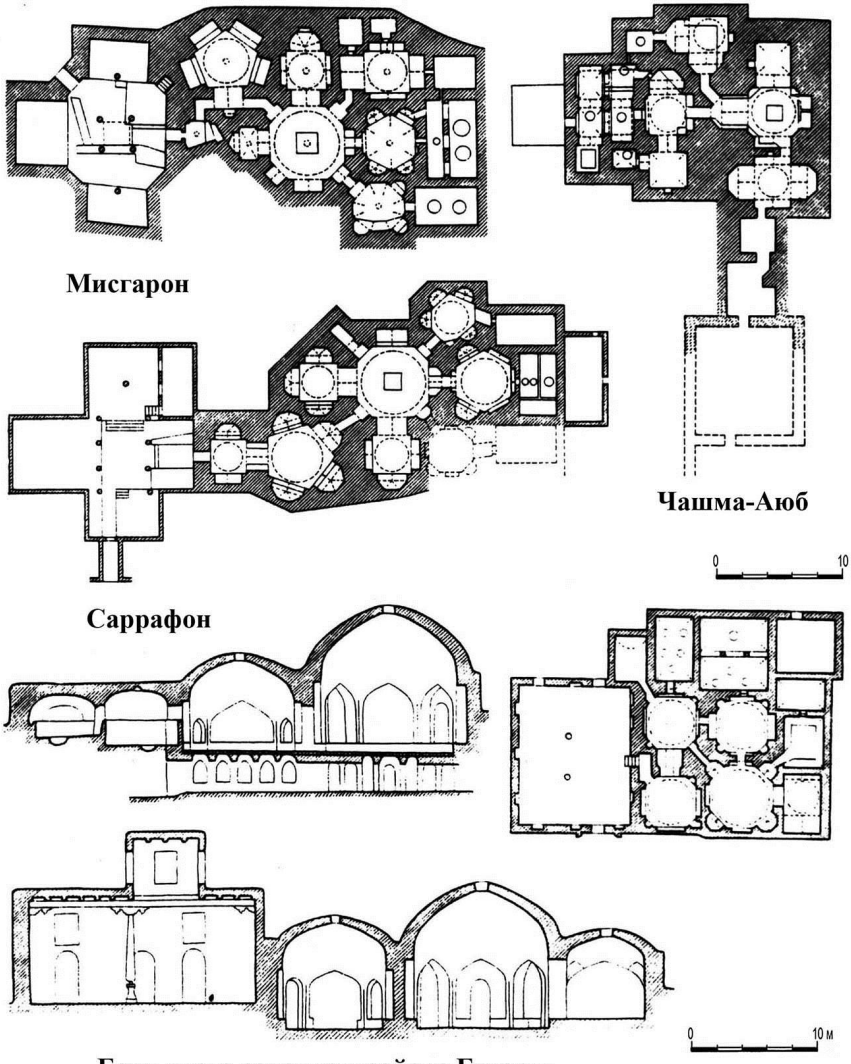

Рис. 2. Позднесредневековые бани Средней Азии 3 типа (по В. Л. Воронина, 1983).

Баня в юго-западном районе Бухары

Рис. 3. Миниатюра к «Бабур-наме» из собрания ГМВ. Прибытие Джехангир мирзы в Ахси к Бабуру, находившемуся в это время в бане (кат. 18 по Бабур-наме, 2005).

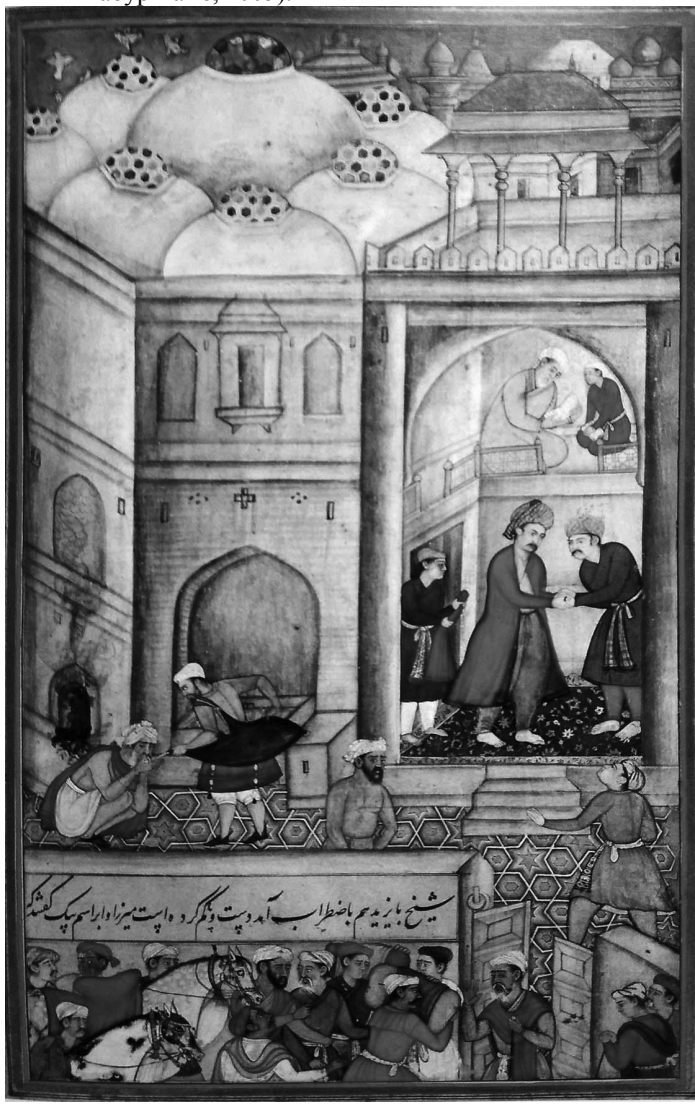
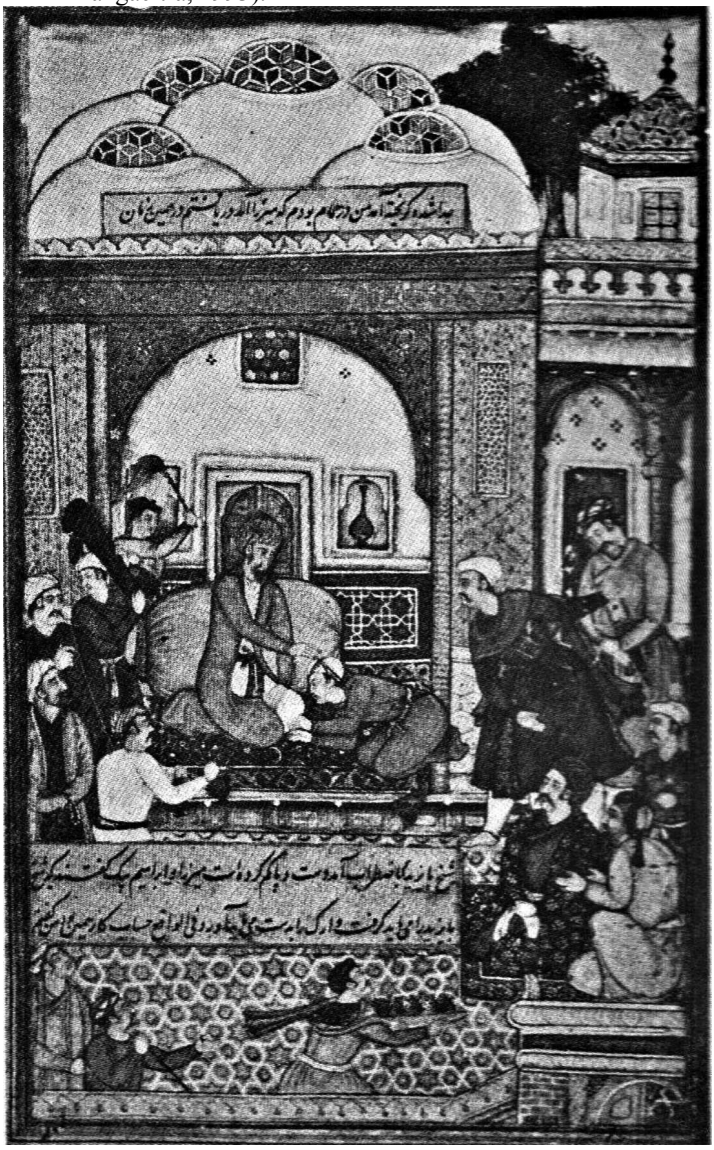

Рис. 4. Миниатюра к «Бабур-наме» из делийского списка (по Babarnama ke rangacitra, 1993).

© **Зиливинская Э. Д.**, 2020

М. Б. Ибодова,

студентка ТГПУ им. Низами, г. Ташкент (Узбекистан)

СКИТАЛЬЧЕСКАЯ ДУША МЕЖДУ ДВУХ СТРАН

Как известно, имена великих мира сего запечатлены на бесценных страницах истории. Имена таких великих личностей, как Спитамен, Ширак, Тумарис, Жалалиддин Мангуберди, Абу Али Ибн Сина, аль-Хорезми, Ахмад Фергани, Машраб, Мир Алишер Навои, написаны золотыми буквами. Среди них есть такой человек, память о котором будет вечно жить в наших сердцах. Великий государственный деятель, умелый полководец, талантливый поэт, просветитель, милосердный отец, совершенный человек, оставивший неизгладимый след в истории Мавераннахра, создавший перелом в истории Афганистана и Индии, осуществивший большие изменения в культурной, социальной и экономической жизни этих стран, – Захириддин Мухаммад Бабур.

Бабур родился 14 февраля 1483 года в Андижане, в семье Мирзы Умаршайха, правителя Ферганы и представителя пятого поколения полководца Амира Тимура. Мать Мирзы Бабура Кутлуг Нигарханум была дочерью Ташкентского хана Юнусхана и относилась к 15 поколению Чингисхана. Детские годы Бабура прошли в Андижане. Начальное образование получил на родном, узбекском языке. Тщательно изучил творчество Ширази, Низами Ганджеви, Абдуррахмана Джами, Алишера Навои. По воле судьбы в 12 лет сел на трон. С этого времени в его жизни начались годы испытаний. Дворцовые интриги, борьба за трон резко изменили жизнь Бабура. Молодые годы провел в сражениях. До 1521 года проживал в Мавераннахре, в основном в Андижане, частично в Самарканде и Фергане. Затем события в Кабуле и оседание Бабура на чужой земле с победой 1526 года над войсками Ибрахима Лоди послужили причиной началу нового периода в жизни Бабура. В чужой стране создал для себя своеобразный мир. Стал одним из основателей великого государства и прожил здесь до конца своих дней.

Захириддин Мухаммад Бабур, которого всю жизнь не покидала тоска по Родине, умер в городе Агра. Впоследствии, согласно его завещанию, усыпальницу перенесли в город Кабул. Бабур в Индии основал большую империю. Эта династия почти 300 лет правила в Индии.

Полководец, жизнь которого прошла на поле суровых сражений, не переставал творить. Творчество стало его спасителем, зажигало в душе искры надежды. Газели и рубаи стали для него и единомышленником, и возлюбленной. В частности, в 1522 году написал произведение «Мубаййин», посвященное сыну Хумаюну, после – «Мухтасар», «Ҳарб иши», «Мусиқа илми», «Аруз ҳақида», «Хатти Бобурий», «Муфассал» (не дошедшие до нас). Также, занимаясь музыкой, создал мотив к макому «Чоргоҳ», перевел на узбекский язык произведение Хаджи Ахрора Вали «Волидия».

До нас дошли более 400 стихов Бабура: из них 119 газелей, 231 рубаи. Его лирическое наследие собрано в «Кобул девони» (1519 год, не дошедший до нас) и «Ҳинд девони» (1528-1529). Великим произведением Бабура является «Бабур-наме», которое также называют «Вақое». Произведение было написано в 1454-1529 годах, в основном в нем изложены события, пережитые Бабуром. «Бабур-наме» состоит из трех частей:

1. события, произошедшие в Центральной Азии во второй половине XV века;
2. события, произошедшие в Кабуле, то есть в Афганистане, в конце XV века и первой половине XVI века;
3. события, произошедшие в истории Индии в первой четверти XVI века.

Читатель, прочитав «Бабур-наме», может представить Бабура как вечного боевого полководца, правителя и просветителя, милосердного отца, со всеми победами и поражениями, качествами и недостатками. «Бабур-наме» для читателя, словно многосерийный фильм. В этом зеркале проявляются события за 50-летний период в Мавераннахре, Хорасане, Индии и прилегающих им странах. Всю жизнь Бабура не покидала мысль о возвращении в Мавераннахр. Следовательно, в «Бабур-наме» автор пишет: *«Бизнинг эҳтимомимиз ул сарилар бормоққа беҳад ва беғояттур. Ҳиндустон ишлари ҳам бир навъ сомон топиб келадур. Тенгри таолодин умид андоқким, бу оранинг иши Тенгри таоло инояти била бот саранжом топқай. Бу иш забтидан сўнг бетаваққуф, Тенгри еткурса, мутабажжиҳ бўлғумдур. Ул вилоятларнинг латофатларини киши нечук унутқай. Алалхусус мундоқ тойиб ва торик бўлғонда қовун ва узумдек машруъ ҳазни киши не тавр хотирдан чиқаргай».*

Данные строки написаны во время создания крепкого государства в Индии. Обратим внимание на цитату, ярко выражающую тоску по Родине. Он в своих мыслях трижды обращается к Всевышнему. И в чужой стране остается преданным Исламской религии. Помнит каждую пядь своей земли, утопает в мыслях о садах райского уголка. Даже находясь вдали от Родины, мысленно бок о бок находится с Родиной.

Благодаря уму, непреклонной воле, отваге достиг больших успехов в Индии. Сегодня Бабура и его предков индусы вспоминают с большой любовью. Свидетельством этому служат теплые слова Джавахарлала Неру о том, что с приездом Бабура в Индию произошли великие изменения, прогрессы в области искусства, архитектуры и культуры.

Действительно, в годы независимости широко стали изучаться жизнь и творчество Бабура. В честь великого писателя организован международный общественный фонд, найдены первоисточники о творчестве Бабура и переданы в музей «Бабур и мировая культура» города Андижан. Это переписанная копия Корана в «Хатти Бобурий», выписка из иранской копии «Бобур Куллиёти», а также более 20 копий «Бабур-наме», переведенных на разные языки.

Изучение деятельности Бабура стало актуальной темой. Его личность стала интересна всем. В частности, известный ученый Гарол Лемб пишет так: «Бабур поступил как правитель Мирза Улугбек и считал себя ответственным за судьбу страны. Его качества в чрезвычайных ситуациях навечно оставили свой

след в великой империи, где начал править Акбар». Также английский востоковед Эдуард Холден высоко оценивает личность и деятельность поэта: «Бабур владеет всеми благородными качествами, свойственными человеку великой души, его произведения совершенны. С учетом своеобразия периода Бабура, полководца Бабура в качестве правителя и поэта, несомненно, можно поставить в один ряд с Цезарем».

Да, безусловно, заслуживают уважения данные мысли о нем:

Ёд этмас эмиш кишини меҳнатда киши,
Шод этмас эмиш кўнгилни ғурбатда киши.
Кўнглим бу ғариблкда шод ўлмади ҳеч
Ғурбатда севинмас эмиш, албатта киши.

Несмотря на государственные дела, долг перед своим народом и семьей, беспокойства, постигшие его, желание творить не покидали его. Это заслуживает большого уважения. В его произведениях ярко выражены стоны души, далекой от Родины. В своих лирических стихах ценит искренние человеческие качества: любовь, милосердие, справедливость, патриотизм. Призывает любить Родину, утверждает, что печаль и обида, вытекающие из мольбы человека, лишенного внимания близких на чужбине, приносят одну боль. Ни веселья, ни пиры не могут заменить печаль души скитальца.

Бабур был милосердным, человеком большой души. Он в своих газелях и рубаи выражал страдания души, сердечную тоску. Чувство расставания с Родиной, любовь к Родине ни на миг не покидали его.

С своих газелях и рубаи выражал страдания, нанесенные ему изменой близких. Читая его произведения, можно прочувствовать боль, безголосый плач, полные печалью вздохи души. Бабур в своих произведениях смог вместить печаль, которая не вмешается в душу человека. В газели «Ўлим уйқусиға бориб жаҳондин бўлдим осуда» говорится:

Ўлум уйқусиға бориб жаҳондин бўлдим осуда,
Мени истасангиз, эй дўстлар, кўргайсиз уйқуда.

Конечно, человек рождается, беззаботно живет с родителями. У Бабура не было такой возможности. Он рано лишился детства. До последних дней жизни был лишен спокойствия, встревожен, терзался в искрах надежды. С первой же строки газели отражает это состояние. Говорил, что только сон смерти может успокоить его, что только во сне его могут увидеть искавшие, желающие его люди.

Неки тақдир бўлса, ул бўлур таҳқиқ билгайсиз,
Ерур жанг-у жадал, ранж- у риёзат барча беҳуда.

Несомненно, каждому прописана жизнь, называющаяся «судьбой». И Бабур утверждал, что нельзя убежать от судьбы, случается то, что предначертано судьбою. Мир для него – это испытание, которое стоит пережить, не взирая ни на что.

Ўзингни шод тутқил, ғам ема дунё учун зинҳор
Ки, бир дам ғам емакка арзимас дунёйи фарсуда.

Можно сказать, что все мы торговцы, идущие к вечной жизни. В пути кому-то что-то отдаем или, наоборот, что-то получаем от кого-то. Однако, ничего с собой не забираем из этой бренной жизни. На этом длинном пути не должны забывать о том, что являемся настоящими людьми. Поэтому поэт говорит, что нужно веселиться и не страдать из-за бренного мира.

Замон аҳли ичра, эй кўнгул, оё, топилғайму
Сенингдек дард паймо-ву менингдек дард паймуда.

В данных строках поэт обобщает: все сводит к душе. Безусловно, душа – достояние Аллаха. Она дана нам на хранение. Мы должны беречь её, не наносить ей вреда. Несмотря на душевные муки, Бабур принимает жизнь такой, какая она есть.

Улусдин тинмадим умримда ҳаргиз лаҳзае, Бобур,
Магар ўлсам бу олам аҳлидин бўлғаймен осуда.

Бабур испытал много страданий. С одной стороны, тоска по Родине, скитальчество, с другой – печаль народа сопровождала его. Последняя не покидала его никогда.

В саду под названием «литература» много разнообразных цветов. Каждый из них имеет свой цвет, запах, форму. Также и творчество Бабура, словно благоухающий сад.

Литература

1. Бабур З. М. Бобурнома [= Бабур-наме]. – Т., 1989.
2. Бобур ва Дунё : илмий-маърифий, адабий-бадиий журнал. – 2017. – 3-сон.
3. Қудратуллаев Ҳасан. Бобур ҳақида уч мақола // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. – 2004. – 7-сон.
4. Тўхлиев Боқижон. Адабиёт. – Т., 2018.

© **Ибодова М. Б**., 2020

М. Исломова,
ФарДУ факультетлараро чет тиллар кафедраси ўқитувчиси,
Фарғона шаҳри (Ўзбекистон)

Аннотация: В статье анализируются мотивы ностальгии и разлуки в творчестве Захириддина Мухаммада Бабура с точки зрения традиций и оригинальности. В узбекской классической поэзии и фольклоре люди, которые потеряли свою родину или потеряли любимого человека, сравниваются с птицей со сломанными крыльями, или с птицей в клетке. Действительно, изображение птицы было символом свободы на протяжении веков. Автор статьи отмечает, что во многих отрывках «Бабур-наме», когда речь идет о географическом районе, приводится информация о птицах этой земли. Лирика Захириддина Мухаммада Бабура наполнена тоской по родной земле, печалью разлуки и надеждой на возвращение.

БОБУР АСАРЛАРИДА ЮРТ СОГИНЧИНИНГ ОБРАЗЛИ ИФОДАСИ («БОБУРНОМА» ВА ЛИРИКАСИ АСПЕКТИДА)

Ўзбек мумтоз шеърияти ҳамда фольлори намуналарида она юртдан жудо бўлган ёки севимли кишисидан айрилган кишиларнинг ҳолати қаноти қайрилган, баъзан қафасга солинган қушга ўхшатилади. Ҳақиқатан ҳам қуш образи кўп асрлардан буён эрк ва озодлик рамзига айланб қолган. Заҳириддин Муҳаммад Бобур ижодини, хусусан, унинг «Бобурнома» асарини ўздан кечиргнимизда муаллиф жуда кўп ўринларда бирор географик ҳудуд ҳақида сўз юритаётганида ўша ернинг қушлари ҳақида ҳам маълумотлар келтириб ўтади. Масалан, Хўжанд ҳавоси ва иқлими ҳақида гап кетганда «Ҳавоси бисёр мутааффиндур, кузлар безгак кўп бўлур. Андоқ ривоят қилдиларким, чумчуқ безгак бўлғондур. Дерларким, ҳавосининг тааффуни шимолдағи тоғ жиҳатидиндур», дейди [1, 7].

Шарқ ривоятларида айтилишича, шунқор номли бургутсимонлар оиласига мансуб қуш яродор бўлганида ёки овга ярамай қолганида ўзини тош ёки қояларга уриб ҳалок бўлар экан. «Бобурнома» муаллифи отасининг бевақт ҳалок бўлишини қаламга олар экан, ана шу ҳодисага ишора қилаётгандек туюлади: «Ушбу тарихда душанба куни рамазон ойининг тўртида Умаршайх мирзо жардин кабутар ва кабутархона била учуб, ***шунқор*** бўлди. Ўттуз тўққуз ёшта эрди» [1, 9].

Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг ватанга бўлган соғинчи, айрилиқ изтироблари «Бобурнома»даги қушлар ҳақидаги тафсилотларда ҳам кўриниб туради. Бу ҳақда сўз юритишдан олдин бадиий адабиётдаги ғурбат ва ғариблик мотивлари ҳақида қисман тўхталиб ўтиш лозим.

Бобурнинг сўз санъати борасидаги устози, улуғ шоир ва мутафаккир Алишер Навоий ижодида ғурбат ва айрилиқ мотивлари эстетик-фалсафий жиҳатдан мукаммал ифодаланган намуналар кўплаб учрайди. Жумладан қуйидаги рубоийсида ғариблик туйғуси юксак бадиий ифодасини топган: *Мунглуғ бошим остидаги тошимниму дей?*

Тош устидаги ғариб бошимниму дей?
Ҳасрат суйидин кўзимда ёшимниму дей?
Ўлмакдин саъброқ маошимниму дей?

Заҳириддин Муҳаммад Бобур Навоий ижодидаги рубоийнинг мумтоз намунаси бўлган ушбу шеърга пайравлик қилиб, қуйидагиларни ёзади: *Ғурбат туғи ёпқан руҳи зардимниму дей?*
Ё ҳажр чиқарғон оҳи сардимниму дей?
Ҳолинг не дурур, билурмисен дардимни,
Ҳолинг сўрайму, йўқса дардимниму дей?

Ғурбат ва айрилиқ мавзуисдаги ғойибона мушоира икки улуғ сўз санъаткори ижодида яна давом этади. Ҳижрон азобларидан қийналаётган қалб, айрилиқ ғамидан ҳасратга тўлган кўнгил нолаларини Навоий шундай лирик ифодалайди: *Андин бериким, қошимда ёрим йўқтур,*
Ҳижронда жуз нолаи зорим йўқтур.
Дашт узра қуюн кеби қарорим йўқтур,
Саргашталигимда ихтиёрим йўқтур!

Мутафаккир шоирнинг таъсирчан мисралари тақдир тақозоси билан она юртдан, ёру диёридан абадий айрилган Бобурга кучли таъсир этиб, у ҳам ана шу оҳанг, худди шу мавзу ва шаклда қуйидаги ўтли мисраларини яратади:*Кўпдан бериким ёру диёрим йўқтур,*
Бир лаҳзаву бир нафас қарорим йўқтур.
Келдим бу сори ўз ихтиёрим бирла,
Лекин боруримда ихтиёрим йўқтур. [4, 74]

Бобур гарчи Навоийнинг ғурбат ва айрилиқ ҳақидаги қарашларини анъанавий давом эттираётгандек туюлса-да, юқоридаги ҳар икки рубоий ўртасида муайян фарқлар бор. Алишер Навоий рубоийсида мумтоз шеъриятдаги анъаналарга мувофиқ ошиқ ва маъшуқ ўртасидаги муносабатлар, уларни ўртаётган ҳижрон уқубатлари ҳақида сўз борса, Бобур рубоийсида аниқ тарихий шахс, яъни Бобурнинг ўзи лирик қаҳрамон сифатида майдонга чиқади. Шунингдек, конкрет тарихий шарт-шароит – муаллифнинг ҳақиқатан ҳам она юртидан жуда олисларда абадий қолиб кетишга мажбурлиги шеърнинг таъсир кучини янада орттиради.

Дарҳақиқат, Бобур ижодини ғурбат мотивларисиз, ғариблик нолаларисиз тасаввур қилиш қийин. Кўпчилик тадқиқотчилар буни Афғонистон ва Ҳиндистондаги ҳаёти билан боғлайдилар. Фикримизча, бу унчалик тўғри эмас. Бобурнинг бу мавзудаги шеърлари ҳали ватандалигидаёқ бошланган. Бобур тушунчасида, киндик қони тўкилган, кейинчалик ўзи ҳукмдор бўлган Андижоннинг қўлдан кетиши (1498) ватанжудоликнинг, яъни «жалои ватан бўлмоқ»нинг бошланиши бўлган. Масалан, «Бобурнома»дан ҳам тафсилотлари билан ўрин олган қуйидаги рубоийси у Тошкентга – тоғасининг ҳузурига келганида яратилган (1501 йил):
Ёд этмас эмиш кишини меҳнатда киши,
Шод этмас эмиш кўнгулни ғурбатта киши.
Кўнглум бу ғарибликта шод ўлмади ҳеч

Ғурбатта севунмас эмиш, албатта, киши [4, 96].

Шоир она ватанидан буткул узилганидан сўнг бу мотивлар янада конкрет тус олади:

Қовун бирла узумнинг ҳажрида кўнглумда ғам ҳар су,
Оқар сувнинг фироқидин кўзумдин ҳар дам оқар сув.

Ёки:

Толе йўқи жонимға балолиғ бўлди,
Ҳар ишники айладим, хатолиғ бўлди.
Ўз ерни қўюб Ҳинд сори юзландим,
Ё раб, нетайин, не юз қаролиғ бўлди [4, 96]

Ҳасбиҳоллик хусусияти ўта бўртиб туриши, лирик қаҳрамон ва муаллиф шахсияти деярли бирлашиб кетиши Бобур услубига хос асосий белгилардан биридир. Биз баъзан унинг лирик қаҳрамони тимсолида шоирнинг ўзини кўриб тургандай бўламиз.

Бобур шеъриятида лирик қаҳрамон жудолик аламларини зўр ҳасрат билан куйлайди. Баъзи шеърларни мутолаа қилган ўқувчи кўз ўнгида суюкли ёридан жудо бўлган, чексиз ғуссага ботган ошиқ образи жонланади. Айрим рубоийларда эса она юртидан олисларда қолган, қайтиш йўллари буткул беркилган ғариб бир зотнинг фарёдлари янграётгандек бўлади.

«Бобурнома»да ҳам, юқорида айтиб ўтилганидек, бирор географик ҳудуднинг табиати, иқлими, набототи, ҳайвонот ҳамда қушлар олами ҳақида сўз юритар экан, биринчи марта кўриб турган паррандаларни Мовароуннаҳр вилоятларида учрайдиган қушларга нисбатан қиёсан тасвирлайди. «Яна бир **шорак**тур... Бир навъи будурким, Ламғонотта кўптур, боши қора, қанотлари ола, жуссаси *чуғурчуқ*дин бир нима улуқ ва қабороқтур» [1, 256].

«Яна **лўча**дур. Бу қушни буқаламун ҳам дерлар. Бошидин қуйруғигача беш-олти мухталиф ранги бор, *кабутар*нинг бўйнидек барроқдур».

«Яна **саҳройи товуқдур**. *Уй товуғи* била бу товуқнинг орасида фарқ будурким, бу саҳройи товуқ *қирғовул*дек учар, яна уй товуғидек ҳар ранг ҳар ранг бўлмас».

«Яна **бўдана**дур... Бир бўданадурким *бизнинг вилоятлар*га борур бўданадин улуқроқдур».

«Яна бири **сорас**дур. Ҳиндустонда бўлғон турклар *теватурна* (тяқуш) дейдурлар».

«Яна **маник**дур. *Лаклак* (лайлак)дин хейли улуқтур. Лаклакка мушоҳабати бор, тумшуғи лаклакнинг тумшуғидин узунроқтур».

«Яна Ҳиндустоннинг **олақарға**сидур, *ул вилоят*нинг олақарғасидин кичикрак... Яна бир қушдур, *қарға* била *ҳакка* (зағизғон)га мушоҳабати бор».

«Яна бир **қуйил**дур... Ҳиндустон *булбули* бу эмиш. Ҳиндустон эли олдида булбулча ҳурмати бордур» [1, 259].

Кўринадики, «Бобурнома» муаллифи Ҳиндистонда туриб, ўзи туғилиб ўсган юртларда ҳам учрайдиган қушларга ички дард ва юрт соғинчи билан назар солади. Бошқа мамлакат паррандаларидан ҳам ўз юртида учрайдиган қушларга

хос белгиларни излайди ва топади. Шеърларида ҳам ўз лирик қаҳрамонини гул ҳажридаги булбулга қиёслайди:

Сен гулсену мен ҳақир ***булбул****дурмен,*
Сен шуъласен, ул шуълаға мен қулдурмен.
Нисбат йўқтур, деб ижтиноб айламаким,
Шаҳмен элга, вале сенга қулдурмен! [4, 87]

Заҳириддин Муҳаммад Бобур лирикасидан шунга ўхшаш ёр васлига интилиш, ҳижрондан шикоят, айрилиқ азобининг бешафқатлиги, ниҳоят, висолдан умидворлик оҳанглари билан тўла мисолларни яна келтириш мумкин. «Бобурнома»даги кўплаб лавҳа ҳамда тасвирларда ҳам, юқорида кўриб ўтганимиздек, муаллифнинг туғилган юртига соғинчи, ғурбатдаги бетоқатликлари яққол кўриниб туради.

Адабиётлар

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т., 1990.
2. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Девон. – Т., 1994.
3. Бобурнома жаҳон кезади. – Т., 1984.
4. Жалилов С. Бобур ва Андижон. – Т., 1993.
5. Қаюмов А. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. – Т. : Шарқ юлдузи, 1982.
6. Нуритдинов М. Бобурийлар сулоласи. – Т., 1994.
7. Ҳаққул И. Рубоий. – Т. : Фан, 1976.

© Исломова М., 2020

Л. Г. Исмайлова,
к. ф. н., доц., Военный Университет Минобороны РФ, г. Москва

ГАЗЕЛИ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Основатель Империи Великих Моголов в Индии Захириддин Мухаммад Бабур (1483–1530) был не только государственным правителем, полководцем, но и писателем, поэтом, одним из крупных представителей узбекской литературы XVI в. Он продолжил творческие традиции Низами Гянджеви, Хосрова Дехлеви, Лутфи, Алишера Навои. Произведения Бабура отличаются глубокой содержательностью и художественной завершенностью. Его сложный жизненный путь, противоречивое мировоззрение нашли свое отражение в богатом литературном и научном наследии автора, которое определяет его место в истории узбекской литературы.

В изучении поэтического наследия Бабура весомый вклад внесли учёные Узбекистана: П. Шамсиев и С. Мирзаев, М. А. Салье и С. Азимджанова. Поэзия Бабура исследовалась в таких трудах И.В. Стеблевой, как «Семантика газелей Бабура», «О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии», «Извлечения из трактата Бабура по стихосложению (арузу)», а также в труде Г.Ф. Благовой «“Бабур-наме”: язык, прагматика текста, стиль: к истории чагатайского литературного языка».

Бабур был одаренным поэтом. Многие его рубаи, газели характерны не столько совершенством поэтической техники, которой Бабур, однако, вполне владел, сколько простотой и доступностью языка, выгодно отличающей их от произведений большинства современных Бабуру поэтов. [1, 6].

Основу поэзии Бабура составляют стихи любовно-лирического содержания. Главной особенностью его творчества является воспевание подлинно человеческой, земной, реальной любви. Лирика поэта пропитана вдохновенной поэзией Алишера Навои. В своих газелях от поднимает такие проблемы человеческих отношений, как любовь, дружба, стремление к прекрасному. Земную любовь поэт воспевает как самое высокое достоинство. [1, 9].

Сборник лирических стихов (диван) Бабура по объему незначителен. Бертельс отмечал, что Бабур блестяще владел всей сложнейшей поэтической техникой своей эпохи. Его стихи разнообразны по ритмической структуре, отличаются изумительной звучностью. [2, 9].

Основную часть его лирических стихов составляют традиционные газели. Жанр газели свое развитие и окончательное завершение получил в период арабской классической литературы. Многие поэты называют газелью воспевание, прославление красоты возлюбленной и описание, рассказ о ситуации, состоянии сильной любви и бурной пылкой страсти. В своей книге «Китаб Ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам» Шамсаддин Мухаммад б. Кайс ар-Рази пишет: «Цель газели – успокаивать мысли и услаждать душу,

необходимо, чтобы ее построение по размеру было благозвучным, а в отношении слов – приятным и выразительным и заключало в себе ясный смысл» [3, 9].

Газели Бабура в основном состоят из пяти бейтов. Традиционная структура содержания газели определяется обязательным наличием двух главных героев: это возлюбленная и влюбленный. Возлюбленная в газелях поэта – прекраское, изысканное и милое создание, окруженное красотой, благополучием и богатством, а влюбленный погружен в страдание, тоску, печаль, слезы. Возлюбленная, восхищаясь своей красотой, безразлична, равнодушна к проявлениям внешнего мира. А влюбленный недоволен собой, все время возмущаясь на несправедливость и удары судьбы, выступает против бесчестности, лицемерия и неправды. Главным образом, поет о страданиях неудачной любви.

При создании образа возлюбленной Бабур часто употребляет традиционное сравнение лица с розой. И эти сравнения почти во всех газелях дополняются разными смысловыми оттенками, которые путем сопоставлений и противопоставлений образуют образную систему всей газели.

Ее подбородок, ее родинка – луна и пятно на ней.

В этой строке сравнение лица с розой сочетается с другими сравнениями: подбородок возлюбленной сравнивается с луной, потому что круглый и светлый, а родинка сравнивается с темным пятном на луне.

В другой газели мы снова видим сравнение лица с розой, но уже с другими смысловыми оттенками.

Порой я обнял бы подобное розе лицо этой сладкоречивой,
Порой я отведывал бы сладких, как сахар, рубинов губ этой розоликой.

Порой в некоторых газелях лицо возлюбленной Бабур сравнивает с луной:

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.
Без тонкостанной - кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой - нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?
Пусть голову из-за нее, тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

В другой газели Бабур возлюбленную сравнивает стебельком, а ее уста – с бутоном. А свои ночи описывает темными и безрадостными.

Стебелек мой, подруга моя дорогая, где она?
Чьи уста, как бутон, расцветают, пылая, где она?
Пусть вокруг соберутся пестрой толпой красавицы,
Розоликая спутница, радость младая, где она?
Стали ночи мои отныне темны, безрадостны,
Та, что ночь озаряла, свечою сверкая, где она?

Для Бабура любовь – это верность, преданность, благородство и человечность, и она превыше богатства, общественного положения и всех земных благ. Поэт в своих совершенных газелях создает образ прекрасной

возлюбленной, наделяя ее небывало красивой внешностью, богатым внутренним содержанием, духовным совершенством. При этом он умело использует оригинальные художественные средства.

Мне красавица эта, чья плоть так нежна, – нужна,
Словно солнце, чьим светом душа зажжена, нужна.
Мне, упавшему ниц, не михраба священный свод –
Эта бровь, что искусницей насурьмлена, нужна.
С головою, о сердце, простись, – иль влюбленных путь
Обходи, коль тебе непременно она нужна.
Всякий павший к ногам ее может к устам припасть,
Коль ему лишь могила для вечного сна нужна.
Что с того, что с тобой неприветливы все, Бабур?
Ведь тебе лишь улыбка подруги одна нужна.

В другой газели поэт сравнивает возлюбленную с кипарисом, базиликом, живым нарциссом и цветником роз. И тут же показывает страдания, печаль влюбленного.

Твой гибкий стан, пушок ланит, твой ясный глаз, прекрасный лик –
Мой кипарис, мой базилик, живой нарцисс и роз цветник.
Из-за рубина уст твоих, походки, красоты, речей –
Душа светла, глаза горят, красноречив и смел язык.
Моей шалуньей озорной замучен я, ошеломлен,
Я еле жив, а в ней кипит веселой живости родник.
От безысходности судьбы, из-за бесплодности мольбы
Я плачу, жалуюсь, кричу, я, опечаленный поник.
Из-за превратностей любви, скитальчества в чужих краях,
Я – как Меджнун, моя родня – беда, удел мой – скорбный крик.
Для стрел твоих, красы твоей, для мук и для любви к тебе –
Бабура тело – цель, глаза – жилье, грудь – сень, душа – тайник.

Бабур испытывал чувство безмерной любви к своей родине, Средней Азии, и Афганистану, который стал для него второй родиной. Он всегда думал и надеялся, что когда-то вернется на родину.

Вся жизнь моя прошла в различных огорчениях, в муках,
И эта драгоценная жизнь, почему бесцельно прошла в лишениях и муках.
Жизнь, не растраченная в Самарканде, Герате в наслаждениях и утехах,
Была загублена в Агре в стенаниях и муках.

Бабур резко критикует шейхов – фанатиков и аскетов. Пламя ада он сравнивает с небольшой искоркой.

Если б я знал, что разлука убьет меня злая,
с милой до смерти я жил бы, печали не зная.
Адом пугают… Но перед пожаром разлуки.
Адское пламя не больше, чем искра простая.

Тема родины в лирике занимает особое место.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!

Бабур затрагивает проблему нравственности и духовного совершенства. В своих газелях возвышает человека. Бабур считает, что плохие качества человека: эгоизм, жадность, самолюбие – губят человека. Самым важным назначением человека видит в добре, великодушии, благородстве и честности.

Литература

1. Бабур З. М. Бабурнамэ / пер. М. Салье ; под ред. М. Шевердина. – Ташкент, 1948. – 231 с.
2. Бабур. Лирика / пер. с узб. Льва Пеньковского ; предисл. Бертельса. – Ташкент, 1943. – 34 с.
3. Стеблева И. В. Семантика газелей Бабура. – М., 1982. – 328 с.

© **Исмайлова Л. Г.**, 2020

Н. С. Кадирова,
докторант БухГУ, г. Бухара (Узбекистан)

ЛИТЕРАТУРНО-ПРОСВЕЩЕНЧЕСКАЯ БЕСЕДА, ПОСВЯЩЕННАЯ БАБУРУ
(Тезисы доклада)

Захириддин Мухаммад Бабур – автор замечательного произведения «Бабур-наме» – занял видное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока. Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур, обладая широким кругозором и пытливым умом, оставил значительный след во многих областях жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии.

Книга «Тақдир ва тафаккур» («Судьба и мышление», 2007 г.) крупного учёного-литературоведа И. Хаккулова состоит из литературно-просвещенческих бесед. В беседе, которая называется «Бори элга яхшилик қилғилки, мундин яхши йўқ...» («Делай хорошо людям, лучше этого нет ничего...») сам учёный описывает и посвящает Бабуру Мирзо слова: «Бобур для нас – самая яркая, самая величественная звезда. Эта звезда и самая дальняя, и самая возвышенная».

Одним из достоинств творчества и критики И. Хаккулова можно считать то, что в его исследованиях изучается творчество представителей избранной литературы и приводится анализ духовности современной литературы; на основании обобщений делаются выводы. И. Хаккулов также создал жанр литературнуой беседы. На вопрос в чём состоит величие Бабура: в его шахстве или в поэзии – учёный отвечает: «Его величие, прежде всего, в неповторимости и неподражаемости».

Ученый И. Хаккулов – активный критик и чуткий собеседник, который проводит литературные беседы. Он в подробностях отвечает на вопросы собеседника, известен в качестве одного из критиков, глубоко знающих сегодняшний литературный процесс, узбекскую литературу XX века. Литературно-критические беседы и критические статьи, которые И. Хаккулов посвящает Бабуру, имеют важное значение при изучении жизни и творчества великого поэта, при ознакомлении читателей с тайнами его творчества.

Литература

1. Ахмедова Ш. Ўзбек адабий танқидчилиги жанрлари. – Тошкент, 2008.
2. Ахмедова Ш. Мунаққид суҳбатлари // БухДУ илмий ахбороти. – 2009. – № 3.
3. Ҳаққул Иброҳим. Тақдир ва тафаккур. – Тошкент: Шарқ НМАК, 2007.
4. Ҳаққул Иброҳим. Шеърият – руҳий муносабат. – Тошкент, 1989.

© **Кадирова Н. С.**, 2020

А. Ш. Кадырбаев,
д. и. н., проф., в. н. с. ИВ РАН, г. Москва

БАБУР – УЧЕНЫЙ НА ИНДИЙСКОМ ТРОНЕ

«Главное достоинство государя –
умение править государством,
все остальные добродетели,
при отсутствии оного,
не являются таковыми».
Конфуций

Тема «ученые во власти» в государствах на средневековом мусульманском Востоке еще не была объектом специального исследования. Между тем в источниках есть сюжеты на эти темы. Предметом нашего внимания в данном случае будет Тимурид – Захириддин Мухамммад Бабур, выходец из Ферганы и основатель Империи Великих Моголов в Индии.

Он удачно воплотил образ великого правителя и знаменитого ученого в одном лице. К 1504 году, вытесненный из Средней Азии кочевыми узбеками Мухаммада Шейбани (Шибани)-хана, которые пришли с севера, где ныне Казахская степь, под натиском первых казахских ханов Гирея и Джанибека, Бабур обосновался в Афганистане и переключил свои интересы на Индию. Бабур, по его собственным словам, превратился в изгнанника, передвигающегося подобно шахматному королю, с одного квадрата на другой. Все его попытки вернуть под свой контроль Самарканд и родной удел – Фергану – оказались тщетными. Не помогла даже помощь шаха могущественной Персидской державы, Исмаила I Сефевида, враждовавшего с кочевыми узбеками. Жажда власти толкала на новые авантюры Бабура, этого способного полководца. При этом Бабур лично принимал участие в сражениях и был ранен: стрела насквозь пробила ему правое бедро, а голова была рассечена косым ударом клинка. В 1512 году он захватил Кандагар и в течение нескольких лет занимался реорганизацией своего войска, совершенствовал тактику, внедрял огнестрельное оружие, в частности, пушки. С 1519 по 1526 годы его войска пять раз вторгались в Индию. Но только пятый поход увенчался успехом, хотя армия Бабура насчитывала 12 тысяч воинов против 40 или даже 100 тысяч солдат и тысячи боевых слонов последнего властелина Делийского султаната Ибрахим-шаха. Войско, с которым пришел в Индию Бабур, состояло из тюрко-монгольских племен Средней Азии: чагатаев, барласов, джалаиров и ираноязычных афганцев – пуштунов и таджиков Кандагара и Кабула. В генеральном сражении при Панипати с блеском проявился полководческий талант Бабура. Слаженные действия конницы, меткий огонь артиллерии, заимствованная у кочевых узбеков фланговая атака обеспечили победу армии Бабура.

Таким образом, Делийский тюркский султанат, сокрушенный в 1398 году великим предком Бабура Тимуром и вновь возродившийся в начале XV века, в 1526 году пал в результате нашествия на Индию Бабура, бывшего правителя Ферганы и части земель Моголистана – государства, включавшего в свой состав запад Восточного Туркестана, Юго-Восточный Казахстан и Северный Кыргызстан. Поэтому в Индии его самого и тех, кто пришел с ним из Средней Азии, стали называть моголами, а мусульманское государство, которое он основал в Индии на руинах Делийского султаната, Империей Великих Моголов, просуществовавшей затем 300 лет до середины XVIII века и павшей под натиском Британской империи.

Но Захиридин Мухаммад Бабур знаменит не только как великий государственный деятель и полководец – основатель мировой империи, но и как летописец, историк и поэт. Это был человек одаренный, обладавший пытливым умом и незаурядным литературным талантом. Причем писал он и на чагатайском тюрки, и на фарси. Его труды на среднеазиатском тюрки или чагатайском языке, особенно мемуары «Бабур-наме», трактаты по военному искусству, музыке и поэтике и поныне являются ценными историческими источниками для изучения Индии, Афганистана, Средней Азии. Бабур считается великим поэтом и историком мусульманского Востока. Как поэт-лирик, писавший на чагатайском, культурном языке мусульманских тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана того времени, он уступает пальму первенства лишь Алишеру Навои, влияние которого он, несомненно, испытал.

«Бабур-наме» – это не просто повествование в форме записок о событиях богатой приключениями жизни Бабура, а широкое и многогранное произведение. Десятки персонажей, сотни больших и малых событий проходят в повествовании. «Бабур-наме» отражает своеобразие эпохи, воссоздает жизнь тогдашнего общества во всем ее многообразии. Яркие и живые портреты целого ряда современников Бабура несут ясный отпечаток вдумчивой оценки автором своих героев. Поразительны афористические высказывания Бабура о долге, чести, доблести, чувстве товарищества, где ясно выражена его нравственная позиция – ученого, государственного деятеля, полководца. Книгу Бабура отличает пленительная красота слога, очарование правды, душевности, простоты. В любом разделе книги чувствуется рука художника редкостного дарования, мастера слова, прекрасно владевшего всем богатством тюркского языка. Бабур нарисовал портрет своей сложной и переломной для истории целого субконтинента эпохи – Средней Азии, Афганистана, Индии. Поэтому произведение Бабура является гордостью тюркской прозаической литературы и жемчужиной в сокровищнице мусульманской культуры.

Заботился Бабур и о благоустройстве городов, во многих из которых по его распоряжениям были разбиты сады, выкопаны колодцы. Известно, что в годы правления Бабура шли строительные работы. В Паламе, близ Дели, была построена мечеть с тремя арочными входами в зал для молений и четырьмя небольшими минаретами. В Дели тогда же было начато строительство мечети Джамали Камали.

Природа наделила Бабура привлекательной внешностью, личным обаянием, выдающимся умом, цепкой памятью, военными талантами и недюжинными литературными способностями. Судьба Бабура была благосклонна к нему, как и его благодарные дети, которым он передал в наследство созданную им великую империю перед своей смертью в 1530 году, хотя прожил он немного, всего 48 неполных лет. Похоронен он был в Баги-Арам, на берегу Джамны. Позднее его останки были перевезены в Кабул и погребены в саду Баги Вафа, где они покоятся и поныне.

До наших дней дошла великолепная миниатюра с изображением Бабура, исполненная в красках в XVI веке, оригинал которой ныне хранится в Британском музее в Лондоне. Художник изобразил Бабура за его любимым занятием – чтением книги. Красивые черты лица Бабура, его увлечение читаемой книгой, равно как и детали щегольского наряда основателя империи Великих Моголов, переданы художником чрезвычайно выразительно.

Конечно, Захириддин Мухаммад Бабур был человеком своего времени и, несмотря на то, что опережал свою эпоху, все же разделял и многие ее заблуждения. Нет необходимости идеализировать его облик как правителя. Вряд ли вся его деятельность соответствовала постулату, запечатленному в священных мусульманских книгах: «Аль-адл асас аль-хукм» («Справедливость – это источник правления»). Скорее всего, он, как и его предок «Железный хромец» Тимур, следовал персидскому девизу «Расти ва русти» («Справедливость и сила»). Чтобы сохранить свою жизнь и престол, большинство властителей средневековья как Востока, так и Запада вставали на путь физического устранения своих врагов. И наш персонаж не был, к сожалению, исключением из этого правила, об этом свидетельствуют десятилетия его правления. Почти во всех средневековых государствах разделение власти и желание захватить ее достигалось посредством гибели многих людей. А судьба нашего героя Захириддина Мухаммада Бабура наглядное тому подтверждение.

Сочетание правителя, государственного мужа и ученого в одном лице – явление достаточно редкое в истории. Бабур, как коронованная особа, занимался наукой по влечению своих творческих порывов и брался за калам в силу личных склонностей и природного дарования, чтобы «показать народу свой талант и искусство». Он был независим от чужой воли и его сочинения, это – свободное воплощение замыслов автора. При этом деятельность Бабура на государственном поприще равнозначна его достижениям в науке, что свойственно далеко не всем государям, блиставшим на научной стезе. И все же следует помнить, что высокий статус государя, первого лица в стране, в огромной степени способствовал развитию научной мысли, расцвету искусства и знаний, тому, что называется духовными ценностями, благодаря покровительству государства, а во главе его и стоял Захириддин Мухаммад Бабур. Тем более, что на средневековом мусульманском Востоке из всех участников исторического процесса основной фигурой признавалась личность государя, и, соответственно, история понималась как арена деятельности

исключительно государей и их сановников, хотя и существовало понимание их деяний на научном и государственном поприщах как проявление воли Всевышнего – Аллаха.

Литература

1. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М., 1977.
2. Ашрафян К. М. Дели : история и культура. – М., 1987. – С. 96-102.
3. Бабур-наме : Записки Бабура. – Ташкент, 1958.
4. Бартольд В. В. Работы по истории турецких народов Средней Азии : Тимур и Тимуриды : Сочинения : Т. II, Ч. 1. – М., 1963. – С. 157-163.
5. Гафуров Б. Г. Таджики : древнейшая, древняя и средневековая история : кн. II. – Душанбе, 1989. – С. 218-220.
6. Султанов Т. И. Известия «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха о моголах (XVI в.) // Страны и народы Востока. – М., 1989. – Вып. 26.
7. Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме : потомки Чингиз-хана. – А., 2001. – С. 137-173.
8. Султанов Т. И. Позднесредневековая мусульманская историография // Народы Азии и Африки. – 1986. – №3.
9. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды : судьба и власть. – М., 2006. – С. 187-197.
10. Хидоятов Г. А. Моя родная история. – Ташкент, 1990. – С. 193-194.

© **Кадырбаев А. Ш.**, 2020

Д. А. Каландарова,
преп. ТГПУ им. Низами, г. Ташкент (Узбекистан);
З. Ф. Каршибоева,
студ. ТГПУ им. Низами, г. Ташкент (Узбекистан)

ХАРАКТЕР ТВОРЦА В ПОЭЗИИ БАБУРА

Литература подобна океану. На дне его таятся тысячи жемчужин. Спускаясь на дно океана, начинает кружиться голова, не хватает воздуха. Ибо утаенные в нем чудеса в своем новом обличии, словно бездонная бескрайность. В литературоведении подобный бездонному океану – Захириддин Мухаммад Бабур.

Бабур и правитель, и поэт. Заокеанский исследователь, американский ученый Берк вкратце осветил самые важные аспекты жизненного пути, заслуг в истории государственности и личности великой фигуры. Автор о политике правления Бабура писал: «По мнению правителя Бабура, все считается правым и необходимым в завоевании и правлении и при применении ста тысячи приемов. Однако при захвате земель абсолютно не допускал разорения воинами-победителями имущества побежденных».

Он великая личность, сумевшая соединить в душе отвагу и решительность, свойственную правителям, тонкий вкус творца. У читателя, обратившегося к литературному наследию Бабура, начинают проявляться своеобразные чувства. Ибо этот творец значим простотой своих произведений, тем, что его творения занимают определенное место в душе книголюба. Личность Бабура изучена почти во всех сферах литературы как науки.

Каждое творение, созданное в литературоведении, прежде всего, служит раскрытию личности его создателя. Лишь строки, вылетевшие из души, заняв место в душе книголюба, передаются на уста. Слова в газелях Бабура, на первый взгляд, кажутся «легкими»: и простой люд, и падишах понимают и познают его творчество одинаково.

Здесь достаточно вспомнить беседу Бабура и историка Хандамира. Хандамир в произведении «Ҳабиб ус-сияр» использовал сверхсложные аллегории и гиперболы, и читатель затрудняется связать описанные поэтом события с жизнью. Но в свое время создание подобных произведений называлось «тонкостью вкуса», использовались фразы не впрямую, а в сопровождении каравана многих слов. От красочности слов рябит в глазах. А Бабур не следует «правильному пути» Хандамира, кратко и ясно слагает свои мысли в строках. В частности:

Жимсимда иситма кунда маҳкам бўладур,
Кўзидин қочадур уйқу, чу ақшам бўладур.
Ҳариккисиғамим била сабримдек,
Борғон сари бу ортадур, ул кам бўладур.

Данные строки свидетельствуют о пережитых творцом тяжелых испытаниях. Очень многие ранили душу владельца тонкого вкуса, заставляли

переживать чувство измены. В пылком сердце поэта навечно остались следы горьких страданий.

При сравнении можно увидеть, что в произведении Хандамира «Ҳабиб ус-сияр» освещается жизнь правителей. «Бабур-наме» – это мемуары, в них проявляется жизнь правителей. Хандамир в своих произведениях идеализирует правителей, руководители государства, полностью отделяясь от простого народа, сравниваются с высокопарными словами, а совершенные ими дела обогащаются преувеличениями. Здесь уместно вспомнить, что среди восточноазиатских народов правителей называют «сыновьями синего неба». Творчество Бабура предстает перед нами совершенно в другом виде. Он передает реальную картину в своих произведениях, не скрывая ни от кого свои недостатки. Не утаивает также потери при победах в сражениях. «Барчасини рўй рост ёзайликки, авлодлар бизни эслаганда фаришта сифатида кўрмасинлар». В бесценном для нас «Бабур-наме» широко описывается не только политика, но и медицина. Данное произведение становится причиной бурных дискуссий не только в восточной литературе, но и в западной, посредством произведения весь мир открывает для себя личность Бабура.

Нужно отметить, что в XX веке французские востоковеды провели большие работы по изучению наследия Захириддина Мухаммада Бабура, а также по переводу «Бабур-наме». Ими издано много статей о жизни и творчестве Бабура. В 1930 году издан трактат французского ученого Фернеда Гренарда «Бабур – основатель Индийской империи». Книга состоит из 10 глав, в ней автор с историко-художественного значения описывает события, пережитые поэтом с детских дет до последних дней его жизни. Говоря одним словом, Мирза Бабур – представитель великого таланта и в прозе, и в поэзии. Также газели и четверостишия поэта свидетельствуют о том, настолько были тяжелыми и трудными пережитые им страдания. Несмотря на это, Бабуру удается с тонкостью подходит к выбору каждого слова.

Васлдан сўз дерга йўқ ёро манга,
Ҳажр аро раҳм айлагил, ёро манга.
Ўқунг этти кўп ёмон ёро манга,
Мархами лутфунг била ёро манга.
***
Улки, ҳар кўзи газолиЧиндурур,
Қошида пайваста онинг чиндурур.
Чунки кўп ёлғон айтти ул манга,
Гар десам ёлғончи они чиндурур.

В первом четверостишии поэт описывает свои страдания и чувства, расставание с любимой, а во втором четверостишии – портрет любимой. Издавна в художественной литературе восточноазиатские страны предстают в образе красоты и величия. Это сравнение широко использовано и в творчестве великого поэта Алшера Навои. В произведениях Навои главными героями были представители этих стран («Фархад и Ширин»). «Красота бровей пленяет взор», «Она много лгала любимому и полюбивший её прозвал её “лгуньей”». И это

правда. Игривое строение слов свойственно только обладателю тонкой души. Творчество Бабура словно изрезано мучениями и страданиями, похоже на чистый родник, просачивающийся из кровавого сердца. Ибо и сам творец сравнивал свою судьбу с родником, оставшегося под обвалом. «Унинг кўзини улуғвор тоғларнинг оғир тошлари боссада, у бошқа жойдан кўзочаверган».

Ещё одним его великим произведением является «Аруз рисоласи». Данное произведение – очень важное пособие при изучении законов поэзии узбекского, арабского и других тюркских народов. Многим ученым может быть неизвестно, что сохранена рукопись произведения. В 1923 году тюркский ученый М. Ф. Кепрулизода предоставил информацию о том, что одна копия рукописи хранится в Национальной библиотеке Парижа. Французский востоковед Эдгар Блоше отдельно упоминает об «Аруз рисоласи» в своем «Каталоге рукописей, хранящегося в Национальной бибилиотеке».

Известно, что Захириддин Мухаммад Бабур – многогранная личность, внесшая большой вклад в мировую науку, а также создавшая множество великих литературных, научно-исторических произведений. Бабур по праву считается одной из самых изучаемых фигур в истории и литературе.

Литература

1. Бабур З. М. Бобурнома. – Т., 1989.
2. Гренард, Фернед. Бобур Ҳинд империясининг асосчиси. – Т., 1930. – 189 с.
3. Қодиров П. Юлдузли тунлар. – Т., 2018.
4. Маънавият юлдузлари. – Т. : А. Қодирий нашриёти, 1999.

© **Каландарова Д. А., Каршибоева З. Ф.**, 2020

А. Я. Камалетдинова,
доц. ЧелГУ, г. Челябинск

СОПРЯЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ З. М. БАБУРА

Интеллектуальное наследие основателя династии Великих Моголов Захириддина Мухаммада Бабура (1483-1530 гг.), потомка Чингисхана и Тимура, представляет несомненный интерес для изучения проблемы становления и развития общественной формы человеческого бытия. Государственная и военная деятельность Захириддина Мухаммада Бабура (*далее – Бабур*) началась очень рано, в одиннадцать лет. Что позволило подростку, ставшему в силу обстоятельств правителем Ферганы, малой феодальной единицы, стать великим правителем, склонявшим к сотрудничеству и согласию представителей разных народностей, конфессий, имущественного положения, сподвижников и врагов? Позволим высказать предположение: велико значение его понимания сопряжения человека и общества.

Конец XV века – начало XVI века характеризовались раздробленностью многочисленных малых государств на территории Малой и Средней Азии, Северной и Южной Индии. Народы, населявшие эти малые феодальные государства, устали от постоянных феодальных войн, непрекращающегося столкновения между шиитами и суннитами и своего бесправного положения. Характерным признаком существования этих государств было феодальное земледелие, на основе которого функционировала, по словам К. Маркса, «…первобытная форма общей собственности … Углубленное изучение форм общей стоимости …, особенно в Индии, показало бы, как из них вышли различные формы разложения этой собственности» [2, 180]. Под этой «формой общей собственности» подразумевалась специфическая форма феодальной земельной собственности, которая в результате постоянных «захватнических» набегов сначала пополняла государственную казну, а затем милостью правителя раздавалась крупным феодалам в качестве «джагира» – военного пожалования земельного надела, в какой-то степени условного. Помимо «джагира» существовала и другая форма землевладения – «заминдар». С обеих форм землевладения взимался налог-рента, механизм и способ взимания вырабатывался как раз во время политической и военной деятельности Бабура.

В ходе сравнительного анализа военных кампаний 1504–1505 и 1528–1529 гг., возглавляемых Бабуром, можно проследить, как складывался механизм существования общей собственности (индийской[1]). Джагирдары в основном даровались предводителям войск, отличившимся при захвате территорий, отдельным верноподданным, проявившим чудеса верности и отваги. С этих земель устанавливался фиксированный земельный налог, пополнявший

[1] Такое определение первобытной общей собственности, просуществовавшей в Индии до XVIII века встречаем в ряде трудов К. Маркса.

государственную казну, а также обязанность материального обеспечения наёмного войска. Население поселений, входивших в джагирдар, обязано было безвозмездно обрабатывать землю, возводить различные строительные объекты (здания, мечети, дворцы), рыть арыки, каналы, разбивать сады и т. д. Бесправное население обиралось не только феодальным государством, но и через местные поборы, налагаемые джагирдарами.

В 1504–1505 гг. общая собственность была «добычей», результатом набега, а не конечным продуктом длительной целенаправленной деятельности. Неслучайно в дневниках Бабура этого периода можно встретить записи о истинных мотивах военных действий: «Нужда дошла до того, что у нас было всего две палатки. …для меня на стоянке шалаш, и я жил в шалаше. …будучи в таком положении, *надеялся на [богатство] хисарской земли*… я надеялся на этих людей *и на [блага] их земли*…» [1, 181]. Иногда достигнутые результаты не оправдывали ожидания: «…поделили кольчуги, находившиеся на оружейном складе… Там оказалось семьсот или восемьсот кольчуг, лат и конских доспехов … Нам досталось много фарфора; больше там *не было ничего, заслуживающего внимания»* [1, 181]. Бабур описывает, что «доходов Кабула с земель, от пошлин и с кочевников собирают восемь лаков шахрухи[1]» [1, 207]. Оно было незначительно, что не могло обеспечить нормальное функционирование войска, в котором начинался разброд. «Воинам не досталось столько добра, сколько…» [1, 214] было обещано, поэтому многие воины начинали грабить и бесчинствовать, и в конце они перебегали к более успешному предводителю.

В основе природы общей собственности в начале государственной деятельности Бабура лежала, с одной стороны, непредсказуемая «добыча»: «Воины, то и дело совершая набеги, вконец разбили своих лошадей, да *добыча и не стоила набегов* – одни быки» [1, 220]. С другой стороны, непродуманная система «налогообложения»: «Кабул – незначительная область, … для всего этого народа денег добыть нельзя. Дадим семьям этих людей немного хлеба, а воины пусть идут на добычу… Мы наложили на Кабул и Газни с зависящими от них областями побор в тридцать тысяч харваров[2] хлеба. Я не знал размера доходов и урожая Кабула, и *страна оказалась сильно разоренной от такого большого налога*» [1, 212]. Человек в суровых условиях кочевой жизни мало что значил, важнее всего была его принадлежность племени (роду), отряду войска, поэтому Бабур мыслил отвлеченно, больше общими категориями.

К другой форме общей земельной собственности относилось заминдарство, в котором предводитель племени уплачивал фиксированную ежегодную дань в казну центральной власти. Своим подданным заминдар самостоятельно устанавливал размер уплаты ренты и способ поденного труда. Для заминдара жизнь его вассала была незначима, он мог заставить его работать

[1] Сложная система расчетов приводит нас к сумме дохода в 320 000.

[2] Эта мера предполагает в среднем от 2 400 до 9 000 тонн зерна, что, по мнению двадцатитрехлетнего Бабура, оказалось непомерной ношей для населения Кабула и его окрестностей. Через четверть века, когда сложится у правителя более стройная система податей, он не позволял себе подобных просчетов.

на себя безвозмездно в статусе бессловесного раба. Третьей формой (незначительной, в объеме 4%) земельной собственности являлись владения духовных феодалов (суюргалы). Такова структура общей земельной собственности, устроенной не очень эффективно ни для населения, ни для центральной власти, ни для местных правителей. Земля стала основой экономики будущей Империи Моголов, хотя во многом сдерживающей прогрессивное развитие общество.

Отношение к общей земельной собственности спустя четверть века (1528–1529 гг.) у Бабура изменилось. По-прежнему казна центральной власти пополнялась в результате ежегодных набегов воинов Бабура, материальное обеспечение которых вновь возлагалось на подданных разного уровня. «К этому времени казнохранилища … в Дихли и Агре совершенно опустели. Для снаряжена войска, приобретения пороха и уплаты пушкарям и стрельцам я приказал каждому, кто получал содержание, внести в диван … тридцать сотых долей своего жалования на расходы по приобретению этих припасов и оружия» [1, 476]. Теперь Бабур установил правила распределения (наделения) общей собственности по степени участия в военных баталиях, по проявленной к правителю преданности. «Если, по милости божией, области Балха и Хисара удастся завоевать, то пусть твой человек останется в Хисаре, а в Балхе пусть будет человек Камрана… Если Камран сочтет Балх недостаточным, пришлите донесение, и мы, с волей Аллаха, *восполним эту недостаточность добавкой соседних земель*. Тебе известно, что всегда соблюдалось такое правило: если тебе доставалось шесть частей, то Камран получал пять» [1, 481]. Во времена правления и при непосредственном участии Бабура на этапе предыстории[1] начинает вырисовываться структура общей собственности и предпосылки мирового рынка.

Спустя три столетия К. Маркс напишет, что, изучая различные аспекты становления и развития общества, он рассматривал их в «…следующем порядке: капитал, *земельная собственность, наемный труд*, государство, *внешняя торговля*, *мировой рынок»* [3, 5]. Немецкий философ высказал предположение, что формы государственного правления можно вывести только из материальных отношений. Этой гипотезой будем руководствоваться и мы, чтобы оценить вклад Бабура в развитие форм государственного правления и определении характера отношений между правящими и угнетаемыми стратами. В начале XVI века, во времена правления Бабура, ещё не оформились производственные отношения, производства как такового не было, вместо него было ремесленничество или поденщина. Уровень развития любого общества определяется способом производства. Производительные силы общества, подвластного Бабуру, ещё не оформились, поэтому производственные отношения носили стихийный характер, так как были напрямую связаны с собственностью, не закрепленной нормативно, а всецело зависящей от воли и милости правителя. Территории,

[1] Деление на историю и предысторию отмечено К. Марксом («К критике политической экономии» [3, 8].

подвластные Бабуру, к началу XVI века не отличались окончательно сформированным противоречием между производительными силами и производственными отношениями. Отсюда характер антагонизма, это скорее, противоречие между отдельными индивидами (единичное), а не между общественными отношениями (всеобщее). Таким образом, эпоха правления Великого Могола – это «предыстория человеческого общества» [3, 8]. Бабур закладывал материальные условия развития будущей империи Моголов, просуществовавшей не одно столетие. Эта концепция управления государством окажется руководством для последующих поколений правителей, потомков Бабура.

Положение многонационального и разноязыкого народа, населяющего территорию, подвластную Бабуру, и материальное устройство империи противоречиво и тесно взаимосвязано. Основой Империи Моголов стала земледельческая община, в которой отдельный индивид попадает в зависимость от рода, что характеризует первичную формацию развития человечества. К. Маркс о индийской общине этого периода написал, что она «покоится на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом» [4, 369]. Для Империи Моголов было характерно существование двух форм общин, в которых землей наделяли в зависимости от едоков или от кровной близости к основателю общины. Описывая одну из захваченных территорий, Бабур даёт ей характеристику не только в географическом, но и в социально-экономическом аспектах. «Есть там несколько деревень, это *место малодоходное*. Говорят, что в горах Гур-Банда … попадаются серебряные рудники и залежи ляпис-лазури… В этих деревнях много плодов, вина там крепче всех других… Все названные деревни расположены на склонах гор и в горах, то хотя *подати и вносятся*, но в этом отношении они *дают немного*» [1, 200-201]. Члены общины чаще всего получали доход с земельного надела, иногда деревня содержала около десятка ремесленников, обслуживающих базовые потребности общинников. Обратим внимание, что рядом с поселением находится «серебряный рудник», но место в характеристике Бабура считается «малодоходным», что свидетельствует об отсутствии производства. Чаще всего общинники «сеют хлеб и занимаются земледелием; [плодовых] деревьев, садов и огородов у них нет» [1, 205]. Заметим, что в первой четверти XVI века всё ещё сохранялись общинные условия примитивного труда по обработке земли и урожая. Более того, фиксированный земельный налог взимался в независимости от урожая, что в неурожайные годы приводило к разорению общинников и массовым народным волнениям. Иногда в общинах появлялись «пришлые», но их положение было самое незавидное. Бабур описывает в кабульской местности «целый *отряд рабов-охотников*, их две или три сотни семейств; один из потомков Тимур-бека привел этих рабов из окрестностей Мультана. [Единственное] дело и занятие этих рабов – ловить птиц» [1, 210].

Несмотря на примитивный характер сельскохозяйственного труда, крестьяне по заданиям правителя Бабура начинали обустраивать территорию рядом со своим поселением: возводили или реконструировали плотины,

прорывали арыки, разбивали фруктовые сады, занимались селекцией, разводили домашних животных, т. е. обустраивали Империю Моголов. Бабур проявил себя дальновидным политиком, он обустраивал захваченные территории, превращая их в райское место. Иногда реконструкция или содержание социальных объектов возлагалась на общины, на джагирдаров или заминдаров, часто выделялись средства из казны самого Бабура. В самом начале своего правления Бабур повсеместно разбивал сады, даже не будучи уверенным, будет ли эта территория в сфере его влияния. «Из плодов из жаркой и из холодной полосы в Кабуле и ближних селениях бывает много винограда, гранатов, урюка, яблок, айвы, груш, персиков, слив, ягоды, миндаля, орехов. Я приказал привезти туда и *посадить вишневые саженцы; выросла хорошая вишня*, деревья и теперь еще разрастаются. Плоды жаркой полосы – это, например, апельсины, померанцы, и сахарный тростник, который привозят из Ламгана; я *приказал доставить сахарный тростник в Кабул и посеять*» [1, 192]. «Я разбил в девятьсот четырнадцатом году[1] большой сад, названный Баг-и Вафа. Он возвышается над рекой; река течет между садом и крепостью; апельсинов, лимонов и гранатов там много. Когда я разбил Пахар хана, … то привез в этот сад бананы и посадил их; они хорошо удались. В предыдущем году там посеяли сахарный тростник, хороший получился тростник» [1, 196].

«Во времена Султан Махмуда там было три-четыре плотины. На реке Газни …, выше по реке, Султан построил большую плотину. … Воду там накапливают и по мере надобности пускают на посевы. Ала ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, сломал плотину, … разрушил и сжег город Газни, а жителей ограбил и перебил. … С тех пор эта плотина разрушена. В год завоевания Хиндустана мы послали через Ходжа-и Калана деньги на отстройку этой плотины. Надеюсь, что с помощью божьей плотина будет отличная» [1, 204–205]. Четверть века спустя мы встречаем в его дневниковых записях, что он вкушает плоды своих бывших распоряжений. «Среди этих деревьев я распорядился выкопать колодец. … К северо-востоку от хауза Султан Сикандар соорудил плотину, а на плотине возвел постройки. Выше плотины скопились дождевые воды и образовалось большое озеро; к востоку от озера есть сад. На восточном краю озера я приказал вытесать из глыбы камня сидения в виде суфы, а на западном краю построить мечеть» [1, 469]. Он описывает многочисленные рукотворные озера и колодца, которые позволяют населению разводить сады и огороды, сажать цветы (иногда он описывает до 30 разновидностей какого-либо цветка). Бабур контролирует государственные дела вплоть до строительства и посадки растений, вознаграждая отличившихся, осыпая подарками[2], и нещадно наказывая нерадивых. «Стена в саду и колодец были построены не так, как мне хотелось; людей, надзирающих за этой работой, я осыпал угрозами и подверг наказанию» [1, 475]. Своим сыновьям и наместникам он постоянно напоминает

[1] Что означает 1508 г.

[2] «…облачил в почетную одежду Сейид Дакни Ширази, водоискателя, пожаловал ему награду и приказал по мере своего разумения закончить устройство выложенного камнем колодца» [1, 477].

о необходимости содержать в порядке озера, арыки и плотины (ирригационную систему), потому что в жарком климате достаточное количество воды обеспечивает жизнь.

Вспомним, что К. Маркс, рассматривая аспекты становления общества, особое внимание уделял развитию внешней торговли и мирового рынка. Если общая земельная собственность функционировала в статусе натурального хозяйства и в какой-то мере сдерживала прогрессивное развитие Империи Моголов, то сфера внутренней и внешней торговли (обмена) при правлении Бабура в силу объективных условий (постоянные военные набеги и освоение новых территорий) получила толчок к совершенствованию. Внешняя торговля связывала империю Моголов с Европой, Китаем, Африкой, Средней Азии, Ираном и другими странами. Из Индии экспортировались в основном ткани и пряности, а обратно ввозились предметы роскоши. Помимо торговцев очень часто начинали заниматься торговлей джагирдары, потому что обладали свободными денежными средствами. Надо отметить, что внешняя торговля Могольской империи была представлена более совершенной формой, потому что стремилась к некому универсальному эквиваленту обмена. Внутренняя торговля между туманами (областями) империи стремится к эквиваленту обмена, однако одни и те же товары в разных туманах стоили не одинаково: «Сравнительно с Кабулом, в Газни все всегда дешево» [1, 204]. Внутри общины обмен торговлей можно было назвать с большой натяжкой. Выше были описаны особенности бытия сельских общин, которые отличались срастанием сельскохозяйственного и ремесленного труда. Труд ремесленника по производству предмета обихода из сырья общинника оплачивался за счет средств общины, а не заказчика. Таковым был труд кузнеца, кожевенника и других ремесленников, обеспечивающих орудиями труда и домашнего обихода членов общины, приютившей работников.

Конечно, население городов и сельских поселений отличались друг от друга. Городов в Могольской империи было достаточно, очень часто они возникали на месте военной ставки правителей, тому мы находим много свидетельств в дневниковых записях Бабура. У таких городов очень часто была незавидная судьба: они процветали, пока в силе был феодал. Как только правитель уезжал или был изгнан, город подвергался разграблению, порой просто исчезал с земли. «Ала ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, *сломал плотину*, сжег множество могил потомков Султана, *разрушил и сжег город Газни*, а жителей ограбил и перебил» [1, 204–205]. Чаще всего процветали города, которые располагались рядом со святыми местами, мечетью, медресе. Рядом с этим городским поселением сразу возникали районы ремесленников, торговцев. В таких городах процветали чаще всего ремесленно-торговые комплексы определенной направленности. Например, Бабур с нежностью вспоминает, что лучшую бумагу и малиновый бархат производили в Самарканде. Для Бабура «в обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. … Тимур бек сделал Самарканд [своей] столицей. … Шейх Абу Мансур, один из учителей богословия, родом из пригорода Матурид

в Самарканде. … Составитель «Хидаи» – немного есть книг по законоведению толка имама Абу Ханифы, … происходил из области в Фергане, … а эта область входит в Мавераннахр… В Самарканде и его пригородах много строений и садов [времен] Тимур бека и Улуг бек мирзы… Внук Тимур бека … построил во внешнем укреплении за самаркандской стеной медресе. Могила Тимур бека и могилы тех из его сыновей, которые царствовали в Самарканде, находятся в этом медресе… К югу от медресе [Улуг бек мирза] построил мечеть, ее называют «Резною мечетью». … Другая высокая постройка Улуг бек мирзы – обсерватория у подножья холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. … Самарканд – удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни»[1] [1, 88–92].

Возвращаясь к труду ремесленников, можно отметить, что их положение было более бесправным, чем даже положение крестьян. Каста ремесленников не защищала своих мастеров, не обеспечивала совершенствование и подработку орудий производства (они отличались примитивностью, очень часто соответствовали уровню домашнего промысла), более того, они были не свободны в вопросах сбыта и вида производимого ими товара. Используя марксистскую терминологию рассмотрения социально-экономической проблематики, можно констатировать, что налицо несформированность производительных сил. Потребление, которое обеспечивает бытие человека, есть, а материальные условия (производство) не сложились. Товарно-денежные отношения, складывающиеся в Империи Моголов, стремятся к выработке универсального эквивалента и становлению мирового рынка. Таким образом, рассматриваемый нами период завоеваний Бабура – это предыстория человечества, это период первичной формации, полной зависимости индивида от племени и его несвободы, жесткой привязки общинника к земельному наделу, а ремесленника к касте и порой, к месту поселения.

Литература

1. Бабур-наме. Записки Бабура. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992. – 568 с.
2. Маркс, К. Фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 49. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. – 555 с.
3. Маркс, К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 771 с.
4. Маркс, К. Капитал : книга 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 23. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – 907 с.

© **Камалетдинова А. Я.**, 2020

[1] Приводим такую большую цитату с купюрами, т. к. в ней даётся наиболее полная характеристика уровня развития общества конца XV– начала XVI веков.

З. Камалова,
Студентка ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

ВОСПЕВАНИЕ ЛЮБВИ К РОДИНЕ В РУБАИ БАБУРА

Захириддин Мухаммад Бабур (1483–1530гг.) – поэт, ученый и государственный деятель, основатель централизованного государства и империи Бабуридов. Его лирическое наследие состоит из «Кабульского дивана» (1519 г.) и «Индийского дивана» (1528-29гг.), 119 газелей, 231 рубаи и других стихотворений о любви, образовании и т. д. Его перу принадлежат знаменитая «Бабур-наме», содержательные трактаты по музыке, рифме, просодии, военному искусству. Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира.

Говоря о Захириддине Мухаммаде Бабуре, можно отметить его неоценимое место в истории, литературе.

В лирике Бабура особое место занимает тема родины. В его стихотворениях, особенно в четверостишьях, с большой впечатляющей силой выражены тоска по родине и беспредельная любовь к ней.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек. [1, 47]

Захириддин Мухаммад Бабур был не только разносторонне развитой личностью – крупным государственным деятелем, полководцем, талантливым ученым, великим поэтом, большим ценителем и покровителем искусства, но и страстным патриотом. Волею судьбы свои военные походы он перенес на территории Афганистана и Индии, но до конца своих дней не оставлял желания вернуться на Родину. Тяжелые душевные переживания, порожденные разлукой с ней, выражены в ряде рубаи-писем:

Чужбина – клетка, в ней постыло все, немило,
Давно моя душа, как птица, загрустила.
Что претерпел я здесь, мне трудно описать... [1, 63].

Лирика Бабура открывает нам еще одну грань деятельности и судьбы этого замечательного человека: он был одним из образованнейших людей своего времени, выдающимся ученым и поэтом. Одни из самых вдохновенных его поэтических строк посвящены вынужденной разлуке с родной Ферганой:

Нет родины, и счастья боле нет.
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своею волей,
Его оставить силы воли нет. [1, 2]

Многогранное творчество нашего великого предка и в наши дни несет воспитательную миссию для молодого поколения. Идеи добра и гуманизма, воспетые в произведениях Захириддина Мухаммада Бабура, не утратили своей

ценности и значимости на протяжении веков и очень созвучны тем огромным переменам, которые происходят в жизни нашей страны в годы независимости. Девиз «Если не делаешь в этой жизни добро, зачем живешь?» служит напутствием сегодняшнему читателю «Бабур-наме».

Важное место в «Бабур-наме» занимает описание родины автора – Андижана: «В Фергане семь городов, пять из них на южном берегу реки Сейхун (Сырдарьи), два – на северном. Один из городов на южном берегу – Андижан, который находится посередине. Это – столица области Ферганы. В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепостей больше Андижана. В городе трое ворот, южные ворота называются Хакан, северные – Мирза. Арк Андижана находится на южной стороне… К юго-востоку от крепости стоит красивая гора. На вершине этой горы Султан Махмуд построил худжру. Ниже ее на выступе горы я тоже построил в девятьсот втором году худжру с айваном. Хотя его худжра стоит выше моей, но моя расположена много лучше: весь город и предместья расстилаются под нею…».

Воспоминания об этих красивейших местах, картины родного края, тоска об утраченной отчизне не оставляли венценосного изгнанника до конца его жизни.

«Если во мне и есть родник, то это – мои стихи, мое творчество. Не возражайте мне, я уже давно чувствую, что трон не спасет ни от тлена, ни от забвения. Мне ведь не суждено самому вернуться на родину. Пусть вернутся туда мои стихи, мои тюркские книги...»

«Пусть вернутся мои стихи…»
Пораженный отвагой моею и силой, –
мир склонился у ног.
Тщетно! Мир покоренный с собою в могилу
унести я не смог.

Таким образом, в творчестве Бабура большое значение приобретает патриотический мотив. Бессмертные художественные и научные произведения Бабура, пронизанные любовью к Родине, выдержали испытание временем и вошли в историю узбекской литературы как достояние культуры узбекского народа.

Литература

1. Избранная лирика Востока : Бабур [Электронный ресурс]. – URL: http://n.ziyouz.com/books/uzbeklib_ru/uzbekskaja_klassicheskaja_literatura/Izbrannaja%20lirika%20Vostoka.%20Babur.pdf (дата обращения: 28.01.20)

© **Камалова З.**, 2020

А. А. Камбаров (А. А. Қамбаров),
фалсафа фанлари номзоди, доцент,
Фарғона давлат университети (Ўзбекистон)

Аннотанция: В статье приводится исторический портрет Захириддина Мухаммада Бабура – выдающегося полководца, государственного деятеля, талантливого писателя и ученого. Автор статьи утверждает, что Бабур высоко ценил искусство, литературу и науку. Бабур в статье описан не только как автор классических газелей, но и как великий художник, создавший индивидуальный стиль в жанре *рубаи*. Роль Бабура в развитии узбекской классической литературы уникальна.

ЗАҲИРИДДИН МУҲАММАД БОБУР АСАРЛАРИ ҲАҚИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Ҳар бир халқнинг тарихий, маданий-миллий қиёфасини аниқ белгиловчи улуғ шоҳлари, буюк олимлари, йирик адиб ва шоирлари бўлади. Инсониятнинг абадиятга мансуб ана шундай буюк фарзандлари сафида Заҳириддин Муҳаммад Бобурни кўришимиз мумкин. У ўз даврида истеъдодли лашкарбоши ва давлат арбоби, талантли ёзувчи ва санъат, адабиёт ҳамда фаннинг қадрини биладиган атоқли олимлардан бири бўлган.

Бобур – буюк подшоҳ, мумтоз шоир, назариётчи адабиётшунос, фақиҳ, тилшунос, санъатшунос, этнограф, ҳайвонот ва наботот оламининг билимдони сифатида кўп қиррали фаолият ва ижод соҳибидир. Ҳинд халқининг улуғ фарзанди, буюк давлат арбоби Жавоҳарлаъл Неру ўзининг «Ҳиндистоннинг кашф этилиши» китобида Бобур Мирзо ҳақида қуйидаги баҳони берган: «Бобур – дилбар шахс, Уйғониш даврининг типик ҳукмдори, мард ва тадбиркор одам бўлган. У санъатни, адабиётни севарди, ҳаётдан ҳузур қилишни яхши кўрарди» [1, 8]. Чунки, Бобур Ҳиндистонда қисқа вақт ичида анчагина ишларни амалга оширади.

Бобурнинг мероси кўп турлидир. У мусиқа, поэтик ҳамда ҳарбий иш бўйича илмий трактатлар ёзган, фаннинг тарих, география, ирригация, флора, этнография ва бошқа соҳаларда ўзининг қимматли маълумоларини берган. У қисқа умр кўрган бўлсада, сержило шеърларидан ташқари, жаҳонга машҳур «Бобурнома», «Мубайян», «Ҳарб иши», «Хатти Бобурий», «Аруз рисоласи» каби асарлар яратиб, келажак авлодлар учун катта мерос қолдирди. Биргина «Бобурнома»да 30 яқин фан соҳалари бўйича аниқ илмий маълумотлар жамлангани фикримиз далилидир. Унда муаллифнинг ҳаёти, дунёқараши, яшаш тарзи ҳам чиройли далил ва бўёқларда берилган. Шоҳ ва шоирнинг кузатувчанлиги, атрофдаги барча ўзгаришлар, табиатнинг нодир воқеалари, жумбоқ ва мўъжизаларини ўрганмагунга қадар изланавергани кишини ҳайратга солади.

«Бобурнома»ни варақларканмиз, кўз олдимиздан Марказий Осиё, Афғонистон ва Ҳиндистон халқларига хос бўлган фазилат ва нуқсонлар, уларнинг тафаккур оламини кенглиги ва мураккаблиги билан бирга, ўша даврдаги ҳаёт муаммолари, Бобур давлатидаги сиёсий ва ижтимоий ҳаётнинг тўлиқ манзараси намоён бўлади. «Бобурнома»да келтирилган бу тарздаги маълумотлар Бобур даврида ёзилган бошқа тарихий манбалар: Мирхонд, Хондамир, Муҳаммад Солиҳ, Биноий, Муҳаммад Ҳайдар, Фаришта, Абул-Фазл Алломий ва бошқа тарихчиларнинг асарларида бу даражада аниқ ва мукаммал ёритилган эмас. Муаллиф «Бобурнома»да Алишер Навоий, Абдураҳмон Жомий, Беҳзод, Мирзо Улуғбек ва бошқа алломалар ҳақида ўзининг энг юқори фикр ва мулоҳазаларини билдиради.

«Бобурнома» – Мовароуннаҳр, Хуросон, Ҳиндистон, Эрон халқлари XV аср охири - XVI асрнинг биринчи ярмидаги тарихини ўзида акс эттирган бўлса ҳам, шу билан бирга жуда кўп долзарб иқтисодий, ижтимоий масалалар, юқорида номлари келтирилган вилоятларнинг ўзаро сиёсий-иқтисодий ва савдо муносабатлари, жуғрофий мавқеи, иқлими, ўсимлик ва ҳайвонот дунёси, тоғлари, дарёлари, халқлари, қабила ва элатлари ва уларнинг яшаш шароитлари, урф-одатлари, муҳим тарихий иншоотлари – ҳиндулар ва мусулмонларнинг ибодатхоналари, тўй ва дафн маросимлари ҳақида ниҳоятда нодир маълумотларни ўзида қамраб олган шоҳ асардир.

Бобур ўзбек адабиётида ўзининг нозик лирик асарлари билан ҳам машҳурдир. Унинг ҳаёти ва адабий фаолияти Мовароуннаҳрда сиёсий ҳаёт ниҳоят мураккаблашган феодал гуруҳларнинг бошбошдоқлик ҳаракатлари авжига чиққан ва Темурийлар давлатининг инқирози давом этаётган бир даврга тўғри келган эди. Бундай мураккабликлар инъикосини «Бобурнома»да кўрган бўлсак, шоир руҳиятида қандай акс этгани эса, унинг шеърларида намоён бўлади. Мовароуннаҳрни бирлаштиришга уринишлари натижа бермагач, Бобур руҳан қийиналган, амалдорларнинг хиёнатлари таъсирида умидсизликка тушган кезлардаги кайфияти шеърларида акс этган. Кейинчалик ўз юртини тарк этиб, Афғонистон ва Ҳиндистонга юз тутганда Бобур шеъриятида Ватан туйғуси, Ватан соғинчи, унга қайтиш умиди мавж ура бошлади.

Бобур лирик шеърлари ва тарихий «Бобурнома»сидан ташқари, ислом қонуншунослиги ва бошқа соҳаларда ҳам асарлар яратган. Жумладан, Ҳиндистон юришлари даври (1521-22 йиллар)да Бобур «Мубайян» асарини яратди. «Шоҳ Бобур ўзининг “Мубайян” асари орқали буюк фиқҳ зот эканини намоён этади» [3, 4]. Маснавий тарзида ёзилган, ислом ҳуқуқшунослиги ва шариат ақидаларига бағишланган бу асарда Мовароуннаҳр ва Ҳиндистонга оид ўша давр ижтимоий-иқтисодий ҳаёти бўйича қизиқарли маълумотлар ҳам жамланган.

«Мубайян» асарининг биринчи рисоласи – «Эътиқодийя» бўлиб, у анъанавий бошланма билан ибтидо топади. Бобур Мирзо устоз ва замондошлари сингари олам, одам, ижтимоий борлиқ, бутун мавжудотнинг яратувчиси, подшоси сифатида Оллоҳни билади.

Мазкур асар ислом оламида шаклланган анъанага кўра, «Бисмиллаҳир роҳманир роҳийм» илоҳий жумласи ва Оллоҳга ҳамд қилиш билан бошланади. Асарнинг ҳар бир китоби мусулмончиликнинг бир рукни шарҳига бағишланган. Шунга кўра асарни ўз валиахд ўғиллари Ҳумоюн ва Комрон Мирзоларга дастуруламал сифатида мўлжаллаб, уларнинг сиймоси орқали бутун халқ оммасига беш фарз фиқҳий масалаларини таълим қилади. «Мубайян» асарида, айни замонда, намоз, закот ва ҳаж зиёрати тўғрисида ҳамда ўша замон солиқ тизимини, солиқ йиғишнинг қонун-қоидаларини, шариат бўйича кимдан қанча солиқ олиниши ва бошқа масалаларни назмда баён қилинган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўз замондошларини саводхон қилишнинг нисбатан қулай йўллари устида бош қотиради. Жумладан, 20 ёшида кашф этган «Хатти Бобурий» рисоласида араб алифбосини туркий тиллар, хусусан, ўзбек тили нуқтаи назаридан бирмунча соддалаштириб беришга ҳаракат қилган. У, тажриба сифатида «Хатти Бобурий» алифбосида Қуръони Каримни кўчирган, шунингдек, «Хатти Бобурий»да муаллиф араб алифбосини таҳрир этиб, ёзувни соддалаштириш ва осонлаштириш мақсадида уни туркий тил ва талаффуз мезонларига мослаштирган. «Гарчи “Хатти Бобурий” оммавий йўсинда эл-улус ўртасида шуҳрат пайдо қилмаган бўлса-да, Бобур Мирзо тасарруфидаги ҳудудларда “Хатти Бобурий” муомалада амал қилган» [1, 89]. Шунингдек, «Бобурнома»нинг 1528 йил воқеалари баёни қисмида қуйидаги фикрлар келтирилади: «Ҳумоюннинг ўғли бўлғонини таҳниятиға ва Камроннинг кадхудолиғининг (кент бошлиғининг) таҳниятиға Мирзойи Табризийни ва Мирзобек тағойини ўн минг шоҳруҳий сочиқ била йиборилди. Ўзим кийган тўн ва боғлоғон камар ҳар икки мирзоға йиборилди. Мулло Биҳиштийдан Ҳиндолға мурассаъ камар ва ханжар ва мурассаъ давот ва садафкорлик сандали ва кийган нимча ва тагбанд ва “Бобурий хат”нинг муфрадотини йиборилди. Яна “Бобурий хат” била битилган қитъалар йиборилди...» [2, 393].

Бобурнинг аруз вазни ва қофия масалаларига бағишланган «Муфассал» номли асари ҳам бўлганлиги маълум, бироқ бу асар бизгача етиб келмаган.

Бобур Ҳинд заминига Ислом таълимотларини олиб кирган ва дин равнақига ўз ҳиссасини қўшган буюк шахсдир. Ўн икки ёшида отаси Умаршайх Мирзо вафотидан кейин подшоҳ бўлган Бобур Мирзонинг ҳаёти жангу жадалларда ўтган. Тақдир тақозоси билан она юртидан кетишга мажбур бўлган. Ҳиндистонга бориб ўз ҳукмронлигини мустаҳкамлаб, марказлашган қудратли давлатни барпо этган.

Бобур ва унинг ҳукмдор авлодлари ҳузурида ўша даврнинг илғор ва зеҳни ўткир олимлари, шоирлари, мусиқашунослари ва давлат арбобларини мужассам этган мукаммал бир маънавий-руҳий муҳит вужудга келди. Бобурийлар давлатидаги маданий муҳитнинг Ҳиндистон учун аҳамияти ҳақида Жаваҳарлаъл Неру шундай ёзган эди: «Бобур Ҳиндистонга келгандан кейин катта силжишлар юз берди ва янги рағбатлантиришлар ҳаётга, санъатга, архитектурага тоза ҳаво бахш этди, маданиятнинг бошқа соҳалари эса бир-бирларига туташиб кетди».

Заҳириддин Муҳаммад Бобур Ҳинд заминида қурилиш ишларига, халқнинг яхши яшашига, ободончиликка катта эътибор қаратди. Бу

ҳақда профессор Низомиддинов ўзининг «Буюк Бобурийлар тарихи» номли асарида шундай ёзади: «Шаҳарларда ободончилик, таъмирлаш, боғу роғлар барпо этиш ва экинзор ерларда суғориш ишларининг йўлга қўйилиши, Самбҳал ҳамда Аграда масжиду мадрасаларнинг қурилиши Бобурнинг амалга оширган ижтимоий ва иқтисодий ислоҳотларининг илк куртаклари эди».

Бобур ижодида ишқ-муҳаббат, севги-садоқат, висол ва ҳижрон мавзуи ҳам салмоқли ўрин тутади. Унинг газал ва рубоийларида, туюқ ва маснавийларида маъшуқанинг мафтункор гўзаллиги, беқиёс ҳусну латофати, шарқона одобу ахлоқи, нозу карашмаси енгил ва ўйноқи, мусиқий ва равон мисраларда катта маҳорат билан тараннум этилади.

Биз фақат Бобурнинг дилбар шахсию бетакрор шеъриятига мафтун бир ўқувчи сифатида шуни айтишимиз мумкинки, унинг шеърияти қанча дардчил бўлса, шунча жозибали. Қанча қайғули бўлса, шунча ёруғдир. Қалбларга чуқур ботиб кетгувчи бу қайғули сатрларда эртанинг, келажакнинг ёп-ёруғ умидлари мужассам. Худди шу жиҳати билан ҳам Бобур байтлари қадрлидир, руҳга яқиндир.

Унинг бор ҳаёти ва ижоди юрт соғинчи ва фироғи ҳақидаги ўлмас бир афсона, боқий бир достон. Бу достон асрлардан буён юрт бағридагилар учун ҳам, тақдир тақозоси ила турфа сабаблар билан юртдан олисда яшаётганлар учун ҳам бирдек қадрли. Юртдан айрилган ҳар шоир Бобур бўлолмас балки. Аммо юртдан айро ҳар бир инсон учун – хоҳ у шоир бўлсин, хоҳ оддий косиб, – Бобурнинг мардона руҳи, иймон-эътиқодга йўғрилган ҳаёт йўли, битган жами мисраларига муҳрланган жонажон Ватанга, жафокаш халққа бўлган улуғ муҳаббати буюк ибрат вазифасини ўтай олиши аниқ.

Мирзо Бобурнинг ҳассос қалбидаги туйғулар унинг ижодиётида ўз аксини топган. Шу қадар нозик таъб, шу қадар ҳассос қалб ила қисматнинг бу қадар оғир синов дарёларини кечиб ўтишига қарамай, шоирнинг шахс сифатида ўзини, ўзлигини, иймонини бус-бутун сақлаб қолиши, чиндан ҳам ибрат олса арзигулик жасоратдир.

Бобурнинг ўз шеърий асарларини тўплаб, девон ҳолига келтирган санани кўрсатувчи аниқ тарихий маълумотлар маълум эмас. Аммо «Бобурнома»нинг 1518-19 йиллар воқеалари баёнига бағишланган фаслида Бобур девонини Кобулдан Самарқандга юборганлиги тўғрисида сўз боради. Демак, шу йилларда унинг девонига тартиб берилган ва мазкур девон Мовароуннаҳрда ҳам тарқалган.

Ҳозирда унинг 119 ғазали, бир масну шеъри, 209 рубоийси, 10 дан ортик туюқ ва қитъалари, 50 дан ортиқ муаммо ва 60 дан зиёд фардлари аниқланган. Бобурнинг девони таркибида умумий ҳажми 270 байтдан иборат 8 маснавий ҳам ўрин олган.

Бобур шуҳратда даҳо Алишер Навоийнинг ёнида турадиган мумтоз сўз санъаткори, шоир ва адибдир. Бадиий маҳорат бобида бирор ўзбек шоҳ ва шоири Бобур билан беллаша олмайди. Шеърият учун хос бўлган бир неча заруратлар: нуктапардозлик (янги фикрлар айта олиш маҳорати), жозибали бадиий санъатлардан меъёрида усталик билан фойдаланиш сеҳргарлиги ва эҳтирос жўшиб турган рангин туйғулар талқини бобурона самимий шеърият

фазилатларидир. Бунинг устига унинг мумтоз шеъриятга дадил киритган таржимаи ҳоллик хусусияти ҳам Бобур шеъриятини алоҳида нурлантириб туради. Ана шу кейинги хусусият шоирнинг ватанпарварлик туйғуларига жон бағишлайди. У она шаҳри, Ватани соғинчларини шеърда ифодалар экан, Ҳиндистон шаҳаншоҳи беихтиёр ўзининг андижонлик ғариблигига китобхон эътиборини тортади.

Бобур жозибали мумтоз ғазаллар ижодкоригина эмас, у рубоий жанрида ҳам ўз шахсий услубини намойиш эта олган улкан санъаткордир. Ўзбек мумтоз адабиётининг рубоий жанри ривожида Бобурнинг ўрни алоҳидадир. Бобур ўзбек адабиёти рубоийчилигида икки жиҳатдан: рубоийларининг кўплиги ва рубоийга таржимаи ҳолга доир деталларни сингдиргани билан бошқа мумтоз шоирларимиздан устун туради.

Адабиётлар

1. Воҳидов Р. Биз билган ва билмаган Бобур. – Т. : Маънавият, 2008. – Б. 8-89.
2. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. – Т. : Фан нашриёти давлат корхонаси, 2019. – Б. 393.
3. Заҳируддин Муҳаммад Бобур. Мубайян ва насрий баёни. – Т. : Шарқ нашриёт-матбаа акциядорлик компанияси Бош таҳририяти, 2014. – Б. 4.

© **Қамбаров А. А.**, 2020

Б. Х. Караева,
к. п. н., преп. МГЛУ, г. Москва
доц. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ УЗБЕКСКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ В МГЛУ)

Февраль можно назвать счастливым месяцем узбекской поэзии. Один за другим отмечаются дни рождения великих узбекских поэтов и мыслителей: сначала Алишера Навои (9 февраля), потом Захириддина Мухаммада Бабура (14 февраля).

На уроках по предмету «Практикум по профессионально-ориентированному курсу иностранного языка (узбекский)» планируется изучение жизни и творчества гениального узбекского поэта, мыслителя и крупного государственного деятеля Захириддина Мухаммада Бабура. Сначала изучим его биографию, ознакомимся с личностью Бабура. В процессе знакомства с поэтом определим жанровое своеобразие его произведений. Изучив характерные особенности и основные мотивы его лирики, ознакомимся с тем, какую роль в творчестве Бабура занимает тема человеческих качеств и любовь к Родине.

Проходят несколько столетий, и эти произведения остаются такими ценными и поучительными, не теряют своего значения, и поэтому они считаются классическими произведениями. В первую очередь, хотелось бы сказать, что мы чувствуем, когда начинаем изучать произведения представителей узбекской классической литературы. Это – сокровищница мыслей, воспевание добра, справедливости, прощения, верности, благородства и многих других человеческих качеств.

Ознакомить студентов с произведениями узбекской классической литературы – это очень сложный процесс. Сегодня одной из серьезных проблем молодежи является проблема прочтения классической литературы. Поэтому от преподавателя и организации им практических занятий зависит многое, чтобы привлечь внимание студентов, заинтересовать и мотивировать их тоже нелегко. А в нашем случае, чтобы ознакомить студентов с произведениями Захириддина Мухаммада Бабура, придется тщательно планировать учебный процесс.

Студенты сначала знакомятся с текстом о жизни и творчестве Захириддина Мухаммада Бабура.

Преподаватель может донести до студентов суть произведений Бабура, потому что в произведениях поэта таятся незнакомые для них и не использованные до конца резервы воспитательного воздействия, которые обогащают их мировоззрение и мировосприятие.

Рекомендуем организовать урок в свободной форме. Целью урока являются следующие аспекты: знакомство студентов с личностью и творчеством великого узбекского поэта, мыслителя, историка и государственного деятеля

Захириддина Мухаммада Бабура; формирование уважительного отношения к истории и культуре страны изучаемого языка; расширение кругозора и словарного запаса студентов; способствование интеллектуальному развитию студентов.

Можно дополнить практические занятия портретом поэта, техническими средствами, выставкой книг поэта, также, в начале урока можно организовать просмотр видеофильма о Бабуре.

До урока можно задать несколько заданий, чтобы студенты могли подготовиться к уроку. Предлагается предварительно ознакомиться с текстом из учебника и выполнить следующие задания:

1. Прочитайте информацию о Захир ад-дине Мухаммаде Бабуре и составьте вопросы по содержанию текста на узбекском языке. Задайте их своим однокурсникам.

Zahiriddin Muhammad Bobur haqidagi ma'lumotni o'qing, matn mazmuni bo'yicha o'zbek tilida savollar tuzing va ularni kursdoshlaringizga bering.

2. Кратко расскажите о жизни и творчестве Захир ад-дина Мухаммада Бабура на узбекском языке, опираясь на предложенный текст.

Zahiriddin Muhammad Boburning hayoti va ijodi haqida o'zbek tilida qisqacha so'zlab bering.

3. Используя материалы Интернета, дополните рассказ о жизни и творчестве Бабура.

Internet materiallaridan foydalanib, Bobur hayoti va ijodi haqidagi matnni to'ldiring [3, 212].

После краткого изложения преподавателя о Бабуре студенты продолжают урок, рассказывая о творчестве, о его произведениях.

1-студент:

Захириддин Мухаммад Бабур, великий узбекский поэт, мыслитель, историк и государственный деятель, является основоположником династии и империи Бабуридов. Бабур родился в Андижане, столице Ферганского государства, 14 февраля 1483 года. Отец его, Умар-Шейх-мирза II, был правителем Ферганы, потомком Амира Тимура. После гибели отца в 1494 г. юный Бабур стал правителем Ферганы, а в 1526 г. взошел на престол Индии, основав централизованное государство Бабуридов, которое вошло в мировую историю под именем «Империя Великих Моголов», существовавшее более 350 лет. Бабур умер в городе Агра 26 декабря 1530 г. и был похоронен там же, позже, по завещанию Бабура, останки были перезахоронены в Кабуле [4, 78].

2- студент продолжает:

Особое место среди его произведений занимает «Бабур-наме» («Книга Бабура») – признанный образец узбекской классической прозы и выдающийся памятник узбекского литературного языка XV-XVI веков [6, 15].

«Бабур-наме» является вершиной творчества Бабура, в произведении отражены исторические события, выдающиеся личности, города, страны и неповторимые природные пейзажи, народные обычаи и обряды [4, 79].

3-студент рассказывает:

Бабур свои мемуары писал простым, но в то же время блестящим, общедоступным языком, отличающимся исключительной лаконичностью. Это произведение, как единственный в своем роде источник по истории народов Центральной Азии, на протяжении столетий остается настольной книгой историков, этнографов, филологов, географов и представителей естественных наук. Поэтому «Бабур-наме» перевели на многие языки народов мира [6, 15].

4-студент рассказывает о других произведениях Захириддина Мухаммада Бабура:

За свою недолгую жизнь Бабур создал небольшой диван стихов, поэтические произведения «Мубаййан» («Комментированное»), перевел с фарси поэму Ходжи Ахрара «Рисолаи волидийа» («Трактат родительский»), им разработано новое письмо под названием «Хатт-и Бобурий», он внес известный вклад своими трактатами в изучение аруза (системы стихосложения), рифмы, музыки и военного искусства [6, 15].

5-студент дополняет:

Среди его научных трудов особое место занимает «Мухтасар», или «Рисолаи Аруз» («Трактат об Арузе»). Эту систему на Востоке исследовали многие представители узбекской классической литературы. В отличие от других ученых, Алишер Навои и Захир ад-дин Мухаммад Бабур посвящали свои трактаты не только проблемам поэтики, но и вопросам стихосложения, в том числе аруза. Заслуга Бабура в том, что он обогатил эту систему, добавив еще два бахра и 17 мелодий, в итоге стало 21 бахров-разделов и 537 мелодий [4, 81].

В этой части студентам предлагается выполнить следующее задание:

Прочитайте следующие рубаи и другие четверостишия великого узбекского поэта Захир ад-дина Мухаммада Бабура, расскажите о значении его морально-нравственных заветов сегодня.

Buyuk o'zbek shoiri Zahiriddin Muhammad Bobur ruboiylari va tuyuqlarini o'qing, bu ma'naviy-axloqiy qadriyatlarning bugungi kunlarimizdagi ahamiyati haqida so'zlab bering [3, 213].

Студенты читают рубаи и другие четверостишия из творчества поэта, эти стихи неразрывно связаны с историческими событиями и явлениями, имеют автобиографический характер, поэтому излагаются глубокие чувства лирического героя, убедительно рассказывается о переживаниях и трудностях:

Ko'ngli tilagan murodig'a yetsa kishi,
Yo barcha tilaklarni tark etsa, kishi.
Bu ikki ish muyassar o'lmasa, olamda,
Boshni olib bir sorig'a ketsa kishi. [1, 115].
Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек.
А если этих двух задач не сможешь ты решить –
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек. [6, 651].

Ey yel, borib borib ahbobqa nomimni degil!
Har kim meni bilsa, bu kalomimni degil!

Mendin demagil, gar unutilg'on bo'lsam,
Har kimki meni so'rsa, salomimni degil! [1, 174].
О ветер, ты за день весь облетаешь свет.
Лети в эту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет. [2, 115].

Davron meni o'tkardi, sar-u somondin,
Ayurdi bir yo'la xon-u mondin.
Gah boshima toj, gah balo-yu ta'na,
Nelarki kelmadi boshimg'a davrondin. [1, 188].
Меня судьба, увы, измучила вконец.
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец. [2, 117].

Поэтическое наследие Бабура является многогранным и богатым. Основную часть поэзии Бабура составляют газели, рубаи, туюги и другие стихи любовного содержания. Он воспевал красоту, стремление к прекрасному, земную человеческую любовь.

Sen gulsen-u men haqir bulbuldurmen,
Seb shu'lasen, ul shu'laga kuldurmen.
Nisbat yo'q deb ijtinob aylamakim,
Shohmen elga, vale senga quldurmen! [3, 215]
Ты – роза яркая, но я – ничтожный соловей.
Ты – пламя жаркое, но я – зола, возьми, развей!
«Нет соответствия!..» Но ты не избегай меня:
Народам царь, я стал рабом по прихоти твоей! [3, 215]

Прекрасно владея персидским языком, он все свои главные произведения создал на родном узбекском языке. По мнению А. Н. Кононова, диалектной основой современного узбекского литературного языка является ташкентско-ферганская группа говоров [5, 10]. Учитывая этот факт, можно сказать, что язык Бабура является доступным для сегодняшнего читателя, потому что язык его произведений отличается простотой и общедоступностью, сжатостью и лаконичностью.

Последний этап практических занятий можно завершить вопросами, которые составляли сами студенты. Можно написать эссе, рефераты и подготовить презентации о жизни и творчестве Бабура.

Литература

1. Бабур З. М. Избранная лирика : [на узб. яз.]. – Ташкент: Шарк, 2007. – 288 с.
2. Бабур З. М. Лирика. – Ташкент: Езувчи, 1996. – 159 с.

3. Бакиева Г. Х. Узбекский язык для стран СНГ / Г. Х. Бакиева, Б. Х. Караева, Е. Н. Коршунова, И. А. Краева, Д. М. Тешабаева, Г. М. Фролова. – М.: МГЛУ, 2012. – 331 с.
4. Караева Б. Х. Царь, поэт, ученый, незаурядная личность Захир ад-дин Мухаммад Бабур // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – Москва, 2018 г. – № 2. – С. 78-83.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Из-во АН СССР, 1960. – 446 с.
6. Смятение праведных : фольклор и литературное памятники Узбекистана. – М.: Художественная литература, 2009. – 709 с.

© **Караева Б. Х.,** 2020

М. Х. Караходжаева,
к. п. н., доцент ТХТИ, г. Ташкент (Узбекистан)

«БАБУР-НАМЕ» – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XV-XVI ВВ.

Имя Захириддина Мухаммада Бабура в истории Узбекистана стоит наравне с такими деятелями политики и военного дела, как Джалаладдин Мангуберды, Амир Тимур, Улугбек, Алишер Навои. Тимуридский правитель, создавший империю Бабуридов в Индии (в западных источниках «Империя Великих Моголов»), был преданным сыном своей Родины и до конца своих дней боролся за её благополучие.

За свою 47-летнюю жизнь Захириддин Мухаммад Бабур оставил богатое литературное и научное наследие. Его перу принадлежит знаменитое «Бабур-наме», снискавшее мировое признание, оригинальные и прекрасные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Бабур переписывался с Алишером Навои. Стихи Бабура, написанные на тюркском, отличаются чеканностью образов и афористичностью.

Центральное место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке, исторический труд «Бабур-наме», который востоковед В. Бартольд назвал «лучшим произведением тюркской прозы». Книга была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический (мемуарный жанр) характер и отражает историю народов Центральной Азии конца XV – начала XVII веков.

«Бабур-наме» – это личные дневники Бабура, которые он вел на протяжении всей жизни, собранные в одно произведение самим Бабуром.

По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в Средние века в Центральной Азии, Иране, Афганистане и Индии.

По богатству и разнообразию материала, по языку и стилю «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленный придворными летописцами того времени, поэтому неудивительно, что в разные времена труд этот привлекал пристальное внимание ученых своего мира.

«Бабур-наме» посвящен описанию деятельности Бабура, его удачных и неудачных военных походов, изложению всех перипетий его богатой приключенческой жизни.

Дочь Бабура, единственная женщина-историк на мусульманском Востоке – Гульбадан бегим, продолжая литературную традицию отца, написала историческое произведение «Хумаюн-наме».

«Бабур-наме» состоит из трех частей. Первая ее часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV веков. Вторая часть

охватывает события, происходившие на территории Афганистана, которая в эпоху Бабура была известна как «Кабульский удел». В последней части описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны, ее природные особенности, содержатся интересные сведения о народах, населявших эту страну.

Автор «Бабур-наме» с присущей ему откровенностью описывает борьбу за власть, приводит факты опустошения земледельческих оазисов, увеличения поземельного и других налогов, сбор которых участился в годы смуты во владениях последних Тимуридов в Хорасане и Мавераннахре.

Благодаря «Бабур-наме» мы узнаем о страшном голоде в дни осады Самарканда Шейбани-ханом в 1501 году. Правдивость сведений Бабура подтверждают историки того времени: Хандемир, Мухаммад Хайдар, Мухаммад Салих, Беннаи и др.

Сам Бабур пишет: «... все, что здесь написано, истина, и цель этих слов в том, чтобы похвалить себя, – все, действительностью, было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мной слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило».

«Бабур-наме», хотя посвящена политической истории вышеназванных стран на рубеже XV-XVII веков, сочинение изобилует бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и другие проблемы современной автору эпохи.

Бабур призывает избегать бессмысленной болтовни, выражать свои мысли кратко, четко и просто, не употреблять таких слов, которых человек сам не понимает. В частности, он отмечает: «Пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда и тому, кто читает».

Безусловно, эти строки из «Бабур-наме» свидетельствуют о том, что поэтическое мастерство Бабура оказало глубокое и ощутимое влияние на живописный язык его прозаического произведения, что придало ему большую художественную красоту и широкую известность.

С большой любовью пишет Бабур о Самарканде, не упускает автор из виду описание обсерватории Улугбека, которым восторгался, отмечая совершенство этого сооружения, его изумительность.

В книге Бабура получили подробные описания жизнь и трудовая деятельность различных афганских племен, обитавших на обширной территории между Вахшем и Пенджабом.

«Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабура. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Центральной Азии, и писавших стихи как на персидском, так и тюркском языке. В книге много словесных портретов целого ряда современников поэта: государственных деятелей, художников, музыкантов, историков. Чрезвычайно ценными являются сведения Бабура о полезных ископаемых городов Центральной Азии. В книге не только приводятся отдельные сведения о природных ископаемых, но и отмечается их назначение в хозяйственной жизни страны.

В «Бабур-наме» нашли отражение флора и фауна описываемых стран. Бабур, подробно описывая Хиндустан, восхищается его природой, сравнивает его с родными краями: «Эта удивительная страна; в сравнении с нашими землями это иной мир. Горы, реки, леса, города, области, язык, растения и ветры – все там не так, как у нас. Хотя и жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое-в-чем сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны: стоит лишь перейти реку Синд, как земли и вода, и деревья, и камни, и люди, и обычаи – все становится таким же, как в Хиндустане». Описывая политическую жизнь Индии, Бабур дает сведения об истории Индии XV – начала XVI веков.

Бабур в своей деятельности постоянно преследовал цель благоустройства подвластных ему крупных городов Индии. Планировка и архитектура общественных и частных построек, их внешнее оформление и интерьер, имея много общего со среднеазиатским стилем, органично сочетались в то же время с индийской формой и стилем, что привело к соприкосновению двух культур – индийской и среднеазиатской. Процесс этот получил дальнейшее развитие при преемниках Бабура, что особенно заметно в стиле крупных зданий, сооруженных в Северной Индии его потомками.

В «Бабур-наме» много фактических данных по этнографии: интересны описания одежды индусов, их обычаев, образа жизни простого народа и знати.

Несмотря на очень краткое по времени правление в Индии (1526-1530), Бабур сумел в некоторой степени объединить феодально-раздробленную страну и провести в жизнь такие важные мероприятия, как упорядочение земельно-водных отношений и налоговой системы. По его приказу благоустраивались мечети, сооружались здания различного назначения, строились бани, рылись колодцы и т. д. В крупных городах Индии: Дели, Агре, Лахоре, Девалпуре – Бабуром были заложены сады и парки с декоративными растениями. Характерно то, что при планировке садов Бабур применял среднеазиатскую систему чарбаг. Из «Бабур-наме» становится известно, что в 1526 г. в Панипате Бабуром в честь победы над Ибрахимом Лоди был разбит большой сад, именуемый Кабул-бахтом, который, по-видимому, был первым его сооружением на территории Индии. В садах, разбитых в Индии, Бабур впервые применил опыт по выращиванию среднеазиатских дынь и винограда (в Индии до сих пор выращивается сорт винограда под названием «ангури самарканди», т. е. «самаркандский виноград»).

В настоящее время «Бабур-наме» все более привлекает внимание специалистов из разных стран мира. Ценность сведений, приведенных в «Бабур-наме», искренность и самокритичность автора, достоверность фактов получили единодушное признание ученых всего мира. Данные «Бабур-наме» вошли в сводные тома по истории народов Центральной Азии. Интерес к замечательным творениям Бабура, особенно к его книге «Бабур-наме», возрастает год от года во всем мире.

Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира.

Можно сказать, что стихи Бабура – автобиография поэта, в которой трогательным поэтическим языком излагаются глубокие чувства, мастерски рассказывается о переживаниях, порожденных в результате столкновения с жизненными обстоятельствами, о чём красноречиво говорит сам поэт:

Каких страданий не терпел и тяжких бед, Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет, Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур?
(перевод Л. М. Пеньковский)

Большое место в «Бабур-наме» занимают мотивы любви к родной стране, тоски по родине. Тяжелые душевные переживания, порожденные разлукой с любимой родиной, выражаются в ряде рубаи-писем Бабура, как стон сердца:

Нет родины, и счастья боле нет,
И него уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своей волей,
Его оставить силы воли нет.
(перевод Н. И. Гребнева)

В «Бабур-наме» автором проводится мысль о том, что в этом скоротечном и бренном мире долг каждого быть правдивым, справедливым, по мнению Бабура, в этом главный признак высокой нравственности.

Вот что он пишет:

Где бы ты ни был, будь правдивым и справедливым.
Вспомнят люди: вот такой – ты был счастливым.
(перевод С. Р. Хасанова)

Великое творение Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» увековечило имя поэта.

Знаменитое «Бабур-наме» было переведено на персидский, голландский, английский, французский, турецкий и русский языки. К настоящему времени «Бабур-наме» переведено на 31 язык мира.

На основе «Бабур-наме» написаны романы зарубежных авторов Ф. А. Стиль, Ф. Гренарда, Г. Лемба, В. Гаскони, Мунилаъла 6 романов и другие. О нем написаны поэмы писателями Айбек, Барот Байкабулов, Хуршид Давран. В 1981 году писатель Пиримкул Кадыров написал роман о Бабуре «Звёздные ночи». Политическую деятельность Бабура изучала академик С. Азимджанова.

Новое издание «Бабур-наме» на родине, в Узбекистане, – дань глубокого уважения его таланту и высокое признание его научного вклада в развитие отечественной литературы и историографии. Это издание не преследует только научные цели, оно предназначается для широких читательских кругов единственно с целью нового приобщения их к яркому наследию Захириддина Бабура.

После обретения Узбекистаном независимости на родине Бабура, в городе Андижане, Бабуру был установлен памятник, открыт парк имени Бабура и его имя было присвоено Андижанскому государственному университету.

В 1991 году узбекским телевидением был показан 10-серийный телевизионный видеофильм «Бабур» по роману П. Кадырова «Звёздные ночи» режиссёра Максуда Юнусова, в роли Бабура – Мухаммадали Абдукундузов. Впоследствии этот видеофильм был первым проданным видеофильмом узбекского производства за рубеж, его закупила турецкая телекомпания, дублировавшая видеофильм на турецкий язык с английскими субтитрами.

Литература

1. Азимджанова С. Заҳириддин Муҳаммед Бабур // Звезды Просвещения = Маънавият юлдузлари. – Т., 2001. – С. 268-273.
2. Бабур, Заҳириддин Муҳаммед. Бабурнома. – Т., 2002.
3. Бабур, Захириддин Мухаммад. Избранная лирика. – Т., 2006. – С. 63-88.
4. Годен, Румер. Гулбадан. – Т., 2007.
5. Кадыров, Пиримкуль. Звёздные Ночи. – Т., 1988.
6. Қудратуллаев, Хасан. Бабурская мечта. – Т., 2005.

© **Караходжаева М. Х.**, 2020

Н. Б. Каримова,
студентка магистратуры ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ БАБУРА

Заҳириддин Муҳаммад Бабур оставил след в истории узбекского народа и как поэт, и как правитель. Каждое новое поколение, изучая историю, литературу, культуру и искусство на протяжении многих лет, расширяет свое представление о его жизни и творчестве. С целью еще большего изучения наследия и личности Бабура узбекский народ исследует точки соприкосновения биографии Бабура с его взглядами на литературу в целом. Для того, чтобы разрешить эту задачу, тему Бабура нужно анализировать с точки зрения творческой лаборатории в литературе. И в узбекской литературе желательно применять навыки, полученные в мировой литературе. В мировой литературе вопросы: в каких обстоятельствах было написано произведение писателя, факторы, способствующие творческому процессу, влияние психологических условий на писателя и взаимоотношения между писателями. Наше мнение подтверждают произведения Павла Медведева, Яна Парандовского, Константина Паустовского о творческом процессе.

«Бабур-наме» признано энциклопедическим произведением в мировой науке. Говоря о Бабуре, нельзя не упомянуть о его критических взглядах на творчество других поэтов и писателей. Для того чтобы подойти к критическим, литературным и теоретическим взглядам с точки зрения психологии творчества, именно «Бабур-наме» может быть объектом. Потому что иногда Бабур критиковал поэтов своего времени. В тех местах, где есть упоминание о поэтах, он использовал порядок тезкире. То есть он представлял поэта, перечислив его происхождение, псевдоним, черты характера: «...Ещё один был Абдулло, писатель месневи. Из города Жом ... его псевдоним “Хотифи”. Свой месневи который писал в мукобале “Хафт пайкар”, назвал “Хафт манзар”. На мукобале “Искандарнаме” писал “Темурнаме”. “Лейли и Меджнун” более популярный чем эти месневи. Он не заслуживает обретенной славы». «…Ещё один был Хилоли. Это есть и в истории. Его газели ровные, разнообразные. Он еще писал диван. Есть у него один месневи, на бахре “хафиф” относящийся к “Шах и нищий”, его некоторые строки написаны по правилу, но содержание и форма этого месневи не привлекательны». Так он писал, объясняя причины своей критики.

Мы видим, что он имел свои теоретические взгляды как поэт. Он серьезно рассматривал такие вопросы и аспекты, как язык, на котором было написано стихотворение, его форму и значение, личные привычки поэтов, беглость стиля. Он также подверг критике поэтическое произведение, написанное Мухаммедом Салихом для другого правителя, отметив, что он допустил ошибку в вопросе ритма. Поэтические ритмы – это крылья, которые переносят поэтов в мир творчества. Если эти крылья выбраны неправильно или они вовсе отсутствуют, то творчество не добьётся успеха. Знания Бабура об арузе подтверждаются тем

фактом, что Бабур написал произведение под названием «Трактат об арузе», посвященный арузу. Добавляя бахри ариз и амик к существующим бахрам, Бабур увеличивает их число с 19 до 20.

Заҳириддин Муҳаммад Бабур высоко оценил авторов гениально написанных творческих произведений. В «Бабур-наме» об Алишере Навои он, в частности, писал: «Алишер был уникальным человеком. На тюркском языке никто не писал так много стихов, как он. Он создал шесть книг месневи, пять из них собраны на “Хамсе” [“Пятерицу”], еще одна называется “Лисон-ут-тайр” [“Язык птиц”], которая написана в ритме “Мантик-ут-тайр” [“Логика птиц”]». Как критик, он также выразил свои личные взгляды на произведение Навои «Девони Фони» следующим образом: «…Некоторые описания неплохие, однако многие слабые и вялые. На протяжении многих лет критика Бабуром «Девони Фони» была предметом многих споров и обсуждений. Хамидулла Балтабаев и Махкам Махмудов подробно изучают мысли бабуроведов в книге «История литературно-эстетического мышления» и приводят, что эта критика была высказана не в связи с содержанием произведения, а потому, что оно было переписано с ошибкой. В скопированном экземпляре работы допускались ошибки и пропуски, и Бабур читал тот же экземпляр. Главная мысль, которую мы хотим сказать, заключается в том, что Бабур-поэт всерьез интересовался творчеством других поэтов, а Бабур-правитель изучал государственное управление и реформаторские навыки других правителей. И как каллиграф он остался в той же комплексной позиции. Хорошо известно из истории что, он создал «Хатти Бобурий» («Письмо Бабура») и дал начало новому алфавиту. Естественно, что великий талант, который также был автором алфавита, не закрывал глаза на недостатки в «Девони Фони». Человек должен ценить свой талант, серьезно работать над своими интересами, он не должен отказываться от внутреннего «Я». При этом Бабур считал, что правитель должен способствовать не только улучшению материальной жизни своего народа, но и обогащению его духовного мира.

Всякий раз, когда мы посещаем творческую лабораторию великого человека, мы обнаруживаем его новые грани, подходим ближе к его внутренним ощущениям и выявляем причины появления произведения. Духовное состояние Бабура можно ощутить в поэзии. В частности:

Осталось ли у рока страданий, которых я не испытал
Осталось ли у него мучений, которых я не испытал?

Это строки он писал, когда на него обрушилась череда невезения. Этот случай произошёл зимой. Когда Бабур шёл караваном со своей семьей и нукерами, проходя через несколько городов и проходя через область Чахчарона, они сбились с пути. Четыре стороны были покрыты обильным снегом. Когда шёл снег, они ждали, когда он остановится. Но не зная, в какую сторону идти, они не смогли найти дорогу. Снег был такой густой, что доходил до груди. Так пишет Бабур в «Бабур-наме»: «Я сгребал снег ногами, Касимбек был с пятнадцатью помощниками, с ним были его два сына Тенгриберди и Канбар Али и еще два или три нукера … его каждый шаг давался с трудом, ноги утопали в снегу, и он

сгребал снег ногами». В этом случае удивляет не только природное явление, но и то, что правитель наравне со своими нукерами прокладывал дорогу, сгребая снег с рост человека. Бабур твердо придерживался убеждения, что нужно бороться за выживание, и непосредственно сам был участником этой борьбы. Он считал, что упорство и мужество нужны не только в полях сражения, но и в каждодневной жизни и при столкновении с природными катаклизмами. Бабур, чье сердце было потрясено, безусловно, был прав, когда жаловался на страдания, посланные судьбой.

Мы хотим рассказать о процессе создания ещё одного стихотворения. Когда Бабур прибыл в Агру, было воскресенье. По какой-то причине он заболел, у него поднялась температура. Заболевание протянулось на месяц. Его мучила бессонница. Во время заболевания он написал три-четыре рубаи. Вот один из них:

Все время тело мое горит огнем
По глазам бьет бессонница, как наступает ночь
И оба, как мои страдание и терпение
Первое все растет, когда второе убывает.

Бабур страдает от того, что лихорадка в его теле затягивается, из-за того, что болезнь долго не уходит. Лихорадку называет страданием, приравнивает бессонницу к терпению. Можно понять так: болезнь усилилась – страдание усилилось, бессонница мучает – терпение убывает.

Поэт, чья душа страдает, просит защиту у сердца. А сердце изливает содержимое на бумагу. Думается, что вдохновение – это пересечение настроения и разума. Настроение, будь оно подавленным или приподнятым, выполняет свою роль в написании стиха. И разум тоже. Наличие логики в любом творчестве, содержательной оригинальности создает основу для художественного анализа в творческой лаборатории поэта. Главная цель, направленная на проникновение в лабораторию творчества Бабура, состоит в том, чтобы безупречно выполнить художественный анализ «Бабур-наме» и его поэтического наследия. Последовательный художественный анализ произведения является наиболее близким и качественным путем, ведущим исследователя от абстрактного к конкретному.

Задача каждого филолога – переосмыслить художественный мир Захириддина Мухаммада Бабура, сохранить его творческое наследие, проанализировать его на основе нового подхода, обеспечить долговечность творчества Бабура.

Литература

1. Бабур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома [= Бабур-наме]. Т. : Юлдузча, 1989.
2. Болтабоев Ҳамидулла, Маҳмудов Маҳкам. Адабий – эстетик тафаккур тарихи. – II жилд. – Т.: Mumtoz so‘z, 2016.
3. Медведев Павел. В лаборатории писателя. – Л., 1971.
4. Парандовский Ян. Алхимия слова. – М. : Правда, 1990.

5. Паустовский Константин. Золотая роза. – М., 1960.
6. Navoiy asarlari lug‘ati. – T. : G‘afur G‘ulom, 1972.

© **Каримова Н. Б.**, 2020

О. М. Кемальоглу (Oğulcan Mert Kemaloğlu),
Yüksek Lisans Öğrencisi,
Ordu Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Genel Türk Tarihi Anabilim Dalı,
Ordu (Türkiye)

Аннотация: Статья посвящена эпохе Великих Моголов – важному периоду в истории Индии, который берёт начало с победы Бабур-Шаха в битве при Панипате в 1526 году и заканчивается бегством правителя Бабуридов Бахадир-Шаха в город Рангун. Правление тюркской династии оставило богатое историческое наследие в Индии. Эпоху династии Бабуридов, без сомнения, можно считать одним из самых ярких периодов в истории Индии.

Исторические исследования, написанные в этот период, также заслуживают внимания, так как проливают свет на многие детали тюркского наследия в Индии и облегчают процесс сравнительного изучения истории. В статье используются самые полные источники, относящиеся к периоду Бабура и Хумаюна – «Бабур-наме» и «Хумаюн-наме».

BABÜRLÜLER DÖNEMİNE İLİŞKİN İKİ KAYNAK: BABÜRNAME VE HÜMAYUNNAME

GİRİŞ

Babür Şah'ın 1526 yılında Panipat Meydan Savaşı'ndan muzaffer çıkması ile kurulan ve İngilizlerin Babürlü Hükümdarı II. Bahadır Şah'ı Rangun bölgesine sürmesiyle son bulacak olan Türk dönemi, Hindistan'da zengin bir tarihi miras da bırakacaktır. Bu miras sayesinde Hindistan'da Türk ve Müslüman varlığı bugün dahi etkisini kaybetmeden devam etmektedir. Babürlüler Devleti, hiç şüphe yok ki Hindistan'a her açıdan en parlak dönemini yaşatan devlet olmuştur.

Bu dönem içerisinde yazılmış olan tarihi eserler de döneme ışık tutarak Hindistan Türk varlığının anlaşılması ve mukayeseli tarih öğrenimini kolaylaştırması bakımından da kayda değer bir hal almaktadır.

Babür Şah ve Hümayun dönemlerine ilişkin bize en kapsamlı bilgileri Vekayi Babur'un Hatıratı (Babürname) ve Humayunname vermektedir.

1. Vekayi Babur'un Hatıratı (Babürname)

Babürname, Babür Şah tarafından yazılan ve onun dönemini anlatan en önemli eserdir. Eser, Bâbur'un hayatındaki askeri, siyasi ve kültürel alandaki birçok olayın yıllara göre bölümlenmiş birer anlatımıdır. Önsöz ya da giriş kısmı bulunmayan Hatırat, Bâbür'ün on iki yaşında Fergana tahtına çıkışı ile başlayıp ölümünden bir yıl öncesine kadar olan zaman içindeki hayat macerasını anlatmaktadır.

Babürname üç bölümden oluşmaktadır. İlk bölümde; Babür'ün memleketi Fergana vilayetinde geçen olaylar anlatılır. Babası Ömer Şey Mirza ve amcalarının faaliyetleri hakkında bilgiler verildikten sonra Babür'ün Semerkand hâkimi olmak için Özbeklere karşı verdiği mücadelelerden bahsedilir [9, 404-405 ; 3, 1-128].

Türkistan'da tutunamayacağını anlayan Babür Şah'ın Afganistan'a hâkim oluşunu ve Hindistan üzerine yaptığı seferlerinden bahseden ikinci bölümde ayrıca

önemli bir şahsiyet olan Hüseyin Baykara[1] hakkında da orijinal bilgiler verilmektedir [3, 129-280].

1525 yılından başlayarak Babür Şah'ın kazandığı zaferleri art arda aktaran üçüncü bölümde, Babür'ün Hindistan'ı hakimiyet altına alışı ve Babürlüler Devleti'nin kuruluşu anlatılmaktadır [3, 281-432].

Babürname henüz Babür Şah hayattayken XVI. yüzyılda Farsça'ya tercüme edilmiştir. Bu tercüme eser, Tahran'da Kütübhane-i Saltanat'daki Babür külliyatı içindedir. Bombay'da, "Babürname Mevsum bi-Tüzük-i Babüri vu Fütühat-ı Babüri" adıyla basılmıştır. Bu tercüme, John Leyden ve William Erskine'in 1890'da Batı dilinde ilk Babürname tercümesi yapmasına zemin hazırlamıştır. 1871 yılında Pavet de Courteille tarafından Babürname'nin asıl Çağatay Türkçesinden ilk tercümesi gerçekleştirilmiştir.[2] Ancak batı dilinde en güvenilir tercümesi eser, üzerinde yıllarca uğraşan Annette Susannah Beveridge[3] tarafından 1920'li yıllarda yapılmıştır. Bunu takiben Reşit Rahmeti Arat tarafından günümüz Türkçesine 1943 yılında çevrilen eser, Türk Tarih Kurumu Basımevi tarafından yayımlanmıştır [9, 406-407].

Hatırat, "*Salı günü, beş ramazan 899 (10 Haziran 1494)'da Fergana vilayetinde, on iki yaşımda padişah oldum*" [3, 1] sözleriyle başlar ve Fergana vilayetinin iklim koşulları, yetişen hububatları, coğrafi bilgilendirmeleriyle devam eder.

Hatıratta Babür Şah büyük bir cesaretlilikle aşk hayatına da yer vermiştir;

O, Sultan Ahmed Mirza'nın[4] Ayşe Sultan Begim adlı kızının henüz küçükken kendisiyle nişanlandırıldığını, Şaban ayına vardıklarında da Hocend'de evlendirildiğini söylemektedir. İlk başlarda ona karşı sevgisinin fena olmadığını söyleyen Babür, sonraları ise haya ve hicabından, kendisini 2-3 haftada bir görmeye gittiğini belirtmektedir. Bir müddet sonra hiç sevgisinin kalmadığını ancak annesinin zoruyla kırk günde bir Sultan'ı görmeye gittiğini de belirtmektedir [3, 78].

Bu sıralarda bir ordu pazarına mensup birinin, Baburi adlı, güzel bir oğlu vardı:

"*Bende ona karşı garip bir meyil peyda oldu; hatta ona kendimi zar ve şeyda kıldım*." [3, 79].

Bu durumdan önce herhangi birine bu derece hissiyatla yaklaşmadığını, bu konularda hiç konuşmadığını hatta böyle muhabbetleri dahi dinlemediğini vurgulayan Babür, o zamanlar nadiren beyitler söylediğini ve bu beyiti de o zaman söylediğini belirtmektedir:

"*Hiç kimse, benim gibi harap, aşık ve rüsva olmasın; hiçbir mahbub, senin gibi, merhametsiz ve pervasız olmasın."* [3, 79].

Çok utangaç olan Babür, Baburi'yi gördüğü vakit çok heyecanlandığını hatta bir keresinde onu gördüğünde az kalsın eriyecek olduğunu bile belirtmektedir. Muhammed Salih'in şu beyitinin de aklına geldiğini vurgulamadan geçemez:

---

[1] Haziran 1438'de Herat'ta doğmuştur. Timur soyundan olan Hüseyin, dedesi Baykara'nın yanında yetiştiği için Hüseyin Baykara olarak meşhur oldu. Babür'ün Horasan'da hüküm sürdüğü yıllarda tabiiyetine girdi. Pek çok seferde Babür Şah'ın yanında yer aldı. Ayrıntılı bilgi için bkz. [1, 530-531].

[2] Ayrıntılı bilgi için bkz. [11].

[3] Ayrıntılı bilgi için bkz. [4].

[4] Babür Şah'ın babası Ömer Şeyh Mirza'nın büyük kardeşi, Semerkand padişahı.

"*Sevgilime her baktığım zaman, mahcup oluyorum; arkadaşlarım bana bakıyorlar, ben ise, başka tarafa bakıyorum."* [3, 79].

Bu beyitin içinde bulunduğu duruma uyduğunu, aşkından yalın ayaklarla bağda bahçede gezdiğini dile getiren Babür, "*âşık olunca, kendimi kaybettim ve divane oldum; bilmedim ki, peri yanaklılara âşık olmanın hali bu imiş"* [3, 80] dizelerini söyledikten sonra bazen, aşıklar gibi, tek başına dağa ve çöle gittiğini, aşkından dolayı ne yürümeye ne de hareket etmeye halinin kaldığını söylemektedir:

"Ne gitmeye kuvvetim ne de kalmaya takatim var; ey gönül bizi bu hale sen düşürdün." [3, 80].

Babür'ün başından geçen olayları, bulunduğu dönemin siyasi, sosyal, kültürel gelişmelerini ihtiva eden eser, başta tarih olmak üzere edebiyat, coğrafya, sosyoloji vd. alanlarda faydalanılabilecek bir baş yapıt olarak karşımıza çıkmaktadır.

2. Humayunname

Ebü'l-Fazl el-Allami'nin Ekbername'sine kaynak olmak üzere Ekber Şah tarafından kardeşi Humayun'un[1] hikayesini tarihlendirmek için Gülbeden Begüm'e[2] yazdırılmıştır. Ekber Şah, Gülbeden'e düşkün olduğundan ve O'nun hikaye anlatımında diğerlerinden iyi olması nedeniyle kardeşi Humayun'un hayatı hakkında hatırladığı her şeyi yazmasını istedi. Gülbeden Begüm bu isteği kabul etti ve Humayunname adı verilen özel bir belge hazırladı. Eserinin orijinal başlığı: "Ahwal Humayun Padshah Jamah Kardom Gulbadan Begum bint Babur Padshah amma Akbar Padshah" idi. Sonraları Humayunname olarak bilinmeye başlandı [7].

Gülbeden, eseri Farsça dilinde neşretti.[3] Eser, Humayun dönemi gelişmelerinden umumi olarak bahsetmenin yanı sıra Babür Şah'ın ölmeden önceki son yılları, Hümayun'un saltanatı sırasındaki hanedan üyeleri, sarayda vuku bulan hadiseler ve saray içindeki yaşama dair verdiği bilgileri ihtiva etmesi bakımından oldukça önemli bir hüviyete sahiptir [2, 235]. Aynı zamanda XVI. yüzyılda Babürlüler Devleti içerisinde bir kadın tarafından kaleme alınan tek eser olması bakımından da fevkalade mühim bir yer teşkil etmektedir.

Gülbeden Begüm eseri yazarken süslü cümlelerden kaçınarak, olayları bir kadın gözünden görerek kaleme almıştır. Basit ve doğallığı takip etmiş, özellikle Timur soyundan gelen kadınlar hakkında önemli bilgiler vermiştir.

Gülbeden eserinde hükümdarın belirli kadın çadırlarına ziyaretleri nasıl gerçekleştirdiği, ne zaman ziyaretin yapılabileceği, kendisine kimin eşlik edebileceği

[1] Babürlüler Devleti kurucusu Babür Şah'ın oğlu. Babür, Hümayun'u ölmeden önce yerine geçmesi için vasiyet etmiştir. Ayrıntılı bilgi için bkz [10, 481-483].

[2] 1523 yılında Kabil'de doğdu. Babası Babürlü Devleti'nin kurucusu Babür Şah, annesi Orta Asya safilerinden Zinde Pil diye tanınan Ahmed-i Cami'nin soyundan Dildar Begüm'dür. Babür'ün Hindistan seferine çıktığı sırada Kabil'de bulunan Gülbeden Begüm bu yıllarda, Hümayun'un annesi ve Babür'ün ilk hanımı olan Mahem Begüm tarafından büyütüldü. 1529'da babasının yanına Agra'ya gitti. Burada da Mahem'in gözetimi altında eğitimini sürdürdü.Onun asıl önemi Humayunname olarak bilinen eseri neşretmesidir.

[3] Eserin tek nüshası İngiltere'de British Museum'da bulunmaktadır. A. S. Beveridge tarafından İngilizceye çevrilmiştir. Farsça metni Hümayunname-i Gülbeden Begüm adıyla neşredilen eseri Abdürrab Yelgar Hümayunname ismiyle Türkçeye tercüme etmiştir. Ayrıntılı bilgi için bkz. [4].

gibi adap kurallarından da bahsetmektedir. Yanı sıra savaş sırasında çadırların nasıl düzenleneceğini ve nasıl nizam alınacağı hakkında da bilgiler vermektedir [8].

Humayunname, *Firdevs-mekânı*[1] *(Babur) ve Cennet-aşiyanı (Humayun) ahitlerinin vakıaları hakkında kim ne bilirse yazması emrolundu. Firdevs-mekânı fani evinden baki evine göç ettikleri zaman bu hakir (Gülbeden Beyim) sekiz yaşında bulunuyordu ve bu yüzden vakıaların hatıraları belki de az hatırımda kalmıştır. Fakat padişahın emrine imtisalen işittiklerimin ve hatırımda kalanların hepsini yazıyorum (...)* [6, 115] ifadeleri ile başlamaktadır.

Babür Şah'ın Hindistan'a yönelip, buraları vatan haline getirmesinin arifesinde 1526 yılında Panipat Meydan Muharebesi'ni kazanıp, Babürlüler Devleti'ni kurması Humayunname'de şöyle anlatılmaktadır:

"*Cuma günü 933 senesi recebin sekizinde Sultan İbrahim İbni Bahlul Lodi ile Panipat'ta bir meydan muharebesine tutuşarak Allah'ın inayetiyle galip geldiler. Sultan İbrahim bu münasebetle öldürüldü ve bu fetih sırf Allah'ın inayeti yüzünden elde edildi. Çünkü Sultan İbrahim'in ordusu yüz seksen bin süvari ve bin beş yüz kadar azgın fiden mürekkep idi; halbu ki Hazreti Padişahın ordusu esnaf ve iyi kötü Pazar halkı da dahil olmak üzere topu topu on iki bin kişiden ibaret idi. Bu muharebe neticesinde beş padişahın biriktirdiği hazine Babur'un ellerine geçti ve hepsini dağıttılar"* [6, 125].

Babası Babür'ün akraba ziyaretlerine verdiği ehemmiyeti dile getiren Gülbeden, eserinde bu durumu şu sözlerle ifade etmektedir:

Agra'da ikamet ettikleri (Babur) dört sene zarfında her cuma günü halalarının ziyaretine gidiyorlardı. Bir gün hava son derece sıcak idi. Hazreti Akem "hava son derece sıcaktır, bir cuma gitmeseniz ne olur sanki? Beyimler böyle şeyden gücenmezler" dedi. Padişah (Babur), cevaben Akem'e dediler ki: "Mahım, senden böyle sözler beklemezdim; Hazreti Ebu Said Sultan Mirza'nın kızlar ki baba ve kardeşlerinden ayrı düşmüşlerdir, nasıl olur da ben onların hatırlarını hoş etmem?" [6, 127].

Babürlüler Devleti'nin kurucusu, Gülbeden Begüm'ün babası Babür Şah ömrünün son yıllarında yakalandığı hastalık sonucu ölmeden evvel devlet içerisinde ve halk nezdinde kargaşanın çıkmaması ve devletin devamlılığının sağlanması adına oğlu Humayun'u veliaht tayin etmişti. Bu durum Humayunname'de Gülbeden tarafından ayrıntılı olarak ele alınmıştır:

"Senelerden beri yüreğimde (bu arzu) yer tutmuş bulunuyordu ki Padişahlığımı Humayun Mirza'ya vererek kendim de Zerefşan bağı'nın bir köşesine çekileyim. Allah'ın keremiyle bütün arzularım tahakkuk ettiyse de sıhhat zamanımda işbu arzuma nail olamadım. Şimdi bu hastalık beni harap etti. Hepinize Humayun'u benim yerime padişah olarak tanımanızı vasiyet ediyorum. Devletinin hayırhahlığında kusur etmeyeceksiniz ve hiçbir vakit sözünden çıkmayacaksınız ve onunla müttefik bulunacaksınız." [6, 137-138].

Bu sözlerin ardından sözleri işiten ahali ağlamaya başlamış ve Babür Padişahın gözlerinde de yaşlar dolmuştu.

[1] Anlamı Cennet makam. Hindistan tarihçileri tarafından Babür Şah'a verilen lakap.

Babür Şah'ın ölümü ilk başlarda devlet geleneği gereği kargaşa, yağma ve idarede boşluk oluşmaması için saklanmaya çalışıldı. Bir müddet sonra Babür'ün derviş olduğu ve Humayun'un yeni hükümdar olarak Babür tarafından belirlendiği haberi ahaliye duyuruldu. Bunun üzerine Humayun vakit kaybetmeden tahta geçti. Bu durum Humayunname'de şu şekilde neşredilmektedir:

"*Mezkûr ayın dokuzunda cuma günü*[1] *Hazreti Humayun Padişah tahta oturdu, bütün halk padişahlıklarını tebrik ettiler. Bundan sonra analarının, hemşirelerinin ve kendi adamlarının ziyaretine geldiler. Hatırlarını sordular, iltifatlarda bulundular ve dertlerine ortak olmaya çalıştılar."* [6, 138-139].

Sonuç

Babür Şah tarafından kaleme alınan Babürname ve Ekber Şah tarafından Ekbername'ye referans olması için Gülbeden Begüm'e yazdırılan Hümayunname adlı iki eser, Hindistan'da Türklerin en parlak dönemini yaşadığı "Babürlüler Devleti" zamanına tarihlenmektedir. Söz konusu dönemde bilime, sanata, tarihe ve kültüre verilen bir değerin sonucu olarak vakıaların kaleme alınıp, günümüze ulaştırılmış olması tarihimizin aydınlatılması ve doğru tarih anlayışının ve yazımının sağlanması açısından önemlidir. Söz konusu eserler sayesinde Babürlülerin kuruluş ve gelişme çağlarına ait bilgilerimiz kuvvetlenmektedir. Dolayısıyla bu durum mevcut yeni çalışmaların gün ışığına çıkmasına da yardımcı olmaktadır.

Türk tarihinin farklı bir coğrafyada çok önemli bir halkasını teşkil eden Babür Devleti'ne ait iki hanedan mensubu tarafından yazılmış olan *Babürname* ve *Hümâyûnnâme*, fevkalade önemli tarihi bir veri kaynağıdır. Buna binaen Babürname ve Hümayunname'yi okuyucu için değerli kılan çok önemli sebepler bulunmaktadır:

Babürname'nin bizzat bir hükümdar tarafından kaleme alınmış olması çok önemlidir. Türk tarihinde bir hükümdar tarafından yazılan hatırat niteliğinde bir eser nadir olarak görülebilecek kadar az sayıdadır. Ama Babür Şah, günümüze kadar ulaşacak Hatırat'ını yazarak, tarihte unutulmayacaklar arasına girmiştir. Yazmış olduğu eser sayesinde O'nun edebi kişiliği, coğrafyaya hâkim oluşu gibi meziyetlerinin yanı sıra Babürlülerin kuruluş ve ilk yıllarına ilişkin Türkistan ve Hindistan'da siyasi ortamın anlaşılması ve devletin nasıl bir ortamda kurulduğunu görebilmekteyiz.

Hümayunname'nin Türk tarihi açısından önem arz etmesinin sebeplerinden birisi ise en başta bir kadın tarafından yazılmış olmasıdır. Olaylara kadın gözüyle bakarak dönemin şartlarını ve hadiselerini okuyucuya sunmaktadır. Bu da gösteriyor ki, Türk tarihinin her döneminde olduğu gibi Babürlüler Devleti'nde de kadının önemli bir mevkide olduğu gözükmektedir. O, yazmış olduğu eser ile döneme ışık tutmuş, Babür'ün son yıllarına ve Hümayun'un saltanat dönemlerine ilişkin kadın gözünden önemli ve eşsiz bilgiler sunmuştur.

Kaynakça

1. Algar, Hamid. Hüseyin Baykara : C. XVIII. – İstanbul, 1998. – S. 530-531.
2. Ansari, A. S. Bazmee. Gülbeden Begüm : C. XIV. – İstanbul, 1996. – S. 235.

[1] 29.12.1530, Babür'ün ölümünden üç gün sonra.

3. Babur, Gazi Zahireddin Muhammed. Vekayi Babur'un Hatıratı / çev. Reşit Rahmeti Arat. – Ankara : TTK Basımevi, C. I., 1987.
4. Beverıdge, Annette Susannah. The Babur-nama (Memoirs of Babur) : in English. – London : Luzac & Co, 1922.
5. Beverıdge, Annette Susannah. The History of Humayun. – London : Royal Asiatic Society, 1902.
6. Gülbeden. Hümayunname / çev. Abdürrab Yelgar. – Ankara : TTK Yayınları, 1987.
7. Hebbar, Neria H. Humayun-Nama : Gulbadan Begum's Forgotten Manuscript. – 2020. – URL: https://www.boloji.com/articles/703/humayun-nama (erişim: 06.01.2020).
8. Hossain, Purba. Gulbadan Begum's Humayunnama: A literary pardanashin. – 2020. – URL: https://www.academia.edu/7134540/Gulbadan_Begums_ Humayunnama_a_literary_pardanashin_ (erişim: 06.01.2020).
9. Konukçu, Enver. "Babürname" : DİA : C. IV. – İstanbul, 1991. – S. 404-405.
10. Konukçu, Enver. "Humayun" : DİA : C. XVIII. – İstanbul, 1998. - S. 481-483.
11. Storey, C. A. Persian Literature : C. I. – London : The Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1927.

© **Kemaloğlu O. M.**, 2020

Г. Косимова (Г. Қосимова),
ФарДУ факультетлараро чет тиллар кафедраси ўқитувчиси,
Фарғона шаҳри (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена заслугам Захириддина Мухаммада Бабура в создании основ государственности, а также его таланту поэта. Он долго и упорно боролся за сохранение и укрепление находившегося в кризисе государства Тимуридов, а также за создание централизованного, крупного государства в Средней Азии. Однако, когда исторические обстоятельства не позволили осуществить задуманное, Бабур, заняв территории Афганистана и Индии, основал огромную империю, оставившую неизгладимый след в политическом, экономическом и культурном развитии Южной и Центральной Азии. Основанное Бабуром государство просуществовало до завоевания Индии Британской империей. Особое место в статье занимает описание «Бабур-наме». В частности, прослежены и проанализированы события в политической, социальной, экономической и многих других сферах жизни Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в период между 1494 и 1529 годами.

ШОҲ ВА ШОИР ИБРАТИ

Заҳириддин Муҳаммад Бобур атоқли давлат арбоби, саркарда, шу билан бирга, истеъдодли шоир, тарихчи ва заковатли олимдир.

У инқирозга юз тутган темурийлар давлатини сақлаб қолиш ва мустаҳкамлаш, Ўрта Осиёда марказлашган, йирик давлат вужудга келтириш учун узоқ вақт ва қаттиқ кураш олиб борди. Бироқ тарихий шароит бунга имкон бермагач, у Афғонистонни, кейинчалик эса Ҳиндистонни эгаллади ва катта империяни вужудга келтирди. У асос солган салтанат Афғонистон ва Ҳиндистоннинг сиёсий-иқтисодий ва маданий тараққиётида ўчмас из қолдирди. Бобур асос солган давлат Ҳиндистоннинг Англия томонидан босиб олинишига қадар яшади. Бобурийлар сулоласи Ҳиндистоннинг сиёсий ҳокимиятини мустаҳкамлаш, маданиятини ривожлантиришда катта ижобий роль ўйнади.

Халқимизнинг атоқли сўз санъаткорларидан бири, мумтоз адабиётимизнинг машҳур намояндаси, шоҳ ва саркарда Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг бой ва ўлмас адабий мероси неча асрлардан буён мухлисларнинг, адабиёт муҳибларининг севимли маънавий мулкига айланиб қолган. Мумтоз адабиётимиз тараққиётига бемисл ҳисса қўшган улуғ бобокалонимизнинг муборак номи жаҳон адабиёти сиймолари орасида ҳам муносиб ўрнига эга.

Ўзбекистон Республикасининг биринчи Президенти И. А. Каримовнинг қуйидаги таъкидлари бевосита Бобур мирзога ҳам тааллуқлидир: «Бизнинг қадимий ва гўзал диёримиз нафақат Шарқ, балки жаҳон цивилизацияси бешикларидан бири бўлганини халқаро жамоатчилик тан олмоқда ва эътироф этмоқда. Бу табаррук заминдан не-не буюк зотлар, олиму уламолар, сиёсатчи ва саркардалар етишиб чиққани, умумбашарий цивилизация ва маданиятнинг узвий қисмига айланиб кетган дунёвий ва диний илмларнинг, айниқса, ислом дини

билан боғлиқ билимларнинг тарихан энг юқори босқичга кўтарилишида она юртимизда туғилиб камолга етган улуғ алломаларнинг хизматлари беқиёс экани бизга улкан ғурур ва ифтихор бағишлайди».

Дарҳақиқат, Мирзо Бобур нафақат ўзбек, балки умумшарқ мумтоз адабиёти равнақида етакчи роль ўйнаган, сўз санъатини бемисл юксакликка кўтарган, бадиий тафаккур қудрати, асарларида олға сурилган илғор умумбашарий ғояларининг аҳамияти бугунги кунда ҳам муҳим ўринга эга бўлган қалам соҳибидир. Шу билан бирга бу улуғ зот жаҳон тарихида бобурийлар ёки буюк мўғуллар империяси деб номланувчи сулолага асос солган улуғ ҳукмдор ва атоқли саркардадир.

Шоҳ ва шоирнинг «Бобурнома» асари унинг адабий меросида асосий ўринлардан бирини эгаллайди. Ушбу асардан ўрин олган ҳар бир йил воқеалари бетакрор бадиияти, ҳаққонийлиги, ғоялар қамрови, фалсафий-маърифий жиҳатлардан ўзига хос адабий обидадир. Мазкур мемуар асарда 1494-1529 йиллар оралиғида Марказий ва Кичик Осиё, Яқин ва Ўрта Шарқ мамлакатларида юз берган сиёсий, ижтимоий, иқтисодий ҳамда бошқа кўплаб соҳалардаги воқеа-ҳодисалар бевосита муаллиф иштирокида кузатилиб, таҳлилий баён этилган. Муаллиф подшоҳ, саркарда, шоир ва адиб, энг муҳими, чуқур билим ва теран тафаккур соҳиби бўлганлиги сабабли асар мукаммаллик касб этган, қимматли маълумотлар манбаига айланган, яратилган даврига нисбатан оламшумул шуҳрат қозонган.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур умр бўйи тож-тахт талашуви гирдобларида, турли жангларда, жамиятдаги инқирозли даврларда яшади ва ижод қилди. Ўзининг машаққатли умр йўлидан ҳикоя қилувчи «Бобурнома» асарининг охирида ҳам, худди қиссадан ҳисса чиқарган каби, қуйидаги рубоийсини битиб қолдирган: *Бу олам аро ажаб аламлар кўрдум,*

Олам элидин турфа ситамлар кўрдум,

Ҳар ким бу "Вақоеъ"ни ўқур, билгайким,

Не ранжу, не меҳнату не ғамлар кўрдум.

Шоҳ ва шоир бир лаҳза бўлса ҳам халқ билан алоқасини узмаган. Ҳамиша эл-юрт ташвиши билан яшаганлигини шоирнинг замондошлари ҳам ёзиб кетганлар. Жамият билан узвий боғланган ҳолда ижод қилиш Бобур асарларининг ғоявий ва бадиий фазилатларини оширишда, адабиётнинг ҳаёт олдидаги вазифаларини аниқлашда муҳим роль ўйнаган. Шунинг учун ҳам Ҳиндистоннинг машҳур давлат арбоби Жавоҳарлаъл Неру «Ҳиндистоннинг кашф этилиши» асарида Бобур ҳақида шундай ёзган эди: «Бобур дилбар шахс, Уйғониш даврининг типик ҳукмдори, мард ва тадбиркор шахс бўлган. У санъатни, адабиётни севган... Бобурнинг Ҳиндистонга келиши туфайли Ҳиндистонда буюк ўзгаришлар содир бўлди, санъатда, ҳаётда, меъморчиликда ва маданиятнинг бошқа соҳаларида янгича тараққиёт юз берди».

Бобурнинг яна бир муҳим фазилати ўзгаларнинг камчилик ва нуқсонларини ҳаққоний ва рўй-рост танқид қилишида, ўзи ҳам танқидни тўғри қабул қилишида, ўз асарлари ҳақида бошқаларнинг фикри билан қизиқишида кўринади: *Ҳар ердаким гул бўлса, тикан бўлса не тонг,*

Ҳар қайдаки май дурдидан бўлса не тонг.
Шеъримда агар ҳазл, агар жид, кечиринг,
Яхши борида агар ямон бўлса не тонг?!

Айнан мана шу мазмунни улуғ шоир ўзининг лирик шеърларида ҳам қайта-қайта таъкидлайди: *Бобуро, шеърингга гар солса қулоқ ул шоҳинг,*
Бўлғусидур сўзунга қадр дури макнунча.

Демак, шеър муаллифи асар жамиятга фойдали бўлсин учун ҳар қанча меҳнат талаб қилинса, бажариш кераклиги ғоясини илгари суради.

Бобур девонининг икки нусхаси – Париж ва Ҳиндистон нусхалари фанга маълум. 1983 йилда афғонистонлик олима Шафиқа Ёрқин хоним Кобул шаҳрида «Девони Бобур» китобини чоп эттирди. Мазкур девонга киритилган шеърлар маълум нусхаларни таққослаш ва тўлдириш орқали юзага келди. Ана шу девон асосидаги Бобур шеърларидан иборат тўплам 1994 йилда Тошкентда “Фан” нашриётида чоп этилди.

Бобур шеърлари инглиз (1910) , француз, рус (1943), турк (1931) ва бошқа бир неча тилларга таржима қилинган ҳамда нашр этилган. Шоир ижодига қизиқиш тобора кучаймоқда ва таржима жараёнлари ҳозир ҳам қизғин давом этмоқда. Бобур девонидан ғазал, рубоий, туюқ, маснавий, қитъа, фард ва бошқа жанрлардаги шеърлар ўрин олган. Унинг девонида оддий ғазаллардан ташқари ғазали мусажжаъ (ички қофияли), қитъа ғазал, ҳусни матлаъ сингари ғазал турлари ҳам учрайди. Ғазал, рубоий ва туюқ Бобур энг кўп мурожаат қилган лирик жанрлардир.

Бобур инсоният маданий ҳаёти тарихида ҳам чуқур из қолдирди. Унинг фаолияти ҳамда меросини ўрганишда турли соҳа олимлари – тарихчилар, филологлар, табиатшунослар, географлар ва бошқалар катта натижаларга эришдилар. Унинг асарлари қайта-қайта нашр этилди, тадқиқотлар ва илмий-оммабоп асарлар яратилди.

Бобур мирзо қанчалик машҳур шоир, қанчалар забардаст ва музаффар саркарда бўлмасин, она юрт соғинчи билан ҳамиша ўкиниб, ўксиниб яшади: *Кўпдин бериким ёру диёрим йўқтур,*
Бир лаҳзау бир нафас қарорим йўқтур.
Келдим бу сари ўз ихтиёрим бирла,
Лекин боруримда ихтиёрим йўқтур –
дея нола чекади машҳур рубоийларидан бирида. Яна бир ўринда эса
Толеъ йўқи жонимға балолиғ бўлди,
Ҳар ишники айладим хатолиғ бўлди.
Ўз ерни қўйиб, Ҳинд сори юзландим,
Ё раб, нетайин, не юз қаролиғ бўлди.
сингари мисраларда ўз-ўзига маломатлар қилади. Она юрт армони билан саргардонликда яшаган улуғ шоҳ ва шоир ижодидан ана шундай дардли мисраларни яна кўплаб келтириш мумкин.

Хулоса қилиб айтганда, ўрта асрлардаги Шарқ мамлакатларида кечган ижтимоий-сиёсий, маданий-адабий жараёнлар тарихини ўрганишимизда муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Шунингдек, халқимизнинг ижтимоий-фалсафий

тафаккури ривожида, ёшларни Истиқлол мафкураси асосида юксак маънавиятли, ватанпарвар кишилар қилиб тарбиялашда Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг улуғ давлат арбоби сифатидаги ибрати, истеъдодли сўз санъаткори сифатидаги адабий мероси алоҳида ўрин тутади.

Адабиётлар

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Асарлар. – Т., 1965.
2. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т., 1990.
3. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Девон. – Т., 1994.
4. Бобурнома жаҳон кезади. – Т., 1984.
5. Жалилов С. Бобур ва Андижон. – Т., 1993.
6. Каримов И. А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. : Маънавият, 2008.
7. Қаюмов А. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. – Т. : Шарқ юлдузи, 1982.
8. Нуритдинов М. Бобурийлар сулоласи. – Т., 1994.
9. Ҳаққул И. Рубоий. – Т. : Фан, 1976.
10. Ҳумоюннома. – Т., 1959.

© **Қосимова Г.,** 2020

Д. Кувватова,
д. ф. н., профессор БухГ, г. Бухара (Узбекситан);
З. Сохибова,
докторант БухГУ, г. Бухара (Узбекистан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА ВРЕМЕН ГОДА В ПОЭЗИИ БАБУРА

Творчество Бабура составляет отдельный этап в узбекской литературе после Алишера Навои. Из исторических источников известно, что его творчество было на двух языках, он создал диван (диван, или девон – один из видов поэтических произведений на Востоке) в Кабуле в 1519 году и в Индии в 1528 году. В поэме Бабура произведения восточной поэзии широко распространены в таких жанрах, как газель, рубаи, туюк, китъа, маснави, муаммо и фарды [8, 87]. Хотя его поэзия, которая дошла до нас, невелика по размеру, примечательно, что автор «пишет в основном о том, что он видит, что он испытывает, что он чувствует» [6, 3]. Стихи поэта о временах года и происходящих в них природных явлениях особенно привлекательны своей жизненностью, символическим и философским содержанием, а также выразительностью лирических героических чувств.

Тема сезонов в узбекской классической поэзии является отдельной художественной системой. Обсуждение «Зимы и лета» в «Девони луготит-тюрк» Махмуда Кашгари, «Весенний гимн» в «Кутадгу Билиге» Юсуфа Хоса Ходжиба, а также в произведениях Атои, Саккоки, Лютфи являются частью узбекской литературы, в поэзии Алишера Навои его времена года символичны. Но в творчестве Бабура эта тема была не только продолжена как традиция, но и обогащена яркостью и сильным социальным смыслом.

Менинг кўнглумки, гулнинг ғунчасидек таҳ-батаҳ қондур,
Агар юз минг баҳор ўлса, очилмоғи не имкондур. [2, 26]
(Коль моё сердце, подобно красному цветку, полно страданий,
Нужен ли ей тот сладкий миг соцветия и увяданья)

Весна, которая начинается со стихотворения в этом произведении, является ценной, потому что у нее есть своя история письма в «Бабур-наме». В то же время сердце лирического героя сравнивается с цветочным бутоном. Каждый слой зародыша был наполнен кровью. Поэтому такие лепестки не открываются, даже если они весенние. Существует гармония между этим естественным состоянием и психическим состоянием лирического героя.

История этой газели записана в «Бабур-наме»: «Буларға *(яъни, фитнакор Мирзохоннинг Хуросонга кетишига – муаллифлар)* рухсат бергандин сўнг Борон ва Чоштуба ва Гулбаҳор доманаси сайриға бордук. Баҳорлар Борон ёзиси ва Чоштуба дашти ва Гулбаҳор доманаси бисёр хўб бўлур. Сабзаси Кобул вилоятининг ўзга ерларига боқа, хейли яхши бўлур, турлук-турлук лолалар очилур, бир қатла лола анвоини буюрдимким, санадилар, ўттуз тўрт навъ лола чиқди, нечукким бу ерларни таърифида бир байте айтилиб эди:

Сабзаю гуллар била жаннат бўлур Кобул баҳор,
Хоса бу мавсумда Борон ёзисию Гулбаҳор.
Ушбу сайр келганда бу ғазални тугаттим:
Менинг кўнглумки, гулнинг ғунчасидек таҳ-батаҳ қондур...» [2, 182]

«Отпустив этих [двух] мирз, я отправился прогуляться к холмам Барана и Чаш-тепа и на склоны Гул-и Бахара. Весной степь Чаш-тепа и склоны Гул-и Бахара очень красивы. Зелен на них много лучше, чем в других местах Кабульской области и там цветут всевозможные тюльпаны. Однажды я приказал пересчитать все виды тюльпанов; их оказалось тридцать четыри вида. Во хвалу этих мест я сказал такой стих:

Весною Кабул с его зеленью и цветами – [сущий] рай.
Особенно хороши в это время весны Барана и Гул-и Бахар.

Во время этой прогулки я закончил газаль, [начинающуюся] таким стихом:

Мое сердце, словно бутон розы, покрыто слоями крови.
Даже если будет сто тысяч раз весна, он не раскроется» [1, 207].

Стихотворение в «Бабур-наме» отражает уникальную весеннюю сцену Кабульских степей. В начале газели настроение лирической героини сочетается с красотой природы, и создается высокий пример параллелизма. Эти линии сочетают в себе пейзаж, поэтические страдания и исторический фон. История говорит нам, что осенью 1506 года, когда Тимуридские князья были объединены и оставлены на Шейбан-хане, Бабур отправился в Герат по приглашению Бадиуззамона и Музаффара Мирзы, правившего на троне Герата вместе с Байкаром. [2, 170] Ознакомился с достопримечательностями Хорасанской столицы. Затем он возвращается в Кабул. Однако в Кабуле был совершен заговор, и престол был передан человеку по имени Мирзахан. Бабур подавил заговор и даже простил грешника, проявив высокую человечность.

Обратите внимание на позицию предателя перед Бабуром: «Мен эски девонхонанинг шарқи шимолий сориғи айвонида ўлтуриб эдим. Мен дедимки: – Кел, кўрушалинг. Олдарағондин юкуниб келгунча икки қатла йиқилди. Кўрушгандин сўнг, ёнимда ўлтурғузуб, кўнгул бердим. Шарбат келтурдилар. Мирзахоннинг дафъи таваҳҳумиға шарбатни аввал ўзум ичиб, анга бердим» [2, 181]. Бабур великолепен и сострадателен перед лицом заговорщического врага и не только прощает предателя, но и находит в себе желание защитить его.

«Я сидел в старом здании дивана, под портиком, на северо-восточной стороне. “Подойди сюда, поздороваемся!” – сказал я. Мирза-хан до того растерялся, что, прежде чем подойти и преклонить колени, два раза упал. Поздоровавшись с ним, я посадил его с собою рядом и одобрил. Принесли питье. Чтобы рассеять страх Мирза хана, я сначала выпил сам, потом дал ему» [1, 207].

Захириддин Мухаммад Бабур был не только физически силен («Бабур» на арабском значит «лев»), но и обладал чувством сострадания и добродетели. Искупление греха принцессы Байды, решившей убить Бабура после индийского вторжения, тому подтверждение. Но это предательство оставляет след в сердце. Когда заговор Мирза-хана был подавлен, Бабур отправился в поездку на природу

в поисках духовной поддержки. Поэт, который испытывает сильную душевную боль и узнает о следующем испытании судьбы, рисует в своем сердце.

Поэтический образ осени занимает особое место в поэзии природы. Поэзия может быть проанализирована двумя способами:

1. представляет состояние любви в страдании – его первоначальное значение;
2. отражает печали человека, который находится за пределами своей родины – в этом суть линий, данных осенними линиями.

Поэтому следующие газели могут предоставить ценный материал в этом отношении:

Хазон яфроғи янглиғ гул юзунг ҳажрида сарғардим,
Кўруб раҳм айлагил, эй лоларух, бу чеҳраи зардим [3, 82].
(Коль лицо твоё увядает как цветок, и чахнет
Увидав грустью, о, цветок тюльпана так и пахнет)

Хорошо известно, что в классической поэзии слово «хазон» буквально означает «осень» [3, 22]. Лирический герой «Газели» в первых стихах производит впечатление влюбленного в печали. Он пожелтел, как пример листьев, желтеющих весной. Он приводит пример «Чеҳраси зард», как тюльпаны, которые зажигаются в сумерках, просят пощады. Сочетание метафор как «лоларух» и «чеҳраи зард» наглядно иллюстрирует тяжелое положение влюбленного:

Сен, эй гул, қўймадинг саркашлигингни сарвдек ҳаргиз,
Аёнгга тушуб, барги хазондек мунча ёлбордим.
(Эй, цветок, ты, жизнь прославив, вырастаешь весной,
Склонив ты голову, просишь жизни прощения осеннею мольбой)

Авторское описание не только красиво, но и гордится тем, что ему безразлично падение осени. В следующей главе «Газели» раскрывается реальная цель поэта. Образ Родины, который не всегда теряется, представлен в образе прекрасного влюбленного.

Латофат гулшанида гул киби сен сабзу хуррам қол,
Мен арчи даҳр боғидин хазон яфроғидек бордим.
(В блаженстве ты оставайся, как цветущий сад,
Приду к теб,е как осенний листопад)

Действительно, человеческая жизнь так же мимолетна, как и времена года. Только родная нам почва, родина принадлежит вечности. Настроение сезона проявляется не только в лице лирики, но и в виде кровавых слез:

Хазондек қон ёшим, сориғ юзумдин эл танаффурда,
Ба ҳар ранге, биҳамдиллаҳ, улусдин ўзни қутқордим.
(Как листопад, склоняясь пред судьбой и кровью, иду
И всегда, повсюду, как спаситель народа, я приду)

Несчастье представлено метафорой «сариқ юз» («сарик юз» означает «бледное лицо»).

Бабур в 12 лет остался без отца; ему удалось раскрыть предательство брата Хасан Якуба и стать правителем. Это событие оставило след в сердце молодого Бабура.

Не толеъдур мангаким, ахтари бахтим топилмайди,
Фалак авроқини ҳар нечаким дафтардек ахтардим.
(Что ж, это судьба – ходить в скитаниях мне
В поисках бродя, подчиняться колесу судьбы)

«Фалак авроқини» («колесо судьбы») в этой строке не должно интерпретироваться так же, как небеса. Оно представляет печаль Бабура, который в поисках счастливой звезды плавал в тогдашнем политическом море Востока, сражался за трон. Эти испытания укрепили его волю и сформировали его личность. Последний байт газели звучит как мудрость Бабура, у которого был большой жизненный опыт [6, 19] со всей горечью жизни:

Улуснинг таъну таърифи манга, Бобур, баробардур,
Бу оламда ўзумни чун ямон-яхшидин ўткардим [3, 83].
(Почет народа и слава все равно мне
Будь хорош иль плох Бабур, велено судьбою мне)

Тема осени (*хазон*) в бейтах Бабура характеризуется определенными звуками. Весна и её символы гармонируют с лирическим героическим духом. В то же время «цветочные бутоны» представляют собой образ человека, чье сердце разбито. Как правило, образы весны и осени в творчестве поэта являются символическими.

Литература

1. Бабур-наме : Записки Бабура. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с.
2. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома : Ўрта ёшдаги мактаб болалари учун / нашрга тайёрловчи П. Шамсиев, муҳаррир А. Ўктам. – Т. : Юлдузча, 1989. – 368 б.
3. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Ғарибинг андижонийдур : сайланма шеърлар / нашрга тайёрловчи, сўзбоши ва луғат муаллифи В. Раҳмонов, масъул муҳаррир Б. Эшпўлатов. – Т. : Шарқ, 2008. – 288 б.
4. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Маҳрами асрор топмадим : Париж девони нусхаси : шеърлар / нашрга тайёрловчи, сўз боши ва изоҳлар муаллифи С. Ҳасан ; муҳаррир Н. Отажонов. – Т. : Ёзувчи, 1993. – 80 б.
5. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Назм дурдоналари. – Т. : Шарқ, 1996. – 208 б.
6. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Сочининг савдоси тушди : шеърлар / нашрга тайёрловчи, сўз боши ва изоҳлар муаллифи Э. Очилов ; масъул муҳаррир В. Раҳмонов. – Т. : Шарқ, 2007. – 288 б.
7. Қуронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. Адабиётшунослик луғати. – Т. : Академнашр, 2010. – 400 б.
8. Муҳаммаджонов А., Абдуғаффоров А. Бобур // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – 2-жилд. – Тошкент, 2001. – 87 Б.

© Кувватова Д., Сохибова З., 2020

С. Курбонова (S. Qurbonova),
filologiya fanlari bo`yicha falsafa doktori (O`zbekiston);
Д. Хакимова (D. Hakimova),
FarDU talabasi, Farg`ona (O`zbekiston)

Аннотация: Статья посвящена различным видам растений, которые упомянаются в «Бабур-наме». Бабур размышляет о природе растений, в частности, о методах их выращивания, приводит названия сортов фруктов и описывает их. Описания растений носят лингво-ботанический характер. В произведении встречаются 247 названий растений. Некоторые из них являются фитонимами, то есть именными существительными «растительного происхождения». В целом лексика, связанная с растительным миром, делится на 7 групп. Многие из растений, описанные в «Бабур-наме», произрастают до сих пор в различных регионах Средней Азии.

«BOBURNOMA»DA QO`LLANGAN O`SIMLIK NOMLARINI GURUHLASHTIRISH

«Boburnoma» o`z davri uchun geografiya, botanika, zoologiya, etnografiya kabi fanlarga oid tahlillar, kuzatishlar va ilmiy talqin, mushhadalar majmui sanaladi. Va bular hozir ham o`z ahamiyatini yo`qotgani yo`q. Bobur tog` va daralar, ko`l va daryolar, xilma-xil o`simliklar va hayvonlar, turli hudud va mintaqalarning yer osti va yer usti boyliklari, u yerlarda yashaydigan xalqlarning urf-odati, tili, adabiyoti va san`ati, ayrim so`zlarning kelib chiqishi kabi masalalar ham bayon etilgan. «Boburnoma»ning katta bir qismi biologiya fanining turli tarmoqlari, xususan, introduksiya, sistematika va klassifikatsiya, biologik xilma-xillik, ekologiya, qo`riqxona va bog` yaratish sohalariga bag`ishlangan.

«Boburnoma»da o`simlik nomlari, ularning o`ziga xos xususiyatlari va Bobur tomonidan ularga berilgan ta`riflarni o`rganish, tadqiq etish lozim. Muallif turli o`lka, mamlakatlarni tasvirlar va tavsiflar ekan, ularning tabiati, xususan, bog`dorchiligi haqida fikr yuritadi, meva navlari nomlarini keltiradi va ularni tavsiflaydi. Boburning navlarga oid tavsif-u talqinlari ham lisoniy, ham botanik, ya`ni lingvobotanik xarakterga ega. Asar leksikasining xususiyatlari bilan shug`ullangan olimlarning ko`rsatishicha, asarda 247 ta o`simlik nomini ifodalovchi so`zlar izohlangan. Ularning ayrimlari fitonimlar, ya`ni o`simliklarning atoqli otlaridir.

Leksik qatlamga oid birliklarni tematik guruhlarga bo`lish ularning lug`aviy ma`nolaridan kelib chiqib amalga oshiriladi. Professor S. Usmonov o`zining ba`zi ishlarida o`zbek tili lug`at sostavidagi so`zlarni 7 ta yirik qatlamga ajratib, ularning ayrimlarini tematik gruppalarga ajratsa, [4, 31-32] boshqa bir ishida tematik gruppa o`rnida so`zlarning ma`no gruppalari terminini qo`llaydi. Hozirgi o`zbek adabiy tilining leksik qatlamlari kitobida turkiy qatlamga oid so`zlarning 24 xil guruhga bo`linganini ko`rishimiz mumkin. Olimlarimiz tomonidan o`simlik va daraxtlar, ularning mahsulotlari nomi beshinchi turga kiritilgan. O`simlik va daraxt nomlarini

ham o`z ichida yana guruhlashtirish mumkin. Biz “Boburnoma” asarida qo`llangan o`simlik nomlarini quyidagicha guruhlashtiramiz.

1. Mevali ekinlarni ifodalovchi so`zlar;
2. Manzarali ekinlarni ifodalovchi so`zlar.

«Boburnoma»da keltirilgan mevali ekinlarni ifodalovchi so`zlarni quyidagicha guruhlashtirish mumkin:

1. «Boburnoma»da shunday qo`llanib hozirgi kunda ham o`z muqobiliga ega bo`lgan nomlar (noshpoti- hozirgi muqobili-noshvoti, kadu- oshqovoq);
2. «Boburnoma»da qanday nomlangan bo`lsa, hozirgi kunda ham shunday atalib kelgan ekinlar (behi, bodom, banan, bodring, olma, anor, o`rik, qovun, kishmish);
3. «Boburnoma»da keltirilgan lekin hozirgi o`zbek tilida muqobil variantiga ega bo`lmagan ekin nomlari (badhal, obnus).

Bu ekinlarni ham o`z ichida mazmuniy jihatdan uch guruhga ya`ni ho`l mevalar, quruq mevalar hamda poliz mahsulotlariga bo`lishimiz mumkin. Ho`l mevalarga behi, olma, olu, badhal, kishmish, anor, o`rik, noshvotini; quruq mevalarga bodom, bodomchani; sitrus mevalarga bananni; poliz mahsulotlariga bodring, qovun, kaduni kiritish mumkin.

«Boburnoma»da qovun va uzum navlariga oid dalillar ko`plab uchraydi. Bobur Axsida yetishtirilgan qovun nomlarining tavsifini berib, shunday yozadi: *«Bir nav qovundirkim, “Mirtemuriy” derlar, andoq qovun ma`lum ermaskim, olamda bo`lg`ay. Buxoro qovuni mashhurdir. Samarqandni olg`on mahalda Axsidan va Buxorodan qovun kelturib bir majlisda kesturdum, Axsi qovunining hech nisbasi yo`q erdi»*.

«Nasuxda bir nav qovun bo`lurkim, “Ismoil shayxiy” derlar, terisi sariq, kemuxtluq, osuda qovun bo`lur, ta`mi olmacha, go`shti to`rt ilik, ajib laziz qovundir. Oncha qovun ul navohida bo`lmas». Ismoil shayxiy- shirin qovun navi sanaladi.

Yana bir o`rinda turunjni qovun naviga qiyoslaganligini ko`rishimiz mumkin: *«…turunjning ulug`lig`i xisraviy qovunicha bo`lg`ay. Po`sti qo`tur-po`tir nohamvordur»*.

Bobur keltirgan qovun navlarining nomlari joy va shaxs nomlariga nisbat berish asosida yuzaga kelgan, ya`ni topofitonimlar va antropofitonimlardir. Bobur Marg`ilonni tavsiflar ekan, anor navini ifodalovchi bir fitonimni tilga oladi: *«Yana biri Marg`ilondur, Andijonning g`arbidadur, Andijondin yeti yig`och yo`ldur.Yaxshi kasaba voqi bo`lubtur, purne`mat: anori va o`rugi asr-u xo`b bo`lur. Bir jins anor bo`lur, “donakalon” derlar, chuchuklugida zardolu mayxushligidin andak choshni bor»*. Donakaon yirik donali anor navi. Ayrim shevalarda bunday anor navi “Tuyatish” deb ham ataladi.

Yana bir o`rinda Farg`ona vodiysida yetishtiriladigan o`rik naviga alohida to`xtalgan: *«Yana bir jins o`ruk bo`lurkim, donasini olib ichiga mag`iz solib quruturlar, “subhoniy” derlar, bisyor lazizdur»*.

Manzarali ekinlarni ifodalovchi so`zlar sifatida kunor, muallo bed, safedor, norvan, sarv, binafshani keltirishimiz mumkin. Quyida «Boburnoma»da qo`llangan ekin nomlari hamda ularning izohini keltiramiz.

Behi (Cydonia oblonga) – mo`tadil iqlimda o`stiriladigan mevali daraxt. Boshqa hududlarga Markaziy Osiyodan tarqalgan. «Boburnoma»da to`rt marta tilga olingan, xususan, Kobul viloyatida ko`p o`sishi ta`kidlangan, Hindistonning badhal, noranj, sadofil kabi mevalari u yoki bu jihatdan behiga qiyoslangan.

Bobur pishgan behining zaha yegan joyi yumshab, o`ziga xos rang va ta`mga ega bo`lishi, boshqa mevalarning zahasidan farqli, mazali va iste`molga yaroqli bo`lishini ganda deb atagan. Hindistonning badhal mevasini shunga qiyoslagan: *«Mazasi behining ganda bo`lg`oniga xeyli o`xshar, tursh-tursh (biroz nordon) yaxshig`ina mazasi bor»*.

Badhal (barhal; Artocaxpus lacochoa) – tutdoshlar oilasiga mansub mevali daraxt. Issiq iqlimli o`lkalar, jumladan, hindistonda o`sadi. Yevropa tillarida «non daraxti» deb ham tilga olinadi. Bitta badhal daraxti 80 kg gacha meva beradi. Har bir mevasi 200-300 g. Mevasidan sous tayyorlanadi. Yog`ochidan mebelsozlik va kemasozlikda qo`llanadi. Daraxtining qobig`i farmatsevtika sanoatida va arqon yasashda qo`llanadi. Bobur badhal mevasining hajmi olmaday bo`lishi, mazasi esa behi ta`miga yaqinligini qayd etgan.

Bodom- ra`nodoshlar oilasiga mansub, bo`yi 4-6 mga yetadigan daraxt yoki buta. Gullari oq yoki och Pushti, mevasi sertuk. Mart-aprel oylarida gullab, iyul-avgustda mevassi yetiladi. Yovvoyi holda O`rta Osiyo va Kavkaz tog`larida, Afg`oniston, Eron, Kichik Osiyo, Arabiston yarimoroli va Jazoirda tarqalgan. Bobur Isfara, Qobul atroflarida (129 b) bodom ko`pligini yozgan. *«Musmir daraxtisi bisyordur, vale bog`chalarida aksar bodom daraxtidur»*.

Bodomcha- Qobulga yaqin tog`larda o`sadigan butasimon daraxt. Bobur aholi ehtiyoji uchun ishllatiladigan daraxt va butalarni sanar ekan*: «O`tunlari xanjak va balut va bodomcha va qarqanddur». Xanjak va balut daraxtlari yonishi va olovining uzoq yoki qisqa muddatligini qayd etar ekan, o`tinbop daraxt va butalardan eng ko`p iste`mol qilinadigani bodomcha ekanligini ta`kidlaydi. «Bodomcha baridin ko`proq va shoeroqtur, cho`gi turmas»*.

Bodring – qovoqdoshlar oilasiga mansub, palagi 100-250 sm gacha bo`lgan, yer bag`irlab yoki o`rlab o`sadigan bir yillik o`simlik. Gullari sariq. Mevalari cho`ziq, silindrsimon. Aprel-avgust oylarida gullab, may-sentabrda mevasi yetiladi.

Bobur Kobulning *«bodringi dag`i yaxshi bo`lur»* deb ma`lumot bergan.

Banan – kela, Keyla; ko`p yillik tropik o`simlik va uning mevasi, Vatani- janubiy sharqiy osiyo. Qisqa poyali, baquvvat ildizli o`simlik. Bo`yi 15 m. gacha o`sadi, barglari yirik, sohta poya hosil qiladi.

Banan Boburnomada hindcha nomidan kelib chiqib Keyla deyilgan: *«Yana keyladur, arab mavzder. Daraxti xeyli baland emas, balki daraxt deb ham bo`lmas»*.

Noshpoti nok, ra`nodoshlar oilasiga mansub mevali daraxt. Mevasi yirik, sersuv, mazali yoki biroz nordon. Aprel oyida gullab sentabr-oktyabr oylarida pishadi. Bobur «*Andijonning noshpotisidin yaxshiroq noshpoti bo`lmas»*, deb yozadi.

Obnus yig`ochi- Hindostonda Bariy va Chanbal daryosi oralig`ida joylashgan tog`da o`sadigan daraxt: *«Ushbu oralig`dagi tog`da obnus yig`ochini ko`rduk. Mevasini tindu deydurlar, Obnus yig`ochining oqi ham bo`lur emish. Bu tog`da aksar oq obnus bo`lur emish»*.

Olma- ra`nodoshlar oilasiga mansub daraxt. Bo`yi 10-13 m ga yetadi. Gullari oq, pushti rang. Mevasi yumaloq yoki konussimon, oq, Pushti-qizil rangda, 10 dan ziyod yovvoyi va madaniy navi bor. Boburnomada olma nisbatan ko`p tilgan olingan mevalardan biri sanaladi. *«Samarqandning uzumi va qovuni va olmasi va anori, balki jami mevasi xo`b bo`lur»*.

Bobur olmani sardseriy mevalar turiga kiritib, Qobul, G`azni, Istarg`ach va Hindistonning tog`liq mintaqalarida ham o`sishini qayd etgan.

Olu (olu-bolu) - ra`nodoshlar oilasiga mansub, bo`yi 8 m gacha yetadigan daraxt. Gullari soyabonsimon, oq. Mevalari yuraksimon, to`q qizil rangda, biroz taxir. Yer yuzida keng tarqalgan. «Boburnoma»da Kobul va uning kentlarida olu bog`lari ko`pligi yozilgan.

Kadu – (suvqovoq) qovoqdoshlar oilasiga mansub, bir yillik palak otib o`sadigan poliz o`simligi. Gullari ikki jinsli, yakka. Mevasi har xil ko`rinishda – ingichka bo`yli yoki noksimon. Iyun-oktyabr oylarida gullab, avgust-noyabrda mevasi yetiladi.

Bobur Hindistonda suvqovoqdan idish yasashlarini yozgan: *«o`ng iliklarida bir kadudurkim… har qachon fatilag`a yog` ehtiyoj bo`lsa, bu kadudin yog` quyadurlar»*.

Kishmish (vitis vinifera) – tokdoshlar oilasiga mansub uzum navi, mevasi urug`siz. Bobur mahva o`simligi gulini kishmishga o`xshatgan. Kunor- Beyr o`simligining forscha atalishi. Muallo Bed- majnuntol, toldoshlar oilasiga mansub daraxt. Shox-shabbasi pastga egilib, o`sadi. Mart-may oylarida gullab urug`laydi. Asosan, ekib o`stiriladi.

Bobur Hirotda mehmon bo`lib turganida Badiuzzamon Mirzo bilan Muzaffar Mirzo navbat bilan uni ziyofatga chaqirishgan. Ziyofatlardan birida Hirot hunarmandlari yasagan sun`iy tolni Boburga ko`rsatishgan.

Safedor- oq terak, toldoshlar oilasiga mansub. Aprel-may oylarida gullab urug`laydi. Asosan ekib o`stiriladi. Norvan (qayrag`och)-sada qayrag`och, qayrag`ochdoshlar oilasiga mansub daraxt. Bo`yi 10-12 m ga yetadi. Mart-aprel oylarida gullab urug`laydi. Manzarali daraxt sifatida shaharlarda keng miqyosda o`stiriladi. Bobur Darvesh Muhammad Tarxonning chorbog`ida «yaxshi norvan»lar borligi, Samarqand Shayboniyxon tomonidan qamal qilinganda, yem-xashak yo`qligidanotlarga tut va qorayig`och yaproqlari berilganligi haqida yozgan.

Sarv- sarvdoshlar oilasiga mansub, baland bo`yli hamisha yashil daraxt. Asosan Kichik Osiyo, Eron, Kipr va Krit orollarida o`sadi. 2000 yilcha yashashi haqida ma`lumotlar bor. Bobur Samarqandda Darvish Muhammad Tarxonning chorbog`ida sarv o`sganini yozgan.

Sarv Sharq mumtoz she`riyatida gul bilan birga eng ko`p qo`llangan timsollardan biridir. U Bobur lirikasida ham muntazam uchraydi, yorning go`zal qomatiga tashbeh:

Sarvqade, gulruxe, rayhonxate, nasrinbare.

Binafsha – (viola) Bobur Andijonsoy atrofida «bisyor latif bo`lur» deb ta`riflagan gul.

Ahamiyatli jihati shundaki, Bobur o`z asarida o`simliklarning biologik, geografik hamda yana bir qancha o`ziga xos xususiyatlarini ham ko`rsatib o`tadi.

Xulosa qilib shuni aytishimiz mumkin, Boburnoma tili soddaligi bilan hozirgi tilimizga yaqin turadi, Bobur nafaqat shaharlarni, insonlarni, balki o`simliklarni, ularning o`ziga xos xususiyatlarini ta`riflagan. Boburnomadan o`simliklarning xarakterli jihatlari, qanday iqlimda qanday o`simlik yaxshi rivojlanishi mumkinligini ham bilib olishimiz mumkin.

Adabiyotlar

1. Begmatov A. E. Hozirgi o`zbek adabiy tilining leksik qatlamlari. – Toshkent, 1985.
2. Bobur Zahiriddin Muhammad. Boburnoma. – Toshkent: Sharq, 2002.
3. Zahiriddin Muhammad Bobur ensklopediyasi. – Toshkent: Sharq, 2014.
4. Mirzayev M., Usmonov S., Rasulov I., O`zbek tili. – Toshkent, 1978.
5. Pazliddinova Z. N. O`zbek tili fitonimlarining leksik-semantik xususiyatlari: filol. fan. d-ri … diss. – Toshkent, 2018. – B. 27.
6. Usmonov S. O`zbek tilining lug`at sostavidagi tojikcha-forscha va arabcha so`zlar. –Toshkent : Navoiyga armug`on, 1968.
7. Xolmonova Z. T. “Boburnoma” leksikasi tadqiqi: fil. F. dok… diss. avtoref. – Toshkent, 2009. – B. 16.
8. Zikriyoyev A. Hind sori’da pishgan qovun yoxud Mirzo Bobur kashfiyotlari // O`zbekiston adabiyoti va san`ati. – 2008. – № 6. – B. 3.

© **Qurbonova S., Hakimova D.,** 2020

М. Х. Кучкарова,
ст. преп. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ БАБУРА В УЗБЕКСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Классическая литература занимает особое место в духовном воспитании подрастающего поколения, поскольку она отражает многовековую мудрость и художественное мировосприятие нашего народа. Изучение этой литературы означает изучение ценности, понимание себя.

Бабур и его произведения широко исследуются в узбекском литературоведении. В монографиях известных узбекских ученых широко освещаются жизнь и творчество Бабура и его произведения. Многие прозаические произведения («Юлдузли тунлар», «Саодат соҳили», «Бабур-наме») рассказывают о его нелегкой жизни.

За годы независимости изучение жизни и деятельности Захириддина Мухаммада Бабура перешло на новый уровень. Стоит отметить, что на ранних этапах нашей независимости литературоведение вернулось к личности Бабура, были переосмыслены исторические факты, связанные с ним, и к началу нового века началось широкомасштабное научное исследование. Оно показало постепенное изменение в интерпретации образа Бабура.

Личность Бабура была художественно переосмыслена в связи с социальными потребностями. Наша главная цель – раскрыть истинный облик и величие великого поэта.

Узбекская классическая литература – это длинная и богатая история и тысячи великих художников. Наследие каждого из них – сокровищница. Но творчество Захириддина Мухаммада Бабура уникально по своей универсальности, эффективности и художественному совершенству.

Жизнь и деятельность одного из султанов, великого поэта и государственного деятеля, великого полководца и историка Захириддина Мухаммада Бабура были и будут предметом интереса для многих поколений. Многим читателям хорошо известно, что он прожил долгую и плодотворную жизнь, полную противоречий.

Со временем ценность великого художественного наследия наших великих предков постоянно возрастает. Бобур – великий классический поэт, теоретик, литературный критик, лингвист, искусствовед, этнограф. Шах Бабур внес большой вклад в классическую лирику со своими диванами. Известно, что рукописи представлены в двух вариантах. Один хранится в Париже, а другой в Индии. Существует также Тегеранский диван Бабура, который еще не изучен. Посвящения Бабура включают в себя стихи, написанные в разных лирических жанрах: газель, рубаи, фард и др. Газель и рубаи – одни из самых излюбленных жанров лирики Бабура.

У каждого поколения есть история любви, духовная и философская сила, которым всегда поклонялись и на которые опирались. Свет сияет в сердце, в уме,

в мышлении. Это свет просвещения мира, новое восприятие человека и свет мысли, который открывает новые страницы в мировоззрении.

Писатель не историк, а, скорее, певец своего народа. Это дает романтическое освещение и настроение историческим фактам и событиям, воспроизводимым в художественном произведении. Таким образом, это может привлечь внимание читателей.

Бабур также известен на протяжении всей истории как человек, который пережил жизненные трудности, войны и восстания. Он пытался сохранить наследие Тимуридов. Жизнь свою он провел за пределами Родины. Его жизнь была связана с такими странами, как Афганистан и Индия. Бабур известен как великий деятель культуры. Уже в юности он был образованным, культурным человеком, изучающим персидский, арабский языки, литературу, историю, лингвистику, музыку и многое другое. Он написал много работ в различных областях науки. Его произведения, такие как «Бабур-наме», «Муфассал», «Хатти Бобурий», «Военная работа», «Мубаййин», перевод «Волидия» и других произведений ислама добавили ему популярности.

Если бы богатство человека могло дать ему счастье, несомненно, Бабур был бы счастлив. На самом деле, Бабур в своей жизни получил большое богатство, но он не был счастлив. Это потому, что у него высокое восприятие счастья. Он не смотрел на богатство соседних государств, а напротив, стремился сделать процветающим свой город. Счастье в системе художественных ценностей Бабура имеет высокий статус.

Его личность и творчество привлекают внимание литературоведов, историков, лингвистов, географов. В своей книге «Открытие Индии» Дж. Неру пишет о Бабуре: «Бабур был обаятельным человеком, типичным правителем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком. Он любил искусство, литературу, и он наслаждался жизнью».

В советское время подход к творчеству Бабура был односторонним. Предпринимались даже попытки осудить его. Дошедшие до нас лирические стихи Бабура были опубликованы в 1917 году в Петрограде востоковедом А. Самойловичем. В 1940 году изучение жизни и деятельности Бабура в девятом классе было определено Государственной программой. Учебник по литературе также включает в себя жизнь и деятельность Навои, Турди и Мукими, а также Бабура. А в 1947 году в прогамму 7 класса были введены произведения Бабура. Работы Бабура были включены в детскую литературу. Составлен словарь его работ. В последние годы были опубликованы различные произведения Бабура. Учеными-бабуроведами было проведено много исследований. Литературное наследие Бабура очень разностороннее. Его стихи и «Бабур-наме» изучаются отдельно.

Некоторые аспекты личности Бабура освещены в «Хумаюн-наме» Гулбаданбегим. Любящий отец, посвятивший свою жизнь своему сыну, великий путешественник, великий незнакомец, великий неудачник, великий мечтатель, унаследовавший славу великих побед. Давайте заострим на этом внимание, наделим очарованием и извлечем уроки.

Литературное наследие Бабура сегодня стало достоянием нескольких народов. Существуют как общечеловеческие, так и национальные интерпретации образа Бабура. Благодаря интерпретациям образа Бабура в узбекской литературе, читатели всего мира обращают внимание на его универсальные качества. Они гордятся идеями, выдвинутыми в его трудах, ради служения человечеству.

За годы независимости публикации сведений о жизни и работе Бабура стали важной проблемой. Как мы уже говорили, любой, кто интересовался личностью Бабура, публиковал свои материалы в средствах массовой информации с желанием поделиться своим мнением. Целью было вернуть Бабура в национальное сознание, после того как при советской власти его личность изображали в черных тонах.

Бабур и его качества имеют большое социальное, воспитательное и эстетическое значение. Создатели образа Бабура сегодня обращаются к этому великому историческому деятелю, его творчеству и его судьбе, чтобы обучать молодых людей, которые вносят свой вклад в развитие нашей независимой страны. Почти все деятели узбекской литературы XX века писали о Бабуре.

Сегодня роль и значение воспитательными, богатой традициями узбекской классической литературы, чрезвычайно возросли. Все это способствует росту внимания к фактам, свойственным художественному самовыражению. В узбекской литературе мудрость народа, мудрость чувств и чувствительность, которые воплощены в простых выражениях, свидетельствуют о богатых возможностях языка. Все это свидетельствует о том, что культура художественного мышления вышла на новый уровень.

Мы надеемся, что это исследование станет важным фактором в изучении творчества и в изучении личности Бабура и сыграет роль в воспитании современной молодежи.

Захириддин Мухаммад Бабур – одна из самых ярких личностей, духовный мир которого отражен в его произведениях. Это также заветный и драгоценный символ вечности, который побуждает каждого из нас быть достойными Родины и уверенно двигаться вперед в будущее.

Литература

1. Джалилов Б. Бобур. – Т. : Учитель, 2004.
2. Иззат Султан. Теория литературы. – Т. : Учитель, 1980.
3. Куронов Д. Введение в литературоведение. – Андижан : Жизнь, 2002.
4. Маллаев Н. М. История узбекской литературы. – Т. : Учитель, 1976.
5. Уринбоев А. Духовность – это сила нации. – Т. : Узбекистан, 2006.

© **Кучкарова М. Х.**, 2020

Б. Й. Кушокова (B. Y. Qo'shoqova),
PhD, O'zDJTU, Toshkent (O'zbekiston)
Д. Умирова (D. Umirova),
O'zDJTU, Toshkent (O'zbekiston)

Аннотация: Статья посвящена Захириддину Мухаммаду Бабуру в качестве представителя и почитаемой личности двух народов – узбекского и индийского. В статье анализируется произведение Бабура как личное обращение завоевателя к родным землям и новоприобретенной родине. Приведены цитаты, посвященные детству Бабура, походам в горы Афганистана, покорению Индии. Большое внимание уделено описанию жизни властителя, проведенной в родной Средней Азии в борьбе за власть в междоусобных войнах. Автор статьи указывает, что в честь Захириддина Мухаммада Бабура были названы различные географические объекты, улицы, театры, кафе и кинотеатры его родного города Андижана, созданы научные и документальные произведения, посвященные «сыну династии Тимуридов».

IKKI XALQ DILBANDI ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BOBUR

Shuni aytish joizki, Zahiriddin Muhammad Bobur –
Hindiston va Movaraunnahr boshidagi toj bo'ldi,
asl yurtning asl o'g'loni qanday bo'lmog'i kerakligini,
Temur tig'i ololmagan yerni Navoiy qalami bilan olganidek
Bobur ham hali Kolumb topmagan yerni,
yangi va eskirmas makon- qalblarni egalladi.
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Sh. M. Mirziyoyev

Har bir o'lkani o'z qariga olgan, sabolardan madhini qizg'angan, dengizlardan uning diydorini so'raydigan, ilk bodom gullariga shivirlab uning sog'ligi uchun duo o'qishini so'raydigan asl insonlari bo'ladi. Darhaqiqat, bunday kimsalar nomini xalq yuragiga o'yib eslaydi, qirga chiqqan lolalar yurak bag'rini chok-chok qilib eslaydi. Bu kabi inson nomini men xuddikim polapon chug'urchuqqa o'rmondagi eng kuchli, eng hayotbaxsh qush haqida so'zlagandek men ham bu muazzam kundan siz bilan ikki lolaqizg'aldoq uyalganidan rang olgan dudog' orasida faqat g'urur va iftihor bilan yangraydigan nom, ya'ni Zahiriddin Muhammad Bobur haqida o'zimnining kun qulog'imga pichirlagan, tun jimgina shivirlagan o'zbekning ham shohi, shoiri, davlat arbobi, tabiatshunos, adabiyotshunosi haqida fikrlarni aytib o'taman.

Kerakli o'rinda shuni ta'kidlash zarurki, Hindistonning eng mashhur arboblaridan biri Mahatma Gandi Zahiriddin Muhammad Bobur haqida shu so'zlarni aytadi: «Hurmatli, Hind xalqining hali hech kim egallashga ulgurmagan makon – qalbining eng to'ridan joy egalladi, u go'zal inson edi nega bilasizmi buning sababi uning 3,5 asrlik sulolani bunyod qilganidan ham emas, shoh bo'lganligi uchun oddiy bir takalluf ham emas, balki bu o'zga yurtga uning dardiga yelkadosh, qalbidagi

yaralarga malham bo'la olgan, hind, musulmonni ko'nglini birday yoritib qizlarimizning nomusini o'z nomusiday asragan xalq homiysi sifatida keldi, e'tibor bering men uni shoh sifatida emas aynan xalq xomiysi sisatida kelganini ta'kidlayapman. Haqiqatdan ham bu kurrayi zamin bunday odil shoh va shoirni ko'rolmadi, oxiri hasadning qora qo'llari uni zaharladi, garchi shunday bo'lsa-da Zahiriddin Muhammad Bobur Kobulda emas, balki har bir hind o'g'loni qalbida». Shunisi haqiqatki, Bobur 1483-yil nafaqat hind balki o'zbeklar hayotida ham nur bo'lib porladi, onasi Qutlug' Nigorxonim u niholligida shunday ishlov berdiki otasi Umarshayx Mirzo bu niholni adolat suvi bilan sug'ordi va halollikdan toj kiydirdi.

Mehr daryosiga Zahiriddin Muhammad Bobur g'arq bo'lgani uchunmi u Hindiston tuprog'iga yetganda eri o'lgach xotinini ham yoqib yuboradigan qandaydir qoidalarni ildiziga bolta urdi. O'sha paytlar avj olgan jizya solig'ini ham hech qanday ikkilanishlarsiz bekor qildi. Bu ishi bilan Hindiston dehqonlarini och-nahor qolishdan, soliq balosidan qutqardi. Indra Gandi buning isboti sifatida shunday fikrlarni aytadi: Zahiriddin Muhammad Bobur – Hindistonning yuzidagi zulmat pardasini hech qanday manfaat ko'zlamasdan ochgan, cho'l-u dashtga, bog'-u rog'ga nurning baravar kelishida hatto o'z jonini ayamagan bizning qahramon shohimizdir. Buni isbotlashni joizi bo'lsa, bunga isbot sifatida «Bobur osma bog'lari» yetti mo'jizaning biri ekanligini, Zahiriddin Muhammad Bobur hind boshqaruvini uning o'z xalqiga topshirganligida ko'rishimiz mumkin, e'tibor bering deyarli hech qanday shoh davlat boshqaruvida Bobur yo'lini tutmagan, o'zlarini daho sanab bundan natija ham kutmaganlar. Biz Bobur hayotiga sekin razm tashlaydigan bo'lsak, bunaqangi hayot tarzini yuz yilda bir barotaba uchratish mumkin Zahiriddin qahraton qish 14-fevralda tug'ilganiga sabab Alloh unga qahri qishday qattiq bo'lgan kimsalarni bahorga aylantir degan bo'lsa kerak. Boburning komil shaxs bo'lib yetishishida ham otasi – Farg'ona viloyati hokimi Umarshax Mirzo va Mo'g'uliston xoni va Toshkent hokimi Yunusxonning qizi edi. Onasi oqila, fozila, tadbirli ayol bo'lgan shu sabab 12 yoshli Zahiriddin Muhammad Boburga yo'ldosh bo'lish uchun u bilan hatto janglarda ham u bilan birga bo'ldi, bundan tashqari davlat ishlarida anchagina tajriba sohibi Hojiqozi ham unga madadkor bo'ldi. Otasi Umarshayx tabiatga oshuftaligi sabab har yoz ular Sirdaryo bo'yiga va Axsiga borishgan. Bu esa Boburning she'riyatiga ta'sir etgan bo'lsa, fiqh, ilmi arab, fors, harbiy ilmlarni o'rgangani uni ma'naviyatini mustahkamlab shohlikka tayyorlagan, uni sher Bobur deb laqab olishiga otasi bilan safarga chiqqanda beihtiyor sher bolalarini ko'rib qolib ular bilan bemalol, hevh qanday qo'rquvlarsiz o'ynagani sabab bo'lgan ayrim manbalarda aytiladiki, Bobur shunchalik dovyurak bo'lgan, hattoki oddiy insonga tashlangan sherni ko'rib juda yosh bo'lishiga qaramay, u sherni yengani sabab shu nomni olgan.

Nima bo'lganda ham Boburga 1494-yil og' ir keladi, negaki u o'z suyangan tog'i, tayanchi Umarshayx Mirzodan Axsi qo'rg'onida baxtsiz hodisa sababli 39 yoshida hayotdan ko'z yumadi. Bobur yuqorida aytib o'tilganidek o'zining eng ishonchli odamlari bilan davlatni boshqaradi, lekin baxtga qarshi Boburning jonday jigarlari unga qarshi chiqadi, hattoki ayrim saroy ayonlari unga bo'ysunishdan bosh tortadi. Ularning ba'zilari Boburdan ko'ra ko'proq uning ukalarini maqullasa, ba'zilari mustaqillik talab qilganlar.

Zamin shunchalar teskari bo'ladiki, hatto o'sha vaqtda o'z jigarpora tog'a-yu amakilari unga qarshi isyonning mash'ali bo' ladi, ayniqsa Ahmad Tanbal va Sulton Mahmudlar, lekin ularga mehribon Allohning atagan o'z jazosi bo'ldi, men o'sha vaqtda o'lat tarqab, ularning Qorasuv ko'prigidan o'ta olmay qolganini nazarda tutyapman. Aynan shu sabab Zahiriddin Muhammad Bobur «Boburnoma» asarini «... tengri taoloni inoyati bilan» deb boshlaydi. Ayrim joylarda aytiladiki Xo'ja Ahror Voliyga juda ixlos qo'ygani sabab, uning ruhi uni ko'p falokatlardan, ko'rguliklardan asragan.

Bobur temuriylar sulolasi asoschisi Amir Temur poytaxt qilgan Samarqandni markaz qilish niyatida ko'p qiyinchiliklarga ham uchradi, hatto oziq-ovqat ta' minoti to'sib qo'yilib, 7 oy qamalda qolib ham ketadi, o'z jigari o'zini Shayboniyxonga bahshida etish evaziga qamaldan qutuladi. Boburning Samarqandni olishida o'z ukasi Jahongir Mirzo Andijonni egallab, Boburning 100 kunlik hukmronligidan so'ng uni yana 1500-yilda sulh uchun borishiga sabab bo'ladi. Sulh natijasida Andijonni olib, Axsini beradi. U o'zining kam sonli askari bilan 1504-yilda Kobulni zabt etib, u yerda ham yuragi taskin topolmay, ya'ni o'z yurtini qo'msab o'rniga Kamron Mirzoni qo'yib Hindistonga yo'l oladi Kobuldagi bir necha yil hukmronligi davrida Zahiriddin Muhammad Bobur Hindiston hayotini, uning ichidagi rojalar orasidagi keskin ziddiyatlarni sinchiklab o'rganadi va uzoq vaqt o'rganish va tayyorgarliklardan so'ng 1526-yil o' sha mashhur Panipat jangida 100 ta askari bilan 12000 qo'shinga ega Ibrohim Lo'diy bilan to'qnashadi va uni yengib o'sha yili o'ziga xutba o'qitadi.

Zahiriddin Muhammad Bobur adolatli, shu sabab Lo'diy oilasi a'zolarini qilichdan o'tkazmadi, Ibrohim Lo'diyning qanchadan qancha rafiqalar-yu kanizaklarini nomusini toptamadi, ularni askarlariga berib ko'ngulxushlik qilinglar demadi, negaki uning dini islom, o'zi musulmon edi-da. Nega har doim ezgulikni yo'lini to'saveradi qora kuchlar bilmadim, ammo aynan Ibrohim Lo'diyning volidasi Boburni oshpazga ma'lum miqdorda pul berib uni zaharlaydi. Ayrim manbalarda ta'kidlanishicha, Zahiriddin Muhammadga zahar berilishidan oldin zaharga qarshi immunitet hosil qilgani haqida aytiladi. Lekin zahar baribir o'z ishin minglab tabiblar chora-tadbirlariga qaramasdan asta – sekin qiladi. Bu orada shoir Zahiriddin Muhammad Bobur o'z vatani soginchida o'rtanib, yonib yashadi shu sabab hammamizga tanish Andijon qovuni haqida rivoyatlar tarqaladi.

Haqiqatdan ham vatan hissi, vatan tuyg'usi biz beshikdaligimizdanoq kurtak yozadi, u biz bilan tug'iladi, biz bilan qabrga ketadi. Zahiriddin Muhammad Bobur ham xuddi ovulda yashaydiganlar, hech qanday dunyo hashamlarisiz, oddiy hasdan iborat uyini, tog'ning eng chekka joyidagi, chekka makonda joylashgan qishloqlarda istiqomat qiladigan uylari zax, ko'rimsiz toshdan iborat bo'lgan kimsalar ham o'z uyini qo'msagandek Bobur ham ertaklardagi Susambilga monand, kelsa har yog'idan jannat isi keladigan go'zal ona diyorini qo'msab, men yurtimga tog'day qalqon bo'loldimmi, sel kelganda to'g'oni, jaziramada soyaboni bo'loldimmi, degan fikrlar og'ushida umrguzaronlik qildi. Shunchalar sog'inch yomg'irida u shu satrlarni bitdi:

Tole yo'qki jonimg'a balolig' bo'ldi
Har ishniki ayladi xatolig' bo'ldi.
O'z yerni qo'yib Hind sori yuzlandim

Yo rab netay, ne yuz qarolig' bo'ldi.

Misralar haqida Erkin Vohidov o'z fikrini bildiradi: «Zahiriddin Muhammad Bobur-ijod gulshanining bog'boni Alisher Navoiyning asl shogirdidir». Haqiqatdan ham she'riyat, g'azalxonlik deganda ko'zimiz oldiga ilk bor Alisher Navoiy kelsa, uning yonida albatta Boburni ko'ramiz. Bobur she'riyat osmonida eng yorug' o'chmas yulduz bo'ldi. Buni o'z baytim orqali tasvirlasam:

Qalblarni titratar Bobur she'rlari,
Hech boshin egmagay o'zbek erlari
Hind osmonida yulduzday bo'lgan
Bu asl o'zbekning mard Boburlari.

Shuni ham aytish o'rinliki Zahiriddin Muhammad Bobur Kamron taxallusi bilan ham marjonday ipga terilgan o'zining g'azal-u ruboiylarini yozgan. Bunday shahsga nisbatan o'zbek qalbida yuksak hurmat - e'tibor mujassam. Shuning natijasida 1993-yilda Bobur tavalludining 510 yilligi keng nishonlandi, bunga qo'shimcha ravishta shuni aytish mumkinki, Andijondagi kutubxona, teatr, milliy bog'ga («Bobur milliy bog'i») deb nom berildi. Andijondagi ko'cha va mavzelarga, Xonabod tumanidagi istirohat bog'iga, Toshkentdagi istirohat bog'iga va ko'chalarga qarasak, Zahiriddin Muhammad Bobur nomiga ko'zimiz tushadi. Bundan tashqari O'zbekiston Fanlar Akademiyasi tomonidan Bobur medali ta'sis etildi. Bu medalga birinchi bor Ubaydulla Karimov sazovor bo'lgan. Aynan mustaqillik yillarida Zahiriddin Muhammad Bobur ijodiga e'tibor qaralib 1993-yilda Bobur jamg'armasi andijonlik atoqli tabiatshunos Zokirjon Mashrabov boshchiligida tashkil etildi. Bu jamg'arma Hindiston tuprog'ida buyuk ajdodimiz Bobur qadami yetgan joylarni 200,000 km masofa bosib ziyorat qilib o'rganib chiqdi. Bundan tashqari Zahiriddin Muhammad Bobur atab Bobur jamg'armasi tomonidan 10 ta ilmiy ekspeditsiya, 10 ta ilmiy, hujjatli badiiy asar, 10 ga yaqin hujjatli, badiiy filmlar yaratildi.

Asrlar osha shoirlarning shohi, shohlarning shoiri Mirzo Bobur o'zbek xalqi xazinasiga o'zining asl durdonalarini joylagan o'zbek va hind xalqining sevimli dilbandi.

© **Qo'shoqova B. Y., Umirova D.,** 2020

Т. В. Лосева-Бахтиярова,
к. ф. н., доцент ИСАА МГУ, г. Москва

РОЛЬ «ЗАПИСОК» БАБУРА В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ (УЗБЕКСКИХ) ЦЫГАН

В данной работе мы предприняли попытку представить знаменитое и бесценное по своему значению произведение Бабура как один из важнейших средневековых источников, способных пролить свет на историю, пожалуй, самого малоизученного и закрытого народа Средней Азии.

Летом прошлого года совместно с директором бухарской фотогалереи Шавкатом Болтаевым мы посетили поселки под Бухарой, где в течение многих лет проживают среднеазиатские цыгане. Целью нашего полевого исследования был сбор лингвистического, этнографического и фольклорного материала указанной этногруппы.

Следует отметить, что цыгане, проживающие на территории Узбекистана, как и все среднеазиатские цыгане в целом, изучены крайне мало, в том числе из-за закрытости данных сообществ, вопрос об их происхождении до сих пор остается открытым, сведения по их языку немногочисленны и не систематизированы. Таким образом, наше первое подобное исследование, мы надеемся, положит начало всестороннему углубленному изучению цыган Узбекистана, в первую очередь, их языка и истории, определению их места среди народов и этнических групп, проживающих на территории Узбекистана.

О среднеазиатских цыганах долгое время было известно лишь небольшому числу специалистов. Немногочисленные статьи о них относятся, в основном, к началу и середине прошлого века. Это работы И. М. Оранского, Х. Х. Назарова (который происходил из среднеазиатских цыган, поэтому его труды для нас особенно ценны), А. Л. Троицкой, Г. П. Снесарева. Из тех, кто занимался среднеазиатскими цыганами в XXI веке, можно выделить Николая Бессонова, цыганского историка и искусствоведа, и Сергея Габбасова – антрополога и этнографа.

Среди вышеперечисленных исследователей не существует единого мнения по вопросу о том, имеет ли данная среднеазиатская этногруппа общее происхождение с цыганами, проживающими в России и европейских странах. Ряд авторов утверждает, что среднеазиатские цыгане были причислены к цыганам по аналогии – на мнение ученых повлиял их кочевой образ жизни, занятие гаданием и попрошайничеством. Так появилось определение «цыганоподобная группа». К тому же среднеазиатские цыгане не владеют цыганским языком. Однако, например, в европейских странах некоторые этнические группы цыган также утратили родной язык и говорят на венгерском, румынском и прочих языках коренного местного населения.

Исторических данных о появлении цыган в Средней Азии нет, как нет каким-либо образом задокументированной истории у самих объектов нашего исследования. Из средневековых источников мы можем лишь приблизительно

проследить их путь из Индии в Среднюю Азию через Иран и Афганистан. Так, в поэме Фирдоуси «Шахнаме», датированной X в., содержится упоминание о переселении из Индии в Иран группы музыкантов лури/лули, которых прислали в дар Сасаниду Бахраму V Гуру (420–438 гг.). Лури, согласно толковым словарям персидского языка, то же, что и каули – одно из названий цыган, равно как и уличных певцов, музыкантов и нищих.

Эмиграции предков цыган из Индии в другие страны, в том числе, в Среднюю Азию, начавшейся во время правления династии Сасанидов, в последующие века, по всей вероятности, способствовали военные походы в Индию, предпринятые мусульманскими завоевателями из Средней Азии.

Подтверждением этому могут служить упоминания о цыганах у Захириддина Мухаммада Бабура, великого полководца, поэта, ценителя науки и искусства, в его «Записках», где он в деталях отразил историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV – начала XVI веков.

Здесь следует сделать пояснение касательно того, под каким названием нам следует искать сведения об интересующей нас этнической группе на страницах книги. По словам опрошенных нами информантов в поселках под Бухарой, их самоназвание – мугат. Предположительно, это арабское множественное число от иранского *муг* «огнепоклонник, маг». Местное узбекское население называет их люли, а таджикское – джуги. Слово может восходить к индийским языкам, где обозначает «отшельник, нищий».

В описании событый 925 (1519) года мы встречаем два имени, имеющих отношение к объекту нашего исследования. Бабур находился тогда в Бхире – на границе Афганистана с Индией, точнее, ее северной частью. Перечисляя музыкантов своей свиты, которая сопровождала его во время пирушки на лодке, Бабур называет имена Рамзан Лули и Раух дам [1, 232]. При описании второй пирушки Бабур упоминает имя Рамзан уже без слова «лули» и вновь пишет «дам» с маленькой буквы, словно указывая на то, что это не является именем собственным [1, 233].

Ḍom – это самоназвание различных территориальных групп индийских домов, которые участвовали в этногенезе протоцыган, проживавших на севере Индии и в прииндской зоне перед их исходом из Индии [9, 99]. Это индоарийское слово дало самоназвание всем трем потокам цыган, расселившихся по миру: дом – ром – лом, то есть цыган Азии, цыганского населения Европы и России и цыган Армении. При этом большинство современных исследователей разделяет идею о том, что предки домов могли иметь различия с предками ромов и ломов еще на территории Индии. В отношении вопроса о том, как связаны носители самоназвания *ḍom* с кастой дом – одной из низших каст, занимавшейся музыкой и нищенством, до сих пор нет единства мнений. В то же время, идеи, давно и неоднократно высказывавшиеся в рамках теории касты, говорят о том, что ряд низших кастовых групп, упоминаемых в источниках различных периодов, изначально имели этническое происхождение, а их названия связаны с этнонимами [12, 32].

Наличие на территории Афганистана значительного числа представителей данной этногруппы служит нам указанием на те ближайшие пути, которыми предки цыган могли передвигаться на территорию Мавераннахра из Индии.

Происхождение этнонима «люли», упоминавшегося выше, до сих пор окончательно не выяснено. Так, В. Ф. Минорский в своих работах обращает внимание на то, что «люли», возможно, служило наименованием жителей города в Синде, Индия. Арабские авторы называли этот город Arūr или Al-rūr. Он был завоеван арабами в 714 г. н.э. Согласно аль-Бируни, город Arūr был расположен в 30 фарсахах к юго-западу от Мультана. Преобразование названия Arūri/Arori в Lori В. Ф. Минорский объясняет с точки зрения фонетических переходов. Возможно, потомки индийских музыкантов, приглашенных в Иран в V в. н. э., именовались как жители самого значительного города Синда, который, как говорилось выше, был известен арабским завоевателям и до них Сасанидам [13, 41-43]. А. П. Баранников также предполагает, что современные иранские и среднеазиатские цыгане являются, в том числе, потомками этих привезенных из Индии музыкантов [3, 27].

Придя в Среднюю Азию, цыгане стали расселяться среди ираноязычных и тюркоязычных народов. В наши дни подавляющее большинство узбекских цыган давно живет оседло. Из зимних стоянок постепенно выросли цыганские поселки на окраинах Бухары, Самарканда, Ташкента, Ферганы и других городов.

Мы спросили жителей цыганских поселков под Бухарой, что они знают о своем происхождении. «Мы пришли из Индии, – ответили нам наши первые информанты в поселке Саидобод, представители семьи местного барона: Ильес Узоков, 1974 г. р., Джамиля Таваккалова, 1969 г. р., Хасан Пардаев, 1985 г. р., Ильхам Рахимов, 2000 г. р. – Старики говорят, мы пришли сюда 200–300 лет тому назад». «Мы пришли из Индии во времена Бабура, – внесла уточнение наша следующая информантка Джамоат Таваккалова, 70 лет. – Мы знаем его имя. А до него был Тимур. Я была совсем маленькой, когда умерли мои родители, некому было рассказывать подробно. Но мы все знаем, откуда мы пришли, и мы знаем имя Бабура и кем он был». (Здесь и выше мы приводим расшифровку диктофонной записи, сделанной во время полевой работы).

Как выяснилось из дальнейших расспросов, Бабур является самым популярным мужским именем среди цыган, проживающих под Бухарой.

Великий Захириддин Мухаммад Бабур умер пять столетий тому назад, но память о нем жива и в Средней Азии, и в Афганистане, и в Индии, а его историческое, литературное и научное наследие и в наши дни предоставляет ученым всего мира материал для новых открытий, размышлений и исследований.

Литература

1. Бабур. Бабур-наме. – Т., 1993.
2. Бабур. Бобирнома. – Т., 1960.
3. Баранников А. П. Цыгане СССР. – М., 1931.

4. Бессонов Н. В. Среднеазиатские цыгане и их кочевье по России // Этнопанорама. – Оренбург, 2008.
5. Габбасов С. М. «Свой» ислам у мугат. Неопубликованная статья, созданная на основе собственных полевых исследований. – М., 2006.
6. Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. – М., 1960.
7. Назаров Х. Х. Современное этническое развитие среднеазиатских цыган (люли) // Этнические процессы у национальных групп. – М., 1980.
8. Оранский И. М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). – М., 1977.
9. Смирнова-Сеславинская М. В. Актуальные аспекты исследования ранней истории цыган (протоцыган) в общем индолого-ромологическом поле (источники, методология) // Этнографическое обозрение, N. 1. – М., 2011.
10. Снесарев Г. П., Троицкая А. Л. Среднеазиатские цыгане // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. – М., 1963.
11. Фирдоуси. Шахнаме. Т. 1 – 4. – М., 1957 – 1969.
12. Ghurye C.S. Caste and class in India. – Bombay, 1957.
13. Minorskiy V. Luli. Encyclopádie des Islam. – Leipzig, 1936.

Приложение:

Информант из кишлака Саидобод Жамоат Таваккалова *(фото автора статьи)*

© **Лосева-Бахтиярова Т. В.**, 2020

Х. Лукмонов,
студент ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ВЕЛИКОГО БАБУРА

Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530 гг.) – поэт, философ, мыслитель, наследный принц-Тимурид, ему не надо было доказывать свое право на власть. Это был аристократ в десятом колене, ведущий свою родословную от Тимура по линии отца и от Чингисхана по линии матери. Сын, брат, внук и правнук ханов, шахов и султанов, он мог позволить себе роскошь оторваться от земли и подумать о возвышенном. Правда, родственники периодически напоминали ему о делах насущных, и тогда Бабуру приходилось доказывать свое право на власть с помощью меча. За это он и получил почетное имя Бабур (что значит Тигр).

Бабур в мировой истории занимает особое место. Он стал очередным завоевателем Индии, и главное – основателем империи Великих Моголов, просуществовавшей треть тысячелетия. Но были и другие, не менее важные грани его недолгого бытия в этом мире. Бабур – поразительно талантливый писатель, оставивший бессмертную историю своей жизни – «Бабур-наме» («Записки» Бабура) – отличающуюся одновременно лаконичностью и образностью. Его труд, написанный на староузбекском языке, тем более весом, что в жанре мемуаров исламские страны в Средневековье и Новое время не подарили миру равного по мастерству и глубине мысли произведения.

По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом среди написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии.

«Он был не самым великим, но гораздо более человечным, чем все другие восточные завоеватели… [Он не пишет кто именно] и что бы не думали о нем в других отношениях люди, мы не можем думать о нем иначе, как только относясь с глубокой симпатией к этому великодушному и общительному гиганту…», – написал о Бабуре британский исследователь В. Н. Морленд в своей книге «Аграрная система мусульманской Индии». И тем не менее Бабур был действительно великим политическим и культурным деятелем своей эпохи, благодаря которому сегодня мы имеем возможность прикоснутся к сокровищам азиатской культуры [2].

Роль и место научного и литературного наследия Бабура в культурной жизни Средней Азии и Индии поистине огромны. Бабур являлся одним из лучших представителей сложившейся в Средней Азии феодальной культуры и, прежде всего, среднеазиатской и индийской историографии.

Несмотря на весьма короткое правление в Индии (1526-1530 гг.), Бабур сумел в некоторой степени объединить феодально-раздробленную страну. В Индии насчитывалось несколько сот крупных и мелких феодальных княжеств. Между ними веками велись длительные и разорительные войны. Повсюду существовали феодальные порядки. Вся земля считалась собственностью крупнейших феодалов.

Религия – это часть государственной политики, на ее опирались все главы государств и находили решение в сложных ситуациях. Бабур был умным полководцем, который нашел решения и стал «близким» к чужому ему народу и традициям. Бабур был очень деликатным в отношении религии, он был суннитом. В своем сборнике маснави «Мубаййин» он описал все религиозные обычаи и правила того времени.

Как отмечает в завещании Бабур своему сыну и наследнику Мухаммаду Хумаюну («Васият», 1528 г.) является венцом успешной социальной политики государства Бабура и Бабуридов, своеобразными законами и ценностями, оставленными потомкам. Этот документ по праву считается не только историческим источником по истории и философии государства Бабура и Бабуридов, но и нравственным кодексом, сводом законов и ценностей, который может быть использован в практике социального развития в современных многонациональных государствах.

О своем «Завещании» Бабур указывает сыну и наследнику Хумаюну о необходимости обращать внимание на положение, безопасность, здоровье, заработок, условия труда различных слоев, прослоек и групп общества, не жалеть для них помощи, в политике и в государственных делах сохранять отношения справедливости, человечности, толерантности и терпения, обращая внимание на различные этнические, родоплеменные, внутренние религиозно-конфессиональные отношения внутри страны.

«Во-первых, – завещает Бабур, – всегда избегай сектантского фанатизма [это разные религиозные секты], имей в виду религиозные представления и обычаи народа. Берегись различного отношения к народу. Будь в добросовестном отношении к каждому сословию;

Во-вторых, откажись от убийства быка, найди себе место в душе народа. Пусть народ подчинится тебе по доброй воле, видя твои благодеяния;

В-третьих, не разрушай бога никакого рода или племени, для сохранения дружеских отношений между Шахом и подданными, относись по-человечески к представителям каждой религии. Если так будет, в стране воцарятся доверие и согласие;

В-четвертых, вместо угнетения – лучше процветание ислама, вместо меча – лучше благосклонность и благодеяние;

В-пятых, стой подальше от разделения суннитов и шиитов, произнесения слов сунна и шия, эти слова могут стать причиной ослабления ислама;

В-шестых, всегда интересуйся положением своих подданных, имей в виду их нужды и потребности, чтобы предупредить ослабление страны» [1, 305].

В своем «Завещании» Бабур дает советы по сохранению порядка во внутренней и внешней политике, в родоплеменных, межнациональных и межконфессиональных отношениях, о необходимости осуществлять добрые дела, сохранять справедливость и человеколюбие, быть в равном отношении к каждому сословию, ограждать себя от проявлений угнетения, неправоты, безнравственности и интриг [1, 345].

В заключение следует сказать, что в настоящее время в Узбекистане уделяется больше внимание изучению наследия Бабура и Бабуридов. Члены международной научной экспедиции по изучению творчества Бабура обнаружили более 500 книг и документов, которые ныне хранятся в мемориальном музее Бабура.

Литература

1. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме [Электронный ресурс]. – URL: www.ziyouz.com (дата обращения 20.01.2020).
2. Morelend W. N. The agrarian System of moslem India. – Cambrige, 1929. – P. 226-234.

© **Лукмонов Х.**, 2020

С. Максумова,
ЎзДЖТУ доценти, Тошкент (Ўзбекистон)

Аннотация: Захириддин Мухаммад Бабур – один из выдающихся представителей литературы XVI века, поэт, продолживший традиции Низами, Хусрава Дехлеви, Лутфи, Навои. Произведения Бабура отличаются содержательностью и художественной глубиной. Захириддин Мухаммад Бабур с 16 лет занимался творчеством, писал стихи на узбекском и таджикском языках. Общее количество дошедших до нас произведений превышает 400, из них 119 газелей, 231 рубаи. Статья посвящена анализу художественных приемов лирики Бабура, многообразие которых, по мнению автора статьи, способствует неиисякаемому интересу исследователей литературы к произведениям Бабура.

ЗАҲИРИДДИН МУҲАММАД БОБУР ЛИРИКАСИДА БАДИИЙ САНЪАТЛАРНИНГ ҚЎЛЛАНИШИ

Заҳириддин Муҳаммад Бобур XVI аср адабиётининг кўзга кўринган вакилларидан биридир. У Низомий, Хусрав Деҳлавий, Лутфий, Навоий анъаналарини давом эттирган шоирдир. Бобур асарлари ўзининг жозибадорлиги, мазмундорлиги ва бадиий теранлиги билан ажралиб туради. У ўзининг мураккаб ҳаёт йўли, зиддиятли дунёқараши ҳамда бой адабий-илмий тафаккури билан ўзбек адабиёти ва маданияти тарихида муносиб ўрин эгаллайди.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур 16-17 ёшидан бошлаб бадиий ижод билан шуғулланган, ўзбек ва тожик тилларида шеърлар ёзган. Бобур асосан, ҳажман ихчам ғазаллар яратган, унинг шеърий асарларининг ярмини рубоийлар ташкил қилади.

Бобур ўзбекча шеърларини тўплаб, 1519 йилда Кобулда «Кобул девони», 1529 йилда Ҳиндистонда «Ҳинд девони» тузган. Бизгача етиб келган шеърларининг умумий сони 400 дан ошади. Шулардан 119 таси ғазал, 231 таси рубоийдир.

Бадиий санъатлар асарда ифодаланган ғояларнинг ҳаётийроқ, таъсирчанроқ ифодаланишини, лирик ва эпик тимсолларнинг ёрқинроқ гавдалантирилишини, шунингдек, мисралар, байт ва бандларнинг лафзий назокати, жозибадорлигини таъминловчи воситадир [3, 86].

Заҳириддин Муҳаммад Бобур шеърий асарларида қуйидаги бадиий санъатлар аниқланди. Банддаги мисра, гапларнинг бошидаги сўз ёки сўз бирикмасининг бошқа мисралар бошида ҳам такрорланиб келиши **анафорадир**.

***Ҳар кимки**, вафо қилса – вафо топқусидир!*
***Ҳар кимки,** жафо қилса – жафо топқусидир!*
Яхши киши кўрмагай ёмонлик ҳаргиз,
***Ҳар кимки**, ёмон бўлса – жазо топқусидир!*

Бобур лирикасида такрорнинг бир тури бўлган **эпифора** кўп кузатилди. Бу-анафоранинг тескариси бўлиб, ушбу усул билан такрорланган сўз ёки жумлалар маъноси кучайтирилади.

*Эй ёр, сенинг васлингга етмак **мушкул**,*
*Фархунда ҳадисингни эшитмак **мушкул.***
*Ишқингни доғи бартараф этмак **мушкул**,*
*Бошини олибон бир сари кетмак **мушкул**.*

Шоирнинг туюқ ва рубоийлари, тарзида қофияланган бўлиб, эпифорага асосланган.

Такрорнинг яна тир тури **тарди аксдир**. Арабча сўздан олинган бўлиб, тескари қилиб такрорлаш деганидир. Қуйидаги шеърнинг биринчи мисрасида келтирилган сўз кейинги мисрада ўрнини алмаштириб қайтарилган.

*Кўнгилда бўлди ажойиб **бало қаро** сочинг,*
*Шикаста кўнглума эрмиш **қаро бало** сочинг.*

Қуйида тарди акс санъатининг гўзал намунасини кўриш мумкин.

Тишинг дур, лабинг маржон, хадинг гул,хатинг райхон,
Юзунг хур, сочинг анбар, сўзинг мул, менгинг мейнон.
Мейнон менгинг, сўзунг мул, анбар сочинг, юзунг хур,
Райҳон хатинг, хадинг гул, маржон лабинг, тишинг дур.

Байтда маъно жиҳатдан ўзаро зид, антоним сўзларни қўллаб, таъсирчан бадиий тимсоллар, лавҳалар яратиш **тазод** санъатидир.

***Ёруғ кундуз, қоронғу кечада** анжум киби бўлғай,*
Чекиб гар оҳ дудини кўнгил ўтини титратсам.

Шунингдек, шоир қуйидаги мисрада сен ва мен кишилик олмошларини зид қўйиб ўзига хос тазод санъатини яратган.

***Сендек манга** бир ёри жафокор топилмас,*
***Мендек санга** бир зори вафодор топилмас.*

Шеърда биринчи мисра сўзлари билан иккинчи мисра сўзларининг бир-бирига оҳангдош, вазндош, қофиядош бўлиб келиши **тарсе** санъати ҳисобланади.

***Туз** оҳ, Заҳириддин Муҳаммад Бобур,*
***Юз** оҳ, Заҳириддин Муҳаммад Бобур*
Сарришгаю айшдин кўнгилни зинҳор,
***Уз** оҳ, Заҳириддин Муҳаммад Бобур.*

Шеър байтида маъно жиҳатдан ҳар хил, аммо шакли бир хил ёки шаклан бир-бирига яқин бир неча сўзни келтириб, улар воситасида муайян фикр, лавҳа ёки тимсолни таъсирчан ифодалаш санъати **тажнис** дейилади.

Бу санъатни қуйидаги туюқда кўришимиз мумкин.

*Васлдин сўз дерга йўқ **ёро** манга,*
*Ҳажр аро раҳм айлагил, **ёро** манга.*
*Ўқинг этти кўп ямон **яро** манга,*
*Марҳами лутфинг била **яро** манга.*

Биринчи мисрада *мадор, қувват*, иккинчи мисрада *эй ёр*, учинчи мисрада *яра, жароҳат,* тўртинчи мисрада эса *ёрдам бермоқ* маъноларни англатган.

Шеърда ўтмишдаги машҳур зотларга, машҳур тарихий ёки адабий қаҳрамонлар номини келтириш усули **талмеҳ** санъатидир.

*Қани **Ширин била Лайлини** сендин ноз ўрганса,*

*Қани **Фарҳоду Мажнунким**, аларға ишқ ўргатсам.*

Шеър байтларида бир-бирига боғлиқ ва бир-бирига яқин тушунчаларни англатувчи сўзларни қўллаш санъати **таносуб** дейилади.Бу санъатни Бобурнинг «Хазон япроғи янғлиғ...» ғазалида кўриш мумкин.

*Хазон япроғи янғлиғ гул **юзинг** ҳажрида сарғайдим,*

*Кўриб раҳм айлагил, эй лола **рух**, бу **чеҳра**йи зардим.*

Иккинчи мисрадаги рух сўзи арабча бўлиб, *юз, бет, ёноқ* маъноларини англатади [2, 399]. Демак, *юз, чеҳра, рух* сўзлари бир-бирига синоним сифатида қўлланган.

Ғазалнинг кейинги мисрасида ташбеҳ санъати, ўхшатишни кўришимиз мумкин. **Ташбеҳ**-бирор образ ёки воқеани бошқа бирор нарса ёки воқеага қиёслаш орқали ўхшатишдир.

*Латофат гулшанида **гул каби** сен сабзу хуррам қол,*

*Мен арчи даҳр боғидин **хазон япроғидек** бордим.*

Ушбу мисрада *сабзу-хуррам- яшнаганлик, арчи-агар, даҳр-дунё* маъноларида келган. Бобур севган ёрининг гул каби яшнашини, ўзини дунё боғида хазон япроғига қиёслаш орқали оригинал ўхшатишлар ҳосил қилган.

Шунингдек, юқорида келтирилган ғазалда истиора (метафора) санъатини ҳам кўриш мумкин. Бадиий асарларда сўзни ўз маъносидан бошқа бир маънода, яъни мажозий маънода қўллаш санъати **истиора** дейилади. Ҳажрида сарғаймоқ кўчма маънода келиб, изтироб чекмоқ маъносини англатган [4, 457]. *Гул юз, лола рух, латофат гулшани, даҳр боғи, хазон япроғи бўлмоқ* кабилар ҳам кўчма маънода қўлланган.

Китобат бадиий тасвирда араб алифбосидаги ҳарфлардан фойдаланиш санъатидир.

Кўнглумга дард келгали ҳам бўлди қоматим,

*Қаддим магарки дард ёнидаги **долдур**.*

Тасвирланаётган нарса, шахс ва воқеа-ҳодисанинг муайян жиҳатларини бўрттириб, кучайтириб тасвирлаш усули муболоғадир. Шарқ классик шеъриятида муболоға санъатига шеър зийнати сифатида қарашган.

Қайгунгни чека-чека қарибдур Бобур,

Раҳм айлаки, ўзидин боribдур Бобур.

Норанж юборди сангаким билгайсен,

Яъники бу навъ сарҳарибдур Бобур.

Хулоса қилиб айтганда, Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўзбек шеърияти ривожига катта ҳисса қўшди. Унинг шеърияти ҳажми кўп бўлмаса-да, мавзу доираси, шаклий такомили бадиий жиҳатдан ғоят гўзал ва мукаммаллиги билан ҳамда турли шеърий санъатларнинг қўлланганлиги билан ажралиб туради. Шунинг учун 5 асрдан бери Бобур шеърияти китобхонлар томонидан севиб ўқилмоқда, кўпгина ғазаллари кўйга солиб қўшиқ қилинмоқда.

Адабиётлар

1. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Маҳрами асрор топмадим. – Т. : Ёзувчи, 1993.

2. Исҳоқов, Фатҳиддин. “Бобурнома” учун қисқача изоҳли луғат. – Андижон, 2008.
3. Сариев, Шарафжон. Адабиёт. – Т., 2014.
4. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – 3-4 жилд. Т., 2007.
5. Ҳожиаҳмедов А. Шеърий санъатлар ва мумтоз қофия. – Т., 1998.
6. Ҳожиаҳмедов А. Мумтоз бадиият луғати. – Т. : Янги аср авлоди, 2008.

© **Максумова С.,** 2020

Г. М. Мамаджанова,
преп. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан)

МИР ПОЭЗИИ БАБУРА

Человечество создало свои идеалы духовного мира. Таким идеалом является Захириддин Мухаммад ибн Умаршайх Мирзо Бабур, который своей вечно живой восточной мудростью подпитывает нас и по настоящее время. Он прославил науку, искусство, литературу и навсегда вошёл в историю «как дивный светоч» и гений [1, 78]. И это не всё: поэзия З. М. Бабура отличается оригинальностью стиля, тонкостью и глубиной мысли, что позволяет причислить его стихи к лучшим образцам узбекской лирической поэзии. Его трактаты об изучении аруза (системы стихосложения), рифмы, а также разработанное им новое письмо под названием «Хатт-и Бабурий», означавшее «Бабуровское письмо», сыграли большую роль в усовершенствовании литературных жанров (газелей и рубаи).

Весь мир почитает выдающегося государственного деятеля, восхищается его поэтическим дарованием и наслаждается уникальным наследием поэта средневекового Востока, что подтверждает и настоящая Международная научно-практическая конференция «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность», проводимая в Москве, которая, бесспорно, станет научным плацдармом для обмена результатами научных исследований, изысканий и их апробации.

Жизнь и творческая деятельность З. М. Бабура – одного из крупных представителей узбекской литературы XVI века – является ярким примером истинно патриотического служения Родине, любви к родной стране. Вместе с тем, важно отметить: в его поэзии звучит также «голос тоски», тяжёлые душевные переживания из-за разлуки с любимой родиной.

Нет родины и счастья боле нет,
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришёл своею волей.
Его оставить силы воли нет [3, 91].

или

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек [3, 70].

Бабур – великий мыслитель и поэт Востока. Чем дальше от нас время, тем ближе он нам, так как его творческая деятельность тесно связана с современностью и историческими событиями, судьбой государства и народа.

Страною правя, чти людей труда,
От них не отделяясь никогда.
Забудь свои пристрастья, и обиды,
Внимай их бедам, а не то – беда [3, 97].

Безусловно, З. М. Бабур за свою короткую жизнь внёс неоценимый вклад в литературу, историю, географию. Он многое сделал для развития литературы: написал множество рубаи, газелей, китъа, отличающихся изяществом и искренностью, которые и по сегодняшний день популярны и любимы. Они повышают интерес к драгоценным литературным реликвиям, дошедшим из глубины веков.

Твоим стихам звенеть, пока есть жизнь и горе,
Читать их будут, петь с безумием во взоре.
Слова их – жемчуг. Нет! Что жемчуг: в море он.
В жемчужинах твоих в самих бушует море! [3, 77]

Глубина подтекста, скрытое значение поэтической информации, различные оттенки смыслов – вот, что можно наблюдать при «прикосновении» к данным строчкам, будто жемчуг, слово нанизано на словесное ожерелье. Речевые средства, создающие художественный образ, помогают чувствовать красоту «Бабуровского Слова», его уникальность, многозначность, многослойность. Вникая в них, читатель непроизвольно «вживается» в восточную поэтическую стихию, размышляет о гражданском долге, о чистых человеческих отношениях, чувствует гордость и восхищение.

Духовное очищение, физическое здоровье, радость восприятия жизни, чистейшая и истинная любовь – всё это определяет неповторимость стиха Бабура, его своеобразие, что вдохновляет исследователей и учёных-бабуроведов на поиски поэтических шедевров поэта, в том числе его рукописей, которые «живут» в различных зарубежных библиотечных фондах и архивах и, ждут своего возрождения. В связи с этим, уместно вспомнить утверждение В. фон Гумбольдта: «Язык – это мир, это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Следовательно, идея о новом наполнении «кладезя науки» о великом Бабуре в мировом масштабе как никогда актуальна, при этом проблема полного и обоснованного раскрытия глубин «бабуровского стихосложения», авторского стиля, ждёт и требует своего решения. Именно здесь кроется аксиоматические «формулы» научной концепции: «классическая литература не знает границ», «мировая поэзия многоязычна и полифонична». Вот уже более нескольких столетий переписываются и передаются из уст в уста неповторимые бейты и четверостишия поэта. Необходимо также отметить, что стихи великого поэта переведены такими известными переводчиками, как Р. Д. Моран, Н. И. Гребнёв, С. Р. Хасанов, А. Наумов и др. [3, 4-5] Известно, что литературные творения поэта продолжают переводиться на многие языки, что позволяет утверждать об огромном интересе других народов к восточной поэзии и прозе, их востребованности любителями поэзии Востока.

Поэзия З. М. Бабура мелодична – это музыка слова, музыка творческой мысли.

Поэт любимой мой, ты средь поэтов – хан.
Твой стих – родник живой, твой стих – стихов султан,
Слова твоих стихов средь слов произнесённых,
Как светлый луч во мгле, пронзающий туман. [3, 87]

Эти строки легки, доходчивы и эмоциональны, что делают их близкими к народным.

Убедительны также наставления и советы поэта, обращённые к друзьям, ученикам, молодым:

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь как птица, брат.
Лови её сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат! [3, 76]

***

Кто презирает всех, презрения достоин,
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям Бог хороших даст в друзья.
А кто с другими плох, отмщения достоин [3, 86].

За свою недолгую жизнь создал величайшее прозаическое произведение, которое стало классическим. Всемирно известным творением Бабура являются мемуары – единственный в своём роде источник по истории народов Центральной Азии. Безусловно, «Бабур-наме» остаётся настольной книгой историков, этнографов, географов, филологов, а также исследователей естественных наук, которой восхищаются и сегодня. Как отмечает исследователь Г. Н. Давлятова, в переводе на русский язык «Бабур-наме» означает «Книга Бабура». Это выдающийся памятник узбекского литературного языка XV-XVI веков [2, 25].

Как свидетельствуют исторические источники, Бабур создал небольшой сборник стихотворений, поэтические произведения «Мубаййан» («Комментированное»), «Рисолаи волидия» («Трактат родительский»), в которых доминирует эстетика простого и обычного. Бабур, окружённый плеядой ярких талантов, логически продолжил творческие традиции таких гигантов поэзии, как Низами, Дехлеви, Лутфи, Навои. Его произведения заняли внушительные позиции в литературе других народов Востока и стали достоянием мировой культуры и искусства.

Поучительны мудрые слова Бабура, которые уже давно стали афоризмами:

- Где бы ты ни был, будь правдивым и справедливым…
- Те не поймут любви, что сами не любили…
- Не слушайся врага, внимай совету друга…
- Хочешь цели достичь – от беспечного сна пробудись…
- Тому, кто свет искал и знания постиг,
- Достойный ученик нужнее всяких книг…

По этим поучительным выражениям, художественному своду назиданий, энциклопедии реальной жизни можно судить о литературном языке этой эпохи.

Результаты изучения научной литературы о жизни З. М. Бабура, исследование его литературных шедевров подтверждают идею многогранной творческой деятельности выдающейся личности: история государства и народа, этнографические сведения, музыка и военное искусство, мотивы любви к

Родине, сила любви к женщине, нравственность, духовность, литература и многое другое, в связи с этим нашей задачей является открытие новых граней творчества великого просветителя и сохранение их для будущих поколений.

Литература

1. Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1998.
2. Давлятова Г. Н. Выдающиеся люди Востока. – Фергана: ФерГУ, 2007. – С. 24-25.
3. Захириддин Мухаммад Бабур. Избранная лирика. – Ташкент, 1982. – 128 с.

© **Мамаджанова Г. М.**, 2020

И. Маннопов (I. Mannopov),
filologiya fanlari bo`yicha falsafa doktori (O`zbekiston)
М. Исроилова (M. Isroilova),
FarDU talabasi Farg`ona (O`zbekiston)

Аннотация: В произведениях Бабура реалистически отражены исторические события эпохи, его личная жизнь, окружающая среда, отношение к человеку, религии, обычаям и нравам времени. Можно сказать, что стихи Бабура – его автобиография, где поэтическим языком трогательно изложены глубокие чувства, мастерски описаны переживания в результате столкновения с жизненными обстоятельствами, передана его беззаветная любовь к Родине.

В рубаи Бабура отражены душевные страдания великого правителя и поэта. По мнению авторов статьи, тоска по Родине всегда мучала Бабура, это чувство он пронес в своем сердце до последних дней жизни. В статье подробно иссследуется тема Родины в лирике Бабура.

ZAHIRIDDIN MUHAMMAD BOBUR RUBOIYLARIDA VATAN MAVZUSI

Sharq mumtoz adabiyotining asosiy turi she‘riyat bo‘lib, mumtoz adiblarimizning ijod namunalari bu sohada salmoqli o‘rin egallaydi. Lirik janrlarning ham turli ko‘rinishlari mavjud bo‘lib, har biri o‘zining shaklida ham, mazmunida ham o‘rniga ega. Ularning o ziga xos ruhi, uslubi, obrazlar sistemasi mavjud. Ruboiy ham lirik janrlardan biri hisoblanib, unga adabiyotshunoslik terminlarining izohli lug‘atida shunday ta‘rif beriladi: «Arabchada to‘rtlik degan ma ‘noni anglatuvchi, sharq mumtoz she‘riyatida keng tarqalgan lirik janr, hazaj bahrining ahrab va ahram shajaralarida yozilib, ko`proq a-a-b-a tarzida qofiyalanuvchi to‘rt misrali mustaqil she‘r» [1, 261].

Ruboiy to‘rt misradan iborat bo`ladi. Navoiy ruboiysidagi to‘rt unsur to‘rt misrada aytilmoqchi bo‘lgan fikrning to‘g‘ri, badiiy, yuksak, kompozitsion jihatdan pishiq bo‘lishini ta‘minlaydi. Birinchi misrada – tezisda shoir aytmoqchi bo‘lgan fikr o‘rtaga tashlanadi; ikkinchi misrada – antitezisda birinchisiga qarama-qarshi fikr aytiladi, biroq, u tezisni isbotiga xizmat qiladi; uchinchi misrada – moddai ruboiya to‘rtinchi misrada aytilmoqchi bo`lgan xulosa uchun ko‘prik vazifasini o‘taydi; to‘rtinchi misrada – sintezda avvalgi uch misradan xulosa chiqariladi, bu shoirning asosiy g‘oyasi hisoblanadi [2, 78]. Ruboiyning lirik janr sifatida yuksak taraqqiyotga erishuvi Navoiy hamda Bobur nomi bilan bog‘liqdir.

Zahiriddin Muhammad Bobur nazariyotchi olim sifatida aruz haqida risola yozgan. Unda ruboiy vaznlari haqida ham so‘z yuritib, «axram» va «axrab»dagi yigirma to‘rt vaznning birinchi, ikkinchi, uchinchi va to‘rtinchi ruknlarigacha alohida-alohida izohlab beradi. Bobur ijodini uning ruboiylarisiz tasavvur qilish mumkin emas. Chunki shoir aynan ruboiylari orqali o‘zining vatanga bo‘lgan cheksiz muhabbati, sog‘inchini ifodalagan. Bobur ruboiylarining mavzu ko‘lami keng bo‘lib, ulardan asosiylari sifatida ishq, vatan mavzusini keltirishimiz mumkin.

Ruboiylar, asosan, a-a-b-a tarzida qofiyalanadi. Bobur ijodida esa, a-a-a-a tarzida qofiyalangan ruboiylarni ham uchratishimiz mumkin. Har bir misrada qofiyadosh so‘zlarning qo‘llanishi ruboiyning yanada jozibali bo`lishini ta‘minlagan.

Shoir ruboiylarida adolatparvarlik, samimiyatga boy mehr-oqibat, yorga bo‘lgan muhabbat, hijron azobi mavzulari bilan bir qatorda lirikasini asosini tashkil etuvchi vatanparvarlik, vatanga bo‘lgan cheksiz ishq, vatandan ayrilganligi, hijron azoblari asosiy o‘rin egallagan.

Adib umrining har daqiqasida Ona yurti ishtiyoqida yonib yashadiki, bu otashin qalbdagi muhabbat harorati, sog‘inch iztirobi har bir ruboiy mohiyatini tayin etdi.

Davron meni o‘tkazdi sar-u samondin,
Ayirdi meni bir yo‘la xonumondin.
Gah boshima toj, gah baloyi ta‘na,
Nelarki boshimg‘a kelmadi davrondin… [3, 90]

Bobur davron, ya‘ni zamon baxtimdan va o‘z yerimdan ayirdi, somon rangidekman, meni bor vujudimdan judo qildi, gohi toj kiydim, gohi menga balolar toshi otildi, ne savdolarni solmadi, deya azoblanadi.

Avvoralik asru xonumondin yaxshi,
Bir go‘sha menga ikki jahondin yaxshi,
Avvoralik bo‘lurni yaxshi ermas demagil,
Bo‘lsam agar avvora ne andin yaxshi. [4, 48]

Ushbu ruboiyda shoir bir go‘sha, bir maskan, ya‘ni o‘z ona tuprog‘im men uchun ikki jahondan afzal; ovvoralik - sarson-u sargardonlik, muhojirlik barcha mol – mulkdan yaxshi; muhojir, g‘arib bo‘lishni yaxshi emas, yomon dema; agar men muhojir bo‘lsam, undan yaxshi narsa nima? G‘ariblikni yomon dema, sen ham vatandan yiroqda bo‘lsang, keyin uning hajrini bilasan, demoqchi.

Tole yo‘qki, jonimg‘a balolig‘ bo‘ldi,
Har ishniki ayladim, xatolig‘ bo‘ldi.
O‘z yerni qo‘yib, hind sori yuzlandim,
Yo Rab, netayin, ne yuz qarolig‘ bo‘ldi. [5, 40]

Lirik qahramon boshiga tushgan ko'ngilsizliklar sabab, taqdiriga murojaat etadi. O‘z vatanimda, ona tuprog‘imda qolishim bitmadi, menga yuz balolar yog‘ildi; nimaiki qilsam ham, urinsam ham xato bo‘ldi, qancha harakat qildm, tole menga bitmadi; o‘z yerni qo‘yib, hind sari yuzlandim, Robbim, bu ne savdo, ne yuz qarolik, deya o‘z g‘am-anduhlarini qog‘ozga muhrlagan.

Quyidagi satrda ham shoir qalbida vatanga bo‘lgan muhabbat, ishqning qalbida tug‘yon urishi yaqqol ko‘zga tashlanadi:

Ko‘pdin berikim, yoru diyorim yo‘qdur,
Bir lahza-yu, bir nafas qarorim yo‘qdur.
Keldim, bu sori o‘z ixtiyorum birla,
Lekin borurimda ixtiyorum yo‘qdur. [3, 74]

Ushbu ruboiyda shoirning ko‘pdan beri yoru diyorida qaror topmaganligi, ya‘nikim sarson-u sargardon, ona yerida, aziz tuprog‘ida qo‘nim topmaganligi, shu sababli hatto har lahza, har nafasida oromi yo‘qligini, u boshqa yurt sari borishga

majbur bo‘lganligi, lekin u yerga borishga ixtiyori yo‘qligi, har onda vatan sog‘inchi yuragini o‘rtashi ushbu satrlarda o‘z aksini topgan.

Lirik qahramon umri davomida vatanga bo‘lgan ishqi bilan, unga bo‘lgan sadoqati bilan yashagan. Hindistonda buyuk davlatga asos solgan, vataniga qaytishni istagan askarlarining qaytishiga ruxsat bergan. U mamlakatda hind xalqiga zulm o‘tkazmagan, hind va musulmon xalqini birdek ko‘rgan, adolatpesha bo‘lgan. Buyuk saltanat qurgan, o‘z davlatiga asos solsa-da, bir umr vatan sog‘inchi bilan yashagan. Movarounnahrdan borgan savdogarlar olib kelgan qovunning hidiga yig‘lagan, u vatanini cheksiz sog‘ingan edi.

Beqaydmen-u xarobi siym ermasmen,
Ham mol yig‘ishtirur lain ermasmen.
Kobulda iqomat qildi, Bobur, dersiz,
Andoq demangizlarki, muqim ermasmen. [5, 32]

Beqaydman, erkinman, lekin xarob emasman; mol yig‘ishtiradigan kambag‘al ham emasman; Kobulda yashadim, u yerda istiqomat qildim, lekin u yerda muqim qolmayman, men o‘z ona diyorimga qaytaman, demoqchi bo‘ladi, shoir.

Qish bo‘ldi-yu, bo‘ldi barcha tom-u tosh qor,
Jamiyati bor kishiga bordur xush qor,
Bu qishda yamon yo‘lu parishon xolim,
Yorab, meni yaxsilik sari boshqar. [4, 51]

Quydagi ruboiyda qish deb, yurtdagi og‘ir holatni nazarda tutgan. Qish bo‘ldi-yu, hammayoq qor, ya‘ni parokandalik, davlatdagi birdamlikni yo‘qligi; mamlakatni tinch bo‘lishiga, aholini osiyishta yashashiga raxna solinayotganligi; agar jamiyat, yurt tinch bo‘lsa, mamlakat gullab yashnashligi, bunday parokandalik holatida shoirning xoli parishon ekanligi, yorab, o‘zing yaxshilik sari yo‘naltir, o‘zing kuch ber, deya iltijolari yoritilgan.

Ko‘ngli tilagan murodig‘a yetsa kishi,
Yo barcha murodlarni tark etsa kishi.
Bu ikki ish muyassar bo‘lmasa olamda,
Boshini olib bir sorig‘a ketsa kishi. [4, 47]

Yuqoridagi keltirilgan ruboiyda u ayni o‘n to‘qqiz-yigirma yoshlarida, ayni kuch-g‘ayrati to‘lgan paytlari edi. O‘sha paytda Samarqandi ikki marta qo‘ldan chiqardi, Andijon xiyonatchilar qo‘liga o‘tdi. U mamlakatni qo‘lida saqlash uchun harakat qildi, lekin har qancha urinmasin, u mamlakatini qo‘lida saqlab qololmadi, u xiyonatga uchradi, davlat qo‘lidan chiqib ketdi. Ruboiyda shoir kimki nimani istasa, murodiga, maqsadiga yetsa, unday bo‘lmasa barcha murodlardan voz kechsa, agar ikkisi ham bo‘lmasa ,boshini olib ketsa, deya, ko‘ngil iztiroblarini qog‘ozga tushuradi.

Chindan ham, Vatan-ulug‘ dargoh, muqaddas yer, tug‘ilib o‘sgan jannatmakondir; ona kabi aziz va mo‘tabardir. Vatanga muhabbat ona suti orqali kirib, qonimizda hamisha jo‘sh urib turadi. Zahiriddin Muhammad Bobur Hindistonda qudratli va shavkatli saltanat bunyod etadi. U hayotning barcha noz-ne‘matlaridan, lazzatlaridan istaganicha bahramand bo‘lish imkoniga ega. Biroq Bobur bekam-u ko‘st hayot bilan o‘zini baxtli inson deb hisoblaganmi? yo‘q, albatta. Unga hamisha bir narsa yetishmagan, uni hamisha bir tuyg‘u qiynagan, qalbini o‘rtagan. Bu-vatan sog‘inchi.

Adabiyotlar

1. Adabiyotshunoslik lug‘ati / Quronov D. va boshqalar. – Toshkent : Akademnashr, 2013.
2. Orzibekov R. Lirikada kichik janrlar. – Toshkent, 1976.
3. Zahiriddin Muhammad Bobur. Devon. – Toshkent : Fan, 1994.
4. Zahiriddin Muhammad Bobur. Mahrami asror topmadim… – Toshkent : Yozuvchi, 1993.
5. Zahiriddin Muhammad Bobur. Tanlangan asarlar. – Toshkent : O‘qituvchi, 1983.

© **Mannopov I., Isroilova M.,** 2020

Т. М. Махаматов,
д. филос. н., проф. Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва
М. А. Маматов,
д. филос. н., проф. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан)

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИТИКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХИРИДДИНА БАБУРА

Одной из немаловажных научных проблем востоковедения, на наш взгляд, является исследование историко-культурных основ формирования тюрко-мусульманской цивилизации, которая имеет как общие признаки с арабо-мусульманской цивилизацией, так и отличительные от нее качественные особенности. Авторы предлагаемой статьи попытались проанализировать политику и творчество Захириддина Мухаммада Бабура именно в таком ракурсе.

С конца XIII века, т. е. с началом образования Османского государства под предводительством удж-бея Османа Гази на северо-западе Малой Азии, в истории мусульманского Возрождения начинается новый этап – этап формирования тюркско-мусульманской социально-политической культуры. Этот процесс сопровождается формированием поэзии на тюрки, начиная с творчества Юнуса Эмре (1240-1321 гг.), Насими (1369-1417 гг.), Лутфий (1366-1465 гг.), Навои и других, как продолжение и дополнение эволюции религиозно-философского течения – суфизма, арабо-мусульманской философии, истории, математики и других наук средневекового мусульманского Востока, среди видных представителей которого были выходцы из тюркских народов Аль-Хорезми (780-846 гг.), Аль-Фараби (870-950 гг.), Ибн-Сина (980-1037 гг.) и другие.

Свой огромный вклад в историю становления и развития тюркско-мусульманской цивлизации вносят представители тюрков Центральной Азии эмир Тимур, Алишер Навои – великий визирь его внука Хусейна Байкаро, другой его внук Захриддин Мухаммад Бабур, основопложник Великой Могольской Империи. Среди них феномен Бабура уникален. Его уникальность заключается в том, что он единственный представитель эпохи не только мусульманского Возрождения, но и западноевропейского, который сочетал в своей политике и творчестве принципы антропоцентризма и гуманизма. Эти принципы имели место только в творчестве художников, поэтов, писатлей и философов этой эпохи, но не в политике правителей.

В отличие от империи Тимура, империя Бабуридов просуществовала 300 слишним лет, чему, наряду с благоустройством, созданием оросительных систем, строительством дорог, караван-сараев и т. п, не в меньшей мере способствовала политика толерантности к национально-религиозной идентичности власти по отношению к местному населению.

В «Бабур-наме» Бабур подробно описывает подготовку к празднеству, перед которым он «собрал представителей турков и индусов, чтобы советоваться. ...затем прибыли представители индийских цыган для участия в празднествах, где они продемонстрировали свои искусства» [3, 322-324].

Опираясь на гуманистическую и толерантную политику, Бабур смог реализовать свою главную цель – «создание централизованного единого и благоустроенного государства» [6, 8]. Вот почему индийский народ с благодарностью помнит вклад Бабура в образование единого Индийского государства. Ярким примером такого отношения к его личности являются слова первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, сказанные им в письме за № 88, адресованное 3 сентября 1932 года из тюрьмы дочери Индире Ганди: «… Бабур был одним из самых культурных и обаятельных людей, какие только существовали. Он был свободен от сектантской ограниченности и религиозного фанатизма и не разрушал, как это делали его предки». По словам Неру, после пребывания Бабура в Индии произошли большие изменения, имели место новые реформы, улучшившие жизнь, обогащенную искусством и архитектурой [5, 272].

Религиозная толерантность Бабура проявляется еще в привлечении к государственной службе представителей различных течений ислама. Он исходил из слов пророка Мухаммада, приведенных в одном из хадисов, что иудеи разделены на 71, христиане на 72 течения, а мусульмане разделятся на 73 течения, что от этого они не перестанут быть мусульманами.

Поэтическое произведение Бабура «Рисолаи Волидиййа» [См.: 7, 274-288] посвящено анализу одного из великих шейхов накшбандийского тариката (пути) суфизма Ходже Убайдулле Ахрору, автору одноименного сочинения. Представители ордена накшбандийя, как пишет известный исследователь суфизма Г. С. Гулямова, «выступали в защиту простого люда, которые влачат жалкое существование, в то время как власть предержащие купаются в роскоши, богатстве. Они выступали против праздного образа жизни правящей верхушки. Суфии считали, что истинно верующий должен путем воспитания, приобщения к духовным ценностям исцелиться, отказаться от дурных, порочных поступков. Их идеалом становится человек, стремящийся к самосовершенствованию» [4, 109].

В некоторых научных работах говорится о принятии Бабуром шиизма. По нашему мнению, здесь уместно отметить, что шиизм в Ферганской долине не был популярен. А его благосклонное отношение к шиитам можно отнести к проявлению его толерантного отношения к религиозным течениям ислама.

Бабур внушал и завещал своему сыну Хумаюну регулярно встречаться с представителями различных религиозных конфессий, одаривать их предводителей царственными подарками, но не привлекать к государственной службе. Вероятно, это из-за того, что, во-первых, в Индии существовало слишком много религиозных конфессий, и привлечение к госслужбе одних не нашло бы правильного понимания у других. Во-вторых, Бабур в политике придерживался принципа раздельности государственных дел от религиозных.

Бабур в своих стихотворных произведениях излагает основы и пути достижения духовного совершенства и высокой морали, которые выходят за рамки одной отдельно взятой религии и обретают общечеловеческую духовную ценность. Например, в одном из многочисленных рубаи он пишет:

Kim ko'rubdur, ey ko'ngu'l, ahli johildin yaxshilig',
Kimki ondin yaxshi yo'q ko'z tutma ondin yaxshilig'.
Bori elga yaxshilig' qilg'ilki, mundane yaxshi yo'q,
Kim, degaylar dahraro qoldi falondin yaxshilig [2, 16].

Перевод:

...Душа моя, кто видел доброту невежественных,
Не жди добра от того, у кого нет его.
...Делай добро народу, нет лучше добра,
Скажут в мире добро от того.
(Перевод с узб. наш - Т. М., М. М.)

Толерантность к проявлениям национально-этнической идентичности в политике Бабура следует рассматривать по аналогии сочетания политики и творчества Алишера Навои. Как известно, Навои в своих поэмах из «Хамсы» воспевал дружбу представителей различных народов, исповедавших разные религии: Ширин была армянской принцессой, Фархад был китайским принцем, его друг Шапур был индусом. Бабур так же, как и Навои, в своих рассуждениях, наблюдениях воспевает справедливость, добро, дружбу и т. п.

В «Бабур-наме», газелях, рубаи и других произведениях Бабура вопросы духовности, формирования всесторонне развитой личности занимают важное место. Он в своей политике, насколько это было возможно в его эпоху, реализует свое гуманистическое мировоззрение, отраженное в его художественном творчестве.

Среди многочисленных рубаи Бабура имеются строки, посвященные характеристике совершенного человека. К примеру:

Har kimki vafo qilsa, vafo topqisidur,
Har kimki , jafo qilsa, jafo topqisidur.
Yaxshi kishi ko'rmagay yomonliq hargiz,
Har kim, yomon bo'lsa, jafo topqisidur [1, 48].

Перевод:

Кто проявит верность сам заслужит верность,
Кто совершит зло сам найдет зло.
Добрый человек никогда не встретит зла,
Кто, если сам злой, не избежит страдания.

Davlatqa yetib, mehnat elin unutma!
Bu besh kun uchun o'zungnu asru tutma!
Borg'onni, kel emdi, yod qilmay, ey do'st,
Borish-kelishingni lutf etib, o'ksutma! [1, 49]

Перевод:

Приходя к власти, народ трудовой не забудь!
Время власти коротка, беречь голову не забудь!
Не забудь друзей своих и близких, друг мой,
Ссылаясь на занятость свою, их не обидь!
(*Переводы с узб. наши. – Т. М., М. М.*).

Таким образом, подводя итог нашему краткому анализу принципа толерантности к национально-этнической и религиозной идентичности в политике Бабура в его империи на территории средневековой Индии и творчестве, можем отметить о его непереоценимом вкладе в формирование тюркско-мусульманской цивилизации.

Уникальность политики Бабура, которая была одним из основ социально-экономического, культурного развития и долговечности его империи, заключалась в реализованном в этой политике принципе национально-этнической идентичности, толерантности и гуманизма, которую начал проводить он и продолжили его потомки.

Своей политикой и творчеством Бабур в обществе своей империи формировал особый интеллектуально-духовный мир, в котором соединил достижения как тюркско-мусульманского мира, так и народов Индии того времени. Поэтому до сих пор на узбекском и индийском языках имеются созвучные слова одинакового содержания, что является ярким фактором тюрко-мусульманской цивилизации.

Литература

1. Бобир. Танланган асар. – Тошкент : Ўқитувчи, 1983.
2. Бабур, Захириддин Мухаммад. Маҳрами асрор топмадим [= Не нашел хранителя тайн] : копия Парижского дивана : стихи. – Тошкент : Ёзувчи, 1993.
3. Бобур. Бобурнома. – Тошкент : Юлдузча, 1989.
4. Гулямова Г. С. Роль ислама в XV–XVI вв. Мавераннахре и Хорасане // Россия и мусульманский мир. – 2019. – №1. – С. 107-119.
5. Неру Джавахарлал. Открытие Индии. – М. : ИЛ, 1955.
6. Хасанов, С. З. М. Бабур. – O’zbekiston NMIU, 2011.
7. Шоҳ ва шоир Захириддин Муҳаммад Бобур. – Тошкент : Шарқ, 1996.

© **Махаматов Т. М., Маматов М. А.**, 2020

З. Махмудова (З. Маҳмудова),
талаба, Фарғона давлат университети (Ўзбекистон)

Аннотация: В данной статье предпринята попытка изучения стилистически ограниченных единиц на примере анализа произведения «Бабурнаме». Некоторые лексические единицы в языке имеют семантическую ограниченность и могут употребляться лишь в определенном контексте. Немало таких слов и в узбекском языке, однако на сегодняшний день они характеризуются малой степенью изученности.

«БОБУРНОМА» АСАРИДАГИ ЛИСОНИЙ ЧЕГАРАЛАНГАН БИРЛИКЛАР

Тилдаги ҳамма сўзлар ҳам нутқдан ташқарида эркин қўллана олмайди. Уларнинг қўлланилиши, маъно англашилиши учун маълум шароит, нутқий жараён содир бўлиши лозим. Масалан, тилдаги баъзи сўзлар ўз олдидаги ёндош сўз билан қўллангандагина маъноси тўлиқ англашилиши мумкин. Бундай бирликлар ўзбек тилида ҳам кўп бўлиб, улар ўзбек тилшунослигида кам ўрганилган соҳа саналади. Шу нуқтайи назардан бу каби бирликни йиғиш, уларнинг маъноси, қўлланилиш доираси, бирикувчанлик хусусиятларини ўрганиш мақасадида бу бирликларга лисоний чегараланган бирликлар атамасини қўллаб, шу ном остида уларни ўрганишни олдимизга вазифа қилиб белгиладик. Бу каби маълум лисоний ҳолатни талаб қилувчи бирликлар ўзбек тилида талайгина бўлиб, биз уларни «Бобурнома» асари талқинида кўриб чиқамиз.

Шикаст. Бу бирлик форсча бўлиб, аслида мағлубият; омадсизлик; зарар, зиён; синиш, синиқ; суякнинг синган жойи маъноларини беради. Бу бирликнинг ўзбек тилида қўлланилиш доираси бироз тор саналиб, унинг ўзбек тилида *шикаст топмоқ, шикаст етмоқ, шикаст бермоқ* каби шаклларда келиш ўрни мавжуд. Хусусан, «Бобурнома»да ҳам бу сўзнинг қуйидаги маъноларда қўлланилиши кузатилади.

1. *зарба, синдириш.* Муҳаммад Шайбонийхон Султон Муҳаммадхон билан Олачахонга шикаст бериб, Тошканд ва Шоҳрухияни олғон маҳалда, ушбу Сўх билан Ҳушёр кўҳпояларига келиб бир йилга ёвуқ танқислик ўтказб, Қобул азимати қилдим.
2. *панд, омадсизлик, мағлубият.* Ҳамиша мулкгирлик дағдағаси бор эди, неча навбат Самарқанд устиға черик тортди, баъзи маҳал шикаст топди.
3. *зарар, зиён етмоқ.* Тошкандтин икки шеърий ёл бўлғай, бу сувнинг ёқасидаким шикаст топти.

Уч-тўрт мундин бурунроқ Чин суйининг гузарида улуғ шикаст топиб эдилар.

4. *нобуд болмоқ.* (Дарвешбек) Таби’ назми бир эди. Султон Аҳмад Мирзо Чир суйи ёқасида шикаст топганда Чир суйиға борди.

Бу бирликнинг ҳозирги кунда ҳам келиш ўрни қўшма сўз таркибида бўлиб, феъл билан бирикма ҳосил қилади. Бу бирликнинг бир томондан туркий сўз

эмаслиги, иккинчи томондан кам қўлланилиши унинг лисонда айрим сўзлар(феъл) билан бирикма ҳолида шаклланиб ифодаланишига омил бўлиб хизмат қилади.

Забт. Унинг ҳибс, мусодара, тергов маънолари бор бўлиб, *забт этмоқ, забт қилмоқ* каби қўлланилиш шаклларига эга. Бу бирликнинг қуйидаги маънолари мавжуд:

1. *босиб олмоқ, эгалламоқ, ишғол қилмоқ*. Хабар топиб муҳассиллар йибориб, корвоннинг жами' жиҳатини забт қилди.
2. *ўз ҳукмига бўйсундирмоқ, жиловламоқ.* Дерларким, қазоқ хон ва султонларининг ўрасида ҳеч ким ул улусми Қосимхонча забт қулғон эмастур.

Қўшма сўзнинг таркибий қисми сифатида ҳозирги кунда қўлланиш шаклига эга бўлиб, феълга бирикиб кела олади. Бу бирлик тарихий сўз бўлмасада, шу каби тарихий жараёнларни ёритишга хизмат қилганлиги учун лисонда кам қўлланилишига, ва айнан, феъл билан бирикиб ифодаланишига сабаб бўлган.

Зое [а.ёқолган, нобуд бўлмоқ] бу бирлик бекор кетмоқ; фойдасиз, яроқсиз бўлиб қолмоқ; бирор ишни бекорга кетказмоқ, йўқ қилмоқ каби маъноларига ҳамда *зое бўлмоқ, зое қилмоқ* каби қўлланилиш шаклига эга.

1. *ҳайф бўлмоқ, қўлдан кетмоқ;*

...қалин черик келиб кўрукда тиқилиб, қалин ўт ва тева бу қўра сувға йиқилиб зое кетди.

2. *нобуд қилмоқ, ҳалок бўлмоқ;*

Чун ярўқсиз уруш солилиб эди, баъзи йиғит-яланг зое бўлиб, ҳейли киши яралиқ бўлди.

Бу бирлик ўзбек тилида ибора ҳолида ҳам келади ва бу ҳолда унинг маъноси: бефойда сарфланмоқ.

Фойдали сўзининг зиди саналган бу бирликларнинг мустақил ҳолда қўлланилиш ўрни мавжуд эмас. Бу бирлик ибора (яна ҳам аниқроғи қўшма феъл) нинг таркибий қисми сифатида қўлланилади.

Рўй [ф. юз, юза, сатҳ] Бирор нарсанинг сиртқи томони, юзи. Бу бирлик ўзбек тилида деярли кам қўлланилиб, унинг ҳозирда *рўй бермоқ* шакли истеъмолда кўпроқ ишлатилиб, рўй бирлигининг ўзи лирик асарлардан ташқари мустақил қўлланмайди.

Унинг *содир бўлмоқ, воқе бўлмоқ, юз бермоқ* каби маънолари мавжуд. Мундоғ улуғ вақоэ рўй берганда Умаршайх мирзодин қолган беклар ва йигитлар яхши қатланиб мардона жонлар торттилар.

Феъл билан бирикма ҳосил қилиши ва қўшма феъл таркибида етакчи бўлиб келиш ўрнидан ташқари унинг изофали таркибда келиш ўрни ҳам мавжуд: *рўйи жаҳон, рўйи замин*.

Рухсат [а.ижозат, ижозат(розилик) қоғози] бу бирликнинг бирор ишни бажариш, қилиш, амалга ошириш учун шу ишга тааллуқли ёки жавобгар киши(лар)га ижозат бериш маъноси бор.

... мағлуб бўлиб иликка тушди. Яна Юнусхон яхшилик қилиб вилоятиға рухсат берди.

От туркумига оид бўлган мазкур бирлик феъл билан бириккан ҳолатини (қўшма феъл сифатида шаклланганини) кўрдик. Ҳозирги кунда бу бирликнинг қўшма феъл таркибидан ташқарида якка ҳолда қўлланилиш ўрни мавжуд эмас. Аммо унинг кесим вазифасида келиб, якка ҳолда келиши мумкин, фақат у кўпинча оғзаки нутқда қўлланилади.

Машғул [иши кўп, иш билан банд]. Бирор иш билан банд бўлган, шуғулланаётган.

1. *доимий шуғулланмоқ;*

... Хисравшоҳға тааллуқ эл ҳамиша шурб ва зиноға машғул эдилар.

2. *банд бўлмоқ;*

Ҳайдар кўкалдошким муғул черикнинг рукни аъзами эди, ировул эди, тамом оттин тушиб, шиба қўймоққа машғул бўлди.

Буюрилдиким, икки-уч ерда серкоплар ясаб, нақблар солғайлар. Қалъағирлиқ асбобиға бажид машғул бўлғайлар.

Бу бирликнинг кесим вазифасида келгандағина алоҳида келиш ҳолати кузатилади. Аммо ҳозирги кунда ҳам бу бирлик қўшма феълнинг таркибидан ташқарида эркин қўллана олмайди. Унинг феъл билан бирикиши мумкин ва унда белгини билдириб келади: *машғул бўлмоқ* тарзида.

Ғарқ [а.сувга чўк(тир) иш, бот(ир)иш] *ғарқ бўлмоқ, ғарқ қилмоқ* тарзида қўлланилиб, чўкмоқ, сув қаърига кўмилмоқ маъноларига эга.

Кўпрак черик эли Чир суйида ғарқ бўлдилар. Яна бир мартаба Ҳайдар кўкалтош била Ёр яйлоқнинг навоҳисида ғойиб бўлди.

Андоқ қалин черикка не иш қила олғай эди. Сўнғғича қовғунчи борди, ўзин дарёға солди, ғарқ бўлади.

Ҳозирги тилда бу бирлик ҳам феъл билан бирикиб келади ва шахснинг белгисини билдиришга хизмат қилади. Умуман олганда, бу каби лисоний чегараланган бирликлар ўзбек тилида анчагина бўлиб, биз бу бирликларни фақатгина «Бобурнома» асари негизида айрим кўриб чиқдик. Жонли нутқда бу сингари бирликлар, хусусан, мақол, матал ва иборалар таркибида ҳам талайгина.

Адабиётлар

1. Бобур З. М. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1989. – 368 б.
2. Ўзбек тилининг изоҳли луғати : 5 томлик. – Т. : Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. – 5 том.

© **Маҳмудова З.,** 2020

Н. Махмудова (Н. Маҳмудова),
ФарДУ адабиётшунослик йўналиши магистранти, Фарғонашаҳри (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена произведению Бабура «Мубайин»: исследованы причины его написания, а также композиция и идейное содержание произведения. В 1521 году во время своих походов в Индию Бабур создал произведение «Мубайин», посвященное исламскому праву и догмам шариата. В нем собраны сведения о социально-экономической жизни Мавераннахра и Индии XVI века. Сочинение было написано в качестве наставления для наследных принцев Хумаюна и Камрана-мирзы, в нем описан порядок совершения молитвы, отражены вопросы закята и хаджа.

Подробное изучение данного произведения стало возможным только после обретения Узбекистаном независимости. Тогда же был впервые опубликован текст с комментариями. Автор выражает уверенность, что «Мубайин» может стать ценным источником не только для литературоведов, но и для исламоведов, историков, философов, экономистов, лингвистов и педагогов.

БОБУРНИНГ ДИНИЙ – ФАЛСАФИЙ ҚАРАШЛАРИ

Заҳириддин Муҳаммад Бобур бутун жаҳон маданиятига, тарихига, илм-у фанига ўзининг бой мероси билан катта ҳисса қўшган.

1521 йил Ҳиндистонга юришлари даврида Бобур «Мубаййин» асарини яратди. Маснавий тарзида ёзилган, ислом ҳуқуқшунослиги ва шариат ақидаларига бағишланган бу асарда Мовароуннаҳр ва Ҳиндистонга оид ўша давр ижтимоий-иқтисодий ҳаёти бўйича қизиқарли маълумотлар ҳам жамланган. Валиаҳд Ҳумоюн Мирзо ва Комрон Мирзоларга дастуриламал сифатида мўлжалланган «Мубаййин»да, айни замонда намоз, закот ва ҳаж зиёрати тўғрисида ҳам шарьий мезонлар баён қилинган.

Бобур ижодида «Мубаййин» асари алоҳида катта ўрин тутади. Бу асар фақат истиқлол йиллари изоҳлар билан нашр этилди.

Бу асарни кенг кўламли ўрганиш ишлари юқорида айтиб ўтганимиздек, асосан Ўзбекистоннинг ўз мустақиллигига эришганидан сўнггина рўёбга чиқди. Бобурнинг бу асари нафақат адабиётшунослар, балки исломшунос, тарихчи, файласуф, иқтисодчи, тилшунос, педагог ва бошқа қатор соҳа олимлари учун қимматли манба бўла олади. «Мубаййин» асари ўтмишимизнинг бой маънавий мероси билан ҳур халқимизнинг баркамоллик йўлидаги саъй-ҳаракатлари, айниқса, ёш авлодни тарбиялашда катта аҳамият касб этиши шубҳасиздир. Бу асар ислом дини рукнларини баён қилишга бағишланган бўлиб, маълум вақтга қадар илмий жамоатчилик эътиборидан четда қолиб келган эди. Бу асарнинг биринчи боби иймон масалаларига бағишланган бўлиб «Эътиқодия» деб аталади. Бобур бу асарни фарзандалари Ҳумоюн Мирзо ва Комрон Мирзоларга ислом илмини чуқур эгаллашлари учун ёзиб қолдираётганини қуйидагича баён қилади:

Билгасен эй хўжаста-е фарзанд,
Жигарим бирла жонима пайванд.
Масалаларки, ул зарур эрди,
Билмасанг динингга қусур эрди.
Йетти кўнглимга-ким йиғиштурсам,
Назм тартибида сиғиштурсам,
То ани забт қилга-сен осон,
Ул масойилни билга-сен яксон.
Тонглалиқ кундаким ҳисоб ўлғай ,
Манга ажру сенга савоб ўлғай… [1, 7]

«Мубаййин» асарининг кириш қисмида ҳар бир мусулмон учун амал қилиниши зарур бўлган шартлар устида гап боради. Аввал беш фарз – иймон, салот, закот, савм, ҳаж ҳақида қисқача тўхтаб ўтилади. Сўнгра беш фарзнинг аввалгиси, иймон ҳақида тафсилоти билан баён қилинади. Бу бобда Оллоҳнинг ўзигина маъбудлиги, муқаддас китоблар-у анбиёларининг барҳақлиги, охират кунининг ва барча яхшилиг-у ёмонликлар яратувчининг иродаси билан содир бўлиши ёрқин мисралар орқали ифода этилади. Хақ субҳоноллоҳнинг субути сифатлари – ҳаёт, илм, иродат, қудрат, сам ва басар (эшитиш ва кўриш), тақдирга ишорат қилинади. Китоби «Этиқодия» да Муҳаммад (с. а. в.) Пайғамбаримизнинг фазилатлари, мерож сифатларига алоҳида ишорат қилиниб, унинг саҳобалари Абу Бакр, Умар, Усмон, Алиларнинг дин ишига зийнат берганликлари тафсилоти билан бирма-бир айтиб ўтилади. Кейин Аҳли Қибла, мазҳаб иймонлари ва бизнинг муқтадомиз Абу Ҳанифа ҳақида таъсирчан мисралар моҳирлик билан битилган. Бобур зоҳид фосиқ ва яхши-ю ёмон орқасида намоз ўқилиши жоиз эканлиги масалаларига ҳам алоҳида ўрин берган. Рисоланинг бу бобида охират куни, бандаларнинг савол-жавоби, номаи аъмоли, мезон, аросат, мавоқи, шафоат, сирот, мушрикларнинг манзили-ю мўминларнинг мақоми, дўзах, хавзи кавсар, биҳиштга ишорат қилинади. Асар «Эътиқодия» иймон шароити ва иймоннинг натижаю фойдаси ҳақидаги масалалар билан якунланади.

Асарининг кейинги бобларида намоз, закот, рўза ва ҳаж рукнлари тафсилоти баён қилинади.

«“Мубаййин” асари юқорида таъкидлаганимиздек “Ҳамд” – Аллоҳ таолога ҳамду-сано, “Наът” - Пайғамбаримизнинг таърифлари, “Китоб назмнинг сабаби” каби кириш қисмларидан ва “Эътиқодия”, “Китобус салот” (Намоз китоби), “Китобуз закот”, “Китобус сам” (Рўза китоби), “Китобул ҳаж” каби беш рукнга доир боблар ҳамда “Китоб хотимаси” бўлимидан иборат еканлигини юқорида ҳам таъкидлаб ўтдик. Бобур ҳамдда давом этиб: инсоннинг жисмида неча тук бўлса, улар сенинг ва бошқа барча инсонларнинг танида тил бўлиб, ҳаммаси Аллоҳнинг ҳамдини айтиб, уни зикр қилса, ойлару йиллар Унга ҳамду сано айтса, барчаларининг сўзи бир бўлади: ҳаммалари ўз ожизлигига иқрор бўлади, холос», дейди. Яъни, ягона ва қудратли Зотнинг наздида ҳамма ўз ажзига иқрордир. Бу таърифлар Бобур маърифатининг мумтоз намуналаридир.

Бобур Мирзо назм тили билан: «Йўлчисиз, йўлбошчисиз ким йўлда бора олар эди? Борса ҳам биринчи қадамдаёқ қолиб кетади. Лекин кимнинг ҳазрат Муҳаммад (соллаллоҳу алайҳи ва саллам) каби йўлбошчи, кузатувчи, нигоҳбони бўлса, йўлда юз хавф учраса, не парвойи бор – у зотнинг йўлида юриб, суннатига амал қилдими, бас, албатта, яхшиликка эришади», дейди.

Бу асарда ёшлар тарбияси учун ҳам жуда керакли маслаҳатлар, йўл-йўриқлар кўрсатилган.Мисол учун «Эътиқодия» бўлимида Бобур аҳли суннат вал жамоат ақидасининг муҳим қоидаларини баён этади. Жумладан, имом ёки бошлиққа бўйсуниш ҳақида бундай ёзилади:

Халқ аро кимки подшоҳдурур,
Тоатин қилмасанг гуноҳдурур [1, 22].

«Ишорат тўрт имомғаким, муқтадойи дину пешвойи ахли тайинлар» деган бобда Бобур ахли суннат вал жамоат фиққи-нинг тўрт имоми бархақ, эргашиладиган зотлар экананини таъкидлалайди:

Билки, бу тўрт имом барҳақдурур,
Ким алардин бу динга равнақдурур.
Бу имомеки, шар адосидурур,
Дин ила шар муқтадосидурур [1, 20].

Сўнг имомлар номини санаб: «Бириси Абу Ҳанифаи Нўмон (ибн Собит) дур, яна бири Шофиъийи пурдондур, яна бири (Имом) Молику яна (Имом) (Аҳмад ибн Ҳанбал), қилдилар жаҳд шаръ аро беҳад», деб уларнинг фазилатини билдиради.

Буларнинг ҳар бирининг изидан бориб, эргашган киши яхши даражалар ва нажот топишини таъкидлайди:

Тенгридин бизга латифадурур,
Муқтадомиз Абу Ҳанифадурур.
Тенгрига шукрлар дейинг яксон,
Қилди бизларга ишни ул осон [1, 22].

Бу сўзлар Соҳибқирон Амир Темурдан бошлаб барча темурийларнинг соф эътиқоди ифодаси. Айни вақтда, Бобур Мирзо шаънига айтилган баъзи туҳматларга ҳам ўзига хос раддиядир.

Бобур Мирзо «Мубаййин» хотимасида: «Эй Бобур, бу китоб таснифида агарчи ранж чеккан бўлсам-да, қўлимга шундай бир ганж-хазина кирди, ҳар қандай ганжни харж этиш билан камаяди, аммо бу маънавий ганж – бу илм хазинаси харж этган сари тобора ортиб боради», дейди:

Бобур, эмди, агарчи чекдим ранж,
Келди илгимга ушбу янглиғ ганж.
Ганж нуқсонга харждин тортар,
Харж қилғон сойи бу ганж ортар [1, 65].

Бобур Мирзо китобни якунлар экан, бу илмларга амал қилишга ўзи ва китобхон учун Аллоҳдан тавфиқ-ёрдам сўрайди. Сўнг китоб номи ҳақида сўзлаб: «Ғайрат, шижоат кўрсатиб, жидду жаҳд қилиб тамомлаган бу китобимда шариат масалаларини очиқ баён этганим учун, уни «Мубаййин» (Очиқ баён этувчи) деб номлаган бўлсам, не ажаб, дейди.

Ниҳоят, Бобур асар сўнгида айтади:

Уламодин будур менинг тилагим,
Қўлдағайлар бу иш аро билагим.
То бу иштин савоб топқайлар,
Авф зайлини манга ёпқайлар [1, 165].

Бу ифодадан улуғ шоҳ ва саркарда, қомусий аллома Бобур Мирзонинг нақадар камтарин, гўзал хулқли ориф ва ҳалимзот бўлгани ҳам англашилади.

Шунингдек, улуғ шоҳ ва шоир Бобур диний аҳкомлар ҳақидаги назмий бу рисоласини туркий, яъни ўзбек тилида яратишни ўзи учун ифтихор деб билгани ҳам шубҳасиз. Чунки Заҳириддин Муҳаммад Бобур ушбу асарини фарзандлари Ҳумоюн ва Комрон Мирзоларга дастуриламал сифатида мўлжаллаган бўлса, айни вақтда халқ ҳам ислом ҳуқуқшунослиги ва шариат ақидаларига бағишланган бу асардан баҳра олишини, иймон ва эътиқодларини мустаҳкамлашларини орзу қилган. Қолаверса, бу тарихий шарт-шароит вужудга келтирган маънавий эҳтиёжни қондириш йўлидаги катта қадам эди. Кўринадики, асарда баён этилган, бажарилиши лозим бўлган исломий амалларнинг маънавий-руҳий жиҳатлари Бобур Мирзонинг бошқа бадиий рисолаларида кузтилмайди.

Бу асар орқали Бобур фарзандлари Ҳумоюн Мирзо ва Комрон Мирзоларнинг давлат бошқарувида хатоларга йўл қўймасликлари, уларни ўз халқи олдида ҳурмат ва эътиборга сазовор бўлишлари, бу дунёда ҳам, у дунёда ҳам бахт-саодатга эришишлари учун бир қўлланма сифатида уларга мерос қилиб кетди. Бунга исбот сифатида мана бу сатрларни олишимиз мумкин:

Дин-у донишда ҳар кун афзун бўл,
Давлат-у бахт ила Ҳумоюн бўл
Комрон бўл жаҳонда, давлат кўр ,
Юз туман обрўю иззат кўр [1, 7].

Бу сатрлар орқали Бобур «**Ҳумоюн»** дея ҳам ўғлининг исмини, ҳам бу исмнинг таг маъносини яъни «шоҳона, виқорли» каби исмининг маъноларига, Ҳумоюнмирзога ишорат қиляпти. Кейинги сатрларда ҳам худди Ҳумоюн Мирзога ўхшаб «**Комрон**» дея аввал ўғлига кейин эса унинг сифатларига «Бахтли, мақсадларга етувчи» каби исмининг маъноларига ишорат қилади. Балки, Бобур ўғилларини келажакда мана шундай яхши хулқларга, мартабаларга етишишлари учун ҳам мана шундай мўътабар асарга қўл урган.

Бу асар нафақат Бобуршоҳ ўғилларига давлатни бошқаришда дастуриламал бўлди, балки неча асрлар давомида мусулмон аҳли учун ҳам тўғри йўл кўрсатадиган қўлланма сифатида ҳозиргача барча халқлар томонидан қадрланиб келинмоқда.

Бобур «Мубаййин» асарини якунлар экан, бу асарни ёзишдан мақсад шоирлик маҳоратини кўрсатиш эмас, балки ҳақ йўлида билган диний билимларини баён этиб, олам аҳлига сочишдан иборат эканлигини таъкидлайди:

Мен бу ганжимни ошкор эттим,
Борин дин аҳлиға нисор эттим.
Ушбуларким дедим бўлунг огоҳ,
Бобурдурур борча холисан лиллоҳ.

Бу демактин ғараз Ҳақ эрдию бас,
Шеъру шоирлик эрмас эрди ҳавас [1, 166].

Демак, Бобурнинг «Мубаййин» рисоласи диний аҳлоқий йўналишдаги ҳам, диний, ҳам адабий асардир. Бу асарни махсус илмий жиҳатдан ўрганиш энг аввал, Бобурнинг фалсафий ва диний-аҳлоқий қарашларини аниқлаш учун зарур бўлса, иккинчидан, бу асарнинг маънавий ҳаётимизда тутган ўрни ва унинг диний ва бадиий адабиётнинг ёрқин намунаси сифатидаги тарихий асар бўлганлиги учун ҳам қадрланади.

Адабиётлар

1. Бобур Заҳириддин Муҳаммад. Мубаййин. – Т. : А. Қодирий, 2000.
2. Валихўжаев Б. Ўзбек адабиётшунослиги тарихи. – Т., 1993.
3. Ислом динининг асослари. – Т., 1991.
4. Кароматов Ҳ. Қуръон ва ўзбек адабиёти. – Т. : Фан, 1993.
5. Комилов Н. Тасаввуф : 1 китоб. – Т., 1996.
6. Мусулмонлик асослари. – Т. : Ёзувчи, 1993.

© **Маҳмудова Н.,** 2020

Н. Махмудова (Н. Маҳмудова),
Инглиз тили ўқитувчиси, Фарғона шаҳар (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена роли Бабура в развитии узбекского литературного языка. Захириддин Мухаммад Бабур является одним из основоположников не только поэтического, но и прозаического жанра. Труд «Бабур-наме» считается произведением особой важности для узбекского языка. Характерная черта творчества Бабура – простота его языка. Бабур в своих произведениях искусно использовал такие художественные языковые приемы, как параллелизм, противопоставление, аналогия, преувеличение. При этом Бабур стремился в своих сочинениях приблизить литературный язык к разговорному.

ЎЗБЕК АДАБИЙ ТИЛИ ТАРАҚҚИЁТИДА БОБУР АСАРЛАРИНИНГ ЎРНИ

Президентимиз Ш. М. Мирзиёев айтганларидек, «Бизнинг минтақамиз, авваламбор, бугунги Ўзбекистон замини ислом илм-фани ва маданиятининг қадимий бешикларидан бири ҳисобланади».

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўзбек тили насрий жанрининг асосчилари орасида катта салобатни эгаллайди. Унинг «Бобурнома» асари катта аҳамиятга эга бўлган мемуар ҳисобланади. Бобур асарларининг ижобий томонларидан бири - тилининг соддалигидадир. У асарларини содда тилда ёзади. Бошқаларни ҳам шундай ёзишга чақиради. Бобур параллеллизм, тазод, лоф, ўхшатиш, муболаға каби бадиий тил воситаларидан қўллайди. Бобур халқ оғзаки ижодидан аскиячилик маҳоратини ўрганди. Натижада у омонима ва полисемантик сўзлардан ҳамда сўз ўйинларидан усталик билан фойдаланиб, ўзбек тилида туюқларнинг ажойиб намуналарини яратди.

Бобур бадиий проза намунаси бўлган «Бобурнома»ни Ҳиндистонда эски ўзбек тилида яратди. Бу асар ўз даврига нисбатан содда ва образли тилда ёзилган. «Бобурнома» асари жуда қимматли тарихий-бадиий асар бўлиб, унда Ўрта Осиё, Афғонистон, Ҳиндистон каби мамлакатларнинг XV аср охири, XVI аср бошларидаги аҳволи, географияси, сиёсий, иқтисодий ва маданий ҳаёти ўз аксини топди. «Бобурнома» да воқеа-ҳодисалар кунма-кун, йилма-йил тадрижий тартибда берилиб, Бобур тахтга чиққанидан умрининг охиригача (1494-1530) бўлган даврни ўз ичига олади.

У энцикдопедик асардир, яъни шоҳ асар «Бобурнома»да илмий маълумотларнинг беҳад кўплиги ва улар ҳозирги тармоқлашган фанларнинг кўплаб соҳаларига мансублигини инобатга олган ҳолда, “Вақоеъ”-«Бобурнома»ни қомусий энциклопедик асар дейиш мумкиндир

«Бобурнома» XV аср охири XVI аср бошларидаги тарихий воқеаларни тўғри акс эттириш жиҳатидангина қимматли бўлиб қолмай, у ўша даврдаги ўзбек тили аҳволини ўрганиш учун ҳам муҳим манба ҳисобланади.

«Бобурнома» асари орқали Бобурнинг халқ жонли тилининг бойликлари чуқур ўрганилиб ва эгаллаб олганлиги, адабий тилни халқ жонли тилига яқинлаштириш учун ҳаракат қилганлиги яққол кўринади. Бобур тилни бойитишга ва соддалаштиришга, барқарор қўлланилмаган кўп сўзларни ишлатишга ҳаракат қилди ва улардан ўринли фойдаланди.

«Бобурнома» асарининг мазмуни ва тилини бойитиш учун Бобур халқ мақоллари ҳамда ибораларига катта эътибор берди. У фақат ўзбек мақолларидангина эмас, балки форс-тожик тили мақолларидан ҳам фойдаланди. Булар асар тилининг ширали, оммага тушунарли бўлиши учун хизмат қилди. Масалан, *Капудагини капмаса, каригунча куйдурур. Козлерини туз тутти. Душман не демас, тушке, не кирмас. Дах кужаву дарахтан кужаву (Қишлоқ қайдаю, дарахтлар қайда). Узраш баттар аз гунах (Узр гунохдан ёмонроқ). Ан гузарра аб бурд (У кўчани сув олиб кетди). Мард баяран сур аст (Дўстлар билан бирга бўлиб ўлмоқ туйдир).*

«Бобурнома» тилининг муҳим хусусиятларидан бири ифоданинг ихчамлиги, соддалиги ва равонлигидир. Бунинг учун у сўзларни танлаб ишлатишга, оз сўз билан кўпроқ фикрни баён этишга ҳаракат қилди. Ўзбек тилининг сўз бойлигидан ижодий фойдаланди, ундаги синоним, омоним ва антоним сўзларни кенг ва ўринли ишлатди.

«Бобурнома»да фикрлар кўпроқ содда гап формасида берилади. Қўшма гаплар ҳам содда гапларга ўхшаш тузилишда бўлиб, осонлик билан таркибий компонентларга ажралади: *Ту анда еткунче, менинг билен секиз киши калиб эди.* Бобур Андижон ва унинг атрофидаги шаҳарлар ҳақида маълумот берар экан, улар ҳақида мураккаб бўлмаган, ихчам жумлалар билан фикр юритади: *«Мовароуннахр, Самарқанд ва Кеш кўрганидин сўнгра мундин улуграк кўрган ёкдур, уч давраси бор. Арки жануб тарафида ваке болуптур. Токкуз тарнав сув кирер. Бу ажабтурким, бир ердан ҳам чикмас».*

Бу парчани ҳозирги замон китобхони ҳам луғатсиз тушуна олади. «Бобурнома» тилининг турланиш категорияси ўзига хос хусусиятлари билан ажралиб туради. Бошқа ёдгорликлардаги каби унда ҳам чиқиш келишиги ***-дин,*** аффикси орқали ясалади. Қолган келишик қўшимчалари ҳозирги ўзбек тилидаги келишик қўшимчаларига ўхшаш. Масалан, *Андижон суйи Оштин келур, Ахси суйи Касандин келер*. «Бобурнома»да қаратқич билан тушум, ўрин-пайт билан жўналиш ва ўрин-пайт билан чиқиш келишиклари бир-бирининг ўрнида қўлланади: *Хожандда келиб эди. Жахандир Миразака Танбал такасига келиб эди. Ҳинд фатхида сонг.*

Абстракт эгалик маъносини ифодаловчи ***-ники*** аффикисининг вазифасини қаратқич келишигининг қўшимчаси ***–нинг*** қўшимчаси бажаради: *Ҳар вилаятким, мусаххар болса, чахар данг мирзанинг болдай, ду данг анинг. ҳу билан бирга*. Баъзан бу маънода ***-ники*** аффикси қўлланиши ҳам учрайди: *Конгулде уд эди ким, . . . шайх Баязидни Танбалдин айриб бизники болдай.*

«Бобурнома»да нисбий сифат ва абстракт отлар ясаш учун ***–лиг, - лик*** аффикси ишлатилади: *Бу аталук, огуллик Тамбалга аркаланиб бундай ҳаракатлар бунёд қилдилар.*

«Бобурнома» тилида ҳозирги ўзбек тилига хос бўлган ***–та*** билан ясалган доналик сонлар; ***-тадан*** билан ясалган улуш сонлар; ***- тача*** билан ясалган чама сонлар; ***–лаб*** билан ясалган айирув-улуш сонлар учрамайди.

Айирув-улуш сонлар асосан ***-р (-рер)*** аффикси билан, чама сонлар эса синтактик йўл билан ясалган: *Сипахи ва раияти наумед болуб бирер-иккирер каргандин ташлаб кача киришдилер. Юз чаглик.*

Учинчи шахс келишик олмоши сон ва келишиклар билан турланганда қадимги формаси намоён бўлади: *ул-анў, анинг, анга, андин.*

Ҳозирги ўзбек адабий тилидаги сўроқ олмошларидан ташқари, *не, нечук, кату* олмошлари мавжуд.

Ҳозирги ўзбек тилида равишлар «Бобурнома»да ҳам учрайди, лекин унда ҳозирги тилда бўлмаган *азру (кўп, жуда кўп) отру, рўбарў (қарама-қарши)* равишлар жуда кўп ишлатилган. «Бобурнома»да қўлланган *сўнг* кўмакчилари ҳозирги кўмакчисининг *сайи* варианти, *билен* кўмакчисининг *биле, бирле, иле* вариантлари мавжуд. *Олд* ва *ён* кўмакчилари ўрнида кўпроқ *каш* кўмакчиси ишлатилади: *Сонгралар Султон Махмудхон кашига барди.*

«Бобурнома»да ўтимли феълларнинг мажҳул даражалари формаси тушум келишигидаги отларни бошқариш хусусиятига эга. Бу форма ҳозирги ўзбек тилида учрамайди: *Урдунинг ва урду отрусини мазбуд ва мустаҳкам килди*. Ҳозирги келаси замон феъли ***-адур, -юдур*** аффикси ёрдамида ҳосил бўлади: *келедурмен, келедурсан* каби.

«Бобурнома»да эски уйғур тилига хос баъзи замон формалари мавжуд. Улардан бири ***-гу*** аффиксли замон феълидир: *келдум, келгунг, келгуси* каби. «Бобурнома»да ***-гу*** аффикисида бошқа аффиксларнинг бирикишидан ҳосил бўлувчи иш-ҳаракат оти кенг қўлланган: *баргулик,баргусиз, баргучи* каби. Буйруқ-истак майлининг 1 шахс формаси ***-алинг*** билан ясалган тури кенг тарқалган: *Хан кашига Ташкентга баралинг.* «Бобурнома»да сифатдошнинг асосан ***-ган, -ген,***

-адурган, -едурган, -р афикслари билан ҳосил бўлувчи формалари қўлланган: *борган, келган, борадирган, келадурган, барур, келур* каби. «Бобурнома»да ***–а, -е*** аффикси билан ҳосил бўлувчи равишдош формаси кесим ва составли кесимнинг компоненти вазифасида ҳам қўлланган: *Дакиканинг макдари такрибан алти фатихани бисмилла били окугунчадир.*

Навоийда бўлганидек, ҳозирги-келаси замон феъли 1 шахс бирлигининг бўлишсиз формаси ***–ман, -мен*** аффикси билан ҳам ҳосил қилинади: *Билмен озлукидан бермедими ва юкаридан ишарат бодиму*. Инфинитивининг бўлишсиз формаси ***–ма, -ме*** аффикси орқали ифодаланади: *Иш капуга келген махалда жид ва тумамни таксир килмамак керак.*

Хуллас, Бобур дунёни ҳайратга солган йирик давлат ва маданият арбоби, моҳир саркарда, донишманд тарихчи, заковатли олим ва таржимондир.

Ўзбек адабиётида «Бобурнома»нинг тарихий аҳамияти чексиздир. Унинг ўзбек адабиёти кейинги тараққиётига таъсири жуда ҳам каттадир. Тил тараққиёти давомида содир бўлган лингвистик ҳодмсаларни талқин қилишда, сўз этимологиясини ёритишда «Бобурнома»нинг ўрни беқиёсдир.

Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг асарларини тилшунослик нуқтаи назаридан ҳам тадқиқ қилиш биз филологлар олдида турган муҳим вазифалардан биридир.

Адабиётлар

1. Мирзиёев, Ш. М. Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш. Мирзиёевнинг Ижтимоий барқарорликни таъминлаш, муқаддас динимизнинг софлигини асраш-давр талаби мавзусидаги анжуманда сўзлаган нутқи. – Т., 2017.
2. Бобур, З. М. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1988.

© **Маҳмудова Н.,** 2020

В. А. Мелиева,
студентка УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ БАБУРУ ПРИШЛОСЬ ПОКИНУТЬ САМАРКАНД

Захириддин Мухаммад Бабур является великой личностью, преданным сыном своей Родины и до конца своих дней он боролся за её благополучие. Большую часть своей жизни Бабур провёл в военных походах и сражениях. Он безуспешно пытался объединить разрозненные области Мавераннахра и создать новое великое государство Тимуридов. Самими главными сражениями на пути к объединению Мавераннахра были походы на Самарканд, некогда являвшейся столицей Тимуридов.

После захвата Самарканда мужем тети Бабура, также мужем его двоюродной сестры, но одновременно его политическим противником – Шейбани-ханом – он писал: «Почти сто сорок лет столичный город Самарканд принадлежал нашему дому, неизвестно откуда взявшийся узбек, чужак и враг пришел и захватил его!» [1].

Предводители Самарканда неоднократно писали Бабуру письма с просьбами освободить их, свергнуть Шейбани-хана и занять трон. Заинтересованный в объединении династии, Бабур осенью 1500 года начинает поход на Самарканд. Население Самарканда открыло ворота войскам Бабура, которые начали наступление. Войско Шейбани-хана из 600 человек, оставленных в городе, было уничтожено. Таким образом, Бабур вторично занял престол Самарканда.

Шейбани-хан отступает к Бухаре и готовится к решающему сражению. Бабур также всю зиму готовится к войне. В апреле 1501 года вблизи селения Сарипул на берегу Зарафшана произошло кровопролитное сражение, в котором Бабур терпит поражение и отступает к Самарканду. Победив, Шейбани-хан начинает осаду Самарканда и предлагает Бабуру сдаться. Как ни тяжелы были условия сдачи, Бабур вынужден был согласиться.

Бабур был вынужден оставить Самарканд и, перенеся множество тягот, отправляется в далекие земли и скитается много лет. В 1510 году, после гибели Шейбанихана, у Бабура появляется надежда вернуть Мавераннахр, отобрав его у Шейбанидов с помощью шаха Исмаила. По этой причине он с распростертыми объятиями встречает в Кабуле послов шаха Исмаила. Послы шаха предлагают Бабуру совместно стянуть войска к Самарканду, на что Бабур отвечает согласием [2].

Осенью 1511 года, с помощью шаха Исмаила, Бабур в третий раз завоевывает Самарканд. И именно этот поход сыграл большую роль в жизни Бабура. Народ Самарканда открыл ему двери. Бабур не ожидал, что с таким почетом будет встречен на родине, которую некогда покинул униженным и бездомным. Позади Бабуровой охраны, в пышных чалмах с алыми знаками гарцуют беки кызылбашей: Ахмадбек Суфи-оглы, Шахрухбек Афшар, визирь

Мухаммаджан и другие. Со всех сторон играли карнаи и сурнаи, но когда мимо проезжают кызылбаши, то враз умолкают карнаи, сурнаи и барабаны. Ведь о жестокости кызылбашей, о том, что они насильственно обращают людей в шиитов, ходят жуткие слухи. Суннитское население с беспокойством и неприязнью смотрело на чужеземное войско – сильное, многотысячное. Беки-кызылбаши чувствуют этот холод; оказываемые Бабуру почет и уважение раздражают их. Придя на главную площадь, Бабур объявил Исмаила Сефеви верховным правителем, что горожане конечно же не одобрили. Бабур постарался пробудить чувства гостеприимства у своих соотечественников, устроив пир для населения и гостей – три дня подряд люди веселились. Но самым главным событием являлась пятничная молитва, которую ожидал каждый. Обширная беломраморная соборная мечеть гудит от голосов тысяч и тысяч людей, собравшихся здесь. Многие самаркандцы собственными ушами хотели бы услышать, как будет прочитана хутба – проповедь. Приумножаются слухи: «Мирза Бабур перешел на сторону шиитов, он отвернулся от святых халифов, признал двенадцать имамов!» В какой-то момент стражники перестали пускать кого-либо в мечеть и закрыли ворота. Наконец, через заднюю калитку в мечеть вошли шейх-уль-ислам Ходжа Халифа, Бабур, Касымбек, группа начальствующих кызылбашей. Увидев двадцать тысяч людей в четырехслойных чалмах, показывая этим свое принадлежность к суннитскому течению, Бабур встревожился, поймут ли они его игру, его притворство. Шейх-уль-ислам Ходжа Халифа прочитал перед прихожанами пятничный намаз, затем поднялся на возвышение в глубине мечети. Подошел миг начала хутбы. Посол кызылбашей, визирь Мухаммаджан раздраженно перевел взгляд с суннитских чалм на чалму Ходжи Халифы. Слоев накрутил больше четырех – видно; однако и не двенадцать – тоже видно. А сколько точно – не сосчитаешь. И чалмы Бабура и Касымбека – такие же. На протяжении всей хутбы Ходжа Халифа плотью своей ощущал впивающиеся в него взгляды тысяч людей. В один момент побоявшийся духов Халифов Ходжа Халифа начал выкрикивать имена Халифов по очереди, на что горожане успокоились, но, когда начал возвышать имена 12 имамов, все начали перешептываться. Бабур хотел как можно скорее отправить «дорогих гостей» обратно в Иран. Один раз он-таки появился на троне в той самой двенадцатислойной чалме, что прислал в дар шах Исмаил. И начеканил несколько тысяч таньга с изображением Исмаила. Эти деньги он выплатил кызылбашам.

Но недовольство народа росло. Сподвижники Шейбани-ханов разносили разные слухи, лишь бы жители Самарканда были недовольны Бабуром. Ведь вражда суннитов и шиитов все чаще приводила к кровавым столкновениям. И Убайдулла-хан этого и добивался: рассеять хаос среди сословия. Какие беды ни случались бы, жители винили во всем решение Бабура, союзника Исмаила, он натравил гнев Халифов на народ.

Убайдулла-хан, услышав, что Бабур идет из Самарканда с 30 тысячной армией, сделал маневр и свернул в пустыню. И Бабур принял ошибочное решение направить свое войско в глубь барханов. Часть войска Бабура застряла

в пустыне среди сыпучих песков, их кони двигались медленно. И он потерял часть своего войска. К нему на помощь пришел доверенный человек Исмаила Нажми Сони, но и он пал в гиждуванской битве. Бабур отступил. Он через Байсун прошел в гиссарский Каратаг и остановился на ночь. Юрта, в которой спала Ханзода-бегим с сыном и служанкой, находилась рядом с Бабуровой. На них напали, чтобы спастись, Хонзода-бегим бежала со своим сыном, но по дороге ее сына Хуррамшаха пристрелили. Бабур очень сильно горевал из-за смерти племянника [4].

Неудачный исход последних войн, потеря войск, недовольство народа, а особенно горе от утраты племянника, и подавленный в результате столкновения с жизненными обстоятельствами, Бабур был вынужден покинуть Самарканд.

Бабур не знал, что его ожидает в новом месте, но это не было преградой на пути к завоеванию Индии и установления там господства. Ставший одним из богатейших падишахов того времени, он все равно скучал по родной земле – Мавераннахру. Его страдание по родной земле было заметно во многих его мемуарах.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек [3].

Литература

1. Бабур, Захир ад-Дин. Бабур-наме. – [б. м.], 1957. – с. 101.
2. Борьба Бабура с Шейбаниханом [Электронный ресурс]. – URL: http://testhistory.ru/history.php?id=his_2_12 (дата обращения – 20.02.2020).
3. Захириддин Мухаммад Бабур: ценитель духовности и гуманизма // Народное слово. – 2014.
4. Кадыров Пиримкул. Бабур: Звездные ночи : роман. – Т. : Шарк, 2012. – 544 с.

© **Мелиева В. А.**, 2020

Б. Мирзарахимов (B. Mirzarahimov),
Farg'ona davlat universiteti, Falsafa kafedrasi o'qituvchisi,
Farg'ona (O'zbekiston)

Аннотация: Статья посвящена внешнеполитической деятельности Захириддина Мухаммада Бабура и Бабуридов, которая характеризовалась развитием взаимовыгодных связей с соседними государствами и была направлена на политическое и экономическое усиление империи. Автор статьи отмечает религиозную терпимость Бабура и описывает его взгляд на проблему религиозного многообразия в государстве.

BOBUR VA BOBURIYLAR TASHQI SIYOSATIGA OID AYRIM MULOHAZALAR

Boburiylar jahon siyosatida o'chmas iz qoldiribgina qolmay, ular olib borgan tashqi siyosat, iqtisod, o'z davrida Boburiy shahzodalar mohir siyosatchi bo'lganidan darak beradi. Xalqaro maydonda Boburiylar davlatining alohida harakatlanishiga undaydigan va har bir harakat natijasi uning yuksalishiga muhim omil bo'lib hizmat qilgan.

Boburiylar siyosati dunyoning qator olimlari va tarixchilari tamonidan uzoq vaqtlar davomida o'rganib kelingan. Sulolaga mansub hukumdorlar haqida so'z borar ekan, ular Turkistonni o'zlarining «xaqiqiy» ona yurtlari va temuriylardan meros qolgan hudud deb qarashlari ularni ikki asr ya`ni Hindistonda musulmonlar hukumronlik qilgan, eng diqqatga sazovor davrda davlatni boshqargan birinchi olti boburiy, ularni ko'pchiligi Turkistonni ko'rmagan bo'lsada, "ona" yurti deb bilib mustahkam aloqalarni o'rnatib kelganliklarini ko'ramiz.

Boburiylar Hindistonda o'z hukmronliklarini mustahkamlab olganlaridan so'ng, tashqi dunyo hukmdorlari ularni temuriylar honadoni davomchilari sifatida tan olishni lozim topdilar. Xususan, Eron shohi shoh Abbos Jahongirga yo'llagan hatida «ushbu nomani Ko'ragon taxtida o'tirgan zotga va Temur tojining merosxo'riga yo'llayman» deb yozgan edi.

Bobur hind yurishi arafasida mahalliy hindparast aholining ruhiyati va kayfiyatini o'rgangan amerikalik muarrih Persival Speyir, juda muhtasar ravishda jamiyatda hukim surgan siyosiy ahvol haqida bayon etgan. Uni ta`kidlashicha «Induizimda intelektual va sotsial faollik mavjud bo'lishiga qaramay u har ikki jihatdan ham o'ziga nisbatan ters g'oyalari, kuch qudrati va tajribasiga ega islomga moslashganligi uchun, hindlar o'sha kezlari biror bir katta harakatlar olib borishga tayyor emas edi».

Shu yerda yana bir tarixchi Ibn Battutaning esdaliklarida qayd etilgan iboralarga nazar tashlaydigan bo'lsak "Barqarorlikda yashash uchun hindlarni zo'rlab islomga o'tkazish kutilgan natijalarni bermaganligi va shundan so'ng talay mahalliy hukumdorlar ularga bag'ri kenglik bilan munosabatda bo'lganligini ta`kidlab o'tgan".

Bobur Hindistonda o'z mavqeyini tiklash borasida katta to'siqlarga to'g'ri kelganini ko'rishimiz mumkun. Ammo uni olib borgan siyosati, mahalliy aholidan

davlat ishlarida jalb etilishga tushganliklari, Bobur tashqi va ichki siyosatining asosiy yo'nalishlaridan biri bo'lgan. Bobur o'z tashqi siyosatini belgilashda har tamonlama munosabatlarni inobatga olgan holda olib bordi. U davlatni mustahkamlab olgunga qadar qo'shni davlatlar bilan o'zaro siyosiy diplomatik munosabatlarni rivojlantirishi uni tashqi siyosatni to'g'ri belgilagani, davlatda ichki siyosatiga monand ravishda olib borgani g'arb olimlari tamonidan yuksak boholangan. Bobur davlat tepasiga kelgandan boshlab toki ketgunga qadar olib borgan siyosati shu bilan diqqatga sazovorki, Bobur barpo etgan markazlashgan davlatning eng hayotbahsh harakterli hususiyati, ya`ni diniy murosalik ruhiyati, kelgusida uning salkam uch asrlik tarixga ega bo'lgan «Buyuk mo'g'ullar» atalmish mahalliy-hind sulolasi maqomini bahsh etdi.

Bobur haqida biri ikkinchisini takrorlamaydigan, inkor etuvchi tahlillarga duch kelamiz. Boburiylar tashqi siyosatini tadqiq etishning nazariy asoslarini S. Len-Pul, Denison Ross, K. A. Antonova, U. Erskin, X. Lamb va S. Azimjonova kabi tadqiqodchilarning ilmiy-tadqiqiy xulosalari so'zsiz e`tiborga sazovordir.

Boburning davlat arbobi bilimdon siyosatchilarga xos hususiyatlari Shimoliy Hindiston sharoitida eng nozik hindlarga nisbatan diniy muholifatda bo'lishdan voz kechish kabi masalalarga nisbatan to'g'ri yondashishi hal qiluvchi rol o'ynaydi.

Bobur vafotidan so'ng bir muddat siyosiy tarqoqlik yuzaga kelgan bo'lsada, Akbarshoh bobosi kabi 13 yoshida Bayramxon ko'magida davlat tepasiga kelgan bo'lsada, u huddi Boburshoh singari iqtidorli siyosatchi bo'lib shakllandi. U markazlashgan davlatga asos sola oldi va Hindiston yarim orolini birlashtirdi, barqaror siyosiy mustaqil davlatga asos soldi.

Amerikalik tarixchi olim Richard Fol'ts o'z kitobida boburiylar siyosatiga shunday tarif beradi «O'sha davrda musulmon dunyosi ko'p jihatdan bir dunyo edi». Bu yerda u islom madaniyatining birlashtiruvchi kuch ekanini ta`kidlaydi. O'sha davr Hindistoni madaniyati uchun yot bo'lgan islom madaniyatining yoyilishida Bobur va boburiylar sulolasi vakillarining o'rnini alohida e`tirof etish o'rinlidir.

Hindistonlik tarixchi olim Ramech Chandra Varma o'zining «Akbar and Abdulla Khan» ("Akbar va Abdullahon") asarida Turkiston bilan Hindiston o'rtasidagi munosabatlarni Akbarshoh davrida rivojlanish cho'qqisiga chiqqanini, Abdullahon elchisi Oltamish Akbar huzuriga kelganini va shu elchi orqali Akbarshoh Abdullahon bilan do'stlik munosabatini o'rnatishga rozi ekanini bildiradi.

Davlat arbobi Javoharlal Neru Akbarshohga quyidagicha ta`rif berdi «Nihol ekilgandan so'ng uni mevasini sifatiga qarab baholansa, yagona Hindiston haqidagi ko'hna orzuni qayta tiklagan Akbarshoh davri, huddi o'sha Bobur davlat arbobi sifatida hind sarzaminiga o'tkazgan niholning mevasi emasmidi?»

Nizomiddinovning «Hindistonda islom: tarix, ijtimoiy-siyosiy hayot va hind-musulmon madaniyati» nomli asarida Javaxarlal Neruning Akbarshohga bergan yana bir ta`rifida «Akbarshoh boburiylar tarixida birinchi marta tili, dini e`tiqodi, urf-odati va shuningdek, iqtisodiy, ijtimoiy, siyosiy, madaniy jihatdan turli taraqqiyot bosqichlaridagi halqlar, elatlar va qabilalardan iborat halqlardan tashkil topgan misli ko'rilmagan qudratli davlatga ega bo'ldi» va «Buyuk mo'g'ullar" davlati faqat Akbar davriga kelib Hindistonda hind saltanati qiyofasida qaror topdi».

Albatta, Boburiylar tashqi siyosatini o'rganishda Javoharlal Neruning manbalariga tayanib, Bobur singari Akbarshoh ham Hindiston tashqi siyosatini puxta ko'zlangan strategiya asosida olib borganini ko'rishimiz mumkun. Akbarshoh bu qadar harbiy, siyosiy, iqtisodiy kuchga hamda geografik kengliklarga ega saltanat asoschisi bo'lish bilan birga, tashqi siyosatga o'z faoliyati davomida o'ziga yaqin qo'shni davlatlar bilan siyosiy munosabatlarida maktubot omiliga ham katta siyosiy-diplomatik ahamiyat bergan. Ana shunday hujjatlar sirasidan sanalgan va saqlangan «Akbarshoh G'oziyning Turon mamlakati sipohdori Abdullaxon O'zbekka hitobnomasi»da Akbarshoh kuchli siyosatchi va mohir diplomat bo'lganidan darak baradi. Shu bilan birga u tashqi siyosatni olib borishda mamlakat ichki siyosat barqarorligini ta`minlashga qaratilgani, o'sha davrdayoq boshqa davlatlar ichki ishlariga aralashmasligi, diniy nizolarga siyosiy tus bermasdan o'z aqli va zakovati bilan hal etishi uni kuchli diplomat bo'ganidan darak beradi.

G'arb olimlari ta`kidlashicha Akbarshoh saltanatining kelgusi taraqqiyoti uchun zarur bo'lgan hind hamjamiyati ikki e`tiqod, yani hind-musulmon birligiga, ularni faqat o'zaro ruhan yaqinlashtirish orqali erishish mumkunligi Akbarshoh oldindan bilgan va kuchli diplomat ekanligi bois, shu bilan birga bu ishda bhaktizm, so'fizm va sikhiyzm g'oyalardan habardor bo'lganligi va uni fikri erkin bo'lganligi bois muammolarga barham bergani, Akbarshoh ichki siyosat kabi tashqi siyosatni yo'lga qo'ya olgan dunyo shohlari orasida buyuk hurmatga sazovor deb bilishgan.

Shunisi haqiqatki, Akbarshoh yoshi ulg'ayishi bilan an`anaviy musulmon dunyoqarashlarga nisbatan munosabatida o'zgarishlar sezila boshladi. Bu esa uni avvalo diniy e`tiqod qarashlarga bo'lgan o'ziga xos qarashlari, hususiyatlari ustivorligidan edi. Akbarshohning o'zga diniy ta`limot va madaniyatga bo'lgan jonli qiziqishi ulamolarda norozilik kayfiyatini kuchaytirsada, hukumdorni shahsiyatida o'z fikr-mulohazalaridek qat`iylik shunchalik ifoda topa bordi. Bundan shuni bilish mumkunki, Akbarshoh davlat ichki-tashqi siyosatini belgilashda o'zining bilimlariga tayangan va vaziyatni to'g'ri baholab qaror qabul qila olgan mohir diplomat bo'lgan.

Tashqi siyotasatni amalga oshiruvchi diplomatiyada boburiylar juda ham ehtiyotkorlik bilan tashqi siyosat olib borganlar. Boburiylar elchilarni tanlashda boshqalarni hayratga soladigan kuchli, salohiyatli diniy, dunyoviy bilim etuk bo'lgan shahslarni tanlaganlar. Richard Fol'ts bu holatni shunday ta`riflaydi. "Shuni ta`kidlash lozimki, islom dunyosida qabul qilingan an`anaga bog'liq elchilik lavozimiga ko'pincha din arboblari tayinlangan. Bu borada yana shuni nazarda tutish kerakki, ayrim hollarda yomon habar olib kelgan elchilarni qatl qilinmasliklari uchun shunday qilingan". Demak, Bobur va uning avlodlari Hindistonda bo'lishidan qat`iy nazar, ular islom dini va uning amallarini mukammal bilishgan. Shu sababli ham ular elchilarni din arboblaridan tanlaganlar, chunki boburiylarning asosiy diplomatiyasi Sharq davlatlari bilan, ya`ni Turkiston, Afg'oniston, Eron kabi islom davlatlari bilan olib borgan. Davlatlarga din arboblarining elchi sifatida yuborilishi ular o'rtasidagi munosabatlarning yanada kuchliroq rivojlanishiga zamin yaratgan. Demak, musulmon birodarligi, islom omili ularni har doim birlashtirib turgan. Ular o'zlarining elchilar orqali jo'natgan maktublarida Islom dinining muqaddas kitobi Quroni Karimdan

keltirilgan Sura oyatlari bilan o'zlarini munosabatlarini bildirgan. Shu sababdan ham Richard Folts bunga katta ahamiyat bergandir.

Boburiylar tashqi siyosatida madaniy diplomatiya ham muhim ahamiyat kasb etgan. Akbarshoh yuborayotgan elchilarga borgan mamlakatlarida qanday madaniy yodgorliklar, yoki yangiliklar bo'lsa, ularni ko'rib yoki ulardan nusxa olib qaytishni buyuradi. Shu sababdan boburiylar saltanatiga borgan Sharq olim va ulamolarining noyob kitoblari hali hanuz yevropalik, amerikalik va boshqa yurt tadqiqotchilari tomonidan o'rganilmoqda. Masalan, elchi Hakim Humom Akbarshoh uchun sulton Husayn tomonidan yozilgan kabutarlar haqidagi kitobdan ikki nusxadan olib qaytdi.

Turkiston va Hindistondagi boburiylar imperiyasi o'rtasidagi siyosiy diplomatiyani tahlil etar ekanmiz, bu aloqalar ko'proq ikki tomonning safaviylar sulolasi hukumronlik qilgan Eronga qarshi kurashda ittifoq tuzish rejasini amalga oshirishni ko'zlab olib borganini tahmin qilish mumkin. Bu borada uchchala tomon ham muayyan manfaatlarni ko'zlab, ya`ni o'z chegaralariga yaqin hududlarni, xususan Xuroson va hozirgi Afg'oniston yerlari ustidan nazorat o'rnatish uchun kurash olib borganligini ko'rishimiz mumkin.

Hindiston boburiylar davrida iqtisodiy, siyosiy, barqarorlik hukm surganini amerikalik olim Richard Fol'tsninig quyidagi fikrlaridan bilish mumkin. Ko'plab nufuzga ega bo'lgan turkistonliklar Hindistonga kelib, boburiylar hizmatiga o'tdi. Ularga saroyda katta amallar va yerlar tortiq qilindi.

Xulosa qilib shuni aytish mumkinki, Boburiylar olib borgan tashqi siyosat dunyo sharqshunos va tarixchi olimlari tamonidan o'rganildi. Yuqorida qayd etganimdek, boburiylar tashqi siyosatining ko'p jihatlari tadqiq etilgan va ular olib borgan tashqi siyosat o'zining ayrim hususiyatlari bilan taqsinga loyiqdir. Boburiylar tashqi va ichki siyosatida islom omili muhim ahamiyat kasb etadi. Ular islom diniga va musulmonlarga o'zgacha hurmat bilan qaraganlar. Islom diniga bo'lgan kuchli so'nmas e`tiqodi sababli ular Eronga qulay fursat tug'ilganda ham yurish qilmadilar, bu esa ularni naqadar kuchli e`tiqodidan, mohir diplomatligidan dalolat beradi.

Adabiyotlar

1. Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великих Моголов / пер. с французского Б. Жуховецкого и М. Томара. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1936. – Б. 89.
2. Бобур ва Бобурийларнинг жаҳон маданияти тарихида тутган ўрни / Халқаро илмий анжуман материаллари. – Т. : ЎзРФА, 2008. – Б. 35.
3. Низомиддинов И. Ғ. Ҳиндистонда ислом: тарих, ижтимоий-сиёсий ҳаёт ва ҳинд-мусулмон маданияти. – Т. : ЎзРФА, 2008. – Б. 101-112.
4. Семёнов А. А. К вопросу о культурно-политических связях Бухары и Великомогольской Индии : материалы 2-го совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М. : АН СССР, 1959. – С. 153.
5. Синха Н. К., Банержи А.Ч. История Индии. – М., 1954. – С. 242.
6. Ўзбек дипломатияси тарихидан / Жаҳон Иқтисодиёти ва дипломатия университети. – Т., 2003. – Б. 112.

7. Ўзбекистон дипломатияси тарихидан, тарихий очерклар ва лавҳалар. – Т. : ЖИДУ, 2003. – Б. 105.
8. Foltz, Richard C.. Mughal India and Central Asia. – Oxford, 1998. – P. 23.
9. Ramesh Chandra Varma. Akbar and Abdulla Khan // Islamic Culture. – Vol. XXI, № 2. – Hyderabad, 1947. – P. 330.

© **Mirzarahimov B.,** 2020

С. Э. Михайлов,
студент ИСАА МГУ, г. Москва

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА БАБУРА В ИНДИИ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Захириддин Мухаммад Бабур (Андижан, 1483 г. – Агра, 1530 г.) являлся основателем мусульманской династии Великих Моголов и падишахом империи с 1526 по 1530 гг. В тот период религия играла огромную роль в жизни как отдельного человека, так и общества в целом, являясь как объединяющим началом, так и предметом, вокруг которого постоянно возникали конфликты. Особые трения возникали, когда религиозные постулаты завоевателей в корне расходились с таковыми покоренных. К бремени масс добавлялся еще и религиозный гнет, что являлось серьёзным фактором дестабилизации внутреннего положения империи, распылению ресурсов правящей верхушки и, в конечном счете, ослаблению и гибели государства. Для установления прочного владычества своей династии на новопокоренных землях, населенных преимущественно политеистами, Бабур старался придерживаться политики равного отношения государства к людям вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Следует отметить, что в Мавераннахре и Хорасане официальной идеологией, которой придерживались правители династии Тимуридов, был ислам суннитского толка [2], с XII в. на территории Центральной Азии доминирующим становится ханафитский мазхаб [4, 102], наиболее терпимо относящийся к местным традициям и правовым обычаям. Именно благодаря деятельности позиции этой школы шариата мусульманские правители вынуждены были, к примеру, признать статус «людей Писания» за буддистами, индусами и джаинистами, что сообщало им ряд юридических прав и согласно шариату [4, 103]. Не удивительно, что улемы именно ханафитского мазхаба имели в дальнейшем наибольшее влияние на работу государственного аппарата в основанной Бабуром империи, что открывало широкие перспективы компромиссу между системами шариата и местного права.

Однако к началу XV в. суфийские идеи, отодвинувшие философские идеи перипатетиков на задний план, становятся определяющими в духовной жизни общества. Суфии на первый план выдвигали человеческую личность с ее нравственными поисками. Хотя шариат ни в коем случае не отрицался членами братств, закон не обладал значительной ценностью для суфия, ищущего, в первую очередь, духовного возвышения [3, 112], что также ослабляло строгость и обязательность его неукоснительного соблюдения в целом. Наиболее влиятельным как в духовном, так и в практическом плане становится суфийский тарикат Накшбандийя [2], к которому принадлежали выдающиеся поэты и мыслители Джами, Навои и др. Суфии считали, что истинно верующий должен путем воспитания, приобщения к духовным ценностям исцелиться, отказаться от дурных, порочных поступков, идеалом становится человек, стремящийся к

самосовершенствованию через любовь к Богу, что само по себе контрастировало с внутренне оправдываемой ненавистью к «неверным». Члены братства Накшбандия утверждали, что только установлением мира и спокойствия может быть достигнуто процветание, благосостояние в стране, и долг правителя состоит в поддержании стабильности как у границ, так и внутри них, что, безусловно, повлияло на политическое мировоззрение Бабура.

Иным обстоятельством, оказавшим влияние на формирование этических координат основателя Захириддина являлась литературное наследие Насир ад-Дина Туси (1201–1273), в частности, «Насирова этика» и ряд иных произведений этического характера. Помимо традиционно важного места, которое в тексте книги занимают изречения из Корана и отрывки хадисов, особое внимание уделяется также тому, что можно назвать общечеловеческими ценностями. По Туси, целью политической организации общества является обеспечение кооперации и социальной справедливости. Шариат продолжает оставаться стержнем системы правосудия, но автор подчеркивает пластичность толкования его норм. К человеку должно относиться по сумме его нравственных качеств, и поскольку Бог относится с равным состраданием и к правоверным, и к «кафирам» в равной степени, само это разделение перестает играть какую-либо роль [3, 115].

Стоит также обратить внимание на поэзию как проводника гуманистических идей. После смерти Тамерлана в 1405 году эти традиции широкого покровительства писателям и поэтам были в значительной степени продолжены его потомками, а столицы государств стали центрами искусства и образования – в такой атмосфере росла элита мусульманских стран [5]. Интерес к человеческой индивидуальности, к ее внутреннему миру становится под влиянием суфизма характерной чертой литературы и искусства XV–XVI вв. [2] Именно акцент на внутреннее состояние человека, некоторая второстепенность шариата и вообще формальной религиозности, ощущение множественности путей мистического познания Бога толкает поэтов на эксперименты синкретического характера. К примеру, уже в XVI в. Абд аль-Вахед Билграми (1510–1608) стремился согласовать символы Вишну и символику индуистских песнопений с исламом [3, 117]. Таким образом, поэзия играла двоякую роль: она взращивала в представителях исламских правящих кругов терпимость к людям иных вероисповеданий с одной стороны, а с другой – создавала интеллектуальную площадку для консолидации мусульманских и местных правящих кругов, способствуя большей стабильности правления династии Великих Моголов. С именем Бабура также связано начало процесса серьезного культурного влияния Персии на Индийский субконтинент, что было поддержано его потомками [6].

Обратим внимание на ситуацию в Индии до прихода Моголов. Мусульманские правители осознавали несоответствие требований ислама и администрирования. В мусульманском понимании разделения на мирское и религиозное, в том числе в отношении юриспруденции, не проводилось. Однако шариат не представлял из себя адекватного инструмента для решений всех

правовых коллизий, имевших место быть в Индии середины прошлого тысячелетия. Индии, а иджтихад – рациональная интерпретация норм исламского права – уже перестал быть инструментом правотворчества. Сложилась ситуация, при которой формально было признано верховенство религиозного закона, но фактически течение повседневной жизни определялось в этом отношении на местах, что неизбежно вело к практике толерантности при одновременном формальном господстве улама в юридических вопросах [3, 119]. Отмечается, что мусульманское правление в Индии от силы может быть охарактеризовано как теоцентрическое, но не теократическое: в попытках насильственным образом укрепить положение шариата правитель опирался лишь на узкую прослойку мусульман, противостоя при этом субконтиненту самоуправляющихся населённых пунктов, что очевидным образом вело к падению династии [4, 120]. В своей политике Бабур также руководствовался этим опытом «практической толерантности».

Перейдем непосредственно к личности Бабура. Один из современников Бабура Воиз Кошифи утверждал, что Бабур исповедовал шиизм, поскольку Бабур, стремясь сохранить власть Тимуридов в Мавераннахре и не встретив поддержки со стороны Тимуридского клана в борьбе против Шейбани-хана, обратился за помощью к Исмаилу I. Но после того, как кызылбаши учинили расправу над мирным населением, Бабур был вынужден покинуть родину. Персидский мыслитель и другой современник падишаха Ибн Рузбехан также утверждал об принадлежности Бабура к шиитскому течению ислама. Он с особым рвением относился к ханафизму и шафиизму, рассматривая шиитов как отступников и доказывая обязательность джихада против сефевидских шиитов Ирана. Он также порицал распространение этой "ереси" к северу от р. Амударьи Бабуром и его союз с Сефевидами, целью которого было взятие городов Самарканда и Бухары. Радикализм взглядов и ненависть по отношению к создателю империи, разумеется, не могла способствовать в дальнейшем популярности пуританских воззрений среди могольской элиты [3, 112]. Под распространением «ереси» подразумевается соглашение с Исмаилом Хатаи касательно свободного распространения шиизма на указанных территориях [9].

Хотя Бабур не высказывает в своих «Записках» прямо и открыто, принадлежал ли он к суфийскому ордену и был ли у него наставник – муршид, но то, с каким почтением и любовью он отзывается о Ходжа Ахраре – духовном лидере Накшбандия – дает понять, что он в своей деятельности испытывал на себе сильное влияние суфизма. Есть основание предполагать, что и в религиозной практике Бабур, скорее всего, принадлежал к этому тарикату. На эти выводы наводит и лестная характеристика, которую дал ему Алишер Навои. Кроме того, особое пристрастие было у Бабура к поэтическим произведениям суфийского толка: Саади, Хафиза, Хамадани, Шабистари.

С другой стороны, индийский историк XX в. Ишвари Прасад утверждает, что Бабур был ортодоксальным суннитом в своих религиозных взглядах, хотя при этом отмечает, что его культура спасла его от фанатизма Махмуда Газни или безжалостного завоевателя Тамерлана, его великого предка [8]. Бабур также

положительно отзывается и о тех деятелях, которые принадлежали к суннитскому направлению. Так, например, о жителях Самарканда он пишет, что все они были «суннитами, людьми чистой веры». И далее замечает: со времени святейшего посланника [Мухаммеда] ни из какой страны не вышло столько имамов ислама, сколько их вышло из Мавераннахра. Здесь также может играть определённую роль родство Бабура с Чингисханом по материнской линии, что он старался каждый раз подчеркивать в целях упрочения своего авторитета и легитимации своего правления как Чингизида, «белой кости». Будучи «моголом», на него могло оказывать влияние законотворческое наследие своего пращура: свод законов Монгольской империи – Великая Яса – постановлял относиться равно ко всем религиям своих поданных [7].

Взгляды на пределы личной религиозности Бабура среди ученых в большинстве своем сходятся. Утверждается, что он был глубоко верующим, религиозным человеком, которому был чужд личный фанатизм [2 ; 9], а действия, направленные против представителей индуизма, были вызваны внешними обстоятельствами [8]. Известно также, что в юные годы он начал принимать алкоголь и вещества седативного характера, что говорит о нем как о человеке «открытом» для того, что не дозволено исламом [6].

Вместе с тем нельзя отрицать, что Бабур был человеком своей эпохи, и ему особенно важен вопрос о вероисповедании того или иного государственного деятеля, что как минимум было связано с вопросом лояльности. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что все симпатии Бабура были на стороне тех людей, которые придерживались суннизма, а также к секте ханифитского толка и к суфизму. Все эти направления и течения в исламе, по мнению Бабура, являются истинными, а люди, принадлежащие к этим направлениям, являются людьми «чистой веры», истинными мусульманами [2]. Таким образом, широта воззрений Бабура на то, что можно считать «истинным» в религиозном отношении, также говорит о его душевной и интеллектуальной предрасположенности к идеям конфессиональной терпимости.

Говоря о конкретных шагах политики межконфессионального мира, необходимо упомянуть посещение Бабуром индуистского храма в Гвалиоре. Также он ввел политику супружеских союзов с раджпутами, женив двух своих сыновей, Камрана и Хумаюна, на дочерях ранее побежденного военачальника Медини Рай. Было разрешено строительство религиозных зданий всем религиозным группам. Стоит также сказать о том, чего он не сделал: отсутствовали сколько-нибудь значительные попытки насильственного массового обращения покоренного населения в ислам, гонения на клерикальную прослойку, масштабного уничтожения религиозной символики и инфраструктуры, превращения местных храмов в мечети, навязывание исламских правовых и нравственных норм и пр.

Последним актом, запечатлевшим приверженность политике и идеалам толерантности, стало «Завещание» Бабура. Здесь падишах указывает своему сыну и наследнику Хумаюну о необходимости обращать внимание на положение, безопасность, здоровье, заработок, условия труда различных слоев,

прослоек и групп общества, не жалеть для них помощи, в политике и в государственных делах сохранять отношения справедливости, человечности, толерантности и терпения, обращая внимание на различные этнические, родоплеменные, внутренние религиозно-конфессиональные отношения внутри страны [1].

Несмотря на это, Бабур запомнился и своими отходами от политики толерантности, хотя, замечается, в силу политических [8] и военных [9] реалий момента. Среди них: объявление войны против Рана Санга джихадом и принятие титула гази – почетного титула мусульман, воевавших против «кафиров», – после своей победы при Ханве в 1527 г; Бабур снова вел «джихад» против Медини Рай; конфликт в Айодхъе, связанный с постройкой мечети на месте храма рождения Рамы, который длится по сей день (личная причастность к этому Бабура – вопрос дискуссионный); облегчение финансового положения мусульманских торговцев отменой ряда повинностей при оставлении таковых для индусов без изменений [9]; на всех немусульман была наложена джизья. Исходя из всего этого, можно заключить, что, хотя Бабур и демонстрировал и свою приверженность политике религиозного компромисса, имплементация этой политики не была до конца целостной или проработанной, она нарушалась как в большинстве своем в военное, так и в мирное время. Говоря об этом, нельзя не упомянуть и краткость правления Бабура в Индии – всего около 4-х лет, что для воплощения в жизнь длительной стратегии срок весьма малый.

Таким образом, причинами, сподвигнувшими Бабура воплощать идеи межконфессионального мира в своей новосозданной империи являлись обстоятельства как практического характера: подавляющее численное превосходство «кафиров» над мусульманами, неприспособленность шариата и чужеродность его норм местным индийским традициям и т. д. – так и те, что оказали влияние на его становление как личность и правителя: богатая интеллектуальная атмосфера Центральной Азии, влияние мистических и нравственных исканий суфизма и персидской литературы, пересечение суннизма и шиизма, юридическое наследие ханафитского мазхаба, что сделало из него человека религиозной терпимости – как в отношении окружающих и подданных, так и себя.

Сегодня же религия вновь занимает всё более важное место. Религиозный фактор оказывает влияние на развитие многих социальных процессов в области межнациональных и межконфессиональных отношений, способствует формированию нравственных ценностей в сознании общества. Углубленное изучение наследия основателя династии Великих Моголов, в основе длительного могущества которой лежал принцип толерантного отношения к человеку иной конфессиональной принадлежности, может принести пользу как теоретического, так и практического характера Индии, Центральной Азии и нашей стране, где вопрос поддержания межрелигиозного мира весьма актуален.

Литература

1. Гафуров Б. А., Холназарова Д. М. Отражение социальной и религиозной политики Бабура в его завещании // Наука и образование сегодня. – М., 2017.
2. Гулямова Г.С. Роль ислама В XV–XVI вв. в Мавераннахре и Хорасане // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 1.
3. Alam, Muzaffar. State Building under the Mughals: Religion, Culture and Politics // L'héritage timouride : Iran – Asie centrale – Inde, XVe-XVIIIe siècles. – 1997.
4. Gier, Nicholas F. From Mongols to Mughals: religious violence in India 9th-18th centuries. – Spokane, 2006.
5. Ikram, S. M. Muslim Civilization in India. – New York, 1964.

Электронные ресурсы

6. Babur // Britannica. – URL: https://www.britannica.com/biography/Babur.
7. Babur-name. – URL: http://baburname.narod.ru/religion.htm
8. Introduction to religion and culture in Mughal India, Krishna State Open. – URL: http://www.kkhsou.in/main/history/religion_mughal.html
9. Religious Policy of the Mughal Emperors: Indian History. – URL: http://www.historydiscussion.net/history-of-india/mughal-emperors/religious-policy-of-the-mughal-emperors-indian-history/6620

© **Михайлов С. Э.**, 2020

К. Т. Муллаходжаева,
к. ф. н., доц. ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

ЛИЧНОСТЬ БАБУРА СКВОЗЬ ЛИРИКУ И «БАБУР-НАМЕ»

Во все времена, когда говорят о феномене Бабура, подразумевается его роль как правителя и поэта. Главное предназначение его судьбы: правление и поэзия. Судьба, запутанная двумя трудно совместимыми видами деятельности, могла завести на трудный путь: политика правления, горестные муки творчества... И эти представления, сражения Бабура за овладение территорией, применение где-то жесткой политики, все это, кажется, похоже на арену большой борьбы, происходящей между реальностью и душой:

Меня судьба, увы, измучила вконец.
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только дарила:
И горе, и позор, и царственный венец [1, 137].

«Бабур-наме» и печальные рубаи Бабура, как правителя, испытавшего страдания, и как поэта, пережившего их в душе, не дают возможности мыслить иначе. Эти представления о Бабуре остаются неизменными в таких произведениях, как «Бабур – тигр», «Принц из Ферганы», «Дервиш в короне», которые любимы англо- и немецкоязычными читателями мира, а также в романе «Бабур», широко известном среди узбекских книголюбов. Так как все они написаны на основе «Бабур-наме». А «Бабур-наме» – это огромный и уникальный ресурс. Все данные, информация, описание, толкование и интерпретации, содержащиеся в нем, находят свое ценное значение во все времена.

Чтение «Бабур-наме» означает знакомство с Бабуром. Желание узнать Бабура еще лучше, переживать вместе с ним его душевные радости и страдания, побуждают нас прочитать его стихотворения. В своих стихах он пишет:

Что за судьба выпала мне? Каждый находит счастья звезду,
Неба тетрадь я излистал – этой звезды найти я не мог. [1, 16]

Да, сколько бы ни искал поэт свою звезду счастья на небесах, перелистывая страницы жизни, так и не нашел ее. Если невозможно найти желаемое в предначертаниях судьбы, то для человека, видевшего хорошее и плохое, замечания и обвинения других людей не являются ли одинаковыми? Поэт, который пережил так много страданий, очень рано осознал так называемую «ценность» высказываний других людей:

Что мне хула, что мне хвала, что мне Бабуру, мненье людей?
Цену познав злу и добру, в мире земном я так одинок [1, 16].

Для того, чтобы познакомиться с личностью Бабура и понять ее, следует прочитать «Бабур-наме». Читатель сопровождает Бабура в его схватках и сражениях, в его борьбе за выживание, в его великих деяниях по основанию великого государства. Земли, страны, завоеванные иногда боем, иногда перемирием... Открытия, сделанные после потерь.

Это произведение, названное самим автором «Вакойе» («История событий»), является выражением души Бабура. В нем показан весь талант Бабура-правителя и Бабура-поэта.

В определенной части произведения Бабур, предстает в образе требовательного и искусного полководца. Со своим малочисленным войском ему удалось за полдня уничтожить многочисленную армию Султана Ибрагима, и об этом автор «Бабур-наме» пишет следующее: «*...Войскам, назначенным для обхода, был дан приказ зайти врагам в тыл, справа и слева, пускать стрелы и завязать бой; правый и левый край тоже должны были двинуться и вступить в соприкосновение с врагом. Обходные отряды зашли врагам в тыл и начали пускать стрелы. Махди Ходжа на левом краю завязал бой раньше всех. Против Махди Ходжи двинулся отряд [во главе] с одним слоном.*

Люди Махди Ходжи выпустили много стрел и заставили этот отряд отступить. На помощь левому краю были посланы из центра Ахмади парваначи, Тарди бек, [сын] Куч бека и Мухибб Али, [сын] Халифы.

На правом краю тоже начался бой; Мухаммади Кукельташ, Шах Мансур Барлас, Юнус Али и Абд Аллах получили приказ построиться перед центром и начать сражение. Устад Али Кули несколько раз метко выстрелил из пушки, стоявшей перед центром. Мустафа Топчи тоже здорово выпалил два раза из орудия, установленного на повозке на левом краю центра.

Правый отряд, левый отряд, центральный отряд и бойцы, зашедшие в тыл противника, окружили врагов со всех сторон, засыпали их градом стрел и начали биться не на шутку [2, 374-375].

Страницы «Бабур-наме» содержат много таких подробностей о проведенных войнах. Но такое описание событий не дает возможности оценить «Бабур-наме» именно как произведение только о сражениях. И поэтому крупные ученые, политики, которые сравнивали Бабура с Юлием Цезарем, подчеркивали, что он был обаятельным человеком и обладал добрым сердцем, и считали, что «Бабур-наме» выше «Комментариев» Цезаря. Потому что произведение Бабура – это сочинение великой личности, обладающей огромным сердцем.

Бабур, чья жизнь в основном прошла в мытарствах и странствиях, научился всегда контролировать себя. Он давал себе отчет за каждое свое действие, при совершении какого-то недостойного поступка искал его причину, и в большинстве случаев находил эту причину в себе самом, и старался исправить свою ошибку. Безусловно, восторг молодости, дух свободы, кипучие желания сердца часто захватывали его. Вспоминая это, автор «Бабур-наме» пишет следующее:

«Раньше я все, что мне только ни приходило в голову: хорошее, дурное, веселое и забавное, иногда в виде шутки – выражал в стихах, и все стихи, даже скверные, грубые, записывал. В дни, когда я сочинял «Мубайин», в мой слабый ум пришла такая мысль, и в скорбное сердце запала такая [дума]:

Жаль, что с языка сходят столь [благородные] речения,

а мысли тратят на скверные слова;

Печально, что в сердце, где возникают [возвышенные] помыслы,

Проходят столь грубые образы.

С той поры я бросил и закаялся сочинять шуточные и насмешливые стихи, но в то время, когда я сказал вышеупомянутый стих, ничего подобного не приходило мне в голову и такая мысль совершенно не возникала в сердце.

День или два спустя, когда мы стояли в Бикраме, я простудился и стал лихорадить. Простуда вызвала кашель; при каждом покашливании я плевал кровью. Я понял, откуда это предупреждение и от каких дел произошло это расстройство. «Кто преступил клятву, тот сделал это во вред самому себе, а кто выполнил обет, данный Аллаху, тому дарует он награду великую".

Что делать мне с тобой, о язык мой,
Из-за тебя в груди у меня – кровь.
Все, что ни говоришь ты в шутку –
Либо непристойность, либо ложь.
Если скажешь: «Не хочу я гореть за этот грех», –
То уведи коня с этой площади.
Владыка наш, нанесли мы сами себе обиду, и если
Не простишь ты нас и не пожалеешь,
будем мы в числе понесших убыток.

И я снова начал просить [у бога] прощения и извинения и, дав сердцу отдых от таких суетных мыслей и столь неподобающих дел, сломал свой калам" [2, 356-357].

В «Бабур-наме» есть много таких интерпретаций и убеждений-суеверий. В особенности изображение автором событий, связанных с Ходжа Ахрором, заставляет думать об уникальном даровании Бабура. Он часто грезил о Ходжа Ахроре. Признав Ходжа Ахрора как своего незримого духовного наставника, Бабур в своих сновидениях получал от него поддержку. Он вспоминает одно событие, произошедшее с ним в годы странствий. Это событие произошло в то время, когда он столкнулся лицом к лицу со смертью, был в руках врага и признал, что у него не было другого выбора:

«Я почувствовал в себе слабость, поднялся и пошел в уголок сада. Я подумал про себя и сказал: "Пусть человек проживет сто или даже тысячу лет, в конце-концов все-таки нужно умереть". Проживешь ты сто лет или один день, все равно придется уйти из этих чертогов, радующих сердце.

Я обрек себя на смерть. В этом саду протекал ручей. Я совершил омовение, прочитал молитву в два раката, потом опустил голову для немой молитвы и стал молиться. Тут сон смежил мне глаза, и увидел я, что Ходжа Якуб, сын Ходжи Яхьи и внук досточтимого Ходжи Убайд Аллаха, приехал и встал напротив меня на пегом коне, с большой толпой всадников на пегих конях. Он сказал: "Не горюйте! Ходжа Ахрор послал меня к вам». Он сказал: «Мы просили у Аллаха для него помощи и возвели его на престол царствования. Если ему где-нибудь выпадет трудное дело, пусть [мысленно] приведет нас пред свой взор и помянет нас, и мы явимся туда". Теперь, в этот час, победа и одоление на вашей стороне. Поднимите же голову, пробудитесь!» [2, 176-177].

И в этот раз Бабур выживает. В действительности, каждый раз, когда он оказывался в беде, сталкивался со смертью и был на грани поражения, его духовность и его твердая вера были основой с трудом достигнутого успеха. Одновременно с этим Бабур был жизнелюбивым человеком. Где бы он ни был, он с любовью описывает природу этого места. Он влюбляется в прекрасные пейзажи. Снежные бури зимы, теплые тона весны, грустные листопады осени – это самые впечатляющие страницы «Бабур-наме». Они отражены и в стихах поэта:

Время весны, близость подруг, дружеский круг бесед;

*Муки любви, спор о стихах, за чарой с вином рассве*т [1, 43] – начинает одну из своих газелей поэт.

Порой, благодаря весне, кажется, он рассказывает историю написания своих стихотворений, например:

«Весной степь Чаш-Тепа и склоны Гул-и Бахара очень красивы. Зелень на них много лучше, чем в других местах Кабульской области, и там цветут всевозможные тюльпаны. Однажды я приказал пересчитать все виды тюльпанов; их оказалось тридцать четыре вида. Во хвалу этих мест я сказал такой стих:

Весною Кабул с его зеленью и цветами — [сущий] рай.

Особенно хороши в это время весны Барана и Гул-и Бахар.

Во время этой прогулки я закончил газель, [начинающуюся] таким стихом:

Мое сердце, словно бутон розы, покрыто слоями крови.

Даже если будет, сто тысяч раз весна, он не раскроется» [2, 287].

Бабур сильно любил природу, любил смотреть на прекрасные природные пейзажи, и не уставал писать о природе.

Весна воодушевляет всех. Но в «Бабур-наме» описание времени листопада притягивает к себе читателя. В частности, не стихотворения поэта, пронизанные символами и особенностями осени, но содержащиеся в некоторых частях «Бабур-наме» описания прогулок Бабура во время листопада, созерцание им осени, опавших листьев вызывают щемящее чувство у читателя.

«В понедельник я съездил в Исталиф посмотреть урожай... В час послеполуденной молитвы мы прибыли в Бехзади... Осень была так хороша, что мы сели под пожелтевшими деревьями и принялись пить вино. Вплоть до молитвы перед сном на этом самом месте шла пирушка.

...Рано утром мы вышли с этой стоянки. Я поехал прогуляться вверх по долине Барик-Аба, что возле Курук-Сая. Несколько тополей пожелтели и были очень красивы...

Утром мы поели, сели на коней и поехали в сад Баг-и Падшахи, что ниже Истаргача. Одна молодая яблоня пожелтела и была очень красива. На каждой ее ветви еще оставалось по пять, по шесть листиков в ряд; если бы художники и очень старались, они не могли бы этого нарисовать.

Я без тебя весь пожелтел, словно осенний листок поблёк.

Щеки твои – алый тюльпан, строен и тонок стан-стебелёк» [2, 346-347]

В событиях, описанных в «Бабур-наме», заключена большая душа. Эта душа порой пылала в напряжении событий, порой умолкала в тиши одиночества, иногда терзалась ностальгией по Родине, иногда желала забыть все радости и наслаждения жизни. Бабур – это большое явление: это правитель, живший в гуще событий, но в душе он был поэт. Душа Бабура в большинстве склонна к одиночеству, но так как он хорошо знает, что правление и одиночество несовместимы, часто вспоминает об этом и борется сам с собой. В письме своему сыну Хумоюну он дает следующие наставления по этому вопросу:

«В своих письмах ты постоянно говоришь об одиночестве. Одиночество для государя зазорно. Ведь сказано:

Если ты связан [с миром] – избери примирение с судьбой,

Если же ты независим – живи, как хочешь.

Нет оков крепче, чем цепи царского сана,

Одиночество несовместимо со званием государя.

... Если хочешь мне угодить, перестань сидеть в одиночестве и брось чуждаться общества людей» [2, 479].

Сам Бабур скрывал в душе мысли об одиночестве, страдания, он отобразил их в своих стихах, но жил он с большим удовольствием и наслаждением, куда бы он ни поехал, старался быть созидателем.

Как подчеркивал Бабур: «*Если человек обладает долей разума, зачем совершает он такие поступки, о которых после будут говорить дурно. Если у человека есть хоть след ума, почему не ревнует он о таком деле, за совершение которого его будут одобрять? Добрую память назвали мудрецы второй жизнью»* [2, 267].

Оказывай людям добро – нет завиднее памяти,

Коль скажут: "Мир много узнал от него хорошего!" [1, 120].

Такие мнения в особенности ярче проявляются в его деятельности после завоевания Индии.

Отправившись в Индию, Бабур и его спутники пережили трудные времена. Жаркая погода, пыль и ветер были тяжелым испытанием для беков, служащих, солдат и слуг, которые покинули Мавераннахр и Хорасан – территории с приятным климатом. Некоторые были готовы повернуть обратно. Увидев такую нерешительность людей, Бабур созвал всех беков и провел совет, где он сказал эти значимые слова:

«Сколько лет мы прилагали старания и терпели тяготы, ходили в далекие страны и водили войска, подвергая себя и людей опасностям боев и войны. По милости божьей, мы разбили столь многочисленных врагов и захватили столь обширные земли. Какая же сила и какая необходимость заставляют нас теперь без причины бросить владения, завоеванные после стольких трудов, и снова вернуться в Кабул, чтобы подвергнуть себя испытаниям бедности и слабости? Пусть же всякий, кто хочет нам добра, впредь не говорил таких слов, а тот, кто не может больше проявить, если хочет уходить – пусть уходит и не отказывается от этого» [2, 412].

Эта политика призвала многих быть бдительными.

Но в Индии не было проточной воды, и это было недостатком. Бабур-шах думал о том, чтобы вести оседлую жизнь, следует построить водяные мельницы, провести воду, планомерно создать сады. Для того чтобы выполнить этот план, через несколько дней после прибытия в Агру он переходит реку Джуун и осматривает места для создания сада. Эти места были настолько убогими и заброшенными, что он отказывается от этой мысли и, перейдя реку, возвращается недовольный. Его мысли о создании загородной усадьбы постепенно забывались, но поблизости Агры не было другого пустующего места, и через несколько дней из-за безнадежности здесь начинаются работы.

«Сначала вырыли большой колодец, из которого берут [теперь] воду для бани, – пишет Бабур, *– потом стали работать в том месте, где растут деревья амбли и находится восьмиугольный водоем. После этого устроили большой водоем и двор, затем прорыли водоем перед каменными постройками и воздвигли талар. После этого разбили садик вокруг моих личных покоев и построили самое комнаты; затем построили баню. Таким образом, в этом неприглядном и неблагоустроенном Хиндустане появились прекрасные сады, разбитые по хорошему плану. В каждом углу были устроены приятные лужайки, на каждой лужайке росли красивые розы и шиповники, расположенные в совершенном порядке»* [2, 418].

Бабур благоустроил Индию, он старался жить в этой стране так, как он хотел. Но его душа стремилась в любимый прекрасный Кабул, и каждое мгновение он помнил о Самарканде – своей Отчизне. И поэтому в письме Хумоюну он раскрывает свои сокровенные мысли: «*Если, по милости божией, области Балха и Хисара удастся завоевать, то пусть твой человек останется в Хисаре, а в Балхе пусть будет человек Камрана. Если же, по милости божией, Самарканд также будет завоеван, то в Самарканде сиди ты сам, а область Хисара, я, с волей Аллаха, сделаю государевой землей».*

«… Будучи в Кабуле, я достиг стольких побед и завоеваний, что счел Кабул счастливым и сделал его моим личным владением. Пусть никто из вас не зарится на Кабул...» [2, 481-482].

Через некоторое время после кончины Бабура его внук Акбар перевез могилу Бабура в Кабул. Как сказал неизвестный писарь, переписавший «Бабур-наме», трудно говорить и закончить описание хороших деяний талантливого правителя.

Стихотворения Бабура, «Бабур-наме» вдохновляют, воодушевляют, учат человека пробуждаться, заглядывать вглубь своего сердца, различать добро и зло. Учат нас не тратить напрасно жизнь, данную нам Богом, а ценить жизнь и, следовательно, любить и ценить других.

Вероятно, звезда счастья, которую сам Бабур не смог найти, перелистывая страницы Вселенной, представлена в его произведениях.

Литература

1. Захириддин Мухаммад Бабур. Избранные сочинения. – Т., 1959.
2. Захириддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме: записки Бабура / пер М. Салье. – Т., 1993.
3. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Ғарибинг андижонийдур (Сайланма шеърлар). – Т., 2008.
4. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. – Т., 2002.

© **К. Т. Муллаходжаева**, 2020

А. К. Муминова,
к. ф. н., доцентУзГУМЯ , г. Ташкент (Узбекистан)

Аннотация: Статья посвящена социолингвистическим особенностям терминов должностей и званий, которые встречаются в «Бабур-наме».

Автор статьи отмечает, что в мировой лингвистике была проведена масштабная работа по изучению влияния языка на общество и общества на язык. В узбекском языкознании наряду с теоретическими исследованиями большое внимание уделяется изучению коммуникативных качеств и возможностей языка. Исследование речевых явлений в узбекском языке с социально-лингвистической точки зрения, т. е. в связи с личностью говорящего и слушателя весьма актуально.

«БОБУРНОМА»ДА ҚЎЛЛАНГАН МАНСАБ ВА УНВОН НОМЛАРИНИНГ СОЦИОЛИНГВИСТИК ХУСУСИЯТЛАРИ

Социолингвистика кейинги йилларда тилшуносликнинг йўналиши сифатида эмас, балки мустақил илмий фан сифатида шаклланди ва ривож топмоқда. Жаҳон тилшунослигида тилнинг жамиятга, жамиятнинг тилга таъсири масаласи юзасидан бир қатор ишлар амалга оширилган. Ўзбек тилшунослигида ҳам назарий тадқиқотлар билан бир қаторда, тилимизнинг коммуникатив сифатини, имкониятларини ўрганиш ишига ҳам катта эътибор бериб келинмоқда. Мана шундай ҳам назарий, ҳам амалий муаммолардан бири – социолингвистика масалаларини тадқиқ этишдир. Ўзбек тилидаги лисоний ҳодисаларнинг нутқий воқеланишини ижтимоий-лисоний нуқтаи назардан, яъни сўзловчи ва тингловчи шахси билан боғлиқ равишда тадқиқ қилиш бу борадаги муаммолар ечимига дахлдорлиги билан характерланади. Хусусан, миллий маънавият ва шахснинг маданий савияси ҳамда этник характерини яққол намоён қилувчи асарлар тилини социолингвистик нуқтаи назардан ўрганиш бугунги кунда – миллий маънавият муаммоси глобал аҳамият касб этган шароитда – ўта долзарб. Улар диққат-марказида «лисон-нутқ» масаласини турли даража ва кўринишда намоён қилувчи «тил ва жамият», «тил ва маданият», «тил ва шахс», «миллий тил ва миллий тафаккур» каби субстанциал асосларда ҳал қилинувчи нутқий муаммолар туради. Тарихий асар лексикасини мурожаат қилувчи ва уни қабул қилувчи шахс муносабати, нутқ шароити ва нутқ вазияти нуқтаи назардан ўрганиш долзарб масалалардан ҳисобланади. Тил маданий реалияни ифодалайди ва маданий ўзликни намоён этади. Тарихий асар лексикасидаги мурожаат шакллари ҳозирги мулоқот маданиятимиздаги шакл ва ифодалардан кескин фарқ қилади, чунки улар муайян тарихий давр, ижтимоий ҳаёт ва муҳит маҳсулидир. XV–XVI асрларда ҳам жамият олий табақа вакиллари, маъмурий-бошқарув тизими вакиллари ва дин вакиллари каби табақаларга бўлинган. Албатта, ушбу табақадаги кишиларга давлат томонидан белгиланган мансаб ва унвонлари билан мурожаат қилишган. Мурожаат шакли халқнинг ўзлигини англаши қай даражада эканлигини кўрсатувчи мезонлардан биридир. «Мурожаат бирликлари

кундалик ҳаётимизда нутқ фаолияти, нутқ жараёнида кенг қўлланиладиган, ўзаро алоқа-аралашувга хизмат қиладиган, сўзловчининг тингловчига бўлган муносабатини ифодалайдиган, ўзида турлича коннотатив маъноларни, семантик "оҳангларни" ташийдиган ўткир таъсирчан воситадир». Мурожаатдаги бундай ранг-баранглик мурожаат бирликларининг бир неча турга бўлинишига олиб келади. Рус тилшуноси В. И. Карасик уларни 2 га ажратади: стандарт ва ностандарт (аниқ ва ноаниқ). Мурожаат бирликларининг асосий тури – аниқ мурожаат бирликлари ҳисобланади, буларга мансаб ва унвонлар, қариндошлик терминлари, 2-шахс кишилик олмошлари, атоқли отлар, эмоционал-экспрессив мурожаат бирликлари киради. Буларнинг ичида энг муҳими ижтимоий мавқени кўрсатувчи мансаб ва унвон номлари каби мурожаат бирликлари саналади. Адресант ва адресатнинг бир-бирига мурожаатида, асосан, касби, мансаби ва жамиятда тутган ўрни муҳим роль ўйнайди. Тарихий асар лексикасида учрайдиган мурожаат шакллари кишиларнинг жамиятда тутган мавқеига қараб таҳлил қилинадиган бўлса, ҳозирги нутқий одатимизга хос бўлмаган, фарқли жиҳатлар кўзга ташланади. Бу тарихий давр ва шароит билан боғлиқ ҳолда намоён бўлади. Ҳар бир коммуникант ўзининг муомала маданияти билан фарқланиб туради. Мурожаат шаклларини қўллаш ҳам адресантнинг дунёқараши, маданияти ва савиясига боғлиқ ҳолда амалга оширилади. Бизнинг тадқиқот объектимиз қилиб танланган Бобурнинг «Бобурнома» асари ҳамда П. Қодировнинг «Юлдузли тунлар» ва «Ҳумоюн ва Акбар» каби тарихий романларнинг бош қаҳрамонлари ҳукмдорлар бўлганлиги боис асарда мурожаат шаклларида подшоҳларга кўрсатиладиган иззат-икром ўз аксини топган: *Умаршайх мирзо баланд ҳиммatлиқ ва улуғ доиялиқ подшоҳ эрди, Темурбек улуғ Умаршайх мирзоға Фарғона вилоятини бергандур*.

Шунда Қутлуғ Нигор хоним гап қўшди:

– Бобур мирзонинг саҳвлари узрлик. Чунки бу ҳужрада нақши лола ҳам худди гулхандек ёниб кўринур!

Умумий сукунатда Хонзода бегимнинг нафис, тиниқ овози эшитилди:

– Амирзодам, сиз Навоийнинг достонларини ёд билурсиз. Фарҳод қандай ажиб бинолар қурганини бир эсланг. Мен бир мунглик эгачингиз доим орзу қилурмен: сиз ҳам Фарҳоддек бунёдкор бўлингиз! Дунёда бундан улуғ, бундан савобли иш йўқ!

Есон Давлат бегим томоқ қириб қийналиб гапирди:

– Амирзодам, адолат сиз томонда.

Ойиша бегим озғин қўлини унинг елкасига қўйиб кўришар экан:

– Ҳазратим, ғалабангиз муборак! – деди.

Бобур ўнғайсизланиб бош чайқади: Менинг шаҳзодага ибрат бўлгудек ҳолим йўқ. Ҳумоюн отасининг маъюс юзига тааҗжуб билан тикилди.– Нечун, ҳазратим! Аткам менга барча жангларингизни айтиб бердилар. Рустаму Суҳроблар ҳам, Гўрўғлию Алпомишлар ҳам сизчалик кўп жанг кўрган бўлмасалар керак!

– Жанг ҳисоб эмас, амирзодам, жангнинг натижаси ҳисоб, – деди Бобур ўзининг мағлубиятларини эслаб.

Келтирилган мисолларнинг барчасида ифодаланган мулоқот жараёни яқин қариндошлар орасида бўлиб ўтган бўлиб, уларнинг барчасида мурожаат бир хил ижтимоий мақомга эга бўлган киши (подшоҳ)га қаратилган. Бобур мирзонинг онаси ва опаси, бувиси ва ўғлининг уларга мурожаат этишларида оддий кишиларга қилинадиган мурожаат жараёнидагига нисбатан такаллуф ва тавозенинг кучлилиги сезилиб турибди. Яъни уларнинг барчаси мурожаат қилишда *амирзодам, мирзом*, *ҳазратим* сўзларини қўллайдилар. *Амирзода*, *мирзо* сўзлари давлатнинг олий ҳукмдори, амир фарзанди унвонини ифодалаган. *Мирзо амирзода* сўзининг қисқарган шакли, *ҳазрат* сўзи «Аллоҳ, пайғамбар каби муқаддас зотларни улуғлаш учун уларнинг исми олдидан қўлланиладиган» лексемадир. Бу сўз подшоҳ, хон, бек каби олий даражали мансабдорларни улуғлаш учун «*жаноби олийлари*» маъносида ишлатилиши мумкин. Шу билан бирга, айни лексема фан, санъатда шуҳрат қозонган буюк кишиларни улуғлаш учун ва умуман ҳурматни ифодалаш учун тахаллус ва номларга қўшилиб келиши мумкин. Масалан: *Навоий ҳазратлари, ҳазрати Жомий*. Қуйида келтириладиган мисол шундан далолат беради: *Навоийнинг шогирди Хондамир ва унинг энг яқин надимларидан Соҳиб Доро кутиб турар эдилар. Ҳасса таянган кекса Соҳиб Доро Бобур билан кўришаётиб: – Амирзодам, – деди. – Ҳазрат Мирнинг вафотларидан бери Унсия руҳсиз танадек эди. Сиз келганингиздан сўнг бу танада янги жон, янги руҳ пайдо бўлди*! «Бобурнома»да Бобур Алишер Навоийни *Алишербек*, *Мир Алишер* каби *бек, мир* унвонни англатувчи лексемалар билан қайд этган.

Мурожаатнинг бу тахлит амалга ошишига таъсир этган омил эса мулоқот иштирокчисининг ижтимоий мавқеи эканлиги маълум. Айни шу омил мулоқот иштирокчиларининг ёшидан қатъи назар ана шундай мурожаат шаклларининг танланишига сабаб бўлади. Масалан, *Мазидбек сопига садаф қадалган ёй ўқини нишондан авайлаб суғуриб олди-да, қанчалик чуқур ботганини бармоғи билан ўлчаб кўрди: – Билагингизда куч кўп, амирзодам! Шерпанжасиз. Подшоҳ ҳазратлари сизни Бобур деб атаганлари бежиз эмас. Бобур арабча шер демакдир*! Ушбу келтирилган мисолда Бобурнинг бек аткаси ўзидан анча ёш кичик бўлган Бобурга мурожаат қилиш жараёнида ўз нутқида *«амирзодам»* сўзини ишлатади. Бобур ёш жиҳатдан оталиғи, яъни тарбиячисидан анча кичик бўлса ҳам, жамиятдаги мақоми жиҳатидан ундан устун, яъни у юртнинг бўлажак подшоҳи. Юқоридаги матн орқали биз мурожаатнинг хосланганлик даражасини кузатамиз. Бобур ўзининг «Бобурнома» асарида шундай дейди: «*Ушбу тарихқача Темурбекнинг авлодларини бовужуди салтанат* ***мирзо*** *дерлар эди, ушбу навбат буюрдумким, мени* ***подшоҳ*** *дегайлар»*. Бизнингча, бу даврга келиб ***амир, мирзо*** унвони ҳукмдор маъносида эмас, кўпинча маъмурий-бошқарув тизимидаги амалдорларга нисбатан қўлланила бошлагани боис, Бобур мирзо Қобулни эгаллагандан сўнг ўзини подшоҳ деб эълон қилган. Қуйидаги келтириладиган мисолда амир лексемаси мансаб маъносида қўлланилган: *Бобур эса Зуннунбекка таажжуб билан тикилиб деди: Кароматингиз илоҳо тўғри келсин,* ***жаноб амир***.

Маълумки, ҳар қандай мулоқотда сўзловчи ва тингловчи зурурий компонентлар сифатида, албатта, иштирок этади. Тарихий асар лексикасидаги мурожаат шакллари, асосан, подшоҳ ва унинг оиласидагиларга, уларнинг бир-бирига қилган мурожаатларидан иборат бўлганлиги сабабли мурожаат шаклларида айнан юқори табақа вакилларига хос сўзлар мурожаат бирликлари сифатида ишлатилади. Лекин «Бобурнома» асарида ҳам *Қутлуқ Нигорхоним, хоним* каби расмий бирликлардан ташқари *онам* каби яқинликни ифодаловчи тил бирликларидан фойдаланган ўз ифодасини топганлигини қуйидаги мисоллар далолатлайди: *Бори ўғлонларидин улуқ мен Заҳириддин Муҳаммад Бобур эдим;* ***менинг онам*** *Қутлуқ Нигорхоним эди.* Бобур опасига *Хонзодабегим, бегим* деб мурожаат қилган бўлса, айрилиқ ва қийинчиликлардан кейин кўришганда, *опам, ўз опам* деб яқинликни ифодаловчи бирликларни «Бобурнома»да қайд қилганлигини қуйидаги мисолда кўришимиз мумкин: *Мен ва Муҳаммадий кўкалдош иков келдук, бегим ... танимадилар. Менинг улуғ онамни ва ўз опамни ... кўчлари била Хўжандқа менинг қошимға йибордилар.* Тарихий романда ҳам асар қаҳрамонларининг мулоқот вазиятига қараб мурожаат шакллари ўзгариб туради, яъни подшоҳ оиласидагилар бир-бирларига исмини айтиб ёки қариндошлик терминлари орқали ҳам мурожаат қилиши жуда гўзал тасвирланган: *Қутлуғ Нигор хоним энди ўн беш ёшга кирган ўғлининг бу талашлар ва адоватларга аралашмасдан, ўз мулкида осойишта ҳукм суришини истарди. У Бобурнинг аламдан ўзгариб кетган юзига оналарча қайишиб қарадию, унга жони дилини бергиси келиб гапирди:* ***Бобуржон****, сўзимга ишонинг, бу беш кунлик дунё сизнинг куюнишингизга арзимайдир! Онаси ўғлини подшоҳ бўлмасидан олдинги номи билан атаб, меҳри товланиб гапиргани Бобурга жуда ёқимли туюлди. Бир лаҳза у ўзини меҳрибон бир онанинг беғам, беташвиш бўталоқ ўғлидек сезди-ю, елкасидаги катта юк ерга тушгандек енгил тортди.*

Бобур «Бобурнома» асарида яқинлик маъноларини ифодалашда *хон бобом, хон додам* каби унвон билан бирга қариндошликни англатувчи лексемаларни ҳам қўллайди. Бобур ўзига мурожаат қилиш жараёнида доимий ишлатиладиган *мирзом*, *шоҳим*, *ҳазратим* сўзларини танишу бегона, ҳатто, оила аъзоларидан ҳам эшитавериб баъзида зада бўлган. Ёзувчи худди шундай бир ҳолатни ажойиб тарзда тасвирлайди: *– Ҳумоюн, мен сендан ҳам «ота» деган сўзни ҳали эшитганим йўқ. «Ота» деган жўнгина сўзга ўрганмаган Ҳумоюн: Падари бузруквор! — деб кўрди.* Демак, Ҳумоюннинг нутқи шу қадар хосланганки, унга «ота» сўзи жўнгина сўз ҳисобланади, шунинг учун падари бузруквор луғавий бирлигини қўллайди.

Асар қаҳрамонларининг мулоқот вазиятига қараб мурожаат шаклларининг ўзгариши нафақат подшоҳ оиласига, балки сарой аъёнларига нисбатан ҳам турлича мурожаат қилинган. Масалан: *Ҳозир ҳам Қутлуғ Нигор хоним:*

– ***Жаноби амирул умаро****, – деди унга. – Сиз бошқа бекларнинг ризолигини олишда Бобур мирзога кўмак берурмисиз? – Яхши билурмен, хон ҳазратлари. Аммо Жўжихоннинг ўғли Ботухон Чиғатой улусини Олтин Ўрдага бўйсундирмоқчи бўлиб, сизнинг боболарингизга кўп жабру ситамлар ўтказган! Қанча-қанча чиғатойларни Ботухон бегуноҳ ясоққа етказган! – Лекин*

Шайбонийхон – Ботухон авлодидан эмас, Шайбон улусидандир, шуни унутманг, ***жаноб вазир!***

Кишиларнинг мавқеига қараб мурожаат қилиш асарда фақат подшоҳ ва унинг оила аъзоларигагина эмас, балки асардаги бошқа юқори мавқедаги кишиларга нисбатан ҳам қўлланилади.

Ғулнинг сўл қўли Халифа ва Хожа Мирмирон ва Аҳмадий ***парвоначи*** *ва Турди****бек*** *ва Қўчбек ва Муҳиб Али халифа ва* ***Мирзобек тархон*** *эди; (Шайхимбек) Машҳурдурким, бир қатла бу байтни* ***Мавлоно*** *Абдураҳмон Жомий хизматида ўқубтур. Мавлоно айтибтурким: «****Мирзо****, шеър айтасиз ё одам қўрқутасиз?»* Тарихий асарда ҳам юксак мартабали кишиларга нисбатан мурожаат шакллари қўлланилган бўлиб, Бобур шоир Жомийни улуғлаб *мавлоно* лексемасини ишлатган. М*авлоно* сўзи луғатда қуйидагича изоҳланади: «жаноб», ҳукмдор; ҳомий (мурожаатда: эй ҳукмдоримиз) Мусулмон шарқида: олим ва фозил кишиларни, устозларни, юксак мартабали амалдорларни улуғлаб, уларнинг номларига қўшиб ишлатиладиган фахрий сўз.

Кишиларнинг муомала маданиятида мурожаат шакллари муҳим ўрин эгаллар экан, унда коммуникантларнинг мавқеи ҳам акс этади. Масалан: *Қўл қовуштириб тикка турган мулла Фазлиддин доруғага яқинроқ келди: – Менинг бошқа гумоним бор,* ***жаноб доруға****, – деди.*

Юқорида келтирилган мисолда мурожаат шакли мўғул тилидан ўзлашган *доруға* луғавий бирлиги билан ифодаланган бўлиб, «шаҳарни қўриқловчи, шаҳарда тартиб сақловчи маъмур, шаҳар бошлиғи» деган маънони ифодалайди:

Буни энди билган мулла Фазлиддин хиёл саросима бўлди. Лекин ўзини дадил тутишга тиришиб, отлиқ келаётган Ёқуббекнинг қаршисидан чиқди: ***Жаноб эшик оға,*** *ижозат беринг, камина Бобур мирзо ҳузурларига кирай!*

Келтирилган мисолда «эшик оға», яъни эшик сардори, эшик бошлиғи, ҳукмдорлар саройидаги амалдорлардан бири бўлиб, мурожаат бирлиги вазифасини бажарган. Нутқ жараёни мураккаб жараён бўлиб, вазиятга қараб ўзгаради. Коммуникантнинг ички ва ташқи таъсир бирликларининг ўзгаришига қараб мурожаат бирликлари ҳам ўзгариб бораверади. Жумладан, мавқенинг ўзгариши мурожаат бирлигининг ҳам ўзгаришига сабаб бўлганига қуйидаги мисол далолат беради: *Ҳазрат Низомиддин тахтга чиқиб ўлтиргач, Ҳумоюн олтин ва кумуш уюмлари олдига келди-да, шу ердан туриб янги подшога таъзим қилди: –* ***Ҳазратим****, биз сафарда эканимизда содиқ одамларимиз йиғиб тайёрлаб қўйган мана шу бир йиллик давлат даромадларини сизга топширишга ижозат бергайсиз.* Келтирилган мисолда коммуникант ижтимоий мавқеининг ўзгариши унга нисбатан мурожаат бирлигининг ҳам ўзгаришини талаб қилган. Асардан маълумки, Низом оддий бир эшкакчи бўлиб, юқоридаги нутқ вазиятида унинг мавқеи подшолик билан боғланган ва унга нисбатан қўлланиладиган мурожаат шаклларининг ўзгаришини ҳам тақозо қилган.

Ижтимоий статус ва роллардаги фарқлар, албатта, мулоқот бирликларининг социопрагматик хусусиятларида «из» қолдиради. Ҳар бир ҳудуднинг ўзига хос шеваси бўлганидай ҳар бир коммуникантнинг ўзига хос нутқи мавжуд. Бу социолингвистикада социолект термини билан ифодаланади.

Мурожаат асосида ижтимоий муносабатлар акс этар экан, албатта, унда коммуникантларнинг тоифавий хусусиятлари мулоқотда ўз аксини топади. Ҳукмдорлар нутқи оддий омма нутқидан, зиёлилар нутқи оми одамлар нутқидан фарқланиб туради. Шундай экан, бунда адресант ва адресатнинг қайси табақа вакили эканлигига қараб уларнинг нутқидаги мурожаат шаклларини таҳлил қилиш мумкин. Нутқ бирликларини табақа жиҳатидан таҳлил қилганда бир-бирига тенг даражадаги коммуникантлар орасидаги муносабат ва тенг бўлмаган коммуникантлар муносабати тарзида ажратиш мумкин. Бу Ш. Искандарованинг тадқиқотида симметрик ва ассимметрик муносабат деб қайд этилади. Бунда, симметрик муомалада коммуникантларнинг иккиси ҳам бир хил ўрин тутса, ассимметрик муомалада эса коммуникантларнинг бири бошқарувчи бўлади. Тарихий дискурсда подшонинг подшога ва подшонинг мулозимларига, оддий халққа бўлган муомала жараёнида катта фарқ мавжуд ёки аксинча, оддий халқнинг подшога ва бир-бирига бўлган муомаласи ўртасида фарқли ҳолатлар кўзга ташланади. Масалан: *Ниҳоят, сумбула кирган кунларда Таҳмасп уни унинг ўзини Чилсутун қасрида қабул қиладиган бўлди. Ўша вазир Валидбек Ҳумоюнни шоҳнинг хонайи хосига бошлаб кирди. –* ***Ҳазрати шаҳаншоҳ****, Ширвондаги янги ғалабалар била сизни чин дилдан муборакбод этгали келдим,-деб гап бошлади Ҳумоюн.* Юқорида келтирилган матнда адресант ҳам, адресат ҳам бир тоифадан бўлиб, бу симметрик муомалага мисол бўлади. Подшо адресантнинг мурожаатида подшо адресатга нисбатан «*ҳазрати шаҳаншоҳ*» мурожаат шаклини қўллаган. Эрон ҳукмдорлари шоҳ луғавий бирлиги билан ифодаланган, уларга мурожаатда эса шаҳаншоҳ лексемаси қўлланган. Ҳукмдорлар табақаси вакилларининг бир-бирига мурожаати жараёнида ҳам улар нутқида тавозенинг кучлилиги акс этади. Оддий халқнинг ҳукмдорларга мурожаатида ҳам тавозеъ билан мурожаат қилиш, ҳам уларнинг мавқеи нуқтаи назаридан мурожаат қилиш қатъий одат тусига кирган.

Юқорида таҳлили келтирилган мурожаат шаклларининг деярли барчаси олий табақадаги кишиларга нисбатан қўлланилган. Умуман олганда, Бобурнинг «Бобурнома»сида, Пиримқул Қодиров тарихий романларида асосан сарой ва сарой аъёнларининг нутқий мулоқотларида қўлланилган мансаб ва унвон номлари мурожаат бирликлари сифатида келтирилган. Ушбу мурожаат шакллари асарда муҳим аҳамият касб этган, яъни китобхонлар кўз олдида тарихий даврни ва асар қаҳрамонлари образини яққол намоён қилишда, бой маданий меросимизни тўлиғича акс эттиришга хизмат қилган. Турли-туман мурожаат бирликларининг қўлланилганлиги XV-XVI асрдаги ўзбек халқининг юксак маданиятини ва мулоқотдаги нутқ одоби қоидаларини мукаммал эгаллаганини кўрсатади.

Адабиётлар

1. Акбарова З. Ўзбек тилида мурожаат шакллари ва унинг лисоний тадқиқи : филол. фанлари номз. ... дисс. – Т., 2007.
2. Аҳмедова Н. Ўзбек тилида мурожаат бирликларининг семантик-коннотатив тадқиқи : фил. фан. номз. дисс. – Т., 2008.

3. Бобур З. М. Бобурнома. – Т. : Шарқ, 2002.
4. Искандарова Ш. Ўзбек нутқ одатининг мулоқот шакллари : фил. фан. ном. дисс. автореф. – Т., 1993.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002.
6. Қодиров П. Юлдузли тунлар : Ҳумоюн ва Акбар. – Т. : Шарқ, 2016.
7. Назарова Ҳ. Заҳириддин Муҳаммад Бобир асарлари учун қисқача луғат. –Т. : Фан, 1972.
8. Расулов Қ. Социолект ва нутқ // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2007. – № 5.
9. Сафаров Ш. Прагмалингвистика. – Т., 2008.
10. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Ж. 2. – Т. : ЎЗМЭ, 2006. – Ж. 5. – 2008.

© **Муминова А. К.,** 2020

А. К. Мурзакметов,
к. и. н., доц. ОшГУ, г. Ош (Кыргызстан)

МИР РАСТЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МЕМУАРАХ БАБУРА

Растения играют важную роль в жизни человека. Жизнь в суровых условиях научила наших предков ценить растения. Кочевники ценили различные травы не только как корм для скота, но и как необходимое дополнение к своей пище, как средство лечения болезней. Они издавна употребляли многие виды растений для различных нужд. Почти все детали юрты изготавливались из дерева, из различных древесных пород вытачивались седла, посуда, музыкальные инструменты и другие предметы, а виды деревьев с колючками шли на изгороди и топку. Исторически сложилось так, что внимательное и бережное отношение к деревьям, травам, зеленому покрову Земли было естественным для кочевников. Это мы можем заметить по запискам Бабура, имеющего и монгольские, и тюркские корни.

Вызывает удивление тот факт, несмотря на то, что большую часть своей жизни Бабур провел в военных походах и сражениях, он смог уделить время и творчеству. В его дневниках мы обнаруживаем немало сведений о флоре тех территорий, которые посещал Бабур. Например, он отмечает: «В горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу – больше его нигде нет. Табулгу – дерево с красной корой; из этого дерева вырезают посохи, выделывают ручки плеток, изготовляют клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его привозят как подарок в далекие места» [1, 14]. Научное название этого дерева (точнее, кустарника) – спирея, и его древесину до сих пор используют так же, как на это указывал Бабур, кроме стрел.

У кыргызов существует легенда о том, почему кора таволги стала красной. Согласно этой легенде, когда-то спирея хотела женить сына на дочке ели. Сосватавшись, она не смогла уплатить калым в назначенное время. Из-за стыда ее лицо покраснело, и она спряталась на склоне горы. С тех пор таволга растет на склонах гор. А ель, дожидаясь свата, вытянула шею и стала высокой. Чтобы было удобно наблюдать за дорогой, она поднялась на вершину и осталась там [7, 209]. В устном творчестве кыргызов много таких мифов, сказок, легенд и пословиц. Дети кочевников, услышав их с ранних лет, относились к растениям очень бережно, как к живому существу. Мы полагаем, что они были известны и Бабуру; воспитанный под влиянием таких образцов фольклора, он, сам того не замечая, описал мир растений тех мест, в которых ему пришлось побыть.

Среди деревьев всеобщим почитанием пользовался можжевельник «арча», недаром о нем упоминает Бабур. Он пишет: «Андерабские, Хостские и Бадахшанские горы все покрыты арчой, изобилуют источниками и поднимаются полого…» [1, 86]. Существует легенда, как Искендер Зулькарнайн (так называли Александра Македонского на Востоке), возвращаясь из войны, проехал со

своими воинами через пустыню. Запас воды кончился, и приближенные царя рыскали все вокруг в поисках воды для страдающего от жажды полководца. Случайно увидев место, где из скалы капала вода, они набрали полную чашу и принесли Искендеру. Царь чуть не осушил чашу до дна, но, увидев измученные и завистливые глаза солдат, вылил всю воду под дерево. Оказалось, что вода была живой, а это дерево можжевельником (арча), и таким образом она обрела долголетие.

Кочевники ценили арчу и верили, что она обладает особой чистотой и священностью. Такими же свойствами она обладала и у народов Юго-Восточной Сибири: «*…Роль огня была исключительно велика во всех шаманских молебствиях; очистительное свойство огня широко использовалось в самых разных случаях: от изгнания злых духов и защиты от них до очищения людей, животных, вещей, продуктов и т.д. Одним из важных атрибутов в обрядовой практике считался можжевельник (бур. арса, алт. арчы, тув. арци)*» [3, 114]. Арча обладала значительной, с точки зрения кыргызов, функцией очистительной и целебной. Она применялась для изгнания злых духов. Зажженной веточкой арчи обмахивали больного человека, тем самым изгоняя из него поселившегося в нем злого духа. Настои из арчи применяли как целебное лекарство. Окуривая дымом арчи, очищали очаг, юрту, колыбель, загон для скота и т. д. А во время Навруза (Нового года) такой обряд (аластоо) сопровождался громкими заклинаниями:

От беды избавь,
Обереги от несчастий.
Старый год ушел,
Новый наступил.
От беды избавь,
Дай прожить месяц невредимыми,
Завершить год благополучно… [2, 31]

Особо ценились колыбели из арчи – считалось, что в них не заводятся насекомые-паразиты. С другой стороны, люди верили, что ребенок, выросший в такой колыбели, будет воспринимать в себе долголетие арчи, т. е. будет жить долго. Очищали себя и юрту арчой и после похорон. До сих пор почти в каждой кыргызской семье в любое время года хранятся пучки арчи. Наукой доказано, что в арче содержатся в значительном количестве эфирные масла, которые обладают антисептическими свойствами. Такими же свойствами обладают фенолы, образующиеся при неполном сжигании древесины. Кыргызы обнаружили это эмпирическим путем. Особую ценность имели зубочистки из арчи, раздача их во время тоев, праздников после принятия пищи считалось по канонам ислама благодарным делом. Несмотря на это, кыргызы до сих пор ее редко сажают перед домом. Это объясняется тем, что арча якобы выпрашивает у Бога долгую жизнь только себе.

Таким же нежелательным деревом для кыргызов считается карагач. По народному верованию тень от карагача считается «тяжелой», и человек, который проводит долгое время под его тенью, якобы заболеет. На юге Кыргызстана

распространено название *кайрагач*, народная этимология связывает это со словом «кайра кач», т.е. «убегай обратно». Но для Бабура-воина некоторые деревья важны как корм. Поэтому Бабур, переживший долгую осаду, упоминает карагач совсем с другой стороны: «Так как корм для коней сделался редкостью, то люди давали коням листья деревьев. При этом по опыту оказалось, что из всех листьев лучше всего годятся коням листья тута и карагача» [1, 60]. Конечно, в такие моменты не до всяких суеверий. Совершенно прав академик В. Ю. Захидов, отметивший: «Исключительную наблюдательность, глубокую научную эрудицию, стремление преследовать полезные цели проявляет Бабур в описании растительного и животного мира, его богатств и возможностей. Особо следует отметить, то, что Бабур не ограничивается тем, что дает названия и перечень растений и животных. Он вместе с тем рассказывает о том, что они собой представляют, каково их хозяйственное назначение и какую роль они играют в жизни людей вообще, жителей данной местности в частности» [6, 125-126]. Ниже приведем пример.

В народе издавна ценились плоды миндаля. Даже в наши дни в каждой узбекской семье, где есть молодая невестка, хранится миндаль. По замечанию информатора, они «стоят, как в аптеке лежат лекарственные таблетки», это сравнение действительно отражает реальное положение вещей. Перед тем, как отправить женщину, переживающую схватки, в роддом, ей дают выпить чай из миндаля, «бадам чай». Для этого колят 10-15 косточек миндаля, его ядра варят в небольшом количестве воды. Варку останавливают, когда остается одна-две пиалки жидкости, немного охлаждают и дают выпить. Считается, что такой чай заставляет вспотеть выпившую его женщину, все ее тело становится свободным, мягким. Только после этого ее отправляют в родильный дом [8, 31]. Знаком миндаль и Бабуру. Описывая события 1493-1494-х годов, когда ему было десять лет, отмечает: «Одно из подчиненных Ходженду [местечек] – Канди Бадам. Это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходен; по этой причине и назван таким именем. Весь его миндаль идет в Хурмуз и в Хиндустан» [1, 13]. Но позже он отмечает миндаль и как топливо: «Хотя в Кабуле зимой падает глубокий снег, но там есть хорошие дрова и они близко: в один день можно сходить за ними и принести. На дрова там идет мастиковое дерево, дуб, миндальное дерево и карканд… Миндальное дерево – изобильнее и распространеннее других; угли от него нестойкие. Карканд – это низенький колючий кустарник; свежий и сухой горит одинаково. У всех обитателей Газни на дрова идут эти деревья» [1, 87]. Название и свойства последнего кустарника близки к кустарнику, который сегодня известен как карагана: «… Листьев у нее совсем мало, зато колючек предостаточно. Это и понятно: карагана должна экономить влагу. Колючки меньше ее испаряют, чем обыкновенные листья. В пустынях влаги мало, а частые ветры и яркое солнце иссушают почву и растения. Золотисто-желтые цветки караганы охотно посещают пчелы. Во время цветения кусты караганы очень красивы. Раньше, когда местные жители вели кочевой образ жизни, они использовали карагану в качестве топлива» [5, 25-26]. Автор статьи во время этнографической экспедиции в Баткенский район Кыргызстана

записал от одного информатора следующие строки: «Караган деген как отун, катындарга жак отун», что в переводе означает: «Карагана – сухое топливо, которое нравится женщинам», так как истопкой занимались в основном женщины.

Вспоминая детские годы, Бабур пишет: «Другая его жена была Ханзадебиким, из [дома] термезских ханзаде. Когда я пяти лет от роду прибыл в Самарканд к Султан Ахмед мирзе, он только что взял ее в жены и она еще носила на лице покрывало. По тюркскому обычаю мне приказали открыть ей лицо» [1, 21]. Хотя Бабур не описывает подробности этого обычая, существующий до сих пор свадебный обряд узбеков раскрывает суть этой церемонии: «На следующий после прибытия невесты в дом проводят обряд «юз очди», что буквально означает «открытие лика, ознакомление». Закрывающее лицо молодой невестки платок дают приоткрыть ребенку, как правило, племяннику джигита, который цепляет край платка веткой плодового дерева, обычно айвы, и показывает другим личико снохи. То, что именно мальчику дают это право открыть лицо невесты, означает, чтобы и у нее родился такой же малыш, а то, что используют ветку плодового дерева, означает желание быть плодовитым, многодетным» [8, 20]. Мы полагаем, что маленький Бабур в данном обычае использовал именно ветку айвы.

Древним айва была хорошо известна. Историки утверждают, что «яблоко раздора», которое сын троянского царя Парис вручил богине Афродите (Венере), а та якобы перессорилась со своими соперницами и дело дошло до Троянской войны, было не яблоком, а плодом айвы. Яблони в то время в Трое еще не росли [9, 215]. По поверью кыргызов, а также узбеков, уста человека, который ел плов с айвой (кырг. – «бий алма», узб. – «бехи»), до утра будут лизать ангелы-фаришта. Видимо, именно об этом говорит узбекская загадка: «Дум-думалок бўйи бор, Паловда обрўйи бор» («Кругленький-маленький, уважаемый при плове») [10, 90]. В своих записках Бабур восхваляет айву и сливы Кабула.

Для Бабура-правителя известны плоды винограда, яблоки, граната, сливы, айвы, груши, персика, апельсина, лимона, вишни, миндаля и ореха из меню его каждодневной трапезы. С особой любовью он отмечает и сравнивает дыни разных местностей: «Хлеба там много и плоды изобильны, дыни и виноград хороши; во время созревания дынь (из-за обилия) не в обычае продавать их с бахчи, груш лучше андижанских не бывает» [1, 12]. Описывая город Ахси, пишет: «Дыни там бывают хорошие; есть один сорт дынь, называемый *миртимури*; неизвестно, существуют ли еще где-нибудь в мире такие дыни. Бухарские дыни [тоже] знамениты. [Но] когда я взял Самарканд и приказал привезти дынь из Ахси и Бухары и велел их разрезать на одном собрании, [то] ахсийские дыни оказались вне всякого сравнения» [1, 13]. Позже он свои выводы повторяет еще раз: «Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре. Хотя в области Ферганы, в Ахси, есть сорт дынь, называемый *мири тимури*, которые слаще и нежнее бухарских, но в Бухаре много дынь всяких сортов и они хороши» [1, 38]. В другой раз отмечает: «В Насухе есть один сорт дынь, который называется «исмаил-шейхи», кожура у них

желтая, похожая на шагрень; это очень нежные дыни. Семечки у них, как яблочные, мякоть толщиной в четыре пальца; удивительно сладкие это дыни, подобных им в тех местах нет» [1, 41]. Как мы заметили, Бабур любил наслаждаться жизнью.

Арабы утверждают, что дыня – плод райских садов, и доставил ее на землю один из жителей рая, совершив этим страшное преступление перед богом. Дыня так много значила в хозяйстве узбеков, таджиков, туркменов, что ее называли даром небес, а трещины на поверхности плода – священными письменами, начертанными самим Аллахом. В узбекском фольклоре встречается затейливый вопрос: «Однажды старик дал сыну тридцать копеек и так сказал: "Сынок, купи-ка на эти деньги такое, чтобы и мы были сыты, и наши курица с овцой тоже были накормлены". Угадайте, что должен купить мальчик?» [10, 246]. Комментарии, как нам кажется, излишни.

Бабур-поэт же с грустью вспоминает: «В Оше есть текучая вода, очень хороша там бывает весна: расцветает много тюльпанов и роз» [1, 12]. Эти дикорастущие виды тюльпанов до сих пор цветут в наших горах. В другой раз он с восхищением пишет: «На склонах гор тогда (весной) много разноцветных тюльпанов всякого сорта. Как-то раз я велел их сосчитать; оказалось тридцать два или тридцать три сорта необыкновенных тюльпанов. Там есть один сорт тюльпанов, от которого идет легкий запах красной розы; мы называли его «тюльпан с запахом розы». Он растет в Дашти Шейхе только на одном участке земли, в других местах его нет. На склонах этих гор, ниже Паравана, попадается тюльпан-столистник. Он тоже растет на одном участке земли при выходе из ущелья Гурбанд» [1, 84]. И через пять столетий читатель явно чувствует душевное состояние, волнение поэта. А название «тюльпан» пришло к нам из турецкого языка. И русское, и латинское его название связаны со словом «тулибан» – «тюрбан», поскольку форма цветков его несколько напоминает этот восточный головной убор. И не только это слово. Подсчитано, что в русском языке около 150 названий растений так или иначе связаны с тюркскими языками. Они относятся к культурным плодовым, ягодным и орехоплодным (айва, алыча, инжир, кизил, мушмула, хурма, фисташка, фундук), овощным (баклажан, кабак), зерновым и зернобобовым (лобио, нут), техническим (кенаф, кендырь, кок-сагыз, кунжут, хмель). Много имен подобного происхождения мы находим у дикорастущих деревьев и кустарников (арча, ирга, карагач, саксаул, чинара) и травянистых растений (аир, камыш, кермек, сарана, сусак). По степени древности они очень различны [4, 15]. Это говорит о том, что наши предки имели тесное отношение и связь с природой. Каждый кочевник с детских лет познавал азбуку природы, без этого невозможно было выживать в суровых условиях кочевой жизни.

В записках Бабура иногда встречаются названия некоторых растений, неизвестных нам. Заметно, что в свое время и сам автор был заинтересован этими травами, и не понаслышке. Так, он пишет: «В некоторых книгах пишут, что «*ябрух ассанам*» растет на этих горах, но теперь об этом ничего не слышно. Слышал я про одну траву, которая растет в Йеттикентских горах. Народ

тамошний называет эту траву «*аик-ути*», и она имеет свойства травы «*михр-гиях*». Наверно, это и есть михр-гиях, а те люди называют ее именем (аик-ути)» [1, 14]. Михргиех, как сегодня известно нам, – это мандрагора. То есть, Бабур и до этого интересовался травами, черпая информации из книг. Говоря о горах Афганистана, отмечает: «Больше всего там травы *бутака*, это очень подходящая для коней трава. В Андиджанской области эту траву называют «*бутка*»; причина такого наименования не была известна, но здесь я ее узнал: эту траву якобы называют «бутака» потому, что она растет кустами» [1, 86]. Тут он размышляет над этимологией как филолог. Описывая способ рыбной ловли, он пишет, что и там используются некоторые травы: «Осенью берут десять или двенадцать вязанок (растения) *кулан куйруги* и двадцать-тридцать вязанок *кук-шибака*, приносят к верховьям реки, мелко рубят и бросают в воду; едва их туда бросят, рыба, вошедшая в реку, пьянеет, и ее начинают ловить» [1, 88]. Кук-шибак – это вид полыни, очень горькая на вкус трава. Можно полагать, что и кулан куйруги имеет такие же свойства. Это говорит о том, что Бабур оценивал мир растений не только как эстет, но и как потребитель, как охотник.

В «Бабур-наме» не так много отмечено о флоре Ферганской долины, это можно объяснить тем, что растительный мир отмеченного края был для Бабура обыденным. Прибыв в Афганистан, он отмечает: «Жаркую полосу от холодной полосы отделяет перевал Бадам Чашме. Миновав этот перевал, человек видит [совсем] другой мир: деревья – другие, травы – другие, животные – другие, нравы и обычаи у жителей – другие» [1, 82]. Позже эту мысль он повторяет еще раз: «Дорогой через Бадам Чашме и Джагдалик с шестью ночевками мы пришли в Адинапур. Я никогда не бывал в областях жаркой полосы и пограничных с Хиндустаном местах. Когда мы достигли Нингнахара, перед нашими взорами предстал совсем другой мир: трава – другая, деревья – другие, звери – другие, птицы – другие, нравы и обычаи народа – другие. Я удивился, и действительно, там есть чему удивляться» [1, 89]. Это доказывает, что Бабур был внимательным, наблюдательным натуралистом. А с Хиндустаном для него открылся новый мир: страницы дневника изобилуют непривычными, невиданными для Бабура названиями экзотических растений. Но, несмотря на это, «Бабур-наме» может служить ценным источником по изучению растительного мира Центральной Азии.

Литература

1. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Ташкент : Шарк, 2008.
2. Байбосунов А. Донаучные представления киргизов о природе. – Фергана: Мектеп, 1990.
3. Басаева К. Д. Этнокультурные параллели у бурят и народов Саяно-Алтайского нагорья (на примере семейной обрядности) / Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989.
4. Головкин Б. Н. О чем говорят названия растений. – Ташкент : Мехнат, 1988.

5. Головкова А. Г. Путешествие в мир растений Киргизии. – Фергана : Мектеп, 1984.
6. Захидов В. Ю. Огни истории. – Москва : Советский писатель, 1977.
7. Мурзакметов А. Верования кыргызов, связанные с деревьями (на кыргызском языке) // Вестник Ошского государственного университета. – 2012. – № 4.
8. Мурзакметов А. К. Традиции, обряды и верования узбеков Кыргызстана (на кыргызском языке). – Ош, 2012.
9. Смирнов А. В. Мир растений : рассказы о культурных растениях. – Москва: Мол. гвардия, 1988.
10. Узбекские загадки (на узбекском и русском языках) / сост., авт. пер., предисл. и коммент. М. Абдурахимов. – Ташкент : Ўқитувчи, 1991.

© **Мурзакметов А. К.**, 2020

В. А. Мухамеджанова,
к. и. н., доц., зав. каф. общественно-гуманитарных наук
ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

ВЛИЯНИЕ БАБУРА НА ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ НАРОДОВ ИНДИИ

Одной из крупнейших стран мира в средние века была Индия с населением в 100 миллионов человек. Индия была феодальной страной, имевшей древнюю культуру, сельские общины, каждый крестьянин в которых владел земельным участком, а пастбища были общие; крестьяне совместно выполняли работы, нужные для поддержания орошения, и несли государственные повинности. В начале XVI века Индия территориально была разделена на владения многочисленных мусульманских и индусских династий, и многие из них владели обширными землями, как Делийский султанат, Биджапур, Виджаянагар и другие.

На основании личного дневника З. М. Бабура, описываемые события охватывают его жизнь с 12 лет до самой смерти. Родившийся со стороны отца от тюркского завоевателя Тимура, Бабур в 1494 году занял трон Самарканда в современном Узбекистане и взял под свой контроль регион вокруг плодородной Ферганской долины. Сам Тимур происходил из племени тюрков-барласов, однако считается, что барласы искони были монголами, усвоившими тюрки – язык, на котором говорил и писал Бабур [2, 27]. В то время в этих регионах, кроме войн за наследство, которые только ослабляли будущую империю, нельзя было рассчитывать на наследство по завещанию. О Самарканде он напишет: «Немногие города в обитаемом мире так приятны, как Самарканд» [2, 49]. Спустя семь лет Бабур будет изгнан из Самарканда, но его это не остановило, у него были более далеко идущие планы. В окружении нескольких десятков верных воинов Бабур будет странствовать, пока не достигнет богатого города Кабул. Покорив Кабул – столицу современного Афганистана, он отправляется в Делийский Султанат, свергнет прежнего правителя и создаст собственную династию Бабуридов. Он устанавливает столицу в Агре, которая впоследствии станет культурным и интеллектуальным центром одной из величайших империй позднесредневекового мира. В Индию Бабур переместил многих ремесленников из Кабула и Средней Азии. Индусы для Бабура оставались «неверными», но он не преследовал их, если только они не поднимали восстаний против завоевателей. В 30-годах XVI века в Индии, объединённой под властью Бабура, прекращаются феодальные войны, в стране процветают ремёсла, укрепляются торговые связи между областями. Будучи образованным и благочестивым человеком с пытливым и наблюдательным умом, закаленным воином, он не вызывал чувство варварского и невежественного человека. Он писал прекрасные стихи и изучал культуру. В его правлении и правление последующих правителей культура и завоевания шли рука об руку. Бабур был терпимым императором, и он без проблем согласился с тем, что люди немусульманского происхождения спокойно могут уживаться с местным населением, живущим на его территориях,

несмотря на то, что его 900-летней религией был ислам. Он был в этом предвестником широкого видения. Однако новая страна не смогла заменить ему Родину. И эту боль он переносит на стихи:

Там нет Родины, и счастья больше нет,
И ничего, кроме одной боли.
Я пришел на эту землю по собственной воле.
Но не могу оставить это до сих пор» [1, 256].

Его стихи перекликаются с эмоциональными переживаниями, порожденными разлукой, в них раскрывается большая внушительная сила, безграничная любовь к своей родине, ностальгические ноты образной и эмоциональной структуры поэзии. Его потомки последуют его примеру, и это станет одной из причин успеха этой империи по сравнению с другими. Интересно отметить, что именно когда один из императоров по имени Аврангзеб применил строгое видение ислама, в империи стали наблюдаться черты упадка.

Царствование Бабура было довольно коротким, всего четыре года (1626-1630). Однако на протяжении своего короткого правления он с уважением относился к местным традициям и вводил различные новшества на подвластную ему территорию. Это мусульманская традиция идеального упорядочения садов «Чарбаг», что означает «сады, состоящие из 4 частей», разделенных 4 поперечными каналами, чтобы доказать завоеванным их способность регулировать проблемы населения. Согласно этому аспекту, никто не может претендовать на лидерство, если он не знает, как управлять своим собственным садом. Также примером может служить тимуридская архитектура сооружений каналов, где деление на каналы и бассейны соблюдалось с большой симметричной строгостью, которые можно найти во всех постройках династии. Например, во время правления Бабура сикхи смогли сохранить свои храмы, которые были разрушены столетием назад его предком Тамерланом. К мусульманским материальным ценностям были внесены методы работы художественных ремесленников из Персидской империи, и это влияние было распространено на всю Северную Индию, но за пределами простой территории это, прежде всего, новая культура, созданная из смеси исламских и индуистских влияний. Несомненно, именно это наследие является наиболее важным, поскольку именно оно будет структурировать род правителей-Бабуридов. Вершиной научного и литературного наследия Бабура, творчества гения, принесшего ему всемирную известность, является, несомненно, «Бабур-наме», которую называют шедевром узбекской художественной литературы и настоящей энциклопедией политической, социально-экономической, культурной и литературной жизни, государственности и этногенеза народов Центральной Азии, в частности, Афганистана, Восточной Индии, Тибета XIV и XVI веков. Богатство и разнообразие материала, языка и стиля «Бабур-наме» выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени. «Мемуары Бабура – это не дневник о появлении воина или отступлении, – пишет британский историк Лейн Пул. – В этих мемуарах личные наблюдения и мысли о мире изысканного ценителя восточной литературы,

благородного, образованного и наблюдательного, который глубоко изученная человеческая душа и чрезвычайно объективная в оценке ситуации» [4, 127]. Интерес к культуре, искусству и склонность к авантюризму в той или иной мере были унаследованы многими из преемников основателя династии Бабура, но ярче всего они проявились у самого великого из династии – Акбара, правившего почти полвека. Кстати, наставники так и не смогли научить Акбара чтению и письму, так что на протяжении всей жизни он оставался неграмотным [3, 49].

Независимость предоставила неограниченные возможности для более глубокого и полного изучения нашей древней и уникальной истории, понимания ее корней и духовности, открытия новых граней творчества и бесценной деятельности удивительных людей, поэтов, мыслителей и государственных деятелей. Вот почему в разное время этот период привлекает внимание многих ученых. Знаменитый индийский писатель Мулк Радж Ананд[1] отозвался о книге «Бабур-наме», назвав ее одной из самых красивых книг в мире. Недаром ее украсили своими миниатюрами художники Индии, ибо она была общим достоянием двух народов.

Бабур был видной фигурой: поэт, высокообразованный человек, мудрый знаток человеческой души, философ, ученый и лексикограф, обладавший всеми тонкостями арабо-персидской и тюркской поэзии и фольклора. Он был компетентен в военных вопросах: строительстве, архитектуре, истории, музыке. Обладая энциклопедическими знаниями и редкими способностями, он внес значительный вклад в изучение истории, литературы и искусства. Высшее предназначение человека, по словам поэта, должно быть правдивым, справедливым, и это главная черта высокой духовности и нравственности. Настоящим подарком ко дню рождения нашего великого предка стала выпущенная в 2014 году «Энциклопедия Захириддин Мухаммед Бабур». На протяжении веков призывая людей к человечеству, добру и совершенству, продолжает играть роль поэтическое послание З. М. Бабура: «Если ты не делаешь в этой жизни добро, зачем ты живешь?»

Литература

1. Бабур З. М. Бабур-наме: Записки Бабура. – Т. : АН УзССР, 1958. – 529 с.
2. Гаскойн Бэмбер. Великие Моголы : потомки Чингисхана и Тамерлана. – М., 2003.
3. Smith V. A. Arbar : the Great Mogul. – Oxford, 1917.
4. Stanley Lane-Poole. Medieval India under Mohammedan Rule. – London, 1903.

© **Мухамеджанова В. А.**, 2020

[1] Мулк Радж Ананд – индийский англоязычный писатель, известный своим изображением жизни бедных каст в традиционном индийском обществе. Один из пионеров англоязычной индийской прозы, он был одним из первых писателей Индии, получивших широкую известность за рубежом.

О. Г. Мухамедов,
студент БухГУ, г. Бухара (Узбекистан)

ВОЕННОЕ МАСТЕРСТВО БАБУРА В ТРАКТОВКЕ ХАРОЛЬДА ЛАМБА

Произведение «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура, который оставил глубокий след во всемирной литературе и истории, носит энциклопедический характер.

Вместе с тем, что Бабур является поэтом и писателем, он также великий предводитель, искусный полководец, который крепко овладел тайнами военного искусства. Именно эти качества нашли свое яркое отражение в «Бабур-наме». Известный американский востоковед и автор биографического произведения Харольд Альберт Ламб, основываясь на «Бабур-наме», написал свое произведение «Бобур-йулбарс» («Бабур-тигр»).

Военный талант Бабуру-мирзе передался по наследству от его прадедушки Амира Тимура и его отца Умар-шейха мирзы. Хоть он и был искусным наездником, Бабур не был метким в стрельбе из лука, поэтому, когда сыну исполнилось десять лет, Умар-шейх обучил сына тайне, как держать оружие и как использовать это оружие на войне. Он передал сына в руки боевым мастерским учителям. Об этом Лэмб пишет: «Боевые учителя Бабура когда захотят, тогда зовут его выполнять упражнения – спит ли он, или собирает яблоки в саду – всё равно. Его учитель, который научил его делать боевые движения на коне, был, являясь закалённым в бою и мастерским слугой, заставлял его выполнять такие трудные боевые движения, как себя вести на коне в процессе военных движений, как выйти из тяжёлого положения, радовался успешным движением молодого сына шаха. Основное внимание учителя было в том, чтобы сын шаха, сидя на лошади, умел использовать короткий изогнутый меч во время боя. Наряду с этим, он требовал выполнения упражнений по стрельбе: стрелять, прицелившись из тюркского лука, удаляясь от прицела, смотря назад, и стрелять в процессе передвижения на коне около прицела» [2, 24].

Х. Ламб приводит сведения и о других учителях Бабура, которые научили его военному искусству. Например, старый учитель Касымбек Кавчин дал задание Бабуру, чтобы он нанес удар по противнику с очень большой силой, добавив, что противник тут же от удара стрелы должен упасть. Ещё один его учитель, Хасан Якуббек, обучал Бабура сидеть в седле и направлять лошадь на поле боя, а также научил его, как мастерски выйти из опасной ситуации в бою. «Если движения будут слабыми, то достичь цели будет сложно», – он постоянно призывал его быть сильным и всегда идти вперёд.

Писатель отдельно подчёркивает ещё одно достоинство Бабура: «Во время военных действий при выборе основных тактик Бабура-мирза, хотя опыта ещё недостаточно, его внутреннее чувство очень чувствительно». И он считает, что эти внутренние чувства впоследствии обеспечили успех в его боях.

Действительно, в связи с этим чувством и решительностью он с малым по численности войском завоевал Кабул, победил Ибрахима Лоди, который был вооружён 100-тысячным войском и тысячей слонов. Об этом сам Бабур пишет в своём «Бабур-наме»: «…поставив свою ногу на великодушное стремя, уповая на Аллаха, взяв в руки вожжи, пошел на Султана Ибрагима… Говорят, что сейчас количество его солдат в войсках сто тысяч человек. Количество его военных слонов и слонов беков достигает тысячи» [1, 104]. Выражая свои мысли о том, как сражались против сильных воинов Бабура, Х. Ламб восхищался тем, как Бабур глубоко знал тайны военного искусства: «Войско Бабура, начиная от Панипата до поля боя, восстановили растянувшуюся защитную стену. По этой линии границы семьсот арб крепко завязали друг к другу ремнями, сделанными из кожи быков. Среди этих арб оставили место для защищающих людей с мечами. В этих местах располагаются пулёметы, сделанные тюркскими мастерами. Воины, вооружённые ружьями, стоя за арбами и щитами, брали на прицел врага…» [2, 215]. Таким способом Бабур, сделав оборонительное сооружение, которое перегораживается траншеями, используя самодельные стреляющие оружия, действуя по-военному, с дисциплиной, используя своё мастерство и опыт, побеждает войско, которое сильнее его в несколько раз.

Ламб подробно описывает битву известных Панипат и Канва. Во многих местах произведения уделяется особое внимание изображению деятельности Бабура в качестве мастерского полководца.

После прочтения произведения Харольда Ламба перед нашими глазами предстает великий воин, который не боится трудностей, мужественный и храбрый, искусный полководец своего войска, военный предводитель, поэт и шах «Бабур-тигр» («Бобур-йулбарс»).

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Т., 1993.
2. Ламб, Харольд. Бобур-йулбарс. – Т. : Узбекистон, 2018.

© **Мухамедов О. Г.**, 2020

Д. Мухаммадиева,
базовый докторант ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕМ В «БАБУР-НАМЕ» И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ В ТУРЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

В последние годы фразеология вошла в ряд широко исследуемых областей. Были проведены исследования, посвященные духовным особенностям фразем узбекского языка, их отношениям с явлениями родственных языков, явлениям омонимии, синонимии и антонимии между выражениями, их роли и методике в реализации смысла предложения, сравнительному исследованию узбекских фразем с фраземами других языков.

Фразеологизм характеризуется как вторичная номинация, возникшая из устойчивого сочетания двух и более слов. Фраземы также рассматриваются как лингвистическое явление, находящееся в языковом слое выше лексемы и ниже предложения [3, 18]. Фразеологическое значение не является суммой лексических значений слов, входящих в состав фразеологизма, оно обладает общей целостностью. Существуют общие черты между фразеологическим и лексическим значениями, но в то же время имеется и ряд своеобразных характеристик. Общие черты указывают на сходные аспекты двух данных явлений, а своеобразные характеристики в качестве различительного (дифференциального) признака подтверждают, что они представляют собой отдельное явление, которое имеет место в языковой системе.

Известно, что дифференциальным признаком свободных и устойчивых сочетаний являются свойства «воспроизводимости» и «устойчивости». В соответствии с этими свойствами, у вступающего в оппозицию словосочетания устойчивый член воспринимается как сильный, маркированный, а свободный – как слабый, немаркированный [2, 59]. Несмотря на то, что устойчивые сочетания имеют общие черты, благодаря свойствам «воспроизводимости» и «устойчивости», они все же различаются в соответствии с определенными дифференциальными признаками и на этой основе подразделяются на малые группы. Фраземы в качестве языковой единицы возникают в готовой форме. На различных этапах исторического развития они активно используются в различных языковых слоях. Особенности фразем, свойственных этапам лингвистического развития, можно определить через анализ языка исторических, художественных и литературных источников.

Ввиду того, что «Бабур-наме» является крупным, совершенным в стилистическом отношении произведением, его язык невозможно представить без фразем. Выражения, использованные в произведении, в частности, фраземы, обозначающие характер и состояние, можно исследовать, подразделив их на определенные группы на основе строения, их семантики и составных частей.

В семантическом отношении фраземы, использованные в «Бабур-наме», можно классифицировать следующим образом:

1. Фраземы с семой «Действие – состояние»: **gunohini bag'ishlab – простить грехи**: «Hoja Kalonning shafoati bila gunohlarini bag'ishlab, ahl va ayollarini alarga qaytib ruxsat berildi» («Благодаря заступничеству Ходжи Калона простили его грехи и разрешили вернуть ему его имущество и женщин») [6, 162]; **ta'ziyat tutmoq – горевать:** «Ul o'lganda Mirzo bisyor qattiq ta'ziyat tutqondur» («Когда он умер, Мирзо очень сильно горевал») [6, 49]; **so'zni bu yerga qo'ymoq – договориться:** «mening ulug' onam Esan Davlatbegimning qoshida yig'ilib, so'zni bu yerga qo'ydilarkim, Hasan Ya'qubni ma'zul qilib fitnasiga taskin berilgay» («Собравшись у бабушки моей Эсан Давлатбегим, договорились о том, чтобы освободить Хасана Якуба и подавить его заговор») [6, 47], **tilim tutuldi – (язык парализовало) потерять способность говорить:** «Andoqkim, to'rt kungacha tilim tutuldi, og'zimga paxta bila suv tomizurlar edi» («Так случилось, что до четырех дней я не мог говорить, так они ватой мне в рот воду капали») [6, 63]; **boshsizliq qilg'on – отказаться повиноваться:** «Qorabuloqqa tushganda ba'zi kirgan kend-kesakka boshsizliq qilg'on mug'ullarni tutib kelturdilar» («По приезде в Карабулак поймали и привели к нам моголов, которые отказывались повиноваться местным землевладельцам») [6, 56].

2. Фраземы с семой «Предмет-явление»: **jon vahmi – страх смерти:** «Olamda jon vahmidin yomonroq nima bo'lmas emish» («Нет на свет ничего хуже страха смерти») [6, 99]; **moli omon – сохранение имущества (вид налога)**: «Talon va taroj qilmay, Bhira eliga moli omon solib, naqd va jinsdin to'rt lak shohruhiy olib» («Не грабя народ Бхиры, а назначив им налог за сохранение имущества и забрав 40 000 шахрухи (денежная единица) деньгами и товаром»); **zeri dasti – в подчинении:** «Samarqand podshohi aning zeri dasti edi» («Падишах Самарканда был у него в подчинении») [6, 195], **Besh kun o'tar dunyo – тленный мир**: «Besh kun o'tar dunyo uchun bir o'zi o'sturgon valine'matzodasini ko'r qildi» («Ради мира тленного ослепил сына одного своего воспитанника») [6, 49].

3. Фраземы с семой «признак»: **so'ziga o'z – держащий слово:** «Saydi Qaro agarchi so'ziga o'z edi, qilichiga sustroq edi» («Сайди Каро всегда сдерживал данное им слово, но во владении мечом не был силен») [6, 82]; **tili qisiq – не уметь оказывать давление:** «Xeyli tili qisiq edi» («Мы не могли оказывать давление») [6, 186]; **jon tortqon – преданный:** «Ko'rsamkim, Qutluq Muhammad Barlos va Boboyi Pargariykim, mening jon tortqon navkarlarim o'n-o'n besh, yigirma kishi bo'lg'ay, yetib keldilar» («Смотрю, Кутлуг Мухаммад Барлос и Бобои Парвари, преданные мои воины прибыли, собравшись десять-пятнадцать, двадцать человек») [6, 100]; **so'zga mungi yo'q – красноречивый:** «So'zga mungi yo'q edi. Og'asi Boyqaro Mirzoning o'rtancha o'gli Sulton Vays Mirzog'a chiqarib edi» («Была красноречива. Выдана замуж за среднего сына брата своего Байкаро Мирзо – Султана Вайса Мирзо») [6, 139]; **rioyat qobili – достойный внимания**: «Muncha rioyat qobili emas edi» («Был человек, не так уж достойный внимания») [6, 137].

Утвердительные и отрицательные формы, свойственные глаголу как части речи, рассматриваются нашими учеными еще и как категория существования

(mavjudlik) [4, 36]. В отличие от глаголов, не все фраземы, обладающие семой «действие-состояние», могут одинаково использоваться в обоих аспектах.

В соответствии с категорией существования в фраземах с семой «действие-состояние» могут присутствовать:

1. Выражения, используемые и в утвердительной, и в отрицательной формах: **so'zlarini quloqqa olmoq – верить:** «Ushmundoq mahalda muxoliflarning firibomuz so'zlarini quloqqa olib, … elchilikka yubordilar» («В такое время, поверив лживым словам врага, ... отправили им посланником») [6, 64]; **yuzlariga keltirmay – не упрекая**: «Sulton Husayn Mirzo borig'a ehson maqomida bo'lib, yomonliklarini yuzlariga kelturmay, in'omlar ham qildi» («Султан Хусайн Мирзо проявил щедрость, не упрекнул их за содеянное зло и даже подарками одарил») [6, 123]; **yaxshi maosh qildi – вежливо обойтись**: «Bu jihatdin bu tog' eli bilan yaxshi maosh qilmoq vojib va lozim edi» («В этом отношении нужно и должно было вежливо обойтись с этим горным народом») [6, 166]. Выражения из приведенных примеров использованы в произведении в обеих формах: и в утвердительной, и в отрицательной. Например, фразема **yomon maosh qilmoq (вести себя грубо)** несколько раз приводится в виде: **yomon maosh qildi (был груб) – yomon maosh qilmadi (не был груб)** или **yaxshi maosh qildi (был вежлив).**

2. Выражения, используемые только в утвердительной форме: **burunidin chiqdi – вышло из носа (вышло боком):** «Necha yil qilg'on bekligi va saltanati tamom burunidan chiqdi» («Все годы его власти и правления вышли у него из носа (вышли ему боком)») [6, 104]; **behuzur bo'ldi – плохо себя чувствовать:** «Mening onam xonim behuzur bo'ldilar, xeyli yomon behuzurlik edi» («Моя госпожа мама заболела, очень тяжелой была ее болезнь») [6, 86]; **shunqor bo'ldi – погибнуть:** «Umarshayx Mirzo jardin kabutar va kabutarxonasi bila uchub, shunqor bo'ldi» («Умаршайх Мирзо свалился вместе со своими голубями и голубятней и погиб») [6, 37]; **jong'a yettuk – надоесть:** «Biz ham aning axloq va af'olidin jong'a yettuk, ruxsat berduk» («Нам тоже надоело его поведение, и мы его отпустили») [6, 125]; **qochmakka yuz qo'ymoq – начать убегать:** «Uylarini ham sog'indilar. Birar-ikkirar qochmoqqa yuz qo'ydilar» («Соскучились по дому. Начали сбегать по одному, по два человека»). Приведенные примеры использованы только в утвердительной форме, и, действительно, употребить их в отрицательной форме невозможно. Например, как **shunqor bo'ldi (погиб) – shunqor bo'lmadi (не погиб)**.

3. Выражения, употребляемые только в отрицательной форме: **ko'zga ilmas edi – игнорировать (не считаться):** «Agarchi Darvesh Muhammad tarxon to'ra va mucha bila mundan ulug' edi, vale bu fir'avn ani ko'zga ilmas edi» («Несмотря на то, что Дарвеш Мухаммад и по положению, и по возрасту был старше него, этот строящий из себя фараона не считался с ним») [6, 45]; **pisand tutmas – относиться с пренебрежением:** «O'zidin o'zga hech kishini hech ishda pisand tutmas edi» («Кроме себя, ко всем и во всем относился с пренебрежением») [5, 50].

Исследование фразем, в частности, изучение их семантического поля, связанного с наименованиями частей тела, признано одной из ведущих тем современного языкознания.

Изучение семантики фразем в исторических произведениях дает важную информацию об истории фразеологии узбекского языка, о мировоззрении народа, о его обычаях и традициях. В этом смысле изучение фразем в «Бабур-наме» актуально и в настоящее время.

В «Бабур-наме» эффективно использованы выражения, имеющие в своем составе слова *ko'z (глаз) и qo'l (ilik) (рука)*. Среди них: *ko'z yetar yerda (насколько хватает глаз – в поле зрения), ko'z ilmas (не смотреть), ko'z soling (смотрите), arkni iliklamoq (захватить крепость), ilik olishtilar (померились силами), ilikka tushishdi (попались в руки (в плен))*.

Фраземы с компонентом *ko'z (глаз)* служат выражению разнообразных чувств и эмоций, ощущений и физиологических процессов, свойственных человеку. Основная их часть в структурном отношении представляет собой двух- или трехкомпонентные глагольные конструкции строения, существительное + глагол [5, 6]: **ko'z yetar yerda**: «...ko'z yetar yerda bir otning ustida bir nima yiltirab ko'rinadir» («в поле зрения на каком-то коне, что-то блестящее виднелось»); **ko'z ilmas**: «Bu fir'avn ani ko'z ilmas edi» («Этот строящий из себя фараона не считался с ним»); **ko'z soling**: «O'yga ko'z soling, o'yni iturmang» («Смотрите за коровами, не потеряйте их»); **ko'zim uyqug'a bordi**: «...bir zamon ko'zim uyqug'a bordi» («через какое-то время я заснул (сон смежил веки)»). В данных примерах глагол выполняет задачу грамматического базового компонента, а слово *ko'z* является семантическим базовым компонентом и определяет логическую основу фразем.

В данных примерах фраземы *ko'z yetar* и *ko'z ilmas* служат выражению понятия расстояния и площади, а фраземы *ko'z soling (смотрите), ko'zlarig'a mil tortqaylar (ослепляют), ko'zim uyqug'a bordi (уснул)* служат носителями семы состояния.

В фраземах, имеющих в своем составе слово ***qo'l (рука),*** наблюдается использование данного компонента в роли и грамматической, и семантической базы: **ilik olishtilar**: «Boysunqur Mirzoning kishisi bila ilik olishtilar» («Померялись силами (воевали) с людьми Байсункура Мирзо»); **o'zimning iligimda:** «o'z jilovim o'zimning iligimda bo'lur» («моя воля будет в моих руках»); **ilikka tushdi:** «ilikka tushgan navkarlar» («воины, попавшие в плен»); **arkni iliklamoq**: «Shayh Boyazidni tutmoq kerak, arkni iliklamoq kerak» («Надо поймать шейха Баязида, надо захватить крепость»). Во всех приведенных примерах слово *ilik*, то есть *qo'l (рука),* использовано в переносном значении, а именно *воля, владение,* что представляет собой следствие образа жизни и мировоззрения народа.

В связи с тем, что паремы представляют собой языковое явление с более сложной компонентной структурой, нежели лексические единицы, воссоздание их в переводах возлагает на переводчика особую ответственность.

Это обусловлено тем, что паремы в качестве художественно-изобразительных средств участвуют в обычном изложении мысли. Более того, они служат выражению стилистических особенностей, повышающих образную

и эмоционально-изобразительную ценность произведения. Ввиду этого, стремление к целесообразному переводу парем с учетом их своеобразных характеристик приравнивается к созданию художественного произведения.

При сравнительном исследовании природы пословиц и поговорок языков оригинала и перевода выявление содержательно-стилистических соответствий между ними, определение способов и возможностей интерпретации одного из них посредством другого закладывает основу для создания всецело адекватного перевода. В объекте нашего исследования, «Бабур-наме», автор умело использовал пословицы, поговорки и фраземы. В этом и вся причина плавности и привлекательности языка произведения. В переводах фразем из «Бабур-наме» на турецкий язык наблюдаются следующее:

1. Фразема переведена при помощи близкой ей по смыслу фраземы:

«Bir tom uyga kirib, o't yoqib, bir zamon ko'zim uyqug'a bordi» («Зашел в один дом, зажег огонь и уснул») [6, 99] – «Duvarla çevrilviş bir eve girip, ateş yakıp, bir müddet uykuya daldım» [1, 125].

В переводе выражения *ko'zim uyqug'a bordi* не использован компонент *ko'z*, а в качестве его эквивалента употреблена фразема *uykuya daldım*. Состояние сна Бабур изображает относительно *ko'z (глаз)*, а в переводе *uykuya dalmak* используется относительно всего тела. Вместе с этим трехкомпонентная фразема *(ko'zim uyquga bordi)* переведена при помощи двухкомпонентной фраземы *(uykuya daldım)*. В узбекском языке слово *uyqu* не сочетается с понятием *daldı (утонуть)*, используемым со словами *xayol (мечта), o'y (мысль)*. Это также является одной из различительных характеристик фразем в узбекском и тюркском языках.

2. Фразема переведена буквально (слово в слово):

- выражение "*ko'z ilmas*" (не обращать внимание) использовано в форме *nazar-ı dikkate almazdı* (не замечать).

«Bu fir'avn ani ku'z ilmas edi» («Этот строящий из себя фараона не считался с ним») [6, 45] – «Fakat bu fır'avn onu nazar-ı dikkate almazdı» [1, 26].

Компонент *ko'z* в составе данного выражения в турецком языке воссоздан при помощи относящегося к *ko'z* обстоятельственного существительного с изофа (добавочной частицей) *-ı: nazar-ı dikkate.* Понятие *не обращать внимание (не считаться)* в смысловом отношении также несколько смягчено, вместо «*игнорировать*» приближено к понятию всего лишь «*не замечать*».

«Shayx Boyazidni tutmoq kerak, arkni iliklamoq kerak» («Надо поймать шейха Баязида, надо захватить крепость») [6, 95] – «Şeyh Bayezdni yakalamak ve erki ele geçirmek lazım» [1, 126].

В данных примерах фразема *arkni iliklamoq* переведена в форме *erki ele geçirmek (захватить с силой)*. В переводе вместо понятия *qo'l (ilik – рука)* использована другая фразема, передающая значение *с силой – kuch*.

3. Значение фраземы передано при помощи словосочетания:

Фразема *ko'z yetar yerda* переведена при помощи *gözle görünür*.

«Kun tush bor edikim, ko'z yetar yerda bir otning ustida bir nima yaltirab ko'rinadir» («Время было полуденное, в поле зрения на каком-то коне, что-то

блестящее виднелось») [6, 99] – «Öğle vaktı gelmişti; gözle görünürbir yerde bir at üzerinde bir şey parlıyordu» [1, 124].

«Ilikka tushgan navkarlarning tamom bo'yniga urdurdi» («Всех попавших в плен джигитов велел обезглавить») [5, 57] – «Eser düşen adamlarının hepsinin başlarini kestirdi» [1, 43].

Здесь фразема *ko'z yetar yerda* переведена при помощи словосочетания *gözle görünür (видимое глазу)*, а выражение *ilikka tushgan* при помощи *eser düşen (попавший в плен)*.

В первой фраземе сохранен компонент *ko'z*, изменились только грамматические категории, во втором примере фразема *ilikka tushkan* заменена передающим данное значение выражением *asir tushish,* что облегчило восприятие текста. Надо отметить, что выражение *asir tushish* также встречается в узбекских исторических источниках.

3. Фразема исчезает, а ее значение передаётся одним словом.

«O'yga ko'z soling, o'yni iturmang, to yo'lning qay sari chiqari ma'lum bo'lg'ay» («Смотрите за коровами, не потеряйте их, будет видно, на какую сторону дороги выйти») [4, 87] – «Öküze bakın, ne der; yolın nereye çıkacağı malum oluncaya kadar yürü» [1, 101].

«Ushbu kun ba'zi beklar Xiyobon boshida Boysunqur mirzoning kishisi bila ilik olishtilar» («В этот день некоторые беки в начале Сквера воевали с людьми Байсункура Мирзо») [5, 56] – «O gün bazı içki beyler hiyaban başında Baysungur Mirza'nın adamları ile çarpıştılar» [1, 41].

В данной ситуации выражение *ko'z soling* воссоздано в форме *bakın (взгляните, посмотрите)*, фразема *ilik olishtilar* выражена при помощи слова *çarpıştılar (столкнулись)*. Это упростило смысл, заложенный в тексте.

Таким образом, сравнительное и структурное исследование использованных в «Бабур-наме» выражений и их переводов на турецкий, помогает выявить сегодняшнюю эволюцию исторических фразем и определить их своеобразие в переводах. А это способно обеспечить важной научно-теоретической информацией такие отрасли науки, как история языка, теория языкознания, лексикология, лексикография и фразеология. В рассмотренных нами выше соматических фразеологизмах и их переводах можно наблюдать общие и различные черты в обычаях, образе жизни и традициях наших народов.

Литература

1. Gazı Zahiriddin Muhammad Babur. Vekayi. Babur'un hatıratı : Cılt II. – Ankara, 1987.
2. G'anieva SH. O'zbek frazeologizmlarining struktur tadqiqi [= Структурное исследование узбекских фразеологизмов]. – T., 2013.
3. Jumanazarova G. Aql uzvli iboralar [= Выражения с частицей Aql (разум)] // O'zbek tili va adabiyoti [= Узбекский язык и литература]. – T. – №2.
4. Rahmatullaev SH. Fe'l frazeologik birliklarda mavjudlik kategoriyasi [= Категория существования (mavjudlik) в глагольных фразеологических

единствах] // Uzbek tili va adabiyoti [= Узбекский язык и литература]. – 1963. – №4.
5. Rashidova U. Uzbek tilidagi somatik iboralarning semantik-pragmatik tahlili (ko'z, qo'l va yurak komponentli iboralar misolida) : PhD avtoreferati [= Семантико-прагматический анализ соматических выражений в узбекском языке (на примере выражений с компонентами *глаз, рука* и *сердце*) : Автореферат дисс. доктора философии (PhD)]. – Samarqand, 2018.
6. Zahiriddin Muhammad Bobur. Boburnoma [Бабур-наме] / nashrga tayyorlovchi S. Hasanov. – T., 2002.

© **Мухаммадиева Д.**, 2020

Х. С. Мухитдинова,
педагогика фанлари доктори, профессор, Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети, Тошкент (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена взглядам Бабура на дипломатию. Согласно автору статьи, Бабур ставит престиж царства на небывалый уровень.

Изучение дипломатического наследия Бабура сегодня имеет огромное практическое значение в подготовке кадров для системы государственного управления. Среди приоритетов дипломатии Бабура автор отмечает стремление заключить мир с противниками, завоевание преданности жителей Афганистана и Индии, уважительное отношение к их религии и обычаям, протягивание щедрой руки вдовам, проявление доброты к подчиненным.

По мнению автора статьи, бесчисленные сады, медресе, мечети, дворцы, построенные Бабуридами в Хорасане и Индии, ценятся как исторические сооружения и почитаются по сей день, в частности, Тадж-Махал, признанный одним из новых семи чудес света.

ЗАҲИРИДДИН МУҲАММАД БОБУРНИНГ ДИПЛОМАТИК ҚАРАШЛАРИ

Дипломатия ва дипломатик муносабатлар давлат ва уни бошқарув сиёсати вужудга келган даврдан бошланган ва ўз вазифаси, мавқеига эга бўлган амалий соҳа ҳисобланади. «Ўзбек тилининг изоҳли луғати»да ушбу атама қуйидагича изоҳланади: «Дипломатия – давлатнинг ташқи халқаро сиёсатини амалга ошириш, чет мамлакатлар билан алоқа қилиш соҳасидаги фаолияти» дир [5, 624]. Шунингдек, бошқа кўплаб луғатларда ҳам дипломатия давлатлараро муносабат, давлатнинг сиёсати, бошқа давлатлар билан алоқаларини йўлга қўйиш соҳасида музокаралар, келишувлар олиб боришга қаратилган фаолият сифатида тавсифланади. Бу борада турлича шарҳлар мавжуд бўлиб, жумладан, В. Л. Исраэльян хорижий олимлар томонидан дипломатия сўзининг изоҳига доир берилган бир қатор таърифларни келтириб ўтади [3, 16]:

«Дипломатия – наука о внешних сношениях или иностранных делах государства, а в более узком смысле – наука или искусство переговоров» (Ш. Мартенс).

«Дипломатия есть применение ума и такта ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, а иногда также между этими государствами и их вассалами» (Э. Стоу).

«Дипломатия, в широком смысле слова, означает применение такта, проницательности и мастерства в любых переговорах и сделках» (К. Райт).

«Дипломатия и дипломаты могут научить нас, как можно жить терпеливо и в хорошем настроении при наличии неразрешенных проблем» (Д. Маклеллан, У. Обсон, Ф. Зондерманн).

Келтирилган таърифлар дипломатия сўзи тор маънода– давлатнинг ташқи халқаро сиёсатини амалга ошириш, чет мамлакатлар билан алоқа қилиш

соҳасидаги фаолияти, кенг маънода эса музокара олиб бориш санъати тушунчаларини ифодалашини кўрсатади. Бу ўринда шуни алоҳида эътироф этиш керакки, дипломатия тушунчасининг қадимий, тарихий илдизлари айнан унинг кенг маънодаги тавсифи билан боғлиқ. Яъни, дипломатия, аввало, давлатлараро алоқа сифатида эмас, балки давлатнинг ички бошқаруви тизимини тартибга солишда давлат аъёнлари, аъёнлар ва амалдорларнинг ўзаро ва раият (халқ) билан муносабатлари, музокара-мулоқот юритиш маҳоратлари, ҳар бир давлатнинг ички тартиб-қоидаларини амалга ошириш фаолиятида муваффақиятга эришиш санъати сифатида юзага келган. Кейинчалик давлатчиликнинг кучайиши давлатлараро алоқаларнинг ва дипломатик музокаралар олиб бориш эҳтиёжининг юзага келишига олиб келган. Шарқда, хусусан, Мовароуннаҳрда дипломатияга нафақат музокаралар олиб бориш, балки ўзаро мулоқот олиб бориш санъати сифатида қаралган ва дипломатик назокат юксак қадрланган.

Ўзбек халқининг улуғ бобокалони, буюк давлат арбоби, машҳур саркарда, шоир ва ёзувчи Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг давлатчилик сиёсати Шарқ ва Ғарб олимлари, сиёсатчилари томонидан чуқур эътироф қилингани барчага маълум. Бобурнинг жаҳонга машҳур нодир асари «Бобурнома»да унинг дипломатик қарашлари, қарийб 500 йил ҳукм сурган бобурийлар империясидаги давлат бошқаруви тартиб-қоидалари, олиб борилган дипломатик музокаралар ҳақида махсус тўхталиб ўтилмаган бўлса-да, ҳодиса-воқеалар тасвири, шахслар тавсифида Бобур дипломатиясининг қирралари, сарой аъёнлари, амалдор ва беклар, ҳинд рожалари, элчилар, раият (халқ) билан музокара-мулоқот юритишдаги дипломатик назокатини англаб етиш қийин эмас. У. Уватов «Бобурнома»да бу турли макон ва замонда содир бўлган жонли мисоллар орқали берилганини ва Бобурнинг юксак дипломат сифатидаги сиёсати даражасини белгилашга ҳам хизмат қилганини таъкидлайди [1].

Шуни таъкидлаш керакки, Бобур ўзи жорий қилган тартиб-қоидаларга барча амал қилишини қатъий талаб қилар, ўзи ҳам бу тартибларга риоя қилар эди. Бобур дипломатик қарашлари ўзи барпо этган империянинг барча ҳудудларида салтанат бошқарувини темурийлар давлати тартиблари ва дипломатик қонунлари заминида ташкил этиши ва айни вақтда давлат бошқарувини ўзига хос янги тартиб-қоидалар билан бойитиб борганида ҳам намоён бўлади. Бобур жорий этган ушбу тартиб-қоидалар барча бобурий шаҳзодалар ва маликалар томонидан ҳам қадрланиб келган ва Ҳиндистон ҳамда Афғонистондаги маҳаллий халқлар анъаналарига ҳурмат билан қараш замирида янги тартиблар ҳам жорий қилиб борилган. Кўпчилик тадқиқотчиларнинг фикрича, давлатни бошқариш бобидаги юксак дипломатик қобилият Бобурда жуда ёшлигидан шаклланган бўлиб, бу унинг сарой муҳитида катта бўлгани ва кичиклигидан саройдаги аъёнларнинг ўзаро муомалалари, музокаралар ва дипломатик учрашувларни ўрганганлиги натижасидир.

Бобур дипломатиясининг энг муҳим жиҳатларидан яна бири шундаки, у ўз салтанатини адолат билан бошқариш баробарида йўл қўйган хатоларини дарҳол тан олиб, очиқ баён этар ва тезда тузатишга ҳаракат қилар эди. Шунингдек,

Бобур қўл остидаги шоҳлар, амирлар, беклар, ҳатто ўз рақиблари ва душманларининг дипломатик ҳатти-ҳаракатлари, мулоқот юритишдаги назокатини синчковлик билан кузатар ва ҳар бирига баҳо бериб борар эди.

Тадқиқотчи Л. Асророва ўз изланишларида Бобурнинг давлат миқёсида ўтказиладиган тадбирларда, ҳатто тўй маросимларида ҳам дипломатик сиёсатга жиддий эътибор қаратгани, бу, аввало, ушбу тантаналарда темурий шаҳзодалар, сарой аъёнлари, меҳмон сифатида таклиф этилган ҳинд рожалари, элчиларни дипломатик протокол доирасида жойлаштиришида яққол намоён бўлиши ҳақида тўхталиб ўтади. Ушбу фикрнинг исботи сифатида Бобурнинг 1528 йили «шанба куни, рабиулаввал ойининг йигирма тўққизида ўғли Аскарийга мурассаъ камар ханжар била подшохона хилъат кийдуриб, алам ва туғ ва нақора ва тавила тупчоқ ва ўн фил ва қатор хачир, подшохона асбоб ва олот инъом» девон бошида ўтиришини расман эълон қилиб тўй берганини мисол сифатида келтиради. «Бобурнома»да тўй тантаналари тасвирида иштирокчиларига уларнинг вазифаси, мартабаси, давлат бошқарувидаги ўрни, ёши инобатга олиб жой белгиланган, меҳмонларга бундай иззат-икром кўрсатиш орқали Бобур уларнинг эътиборини қозонишга, уларни ўзидан узоқлаштирмаслик асосида ўз тарафдорларини кўпайтириш ва ўз салтанатини Ҳиндистонда янада барқарорлаштиришга интилганини қайд этиб ўтади [1, 363].

Бобурнинг ўз фарзандлари Ҳумоюн, Комронга салтанатни демократик тарзда, бамаслаҳат бошқариш, нокас ва ножинсларни асло давлат ишларига аралаштирмаслик, зинҳор ҳиндлар ва бошқа халқларнинг дини, урф-одат ва муқаддас деб билган анъаналарига дахл қилмаслик, аксинча, уларга эҳтиром билан қарашни таъкидлаб ёзган мактублари ва васиятномалари унинг узоқни кўра биладиган, давлат бошқарувининг энг нозик жиҳатларини чуқур биладиган, салтанат обрўйига ниҳоятда катта эътибор қаратадиган ҳукмдор бўлганлигини таъкидлайди.

Маълумки, «Бобурнома»да жуда кўп тарихий шахсларга таъриф ва тавсифлар берилган. Шуниси эътиборга сазоворки, Бобур бирор бир шахсга ўша даврнинг юксак маънавий-маърифий ва ахлоқий мезонлари асосида баҳо беради, шунингдек, давлат ва халқ фаровонлиги йўлида олиб бораётган ишларини ҳам қайд қилиб ўтади. Бобур салтанат обрўйини ниҳоятда юқори қўяди. Унинг фикрича, салтанат обрўйи узоқни кўра биладиган, тез хулосага келадиган, одамларни ўзига эргаштира оладиган, сўз қудрати устун, саводли шахслар билан боғлиқдир. Бобур дипломатиясининг ушбу жиҳатларини жиддий ўрганиш бугунги кунда давлат бошқаруви тизимига кадрлар тайёрлашда ниҳоятда катта амалий аҳамиятга эга.

Бобур дипломатиясида рақиб томон билан сулҳ тузишга интилиш, ўз қўли остидаги Афғонистон ва Ҳиндистон фуқароларига бағрикенглик билан қараш, уларнинг дини ва урф-одатларига ҳурмат билан қараш, бева-бечораларга саховат қўлини чўзиш, бунёдкорлик ишларига бош-қош бўлиш орқали қўл остидагиларга меҳр-мурувват кўрсатиш устувор йўналиш ҳисобланган. Бизнингча, Бобурийлар сулоласининг шундай катта ҳудудда узоқ муддат ҳукмронлик қилишининг сабабларидан бири ҳам шунда бўлган. Бобур ва

бобурийлар томонидан Хуросон ва Ҳиндистонда қурилган беҳисоб боғ-роғлар, мадраса, масжид, саройлар тарихий иншоотлар сифатида қадрланиб, бугунги кунгача эъзозланиб келмоқда. Хусусан, дунёдаги етти мўъжизанинг бири сифатида эътироф этилган Тожмаҳал ҳам бобурийлар сулоласи томонидан барпо этилгани Бобур дипломатиясида инсонпарварлик ва бағрикенглик устувор йўналиш ҳисобланганини исботлайди. Демак, Бобур шахсияти нафақат йирик давлат арбоби, шоир ва ёзувчи сифатида, балки ўткир сиёсатдон, дипломат сифатида ҳам чуқур ўрганилиши керак.

Адабиётлар

1. Асророва Л. Заҳириддин Муҳаммад Бобур // Қаранг : Буюк юрт алломалари. – Т. : Ўзбекистон, 2016. – 363 б.
2. Буюк юрт алломалари / У. Уватов таҳрири остида. – Т. : Ўзбекистон, 2016. – 364 б.
3. Исраэльян В. Л. Дипломаты лицом к лицу. – М. : Международные отношения, 1990. – С. 9–13
4. Расулов Р., Абдуллаева Н. Ўзбек дипломатик нутқи. – Тошкент, 2005. – 16 б.
5. Ўзбек тилининг изоҳли луғати : 1 жилд. – Т. : Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006. – 624 б.

© **Мухитдинова Х. С.,** 2020

О. А. Науменко,
к. филос. н., доц. НИТУ МИСИС, г. Москва

«НА ПУТЬ ДОБРА МЕНЯ НАПРАВЬ СВОЕЙ РУКОЙ…», ИЛИ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА

В истории найдётся не так много полководцев, правителей, князей, королей или царей, вся жизнь которых была направлена на поиск некоего смысла. Не столько смысла жизни, сколько смысла своих деяний, поиска своего «откровения», поиска утраченной Родины. Последнее, в конечном счёте, как показывает история, невыполнимая задача. В ряду таких правителей наиболее возвышается фигура выдающегося политического деятеля, дипломата, полководца, поэта, оставившего после себя блестящие произведения, вошедшие в классику мировой литературы – Бабура.

Вариативность характера великого правителя обусловливается его воспитанием, почитанием своих кровных уз, почитанием матери. Точно также великий Бабур переносит своё отношение к любимой женщине в своей лирике. Тем самым читатель вводится в своеобразный поведенческий тупик. Где же Бабур настоящий? Видимо, дело в том, что великий полководец и великий поэт ко всему относился с предельным откровением, выполняя те действия, которые были необходимы с его стороны в данный момент времени.

Поэзия Захириддина Мухаммада Бабура многогранна и, по большей части, лирична. Его жизнь была богата событиями как положительными, так и отрицательными. Весь его жизненный путь закалил дух и волю, научил переносить все тяготы и невзгоды, а самое главное – научил искренне выражать свои чувства. Поэтому в таком полководце, как Бабур, уживался Бабур-лирик. Хотелось бы обратиться к философскому содержанию отдельных четверостиший Бабура, которые и по сей день завораживают своей магией не только впервые читающего его стихи, но и искушённого бабуроведа.

В одном из своих четверостиший Бабур выступает против тривиальности человеческого существования и выражает своё отношение к жизни дервиша:

Бродягой стань, но не рабом домашнего хламья.
Отдам и этот мир и тот за нищий угол я.
Бродяжничество – не позор, и нищенство – не срам,
Уйти куда глаза глядят – давно мечта моя. [1, 57]

Бабур во многих своих четверостишиях выступает в роли путешественника, но путешествия его часто носили характер военных походов, и поэтому смысл следующего отрывка может пониматься двояко:

Не жертва скопидомства я, не пленник серебра,
В добре домашнем для себя не вижу я добра.
Не говорите, что Бабур не завершил пути, –
На месте долго не стою. Мне снова в путь пора. [1, 57]

Большое место в творчестве Бабура занимает мысль о Родине. Он практически всю свою жизнь провёл вдали от своего родного города Андижана.

Поиск утраченного смысла заключался, в частности, и в поиске своей юдоли. Но вернуться на свою Родину Бабуру было не суждено. Поэтическая и душевная тоска по родному краю красной нитью проходит практически через все произведения Бабура.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек. [1, 58]

* * *

О ветер, ты за день весь облетаешь свет.
Лети в ту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет. [1, 66]

Бабур, как человек войны, постоянно находился между моральным выбором добра и зла. В какую же сторону склониться? Бабур на этот вопрос находит такой ответ:

Повсюду снег и снег – над полем, над рекой.
Снег радостен для тех, в чьём сердце есть покой.
О боже, предо мной все замело дороги.
На путь добра меня направь своей рукой. [1, 62]

Жизнь для человека в молодости кажется слишком медленно текущей, а в старости слишком быстро. Бабур хочет наставить потомков в правильном понимании текучести жизни, для того, чтобы каждый успел сделать всё, что хотел и задумал вовремя. А самое главное для Бабура – это, конечно, вовремя любить:

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь, как птица, брат.
Лови её сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат. [1, 62]

Верность для полководца всегда важнее всего. Без верности долгу, отчизне, своему военачальнику победа навсегда останется призраком:

Коль обо мне вчера подумал кто-нибудь,
Я говорю ему: «И завтра не забудь,
Считай меня своим товарищем надежным
И так же, как вчера, мне завтра верен будь!» [1, 65]

Но верность родителям превыше всего:

Уж лучше совершить тяжёлых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем, став ослушником, родителя обидеть,
Чем не прийти к нему в тяжелый час на зов. [1, 72]

Лирика Бабура настолько прекрасна, что может даже вызвать слёзы умиления. Но есть у него и такие четверостишия, что заставляют испытать холодок ужаса, который испытывали когда-то воины противостоящих Бабуру армий:

О воины, у вас есть доблесть, нету силы.
Сойдите с этих стен, как вам они ни милы.
Два выхода у вас, у полумёртвых, есть:
Ворота отворить или сойти в могилы. [1, 69]

Человеческие качества всегда притягивали к себе поэтов. Бабур выразил свой взгляд на некоторые из них:

Кто презирает всех, презрения достоин.
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям бог хороших даст в друзья,
А кто с другими плох, отмщения достоин. [1, 69]

Вечность бытия всегда сталкивается с мгновением жизни человека. Эта антиномия неизбежна, и многие поэты с грустью фиксируют этот факт. У Бабура эта антиномия тоже носит пессимистический характер, однако в стихах это звучит прекрасно:

Не вечно ничего: ни осень, ни весна,
Не верен другу друг, подруга не верна.
Спеша, вертится круг, напрасно жизнь проходит,
Безрадостна, увы, и коротка она! [1, 73]

Мгновение человеческой жизни заканчивается смертью. Печально, когда смерть приходит не вовремя, не в глубокой старости, а в юности:

Ушел юнцом… Увы, беде в угоду
Не длите слез осеннюю погоду.
И все ж за каждую слезу о нем
Пускай судьба добавит вам по году… [1, 77]

Захириддин Мухаммад Бабур был мудрым правителем. Думается, что следующее его четверостишие и сегодня многому может научить правителя любого государства:

Страною правя, чти людей труда,
От них не отделяясь никогда.
Забудь свои пристрастья и обиды,
Внимай их бедам, а не то – беда. [1, 77]

Поэзия Бабура, несомненно, занимает видное место в истории мировой литературы. Его лирика, трактаты о поэзии и жизнеописание «Бабур-наме» представляют собой выдающиеся произведения, которые дополняют картину мировой цивилизации. А вот что пишет сам Бабур о своём поэтическом творчестве:

Где розы – там шипы, зло в радости, ну что ж!
Без горечи в вине нет сладости, ну что ж!
Вот и в моих стихах, то грустных, то веселых,
И взлеты есть порой, и слабости, ну что ж! [1, 72]

И даже в своей критике он великолепен.

Литература:

1. Бабур. Лирика : 1 книга / сост. С. Хасанов. – Ташкент : Узбекистан, 1982.

2. Бабур. Рубаи : сувенирное издание / пер. Н. Гребнева и Л. Пеньковского. – Ташкент : Изд-во Г. Гуляма, 1981.
3. Бабур-наме : Записки Бабура / пер. М. Салье ; общ. ред. и доработка С. А. Азимджановой ; Ин-т востоковедения АН Респ. Узбекистан. – 2-е изд., доработанное. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с.

© **Науменко О. А.,** 2020

А. А. Нишонов,
Фарғона давлат университети докторанти, Фарғона шаҳар (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена борьбе Бабура против Шейбани-хана в Ферганской долине. В конце XV – начале XVI века в Ферганской долине разгорелась борьба между Бабуром-мирзой и Джахангиром-мирзой за престол, которая привела к ослаблению власти Тимуридов. Шейбани-хан, воспользовавшись такой ситуацией, совершил поход с целью покорить Ферганскую долину.

ФАРҒОНА ВОДИЙСИДА БОБУР МИРЗОНИ ШАЙБОНИЙХОНГА ҚАРШИ КУРАШИ

XV аср охири XVI аср бошларида Фарғона водийсида Бобур мирзо ва Жахонгир мирзолар ўртасида ўзаро тожу тахт учун кураш кучайиб, темурийлар ҳокимиятни кучсизланишига олиб келди. Бундай вазиятдан унумли фойдаланган Шайбонийхон Фарғона водийсини эгаллаш учун юриш бошлади. Айни шу жараённинг Фарғона водийсида қай тарзда кечганлиги тарихшунослигимизда [5; 8; 9; 10; 11; 16] ва қисман Заҳириддин Муҳаммад Бобур мирзонинг ҳаёти ва давлатчилик фаолиятига оид асарларда ёритиб берилган [1; 2; 3; 4; 7; 13; 14; 15; 17]. Чет эл тарихшунослигида Сват Соусекнинг «Марказий Осиё тарихи» («A history of inner Asia»), Рене Грооссетнинг «Марказий Осиёда кўчманчилар империяси тарихи» («The Empire of the Steppes: a History of Cental Asia») асарларида ҳам Шайбонийхон ва Бобур мирзоларнинг Фарғона водийсидаги кураши ҳақида маълумотлар учрайди.

Бобур мирзо ва Муҳаммад Шайбонийхонларни Фарғона водийсидаги курашини юқоридаги тарихий манба ва адабиётларни таҳлил қилиб ўргандик.

1497 йил Бобур мирзо Самарқандни эгаллаганидан сўнг кўплаб аскарлар Андижонга қайтиб кетади, буни сабаби сифатида Сайфиддин Жалилов Самарқандда иқтисодий аҳвол ёмонлиги, ҳамма ёқ таланавериб отларга ем ҳашак, аскарларга озиқ овқат топилмасиги айтади [15, 38].

Ўш ҳокими Аҳмад Танбал ва Ахси ҳокими Узун Ҳасан бошчилигида бир гуруҳ амирлар Бобур мирзони укаси Жаҳонгирни тахтга ўтқазиб Фарғонада ҳокимятни қўлга олади. Бобур мирзо уларга Тулун Ҳўжа исимли элчи юбориб уларни тартибга чақиримоқчи ва фитнани олдини олмоқчи бўлади, лекин Фарғона амирлари Самарқанд Андижон аскарлари томонидан эгалланганлиги ҳамда у ер ҳам Фарғонага солиқ тўлаши кераклиги айтиб элчини ўлдирадилар. Бобур мирзонинг устози Хожа Қози ва унга содиқ амирлар Самарқандга элчи юбориб зудлик билан Фарғона мулкига қайтиши кераклиги «Бобурнома» асарида қуйдагича ёритилган: «Бизларни мундоқ мусоҳара қилибтурлар. Агар келиб фарёдимизга етмасангиз иш вубол бўлғусидир. Самарқанд Андижон кучи бирла олиниб эрди. Агар Андижон иликта бўлса яна тенгри рост келтурса, Самарқандни иликласа бўлур» [6, 50]. Бу орада Бобур мирзо касалланиб тўрт кун ётиб қолади. Андижонга Бобур мирзо ўлим тўшагида ётибди бугун эрта ўлади

деган ҳабар тарқалиши, фитначиларга янада куч қўшади, кўплаб амирлар Аҳмад Танбал тарафига ўтиб кетади. 1497 йил февраль ойида Самарқандни ташлаб Андижонга қайтган Бобур мирзо Хўжандга етканида Самарқандни Султон Али мирзо эгаллаганини эшитади. Бобур мирзо Фарғона ҳам, Самарқанд ҳам қўдан кетишини «Бобурнома»да: «Бормоққа не маскан муяссар, турмоққа не давлат муқаррар» – деб эслайди . Бу воқеалардан сўнг Бобур мирзо Хўжандда бир ярим йил яшайди. Фарғонада Аҳмад Танбал бошчилигидаги амирлар халқни талаши ва иқтисодий қийинчиликлар туфайли дастлаб Бобур мирзога қарши бўлган амирлар, энди Аҳмад Танбалга қарши Бобур мирзо атрофида бирлашишига сабаб бўлади. Марғилон ҳокими Али Дўст тоғай Хўжандга элчи жўнатиб Бобур мирзони Андижон тахтини эгаллашга чақириб унга ёрдам беришини ва халқ уни кутаётганини айтади. Фарғонанинг жанубидаги вилоятлар Бобур мирзони қўллаб қувватлайди. Иброҳим ва Вайс лағорийлар Поп қаласини Ҳасан Дикча бошчилигидаги халқ Ахсини қўлга киритиб Бобур мирзога ёрдамга келади. Бобур мирзони тоғаси Султон Маҳмудхон ҳам Тошкентдан ёрдам кучларини жўнатади.

1499 йил июн ойида Бобур мирзо яна Фарғона тахтига чиқади. Бу орада Шайбонийхон Мовароуннаҳрни қўлга киритишни бошлаб, дастлаб Буҳорони сўнг Султон Али ҳукмронлик қилаётган Самарқандни эгаллайди. Ахсида Узун Ҳасан Бобур мирзога бўйсуниб яна уни хизматига киради. Аҳмад Танбал Бобур мирзонинг укаси Жаҳонгир мирзони олиб Ўзганга чекиниб, қайтатдан ҳужумга тайёрланади. Бобур мирзони устози Хожа Мавлонийни дорга остирган ва халққа азоб берган амирларни Бобур мирзо жазолаб, уларни талашга буюради. Икки сув орасида икки мингдан ортиқ мўғул аскарлари бўлиб, улар Тошкент ҳокими Султон Маҳмудхонга, бази вақта Бобур мирзога, базида душман тарафда ёлланма қўшин сифатида хизмат қиларди. Бобур мирзо иқтисодий қийинчилик сабаб уларни ҳам талашни буюрди, бу уни хатоси эди. Мўғул аскарлари Аҳмад Танбалга одам юбориб уларга қўшилишларини айтади ва биргалашиб Бобур мирзога юриш уюштирадиалар. Косонда икки ўртада жанглар бўлиб ўтади. Бобур мирзо қўшинидан Саид Юсуф Мажамий бошлиқ кўплаб аскарлар Аҳмад Танбал тарафига ўтиб кетиши ғолиб бўлиб турган Бобур мирзони сулҳ тузушга мажбур қилади. Сулҳга кўра Ахси билан бирга Фарғона водийсиниг шимоли Жахонгир мирзога, Андижон билан Фарғона водийсиниг жануби Бобур мирзога берилади. Сулҳ бандида икки шахзода бирга Самарқандга юриш уюштириб Самарқанд эгалланиши, ундан сўнг Самарқанд Бобур мирзога, Фарғона Жахонгирга берилиши келишиб олинади.

1500 йилнинг май ойида Бобур Самарқанд тахтини эгаллаш учун Фарғонани тарк этганида, бу ерда ҳокимиятни унинг укаси Жахонгир мирзо номидан Аҳмад Танбал қўлга олган эди. Ўз ҳокимиятини мустаҳкамлаш мақсадида Аҳмад Танбал ака-укаларига водий шаҳарларини бўлиб беради. Жумладан, Андижон Султон Муҳаммад Қалпуқ, Ахси Шайх Боязид, Ўзган Халилбек, Марғилон эса Бек Телба томонидан бошқарилган [6, 92–107].

Бобур мирзо Самарқандни Шайбонийхонга бой бергач, тоғалари Тошкент хони Султон Маҳмудхон ва Мўғулистон хони Султон Аҳмадхонлар ёнига борди.

Улар ёрдамида Фарғонадаги ҳокимиятини тиклашга харакат қилди. Тоғалари Бобур мирзога Сариқ Бош Мирза бошлиқ мўғул қўшинини бериб Фарғона водийсиннинг жанубий-шарқ томонларини эгаллаш учун жўнатади. Султон Махмудхон ва Султон Аҳмадхон бошлиқ мўғул қўшинлари Ўш ва Ўзганни қўлга киритиш учун йўлга чиқади. Бобур мирзо Хўжанд, Марғилон ва Ахси қўлга киритилиб Андижонга юриш қилган вақтда, Ўш ва Ўзганда мўғуллардан енгилган Аҳмад Танбал ҳам Андижонга юради. Бобур мирзо қўшинларини суст ҳаракат қилиши ва тунда Андижон яқинида икки иттифоқдош мўғул ва Бобур мирзо бошлиқ қўшини бир бирини танимай жанга кириши, буни оқибатида Бобур мирзо қўшинини тарқаб кетиши, Аҳмад Танбалга Андижонга кириб олиш ҳамда қалъани мустаҳкамлашига олиб келди.

Аҳмад Танбал эса ўз ҳукмронлигини сақлаб қолиш мақсадида Шайбонийхон ҳузурига акаси Бек Телбани жўнатиб, ундан ёрдам сўрайди. «Танбал, – деб ёзади Бобур мирзо, – Шайбоқхонға оғаси Бек Телбани юбориб, итоат изҳори қилиб, тилаб эди. Бу фурсатда Шайбоқхоннинг нишонлари келди: юруймен, деб битибдур» [6, 100]. Бутун Мовороуннаҳрни забт этишни мақсад қилган Шайбонийхон учун Аҳмад Танбални ёрдам сўраши айни муддао эди. Чунки Фарғонанинг Бобур мирзо ва мўғул хонлари қўлига ўтиши Мовароуннаҳрнинг шарқий қисмида Шайбонийхон учун жиддий рақибни пайдо бўлишига олиб келарди.

Шайбонийхон Мовороуннаҳрда марказлашган давлат барпо қилиш учун уни барча ҳудудларини эгаллаши кераклигини, буниг учун шарқдаги мўғул хонларини тез-тез бўлиб турадиган ҳужумларини олдини олиши, шунинг учун ҳам Фарғона мулкини қўлга киритиши зарур эди. Аҳмад Танбал жўнатган Бек Телба бошчилигидаги элчилар унинг учун айни муддао эди. Муҳаммад Солиҳ мўғул хонлари Бек Телба элчилигидан хабар топишлари билан Шайбонийхон ҳузурига элчи юборганликлари ва бу юришни олдини олишга ҳаракат қилганликларини таъкидлайди. Муаррихнинг фикрича, мўғул ҳонлари элчи алмашиш орқали вақтдан ютишга умид қилганлар. Шунингдек, улар Ўратепа ва Тошкентда қолдирилган мўғул қўшинлари ҳам Шайбонийхонга қаршилик қилиш учун етарли бўлади, деб ҳисоблаганлар. Манбаларда Тошкентда қолган мўғул қўшинининг сони ҳақида маълумот берилмаса-да, Ўратепада турган мўғул лашкарининг адади беш минг кишидан иборат эканлиги таъкидланган [11, 176–181]. Муҳаммад Солиҳнинг айни шу маълумотларини Мирзо Ҳайдар ҳам ўзининг «Тарихи Рашидий» асарида тасдиқлайди [10, 233–234]. Лекин хонларнинг умиди оқланмади. Шайбонийхон хонларнинг элчисини ўзи билан олиб Ўратепага юриш бошлади. Ўратепани қийинчиликсиз эгаллаган Шайбонийнинг лашкарлари Фарғонага кириб боради.

Шайбонийхон дастлаб Жаҳонгир Мирзо ҳукмронлик қилаётган Хўжанд қаласини қўлга киритиш учун юриш бошлайди. Жаҳонгир Мирзо Хўжандни ташлаб чиқиб тоғ тарафга қочади. Хўжанд қалъасини Санжар Барлос бошчилигида 6 мингдан ортиқ аскарлар халқни ҳимоя қилгани, Шайбонийхон укаси Султон Маҳмудхон бошчилигида элчи юбориб таслим бўлишларини буюргани, лекин улар таслим бўлмай курашганлаврини Муҳаммад Солиҳ

“Шайбонийнома” асарида такидлайди [11, 173]. Шайбонийхон Хўжандни эгаллаб, тўрт кунлик озиқ овқат, отларга ем ҳашак олиб Конибодом тарафга борди, у ерни эгаллаб Қўқонга келади.

Мўғул аскарлари Ўш ва Марғилон ҳудудларидаги халқни талагани сабабли водий аҳолиси ҳам уларга қарши қўзғалон кўтаради [6, 100]. Бу вақтда Хўжандни қўлга киритган Шайбонийхон Конибодомга етиб келади. Водий халқининг норозилиги кучаяётган бир шароитда Марғилонда қолишни маъқул кўрмаган мўғул хонлари эса Сирдарёнинг шимол томонига ўтадилар. Уларнинг мақсади довон орқали Тошкент сари чекиниш бўлган. Чунки, мўғуллар қўлида водийнинг шимолидаги бир неча кичик қалъаларгина қолган бўлиб, асосий шаҳар Ахси, Аҳмад Танбалнинг иниси Шайх Боязид қўлида эди.

Муҳаммад Солиҳнинг таъкидлашича, Шайбонийхон ҳам ўз лашкари билан Хўқони Ўрчин яқинида Сирдарёдан ўтиб Ахси тарафга юради [11, 187]. Қўшин Сирдарёни кечиб ўтишда тўртта кема ва жуда кўплаб соллардан фойдаланган. Муҳаммада Солиҳ бази бир аскарлар ўзини эпчиллигини кўрсатиш учун сувдан сузиб ўтганини, улар орасидан Бойри қазоқ деган аскарни эслаб ўтади [11, 188].

Шайбонийхоннинг тезлик билан ҳаракат қилиши мўғул хонларини Архаён даштида жангга киришга мажбур қилган. Архаё даштида Ахси қалъасидан беш йиғоч узоқликда Шайбонийхон ва Мўғул хонлари ҳамда Бобур мирзо бошлиқ миг кишилик қўшин бир бирига қарши саф чизадилар. Архаё жанги 1503 йили март ойида бўлиб ўтади. Бу жангда Шайбонийхон қўшини таркибида Қўнғирот уруғи етакчлари Ҳусайн, Али, Манғит уруғида Ҳожи Ғози, Қўшчилик Кўпак, Яқуб ўзбаклар, Шайбонийхон кўкалдоши Қорачин Девон, ўғли Қанбар, Дўрмон уруғи етакчиси Жанвафобий каби саркардалар бор эди. Шайбонийхон қўшинини сўл қанотига Ноймон улуси беки Қанбар, ўнг қанотига Султон Махмудхон ва унинг ўнгида Урус, сўлида Оқмуҳаммад, чап қанот биринчи қаторига Хамза Султон, марказда Шайбонийхон ўғли Темур Султон, Жонибек Султон, қўриқчи қисимларда Шайх Мурид, Абучак Баҳодир, Чолбошлар қомондонлик қилади.

Шайбонийхоннинг барча қўшини отлиқлардан иборат бўлиб «Жибасиз бир киши топилмас эди, жибасиз хон қўлиға келмас эди» – деб Муҳаммад Солиҳ «Шайбонийнома»да ёзиб қолдиради [11, 199].

Муҳаммад Солиҳ мўғул хонларида ўттиз минг, Заҳириддин Муҳаммад Бобур кўл остида эса минг кишилик қўшин борлигини таъкидлаб ўтади [11, 194]. Мирзо Ҳайдар эса иттифоқчилар қўшини ўн беш минг кишидан иборат бўлганини таъкидлаган [10, 234]. «Бобурнома»да мўғул хонлари Фарғонага ўттиз минг кишилик лашкар билан келганлиги қайд этиган [6, 94]. Хонларнинг Фарғонада бир йилга яқин Ахмад Танбалга қарши курашганини ҳисобга олсак Архиён жангида уларнинг ихтиёрида ўттиз мингга етар-етмас аскар бўлганлигини тахмин қилишимиз мумкин. Шунга кўра биз Мухаммад Солиҳ берган маълумот хақиқатга яқин, деб ўйлаймиз.

Бу орада Аҳмад Танбал ҳам ўзини ўнглаб олиб укаси Ахси ҳокими Шайх Боязидга ёрдам учун юруш қилади. Бу орада Жаҳонгир Мирзо Аҳмад Танбалдан

айрилиб акаси Бобур мирзо ёнига Ахсига келади. Бу воқеа Аҳмад Танбални Фарғонада реал кучга эга мустақил ҳукмдорга айланганини кўрсатади. Ахсида Бобур мирзо ва Жаҳонгир Мирзолар Аҳмад Танбалдан енгилиб ҳар тарафга қочадилар.

Архаё жангида Шайбонийхон ва Аҳмад Танбал иттифоқи ғалаба қозонди. «Султон Маҳмудхон ва Султон Аҳмадхон ҳумоюн хоқон қўлига асир тушдилар, Муҳаммад Бобур мирзо эса қочиб кетди. Агар қиёматасар ғазаб ул хонларнинг ҳаёти хирманини куйдурмасин ва ҳаёт риштасини узмасин деган истакларингиз бўлса, Тошкентни ташлаб чиқиб, ўз ватанингиз Мўғулистонга кетинглар» деган хабар билан юборди [13, 91]. Шайбонийхон бу хонларни авф этишиниг боиси (Шайнонийхон ва Султон Маҳмудхон, Султон Аҳмадхон яни Олачахон келиб чиқиши Чингизхонга бориб тақалади), яна бир сабаби Султон Маҳмудхон бир вақтлар Шайбонийхон укаси Султон Маҳмудхонни асир олиб, кейин уни қўйиб юборгани эди.

Жангда енгилган Бобур мирзо Фарғонани жануба қараб чекинади ва шу йўл орқали Қобулга ўтиб кетади. Бобур мирзони Фарғона водийсида чиқиб кетиш ҳақида Сайфиддин Жалиловнинг «Бобирнинг фарғона давлати» асарида кенг ёритиб ўтилган [15, 95-98].

Шайбонийхон Фарғонани эгаллагандан сўнг Андижонга Аҳмад Танбални, Ахсига Шайх Боязидни, Марғилонга Бек Телбани ҳоким қилиб қўяди. Ўз Тошкентга йўл олиб у ерни эгаллайди. Тошкентга Жонибек Султонни ҳоким қилиб тайинлаб ўзи Самарқандга қайтади.

Жангда ғолиб чиққан Шайбонийхон Тошкентни ўз давлати таркибига киритади. Фарғонани эса ўзининг ҳукмронлигини тан олган Аҳмад Танбалга қолдириб, Самарқадга қайтади. Лекин, манбаларда алоҳида кўрсатилмаган бўлса-да, Хўжанд шаҳрини Шайбонийхон ўз мулклари таркибида қолдирган деб ўйлаймиз. Жанг билан эгалланган бу шаҳар Аҳмад Танбалга қайта инъом этилганида, манбаларда таъкидланган бўларди. Шунингдек, 1504 йили Фарғонага қилинган юришда шайбоний султонлар қўшини тўпланадиган жой сифатида Хўжанд шаҳрининг белгиланлиги ҳам шундай фикр билдиришга асос бўлади.

Таҳлилар асосида шуни айтиш керакки биз чет элда чоп этилган баъзи манбаларда, мисол учун: Рене Гроуссетнинг «Марказий Осиёда кўчманчилар империяси тарихи» («The Empire of the Steppes a History of Cental Asia») асарларида Шайбонийхон Фарғона водийсини Мўғул хонлари Султон Маҳмуд ва уни укаси Олачахондан олган деган нотўғри ҳулоса берган [21, 481-482]. Бранко Соусек, Сват Соусекнинг «Марказий Осиё тарихи» («A history of inner Asia») номли 2000 йилга чоп этилган асарининг 10-бўлим 161 бетдаги маълумотларда Шайбонийхон Фарғона водийси Бобур мирзо қўлидан тортиб олган деган ҳулосани беради. Аслида Шайбонийхон Фарғона мулкини Фарғонада Темурийлар ҳокимятига чек қўйган Аҳмад Танбал қўлидан олганлиги такидлаб ўтмоқчимиз.

Адабиётлар

1. Азимжонова С. Қ. К истории Ферганы второй пол. XV в. – Т. : АН УзССР, 1962.
2. Азимжонова С. Қ. Государство Бобура в Кабуле и в Индии. – М. : Наука, 1977.
3. Аҳмедов Б. Тарихдан сабоқлар. – Т. : Ўқитувчи, 1994. – 430 б.
4. Аҳмедов Б. Ўзбекистон тарихи манбалари. – Т. : Ўқитувчи, 2001. – 199 б.
5. Замонов А. Буҳоро хонлигида қўшин тузилиши ва ҳарбий бошқарув. – Т. : BAYOZ, 2018. – 208 б.
6. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома / нашрга тайёрловчи П. Шамсиев. – Т. : Юлдузча, 1989. – 367 б.
7. История народов Узбекистана : Т. 2 / под ред. С. В. Бахрушина. – Т. : АН УзССР, 1947. – 459 б.
8. История Узбекистана : XVI – первая половина XIX в. / отв. ред. Д. А. Алимова. – Т. : Фан, 2012. – С. 20–84.
9. Камолиддин Биноий – Шайбонийнома / Ўзбекистон тарихи хрестоматияси. XVI-XIX асрлар – Т. : Fan va texnologiya, 2014. – Б. 7–12.
10. Мирзо Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / введение, пер. с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой, примеч. и указ. Р. П. Джалиловой и Л. М. Епифановой. – Т. : Фан, 1996. – С. 344;
11. Муҳаммад Ҳайдар Мирзо. Тарихи Рашидий / сўз боши ва изоҳлар муаллифи ҳамда таржимонлар В. Раҳмонов ва Я. Эгамова. – Т. : Шарқ, 2010. – 703 б.
12. Муҳаммад Солиҳ. Шйбонийнома / таҳрир ҳаяти А. Қаюмов ба бошқалар; Нашрга тайёрловчи ва сўз боши муаллифи Э. Шодиев. – Т. : Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. – 336 б.
13. Муҳаммадёр ибн Араб Қатаған. Мусаххир ал-билод / форс тилидан таржима, изоҳлар ва кўрсаткичлар муаллифлари: Исмоил Бекжонов, Дилором Сангирова. – Т. : Янги аср авлоди, 2009. – 430 б.
14. Нишонов А. Султон Саидхон ҳукмронлиги даврида Фарғона давлати // ФарДУ илмий хабарлари. – 2018. – № 2. – Б. 50 – 53.
15. Сайфиддин Ж. Бобирнинг Фарғона давлати. – Т. : Фан, 1995. – 148 б.
16. Сайфиддин Ж. Бобур ва Андижон. – Т. : Ўзбекистон, 1993. – 100 б.
17. Сайфиддин Ж. Бобур ҳақида ўйлар. – Т. : Шарқ, 2006. – 101 б.
18. Ҳофиз Таниш ал-Бухорий. Абдулланома / форс тилидан С. Мирзаев таржимаси, илмий муҳаррир, нашрга тайёрловчи, сўз боши ва изоҳлар муаллифи академик Б. Аҳмедов. – Т. : Шарқ, 1999. – 414 б.
19. Юсупова Д. Фарғона водийсининг XVI-XVIII асрлар даври тарихига оид қўлёзма асарлари // Фарғона водийси янги тадқиқотларда Республика илмий анжуман материаллари. – 2012. – Б. 122–125.
20. Branko Soucek, Svat Soucek. A history of inner Asia. – Cambridge University press, 2000. – P. 337.
21. Grousset Rene. The Empire of the Steppes a History of Cental Asia / Translated from the France by Naomi Walford. – New Jersey : Retgerts University press, 1970. – P. 653.

© **Нишонов А. А.,** 2020

М. О. Носирова,
преподаватель УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЫСЛИ АЛИШЕРА НАВОИ И ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Великий узбекский поэт Алишер Навои – гуманист, мыслитель, основатель узбекской классической литературы и узбекского литературного языка, ученый, художник, музыкант, государственный деятель, оставивший потомкам богатое литературное наследие. Его имя является символом прогресса своей эпохи для народов всего мира. Алишер Навои писал стихи, поэмы, прозаические произведения, научные трактаты, всесторонне раскрывающие духовную жизнь Средней Азии XV в. Он писал на языках тюрки и фарси.

Одним из лучших лирических произведений Навои является «Сокровищница мыслей». В него вошли четыре цикла – «Чудеса детства», «Редкости юности», «Диковины среднего возраста» и «Последние советы старости», содержащие около 2500 газелей.

Вершиной творчества и самым значительным литературным трудом является «Хамса» («Пятерица»), которая состоит из пяти поэм: «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет», «Стена Искандера». Это воистину художественная энциклопедия с глубокой философской основой, поднимающая много важнейших вопросов того времени: о государственной власти, о нравах, воспитании, о высоких идеалах любви и дружбы, о науке и т.д. Поэт прославляет жизнь, весну. Благословленную природу, в единении с которой – залог счастья человека [1, 29].

Его поэмы включают наставления, обращенные к молодежи, правителям и народу, призыв к миру:

«Поймите, люди всей земли: вражда – плохое дело,
Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела» …

Навои высоко ценил человеческий разум и науку:

«Знания и мудрость – украшение человека».

В его поэтических и прозаических произведениях широко представлены вопросы воспитания и обучения. Педагогические взгляды Навои глубоко гуманистичны. Большое внимание он уделял вопросам формирования и воспитания ребенка, которого считал светилом в доме, приносящим в семью радость и счастье.

«Ребенку, – говорил Навои, – *с малых лет необходимо дать правильное воспитание, сообразуясь с возрастом, а к изучению наук надо приступать как можно раньше. Овладение науками и ремеслами – должны быть полезны народу, ибо тот, кто получил знания и не сумел их применить, похож на крестьянина, вспахавшего поле, но не засеявшего его».* [2, 83]

Навои осуждал принуждающие методы воспитания как в школе, так и дома, выступал за светское образование, был против телесных наказаний:

... «Главное – это любовь к детям. Невежественные учителя – большой бич для школы» ...

... «Учитель должен не только в совершенстве знать свой предмет и обладать глубокими знаниями, но и понимать нужды народа, показывать во всем пример". [2, 96]

Говоря о роли и значении учителя в обществе, Навои подчеркивал, что учителя необходимо уважать. Навои призывал прививать молодому поколению любовь к Родине, уважение к человеку самому высокому и ценному дару Вселенной.

Значительное место в произведениях Навои занимают вопросы нравственного и трудового воспитания:

«Коль можешь ты свершить благое дело,
Коль у тебя семья и дети есть.
Смотри, чтоб время зря не пролетело…
Ты породил детей, но должен знать,
как с малых лет им воспитанье дать».
«Коль хочешь без печалей обойтись,
наукам и ремеслам обучись».

Любовь к родному языку у Навои не имела границ. Он развил староузбекский литературный язык до классического совершенства. Это проявлялось не только в стихах и поэмах, но и в его научных трактатах.

«… Мало говорить – признак мудрости,
немного есть – залог здоровья».
«Не воспитывать способного – несправедливо,
воспитывать неспособного – напрасный труд».
«Словами можно смерть предотвратить,
Словами можно мертвых оживить».
«Пока не вызрели слова, сказать их не спеши
И славе сразу не вверяй всех тайн своей души.»

Светлый образ выдающегося гуманиста, просветителя, патриота и борца за справедливость Алишера Навои будет вечно жить в памяти многих поколений, потому что он ясно понимал: высочайший смысл жизни – в служении народу:

«Зовется человеком только тот,
Кто болью человеческой живет».

И этой своей заповеди Алишер Навои был верен всю жизнь. Поэт считал:

«Не могут люди вечно быть живыми,
Но счастлив тот, чье будут помнить имя».

И его помнят – его имя среди классиков мировой литературы находится рядом с такими именами, как Гомер и Данте, Рудаки и Фирдоуси, Низами и Руставели, Саади и Джами, Шекспир и Пушкин. Его книги переведены на многие языки, рукописи хранятся в крупнейших библиотеках мира. Великому поэту, известному всему миру, воздвигнуты памятники не только в Центральной Азии, но и в Москве, Баку, Токио. Нам, его потомкам, поистине дано гордиться

великим поэтом и как можно лучше изучать его бессмертное творчество, которое учит мудрости жизни, призывает к добру и торжеству просвещения.

Наш край в XV веке дал второе мировое имя – это Захириддин Мухаммад Бабур. Певец восточной поэзии Захириддин Мухаммад Бабур родился в эпоху Навои. Бабур не встречался с Навои, но есть сведения, что они переписывались. Бабур очень любил Алишера Навои и считал его своим наставником.

Бабур – выдающийся представитель узбекской литературы, известный узбекский поэт, большой ценитель и покровитель науки, искусства, географ и этнограф, историк и государственный деятель, полководец. За свою короткую 47-летнюю жизнь оставил богатое литературное и научное наследие. Его перу принадлежат: знаменитое «Бабур-наме», снискавшее мировую признательность, оригинальные и прекрасные лирические произведения, содержательные трактаты по музыке, рифме, просодии, военному искусству.

В своих газелях и рубаи он поднимает такие проблемы человеческих отношений как любовь, дружба, стремление к прекрасному. В поэзии Бабура затронуты вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Поэт дает искренние советы как человек в себе должен воспитывать лучшие моральные качества. Бабур проповедовал идеи гуманизма, добра справедливости, любви к родному народу, возвеличивал простого человека – труженика, духовную красоту и важность его труда:

«Страною правя, чти людей труда,
От них не отделяясь никогда,
Забудь свои пристрастья и обиды,
Внимай их бедам, а не то – беда» ... [1, 127]

Во многих строках поэта чувствуется философская направленность:

«Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я много постиг, но ниц учениками.
Быть потому, что сам я ученик».

Созданное Бабуром высоко художественное произведение «Бабур-наме» имеет автобиографический характер и состоит из трех частей, повествующих о правлении Бабура в Мавераннахре (1494-1504), Афганистане (1504-1524) и Индии (1524-1530). Бабур писал его на протяжении двадцати пяти лет. Произведение передает особенности природы, фауны и флоры Центральной Азии, Афганистана и Индии. Бабур одновременно вел топографические, топонимические, этнографические наблюдения. В «Бабур-наме» подробно описываются география, обычаи народов Индии, приводит факты по этнографии: интересные описания различной одежды индусов, образа жизни простого народа.

Кроме географо-этнографических сведений, Бабур не обходит стороной и культурную жизнь регионов. В «Бабур-наме» дается характеристика деятельности ведущих ученых, поэтов, музыкантов – Алишера Навои, Абдурахмана Джами, Шайхима Сухайлий, Биноий, Сайфий Бухарий, Бехзода и

др. Пословицы, поговорки, народные предания, приведенные в книге, делают ее неотразимой как ценное литературное, этнографическое произведение.

Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его произведение переведено на многие языки мира.

Алишер Навои и Захириддин Бабур высоко ценили науку и человеческий разум и считали мудрость и знание украшениями человека. В их произведениях очень широко раскрыты вопросы обучения и воспитания, а их педагогические взгляды глубоко гуманистичны. Они уделял большое внимание вопросам воспитания ребенка. Невежественных учителей Навои считал наказанием для школы, потому что учитель обязан в совершенстве знать преподаваемый им предмет, понимать нужды народа, обладать глубокими знаниями и во всем показывать пример. Навои призывал учителей прививать ученикам любовь к родине и уважение к самому ценному и высокому дару вселенной – человеку. В произведениях поэтов значительное место занимают вопросы трудового и нравственного воспитания.

Современная педагогика предполагает постоянный пересмотр, коррекцию воспитательного процесса, который меняется в потоке знаний о человеке. История педагогики наглядно показывает различность течений и направлений в ней, каждое из которых имеет важную задачу воспитания личности учеников. Своеобразным способом передачи знаний выступает метод находить решение в ситуации обучения, применяя притчи и легенды, содержащие в себе вековую мудрость. Они учат находить решение проблемы, развивают мышление, воображение и интуицию. Некоторые притчи несут вдохновение, другие же побуждают задуматься или смеяться. Они открывают для учеников новые жизненные ориентиры и ненавязчиво предлагают пути личностного роста и будущих изменений [5, 95].

Классики педагогической мысли предлагают множество других факторов, которые имеют весомое значение в становлении личности учеников. К примеру, причиной неудач и дискомфорта является дисгармония, при обучении самым важным, что необходимо сообщать, является чувство гармонии. Развить в детях гармонию не так сложно, как кажется на первый взгляд, для этого достаточно показать ребенку самые разные проявления гармонии в разных жизненных ситуациях. Современные педагогические исследования подтверждают необходимость гармоничного развития и воспитания подрастающего поколения [5, 101].

Педагогические взгляды Навои и Бабура обуславливают ее установки на необходимость следовать такому принципу: усвоить определенный комплекс переданных наставником знаний, совершенствоваться нравственно, овладеть специальным комплексом физических и психологических упражнений. Параллельно с духовным ростом у человека развивается и способность к пониманию.

Литература

1. Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли : учеб. пособие для студентов педвузов. – М. : ВЛАДОС, 2008.
2. История педагогики и образования : от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / под ред. акад. РАО А. И. Пискунова. – М. : Сфера, 2008.
3. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учебник для студентов. – М., 2007.
4. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М., 2007.
5. Педагогические технологии: учеб. пособие для студентов / под общ. ред. В. С. Кукушина. – М. : МарТ, 2008.

© **Носирова М. О.**, 2020

Н. Т. Нурулла-Ходжаева,
д. филос. н., доц. ИСАА МГУ, г. Москва

ИНДИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИМПЕРИИ МОГОЛОВ

Всего несколько месяцев назад группа индуистских националистов запустила в *Твиттере* кампанию по удалению из индийских учебников истории Империи Моголов. Такого рода выпады, разумеется, подводят исследователя к вопросу: как именно эта мусульманская династия – или иначе этническая мешанина персидско-тюркского характера – сумела править 150 миллионами людей, принадлежащих к разным языковым и этническим группам? К тому же необходимо учесть, что эта династия создала одну из крупнейших империй в истории человечества на своем пике (в 1700 г.). Предполагаю, что идеи националистов по поводу жестокого и безудержного насилия по отношению к своим подданным индусам (понятно, что среди них были предки сегодняшних националистов) на территории империи кажется маловероятным и нелогичным. С учетом такого подхода в предлагаемом обзоре индийской историографии империи Моголов сделан акцент на современную трактовку истории. Однако с самого начала позвольте оговорить, что рамки статьи (и знания самого автора) не позволяют охватить тему широко. Соответственно, перед вами весьма краткий анализ, который является лишь началом исследовательского интереса к истории этой удивительной исторической мозаики.

Самые ранние истории Великих Моголов были написаны самими Моголами и их современниками. Это часто делалось по инициативе императоров, и в других случаях такого рода работы принимали форму биографий и хроник. Одним из самых известных трудов является «*Akbarnama*» [1], написанный во времена правления *Акбара* (1542-1605) его знаменитым придворным шейхом *Shaikh Abu'l Fazl ibn Mubarak* (1551-1602) [16].

Карл Маркс однажды заметил: «У Индии вообще нет никакой истории, по крайней мере, известной истории». Вероятно, Маркс, как часто бывает, прав отчасти, потому что историю за пределами Европы европейцы знали не столь хорошо. Поэтому позволю себе ненадолго отступить от темы и сослаться на другого европейца, кто, к счастью, путешествовал по этой части земли. По оценкам французского путешественника графа де Модава, начиная с 1770-х годов в Индию из Центральной Азии и Ирана ежегодно импортировалось от 45 до 50 тысяч лошадей. Годовой объем торговли лошадьми составлял около двадцати миллионов рупий, что в три раза больше, чем общий объем бенгальского экспорта в Европу, учитывая обе Ост-Индские компании, английскую и голландскую [4, 327]. Однако колонизация меняет историю: с приходом в Индию британцы начинают настаивать на дистанции от Моголов. Этот раскол был представлен в двух измерениях:

- с одной стороны, цивилизованный характер Британской империи;
- и с другой – отсталость индусов, в особенности предшественников британцев – Моголов.

Соответственно, прежняя традиция написания истории, поддерживаемая интеллектуальной средой Моголов и двором императоров, начинает трансформироваться. В британских версиях начинает доминировать «могольский деспотический принц». По всей видимости, основатели британского колониального правления в Индии имели очевидную повестку: представить себя лучше, чем те, которые были до них.

По сценарию британцев, у них было два направления атаки:

- первый был закреплен в сложном административном механизме британского владычества;
- а другой – якобы в способности британцев к большей религиозной терпимости и просвещению.

Именно эти тенденции в Империи Великих Моголов колонизаторами были признаны несовершенными.

«Успех моголов» – это всего лишь «миф», говорили британцы. Он не мог состояться, так как его не было. Моголы как династия не была состоятельной и устойчивой, в результате безудержного деспотизма и провала, связанного с ростом «религиозной нетерпимости» в отношении большинства индуистских подданных со стороны Моголов.

Одним их многочисленных трудов, следовавших такой разработке британцев, была книга «*The History of British India*» [10] британского историка *James Mill*. Ее напечатали в 1817 г. Исследователь разделил все общество на три категории: Hindu, Muslim и British. Тем самым была выдвинута идея о том, что религия является основным определяющим элементом в индийском обществе. Британцы, придя в Индию, дали именно такую трактовку, называя ее «современным мировоззрением». Другим не менее ярким представителем такого видения истории был *William Harrison Moreland*. Он считал, что деспотический характер империи Моголов привел к плохой административной практике. Это, в свою очередь, означало, по мнению *Moreland*, что индийские крестьяне были гораздо лучше при англичанах, чем при Моголах [11].

Начиная с начала 1900-х годов, постепенно возникает поколение индийских историков-националистов. Они начинают оспаривать постановку британской колониальной историографии. Вероятно, самая большая группа историков оформилась в университете северного индийского города *Алигарх*. Хотя они также подчеркивали иностранное происхождение Моголов. Эту идею позже (после разделения в 1947 г.) подхватят более поздние индийские историки-националисты. Однако современный историк Моголов *Harbans Mukhia* в своей книге *The Mughals of India* («Моголы Индии») [6] разумно подчеркивает, что представлять Моголов как иностранцев неразумно. «Иноземность» Моголов – это побочный продукт самой идеи европейской колонизации, которая понимает только один вид правил – завоевателя, или иначе того, кто эксплуатирует ресурсы для блага своего народа. Эта система существенно отличается от средневекового способа завоевания, которым следовали Моголы и которые поселились на завоеванных землях.

Ученые, такие как *Allama Muhammad Shibli Nomani [2]* и *Munshi Zakaullah* [12], внесли в историю Моголов иной идеологический аспект. Они используют британские источники не столь критически. В книге 2012 года «Writing the Mughal World: Studies on Culture and Politics» Muzaffar Alam и Sanjay Subrahmanyam [13], утверждается, что работа Nomani «Aurangzeb Alamgir Par Ek Nazar» («Взгляд на Абрангзеб») [14] была адресована в основном мусульманской аудитории, объясняя, как моголы заботились о своих индусах. Это было время, когда в Британской Индии участились бытовые беспорядки. Очевидно, что у Номани была задача представить Моголов как покровителей немусульман.

Другая, не менее важная и значимая работа была написана известным бенгальским историком Jadunath Sarkar (1870–1958). Это «A short History of Aurangzib, 1618–1707» («История Аурангзеба») [18]. Его идея была в том, что «ахиллесовой пятой» Аурангзеба было его исламское мировоззрение, и основное объяснение упадка Великих Моголов коренится, скорее, в личном характере «императора», а не в административных и политических системах.

Националистические и коммунистические выпады по истории Моголов были (до некоторой степени) прерваны публикацией книг индийского эрудита Damodar Dharmananda Kosambi, его книгой «An Introduction to the Study of Indian History» («Введение в изучение истории Индии») [5]. В работе главенствовал класс вместо религии, и она стала толчком для части историков отойти от анализа династических моделей и сосредоточиться на социальной и экономической истории. Соответственно, они выходят на дискуссию таких вопросов, как: мог бы капитализм развиваться в Индии без англичан, или же британцы были все же той силой, которая принесла динамизм, необходимый для продвижения Индии к капитализму.

Возможно, самым известным из марксистских историков, который последовательно шел по такому пути, был Irfan Habib, принадлежавший к школе университета г. Алигарх. Его работа «The Agrarian System of Mughal India, 1556-1707» («Аграрная система Могольской Индии») [7] очень быстро приобрела статус классической. Это был важный поворотный момент, хотя его обвиняли в раздувании роли классовой борьбы и крестьянского сопротивления в качестве объяснения причин упадка империи Моголов. За Irfan Habib вскоре последовали другие историки, такие как Iqtidar Alam Khan [8] и M. Athar Ali [9], оба из мусульманского университета г. Алигарх. Их основные положения можно увидеть в соответствующих томах Кембриджской экономической истории Индии. Они имеют тенденцию непропорционально концентрироваться на периоде между началом правления *Акбара* и концом правления *Аурангзеба*: с 1556 по 1707 год – утверждая, что основные институты, которые поддерживались в течении этого периода, были заложены при *Акбаре*. Они сосредоточены на усилении централизации государственного аппарата, особенно системы доходов, в этот период времени.

Одна из интересных идей по поводу представления истории Моголов современными историками – это попытки расширить традиционное представление истории Могольской Индии. Работающая в г. Алигархе историк

Shireen Moosvi, чьи труды во многом соответствуют традиции упомянутого Irfan Habib, например, писала о различных формах налогообложения и оплаты труда при Моголах. Основа ее статьи «*The World of Labour in Mughal India, 1500–1750*» («Мир труда в Могольской Индии») [19, 245-261], опубликованной в 2011 году в журнале *International Review of Social History*, заключается в том, что во время правления *Акбара* заработная плата выплачивалась за большинство видов работ. Таким образом, она расширяет классовые категории в аграрной системе Моголов, которые, по ее словам, не просто использовали наемный труд, они оплачивали его. Если это так, вся история труда и обращения денег в период Великих Моголов остается еще не исследованной.

Другая недавняя работа подталкивает читателей к тому, чтобы смотреть за пределы династий и сосредоточиться на социальных классах, которые располагаются по иерархической лестнице ниже аристократии. Книга Rajeev Kinra «Writing Self, Writing Empire» («Написание себя, написание империи») [15] посвящена *Чандар Бхан Брахману*, государственному секретарю Моголов (или *munshi*). Он жил в период правления *Акбара*, *Джахангира*, *Шах Джахана*, и *Аурангзеба*.

Книга Stephen P Blake «Time in Early Modern Islam: Calendar, Ceremony, and Chronology in the Safavid, Mughal, and Ottoman Empires» («Время в раннем Исламе: календарь, церемонии и хронология при Сефевидах, Моголах и Османах») [20] – инновационный вариант представления истории империй. Ученый сравнивает проектирование Сефевидов в Иране, Моголов в Индии и Османов в Турции, как они измеряли время и каковы были социальные последствия.

Другая, не менее важная тема – это гендерный вопрос в период власти Моголов. Разумеется, тема не нова, однако более ранние публикации о Моголах в основном писали о гаремах и о том, как были изолированы женщины в этом обществе. Эта тенденция начинает меняться, и гарем стали представлять как пространство, где традиционно обсуждались и решались важнейшие вопросы государственной политики. Новые работы дают представление о том, как женщины гарема были частью общественной жизни. В качестве примера можно привести книгу Ruby Lal «Domesticity and Power in the Early Mughal World» (2005) («Семейственность и Власть в мире ранних Моголов») [17].

Совсем новым трендом в индийской историографии по Моголам стало внимание к происхождению Моголов, к их центрально-азиатским корням. Это особенно важно в связи с концепцией «национального государства», которая во времена Великих Моголов не имела реального смысла. Поэтому рассматривать их как исключительно индийское явление не совсем оправданно. Примером этого является книга историка Lisa Balabanlilar «Imperial Identity in the Mughal Empire: Memory and Dynastic Politics in Early Modern South and Central Asia» («Имперская идентичность в империи Великих Моголов: память и династическая политика в ранней современной Южной и Центральной Азии») [3].

В целом по нашему краткому анализу историографии Индии мы определили четыре основных школы историографии империи Моголов: Националистическая, Кембриджская, Марксистская и социально-культурная.

Литература

1. Abu'l-Fazl ibn Mubarak. The History of Akbar : Volume I : the Akbarnama / ed. by Wheeler M. Thackston ; Murty Classical Library of India. – Harvard : Harvard University Press, 2015. – 656 p.
2. Allah Muhammad Shibli Nomani. Open Library. – URL: https://openlibrary.org/authors/OL2384A/Allama_Muhammad_Shibli_Nomani (дата обращения: 20.01.2020)
3. Balabanlilar L. Imperial Identity in the Mughal Empire: Memory and Dynastic Politics in Early Modern South and Central Asia. – New York : IB Tauris, 2012.
4. Comte de Modave. Voyage en Inde du Comte de Modave, 1773– 1776 / ed. by J. Deloche. – Paris, 1971. – P. 327.
5. Damodar Dharmananda Kosambi. An Introduction to the Study of Indian History. – Hyderabad : Sangam Books, 2004. – 415 p.
6. Harbans M. The Mughals of India. – NJ : Wiley–Blackwell, 2004. – 224 p.
7. Irfan Habib. The Agrarian System of Mughal India, 1556-1707. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 584 p.
8. Iqtidar Alam Khan. The political Biography of Mughal Noble : Munim Khan–I–Khanan 1497–1575. – New Delhi : Munshiram Manoharlal Publishers, 1991. – 212 p.
9. M Athar Ali. Mughal India. – Oxford : Oxford University Press, 2020.
10. Majeed, Javed. Ungoverned Imaginings : James Mill's the History of British India and Orientalism. – Oxford : University of California Press, 1992. – 225 p.
11. Moreland H. India at the Death of Akbar. – London, 1920.
12. Munshi Zakaullah. Ebooks. – URL: https://www.rekhta.org/ebooks?author =munshi-mohammad-zakaullah (дата обращения: 20.01.2020)
13. Muzaffar Alam, Sanjay Subrahmanyam. Writing the Mughal World : Studies on Culture and Politics. – NY : Columbia University Press, 2011. – 480 p.
14. Nomani, Aurangzeb Alamgir Par Ek Nazar, Urdu Akademi Sindh. – Karachi, 1960. – 128 p.
15. Rajeev Kinra. Writing Self, Writing Empire. – Berkeley : University of California Press, 2015. – 394 p.
16. Rizvi, Saiyid Athar Abbas. Religious and Intellectual History of the Muslims in Akbar's Reign : With Special Reference to Abu'l Fazl. – New Delhi : Munshiram Manoharlal Publishers, 1975.
17. Ruby Lal. Domesticity and Power in the Early Mughal World. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 241 p.
18. Sarкар J. A short History of Aurangzib, 1618–1707. – 1962. – 478 p.
19. Shireen Moosvi. The World of Labour in Mughal India (c. 1500–1750) // International Review of Social History. – Volume 56, Issue S19 : The Joy and Pain of Work: Global Attitudes and Valuations, 1500–1650. – 2011. – pp. 245-261.

20. Stephen P Blake. Time in Early Modern Islam : Calendar, Ceremony, and Chronology in the Safavid, Mughal, and Ottoman Empires. – Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2013. – xiii, 209 p.

© **Нурулла-Ходжаева Н. Т.**, 2020

С. М. Нуруллаева,
Докторант БухГУ, г. Бухара (Узбекистан)

МЕТАФОРИЗАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ГАЗЕЛЯХ БАБУРА

Известно, что в истории тюркской литературы особое место занимает непревзойдённый поэт, покровитель науки, тимурид Захириддин Мухаммад Бабур. Его творчество выделяется своеобразным миром образов, близким народному языку. Каждый из разнообразных образов устного народного творчества имеет конкретный символический смысл, особенно, мифические образы выражают своеобразное значение.

Мифические образы появились как элементы, отражающие долгие исторические процессы. Известно, что каждый образ в мифах отражает какую-то сторону народного мировоззрения. Однако такие образы служат для создания своеобразной привлекательности в образцах классической поэзии.

Также известно, что в узбекской классической поэзии, в особенности, в газелях шаха и поэта Захириддина Мухаммада Бабура использованы разнообразные мифические образы. Среди них мифический образ в виде животного – дракон. Поэтические выражения, созданные при посредстве образа дракона, привлекают отдельное внимание.

Дракон – один из самых сложных и универсальных зооморфных образов, который изображен в устном народном творчестве различных народов как двукрылое, огнедышащее, двух или трехголовое мифическое существо в виде змеи [2, 23].

В «Толковом словаре узбекского языка» слово дракон – «аждахо» – происходит от персидского слова, обозначающее мифическую огромную змею, а в переносном значении используется для выражения ненависти к злому человеку, кровопийце [4, 44].

В художественной литературе, в основном, является символом зла и жадности, и в переносном смысле служит для выражения ненависти и алчности. А иногда метафора дракон используется как символ красоты для изображения глаз и заплетённых волос возлюбленной.

В нашей классической поэзии одним из основных образов, выражающим самое сильное чувство – любовь, является образ дракона. Кроме этого, образ дракона используется в изображении жизни, которая полна трудностей и испытаний.

В «Толковом словаре языка произведений Алишера Навои» к слову дракон «аждархо» дается такое толкование:

«Аждархо» – 1. Аждар; огнедышащее, нападающее на человека, проглатывающее хищное фантастическое существо. 2. Враг, горе, ведущий к гибели, мстительное существо. 3. Охранник, сильный страж [3, 51].

В «Кратком концептуальном теоморфическом словаре метафор узбекского языка» образ дракона применяется в свыше десяти значениях [2, 24]. Также

слово «аждахо» использовано для выражения частей тела (косы, глаза), очень сильные чувства (например, любовь, страсть, беспощадность), отрицательные свойства характера (хвастовство, алчность, разбой), вредоносная система (например, бывшая тоталитарная система, период репрессий), болезни (беды, хлопоты), трудная жизнь, полная испытаний, войны, технические оружие (например, пушка), налетчики, насильники, преступные группы, алчные люди, а также, чрезвычайно способные люди (например, спортсмены).

В нижеследующих строках Бабура, имеющего своеобразный творческий стиль, образ дракона указывает на темные места, пещеры. Пасть дракона большая, как яма:

Зулфидаким маскан эттинг, кўр занахдон чоҳини,
Воқиф ўлгилким, эрурсен аждаҳрнинг комида [1, 28].

Перевод: «Ты в пасти дракона, помни, с опаской всегда смотри. На ямочку подбородка – колодца казни грозней».

Пут слова подбородок или ямочка на подбородка или щеке в классической поэзии считается символом красоты. Поэт преувеличивает, называя ямочку не просто маленькой ямочкой, а пастью дракона.

В мистицизме это считается колодцем темноты, а гнев возлюбленной бросает влюбленного в яму. В бейте образ дракона изображен как кудри возлюбленной. А в нижеследующих строках кудри любимой сравнены с самим драконом:

Ганжи ҳуснида кўрунг зулфи била гулгунасин,
Гўиё ўт солди ҳар ён ганж узра аждаре [1, 43].

Перевод: «В сокровищнице красоты увидь кудри и ланиты. Будто над казной дракон пышет огнем».

Легенды гласят, драконы водятся там, где есть сокровища. В данном бейте (строках) лицо любимой сравнивается с сокровищем, кудри с охраняющим его драконом, а румянцы на щеках – пламенное дыхание дракона. Стоит обратить внимание на то, что поэт в процессе метафоризации не отдаляется от мифологических понятий народа о драконе. Заплетенные волосы любимой охраняют её лицу, как дракон охраняет сокровища и, как дракон дышит огнем, такие румяные и ланиты любимой.

В газелях Бабура использованы и антропоморфные мифические образы. В том числе, в следующем бейте Бабур показывает сладкоречие возлюбленной:

Ким Хизр суйин оғизлағай лабингнинг қошида?
Ким Масиҳ алфозидин дегай каломинг борида? [1, 10]

Перевод: «Кто станет воду Хызра пить, когда уста твои так близки? И кто Мессии речь сравнит с твоей беседою живою?»

Хызр – слово арабское, означает «зеленеть». В исламских преданиях означает вечно живой праведник, испивший «живой воды» из родника жизни. По поверью народа, он помогает тем, кто оказался в тяжелой ситуации, и встречается в облике старца или странника. Хызр облегчает трудности.

Значит, поэт сравнивает речь любимой с «живой водой» Хызра, со словами Мессии (по преданиям Мессия мог воскрешать мертвых). В следующих строках тоже обращено к образу Хызра:

Хати лабиға тутош бўлса, эй кўнгул, не ажаб –

Ки, Хизр чашмаи ҳайвонга раҳнамоедур [1, 9].

Перевод: «О, душа, если узор (волосинки, пух) на её губах примкнул к губам, не удивляйся! Ведь Хызр тоже неразлучен с водою живой».

Здесь поэт мастерски использует значение «зеленая трава» слова Хызру и уподобляет губы любимой живой воде. По народному поверью, если кто испил живой воды, тот достигнет вечной жизни, а настоящий влюбленный наслаждается сладкой речью своей возлюбленной. Если любимая молчит, это мучает, убивает влюбленного, а ее слова даруют ему жизнь. В нижеследующих строках поэт обращается к образу Хызра, что «Мне не нужна живая вода, я насладился словами (речью) любимой, и значит, я достиг вечной жизни»:

Ҳаёт суйини қўйким, лабидин олдим ком,

Бор, эй Хизрки, манга умри жовидон келди. [1, 42]

Перевод: «Эй Хызр, иди, лей живую воду, я насладился её губами (речью). А значит, постиг вечную жизнь».

В этом бейте метафоризируется не образ Хызра, а образ «живой воды». И в следующих строках Бабура приведены образы живой воды Хызра:

Сўзунгким, Хизр суйидин нишондур,

Вале, ул су киби мендин ниҳондур [1, 64].

Перевод: «Известно, что речь твоя, как живая вода Хызра, Но также неизвестна, как и он».

В этом бейте мы наблюдаем, что поэт использовал образ Хызра, а именно, что «живая вода» скрыта. Слова любимый, как и вода Хызра живительны, и в то же время скрыты. То есть она не говорит с любимым, не услаждает своей беседой. В целом, в классической литературе через мифические образы создают логически связанные общие выводы. Поэт использует фольклорные мотивы для достижения своей цели. Мы это рассмотрели через образы Хызра и дракона.

В целом, метафора дракон широко используется в изображении любви, которая вошла в разрушенную душу или наоборот, разрушила (опустошила) душу. Когда в газелях метафоризируется такие качества дракон, как дышать огнем, разрушать, сжигать, охранять сокровища, приносить горе: сила. Тем самым создается поэтическая привлекательность.

Мы стали свидетелями изображения образа дракона в значении волос (кудрей) любимой в газелях Бабура. А образ Хызра, в основном, используется рядом со связанным с ним «живой водой» в значении беседы, сладкой речи любимой и служит для обеспечения речевой экспрессивности.

Литература

1. Бабур З. М. Не нашёл хранителя тайн : Копия парижского дивана : Стихи. – Т. : Писатель, 1993. – 80 с.

2. Махмараимова Ш. Краткий концептуальный теоморфический словарь метафор узбекского языка. – Т. : Чулпан, 2018. – 100 с.
3. Толковый словарь языка произведений Алишера Навои : 4 томный. – 1-й том. – Т. : Наука, 1983. – 656 с.
4. Толковый словарь узбекского языка : 5 томный. – Том I. – Т. : УзМЭ, 2006. – 680 с.
5. Толковый словарь узбекского языка : 5 томный. – Том IV. – Т. : УзМЭ, 2008. – 608 с.

© **Нуруллаева С. М.**, 2020

М. К. Нутфуллаева,
студентка ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

РОЛЬ ЛИРИЧЕСКОГО ЖАНРА «ТУЮК» В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Захириддин Мухаммед Бабур был творческой личностью. Его уникальный метод выражается особенностью слияния историзма с реализмом, жизненности с художественностью, чувственного выражения с реальностью. Великий создатель творчества рассматривает поэзию как средство просвещения души. Высокое творчество Бабура было основано на том, что он мог ловко обобщить личные переживания до общего серьезного уровня. В его литературно-эстетических взглядах особую роль играет его отношение к жанрам. Наблюдая за его отношением к литературным жанрам, сталкиваемся с необходимостью использования различных, разноцветных жанров, которые нашли свое применение в его творчестве. Развитие нескольких поэтических жанров связаны с творчеством Бабура. Одним из них является лирический жанр *туюк,* который указывает на творческое мастерство поэта.

Вернемся к истории возникновения этого жанра. Судя по источникам, *туюк* в переводе с тюркских языков обозначает «чувствовать». По теоретическим взглядам Т. Бабаева, с перевода с арабского языка этот жанр обозначал «спряжение». Его основная особенность заключалась в том, что рифмы в стихотворческом жанре должны быть в виде тажниса. Но Бабур в своем произведении «Мухтасар» указывал на то, что *туюк* может и не быть с тажнисом (однополость).

Был ли он жанром в классической восточной поэзии? На какие источники он опирается? В произведении «Фунунуль-балога» Шейха Ахмада Тарозий «одним из видов рубаи является *таки*. Его называют мужаннас, в рифме рубаи преобладает тажнис и это было изобретением турецких поэтов. Турки его называют *туюк*». Примером приводятся произведения таких поэтов, как Мухаммед Тимур Бурго, Хожи Акча Хиндий, где они используют рифму *аааба*. Следовательно, было очень много творческих людей, которые придерживались именно этого жанра. Первым образцом самостоятельного жанра *туюк* является творчество Лутфи. В его публикациях 17 раз встречается лирический жанр *туюк* и, помимо этого, в его Диване из 71 рубаи 61 зарегистрирован как *туюк*. По данным Натана Маллаева, первый образец *туюк* был образован Бурханиддином Сивасий. Взгляды указывают на то, что жанр *туюк* и сведения о его возникновении были различными. Навои в своем произведении «Мезон ул-авзон» о жанровых особенностях говорит следующее: «Yana turk ulusi bataxsis chig`atoy xalqi aro shoye' avzondurkim, alar ul vazn bila yasab, ajolisda ayturlar. Birisi "tuyuq" durkim, ikki baytga muqarradur va sa'y qilurlarkim, tajnis aytilg'ay va ul vazn ramali musaddasi maqsurdur». *(«Опять Тюркский Каганат научил народ Чигатая этому жанровому стилю, что они сочиняют свои стихи по нем. Один выбрал*

жанр «туюк», который состоит из 2 бейтов, который напоминает тажнис, состоявший из 6 строк»).

Бабур в своем произведении «Мухтасар» подробно описывает этот жанр. Турецкие султаны и монгольские ханы в своих собраниях придерживались именно этого лирического жанра. И он был настолько знаменит у них. Бабур описывает его особенности и виды, которые состоят из 7 пунктов:

1. «Во-первых, при каждой третьей рифме наблюдается тажнис.
2. Еще один из них похож на *китъа*, который в начальных строках бейта не придерживается рифмы, вместо рифмы бейтов употребляется тажнис
3. В следующем примере не придерживается стиля тажнис, наоборот произносится с двумя рифмами.
4. В другом же примере, не придерживаясь стиля тажниса, произносится с тремя рифмами.
5. Другой же пример произносится с четырьмя рифмами, опираясь на стиль тажнис.
6. Другой же вид представляет употребление в трех местах тажниса, вместо радифа, рифмуются начальные строки до тажниса.
7. И, наконец, последний вид *туюк* произносится до тажниса».

Автор указывает на применение стиля *туюк* без употребления тажниса в следующих образцах своего творчества:

Egma qoshu yaxshi parchamdur[1]sanga,
Rost qaddu zulfi purxamdur[2]sanga,
Chun bu yanglig'dur sanga xaylu xasham,
Xo'bluq mulki musallamdur[3]sanga.

В описании автора брови возлюбленной выглядят, как заплетенная коса. Осанка прямая, волосы кудрявые. Как бы они напоминают о средствах, которые приблизят к любимому. Даже все богатство красоты подвластно тебе. Любовное описание возлюбленной усиливается в данном стиле *туюк*. Автор вначале описывает возлюбленную, затем признается ей в любви. В последних строках его признание все усиливается. Она неповторима в своей красоте, что все подвластно ей. Бабур в таком применении стихотворного жанра *туюк* описал его малоупотребляемый вид и возможности.

Возникает вопрос: чем отличается *туюк* от других видов четверостишия в стихотворном творчестве? Остановимся на его жанровых особенностях. От мураббаъа отличается не указыванием псевдонима автора в конце строк, а от рубаи отличается своей ограниченной возможностью. Рубаи используется в различных темах, точнее, в 24 пунктах литературного размера хажаз бахра. А *туюк* используется только в описании любовных идей. Особенность жанра использование в рифме слов тажниса.

[1] Туг: заплетенные волосы, коса женщины
[2] Завернутый, круговой, кудрявый
[3] Подчиненный, подвластный

В произведении ученого-терминолога Махмуда Кашгари «Дивани лугатит турк» после описания тюркских слов приведены примеры, где в некоторых бейтах и отрывках встречаются рифмующиеся тажнисом и отличающиеся буквами, а также схожие по произношению слова. Следовательно, можно сделать вывод о том, что первые образцы *туюк* возникли в источнике «Дивани лугатит турк». Это же указывает на то, что *туюк* является древним жанром. Развитие жанра тесно связано с творчеством и теоретическими взглядами Бабура. Автор не ограничивается описанием научно-теоретических взглядов этого стихотворного жанра, помимо этого, он создал его прекрасные образцы. В его источниках и диванах описывается 17 видов *туюка*.

В литературоведении широко применяется 4 вида жанра *туюк*. Бабур в своем произведении «Мухтасар» приводит малоупотребляемые 3 вида этого жанра и описывает их в примерах, приведенных из творчества поэтов:

Shah, supuray ostoning yuz[1] ila,
Tiymanakdin necha uray yuz[2]ila.
Ikki yuzlik muddaiydin ne g'amim,
Gar ishim tushsa alardin yuzila[3]?!

«О падишах! Дай мне возможность подмести твой двор моим лицом. Какой мне толк от лицемерных, двуличных людей, если я далек от них», – поэт указывает на то, что он не боится своего противника, он не переживает. Потому что он далек от него. Тем самым автор описывает свой образ, намекая на его высокую культуру.

Jong'a soldi dahr g'urbat norini,
Ko'z yoshim bo'ldi mo'g'ulning norini.
Bu aroda men degandek bo'lmasa,
Ko'zlay Isiiqko'lu andin norini.

«Весь мир будто перевернулся для меня. Потому что я был разлучен. Мне было так тяжко, что мои слезы были для Монголов утехой. Никогда не бывает так, как ты хочешь, хочется уйти дальше Иссыкуля». Бабур хорошо знает, что такое жить далеко от Родины. Испытания неверного мира отправили Бабура на Иссыкуль и дальше. В описаниях очень явно указывается, насколько настрадался Бабур в своей жизни, и дается его подробная характеристика.

Наблюдения в творчестве Бабура указывают на то, что стихотворный жанр *туюк* использовался автором не только в описании любовных тем, но и жизненных переживаний, тоски по Родине. Тем самым он расширил возможности этого жанра, придал ему исторический оттенок и приблизил к жизненности. Неповторимые научно-теоретические доказательства и непревзойденные указания подняли применение жанра *туюк* на новый уровень. Между тем автор смог достигнуть простым изложением слов значимых высот в поэзии. Заслуга развития жанра *туюк* Бабура не ограничивается только

[1] Лобовая часть головы человека, лицо.
[2] Число.
[3] Прерваться, ходить далеко.

теоретическими взглядами. Он также создал неповторимые художественные образцы этого жанра, достигнув их научных заключений. Тем самым указывая на различное описание творчества поэта.

Литература

1. Алишер Навои. Критерий ул. – Т. : Научно-издательский дом Узбекистана, 1983.
2. Бабур, Захириддин Мухаммад. Девон : Кабульская версия. – Т.: Восток, 2004.
3. Бабур, З. М. Девон : сочининг савдоси тушти. –Т. : Восток, 2007.
4. Бабур, З. М. Избранные произведения. – Т. : Учитель, 1983.
5. Бабур, З. М. Мухтасар. – Т. : Научно-издательский дом Узбекистана, 1971.
6. Бобоев Т. Введение в литературоведение. – Т. : Учитель, 1979.
7. Кудратуллаев, Хасан. Бабурская мечта. – Т. : Восток, 2009.
8. Орзибеков Р. Небольшие жанры в текстах. – Т. : Гафур Гулом, 1976.
9. Тарази, Шейх Ахмад. Фунун ул-балага. – Т. : Сокровище, 1996.
10. Энциклопедия Захириддина Мухаммада Бабура. – Т. : Восток, 2014.

© **Нутфуллаева М. К.**, 2020

Н. Одилжонова,
студентка ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАБУРА (СОЗДАНИЕ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХ САДОВ)

Богатое творческое наследие Захириддина Мухаммада Бабура похоже на прекрасный сад. Его произведения являются шедеврами не только узбекской, но и мировой литературы. Однако мы хотим поговорить не о литературном наследии Бабура, а о садах, которые он создал. Ведь за время своего правления поэт сумел построить десятки садов.

Бабур всегда чувствовал ответственность за страну и народ. Он ставил перед собой задачу восстановить государство Тимуридов, создать империю, сосредоточенную вокруг Самарканда и, таким образом, осуществить мечту Сахибкирана. Но желаниям не суждено было сбыться. Волею судьбы он взошел на трон в Кабуле. И первое, что сделал Мирзо Бабур, – это была закладка террасных садов с журчащими, ниспадающими ручьями. Одним из таких мест был Баги-Софа (Сад непорочности), построенный в 1519 году [2].

Он построил по меньшей мере 10 садов, большей частью террасных: «Баги-Софа» (Сад непорочности) в Калла Кахар, «Баги-Бинафша» (Сад фиалок), «Баги-Бехишт» (Райский сад), «Баги-Чинар» (Сад платанов), а также другие сады: Сад верности, Сад, украшающий город, Сад, пленяющий сердце, Сад лунного света. Он также заложил парк на холме, который назвал «Чор-баг» в память о садах Самарканда.

Следует отметить, что тимуридские сады Самарканда, несомненно, служили прообразами для садов Мирзо Бабура и его потомков, что отражало его святую любовь и благоговение к Родине. Через всю свою жизнь Бабур пронес мечту о садах и дворцах древнего города и, где бы ни был, всегда облагораживал территории, строил величественные дворцы, утопающие в пышных садах. Создав свою империю в Северной Индии со столицей в городе Агра, он заложил там сады по образцам Самарканда и Герата. По его словам, индусы их называли «Кабули».

С приходом Бабура Индия узнала любовь к ландшафтной архитектуре, садоводству. Из-за таланта к устройству садов в самых сложных природных условиях и местности народ Хиндустана наградил его прозвищем «Царь-Садовник». Академик И. Муминов, отмечая прогрессивное значение правления Тимуридов в Мавераннахре и Хорасане, справедливо пишет об их потомках: «…особенно Бабур и Акбар-шах в Индии продолжали лучшие традиции, сложившиеся в Средней Азии при Тимуре, связанные с развитием экономики и культуры». Увлекаясь селекцией растений, Бабур часто завозил экзотические растения в северные территории. Так, в 1514 году в саду Баги-Вафа в Адинапуре на газонах с клевером Бабур приказал высадить банановые пальмы, апельсиновые деревья и гранатовые саженцы — все это к восторгу местных садовников принялось великолепно. Однако в память о нем остались не только

тенистые сады Агры. Там, где проходили Бабуриды, поднимались выстроенные из красного песчаника и белого мрамора дворцы, величественные мечети и усыпальницы. В отличие от прежних империй, Бабуридская, не разрушая местную культуру, становилась центром цивилизованного общества, а не варварских орд [1].

В мемориальных садах вместо садового павильона или дворца в центре Чор-бага помещался мавзолей-усыпальница, символизирующий встречу бессмертной души усопшего со Всевышним. Захириддин Мухаммад Бабур скончался в 1530 году. Его предали погребению в саду Агры, напротив того места, где позднее был возведен Тадж-Махал, и девять лет там находилась его усыпальница. Но, согласно завещанию Мирзо Бабура, он хотел покоиться в Кабуле, в усыпальнице под открытым небом без какой-либо надстройки над ней и без привратника. Только два Бабуридских императора: Бабур и Аурангзеб – просили не воздвигать никаких строений на своих могилах. Именно там, в Кабуле, около «Ступеней», где так любил отдыхать Бабур, было произведено перезахоронение. Теперь от его усыпальницы открывается вид на каменную крепость и заснеженные вершины Пагмана.

Строительство мемориального сада Баги-Бабур, обрамляющего усыпальницу, было закончено в 1529 году. Сад был создан в виде 15 каскадных террас, выполненных в традиционном стиле решетчатого «Чор-бага», главная ось которого направлена в сторону Мекки. Усыпальница падишаха Хиндустана находится на территории четырнадцатой террасы под открытым небом на небольшой возвышенности, имеющей название «Шах-и-Кабул». Гробница окружена белой стеной, выполненной из мрамора. Преемники Мирзо Бабура внесли свой вклад в облагораживание его мемориального сада: Хумаюн, а позже и Акбар вели строительство сада, правнук Джахангир установил мраморную плиту с надписью, а в 1645 году на террасе, расположенной ниже гробницы Бабура, Шахом Джаханом была построена небольшая мечеть.

Из сорока восьми лет жизни Бабур правил своим государством тридцать шесть. Мирзо Бабур и его преемники: сыновья, внуки и правнуки – смогли построить в Индии «новый Самарканд» – город науки и культуры, город его юной мечты.

Эпоха империи Великих Бабуридов не только имела историческую ценность, но и обогатила Индию грандиозными памятниками архитектуры, уникальными литературными и исследовательскими трудами. Монументальными архитектурными объектами Индии, которыми она обязана династии Великих Бабуридов, являются королевский дворцовый комплекс в Фатехпур Сикри, дворцы и сады фортов Агры, Дели и Лахора. Яркими примерами загородных садов, созданных Бабуридами, являются одноименные сады «Шалимар» в Кашмире (1620 г.) и Лахоре (1642 г.), сад «Ачабал» вблизи Анантага, «Чашма Шахи Баг» (1632 г.), сад «Нишат Баг» в Кашмире (1633г.); многочисленные сады внутри фортов Лахора, Дели, Агры; мемориальные сады, обрамляющие мавзолеи императоров: сад Баги-Бабур в Кабуле, сад при мавзолее

Хумаюна в Дели, Акбара в Сикандре, Джахангира в Лахоре, Тадж-Махал – мавзолей Шах Джахана и Мумтаз Махал в Агре.

Период правления Захириддина Мухаммада Бабура и Бабуридов ознаменован многочисленными научными открытиями, развитием точных наук и градостроительством. Значение садово-паркового искусства династий Тимуридов и Бабуридов огромно, их сады канонизированы формами, озеленением, архитектурой, обогащены символическим содержанием и ценны историческим контекстом. Если в свое время великий Мирзо Бабур перенес «росток» садовой культуры Средней Азии в Индию, сохранил, взрастил и приумножил его, то теперь мы, его потомки, должны вернуть это «цветущее дерево» садово-паркового искусства на нашу Родину, возрождая традиционную культуру паркостроения Тимуридов и Бабуридов, развивая тем самым современную ландшафтную архитектуру Узбекистана.

Литература

1. Валиходжаев Б. Прозаические произведения Бабура // История узбекской литературы : Том 5. – Ташкент : Фан, 1978. – С. 64–67.
2. Энциклопедия Захириддина Мухаммада Бабура. – Ташкент : Шарк, 2014. – С. 118–133.

© **Одилжонова Н.**, 2020

М. Омонов,
студент ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

БАБУР – ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Захириддин Мухаммад Бабур был великим полководцем. Заняв престол своего отца и став правителем Ферганы, он был вынужден отстаивать своё право на власть в междоусобных войнах. Против него выступил даже родной брат Джахангир-Мирза, и ферганский удел пришлось разделить между братьями. Воспользовавшись усобицами, вождь кочевых узбеков Шейбани-хан захватил города Отрар, Карши, Шахрисабз, Самарканд и вытеснил Бабура из Средней Азии. Бабур был вынужден бежать в Афганистан. Однако, прибыв в Афганистан, Бабур обнаружил страну, погружённую в хаос и почти полное безвластие. Воспользовавшись этим, он захватил власть сначала в Кабуле, а потом в Кандагаре, подчинив себе Афганистан.

Затем в течение долгих лет он готовил военный поход в Индию (Хиндустан), время от времени делая набеги в Северную Индию. И когда Бабур оценил ситуацию для себя как благоприятную, он выступил в поход (1525). Его войско спустилось в Пенджаб и заняло Лахор. Сидевший на троне в Дели султан Ибрахим Лоди правил жалкими обломками некогда могущественного Делийского султаната и своей жестокостью, фанатизмом и религиозной нетерпимостью восстановил против себя своих подданных. Стремясь избавиться от власти Ибрахима, индийские раджи (феодалы, удельные князьки) решили пригласить в Индию Бабура, который, как они думали, избавит их от ненавистного султана и, взяв добычу, уйдёт туда, откуда пришёл. Зимой в 1526 году был полностью захвачен Пенджаб. Решающая битва произошла близ г. Панипат (к северо-западу от Дели) 21 апреля 1526 гогда. Армия султана Ибрахима имела огромное численное превосходство (100 тысяч воинов против 12 тысяч у Бабура), тысячу закованных в доспехи тяжёлых боевых слонов, но султан Ибрахим был плохим полководцем, а в его огромной армии не было ни боевого духа, ни дисциплины. У Бабура же была хорошая артиллерия, отряд аркебузеров. Орудийные залпы и ружейные выстрелы разметали армию Ибрахима, воинов которой топтали напуганные выстрелами и дымом слоны (сам Ибрахим Лоди погиб, погибло около 40 тысяч его воинов). Перепуганные, брошенные погонщиками слоны бродили по полю боя, и их стадами пригоняли к Бабуру, который не мог поверить, что столь великая победа далась так легко. В результате ему подчинилась северная часть Индии от Инда до границ Бенгалии, включая Дели и Агру. В 1526 году он основывает в Индии централизованное государство Бабуридов, которое вошло в мировую историю как «Империя Великих Моголов», существовало это государство до 1848 г., до завоевания Индии англичанами [2].

Читая «Бабур-наме», мы можем понять, что Бабур хотел создать единую великую империю в своих родных землях, как и его прадед Амир Тимур. Бабур пишет в «Бабур-наме» про битву между Хусейном Байкарой и Хисравшахом и

утверждает, что войска Хусейна Байкары не имели опыта в военном искусстве и не имели информацию о своих противниках. Вместо того, чтобы изучать своих противников, они были заняты иными делами. Бабур с огорчением пишет, что войска Хусейна Байкары были побеждены простым и хитрым манёвром Хисравшаха. В крепость, в которой были войска Хусейна Байкары, был выпущен дым через ущелья со стороны Хисравшаха. Этот хитрый и ловкий манёвр принёс ему лёгкую победу над Хусейном Байкарой [1, 244].

Эти отрывки показыювают нам, как Бабур серьезно подходил к боям. По его мнению, каким бы ни был человек опытным, при борьбе с противником нужно иметь точную цель, храброе сердце и, конечно же, верных воинов.

Требуется чёткое мышление, видение и концепция, чтобы реализовать самые высокие военные навыки. Во время своих бесчисленных сражений Бабур следовал этой военной теории. Покоряя Хорасан, Афганистан и Индию, он всегда брал в контроль свои походы. Это был урок, который он усвоил у своих великих предков. Он признаётся, что, если потомки Тимуридов объединились бы, он не оставил бы Самарканд Шейбани-хану.

При битве в Панипате Бабур широко использовал разведку. Он отправлял людей, чтобы собрать информацию. Сначала Бабур начинает изучать характер Ибрахима Лоди, после – его семью, а потом уже начинает входить в бой. Бабур внёс некоторые изменения в своё вооружение, исходя из опыта предыдущих сражений. Бабур, думая о своем войске, сам размещал войска в поле битвы. В «Бабур-наме» есть много примеров, которые можно бы включить в военные учебники. Перед каждым сражением он советовался со своими близкими.

Перед сражением на Панипате Бабур получает всеобщее одобрение и знакомит Беков с сложными условиями боя. Война была решена в пользу Бабура, и он с небольшим количеством войск победил Ибрагима Лоди, у которого была большая армия в количестве 200 тысяч человек.

Следует сказать, что это лишь малая часть военных наквыков Захирриддина Мухаммада Бабура. Есть много аспектов, которые можно изучить о военном таланте великого полководца. Самым важным из них является личное мужество Бабура на поле боя.

Литература

1. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме [Электронный ресурс]. – URL: www.ziyouz.com (дата обращения: 20.01.2020). – С. 244–256.
2. Энциклопедия Захириддина Мухаммада Бабура. – Ташкент : Шарк, 2014. – С. 55–68.

© **М. Омонов**, 2020

Р. Ю. Почекаев,
к. ю. н., проф. НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург

СУД И ПРАВОСУДИЕ В «БАБУР-НАМЕ»

Захириддин Мухаммад Бабур известен не только как государственный деятель и поэт, но и как ученый, автор научных произведений в самых разных сферах знания – от поэтики до богословия. А поскольку богословие в системе мусульманского образования было неразрывно связано с правоведением, не приходится удивляться, что в научном наследии Бабура присутствовали и труды по мусульманскому праву. Наиболее известным из них является трактат в стихотворной форме (масневи) под названием «Мубайин» (1521/1522 г.), который он посвятил своему наследнику Хумайуну или, по другим сведениям, второму сыну Камрану-мирзе [4, 3; 15, 105]. Это сочинение объемом 2 000 строк отражает теоретико-правовые воззрения Бабура, однако, по мнению исследователей, он изложил в нем не столько основы мусульманского права, сколько юридические и экономические реалии государства Тимуридов, заполняя пробелы, существовавшие к этому времени в классическом мусульманском праве при его использовании для регулирования правоотношений в Центральной Азии [4, 6]. Соответственно, это сочинение до сих пор оказывалось востребованным со стороны исследователей, прежде всего, как источник по социально-экономической истории владений Бабура в Фергане и Кабуле, их налоговой системы и т. п. [2, 137–138; 5, 2; 14, 173].

Тем не менее сочинения Бабура, в которых нашли отражение правовые реалии, отнюдь не исчерпывается трактатом «Мубайин». Не менее ценные сведения юридического характера содержатся в самом знаменитом труде Бабура – его записках, широко известных под названием «Бабур-наме» и изучаемых уже с XVIII в. [8, 169–170]. Причем, в отличие от вышеупомянутого трактата, записки содержат не теоретико-правовые построения, а, так сказать, правовые «казусы», т. е. сведения о реальных правоотношениях, о которых знал или в которых непосредственно участвовал сам Бабур. Нас заинтересовали те фрагменты «Бабур-наме», в которых нашли отражения сведения о суде и правосудии. Их можно условно поделить на две группы: во-первых, оценки родственников и современников Бабура как справедливых или несправедливых судей, во-вторых, «судебная практика» самого автора в качестве правителя и, соответственно, верховного судьи над своими подданными.

Оценка судебной деятельности владетельных современников, полагаем, отражает представления самого автора записок о справедливости и, соответственно, позволяет ему сделать общий вывод о качествах того или иного лица как правителя.

Конечно, безупречным правителем в «Бабур-наме» представлен Мирза Омар-Шейх, отец автора и его предшественник на троне Ферганы, справедливость которого «достигала высокой степени». В качестве примера его правосудности Бабур приводит эпизод о гибели караванщиков и мерах по

сохранению оставшегося от них имущества, которое ферганский правитель, в течение года найдя наследников, передал им, «несмотря на то, что сам нуждался» [7, 34; см. также: 14, 166].

Весьма положительно оценивает Бабур и правосудность своего старшего дяди – Султан-Ахмад-мирзы, правителя Самарканда. Несмотря на то, что он был, по утверждении автора записок, неграмотным, он следовал указаниям ходжи Убайдаллаха Ахрара, благодаря чему «большинство важных дел он решал согласно пути закона». Соответственно, его подданные «жили в довольстве и покое, так как обращение с ними, благодаря досточтимому Ходже, в большинстве случаев соответствовало справедливости и закону» [7, 45-49].

Резким контрастом с его правлением предстает в «Бабур-наме» эпоха его младшего брата и преемника мирзы Султан-Махмуда: «Хотя строй и порядок были при нем очень хороши и он был сведущ в делах дивана и знал науку счисления, однако его естество было склонно к насилию и разброду». Бабур связывает его несправедливости с тем, что он «был человек дурной веры, он не уважал досточтимого Ходжу Убайд Аллаха» (скончавшегося в 1490 г.), и даже, более того, подверг «притеснениям и строгостям» его потомков [7, 49-51].

Идеальным правителем в «Бабур-наме» предстает гератский правитель Султан-Хусайн Байкара, пример справедливого суда которого описывает автор: «В некоторых своих поступках он очень тщательно соблюдал закон. Как-то раз его сын убил человека, и он отдал его кровным родичам убитого и послал в судилище» [7, 173; см. также: 15, 113]. Как и в случае со своим дядей Султан-Ахмад-мирзой, Бабур склонен связывать справедливость судебных решений гератского правителя с положительным влиянием мусульманских правоведов: при нем «был Кази Ихтиар. Он хорошо исполнял должность казия. Написал по-персидски “Рассуждение о фикхе”, хорошее рассуждение!» [7, 186]

Помимо собственных родственников, Бабур характеризует и других правителей в Тимуридском государстве: в частности, наиболее сурово он критикует Хосров-шаха, правителя Хисара и Бадахшана, с котором постоянно то заключал союз, то вступал в противостояние. Неудивительно, что автор записок неоднократно подчеркивает неправосудность своего соперника. В одних случаях Бабур приводит довольно общие суждения о нем: «Хусрау шах, который ради сей бренной, скоротечной земной жизни и ради своих неверных, непостоянных нукеров избрал для себя такой позор и бесславие и сделал своим обычаем жестокость и несправедливость»; «Хусрау шах, этот злополучный и неблагодарный человек, жаждая власти, – а как может достаться власть таким низким, неспособным людям, без роду и племени, без умения, расчета и соображения, без храбрости, совести и справедливости?..» [7, 59–60, 89; см. также: 14, 93; 15, 62]. Не ограничиваясь такими абстрактными оценками Хосров-шаха, Бабур приводит и конкретные проявления его несправедливости: «Как-то раз кто-то из нукеров Хусрау шаха силой увел чью-то жену; муж той женщины является и приносит Хусрау шаху жалобу. Тот отвечает: “Она пробыла с тобой несколько лет, пусть же побудет с ним несколько дней”» [7, 49; см также: 2, 49].

Бабур характеризует с точки зрения справедливости некоторых правителей из рода Чингисхана. При этом, естественно, его близкий родственник (дядя по матери) и союзник, могулистанский Султан-Ахмад-хан представлен в весьма положительном свете: «Младший хан славился своей справедливостью и честностью» [7, 125]. А вот один из главных недругов Бабура, Мухаммад Шайбани-хан, естественно, представлен крайне несправедливым и коварным человеком: отпустив из захваченного им Самарканда Ходжу Яхью, сына Ходжи Ахрара, он тайно послал вдогонку несколько узбеков, которые убили Ходжу вместе с сыновьями. Бабур негодует: «Слова Шейбани хана об этом были таковы: “Дело с Ходжой произошло не по моей вине, это сделали Камбар бий и Купак бий”. Тем хуже! Есть поговорка: “Его извинение хуже, чем преступление”. Если беки начинают делать такие дела по своей воле, без ведома хана и государя, то каково после этого значение их ханской и царской власти?» [7, 99–100].

Нельзя не обратить внимание на то, что показателем справедливости суда в «Бабур-наме» практически всегда является следование установлениям шариата – причем в его суннитском варианте. Это вполне объяснимо: ведь самого Бабура, который для борьбы с узбеками за Мавераннахр и Хорасан вступил в союз с персидским шахом Исмаилом, неоднократно обвиняли в приверженности к шиизму. Неудивительно, что он и в своих сочинениях постоянно старался подчеркнуть, что на самом деле являлся приверженцем суннизма, который он считает единственным истинным вероучением, неоднократно упоминая о том, что специально изучал мусульманское право и пр. [9, 110–111; 14, 40,154,172]. Причем делается это не только прямо, но и косвенно – в характеристиках современников. Весьма ярким примером тому является оценка его двоюродного брата – мирзы Байсункура: «Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич. Наставником его был, говорят, Сейид Махмуд, шиит, поэтому Байсункар Мирзу тоже укоряли [в ереси]. Позднее говорили, что в Самарканде он отказался от этих дурных убеждений и стал чист верой» [7, 90]. Точно так же он отзывается о жителях Самарканда в целом: «Все жители Самарканда — сунниты, люди чистой веры, соблюдающие закон и благочестивые» [7, 70; см. также: 9, 112; 14, 155].

Демонстрируя приверженность суннизму, Бабур также неоднократно подчеркивает значение казиев: как их роль в судебной деятельности своих родственников-Тимуридов (о чем речь шла выше), так и свое уважение к ним и учет их мнения в собственной государственной деятельности. Так, в 1519 г., когда автор записок с сыновьями Хумайуном и Камраном прибыл в Кабул, то тут же принял именно городского казия Касим-бека [7, 237]. А по прибытии в Бехзади в том же году, Бабур и его соратники «остановились в доме местного казия. Вечером мы стали готовиться к пирушке, но казий доложил: “В моем доме подобных вещей не бывало. [Однако] государь здесь полновластен”. Хотя все потребное для пира было приготовлено, но попойку отменили, чтобы угодить казию» [7, 238].

Большой интерес представляют и судебные решения самого Бабура, большинство которых относится к событиям не ранее второй половины 1500-х

гг. Это связано, вероятно, с тем, что, по мнению исследователей, он стал вести свои записки в качестве постоянного дневника не ранее 1510-х гг. [12, 88–89] и, соответственно, многие предыдущие события восстанавливал по памяти, естественно, забывая при этом конкретные «казусы» из своего судебного опыта.

Основные судебные дела связаны с наказанием мятежников или дезертиров, при определении судьбы которых Бабур демонстрирует как строгость, так и справедливость, учитывая как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства. Рассматривая в 1507 г. дело Султана Санджара Барласа, собственного наместника в Нигнахарском тумене, принявшего участие в мятеже, Бабур подчеркнул: «А разве есть преступление страшней того, что ты – один из знатнейших – среди соучастников и советников этих людей?». Однако, принимая во внимание, что он был племянником Шах-биким, матери могулистанских ханов (дядьев самого Бабура), то он повелел не водить обвиняемого с веревкой на шее, пока не будет доказана его вина и вынесен приговор [7, 205]. Таким образом, с одной стороны, правитель-судья отметил высокое положение мятежника как основание, отягчающее ответственность, с другой – не позволил применять к нему унизительные меры пресечения до принятия обвинительного решения по его делу. Аналогичным образом после одной из побед в 1519 г. Бабур приказал пощадить всех пленников (что, впрочем, не мешало Бабуру грабить и самих пленников, и даже мирное население восставших областей [3, 43]), но нескольких «султанов и ослушников», как предводителей мятежа, к тому же изменивших своему законному правителю, казнил, а «головы этих султанов и еще несколько голов отослали в Кабул с вестью о победе» [7, 223–224].

После гибели полководца Хусайна Хасана в бою с афганцами Бабур обвинил его подчиненных в том, что они не предприняли попыток спасти своего командира, и вынес приговор: «Следует лишить вас почетных званий, отнять у вас ваши земли и владения, обстричь вам бороды и с позором провести вас по улицам наших городов. Таково будет наказание всякому, кто отдает такого молодца подобному врагу, стоит на ровном месте и смотрит, не шевельнув рукой!» [7, 241–242]. Таким образом, Бабур совершенно справедливо рассматривал в качестве преступления не только действие, но и бездействие.

В некоторых случаях Бабур в угоду своим приближенным мог смягчить собственный приговор, хотя и считал его вполне справедливым. Так, в 1508 г. он приговорил к повешению Куч-бека, Факира Али Каримдада и Бабу Чухру, которые надумали бежать из его войска и, к тому же, раньше «тоже, как мне докладывали, говорили неподобающие слова». Однако, по просьбе андижанского эмира Касим-бека, он «подарил им обоим жизнь и приказал бросить их в тюрьму» [7, 220]. В других случаях, демонстрируя свою объективность, Бабур мог доверить решение судьбы преступника, признанного виновным, тем, кто пострадал от его действий. В 1520 г. он «отдал Хамза хана, правителя Алишенга, который совершил дурные дела и несправедливо проливал кровь, его кровным врагам, и те подвергли его казни» [7, 254].

Весьма подробно описывает Бабур собственные процессуальные действия в связи с покушением на его жизнь: начиная с предъявления мнения и

предварительного расследования до вынесения приговора и приведения его в исполнение. Детали этого дела он сохранил благодаря тому, что описал их в своем письме в Кабул в конце 1526 г. Речь идет о неудавшемся покушении на него придворных побежденного им делийского султана Ибрахима Лоди в декабре указанного года. Бабур, съев приготовленное придворным поваром индийское блюдо, испытал тошноту и рвоту (как и несколько его телохранителей), после чего, заподозрив повара, произвел самое настоящее следствие: приказал дать исторгнутое им во время рвоты собаке, которая, как и следовало ожидать, вскоре сдохла. После этого были схвачены повар, чашнагир (стольник) и две служанки, которые на допросе, осуществленном в диване правителя в присутствии «вельмож, знатных людей, эмиров и вазиров», признались в подготовке покушения и в том, как именно его удалось осуществить: яд был положен не в котел, который контролировали телохранители Бабура, а непосредственно на его блюдо. Наказание, вынесенное правителем, было весьма жестоким: чашнагир был четвертован («разрублен на части»), с повара живьем содрали кожу, одну из служанок бросили под ноги слону, другую подвергли заключению. А мать Ибрахима Лоди, бывшую хозяйку казненных слуг, подвергли конфискации имущества, отобрав «деньги, вещи, рабов и рабынь», а саму поместили под надзор [7, 302–303].

Любопытно отметить, что ни в одном из рассмотренных случаев Бабур не ссылается на нормы мусульманского права: практически всегда он характеризует свое решение как результат собственного усмотрения или же учета мнения своих родственников и сподвижников. Также он старался в своей государственной, в т. ч. и судебной деятельности учитывать местные обычаи, чтобы обеспечить себе преданность тех или иных завоеванных областей [1, 107; см. также: 15, 29].

Автор «Бабур-наме» не ссылается на «устав Чингиза», т. е. нормы и принципы монгольского имперского права, которое он (опять же, подчеркивая свою приверженность к суннизму) оценивает весьма критически: «Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали устав Чингиза. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки уставу. Устав Чингиз хана не есть непреложное предписание [бога], которому человек обязательно должен был бы следовать; кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этому обычаю надлежит подражать, а если отец совершал дурное дело, его должно заменить хорошим делом» [7, 195; см. также: 10, 210; 14, 171]. Однако нельзя исключить опору его при вынесении судебных решений и на этот источник. Исследователи уже обращали внимание на то, что Бабур при вынесении судебных решений во многом опирался на практику своего предка Амира Тимура (Тамерлана), которого, как известно, современные ему мусульманские богословы неоднократно упрекали в чрезмерном следовании монгольскому имперскому праву – даже в ущерб предписаниям шариата (о чем издавались даже соответствующие фетвы). Так, в его вышеприведенных решениях усматривают следование принципам Тимура о великодушии к

побежденному врагу, суровом наказании тех, кто притеснял народ, проявлял трусость или изменял своему законному правителю [6, 54–55].

Кроме того, известно, что в государстве Тимуридов, в т. ч. и в правление Бабура, использовались многие чингизидские правовые институты: деление государства на тумены и орчины (округа), сохранялся статус гургенов (ханских зятьев) и тарханов, при ханах состояли нукеры и пр. [11, 255,258; 13, 162–164]. Лавируя между мусульманским духовенством и приверженцами монгольских имперских ценностей, Бабур (как и его потомки в Индии до Акбара включительно) то упразднял имперский торговый налог тамгу, то вновь восстанавливал его – по крайней мере, для отдельных категорий населения [7, 309; см. также: 2, 61; 5, 5–6; 10, 152]. То же касалось и института иммунитетных владений – суйургала [2, 134].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на формальную приверженность к установлениям шариата, Бабур в своей судебной деятельности нередко руководствовался правовыми обычаями и собственным усмотрением (что вообще было характерно для правителей тюркских государств, начиная от Караханидов и заканчивая Османами), а также, вероятно, и монгольским имперским наследием – установлениями Чингисхана, несмотря на то, что сам в «Бабур-наме» критически отзывается о них.

Литература

1. Азимджанова С. А. «Бабур-наме» и его автор // Вопросы истории. – 1983. – № 6. – С. 103–109.
2. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. – М. : Наука, 1977. – 176 с.
3. Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в. – Ташкент : Изд-во АН Узбекской ССР, 1957. – 94 с.
4. Азимджанова С. А. Некоторые экономические взгляды Захир ад-Дина Мухаммада Бабура, изложенные в «Мубайине» // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. – М. : ИВЛ, 1960 (отд. оттиск). – 9 с.
5. Азимджанова С. А. Ферганский удел Омар-Шейха и Бабура. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1949. – 15 с.
6. Алиев А. А. «Завещание Тимура» и Мухаммед Бабур // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2015. – Т. 15 ; № 6. – С. 53–56.
7. Бабур-наме / пер. М. А. Салье. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992. – 464 с.
8. Благова Г. Ф. К истории изучения «Бабур-наме» в России // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. – М. : Наука, 1966. – С. 168–176.
9. Гулямова Г. С. Роль ислама в XV–XVI вв. в Мавераннахре и Хорасане // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 1. – С. 107–113.

10. Почекаев Р. Ю. Чингизово право : правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2016. – 311 с.
11. Султанов Т. И. «Записки» Бабура как источник по истории моголов Восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л. : Наука, 1986. – С. 253–267.
12. Султанов Т. И. Обстоятельства и время написания «Бабур-наме» // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культурологические аспекты исследования. – М. : Восточная литература, 1992. – С. 86–96.
13. Энхчимэг Ц. Монголизмы в «Бабур-наме» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарного педагогического университета. – 2013. – № 2 (49). – С. 161–165.
14. Dale S. F. The Garden of the Eight Paradises. Babur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530). – London ; Boston : Brill, 2004. – 520 p.
15. Edwardes S. M. Babur: Diarist and Despot. – London : A.M. Philpot Ltd., 1926. – 138 p.

© **Почекаев Р. Ю.**, 2020

Д. З. Пулатова
Ст. преподаватель УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ИМПЕРИЯ БАБУРИДОВ В ИНДИИ

Имя Захириддина Мухаммада Бабура в истории Узбекистана стоит наравне с такими деятелями политики и военного дела, как Джалаладдин Мангуберды, Амир Тимур, Улугбек и Алишер Навои.

Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист Бабур, обладая широким кругозором и пытливым умом, оставил значительный след во многих областях жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии.

Благодаря своим выдающимся способностям, Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель-основатель династии Бабуридов в Индии, но и как ученый и поэт, оставивший богатое творческое литературное и научное наследие и в области мусульманской юриспруденции. Его перу принадлежат оригинальные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хат-и Бабурии».

Однако центральное место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке – его исторический труд «Бабурнаме». Книга была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV – начале XVI вв.

«Он был самым великим, но гораздо более человечным, чем все другие восточные завоеватели… и что бы ни думали о нем в других отношениях люди, мы не можем думать о нем иначе, как только относясь с глубокой симпатией к этому великодушному и общительному гиганту…», - отмечает В. Н. Морленд в своей книге «Аграрная система мусульманской Индии».

Известно, что Бабур – старший сын владетеля Ферганского удела Омар Шейха Мирзы – родился 14 февраля 1483 г. в Андижане в разгар междоусобной борьбы различных тимуридских правителей в Средней Азии и Хорасане.

В 1494 г. Омар Шейх Мирза скончался, и 12-летний Бабур был объявлен государем Ферганы. В последующие годы Бабур упорно стремился создать в Мавераннахре, т.е. на территории между Сырдарьей и Амударьей, крупное централизованное государство, но его планы не увенчались успехом.

Как известно, Мухаммед Шейбани-хан, предводитель кочевых узбеков, вынудил Бабура покинуть пределы Ферганы и обосноваться в Кабуле и Бадахшане. Неоднократные попытки Бабура (в 1505-1515 гг.) вернуть «наследственные владения» государства Тимуридов оканчиваются полной неудачей, и Бабур обращает свое внимание на Индию. Ряд походов не принес успеха, и лишь в 1526 г., разгромив в битве при Панипате, к северу от Дели, войска делийского султана Ибрахима Лоди, Бабур стал правителем северной Индии, основал империю Бабуридов. Таким образом, завоеватели осели в Индии

и, постепенно переняв индийский образ жизни и обычаи, ассимилировались с коренным населением страны.

Бабур в своей книге «Бабур-наме» подробно описывал крупные города Средней Азии, Хорасана, Ирана, Афганистана и Индии, их торгово-экономическую роль в феодальном хозяйстве того периода. Третья, последняя часть «Бабур-наме», в основном посвящена описанию политических событий, происходивших в Северной Индии со дня первого похода Бабура в Индию с целью захвата власти у султана Ибрахима (1517-1526 гг.) до дня смерти Бабура.

Один из индийских ученых, Трипатхи Рам Просад, давая оценку этой победе Бабура при Панипате, писал, что и «победа при Панипате Захириддина Мухаммада Бабура заложила фундамент Великой Могольской (т. е. Бабуридской) империи в Индии, которая по своей пышности, мощи и культуре осталась величайшей империей в мусульманском мире и могла даже соперничать с Римской империей» [1].

Однако, чтобы окончательно закрепить победу в Панипате, Бабуру пришлось продолжать свою политическую борьбу, а также вести такую внутреннюю политику, которая завоевала бы ему симпатии и расположение жителей городов и деревень Индии. Одним из проявлений такой политики было издание указа об отмене налога «тамги», взимаемого с торговли.

В своей столице Агре Бабур собрал вокруг себя немало выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов, ученых, которым оказывал большое внимание. Также весьма ценны его данные о независимых княжествах Гуджарата, Мальвы, Мевара, Бенгалии, Декана и Биджанагара. Бабур, находясь в Индии, имел хорошую возможность общаться с коренным населением страны. Его полномочия и власть были распространены от Кабула до Бихара, охватывая большинство густонаселенных земледельческих оазисов Северной Индии.

Бабур, подробно описывая Хиндустан, восхищается его природой, сравнивает многообразные черты этой страны со своей родиной Средней Азией: «Это удивительная страна: в сравнении с нашими землями это иной мир. Горы, реки, леса, города, области, животные, растения, люди, язык, дожди и ветры – все там не так, как у нас…». [2, 31] Описывая политическую жизнь в Индии, Бабур дает отрывочные данные об истории Индии, освещая при этом детально историю Индии XV – начала XVI вв.

Несмотря на очень краткое по времени правление в Индии (1526-1530 гг.), Бабур сумел в некоторой степени объединить феодально-раздробленную страну и провести в жизнь такие важные мероприятия, как упорядочение земельно-водных отношений и налоговой системы. По его приказу благоустраивались мечети, сооружались здания различного назначения, строились бани, рылись колодцы и т. д. В крупных городах Индии: Дели, Агре, Лахоре, Девалпуре – Бабуром были заложены сады и парки с декоративными растениями. Характерно, что при планировке садов Бабур применял среднеазиатскую систему *чарбаг*. В садах, разбитых в Индии, Бабур впервые применил опыт по выращиванию среднеазиатских дынь и винограда (в Индии до сих пор

выращивается сорт винограда под названием *ангури самарканди*, т. е. самаркандский виноград).

Бабур способствовал не только значительной стабилизации государственной налоговой системы, но и улучшил положение народных масс и оградил их от бесчинства феодалов. Но 1530 году Бабур умер, ещё не успев прочно укрепиться в стране.

Сын Бабура Хумаюн, второй правитель (правил в 1530—1556 гг.), унаследовал от отца государство в Индии, простиравшееся от Ганга до Кабула, но не удержал его, и более 15 лет власть над Индией принадлежала афганской династии Суридов. Через 15 лет Хумаюну удалось вернуть себе власть над Северной Индией и восстановить Могольскую империю. Власть Хумаюна в Делийском государстве не было ещё закреплена, когда в 1556 г. он неожиданно умер, упав с мраморной лестницы. Узнав о смерти Хумаюна, остальные претенденты на делийский престол приступили к решительным действиям. В результате многолетней борьбы Акбар выиграл битву.

Следующие 150 лет стали периодом невиданного расцвета и могущества государства Бабуридов, территория которого постепенно распространялась на весь полуостров Индостан. Первые четыре падишаха династии: **Бабур, Хумаюн, Акбар** и **Джахангир** – относительно мирно сменяли друг друга, передавая престол от отца к старшему сыну. Первые падишахи династии брали в жёны в основном только мусульманок.

Правление Акбара (1556-1605, т. е. 49 лет) было посвящено объединению и умиротворению государства. Независимые мусульманские государства он превратил в провинции своей империи, индусских раджей сделал своими вассалами, частью путём союзов, частью силой. Акбар был одним из самых видных мусульманских правителей Индии. При Акбаре Великом достигли своего расцвета культуры и искусство Индии. Под властью Акбара оказалась огромная территория, населенная многочисленными народами и племенами, говорившими на разных языках, находившимися на разных уровнях общественного развития и разделенными религиозными воззрениями, а также различными обычаями. В целях упорядочения управления этим разнородным населением Акбар провёл ряд реформ: административную, военную, религиозную. Акбар навёл порядок в сборе податей и налогов и, как и его дед Бабур, способствовал развитию торговли. Основы Могольской державы фактически заложил Акбар [3].

Султан Салим Бахадур вступил на трон могольского падишаха под именем Джахангира в 1605 году в Агре, спустя несколько дней после смерти падишаха Акбара. Столицей империи при Джахангире была Агра. Сын и наследник Акбара, четвёртый падишах Джахангир («Покоритель мира»), был первым правителем династии Бабуридов, в жилах которого текла индийская кровь. При Джахангире англичане получили в 1611 году разрешение основать первые торговые поселения в Индии.

Последние годы царствования Джахангира ознаменованы частыми восстаниями сыновей и полководцев падишаха, после чего падишах Джахангир

умер в 1627 году. Он известен как тонкий ценитель искусства, обладавший незаурядным литературным талантом и покровительствовавший развитию изобразительного искусства при своём дворе. Благодаря усилиям падишаха придворные художники достигли невиданных ранее высот [4], в результате чего, в частности, до нас дошло множество разнообразных прижизненных портретов самого Джахангира. Также сохранился дневник Джахангира («Джахангир-наме»), который не уступает всемирно известному «Бабур-наме» его предка падишаха Бабура.

Шах Джахан I (*«Повелитель мира»*, 1592-1666), падишах Империи Бабуридов (1627-1658), обессмертивший своё имя постройкой Тадж-Махала, был третьим и любимым сыном падишаха Джахангира. При правлении Шах-Джахан не провёл никаких принципиально важных реформ государственного управления. Но его двор и созданные им памятники поражали европейцев больше, чем создания других Великих Моголов. Он завоевал Декан и оставил великолепные постройки в Агре и Дели. При нём Империя Моголов достигла высшего великолепия и могущества: доходы её возросли до 92 миллионов фунтов стерлингов в год. В 1645 году Шах Джахан пытался присоединить к своему государству родину своего предка Бабура, но был разбит силами Аштарханидов. [5]

Аурангзеб (1618-1707) – шестой падишах Империи под именем Аламгир I (с персидского «Покоритель Вселенной»). В 1658-1707 годах при нём Могольская Империя достигла наибольшей протяжённости и могущества. Аурангзеб Бахадур был третьим сыном падишаха Шах-Джахана и Мумтаз-Махал. Он был блестяще образован. Но он низложил отца и запер его в крепость (где тот умер в 1666 году) и объявил себя императором (1658), приняв титул Аламгира. Он правил до 1707 года и довёл свою империю до наибольших размеров, но пошатнул её силу. Смерть 88-летнего Аурангзеба привела к междоусобицам между его сыновьями и внуками, а затем – к ослаблению и фактическому распаду государства.

В марте 1707 года, после смерти падишаха Аурангзеба, трое его сыновей: Мухаммад Муаззам, Мухаммад Азам Шах и Мухаммад Кам Бахше – начали междоусобную войну за его престол. В сражении Мухаммад Азам Шах и двое его сыновей погибли. После чего Мухаммад Муаззам Бахадур Шах I, известный также под именем Шах Алам I (1643-1712) стал падишахом государства Великих Моголов в Индии в эпоху позднего Средневековья. Мухаммад Муаззам Бахадур Шах I был вторым сыном Аурангзеба и правил страной с 1707 по 1712 год. Вступив на престол в возрасте 63-х лет, Бахадур Шах правил страной недостаточно долго, чтобы провести в ней какие-либо кардинальные реформы.

После смерти Бахадур Шаха I в Империи Великих Моголов начинается период упадка, выразившийся в общем хозяйственном кризисе, многочисленных дворцовых переворотах и восстаниях в стране, приведшим в середине XIX столетия к её разрушению.

В частности, в сентябре 1858 г. английские войска штурмом взяли Дели, Бахадур-шах сдался в плен. Англичане объявили о ликвидации Могольской Империи.

С завоеванием Индии англичанами изменилось не только политическое, но и экономическое положение страны. В отличие от прежних завоевателей, т. е. Бабуридов, которые оседали здесь и ассимилировались с местным населением, Англия, вставшая на путь капиталистического развития, рассматривала Индию как арену для извлечения богатств, вывозившихся затем в метрополию.

Среди многочисленных требований народного восстания против английских колонизаторов в Индии (1857) было восстановление политического статуса религии Бабуридов. А это говорит о том, что Империя Бабуридов занимала глубокое место в сердце индийского народа.

Следовательно, Бабуру удалось создать основу для Империи Великих Моголов в Индии, которая просуществовала более трех веков, до начала XIX столетия. Его идеи проповедовали установление согласия между народами, а также внедрение просвещения во все слои населения.

Династия Бабуридов, наряду со строительством в Индии великого государства, занималась благоустройством этой земли и внесла большой вклад в развитие науки и просвещения в стране. Кроме того, Бабур и его потомки построили такие роскошные архитектурные памятники, как **Тадж-Махал, мавзолей короля Акбара, Агра и Красные замки в Дели**, которые до сих пор считаются любимыми местами паломничества не только индийцев, но и туристов со всего мира.

Литература

1. Антонова К. А.. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времён Акбара (1556-1605). – Москва, 1952.
2. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1992. – С. 30-31.

© Пулатова Д. З., 2020

Б. Раджабова,
к. ф. н., ст. н. с., Институт узбекского языка, литературы и фольклора АН РУз, г. Ташкент (Узбекистан)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА И ПОДДЕРЖКИ В «БАБУР-НАМЕ»

Великолепные мемуары гениального мастера слова Бабура считаются также важным источником, сокровищем изучения истории узбекского языка. Мастерство писателя в использовании в тексте произведения слов, выражений, словосочетаний, предложений, а также некоторых сторон, связанных с применением художественных приёмов при помощи слов, обозначающих прямое и переносное значения слова, изучены в определённой степени и проведены научные исследования учёными-языковедами, литературоведами нашей страны и зарубежья [8, 207; 9, 200; 2, 155-159; 10, 72; 6, 112-127].

В процессе создания нашей монографии «Бабур-наме» и эпоха Возрождения Тимуридов» наше внимание привлекло к себе то, что Бабур в тексте мемуаров при помощи своего мастерства как писателя и поэта с художественно-эстетическим пафосом применил словосочетание *мураббий* и *мукаввий*. То есть, во-первых, можно увидеть, что это словосочетание в тексте мемуаров выражает в себе богатый оттенок положительного созидания и в определённом смысле социально-политические, материальные, духовные, образовательно-воспитательные смыслы, а также вообще выражает общечеловеческие идеи, ценности Ренессанса Тимуридов. Во-вторых, автор применил в мемуарах это словосочетание для характеристики правителей, принцесс, ведущих государственных и религиозных деятелей, гениальных творцов слова, крупных землевладельцев. Это словосочетание воплотило в себя проводимую в больших масштабах их созидательную деятельность, стиль, высокую духовность, редкие качества, щедрость и великодушие, человечность и стойкость, и в известном смысле их политическую волю. В тоже время, если мы будем излагать в символическом смысле, в далёком прошлом тоже пропагандировались идеи щедрости, великодушия, человечности и мужества, а также показывались на деле в несравненной степени, и в результате эти добрые обычаи, обряды, основы которых заложены Хатам Таем и Барками, выражают также собой традиции исламского просвещения.

Бабур впервые с мастерством применил словосочетание *мураббий* и *мукаввий* в мемуарах, когда освещал одну из сторон деятельности Ходжа Ахрора Вали, крупного религиозного деятеля эпохи Возрождения Тимуридов, а также применил его прямо в «Бабур-наме», когда повествовал об исторических событиях, связанных с изображением других исторических личностей, таких как Султан Хусейн Байкара, Ходжа Яхья, Ахмад Хаджибек, Алишер Навои. Бабур пытался подробно выразить свои словесные пожелания, намекая и на себя, а также на Сахибкирана Амира Тимура, Абдуррахмана Джами, своего наставника Ходжа Мавляна Кази. То есть мы здесь намекаем на причину того, что в качестве

муррабий и *мукаввий*, Бабур даёт сведения о высоких человеческих качествах и делах Сахибкирана Тимура, Абдуррахмана Джами, своего наставника Ходжа Мавляна Кази и о себе.

Теперь поинтересуемся словарными значениями словосочетания *мураббий* и *мукаввий*. Как указывается в словарях, данные слова являются арабскими и слово *мураббий* содержит в себе такие значения, как «воспитатель, учитель, наставник» [11, 437; 12, 643; 7, 708], а слово *мукаввий* – «дающий силу, дающий энергию, дающий помощь» [11, 417; 7, 792]. По нашему изучению, известный русский востоковед М. Салье, переводя «Бабур-наме» на русский язык, как знаменитый переводчик, в процессе перевода тоже затруднился в переводе словосочетания *мураббий* и *мукаввий* первоисточника, так как в разных местах перевёл по-разному. В результате этого исторические сведения, написанные Бабуром, не изображены полностью и по содержанию, и по переводу. Например, сведение: «Улуғи улиғига *мураббий* бўлди, кичиги кичигига муқаввий», – М. Салье перевёл следующим образом: «Старший стал покровительствовать старшему (царевичу), младший поддерживал младшего» [1, 62]. А в другом месте следующее: «Аҳли фазл ва аҳли ҳунарга Алишербекча, *мураббий* ва *мукаввий* маълум эмаским, харгиз пайдо булмиш булғай. Устоз Қулмухаммад ва Шайх Ноий ва Хусайн Удийким, созда саромад эдилар, бекнинг тарбияти ва тақвияти била мунча тараққий ва шуҳрат қилдилар». Перевод М. Салье: «Неизвестно, существовал ли когда-нибудь такой пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер бек. Устад Кул Мухаммед, Шейх Найи и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, снискали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке Бека» [1, 179].

В образцах текстов мемуаров и другой классической литературы слово *мукаввий* встречается также в форме *каввий*, которое мы можем узнать из пояснений в словарях, данных к этому слову.

Если мы будем подходить к этому словосочетанию с точки зрения науки языкознания, то оно является синтаксическим соединением, образованным от имён существительных и союза *ва* (и).

Если мы будем изучать исторические, а также синхронные аспекты слов, составляющих это словосочетание, то в современном языкознании слово *мураббий* считается объектом изучения морфологии, а соединительный союз *ва* (и) – объектом синтаксиса. Слово *мураббий* в устной и письменной форме нашего современного литературного языка и в разговорном, официальном, художественном, научном стиле применяется часто и считается, применяется в качестве эквивалента слов *наставник, учитель, воспитатель, мастер*. Это слово не потерпело значительного изменения своего словарного смысла со времён применения его Бабуром в своих мемуарах и до наших дней. Однако слову *мукаввий* такое разъяснение дать нельзя. Причина в том, что *мукаввий* превратилось сегодня в архаичное слово, и оно изучается в лексикологии в качестве устаревшего слова, почти что не используется в устной и письменной форме нашего литературного языка, а также не употребляется в разговорной, официальной, художественной, научной форме. Упомянутое слово в тексте

«Бабур-наме» применено автором для изображения исторических личностей, которые вели активную деятельность в эпоху Возрождения Тимуридов, для раскрытия их высоких качеств, для показа их человеческого облика, а также для точного выражения и повествования общечеловеческих, народных идей, когда автор использовал свойственный только ему способ изображения и повествования. Ещё необходимо отметить и то, что слово *мукаввий* местами в произведении применено в качестве эквивалента словам *щедрость, гуманность, дар, человечество*.

Наблюдается, как Бабур использовал в тексте данное словосочетание в основном в двух видах: во-первых, использование в тексте слов *мураббий* и *мукаввий* в форме равных тесно взаимосвязанных сочетаний, а во-вторых – применение *мураббий* и *мукаввий* в форме отдельных слов без союза. По каждому из этих случаев в «Бабур-наме» встречаются примеры.

Необходимо подчеркнуть то, что даже когда вместе применяются, эти два слова, составляющие равные, тесно взаимосвязанные сочетания, могут иметь между собой различия в гранях и в степени значения. Это различительное состояние вытекает из общего содержания сведения или отрывка, приведённого в произведении. Например, если в тексте мемуаров применяется форма *мураббий* и *мукаввий*, степень значения смысла слова *мураббий* в данном сведении может быть относительно выше, чем слова *мукаввий*, или в сведении степень слова *мукаввий* может быть шире относительно слова *мураббий*. В «Бабур-наме» примером этому различительному положению можно привести крупного религиозного деятеля эпохи Возрождения Тимуридов, обладателя многих богатств в стране Тимур бека, в Мавераннахре и Хорасане, религиозного руководителя Тимуридских правителей в государственном управлении, в оприходовании и расходовании государственной казны, в делах государственного имущества и нации, обладателя своеобразной силы воздействия, шейха Ходжа Ахрора Вали, который помогал Тимуридскому правителю Султану Ахмаду Мирзе справедливо править державой, не ошибаясь, не отступаясь с путей веры и истины, духовного совершенства и шариата, а также как воспитателя и руководителя. Однако Бабур в этом сведении применил одинаково в форме союза имена обоих личностей, однако в историческом отрывке главное смысловое ударение падает больше на слово *мураббий*. Итак, для подтверждения наших мыслей обратимся к разделу «Бабур-наме» «Поведение и характер», посвящённому Султану Ахмаду Мирзе. А именно: «Султан Ахмад Мирза был ханифит по исповеданию и человеком чистой веры, неизменно совершал пятикратную молитву. Он был мюридом досточтимого Ходжи Убайдаллаха, досточтимый Ходжа оказывал ему попечение и поддержку. Султан Ахмад Мирза был человек очень вежливый, особенно в обществе Хаджи; говорят, что на собраниях у Хаджи он никогда не сдвигал колен. Однажды в обществе досточтимого Ходжи он, вопреки обыкновению, сидел сдвинув ноги. Когда Мирза встал, досточтимый Ходжа приказал осмотреть то место, на котором сидел Мирза. Оказалось, что там лежала кость. Он ничего не читал, был неграмотный. Хотя он вырос в городе, но был прост и не отёсан и не обладал

никакими дарованиями. Это был справедливый человек; досточтимый Ходжа всегда наблюдал за ним. Большинство важных дел он решал согласно пути закона, исполнял и соблюдал обещание и слово, никогда не нарушая его» [3, 44]. Если мы обратим внимание на этот отрывок, у Бабура были свои причины и последствия применения относительно Хазрата Ходжа слова *мукаввий*. Указывается на то, что Хазрат Ходжа, как крупный владелец имущества, иногда поддерживал государя и казну государства, и вообще такие стороны в Бабур-наме хорошо освещены. Например, в мемуарах правдиво рассказывается о том, как великий эмир Алишер Навои не берёт долю из казны Султана Хусейна Байкары, а поддерживает её как *мукаввий*. Бабур в качестве падишаха, чувствующего «разрешения и узаконивание» правителей, хорошо знал состояние, обычаи относительно казны, а также понимал необходимость поддержки владельцев крупного имущества в разрешении чрезвычайно возникших экономических трудностей. Он и сам пережил в жизни такие события. Например, в очень затруднительном положении ждал помощи от таких крупных владельцев имущества, как Фан Малик и Хусрав-шах. В мемуарах даже повествуется о том, что его знаменитая газель с редифом «яхшилик» была написана под таким состоянием. В «Бабур-наме» относительно этих событий написано так: «Правитель Фана был известен и славился своей тороватостью, щедростью, услужливостью и добротой. Султан Масъуд мирза, когда Султан Хусейн мирза шёл походом на Хисар, тянулся по этой же дороге в Самарканд, к своему младшему брату Байсункар мирзе, и правитель Фана поднёс ему семьдесят или восемьдесят коней; другие его услуги были того же рода. Мне же он прислал старую скверную клячу, а сам даже не явился. Когда дело касается нас, люди, славящиеся щедростью, становятся скупыми, и те, кого считают великодушными, забывают о великодушии. Хусраушах был славен и знаменит своей щедростью и тороватостью; о всевозможных услугах, которые он оказал Бадиъаззаман мирзе, уже было упомянуто; к Баки тархану и другим бекам он тоже проявил великую доброту и тороватость. Нам случилось пройти через его владения два раза он не проявил к нам даже того великодушия, какое выказывал последнему из наши нукеров, не говоря уже о людях нашей породы. Он обращал на нас даже меньше внимания, чем на наших нукеров.

О сердце, кто видал добро от сынова сего мира?

От того, в ком нет добра, не ожидай ничего хорошего» [3, 78-79].

Ещё в тексте «Бабур-наме» в форме отдельных слов применено слово *мураббий* или *мукаввий*. Мы сможем увидеть это в отрывках, где подробно описываются проблемы, связанные с разрозненностью, имущественными отношениями, возникшими вследствие конкуренции детей Ходжа Ахрора Вали, основанных на отношениях между Тимуридскими правителями и потомками Ходжа Убайдуллы, то есть «старший стал старшему покровителем, младший младшему – поддержкой». Здесь Бабур при помощи поэтических искусств такрир и сажъ смог показать своё отношение не только как писатель, но и как поэт. Сведения об этом обстоятельстве мы можем прочесть в отрывке из мемуаров о Тимуридском правителе Султан Али Мирзе: «Султан Али мирзу

отправили в Коксарай и провели по его глазам иглой. По воле палача или помимо его желания глаза Султана Али мирзы не потерпели от иглы вреда. Не показав этого, он тотчас же ушёл в дом Ходжа Яхья и через два-три дня бежал в Бухару к тарханам. По этой причине между сыновьями досточтимого Ходжи Убайдуллаха возникло соперничество: старший сын стал покровительствовать старшему, младший поддерживал младшего» [3, 54].

В мемуарах словосочетание *мураббий* и *мукаввий* применено относительно правителя Самарканда Ахмада Хаджибека. В сведении говорится о том, как Ахмад Хаджибек был *мураббий* и *мукаввий*ем, и как просвещенный хаким покровительствовал и поддерживал в Самарканде только Алишера Навои. Однако в произведении явно чувствуется, как автор знакомит его в качестве хакима мураббия и мукаввия эпохи Возрождения Тимуридов. В частности: «Ещё был Алишербек Навои; беком он у Султана не был, но был его товарищем. В детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость. Не знаю, за какую провинность Султан Абусаъид мирза удалил Алишербека из Герата. Он отправился в Самарканд. В те несколько лет, которые он провёл в Самарканде, Ахмад Хаджибек оказывал ему попечение и поддержку» [3, 132].

Известно, что в «Бабур-наме» показана положительная роль Алишера Навои в управлении правительством Хорасана и администрации страны, финансовых дел, а также управлении кадрами. Мы видим, как шах и поэт, Бабур с изумлением, а также с царской благосклонностью использует в своих сведениях относительно великого эмира словосочетание *мураббий* и *мукаввий*, имея ввиду его практического дела по наставничеству и поддержке, воспитанию и помощи. В этом мы можем увидеть, как сохранено равновесие смысла обоих слов, а также и их взаимное значение. Мы анализируем отрывок, который Бабур посвятил повествованию Навои, а также других первоисточников. Здесь повествуется о людях искусства, таких, как Устод Кулмухаммад, Шайхи Найи, Хусейн Уди, получивших звание устод (мастер) и внёсших большой вклад в музыкальную сокровищницу того периода. Также рассказывается о нескольких сформировавшихся школах живописи конца XV – начала XVI века, когда живописное изобразительное искусство эпохи Возрождения Тимуридов достигла творческих высот, когда в сфере культурной жизни живописи возникла миниатюра, корифеями которой стали Устод Камалиддин Бехзад, Шах Музаффар, создавшие бесценные шедевры. Из сведений автора становится ясно, что изобразительное искусство, в частности, миниатюра эпохи Ренессанса Тимуридов, которой руководил Алишер Навои, благодаря его наставничеству и поддержке, были взращены одарённые художники, как Устод Камалиддин Бехзад и Шах Музаффар.

В частности: «Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишербек. Устад Кулмухаммад, Шейх Найи и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, снискали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке Бека. Устад Бехзад и Шах Музаффар тоже стали столь славны и

известны вследствие забот и стараний Бека. Мало кому удалось построить столь полезных зданий, сколько построил он» [3, 133].

Значит, из сделанных выше анализов отрывка выявляется, что применённый Бабуром относительно Ходжа Ахрара Вали и Ахмада Ходжибека словосочетание *мураббий* и *мукаввий* теперь применён относительно великого эмира Алишера Навои. Он с огромным уважением, признанием, удивлением отмечает, что с истечением времени великий эмир в наставничестве и поддержке поднялся до несравненных высот среди достойных людей и людей ремесла, нет таких известных *мураббий* и *мукаввий*, как Алишербек: «Он сделал столько пожертвований для зданий, мало кто может достигнуть такого». Некоторые доказательства, пояснения этих сведений ещё подробнее изложено в отрывке, отображающем путешествие автора «Бабур-наме» по Герату. Одним словом, применение Бабуром в мемуарах словосочетания *мураббий* и *мукаввий*, *воспитание* и *помощь*, использованы относительно упомянутых в своём веке представителей эпохи Возраждения Тимуридов. Такое положение указывает на тот их созидательный талант, характерные дела в материальных и духовных сферах по созиданию, щедрости, благородству, подаянию, созданию умственных и рукодельных открытий, их участия по увеличению этих внедрений по всей стране, их финансированию. Ещё отдельно необходимо отметить, что Бабур впервые применил в произведении это словосочетание относительно Ходжа Ахрара Вали, затем Ахмада Хаджибека и Алишера Навои. Интересно, что со временем Бабур и сам собрал вокруг себя различных представителей науки, поэтов, писателей, историков, вообще «достойных людей и людей ремесла», стал мураббием и мукаввием их научных, творческих работ, а также осуществил их воспитание и поддержку. Созидательная деятельность Бабура в материальных и духовных сферах, его дело наставничества и поддержки были отдельно отмечены, а также изучены бабуроведами нашей страны и зарубежья. Например, известный британский востоковед и историк Вильям Рашбрук высоко оценил Бабура и назвал его «Созидателем шестнадцатого века». Он написал о Бабуре ценное произведение под данным названием [5, 208]. Произведение было переведено с английского на узбекский язык, издано и введено в научное обращение при наставничестве и поддержке Международного общественного фонда имени Бабура.

Бабур, как падишах и писатель, очень хорошо понимал просвещение наставничества и поддержки, однако не поддерживал подпадание под их влияние. Он даже в мемуарах создал отрывки, которые предупреждают правителей оказаться в руках *мураббий* и *мукаввий* «марионеточными правителями». В частности: «В этом году возникла вражда между Султан Али мирзой и Мухаммад Мазид тарханом. Причиною её было то, что тарханы приобрели очень большую власть и значение. Бухарой полностью завладел Баки Тархан и никому не давал ни одного данака с бухарских владений. Мухаммад Мазид Тархан был полновластным хозяином в Самарканде. Он захватил все округа для своих сыновей, приверженцев и приспешников, кроме небольшого содержания из доходов города, которое ему назначили. До Султан Али мирзы

никакими путями не доходил ни фельса. Султан Али мирза был взрослый юноша, сколько ещё мог бы он терпеть такое их обращение» [3, 75].

Вывод в том, что в тексте «Бабур-наме» нашли своё отражение искусно применённые автором такие языковые единицы, как каждое слово, словосочетание, выражение, предложение, правила, свойства узбекского литературного языка того периода. Наряду с этим, при их помощи автор истолковывает такие понятия, как дух народа, национальный колорит, культурная среда, прогресс эпохи, идеи Ренессанса и добра. Эти мысли касаются также словосочетаний *мураббий* и *мукаввий*, которые он применял с мастерством. Это словосочетание было несколько раз применено в великолепных мемуарах относительно Алишера Навои, гениального поэта, великого эмира, крупного землевладельца эпохи Возрождения Тимуридов. В каждом случае их можно оценить, как выражение, показывающее высочайшие качества его личности.

Литература

1. Бабур-наме / перевод М. Салье. – Изд. 2-3. – Ташкент : Главная редакция энциклопедий, 1993.
2. Бобур энциклопедияси. – Тошкент : Шарқ, 2017.
3. Бобур. Бобурнома. – Тошкент : Шарқ, 2002.
4. Бобур. Девон / сўзбоши муаллифи ва нашрга тайёрловчи ф. ф. д. А. Абдуғафуров. – Тошкент : Фан, 1994.
5. Рашбрук Вильям. Ўн олтинчи аср бунёдкори / маъсул муҳаррир Х. Султонов ; инглиз тилидан Ғ. Сатимов, Х. Сўфиева таржимаси. – Тошкент : Шарқ, 2011.
6. Раджабова Б. Муштарак адабий ҳодисалар. – Тошкент : Муҳаррир, 2019.
7. Словарь таджикского языка : X начало XX века : в 2-х т. – Т. 1 : А–О. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
8. Стеблева И. В. Семантика газелей Бабура. – М., 1982.
9. Стеблева И. В. Тюркская аоэтика : этапы развития : VIII–XX вв. – М. : Восточная литература, 2012.
10. Холмонова З. “Бобурнома” лексикаси. – Тошкент : Фан, 2007.
11. Шамсиев П., Иброҳимов С. Навоий асарлари луғати. – Тошкент: Ғафур Ғулом, 1972.
12. Ўзбек тилининг изоҳли луғати : 5 жилдли. – 2-жилд. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008.

© **Раджабова Б.**, 2020

Д. Т. Ражабова,
к. ф. н., СамГИИЯ, г. Самарканд (Узбекистан);
С. Н. Бекниязова,
СамГИИЯ, г. Самарканд (Узбекистан)

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ «БАБУР – БАБУРИН» В СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В ономастическом пространстве среднеазиатского и граничащих с ним регионов (Казахстан, Западная Сибирь и Урал) личное имя и прозвище Бабур, Бабура спорадически отмечаются в тюркоязычной среде. Дериватами этих онимов стали русифицированные фамильные имена Бабурин, Бабуров, Забабурин, Бабурченков и им созвучные, этимология которых остается непрозрачной [1, 5]. Между тем имя Бабур было широко известным в Самарканде уже в конце XIV века.

Правитель Ферганы с 1494 г. и Самарканда с 1498 г. Захириддин Мухаммад Бабур, сын Омара Шейха Мирзы, оставил потомкам свой труд «Бабур-наме», в котором описаны общественная жизнь, нравы и обычаи жителей Средней Азии XV века. Это сочинение до сих пор не потеряло исторической ценности, став объектом исследования филологов и историков.

Средневековый Самарканд занимал особое место в регионе. Его правители вели потаённые войны за верховенство. Во время правления монарха Османа там был принят ислам. По преданию, город Самарканд построен ханом Искандером. Соседи-тюрки называли его Семизкендом. Легенды о происхождении этой столицы, называвшейся Маракандой, восходят к античным временам. Самарканд в XV в. назывался также Шамарканд (букв. «селение Шамара»).

Возникает естественный интерес к этимологии этого онима, поскольку корень «самар» фиксируется в наименованиях разных регионов: река Самара (бассейн р. Днепра), река Самара (бассейн р. Волги), Самарский городок на Волге (XVII в.), город Самара (основан в 1586 г.), Самарово (пригород Ханты-Мансийска, (XVI в.), город Самарра (Ирак). Кстати, Волжская река Самара (Самур) упомянута арабским путешественником Ахметом ибн-Фадланом еще в 922 году. Разумеется, созвучие вышеупомянутых наименований вовсе не случайно. Гипотетически названия, начинающиеся на «Самар-», интересно бы соотнести с этническим именем Шумеры, то есть названием народности, проживавшей в стране Шумер около 3000 г. до н. э. в Двуречье (территория современного Ирака). Прародиной шумеров не без основания называют Северное Приаралье, а ближайшими родственниками по языку считают протоселькупов, потомки которых в настоящее время проживают в бассейне Средней Тольки (Тюменская область). Предложенная гипотеза этимологии имени Самар нуждается в тщательной проверке [5, II].

Как уже было отмечено выше, в начале XV в. правителем Самарканда стал Бабур, который сделал город достаточно известным и процветающим. В русской летописи по Вознесенскому списку за 7041 (1533) г. засвидетельствованы

торговые и дипломатические отношения между Россией и Самаркандом: «Того же месяца сентября пришел на Москву к Великому князю Василью Ивановичу всея Руси из Индийских земель гость Хотя Усеинъ, а привез грамоту от Бабур падши…, а писал Бабур падша, чтобы великий государь Василий с ним был в дружбе и в братстве, и люди бы промежь их ходили на обе стороны их к здоровиа видети…» [2, 5].

Имя Бабур в арабских лексикографических справочниках обычно соотносится с араб. «бабр» («леопард»), что в восточных антропонимических традициях является общепринятым, ср.: Бакр – «верблюжонок», Зайгам – «лев», Икрам – «голубь» [4]. В русский именослов имя Бабур, видимо, проникло через тюркское посредство, поскольку русскоязычное и тюркоязычное население многие века жили бок о бок, совместно обустраивая родные земли.

Могущественный правитель Самарканда Бабур, несомненно, был высокообразованным человеком, о чем можно судить по содержанию «Бабурнаме». Автор подробно описывает географическое положение Самарканда, климат, природу. Для топонимиста примечательны упоминания названий населенных пунктов (Фергана, Кашгар, Бухара, Хорезм, Ташкент, Бинакет, Шаш, Термез и др.) полей и каналов (Конигил, Будана, Куруг, Кулба) [4, 70-71]. Бабур подробно описывает быт, торговлю, однако несомненный интерес у филологов, религиоведов и социологов вызовут деяния знаменитых просветителей (Амири Усман, Сахоба Кусан ибн Аббас, шейх Абу Мансур, Ходжа Исмаили Хартанг, Алишер Навои и десятки других).

В «Бабур-наме» исторические события, обычаи и нравы освещены с позиции вдумчивого просветителя, особенно в тех случаях, когда Бабур дает справедливую оценку интеллектуальному наследию известного поэта Навои, а также современников Бабура: Шайхима Сухайлия, Ахмада Хаджибека, Байсунгура Мирзы, Камалиддина Бинаи, Мухаммеда Салиха и др.

Любопытны зарисовки Бабура, касающиеся архитектуры Самарканда. Самые изящные здания города связаны с именем Тимура и его наследников. Бабур пишет: «В Самаркандской арке воздвигнутые Тимуром четыре яруса-Коксарай» [4, 71] – центр, где заседали правители, трон, место, где осуждали провинившихся. В этой связи Бабур поведал о жестокой судьбе султана Али Мирзы.

Около ворот дворца находилась мечеть, у входа на ее стене были высечены священные слова из Корана. В Самаркандском каменном дворце Чакаре располагалось медресе, выстроенное внуком Тимура Мухаммедом Султаном Мирзой, рядом находилась гробница Улугбека, бережно охраняемая теперь узбекским народом.

В «Бабур-наме», помимо медресе, мечетей, бани, подробно описана знаменитая обсерватория Улугбека, ставшая памятником астрономии средних веков, а также Багги Майдан, Чилетун и многое другое. Уникальные сооружения возводили как местные, так и иностранные зодчие, оставившие потомкам неповторимый Самарканд. Так, во дворце Чилетун сохранилась «Фарфоровая комната», поражающая своим изяществом и красотой.

Великое творение Захириддина Мухаммада Бабура было и остается своеобразной энциклопедией Средней Азии XV-XVI веков. Такие номинативные знаки, как Самарканд и Бабур, ассоциируются с событиями, уходящими в далекое прошлое, оставаясь интересными для современных исследователей.

Литература

1. Благова Г. Ф. К этимологии русской фамилии Бабурин // Этнолингвистические исследования по русскому языку. – М. : МГУ, 1963. – Вып. IV.
2. Гафуров Алим. Имя и история. – М., 1987.
3. Захир ад-дин Мухаммед Бабур. Бабур-наме. – Ташкент, 1987.
4. Захир ад-дин Мухаммед Бабур. Бабур-наме. – Ташкент, 1993.
5. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию : Т. 2. – Тюмень, 1995.

© **Ражабова Д. Т., Бекниязова С. Н.,** 2020

Н. Н. Ражабова,
к. и. н., доцент Карши ГУ, г. Карши (Узбекистан)

ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ ПО ИЗУЧЕНИЮ «БАБУР-НАМЕ»

«Бабур-наме» – великое энциклопедическое произведение, которое сделало знаменитым имя Захириддина Мухаммада Бабура. Оно занимает достойное место не только в узбекской литературе, но и в истории мировой литературы. «Бабур-наме» является одним из первых примеров прозы тюркских народов как исторического и художественного произведения. Эта работа является не только редким историческим источником, но и энциклопедической книгой, охватывающей различные области науки. Она отражает политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь своего времени в художественной форме; события описываются простым языком.

«Бабур-наме» содержит воспоминания писателя. Поэтому неслучайно, что сам автор называл его «Дневником событий».

Эта работа также используется в других источниках под тем же названием, что и «Вакеоти Бабурий», «Тузуки Бабурий», «Таворихи Бабурий», «Бабурия». Позже это стало изображать его как «Бабур-наме» [1, 8].

Он привлекает внимание историков, географов, поэтов и ученых и на протяжении веков становится любимой книгой читателей. Жизнь и творчество Бабура хорошо известны во Франции, например, французским востоковедом Бартоломе д'Эрбело (1625-1695), который первым среди французских ученых заявил о Бабуре и «Бабур-наме». Д'Эрбело в своей статье «Библиотека Востока» (La Bibliotique Orientale. – Paris, 1967) описывает «Бобура или Бобар» как прогрессивного мыслителя, интересующегося жизнью, его состоянием и его покровительством, литературой и искусством.

В XIX веке в Европе началась новая эра, особенно во французских восточных исследованиях, для изучения наследия Бабура и перевода его произведений. За это время великое произведение Бабура было переведено на французский язык французскими учеными, которые изучали особенности текста и оценку его политического и исторического значения [2, 13-15].

Востоковед Анри Жюль Клапрот (1783-1835) первым перевел «Бабур-наме» на французский язык. В 1824 г. А. Клапрот опубликовал свою статью «Наблюдения за историей султана Бабура или “Бабур-наме”». Зная историю, культуру и литературу народов Центральной Азии и Сибири, Клапрот впервые дал исчерпывающий отчет о «Бабур-наме» в европейских востоковедениях.

Затем, в 1854 году, в Париже была издана большая книга под названием «Жизнь исторических людей в настоящее время и в прошлом». В книгу также включена статья востоковеда М. Лангла (1763-1824) под названием «Жизнь и творчество Захириддина Бабура». В статье содержится гораздо больше информации о Бабуре, чем в предыдущих источниках, и читатель может глубже понять его литературную жизнь и творчество. Жизнь и творчество Бабура

становятся все более популярными у французского читателя. В последние годы французские ученые публиковали статьи и книги о Бабуре [6].

Заслуживает особого упоминания изучение наследия Захириддина Мухаммада Бабура и перевода французского тюрколога Анри Паве де Кертиса (1821-1889) «Бабур-наме». Паве де Кертис, заведующий кафедрой тюркских языков Французского колледжа (College de France), член Французской академии и корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, внес значительный вклад в развитие тюркологии во Франции. В научной работе профессора А. Паве де Куртея «Словарь восточно-тюркских языков» (Dictionnaire de turc landmarktale. – Paris, 1870) или «Толковый словарь для чтения произведений Алишера Навои, Захириддина Бабура и Абулгази Баходирхана» имеет особое значение. Эта замечательная подготовка профессора А. Паве де Кертиса и его глубокие знания древнерусского языка и литературы привели его к переводу «Бабур-наме». В 1871 году перевод «Бабур-наме» Папы де Куртея был опубликован в двух томах («Воспоминание о Бабуре», «Традиционный опыт в области текстов»). Первый том содержит предисловие на шестнадцать страниц для переводчика. Он содержит информацию о написании «Бабур-наме», событиях, упомянутых в книге, и о могущественной империи, которую Бабур-шах построил в Афганистане и Индии [9, 67-69].

Некоторые западные ученые связывают рождение «Бабур-наме» со временем, когда Бабур был в Индии. Французский переводчик комментирует это так: «Если бы меня спросили, в какое время была написана Бабур-наме, я бы сказал, что книга была написана после завоевания Индии. Профессор Паве де Кертис пришел к выводу, что с самых ранних глав книги события индийских времен неизбежны.

Таким образом, Паве де Куртей внес большой вклад в изучение и продвижение наследия Бабура во Франции. Он прославился как переводчик «Бабур-наме». Эта переводческая работа, начатая ученым, была популярна в мире и побудила многих ученых изучать жизнь Бабура. В 1888 году во втором томе «Азиатского журнала» (Journal asiatique) востоковед Жюль Дармстете опубликовал свою статью «Писатели Кабула. Надписи Бабуршаха и других монгольских князей на надгробиях» помогают познакомиться со значением слов, написанных в гробницах, которые были построены Бабуридами.

Хорошо известно, что трактат Бабура «Аруз» является важным руководством в изучении закономерностей поэзии узбекского, арабского и других тюркских народов. Рукопись этой рукописи все еще может быть сохранена для научного сообщества. О том, что копия рукописи хранится в Национальной библиотеке в Париже, впервые сообщил турецкий ученый М. Ф. Купулизода в 1923 году. Французский востоковед Эдгар Блош в своей книге «Каталог рукописей», хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, затрагивает эту рукопись трактата «Аруз» [4, 254].

Перевод доктора Баке-Граммона «Бабур-наме» находится на том же уровне, что близко к вкусу французского читателя. Он содержит карты земель Мавераннахра, Афганистана и Индии, во времена правления Бабура. А.Ж.

Клапрот, А. Лонгперье, М. Лангле, А.Паве де Куртей, Ф. Гренард, Бакъе-Граммон внесли значительный вклад в развитие бабуризма в Европе, описав исторические, этнографические, библиографические и лингвистические аспекты наследия Бабура. Кроме того, целесообразно признать вышеупомянутые источники для сбора, публикации и оценки богатого наследия Бабура в науке, литературе и искусстве.

В течение этих лет французские ученые провели исследование, чтобы перевести «Бабур-наме» на французский язык, изучить его текстовые особенности и оценить его политическое и историческое значение. Востоковед Анри Жюль Клапрот (1783-1835) первым перевел и изучил «Бабур-наме» на французский. 1824 г. опубликована статья Клапрота «Султан Бабур или “Бабур-наме”». Зная историю, культуру и литературу народов Центральной Азии и Сибири, Клапрот впервые дал исчерпывающий отчет о «Бабур-наме» в европейских востоковедениях [3, 458].

Автор переводит несколько глав «Бабур-наме» на французский язык, сравнивает его переводы с оригиналом и делает соответствующие выводы о лингвистических аспектах текста. В 1854 году в Париже вышла большая книга «Жизнь исторических личностей в настоящее время и в прошлом». В книгу также включена статья востоковеда М. Лангла (1763-1824) под названием «Жизнь и творчество Захириддина Бабура». В статье содержится обширная информация о предыдущих источниках Бабура, и читатель может глубже понять его литературную жизнь и творчество. В шестидесятых годах XIX века было издано многотомное издание французского лексикографа Пьера Ларуса «Французский энциклопедический словарь XIX века».

Вторая часть словаря дана статья, которая достойна внимания «Захириддин Мухаммад Бабур». «Захириддин Мухаммад Бабур является внуком Амира Тимура и родился в 1483 году, – говорится в статье. – В 1525 году он покорил Индию правшами кавалерии, покорив Кандагар, Кабул, Дели и Агру. Затем он основал Великую Империю Моголов в Индии. До конца восемнадцатого века Индия управляла вавилонской династией. Бабур умер в 1530 году». После этих строк статья фокусируется на книге «Бабур-наме». Автор, ссылаясь на историю написания книги и ее перевода на другие языки, сказал: «Эта работа действительно увлекательна, но еще не известна во Франции». Эта книга, написанная на турецко-чагатайском языке, была первоначально переведена на персидский язык и завоевала популярность среди мусульман в Индии. Автор энциклопедии Пьера Ларуса пытается сделать выводы, размышляя над вымыслом текста Бабур-наме. «С точки зрения стиля, – пишет автор, – очень интересно отметить первую и вторую части работы, с большим количеством событий, деталями, хронологической последовательностью и простотой выражения». В статье также дается положительный отзыв о миниатюрах, нарисованных для «Бабур-наме», и говорится, что образы путешествия Бабура в Афганистан и Индию очень яркие [7, 327].

Венгерский востоковед Герман Вамбери описал «Бабур-наме» как «Мемуары Восточного Цезаря» в своей книге 1873 года «История Бухары и Трансаксонии», опубликованной в Санкт-Петербурге. Примечательно, что статья в энциклопедии Пьера Ларуса описывает это следующим образом: «Читатель ссылается на книгу “Мемуары римского императора Юлия Цезаря” в “Бабур-наме”. Да, между воспоминаниями Цезаря и этой работой много общего. Оба автора подходят к повествованию и подлинности событий в одном и том же изображении, и существует некоторая близость в изображении одних и тех же географических мест. Однако умение рисовать настроения героев, как внутри, так и снаружи, у турецкого правителя более артистично, чем у римского императора». Другими словами, первый описывает в своей книге различные интересные и увлекательные приключения с художественной литературой и анекдотами, народными сказками, пословицами и притчами.

В конце статьи есть комментарии о переводах «Бабур-наме» на персидский и английский языки, а также о некоторых недостатках в этих переводах. В двадцатом веке французские востоковеды много изучали наследие Захириддина Мухаммеда Бабура и перевод «Бабур-наме» [5, 34-36].

Были опубликованы статьи во французской энциклопедии, содержащие общую информацию о жизни и творчестве Бабура, о его книге «Бабур-наме». В 1930 году французский ученый Фернан Гренар опубликовал книгу «Babur est fondateur de 1'em Empire des Indes» (Paris, 1930). Книга состоит из десяти глав, которые рассказывают историю Бабура от его детства до последних дней его жизни. Книга Гренарда, написанная в гармонии с «Бабур-наме», описывает серию широко освещаемых эссе о Бабуре, который покинул Самарканд и потерял Андижан: была весна, и она направлялась к дяде (Ташкент).

Жизнь Бабура в Герате и Кабуле ярко изображена в книге Гренарда. Здесь Бабур рассматривается как красноречивый человек и очаровательный поэт, а не одинокий воин за престол и корону.

Будучи хорошо знакомым с прошлым и литературой, историей, музыкой и искусством, Бабур всегда был в кругу ученых, в частности, проявлял искреннее уважение к создателям и профессионалам и оказывал им материальную и моральную поддержку. Такое любящее отношение к творчеству и искусству никогда не было напрасным. Бабур был творческим по своей природе. С юности до самой смерти он занимался творчеством, не останавливался ни при каких условиях и обстоятельствах, оставляя богатое научное и литературное наследие во всех отношениях [8].

По решению ЮНЕСКО, в 1983 году 500-летие со дня рождения Бабура было широко отмечено. Французские ученые также сделали замечательный подарок по этому случаю. Парижский издатель Orientalist de France (ROG) опубликовал новый французский перевод «Бабур-наме» под названием «Le Libre de Babur». Этот перевод принадлежит великому турецкому ученому, доктору Жану Луи Бэйку-Грэммону, и состоит из 478 страниц. Перевод был написан известным французским востоковедом, профессором Луи Басеном. В начале предисловия была подробно описана борьба Бабура за создание великой

Бабурской империи, история написания «Бабур-наме» и ее роль в мировой литературе. В 1981 году доктор Бэйк-Грэммон в переводе «Бабур-наме» получил главный приз Международной федерации переводчиков.

Литература

1. Азимжонова С. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М., 1977.
2. Ахмедов Б. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. – Т., 1985. – (Письменные памятники).
3. Жамолов С. «Бобурнома» нинг бадиий қиммати ҳақида. – Тошкент, 1989.
4. Babur-Chah : fondateur de L'Empire des Indes. – Paris, 1989.
5. Dictionnaire Enciclopedique / Petit L'arousse. – Paris, 1993.
6. Le Livre de Babur. – Paris, 1985.
7. Mamadaliyev A. Ditionnaire Français – Ouzbek. – Tachkent, 2008.
8. Memoirs de Babure / A. Pavet de Courtille. – Paris, 1990.
9. Roux, Jean-Paul. Histoire des Grands Moghols. – Paris, 1995.

© **Ражабова Н. Н.**, 2020

Д. Расулмухамедова,
УзГУМЯ, г.Ташкент (Узбекистан)

Аннотация: Статья посвящена литературному и научному наследию Бабура. Перу поэта и правителя принадлежат труд «Бабур-наме», снискавший мировую славу, оригинальные и прекрасные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому праву («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Бабур как ученый, внесший весомый вклад в решение исторических, культурных и социальных вопросов своими известными произведениями, является государем и поэтом, занимающим достойное место в истории духовной культуры узбекского народа.

BOBURNING BADIIY OLAMI

Boburdan bizga juda katta meros, uning devonlari, «Boburnoma»si, bir qator ilmiy, tarixiy, diniy-falsafiy va axloqiy-ta'limiy ruhdagi asarlaridan iborat manbaa qoldi. U Xoja Ubaydullohning «Risolayi volidiya»sini o'zbekchalashtirdi, musulmon axloqiga oid «Mubayyin» nomli masnaviyni yaratdi, «Xatti Boburiy»ni ixtiro qildi.Bir necha muddat oldin podsholikni Humoyunga topshirgan Bobur 1530-yil 26-dekabrda, 47 yoshida o'zi asos solgan saltanat poytaxti Agrada vafot etdi va o'sha yerda dafn etildi. Keyinchalik, 1539-yil, vasiyatiga muvofiq, xoki Kobulga keltirilib, o'zi bunyod ettirgan «Bog'i Bobur»ga qo'yildi.

1. «Tarixi Rashidiy»dan: «U turli go'zal fazilatlar, maqtovga loyiq sifatlarga ega podshoh edi. Barcha sifatlari ichida shijoat va muruvvatpeshaligi ustun kelar edi»

2. Hasanxo'ja Nisoriy: «Chig'atoy sultonlarining eng sarasi va zo'r shijoatlisi edi»

3. Javoharla'l Neru: «Bobur dilbar shaxs, Uyg'onish davri-ning tipik hukmdori, mard va tadbirkor odam bo'lgan, u san'atni, adabiyotni sevardi, hayotdan huzur olishni yaxshi ko'rardi. Uning nabirasi Akbar yana ham dilbarroq bo'lib, ko'p yaxshi fazilatlarga ega bo'lgan»

4. Monstyuart Elfinston: «Uning uslubi oddiy va mardona, jonli va obrazli. U o'z zamondoshlarining qiyofalari, urf-odat-lari va intilishlarini, qiliqlarini oynadek ravshan tasvirlaydi. Shu jihatdan bu asar Osiyoda yagona, chinakam tarixiy tasvir namunasidir»

5. Rumer Goden: «Bobur bunyod etgan davlat garchi bobolariniki singari bepoyon mintaqalarga yoyilmagan bo'lsa-da, u o'z saltanatining sultoni, buyuk imperatori darajasiga ko'taril-di. O'z mulkida boshqaruv tizimini mahkam tutib, uni mohirlik bilan idora qildi. Bu o'lkani 332 yil davomida mahorat bilan boshqargan buyuk sulolaga asos soldi» Nafaqat jahon adabiyoti biz ozimiz ham

''Bobur Mirzo so'z bialn jonli sozni tasvirni yaratish mahoratini mukammal egallagan adib edi. Buni o'zi ham sezardi. Shuning uchun umrining oxirida o'g'li Humoyunga «Boburnoma»ni tugallab taqdim etganida unga bir ruboiy ilova qiladi:

Bu olam aro ajab alamlar ko‘rdum,
Olam elidin turfa sitamlar ko‘rdum,
Har kim bu «Vaqoyi’»ni o‘qir, bilgaykim,
Ne ranj-u ne mashaqqat-u ne g‘amlar ko‘rdum.

Bu Boburning ijodiga bo’lgan qizqish hisoblanadi. Har bir inson olamdan o’tsa ham uning yaxshi ishlari uning ortidan qoladi. Boburning mashur asari hisoblangan “Boburnoma asariga shunday ta’rif berilgan:

Irving Stoun biografik qissalar haqida gapirib, jumladan, bunday deydi: «Soddalikka erishmoq va soddalikni saqlab qolmoq. Faqat ma’nodor sahnalarni sur’atni tezlashtirib tasvirlamoq kerak... Fuqarolar urushi tarixini yaxlitligicha tasvirlash kerak emas... Ortiqcha nomlarni tilga olishdan qochish kerak. Biron tomonning yonini olishdan saqlanish kerak, biryoqlamalikdan va bag‘ritoshlikdan qochish kerak. Nafrat emas, xayrixohlik va dardkashlik uyg‘otmoq lozim. G‘ussani tasvirlaganda haddan oshib ketish yaramaydi, tuyg‘ular tasvirida lofga berilmang... Muallifni bir chetga chiqarib qo‘yish kerak, hikoya o‘z-o‘zicha oqaversin” deydi Irvin Stounz. Menimcha bu Boburnomaga berilgan eng mohirona ta’rif hisoblanadi.

Boburning sheriyatdagi merosi ham chetel olimlarini hayratda qoldirgan.

«Bobur turkiy she’riyatda Alisher Navoiydan keyingi o‘rinda edi. U sof va nafosatli turkiyda devon tartib etdi. U nazm yo‘lida «Mubayyin» atalmish asarini yaratib, shu bilan ko‘pchilik tomonidan foydali deb topilgan islomiy huquqshunoslikka doir ta’limotning muallifi bo‘ldi, shuningdek, turkiydagi aruz vazni haqida benazir risola yozdi va «Risolayi volidiya»ni tarjima qildi. Uning bequsurlikda yagona hamda jo‘n uslubda yozilgan «Vaqoye’» yoki «Tarixi turkiy» asari ham bor. U musiqa va o‘zga san’atlarni g‘oyatda nozik idrok etardi». (Denison Ross, ingliz olimi). Mogullarning Bobur haqida aytgan sozlari ham uni ng buyukligini isbotlydi:

Bobur nainki mamlakatda siyosiy ahvolni o‘zgartirdi, balki saltanatni g‘arbiy viloyatlar bilan birlashtirdi. Kushon rojaliklaridan keyin Afg‘oniston va Hindistonning o‘zaro aloqalari uzilgan va sobiq «Turk sultonlari» hukmronligida chegaralar qarovsiz holga tushgan edi. Bobur esa Afg‘oniston va Hindiston o‘rtasida o‘z saltanatini barpo qilib, so‘ng o‘rtadagi shimoliy va janubiy chegaralarini mustahkamladi. Qachonlardir jang-u jadal maydoni bu sarzamin savdo-tijorat hamda madaniy-ma’rifiy markazga aylandi».

Bobur O‘zbekiston mustaqillikka erishganidan so‘ng o‘z yurtida haqiqiy qadr-qimmat topdi. Andijon shahrida Bobur nomida universitet, teatr, kutubxona, milliy bog‘(«Bog‘i Bobur») bor. Bobur milliy bog‘i majmuasida «Bobur va jahon madaniyati» muzeyi, shoir-ning ramziy qabr-maqbarasi bunyod etilgan. Shahar markazida va Bobur bog‘idagi yodgorlik majmuyida shoirga haykal o‘rnatildi. Andijondagi markaziy ko‘chalardan biriga, shuningdek, Toshkentdagi istirohat bog‘i va ko‘chaga, Andijon viloyati, Xonobod shahridagi istirohat bog‘iga Bobur nomi berildi. O‘zbekiston Fanlar akademiyasining Bobur nomidagi medali ta’sis etildi. 1993-yil 23-dekabrda tashkil etilgan Xalqaro Bobur jamg‘armasi Bobur ijodini o‘rganishda katta ishlarni amalga oshirdi. Jamg‘armaning ilmiy ekspeditsiyasi 10 dan ortiq Sharq mamlakatlari bo‘ylab ilmiy safarlar uyushtirib, Bobur va boburiylar qadamjolari, ularning ilmiy merosiga oid yangi ma’lumotlar to‘plab, ularni ilmiy

iste'molga kiritdi. Mazkur ma'lumotlar asosida o'ndan ziyod ilmiy, hujjatli, badiiy asarlar, o'nga yaqin hujjatli, videofilmlar yaratildi. Jamg'armaning Lohur (Pokiston), Haydarobod (Hindiston), Abu Dabi (BAA), Moskva (RF), O'sh (Qirg'iziston), Toshkent, Namangan shaharlarida bo'limlari mavjud.

2. O`zbek klassik adabiyotining ulkan yodgorliklaridan biri bo`lgan «Boburnoma» Sharqda «Tuzuki Boburiy», «Voqeoti Boburiy», «Voqeanomai shoh Bobur» nomlari bilan mashhur bo`libkelgan. Asar yaratilgan davridan boshlab juda kattaqiziqish o`yg`otdi. U tarixchilar, geograflar, shoir va olimlarning diqqatini o`ziga tortadi, bir necha asrlar davomida kitobxonlarning sevimli asariga aylandi «Boburnoma» qomusiy mazmundagi kitob, unda O`rta Osiyo, Afg`oniston, Hindiston xalqlarining tarixiy, ijtimoiy-siyosiy hayoti, turmush tarzi, shu mamlakatlar geografiyasi, o'simliklari va hayvonot dunyosi to`g`risida juda ko`p ma`lumot keltiriladi: XV-XVI asrlarda yashagan bir qancha shaxslarning xarakteri chizib beriladi, tarixiy voqealarning jonli tasviri yaratiladi. Kitobda Boburning hayoti, atoqli sarkarda va zabardast adib sifatidagi ziddiyatli vashiddatli hayoti va kechinmalari yorqin ifoda etilgan. «Boburnoma» o`z xarakteri bilan faqat turkiytildagi tarixnavislik – memuarchilikda favqulodda yangi, hodisa bo`lib qolmay balki umuman, Sharq madaniyati tarixida ham ajoyib yangilik, nodir adabiy obida sifatida ardoqlangan. Shu sababli XVI asrdayoq bir necha marta fors tiliga, keyinchalik Yevropa xalqlari tillariga qayta-qayta tarjimaqilindi, nashr etildi, batafsil o`rganildi. «Boburnoma» tarjimalari tarixiga oid ayrim ma`lumotlar ba`zi olimlarning ishlarida qayd qilingan. Ammo bu sohani yaxlit, chuqur o`rgangan ilmiy tekshirish ishi hali amalga oshirilmagan. Tarjimalarning paydo bo`lishi, saviyasini aniqlash, ularni o`zaro qiyosiy tahlil qilish orqali ilmiy qiymatini belgilash «Boburnoma» o'zbek xalqining jahondagi boshqa xalqlar bilan adabiy – madaniy aloqalarni o`rganish nuqtai nazaridan ham juda muhimdir. Zero, «Boburnoma» dunyo sharqshunoslari yakdillik bilan qayd qilganidek, insoniyat madaniyatiga qo`shilgan katta ulush hisoblanadi. «Boburnoma»ni fors tiliga tarjima qilishning birinchi tashabbuskori Boburning o`zi bo`lib, u hayot vaqtidayoq o`z asarini fors tiliga tarjima qilishlarini so`ragan edi. Bu orzu amalga oshirildi. Hozir «Boburnoma» ning to`rtta forsiy tarjimasi ma`lum. Bu ishga birinchi bo`lib qo`l urgan kishi «Shayx Zaynuddin» / Shayx Zayndir. Shayx Zayn Boburning mirzasi bo`lgani uchun, uning farmonlarini o`z tarjimasiga ilova qilgan. Shayx Zayn tarjimasi 932-933 (1525-1526) yillar orasidagi o`n bir oylik voqealarni qamrab oladi. Bu tarjimaning ikkita nusxasi Britaniya muzeyida saqlanmoqda. Ikkinchi forsiy tarjima Hasan Poyandaxon degan kishi tomonidan boshlangan bo`lib, Muhammadquli Hisoriy uni davom ettirgan va 1585 yilda oxiriga etkazgan. Biroq tarjimaning Bodleyn fondida va Hindiston tashqi ishlar ministirligi qo`lyozmalari fondida saqlanayotgan mavjud nusxalari asarni to`la qamrab olmaydi. Akbarshoh zamonida uning topshirig`i bilan «Boburnoma»ni Mirza Abdurahimon ibn Bayramxon fors tiliga to`la tarjima qilgan bu tarjima ancha mukammal bo`lib, uslubi tarzi, jihatidan asl nusxaga yaqin edi. Shuning uchun ham asarning bu tarjimasi «ikkinchi original» sifatida tan olinadi va unga ko`proq etibor beriladi. Agar Shayx Zayn va Hasan Poyanda tarjimalarida rasmiy adabiy forsiy til talablariga amal qilingan Boburning o`ziga xos tili bir muncha o`zgartirilib, mavjud tarixiy Bobur ijodini nafaqat o'zbek adabiyotida balki chetel

adabiyotida ham oz orniga ega hisoblanadi. Mustaqilikdan song Boburning ijodi yana ham abadiylashtirildi. Bobur O‘zbekiston mustaqillikka erishgandan so‘ng o‘z yurtida haqiqiy qadr-qimmat topdi. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining farmoniga ko‘ra 1993-yilda Bobur tavalludining 510 yilligi tantanali nishonlandi. Andijon shahrida Bobur nomida unt, teatr, kutubxona, milliy bog‘ («Bog‘i Bobur») bor. Bobur milliy bog‘i majmuasida «Bobur va jahon madaniyati» muzeyi, shoirning ramziy qabr maqbarasi bunyod etilgan. Shahar markazida (muallifi Ravshan Mirtojiyev) va Bobur bog‘idagi yodgorlik majmuida (muallifi Qodirjon Salohiddinov) shoirga haykal o‘rnatildi. Andijondagi markaziy ko‘chalardan biriga, shuningdek Toshkentdagi istirohat bog‘i va ko‘chaga, Andijon viloyati, Xonobod shahridagi istirohat bog‘iga Bobur nomi berildi. O‘zbekiston Fanlar akademiyasining Bobur nomidagi medali ta’sis etildi. Sharqshunos olim Ubaydulla Karimov bu medalning birinchi sovrindori bo‘ldi.

Bobur o‘zining ma’lum va mashhur asarlari bilan tarixnavis adib, lirik shoir va ijtimoiy masalalar yechimiga o‘z hissasini qo‘shgan olim sifatida xalqimiz ma’naviy madaniyati tarixida munosib o‘rin egallagan shox va shoir hisoblanadi.

Adabiyotlar

1. Mallayev N. O’zbek adabiyot tarixi. – T., 1976.
2. Nizomiddinov N. Buyuk Boburiylar tarixi (XV-XIX asr). – T. : Fan texnika, 2012. – 516 b.
3. Nosirov A.Tarixi haqiqat va uning badiiy talqini. – T., 1999. – 128 b.

© Расулмухамедова Д., 2020

Й. Г. Рахматов (Й. Г. Раҳматов),
ЎзРФА, Ўзбек тили, адабиёти ва фольклори, институти докторанти (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена узбекскому народному эпосу «Ойчинор», который отличается разнообразием мира образов, богатством общечеловеческих идей, а также занимает своеобразное место в эпическом наследии народов мира.

Народный эпос «Ойчинор» написан известным узбекским «бахши» (сказителем, народным певцом) Кадыром бахши Рахимовым. В эпосе отражены исторические события, происходившие в конце XV – начале XVI вв. Достоверны только названия местностей и исторические детали, почерпнутые из произведений Бабура. В эпосе «Ойчинор» ярко отражена личность Бабура и отношение народа к его творчеству. В статье указано, что бахши использовал народные пословицы для описания Бабура и других символов в эпосе.

«ОЙЧИНОР» ДОСТОНИДА ХАЛҚ МАҚОЛЛАРИНИНГ ЎРНИ

Таниқли ўзбек халқ бахшиси Қодир бахши Раҳимовдан ёзиб олинган «Ойчинор» халқ достони тарихий достонлар сирасига кириб, XVI асрнинг ижтимоий-сиёсий ҳаётида алоҳида ўринга эга шахс темурийлар салтанатининг сўнги вакили шоҳ ва шоир Заҳириддин Муҳаммад Бобур ҳақида [9, 32]. Достонда Бобур шахсияти ва унинг ижодига бўлган халқ муносабати яққол акс этган бўлиб, халқнинг суюкли фарзанди ва шоирига бўлган соғинчи ифодаланади. Бахши достонда Бобур ва бошқа тимсолларни тасвирлашда халқ мақолларидан унумли фойдаланган.

Мақоллар сўз санъатининг қадимий шаклларидан бўлиб, фольклорнинг бошқа жанрларидан ўзининг сиқиқ шакли ва чуқур дидактик мазмунга эгалиги ҳамда халқ ижтимоий-маиший ҳаётининг барча қирраларини қамраб олиши билан ажралиб туради. Тилшунослик нуқтаи назаридан мақол – авлоддан-авлодга оғзаки формада кўчиб юрувчи, ихчам ва содда, қисқа ва мазмундор мантиқий умумлашма сифатидаги бирлик [2, 5] бўлиб, нутқда тайёр ҳолда қўлланилади. Яъни мақоллар нутқ вазиятига қадар инсон онггида тайёр, барқарор бирлик сифатида яшайди ва вазият тақозосига кўра нутқнинг энг мақбул, энг жозиб, энг муҳим «юк»ини кўтаради: далиллаш, тугаллик, хотима, ечим, хулосани ўзида жамлайди. Энг муҳими, мақол адабиётнинг бош ғояси адабни тарғиб этади, эстетик таъсирни кучайтиради. Айни шу вазифа боис мақол ёзма адабиётнинг ҳам оғзаки ижоднинг ҳам барча тур ва жанрлари қўлланилади таркибига сингиб кетади ва ҳар қандай асар таркибига сингиб ўзига хос адабий, ғоявий, бадиий-эстетик вазифа бажаради.

Мумтоз адабиётда мақолни қўллаш ирсоли масал саналса, замонавий адабиётда мақол ишлатиш фольклоризм деб юритилади. Ирсоли масал фикр далилига хизмат қилса, фольклоризм ижодкорнинг халқ ижодига муносабатини аниқлаш ҳамда ундан фойдаланиш маҳоратини очишда ёрдам беради [8, 104]. Кўринадики, мақол адабий ҳодисанинг номланишига ҳам, ижодкор туйғуларини

ёритиш, фикрларини далиллаш, ижодий маҳорат масалаларини ёритишга ҳам хизмат қилади. Мақолнинг бундай кўп вазифалилиги бевосита унинг спецификасини кўрсатади.

Гарчи халқ ижоди оғзакиликка асосланган бўлсада унда яратилган ҳар бир асар ўзига хос эпик қонуниятлар асосида шаклланади. Бу эпик қонуниятлар биринчи навбатда асарнинг мазмун ва шаклида намоён бўлади. Айни шу қонуниялар асосида фольклор асарларининг умумий ва хусусий томонлари, жанрий табиати, идивидуаллиги ҳамда жанрлар аро муносабатларини ўрганиш ва маълум хулосаларга келиш мумкин [5, 78]. Ўзига хос тизим сифатида шаклланган халқ достонларда бу хусусият яққол намоён бўлади.

Бахши достон ижроси давомида воқеаларнинг таъсирли қилиш мақсадида халқ оғзаки ижодида мавжуд бўлган кичик ва ўрта ҳажмли жанрларни достон мазмунига сингдириб юборадики, бу досталарнинг мураккаб композицион тузилишини шакллантиради [4, 67]. Жумладан, Қодир бахши Раҳим ўғли репертуаридан ўрин олган «Ойчинор» тарихий достонига эътибор қилинса, унинг таркибига мазмунга мос тарзда кичик ҳажмли кўплаб фольклор намуналари киритилгани кузатилади. Мазкур достоннинг таркибида жуда кўп халқ мақол ва маталлари, топишмоқлар, шунингдек, фольклорнинг алоҳида жанрига мансуб бўлган олқиш, қарғиш, лирик қўшиқ, айтишув, йиғи-йўқлов каби жанрларига дуч келиш мумкин. Биз бу мақоладада фақатгина халқ мақолларининг достонда тутган ўрни ва бахшининг халқ мақолларидан фойдаланиш маҳорати ва образ яратишда халқ мақолларининг ўрнига эътиборимизни қаратамиз.

Мақол ихчам шакл кенг маънога эгалиги билан алоҳида диққатга сазовор. Рус фольклоршуноси В. П. Аникин шундай ёзади: «Мақол – бу халқнинг ўзаро фикр алмашиш воситаси, яъни қисқа поэтик шаклда акс этадиган ва мустақил равишда ҳукм чиқарадиган жумласидир» [1, 167]. У лисоний бирлик сифатида миллий тилнинг ажралмас қисми. Мақолдан кундалик ҳаётий фаолиятимиздаги нутқий муносабатларда бот-бот фойдаланамиз, сўз каби жўяли ўринда қўллайверамиз. Бу ҳақида академик Т. Мирзаев: «…ҳар бир кишининг нутқида саккиз юзтача мақол бор экан. Буни биз билмаймиз, чунки у хотирамизда. Сўралганда бу мақолларни кетма кет ҳеч ҳам айтиб беролмаслиги мумкин. Аммо фаолиятимиз давомида уни турли муносабатлар билан қўллаймиз. Хотираси яхши, чечан, сўзамол, кўп мақол билувчилар жуда кўп…» [7, 41], – дейди. Мақоллардан нутқда ўринли ва кўп фойдаланиш сўзловчининг дунёқараши, тафаккури билан бир қаторда унинг сўзга чечанлик қобилиятини ҳам намоён этади. Хусусан, халқ бахшиларининг бадиий тафаккурининг мезони сифатида мақолларга мурожжаати ва достонлар таркибида мақоллардан фойдаланиш маҳорати унинг бахши сифатидаги камолини белгилаб беради. Бахши давраларда достонни ёд олгани бўйича эмас, балки бадиҳагўйлик асосида, кайфиятига қараб куйлайди. Жумладан унинг жўшиб кўйлашида сўзга чечанлиги, халқ хохиш-истагини ички туйғу билан ҳис этиши ва керакли ўринда керакли сўз қўллай билишига боғлиқ бўлади. Бундай пайтда халқ кўнглига йўл топишнинг энг осон усули халқнинг ўз ижодидан фойдаланиш саналади [6, 87].

Худди шундай халқ ижодиётни чуқур билимдони бўлган Қодир бахши репертуаридан ўрин олган халқ достонлари ўзининг бетакрор бадиий қурилмаси билан ажралиб туради. Бахшининг мақол қўллашдаги маҳорати ҳам алоҳида таҳсинга сазовор. Бинобарин, Қодир бахши ижодидан ўрин олган «Ойчинор» достонида мақолларнинг ўрни бошқача. Бахши ўртача ҳажмли достанда қирқдан ортиқ халқ мақолларидан фойдаланган. Халқ мақолларининг чуқур маъносига таянган бахши достоннинг бадиий жиҳатдан такомиллашувига эришган. Достон таркибида бахши мақолларини ўрни билан айнан ёки шеърий тизим талаби билан ўзгартирган ҳолатда қўллайдики, бу бахшининг юксак поэтик тафаккур эгаси ва бетакрор бадихагўй, халқ шоири эканлигини кўрсатиб туради.

Бахши достон таркибида мақолларни қўллар экан, улардан уч мақсадни кўзлайди:

А) образ характерини очиш мақсадида персонаж нутқида. «Зўр билан кўрда уят ёқ», «Қуриган дарахтга сув қуйган билан кўкармайди» [9, 33], «Бадавлатнинг молини бедавлат ея олмайди» [9, 35], «Тешик мунчоқ ҳеч ҳам ерда қолмайди» [9, 43], «Йигитга орқадир гар бўлса оға» [9, 43], «Тенг-тенгига, тезак ола қопига» [9, 45], «Вазиринг доно бўлса, юртинг ҳам обод бўлар, вазиринг бўлса хатак, обод юрт нообод бўлар» [9, 61], «Сиртинг одам боласи, ичинг жайра ё илон» [9, 76], «Ҳеч эгилган бўйинни, урсам қилич кесмайд» [9, 101], «Кўза кунда эмас кунида синади» [9, 101].

Б) параллел қолип ёки бадиий восита сифатида «Толдан химич синдирманг, ярамайди сабашга» [9, 25], «Булбул ошно бўлар боғнинг гулига, Номард чиқолмайди марднинг йўлига» [9, 33], «Майдонда билинар йигит полвони» [9, 33], «Камлик кўрмай йигит қадди букулмас, Кўнгил қўйиб тўқилган тўн сўкилмас» [9, 33], «Гавҳар гавҳар билан турса очилар» [9, 33].

С) ҳаётий ҳодисалар ифодаси тасвирида фикрни тасдиқлаш ва далиллаш мақсадида. «Одам қарир кўнгли гул» [9, 39], «Эр бошига иш тушса, этик билан сув кечар» [9, 73], «Жабр ўтса одамга, юки билан қир ошар» [9, 74], «Сут билан кирган нарса, чириганда кетмайди» [9, 79], «Ётиб қолма, отиб қол» [9, 99], «Суймаганга суйканма» [9, 111], «Ота-она ўлиши, бўлган одам мероси» [9, 116], «Танимасни, сийламас» [9, 123]. Қуйидаги ҳар учала омил достоннинг композицион қурилишида муҳим ўрин эгаллайди.

«Ойчинор» тарихий достонининг бош қаҳрамони Ойчинор ва унга ҳомийлик қилган, буюк темурийлар салтанатининг сўнги вакили Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобур достонда халқ симпатиясига эга бўлган, доно шоҳ сифатида тасвирланади. Шу жиҳатдан унинг ташқи кўринишидан бошлаб нутқига қадар халқ эпик тафаккурдаги барча ижобий хислатлар жо қилинади. Унинг доно ва тажрибали ҳукмдор сифатида кўрсатиш мақсадида ҳам халқ мақолларидан фойдаланилади.

Бобурнинг ақл-заковатини таърифлаб-тавсифлаш учун достонда оддий баённчилик йўлидан бормай, анъанавий эпик мотивдан ўринли фойдаланилган: «Бир ёш йигит тўрда чордона қуруб ўтирибди. Бошида тилла тож қўндирилган салла, устидазарбоф тўнлар, мурти лаб устида ўзига ярашиб турибди. Ўзи поплвон сиёқли, бургут қабоқли, ҳар егни қирдай, қараши тўқайдаги ше’рдай»

[9, 40]. Бобурнинг ақл-закоси ва иқтидорини кўрсатиш учун эртаклар сюжетида учрайдиган анъанавий мотивлардан бири: қари одамнинг ўз жисмоний ва руҳий аҳволини ҳисобга олмай, ёш қизга совчи юбориб, қизнинг ғурурини, орзу-ҳавасини оёқ ости қилиши, қиз эса бунга жавобан «тўй қалинининг шарти» ниқобида ушбу нотенг никоҳни фош этувчи чалдирмоқ-топишмоқ айтиши, кекса киши эса бу чалдирмоққа ечим тополмай, ноилож подшо ҳузурига мурожаат қилиб бориши, лекин бунда у ўзининг асл ниятини хаспўшлаб, яшириб, қизни айбдор қилиб кўрсатишга уриниши, бироқ подшо чалдирмоқ мазмунидан ким айбдорлигини англаб етиши ва қизнинг доно ва фаросатли эканлигини сезиши ҳамда шу тарзда чалдирмоқ жавобини уятсиз «ошиқ»қа айтиб бериши ва унинг кирдикорини фош этиши мотиви ўринли келтирилган.

Мол йиғибсан, нега ақл йиғмадинг,
Шу ақлман келиб бизни алдадинг,
Тенг-тенгиман тезак ола қопига,
Деган сўзни қариганда билмадинг [9, 44].

«Ойчинор» достони сюжетида бундай мотивни келтириш орқали Бобурнинг эпик қаҳрамонлар сингари бетакрор ақл-идрокка, фаҳму фаросатга эгалиги таъкидланади ва шу йўл билан Бобур шахсига хос фазилатлар очиб берилади, эпиклаштирилади. Демак, Бобурнинг Назарбойга Ойчинор томонидан қўйилган топишмоқ қалин жумбоққа юксак ақл-идрок билан жавоб топиши эртак ва достон қаҳрамонлари саргузаштларида учрайдиган анъанавий мотивлардан бири саналади [3, 58]. Шу ўринда Бобур образи эпик қаҳрамонлар каби муболағалаштирилган, эпиклаштирилган бўлиб, беҳад донишманд, зукко ва топқир қиёфада намоён этилганки, бунда халқона панд насиҳат ва мақолларнинг ўрни бўлакча бўлган.

Достондаги Назарбой, Қайсар, Ойчинор нутқида учрайдиган мақоллар ҳам бир қадар уларнинг характерини очишда хизмат қилади. Жумладан гўл ва ақлсиз Назарбой нутқида ҳам ўзига мос мақоллардан фойдаланилади. Бу билан у Бобур олдида ўзининг аслида ким эканини фош этиб қўяди:

Питик битмай киши хотин олмайди,
Тешик мунчоқ ҳеч ҳам ерда қолмайди,
Кўндиришди, қалинини айтибди,
Буни топиш ҳеч қўлимдан келмайди [9, 43].

Назарбой кимлигини яшириш ва ўзини бечора ҳол қилиб кўрсатиш мақсадида, Бобуршоҳга ёлғон сўзлайди. Ёлғони орасида халқнинг икки мақолни қўллайди. «Тақдир битмай, киши бахтли бўлолмас», «Тешик мунчоқ ерда қолмас» [9, 43] биринчи мақолдан Назарбой ўзини бечораҳол, ожиз ва тақдирига кўнувчи шахс сифатида кўрсатиш мақсадида фойдаланса, иккинчи мақолдан камбағал кишиларга раҳм қилувчи, сахий киши қилиб кўрсатиш ниятини кўзлайди. Бироқ у қиз қўйган халқ чалдирмоғининг туб моҳиятига етмайди, унинг асли кимлигин чалдирмоқ фош этиб қўяди. Доно шоҳ топишмоқнинг таг маъносини осонгина фаҳмлайди ва Назарбойга нисбатан «Тенг тенги билан, тезак қопи билан» [10, 2.66] мақолини қўллайди.

Достонда жабри-у ситам ва ноҳақликка қарши исёнга чоғланган халқ тимсоли Ойчинордир. У жамиятда ҳуқуқи топталган барча аёлларнинг ёки мазлум халқнинг типик образи. У достон воқеалари ривожида ўсиб боради ва кўрқмас баҳодирга айланади. Ойчинор образи динамикасида ҳам халқ мақолларидан ўринли фойдаланилади. Унинг тақдирига тушажак қийинчиликлар изоҳи мақоллар билан берилади. «Жабр ўтса одамга юки билан қир ошар» [9, 74], «Мард бошига иш тушса, этик билан сув кечар» [9, 73], «Ётиб қолма отиб қол, орингга ор оласан» [9, 76]. Ойчинор ўзига ишончи ошгани сайин унинг ақли теранлаша боради ва ҳаётда учрайдиган камчиликлардан етарли хулоса чиқарадиган етук инсонга айланади. Унинг инсон сифатидаги баркамоллиги ҳам халқ мақоллари мазмунга тенг хулосаларга келиши билан кўрсатиб берилади. «Душман ҳар дам душман-да, ўлдирмасанг ўлдирар» [9, 99], ёки «Кўза кунда эмас, кунида синар» [9, 101].

Ичи қора ниятинг,
Ўлсангда оқ бўлмайди,
Сут билан кирган нарса,
Чириганда кетмайди [9, 79].

Достонда бахши ижодий салоҳиятини ишга солиб мақолларни ҳам шеърий, ҳам насрий кўринишдаги турларидан фойдаланиш баробарида, уларнинг шакли ва оҳангини ўз усулига мослайди, мақолга мос янги сатрлар қўллайди. Биргина халқ орасида кенг тарқалган:

Эр бошига иш тушса,
Этик билан сув кечар,
От бошига иш тушса,
Сувлиқ билан сув ичар [10, 284].

Халқ мақолини бахши достон мавзусига мош тарзда иккинчи компонентини ўзгартиради ва мазкур мақолни достон таркибида икки марта ўзгартирилган шаклда қўллайди

Эр бошига иш тушса,
Этик билан сув кечар,
Мард бошига иш тушса,
Тортинмай жондан кечар [9, 73].

иккинчи ўринда

Эр бошига иш тушса,
Этик билан сув кечар,
Иш тушганда бошига,
Сувни қўйиб қон кечар [9, 99].

Бу мақолларнинг иккинчи қисмининг ўзгаришига достон сюжетидаги воқеалар таъсир этган. Дастлаб мақол Ойчинорга қилинган ноҳақ зулумга қарши исёни ўрнида келтирилса, иккинчи бор Шайбонийхон қўшини билан якка ўзи жанг қилган ўрнида қўлланади. Мақолнинг биринчи компоненти халқ томонидан яратилган ғоядан чекинмаган, бироқ мақолнинг иккинчи компоненти достон воқелари мазмунига мослаштирилган.

Худди шунингдек «Одам оласи – ичида, мол оласи ташида» [10, 1.79], «Киши оласи ичида, йилқи оласи ташида» [10, 1.380] мақоли достон таркибида вазн талаби билан ўзгарган ҳолатда қўлланади. Бундай ҳолатларда бахши халқ мақоллари шаклига эркин ёндашади. Унинг мазмунига мос қўшимча мисралар ижод қилади.

Сиртинг одам боласи,
Ичинг жайра ё илон,
Сенсан олам оласи,
Нима тирик сен билан [9, 76] ёки

Халқ мақоли «Эгилган бўйинни қилич кесмас» [10, 2.20] достонда

Ҳеч эгилган бўйинни,
Урсам қилич кесмайди,
Муте бўлиб турганда,
Отсам, найзам ўтмайди [9, 101]. Тарзда қўлланади.

Бахши халқ вакили, у кўп сўзни халқ орасидан олади ва ўзининг эпик тафаккури билан омухталаштириб репертуаридаги мавжуд қўшиқ, терма, достонларида ўрни билан фойдаланади. Бундан ташқари илм аҳлига таниш бўлмаган, фольклоршуносларимиз томонидан ёзиб олинишга улгурилмаган оҳорли мақолларни ҳам учратиш мумкин. Масалан, «Кўнгил қўйиб тўқилган тўн сўкилмас» [9, 97], «Қуриган дарахт сув қуйган билан кўкартмас» [9, 99], «Нима бўлсанг, қариндош ичида бўл» [9, 132] каби мақоллар достон таркибидаги оҳорли мақоллар саналади.

Хуллас, халқ мақолларининг бахши репертуари ва халқ достонларида тутган ўрни ҳақида қуйидаги хулосаларга келиши мумкин.

Халқ мақоллари халқнинг ижтимоий ҳаёт ҳақидаги фалсафий фикрлар мажмуи бўлиб, халқ бахшилари улардан ижодий ва эркин фойдаланиб досстон термаларида кенг фойдаланадилар.

Халқ бахшилари халқ мақолларидаги ихчам шакл ва кенг маънодан унумли фойдаланабиб, достон мазмунини бойитишда унмли фойдаланадилар ва достоннинг халқ онгига таъсирини кучайтирадилар.

Мақоллардан достон композициясининг муҳим элементларидан бири сифатида фойдаланиб унинг мукаммалаштиришга эришадилар

Бахшилар мақоллардан сюжет жараёнида образлар тасвирида, характер очишда, фикрни далиллашда, достон тилини соддалаштириш мақсадини кўзлайдилар.

Бахши достон таркибидаги халқ мақолларига икки хилда ёндошади, яъни ўзгартиришсиз, халқ тилида мавжуд шаклини ва ўз ижодий маҳорати билан ўзгартирилган шаклидан фойдаланади. Бу ўзгаришларга баъзан шеърий вазн сабаб бўлса, базан воқеалар ривожидаҳги ҳодиса сабаб бўлади.

Бахшилар халқ вакили сифатида халқ орасида кенг тарқалган, бироқ фольклоршунослар эътиборини тортмаган мақолларни ҳам достон таркибида киритадилар, уларни ўрганиш ва тадқиқ қилиш орқали ўзбек халқ мақоллари хазинасини янада кенгайтириш мумкин.

Адабиётлар

1. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.,1957.
2. Бердиёров Ҳ. Ўзбек тилининг паремиологик луғати. – Т. : Ўқитувчи, 1984.
3. Жалолов Ғ. Ўзбек халқ эртаклари поэтикаси. – Т. : Фан, 1976.
4. Жўраев М. Фольклоршунослик асослари. – Т. : Фан, 2009.
5. Имомов К. Ўзбек халқ насри поэтикаси. – Т. : Фан, 2008.
6. Мирзаев Т. Эпос и сказитель. – Т. : Фан, 2008.
7. Мирзаев Т. Ўзбек халқ мақоллари. – II жилдлик / Ўзбек халқ мақоллари ва унинг ушбу нашри ҳақида. – Т. : Фан, 1987.
8. Сафаров О. Фольклор – бебаҳо бойлик : Сайланма. – Т. : Муҳаррир, 2010.
9. Ўзбек халқ ижоди. Ойсулув. Кўп томлик. Ойчинор. – Т. : Ғафур Ғулом, 1984.
10. Ўзбек халқ мақоллари. – II жилдлик. – Т.: Фан, 1987.

© **Раҳматов Й. Ғ.,** 2020

Ш. М. Рахмонова
Преподаватель, ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

ТРАДИЦИИ БАБУРА В УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Основатель династии Бабуридов, император и поэт Захириддин Мухаммад Бабур занимает почетное место в узбекской литературе.

Узбекская литература второй половины XX века педставляет собой отдельный этап в истории узбекской литературы своей смысловой составляющей, композиционной структурой и художественно отличительными инструментами. В этот период мастерски творили такие поэты как Зокиржон Холмухаммад угли Хабибий, Сабир Абдулла, Набиходжа Нуриллаходжа угли Чустий, Асгарали Чархий, Эркин Вахидов, Абдулла Арипов, Джамол Камол. Многие поэты того периода продолжили традиции Алишера Навои и Захириддин Мухаммад Бабура в классической литературе. Они смогли включить в свою поэзию гармоничность ритма и смысла использованнуюв их газелях.

В источниках по тюркскому арузу: «Фунунул-балога», «Мезон ул-авзон», «Рисолаи Аруз» также анализировались с точки зрения ритма-стихи поэтов на персидском на ряду со многими тюркскими поэтами. Как пишется в работе Алишера Навои «Мезон ул-авзон» Хусайн Байкара собрав газели Амира Хусрав Дехлавий состоящие из 18 тысячи байтов (стихов) распорядился составить сборник и занял учёных выявилением ритма (вазн) этих стихов. Большое количество стихов Хусрава Дехлавий были написаны в сложном бахре и ритме и выявление их ритма был очень трудоёмкий труд даже для многих поэтов. По заданию Хусейна Байкаро арузоведы над каждым стихом Хусрава Дехлавий написали ритм данного стиха. Это стало началом того что при создании дивана (сборника) начали записывать ритм каждого стиха.

Известно, что важным и главным аспектом стихотворения является ритм, он придаёт единую мелодичность строкам в прозе. Исследование поэтических мерок работ классиков подтверждает то, что наши поэты выбирали ритм каждого стиха исходя из идеи и образа. Например, глубокие философские наблюдения такие как жизнь и общество, человек и любовь, судьба поэта, горечь разлуки выражаются средством импозантных ритмов такие как описание возлюбленной, страстные переживание влюблённого комбинируются в стихах привлекательных тонов, а празднование верности и преданности прославляются в задорно ритмичных строках.

Одним из основных критериев обозначающий ритм стиха является лирический жанр. Поэт, выбирая для конкретной работы ритм подразумевает в каком жанре она будет создана, исходя из того, что каждый жанр имеет свою ритмическую категорию. Есть такие жанры с широкими ритмическими возможностями, их можно создавать в любых ритмах системы аруз, а есть жанры, которые создаются только в кругу заранее установленных ритмах.

Захириддин Бабур обоготил узбекский ритм Аруз своим творением «Аруз рисоласи». Одним из таких мелодичных ритмов является *хазажи мусаммани аштар*. Данный ритм относится к *хазаж бахри*, в подлинном *мафоийлун* в первом и втретьем заголовках (рукн) сеть *аштар*: равны *фоилун* (– V –) также второй и четвёртый заголовки в *солим* (V – – –). Алишер Навои не приводит такие данные в своей работе «Мезон ул-авзон». Первые данные в теории о *хазажи мусаммани аштар* приводит Захириддин Бобур в работе «Аруз рисоласи». Поэт в своей работе «Аруз рисоласи» называет этот ритм *«мустама'ли матбу'»*, то есть включает ритм на ряду с приятными измерениями, обращается к творчеству Джами и Хафиза и на примере к тюркскому стиху приводит стихи своей газели:

Ğofil ölma ey soqiy, gul çoğin ğanimat tut,
Vaqti ayş erur boqiy, ol çoğir, ketur, bot tut.
Фо'илун мафо'ийлун фо'илун мафо'ийлун.

Данный стих составлен в мистической теме и считается единственным стихом Захириддина Бабура в таком измерении. Обычно по правилам аруза, *матла'* газели и четные строки пишутся в основном ритме, нечетные строки могут составляться в дополнительном (близким к этому ритму) ритме. И в этой газели тоже *матлаъ хазажи мусаммани аштар,* а нечетная строка 4-стиха написаны в *хазажи мусаммани аштари мусаббаг* (заголовки и *такти'*: *фоилун мафоийлун фоилун мафоийлон* – V – /V – – –/ – V – /V – – ~).

Hush	*tu*	*rur*	*vi*	*so*	*li*	*yor*	*an*	*da*	*böl*	*ma*	*sa*	*day*	***Yor***
–	V	–	V	–	–	–	–	V	–	V	–	–	~
Böl	*sa*	*vas*	*l(i)*	*be*	*ağ*	*yor*	*dav*	*la*	*tu*	*sa*	*o*	*dat*	*Tut*
–	V	–	V	–	–	–	–	V	–	V	–	–	–

(*Hush turur visoli yor, anda bölmasa dayyor,*
Bölsa, vasl(i) beağyor davlatu saodat tut! [4, 20])

У Захиридина Бабура не существует газели созданной независимо в данном ритме. Но во второй половине XX века узбекской поэзии Сабир Абдулла продолжил традицию написав юмористическую газель «Шайх» *хазажи мусаммани аштари мусаббаг* [16, 200].

Творческие традиции Захириддина Бабура служили практической основой для создания нескольких газелей в таком ритме для работ Хабибий (3 шт), Сабира Абдуллы (3 шт), Чархи (1 шт), Чусти (5 шт), Эркина Вахидова (3шт). Работа Хабиби в этом измирении, в газели с радифом *«Etding»* бросается в глаза важность радифа при создании ритма.

*Ey qaro közim, ul kun özni osh**kor** etding,*
*Köz uçida bir boqding, dil qushin şi**kor** etding* [10, 169].

В этой газели явно заметно как мастерски работал поэт над ритмом газели. Здесь радиф «*etding*» с рифмой *ридфи аслийли* находясь рядом прослужил обретения чарующий интонации стиха. У Чархи такая газель:

*Sobiro, salomiŋdan çehra s**oz** erur köŋil,*
*Zavqli payomiŋdan sarafr**oz** erur köŋil* [13, 61].

Здесь в *матла' радиф* состоит из словосочетания. Это в свою очередь в истории классической литературы называется *мураддаф*. Повторяясь в конце каждого байта и в *матлаъ радиф* «*erur köŋil*» в газели, означает что Асгарали Чархи душевно рад приветствию Сабира Абдуллы. В продолжении газели это приподнятое настроение проникает в душу читателя.

Также можно заметить вышеуказанное состояние в газели Чусти с *матла'*:

*Şer bolam quçoğimga bir jah**on** bölib kelgil,*

*Saqlagil bu gul boğiŋ boğb**on** bölib kelgil* [14, 198].

Стихи Эркина Вохидова созданные в ритме *хазажи мусаммани аштар* в отличии от вышеприведённых газелей написаны на тему наставления и нравоучения на основе рифмы *мурдаф*. Поэт используя оба вида рифмы *мурдаф* в данном измерении в строках газели, сумел пошире раскрыть возможности ритма:

Doimo dedim, bölma,

*Oshn**o**, parishonlik,*

Böldi oşino dilga

*Doim**o**, parişonlik* [6, 80].

Или:

Kimda iqtidor yöqdir,

*Ilm ila hun**ar** zoe,*

Iqtidor berurman deb,

*Çekma ranj, ket**ar** zoe* [6, 74].

Приведённая в первом стихе *матла' равий «о»* в словах «*oşin**o***» и «*doim**o***» тянущяяся глассная, рифмующиеся слова заканчиваются на эту букву. А во втором стихе *матла' мурдаф* состоящийся из одной краткой гласной и согласной использован другой вид рифмы. Слова «*hun**ar***» и «*ket**ar***» в стихе являются рифмующимися, гласная *«а»* перед ними идёт в *тавжих* и создаёт рифму *мужаррад.*

Выше мы констатировали что в газели с радифом *«Tut»* Захириддина Бабура использовалось два вида ритма. В процессе анализа обнаружелось что газели Ҳабиби, Чархи написаны в ритмах и *хазажи мусаммани аштар* и *хазажи мусаммани аштари мусаббаг.*

Если обратить внимание этот ритм имеет маленькую паузу внутри строки. То есть обе стопы после *(маф'увлу, мафоийлун)* в строке происходит маленькая пауза, это происходит за счёт равенства слова и стопы, по иному, происходит деление посреди строки как *турок* в ритме *бармок*. Можно рассмотреть это в таблице на основе газели Эркина Воҳидова:

Yormu közguga boqqan /	*yorga yo boqar közgu,*
фоилун мафоийлун /	фоилун мафоийлун
Yor yuzini körganda /	*suv bölib oqar közgu* [6, 107].
фоилун мафоийлун /	фоилун мафоийлун

Во второй половине XX века узбекской поэзии наряду с создания газелей в ритме *хазажи мусаммани аштар*, создавались также независимые *мухаммасы (пятистишия)*. В частности в таком измерении существуют 4 независимых *мухаммаса* Сабира Абдуллы. Первый куплет его *мухаммаса* «Безкорыстный совет» начинается так:

Kalta öylamay ş'er yoz, öylaşib uzun hal qil,
Yakka-dukka gap tuzmay, satrini mufassal qil,
Bölma kambağal, tilga boyligiŋ mukammal qil,
Ma'nili, şirinlikdan halqni uŋa mahtal qil,
Umurzoq asarlardan sen özigŋa haykal qil [2, 129].

Понимается, данный куплет в измерении *ҳазажи мусаммани аштар* (– V – |V – – –| – V – |V – – –), написан на тему наставления. Слова *mufassal- mukammal* в куплете *мухаммас* создают *таносуб (значимые слова, близкие друг к другу)*, а слова *kalta-uzun, kambağal-boy* озночая противоположный смысл создают *тазод (слова с противоположными значениями)*.

В поэзии второй половины XX века вид *тахмис мухаммаса* (пятистишия преобразованные из газелей) имеет своё значительное место. Как известно *тахмис* пишется на основе газели. Здесь перед каждым стихом определённой газели прибавляется новые три строки. Известны такие случаи когда поэты создают *мухаммасы* как к своим газелям (Алишер Навои, Агахи) так и к газелям других авторов. В статье Д.Юсуповой «Тахмисы Алишера Навои» констатировалось что все 10 *мухаммасов* включенные в работу «Хазоинул маоний» Алишера Навои являються *тахмисами*, то есть считается *мухамассом* созданным на основе пятистрочия газели; создание 3 *мухаммасов* на газели Лутфий, остальные 7 созданы на газели собственных работ автора.

В поэзии второй половины XX века узбекской литературы ритм и рифма газели, по каторой создан *тахмис*, традиционно сохранились. Существуют строгие требования жанра «Мухаммас»: три строки связанные с *салафами* и по смыслу, и по ритму и по аспекту исскуства должны гармонировать настолько что каждое пятистишье должно звучать как будто бы написаны одним поэтом. Тахмисы созданные во второй половине XX века считаются особенно важными тем что полностью соответствуют этим требованиям.

Эркин Вахидов связал тахмис на газель Захириддина Бабура, начинающуюся со строк *«Qaçon bölğay»*. Данная газель на тему любовь, по размерам составляет 5 байтов (стихов из двух строк). В тахмисе Эркина Вахидова отражаются все байты. Надо особенно отметить то что связывать тахмис ко всем стихам газели редко встречается в нашей литературе. Поэт также сохранил ритм при связани тахмиса. Тематика газели мастерски продолжилась в газели:

Yetolmay qomatim yodur neça oykim, hiloliŋga,
Qaro köz mardumi yiğlab tikilmoq birla hiloliŋga,
Qaçon ul totli kun kelgay, yetarman lahza boliŋga,
Qaçon bölğay, muşarraf bölğaymen, jono, jamoliŋga,
Qutulğaymen firoqiŋdan, yetişgaymen visoliŋga [7, 121].

Приведённый тахмис и газель служившая ему основой созданы в ритме системы аруз *хазажи мусаммани солим (мафоийлун мафоийлун мафоийлун мафоийлун* V– – –/V– —/ V– —/ V– —/V – – –*)*. Выделенные строки в куплете принадлежат перу Захириддина Бабура а верхнии 3 строки написаны Эркином Вахидовым. В тахмисе сохранен использованный в газели закон рифмы *мурдаф*.

Также рассмотрим и проанализируем тахмис Джамала Камала связанный на газель Захириддина Бабура начинающяяся словами *«Hazon yaproği yaŋliğ...»*. И вторая газель Бабура послужившая основой для тахмиса написана на тему любви и создана в ритме *хазажи мусаммани солим*. Джамол Камол также сохранил ритм в процессе связки тахмиса к газели Бабура. Данный тахмис начинается следующим стихом:

*Ne davronlar özim-la mast edim, mastona öyna**r**dim,*
*Yopishdi qaydanam bu doği sözon, bu balo da**r**dim,*
*Öniŋsan barçasiga çin sababkor, nozparva**r**dim,*
Hazon yaproği yaŋliğ gul yuziŋ hajrida sarğa**r**dim,
Körib, rahm aylagil, ey lolaruh, bu çehrayi za**r**dim [8, 247].

Выделенные строки в куплете принадлежат перу Захириддина Бабура а верхнии 3 строки написаны Джамал Камала. Основу рифмы образует буква равия. Равий в тахмисе: согласная «р» в рифмующихся словах *öyna**r**dim, da**r**dim, nozparva**r**dim, sarğa**r**dim, za**r**dim* считаеющяяся равием комбинируя все строки связывает их между собой.

В узбеккой поэзии второй половины XX века газели, написанные в ритме *хазажи мусаммани аштар,* обогатились новыми темами в произведениях таких поэтов как Хабиби, Сабир Абдулла, Чархи, Чусти, Эркин Вахидов. В их газелях в таком ритме описаны страсть и любовь, всречаются наставления и нравоучения. Поэты связали тахмисы с газелями Захириддина Бобура и продолжили заложенные им традиции.

Литература:

1. Абдулла Собир. Девон. – Т. : Бадиий адабиёт, 1965. – Б. 313.
2. Абдулла Собир. Танланган асарлар : 4 томлик. – 2-том. – Т. : Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1976. – Б. 333.
3. Алишер Навоий. Мезон ул-авзон : 20 томлик. – 16-жилд. – Т. : Фан, 2000. – Б. 246.
4. Бобур Заҳириддин. Девон / нашрга тайёрловчи А. Абдуғафуров. – Т. : Фан, 1994. – Б. 144.
5. Бобур Заҳириддин. Мухтасар / нашрга тайёрловчи С. Ҳасан. – Т. : Фан, 1971. – Б. 412.
6. Воҳидов Э. Танланган асарлар. – Т. : Шарқ, 2018. – Б. 689.
7. Жабборов Н. Замон. Мезон. Шеърият. – Т. : Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти. – Б. 304.
8. Жамол Камол. Аср билан видолашув. Сайланма. Биринчи жилд. – Т. : Фан, 2007. – Б. 336.
9. Рустамов А. Аруз ҳақида суҳбатлар. – Т.: Фан, 1972. – Б. 3.

10. Ҳабибий. Девон. – Т. : Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1975. – Б. 536.
11. Ҳожиаҳмедов А. Ўзбек арузи луғати. – Т. : Шарқ, 1998. - Б. 224.
12. Ҳожиаҳмедов А. Фурқат арузи / Фурқат ижодиёти. – Т. : Фан, 1990. – Б. 83.
13. Чархий. Қиёлаб ўтди: шеърлар. – Т. : Akademnashr, 2010. – Б. 220.
14. Чустий. Ҳаётнома. – Т. : Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1988. – Б. 480.
15. Юсупова Д. Алишер Навоий тахмислари // Шарқ юлдузи. – Т., 2013. – № 2. – Б. 143-147.
16. Rakhmonova Sh.M. The tradition of Zakhiriddin Babur in the second half of the twentieth century in Uzbek poetry // Research & Development (IJRD). – Volume 5; Issue 3; March 2020. – P. 199-202.

© **Рахмонова Ш. М.,** 2020

Ф. Ш. Рузикулов,
проректор по учебной части, доц. СамГИИЯ, г. Самарканд (Узбекистан)

НАСЛЕДИЕ БАБУРА И СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКИСТАН

Как известно, царь и поэт Захириддин Мухаммад Бабур оставил бессмертные мемуары, редчайшие диваны-антологии стихов; его труды, посвященные военному искусству, изучаются наравне с трудами таких великих военачальников, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон и Амир Тимур.

Мирза Бабур в двадцать пять лет завоевал территории Афганистана, Индии, Бангладеш и обосновал Империю Бабуридов, которая просуществовала более трехсот лет.

Несмотря на короткую жизнь, Бабур оставил потомкам богатое творческое наследие – автобиографический исторический труд «Бабур-наме», переведенный на многие языки мира, созданный им алфавит «Хатт-и Бабури», трактат по стихосложению «Аруз Рисоласи», сборники стихотворений, книги на религиозную тематику, другие научные и художественные произведения. Они дают ценнейшее представление об истории, географии, этнографии, флоре и фауне, народах, религиях, языках и быте населения Центральной Азии, Афганистана, Индии конца XV – начала XVI веков. Дошедшие до нас произведения Захириддина Мухаммада Бабура восхищают своей многогранностью [2]. Перед читателем возникает образ автора – тонкого ценителя красоты, природы и человека, певца лучших нравственных качеств личности, объективного летописца событий. Он предстает мудрым ученым, меценатом, ценителем творчества представителей науки и искусства, умеющим объективно, с точки зрения самых передовых взглядов своего времени, оценить деятельность исторических личностей. По взглядам теоретиков литературы, авторов теории абсолютного текста, текст «Бабур-наме» можно включить в ряд самых великих художественных текстов, созданных человечеством по оригинальности, манере письма, исторической достоверности и значимости.

Наследие Бабура уже не первое столетие привлекает внимание ученых со всего мира, средневековые рукописи его произведений хранятся в музеях и библиотеках многих зарубежных стран. В каталоге Института исследований ислама, изданном в Турции в 70-е годы прошлого века, указано, что в Иране находится самая древняя копия произведений Бабура. Как утверждает автор каталога, она переписана при жизни Бабура и как лучший образец каллиграфии вызвала большой интерес у ученых-бабуроведов. Эта рукопись считалась собственностью библиотеки «Салтанат», впоследствии неоднократно менялось место ее хранения, в связи с чем узбекским ученым долгие годы не удавалось получить о ней подробные сведения.

В годы независимости появилось больше возможностей для налаживания международных связей, всестороннего изучения наследия наших великих

предков. Результативным стало исследование сотрудниками Государственного музея литературы имени Алишера Навои Академии наук Узбекистана рукописей, хранящихся в Иране и США. Большим событием в культурной жизни страны стало возвращение в республику хранившейся в музее Мешхеда рукописи Корана, переписанной Бабуром алфавитом «Хатт-и Бабури», созданным им самим.

Плодотворной была поездка узбекских ученых в штат Огайо (США). В городе Цинциннати расположен Музей искусств, в котором бережно хранится богатая коллекция, рассказывающая о культуре персидских и тюркских народов, в том числе об истории великого узбекского поэта, государственного деятеля, продолжателя династии Тимуридов в Индии Захириддина Мухаммада Бабура и его потомков периода 1526–1858 годов.

Особого внимания заслуживают миниатюры к рукописям из библиотеки Бабуридов, в которых отображены сцены военных походов на пути объединения Индии и создания единой империи. В экспозиции музея также есть уникальные предметы из домов Бабуридов, выполненные из шелка и шерсти произведения искусства, керамические изделия, медные кувшины и кашмирские платки.

В отдельной группе рукописей отображены бытовая жизнь, исторические события, неразрывно связанные с социально-политической, экономической, культурной жизнью Бабуридов в Индии. Это миниатюры с образами государственных деятелей в окружении своих вельмож. Они являются историческими документами, свидетельствующими об огромном вкладе Бабура и его потомков в развитие мировой цивилизации.

Всего в музее города Цинциннати около ста произведений искусства, касающихся истории Бабуридов. Тот факт, что часть наследия нашей страны бережно хранится и изучается далеко от Узбекистана, в США, свидетельствует о том, что наши предки оставили неизгладимый след в истории человечества. А ведь это лишь один из многих примеров [1, 1].

В результате новейших исследований творческого наследия Бабура, истории династии Бабуридов узбекскими учеными независимого Узбекистана изданы сборники произведений поэта, монографии, энциклопедии, достоянием нашего народа стали ценнейшие рукописи, раритеты и их копии. Однако необходимо продолжать неустанный поиск, изучение и пропаганду этой части культурного наследия предков. Для достижения этих целей в современном Узбекистане организован Международный фонд имени Бабура, возведен Сад Бабура с мемориальным Комплексом Памяти в городе Андижане, где родился великий поэт, организуются международные экспедиция по его следам.

К настоящему времени изучена лишь часть хранящихся за рубежом рукописей, имеющих отношение к Бабуру. Нам предстоит исследовать большое число артефактов, находящихся в книжных фондах Ирана, Турции, Бангладеш, Пакистана и других стран, и доставить в нашу страну их копии. Ведь великие предки оставили в наследство бессмертные литературные и научные труды. И наша задача не только открывать ранее скрытые грани их творчества и деятельности, но и сохранять для будущих поколений.

Литература

1. Бабур. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Ташкент, 1958. – С. 1.
2. Хасанов С. Захириддин Мухаммад Бабур: Неизгладимый след в истории человечества // Народное слово. – 14 февраля 2018.

© **Рузикулов Ф. Ш.**, 2020

З. И. Салишева,
доктор философских наук (PhD) УЗГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ РУССКИХ ГРУПП (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАБУРА)

«Любой язык воспринимается как феномен культуры народа, говорящего на нем. Поэтому обучение иностранному языку на современном этапе все чаще строится по принципу знакомства учащихся с языком через культуру народа. Учащиеся вместе со словом усваивают значимые элементы культуры, знакомятся с бытом и национальными традициями, с некоторыми историческими событиями, а также с деятельностью выдающихся представителей страны изучаемого языка в различных областях науки, искусства, политики» [3, 113].

Культура другого народа в целом должна выступать важнейшим предметом изучения в процессе овладения иностранным языком. Такая лингвострановедческая направленность на занятиях создает прекрасные условия для успешной межкультурной коммуникации, для усиления гуманистической составляющей содержания обучения. С. Г. Тер-Минасова, как и многие другие исследователи, подчеркивает, что основной задачей преподавания любого иностранного языка является, в первую очередь, обучение языку как реальному и полноценному средству общения. И для успешной реализации этой задачи необходимо, чтобы языки изучались в неразрывном единстве с культурой народов, говорящих на этих языках. «Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого» [3, 26].

Социокультурная компетенция иностранных студентов на занятиях по узбекскому языку формируется во взаимосвязи с развитием коммуникативных навыков. В связи с этим необходимо использовать художественную литературу, наглядность, фрагменты музыки и фильмов, пословицы и поговорки, страноведческие тексты (например, «Исторические города Узбекистана», «Национальные праздники Узбекистана и в вашей стране», «Национальные обычаи и традиции Узбекистана и в вашей стране»), тексты об известных деятелях науки и культуры Узбекистана. Изучение данных текстов позволяет сформировать у студентов не только страноведческие знания, но и фонетические, грамматические, лексические, коммуникативные навыки.

Обращение к художественной литературе при обучении второму языку – это, несомненно, эффективный способ повысить мотивацию учащихся. Использование литературных произведений позволяет не только превратить

процесс изучения языка в увлекательное занятие, но и помогает учащимся познакомиться с современными реалиями страны изучаемого языка.

Социокультурная компетенция является частью коммуникативной компетенции. При разных терминологиях и взглядах на модель коммуникативной компетенции у И. Л. Бим и В. В. Сафоновой, оба сходятся во мнении, что данная модель должна включать в себя социокультурную компетенцию. Так, И. Л. Бим различает языковую, речевую, социокультурную, компенсаторную и учебную компетенции. По мнению В. В. Сафоновой, иноязычная коммуникативная компетенция состоит из языковой, речевой и социокультурной компетенции.

Рассмотрим данный термин более подробно. Социокультурная компетенция – это совокупность знаний о реалиях страны изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка; умение применять эти знания в практике общения и соблюдать специфические обычаи, нормы этикета, правила и стереотипы поведения.

Иными словами, в изучении узбекского языка, как и любого иностранного языка, следует отталкиваться от того, что каждый язык является лишь исторически модифицированным продуктом всех видов общественных отношений между представителями группы людей, долгое время проживавших на одной территории, а именно одного народа. Таким образом, узбекский язык образовывался на базе традиций, мировоззрения и культурных ценностей узбекского народа. Мало сформировать словарный запас и изучить грамматику узбекского языка, ибо наличие таких моментов, как исторически сложившийся контекст тех или иных фраз, фразеологизмы и многое другое, что выходит за пределы простого «копирования канвы» родного языка при изучении иностранного, не позволит в должной мере понять смысл сказанных слов и фраз. А при правильно сформированной социокультурной компетенции русскоязычные студенты легко постигнут все тонкости и нюансы изучаемого языка, реагируя на устную и письменную речь в зависимости от совокупности многих факторов и окружающей среды на этот момент.

Для формирования социокультурной компетенции удобно работать на базе трактовки П. В. Сысоева, который рассматривает содержание социокультурной компетенции в виде четырех составляющих:

а) социокультурных знаний (сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностей культурных традиций, в том числе представителей разных этнических групп, особенностей национальной ментальности поведения);

б) опыта общения (выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры);

в) личностного отношения к фактам культуры (в том числе способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении);

г) владение способами применения языка (правильное употребление национально-маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям между родным и иноязычным социокультурными полями).

В данном случае универсальным инструментом, который позволит охватить все четыре составляющих содержания социокультурной компетенции, является литература, а именно узбекская народная литература и классическое золотое наследие таких великих поэтов и писателей Востока, как Агахи, Алишер Навои, Бабур, Лутфи, Машраб, Мукими, Мунис Хорезми, Нодира, Физули, Фуркат, Увайси и другие. Классической жанр узбекской литературы состоит из рубаи, касыды, газели.

Рассмотрим возможности формирования социокультурной компетенции у студентов русских групп на примере творчества Захириддина Мухаммада Бабура.

Правитель, полководец, поэт и писатель Бабур (1483-1530) является потомком знаменитого Амира Тимура, сыном султана Миран-шаха, третьего сына Тамерлана. Основатель династии Бабуридов и империи Великих Моголов, Бабур написал такие известные произведения как «Бабур-наме», трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, специальный алфавит «Хатт-и Бабури» и многочисленные снискавшие мировое признание лирические произведения (газели, рубаи). Наряду с огромной ролью творчества Бабура в формировании современного узбекского языка и узбекской литературы, его произведения также оказывают значительное влияние на духовное воспитание молодого поколения посредством прославляемых в его газелях и рубаи общечеловеческих ценностей, таких как любовь, дружба, преданность, патриотизм и т. д. Помимо этого, стихотворения Бабура столь колоритны, столь богаты на яркие традиционные образы, присущие Востоку и его культуре, что его золотое наследие является кладезем для желающих изучить узбекский язык с точки зрения его связи с культурными ценностями узбекского народа.

Вот несколько образцов жемчужин творчества знаменитого поэта**:**

Клятвы твои, твои обеты – где это всё?
Ласки твои, любви приметы – где это всё?
Я от тебя ушел в смятенье – вспомнила ль ты?
Где твой Меджнун, где страсть поэта? Где это всё?

Трагическая история Меджнуна, его любимая Лейли и другие яркие персонажи, фигурирующие в газелях и рубаи Бабура, не только дают представление об особой восточной манере написания любовной лирики, но и служат источником изучения узбекских преданий.

Новая полночь настала – гостям время пришло идти по домам.
Трезвому – лучше в седле восседать; если подвыпил – пешком хорошо.
Я же, собой не владея, уснул, чувствую – кто-то будит меня:
Месяцеликая пери, чей взгляд всё мне открыл тайком хорошо!

Напомним, что Захириддин Мухаммад Бабур родом из города Андижана, который входит в состав Ферганской долины, на диалектах которой и основан современный узбекский язык. Упоминая месяцеликую пери, Бабур даёт высшую оценку красоте лирической героини, ибо помнит о легенде. Когда-то в Ферганской долине произошло наводнение, осталось совсем мало людей, и

мужчины стали брать в жены пери – фантастических существ в виде прекрасных девушек (персидская мифология). Поэтому все женщины Ферганской долины, по легенде, потомки пери и славятся особенной красотой. Даже в XX веке многие жители Узбекистана продолжают верить в эту легенду и отправляются со всех уголков страны на поиски любви и счастливого брака именно в Долину. Сравнение с месяцем, луной также является классическим и сохраняется в традиционных узбекских женских именах: Ойгул, Ойнура, Ёркиной и т.п.

На чужбину заброшен, жестокой судьбой угнетённый прошу:
Помяни хоть в молитве меня – от тебя отлученный, прошу.
Беззаветность любви, безграничную верность тебе доказав,
Только памяти доброй твоей, злой разлукой казненный прошу.

Творчество Бабура во многом даёт информацию о религиозных обычаях. Так, в мусульманских молитвах принято поимённо перечислять всех тех ушедших, за кого молится человек, с упоминанием имени отца. Сравнивая себя при жизни с покойным, Бабур идёт на эту жертву ради радости оказаться на устах любимой хотя бы в её заупокойной молитве.

О чем дутар звенит, о чем поёт певец?
Пойми: Они сулят блаженство тем, кто сбросил груз забот.
Любимая, ты – Мекка мне, тебе поклоны бью.
Молчи, ханжа! Твои уста – источник нечистот!

Здесь мы находим упоминание о дутаре – национальном и всеми любимом узбекском музыкальном инструменте.

Я томлюсь, зачарован твоим разноцветным платком,
Душ томящихся нити, наверное, собраны в нём.
К розам щек он порой приникает, и не потому ль
Он зовётся «сплетающим розы» и «роз цветником»?

В этом стихотворении речь идёт о платке, который на Востоке издавна по традиции носили все девушки и женщины. Назначение платка – хранить красоту женщины для её избранника, дабы не вводить в искушение кого-либо еще. Таким образом, женщины старались выбрать красивые платки для выражения своей индивидуальности, а для мужчин и поэтов платок стал лирическим символом тайны женской красоты.

К чему мне райский кипарис, когда твой стан передо мною?
Что с гиацинтом делать мне, пленённому кудрей волною?
Кто станет воду Хызра пить, когда уста твои так близки,
И кто Мессии речь сравнит с твоей беседою живою?

И вновь религиозные мотивы: речь идёт о мечети Хазрет-Хызр (узб. *Hazrati Xizr masjidi, Хазрати Хизр масжиди*) – мусульманском культовом сооружении в Самарканде на южной оконечности Афрасиаба. Название мечети связано с именем пророка (наби) Хызра – покровителя путешественников, легендарного обладателя «живой воды».

Того, кто месяцы и годы скорбит, чей горек путь,
Ни Новый год, ни праздник долгий не веселит ничуть.
Когда ты вынужден из чаши судьбы лишь кровь глотать,

Хоть осуши Джамшида чашу – услады не вернуть.

По легенде, чаша Джамшида в персидской мифологии является волшебной чашей царя, в которой можно было видеть все, что происходит в «семи мирах». Обладателем чаши был царь Кай-Хосров из «Шахнаме» Фирдоуси. Также с ней был связан эликсир, дающий бессмертие. Знающий эту легенду читатель стихотворения легко поймёт, что чаша является в данном случае синонимом бессмертия и вечности.

На этот мяч у ног и на човган в руках взгляните,
Вы на округлость щек, на кудри в завитках взгляните.
Взгляните: вот платан проходит по тропе, качаясь,
А вот её скакун летит, взметая прах, взгляните.

Здесь упоминается древняя забава – конная игра, в которой участвуют две команды. Цель ее – забить мяч в ворота противника при помощи «човгана» – длинной (120-130 см.) палки с изогнутым концом.

Лексикон «Бабур-наме» настолько богат фразеологическими единицами, что мы стали свидетелями того, что лексика и словарный запас современного литературного узбекского языка корнями уходит в произведения Бабура и подпитывается ими. Фразеологические единицы, пословицы и поговорки, используемые в произведении, настолько остры и уместны, что и сегодня они не утратили своей актуальности, и они смогли более полно выразить мысли и чувства автора, не утрачивая при этом цели, задуманной им изначально. Разумеется, использование фразеологических единиц, пословиц и поговорок по отношению к отдельным людям и объектам зависит от традиций и образа жизни, заложенного национально-культурным менталитетом. Так же, как и культура нации выражается через ее язык, общение, образ жизни, праздники, так же и «Бабур-наме» познается через фразеологические единицы, пословицы и поговорки, афоризмы, которые отображают национальную самобытность.

Таким образом, освоение узбекского языка и дальнейшее успешное использование его в условиях межкультурной коммуникации невозможно без изучения узбекской картины мира. Ориентация на лингвокультурологический фактор должна играть важную роль в составлении методик обучения узбекскому языку как иностранному. Такие методические приемы, как использование социокультурного компонента, изучение узбекской, в частности, классической, современной литературы в разной степени реализуют данную установку. В заключение мы можем сказать, что подобных примеров множество, но каждый из них – яркое свидетельство того, что узбекское народное творчество и поэзия Бабура в частности – это волшебный ключ к формированию столь важной для изучения узбекского языка социокультурной компетенции и к открытию для себя этой прекрасной солнечной страны.

Литература

1. Бабур Захириддин Мухаммад. Избранная лирика Востока : Захириддин Мухаммад Бабур / перевод с узбекского. – Ташкент : Шарк, 2006.

2. Бочарова Александра Сергеевна. Важность развития социокультурной компетенции студентов неязыковых вузов.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2008.

© **Салишева З. И.,** 2020

Д. И. Салохи,
д. ф. н., проф. СамГУ, г. Самарканд (Узбекистан)

АНАЛИЗ СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА БАБУРА НА ФОНЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НАВОИ

Влияние Алишера Навои на творчество Захириддина Мухаммада Бабура с точки зрения художественного мастерства всесторонне изучено современным литературоведением. Особое место в этом ряду занимают научные исследования, посвященные изучению Бабура в качестве последователя Навои. Свои научные труды в этой области создавали Д. Росс, М. Ф. Купрулюзаде, А. Н. Самойлович, А. Фитрат, Е. Э. Бертельс, Я. Гулямов, В. Захидов, Х. Якубов, Р. Набиев, А. Каюмов, С. Азимджанова, Н. Маллаев, Б. Валиходжаев, И. В. Стеблева, Х. Хасанов, С. Жамолов, С. Хасанов, И. Хаккулов, Р. Вохидов, Х. Раззоков, О. Валижонов, С. Жалилов, Р. Шамсуддинов, Б. Жалилов.

По поводу отношения Захириддина Мухаммада Бабура к творчеству Алишера Навои собственное мнение высказывал и выдающийся навоивед Максуд Шейхзаде в своей статье «Бабур и Навои»: «Трудно представить Бабура без Навои, ибо Бабур является великим продолжателем школы Алишера Навои». В частности, он писал: «Бабур в своей поэзии продолжает не эпический, а лирический путь Навои. Он продолжил в своей новой непростой лирике великие идеи Навои, как дружба, патриотизм, свободомыслие, жизнелюбие и другие. В некоторых своих радифах, написанных под влиянием творчества Навои, Бабур настолько превосходил своего учителя, что в ряде случаев отличить их творчество было невозможно» [5, Т:4, 20-22]. Творческие пути Навои и Бабура различны, поскольку влияние одного мыслителя на другого заключается не только в близости формы и содержания их произведений, а в том, что в глаза бросаются такие факторы, как использование средств художественного отображения или выбора темы в художественных, литературных и эстетических принципах. Бабур был тем самым творцом, который полностью освоил творчество Навои, и именно поэтому все творчество Навои находит свое отображение в многогранном творчестве Бабура. Композиционно законченная, «цельная», как это называется в восточной лирике газель, посвященная платку любимой, созданная Алишером Навои, практически не встречается у других авторов в узбекской классической поэзии. В этой газели поэта описывается верность влюбленного своей любимой посредством скрытых намеков. Для усиления художественности газели большое влияние имеет национальный колорит. К этому совершенству в газелях Бабура и Навои обращаются многие исследователи, которые обращают внимание на одинаковые факторы использования языковых элементов и соотнесенности творчества, на поэтический приём «тадридж», примененное в газелях обеих авторов. Уже в самом начале газели наблюдается, как каждый декор создан из нитей душ влюбленных, посредством отображения которых поэты проявляют своеобразие

своих стилей. Навои сравнивает нити душ с ресницами. А вместо самих нитей – тонкие души персонажей. Бабур называет этот стиль отображения овеществлением душевных нитей влюбленных.

Навои:

Ёғлиғинг, эйким тикарсен, игна мужгонимни қил,

Нақш этарда тори онинг риштаи жонимни қил.

(Содержание: при шитье своего платка пользуйся моими ресницами вместо иглы, а вместо нитей используй нить моей души).

Бабур:

Ёғлиғингким, жон била мен хастадурмен зор анга,

Хаста жонлар риштасидиндур магар ҳар тор анга.

(Содержание: у меня болит душа, скучая по твоему платку. Каждая нить в ней является нитью душ, больных твоей любовью).

Для отображения художественности в газели Навои платок используется в ситуациях, связанных с вышиванием, в газели же Бабура различное положение платка на теле лирической героини служит для отображения поэтического искусства:

Эврулур бошингга-у, гоҳи юзунгга юз қўяр,

Бу жиҳатдин от эмиш гулпечу гаҳ гулзор анга.

(Содержание: платок вертится на твоей голове, иногда ускользает к лицу. Поэтому можно назвать ее «вещью, окутавшую цветок» или «цветником».)

Бир чамандур саҳниким, бўлғай бинафша сар-басар,

Теграси гулзордурким, бўлмағай бир хор анга.

(Содержание: платок твой похож на поле, где растут колокольчики. А по краям растут цветы, которые не имеют колючек).

Ёғлиғинг токим юзу кўзунгга тегмиш бордурур,

Юз менингдек зору юз минг мен киби бемор анга.

(Содержание: как твой платок покрывает твои глаза и лицо («юз»), тут же заболевают сто («юз») влюбленных как я, желая вновь увидеть ее).

Посредством художественного эпизода, наподобие:

Эй кўнгул, юз пора қилса ёр тиғи ғам ема,

Лутф этиб гар боғлар ўлса ёғлиғини ёр анга.

(Содержание: о, душа, не переживай если стрела влюбленной разорвет тебя в куски. После чего она, пожалев, повяжет своим платком твои раны),

В композиции газели Бабура, одушевляется символ физической души и посредством этого события в газель проникает третий лирический персонаж, душа друга влюбленного. В завершении, мактаъ газели лирический герой - Бабур и его душа остаются благодарными за легкий бриз ветра, достигшей их от платка любимой. Опыт создания «тадридж» (*поэтический приём в восточной лирике, отображающий постепенное, динамическое развитие событий)* или «якпора» *(цельное, идейно и композиционно законченное, изображающее одно событие или замысел стихотворение)* в стиле Навои наблюдается и в ряде других газелей Бабура, в частности примером этого может служить следующая газель «якпора», отображающее «тадридж», символом которого является арфа:

Телба кўнглумким, сенинг чангингдадур ёд айлагил,
Бир навозиш бирла кўнглумни менинг шод айлагил.

(Содержание: моя безумная душа скорбит по твоей арфе. Так, поиграй на ней, порадуй мою душу).

Ишрат ичра ҳар қачонким чанг олсанг илгинга,
Фурқатингда қолғон эгри қоматим ёд айлагил.

(Содержание: когда возьмешь в руки свою арфу, так, вспомни, пожалуйста, мой скривленный от мук любви стан).

Соз айлаб бир ништотангез чанг, эй дилрабо,
Бенаво кўнглумни ғам чангидин озод айлагил.

(Содержание: когда настраиваешь свою арфу («чанг»), моя душа начинает очищаться от пыли («чанг») скуки).

Мажлис ичра чанг бирла тортиб овоз, эй пари,
Сабру ҳушим жузву авроқини барбод айлагил.

(Содержание: когда же ты начинаешь играть и петь, то, прошу тебя, разрушай и расчлени моё терпение и разум).

Чанг дабири кўк чолур: «Ёринг чу йўқтур, Бобуро,
Ерга бош чолмоқ била ўзингни муътод айлагил!».

(Содержание: твоя арфа как оратор, говорит мне: «О, Бабур, нет у тебя возлюбленной. Так, помотай головой и освободи себя от этого бремени).

Когда исследователи творчества Бабура высказывают мнения по поводу сюжетных, событийных газелей, созданных поэтом под влиянием творчества великого гения, они приводят в качестве примера газели, начинающиеся словами: «Не хуш бўлғай иковлон маст бўлсоқ васл боғинда» (Как было бы хорошо, если б мы вдвоем были опьянены радостью встречи в саду) и «Не хуш ўлғайким агар уйқулуқ бахтимни уйғотсам» (Как было бы хорошо, если б я разбудил своё спящее счастье). Особого внимания требуют и другие газели, созданные Бабуром в этом духе, в частности:

Эшигинга бош урармен телбалар янглиқ юруб,
Эй пари, йўл бер висолингаки, кетмай бош уруб.

(Содержание: как безумный, бью головой о твой порог,
О, ангел, укажи путь к твоей любви, не допусти, чтоб я ушел, разбив свою голову).

В этой газели, начинающейся вышеуказанным матлаъ, лирический герой – поэт встречается со своей возлюбленной в саду. События, происходящие здесь, а также душевные муки, испытываемые влюбленными, в частности, обещание на встречу, ожидание, приход возлюбленной, желание её обратно уйти, жалость возлюбленной к влюбленному и изменение своего намерения, наконец расставание, душевные муки влюбленного после ухода влюбленной изображаются настолько образно, содержательно, впечатлительно, что данное стихотворение читателю представляются как рифмованный рассказ интересного события.

Если учитывать, что в литературной среде востока средних веков являлось достойным восхваления изобретение применения новых рифм, радифов, ташбехов, нового выражения или эпизода в поэтическом произведении, то будет ясно, насколько умело Бабур наслаждался результативным творчеством гения Навои. Идейные, социальные мнения каждого из этих авторов, выражают как высокое духовное мировоззрение, так и взаимную гармоничность, и своеобразие. В частности, лирические герои и персонажи Алишера Навои являются представителями гнета, терпящих зло и угнетение из-за нравственной бесправности, нищеты своей эпохи. Лирические персонажи поэта, в большинстве своем настолько отягчены бренностью современной им жизни, что со светской точки зрения они хотят исчезнуть, предаться забвению и отказаться от бренности жизни.

Например:

Парим бўлса, учиб қочсам жаҳондин то қанотим бор,
Қанотим куйса учмоқтин, югурсам то ҳаётим бор.

(Содержание: улетел бы от этого мира скорее, если бы имел крылья. А если б сожглись крылья из-за быстрого лёта, то убегал бы отсюда до последних сил).

Гар будур олам кишиға мумкин эрмас анда ком,
Ҳақ магарким ком учун бошдин яротқай оламе.

(Содержание: если таков мир, в нём нет возможностей для достижения целей. Так, пусть создаст Всевышний для этого новый мир).

Бахтим уйғонмас бу нафхи сурдек фарёд ила,
Менки марг уйқуси босқонларни дермен уйғотай.

(Содержание: сколько б я ни старался разбудить свое счастье, не смог, все усилия мои ушли напрасно. А я-то собрался разбудить людей, спящих смертным сном) и т.д.

Однако мы знаем, что поэзия Алишера Навои пропитано глубоким значением народности. Мы знаем, что сам автор является человеком, жертвующим собой ради блага народа. Основной целью своей жизни он считает жизнь на благо народа:

Юз жафо қилса манга бир қатла фарёд айламон,
Элга қилса бир жафо юз қатла фарёд айларам;

(Содержание: я сам потерплю стократ мучений и не издам ни единого вопля; но если кто-либо всего лишь один раз обидит мой народ, я сто раз буду кричать и издавать стоны).

Тийғи бедоди агар кўнглумни нокор этди, лек,
Элга урғон тийғи беҳад кўнглума кор айлади;

(Содержание: бесчисленные стрелы растерзали мою душу, а я это не заметил. Но одна стрела, вонзившаяся в душу народа, вывела из равновесия мое терпение).

Шиква қилмон гар жафодин бошима ёғдурса тош,
Тоқатим йўқ элга қилса барги гул урмоқ ҳавас.

(Содержание: потерплю, если мою голову раскидают камнями мук; но не потерплю, если враг пожелает листьями цветка раскидать мой народ).

Лирический герой – поэт – государственный деятель, считающий себя выходцем из народа, абсолютно чужд власть имущим:

Улки қаҳр этса қиличидин дамодам қон томар,

Бағридин қон томғучилар бирла не жинсияти?

(Содержание: тот, разгневанный, из сабли которого течет кровь, может ли быть из одной корни с тем, из чьей души капает кровь?)

Лирический герой, находящийся в таком душевном состоянии, абсолютно поражен событиями, происходящими в мире:

Не соғ ўлайки, чу борғумдур ўлмайин маълум,

Бу корхонанинг анжоми ила оғози.

(Содержание: как я могу быть в здравом мысли, коль не познал, даже до самой смерти ни создания, ни сущности данной мастерской (т.е. мира).

Подобные взгляды Алишера Навои принимаются Бабуром с точки зрения собственного миропонимания. Для Бабура, «боль за народ», прежде всего патриотизм и защита страны от набегов. Тут мы хотели бы отметить, что каждый поэт, считающий себя последователем великого поэта по-своему воспринимает и следует его творческим принципам, каждый представитель социального слоя использует требования времени, исходя из интересов собственной социальной прослойки.

Кроме того, не следует забывать и тот фактор, что Бабур является представителем узбекской аристократии XVI века. В образе его лирических героев отображается дух, мечты и стремления именно этой аристократии. Именно поэтому, он как великий Навои не может определять своей жизненной целью – «помочь хотя бы одному угнетенному». Бабур мыслит о сохранении разваливающегося государства, в чем он видит основное счастье для народа - а для этого, ему нужна власть. В вопросах о смысле и содержании жизни его персонажи находятся под абсолютно другими влияниями в отличии от философских размышлений персонажей Навои, Лирический персонаж поэзии Бабура остается в безвыходной ситуации перед загадками современной ему жизни:

Ўзингни шод тутғил, ғам ема дунё учун зинҳор,

Ки бир дам ғам емакка арзимас дунёи фарсуда.

(Содержание: радуйся жизни, не переживай за несовершенство мира, эта низость не стоит переживаний).

Вот к таким выводам приходят лирические персонажи Бабура.

Однако в том, что они приходят к такому выводу, виноваты многолетние распри, поскольку прогрессивная аристократия видит в таком лирическом персонаже отображение своих жизненных целей:

Неким тақдир бўлса, ул бўлур, таҳқиқ билгайсиз,

Эрур жангу жадал, ранжу риёзат барча беҳуда.

(Содержание: знайте, все в этой жизни предопределено судьбой; войны, стремления – всё напрасно).

Из этих размышлений становится ясно, что Бабур продолжает традиции великого поэта в качестве преуспевающего представителя школы искусства

Алишера Навои, но относиться к некоторым идейно-эстетическим принципам поэта, в частности в отображении поэзии в народном духе, в несколько ином, собственном ракурсе.

Особого внимания требуют также и своеобразные размышления обоих авторов, относительно свойств языка. Великий Алишер Навои чувствовал ответственность относительно требований, поставленных перед ним его временем, эпохой и относительно вопроса развития поэзии на тюркском языке. Он желал вытащить тюркский язык «из болота невежества», как выражалась персо-язычная аристократия. Навои осознанно, с одной стороны, чувствовал необходимость создания поэзии, имеющую глубокую философскую сущность и привлекательную форму, способную быть равной престижной персидско-таджикской литературе. Он осознанно использовал в своих произведениях слова и выражения, а также конструкции из классической восточной поэзии, несмотря на то, что рисковал быть непонятым простым народом. С другой стороны, он понимал, что и «природа поэзии» не примет излишней народности и простоты, и не простит ему этого. Такая ответственность не лежала на поэзии Бабура. Поэзия Бабура проста, легка и приятна для слуха и души, доступна. В научных трудах ученых неоднократно отмечено, что стиль Бабура относиться к простому стилю Яссавия, понятному простому народу, в отличие от классического стиля Навои [3, 87].

Однако, даже несмотря на то, какой бы высокий статус он не занимал среди аристократии своего времени, несмотря на то, какую бы деятельность он не осуществлял в интересах этого класса, Бабур прежде всего являлся прекрасным человеком и философом. Он имел высокую степень патриотизма и веры в добро. Бабур, как и Навои имел свой собственный взгляд и свои размышления относительно происходящих событий во времени. Ибо Бабур несмотря на статус шаха, был все же дервишем, человеком, посвятившим себя идеологии ислама, изучению и следованию прогрессивного и человеколюбивого направления ислама - ордена накшбандия.

Приведем несколько примеров:

Дема, эй ҳамдам, диёру ёр сўзунким, менинг

Улфатим йўқ олам аҳли бирла, бал, олам била.

(Содержание: друг, не говори со мной о родине и друзьях, Я не дружу ни со светом (т.е. миром), ни со светскими (т.е. людьми этого мира).

Анингдек бўлсаким, асло тафовут бўлмаса пайдо,

Агар бу даҳри дун хор айласа, гар эътибор этса.

(Содержание: было бы хорошо, если б не осталось различия между тем, кто был превознесен в этом мире и тем, кто угнетен миром).

Жафодур жонға бўлмоғлик муқайяд олам аҳлиға,

Хуш ул озодаким, элнинг аросидин канор этса.

(Содержание: не угодишь народу мира, как приятен тот очищенный, кто убежал от народа).

Замона аҳли ичра, эй кўнгул, оё топилғайму,

Сенингдек дард паймою менингдек дард паймуда.

(Содержание: о, душа, найдется ли среди народа, Заболевший наподобие тебя и больной на подобие меня).

Гўшае тутсам жаҳоннинг аҳлидин, ғам кўрмасам,
Истарам эл кўрмаса мению мен ҳам кўрмасам.

(Содержание: хочу скрыться от сего мира, не хочу видеть беды, хочу скрыться от народа и не видеть его).

В одном из четверостиший – рубаи можно распознать собственную цель жизни шаха Бабура. Лирический герой этого рубаи – сам Бабур предстает перед читателем как истинный мусульманин:

Ислом учун овораи ёзий бўлдум,
Куффору хунуд харбсозий бўлдум.
Жаҳд айлаб эдим ўзни шаҳид бўлмоққа,
Алминаттулоҳки, ғозий бўлдум.

(Содержание: я был скитальцем в степях ради ислама, воевал против безбожия. Желал умереть смертью святых, Слава Всевышнему, стал газием (победителем).

Он также, как и Хазрат Навои, мечтает о совершении паломничества в Мекку:

Ҳаж йўлиға кир кўнгул, ҳиммат била,
Бер қаз, оқ ар ўлса юз минг қофила.

(Содержание: о, душа, будь благорассудной, войди в путь хаджа (паломничества), Преодолевай все трудности в этом пути).

Творческий потенциал обоих гениев, их богатый духовный мир и мировоззрение описывалось великим ученым В. Г. Белинским в следующих строках: «Влияние одного великого поэта на других – это не прямое изображение поэзии автора в творчестве других, отнюдь наоборот, оно отображается в силе, отображаемой в творчестве самим поэтом. Свет солнца, отображающийся на земной поверхности, не придает земле силу, оно будит те силы, которые уже имеются в земле» [2, Т: 3, 172].

На основе постижения тайн художественного творчества великого Алишера Навои и богатого опыта других классиков узбекской и персидско-таджикской поэзии, творчество Бабура удивительным образом подтверждает эту мысль. На пути к освоению идейных принципов и эстетического идеала художественного творчества Навои, Бабур пишет десятки комментариев к его поэзии. И это не просто подражание Бабура гению Навои путем замены одних слов на другие в газелях, наоборот – это оригинальные литературные произведения, являющиеся плодом интеллектуального труда.

Литература

1. Бабур, З. М. Девон. – Т., 2008.
2. Белинский В. Г. СС в 9 т-х. – М., 1978.
3. Исҳоқов Ё. Нақшбандия ва ўзбек адабиёти. – Т., 2002.
4. Салохи Д. И. Великий мыслитель и поэзия. – Lambert Academic Publishing, 2018.
5. Шайхзода М. Асарлар. 6 т-к. – Т., 1972.

© **Салохи Д. И.**, 2020

Ф. Н. Саматова,
преподаватель Карши ГУ, г. Карши (Узбекистан)

ОПИСАНИЕ СЕМЬИ БАБУРА В «БАБУР-НАМЕ»

«Бабур-наме» – энциклопедический труд, сочетающий науку, традиции, социально-политические и природно-этнографические знания. В то же время эта работа является примером художественной литературы в узбекской классике. «Бабур-наме» чрезвычайно важна для ряда областей, но она также является первым прекрасным примером художественной прозы в истории узбекской литературы. Эта работа давно положительно повлияла на развитие прозаического жанра в нашей литературе.

История молодого Захириддина, который посетил Самарканд в возрасте 5 лет, рассказывает в «Бабур-наме» о событиях его жизни, о людях, с которыми он был, о городах и деревнях, с которыми он не мог разговаривать, но которые оставили след в культурной и политической жизни: Алишер Навои, Абдуррахман Джами, Хусейн Байкаро и другие. Помимо этого, точно описана информация о родственниках и членах семьи.

Английский ученый Эльфинистан пишет об общем контексте «Бабур-наме» и событиях, которые в ней содержатся: «Мемуары описывают жизнь великого тюркского короля, его личные чувства свободны от любых преувеличений, его стиль прост и смел, яркий и образный, ярко изображающий взгляды, чаяния и поступки современников. В этом отношении он единственный истинно азиатский исторический персонаж. Бабур выражает внешность каждого человека, одежду, вкусы и привычки и описывает страны, их климат, природу, экономику, произведения искусства и ремесла. Но характер автора является наиболее привлекательным». В «Бабур-наме» многолетние наблюдения Захириддина Бабура неизменно изображаются как воспоминания.

Описание в «Бабур-наме» следует, прежде всего, за естественным и географическим описанием города, его правителя, его внешнего вида, его духовного мира, его предков, интеллектуалов и принцев. Затем он описывает семена, племена, языки, обычаи и другие особенности места.

Одной из ценных особенностей «Бабур-наме» является ее яркое изображение действий и общественно-политических образов многих исторических деятелей своего времени. Большинство из этих исторических деятелей являются эмирами-Тимуридами, Шейбанидами, военачальниками, частью духовенства, которые играли значительную роль в общественно-политической жизни того периода, и многими деятелями искусства и литературы [1, 16].

В «Бабур-наме» подробно описаны предки Умар-шейх Мирзы, Хусейна Байкара, их родословная, предки. Однако с помощью наглядных пособий вы можете четко увидеть целостные изображения этих исторических фигур и даже нарисовать отличные портреты.

Бабур пишет о своем отце в «Бабур-наме» и отмечает, что Умар-шейх Мирза был очень добрым, непредубежденным и великим правителем. Его всегда интересовала собственность, и он несколько раз маршировал по Самарканду. Сообщалось, что последний визит его тестя находился под контролем Умар шейх Мирза из Ташкента. Брат Умар шейх Мирзы, султан Ахмед Мирза, правитель Самарканда, и Махмудхон, хан монгольского улуса, были недовольны тем фактом, что Умар шейх Мирза правил андижанским престолом. Они заключили союз, с юга Худжанда Султан Ахмад и с севера Махмуд-хан привели войска к крепости Умар шейха Мирзы. Однако крепость Акси находилась в высоком ущелье, а здания были построены на скале. Сообщается, что Умар шейх скончался в понедельник четвертого числа в месяц Рамазан с голубем. Похоже, что отец Бабура заботился за голубями и наблюдал за птицами [2, 267].

В этом контексте Бабур также рассказывает о детях, которых он оставил. У него трое сыновей и пять дочерей. Старшим из его сыновей был Бабур. Его мать была Кутлуг Нигорханим. Один сын, Джахангир, был на два года младше Бабура. Матерью Джахангира была Фатима Султан, дочь монгольских князей. Другой сын, Насир, был внуком. Ее мать была флористом из Андижана. Её звали Умид. Насир был на четыре года моложе Бабура. Затем Бабур подробно рассказал о дочерях своего отца. Старшей из его дочерей был Хонзодабегим. У Бабура и Хонзодабегима одна мать, и она была на пять лет старше Бабура. Когда Бабур был занят второй осадой Самарканда, ни охранники, ни дворяне, ни его собственные люди не послали войска, чтобы помочь ему. Он также описывает битву с Шейбани-ханом в Сарипуле. Его сестре Хонзодабегим пришлось выйти замуж за Шейбани-хана, и она от него родила сына. Его звали Хуррам-шах. Захириддин Мухаммад пишет, что племянник был очень хорошим мальчиком. Он дал ему провинцию Балх. Но через два года после смерти его отца Хуррам-шах также был взят Аллахом. Когда правитель Ирана Исмаил вторгся на территорию узбеков в Мерве, его сестра Хонзодабегим находилась в Мерве. Десять лет спустя Бабур отправился к Мерву навестить Исмаила, но его сестра не узнала его. Она узнает его после того, как он произнес её имя.

Другой дочерью Умар-шейха была Мехрбону-бегим. Мехрбону и Насир родились от одного матери. Она была на два года старше Бабура. Другой дочерью была Шахрбону-бегим. Она была на восемь лет моложе Бабура. Другой дочерью была Ёдгор Султан-бегим. Её матерью была женщина по имени Ага Султан. Другой дочерью была Рукия Султан-бегим. Её матерью была Махдум Султан-бегим. Её также звали Каракоз-бегим. Накануне захвата Андижана и Акси Шейбани-хана она вышла за муж за сына султана Хамзы Абдуллатифа Султана. Рукия Султанбегим выйдет замуж за Жонибека Султана, но они жили вместе недолго.

В «Бабур-наме» Бабур дает особое описание своей матери: Мехр Нигорханим – первая из трех дочерей Юнус-хана, вторая – его мать – Кутлуг Нигорханим, а третья – Хуп Нигорханим.

Бабур пишет, что ее мать всегда была с ней, и что ее бабушка и мать отвечали за управление престолом. Он говорит, что даже в городах, которые он

посетил до того, как Кабул, его мать, Кутлуг Нигорханим, была с ним. Его мать как пишет он, умерла через шесть месяцев после вторжения Кабула.

Из истории известно, что у Захириддина Мухаммада Бабура четверо сыновей и шесть дочерей: Хумаюн (1508), Комрон (1509), Аскарий (1512), Хиндол (1518) Гулбаданбегим, Масумабегим, Гулрангбегим, Гульчехрабегим, Гулдорбегим, Фахриннисо. В книге отмечается, что Бабур одинаково симпатизировал своим детям и подверг резкой критике их за доброту и воспитание [3, 35].

Бесконечная любовь Бабура к своим детям, особенно Хумаюну, которого считал достойным сыном. Бабур перечисляет восемь характеристик Хумаюна: во-первых, его доброжелательность была прекрасна; во-вторых, он был щедрым; в-третьих, никто не был равным ему в борьбе; в-четвертых, он был хорош в сохранении региона, то есть в управлении страной; в-пятых, он был экспертом по административным вопросам; в-шестых, был милостив и милостив к слугам Аллаха; в-седьмых, он знал, как угодить другим, и не разочаровывал; в-восьмых, был честным.

Он выражает большую уверенность в способности Хумаюна управлять страной мудро и справедливо. Его отцовская привязанность к своим детям настолько сильна, что он предпочитает своего сына Хумаюна. Он также упоминает, что ему доверили великую задачу уверенного командования Кабулом. То есть потомки Бабура были самые продвинутые и влиятельные люди в науке и творчестве.

Каждый человек, который описывался в «Бабур-наме», создан на основе исторического факта, без изменений, преувеличений или переоценок. Родители Бабура по материнской линии и предки его отца раскрываются перед глазом читателя. Автор последовательно называет их, дает им описания и, при необходимости, выделяет каждое событие, связанное с ними. Описание членов семьи: Умар-шейха Мирзы, Кутлуг Нигорханим и детей Бабура – описываются в отдельных главах.

Таким образом, эта уникальная работа является крупнейшим историческим, письменным источником в исследовании личности, генеалогии и потомков Бабура.

Литература

1. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. : Ўқитувчи, 2017. – 368 с.
2. Заҳириддин Муҳаммад Бобур Энциклопедияси. –Т. : Шарқ, 2014. – 665 с.
3. Нуритдинов М. Бобурийлар сулоласи. – Т. : Фан, 1994. – 46 с.

© **Саматова Ф. Н**., 2020

Д. В. Сапрынская,
аспирант ИСАА МГУ, г. Москва

СВЕДЕНИЯ О ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДАХ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА «БАБУР-НАМЕ»

Эволюция этнодемографических процессов в Центральной Азии[1] находит свое отражение во множестве исторических источников, в которых присутствует описание не только политических процессов в регионе, но и его географии, этнографии, традиций и различных форм хозяйственной деятельности. Биографический труд Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» в данном случае представляет особый интерес для исследователя: с одной стороны, Бабур в его уникальной форме изложения приводит актуальные сведения о быте и жизни разных этносов, включая тюрко- и персоязычные народы, а также в последних частях этого труда находится описание и коренных народов Индии, с другой – в «Бабур-наме» имеется этнографический материал, созвучный военно-политическим изменениям и личному представлению автора о регионе [2]. Таким образом, летописная работа Бабура позволяет составить наиболее полную историческую картину Центральной Азии конца XV – начала XVI вв.

Период, о котором повествуется в «Бабур-наме», ознаменован ослаблением империи Тимуридов, усилением государства кочевых узбеков на территории современного Казахстана и их претензией на регион Мавераннахра, а также соседством с Моголистаном в Восточном Туркестане и Семиречье, присутствием соседних Династии Мин и Сефевидского Ирана. [4, 157-160] Такой представляется общая расстановка сил в регионе. Уже к правлению Бабура династия Тимуридов постепенно теряет территории Мавераннахра, разделенного на уделы Самарканд, Бухара, Гиссар, Балх, Кабул и Фергана. Последняя является наследным улусом будущего основателя династии Моголов, что логично делает её одним из первых предметов описания в «Бабур-наме»: *«Фергана – область в пятом климате, находится на границе возделанных земель. На востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге – горы Бадахшанской границы; на севере, хотя раньше и были такие города, как Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Отрар, но теперь из-за [нашествий] моголов и узбеков они разрушены и там совсем не осталось населенных мест»* [2]. Упоминая основных соперников в регионе – «моголов и узбеков», Бабур иллюстрирует свой рассказ сведениями о географии, указывает знакомую и сегодня топонимику, количество городов и их распределение по Ферганской долине [4, 157-160]. С центром в г. Андижан она представляется хлебным краем, с обилием разного рода фруктов и множеством дичи. Уже одно противопоставление узбеков, под которыми Бабур подразумевает Шейбани-хана и его государство кочевых узбеков, а также моголов, обозначают основные

[1] Здесь и далее рассматриваемый регион - Центральная Азия, а именно территории современных Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана и Синьцзяна КНР.

полиэтнические объединения в регионе. Описание же жителей Ферганской долины более предметно, оно формирует наиболее конкретное представление об этнодемографическом составе этого региона. Так, говоря о центре – г. Андижан, Бабур буквально пишет следующее: «*Жители Андижана – все тюрки; в городе и на базаре нет человека, который бы не знал по-тюркски. Говор народа сходен с литературным; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [написаны] на этом языке»* [2]. Здесь важно упоминание этноязыковой общности «тюрок», а также их наречия, схожего с языком Алишера Навои. Проводя параллели с современным представлением об узбекском языке и его носителях, считается, что именно язык Алишера Навои как классика узбекской поэзии представляет собой старый вариант узбекского, известного также как чагатайский или чагатайский тюрки. Этот общетюркский язык стал наддиалектным письменно-литературным вариантом, другими словами, он получил государственный статус в эпоху Тимуридов, став официальным языком того времени [5]. В таком случае можно справедливо сделать вывод, что если устная традиция Андижана относилась к староузбекскому языку в своей массе, то, соответственно, и носители языка с достаточным допущением являлись предками современных узбеков. Полное отождествление современных узбеков и тюрков Ферганской области XV – XVI вв. не является однозначно справедливым, потому как последующие эпохи не раз производили изменения этнодемографического состава населения. Тем не менее, разнородность жителей Ферганы чувствовалась и в период правления Бабура. Другим крупным народом являлись сарты – *«жители Маргинана, драчливый и беспокойный народ. Обычай драться на кулаках распространен в Мавераннахре; большинство знаменитых кулачных бойцов в Самарканде и в Бухаре – маргинанцы»*. Или другой пример: *«Все жители Исфары – сарты и говорят по-персидски»* [2]. Историческое соседство тюрков и персоязычных народов во многом является и современной реалией в регионе, это объясняется проживанием в Фергане множества таджиков. Выделение сартов как этнической группы находит свое подтверждение и в сведениях первой переписи Российской империи 1897 г. [6] Однако главная компонента, которая отличала бы сартов от тюрок, выражалась не столько в языке, сколько в их оседлом образе жизни, в основном хозяйственная деятельность сартов была связана с земледелием, они же составляли значительную часть городских жителей. По мнению В. Бартольда, появление термина «сарт» следует искать в монгольскую эпоху, потому как до прихода Чингисхана это понятие не фигурировало, значение же его скорее относилось к народу тюркского происхождения, ведущего преимущественно оседлый образ жизни [3]. Споры об этническом происхождении сартов ведутся до сих пор.

Другой важный пассаж: *«Среди жителей Андиджана много красавцев; Ходжа Юсуф, который известен в музыке, – андиджанец»*, – или же: *«Один из городов на северном берегу реки Сейхун – Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсикет, так же как поэта Асир ад-дина называют Асир ад-дин Ахсикети»*, – позволяет сделать некоторые выводы о самоидентификации жителей как

Ферганы, так и региона в целом [2]. Описание себя в качестве выходца той или иной территории, в первую очередь, происходило с упоминанием города, как это видно из предыдущих строк. Так, часто приписка места рождения становилась полным именем человека. По-другому обстоял вопрос с этнической принадлежностью: если следовать описаниям эмиров в «Бабур-наме», то здесь можно найти больше сведений о разного рода племенах и народах. Примерами могут служить упомянутые в источнике эмиры Омар Шейх мирзы *«Ваис Лагари, самаркандец, из племени Тугчи»* или же «*другой эмир был Абд ал-Карим Ишрит. Он был уйгур и состоял ишик-агой у Султан Ахмед мирзы»* [2] Показательно, что если эмир или любой другой описываемый человек в «Бабур-наме» имел отношение к тюркам Ферганской долины или в целом территорий династии Тимуридов, скорее всего, его этническая принадлежность указывалась как *«самаркандец, бухарец»* и т. д., но если же описываемый был выходцем из другого тюркского этноса, то, вероятнее, приводилось его название [2]. Отсюда, следуя за строками «Бабур-наме», мы попытаемся уловить все упоминания разного рода тюркских народов в тесной связи с нашими сегодняшними представлениями о них. Упомянув некоторые описания узбеков, тюрков, монголов, уйгуров, содержащихся в «Бабур-наме», следует остановить внимание на других этносах: казахах, туркменах, хазарейцах и отдельно приведенных племенах, которые сегодня входят в киргизский и др. тюркоязычные народы [2].

Современная Бабуру историческая эпоха – период складывания отдельной казахской государственности. Так, вторая половина XV в. была ознаменована откочевкой казахских ханов Жанибека и Керея в Моголистан. У Бабура с казахами связано следующее упоминание: *«После Адик султана [Султан Нигар ханум] взял хан казахского улуса Касим хан. Говорят, что среди казахских ханов и султанов ни один не держал этот народ в таком [повиновении], как Касим хан. В его войске насчитывали около трехсот тысяч человек. После смерти Касим хана ханум прибыла в Кашгар к Султан Са'ид хану»* [2]. Касым хан – один из сыновей Жанибек-хана, правитель Казахского ханства начала XVI в., с его именем связано расширение территории ханства: включение всей территории Дешт-и-Кыпчака, военные успехи, борьба с Шейбани-ханом, а также составление законов *«Қасым ханның қасқа жолы»,* или *«Светлый путь Касым-хана»* [1, 46–100]. Кроме того, в тексте не раз присутствует упоминание туркменов, например *«кара-куйлукских туркмен»* или же *«во время набега на туркменских хазара в Дара-и Хуш Касим бек, несмотря на старость, держался лучше молодых, поэтому я пожаловал ему область Бангаш»,* а также *«из туркмен: Мансур, Рустам Али с братьями, Шах-Назар и Сиюндук»* [2]. Этноним «туркмены» в данном случае имеет некоторое собирательное значение, потому как «кара-куйлуки» и «хазара» – разные народности, «хазара», следуя тому же Бабуру, имеют монгольское происхождение, как и в те времена, сегодня этот народ известен как «хазарейцы», проживающие на территории современного Афганистана. Этногенез и настоящий родовой состав туркмен, в первую очередь, связан с огузами (баятами), баяндырами, кайями и т. д. [2]

Ряд племен, например *«пешагирцы, ашпарцы, турукшары чограки»* и т. д., скорее, имеют территориальную принадлежность, поскольку их упоминания не находятся в списках основных племен и родов большинства тюркоязычных народов [2]. Все это племена, проживавшие в разных областях Центральной Азии, преимущественно в Ферганской долине. Ряд приведенных племен, например *«кыпчаки»,* имеет отношение к современному этническому составу казахского, киргизского и узбекского этносов.

Однако не только тюркская и персоязычная компоненты формировали в этот период основной этнический состав, особое значение отводилось монголам. Они, конечно же, приводились и в тексте, говорилось о монголах Могулистана, а также в отношении ряда монгольских племен, плотно вошедших в местные правящие круги. Здесь и упоминание племени барлас, и каучин, родов Чарас и Бекчик и др. Многие из них, например «каучин», уже в период Бабура были тюркизированы [2].

Помимо территории Центральной Азии, Бабуром говорится о тюркоязычных народах современного Афганистана, разбирается и его этнический состав. В тексте в качестве жителей этого региона фигурируют аймаки, тюрки, сарты и др. [2]

Другой момент, раскрывающий не только хозяйственную деятельность (кочевой и оседлый способ производства, распространение тех или иных сельскохозяйственных культур), а характеризующий общее представление о жизни, является портретное описание Бабура. Конечно же, портреты отдельных личностей, которые содержат его личное отношение к этим людям, то есть прямую авторскую оценку. Но если следовать идее о том, что портеры Бабура опираются на обобщенные представления об отрицательной или положительной чертах характера, то можно составить облик жителя региона с точки зрения ценностей культуры и морали. Итак, самым полным портретом является описание Омар Шейх мирзы – правителя Ферганы и отца Бабура. Опустив страницы, посвященные его биографии, стоит рассмотреть часть под названием «Свойства нрава и обычаи [Омар Шейха]».

«Омар Шейх мирза был ханифит по исповеданию и человек чистой веры; он не пренебрегал молитвой, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран. У него был дар к стихосложению, он не уделял внимания поэзии» [2].

Таким образом, положительные черты человека той эпохи – религиозность, представленная суннитами ханафитского мазхаба, приверженность вере и ученичество, обращение к знанию, а также занятие творчеством. Говоря о Омар Шейх мирзе, конечно, следует сказать, что как правителю ему было доступно намного больше, чем рядовому жителю, но эти моральные значения не шли вразрез и с мнением обывателей того времени. Далее, следуя хронике, мы находим строки о том, что *«справедливость его достигала высокой степени»*, «*он отличался большой щедростью. Это был добродушный, болтливый, речистый, сладкоустый человек; смелый и отважный муж это был»*, *«стрелял он из лука посредственно, но здорово бился*

на кулаках; ни один йигит не мог устоять под ударом его кулака» [2]. Другими словами, положительным считались высокие моральные ценности – важная характеристика правителя, а также умение вести беседу и ратность. Все это довольные общие черты. Отрицательным Бабуру виделось *«в прежние времена он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю»*, а также *«в последнее время он сильно пристрастился к возбуждающим средствам и, будучи возбужден, приходил в неистовство. Он был человек влюбчивый и много страдал от мук любви, а также постоянно играл в нард, а иногда и в кости»,* то есть привязанность к ряду средств, изменяющих сознание, азартность и сильная влюбчивость [2]. Следуя хронологии «Бабур-наме», можно встретить подобные характеристики при описании каждого из важных для автора современников: его сторонники и недруги в своих положительных чертах, в первую очередь, верующие и соблюдающие предписания ислама, их отрицательные стороны связаны с распутством и чревоугодием. Негативной коннотацией, например, характеризуется любовь к бачи, то есть использованию молодых мальчиков в целях сексуального удовлетворения. При этом бачи являются обыденностью, их содержание допускается, но требует богатства и осуждается религией. Упоминаются в тексте и другие занятия: игра в шахматы и нарды, сложение стихов, охота на дичь, изучение Корана и т. д. Религиозность при этом является наиболее положительной чертой не только для человека, но и используется при описании города: *«Все жители Самарканда – сунниты, люди чистой веры, соблюдающие закон и благочестивые. Со времени святейшего посланника [Мухаммеда] ни из какой страны не вышло столько имамов ислама, сколько их вышло из Мавераннахра»* [2].

Так, составляя портрет эпохи Бабура и приводя лишь некоторые сведения из их значительного числа в источнике, можно сказать, что тюркоязычные племена и соседствующие с ними персоязычные и монголоязычные народы формировали основную массу населения. Характерная центральноазиатская топонимика уже присутствовала, в числе тюркских городов были и оазисы Ферганы: Самарканд, Бухара, Андижан, Ош – а также и других регионов: Алмалык, Кашгар и т. д. Расстановка политических сил формировала и изменяла карту региона, выделялись новые и уходили старые правящие классы, сохраняя при этом традицию правления чингизидовой крови. Основные хозяйственные занятия были подкреплены ремеслом и военным делом, ценились творческие и интеллектуальные занятия, религии отводилось особое место. Однако представление об общечеловеческих ценностях и морали оставалось созвучными и предыдущим, и во многом настоящей эпохам.

Литература:

1. Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века / АН Казахской ССР, Ин-т Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. – Алма-Ата : Наука, 1985.

2. Бабур-наме [Электронный ресурс]. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Babur/frametext1.htm (дата обращения – 01.02.2020)
3. Бартольд В. В. Сарты : Соч. – Т. 2, Ч. 2. – М., 1964.
4. Кадырбаев А. Ш., Сыздыкова Ж. С. Страна в Междуречье: Очерки истории Узбекистана. – М., 2017.
5. Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии // Известия АН СССР; Отделение литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. VI., Вып. 6. – С. 475–480.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897–1905.

© **Сапрынская Д. В.**, 2020

М. А. Сафаров,
к. п. н., доц. Института экономики и управления в промышленности, г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЯ С. С. ГУБАЕВОЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ «БАБУР-НАМЕ» (ВОПРОСЫ ЭТНОНИМИИ)

Среди плеяды исследователей «Бабур-наме» особо выделяется имя доктора исторических наук, широко известного преподавателя Ферганского педагогического института Стеллы Ситдиковны Губаевой. Начало научного пути ученого-этнографа было положено анализом топонимики Ферганской долины. Через изучение таджикско-персидской и тюркской этимологии названий древнейших поселений удалось реконструировать многие пласты истории этого края. Коканд, Наманган, Маргилан, Фергана, Андижан, Ош, Узген – древние и новые города Ферганской долины, сотни кишлаков – все эти дороги прошла Стелла Губаева, собирая уникальный лексический и этнографический материал. Одной из первых С. С. Губаева стала разрабатывать тему этнонимов, упомянутых Бабуром [6]. Фактически, «Бабур-наме» играло роль важнейшего источника в её исследовательской работе. Здесь стоит отметить, что применительно к Фергане «Бабур-наме» в качестве источника стала использовать еще в 1950-х гг. известный узбекский историк С. А. Азимджанова (1922-2001) [3].

С середины 1990-х гг. С. С. Губаева живет в России, в городе Обнинске Калужской области, и, хотя она периодически выступает со статьями, её основные научные публикации, вышедшие много лет назад, уже мало известны новым поколениям ученых в Узбекистане. Поэтому имеет смысл напомнить ключевые биографические сведения об этнографе.

Стелла Ситдиковна Губаева родилась летом 1937 года в Фергане в татарской семье. По материнской линии её род принадлежал к числу старожильческих – дед пришел в Туркестан еще в составе русской армии в 1870-е гг. при завоевании Кокандского ханства. На новом месте он стал извозчиком, а когда пришло время жениться, поехал в Казань – женщин-татарок еще было очень мало в только что присоединенных к России местах. Из Казани он и привез молодую жену; семья постепенно привыкала к образу жизни, обычаям, климату Средней Азии. Здесь родилась мать Стеллы Ситдиковны – Асма Шарафовна Султанова. А отец, Ситдик Гарифович, приехал в Фергану из Верного (ныне Алма-Аты), где существовала большая татарская община. Мать преподавала биологию, а отец – географию в Ферганском педагогическом институте. С началом Великой Отечественной войны отец был мобилизован для обучения основам картографии и топографии солдат и офицеров, уходящих на фронт. Его семья годы войны провела у родных в Андижане.

Многонациональный мир послевоенной Ферганы, уклад просвещенной семьи, где важнейшее место занимали книги, определили выбор профессии. Стелла Губаева получила филологическое образование в Ташкентском

государственном университете в 1961 году. Один учебный год она проработала в школе в Маргилане, а затем перешла на работу в Андижанский педагогический институт. Но главным в её жизни стал педагогический институт в родной Фергане. Именно в его стенах были созданы все ключевые научные работы Стеллы Ситдиковны, здесь она преподавала в течение почти 30 лет, в том числе заведовала кафедрой. Благодаря увлечению этнонимами и топонимами родного края Стелла Губаева пришла к этнографии, став одним из авторитетнейших знатоков истории и культуры Ферганской долины.

Знать и изучать мир Ферганской долины, быт её жителей, языки и культуру – все это стало судьбой Стеллы Губаевой. В 1969 году на семинаре в Самарканде её еще скромный доклад по ономастике заметил видный советский лингвист В. А. Никонов (1904-1988). Во многом благодаря его поддержке удалось поступить в московскую аспирантуру.

Фрагмент из воспоминаний С. С. Губаевой: «В далеком 1970 году мне крупно повезло. Во-первых, я поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), где царила атмосфера удивительно теплая, доброжелательная и работали специалисты высочайшего класса. А во-вторых, я стала аспиранткой Балкис Халиловны Кармышевой. Научный сотрудник Института Владимир Андреевич Никонов, с которым я уже была знакома и который опекал меня, подвел к высокой, статной, красивой женщине, которая мне дружелюбно улыбнулась. Мои волнения и страхи как-то незаметно улеглись. О том, что она талантливый, влюбленный в свою профессию ученый, один из лучших знатоков этнографии Средней Азии, я узнала позже» [11, 6].

В московской научной жизни рядом были и другие корифеи – исследователи Средней Азии – историки, археологи, этнографы. Борис Литвинский, Татьяна Жданко, Елена Давидович, Ольга Сухарева, чья капитальная монография, посвященная Бухаре, – классика мирового востоковедения. Но именно Балкис Кармышева стала учителем на всю жизнь [7, 24-27].

Под руководством Б. Х. Кармышевой Стелла Губаева подготовила и защитила в 1973 году кандидатскую диссертацию «Этнонимы в топонимии Ферганской долины» [9]. Уже много позднее, в 1983 году, в Ташкенте вышла в свет монография Стеллы Губаевой «Этнический состав населения Ферганы в конце XIX - начале XX в. (по данным топонимии)».

На рубеже новых времен, в 1992 году, Стелла Ситдиковна защитила и докторскую диссертацию «Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX - начале XX в. (к проблеме поздних этапов этнической истории Средней Азии)», получившую тогда известность среди исследователей региона. Обращалась С. С. Губаева и к классической для отечественной этнографии теме – анализу обрядов жизненного цикла. Различные периоды истории местных оседлых и кочевых обществ, этногенез узбеков и таджиков – все занимало в эти годы Стеллу Ситдиковну, мастерски сочетавшую знание историографии по теме с активной полевой работой, экспедициями в

самые отдаленные уголки Средней Азии. Блестяще разбиралась она в этнографических особенностях жизни и других народов Ферганской долины – бухарских евреев, русского старожильческого населения, татар.

В преддверии подготовки в ИСАА МГУ конференции «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность» Стелла Ситдиковна любезно согласилась ответить на несколько наших вопросов, посвященных изучению ею «Бабур-наме». Очевидно, воспоминания о работе с этим историческим и литературным памятником могут представлять ныне значительный историографический интерес.

– Как менялось отношение к «Бабур-наме» в Узбекистане? Занимало ли это произведение в 1960-70-е гг. то фундаментальное место одного из основополагающих памятников, которое отводится ему в современном Узбекистане?

– В научной среде, безусловно, все были знакомы с «Бабур-наме», осознавали важную роль этого памятника, однако не в понимании современном. То определяющее, и во многом идеологическое значение пришло уже в независимом Узбекистане. Тогда же речь о «Бабур-наме» шла скорее в академическом ключе, в череде иных средневековых источников, хоть и первым среди равных.

Собственно, и я обратилась к «Бабур-наме», двигаясь от своей темы к источнику, а не наоборот. В ходе поисков необходимых мне ранних сведений о топонимике Ферганской долины, местных этнонимов стало очевидным – нельзя пройти мимо столь ценного материала.

Как известно, «Бабур-наме» состоит из трех частей: «Фергана», «Кабул», «Хиндустан». Афганские и индийские дневники наполнены многочисленными сведениями о племенах, а вот в ферганской части подобных данных гораздо меньше – фактически в двух-трех местах. Это объясняется просто – Бабур был выходцем из этого края, его больше интересовали народы, населявшие завоеванные территории.

– И все же, какие племена, жившие в Ферганской долине, упоминает Бабур?

– В «Бабур-наме» упоминаются тюрки – это потомки тюркских и монгольских племен, прибывших в Среднюю Азию до XIII века. Они не растворились среди оседлого населения и сохраняли родоплеменные традиции.

Упоминает Бабур и сартов: «Все жители Исфары – сарты и говорят по-персидски». Всем хорошо известно, насколько многослойно и во многом политизировано значение слова «сарт».

– Из новых работ на эту тему надо упомянуть известную статью С. Н. Абашина [2].

– Да. В самой Фергане, да и в других районах Средней Азии слово «сарт» понималось в разное время по-разному. В эпоху Бабура это скорее этноним, обозначающий оседлое ираноязычное население. Позднее под сартами станут понимать уже тюркоязычное оседлое, земледельческое население. Процессы смены языка у оседлого населения в Средней Азии – трудная тема. В свое время

Б. Х. Кармышева даже была вынуждена покинуть Душанбе и переехать в Москву, поскольку местный партийный руководитель (а потом известный востоковед) Гафуров препятствовал её публикациям по этнографии тюркоязычного населения Таджикистана, да и вообще всей научной работе. Лишь в 1976 году в Москве Кармышевой удалось опубликовать свою капитальную монографию на эту тему. Она упоминает в этой книге и сартов [10, 147].

– А почему, на Ваш взгляд, этноним «сарт» был полностью отвергнут в раннем СССР, в период завершения консолидации узбекской нации?

– Сарт первоначально означало «купец», «торговец», то есть определялся не этнический, а социальный статус. В этом значении сарт упоминается в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского уже в XI веке. Но среди тюркского населения конца XIX – начала XX века слово «сарт» носило скорее отрицательный смысл и воспринималось враждебно.

Кстати, я не считаю, что консолидация узбеков произошла лишь в СССР. Объективно, все факторы формирования нации уже имели место в XIX веке, хотя память о принадлежности к племенам бытовала, да и бытует во многом у узбеков и сейчас. Это прослеживается и в Фергане, где я интенсивно и много лет работала с информантами. Например, в некоторых селениях местные жители с гордостью говорили о принадлежности к кипчакам (*қипчоқ уруғи*). Выезжая же за пределы своих селений, в другой район, они определяли себя только в качестве узбеков.

Однако общее самосознание, складывание литературного языка уже имели место задолго до национально-государственного размежевания Туркестана и образования Узбекской ССР. Эти процессы убедительно излагаются еще в трудах покойного этнографа Карима Шаниязова [13]. Конечно, опубликованы в Ташкенте и новые работы.

В свое время была острая дискуссия на тему формирования узбекской нации, связанная с выходом скандального «Этнического атласа Узбекистана». В этой работе авторы стремились доказать искусственность процесса формирования наций в Средней Азии, сугубо внешнее воздействие. Критике там подвергалось наследие советских этнографов. Мне пришлось тогда выступить со статьей, посвященной разбору этого атласа и его концепции [8].

Вопрос ведь стоял в другом – не конструировании уже объективно сложившейся нации, а выборе общего этнонима. Узбеков Бабур упоминает в качестве даштикипчакских племен, совершавших набеги на оазисы Мавераннахра. Фактически они в конце XV – начале XVI вв. вынудили Бабура покинуть родину. Для него узбеки Шейбани-хана – чужаки, приходившие с севера. Однако трактовать упоминаемые в «Бабур-наме» этнонимы в современном значении глубоко неверно (хоть это и не для всех, к сожалению, очевидно). Ведь Бабур говорит не о нациях в нашем современном представлении.

Вот такую интересную трансформацию пережил этноним «узбек». Но ведь подобных примеров нового содержания старых этнонимов очень много.

– К примеру, татары?

– И они в том числе.

– Известно, что в современном Узбекистане особая роль отводится Бабуру в качестве выдающегося полководца – покорителя Индии, создателя династии Великих Моголов. Во многом на этом строится образ Бабура. При этом в русскоязычной среде многие до сих пор полагают, что «Моголы» есть простое искажение от монголов. Каково происхождение этнонима «могол»?

– Да, так многие считают. Однако известно, что моголы – это фактически уже тюркские племена, жители Моголистана. Это государство образовалось после распада улуса Чагатая в 40-е гг. XIV века. Фергана не входила в состав Моголистана, но граничила с ним. Дед Бабура по материнской линии Юнус-хан был моголом и часто гостил со своими нукерами в Фергане у зятя – Омар-шейха (т. е. отца Бабура). При матери Бабура было около 1500-2000 моголов. Очевидно, что часть моголов осела в Фергане.

– Есть ведь ценная статья петербургского востоковеда Турсуна Икрамовича Султанова на эту тему [12].

– Конечно, могольские племена восходят к эпохе Чагатая, к его войску, то есть исторически их предками были именно монголы. И барласы, и джалаиры, и каучины (последние отмечались Бабуром в Андижане). Но все они быстро тюркизировались. Как известно, такова судьба всех монгольских войск. Наиболее яркий и всем известный пример – стремительное поглощение монгольских завоевателей кипчаками в улусе Джучи.

Бабур детально упоминает о разных племенах моголов, например, о *чарас* и *бекчик,* между которыми в могольском войске все время происходили раздоры за право первенства на войне. Чарасы нашли отражение в этнонимии киргизов. Известный этнограф Абрамзон полагал, что *чоро*, подразделение племени *чекир-саяк,* связано происхождением с могольскими чарасами [1, 51].

Тагай тоже, видимо, могольский род. В «Бабур-наме» мы встречаем упоминание о Мир Гиясе Тагае, и что никто при дворе Султан Абу Мирзы из могольских мирз не стоял впереди него. Селения с компонентом *Тагай* встречались мне в Ферганской долине и в других частях Средней Азии.

Во времена Бабура в Фергане были представители еще одного могольского племени – утарчи или итарчи. Например, Султан Ахмед Танбал был правителем Оша, одним из приближенных Бабура, а потом предал его. Он происходил из могольского племени утарчи.

Возвращаясь к вопросу о гордости современных узбеков Бабуром-полководцем – разумеется, на это есть причины. Именем одного из местных племен и локального образования была названа целая династия, контролировавшая всю Индию.

– Иногда звучат мнения, что известный перевод «Бабур-наме» на русский язык выполнен учеником Игнатия Юлиановича Крачковского востоковедом Михаилом Салье [4] с большими сокращениями. К примеру, Т. И. Султанов отмечает, что перевод Салье в 1958 году вышел в Ташкенте со значительными сокращениями: большинство персидских вставок в тюркском повествовании

было опущено, а выпады против оппонентов Бабура (прежде всего, Шейбани-хана) – изъяты из перевода [5, 123-124].

– Вполне возможно. Но, в целом, я придерживаюсь мнения моего учителя – Балкис Халиловны Кармышевой, считавшей перевод Салье наиболее адекватным.

Литература:

1. Абашин С. Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. – 2009. –№ 10. – С. 252-278.
2. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
3. Азимджанова С. К истории Ферганы второй половины XV в. – Ташкент, 1957.
4. Бабур-наме : Записки Бабура / пер. М. Салье. – Ташкент, 1958.
5. Бустанов А. К. Ножницы для среднеазиатской историографии : «восточные проекты» ленинградского востоковедения // Ориентализм vs. Ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. – М., 2016. – С. 108-166.
6. Губаева С. С. «Бабур-наме» как источник для изучения этнонимии Средней Азии // Ономастика Востока. – М., 1980. – С. 227-234.
7. Губаева С. С. Слово об учителе // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. В. Котюкова. – М., 2018.
8. Губаева С. С. Этническая консолидация – процесс естественно исторический // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 1. – С. 48-51.
9. Губаева С. С. Этнонимы и топонимы Ферганской долины : автореф. дис. … к. и. н. / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М., 1973.
10. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976.
11. Сафаров М. А. Этнограф – исследователь Ферганской долины // Татарский мир. – 2017. – № 7. – С. 6.
12. Султанов Т. И. «Записки» Бабура как источник по истории моголов восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica 1986 : К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л., 1986. – С. 253-267.
13. Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). – Ташкент, 1974.

© **Сафаров М. А.**, 2020

С. И. Сулимов,
к. филос. н., доц. ВГУ, г. Воронеж
В. Д. Черных,
к. и. н., доц. ВГУИТ, г. Воронеж

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАБУРА КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРОЦЕССА УХОДА-И-ВОЗВРАТА

Общество любой эпохи и каждого региона в своём функционировании и развитии подчиняется ряду непреложных законов, детерминирующих исторический процесс с определенной долей вариативности. Поэтому для гуманитарных и общественных наук немаловажно установить, что стоит за каждым конкретным историческим фактом: объективная закономерность или уникальный специфический мотив? Историческое событие произошло данным образом потому, что иначе оно не могло произойти, или это был случайный эпизод, производный от субъективной человеческой воли или местной культурной специфики? Понять это важно особенно сейчас, когда в глобальном мире все народы и культуры вынуждены взаимодействовать между собой и признавать единые для всех участников правила взаимодействия. Но эти правила могут быть созданы и предложены мировому сообществу только при условии, если они действительно учитывают реальные ритмы общественного развития, с учётом как вариантов, так и инвариантов жизни социума.

Одним из самых известных и тщательных исследователей динамики общественного развития в современности считается британский философ и историк А. Дж. Тойнби. В своей работе «Постижение истории» он предложил ряд фундаментальных принципов, которым соответствует развитие любого общества, к какой бы хронологической эпохе оно не принадлежало и каких бы культурных особенностей не имело. Одной из таких закономерностей А. Дж. Тойнби считал ритм Ухода-и-Возврата, который охарактеризовал следующими словами: «Проанализировав отношения людей в обществе, представляющем собой общую основу, где пересекаются поля действия всех представителей данного общества, мы увидим, что творческая личность, уходя, выпадая из своего социального окружения, преображенная, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенная новыми способностями и новыми силами. Уход позволяет личности реализовать свои индивидуальные потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе. Уход даёт возможность, а может быть, и является необходимым условием духовного преображения; но в то же время преображение лишено цели и смысла, если оно не становится прелюдией к возвращению преображенной личности в общество, из которого она удалилась. Возвращение есть сущность всего движения, равно как и его окончательная цель» [5, 276]. Иными словами, Уход-и-Возврат представляет собой социальный ритм, при котором творческое меньшинство (в какой бы сфере общественной жизни не реализовывалось его творчество) вынуждено покинуть

общество, а затем, усилив свои позиции или структурировав свои идеи, вернуться, занять лидирующую позицию и преобразить социум. Такое возвращение может произойти на иной географический ареал, но триумф творческого меньшинства от этого не становится менее грандиозным. К сожалению, иллюстрируя ритм Ухода-и-Возврата, А. Дж. Тойнби касался лишь примеров из европейской истории или тех деятелей восточной культуры, чьё наследие давно уже переработано европейцами. Поэтому для проверки тезиса об Уходе-и-Возврате мы обратимся к социально-политической деятельности Захириддина Мухаммада Бабура, среднеазиатского полководца, писателя и поэта, который, на наш взгляд, реализовывал ритм Ухода-и-Возврата на протяжении всей своей жизни.

Для историка и философа крайне любопытен контекст, в котором Захириддин Бабур начал своё правление в Андижане и Самарканде. В это время государство Тимуридов в Фергане рушилось под собственным весом: аристократы погрузили страну в феодальную анархию. Советский историк С. А. Азимджанова так характеризует обстановку первых лет правления Бабура: «На рубеже XV-XVI вв. в Хорасане и Мавераннахре укрепилось положение привилегированной военно-феодальной и духовной знати, особенно представителей дома Тимуридов. Значительной стала роль потомков крупнейшего духовного феодала Ходжи Убайдуллаха Ахрара и их приверженцев. Это время характеризуется здесь усилением центробежных тенденций, ростом феодальных междоусобиц, ухудшением положения народных масс. Своего апогея достигает феодальная анархия» [1, 34]. В обстановке, когда каждый эмир или полководец приходился родственником покойному Тамерлану, а самаркандский правитель едва достиг совершеннолетия, вассальные клятвы верности не стоили ничего, а грабительские набеги и частные войны носили общепризнанный характер. Поэтому вторжение кочевых узбеков Шейбани-хана почти не встретило организованного сопротивления. Юный эмир Ферганы в критический момент оказался без войска: связанные с его династией вассальными узами князья отказались принимать участие в войне с кочевниками. Некоторые из них заняли выжидательную позицию, другие же прямо объявили о своей лояльности к Шейбани-хану. Например, бек Мухаммед Мазид одним из первых пошёл на коллаборационизм и получил из рук новых хозяев Бухару, а другой аристократ, Мухаммед Танбал, даже пытался обманом захватить Бабура, чтобы выдать Шейбани-хану за вознаграждение. Юному эмиру пришлось бежать в Хорасан, а оттуда – в Афганистан, и это бегство не было тактическим отступлением: Бабур не располагал ни войском, ни возможностями его собрать. Позднее он вспоминал об этом бегстве: «Моих людей, знатных и простых, которые с надеждой следовали за мной, было больше двухсот и меньше трёхсот, в большинстве они были пешие с дубинами в руках, грубыми башмаками на ногах и чапанами на плечах. Нужда дошла до того, что у нас было всего две палатки. Мой шатёр ставили для моей родительницы, а для меня на стоянке строили шалаш, и я жил в шалаше» [3, 144].

С точки зрения простого здравого смысла на политической карьере эмира Ферганы в этот момент можно было ставить крест. Такое бегство в самом лучшем случае могло привести Бабура лишь ко двору какого-нибудь султана, где он стал бы пешкой в чужих политических играх, почётным гостем или пленником. История знает немало таких примеров. В частности, это римский полководец Гней Помпей, коварно убитый приютившим его египетским царём Птолемеем, или шведский король Карл XII, нашедший убежище при дворе османского султана и использованный турками в качестве аргумента на русско-турецких переговорах. Оценивая положение Бабура с точки зрения политической целесообразности, правитель Хорасана Султан Хуссейн и эмир Кандагара мирза Насир доброжелательно, но непреклонно порекомендовали беглецу искать себе убежище где-нибудь за пределами их владений. Уход совершился: ферганский эмир потерял всякую надежду на возвращение в Самарканд, его вчерашние вассалы признали власть Шейбани-хана, и узбекский правитель в любой момент мог потребовать выдачи Бабура даже из Хорасана.

Поэтому беглецу пришлось уходить в неизвестность. Все усвоенные им от предков и наставников уроки оказались бесполезны, ведь теперь предстояло либо вершить собственную историю, либо погибнуть. Сам Бабур остроумно заметил, что даже авторитет его предка Чингисхана не является непреложным эталоном: «Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали устав Чингиза. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки уставу. Устав Чингиз-хана не есть непреложное предписание бога, которому человек обязательно должен был бы следовать; кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этому обычаю надлежит подражать, а если отец совершил дурное дело, его должно заменить хорошим делом» [3, 219]. В это время будущему падишаху исполнилось лишь 23 года, и он принял очень серьёзное решение: начать свою историю на новом месте. Бабур и его небольшой отряд отправились в Афганистан, чтобы найти или завоевать для себя новую родину.

Не будем пересказывать общеизвестные факты: изгнание кабульского эмира Мукима, покорение разрозненных афганских племён, попытки военного реванша в Хорасане; всё это хорошо известно и изучено. История как бы подталкивала Бабура на восток, всё дальше от дома. В частности, желая окончательно уничтожить династию прежних правителей Самарканда, Шейбани-хан предпринял масштабное вторжение в Афганистан, взял Герат и осадил Кандагар. Бабуру снова пришлось бежать, причём на восток, в неведомую долину Инда. Это было не вторжение, а именно очередное бегство, которое эмир представил своим воинам как грабительский набег. Но наедине с собой он испытывал лишь горькую самоиронию: «Не проявив дальновидности, мы не подумали заранее, где бы обосноваться, ни места, куда идти, не было установлено, ни земли, чтобы жить там, не было намечено. Мы просто вышли и бродили то вверх, то вниз, пока не узнаем чего-нибудь нового» [3, 248]. Эмиру стало окончательно ясно, что он никогда не сможет вернуть трон своих предков, никогда не отомстит узурпатору Шейбани-хану, но вполне может создать новый

эмират или даже империю в Афганистане и долине Инда. Ведь ему уже удалось одержать победу над афганцами. Уход узбеков обратно в Среднюю Азию позволил Бабуру вернуться в Кабул и заняться подготовкой к походу в Индию, который действительно привёл к возникновению империи.

Многие отечественные и зарубежные историки уделяют первостепенное внимание завоеванию Бабуром Делийского султаната и легендарной битве при Панипате (1526 г.), в которой был разбит и погиб последний повелитель Дели султан Ибрагим Лоди. На наш взгляд, это было закономерно и с культурологической точки зрения совершенно неважно. Ведь Северная Индия давно уже находилась под властью мусульман, и на момент вторжения Бабура её политическая жизнь мало отличалась от той, которую застал завоеватель в родной Фергане. Британский историк Д. Кей красноречиво описывает своекорыстную позицию мусульманских князей Синда, Пенджаба и Бенгалии: «В XIII веке Индия, хотя и раздробленная политически, наконец, признала господство мусульман, но к тому времени её структура управления стала более гибкой, чем хрупкие династические древа VIII века. Но и захватчики к тому времени, когда они утвердили свою власть над Дели, хотя и не растеряли нетерпимости к язычеству, но уже перестали тешить себя иллюзиями всеобщего обращения индусов и больше думали об Индии как о богатом земельном наделе» [4, 249]. И в этом «земельном пожаловании» царили точно такие же интриги и предательства, как и в Средней Азии. В частности, Бабур вошёл в Индию тем же путём, что и Шейбани-хан в Фергану: его пригласили недовольные центральной властью пенджабский наместник Давлат-хан и раджпутский князь Рана Санга из клана Сесодия. И поэтому победа над султаном Ибрагимом Лоди не открывала завоевателю никаких возможностей, каких бы он не имел прежде. Делийский трон не был прочнее ферганского, и поэтому сохранить его было очень трудно и вряд ли престижно. Поэтому завоевателю предстояло пойти на какой-то политический шаг, который прежде не совершали ни среднеазиатские беки, ни делийские султаны. И Бабур решил создать в Индии централизованное государство, сделать то, что ему не удалось в родной Фергане и что не смогли сделать его предшественники из делийских династий Лоди и Хильджи. Как писал о своём новом положении сам монарх, до него в Индию вторгались, по меньшей мере, ещё два мусульманских завоевателя, и ни у кого из них создать империю не получилось [3, 313]. Для Бабура наступил момент Возврата – создание собственного трона по собственным проектам, возможность сделать на чужбине то, что изначально не получилось на родине.

Для истории и философии культуры после вступления Бабура в Агру начинается самый интересный эпизод политической биографии монарха, потому что ему предстояло действовать в незнакомой и чуждой стране, порядки которой прежде не смог изменить ни один завоеватель. Сам Бабур высказался об Индии кратко и очень красноречиво: «Большинство жителей Хиндустана – язычники; хиндустанцы называют язычников хинду. (…) Хиндустан – малоприятное место. Народ там некрасивый, хорошее обхождение, взаимное общение и посещение им неизвестны. Большой одаренности и сметливости у них нет, учтивости нет,

щедрости и великодушия нет. В их ремеслах и работе нет ни порядка, ни плана; шнур и угольник им неизвестны» [3, 335]. На самом же деле он столкнулся с самобытной и древней культурой, представители которой имели о мусульманах и иных пришельцах крайне уничижительное представление. Подобно другим цивилизованным обществам, индусы знали понятие «варвар» (в индийском варианте – «млеччха»), которым клеймили всех иностранцев. Д. Кей так описывает отношение индусов к мусульманским и иным пришельцам: «В индийских источниках мусульман, пришедших с первыми набегами, иногда называют яванами (греками), турусками (тюрками), или таджиками и персами. В любом случае они были млеччха. Это слово означало чужеземцев, которые не умели правильно говорить, выходили за рамки кастовой системы, а самое главное – не почитали закон Дхармы. Мусульмане, как все млеччха, представлялись индусам очень злобными и несущими разрушение, вроде гуннов. Но нет никаких свидетельств того, что в них видели глобальную угрозу. Их миссия – насаждать мечом монотеистическую религию – была индусам настолько чужда, что её попросту не понимали» [4, 257]. Мусульманских завоевателей индийцы были согласны терпеть, коль уж не было возможности их изгнать, но ни минуты не считали их присутствие законным. И, узнав о намерении Бабура остаться в Дели, индийские раджи вовсе не поспешили к нему с заверениями в покорности. Более того, вчерашний союзник, лидер раджпутов Рана Санга вовсе не считал себя коллаборационистом. Узнав о том, что вчерашний товарищ по борьбе с султанатом не собирается возвращаться в Афганистан, раджпут дал понять, что союз больше не действителен.

Со стороны могло бы показаться, что Бабур оказался в обществе таких же вероломных и своекорыстных персон, какие окружали его в Средней Азии. Но дело обстояло гораздо сложнее. Ведь индийцы обладали собственной политической культурой, которая наиболее полно выражена в книге брахмана Каутильи «Артхашастра» (написана в IV в. до н. э.). Традиционное индийское политическое пространство строится по принципу мандалы, то есть расходящихся концентрических кругов. Эти окружности не пересекаются между собой, и монарх, находящийся в центре, может лишь влиять на своё окружение, но никак не поглощать его. Неслучайно титул монархов-индуистов звучит как «вращающий земной круг» («чакравартин»). От такого правителя требуется направлять окружающие его политически силы в нужном направлении, по возможности избегая личного вмешательства. «Видимо, статус «чакравартина» не подразумевал прямого, непосредственного управления. В случае далёких земель, судя по всему, подчинение было достаточно номинальным, а те земли, что под рукой, чакравартин посещал регулярно. Как выяснялось, «правителю мира» не нужно действительно управлять миром, достаточно, чтобы мир считал его таковым» [4, 197]. Главным инструментом политики «чакравартина» были не военные походы, а шпионаж и интриги. Анализируя «Артхашастру», советский исследователь Г. Ф. Александров приходит к выводу, что эта книга, подобно «Государю» Н. Макиавелли, является апологией беспринципности и предательства: «Особенно большое внимание уделяет Каутилья тому, чтобы

научить царя, как надо вовремя и умело использовать противоречия между более могущественными государствами и постараться вбить клин между ними. Он советует настраивать одного царя против другого, сообщая каждому, что другой – это тиран» [2, 182-183]. Поэтому индийских князей вовсе не смущал тот факт, что они сами пригласили Бабура воевать с делийцами. Как только он выполнил негласно порученную ему работу, никто не собирался хранить завоевателю верность. И в отличие от аналогичного поведения ферганских беков, для индийцев такое поведение вовсе не было признаком слабости: политическая интрига и двойная игра являются их традиционными методами.

Перед завоевателем были открыты два пути: стать учеником индийских раджей и со временем войти в их круг как равный, или же победить их и заставить жить по собственным правилам. Бабур выбрал второй путь и вступил с раджпутами в конфронтацию по тому же принципу, по какому прежде сражался с непокорными афганскими племенами. В сражении при Кхануа (1527 г.) и осаде крепости Чандари (1528 г.) столкнулись две культуры, два мира, каждый из которых располагал собственным военным и духовным инструментарием решения проблем такого рода. Отечественный исследователь Е. Н. Успенская описывает индийское войско как временное объединение клановых дружин. В таком воинстве не было ни иерархии, ни строгой дисциплины, но раджпуты славились как хорошие наездники и храбрые бойцы [6, 143]. Со своей стороны, Бабур за время своего Ухода успел получить колоссальный боевой опыт, в его армии служили вместе ферганцы, афганцы, выходцы из Хорасана и Могулистана, а главное – присутствовало огнестрельное оружие. Ещё во время боёв с афганскими горцами воины Бабура применяли ружья, а вскоре был даже сформирован отряд «мушкетёров» под командованием выходца из Ферганы Устада Али Кули. В начале похода на Дели Бабур располагал даже артиллерией. С. А. Азимджанова так описывает войско завоевателя: «Ко времени Панипатской битвы Бабур обладал уже обширными военными познаниями и громадным боевым опытом. Ему были известны тактические приемы и маневры Шейбани-хана, шаха Исмаила Сефеви, Султана Хусейна и других крупных военачальников той эпохи. В его армии был отряд, состоявший из солдат, вооруженных ружьями, были пушки, которые обслуживались турецкими артиллеристами, при том, что у его противника вообще не было огнестрельного оружия» [1, 113-114]. В тактическом плане Бабур пользовался не только традиционными для кочевников фланговыми охватами, но применял даже вагенбург, что помогло ему выиграть битву при Панипате, а затем и при Кхануа. В частности, он описывает вагенбург как тактическое новшество, подсказанное знакомством с турками: «…вышел приказ всем воинам доставить повозки – каждому в соответствии с его положением. Всего доставили семьсот повозок. Устаду Али Кули было приказано, по обычаю румов, связать повозки между собой вместо цепей ремнями из сыромятной бычачьей кожи; между каждой парой повозок ставят шесть-семь щитов; стрельцы становятся за повозки и щиты и стреляют из ружей» [3, 307]. Для достижения единства среди своего многонационального воинства эмир охотно

использовал риторику джихада – приём, безотказный в борьбе мусульман с индуистами, но невозможный в сражениях мусульман друг с другом.

Во время осады Чандари, замка непокорного раджи Медины Рао, после того как все вылазки защитников оказались отбиты, оборонявшие крепость раджпуты и члены их семей совершили массовое самоубийство. Согласно индийской традиции, такой шаг заставлял победителя признать крепость и земли достоянием наследников погибших и отказаться от претензий [6, 108]. Но Бабур ничего об этой традиции не знал и объявил свой суверенитет над захваченным княжеством. Раджпуты были деморализованы таким развитием событий и даже на время отказались от продолжения военных действий.

Так были заложены основы империи Великих Моголов, доминировавшей в Индии на протяжении следующих трёх столетий. В основе этого геополитического феномена лежит именно ритм Ухода-и-Возврата. Могущественная централизованная монархия, созданная Бабуром в Северной Индии, не могла быть создана им в Средней Азии. Условно говоря, для такого проекта в Фергане просто не было подходящего материала. На своей родине Бабур был лишь эмиром среди других эмиров, Тимуридом среди других Тимуридов, и максимум, чего он смог бы добиться – это сохранить трон своего отца. Уход же открыл дорогу к созданию такого престола, по сравнению с которым меркнут все троны Средней Азии. Возврат Бабура следует оценивать не в буквальном смысле, не как возвращение домой. Все попытки вернуться в родной Андижан победителем оказались тщетны. Но в Индии завоеватель вернулся туда, куда его влекло право рождения, – к короне падишаха. По иронии судьбы Захириддин Бабур у себя дома, в Фергане, не имел такого значительного титула, но именно на чужбине стал тем, кем был рождён – абсолютным монархом. Ритм Ухода-и-Возврата сработал безотказно. Для того чтобы вернуться падишахом, сначала следовало уйти в изгнание эмиром, нажить бесценный боевой опыт и повидать немало стран.

Наверняка в современном мире эта закономерность действует с такой же неотвратимостью, и мы ещё не раз станем свидетелями и участниками её проявлений.

Литература

1. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии / С. А. Азимджанова. – М. : Наука, 1977. – 166 с.
2. Александров Г. Ф. Очерк истории социальных идей в Древней Индии / Г. Ф. Александров. – Минск : Изд-во АН БССР, 1959. – 301 с.
3. Бабур-наме. Записки Бабура / под ред. С. А. Азимджановой. – Ташкент : Изд-во Академии наук Узбекской ССР, 1958. – 529 с.
4. Кей Д. История Индии / Д. Кей. – М. : АСТ, 2011. – 761 с.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
6. Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии / Е. Н. Успенская. – СПб. : Евразия, 2000. – 384 с.

© Сулимов С. И., Черных В. Д., 2020

Ж.С. Сыздыкова,

док. ист. наук, проф., зав.кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

ОБРАЗ А. НАВОИ И Х. БАЙКАРА ПО «БАБУР-НАМЕ»

«Бабур был одним из самых культурных
и обаятельных людей, какие только существовали».
Джавахарлал Неру

Среди тех трудов, которые были написаны в эпоху средних веков на Востоке, имеются различные по значимости и ценности литературные произведения. И в качестве исторического источника они имеют различную степень достоверности, а также отличаются уровнем и объемом изложенного в них фактического материала. Имеются важнейшие исторические сведения в ряде произведений и среди них можно выделить: «Собрание избранных» - «Мажолисун-нафоис», «История иранских царей» - «Тарихи мулуки ажам» самого Алишера Навои, «Рисаля» Хусейна Байкары, а также в трудах Мирхонда, Джами, Самарканди и другие.

Среди выдающихся произведений, которые олицетворяют эпоху и передают дух времени можно назвать такой литературный памятник как «Бабур-наме», автором которого является Бабур (1483-1530 гг.). В произведении Захир ад-дина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» имеется немалое количество интереснейших сюжетов, которые посвящены его эпохе и тем личностям с кем Бабур встречался, то есть его современникам. Круг людей, образы которых запечатлел Бабур является большим и отличается разнообразием. Можно найти строки, описывающие эмира, султана, визиря, бека и даже о тех, кто, не являясь настоящим суфием, а пытается выдать себя за такого. Особое внимание Бабур уделяет особо талантливым личностям своего времени. Безусловно, одним из самых выдающихся государственных деятелей этого времени были такие личности как поэт, мыслитель Алишер Навои и султан Хусейн Байкара, которые знали друг друга, по словам Бабура, еще с самого детства.

«Бабур-наме» повествует об эпохе XV века. Бабур оставил историю своей эпохи, изложив ее объективно, лаконично и образно, которое и сегодня наш современник, читая данный труд с большим интересом ознакомиться событиями, имевших место в истории несколько столетий тому назад. Как отмечает С. Махун «… в жанре мемуаров исламские страны в Средневековье и Новом времени не подарили миру равного по мастерству и глубине мысли произведения» [2]. Мы остановимся на взаимоотношениях, выдающихся личности XУ века Алишера Навои и Хусейна Байкары. Среди тех, о ком повествует Бабур в своей книге особое место отводится личности Алишера Навои. Описывая личность А. Навои Бабур сумел представить его не только как поэта, а раскрыл его многогранную и творческую личность, который обладал

незаурядными талантами. Творческое наследие Алишера Навои велико и безгранично, его стихи, изданные только на русском языке, составляют более десяти томов.

Как известно, Алишер Навои воспитывался на территории Герата, где в основном был распространен персидский язык, поэт, конечно, писал и на этом языке. Бабур все же особо отмечает что, Навои создавал свои стихи и другие произведения именно на тюркском языке. «С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо» [1, 179]. Стоит отметить и тот факт, что и сам Бабур владел несколькими языками, кроме тюркского еще персидским и урду.

В «Бабур-наме» образ Алишера Навои представлен широко и масштабно, то есть мы видим не только образ поэта, а многогранную и сложную личность, которой были присущи обычные человеческие качества, как и положительные, так и отрицательные. Представляется, что оценки Бабура в большей степени имеют объективный характер. По мнению Бабура Алишер отличался щепетильностью - «щекотливостью нрава», и это качество «было у него природным», а не «от обольщения властью, как думали другие» [1, 124].

И в силу свойства такого характера, по мнению Бабура, Навои болезненно реагировал на шутки, направленные в его адрес. В частности, в «Бабур-наме» приводятся данные о поэте Беннаи (1453-1512 гг.), который по своей натуре был склонен к «шуткам и насмешкам» и «часто возражал Алишер-беку» [1,187].

По мнению Бабура Алишер Навои был человеком сентиментальным обладал «чувствительностью сердца» и об этом свидетельствует такой момент из «Бабур-наме»: «Однажды между Алишер-беком и Мирзой произошел разговор, который служит подтверждением остроты ума Мирзы и чувствительность сердца Алишер-бека. Алишер-бек сказал Мирзе на ухо много тайных слов и добавил: «Забудьте, эти слова». Мирза тотчас же спросил: «Какие слова?» Алишер-бек, сильно тронутый, долго плакал» [1, 66].

А. Навои как человек разносторонний, творческого склада ума, обладал большой изобретательностью и об этом Бабур пишет: «Алишер-бек придумывал много разных вещей и хорошие вещи придумывал. Всякий, кто изобретал что-нибудь новое в своем деле, чтобы обеспечить успех этой вещи, называл ее «алишери» [1, 187-188].

В период своего правления султан с 1469 по 1506 гг. Хусейн Байкара способствовал развитию научных изысканий, многое сделал для развития культуры в Хоросанском регионе, конечно, уделял большое внимание развитию и благоустройству столицы-города Герата. И всему этому в немалой степени способствовал его друг и соратник Алишер Навои. Когда султан Хусейн-Мирза становится правителем Хорасана Алишер Навои приезжает к нему. И как пишет Бабур и встретил он там «весьма великое благоволение» [1, 46].

И это было не случайно, в «детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость» [1, 177-179] и поэтому Навои был султану «товарищем». Как отмечает Мирза Хайдар Дулати «Алишер с малолетства был дружен с мирзой султан Хусейном [3].

Хусейн Байкара и сам сочинял стихи, под псевдонимом «Хусейни» которые со временем были собраны единый диван, а также написал трактат, который посвятил своему другу и соратнику А. Навои. Бабур подчеркивает: «Стихи он тоже хорошо сочинял, пользуясь таллахусом». «Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич» [1, 59-60].

Следует отметить тот факт, что при правлении султана Хусейна большое внимание отводилось науке, искусству и литературе. В разных уголках государства были возведены архитектурные сооружения и среди них такие медресе как «Даштаки» в городе Ширазе, «Бадия» в городе Балхе, мечети в Мешхеде и Герате и мн. др. «Время Султан Хусейн мирзы –удивительное время. Хорасан и в особенности город Герат, были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства» [1, 132].

Алишер Навои поддержал инициативу султана Хусейна 1490 году о том, чтобы направить послов в Москву для установления дипломатических отношений. Навои всегда поддерживали дружественные и дипломатические отношении между различными странами, народами и государствами. Необходимо так же отметить, что во времена правления султана Хусейна Байкары не было ни одной стычки, войн в международном плане. Международное положение в Хорасане при правлении султана Хусейна оставалось устойчивым.

Как подчеркнул известный российский востоковед Т.И. Султанов: «Бабур-наме» является гордостью тюркской прозаической литературы и заслуженно считается жемчужиной в сокровищнице мусульманской культуры» [5, 95].

Литература

1. Бабур-наме (Записки Бабура) // сост. С. Азимджанова; отв. Ред. М. Хайруллаев; пер.М. Салье –Ташкент.1982.
2. Записки Бабура (Казан, 1857) & Захир-ад-дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме и Захиреддин Бабур: клинок и перо «Тигра» [Электронный ресурс] - URL: https://mytashkent.uz/2019/02/14/zapiski-babura/
3. Мирза Мухаммад Хайдар Дулати «Тарих-и Рашиди» [Электронный ресурс] - Книга. 2 гл.9. 1996. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tarich_Rashidi/frametext22.htm
4. Султанов Т.И. Обстоятельства и время написания «Бабур-наме». /Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., «Наука», 1992.
5. Сыздыкова Ж.С. Поэт Алишер Навои и султан Хусейн Байкара: феномен дружбы выдающихся личностей Востока. М., изд-во МБА, 2016. С.344-355. \ Материалы Дмитриевских чтений (2014-2015 гг.)

© Сыздыкова Ж.С., 2020

С. Ш. Таджиддинова,
редактор журнала «Бабур и мир», г. Ташкент (Узбекистан)

ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА

«Бабур-наме» во все времена сохранит своё положение как неповторимый источник исследования своего богатого стиля, достоверных исторических и научных сведений. Ценность произведения повышает то, что автор при помощи средств слова создаёт, завершённые портреты и характеры исторических личностей и своих современников.

Мирза Бабур пишет о художнике Камаледдине Бехзаде так: «Он сделал дело живописца очень изящным. Изображает шею длинной. Мужчин с бородами делает красивыми».

Конечно, автор не сомневается в мастерстве художника, считающегося во все времена наставником художников. Однако его не удовлетворяет создание облика человека, его портрета. По мнению Бабура, портреты, созданные Камаледдином Бехзадом, не очень совершенны. Когда говорится «безбородое племя», имеются в виду недостатки в облике женщин, так как живописец рисует шею женщины удлинённо. В то же время Бабур высказывает мысль, что мужчин он делает очень красивыми.

Если мы будем учитывать то, что в «Бабур-наме» говорится «правда в этом написана», как шах и поэт Бабур писал, что повелевало сердце, что он пережил и взвесил на весах справедливости и истины. Критические высказывания автора в произведении о самом талантливом художнике той эпохи показывают, что он был осведомлён в изобразительном искусстве. Читая «Бабур-наме», мы часто убеждаемся в том, что наш предок действительно имел утончённый вкус, художественное видение и острое чувство прекрасного. Это явно бросается на глаза при описании природы и её даров, очертании людей. Бабур при помощи слова так рисует портрет человека, которого он видел сам, что невольно перед вашим взором встаёт облик той исторической личности.

В каждом произведении, когда приводится изображение человека или природы, автор несомненно обращается к элементам жанра портрета. Несомненно, с мастерством творца связано то, в какой степени изображена тема или личность, которые описываются писателем. Произведение будет неполным, не зависимо от его жанра, если в нём не будет описания портрета. В Узбекской национальной энциклопедии по этому поводу дано ещё более полное разъяснение: «Характер портрета связан с особенностями творческого метода писателя и индивидуальностью его стиля. Портрет существует с давних времён. В качестве средства изображения совершенствуется и меняется. В устном народном творчестве, в виду того, что человек не изображён в качестве индивидуальной личности, его портрет в большинстве случаев имеет тоже абстрактный, обобщенный характер… В древней литературе Запада и Востока портрет в большинстве случаев тоже имел абстрактный, традиционный характер. К примеру, в газелях внешний облик любимой сравнивался с луной, солнцем,

звездой, днём и ночью. Писатели-реалисты подробно описывают внешний вид, в нём точно отражаются изменения, связанные с эпохой и образом жизни» [3, 152].

Если дословно перевести, «портрет» – это слово, взятое из французского «portrait» и означает «изображение». В «Толковом словаре узбекского языка» этому слову дано следующее определение: 1. Образ, одного или нескольких людей, существующих в реальной жизни в воображении художника или снимок сделанный фотографом. 2. Описание, изображение облика персонажа в литературном произведении [4, 157].

В Узбекской национальной энциклопедии мы встретились с мыслью, что в древней литературе Запада и Востока портрет в большинстве случаев имел абстрактный, общий характер. Ещё было сказано, что точные, яркие портреты были созданы писателями реалистами, и в качестве примера приводятся Абдулла Кадыри, Айбек. Эти мысли призывают нас к одностороннему выводу, который говорит, что портрет пришёл в нашу литературу в двадцатом веке. Однако в нашей классической литературе во многих произведениях тоже широко использовался портрет. В частности, никто, как в своё время Захириддин Мухаммад Бабур, не создал посредством слова внешний облик, характер исторических личностей. Значит, будет правильным, если мы вспомним имя Хазрата Бабура, как одного из основателей жанра реалистического портрета в узбекской литературе. По мнению японского академика Эйжи Мано, если сравнить описания придворных историков с описаниями Бабура внешнего вида, характера правителей и эмиров, то они бесподобны. В других исторических произведениях таких изображений мы не найдём [2, 23].

Когда речь идёт о портретах, созданных Бабуром, то, в первую очередь, в нашем воображении встаёт образ Умар шейха Мирзы. На самом деле, для каждого ребёнка нет величественнее человека, чем его родитель. Однако, когда автор создаёт своё произведение, он, оставаясь верным своим принципам, пишет правдиво даже тогда, когда описывает портрет и характер своего отца: «Умар Шейх был небольшого роста, тучный, с круглой бородой, белолицый. Халат он носил очень узкий, и когда, стягивая пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались. В одежде и пище он был неприхотлив; чалму обвёртывал ему особый слуга; в то время все обвёртывали чалму четыре раза; её наматывали без складок, опуская концы вниз. Летом везде, кроме дивана, он большей частью ходил в монгольской шапке» [1, 33].

Мы можем видеть, что автор создал сразу два портрета своего отца Умар шейха Мирзы. Первый – шах, который занимается в диване государственными делами: человек, который по обычаю того времени обматывает чалму четыре раза, опускает их концы вниз, «маленького роста, с круглой бородой, белолицый». Второй – образ его отца летом вдали от государственных дел, в повседневной жизни: «Летом везде, кроме дивана, он большей частью ходил в монгольской шапке».

Писатель в создании портрета не оставил в стороне без внимания духовно-моральные факторы: «У него было много щедрости. Его поведение

соответствовало его щедрости, был человеком приятного характера и красноречивый, доблестный и смелый».

Вот такие штрихи характера в «Бабур-наме» помогают читателю вообразить законченный облик человека. Читая описания людей, данных Бабуром, мы убеждаемся в том, что он в детстве был ребёнком смышленым, был очень внимательным к окружающим и обладал сильной памятью. Этому свидетельствует и то, что юноша, потерявший в двенадцать лет отца, по памяти точно описал внешний облик Умар шейха Мирзы и мельчайшие детали его внутреннего духовного мира.

В произведении интересно описание, данное Султану Хусейну: «Он был человек с раскосыми глазами, коренастый, сложённый, как лев, ниже пояса он был тонкий. Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, но всё же одевался в одежды красного и зелёного шёлка и носил чёрную мерлушковую шапку или колпак. Иногда, в праздник, он ходил на молитву в маленьком плоском тюрбане, дурно намотанном на три оборота с воткнутым в него пером цапли» [1, 172].

От этого изображения перед нашими глазами невольно воссоздаётся портрет Хусейна Байкары: «Широкогрудый, с раскосыми глазами, белобородый, хотя был преклонного возраста, одет в царскую одежду ярко красного или зелёного цвета, на голове головной убор бурк из шкуры ягнёнка». Впрочем, здесь ещё есть дугой праздничный портрет Хусейна Байкары. Хазрат Бабур описывает, как он во время праздников Хайит байрам «надевал чалму, обвёрнутую три раза с воткнутым пером цапли».

После появления в воображении у читателя определённого образа, автор начинает знакомить его поближе с внутренним миром героя: «Это был говорун и весельчак, нрав у него был немного несдержанный и речи его такие же, как нрав. В некоторых своих поступках он очень тщательно соблюдал закон. Как-то раз его сын убил человека, и он отдал его кровным родичам убитого и послал в судилище» [1, 173].

Хазрат Бабур хорошо знал, что внешний вид человека не выражает его внутренний мир, и для того, чтобы читатель тоже почувствовал это, он с мастерством использовал различие внешнего и внутреннего мира. В частности, среди сведений о сыновьях Султана Хусейна есть такое повествование: «Другой сын был Шах Гариб Мирза, он был горбун. Хотя он был дурно сложен, но способности его были хороши, хотя тело его было бессильно, но речи его были приятны. Он взял себе тахаллус Гариби» [1, 174]. Эти строки показывают, что Бабур был творцом, прозорливо видавший красоту внутреннего мира человека. Он напоминает, что внешний вид человека обманчив и первостепенное значение имеет его внутренний мир.

Эйжи Мано, почётный профессор Токийского университета Киото Японии, сделал своеобразное, свойственное ему заключение о портретах и характерах, созданных шахом и поэтом. В его представлении, Бабур изображает внешний вид военного человека, его одежду, характер и привычки, описывает страны, их климат, природу, хозяйство, образцы искусства и кустарного

промысла. Однако яркий характер автора придаёт произведению самую большую привлекательность.

Способность Хазрата Бабура одинаково видеть обе стороны достойна восхищения. Давая сведения о ком-либо, считая свойства этой личности, он не забывает также и его недостатки. Даже в изображении своих врагов, считая их недостатки, он отмечает хотя бы их «натуру поэта».

Мирза Бабур в «Бабур-наме» наряду с мастерским изображением своеобразных черт облика и характера Султана Ахмада Мирзы, Султана Хусейна Мирзы, беков и эмиров, посредством своих слов рисует картины природы, общественно-политической жизни.

В классической литературе осень – символ старости, мудрости, конца жизни. А для Мирзы Бабура это праздник красоты. Ни один художник не сможет прийти в восторг от осенней прелести дерева яблони, как он; он также говорит, что никто не сможет нарисовать его так, как он: «Я в своих мыслях подумал, оставив в неведении народ, собравшийся один, доберусь то Истарагач. Народ был осведомлён, это не осуществилось. Сообщив Турдибеку и Шахзоду, мы трое собрались и отправились в Истаргач. Яблоки одного дерева созрели хорошо, на каждой ветке осталось по пять-шесть листьев, да таких, что, если живописцы будут рисовать с усердием, не смогут так их изобразить».

Однако в «Бабур-наме» не создано ни одного портрета женщины. В некоторых местах коротко раскрыты некоторые свойства их характера, но законченных образов женщин не существует. Этого, по всей видимости, не допустил свойственный Мирза Бабуру наш национальный менталитет ревности к женщинам семьи, честь и совесть, его религиозное воспитание. Он только в одном месте говорит: «Среди женщин в мыслях и делах бывает мало, как моя великая мать Эсан Давлатбегим. Она была очень мудрой и предприимчивой. Многие дела осуществлялись с её совета».

Во время чтения произведения мы познаём многие свойства характера Мирзы Бабура. Мы убеждаемся в том, что он был чрезмерно правдивым человеком, не делал из себя ангела перед чистым листом бумаги, прямо писал о своих грехах и добрых делах. Бабур перед нашими глазами олицетворяется как биолог, считающий виды и цвета цветов, как полководец, дающий урок по военному искусству, как литературовед, призывающий уважать слово и стих, как исцелитель, высказывающий своё мнение о путях диагностики и лечения болезней, как любящий и строгий отец, заботливый родственник, задушевный собеседник.

Литература:

1. Бабур З. М.. Бабур-наме. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1989.
2. Мано Э. Истинные образы исторических личностей : вечный Бабур. – Т. : Баёз, 2018.
3. Национальная энциклопедия Узбекистана. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 2004.

4. Толковый словарь узбекского языка – Т. : Главная редакция энциклопедий, 2006.

© **Таджиддинова С. Ш.**, 2020

З. К. Тешабаева,
к. филос. н, УзГУМЯ. г. Ташкент (Узбекистан)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «СЛОВО» В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «БАБУР-НАМЕ»

Главная задача настоящего времени – прославить бесценное наследие наших предков, ученых и мыслителей, которые работали в области науки и культуры, для решения долгосрочных культурных и образовательных задач, требуемых национальной независимостью. У нации, которая не знает и не помнит своей истории, нет будущего. Этот факт оправдал себя не один раз в истории человечества.

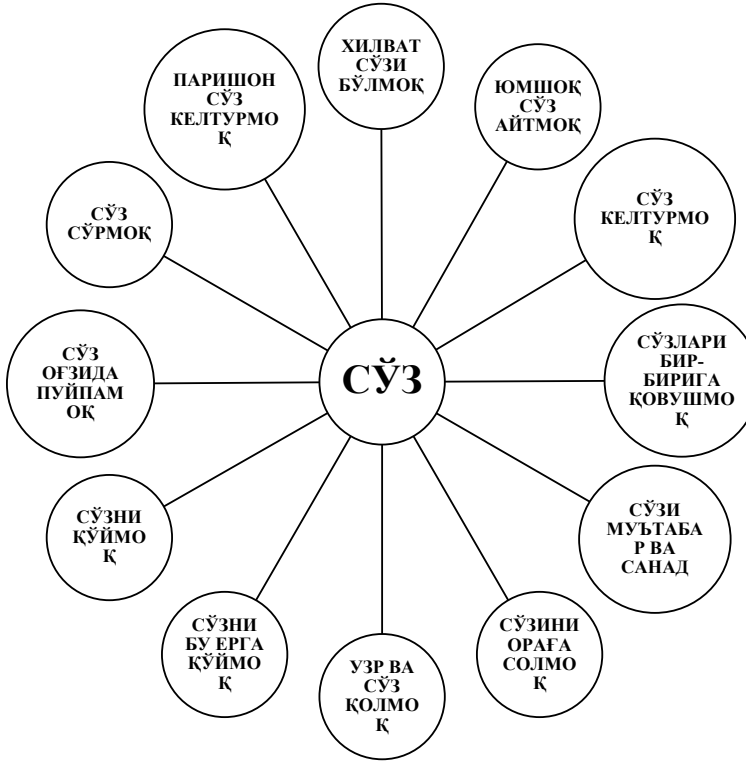
Произведение «Бабур-наме» внесло неоценимый вклад в развитие мировой литературы, изучалось на протяжении веков, имеет ряд переводов на языки мира и наполнено фактической информацией, которая изучалась в исторической, литературной, политической, социальной и военной областях.

В последние годы участились научные исследования по изучению переводов произведения и эквивалентных данных на английский язык. Проведенный анализ доказывает, что «Бабур-наме» следует подвернуть тщательному исследованию, так как произведение изучено недостаточно. Созданы следующие словари по результатам изучения произведения: Паве Де Куртейл «Словарь восточно-тюркского языка», Х. Назарова «Краткий словарь произведений Захириддина Мухаммада Бабура», А. Иброхимов «Индийские слова в “Бабур-наме”», М. Олимов «Синонимы, использованные в “Бабур-наме”», Ф. Исхаков «Краткий толковый словарь к произведению “Бабур-наме”», З. Тешабоева «Словарь английских переводов фразеологических единиц и паремий произведения “Бабур-наме”». Проведенные исследования и созданные словари доказывают необходимость создания тематического, а также текстового словаря лексических и фразеологических единиц по произведению.

Произведение Захириддина Мухаммада Бабура «Бабур-наме» имеет четыре варианта переводов на персидский язык, шесть вариантов английского перевода, четыре варианта русского, немецкого, французского и турецкого переводов, три варианта перевода на урду, голландский, итальянский, польский, индийский, испанский, казахский, азербайджанский, арабский и уйгурский языки, общее количество переводов выполнено более чем на тридцати языках [9, 78]. Многократные переводы, сделанные на английский язык, подтверждают уникальность произведения. Автор в своем произведении образно описывает характер, профессии и духовность исторических личностей. Следовательно, наша статья посвящена сравнительному анализу концепта «слово» в английском переводе произведения «Бабур-наме». Также следует упомянуть, что данное произведение может быть также изучено в русле других концептов. Тщательный

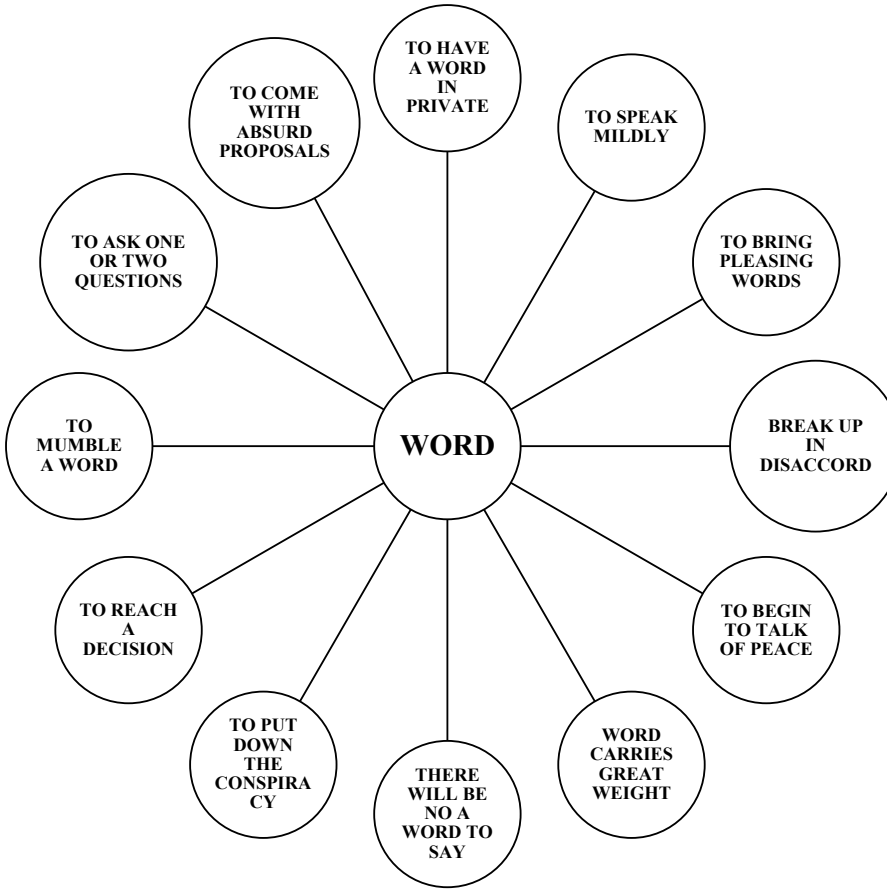
подбор лексических единиц в произведении делают его читабельным, где справедливо отображаются ментальные образы.

Изучая концепт «слово» в произведении «Бабур-наме», мы сталкиваемся с такими узбекскими фразеологическими единицами, созданными в причину

обиходной жизни и разнообразных событий, как: *хилват сўзи бўлмоқ, юмшоқ сўз айтмоқ, сўз келтурмоқ, сўзлари бир-бирига қовушмоқ, сўзини ораға солмоқ, сўзи муътабар ва санад, узр ва сўз қолмоқ, сўзни бу ерга қўймоқ, сўзни қўймоқ, сўз оғзида пуйпамоқ, сўз сўрмоқ, паришон сўз келтурмоқ.* В целях целесообразного объяснения концепта «слово» мы предлагаем следующую диаграмму:

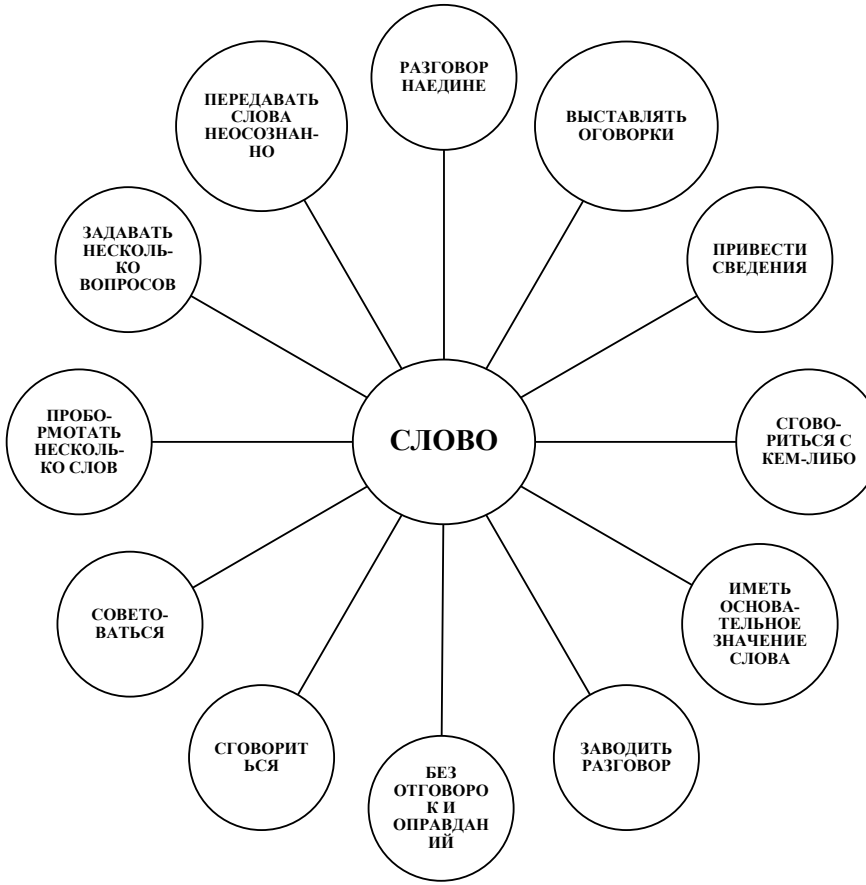
Примеры, приведенные в диаграмме, являются фразеологизмами, используемыми в «Бабур-наме». Но сталкиваясь с переводами данных выражений в английском и русском языках, проясняется, что выражения одного языка теряют своё значение фразеологизации при переводе на другой язык. Обращаем внимание к следующей диаграмме:

Первоначальные значения фразеологизмов передаются на английский язык следующим образом: *хилват сўзи бўлмоқ* – to have a word in private, *юмшоқ сўз айтмоқ* – to speak mildly, *сўз келтурмоқ* - to bring pleasing words, *сўзлари бир-бирига қовушмоқ* – to break up in disaccord, сўзи муътабар ва санад – (his) word carries great weight, *сўзини орага солмоқ* – to begin to talk of peace, *узр ва сўз қолмоқ* – there will be no a word to say, *сўзни бу ерга қўймоқ* – to put down (the) conspiracy, *сўзни қўймоқ* – to reach a decision, *сўз оғзида пуйпамоқ* – to mumble a word, *сўз сўрмоқ* – to ask one or two questions, *паришон сўз келтурмоқ* – to come with absurd proposals.

Эти же выражения передаются на русский язык следующим образом: *хилват сўзи бўлмоқ* – разговор наедине, *юмшоқ сўз айтмоқ* – выставлять оговорки, *сўз келтурмоқ* – привести сведения, *сўзлари бир-бирига қовушмоқ* – сговориться с кем либо, *сўзи муътабар ва санад* – иметь значение слова и считать

основательным, *сўзини ораға солмоқ* – заводить разговор, *узр ва сўз қолмоқ* – не оставлять никаких оправданий и отговорок, *сўзни бу ерга қўймоқ* - сговориться, *сўзни қўймоқ* – советоваться, *сўз оғзида пуйламоқ* – пробормотать пару слов, *сўз сўрмоқ* – задавать вопросы, *паришон сўз келтурмоқ* – передавать слова

неосознанно.

Переводы показывают, что фразеологизмы оригинала более четко отражаются на русском языке по сравнению с английским:

Фразеологизмы оригинала	**Русские переводы**	**Английские переводы**

хилват сўзи бўлмоқ	разговор наедине	to have a word in private
юмшоқ сўз айтмоқ	выставлять оговорки	to speak mildly
сўз келтурмоқ	Приводить сведения	to bring pleasing words
сўзлари бир-бирига қовушмоқ	сговориться с кем либо	break up in disaccord
сўзи муътабар ва санад	иметь основательное значение слова	(his) word carries great weight
сўзини ораға солмоқ	заводить разговоры	to begin to talk of peace
узр ва сўз қолмоқ	без отговорок и оправданий	there will be no a word to say
сўзни бу ерга қўймоқ	заводить разговоры	to put down the conspiracy
сўзни қўймоқ	советоваться	to reach a decision
сўз оғзида пуйпамоқ	пробормотать несколько слов	to mumble a word
сўз сўрмоқ	задать несколько вопросов	to ask one or two questions
паришон сўз келтурмоқ	передавать слова неосознанно	to come with absurd proposals

Отсюда следует, что перевод фразеологических единиц оригинала не передаются на другой язык идентично, т. е. теми же фразеологическими единицами. Примеры, приведенные в таблице, отобраны из произведения и применены в следующем контексте. *Сенинг ҳаққингда ёмон бордиммуким, тўшунг била белингга икки қилич боғлаб, черик тортиб, бизнинг вилоятларнинг устига келиб мундоқ шўр ва фитна солурсен Қари мабҳут мардак бир-икки* ***сўз***

оғзида-ўқ пуйпади *сўзлай олмади, муқобалада ҳам демай мундоқ мускат мускат сўзларга не дея ҳам олғай эди* [8, 188].

В примере выделен фразеологизм ***сўз оғзида-ўқ пуйпади,*** который передается на другие языки посредством философского значения, а также подвергается описаельному и дословному переводу. Рассмотрим русский вариант произведения «Бабур-наме»: *Разве я поступил с тобой дурно, что ты повесил на грудь и на пояс два меча, повел войска на наши земли и поднял там смуту и мятеж? Этот ошалевший старик невнятно* ***пробормотал несколько слов****, но не мог ничего возразить; да и где ему было ответить на такие убедительные слова* [5, 154].

В приведенном примере выражение *сўз оғзида пуйпамоқ* переводится на русский язык как *пробормотать несколько слов* и передается на английский язык посредством описательного перевода с целью выявления семантического значения. Отсюда следует, что фразеологическая единица, использованная в произведении, не всегда передается на другой язык именно той же единицей, а напротив, может передаваться словосочетаниями.

Произведение «Бабур-наме» перевели на один из мировых языков исследователи Джон Лейден и Уильям Эрскин (1826), Аннетта Сусанна Беверидж (1921) и Уильер Текстон (1996). Узбекскими учеными успешно использованы данные три типа английских переводов в сравнительном анализе английских переводов произведения и изучении его художественных особенностей, т. к. эти переводы были приняты адекватными среди нескольких вариантов английского перевода. В данной работе мы также проводим сравнительный анализ фразеологических единиц в ракурсе трех вариантов перевода на английский язык.

Нами рассматриваются фразеологические единицы следующего контекста из переводов, выполненных Джоном Лейденом и Уильямом Эрскином: *Сенинг ҳаққингда ёмон бордиммуким, тўшунг била белингга икки қилич боғлаб, черик тортиб, бизнинг вилоятларнинг устига келиб мундоқ шўр ва фитна солурсен Қари мабҳут мардак бир-икки* ***сўз оғзида-ўқ пуйпади*** *сўзлай олмади, муқобалада ҳам демай мундоқ мускат мускат сўзларга не дея ҳам олғай эди.*

Переводы Джона Лейдена и Уильяма Эрскина: «“What evil have I ever done you, that you should come in this style against me, with these two swords by your side: and, attended by an army, stir up tumult and confusion in my territories?” The man being stupefied, **stammered out a few words**, not at all to the purpose; and, indeed, what could he say in answer to such confounding truths?» [2, 298] – «“Что я сделал тебе такого, что ты вооружился против меня своими мечами, возглавляя всю свою армию, и вызвал беду на земле?” Человек **пробормотал несколько слов**, не осознавая, что ответить на такой спонтанно неожиданный вопрос?»

Переводы Аннеты Сусанны Беверидж: «“What ill sayest I have done thee, that thus thou shouldst hang a sword on thy either side, lead an army out, fall on lands of ours, and stir strife and trouble?” Dumbfounded, the old man **shattered a few words**, but he gave no answer, nor indeed could answer be given to words so silencing» [1, 460]. – «“Что за глупость я совершил, что ты, вооружившись до плеч, сделал

наступление на наши земли со своими войсками и вызвал беспорядок и беспокойство?" Старик **хмыкнул зубами и крякнул несколько слов невнятно**, что не дало ни ответа ни привета».

Обратим внимание на пример оригинала в переводе Уильера Текстона: «"Did I do you ill that you strapped two swords to your waist and led your army against our domains and caused such strife and turmoil?" The confused old man **mumbled a word or two** in the back of his throat but said nothing in response. What could he say to such unanswerable words?» [3, 317]. – «"Что я тебе сделал плохого, что ты, вооружившись двумя мечами, врываешься в наши земли со своими войсками и поднимаешь шум?" Смущенный старик **пробормотал несколько слов**, но не смог ответить внятно. Что бы он мог ответить на такой безответный вопрос».

Проведенный анализ показывает, что ученые старались максимально сохранить фразеологическое значение оригинала ***"сўз оғзида-ўқ пуйпамоқ".***

Данное выражение передается следующими вариантами:

Джон Лейден и Уильям Эрскин переводят как *stammered out a few words – бир икки оғиз ғулдиради – пробормотал несколько слов;*

Аннета Сусанна Беверидж переводит как *shattered a few words – тишларини ғижирлатиб бир икки оғиз ғулдиради – хмыкнул зубами и крякнул несколько слов невнятно;*

Уильер Текстон переводит как *mumbled a word or two – бир икки сўз айтиб тўнғиллади, дудуқланди – пробормотал несколько слов.*

Известно, что фразеологическая единица при переводе из одного языка на другой не всегда сохраняет оригинальность. Данная утеря восполняется за счет лексических и стилистических средств языка. При этом следует проводить тщательный отбор языковых средств, для того чтобы изобразить политические и исторические события, портреты исторических фигур в тонких линиях и отразить значение фразеологизмов, использованных в процессе событий. Фразеологические единицы, используемые в «Бабур-наме», очень отличаются от тех, которые используются в других произведениях. В нем описываются события и явления, происходящие на поле битвы. Мы считаем, что этот процесс требует новых дальнейших исследований.

В заключении следует учесть, что перевод фразеологизмов, используемых в классической литературе, очень сложен и актуален. Учитывая тот факт, что произведение «Бабур-наме» неоднократно переводилось и переводится на мировые языки, необходимо создать тематический словарь из использованных в нем фразеологических единиц. Также немаловажен тот факт, что необходимость создания когнитивно-концептуального словаря фразеологизмов в «Бабур-наме» является актуальным вопросом. Создание многоязычного словаря по произведению «Бабур-наме» играет немаловажную роль в представлении недостаточно исследованных произведений узбекской классической литературы всему миру как часть зеркала культуры нации.

Сравнительный и когнитивно-концептуальный анализ произведения «Бабур-наме» и его английских переводов обеспечивает переводчику ощущение последовательности в значении и содержании, позволяет переводить сложные

фразеологические единицы, а также лексические и фразеологические выражения через призму национально-культурного характера. Это побуждает читателя и переводчика глубже понять и осознать суть оригинала. Серьезное изучение произведения ведет к новым исследованиям.

Литература

1. Бутаев Ш., Ирискулов А. English Uzbek – Uzbek English dictionary. – Т. : Fan, 2009. – 848 p.
2. Захириддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. – Т. : Шарк, 2008. – 242 с.
3. Захириддин Муҳаммад Бабур. Бобурнома. – Т. : Укитувчи, 2008. – 287 с.
4. Заҳириддин Муҳаммад Бабур. Бобурнома. – Т. : Шарк, 2002. – 335 с.
5. Иброхимов А. Бобурнома – буюк асар. – Т. : Гафур Гулом, 2000. – 78 с.
6. Назаров Киёмиддин. Философский кодированный словарь. – Т. : Шарк, 2004. – 496 с.
7. Beveridge, Anette Susannah. The Babur-nama in English : Emperor of Hindustan Babur. – London, 1921. – 880 p.
8. Leyden John. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber : Babur Emperor of Hindustan. – London, 1826. – 432 p.
9. Thackston Wh. M. The Baburnama : Memoirs of Babur, Prince and Emperor. – New York, 1996. – 554 p.

© **Тешабаева З. К.**, 2020

Г. Ж. Тешаева,
студентка БГУ, г. Бухара (Узбекистан)

АНАЛИЗ ГАЗЕЛИ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА «ГОРЯ ЛЮБОВЬЮ»

Захириддин Мухаммед Бабур – одна из самых ярких фигур в узбекской литературе. Даже по прошествии времени его творчество и лирическое наследие не утратило своей ценности, продолжает радовать любителей литературы, не теряя при этом своей неповторимости и художественной сложности. Бабур прожил часть своей жизни вдали от своей родины, являясь своего рода символом ностальгии по своей Родине, с болью в душе от разлуки с Родиной. Именно по этой причине главной тематикой лирики Бабура является чувство тоски по Родине. В следующей газели олицетворен образ влюбленного, тоскующего по Родине и от любви к своей возлюбленной.

Газель на узбекском языке:

Сенинг ишқингда, эй номеҳрибон ёр, бехонумон бўлдим,
Демон бехонумон, ивворайи икки жаҳон бўлдум.
Лабинг гар бермаса бўса нечук жон элта олғайман,
Бу йўлдаким, адам саҳросиғға эмди равон бўлдим.
Сўруб ул ой лабидин оғзининг рамзини англадим,
Бир оғиз сўз билан кўрунгки, мунча хурдадон бўлдим.
Нечаким қоши ёлар ишқида тузликни кўрсаттим,
Вале охир маломат ўқлариға-ўқ нишон бўлдим.
Кулар эрдим бурун Фарҳод мискин достониға,
Бу Шириндурки, онинг бирла-ўқ ҳамдостон бўлдим.
Висолинг давлатиға етмасам Бобур киби, не тонг,
Ки ҳажринг меҳнатида асир-у зор-у нотавон бўлдим.

Перевод газели на русский язык:

Горя любовью к тебе, о, жестокая возлюбленная, я стал скитальцем,
Бродягой стал, неприкаянным во всех мирах
Уста твои не поцелую никогда, зачем же жить мне,
Этот путь ведет меня в пустыню безвестности,
Попросив поцелуй луноликой, узрел я символ уст ее,
Одним словом, устами ее изреченным попал я в пучину страданий,
Как бы я не показывал порядочность по отношению к луноликим красавицам,
В конце концов сам стал жертвой упреков.
Прочитав дастан о бедном Фархаде, я смеялся над ним,
А сам из-за возлюбленной подобной Ширин стал товарищем Фархада по несчастью
Неудивительно, если как Бабур не увижу лика своей возлюбленной,
Потому что в любви к тебе превратился я в пленника, бродягу и нищего.

Газель состоит из шести бейтов. С точки зрения темы и идейного направления входит в категорию лирических газелей. Потому что в газели описывается любовь влюбленного к своей возлюбленной, раскрывается тема любви.

Рифма: а-а, б-а, в-а, г-а, д-а, е-а, ё-а. По рифме является простой газелью, рифмы в бейтах следующие: *бехонумон, жаҳон, равон, хурдадон, нишон, ҳамдостон, нотавон.*

По структуре настоящая газель является *«якпора»*. Это связано с тем, что смысловое содержимое каждого байта последовательно связано с предыдущим и следующим бейтом. Тема, начатая в «мэтлэ» продолжена вплоть до «мэктэ». В первой строке «мэктэ» называется поэтической имя («тахаллус») «Бабура».

Газель написана в стиле *хазажи мусаммани солим* (мафоилун мафоилун мафоилун мафоилун). Тактэ: V---/V---/V---/V---/

Слова со сложным значением:

1. Бехонумон – бездомный, скиталец, нищий, бродяга.
2. Адам бўлмоқ – исчезнуть, испариться.
3. Хурдадон – сообразительный, острый ум.
4. Тузлук – порядочность, целомудренность.
5. Мискин – бедный, смиренный.
6. Нотавон – бессильный, бедный.
7. Маломат – упрекать.

Бейт 1:

«Горя любовью к тебе, о, жестокая возлюбленная, я стал скитальцем,
Бродягой стал, неприкаянным во всех мирах».

Изложение в прозе: «Эй, жестокая возлюбленная, я превратился в бедняка из-за любви к тебе, ты не пожалела меня и вот я скитаюсь по всем мирам».

В настоящем бейте лирический герой, то есть влюбленный, рассказывает о своем состоянии посредством обращения к возлюбленной. Фраза «жестокая возлюбленная» свидетельствует о том, что возлюбленная не благосклонна к влюбленному. По этой причине состояние влюбленного тяжелое: он в порыве страсти к возлюбленной лишился всего, что у него было, более того, стал скитальцем. В большинстве газелей Бабура в образе возлюбленной предстает Родина. В частности, в настоящей газели мы видим страдания и боль человека, разлученного со своей Родиной. В этом бейте поет показал прекрасные «нидо», «таносуб», «тадридж», что послужило усилению художественности бейта.

Бейт 2:

«Уста твои не поцелую никогда, зачем же жить мне,
Этот путь ведет меня в пустыню безвестности».

Изложение в прозе: «Если я не могу поцеловать твои губы, как мне жить дальше?! Поэтому направляюсь в пустыню безвестности».

Переживания лирического героя усиливаются по мере перехода от бейта к бейту. Разлука с возлюбленной, разлука Бабура с Родиной настолько тяжела, что вдали от объекта своего воздыхания он задыхается, ему тяжело дышать. «Адам сахроси» («Пустыня безвестности») обозначает исчезновение, скитание.

Бейт 3:

«Попросив поцелуй луноликой, узрел я символ уст ее,

Одним словом, устами ее изреченным попал я в пучину страданий».

Изложение в прозе: В этом бейте воплощен образ влюбленного, постигшего свою любовь. Потому что, слово «сўруб», как и слово «попросив», означает «попросить», олицетворяя собой искусство «ийҳом». Кроме этого, у этого бейта имеется также и мистическое значение. В частности, в мистике уста означают тайны Аллаха, его слово, а поцелуй означает божественное знание. Это такое знание, что одним словом человек приобретает острый ум и сообразительность. Слово «символ», использованное в бейте, также намекает на это состояние.

Бейт 4:

«Как бы я не показывал порядочность по отношению к луноликим красавицам,

В конце концов сам стал жертвой упреков».

Изложение в прозе: В целом, в данном бейте изложено настроение влюбленного, на долю которого выпало немало страданий на пути любви. Однако, исходя из общего смысла газели, если принимать во внимание, что образ возлюбленной воплощает в себе образ Родины, мы становимся свидетелями совершенно иной картины. Если бросить взгляд на деятельность Бабура, мы станем свидетелями того, что всю свою жизнь он боролся за мир и благополучие своего народа. Доказательством нашей мысли является политика, проводимая Бабуром в Мавераннахре и Индии. Однако, каким бы справедливым и любящим свой народ он ни был, он страдает от рук вероломных друзей. Такое настроение преобладает в данном бейте.

Бейт 5:

«Прочитав дастан о бедном Фархаде, я смеялся над ним,

А сам из-за возлюбленной, подобной Ширин, стал товарищем Фархада по несчастью».

Изложение в прозе: Фархад в классической литературе является олицетворением совершенного человека, пострадавшего из-за любви, и несчастного влюбленного, не воссоединившегося со своей любовью. Бабур не зря сравнил себя с Фархадом посредством искусства «талмеҳ». Потому что Фархад из-за любви к своей возлюбленной покинул Родину, на которой родился и вырос, в конце концов умирает на чужбине, вдали от своей Родины. Фархад тоже был принцем, однако, выражаясь его собственным языком, «в любви все равны, и принц и нищей». Он преодолел много препятствий на пути достижения Ширин. Бабур Мирзо тоже приложил немало усилий, чтобы освободить свою Родину от рук шейбанидов, участвует во многих сражениях и столкновениях. К сожалению, судьбой ему была предначертана разлука с Родиной. По этой причине Бабур в бейте «Фарҳод билан ҳамдостон бўлдим» («стал товарищем Фархада по несчастью»), то есть выражает мысль, что его постигла судьба, схожая с судьбой Фархада.

Бейт 6:

«Неудивительно, если как Бабур не увижу лика своей возлюбленной,
Потому что в любви к тебе превратился я в пленника, бродягу и нищего».

Изложение в прозе: В «мекте» состояние влюбленного достигло своего апогея. Он подчеркивает, насколько сильны его страдания на пути к любви. Лирический герой говорит, что, если не увидит лика свое возлюбленной, как и Бабур, не удивляйся этому, потому что в любви к тебе я превратился в несчастное существо. Страдания влюбленного возрастают.

В заключении можно сказать, что настоящая газель Бабура своей непритязательной лирикой, описанием грустных чувств, божественно-духовным значением затрагивает душу и сознание читателя и олицетворяет образ Бабура. В газели любовные переживания, являющиеся извечной темой в классической литературе, сплетаются с любовью к Родине и патриотическими чувствами. Эта особенность свидетельствует о великом таланте Бабура.

Литература

1. Азимджанова С. Захириддин Мухаммед Бабур. – Т., 1995.
2. Бабур З. М. Диван. – Т., 1994.
3. Комилов Н. Тасаввуф. – Т. : Мовароуннахр, 2010.

© **Тешаева Г. Ж.**, 2020

Д. М. Тимохин,

к. и. н., ст. н. с. Института востоковедения РАН, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ДЕРЖАВЕ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ НА ПРИМЕРЕ «ТАРИХ-И АЛФИ». (Тезисы доклада)

Эпоха правления в Индии династии Великих Моголов ознаменована формированием целого значимых исторических сочинений, среди которых в меньшей степени известен исследователям источник, озаглавленный как «Тарих-и Алфи» или «История тысяч лет» [7]. Этот памятник был написан по заказу шаха Акбара Великого (1542-1605), его создание было приурочено к 1000-му году хиджры, а формирование большей части текста «Тарих-и Алфи» завершилось в 1592 году.

На данный момент анализу структуры и содержания этого сочинения посвящено ограниченное количество специальных исследований, большая часть которых принадлежит перу западных востоковедов [См. 2; 3; 4; 5; 6]. Однако структурные и текстуальные особенности данного исторического сочинения вкупе с той информацией, которая в нем содержится, требует от исследователей гораздо более пристального внимания к «Тарих-и Алфи», в связи с чем нами и был сделан этот доклад. Безусловно, объем самого текста «Тарих-и Алфи», а также наши собственные научные интересы заставляют сосредоточиться на анализе конкретной исторической эпохи, описанной в этом источнике: наше основное внимание будет приковано к отражению в этом источнике истории Хорезма и сопредельных регионов конца XII – начала XIII века, то есть накануне и во время монгольского нашествия. В докладе нами будут проанализированы особенности формирования и структуры представленного исторического сочинения, а также информация, которая содержится в этом тексте относительно Хорезмийской державы, ее соседей и начала монгольских завоевательных походов под предводительством Чингиз-хана.

По интересующей нас проблематике текст «Тарих-и Алфи» в большей степени компилятивен: примеров подобного рода достаточно при описании монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии и можно вспомнить и описание реакции Чингиз-хана на убийство монгольских купцов в Отраре [7, 3670], которое является явным заимствованием из текста Рашид ад-Дина [1, 189.]. Однако этот и подобные сюжеты требуют дополнительного исследования, чтобы выяснить всю ту источниковую базу, на которую опирались авторы «Тарих-и Алфи» при описании исторических событий хотя бы периода монгольского завоевания указанных регионов. Со своей стороны хотелось бы добавить в заключении, что, несмотря на отмеченные нами специальные работы, посвященные «Тарих-и Алфи», этот исторический источник продолжает, с нашей точки зрения, требовать пристального внимания ученых. В этой связи наша работа, как хотелось бы верить, способствует появлению новых

исследований данного памятника индийской историографии и содержащихся в нем сведений по истории исламского мира за первую тысячу лет его существования.

Литература

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. / пер. А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. – М., 2002. – Т. 1. Кн. 2.
2. A history of Persian literature : Volume X : Persian historiography / ed. by Ch. Mellvile. – London ; New York : I. B. Tauris, 2012. – P. 589.
3. Anooshahr, A. Dialogism and Territoriality in a Mughal History of the Islamic Millennium // Journal of Social and Economic History of Orient. – 2012. – 55 (2/3). – P. 220-254.
4. Anooshahr, A. Shirazi Scholars and the Political Culture of the Sixteenth-Century Indo-Persian World // Indian Economic & Social Review. – 2014. – 51 (3). – P. 331-352.
5. Dalkesen N. Hârizmşah Muhammed'in siyasi ve askeri faaliyetleri örneğinden Târîh-i Elfî değerlendirmesi // RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi. – № 14. – S. 361-372.
6. Huseini, Said Reza. The First Islamic Millennium and the Making of the Tarikhi Alfi in the Sixteenth Century Mughal India : dissertation for MA Degree. – Leyden, 2017.
7. Târîh-i Elfî (Nesevî-i Hezâr sâle-i İslâm) / ed. by Golâm Mirzâ Tabâtabâyî. – Tehran, 1382.

© **Тимохин Д. М.**, 2020

А. С. Тимощук,
д. филос. н., проф. ВЮИ ФСИН, г. Владимир

БАБУР И ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Тюркские народы – это большая общность, происхождение которой ведут с урало-алтайской праэпохи, как и финно-угорские этносы. Денисовский человек, найденный на Алтае, открывает новую страницу в истории Сибири, которая может рассматриваться как одна из колыбелей этногенеза. Именно из Сибири происходят тюркские и угрофинские народы, общим предком которых, возможно, был «алтайский человек» [3].

Наряду с индоевропейцами тюркская семья образует одну из значительных общностей (165 млн.). Тюркские народы – это пассионарии, которые создали такие государства, как Турция, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, воплощая смысл этнонима *турук (тур)* «стоящий», «сильный», «процветающий», «достигающий расцвета». Тамерлан, Осман I, Мехмед II, Захириддин Мухаммад Бабур, Мустафа Кемаль Ататюрк, Гейдар Алиев, Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов, Реджеп Тайип Эрдоган – это примеры национальных стратегов, достигших успеха в организации сильных государственных институтов, утверждении тюркских интересов в глобальной политике.

Основатель державы Великих Моголов (Бабуридов) стал основоположником новой индийской государственности, которая длилась около 300 лет до прихода англичан. Его победы в Индии позволили расширить государство от Восточного Афганистана до Бенгалии.

Здесь он выступил в качестве закалённого военачальника, умеющего убеждать воинов, вести тяжёлые и долгие походы, использующего все достижения военной науки узбеков (построение фланговой атаки тулугма) и персов (огнестрельное оружие).

Этот блестящий успех разительно отличался от его бывших набегов на Самарканд. Сила, сосредоточенная в Кабуле, была небольшой, природные условия неблагоприятны, противники, афганские вожди и индийские правители, имели огромный потенциал сопротивления. На юге находились королевства Малва и Гуджарат, обладающие обширными ресурсами, в то время как в Раджастхане Рана Санга из Мевара (Удайпур) возглавлял могущественную конфедерацию, угрожающую всему мусульманскому положению в северной Индии. Первая проблема Бабура состояла в том, что его собственные последователи, страдающие от жары и разочарованные враждебным окружением, хотели вернуться домой, как это сделал когда-то Тимур. Для Тамерлана важнее было устранить конкурента, Золотую Орду, Индия не входила в сферу его интересов. И вот его потомок, Тимурид Бабур, которому тесно в Средней Азии, обращается на юг, где правили разрозненные князья. Используя угрозы, обещания и призывы, красочно описанные в его мемуарах, Бабур смог

удержать своих последователей после вступления из Кабула в Пенджаб в 1525 г.

21 апреля 1526 года при Панипате Бабур сумел использовать преимущества быстрого перестроения и использования огнестрельного оружия. Панипат, город-страж на севере Индии, в очередной раз стал свидетелем решающего сражения, в котором определялась судьба Бхарата-варши.

Равнина между Сатледжем и Джамной представляла удачную возможность Бабуру для манёвра конницей и использования «огненных палок и брёвен». Войска Ибрахима Лоди были разбиты наголову, а сам султан погиб на передовой.

Свидетелем событий при Панипате стал Кохинур («гора света»), крупнейший алмаз 191 карат, добытый когда-то в рудниках на берегах реки Кришна и поднесённый Бабуру в честь его победы. Впоследствии бриллиант был завещан одним из владельцев храму Джаганнатхи в Пури, а сейчас находится в лондонском Тауэре на музейном обозрении.

Затем Бабур столкнулся с Рана Сангой, выдвинул против него примерно 100 000 всадников и 500 боевых слонов. Поскольку большинство соседних цитаделей все еще удерживались его противниками, Бабур был практически окружен. Он искал божественной милости, отказываясь от спиртных напитков и разбивая винные сосуды. Его призывы и воля к победе увлекли войско, которое выступило 16 марта 1527 года в Кхануа, в 60 км к западу от Агры. Бабур использовал свою обычную тактику – барьер из повозок по центру с артиллерийскими отделениями и летучей кавалерией. Залпы пушек поразили слонов, а фланговые атаки сбили с толку раджпутов, которые после 10 часов сопротивления были сломлены.

Владения Бабура были теперь в безопасности от Кандагара до пустыни Раджпут с фортами Рантхамбор, Гвалиор и Чандери; от Синдха до границ Бенгалии. Однако в этом большом районе не было единого управления, только скопище враждующих царьков. Империя была завоевана, но она должна быть организована. Таким было каверзное наследство, которое Бабур передал своему сыну Хумаюну. По легенде, когда в 1530 году Хумаюн смертельно заболел, Бабур предложил свою жизнь Богу в обмен на жизнь сына. После исполнения обета Хумаюн выздоровел, а здоровье Бабура ухудшилось, и тот умер в том же году. Основную же работу по консолидации империи выполнил его внук Акбар. Бабур обеспечил стратегическое тюркское лидерство Могольской династии в Индии, которое определило её доминирование следующие три столетия [6].

Бабур остался в памяти как гениальный стратег и строитель империи, обладающий личной харизмой, эстетическим вкусом и литературным дарованием. Его прозаические мемуары «Бабур-наме» получили известность за редкий автобиографический стиль. Они были переведены с тюркского языка на персидский в царствование Акбара (1589 г.), а затем на английский язык и впервые опубликованы в 1921–22 гг. В произведении правитель предстаёт необычайно великодушным, широкомыслящим, культурным и остроумным для своей эпохи.

Бабур является ярким представителем «ученых во власти» в империях и

государствах, основанных представителями тюрко-монгольских народов (Улугбек, Шибани-хан, Дулати) [1]. Сын Бабура Хумаюн унаследовал от отца любовь к поэзии, астрологии и астрономии, а внук Акбар не только укрепил могущество династии, но и способствовал расцвету наук и искусств Индии. Век Акбара с его идеями рациональной религии, веротерпимостью и секуляризацией можно считать апогеем Просвещения династии Тимуридов в Азии. Могольские правители шли своим путём к свободе, справедливости и процветанию и к эпохе Акбара создали цивилизацию, конкурентную европейской, уступая только в технологиях. Моголов отличала чуткость к новациям в области государственного управления и военной науки. Сочетание кочевой жизни с её быстрыми набегами и восприимчивости к учёности, литературе и знаниям отличало всех выдающихся представителей тюрко-монгольских народов и давало им стратегическое преимущество в цивилизационном развитии.

Благодаря их покровительству наукам до нас дошли бесценные сведения об истории того периода, взаимоотношениях Азии и Европы. Культурные контакты монголов, тюрков, индоевропейцев – это евразийский проект глобализации, который имеет свой голос в полифонии смыслов мирового порядка.

Особо следует отметить роль Бабуридов в эстетическом дискурсе. Они интегрировали темы, сюжеты, концепты пути бхакти, который оказался близким суфизму своим деятельностным и гуманистическим аспектами.

Бабуриды подарили нам впечатляющий образец духовного синтеза идей буддизма, сикхизма, джайнизма, вайшнавизма, христианства и ислама [4]. Будучи восприимчивыми учёными, поэтическими натурами, они распознали в добродетелях бхакти (воспитание милосердие, верность, равенство, толерантность) те смыслы, которые транслировали их великие предки – аль-Фараби, Навои и Бабур.

Главной целью литературы бхакти было совершенствование человека, воспитание гармоничной личности независимо от социального происхождения. Литература бхакти своим гуманистическим посылом в своё время завоевала уважение низших каст индийского общества. Ислам как религия равенства и внекастовая бхакти способствовали воспитанию нового человека в Юго-Восточной Азии. Народный синтез новой религии (Нанак) подкреплялся тем, что сами Бабуриды читали и интерпретировали тексты поэтов бхакти, живших в период правления Акбара, Джахангира, Шах Джахана и Аврангзеба, писавших на языках брадж и авадхи (современный хинди) [2].

При содействии Бабуридов происходит развитие литературы бхакти, созвучная суфизму. Она становится посредником процессов взаимодействия между индийскими и мусульманскими культурами. Бхакти, как tertium comparationis, позволяет обрести то общее качество, которое, казалось бы, отсутствует при ближайшем рассмотрении между Маверанахром и Гаудой, – мистическое чувство единства, вселенского братства, космической любви.

Санскритский эпос давал суфийским поэтам широкий спектр смыслов и образов Рамаяны и Махабхараты [5]. Концепции гуру бхакти (преданность

учителю), джйоти (свет), ананда (блаженство) стали неотъемлемой составляющий суфийской мистической практики. Арабо-исламские концепты также вполне коррелировали с **санскритскими** категориями бхакти: дунья (материальный мир, бренность, мнимость, **майа**), ахират (вечная жизнь, **вайкунтха**), тарикат (путь, практика, **садхана**), Коран (откровение, **шрути**), Сунна (предание, **смрити**), муршид (наставник, учитель, **гуру**), мюрид (ученик, **шишья**), зухд (отрешённость, воздержание, **тьяга**, **санньяса**), нафс (душа, эго, страсти, **аханкара**), рух (дух, **брахман**), иджма (единогласие, **сиддханта**), салам (мир, шанти), рахма (милость, **каруна**), фикх (право, **дхарма**), мавлид (явление, **авирбхава**), наби (пророк, **аватара**), авалия (святой, **махатма**), кутб (иерарх, **чакравартин**), зикр (памятование, молитва, **джапа**), хадра (совместное пение, **киртан**), барака (небесный дар, благодать, **прасад**), адаб (предписания, нормы, обеты, **вр*а*та**), истинджа (личная гигиена, **шаучам**), ямин (культовое разделение левой и правой руки, **вамачара** и **дакшиначара**), тахарат (омовение, **снана**), наджаса (нечистоты, **мала**), кибла (ориентация действий, **дик**), фарз (обязанности, **виддхи**), харам (запрет, **нишеддха**), (кафир (неверный, **пашанди**) и т.д. И суфизм, и бхакти учили тому, что Бог – это повседневная мистическая реальность, достичь которой ученик может под руководством мастера.

Таким образом, Бабуриды сыграли стратегическую роль не только в политическом самоопределении многих политических субъектов в Азии, но и выступили агентом особой азиатской глобализации, содействуя взаимодействию монгольской, узбекской, персидской, индийской культур в едином историко-литературном контексте эпохи.

Литература

1. Кадырбаев А. Ш. Ученые на троне : повествование о тимуридах и чингизидах – государственных мужах и ученых в одном лице // Иран-наме. – 2008. – № 2. – С. 73-82.
2. Мухибова У. У. Литература бхакти эпохи Бабуридов : автореф. … д. филол. н. – Ташкент : ТашГИВ, 2015. – 87 с.
3. Назарова А. Ф., Новгородов Н. С. Северная Азия (Сибирь) – место дифференциации скифов и других европеоидных популяций // Наука. Образование. Общество. – 2014. – № 2. – С. 174-198.
4. Тимощук А. С. Христианство, ислам и ведическая культура, как единое поле экзистенциальных смыслов // Альманах ведической культуры. – Москва : Открытый ведический университет, 2004. – № 1. – С. 54-59.
5. Тимощук А. С. Эпос «Махабхарата» как ретранслятор эстетических смыслов // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского : Материалы Международной конференции. – Якутск : СВФУ, 2018. – С. 143-144.
6. Garza A. Babur, Akbar and the Indian Military Revolution, 1500-1605. – London : Routledge, 2016. – 220 p.

© **Тимощук А. С**., 2020

Б. Э. Тошбоев,
к. ф. н., доц. ДжГПИ, г. Джизак (Узбекистан);
Ф. Х. Шукурова,
ст. преп. ДжГПИ, г. Джизак (Узбекистан)

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В НАСЛЕДИИ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Национальный характер связан с историческими факторами, процессами, этнопсихологическими и этнокультурными явлениями и фомируется на основе накопившегося опыта, образа жизни народа, его религии, традиций, языка художественной литературы и исторического процесса; национальный характер проявляется как в коллективном сознании, так и у отдельных представителей общества.

«... Мышление, образ жизни, духовные взгляды каждого народа и нации формируются, имея, изначально, какую-то основу. Всем нам известно, что основой для их возникновения и развития стали определённые исторические, природные и социальные факторы» [1, 7]. Следовательно, «человек, в первую очередь, – это высший этап исторического существования. Человек воплощён в историю, история воплощена в человека. Между человеком и историчностью есть такая глубокая и таинственная гармония, которую на практике никак нельзя разрушить» [2, 4]. Вот такая непрерывная связь выражается в облике и поведении человека, превратившего это время в целую эпоху.

Узбекский народ правомерно может гордиться тем, что в его истории было очень много тех, кто превратил историческое время в эпоху. Именно Захириддин Мухаммад Бабур является одним из тех, кто действительно совершил это.

Бабур был не только крупным государственным деятелем, умелым военачальником, но и великим поэтом, литератором, историком и учёным.

Большую часть жизни Бабур проводил в военных походах, битвах, горячих боях, но находил время и для творчества. Он создал ценные произведения, касающиеся разных сфер науки.

Профессор Делийского университета, известный индийский литературовед доктор Камар Райс писал: «Ценность произведений Бабура в том, что они созданы на простом, доступном для народа языке. Когда читаем стихотворения Бабура, перед нами возникает красивый природный ландшафт, зелёные леса и поля, луга, кристально чистая горная река, купы деревьев, одним словом, появляется прекрасное, изящное мироздание; и всё это умело, глубоко и проникновенно сложено в стихотворную форму. Поэтому произведения Бабура вот уже на протяжении четырёх веков занимают особое место в сердцах и душах узбекского народа» [3].

Известный государственный деятель индийского народа Джавахарлал Неру писал: «Бабур был великодушным человеком, властителем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил жить ради искусства, литературы» [4, 272-273].

Можно привести очень много примеров о Захириддине Мухаммаде Бабуре. Место, занимаемое им в развитии культурного наследия народов мира, очень велико, и узбекский народ гордится этим.

В вопросе освещения наследия Бабура нельзя не остановиться на рассмотрении присущих характеру узбекского народа качеств. У. Эрскин перевёл «Бабур-наме» на английский язык и поделился своим мнением об авторе книги: «Самая несравненная черта характера Бабура – это его неординарность как правителя. Вместо внушающих страх, “искусственных” повелителей, перед нами предстаёт естественный, жизнелюбивый, искренний и человечный по природе своей человек, правитель. Несмотря на то, что Бабур воссел на престол, он сохранил в себе самые лучшие чувства и стремления. Среди правителей Азии редко можно встретить такого талантливого и гениального, как Бабур... Обладая проницательным умом, он преодолевал все превратности судьбы, сохранив бодрый дух, ему были присущи такие черты, которых нечасто можно встретить у правителей: щедрость, мужество, талант; у него была большая любовь к искусству и науке и, непременно, преуспевал во всём, и среди правителей Азии не было ни одного, кто мог бы с ним поравняться» [5, 8].

Он всегда хотел быть вместе с народом, жил его проблемами, служил ради его интересов и пропагандировал гуманизм и патриотизм. Он критиковал эгоизм, хвастовство, напрасный задор и высокомерие. Это всё можно уразуметь в его творческих созданиях. Обратите внимание на этот отрывок:

«Я тоже должен перенести беспокойство и тревогу, если трудности терпит весь народ, то я тоже должен терпеть; есть одна мудрая персидская пословица: “Умирать вместе с друзьями – это достойно поведения товарищей”» [6, 257].

Бабур критикует насилие, воровство, разбой и вымогательство; он был крайне беспощаден к людям, имеющим склонность к такого рода понятиям. Одного из его воинов, укравшего чужой кувшин с маслом, он жестоко наказал, что говорит о его честном, добросовестном характере. Он пишет своему сыну Хумаюну: «отменить разбой и грабёж, принятые перемирия пусть долго сохраняются, в городе Кабуле установил порядок, не будет теперь там властвовать алчность и корысть» [6, 429].

Бабур глубоко понимал, что воспитание – это тяжёлая и сложная работа.

Вместе с этим он поясняет, что овладение нормами нравственности и этики играет важную роль в воспитании подрастающего поколения. Поэтому нужно с малых лет впитывать им такие качества, он всегда говорил своему сыну сначала советоваться со старшими, опытными, а потом уже начинать дело: «Если хочешь, чтобы я был доволен твоим поведением, то послушайся моего совета» [6, 421].

В людях есть такие качества, как добродушие, щедрость, храбрость, чистота души, справедливость, эрудиция, сила воли; вместе с тем, есть и отрицательные – жадность, скупость, воровство, обман, трусость, лицемерие, подстрекательство, распутство.

Известно, что в «Бабур-наме» изображаются сотни исторических лиц, их деятельность и приключения. В нем рисуются образы сотен людей.

Изображённым в «Бабур-наме» историческим лицам, одинаковым и различающимся социально-классовым положением, мировоззрением, убеждениями, идеологией, характером и другими качествами, относился объективно, автор старался преподнести читателю правильную и верную информацию. Когда Бабур давал оценку какому-либо человеку, обращал внимание на его деятельность, на занимаемое им в обществе место. Того, кто делает полезное для общества, страны, науки, культуры, он оценивает, как хорошего человека. А плохими называет тех, кто принёс ущерб, убыток. Поэтому он одних восхваляет, других – упрекает; одобряет положительные стороны, осуждает отрицательные.

Бабур так описывает характер своего отца Умар шейха Мирзу: «Грамотен. Прочитал книги “Хамсатайн” и книги об истории, в основном читал “Шахнаме”, склонен к чтению поэзии. Он был очень благородным, добрым, мужественным человеком. Он был стрелком среднего уровня, но у него была сильная рука, он мог любого свалить одним ударом кулака. Иногда с друзьями встречался за кубком вина, беседовали, он был человеком общительным, любил играть в нарды, а иногда играл и в карты» [6, 65].

В этом описании мы представили отца Бабура, узнали, каковы были его знания, способности, поведение, характер, его физическую силу, как он владеет оружием, луком. Его отец в целях расширения границ своего владения начинает войны, перемирие перерастает в ссору, друзья превращаются во врагов, раньше много выпивали, играли в нарды, карты. Он всё писал откровенно, правдиво. Поэт осуждал его отрицательные качества, а положительные – одобрял.

Приведем слова Президента Ш. М. Мирзиёева: «В великой истории ничто не остаётся бесследно. Всё сохраняется в памяти народа» [7, 29]. Эти слова имеют философский смысл и касаются наследия Захириддина Мухаммада Бабура. Период, когда жил Бабур, превратился в историю, но его дела не остались бесследны. Культурное наследие Бабура всегда занимает сокровенное место в наших сердцах.

Изучая наследие поэта, можно ещё раз убедиться в том, что в его творчестве воспеты хорошие качества, которые высоко ценятся, и осуждаются плохие качества.

Делая вывод, можно сказать, что Бабур на основе живых примеров и исторических событий простым, понятным для народа языке изобразил особенности, присущие узбекскому национальному характеру. Изучение наследия Бабура играет важную роль в сохранении традиций и исторической памяти народа Узбекистана.

Литература

1. Бабур З. М. Бабурнаме. – Т. : Фан, 1960.
2. Бердяев Н. Смысл истории. – М. : Мысль, 1990.
3. Каримов И. А. Высокая духовность – непобедимая сила. – Т. : Маънавият, 2008.

4. Мирзиёев Ш. М. Решительно продолжим путь к национальному прогрессу и перейдём на новый этап. – Книга 1. – Т. : Узбекистан, 2017.
5. Райс К. Великий поэт и правитель / пер. с индийского языка О. Хатамова, Д. Нури // Гулистон. – 1967. – № 4.
6. Babur. Memoirs of Zehir-ed-Gin Murammed Babur. – London, 1921.

© **Тошбоев Б. Э., Шукурова Ф. Х.**, 2020

Н. М. Тошпулатова (Н. М. Тошпўлатова),
Ўқитувчиси, Фарғона (Ўзбекистон)

Аннотация: Статья посвящена главному труду Бабура — автобиографии «Бабур-наме» как источнику по истории народов Центральной Азии, Афганистана и Индии с 1493 по 1529 гг. Сочинение Бабура содержит важную информацию о быте знати, нравах и обычаях эпохи.

Французский востоковед Луи Базан в своём введении к французскому переводу (1980 г.) писал, что «автобиография (Бабура) представляет собой чрезвычайно редкий жанр в исламской литературе».

Книга «Бабур-наме» была завершена в Индии. По совокупности сведений и их достоверности она является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в Средние века в Центральной Азии, Иране, Афганистане и Индии.

В последние годы жизни тема потери Родины стала одной из центральных в лирике Бабура. Его заслуга как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира.

ЗАҲИРИДДИН МУҲАММАД БОБУРНИНГ “БОБУРНОМА” АСАРИ -- ТАРИХИЙ МАНБА ВА УНИНГ ИЛМИЙ- МАЪРИФИЙ АҲАМИЯТИ

Бори элга яхшилиғ қилғилки, мундин яхши йўқ,
Ким дегайлар даҳр аро қолди фалондин яхшилиғ.
З. М. Бобур

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўз даврига нисбатан етук билим олиб, йирик бадиий ва чуқур, мазмунли илмий асарлар ижодкори даражасига кўтарилди.

Буюк аждодимиз Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг тарихий шахс сифатидаги ўлмас сиймоси ва бетакрор илмий- бадиий мероси хусусан “Бобурнома” асари жаҳон олимларининг эътиборини асрлар давомида ўзига муттасил тортиб келмоқда. Ана шу аснода ғарб шарқшунослари ва адиблари томонидан Бобур ва бобурийлар ҳақида илмий бадиий асарлар яратиш ишлари ҳам кенг тус олди.

Бу ҳақда гапирганда биринчи навбатда Ҳарольд Лэмбнинг «Бобур-йўлбарс» Вильям Рашбрукнинг «Ўн олтинчи аср бунёдкори» Румер Годеннинг «Гулбадан» асарларини тилга олиш ўринлидир. Бу жараён кейинчалик ҳам давом этиб, 1947- йилда австриялик немис адиби Фриц Вюртле немис тилида «Бобур йўлбарс – Фарғона шаҳзодаси» қиссасини нашр эттирди.

Бобур номидаги Халқаро илмий экспедиция ўзининг Ҳиндистонга қилган сафарларидан бирида Калькутта шаҳридан В. Рашбрукнинг «Ўн олтинчи аср бунёдкори» асарини олиб келишга муваффақ бўлган эди. Америка Қўшма Штатларига уюштирилган илмий сафаримиздан ушбу китобнинг тўлдирилган янги нашрини олиб келдик ва бу нусхадан таржима жараёнида фойдаланилди.

Ушбу тарихий асар китобхонларимизнинг кўҳна ва бой тарихимизни ўрганиш ҳамда бобурийлар даври маданияти ҳақида тасаввурларини кенгайтиришда ишончли манба бўлиб хизмат қилади, деган умиддамиз. **Зокиржон Машрабов**, Бобур жамоат фонди раиси, Ўзбекистонда хизмат кўрсатган маданият ходими.

Буюк мутафаккир шоҳ ва шоир бўлган Заҳириддин Муҳаммад Бобур 1483-йил 14 февралда Андижон шаҳрида таваллуд топган. Заҳириддин Муҳаммад Бобурдан бизга шеърий девон билан бирга «Бобурнома», «Хатти Бобурий», «Муфассал», «Мубаййин» каби илмий – бадиий асарлар мерос бўлиб қолган.

Бобур 1525 -йилдан «Бобурнома» китобини ёза бошлади. «Бобурнома» мемуар, тарихий бадиий асардир. Бу асарда ўзининг тахтга ўтирганидан то умрининг охиригача бўлган воқеаларни баён этган. «Бобурнома» 1494-1529 йиллардаги Мовароуннаҳр, Хуросон, Афғонистон ва Ҳиндистон воқеаларини ўз ичига олади. Яъни 1494-йил воқеаси тасвири билан, Самарқанд ҳукмдори Султон Аҳмад Мирзонинг ҳалок бўлиши ва 12 ёшга қадам қўйган Бобурнинг тахтга чиқиши баёни билан бошланади. Асарда воқеалар доираси кенгайиб, чуқурлашиб, мураккаблашиб боради. Бобур бу асарини умриниг охирларида 1529-1530 йилларда тугатди. Бобурнинг ўз сўзи ва унинг қизи Гулбаданбегимнинг «Ҳумоюннома» сида берган маълумотларига қараганда, «Бобурнома» аввал «Воқеанома» дейилган. Буни Бобур ўзининг рубоийсида ҳам эслатиб ўтган.

Бу олам аро ажаб оламлар кўрдим,
Олам элидин турфа ситамлар кўрдум,
Ҳар ким бу «Вақое» ни ўқур, билгайким,
Не ранжу не меҳнату не ғамлар кўрдим.

«Бобурнома»нинг 10 дан зиёд нодир қўлёзмаси бўлиб, улар Калькутта, Агра, Лондон, Эдинбург, Ҳайдаробод ва бошқа давлатларда сақланади. 1905-йилда Лондонда инглиз олимаси А. Бевериж хоним томонидан нашр этилди. Асар бир неча тилларга таржима қилинган. Акбаршоҳ даврида 1586-йилда форс тилига таржима қилинган ва унга ажойиб миниатюралар ишланган. Бунда Камоллиддин Беҳзод мусаввирлик мактабининг анъаналари равшан кўринади. 1705-йилда Витсен томонидан голланд тилига таржима қилиниб, Амстердамда босилган. А. Кейзер «Бобурнома» нинг инглизча таржимаси асосида уни қисқартирган ҳолда олмон тилига таржима қилган. Асарнинг олмон тилидаги таржимаси 1828-йилда Лейпцигда нашр этилган. Калдекот форсча таржимаси асосида уни қисқартириб инглиз тилига таржима қилади ва 1844-йилда Лондонда нашр эттиради. Француз олими Паве де Куртейл французчага ўгиради ва 1871-йилда Парижда нашр этилди.

Бобур ўз асарида жой ва манзарани, табиат лавҳаларини тасвирлайди. 15-16 асрлардаги Мовароуннаҳр, Хуросон, Афғонистон ва Ҳиндистон ўлкалари, улардаги шаҳар ва қишлоқдаги ўсимликлар дунёси аҳолиси халқ ва қабилаларнинг урф – одатларини яққол намоён этади. Асарнинг муаллифи бу ўринларда билимдон кузатувчан олим сифатидагина эмас балки табиатшунос, географ, тилшунос, санъатшунос сифатида гавдаланади. Андижон, Ўш, Марғилон, Хўжанд, Қобул, Ғазна, Ҳирот шаҳарларини тасвирлайди. Бобур 1494-

йил воқеаларини, ўзининг тахтга ўтирганини сўзлашдан олдин Фарғона вилояти ва унинг шаҳрини тасвирлайди. Бобур табиий манзаралари бир- биридан фарқланувчи вилоят ва ўлкаларда бўлди. У жойларни тасвирлар экан, уларнинг нозик нуқталарини топа олди ҳамда худди мусаввирдай пейзаж чизди.Асарда бир неча юз тарихий шахслар, уларнинг фаолияти ва саргузаштлари тасвир этилади. Булар шоҳлар, вилоят ҳокимлари, амир-амалдордар, аскарлар, илм-фан, санъат аҳллари, ҳунармандлар ва бошқа ижтимоий гуруҳдаги лавозим ва касб кордаги кишилардир, Ушбу шахслар воқеаларнинг ривожида муҳим ўрин тутган. Умаршайх Мирзо, Ҳусайн Бойқаро, Султон Аҳмад Мирзо, Хисравшоҳ каби шахсларнинг фаолиятини яратиш билан бирга,уларнинг шакл, насли, хислати, қиёфаси,хулқ–атвори,кишиларга бўлган муносабатини тасвирлайди.

Ушбу асарда Мирзо Улуғбек, Алишер Навоий, Султонали Машҳадий, Камолиддин Беҳзодлар ҳам тилга олиб ўтилган. Бобур Алишер Навоийга ҳам алоҳида таъриф берган: «Алишербек назири йўқ киши эрди. Туркий тил била то шеър айтубдурлар, ҳеч ким онча кўп ва хўб айтқон эмас». Мирзо Улуғбекни буюк донишманд сифатида таърифлаган.

Асарнинг марказий қисмида муаллифнинг ўзи Бобур туради. У асарнинг муқаддимасидан то хотимасигача ҳамроҳ бўлиб боради. У тарихнавис, асар воқеаларининг иштирокчиси сифатида гавдаланади. У бутун ҳаёт йўли, иш-амаллари кишиларга ва воқеаларга муносабатини, дунёқараши шодлиги ва қайғуси, ғалабаси ва мағлубияти, донишмандлиги ва кузатувчанлиги билан мужассамлаштирган, у гўё тарихий асарнинг бош қаҳрамони сифатида гавдаланади. У хўжалик, ободончилик, илм ва фан санъат, адабиётга катта эътибор берди. У ариқлар очтирди, ҳовузлар қаздирди, экин майдонларини кенгайтирди, боғлар ва бинолар яратди, доимо илм-фан санъат ва адабиёт намоёндалари билан яқин алоқада бўлди. У кўп чоғларида шеърлар битди. Ҳозиржавоблиги ва ҳазил-мутоибалари халқ ҳажвиёти ва мақолларни мукаммал билиши билан суҳбатдошларини мамнун қилади. Илмий ва адабий асарларни мутолаа қилди ҳамда таҳлил этиб уларга холислик билан баҳо берди. Унинг сўз суратини чизишдаги самимийлиги, фазилат ва нуқсонларни ҳам тасвирлаши, очиқ кўнгиллилиги, ҳаққонийлиги ва ажойиб ҳазилкашлик туйғуси унинг гўзал мемуарларининг эътиборини янада оширади. Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўз Ватанини ҳеч муболағасиз тасвирлайди. Андижон баҳори ҳақида ғурурланиб ёзади:

«Оқар сувларим бор, баҳори бисёр яхши бўлур, қалин лола ва гуллар очилур».

Андижонда етиштириладиган ҳосил ҳақида эса шундай ёзади:

«Ошлиғи вофир, меваси фаровон қовун ва узуми яхши бўлур».

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ўзининг «Бобурнома»асарида Ахси сўзини 29 жойда, Андижон сўзини 65 жойда тилга олади.

Шоирда Ватан тушунчаси севикли ёр тушунчасига, энг гўзал Хитой санамига, атрофга кўрк бериб турувчи сарв дарахти тушунчасига тенгдир.

Чун қилди мени ул бути чин зору мубтало,
Ишим менинг қолиб турур эмди худо била.

Кўрмон фарахни бирдам агар андин айру мен,
Билмон аламни бор мен онинг бирла то била.
Ул сарв карам қилибон еткур эй сабо,
Бобур ниёзини ер ўпуб хўп адо била.

Бобур кўп юришлар қилиб, Ҳиндистонга кетиб, у ерда Бобурийлар сулоласини тузди. Унинг кўпгина шеърлари бевосита ўз ҳаётини ифодалайди. У ижодини асосий қисмини ватанпарварлик руҳида ёзилган ғазалларга бағишлади.Унинг лирикаси ўзбек адабиётининг ёрқин намунаси ҳисобланади. З. М. Бобур Хўжа Аҳрори Валийнинг «Волидия» асарини туркий-ўзбек тилига таржима қилди, арузга оид «Мухтасар» рисоласини ёзди. Бобур Мирзо ўз умри давомида маърифатга интилди, ҳар нарсадан адолатни устун қўйди, эзгуликни тараннум этди. Бугун Ҳиндистон диёрида Бобурнинг эвараси бўлмиш шавкатли Шоҳжаҳон (Хуррамшоҳ) томонидан бунёд этилган муҳаббат қасри- маҳобатли «Тож Маҳал» бутун дунёга машҳурдир.

Буюк ҳинд арбоби Жавоҳарлаъл Неру Заҳириддин Муҳаммад Бобурга шундай деб таъриф берган: «Бобур – дилбар шахс. Уйғониш давринининг типик ҳукмдори, мард ва тадбиркор одам бўлган. У санъатни, адабиётни севарди, ҳаётдан ҳузур қилишни яхши кўрарди».

Заҳириддин Муҳаммад Бобур ғазалларидаги ранг – баранглиқни кўздан кечирар эканмиз, уларда инсоннинг шоду хуррамлиги билан боғлиқ кўтаринки ғазалларга дуч келамиз.

«Эй ёр не бўлди» радифли ғазали.

Ул аҳд ила паймон қани, эй ёр, не бўлди?!
Ул лутф ила эҳсон қани, эй ёр, не бўлди?!
Кеттим мени ҳайрон эшигингдин, демадинг ҳеч,
Ул телбаи ҳайрон қани, эй ёр, не бўлди?!
Жонимга даво сўзунг эди, сўзламадинг, оҳ,
Жон дардига дармон қани, эй ёр, не бўлди?!
Мундоқму эди аҳдки, Бобурни унуттунг,
Ул аҳд ила паймон қани, эй ёр, не бўлди?!

Хулоса.

Ҳар вақтки кўргайсен менинг сўзумни,
Сўзумни ўқуб соғингайсан ўзумни.
Бобур Мирзо бизга бой маданий мерос қолдирган.

Шоҳларнинг шоири, шоирларнинг шоҳи бўлган Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг «Бобурнома» асари қомусий асардир. Бобурнинг йирик насрий асари «Бобурнома» жаҳон адабиётининг нодир намунаси сифатида унинг шуҳратини жаҳонга кенг ёйди. Унда тарихий воқеалар билан бирга, табиёт, география, адабиётшунослик, тилшунослик ва фаннинг бошқа соҳаларига оид батафсил маълумотлар берилган. У айрим номлар ва сўзларнинг этимологияси ҳақида хабар берди. «Бобурнома» 15-16 асрларнинг маданияти тарихини ўрганишда қимматли бир манбадир.

Заҳириддин Муҳаммад Бобурга бағишлаб таниқли адиб Хайриддин Султон «Саодат соҳили»ни Ўзбекистон халқ ёзувчиси Пиримқул Қодиров

«Юлдузли тунлар» асарни битган. Ҳар икки асарни ўқиганимизда ҳам Бобур Мирзо билан бирга яшаймиз.

Ҳар йили 14-февралда Заҳириддин Муҳаммад Бобур таваллуд топган куни муносабати билан юртимизнинг ўқув масканларида, муассаса, ташкилотларда мушоиралар, йиғинлар ўтказилиб, асарларидан саҳна кўринишлари намойиш этилиб, ғазаллари ёд ўқилади, раҳбарлар, зиёлилар, кўп сонли талабалар, мактаб ўқувчилари кенг жамоатчилик томонидан унинг ёркин хотирасига ҳурмат бажо келтирилади. Заҳириддин Муҳаммад Бобурга бағишлаб Андижон шаҳрида ҳайкал бунёд этилган. Бу ҳам бўлса, бизнинг буюк аждодимизга бўлган ҳурмат эҳтиром белгисидир.

Бобур қуйидаги асл сифатлар соҳиби эди. У саховатпеша, шижоатли ва мард, матонатли, адолатпеша каби фазилатларга эга бўлиши билан бирга, моҳир қўмондон, иродаси мустаҳкам ҳукмдор, ўз яқинларига ғамхўр ва ғайратли инсон ҳам эди. Бу олийжаноб инсон амалга оширган ишлар умрбоқий давом этмоқда. Улкан давлатни бошқариш борасида Бобуршоҳ илгари сурган ғоялар бизнинг замонамизгача у ҳукмдорлик қилган жойларда ҳануз амалда қўлланиб келмоқда.

Адабиётлар

1. Адабиёт дарслиги. – Тошкент : Ўқитувчи, [б. г.].
2. Инглиз тилидан / Ғ. Сатимов ва Х. Сўфиева таржимаси. – Т., [б. г.].
3. Рашбрук Вильям. Ўн олтинчи аср бунёдкори шарқ нашриёти матбааси. – Т., 2011.
4. Шоҳ ва шоир З. М. Бобур / нашрга тайёрловчи Ҳасанхўжа Муҳаммадхўжа ўғли. – Т. : Шарқ, 1996.

© **Тошпўлатова Н. М.,** 2020

Б. Б. Тураева (Б. Б. Тўраева),
PhD, доц. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

Аннотация: Статья описывает романы Пиримкула Кадырова, посвященные Бабуру. В романе «Звездные ночи» автор изобразил Бабура одним из самых просвещенных людей своего времени. Писатель показал феодальную раздробленность, распри в среде правящей верхушки, усиление налогового бремени, разруху – характерные признаки той эпохи, в атмосфере которой происходило формирование Бабура как поэта, историка и государственного деятеля. Второй роман о Бабуридах «Авлодлар довони», который исследует автор статьи, был написан в 1988 году и посвящен потомкам Бабура – Хумаюну и Акбару.

«ЮЛДУЗЛИ ТУНЛАР» ВА «АВЛОДЛАР ДОВОНИ» РОМАНЛАРИДА БАДИИЙ ЗАМОН ШАКЛЛАРИ

Тарихий воқеаларнинг реал тарихий замонларини бадиий ўтган замон воситасида романнинг эпик замонига, ўтган замон тарих ҳақиқатини бадиий ўтган замон ҳақиқатига айлантиришдек ижодий индивидуал маҳорат Пиримқул Қодиров бадиий замон поэтикасини шаклан ва мазмунан эстетик теранлаштирди. «Юлдузли тунлар», «Авлодлар довони» романлари Бобур ҳамда бобурийзода ўғил ва невара замонларининг тарихан аниқ паллалари, тожу тахт учун тинимсиз курашлар, ғалаба ҳамда мағлубиятлар, маънавий изланишлар, бунёдкорликлар, орзу-армонлар, умиду нажотлар кунма-кун, ойма-ой, йилма-йил, ҳатто, дақиқалару сонияларда бўлган реал тарихий воқеалар, ҳодисалар, фактлар ипидан-игнасигача бутун тафсилотлари билан замону маконларида хроникал ёритилади. Агар «Юлдузли тунлар» 12 ёшли Бобурнинг тарих саҳнасига чиққан умрининг сўнггигача 36 йиллик ҳаётини ҳикоя қилса, «Авлодлар довони»да Ҳумоюннинг тахтга ўтиришидан ўлимигача, Акбарнинг эса туғилишидан вафотига қадар бутун ҳаётлари тасвиридан иборат бўлиб, қаҳрамонларнинг шахсий-интим ҳаётлари, сарой можаролари, авлодлару насллар ўртасидаги мураккаб муносабатлар, бобо-ўғил-невара ворисийлиги хронологияси, ҳалокатга юз тутган Темур салтанатини янги асосда Ҳиндистонда қайта тиклаган Бобур, отаси тахтини омон сақлаб қолган Ҳумоюн, салтанат довруғини оламга ёйган Акбар даҳолари оддий хроника-солнома эмас, балки юз йилдан ортиқ даврни – «тарих фантазияси»ни эпик қамровларда бадиий ўтган замон «фантазияси»га айлантирилган ижодий жасорат бўлди. Ўтган замон ҳақиқатини бадиий ўтган замон ҳақиқати сифатида қабул қилиш учун ёзувчининг ўзи эътироф этган адабий ҳақиқат – ижод психологиясининг сирли оламига мурожаат қиламиз: «Асрлар китобини ўқиганингиз сари, – дейди адиб, – тарих томонидан яратилган драмалар, фожеалар, сюжетларни алоҳида ёзувчининг фантазияси билан яратиб бўлмаслигига ишонч ҳосил қиласиз. Шу сабабли мен Бобур, Ҳумоюн ва Акбарнинг кўрган-кечирганларини тасвирлар

эканман, ўз фантазиямдан кўра «тарих фантазияси»га, яъни чиндан содир бўлган воқеаларга кўпроқ асосландим» [6, 8].

XV аср охири, XVI аср Мовароуннаҳр, Хуросон ва Ҳиндистон тарихларидаги муҳим воқеалар – «тарих фантазиялари» бадиий-эпик кашфи бўлмиш бобурийлар – ота, ўғил ва набира тўғрисидаги дилогиянинг ҳар бир романи кенг замону макон қамрови билан жаҳон тарихий романчилик мактабининг ижодий ноёб ҳодисаси сифатида тарихий аниқ воқеалар, тарихий реал буюк шахслар, ўтган замоннинг аниқ мозий ҳужжатларига асосланган илмий-тарихий ҳақиқатларини эпик келаси замонга йўналган бадиий ўтган замоннинг адабий-эстетик кашфига айлантирди. Шу жиҳатдан бўлак тарихий романлар замонидан фарқли ўлароқ, П. Қодировнинг дилогияси бадиий-эпик ўтган замони хроникал «тарихий фантазияси» билан ижодий ажралиб туради. Унда муаллиф айтмоқчи «тарих фантазияси» замони, «яъни чиндан содир бўлган воқеалар»нинг тарихий вақти бадиий ўтган замон вақтига хронологик аниқликда ижодий «сингдирилганича», романлар эпик ўтган замонининг мураккаб таркибли қоришма поэтикаси хусусиятларини белгилайди.

Тарихий романлар эпик замони поэтикасига хос бундай ижодий-эстетик типология муштаракликни «Юлдузли тунлар» асарида шоҳ Бобур эмас, балки «Вақоъ»нинг муаллифи Бобур билан Секри тоғининг шимолий ёнбағрида салқин боғнинг тўрида жойлашган шинам хилватхонада жойлаштирилган мавлоно Хондамир ўрталаридаги илмий-маърифий суҳбатлар (диалоглар ва Хондамирнинг ички монологлари) [7, 442-449], кечмиш психологик, изҳори дил, фахру ифтихор замонларида яққол кўриш мумкин.

Тарихий романлар эпик замони ялпи тизимида ҳозирги замон шакли адабий деталь тасвирий воситасида бадиий замоннинг тарихий, биографик, лирик, психологик, конфликт, драматик, трагик замонлар каби етакчи категориялари мазмун-мундарижасида, айниқса, яққол намоён бўлади. Мактублар, шеърий номалар («Юлдузли тунлар»), расмий фармонлар («Юлдузли тунлар», «Авлодлар довони»), бағишловлар изҳори дил («Юлдузли тунлар»), илмий манбалар ва шарҳлар («Юлдузли тунлар», «Авлодлар довони»), ҳаволалар сингари бадиий деталлар ўтмишнинг тарихий реал ва тўқима тасвирларида ўтган замон воқеалари, *биринчидан,* гўё ҳозирнинг ўзида – ҳозирги замонда бўлаётгандек қабул қилинади. *Иккинчидан,* ушбу тасвирий восита – деталлардан ижодий-эстетик унумли фойдаланиш натижасида муаллифнинг ўзи каби китобхон ҳам тасвирланмиш тарихий воқеа-ҳодисаларнинг бевосита иштирокчиси ёхуд кузатувчисига айланади. Муалиф замони каби китобхон замони ҳам *ҳамиша ҳозирги замон*лиги эстетик самарани янада оширади. Тарихий романлар эпик замони поэтикасида ҳозирги замоннинг етакчилиги фақатгина муаллифнинг истеъдод табиати, ижодининг бош ғоявий-бадиий концепцияси, бадиий тафаккур даражаси каби субъектив ҳамда объектив омиллар билангина белгиланмайди, устувор етакчилик, наинки, мавзуни танлаш, уни ғоявий-бадиий теран ижодий кашф этиш, муайян тарихий шахслар, образлар-типларни танлаш, реалистик тўлақонли образларини яратиш баробарида уларнинг тарихий фаол ҳаёти ҳамда фаолиятларини бадиий замон ва

бадиий маконда мутаносиб тасвирлашни ҳам талаб этади. Бу ерда ҳозирги замон – персонажнинг бевосита келажакка (келаси замонга) йўналган ҳаёти, тақдири ҳам муҳим. Тарихий романнинг қаҳрамони – реал шахс ўз давру замони кишиси. Шахсида, қисматида-индивидуал замонида ўзининг шу ҳозирги замони тажассум. Шунинг учун унинг образида ўз замони инъикосини топган бадиий мукаммаллик зарур.

«Юлдузли тунлар»нинг қисқа Хотима замони биргина Бобурнинг эмас, балки Мавлоно Фазлиддин ва Тоҳир сингари ватандошларининг Бобур вафотидан кейинги ҳаётлари – замонлари ҳақидаги тарихий маълумотлар баробарида, буюк шоҳ «тузган улкан давлат ўз қудрати ва маданий ёдгорликлари билан жаҳонга танилиб, *уч аср умр*» кўриб, тарихда – келаси замонларда қолгани, «авлодлари бугунги кунга (муаллифнинг замонига, ҳозирги-келаси замонга – *Б. Т.*) етиб келолмагани – энг охирги бобурийлар ўтган асрларда (XIX асрда – *Б. Т.*) инглиз мустамлакачилари даврида маҳв этилгани ... фақат Бобур ўз қўли билан ёзган энг яхши асарлар ҳалигача (демак, абадиятга – *Б. Т.*) тирик бир қалбнинг ҳароратига тўлиб, одамларга ҳамон маънавий озиқ ва завқ бераётганлиги, «бир умри қоронғу осмонда оловли из қолдириб ўчган юлдуздек тез» сўнгани, «лекин ўлмас асарлари саҳифасида *салкам беш асрдан* бери давом этаётган иккинчи умри – бу юлдузнинг тундан тонгга қараб учганини ва ўз нурини *келажакка йўналтирганини* айтиб» тургани, «қалб ўтига йўғириб яратган маданий мерос *бугунги сернур авлодлар*ни баҳраманд қилгани сари унинг ана шу ***иккинчи умри*** ҳам қоронғу тунлардан (ўтмишдан – *Б. Т.*) кейинги ёруғ кунларда астойдил обод бўлаётгани» [7, 463] ҳақиқатидан иборат муаллифнинг юпанч, айни пайтда, Бобур абадиятидан фахр-ифтихор замонидир. Худди шундай публицистик услуб «Авлодлар довони»да мазмунан муфассалроқ, тарихий аниқ реалликлардан иборат. Хотима илмий-публицистик мундарижаси замонида нисбатан кенгроқ намоён. Маълумки, роман шоҳ Акбарнинг умри сўнгидаги ўтган, ҳозирги ва келаси мавҳумли замонлар чатишиб-қоришиб кетган мураккаб драматургияси – «аччиқ насиба»си – «улкан давлатни бошқарган одам (шоҳ Акбар – *Б. Т.*) тилаб олган ўғилларимни йўлимга сололмасам-а!..» [8, 600] – билан очиқ ечим топади. Олти бетли Хотимадагина [8, 601-605] Акбарнинг вафот олди шафқатсиз руҳий кечинмаларининг шу даражада шафқатсиз замонлари – насиҳат-васиятлари, вафотидан сўнг ўғил ва набиралари, улардан отасининг тириклигида тахтга ўтирган Салим (Жаҳонгир)нинг, унинг ўғилларининг, жумладан, Шоҳжаҳон номи билан тахтга чиққан Хуррамнинг тарихлари ахборот тарзида эслатилади. Лекин роман замони тизими аниқ келажакли (аслида келажакдан ташқари) тарихий-эпик келаси замоннинг маълумот тарзидаги ушбу қайдлари эмас, балки «Акбарнинг турли эллар ва эътиқодларни аҳил қилишга қаратилган ғояларини... тарих саҳифаларидан (*демак, келажакдан*) ўчириб юборишмоқчи бўлишгани, «лекин орадан ўтган тўрт аср мобайнида Акбарнинг маънавий изланишлари ва умуминсоний ғоялари» унитилмагани, «меъморлик обидалари Акбарнинг *ижодкор руҳи ҳамон тирик* эканини ва *ҳали ҳам* одамларга бадиий завқ бериши» «Бобур ва Акбар мансуб... сулоланинг *асрдан асрга* ва *мамлакатдан*

мамлакатга ўтиб, *беш асрдан ортиқ умр кўргани* Темурийлар сулоласига хос «ирсий даҳо инсоният тарихида кам учрайдиган бир қудрат ва *умрбоқийлик* билан ҳайратомуз мўъжизалар яратганини исбот этади» [8, 603-605] тасдиғида келаси замонлар мангулигига айланиб кетади.

Хотима замонини *икки тарихий ҳақиқат* абадияти билан якунлайди. *Бири* – «Бобур ва унинг авлодларининг «Улуғ мўғуллар», деб нотўғри аташдек одат тарзи, *иккинчиси* – «сунъий равишда бегона қилинган бу улуғ тарихий сиймоларнинг (Бобур ва авлодларининг – *Б. Т.*) ота юрти – бизнинг бугунги Ватанимиз (Ўзбекистон – *Б. Т.*) эканини жаҳон миқёсида тан оладиган кунлар келади»[8, 605] ишончи. Ушбу икки тарихий ҳақиқат келажакдан ташқари бўлмиш аниқ келажакли абадиятлардир.

Композицияда замон бадиий ниҳоятда нозик ва мураккаблиги баробарида асарларнинг жанрий хусусиятигача белгиловчи адабий ҳодисалардан эканлигини П. Қодировнинг романлари тарихий замони поэтикаси теран исботлайди. Ҳар бир роман тарихий замони мустақил. [«Юлдузли тунлар» («Бобур»да 36 йил (1494–1530); «Ҳумоюн ва Акбар» («Ҳумоюн»да 26 йил (1530–1556); «Акбар»да 49 йил (1556–1605). Романларнинг жами тарихий замон қамрови 111 йилдан ортиқроқ]. Бадиий эпик замонга айланган тарихий уч буюк авлод умри – замони, авлодлар ва улар сулолавий ворисийлигининг тарихий аниқ тақвимли эпик хроникаси романларнинг мавзуси ва ғояси ўзаро муштарак эканлигидан (ёзувчининг эътирофича, «Авлодлар довони» романи «Бобур» романининг давоми тарзида ёзилиб, унда («Бобурнинг ўғли Ҳумоюн ва невараси Акбарнинг туғилганликларидан то вафот этгунларигача бошдан кечирган ғаройиб саргузаштлари ва тарихда ўчмас из қолдирган улуғ фаолиятлари асар мундарижасини ташкил этади» [3, 10]) келиб чиқувчи ўз биографик қатъий хронологияси билан асарларнинг дилогия (аслида трилогия [9, 192]) шаклидаги жанрий ўзига хослиги ва хусусиятларини белгилаган асосий адабий-эстетик ҳодиса бўлди. Романларни трилогия шаклида жанрий бирлаштирувчи тарихий замон ўз тақвим хронологиясини Темурийлар сулоласининг таназзулидан олади. «Юлдузли тунлар» романи ана шу муҳаққақ таназзулнинг Мовароуннаҳрдаги сўнгги талвасалари шафқатсизлиги кечмишларидан – йили, фасли, куни, пайтининг махсус аниқ тарихий қайдидан – «милодий 1494 йилнинг ёзи. Саратон иссиғида Фарғона осмонига чиққан қуюқ булутлар куни бўйи ҳавони дим қилиб турди-ю, кечки пайт бирдан жала қуйиб берди» [7, 5], рамзий чуқур паралеллизимга йўғрилган мозий хроносидан бошланади). Буюк Темур ва авлодлари салтанатининг ҳалокатга маҳкум замони шафқатсиз ҳақиқатлари билан замона зайлига айланиб, тарих саҳнасидан йўқликка юз тутган бу фоже давр Бобурдек жасур темурийзодани теран тафаккур даҳоси баробарида халосор шахс-арбоб мақомида кашф этди. «Истеъдод мерос бўлиб ўтмайди» деган ақида нотўғрилигини яна бир бор исботлади: Амир Темурнинг улуғ истеъдоди, жумладан, ўртанчи ўғли Амираншоҳ орқали «чевараси Мирзо Бобурга етказиб берилганлиги тарих томонидан тасдиқ этилган сулолага хос... ҳайратомуз... ирсий даҳо... исботи» [7, 604] – бобомерос салтанатни ҳалокатдан қутқариб, унга янги заминда –

Ҳиндистонда қайта ҳаёт бахш этган Мирзо Бобур тақдирида намоён бўлди. Бунда «тарихнинг ички кучлари, маънавий қудрати уйғотилади. Мирзо Бобурнинг ва авлодларимизнинг ўлмас руҳлари қайтадан тирилтирилади. Ҳар биримиз уларнинг бошидан кечган ҳодиса ва фожиаларни дилдан ҳис этамиз. Бунга биз Пиримқул Қодировнинг ўзлиги орқали, унинг ҳаққоний тасаввури, руҳияти, бадиий маҳорати орқали эришамиз» [5, 58]. Ана шу тариқа тарих, давр-замон зайли буюк Бобуршоҳни ўз юртида бобомерос тахтдан шафқатсиз мосуво қилганича, Темурийлар сулоласининг Мовароуннаҳрдаги сўнгги мағлуб вакили, ўзга юртлар – Афғонистон ва Ҳиндистондаги ғолиб вакили – Буюк Бобурийлар империяси асосчиси мақомида жаҳоншумул доврукда кашф қилди. Бобур каби унинг авлодлари ҳам ҳар бири айрича, барчаси муштарак яхлитликда ўзлари тирик тарихга, абадиятга айланишди [8, 605].

У. Норматов эътирофича, «Китобхон, – деб ёзади олим, – гоҳо илмий-тарихий, аниқ ҳужжатли асар ўқиётирми ёки бадиий роман – унинг хаёлини реал ҳаёт ҳақиқати, чиндан бўлиб ўтган воқеалар, аниқ тарихий шахслар қисмати банд этади. Барча воқеаларни тарихий ҳақиқат сифатида қабул қилади» [3, 10]. Романлар тарихий замони дилогияда тасвирланган воқеаларнинг хронологик аниқ бадиий-тарихий тақвими қамровлари билангина чекланиб қолмайди. Яъни бадиий эпик замон тарихий аниқ хронологик тақвим қобиғи чегараларини «йиртиб», муаллиф замони воситасида келгуси замонлар оша абадият тарихига айланиб кетади. «Бобур» ва «Авлодлар довони» романларидаги муаллиф «хотима»лари фикримиз исботи. Тарихий замоннинг абадиятга айнан шу моҳият мундарижасида дахлдорлиги таҳлилдаги бўлак романлар эпик хроноси поэтикаси учун ҳам муштарак.

Адабиётлар

1. Заҳириддин Муҳаммад Бобур энциклопедияси (қайта ишланган иккинчи нашр) / таҳрир ҳайъати: А. Қаюмов ва бошқ ; бош муҳаррир: А. Аъзамов. –Т. : Шарқ, 2017. – 688 б.
2. Йўлдошев Б. Ёзувчининг адабий-танқидчилик бобидаги маҳорати хусусида // Филология масалалари. – 2018. – № 1. – Б. 10.
3. Қодиров П. Тил, тарих, муҳаббат // Ёшлик. – 1989. – № 5. – Б. 2–14.
4. Қодиров П. Юлдузли тунлар. – Т. : Ўзбекистон, 1988. – 464 б.
5. Қодиров П. Ҳумоюн ва Акбар (Авлодлар довони) : тарихий роман. – Т. : Шарқ, 1997. – Б. 604–605.
6. Қўйлиева Г. Ўзбек насрида трилогия : монография. – Т. : Tamaddun, 2016. – 192 б.
7. Норматов У. Тарих ҳақиқатига садоқат. Сўзбоши // *Қаранг:* Қодиров П. Ҳумоюн ва Акбар (Авлодлар довони) : тарихий роман. – Т. : Шарқ, 1997. – Б. 4.
8. Низомиддинов Н. Буюк бобурийлар тарихи (XV–XIX аср) : монография. – Т. : Фан ва технология, 2012. – 516 б.
9. Умуров Ҳ., Носиров А. «Юлдузли тунлар» ва адабий танқид. – Самарқанд, 2000. – Б. 58.

© **Тўраева Б. Б.**, 2020

З. А. Туракулова,
преп. Андижанского государственного университета,
г. Андижан (Узбекистан)

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР, ВЫДАЮЩАЯСЯ ФИГУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ В ОБРАЗЕ НОВОЙ ЭПОХИ ВОСТОКОВЕДОВ

В истории развития человеческой цивилизации неизгладимый след оставили много известных личностей, ученых, талантливых писателей и поэтов. Среди них особое место принадлежит Захириддину Мухаммаду Бабуру. Он не только писал прозаические и лирические произведения, но и оставил после себя ценные книги об арузе, художественных вопросах, размерах восточного стиха, слогах и образах, военном искусстве и исламском праве, вопросах экономики и финансовой сферы.

Научной общественности известно несколько копий рукописи произведения Бабура, которые хранятся в Германии, России, Турции, Узбекистане и Пакистане. В недавно найденной в Пакистане рукописи имеются три произведения Захириддина Мухаммада Бабура. Ныне мы анализируем особенности берлинской и пакистанской копий этого произведения. В своем исследовании опираемся на научные взгляды об этом произведении бабуроведов Т. Орала, С. Хасанова, В. Тихонова и других.

Работы Бабура находятся в центре внимания не только Узбекистана, но и мира тюркоязычных стран, а также мирового научного и литературного сообщества.

Среди многочисленных научных журналов экспедиции Захириддина Бабура – научные публикации «*Бабур-наме*» [2002], опубликованные В. М. Текстоном, «*Хумаюн-наме*» Гулбадана Бегима, «*Тазкирату-л-закойи*» Гавхар Офтабачи, опубликованные научные документы и комментарии.

В XIX веке перевод работы «Бабур-наме» на английский, французский и немецкий языки еще больше взволновал европейских, а также американских ученых. Благодаря этой работе американский народ познакомился с богатым литературным наследием узбекского народа:

«*The discovery of this valuable manuscript, "Erskine wrote" reduced me, though heartily sick of the task, to the necessity of commencing my work once more". Erskine, however, had little knowledge of Chaghatay and could not have used it to make significant changes in his translation. His, the first translation into a modern European language, appeared in print ten years after its completion, in 1826.*

Erskine had worked exclusively from the khankhanan's Persian translation. The Persian, however, is so faithful to the syntax of the original that the language is, at best, enigmatic and, at worst, incomprehensible. "Though simple and concise", Erskine relates, " a close adherence to the idioms and forms of expression of the Turki original, joined to a went of distinctness in the use of the relatives, often renders the meaning extremely obscure, and make it difficult to discover the connexion of the different members of the sentence." It is certainly a tribute to the translator's ability that he was

able to produce a readable and fairly accurate rendering. The English, however, is couched in a style that is much more elevated than the original (and now quite dated) a flaw for which the translator cannot be blamed, working as he was at second hand from the Persian translation, which by default is more literary than the original, to which he did not have access» [5, 9].

[Обнаружение этой ценной рукописи, как писал Эрскин, «свело меня, хотя и от всей души надоели к этой задаче, к необходимости снова приступить к моей работе». Однако Эрскин мало знал о Чигатае и не мог использовать его, чтобы сделать значительным изменения в его переводе. Его первый перевод на современный европейский язык появился в печати через десять лет после его завершения, в 1826 году.

Эрскин работал исключительно с персидского перевода ханханана. Персидский, однако, настолько верен синтаксису оригинала, что язык в лучшем случае загадочный, а в худшем – непостижимый. «Несмотря на простоту и лаконичность, – рассказывает Эрскин, – тесная приверженность идиомам и формам выражения оригинала тюрков в сочетании с очевидностью использования родственников часто делает значение крайне неясным и усложняет задачу, чтобы обнаружить связь между различными членами предложения.» Это, безусловно, дань способности переводчика, что он был в состоянии сделать читаемый и довольно точный рендеринг. Английский язык, однако, гораздо более возвышенный, и даже устаревший, однако нельзя в сложном для восприятия стиля нельзя винить переводчика, который работал не с оригинальным текстом, а с персидским переводом, по умолчанию более литературным, чем оригинал, к которому переводчик не имел доступа]

М. Текстон ещё сказал в своём комментарии о творчестве Бабура: «*On the Central Asian and Russian fronts, a manuscript of the Chagahatay text, purportedly copied in Bukhara in 1714 from a manuscript produced in 1709 was sold to a member of a Czarist mission to Turkistan in 1721. That copy was brought back to the Russian foreign Ministry in 1725, where it was copied in 1737 by a Russian orientalist, Gearge Jacob Kehr, who made a garbled Latin translation.*»

В начале XXI века американские востоковеды сыграли важную роль в этой работе. Сегодня они продолжают переводить и публиковать книги о жизни Бабура. Также, его личные качества впечатлили европейских исследователей. В образе Бабура они увидели великого полководца, известного государственного деятеля, обаятельного и дружелюбного человека: «*У нас нет возможности узнать, что побудило Бабура писать свои открытые, откровенные, а иногда и довольно интимные воспоминания, и в стороне от нескольких внутренних ссылок на работу в качестве «истории» и его заявленной решимостью быть абсолютно правдивой и непредвзятой в своей записи он не дает намек на свою мотивацию или вдохновение*» [5, 4].

Российские исследователи также проявляют глубокий интерес к наследию Бабура, исследуя проблемы узбекской литературы.

Здесь вспоминаются слова Ю. Брыкова, директора музея истории Красноярского района Самарской области: «*На территории Российской*

Федерации много исторических мест, связанных с именем Великого Тимура и его предков. Мы бережно храним и пропагандируем их среди населения и особенно среди молодежи».

Таким образом, произведение «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура рассматривалось учеными как энциклопедическая работа. Уверены, что история государственности наших предков в будущем пополнится новыми источниками, найденными в индийских и других рукописных фондах.

Литература

1. Азимжанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии : соц.-экон. политика Бабура в первой трети XVI в. : дисс. … д. и. н. – Т., 1969. – 59 с.
2. Ас-Салам Дж. Джахонгашта. «Бабурнама» – это литературный процесс в мире : филол. ф. д-ри дисс. – Т., 1994.
3. Бабур // Всемирный литературно-научный журнал. – Т, 2017.
4. Джамалов С. О художественных особенностях «Бабурнама» : дисс. … к. ф. н. – Т., 1961
5. Текстон У. М. «Baburnama». – Oxford, [2002].

© Туракулова З. А., 2020

О. А. Туракулова,
преподаватель ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои,
г. Ташкент (Узбекистан)

ПОЭТ В КОРОЛЕВСТВЕ, КОРОЛЬ В ПОЭЗИИ (ИЗУЧЕНИЕ РАБОТ ЗАХИРИДДИНА МУХАММЕДА БАБУРА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ)

Уникальное творчество Захириддина Мухаммада Бабура, одного из великих деятелей Восточного Ренессанса, является одной из самых выдающихся фигур в политике, науке, культуре и литературе. Так как личность Бабура неповторима, а судьба его не похожа ни на чью судьбу. Эта классическая личность – один из самых сложных, из самых очаровательных и драматических образов. Захириддин Мухаммад Бабур украшает царство поэзии, и его сила, мудрость и храбрость открыли новые пути в литературе. Мы остановимся над некоторыми эффективными методами обучения жизни и творчества одного из наших предков – поэта и правителя государства Захириддина Мухаммада Бабура.

При обучении предмета литература особое значение имеет методическое мастерство учителя. Так как только при рациональном использовании самых эффективных методов он может достичь своей цели. Достижение этой цели во многом зависит от личных качеств учителя.

Когда учитель готовится к уроку, он должен выбрать метод, подходящий для каждой группы. Даже один и тот же учитель не может достичь одного и того же результата, если он преподает в двух разных группах одинаково. Невозможно достичь одного и того же результата, обучая учеников с разным характером и темпераментом одним и тем же методом. Для этого лучше всего начать занятия с понимания характеристик учащихся группы и того, на что они способны. Учитель должен включать в себя ряд качеств:

1. Педагогическая практика.
2. Научные исследования.
3. Организованность.
4. Литературное посредничество.
5. Художественное исполнение.
6. Педагогическое творчество.

Учитель литературы выступает в роли моста между художественным произведением и читателем. Поэтому важно обеспечить, чтобы духовное развитие студентов во время курса было организовано. Духовное развитие позволяет вам обнаружить очарование, которое «скрыто» под различными литературными выражениями, добавляя смысл к сущности текста. Это позволяет студентам полностью понимать, правильно интерпретировать, оценивать и анализировать работу. В этом отношении изучение творчества Захириддина Мухаммеда Бабура уникально, и целесообразно использовать вышеупомянутые качества.

Говоря о нашем великом предке Захириддине Мухаммаде Бабуре, стоит отметить, что он сыграл большую роль в нашей истории и литературе. Особого внимания заслуживают стихи классической поэзии поэта, которые прославляют новый дух – славу Родины и любовь к ней.

В то же время я считаю уместным процитировать ученого Р. В. Рахмонова: «Ни один узбекский поэт не может конкурировать с Бабуром в области художественного мастерства ... Его автобиографическое качество, вложенное в классическую поэзию, особо освещает поэзию Бабура. Именно эта особенность даёт поэту чувство патриотизма» [1, 39].

Действительно, когда мы рассматриваем труды Бабура, многие из его стихов являются чисто профессиональными, и их предметом является родина и ностальгия по ней. В его творчестве заметна симметричность между своей жизнью: он излагает о тех трудностях, которые видел в жизни. Так как поэт пишет, что одна из его «ошибок» – быть вдали от своей родины и не иметь возможности управлять своей родиной:

Толеъ йўқи жонимға балолиғ бўлди,
Ҳар ишники айладим, хатолиғ бўлди.

Глядя на исторические труды, общественно-политическая обстановка в Мавераннахре в то время не позволяла Бабуру долгое время править у себя на родине. Вышеуказанные обвинения против него доказывают, что он был очень скромным и требовательным человеком по отношению к себе. Он, бесконечно страдая, вынужден уехать в другую страну (ранее в Кабул). Поэт говорит об этом в следующем отрывке:

Эл билмаса ҳолатим, билур ёр,
Ҳолимдин эрур Худой огоҳ.

Можно сказать, что все трудности и противоречия в жизни Бабура, хотя он и был хорошо образован в области интеллекта, делали его интеллект еще более острым и мудрым. Ибо в большинстве своих газелей проявляется философский дух:

Улуснинг таъну таърифи манга, Вобур баробардир,
Бу оламда ўзимни чин ямон–яхшидин ўткардим.

Большую часть богатого и разнообразного наследия Бабура составляет его лирика. Основную часть его дивана составляют газели и рубаи. Газель обладает множеством творческих возможностей и легко выражает любые эмоции, мысли, большие и маленькие идеи. А рубаи всегда удобны для передачи моральных и философских идей поэта. Из записей в Бабур-наме ясно, что Бабур создал большинство своих рубаи экспромтом, без какой-либо подготовки. В газелях и рубаи поэта речь идёт о конкретной теме, и стихи следуют ее логической последовательности. В результате они стали композиционными. Газели и рубаи, конкретные идеи или стихи, которые посвящены определенному предмету или которые отражают определенный образ или ситуацию, написаны этим принципом [2].

Газели и рубаи составляют большую часть, и поэтическая сила и мастерство Бабура в них естественным образом проявляются. В каждой газели и

рубаи это замечательное качество поэзии – пытаться говорить в определенной теме, стремиться идти в ногу с идеей и освещать определенный образ. Это качество было стабильным в поэзии Навои. Эту традицию продолжил Бабур. «Газели Бабура – это фантастическое пространство смысла с широким горизонтом смысла о жизни, о вселенной, о человеке и обществе». Известно, что настоящие поэты всегда уделяли особое внимание созданию искусства на основе образа и образности.

Бабур добавил новые образы к традиционной нашей поэзии, и это всегда актуально, чтобы подчеркнуть эти аспекты его работы. Поэтические образы, такие как король и раб, родина и тоска, власть и бедность, триумф и процветание – все эти выражения и концепции, которые высоко выражены в работах Бобура. Хотя до Бабура эти образы и символы были в элементарном виде, Бабур довёл их до отличного состояния. Он привнес реальный и конкретный образ Родины в нашу литературу. Правда, и до Бабура символ Родины существовал в узбекской поэзии. Однако в работах предшественников, когда понятие родины выражалось в общем смысле жизни, Бабур понимал, что Родина – это Туркестан, а не только Самарканд или Андижан. В своих работах он рисовал портрет, который в итоге создал художественный образ своей родины.

Как упоминалось ранее, учащийся, способный мыслить самостоятельно, сможет мыслить аналитически. Аналитическое мышление – это способность глубоко анализировать и воспринимать реальность. В философском образовании аналитика означает обсуждать и доказывать [3, 9].

Аналитическое мышление начинается с самостоятельного мышления и выражается следующим образом:

– предмет анализа, проблема, задача выявляется, создаётся мотивация. Стихотворение, отрывок из него, изучение других сторон произведения могут быть объектом анализа;

– поэтический текст разбивается на логические части;

– каждое слово, предложение в тексте продумывается, слои мыслей раскрываются. Придаётся значение внешним и внутренним смыслам слов и фраз, новым логическим мыслям и заключениям сложившихся от них;

– аналитическое мышление включает в себя новые идеи, идеи должны быть логически связаны с текстом;

– сделаны аналитические заключения и выводы;

– лучшая идея – выбрать заключение.

При изучении и истолковании произведения Бабура пользоваться этими методами целесообразно.

В процессе аналитического мышления читатель чувствует себя так, словно его запутали в детективных событиях и он хороший детектив. Это вдохновляет его больше, поощряя его собственные исследования.

Учащийся приобретает такие качества, как независимое мышление, инициативность, эффективность, скорость и способность принимать самостоятельные решения. Аналитический подход к изучению литературы дает

новый дух, интеллектуальную силу гуманитарному образованию и урокам литературы.

Литература

1. Adabiyot / To‘xliyev B., Karimov B., Usmonova K. O‘rta ta’lim muassasalarining 10-sinfi va o‘rta maxsus, kasb-hunar ta’limi muassasalarining o‘quvchilari uchun darslik-majmua. “O‘zbekiston milliy ensiklopediyasi” davlat ilmiy nashriyoti. – T., 2017. – b. 39 .
2. Bekmirzayeva X. Bobur she’riyatidagi ayrim obrazlar talqini. – T., 2017.
3. Xasanov Sh. Badiiy asarning o’quv tahliliga analitik yondashuv. // Til va adabiyot ta’limi. – T., 2017. – № 12. – b. 9.
4. B. Qosimov, N. Jumaxo’ja. O’zbek adabiyoti. – T., 2001. – B. 34.

© **Туракулова О. А.**, 2020

А. Н. Урумбаева,
к. пед. н., доц. НПГИ им. Анжинияза, г. Нукус (Узбекистан);
А. Н. Шарафатдинова,
Студентка НПГИ им. Анжинияза, г. Нукус (Узбекистан)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО БАБУРА – ПРИМЕР ДЛЯ ПОТОМКОВ

Он был… гораздо более человечным,
чем все другие восточные завоеватели...
И чтобы ни думали о нём …люди, мы
не можем думать о нём иначе, как только
относясь с глубокой симпатией к этому
великодушному и общительному гиганту...
В. Н. Морленд

Бабур был одним из самых
культурных и обаятельных людей,
какие только существовали
Джавахарлал Неру

Как известно, историю развития любой страны формируют выдающиеся личности, деяния которых, оставляя богатое наследие, являются неиссякаемым источником мудрости и знаний, ярким примером для последующих поколений. Узбекистан – Родина великих мыслителей, учёных, поэтов, таких как аль-Фараби, аль-Хорезми, аль-Бируни, Авиценна, аль-Фаргони, ат-Термези, Имам Бухари, Бахаватдин Накшбанди, Алишер Навои, Мирзо Улугбек, Бабур и многих других, внёсших весомый вклад в сокровищницу мировой цивилизации. В их ряду особое место принадлежит выдающемуся государственному деятелю, славному полководцу, гениальному мыслителю и поэту, учёному и философу, основателю державы и династии Великих Моголов (Бабуридов) Захириддину Мухаммаду Бабуру.

Захириддин Мухаммад Бабур – великий узбекский поэт и писатель, оставивший яркий след в сокровищнице мировой культуры, мыслитель и философ, мудрый государственный деятель. Это выдающаяся личность, обозначившая целую эпоху в истории художественного творчества, гениальный представитель узбекской национальной литературы, честь и гордость нашего народа.

Однако наследие Бабура – это духовное достояние не только узбекского народа, но и всего человечества. Гордость за него живёт в каждом жителе нашей республики. А любовь к его творчеству прививается молодежи ещё со школьных лет. Отрадно отметить, что за годы независимости в Узбекистане осуществлена и успешно продолжается широкомасштабная работа по восстановлению доброго имени наших великих предков, увековечению их памяти, изучению бесценного творчества и пропаганде их духовного наследия.

Вообще для нашей республики месяц февраль богат знаменательными датами и, прежде всего, днями рождения Навои и Бабура, чьи бессмертные произведения имеют огромное значение в воспитании подрастающего поколения. Поэтому их творчество всесторонне и глубоко изучается во всех учебных заведениях. Примером же безграничного уважения к бесценному литературному наследию предков является то, что их богатое творчество является предметом научного изучения многих учёных и исследователей.

Поводом нашего очередного читательского обращения к его бессмертному наследию явилось известное четверостишие из его сборника рубаи:

Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я многое постиг, но ниц учениками,
Быть может потому, что сам я ученик.

За подкупающей и привлекающей поэтической техникой слога, простотой и доступностью языка, доведённой до совершенства и выгодно отличающейся от стиля большинства поэтов того времени, сразу раскрывается богатый внутренний мир, вся природа и философия Бабура, его скрытое обращение к читателю, к будущим потомкам, то есть к нам.

Написанное пять веков тому назад, оно невольно наталкивает читателя на размышления о самом главном – о смысле жизни, о её противоречиях и сложных перипетиях, извечной борьбе двух начал: добра и зла, жизни и смерти, прекрасного и ужасного, хорошего и плохого. Читая его, мгновенно ощущаешь трагедию и боль поэта, его переживания, чувства и глубокую безысходность. Поиски истины, пессимистический тон, преобладающий в его рубаи, вполне соответствуют душевным настроениям Бабура, навеянным тоской по родине. Поэт горестно осознаёт, что у него нет достойных учеников, хотя так не должно было бы быть. И тут же, как бы успокаиваясь и оправдываясь, объясняет сей факт признанием себя всё ещё учеником, пока не доросшим до учителя. И так без конца, и так во всём. Что ни шаг, то дисгармония намерений и результатов. Дисгармония, отравляющая сознание, рождающая горечь от недостижимости целей, усталое разочарование роковым круговоротом судьбы.

Меня судьба, увы, измучила вконец,
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец.

Как же так? Почему? Как понять причины разочарований поэта? В чём суть трагедии личности гения? Что он завещал последующим поколениям? И какие уроки потомки могут извлечь из его бесценного творчества?

Именно эти вопросы и поиск ответов на них побудили нас вновь обратиться к жизни и творчеству великого Бабура. Хотелось ещё раз прикоснуться к его трудам, почувствовать их дух, окунуться в атмосферу того времени, и через призму современности, через диалог поколений заверить поэта и доказать, что он давно любим и почитаем потомками, что его творчество принадлежит всему человечеству, а самое главное, что он очень богат учениками, и поэтому может считаться достойным учителем.

Из исторических источников нам известно, что Захириддин Мухаммад Бабур – старший сын незначительного владетеля Ферганского удела Умар-Шейха Мирзы, родился 14 февраля 1483 г. в Андижане в разгар междоусобной борьбы в Средней Азии между различными Тимуридскими правителями за передел обширной территории созданного Тимуром государства. Он является прямым потомком Амира Тимура по отцовской линии и Чингисхана по материнской линии.

С детства поэт был влюблён в литературу, искусство, красоту природы и, подобно всем принцам-Тимуридам, он получил основы знаний от выдающихся преподавателей во дворце своего отца, где его обучали придворные учёные и советники. Эстетические вкусы, социально-философские взгляды юного потомка Амира Тимура, его внутренний духовный мир и мировоззрение формировались на гениальных произведениях Алишера Навои, Абдуррахмана Джами, Лутфи и других классиков Востока. Вокруг маленького Бабура с ранних лет звучали три языка, он легко освоил старый тюркский язык, а также персидский и арабский языки, свойственно образованнейшим людям того времени. Ребёнком он декламировал строки из великого «Шахнаме», воспевающего победы и поражения героических царевичей, ловко сочинял рубаи, «бабури», написанные на тюркском языке. Любимые книги Бабур зачитывал буквально до дыр.

Он выделялся среди ровесников сноровкой в военных играх, был прирождённым наездником и стрелком. За отважный и мужественный характер поэт уже с юношеских лет получил прозвище «Бабур», что в переводе с персидского означает «тигр (лев, барс, полководец)».

В 1494 г., после смерти, отца 11-летний Бабур был объявлен государем Ферганы. В последующие годы он упорно стремился создать в Мавераннахре, т. е. на территории между Амударьёй и Сырдарьёй, крупное централизованное государство, но его планы не увенчались успехом. Как известно, Мухаммед Шейбани-хан, предводитель кочевых узбеков, умело воспользовавшись неурядицами и политическими междоусобицами среди правителей Мавераннахра и Ферганы, в 1504 г. овладел Самаркандом, Андижаном, затем Ташкентом и вынудил Бабура покинуть пределы Ферганы и обосноваться в Кабуле и Бадахшане.

Однако Бабур всегда чувствовал ответственность за страну и народ. Он поставил перед собой задачу – восстановить государство Тимуридов, создать империю, сосредоточенную вокруг Самарканда, и таким образом осуществить мечту великого Сахибкирана. Но желаниям не суждено было сбыться. Волею судьбы он взошёл на трон в Кабуле. И первое, что сделал Бабур, – была закладка террасных садов с журчащими, ниспадающими ручьями. Одним из таких мест был «Баги-Софа» («Сад непорочности»), построенный в 1519 году. По словам очевидцев, в целом Бабур построил, по меньшей мере, 10 садов и большей частью террасных.

Следует отметить, что именно Тимуридские сады Самарканда, несомненно, служили прообразами для садов Бабура и его потомков, что отражало его святую любовь и преданность к Родине.

О ветер, ты за день весь облетаешь свет,
Лети в ту землю, где я не был много лет,
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет.

Через всю свою жизнь Бабур пронёс мечту о садах и дворцах древнего города и, где бы ни был, всегда облагораживал территории, строил величественные дворцы, утопающие в пышных садах. Вопреки тому времени, это была политика созидания, а не разрушения, политика прогресса и развития, что доказывает его величие и человечность, благородство и мудрость.

Вместе с тем, неоднократные попытки Бабура (в 1505-1515 гг.) вернуть «наследственные владения» государства Тимуридов оканчиваются полной неудачей, и он обращает своё внимание на Индию. Ряд походов не приносит успехов, и лишь в 1526 г., разгромив войска делийского султана, Бабур становится правителем Северной Индии, где основывает Империю Бабуридов со столицей в городе Агра. Завладев страной, Бабур способствовал развитию в ней городов и торговли, мелиорации, строительству библиотек и караван-сараев, поощрял посадку деревьев и садов. Бабур прославился как просвещённый правитель, покровитель искусств, науки и культуры. Вокруг своего двора в Агре он собрал немало выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов, учёных того времени, которым оказывал очень большое внимание, наверное, потому что сам был талантливым учёным, писателем и поэтом.

И здесь поэт строит сады по образцам Самарканда и Герата. По его словам, индусы их называли «Кабули». С приходом Бабура Индия узнала любовь к ландшафтной архитектуре, садоводству. Из-за таланта к устройству садов в самых сложных природных условиях и местности народ Индии наградил его прозвищем «Царь-Садовник». Увлекаясь селекцией растений, Бабур часто завозил экзотические растения в северные территории. Так, в одном из своих садов на газонах с клевером Бабур приказал высадить банановые пальмы, апельсиновые деревья и гранатовые саженцы, и всё это, к восторгу местных садовников, принялось великолепно.

Однако в память о нём остались не только тенистые сады Агры. Там, где проходили Бабуриды, поднимались выстроенные из красного песчаника и белого мрамора дворцы, величественные мечети и усыпальницы. В отличие от прежних империй, Бабуридская, не разрушая местную культуру, становилась центром цивилизованного общества, а не варварских орд. Бабур и его потомки смогли построить в Индии «новый Самарканд» – город науки и культуры, город его юной мечты. Однако поэт всю жизнь испытывал чувство безмерной тоски и любви к своей родине – Средней Азии – и всегда жил надеждой вернуться домой, которая, к великому сожалению, так и не осуществилась.

Умер Бабур 26 декабря 1530 года, не дожив и до 50-ти лет. Его предали погребению в саду Агры, напротив того места, где позднее был возведен Тадж-

Махал, и 9 лет там находилась его усыпальница. Спустя некоторое время после смерти Бабура, согласно завещанию, останки его были перенесены из Агры в Кабул, в загородный сад, который ныне известен как «Баги-Бабур «(Сад Бабура). Из сорока восьми лет жизни Бабур правил своим государством тридцать шесть.

Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур, обладая широким кругозором и пытливым умом, оставил значительный след во многих областях жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии. Благодаря своим выдающимся способностям, Бабур вошёл в историю не только как полководец и правитель-основатель династии Бабуридов в Индии, но и как учёный и поэт, оставивший богатое творческое литературное и научное наследие и в области мусульманской юриспруденции. Его перу принадлежат оригинальные лирические произведения (газели и рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению, поэтике, музыке, военному делу, экономике и финансам, а также разработанный им самим специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Поэтическое наследие Бабура многогранно и богато. Его лирические произведения были собраны в «Кабульский диван» (1519), затем в «Индийский диван» (1529-1530). Он написал стихотворения в более чем 10 жанрах восточной лирики, в которых отражены его личная жизнь, красота окружающей природы и исторические события.

Безусловно, основу поэзии Бабура составляют стихи любовно-лирического содержания. Мастерство поэта выражается в оригинальном литературном стиле и умелом использовании наиболее выразительных средств тюркского языка. Любовь для Бабура – верность, преданность, благородство и человечность. Он ставит её превыше всего: богатства, общественного положения и всех земных благ. В своих стихах он создаёт образ прекрасной возлюбленной, наделяя её небывало красивой внешностью, богатым внутренним содержанием, духовным совершенством.

Коса её – силок, я залетел туда.
Смятенный, сбит я с ног и ослеплён – беда!
Мне жаль тебя, Бабур: в делах своих любовных
Как ни ведёшь себя, ты каешься всегда!

В поэзии Бабура также затронуты вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Поэт возвышает человека, относится к нему с великим уважением, высоко ценит человеческое достоинство. Он отвергает всё то, что противоречит этому. По его мнению, эгоизм, самолюбие, грубость, лицемерие, гордыня, чванство, жадность, тщеславие, жестокость – негодные качества, губящие человека.

Кто презирает всех, презрения достоин.
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям Бог хороших даст в друзья,
А кто с другими плох, отмщения достоин.

В своих рубаи Бабур даёт искренние советы людям, говоря о том, как человек должен воспитывать в себе лучшие моральные качества. Затрагивая эту

тему, поэт главное назначение человеческой жизни видит в добре, великодушии, благородстве и честности: «Делать хорошее дурным людям – то же самое, что поступать дурно с хорошими людьми». Дружбу же он считает самой важной чертой человеческого качества и мощной силой в борьбе с врагом.

Художественный язык произведений Бабура прост, общедоступен, ясен и лаконичен. Поэт не любит громких фраз и сложных выражений. Простота языка Бабура способствует ясному восприятию читателями его творений, богатой палитры чувств и переживаний. Он призывает избегать бессмысленной болтовни, выражать свои мысли кратко, чётко и просто: «Тот, кто говорит много, говорит без толку».

В лирике Бабура особое место занимает тема родины. В его четверостишиях с большой впечатляющей силой выражены тоска по родине и беспредельная любовь к ней.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

Все события, протекавшие на рубеже XV-XVI вв. в Средней Азии, Афганистане и в Индии, нашли отражение в его самом знаменитом труде «Бабур-наме» («Записки Бабура»). Этот по своему объёму и значению воистину исторический труд, бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке по праву занимает центральное место в научном наследии и творчестве поэта. Написанное на чагатайском наречии тюркского языка, произведение ярко повествует о событиях и исторических фактах прошлого, позволяя читателю ощутить атмосферу ушедших дней. Книга была завершена в Индии, и, отражая историю народов того периода, она носит в основном автобиографический характер.

Однако, как отмечают учёные и специалисты-исследователи, по совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в Средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии. По богатству и разнообразию материала, по языку и стилю «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени. Неудивительно поэтому, что в разные времена этот труд привлекал пристальное внимание учёных всего мира. Интерес к этой книге в значительной степени обусловлен и весьма незаурядными личными качествами её автора – Захириддина Мухаммада Бабура, основателя обширной империи Бабуридов в Индии, просуществовавшей более трёх веков, до начала XIX столетия.

«Бабур-наме» – это своеобразный человеческий документ, составленный на основе тонких наблюдений поэта за окружающим миром, в котором подробно описана политическая обстановка, царившая в средневековом Востоке на рубеже XV-XVI вв. В основном этот труд посвящён описанию деятельности самого

Бабура, его военных предприятий и походов, удач и неудач, изложению всех перипетий его богатой приключениями жизни.

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет Бабур?
Но кто прочтёт «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенёс царь и поэт Бабур!

История написания «Бабур-наме» неизвестна. Сам Бабур в своей книге об этом умалчивает. Ясно одно: как литературный и исторический памятник для изучения феодальных отношений на Востоке «Бабур-наме» не имеет себе равных и по степени самостоятельности содержащихся в этой книге сведений. Как автор замечательного произведения, Бабур по достоинству занял видное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока.

Как видно из вышесказанного, Бабур не был поверхностным созерцателем общественной жизни и истории: он активно стремился анализировать события и явления, высказывать свои взгляды, выражать волновавшие его мысли и чувства, которые были направлены на служение принципам добра и справедливости, правды и красоты.

Роль и место научного и литературного наследия поэта в культурной жизни Средней Азии и Индии поистине огромны. Бабур, являясь одним из лучших представителей сложившейся в Средней Азии феодальной культуры, внёс значительный вклад в развитие индо-мусульманской культуры и, прежде всего, среднеазиатской и индийской историографии.

Заслуга Бабура как крупного полководца, тонкого знатока и ценителя науки и просвещения, покровителя творческой интеллигенции, мецената культуры и искусства, историка, географа, этнографа, прозаика и поэта, в настоящее время широко признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира. Подтверждением тому являются новые переводы его трудов на различные языки, что является очередным признанием роли и места выдающегося творения Бабура на международной арене.

Созданный Международный общественный Фонд имени Бабура регулярно проводит различные экспедиции, организовывает научные конференции. К его богатому творчеству проявляется постоянный живой интерес как на Востоке, так и на Западе. Прославивший узбекский народ на весь мир, он учит беречь исторические и духовные ценности, смотреть в будущее с уверенностью и любовью.

Труды Бабура, как уникальное сокровище мировой литературы, переводятся на многие языки мира и исследуются, потому что в его произведениях воспеваются самые высокие человеческие качества: гуманизм, патриотизм, любовь и милосердие. Его бессмертное творческое наследие объединяет народы, служит мостом дружбы и взаимопонимания, поскольку ценности, воспеваемые в его произведениях, одинаково близки и понятны всем, они всегда будут служить ориентиром, путеводной звездой во всех благих начинаниях и делах потомков.

В современном независимом Узбекистане в деле воспитания молодого поколения гармонично развитыми личностями произведения Бабура о духовно-нравственных ценностях имеют важное значение. Поэт посвятил свою жизнь народу и воспевал это благое стремление во всех своих работах. И поэтому в школах и вузах наши педагоги и наставники постоянно разъясняют молодежи, почему жизнь и творчество великого предка должны служить для неё примером. Так, доведение до молодёжи сути и значения творчества великого поэта, выдвинутых им идей является актуальным и злободневным особенно в нынешнее непростое время глобализации и переоценки ценностей, характеризующейся жесточайшей борьбой за сознание и умы миллионов молодых людей.

Изучение творчества Бабура способствует глубокому знанию истории страны, художественно-философских взглядов, культуры и обычаев нашего народа. Пропагандируемые им идеи служат росту национального самосознания, нравственному развитию человека, поэтому изучение и популяризация его произведений будут актуальными не только сегодня, но и во все времена.

Уж лучше совершить тяжёлых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов.
Чем, став ослушником, родителя обидеть.
Чем не прийти к нему в тяжёлый час на зов.

В процессе духовно-просветительских реформ, проводимых по инициативе руководителя нашей страны, во всех образовательных учреждениях особое внимание уделяется повышению эффективности бабуроведения. В частности, к примеру, в школах для этого созданы все условия для применения современных технологий и педагогических инноваций. Так, уроки литературы проводятся с использованием интерактивных электронных досок и компьютеров, с показом видеороликов, слайдов, проведением сочинений, тестов и различных дидактических игр. В целях обучения учащихся выразительному чтению газелей и рубаи поэта демонстрируются видеоматериалы, снятые в ходе литературных вечеров, поэтических турниров и конкурсов. Театрализованные выступления по мотивам произведений Бабура способствуют укреплению знаний учащихся о творчестве поэта. Хороший результат в изучении произведений Бабура даёт эффективное использование комментариев, толкований и словарей.

В жизни и творчестве Бабура, рассматривавшего человека как венец мироздания, заключена твёрдая уверенность в том, что такие высокие чувства, как доброта, нежность, справедливость, сделают мир благоустроенным и светлым, спасут человечество от духовного краха. Поэтому мы все должны изучать огромное литературное наследие поэта, приобщать к этому бесценному достоянию наш народ, и особенно молодёжь. Ведь высокие личностные качества Бабура и бессмертные произведения нашего предка призывают человека к созиданию, творить добро, воспитывать молодое поколение в духе патриотизма, дружбы и преданности родине.

Бесспорно и несомненно одно: Бабур, величайший художник слова, внёс огромный вклад в развитие узбекской и мировой литературы. Он оставил нам в наследство множество замечательных по содержанию и по форме книг, достойных читателей всех поколений. Поэт, как истинный патриот-гуманист, посвятил себя служению народу, развитию литературы и науки. Нас с ним разделяют века, но он живёт и будет жить вечно в народной памяти, в своих трудах, в каждом слове и, конечно, в каждом из нас.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме / пер. М. Салье ; под ред. М. Шевердина. – Т. : Госиздат УзССР, 1948.
2. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992.
3. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Баку : Нагыл Еви, 2011.
4. Бабур, Захириддин Мухаммад. Избранная лирика Востока. Бабур // Ташкент, 1980.
5. Кадыров П. Бабур : Звездные ночи. – М., 1980.
6. Садыкова Ситора-бону. Сады великих Бабуридов // Народное слово. – Т., 2017. – №32. – С. 4.
7. Хидоятов Г. А. Тюркская цивилизация. – Т., 2015.

© **Урумбаева А. Н., Шарафатдинова А. Н.**, 2020

Р. Т. Усанов,
к. филос. н, доц. ХГУ им. академика Б. Гафурова,
г. Худжанд (Таджикистан)

ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ БАБУРА

Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530 гг.) сыграл огромную роль в истории культурной и общественной жизни Индии и Востока. Без этой яркой фигуры история Востока будет неполной. Верно высказывание бывшего премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру, который пишет своём письме №88, адресованном 3 сентября 1932 года из тюрьмы своей дочери Индире Ганди о Бабуре: «…Бабур был одним из самых культурных и обаятельных людей, какие только существовали. Он был свободен от сектантской ограниченности и религиозного фанатизма и не разрушал, как это делали его предки. Бабур увлекался искусством и литературой и сам писал стихи. Он любил цветы и сады и в жаркой Индии часто вспоминал свою Родину в Средней Азии». Ещё он писал: «Бабур – неординарная личность. Он является выдающимся правителем, человеком эпохи Возрождения, любящим искусство, литературу, умеющим наслаждаться красотой жизни. После его прихода в Индии произошли большие сдвиги». Его вывод полностью подтверждается данными исторических источников, написанных в Средней Азии и Индии в средние века («Тарих-и Рашиди», «Хумаюн-наме», «Тарих-и Хумаюн-шах», «Акбар-наме», «Табакати-Акбари» и т. д.)

Книги Бабура – бессмертные творения, обогатившие сокровищницу человеческой цивилизации. Сочинения его дарят красоту наслаждения разным народам мира. Творческое наследие Бабура изучаются исследователями в разных странах.

Меньше всего Бабура интересовал престол монарха, он был озабочен созданием централизованного государства, обеспечивающего благосостояние страны. В глазах народа он представляется как ценитель красоты природы и человека, певец лучших нравственных качеств личности, объективный летописец исторических событий, осуждающий насилие. Шах Бабур завоевал Кабул и любил этот город, сделал много для его благоустройства, Бабур завоевал Индию, ничего не разрушая, а напротив – возводя новые здания и справедливо управляя этим государством. Поэтому он ценил справедливость в людях и правителях, для этого привёл конкретные примеры. Например, в «Бабур-наме» о своём отце Омар Шейх мирзе он пишет: «Омар Шейх мирза был ханафит по исповеданию и человек чистой веры; он не пренебрегал молитвой, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран. Он был мюридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха и часто удостаивался беседы с ним. Досточтимый Ходжа даже называл его сыном. Омар Шейх мирза был хорошо грамотен и читал обе “Пятерицы”, книги месневи и летописи, чаще всего он читал Шахнаме. У него был дар к стихосложению, [но] он не уделял внимания поэзии. Справедливость его достигала высокой степени. Однажды, когда из

Китая шел караван, то у подошвы гор к востоку от Андижана караван из тысячи людей так засыпало снегом, что спаслись только два человека. Получив об этом известие, Омар Шейх мирза послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх мирза сберег товары несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости. Он отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Это был добродушный, болтливый, речистый, сладкоустый человек; смелый и отважный муж это был».

В походах Бабура в Афганистане несколько хазарейцев преградили дорогу его войска, и потом между ними была война. Его йигиты побеждали, и он отпускает этих разбойников. Об этом он пишет в своих мемуарах: «Четырнадцать или пятнадцать человек хазарейцев, главарей бунтовщиков и разбойников попали к нам в руки. У меня было на уме подвергнуть их на этой стоянке разным мучениям и истязаниям и убить в назидание другим бунтовщикам и разбойникам, но по дороге мне встретился Касим бек, который проявил неуместное милосердие и отпустил их.

Соленая земля не принесет гиацинта,
Не губи в ней напрасно семена надежды.
Делать хорошее дурным людям — то же самое,
Что поступать дурно с хорошими людьми.
[Других] пленных он тоже пожалел и отпустил.

Когда он завладел Индией, оставил живыми мать Ибрахима (султана Индии до Бабура), его сына и много поваров. К сожалению, «это злосчастная старуха» с помощью с поваров попыталась отравить Бабура. Но он, объединяя свои внутренние силы, т. е. силу гнева, уравновешивает их и не допускает преобладания гнева или страсти, держав их в подчинении разума, не наказывает мать Ибрахима. Об этом пишется «Бабур-наме»: «Избавившись от этих опасностей, я послал написанное письмо в Кабул. Так как та злосчастная старуха совершила столь великий проступок, то Юнус Али и Ходжаги Асаду было приказано отобрать у нее ее деньги, вещи, рабов и рабынь и отдать ее Абд-ар-Рахим шигаулу, который должен был тщательно присматривать за этой женщиной. Внука старухи, сына Ибрахима, раньше держали под присмотром, в большом почете и уважении. Так как представители этой семьи учинили такое покушение, то я не счел полезным оставить при себе сына Ибрахима и в четверг, двадцать девятого раби [первого], отправил его к Камрану с Мулла Сарсаном, который пришел от Камрана по каким-то делам».

По мнению его, не следует допускать ошибки в оценке поступков, которые не имеют ничего общего с добродетелью. Отдельные люди пытаются выдавать себя за справедливых. Они делают это ради славы, чтобы вызвать к себе симпатию у людей, и по другим корыстным целям. Истинная справедливость та, которая совершается по велению разума. Он осуждает поступки Шейбани-хана после захвата Герата и пишет: «После того как Шейбани-хан взял Герат, он очень дурно обошелся с женами и детьми [обоих] государей, не только с ними, но со всем народом. Ради преходящих благ нашей краткой жизни он учинил

всевозможные грубости и непристойности. Первое дело и действие, которое Шейбани-хан совершил в Герате, таково: ради грязных мирских расчетов он отдал Хадича-биким развратнику Шаху Мансуру Бахши на пытку и истязание. Шейх Пурана, этого праведного, святого человека, он отдал моголу Абд ал-Ваххабу, а его сыновей роздал всяким людям. Всех поэтов и даровитых людей Шейбани-хан отдал во власть Мулле Беннаи. По его мнению, будет справедливо, если глава семьи проявляет истинную заботу каждого члена семьи принимать соответствующие и своевременные решения. Не таких мужчин с примера сыновья Султан Хусейна осуждает: «Зу-н-Нун Аргун, поддавшись на речи льстецов, стоял в Кара-Рабате с сотней или полутора сотнями бойцов против сорока или пятидесяти тысяч узбеков. На [гератцев] напало множество врагов; людей Зу-н-Нуна убили и отрезали им голову. Матери, сестры, жены и казна мирз находились в крепости Ихтияр ад-дин, которую [теперь] называют Ала-Курган. Мирзы достигли города к вечеру. Они поспали до полуночи и, дав отдохнуть лошадям, на заре покинули город, не подумав даже укрепить крепость. Имея столько времени и сроку, они не увезли своих матерей, сестер, жен, сыновей и дочерей и бежали, оставив их в плену у узбеков. Пайанда Султан биким, Хадича биким и другие жены Султан Хусейн мирзы, жены, дочери и сыновья Бади'аз-Заман мирзы и Музаффар мирзы, а также все их наличные сокровища и пожитки находились в Ала-Кургане. Мирзы не укрепили и не подготовили крепости [к осаде], как следует; йигиты, назначенные в подкрепление, тоже не подошли».

По словам Дж. Неру, «захватчики, пришедшие в Индию с северо-запада, подобно своим многочисленным предшественникам в более древние времена, ассимилировались в Индии и включились в ее жизнь. Их династии стали индийскими, а в результате браков с индийцами происходило значительное смешение крови. За небольшими исключениями, они сознательно не трогали образа жизни и обычаев народа. Они считали Индию своей родиной и не чувствовали себя связанными с другими странами. Индия оставалась независимым государством. Вернемся назад. Афганцы обосновались в Индии и ассимилировались здесь. Перед их правителями стояла задача – сначала ослабить враждебность к себе народа, а затем привлечь его на свою сторону. Для осуществления этой задачи они прекратили жестокости, распространенные в первое время, стали более терпимыми, старались наладить сотрудничество и держали себя не как иноземные завоеватели, а как индийцы, родившиеся и выросшие в стране. Начали появляться зачатки смешанной культуры, и был заложен фундамент, на котором Акбар основывал впоследствии свою деятельность.

Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью. Его внук Акбар был еще более обаятельным и обладал еще большими достоинствами. Смелый и отважный, талантливый полководец и в то же время великодушный и милосердный, идеалист и мечтатель, он был одновременно человеком действия и вождем,

снискавшим беззаветную преданность своих последователей. Как воин, он покорил обширные территории Индии, но мечтал он о другом, более прочном завоевании, о завоевании умов и сердец людей. По словам португальских иезуитов, бывших при дворе Акбара, его взгляд обладал притягательной силой и глаза "сверкали, как море, освещенное солнцем". Акбар возродил древнюю мечту о единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ. Акбар привлек на свою сторону многих гордых раджпутских вождей, которые не подчинились бы никому другому. Он женился на раджпутской княжне, и его сын и наследник Джахангир был, таким образом, наполовину Моголом, а наполовину индусом-раджпутом. Мать сына Джахангира, Шах Джахана, тоже была из раджпутов. Это моголо-раджпутское сотрудничество, продолжавшееся и при последующих правителях, оказало воздействие не только на государственный строй, управление и армию, но также и на искусство, культуру и весь образ жизни Индии. Именно в его правление значительно продвинулось вперед культурное сближение индусов и мусульман в Северной Индии».

Захириддин Мухаммад Бабур был страстным патриотом. До конца своих дней он не оставлял желания вернуться на Родину. Тяжелые душевные переживания, порожденные разлукой с ней, выражены в его стихах:

Остались ли насилие и жестокость неба, не виданные мною?

Остались ли беды и страдания, не ведомые моему больному сердцу

Можно заключить, что гуманизм Бабура имеет прогрессивный характер. Творчество великого султана, поэта и философа в наши дни несет огромное значение для молодого поколения. Идеи добра и справедливости, воспетые в произведениях Бабура, не утратили своей ценности и значимости на протяжении веков для Востока и Запада.

Литература

1. Азимджанова С. Беруни и Бабур об Индии // Беруни и гуманитарные науки. – Т., 1972.
2. Бабур. Бабур-наме : в 3-х т. – Т., 1965–66.
3. Бабур, З. М. Бабур-наме : в 2-х т. – Т., 1992.
4. Неру, Джавахарлал. Открытие Индии. – М. : Изд-во иностранной лит., 1955.
5. Хасанов С. З. М. Бобур. – Т., 2011.

© **Усанов Р. Т.**, 2020

З. Ж. Усмонова,
ст. преп. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА В ДУХОВНОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

Литература с самого своего зарождения отображает лучшие чувства, надежды и устремления человечества, его мышление, представления о природе и сущности, воспевает благородные качества. И в этом смысле она выполняет задачу важного моста, не только сближающего сердца, но и объединяющего целые нации, что является важным фактором в духовном становлении человека. На Востоке воспитанию и образованию молодёжи уделяется особое внимание, ведь еще Алишер Навои оценивал важность воспитания и воспитателя, учителя так: «Его [учителя] дело самое трудное... Посмотри, один сильный человек перед воспитанием одного ребенка показывает слабость. А он целой группе детей дает знания и воспитывает их, что можно с этим сравнить... Труд того, кто на пути истины обучил тебя хотя бы одной букве, нельзя оплатить всеми сокровищами казны».

Молодость – это тот особенный период времени, через которое проходит всё человечество. И от того, кем представители молодого поколения станут после фазы становления, зависят судьбы и будущее не только их самих, но и всех поколений, которые были до них и будут после. Для всей молодёжи наиважнейшим фактором взросления и образования является духовное воспитание. Даже в том случае, если человек не имеет какой-либо профессии, уровень его духовного воспитания непосредственно влияет на окружающих, так или иначе меняя их жизнь. Вот почему на данном этапе закладки человеческой личности педагогика считает своей приоритетной целью воспитать в представителях молодого поколения духовные и нравственные ценности, которые будут отныне и навечно озарять светом как их путь, так и весь мир.

Пока человек молод и полон сил, он способен свернуть горы. Это самый продуктивный возрастной этап, на котором силы и знания могут стать инструментами как добра, так и зла. Ошибочно думать, что характер человека закладывается только в детстве. Наиболее опасный подводный камень кроется именно в подростковом возрасте и юности, где понятия нравственности и морали включают в себя не только черное и белое, но и все оттенки, какие только можно представить. Именно на стадии продолжения образования молодежи и воспитательной работы с ними следует укрепить заложенный в них фундамент нравственных ценностей, выявить недостатки и своевременно устранить их, ибо, в отличие от раннего детского возраста, юный человек познаёт не просто себя, а себя как единицу общества, мира, который вот-вот станет доступен ему без ограничений ввиду его близящегося или недавно наступившего совершеннолетия. На смену ограничивающим факторам семьи и воспитательно-образовательных учреждений при правильном ходе вещей в этот момент должны

прийти факторы самоограничения личности с высокой духовностью как результата правильного образования и воспитания.

Какие же сферы и направления являются краеугольными в духовном воспитании молодёжи? Разумеется, это золотое наследие бессмертных классических произведений искусства, и в особенности – литературных шедевров. Восточная литература всегда была не только великолепным талантливым отражением общечеловеческих ценностей, но также ценилась и продолжает цениться как проявление классической восточной философии, а также как огромный пласт с историческим значением.

Ярким представителем узбекской классической литературы является Захириддин Мухаммад Бабур, потомок Амира Тимура, основатель династии Бабуридов и империи Великих Моголов. Но весь научный и литературный мир по сей день благодарен этому великому полководцу, в первую очередь, именно за его огромный творческий дар потомкам. За свою 47-летнюю жизнь Захириддин Мухаммад Бабур оставил богатое литературное и научное наследие. Его перу принадлежат всемирно известное произведение «Бабур-наме», прекрасные лирические произведения, написанные в таких восточных стилях как рубаи и газель, трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Произведения Бабура продолжают оставаться актуальными спустя 490 лет со дня смерти талантливого писателя и поэта по той причине, что в них отражена глубокая мудрость, применимая ко всем сферам жизни: взаимоотношения поколений, любовь, общественные отношения, государство, политика, духовные ценности, саморазвитие и самосовершенствование, метаморфозы личности на пути ее взросления и неподражаемая красота мира, сокрытая вокруг нас.

Многие произведения Бабура являются автобиографическими, в преподавании литературы молодёжи огромную роль играет тот факт, что наследие поэта – это не просто красоты стихосложения, которые теоретически может воссоздать любой, знакомый с законами рифмы и ритма, но плод его жизненного опыта, прочувствованных событий и эмоций, которые поэт воссоздаёт на бумаге пером своего неподражаемого таланта.

Все те великие и в то же время простые ценности, что содержатся во всех мировых философиях, религиях, учениях и современных направлениях и сводятся к элементарной жажде жить счастливо среди счастливых людей, делая всё на пути к этой цели, вы можете найти в произведениях Бабура.

Наряду с другими мировыми шедеврами литературы, педагоги считают произведения Бабура своего рода прививкой высокой нравственности для молодого поколения в процессе духовного воспитания.

Рассмотрим в качестве примера некоторые образцы стихотворного творчества Захириддина Мухаммада Бабура:

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.
Без тонкостанной — кипарис мне грудь стрелой пронзает,

Без розоликой — нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?
Пусть голову из-за нее, тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

Лирика Бабура пронизана мотивами преданности, единства, отождествления себя и мира с объектом своей любви. Подобные произведения учат молодое поколение относиться к вопросам любви, брака, создания семьи как ячейки общества именно на базе духовного единения личностей, взаимовыручки, взаимопонимания, ибо когда «Без луноликой не светло от солнечного света», мужчина как глава семьи стремится сделать всё для женщины, а она в ответ стремится осчастливить его, и тогда подобная модель семьи способна развивать общество, государство и правильно воспитывать детей. Любовь для Бабура – верность, преданность, благородство и человечность. Он ставит ее превыше всего: богатства, общественного положения и всех земных благ. Также обратите внимание на то, как каждая строчка не только таит в себе выражение чувств и преданности, но является чередой комплиментов в адрес возлюбленной. «Луноликая», «сладость», «тонкостанная», «розоликая» – Бабур мастерски воспевает главную ценность любви, умение видеть совершенство в объекте своей любви, а через него – совершенство мироздания.

А вот как пишет Бабур о главном правиле счастливого человека – умении наслаждаться днём сегодняшним и быть за него благодарным создателю:

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь как птица, брат.
Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат!

Бабур очень образно и талантливо подаёт бессмертную идею: каждое мгновение неповторимо и является сокровищем для того, кто сумеет это понять. Нельзя откладывать на завтра ни счастье, ни любовь, ни добрые слова, ни заботу, ни помощь. Быть счастливыми и делать счастливыми других нужно сегодня и сейчас.

Упоминает Бабур и о великой радости не только жить, но и передавать знания другим, тем самым, возможно, облегчая их жизненный путь. При этом высшее достоинство таланта – скромность – проявляется в сомнениях финальной строки:

Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я многое постиг, но ниц учениками,
Быть может, потому что сам я ученик.

Жемчужины творчества на базе жизненного опыта великого писателя и поэта оставлены в его наследии также и в виде мудрых прозаических высказываний, афоризмов:

«*Уж лучше совершить тяжелых сто грехов, // Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов, // Чем, став ослушником, родителя обидеть, // Чем не прийти к нему в тяжелый час на зов*», – пишет Бабур о самом главном – о любви и заботе о тех, кто, подарив нам мир и жизнь, угасает параллельно нашему расцвету, о необходимости быть добрыми к родителям. *«Кто презирает всех, презрения достоин. // Жестокий человек мучения достоин. // Хорошим людям Бог хороших даст в друзья, // А кто с другими плох, отмщения достоин»,* – как прав Бабур, ибо высокая духовность начинается именно с готовности души объять теплотой всех окружающих, без платы «ценностью достоинств», а по одному тому факту, что остальные – такие же личности. Это особенно важно учитывать в работе с молодежью.

«Где пролил пот усердья человек, // Пожнет плоды бессмертья человек», – пишет мудрец Бабур. Действительно, как важно молодому поколению овладеть главным знанием – стоит приложить усердие от всей души, и плоды не заставят себя ждать. Это кредо высокой духовности в будущем отвратит молодежь от жажды быстрой наживы, от мысли о возможности присвоить чужое, от алчности и подарит сладость праведных плодов труда.

Захириддин Мухаммад Бабур в книге «Бабурнаме» своей поэзией прекрасно демонстрирует моральные ценности, присущие не только узбекскому, но и всем тюркским народам.

Произведения Бабура являются бесценным источником в духовном, нравственном, эстетическом и патриотическом воспитании молодежи, они способны привить у них чувство любви к Родине, уважение к национальным традициям и ценностям.

Изучая творческое наследие великих предков, молодое поколение не только обретёт массу нравственных достоинств, но и познает истинное счастье наслаждения литературным искусством, что непременно отразится на том, каким будет наше с вами будущее.

Литература:

1. Избранная лирика Востока : Захириддин Мухаммад Бабур / перевод с узбекского. – Ташкент : Шарк, 2006.

© **Усмонова З. Ж.**, 2020

Э. Хазраткулова,
преп. ДжГПИ, г. Джизак (Узбекистан)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЕЙ-ТИМУРИДОВ В «БАБУР-НАМЕ»

Уникальный памятник тюркоязычной прозы «Бабур-наме» отличается от других трудов того времени мастерским изображением общественной среды эпохи, облика и человеческой природы представителей различных профессий и ремёсел. Характерной особенностью этого крупного литературно-исторического произведения считается то, что в нём нет ни одного символико-мифического образа.

Несмотря на обилие и объемность реальных исторических образов, авторский стиль изложения материала восхищает как восточного, так и западного читателя мастерским изображением неповторимых аналогий, прекрасными образцами сравнения, эмоциональным тюркским словом, также удачным применением искусства рифмовки. Исторические образы, отражённые в свойственных Бабуру поэтических набросках, можно условно разделить на две группы:

1) изображение близких людей семьи, проживавших вместе с ним или когда-то встречавшихся с ним лицом к лицу, подчинённых, правителей-современников;

2) исторические образы, созданные на основе достоверных источников о лицах, не встречавшихся с Бабуром непосредственно, но изображавшихся в центре описания.

В описании образов повелителей мы наблюдаем то своеобразие, которое является примером требовательности и взыскательности автора как историка: Бабур в своем труде от начала до конца остаётся оригинальным повествователем, описывает способности правителей-Тимуридов и оценку их государственного управления, исходя только из своих наблюдений. С большой любовью он пишет о методах царствования и общения с народом таких правителей, как Омар Шейх мирза, Султан Ахмед мирза, Султан Махмуд мирза, Байсункар мирза, Хусейн Байкара. Среди этих характеристик страницы о Хусейне Байкаре отличаются своим широким охватом, научной логикой и силой художественного развития. В качестве сжатых и коротких по сравнению с другими картин можно привести сведения о Байсункаре мирзе, который упоминается в «Бабур-наме» в девятнадцати местах. При воплощении образа Байсункара мирзы можно наблюдать следующие особенности авторского изображения:

1. У проникнувшегося вначале мыслями о возрождении великой империи Самарканд и торопившегося с этими планами в столицу Бабура на пути к достижению этой цели встречается первое препятствие: даются подробные историко-научные сведения о местном правителе Самарканда того времени и пострадавшем во время осады беспомощном сопернике.
2. Приводятся обобщающие заключения о правителе Байсункаре и его человеческих качествах после его смерти.

3. Если при рассуждении о деятельности правителей Омаре Шейхе мирзе, Султане Ахмеде мирзе, Султане Махмуде мирзе автор выражает своё отношение по восьми принципам, то деятельность Хусейна Байкары раскрывается на основе разнообразных принципов и подходов с использованием глубоких источников, и четких выводов.
4. К изображению образа жизни Байсункара мирзы и его характеристики как правителя автор подходит по пяти принципам: это рождение и родословная, форма и содержание, поведение и духовность, военные походы, захваченные территории.
5. До описания такого анализа автор представляет вниманию читателя сцену убийства Байсункара мирзы подлым Хусрав-шахом: «*Повелел привести Байсункара Мирзу в Кундуз, сам отправился в военный поход в Балх. Доехав до Авбожки, подлец Хусрау-шах поддался искушению власти. Как может владение достаться таким низким и неблагодарным, неумелым людям! У него нет ни сущности, ни рода, ни достоинства, ни искусства, ни рассудительности, ни храбрости, ни совести, ни справедливости! Задержали Байсункара мирзу вместе с его людьми и десятого числа месяца мухаррам - первого месяца мусульманского календаря стрелой из лука несправедливо убили превосходного, родовитого опрятного царевича с поэтической натурой».* Значит, падишах Бабур при изображении силы ненависти Байсункара мирзы к неблагодарному, подлому главному полководцу Хусрав-шаху использует повтор отрицательной усилительной частицы *ни-ни*, и этим достигает усиления пафоса произведения, его эмоционального усвоения в сознании читателя.
6. Портрет Байсункара мирзы отмечается свойственным Бабуру мастерством воплощать художественные портреты. Но описание его внешнего вида отличается от описания других государей - тимуридов мелодичностью рифм, яркостью сравнений, выражением теплого впечатления автора: «*Он был красивым парнем среднего роста, с большими глазами, длинным лицом, туркменскими чертами лица».*
7. При изображении сцены убийства Байсункара мирзы подлым Хусрав-шахом Бабур выражает своё беспристрастное и человеческое отношение к Тимуриду-сопернику, используя определение «опрятный», и это усиливает художественный эффект картины. Неприменение такого определения больше ни в одном описании образов ярко свидетельствует о гармонии художественного мастерства и острого внимательного взгляда Бабура.
8. Любовь Байсункара мирзы к поэзии, как и других Тимуридов, его незаурядные качества как творческого человека доказываются на примере одного стихотворного примера. Если о чтении поэзии и обращении к ней других тимуридов Бабур вспоминает попутно, то его сведения о том, что Байсункар мирза творил под псевдонимом «Адили», что в Самарканде не было ни одной семьи, где бы не нашлись его газели, гармонично сливаются с мыслями о нем Алишера Навои в труде «Мажолис ун нафоис»: «Заслуживают внимания и уважения его поэтические способности, разум

украшен хорошими качествами. Тонкая игра поэтических слов ему хорошо знакома, и иногда эти мысли заставляли его заниматься сочинением стихов..., например, "*...Если кто безумен от страсти к возлюбленной, он покидает этот мир, живет в развалинах..."*».

9. Бабур с детства пережил много предательств, подвергался ударам, испытаниям судьбы. В результате этого у него выработался духовный иммунитет узнавать людей, умение выбирать их. Он считал основными задачами управления государством правильный выбор молодых людей и воспитание их с детства готовыми к службе государству, и поэтому недочеты в правлении Байсункара мирзы оценивает так: «*...Никого не смог воспитать до уровня уважаемого бека в интересах будущего империи. Все его подчинённые были старыми, пожилыми людьми отца...».*

Через образ Байсункара мирзы в произведении красной нитью проходит мысль о справедливом правлении Бабура и его разумном отношении и оценке общественно-политического строя той эпохи. Безвременная гибель в кровавых войнах такого ценителя искусства, как Байсункара мирза, человека с мягким, добрым сердцем, подробно описана в произведении. Упоминание о бездетности Тимурида Байсункара мирзы добавило трагизма его образу.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Т. : Шарк, 2002.
2. Энциклопедия З. М. Бабура. – Т. : Шарк, 2017.

© **Хазраткулова Э.**, 2020

Г. И. Халлиева,
д. ф. н., проф. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

РОССИЙСКОЕ БАБУРОВЕДЕНИЕ XX ВЕКА

В формировании интереса и научного подхода к узбекской классической литературе в российском востоковедении большую роль сыграли социально-исторические факторы конца XIX и начала XX веков. Развитие узбекской просветительской литературы, русско-узбекские литературно-культурные связи, периодические издания начала XX века, первые переводы, деятельность научных учреждений и обществ способствовали широкому развитию межкультурных связей.

Российское бабуроведение является основным направлением востоковедения XX века. Обзорные работы, отдельные научные изыскания по произведениям поэта, каталоги и рецензии к произведениям Бабура – все это нашло отражение в исследованиях таких учёных, как В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, С. Л. Волин, А. А. Семенов, И. Я. Стеблева и др

Творческое наследие Бабура вошло в золотой фонд мировой литературы и культуры, является достоянием и национальной гордостью узбекского народа. Его перу принадлежат оригинальные лирические произведения – газели и рубаи, трактаты по мусульманской юриспруденции – «Мубайин», по поэтике – «Аруз рисоласи», музыке, военному делу.

Особое место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке – исторический труд «Бабур-наме». Эта книга носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV – начала XVI веков.

Начало XX столетия обогатило довольно скудную тюркскую литературу несколькими ценными находками и изданиями. Благодаря энергичным стараниям госпожи А. Бевериж тюркологи получили прекрасное воспроизведение интереснейшего Хайдарабадского списка «Бабур-наме». Английский востоковед и дипломат Эдвард Денисон Росс 1910 году издал сборник стихотворений Бабура.

Среди изданий Э. Д. Росса особый интерес представляет собрание поэтических творений Бабура. Великой признательности заслуживает издатель за приложение к его работе полного факсимиле рукописи. Это было драгоценное открытие для тюркологов.

С целью дальнейшего распространения важной новости, на основе издания Денисона российский тюрколог А. Н. Самойлович переиздал и перевел лирику Бабура. Ему же принадлежит ряд изданных и неизданных рецензий к исследованиям по творчеству Бабура. Рецензии ученого на труды отечественных и зарубежных тюркологов всегда проникнуты духом доброжелательства, не исключающим, однако, объективности, принципиальности в оценках и требовательности.

А. Н. Самойлович (1880-1938 гг.) – разносторонний творческий деятель, тюрколог, один из учёных наиболее исследовавший тюркскую классическую литературу**.** В Санкт-Петербурге (2008-2009 гг.), знакомясь с трудами и архивными данными А. Н. Самойловича, мы стали свидетелями высокой одарённости учёного-востоковеда, знатока тюркологии: глубокого аналитика, академика, имеющего свой неповторимый метод изложения. Неизданные научные труды ученого хранятся в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки им. Салтикова-Щедрина. Архивные данные помогают шире представить картину литературной среды, выявить новые факты в изучении научно-творческой деятельности учёного в полном объёме, также позволяет оценить выдающуюся роль российского тюрколога широкого профиля.

Своими знаниями творчества и лирики Бабура мы во многом обязаны И. В. Стеблевой. Известностью среди тюркологов пользуются исследования И. В. Стеблевой, посвящённые лирике Бабура. В монографии «Семантика газелей Бабура». И. В. Стеблева ставит и решает важные теоретические вопросы структурно-смысловой парадигмы жанра, композиции и семантического единства газели, принципов построения образной системы жанра газели и соотношения традиционной темы жанра с отражением в ней личности автора. Важно отметить, что работа содержит приложение, в котором даются выверенные тексты всех дошедших до нас газелей Бабура.

Поэтическое наследие Бабура многогранно и богато. Лирические произведения собраны в «Кабульский диван» (1519 г.), затем в «Индийский диван» (1529-30 гг.). Он написал стихи в более чем 10 жанрах восточной лирики. В его стихотворениях отражены его личная жизнь, окружающая среда и исторические события. Основу поэзии Бабура составляют стихи любовно-лирического содержания. Мастерство поэта выражается в оригинальном литературном стиле и умелом использовании наиболее выразительных средств тюркского языка. «Газели Бабура отражают действительность в той мере, в какой это можно было сделать, не нарушая эстетических норм классической тюрко-язычной поэзии. Поэтическое творчество Бабура своеобразно, неповторимо и неподвластно времени».

Среди научных трудов Бабура особое место занимает «Трактат об арузе» (1523-25 гг.), где рассматривается теория восточной метрики аруз. Бабур обогатил теорию присодии новыми положениями и обобщениями, развил классификацию ее видов и вариантов. 1972 году книга была издана в Москве под редакцией И. В. Стеблевой.

Многочисленные письменные памятники древности и средневековья, архивные документы, особенно раннего, были обнаружены и обнародованы благодаря усилиям Г. Ф. Благовой (1927). В 1954 г. Г. Ф. Благова защитила кандидатскую диссертацию, в которой продолжила надолго прервавшуюся отечественную традицию филологического изучения главнейшего труда императора Бабура, его Записок. Через 40 лет, опираясь на свои многочисленные разработки в этой области и используя новейшие достижения современных

отраслей языкознания, она выпустила книгу «Бабур-наме: язык, прагматика текста, стиль» (М., 1994). Эта книга используется в преподавании и не только востоковедных дисциплин.

Как член отдела урало-алтайских языков, Г. Ф. Благова активно участвует в многолетней разработке важных исследовательских направлений тюркского языкознания – сравнительно-исторической грамматики и этимологического словаря тюркских языков. В последнее десятилетие Г. Ф. Благова отдает много сил изучению историографии тюркского языкознания.

Усилиями Благовой и Д. М. Насилова (как отв. редакторов тома) издан однотомник трудов А. Н. Самойловича «Тюркское языкознание. Филология. Руника» (М., 2005). Издана статья, посвященная истории текстологического изучения тюрко-язычного памятника «Бабур-наме», раскрыт вклад в исследование и подготовку к изданию текста рукописи востоковедов Н. И. Ильминского и А. Н. Самойловича.

На основе архивных материалов Благовой выпущен еще один том, посвященный научной деятельности этого выдающегося ученого, – «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография» (М., 2008). Последний по времени замысел Благовой – «История тюркологии второй половины XIX – начала XX века», где предполагается сконцентрировать результаты, полученные ею в процессе архивных разысканий, в том числе расширения источниковой базы за счет документов личного происхождения, а также многочисленных ее статей.

Благодаря настойчивости и энтузиазму российских ученых была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества Бабура. Выдающиеся отечественные тюркологи: А. Н. Самойлович, И. В. Стеблева, Г. Ф. Благова – вывели бабуроведение России в первые ряды мировой науки, внесли значительный вклад в ознакомление с содержанием творений Бабура мировой общественности.

Произведения, принадлежащие перу государственного деятеля и талантливого поэта Захириддина Мухаммада Бабура, с каждым днем вызывают все больше интереса со стороны историков, ученых и литераторов во всем мире. Международный фонд имени Бабура ведет весомую работу по глубокому изучению жизни и творчества великого мыслителя. В частности, особого внимания заслуживают усилия фонда по изучению бесценного наследия Бабура и Бабуридов, их рукописей и произведений, изданных по всему миру. При этом преследуется благородная цель – приобщение нашего народа к проведенным в различных странах мира исследованиям и опубликованным художественным произведениям, посвященным истории и культуре династии Бабуридов[1].

[1] 15 августа 2011 года в Андижане состоялась международная научная конференция на тему «Роль Бабура и бабуридов в истории мировой культуры». В ней наряду с учеными нашей страны и России принимали участие известные ученые-бабуроведы из таких стран, как Япония, Египет, Германия и Афганистан.

Литература:

1. Благова Г. Ф. А. Н. Самойлович – исследователь «Бабур-наме» // ИАН. Лит. и язык. – 1994. – Т. 53, № 1.
2. Благова Г. Ф. Академик Самойлович и изучение литературного наследия Захириддина Бабура // Восток. – 1997. – № 6. – С. 120-125.
3. Благова Г. Ф. Из истории тюркской текстологии. – М., 1993.
4. Благова, Г. Ф. Н. И. Ильминский и А. Н. Самойлович: работа над «Бабур-наме» // Восток. – 2005. – № 1. – С. 134-148
5. Благова Г. Ф. О нереализованных научных планах академика А. Н. Самойловича : по архивным данным // Петербургское востоковедение. – СПб, 2003. – № 10. – С. 436-446.
6. Бабур Захириддин Мухаммад. Трактат об арузе : факсимиле рукописи / изд. текста, вступ. ст. и указ. И. В.Стеблевой. – М., 1972.
7. Самойлович А. Н. Замечания к печатным изданиям разных переводов (В. Л. Вяткина, С. И. Полякова, Островского, В. Эрскина, А. Певе де Куртейля, Мирзы Рахима) «Бабур-наме» по изданиям Н. И. Ильминского и А. Беверидж // РНБ. – Ф. 671, оп. 487., разр VI, ед. хр. 84. – 34 л.
8. Самойлович А. Н. Записки Бабура : рец. на перевод И. Полякова) // ЗВОРАО. – 1907. – Т. XVII, вып. 1. – С. 74-83.
9. Самойлович А. Н. Новый английский перевод записок Бабура // Архив РНБ. – Ф. 671, Д. 86.
10. Самойлович А. Н. Рец. на: Ross D. E. A Collection of Poems by the Emperor Babur // ЗВОРАО. – 1911. – Т. XX, Вып. 1.
11. Самойлович А. Н. Собрание стихотворений императора Бабура. – Петроград, 1917.
12. Самойлович А. Н. Творчество императора Бабура : проблемы изучения «Бабур-наме» // Архив РНБ. – 1915. – Ф. 671, Д.85.
13. Самойлович А. Н. Тексты стихотворений императора Бабура и переводы, их сделанные А. Н. Самойловичем // РНБ. – Ф. 671, оп. 487, разр VI, ед. хр. 82. – 605 л.
14. Стеблева И. В. Захириддин Мухаммад Бабур – поэт, прозаик, ученый. – Т., 1983.
15. Стеблева И. В. Ивлечения из трактата Бабура по стихосложению (арузу) // Письменные памятники Востока. – М, 1970.
16. Стеблева И. В. Мифологическая основа антитезы в газели Бабура // Средневековый восток: история, культура, источниковедение. – М, 1980.
17. Стеблева И. В. Преодоление традиционной тематической нормы в газели Бабура // Тюркологический сборник. – М., 1978. – С. 226-234.
18. Стеблева И. В. Семантика газелей Бабура. – М. : Наука, 1982.

19. Стеблева И. В. Семантическое единство газелей Бабура // Тюркологический сборник. – М., 1978. – С. 158-169.
20. Denison Ross E. A Collection of Poems by the Emperor Babur // Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal. – Calcutta, 1910. – Vol.VI, Extra №. – P. VI + 43.

© **Халлиева Г. И.**, 2020

З. Халманова,
д. ф. н., проф. НУУз, г. Ташкент (Узбекистан),
С. Х. Мухамедова,
д. ф. н., проф., зав. кафедрой ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В «БАБУР-НАМЕ»

Захириддин Мухаммад Бабур – автор замечательного произведения «Бабур-наме» («Записки Бабура») – занял особенное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока. Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур, обладая широким кругозором и пытливым умом, оставил значительный след во многих областях жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии. Благодаря своим выдающимся способностям, Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель – основатель династии Бабуридов в Индии, но также как ученый и поэт, оставивший богатое творческое литературное и научное наследие и в области мусульманской юриспруденции. Его перу принадлежат оригинальные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури». Однако центральное место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке – его исторический труд «Бабур-наме». Книга была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV – начале XVI вв. По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии. По богатству и разнообразию материала, по языку и стилю «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени. Многие ученые мира занимались и занимаются изучением произведений Бабура, в особенности «Бабур-наме». В мировом бабуроведении значимое место занимают российские ученые.

В частности, И. В. Стеблева исследовала многие грани творчества Бабура [24]. В монографии «Семантика газелей Бабура» И. В. Стеблева исследует важные теоретические проблемы структурно-смысловой парадигмы жанра, композиции и семантического единства газели, принципов построения образной системы жанра газели и соотношения традиционной темы жанра с отражением в ней личности автора. Важно отметить, что работа содержит приложение, в котором даются выверенные тексты всех дошедших до нас газелей Бабура [25].

Заслуживает особое внимание труды профессора Ф. Благовой [5]. Она, можно сказать образно, заложила фундамент новому этапу изучения произведений Бабура. Галина Фёдоровна Благова продолжила надолго

прервавшуюся в бывшем СССР традицию их научного исследования. В посвященной изучению творчества Бабура кандидатской диссертации она продолжила традицию филологического изучения главнейшего труда императора Бабура, его «Записок» [6]. Через 40 лет, опираясь на свои многочисленные разработки в этой области и используя новейшие достижения современных отраслей языкознания, она выпустила книгу «“Бабур-наме”: язык, прагматика текста, стиль» [7]. Эта книга используется в преподавании в ведущих вузах мира и не только востоковедных дисциплин. Ею также научно обоснован вклад в бабуроведение академика А. Н. Самойловича [8]. Итак, благодаря настойчивости и энтузиазму российских ученых была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества Бабура [9, 30]. На нашей Родине также активно ведутся исследования по изучению творческого и научного наследия Бабура. В частности, лингвисты с разных ракурсов изучают «Бабур-наме». Лингвистам интересно изучать фонетические, лексические и синтаксические единицы языка в произведении и сопоставлять их с современным узбекским литературным языком [18, 7].

Ведь «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура является энциклопедическим источником, на котором выражены яркие особенности тюркских языков. Семантический анализ лексических единиц в «Бабур-наме» имеет большое значение при определении этимологии, семантической структуры некоторых слов и словосочетаний. Изменения значений и фонетического состава исторических слов более ярко выражаются в сравнении с современным узбекским литературным языком.

Как нам хорошо известно, лексико-семантическая группа – это семантическое объединение слов (парадигма) одной части речи, которые связаны по смыслу. Лингвистика рассматривает лексико-семантическую группу как языковую и психологическую реальность, в которой объединенные члены имеют одинаковый грамматический статус и однородность смысловых отношений. Смысловые отношения характеризуются высокой степенью упорядоченности связей между единицами, что является главным в системности лексики [22, 7]. Лексику «Бабур-наме» также можно разделить на семантические поля и группы, что дает нам возможность сделать некоторые выводы по истории и современному состоянию узбекского языка.

Мы в данной статье классифицируем лексику «Бабур-наме» по принципу З. Халмановой, который изложен в её монографии [32, 63-126]. Лексику «Бабур-наме» можно разделить на следующие семантические поля.

I. Семантическое поле, в которое входят слова, связанные с личностью и его деятельностью.

I.1. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие имена людей. В «Бабур-наме» наблюдается 1507 антропонимов. Из них 85 тюркских, 181 персидско-таджикских, 533 арабских, 66 индийских, 12 монгольских, 2 китайских антропонима [32, 66]. Антропонимы в «Бабур-наме» можно разделить на следующие подгруппы: 1) религиозные антропонимы (имена пророков, их приближенных, святых, например *Яъкуб, Мухаммад, Закариё, Хайдар, Хасани*

т.д.); 2) имена реальных личностей (имена шахов, полководцев, поэтов, навкеров, такого рода имена составляют 91% антропонимики произведения, например, *Амир Тимур, Мирзо Улугбек, Касимбек, Султан Махмуд Мирзо, Хусайн, Хумаюн*); 3) имена легендарных личностей**.**

I.2. Семантическая группа, в которую входят названия одежды: *жубба, киш, кумаш, ўтаға, чоркаб, кулоҳ, фаражий, кепанак, камар, чирмон, тупчоқ* и т.д.

I.3. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие характер-особенность личности: *яхши таъблик, чуст, хушхулқ, ширинзабон, ва часпон, яхши ахлок, тийра ва фосик, бадзабон, фаҳшгўй, худписанд, тийра магз, ярамас атворлиқ, ичи тор*. Бабур, описывая Хусейна Байкаро, утверждает, что хотя его внешний не привлекательный, но его характер очень хороший. *Агарчи ҳайъати ёмон эди, **табъи** хўб эди.*

I.4. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие психологию личности: *риоят қил, мутанаффир бўлмоқ, мутаасир бўлмоқ, озурда бўл, мулозамат қил, парҳез қил, афв қил*. Характерны слова, которые обозначают внутреннее состояние самого Бабура: «Яна ***не юз билан*** Хужандга борилгай? Хужандга бориб ***киши не килгай***?»

I.5. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие родство, близость к личности: *уруғ-қаяш, бола-чақа, хеш, хонанда, туққан, улуғ ота, улуғ она, опа, сингил, ука, оға, амма, қайинота, куёв, хондода*, *ини, эгачи,* примечательно, что слово *ҳарам* употребляется в смысле женщин, которые состояли в законном браке (никахе) с Бабуром.

II. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие названия племен, народностей: *турк, қипчоқ, арлот, арғун, туркман, мангит, қарлуқ, бўға, чандир, арлот қорлуқ барлос ўзбек жалойир қавчин норин минглиғ туғчи дўлдай ажам араб тожик лўли...* Примечательно, что 70% этнонимов, указанных в “Бабур-наме”, употребляются и ныне.

III. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие понятия сфер науки. В данное семантическое поле входят следующие семантические группы:

III.1. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие понятия астрономии: *нужум, бурж,ьтаҳвил, устурлоб, зиж.*

III.2. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие понятия медицины: *жарроҳ, дору, муолажа, малҳам;* названия болезней: *чечак, обила, добғули, қорт яра, тош захми, совуқ олиши, магиз чақиши, шикаст, кўр, маъюб, қулунж, мафосил, фалаж, зоча безгак, калолат, ҳасба, йўтал, иситма, ғарқи арақ, ҳарорат. Беҳузурлиқ, мазаррат, балийя;* названия лекарств: *гиёҳ, мурч, доруйи кор;* слова, означающие лекаря-человека: *табиб, бахши, жарроҳ, фасд қилмоқ, ништар...*

IV. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие общественно-политические понятия. В данное семантическое поле входят следующие семантические группы:

IV.1. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие названия должности и привилегии: *бек, бег, беккина, бек атка, садр, судур, мирзо, подшоҳ, соҳиб девон, тархон, дарқан, мулкдор, чавдар, қушбеги, қўрбеги, қўрчи, китобдор, ҳаводор; ичкилар, шиғавул, чошнигир, бовурчи, баковул, хон, офтобачи, шақдор, додак, рукни аъзам, жилаврез, чокар, бошлиқ, хожа, арбоб, кутвол...*

IV.2. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие военные понятия: *мирсипоҳ, сардор, юртчи, туғ, туғро, туғрағ, туғчи, қалъадор, тахшандоз, туфакчи, туфакандоз, милтиқчи, фарангибоз, навкар, савдар, дарбон, суворий, муҳориб, орта, тунқатор, қовғунчи, чопқунчи, илғор, қоровул, ясовул, тарх, ёрқунчи, қўшин, черик, тўлғама, шабихун, тош отар, қозон, зарбзан, милтиқ, туфанг, ханжар, яроқ, яроғ, шаст, зиҳргир, ришта, таблбоз, нафир, саркўб, хандақ, кунгура, юрт.*

IV.3. Семантическая группа, в которую входят слова, означающие понятия пожертвований и даров: *пешкаш, жартмақ, сочиқ, сочқи, ятул, суюрғол, важҳ, улуфа, жулду, пешкан, савғот, йилоқ, пора, ришва, сила, ширбон, хумс, шиброн, бахшиш* (это слово сейчас есть в азербайджанском языке). Примечательно, что 25% общественно-политических терминов «Бабур-наме» и сейчас употребляются в ряде диалектов узбекского языка.

V. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие локацию. В данное поле входят такие семантические группы как:

V.1. Лексемы, обозначающие географические объекты: *рубаъ, пашкол, сардсер, самум, боди самум, саратон, тоғ, ноҳамвор, олум, ноҳамвор, сумж, такоб, тагоб, обгир, якраҳа, ахмил, ариқ.*

V.2. Топонимы: *Қобул, Ҳиндистон, Хуросон, Самарқанд, Олмалиқ, Олмату, Арабистон, Айламиш, Алангор, Секрий, Арчакент, Ажар, Камруд, Бодипеч, Бажавр, Каттавоз.*

VI. **Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие названия животных:** *турна, қилқуйруқ, қарқара, қирғовул, товуқ, қоз, зоғ, зоғча, буқаламун, шер, уқор, сибоъ, каклик, багриқара, сичқан, шунқор, тавишған, қазғаз, чатук, тўпчоқ, йилқи, тева, ўй, қўқчар, тулку, илбосун, марал, нар, йилон, муши хурмо*. Общее число зоонимов в «Бабур-наме» – 70.

VII. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие названия растений: *арғувон, хурмо, сангтора, гулбун, гул жикин, балут, субҳоний, амлук, амруд, арғун, анба, панела, сантора, норанж, қовун, рўян, қаро йиғоч, ёсуман, қаля, тут, терак, ўрик, ёнғоқ, олма, анор, узум, Ҳусайни, кишмиш, қаро емиш, буғдой, бўтака, йўрунчқа, кўк шибоқ, айиқ ўти, туғдори* и т.д.

VIII. Семантическое поле, в которое входят слова, обозначающие понятия меры и объёма. В основном, в данное поле входят нумеративы. Они исследованы в диссертации Н. Жияновой [14]. Это слова, обозначающие время суток: *намозгоҳ, шом азони, субҳ намози, завол вақти, зуҳр, муҳосара*.

Как видно из классификации, лексические единицы в «Бабур-наме» дают ценнейшее представление об истории, географии, этнографии, флоре и фауне,

народах, религиях, языках и быте населения Центральной Азии, Афганистана, Индии конца XV начала XVI веков.

Литература:

1. Благова Г. Ф. А. Н. Самойлович – исследователь «Бабурнаме» // Лит. и язык. – М., 1994. – Т.53, №1.
2. Благова Г. Ф. Академик Самойлович и изучение литературного наследия Захириддина Бабура // Восток. – 1997. – №6. – С.120-125.
3. Благова Г. Ф. «Бабур-наме» : язык, прагматика текста, стиль : к истории чагатайского литературного языка. – М. : Вост. лит., 1994. – 404 с.
4. Благова Г. Ф. Из истории тюркской текстологии : А. Н. Самойлович – исследователь «Бабур-наме». – М. : Ин-т языкознания РАН, 1993. – 101 с.
5. Благова Г. Ф. К истории изучения «Бабур-наме» в России // Тюркологический сборник : к 60-летию А. Н. Кононова. – М., 1966. – С. 168-176.
6. Благова Г. Ф. Н. И. Ильминский и А. Н. Самойлович : работа над «Бабур-наме» // Восток. – 2005. – №1. – С. 134.
7. Благова Г. Ф. О нереализованных научных планах академика А. Н. Самойловича : по архивным данным // Петербургское востоковедение. – СПб., 2003. – №10. – С. 436-446.
8. Благова Г. Ф. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : морфология. – М., 1988. – С. 28-136, 210-255.
9. Благова Г. Ф. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. – 1968. – С. 81-98.
10. Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). – М. : Наука, 1982. – 304 с.
11. Благова Г. Ф. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по «Бабур-наме». – М., 1954. – 17 с.
12. Дадабаев Х. «Бобурнома»-даги баъзи терминларга доир мулоҳазалар // Адабий мерос. – 1988. – №1. – Б. 38-43.
13. Дадабаев Х. Военная лексика в староузбеском языке : дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1981.
14. Жиянова Н. «Бобурнома»-даги нумеративларнинг маъно хусусиятлари : Филол. фан. номз. … дис. – Тошкент, 2000.
15. Иброҳимов А. Бобур асарларидаги ўзлашма лексиканинг статистик, семантик ҳамда этимологик таҳлили: филол. фан. док. … дис. – Тошкент, 2007.
16. Иброҳимов А. «Бобурнома»-даги ҳиндча сўзлар тадқиқи. – Тошкент, 2001.
17. Маҳмудов Қ. Бобур – ўзбек тилининг билимдони // Адабий мерос. – 1988. – № 1. – Б. 29-32.
18. Назарова Х. Бобур ва ўзбек адабий тили. – Тошкент, 1972.
19. Назарова Х. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV – начала XVI века. – Ташкент : Фан, 1979.
20. Назарова Х. Синтаксический строй языка «Бабурнаме» Захириддина Мухаммеда Бабура. – Ташкент, 1980. – С. 42.

21. Никандарова И. А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010 г. – №2. – С. 4-8.
22. Олимов М. «Бобурнома»-да «Бобурнома»-даги қўлланган синонимлар луғати. – Тошкент : Фан, 2004.
23. Стеблева И. В. Захириддин Мухаммад Бабур: поэт, прозаик, ученый. – Ташкент, 1983.
24. Стеблева И. В. Извлечения из трактата Бабура по стихосложению (арузу) // Письменные памятники Востока. – М., 1970.
25. Стеблева И. В. Мифологическая основа антитезы в газели Бабура // Средневековый восток : история, культура, источниковедение. – М., 1980.
26. Стеблева И. В. Преодоление традиционной тематической нормы в газели Бабура // Тюркологический сборник. – М., 1978. – С. 226-234.
27. Стеблева И.В. Семантика газелей Бабура. – М. : Наука; Главная редакция восточной литературы, 1982. – 328 с.
28. Стеблева И. В. Семантическое единство газелей Бабура // Тюркологический сборник. 1974. – М., 1978. – С. 158-169.
29. Умаров Э. Бобур бир фонетик ҳодиса ҳақида // Тил ва адабиёт таълими. – 2003. – № 1. – Б. 92.
30. Халлиева Г. И. Российское бабуроведение XX века // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Молодой ученый, 2011. – С. 29-31.
31. Холманова З. «Бобурнома» лексикаси. – Тошкент : Фан, 2007. – С. 66.
32. Morelend W. N. The agrarian System of moslem India. – Cambrige, 1929. – С. 226-234.

© **З. Халманова, С. Х. Мухамедова**, 2020

М. Б. Хамдамова,
студ. АГУ, г. Андижан (Узбекистан)

КОНЦЕПТ ЦВЕТА В ЛИРИКЕ БАБУРА

Природа и человек тесно связаны друг с другом. С помощью природы люди познают окружающие их вещи и живут с ними. Природа состоит из разных цветов, которые воспринимаются зрительными анализаторами у людей. С древних времен цвет был предметом исследования для ученых. Они уделяли особое внимание черному и белому цветам, считая их ядром для других цветов. Черный цвет в народе символизировал грех и беду, а белый цвет был символом чистоты.

Спустя время цвет стал объектом изучения таких наук, как философия, физика, психология, анатомия и лингвистика. В философии «понятие “цвет” учитывает не только общие свойства всех окрашенных вещей, но устанавливает отношения между ними и между словами-понятиями, фиксирующими отношения разных цветов: “красного”, “зеленого”, “желтого” и т. п.» [6, 573]. Стоит отметить, в лингвистике это понятие начало изучаться после появления теории антропоцентризма, изучающей взаимовлияние языка и человека. В статье цвет рассматривается как своеобразная систему, которая имеет огромное значение для выражения эмоций.

Как и в поэзии Запада, в поэзии Востока есть свои традиционные правила и характерные черты. Поэзия Востока, в том числе узбекская классическая поэзия, имеет богатую историю, и в этой истории особое место занимает творчество Захириддина Мухаммада Бабура. Как прекрасный лирический поэт, он сумел выразить все тонкости движений человеческих чувств. Его лирика – это гимн красоте и земной и небесной человеческой любви. Хотя его лирическое наследие по объему не очень велико, оно отличается широтой тематики, богатством изобразительных средств совершенством стихотворных форм [1, 2]. Бабур в лирике уважал и соблюдал традиции великих поэтов, которые усовершенствовали узбекскую поэзию своим неповторимым творчеством. В этой традиции есть узел, относящийся к концепту цвета. Необходимо уделять особое внимание характерным чертам этих цветов, так как культура народов отличается друг от друга индивидуальным мировоззрением и выражением чувств.

Язык поэзии отличается от простого языка образным мышлением. А. А. Потебня утверждает: «Пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словаре. Это все равно, как если бы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [4, 466].

Белый цвет означает: а) цвета снега или мела; б) светлый, в противоположность чему ни будь более темному, именуемому черным. Белеть: а) становиться белым; б) виднеться [2, 38]. В жизни мы адаптировались

воспринимать белый цвет как чистоту, доброту и все, что имеет отношение и ассоциируется с понятием «хорошо». Но в лирике Бабура белый цвет – это не знак добра, а признак худшего состояния лирического героя, который из-за тоски попал в такое положение:

В разлуке заболел и ослабел Бабур.
Стал от своей тоски и стар, и ***бел*** *Бабур.*

В поэзии Востока влюбленный готов ко всему ради встречи со своей возлюбленной, ее слова для него лекарство от разлуки:

Я видел много зла, я ***белым*** *стал, как мел,*
Ты обо мне спросила, и я повеселел.

Концепт цвета больше всего был подобран как метафора, чтобы еще сильнее показать и описать или состояние лирического героя, или красоту его любимой.

Как мы утверждали выше, цвета различают на две группы. В частности, желтый цвет относят к теплым, которые возбуждают в человеке оптимизм, так как этот цвет является ярким. Н. М. Охрицкая расценивает желтый цвет как теплый, связанный с сиянием солнца, символизируя радость, счастье, тепло, красоту, благополучие и энергию [3]. Но в классической литературе узбекского народа желтый цвет метафорируется с осенним листком и употребляется со словами, которые значения связаны с лексемой *лицо*. Л. Н. Собчик считает, что «выбор цветового ряда зависит как от набора устойчивых личностных характеристик, связанных с конституциональным типом индивида, так и от актуального состояния, обусловленного конкретной ситуацией» [5].

Я шлю тебе платок, такой, как ты хотела,
Из ткани ***желтой*** *он и тонкой до предела.*
Внимательней всмотрись, похож он на меня:
Желт*, как мое лицо, и невесом, как тело.*

В лирике Бабура встречается своеобразные изобразительные средства, связанные с концептом цвета. Например, померанец – это цитрусовое дерево, растущее в Южной Азии, и оно всегда зеленого цвета. Но поэт использует этот термин, чтобы показать свое состояние: даже померанец пожелтел, увидев тоску и страдания лирического героя:

Бабур тебе послал в подарок ***померанец.***
Чтоб поняла и ты, как ***пожелтел*** *Бабур.*

Черный цвет считается плохой приметой в поэзии Бабура. Часто он использует черный как цвета волос и глаз его любимой. Этим он показывает красоту женщин своего народа:

Опять от взора ***черных глаз*** *душа моя больным-больна,*
Опять оковы ***черных кос*** *лишили вольности сполна.*

Самое удивительное это то, что Бабур использует черный цвет как конец его жизни и для усиления состояния лирического героя:

Сиянье ***черное*** *волос – погибель для моей души,*
Зиянье ***черное*** *угроз обитель в гибельной глуши.*

Или:

*Два локона **черных**, уста и стан –*
Души моей гибель, для сердца – крах.

Психологами доказано, что красный цвет – это символ страсти и любви. Но цветами алым и красным наш поэт словно рисует губы возлюбленной, метафорирует ее губы с розой. В этих двух строках есть очень тонкое изобразительное средство, то есть розы стали красными не от природы, а потому, что они изведали кровавую рану:

*Ведь если забыт тобою бутон этих **алых** губ,*
*От раны какой кровавой ты стала розы **красней**?*

Или:

*Уста ее **алей** на коже **белой** кажутся,*
Так, в молоко вглядись – и кровь зардела, кажется.

Голубым и синим цветами Бабур воспользуется, чтобы описать жизнь, в которой он живет:

Я косы твои вспоминаю всю ночь,
*Пока не приходит рассвет **голубой**.*

Или:

То мне грозит мечом, то целится стрелой –
*Каких ни принял мук от злобы **голубиной**!*

Еще:

Объят простором дом ее... Простой ли это дом?
*Вся **синева** небес к нему с высот блистать пришла.*

Таким образом, концепт цвета в языке и литературе связаны между собой, но они не одинаковы по смыслу. Цвет в литературе отличается от языкового значения тонкой метафорой и широтой смыслового поля. Цвета, которые мы встретили выше в лирике Захириддина Мухаммада Бабура, имеют такие возможности смысловых интерпретаций:

а) белый цвет – худшее состояние лирического героя от разлуки с любимой; цвет его кожи;
б) желтый цвет – окончание своего жизненного пути; цвет его кожи;
в) черный цвет – конец жизни; гибель; цвет волос и глаз любимой;
г) красный – страдания; цвет губ возлюбленной:
д) голубой и синий – добрая и злая жизнь.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Избранная лирика Востока : Захириддин Мухаммад Бабур. – Т. : Шарк, 2006.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1987.
3. Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветонаименований : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2012.
4. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М. : Искусство, 1976.
5. Собчик Л. Н. Метод цветовых выборов : модифицированный цветовой тест Люшера: методическое руководство. – Сер. 2. Методы психологической диагностики. – М. : МКЦ, 1990.

6. Философия: Учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005.

© **Хамдамова М. Б**., 2020

Х. Хамраева,
к. ф. н.,ст. преп. Государственной хореографической академии Узбекистана, г. Ташкент;
Ш. Тохтасимов,
доц., ректор Государственной хореографической академии Узбекистана, г. Ташкент;
М. Муродова,
к. ф. н., зав. каф. Государственной хореографической академии Узбекистана, г. Ташкент;
Н. Аловутдинова,
к. педаг. н.,ст. преп. Национального университета Узбекистана, г. Ташкент;
Б. Муллажонов,
студ. Государственной хореографической академии Узбекистана, г. Ташкент;

Аннотация: Статья посвящена терминам искусства в произведениях Бабура – великого государственного деятеля, ученого-энциклопедиста, царя и поэта. Широкое распространение в мире узбекского искусства и культуры имеет огромное значение.

Произведение «Бабур-наме» не только завораживает своей уникальной композиционной структурой, стилем, художественными и литературными приемами, но и побуждает к новым открытиям. Яркие образы автора как историка, литературоведа, этнографа, искусствоведа, особенно его размышления о музыке, танце или изобразительном искусстве, привлекают интерес широкого круга читателей.

БОБУР АСАРЛАРИДА САНЪАТГА ОИД ТЕРМИНЛАР

Ўзбек миллий санъати ва маданиятини бутун дунёда кенг тарғиб қилиш, асрлар синовига бардош бериб, бизнинг кунларимизгача етиб келган маданий-маърифий меросимизни дунё халқларига тақдим этиш глобаллашув даврида муҳим аҳамият касб этади. Буюк давлат арбоби, қомусий олим, шоҳ ва шоир Заҳириддин Муҳаммад Бобур ҳазратларининг «Бобурнома» асари туркий насрнинг бетакрор намунаси бўлиш баробарида ўзининг ноёб композицион тузилиши, услуби, бадиий – адабий кашфиётлари билан бизни нафақат мафтун этади, балки янги мушоҳадаларга ундайди. Муаллифнинг тарихчи, адабиётшунос, этнограф, санъатшунос сифатидаги ёрқин тасвирлари, айниқса, мусиқа, рақс ёки тасвирий санъат ҳақидаги мулоҳазалари ҳар қандай китобхонни ўзига тортади.

Бобуршоҳ асарларида санъатга оид терминларнинг берилиши, унинг моҳиятини ўрганиш масаласи бугунги илм-фан учун ниҳоятда аҳамиятлидир. Уларни 3 турга ажратиш мумкин:

а) ранг-тасвир санъатига оид;

б) мусиқа санъатига оид;

в) рақс санъатига оид.

Таниқли олим О. Жўрабоевнинг фикрича, «Бобур Мирзо санъатни жуда яхши тушунган ва ўзи ҳам машғул бўлган ва ҳаттоки мусиқа басталаганига оид далиллар бор. Мисол учун “Бобурнома”нинг ҳижрий 926 (милодий 1519-1520) йилга доир саҳифаларида бир мухаммасга “Чоргоҳ” савтини (куйини) боғлаганини ёзади. Яна айтади, “Неча маҳал эди, мундоқ нималарга машғуллуқ қилмайдур эдим.Манга ҳам дағдаға бўлдиким,бир нима боғлағаймен...” Маълум бўладики, Бобур бир неча вақт шеърга мусиқа басталаш билан шуғулланган» [2, 35].

Бобур Мирзо улуғ мутафаккир Навоий ҳазратларининг асарларига эҳтиром билан юксак баҳо беради ва Алишербекнинг ўз даврининг энг машҳур созандалари Устоз Қулмуҳаммад, Шайхи Нойи ва Ҳусайн Удий каби «аҳли фазл ва аҳли ҳунарға» мураббий эканлигини айтиб, улуғ шоир истеъдодининг яна бир қиррасини алоҳида таъкидлайди: «Яна мусиқида яхши нималар боғлабтур.Яхши нақшлари ва яхши пешравлари бордур» [3, 154]. «Нақш»нинг яна бир маъноси куй, ашула [1, 228] эканлигини эътиборга олсак, Ҳазрат Навоийнинг мусиқа басталаш даражасидаги етук бастакор бўлганликларини англаймиз.

Мирзо Бобур ҳиротлик шоир Биноийнинг шахси ва ижоди ҳақида сўз юритиб, ёш ижодкорларга ибрат бўларли тарбиявий жиҳатларга ҳам тўхталади. Биноийнинг мусиқадан бехабарлигини ҳазрат Навоий танқид қилганларини, танқиддан тўғри хулоса чиқарган Биноий бир қиш машқ қилиб,мусиқани савт ва нақш боғлайдиган даражада ўрганганидан ҳайратга тушиб, жумладан шундай дейди: «Алишербек таажжуб қилиб, таҳсин қилур. Мусиқийда тавр ишлар боғлабтур, ул жумладин бир нақши бор, нуҳрангга мавсум. Бу тўққиз рангнинг туганиши ва нақшнинг майлоси росттадур» [3, 162].

Мирзо Бобур кейинги саҳифаларда Қул Муҳаммад Удий, Шайхий Нойи, Шоҳқулий ғижжакий, Ҳусайн Удий каби ўша даврнинг моҳир созандалари ҳақида тўхталиб, Бадиуззамон Мирзо саройидаги бир воқеани баён қилар экан, бу баёнда унинг зукко нигоҳини, эстетик қарашларини, мусиқа илмидаги идрокини ҳис қиламиз: «Яна Шайхий Нойи эди, удни ва ғижжакни ҳам хўб чолур экандур. Ўн икки – ўн уч шидин бери найни хўб чолур экандур. Бир навбат Бадиуззамон Мирзонинг суҳбатида бир ишни найдин хўб чиқарур, Қул Муҳаммад ғижжакта ул ишни чиқара олмас. Дерким, ғижжак ноқис создур. Шайхий филҳол Қул Муҳаммаднинг илигидин ғижжакни олиб,ул ишни ғижжакта хўб ва покиза чолур. Шайхийдин яна бир нима ривоят қилдилар: Нағамотқа андоқ фалон пардаси мунга оҳангдур, вале хейли иш боғламайдур. Бир – икки нақш андин дерлар» [3, 164]. Муаллиф воқеани шунчаки баён этмайди, балки вазиятни таҳлил қилади, муносабат билдиради. Бобур Мирзо фавқулодда истеъдод соҳиби бўлмиш санъат аҳлига юқори баҳо беради, масалан, Сайид Бадрнинг рақси ҳақида муносабат билдириб, ҳатто унинг ўзига хос устунлигини алоҳида таъкидлайди. «Яна Сайид Бадр эди. Бисёр зўр ва асру ширин ҳаракот киши эди. Ажаб соҳиб усул киши эди. Ғариб хўб рақс қилур эди. Ғайри муқаррар рақс қилур эди. Ғолибо ул рақс анинг ихтироидур. Ҳамиша

Мирзо мулозаматида бўлур эди» [3, 152]. Муаллиф Сайид Бадр рақсининг нозик жиҳатига эътибор қаратади, бу «ғайри муқаррар рақс» муаллифга ўзгача завқ-шавқ бағишлаганлигини сезиш мумкин. Ёки, Баёний тахаллуси билан шеърлар ёзган созанда Хожа Абдулло Марворий ҳақида сўз юритиб «Пурфазойил киши эрди, қонунни онча киши чалмайдур, қонунда гирифт қилмоқ мунинг ихтироидур» [3, 152], дейди. Яъни, Мирзо Бобур мусиқада ҳам, рақс санъатида ҳам оддий ижро бн «ихтиро»ни фарқлайди, мантиқий идрок билан, санъатшунос каби фикр юритади.Унда ўша давр мусиқа ва рақс санъати тасвирланиб, муаллиф томонидан қимматли маълумотлар берилади.

Санъат аҳли маънавиятига муносабатида ёш ижодкорларга ибрат бўларли тарбиявий жиҳатларига ҳам эътибор қаратади. Мусиқашунослар хусусида гап кетганда яна Биноийни тилга олади: «Биноий ҳам мусанниф эди. Яхши савт ва нақшлари бордур» [3, 165]. Мусанниф – (муаллиф), «Бобурнома»да бастакор маъносида ҳам ишлатилган [4, 323].

Заҳириддин Муҳаммад Бобур Мирзони Ҳиндистондаги кўчманчи лўлиларнинг рақс усуллари ҳайратга солган. Қуйидаги парчада муаллиф ҳинд лўлиларининг «ўюн»ларини таърифлар экан, унда шоирнинг юксак эстетик қарашлари, синчковлиги ниҳоятда ёрқин намоён бўлган. Китобхон мутолаа жараёнида лўлилар «ўюн»ининг энг кичик деталлари ҳам муаллифнинг ўткир нигоҳидан четда қолмаганлигини ҳис этади: «Ош тортилғондин сўнг фармон бўлдиким, Ҳиндустонни бозигарлари келиб, ўюнларини кўрсатгайлар. Лўлилар келиб, ишларини кўрсаттилар. Ҳиндустон лўлилари баъзи ишларе кўрсатурларким, ул вилоятларнинг лўлиларидин кўрулмайдур эди. Ул жумладин бири будурким, етти ҳалқани пешонасига ва икки тизига таъбия қилиб, яна тўрт ҳалқани икки илик бармоғи била ва иккини икки оёғи бармоғи била тез ва бедаранг эвурадур. Яна бири буким, рафтори товус йўсунлуқ бир илигини ерга қўюб, бир илиги ва икки оёғи била уч ҳалқани тез ва бедаранг эвурадур. Яна бири буким, ул вилоят лўлилари икки йиғочни оёғлариға боғлаб “пойи чўбин” қилиб, йўл юрурлар. Ҳиндустон лўлилари бир йиғоч била “пойи чўбин” қилиб, йўл юруйдурлар, оёғлариға ҳам боғламайдурлар. Яна бири буким, икки лўли бир-бирини тутушиб, ул вилоятларда икки турлук муаллақ борурлар. Ҳиндустон лўлилари бир-бирларини тутушиб, уч, тўрт, турлук муаллақ борадурлар.Яна бири буким, олти-етти қари йиғочнинг тубини бир лўли белига қўюб, йиғочни тик тутуб турадур, яна бир лўли бу йиғочқа чиқиб, йиғоч устида ўюнлар ўйнайдур. Яна бири буким, бир кичик лўли яна бир улуғ лўлининг бошига чиқиб, тик турадур,қуйиға лўли ул сари, бул сари илдам юруб, иш кўрсатганда, бу кичкина ул лўлининг бошининг устида типтик тебранмай туруб, ул ҳам ишлар кўрсатадур. Қалин мотулар ҳам келиб, раққослик қилдилар» [3, 324].

Бозигар – моҳир ўйинчи, раққос, раққоса маъноларини англатишини эътиборга олсак [5, 298], Бобурмирзонинг синоним сифатида «раққос» сўзини қўллайди, Ҳиндустон лўлилари билан вилоятдан келган лўлиларнинг “ўюн”ларида фарқ борлигини таъкидлайди: «вилоят лўлилари икки йиғочни оёғларига боғлаб “пойи чўбин”қилиб, йўл юрурлар. Ҳиндустон лўлилари бир

йиғоч била “пойи чўбин” қилиб, йўл юруйдурлар, оёғлариға ҳам боғламайдурлар» [3, 324].

Муаллифнинг юқоридаги маълумотида Ҳиндистон лўлилари ва бозигарларининг «ўюн» ва рақслари, уларнинг ўхшаш ҳамда фарқли томонлари ҳақида мулоҳаза юритилган. Бу фикрлар тарихий манба сифатида муҳим аҳамият касб этади. Англадикки, Заҳириддин Муҳаммад Бобур Мирзонинг салоҳияти, заковати ва тафаккур олами шунчалик юксак ва кўлами кенгки, унинг даражасини белгилаш амримаҳол.

Заҳириддин Муҳаммад Бобуршоҳ асарларидаги санъатга оид терминлар таҳлили шоир ижодининг мухлислари, тадқиқотчи олимлар ва ёш авлоднинг кўҳна маданиятимизга бўлган қизиқиши ва ҳурматини янада ошириши табиий.

Адабиётлар

1. Акбаров И. Музика луғати. – Т, 1986.
2. Жўрабоев О. Бобур лирикасида мусиқа ва тасвир // Бобур ва дунё. – Т., 2018. – № 4.
3. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1990.
4. Заҳириддин Муҳаммад Бобур энциклопедияси. – Т. : Шарқ, 2017.
5. ЎТИЛ / Ўзбекистон миллий энциклопедияси. – Т. : Давлат илмий нашриёти, 2006.

© **Хамраева Х., Тохтасимов Ш. *и др.,*** 2020

З. Н. Хатамова,
преп. ФерПИ, г. Фергана (Узбекистан)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ З. М. БАБУРА: «БАБУР-НАМЕ»

Захириддин Мухаммад Бабур родился 14 февраля 1483 г. в Андижане, в семействе правителя Ферганского Улуса (удела), имя которого было Омар Шейх Мирза. Захириддин Бабур с детства был влюблен в литературу, искусство, красоту природы; подобно всем принцам-Тимуридам, он получал основы знаний от выдающихся преподавателей во дворце его отца. И это помогло ему стать великом поэтом.

Джавахарлал Неру писал, что после пребывания Бабура в Индии произошли большие изменения, имели место новые реформы, улучшившие жизнь, обогащенную искусством и архитектурой.

Наряду с огромными государственными делами Бабур выполнял литературно-художественную деятельность в Индии и создал самую его изысканную работу, которая стала популярной во всем мире – «Бабур-наме».

«Бабур-наме» – книга, включающая не только исторические факты, но и уникальную информацию относительно экономических, политических и социальных аспектов, природы и географии – информация, которая имеет огромное мировое значение, наполнена уникальным историческим и литературным наследием.

Поучительна история введения «Бабур-наме» в современный научный оборот. Рукопись «Бабур-наме» нашли в 1714 году в Средней Азии (в Бухаре).

Эта рукопись была изучена Георгом Джекат Кером в Санкт-Петербурге. На основе этой рукописи в 1857 году было осуществлено первое издание «Бабур-наме» в Казани Н. И. Ильминским. Другая рукопись, переписанная Абу ал-Вахибом в 1809 году, попала в Петербург, и там в 1824 году с нее была сделана копия О. Сенковским. Большой вклад в изучение «Бабур-наме» внесла английский ученый Аннет Сусана Беверидж, которая перевела текст на английский язык и издала факсимиле в Лондоне в 1905 году. Она ставила эту книгу в один ряд с мемуарами Гибонна и Ньютона. Первый полный перевод «Бабур-наме» на русский язык был осуществлен востоковедом М. А. Салье и опубликован в 1958 году в Ташкенте. Следующее издание было в 1982 году под редакцией М. Хайруллаева. Эта же книга, предварительно сличенная с Хайдарабадской рукописью в издании А. Беверидж, а также с изданием Н. И. Ильминского, с учетом выявленных упущений и неточностей, была издана в 1993 году в Ташкенте под редакцией С. А. Азимджановой. Именно эта работа широко использована автором. А в 2007 году в Ташкенте была переиздана «Бабур-наме», с учетом упущений предыдущих изданий.

В. В. Бартольд в своих трудах неоднократно ссылается на Бабура как историка, называя его «двоюродным братом» Мухаммеда Хайдара. Так оно и есть. В. В. Бартольд, сравнивая две работы авторов одного и того же периода, пишет: «Как и Бабур, Мухаммед Хайдар не ограничивается сухим пересказом

событий, а подробно останавливается на характеристике действующих лиц и дает множество ценных сведений географического и этнографического характера, хотя его труд в этом отношении все-таки не может сравниться с «Записками Бабура». И далее добавляет: «Последние… представляют совершенно исключительное явление в мусульманской литературе, как полная картина нравов того времени» [6, 545].

В этой работе Бартольд ссылается на следующие издания работы: Бабур-наме изд. Ильминского (1857 год, на тюркском языке); Бабур-наме пер. Лейдена – Эрскин.

Бабур и его труд неоднократно упоминается В. В. Бартольдом в его работе «Фергана». Более того, здесь приводятся значительные выдержки из «Бабур-наме». По всей видимости, В. В. Бартольд пользовался книгой, изданной Беверидж.

«Бабур-наме» знал и Н. А. Аристов. В разделе «Литература и источники» в труде Н. А. Аристова «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии» под номером 24 записано (приводим дословно без правок): «Бабур. Записки Бабура (Бабур-наме. Ильминский. Казань, 1857) / Пер. с чагатайскаго (узбекского) С. И. Полякова. // Ежегод. Фергоду обл. Т. III – Нов. Материалы, 1904 (Записки Бабура на фр. яз. изданы в 1871 году в Париже)» [7, 556].

Бабур несколько раз упоминается и в работах А. Н. Бернштама как историческая личность. Приводятся выдержки из «Бабур-наме», но без указания страниц. Работа Бабура стоит первой в списке основных источников: «Бабур-наме, перевод М. Салье. Ташкент, 1948» [8, 275].

На «Бабур-наме» ссылается и С. М. Абрамзон в работе «Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи» [9]. В определенной степени изучены поэтические творения Бабура. Английский востоковед и дипломат Энвард Денисон Росс в 1910 году издал сборник стихотворений Бабура. На основе издания Денисона российский тюрколог А. Н. Самойлович (1880–1938) переиздал и перевел на русский язык в 1915–1917 году лирику Бабура.

К изучению лирики Бабура приложила много сил И. В. Стеблева. В монографии «Семантика газелей Бабура» [10] И. В. Стеблева ставит и решает важные теоретические вопросы структурно-смысловой парадигмы жанра и другие проблемы. С филологической точки зрения «Бабур-наме» была изучена Ф. Благовой (1927–2013). Она в 1954 году защитила кандидатскую диссертацию, в которой продолжила надолго прервавшуюся российскую традицию филологического изучения главнейшего труда Бабура. Через 40 лет, опираясь на свои многочисленные разработки в этой области и используя новейшие достижении современных отраслей языкознания, она выпустила книгу «Бабур-наме: язык, прагматика текста, стиль» [11], которая широко используется в преподавании историко-востоковедческих дисциплин в вузах.

Следует отметить важный вклад, внесенный в развитие бабуроведения и другими иностранными исследователями. Среди них выделяются труды английских ученых и переводчиков Джона Лейдена, Уильяма Эрскина, Анетты

Беверидж, американского ученого Уилера Текстона, Фуода Купрулузаде, Рашида Рахмати Арата, Билола Южела, Танжу Сейхана и других.

В настоящее время в Узбекистане функционирует Международный фонд имени Бабура. В результате организованных фондом двадцати экспедиций удалось собрать большое количество научных и художественных трудов, созданных учеными-бабуроведами всего мира. Данные труды хранятся в музее «Бабур и мировая культура» в Андижане. В частности, здесь имеется копия «Бабур-наме», написанная на чагатайско-тюркском языке. Оригинал хранится в музее города Хайдарабад. В музее Андижана хранятся 36 переводов «Бабур-наме». Посетители музея могут ознакомиться здесь также с копиями Корана, написанных на созданном Бабуром письме «Хатт-и Бобури». Имеется и тегеранская копия произведения «Куллиети Бобур». Фонд работает над созданием «Энциклопедии Бабура». В этом направлении трудятся академик Азиз Каюмов и профессор Абдулла Айзам. Издание и презентация энциклопедии планируется в обозримом будущем. Фонд пользуется услугами постоянных партнеров и консультантов. При их участии за счет фонда переведено более 40 редких книг на узбекский язык. Среди консультантов – Азиз Қаюмов, Саидбек Хасанов, переводчики Гофуржон Сатимов, Янглиш Эгамова, Исмоил Бегжонов и многие другие. Благодаря их усилиям люди, изучающие творчество Бабура, могут ознакомиться с такими книгами, как «Творчество Бабура», «Захиреддин Мухаммад Бабур», «Период Бабуридов в истории Центральной Азии и Индии», «Бабур и Юлий Цезарь», «Вечный Бабур», «Странствующая Бабур-наме». Фонд Бабура за последние годы провел несколько международных конференций, с приглашением к участию бабуроведов мира. Очередная конференция прошла в Ташкенте (июнь 2013 года). В ее работе приняли участие около сотни бабуроведов из государств Ближнего и Дальнего Зарубежья. Семинары и конференции, посвященные наследию Бабура, проводятся и в государствах Дальнего Зарубежья. Так, в 2008 году в Исламской Республике Афганистан состоялся научно-практический семинар на тему: «Бесценное наследие правителя и поэта», посвященный 525-летию со дня рождения Бабура.

Литература:

1. Алиев А. А. «Бабур-наме» как источник при изучении истории и культуры Кыргызстана // Вестник КРСУ. – 2014. – Том 14. № 11 5
2. Бабур, З. М. Бабур-наме : Записки Бабура. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1993.
3. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч.: в 9 т. – Т. 1. – М., 1963.
4. Благова. Бабур-наме: язык, прагматика текста, стиль. – М., 1946.
5. Стеблева И. В. Семантика газелей Бабура. – М. : Наука, 1982.

© **Хатамова З. Н.,** 2020

Д. А. Холматова,
преподаватель русского языка
Ферганского политехнического института,
г. Фергана (Узбекистан)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БАБУРА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Произведения З. М. Бабура представляют собой бесценный материал, в котором поэт воспевает любовь к Родине и ее величие. Особое внимание он уделяет вопросам воспитания совершенной личности и поколения с высокой духовностью. Своим творчеством З. М. Бабур выводит художественное мышление узбекского народа и народов Востока на новый уровень. Его произведения учат молодое поколение любви к Родине, добру и гуманизму.

«Чтобы по праву носить звание человека, необходимо быть достойным его высшего предназначения», – писал Захириддин Мухаммад Бабур. Его произведения являются литературным наследием в истории мировой культуры, влияющим на умы и сердца людей, особенно подрастающего поколения.

Актуальное значение приобретает воспитание молодого гармонично развитого поколения в семье и в образовательной системе. Высокие умы человечества размышляли и размышляют над проблемами формирования как физически, так и умственно здорового поколения. Великие деятели и мыслители всех времен возлагали надежды на своих преемников и наследников. В наше время благие поступки и помыслы человека говорят о широте его мировоззрения, которое зависит от уровня и качества полученного образования и воспитания. Сегодня, к счастью, в отличие от былых времён, благодаря тысячелетнему процессу развития цивилизации и обществ, процесс получения знаний и всестороннего формирования и воспитания личности доступен почти каждому человеку [3, 83].

За свою жизнь Бабур оставил богатое литературное наследие, он внес огромный вклад в развитие узбекской литературы. Его произведения всегда вызывают большой интерес в мировом сообществе: «Аруз рисоласи» («Трактат об Арузе»), научные произведения «Харб иши» («Военное дело»), «Мусика илми» («Наука о музыке»), перевод философско-суфийского сочинения Ходжи Ахрара «Рисолаи волидия», книга по исламской религии «Мубаййин», алфавит «Хатти Бабури» («Письмо Бабура») и другие. Он перевел стихами религиозно-философское произведение «Волидия» («Трактат родительский») крупнейшего мастера суфизма – Ходжи Ахрора Вали, последователя Багаутдина Накшбанди. Книги Бабура дают ценные представления об этнографии, природе, истории и географии, о народах, языках и быте населения Центральной Азии, Афганистана, Индии конца XV – начала XVI веков. И, конечно, вершиной научно-литературного наследия Бабура, творением, принесшим ему мировую славу, несомненно является «Бабур-наме» – литературный памятник на узбекском

языке, который востоковед В. Бартольд назвал «лучшим произведением тюркской прозы». Книга написана в мемуарном жанре, по достоверности и широте охвата сведений является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века в Центральной Азии, Иране, Афганистане и Индии [4, 2]. Поэзия Бабура очень многогранна. Его стихи написаны в 10 жанрах восточной лирики. К поэтическим произведениям Бабура относятся «Кабульский диван» (1519), и «Индийский диван» (1529-1530). В его стихотворениях описаны исторические события, обычаи, религия и личная жизнь. Его стихотворения автобиографичны, его лирические произведения черпают вдохновение в изумительной поэзии Алишера Навои.

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.
Без тонкостанной – кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой - нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?
Пусть голову из-за нее, тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

В своих газелях поэт создает образ прекрасной возлюбленной с красивой внешностью и богатым духовным миром, используя оригинальные художественные средства. В своих произведениях Бабур показывает, как неограниченно влияние друг на друга персидской, арабской и тюркской поэзии. Так же, как Алишер Навои, он продолжает передавать возможности тюркского языка, придавая большое значение народной поэзии. Его литературный памятник «Бабур-наме» содержит ценные сведения о жанрах народного песенного искусства и интересные этнографические материалы. В целях изучения творчества Бабура были организованы научные экспедиции, которые обнаружили документы и книги поэта. И очень ценными, благодаря этим документам, являются сведения Бабура о хозяйственной жизни и быте народов Индии, Узбекистана и Афганистана. Очень интересны этнографические описания в «Бабур-наме»:

- описания различной одежды индусов, их кастовой системы, обычаев, образа жизни простого народа и феодальной знати, описана мужская одежда индусов – дхоти, женская одежда – сари, которые Бабур называет среднеазиатским термином «лангут» и подробно описывает способ их одевания (аналогичные сведения не содержатся в других исторических хрониках и являются ценными историко-этнографическими данными);

- «В горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу; больше его нигде нет. Табулгу – дерево с красной корой; из этого дерева делают посохи, вырезают ручки плеток, делают клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его вывозят в далекие места»;

- «К югу от медресе Улугбек мирза построил мечеть; ее называют «резною мечетью» (Масджид-и Мукатта). Резною называется она потому, что ее украсили исламскими и китайскими узорами из вырезанных кусочков дерева. В других местах – всюду каменные столбы; некоторые из них сделаны витыми или коническими. В верхнем ярусе по четырем сторонам – айваны. На каменных столбах – посередине – беседка с четырьмя дверями; фундамент этого здания весь выложен камнем»;

- «За этой постройкой, у подножья холма, Улугбек-мирза разбил еще маленький сад. Там он построил большой айван, в айване поставили огромный каменный престол. Длина его примерно четырнадцать-пятнадцать кари, ширина – семь-восемь, высота – один кари. Такой огромный камень привезли из очень отдаленных мест. Посередине его – трещина, говорят, что эта трещина появилась уже после того, как камень привезли. В этом садике тоже есть беседка; все стены, до сводов, в ней из фарфора, ее называют Чини-хана. За фарфором посылали человека в Китай»;

- «Захватив Самарканд, Шейбани-хан сделал муллу Беннаи своим приближенным. В это же время мулла Беннаи сочинил газель и исполнил передо мной:

Ни зерна нет у меня, чтобы им питаться,
Ни одежды, чтобы ею одеваться.
Тот, у кого нет ни пищи, ни одежды,
Как может усердствовать в науке и искусстве?»

- «Сосна, кедр и дуб растут и ниже; выше Ниджрау их совершенно нет, это деревья хиндустанские. У жителей этой горной страны все светильники из кедрового дерева; оно горит, как свеча. Это весьма удивительно»;

- «Праздничную молитву мы совершили на берегах реки Гумаль. Новый год пришелся вскоре после праздника, промежуток был всего в один или два дня. По этому поводу я сказал такую газель:

Радостен праздник людей, что видят и новый месяц, и лицо любимой,
Но мне, вдалеке от твоего лица и бровей, достались в праздник одни заботы.
Лицо милой – «науруз», встреча с ней – праздник, Бабур, пользуйся же случаем, ибо лучше этого не будет сто наурузов и сто праздников». [2, 17-218].

Его произведения – это отражение собственной жизни и истории народов. В своих стихотворениях, полных лирики и переживаний, Бабур раскрывает свои чувства, рассказывает о страданиях, беспредельной любви к Родине и тоске по ней.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

В своей поэзии Бабур много говорит о нравственности. Поэт считает, что доброта, честность, благородство и достоинство – это предназначение каждого человека. Особенно он ценит дружбу, считая ее главным оружием в борьбе с

врагом. Поэзия Бабура проста и понятна. В частности, он отмечает: «Пиши проще, ясным и чистым слогом: и тебе меньше будет труда, и тому, кто читает».

Переводчик «Бабурнаме» на английский язык и один из крупнейших знатоков истории династии Бабура, тюрколог Уилер М. Трэкстон совершенно резонно замечает, что во времена автора «Бабурнаме» в Трансоксиане (это южные регионы современного Узбекистана), да и на других некогда завоеванных Чингисханом территориях, не было ни одного монгола, кто бы мог говорить на своем родном языке. «Во времена Бабура монголы давно говорили на тюркском, и навряд ли хоть кто-нибудь вообще мог связать пару слов на своем родном; все этнические монголы не отличали себя от тех тюркских племен, с которыми жили бок о бок», – утверждает У. М. Трэкстон.

Лучшим тому примером был сам Бабур. Он говорил и писал свои мемуары и стихи на чагатайском наречии тюркской семьи языков. Развитие языкознания требует анализа истории тюркских языков. Для понятия языка Бабура необходимо изучение функциональной парадигмы языка в контексте всей языковой ситуации тимуридского Мавераннахра. Некоторые лингвистические анализы были проведены на примерах произведений А. Навои и Бабура. Бабур, например, не раз упоминает «оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андижана», но ничего не сообщает об их языке. Столь же отвлеченно Навои пишет о языковых различиях в тимуридских владениях: «В каждом селении люди говорят по-своему, у них есть свои обороты речи и выражения, которых нет у других» [1, 42]. Известное высказывание Бабура, вычленявшего тюркский язык населения Андижана, может быть истолковано как косвенное свидетельство в пользу существования других карлукских говоров, противопоставляемых андижанскому. Впоследствии карлукские говоры Мавераннахра явились той основой, на которой развился современный среднеузбекский диалект [1, 48-49].

Произведения Бабура бессмертны, их историческое и научное значение бесценны, интерес к литературному наследию поэта неиссякаем, произведения Бабура в истории узбекской литературы – это достояние узбекского народа.

Литература

1. Благова Г. О языковой ситуации в тимуридском Мавераннахре (рубеж XV-XVI в.). – Л., 1986.
2. Захириддин Бабур. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Б., 2011.
3. Умарова Д. Степень участия женщины в социализации личности подрастающего поколения // Вопросы науки и образования. – М., 2017. – № 3 (4).
4. Хасанов С. Захириддин Мухаммад Бабур: «Нет Родины и счастья боле нет» / Правда Востока. – Т., 2017.

© **Холматова Д. А.**, 2020

Ш. С. Холматова,
преп. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ «БАБУР-НАМЕ»

Величайший узбекский поэт, философ, политик и историк Захириддин Мухаммад Бабур родился 14 февраля в городе Андижане. Вся его жизнь наполнена великими делами и всемирной славой. Перу Бабура принадлежат свыше сотни политических и научных произведений, среди самых популярных можно отметить «Трактат об арузе» – труд о стихосложении, и «Мубаййин» – религиозное произведение, объясняющее основы шариата. Бабур вошёл в историю не только как автор стихов и трактатов, но и как основатель династии.

Большого внимания заслуживает поэтическое наследие Бабура. Его творчество великолепно и многогранно. Владея 10 жанрами восточной лирики, Бабур писал о своей жизни, природе и окружающем мире, религии. Но, конечно, не мог великий поэт обходить и тему любви. Более того, любовь и страсть играют главную роль в его поэзии. Бабур был гениальным мастером слова и богато использовал все средства выразительности тюркского языка:

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.
Без тонкостанной – кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой – нет у роз ни запаха, ни цвета.
Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?
Пусть голову из-за нее, тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

В какой-то степени стихи Бабура – это автобиография, летопись его мыслей чувств и переживаний, описание событий его жизни, его рефлексия на них. Но он сумел не просто описать весь свой жизненный путь, эмоции и размышления в словах, а сделал это в великолепной поэзии. Именно лирика, в первую очередь, прославила его в веках.

Бабур вдохновенно и очень много писал о любви. Любовь у него реальная, земная, настоящая и очень искренняя. Он вдохновлялся поэзией другого восточного мастера слова – Алишера Навои. Бабур многократно размышляет о человеческих отношениях, о любви и дружбе, о красоте и добре. Но именно любовь кажется ему самым главным человеческим достоинством. Эту мысль читатели уже много столетий находят в строках его произведений.

Поэт писал, что готов преодолевать любые препятствия ради встречи с любимой. Он готов даже отказаться от славы и земных благ, принести себя в жертву любви, потому что ничего важнее этого нет на белом свете. Но любовь – это не романтическая привязанность. Это преданность другому человеку, это благородные поступки, это верность своим идеалам. Это важнее влияния и богатства, важнее земной славы и империй. Умело играя словами и образами,

Бабур раз за разом создаёт образ возлюбленной, столь прекрасной телом и душой, что всё восхищение ею можно изложить только в стихах.

Много пишет Бабур и о родине. Четверостишия, посвящённые любимой земле, проникнуты светлой грустью и бесконечной любовью.

В поэзии Бабура особое место уделено темам нравственности и самосовершенствования. Бабур считает жизненно необходимым убедить читателя от мала до велика взращивать в себе благородство, помогать другим и всегда поступать по чести. Бабур пишет, что только дружба поможет каждому стать хорошим человеком, и каждый должен беречь своих друзей. Только так можно прожить жизнь правильно.

Язык стихов Бабура ясен, краток и понятен. Он не любит лишний пафос, он любит доносить до читателя свою мысль коротко и максимально понятно. Он отмечает, что нужно писать и говорить только кристально чистым языком, тогда и автору, и читателю будет лучше.

Но ум и сердце Бабура были заняты отнюдь не одними стихами. Его мысль проникала в основы языка, а результатом размышлений стал «Трактат об арузе» – итог глубокого и всеобъемлющего изучения теории стихосложения и использования её достижений. Бабур не излагает сухую теорию, а дополняет её новыми тезисами, лично зафиксированными явлениями, создаёт и расширяет классификацию стихотворений и размеров. Все эти открытия Бабур делает не только на основе личного творчества. Он был хорошим знатоком арабской, персидской и тюркской поэзии. Великолепно знал Бабур и народную поэзию, нисколько не принижая её значения для мировой культуры. В его трудах сохранились крайне ценные сведения о жанрах народного песенного искусства и уникальные этнографические заметки.

«Бабур-наме», или «Книга Бабура» – это не просто его личные воспоминания, но и своеобразная летопись эпохи, история создания великой державы. «Бабур-наме» приковывает внимание учёных и переводчиков со всего мира. Книга переведена на десятки языков, в том числе русский, английский, французский, турецкий и персидский. Эта книга стала основой для нескольких художественных произведений.

Свой взгляд на основы исламского шариата Бабур представил в религиозно-философском произведении «Мубаййин». А о налогах и государственной политике он размышлял в трактате «Мубаййину-л-закот».

Бабур хорошо и много сочинял сам, но при этом был отличным переводчиком. Например, он сумел в стихотворной форме перевести известнейший «Трактат родительский» («Волидия») суфийского мастера Хожди Ахрара Вали, сохранив авторский стиль и колорит.

Бабур – гений, сумевший не только созерцать жизнь и постигать законы природы, но и созидать новое. Мастерски владея словом, он делится своими чувствами и мыслями со всеми читателями, невзирая на расстояние и время.

Также перу Бабура принадлежит трактат по поэтике; изложение в стихотворной форме фикха (мусульманского права) и собственная разработка алфавита – «Хатт-и Бабури» («Алфавит Бабура»). «Хатт-и Бабури» был создан

на основе древнетюркских письмен и являлся упрощенным по начертанию (по сравнению со сложным арабским письмом).

Это произведение Бабур написал на староузбекском языке (тюрки). Как свидетельствуют исторические первоисточники, написанные в Индии в средние века, в этот период была заметна роль староузбекского языка – языка Алишера Навои, Бабура и его преемников.

Бабур испытывал чувство безмерной любви к своей родине, Средней Азии, и Афганистану, который стал для него второй родиной. Он всегда жил надеждой вернуться домой. В антологии поэтов «Макалат-и шуора», опубликованной в Карачи Алишером Каниг Татави, сохранилось малоизвестное даже ученым последнее стихотворение Бабура на персидском языке, в котором он писал:

Я в жизни счастья не встречал, с несчастьем связан стал.
Во всех делах – просчет, за все я всем обязан стал.
Покинув родину свою, побрел я в Индустан
И черною смолой стыда навек измазан стал. (пер. Л. Пеньковского)
К каким пределам ни пойду, везде со мной печаль,
Везде ношу мою беду, судьба моя грустна.
И сотни горестных забот, и тысячи невзгод –
Та доля, что меня гнетет, другому не дана!
С моим светилом разлучен, горю в горниле мук,
Мне сердце жжет со всех сторон, душа истомлена.
Когда ты от страданий хмур, бедою не делись,
На людях не рыдай, Бабур, им боль твоя смешна! (пер. С. Северцева)

Имя Бабура – историка, талантливого художника слова, умелого полководца и государственного деятеля – бессмертно. Именно труд Бабура «Бабур-наме» выдержал истинное испытание временем.

Бабур рассматривал свое сочинение как руководство для управления государством, положения которого должны были способствовать не только значительной стабилизации государственной налоговой системы, но, как результат, улучшить положение народных масс и оградить их от бесчинства феодалов.

Яркая особенность творчества Бабура – привнесение в традиционную образную палитру собственных, индивидуальных лирических оттенков. В его стихах нередки моменты, отражающие его личную биографию. Его мемуарное прозаическое произведение «Бабур-наме» также своеобразно: язык повествования легкий, лаконичный, лишенный метафорического декора, цветистости, присущей прозе тех времен, но живой и образный.

Литература:

1. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М., 1997.
2. Бабур, З. М. Бабур-наме / пер. М. Салье. – Т., 1958.
3. Лэмб Гарольд. Бабур-тигр : великий завоеватель Востока. – М. : Центрполиграф, 2002.
4. Узбекская классическая лирика XV-XX веков. – М. : Наука, 1958.

© Холматова Ш. С., 2020

Ш. С. Холматова,
преп. УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

ТВОРЧЕСТВО БАБУРА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Захириддин Мухаммад Бабур – автор замечательного произведения «Бабур-наме» («Записки Бабура») – занял видное место среди выдающихся деятелей науки и культуры средневекового Востока. Талантливый писатель, ценитель искусства, литературы и науки, оригинальный мемуарист, Бабур, обладая широким кругозором и пытливым умом, оставил значительный след во многих областях жизни народов Средней Азии, Афганистана и Индии. Благодаря своим выдающимся способностям, Бабур вошел в историю не только как полководец и правитель – основатель династии Бабуридов в Индии, но и как ученый и поэт, оставивший богатое творческое наследие в области литературы, науки и мусульманской юриспруденции. Его перу принадлежат оригинальные лирические произведения (газели, рубаи), трактаты по мусульманскому законоведению («Мубайин»), поэтике («Аруз рисоласи»), музыке, военному делу, а также специальный алфавит «Хатт-и Бабури».

Однако центральное место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке – его исторический труд «Бабур-наме». Книга была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV – начале XVI вв.

По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии [1, 74].

По богатству и разнообразию материала, по языку и стилю «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени. Не удивительно поэтому, что в разные времена труд этот привлекал пристальнейшее внимание ученых всего мира.

«Он был не самым великим, но гораздо более человечным, чем все другие восточные завоеватели... и чтобы ни думали о нём в других отношениях люди, мы не можем думать о нём иначе, как только относясь с глубокой симпатией к этому великодушному и общительному гиганту...», – отмечает В. Н. Морленд в своей книге «Аграрная система мусульманской Индии» [4, 127].

Роль и место научного и литературного наследия Бабура в культурной жизни Средней Азии и Индии поистине огромны. Бабур, являясь одним из лучших представителей сложившейся в Средней Азии феодальной культуры, внёс значительный вклад в развитие индо-мусульманской культуры и, прежде всего, среднеазиатской и индийской историографии.

По своему объёму и значению, однако, первое место в научном наследии Бабура занимает «Бабур-наме» – своеобразный человеческий документ, составленный на основе его тонких наблюдений за окружающим миром.

В нём подробно описана политическая обстановка, царившая в Средней Азии, Афганистане и Северной Индии на рубеже XV – XVI вв. Как литературный и исторический памятник для изучения феодальных отношений в Средней Азии, Афганистане и Индии в конце XV и начале XVI вв. «Бабур-наме» не имеет себе равных и по степени самостоятельности содержащихся в этой книге сведений.

Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира (в СНГ, Чехии, Словакии, ФРГ, Турции, Италии, Франции, США, Англии, Индии, Пакистане, Афганистане).

Фактическим подтверждением тому являются новые переводы на французский язык «Бабур-наме», опубликованные под эгидой ЮНЕСКО в Париже в 1980 и 1985 гг. Крупный французский востоковед Луи Базан в своём введении к французскому переводу (1980 г.) писал, что «автобиография [Бабура] представляет собой чрезвычайно редкий жанр в исламской литературе».

Такого же мнения придерживаются и учёные из других стран - С. Азимджанова (Узбекистан), Абдул-хай Хабиби (Афганистан), Мухиб ул-Хасан (Индия), участвовавшие в международном издании «Бабур-наме» на французском языке, что является очередным признанием роли и места выдающегося творения Бабура на международной арене.

Интерес к этой книге в значительной степени обусловлен и весьма незаурядными личными качествами её автора – Захириддина Мухаммада Бабура, основателя обширной Империи Бабуридов в Индии, просуществовавшей более три века, до начала XIX столетия.

В своей столице Агре Бабур собрал вокруг себя немало выдающихся писателей, поэтов, художников, музыкантов, учёных, которым оказывал большое внимание. Все события, протекавшие на рубеже XV – XVI вв. в Средней Азии, Афганистане и в Индии, нашли отражение в «Бабур-наме». В основном этот труд посвящён описанию деятельности Бабура, его военных предприятий и походов, удач и неудач, изложению всех перипетий его богатой приключениями жизни.

История написания «Бабур-наме» неизвестна. Сам Бабур в своей книге об этом умалчивает. Согласно сведениям дочери Бабура Гульбадан-бегим, приведенным ею в своей книге «Хумаюн-наме», в Индии, в городе Сикри, в саду Бабуром была устроена площадь специально для игры в конное поло (*чавган-ди*). В помещении, построенном в верхней части этой площадки, Бабур имел обыкновение писать книги.

Бабур в своей книге не даёт никаких данных о том, каким образом и при каких обстоятельствах у него возникла идея создания специальной книги и как, на основании каких именно материалов он приступил к её написанию в Индии. Среди бесчисленного количества лиц, окружающих Бабура во время его

нахождения в Мавераннахре, Афганистане, Индии, не удалось обнаружить имя летописца, который вёл бы записи для будущей книги [3, 262].

Современник Бабура, историк Мухаммед Хайдар, автор исторического труда «Тарихи Рашиди», сообщает, что в его время не было принято иметь придворного летописца. По-видимому, Бабур также не имел специального летописца, поэтому «Бабур-наме» – это всецело результат неутомимого труда самого автора.

Сведения, приведенные в «Бабур-наме», подтверждают мысль, что Бабур начал вести свой дневник систематически только после битвы за Кандагар, т. е. начиная с 913 г. х., который затем был оформлен в виде отдельной книги, но уже в Индии.

«Бабур-наме» состоит из трёх частей. Первая её часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV в.

Вторая часть охватывает события, происходившие на территории Афганистана, которая в эпоху Бабура была известна как «Кабульский удел».

В последней, третьей части описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны, её природные особенности, содержатся интересные сведения о народах, населявших эту страну.

Автор «Бабур-наме» с присущей ему откровенностью описывает имеющую место анархию среди правящих кругов – феодалов, их беспрерывную борьбу за власть, приводит факты опустошения земледельческих оазисов, увеличения поземельного и других налогов, сбор которых весьма участился в годы смуты во владениях последних Тимуридов – в Хорасане и Мавераннахре.

«Бабур-наме», хотя и посвящена политической истории вышеназванных стран на рубеже XV – XVI вв., однако изобилует также бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и другие аспекты современной автору эпохи. «Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабура. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Средней Азии, Афганистане и Индии и писавших свои стихи на персидском, а также узбекском языках.

В книге много ярких, с большим остроумием набросанных словесных портретов целого ряда его современников – государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов. Очень образно дан творческий портрет великого поэта Алишера Навои. Благодаря этим описаниям до нас дошли подробности его многогранной научной и литературной деятельности. К творчеству поэта Бабур относился чрезвычайно уважительно, преклонялся перед его гением.

Не менее самобытен язык и стиль его произведения. Язык его прост и лаконичен, народен, в нём полностью отсутствуют риторические ухищрения, свойственные его современникам. Несмотря на обилие имён, названий, дат и событий, встречающихся в «Бабур-наме», эта книга читается легко, с неослабевающим интересом. Бабур подробно описывает крупные города Средней Азии, Хорасана, Ирана, Афганистана и Индии. Его данные о Фергане, Андижане, Самарканде, Бухаре, Кабуле, Газни, Балхе, Бадахшане, Дели,

Девалпуре, Лахоре бесценны, ибо автор даёт представление о географическом положении этих городов, их торгово-экономической роли в феодальном хозяйстве того периода.

В «Бабур-наме» много фактических данных по этнографии: интересны описания различной одежды индусов, их кастовой системы, обычаев, образа жизни простого народа и феодальной знати. Например, в «Бабур-наме» описана мужская одежда индусов – дхоти, женская одежда – сари, которые Бабур называет среднеазиатским термином *лангут* и подробно описывает способ их одевания.

Бабур рассматривал своё сочинение как руководство для управления государством, положения которого должны были способствовать не только значительной стабилизации государственной налоговой системы, но как результат – улучшить положение народных масс и оградить их от бесчинства феодалов.

Это сочинение Бабур посвятил сыну Хумаюну – своему наследнику, будущему второму правителю Империи Великих Моголов в 1530-1556 гг. Это произведение Бабур написал на староузбекском языке (тюрки). Как свидетельствуют исторические первоисточники, написанные в Индии в Средние века, в этот период была заметна роль староузбекского языка – языка Алишера Навои, Бабура и его преемников.

Бабур придавал большое значение правописанию, стилистике и произношению. В одном из писем на имя Хумаюна, отправленном в Кабул, он делает ему резкие замечания за грамматические ошибки и сложный стиль письма. Роль Бабура в развитии узбекской поэзии и языка в Индии значительна. Его поэтические произведения, написанные на узбекском языке, получили достойное признание в трудах учёных мира.

Бабур испытывал чувство безмерной любви к своей родине, Средней Азии, и Афганистану, который стал для него второй родиной. Он всегда жил надеждой вернуться домой.

Первый роман «Бабур-тигр», посвященный правдивой истории жизни и деятельности Бабура, принадлежит перу американского писателя Герарда Лема (опубликован в США, г. Чикаго, 1961 г.). Роман этот и ныне пользуется широкой популярностью в Америке и в других странах мира. Гораздо позже в нашей стране в свет вышел роман П. Кадырова «Звёздные ночи» на узбекском языке, затем – его переводы на русский язык.

Со дня смерти Бабура прошло более четырех с половиной веков, полных противоречий и острой социальной борьбы народов Средней Азии, Афганистана, Ирана и Индии. Это немалый срок. Но имя Бабура – историка, талантливого художника слова, умелого полководца и государственного деятеля – бессмертно.

«Память человечества экономна, у великого обилия возникающих образов, имён и деяний она хранит позднее лишь те, которые еще содержат в себе нечто важное и потребное для жизни. Она обобщает уверенно, по какому-то безошибочному чутью, крепко храня нужное, пока оно нужно, и сметая всё

остальное, как сор, в быстро уносящую реку забвений». Именно труд Бабура «Бабур-наме» выдержал истинное испытание временем.

Литература:

1. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М. : Наука (ГРВЛ), 1977. – 176 с.
2. Бабур, Захир ад-Дин. Бабур-наме. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992. – 312 с.
3. Бабур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907.
4. Лэмб Гарольд. Бабур-тигр : великий завоеватель Востока / пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2002. – 446 с.

© **Холматова Ш. С.**, 2020

Л. В. Хохлова,
к. ф. н., доцент МГУ, г. Москва

СИКХСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ВСТРЕЧАХ ГУРУ С ДВУМЯ ВЕЛИКИМИ МОГОЛАМИ

Историческая наука располагает скудными данными об истории сикхской общины в XV – XVII вв. Исследования сикхской истории, представленные британскими чиновниками, появляются только в конце XVIII – начале XIX в. Основные источники сведений о жизни ранней сикхской общины – это, во-первых, сикхский канон «Ади грантх», созданный пятым гуру Арджуном (1581 – 1606) [22], во-вторых, персидские хроники XVII – XVIII вв., [5], [6], [7], [8] и др.

Еще одним источником информации о сикхской истории являются *вары* Бхаи Гурдаса (1551 – 1636), родственника и современника 3-го, 4-го, 5-го и 6-го сикхских гуру[1]. [16, 180-182; 302]. Сведения о жизни первого сикхского гуру как историки, так и рядовые члены сикхской общины черпают из «*Джанам Сакхи*» – агиографических произведений, описывающих жизнь основателя сикхизма гуру Нанака (1469–1539). *Джанам* – «рождение, воплощение», *сакхи* – «свидетельство». Таким образом, *Джанам Сакхи* – «засвидетельствованные» рассказы об эпизодах из жизни гуру Нанака [2, 38-56]; [9]; [14]; [15]; [18].

Истории о сикхском гуру, очевидно, передавались из уст в уста еще при жизни Нанака, однако их кодификация произошла лишь почти через сто лет после смерти гуру (наиболее ранняя рукопись датируется 1658 г.). Таким образом, эти рассказы, опирающиеся на множество мифов и фантазий, интересны не столько в качестве источника сведений о реальной истории, сколько как образцы текстов, формировавших мировоззрение сикхской общины на протяжении нескольких столетий.

Почти до конца XIX в. было известно только одно собрание «*сакхи*», а именно, «*Джанам Сакхи бхаи Бала*» (или «*Балевали Джанам сакхи*»). В «*сакхи*», включенных в эту антологию, свидетелем жизни гуру Нанака выступает бхаи Бала – легендарный спутник гуру во время его паломничеств. Данное собрание до сих пор наиболее популярно в народе, так как содержит наибольшее количество фантастических историй и чудес, совершенных гуру Нанаком. Верующие сикхи склонны видеть в них пересказанную очевидцем подлинную биографию гуру.

[1] Слово *vār* **‘**хвалебная песня’, ‘дифирамб’ первоначально служило названием жанра героической баллады, которую исполняли бродячие менестрели, описывавшие подвиги героев в сражениях. В сикхском каноне ‘*Ади Грантх*’ и у Бхаи Гурдаса *vār* - поэма религиозного содержания, в которой сражение воинов на поле брани переосмысляется как борьба истины с ложью, порока с добродетелью [10, 69], а место фольклорного героя занимает Единый Бог [15, 105].

В конце XIX века была обнаружена еще одна коллекция – «*Пуратан джанам сакхи*». В ней эпизоды из жизни Нанака описаны более реалистично, поэтому эта коллекция лучше удовлетворяет потребности интеллектуального слоя сикхской общины. В настоящее время известны еще два собрания рукописей: «*Гъян ратнавали*» («*Бхаи Мани Сингхвали джанам сакхи*») и «*Михарбанвали джанам сакхи*». В последнем собрании нет эпизода о встрече гуру Нанака с Бабуром [14, 1-32]. Большинство исследователей считает наиболее приближенным к реальности, хотя подчас далеким от исторической правды, собрание «*Пуратан джанам сакхи*», и именно на его основе строится анализируемое ниже повествование о встрече гуру Нанака с Бабуром.

«*Джанам сакхи*» рассказывают о рождении, детских и юношеских годах гуру Нанака, о его службе в Султанпуре при дворе Даулат Хана Лоди, о том, что ему было веление свыше оставить мирскую жизнь и отправиться в паломничества, в которых его сопровождал Мардана – мусульманин из касты мираси. Совершив паломничества в четыре стороны света, гуру Нанак поселился в деревне Картарпур, где совмещал повседневный труд с молитвами и распространением своего вероучения.

Гуру Нанак родился и вырос в Панджабе, правителем которого в ту пору был Даулат Хан Лоди, наместник делийского султана Ибрагима Лоди. Делийский султанат, в который была включена большая часть Северной Индии, был создан в XIII веке. Включение Северной Индии в Делийский султанат способствовало развитию ее торговых и культурных связей с соседними государствами, становлению персоязычной исторической и художественной литературы и движению религиозной мысли, в особенности суфизма в исламе и бхакти в индуизме, оказавших большое влияние на учение гуру Нанака [1, 131–134; 156–161].

В 1518-1524 годах войска Захириддина Мухаммада Бабура совершили несколько набегов на Панджаб. Даулат-хан, покровительствовавший Нанаку наместник Панджаба, находился во вражде с царствовавшим в Дели султаном Ибрахимом Лоди, поэтому он поддержал Бабура. В 1524 году Бабур занял Лахор, а в следующем году предпринял новый поход. На этот раз панджабский правитель выступил против него, но потерпел поражение. 21 апреля 1526 г. состоялась решительная битва Бабура с армией делийского султана при Панипате. Победа войск Бабура открыла ему дорогу на Дели, и 30 апреля 1526 года Бабур стал первым падишахом Дели, основателем государства Великих Моголов.

Историки сикхизма расходятся во мнениях о подлинности встречи Бабура с гуру Нанаком. Те, кто разделяет мнение о вероятности такой встречи, датируют ее либо 1526–1527 гг. [11]; [12]; [19, 107], либо 1520 г., когда гуру вернулся в Панджаб из своего западного паломничества [4, 138].

Мак Леод считает встречу Бабура с гуру Нанаком маловероятной [13, 138]. Одним из аргументов его единомышленников является тот факт, что об этой встрече не упоминается ни в «Бабур-наме», ни в варах Бхаи Гурдаса [20, 224]; [19,107].

Одним из возможных объяснений подобного умолчания может быть то, что мемуары Бабура содержат лакуны, одна из них приходится как раз на 1520 – 26 гг. Кроме того, Бабур в своих мемуарах вообще не склонен был описывать встречи с религиозными учителями [19, 107]. По мнению Латифа, Нанак вообще не был особо значимой фигурой для Бабура, хотя саму возможность встречи историк не отрицает [11, 249]. Что касается Бхаи Гурдаса, то он, возможно, не считал встречу Нанака с Бабуром сколько-нибудь важной для жизнеописания первого сикхского гуру, так как его больше интересовал гуру Нанак как религиозный философ [19, 107]. Встреча Бабура с гуру Нанаком упоминается также в некоторых персидских хрониках [8, 164].

Согласно Джанам сакхи, гуру Нанак в конце своего западного паломничества пришел в Саядпур (современный Эминабад, Западный Панджаб, дистрикт Гуджранвала), где остановился в доме своего почитателя Лало. Лало рассказал гуру Нанаку о притеснениях местных правителей – и Нанак предсказал скорый приход Бабура, который положит конец правлению патанов («патаны» – индийское название афганских племен, вожди которых основали Делийский султанат).

Через несколько дней предсказание Нанака сбылось: Бабур после жестокой битвы овладел Саядпуром. О жестокости происходившего сражения и страданиях невинных жертв повествуется в «*Бабар вани*» – стихах гуру Нанака, включенных в Ади грантх [22, 360; 417–418; 722–723].

Гуру Нанак и его верный спутник Мардана попали в плен. Гуру был вынужден работать носильщиком, позже – молоть зерно при помощи каменных жерновов, Мардану сделали конюхом. В то время как другие пленники стонали, с трудом справляясь с тяжелой работой, гуру пел гимны всемогущему Богу. Об этом стало известно генералу Мир Хану, который рассказал своему повелителю Бабуру о странном факире. Бабур был каландаром – членом суфийского ордена. На рассвете он совершал намаз и читал Коран, днем исполнял свои обязанности воина и правителя, по вечерам, освободившись от дневных обязанностей, снова молился Богу. Узнав от Мир Хана о пленном факире, Бабур велел призвать его к себе и, услыхав обращенные к Богу гимны Нанака, увидел в нем подлинного святого.

Бабур сообщил Нанаку, что пришел в Панджаб, чтобы освободить народ от тирании прежних правителей. Он попросил Нанака остаться при дворе и благословить его на долгое правление. Гуру Нанак провел с Бабуром три дня, в беседах наставляя его, каким должен быть истинный правитель; он также попросил Бабура отпустить пленных, и когда его просьба была исполнена, благословил Бабура, пожелав, чтобы его освещал божественный свет. Существуют также версии Джанам сакхи, в соответствие с которыми гуру Нанак дважды встречался с Бабуром, всякий раз наставляя и благословляя его на долгое и справедливое правление.

Некоторые историки [11]; [19, 99] ссылаются на другую легенду, согласно которой Нанака пленил и заставил молоть зерно не Бабур, но правитель Делийского султаната Ибрагим Лоди, после того, как тому доложили о Нанаке

как о святом, проповеди которого отличаются и от Вед, и от Корана и потому могут вызвать смуту в стране. Свободу же Нанаку даровал именно Бабур, который был суфием и почувствовал близость идей гуру к суфизму.

Близость идей гуру Нанака к суфийскому мировоззрению Бабура была, по-видимому, самоочевидна для автора Джанам сакхи, так как религиозно-философская система и художественные образы поэтов-сантов формировались под влиянием, во-первых, вишнуитского бхакти, во-вторых, суфиев. Считается, что идеи монотеизма, представление о боге как одновременно трансцендентном и имманентном началах, мысль о ненужности аскетических подвигов, концепция божественой милости, а также многие конкретные образы (например, образ Бога как света) появились у сикхов, как и у других сантов, под влиянием суфизма [13, 191-192].

Многие термины в учении гуру Нанака были заимствованы у суфиев, – таковы, например, эпитет Бога *karmī* – «милосердный, милостивый» – или *nadar* – «благосклонный взгляд, божественная милость»; заимствованное у суфиев арабское слово *hukm* – «божественное суждение о вещах, божественное предписание, приказ» – в стихах гуру Нанака получило новые значения: «божественная воля» и «божественный порядок» [3, 59–91].

Любопытна содержащая философскую притчу история, следующая за повествованием о встрече гуру Нанака с Бабуром. В ней говорится о том, что гуру Нанак и Мардана, расставшись с Бабуром, проходили по улицам Саядпура и увидели многих людей, которые оплакивали своих родных и близких, погибших во время сражения Бабура с патанами. «Отчего страдают невинные люди?» – спросил Мардана. Гуру, сразу не ответив, предложил Мардане отдохнуть под ветвистым баньяном. Мардана задремал и, неожиданно проснувшись от укуса муравья, инстинктивно передавил всех муравьев, ползавших по его ноге. «Теперь ты знаешь, почему страдают невинные,» – сказал Мардане Нанак, наблюдавший за этой сценой.

Бабур правил Индией три года. Перед смертью он разделил свои владения между сыновьями, оставив старшему – Хумаюну – Индию. Последовавший за недолгим правлением Хумаюна период междоусобных войн сменился затем почти полувековым правлением внука Бабура и сына Хумаюна Акбара (1566 – 1605), укрепившего власть Моголов в Индии. Акбар был последователем суфиев и сторонником рационального подхода к религии. Отличаясь веротерпимостью, он пытался познакомиться с верованиями индусов, джайнов, парсов, христиан и сикхов. Он основал новую религию, названную им «дин-и-иллахи» – «божественная вера» [1, 176-178].

Сикхские гуру ко времени правления Акбара постепенно начали соединять в себе светскую и духовную власть. Третий гуру Амар Дас (1479 – 1574) назначил специальных уполномоченных (масандов), призванных распространять сикхское вероучение и собирать пожертвования, благодаря чему значительно пополнилась казна общины. Четвертый гуру, Рам Дас (1534 – 1581) получил в дар от Акбара 500 бигхов земли в районе нынешнего Амритсара. Так сикхская община начала владеть землей. *Сангат*, т. е. община сикхов, была создана еще

при гуру Нанаке. Он считал, что для духовного прозрения необходимо проводить время с себе подобными, вместе повторять имя Бога и медитировать. Необходимым атрибутом общины еще при гуру Нанаке стал *лангар*, общая трапезная, цель которой состояла в уничтожении кастовых различий между последователями гуру Нанака.

Историки полагают, что сам гуру Нанак как основоположник сикхизма вовсе не являлся основателем традиции *лангара*. Такие общие бесплатные трапезные еще до Нанака практиковал в Панджабе знаменитый суфий Фарид-уд-дин-Гандж-и-Шакар (1173-1265)[1] [17, 336–339]. Гуру Нанак, безусловно, был знаком с творчеством Шейха Фарида и с легендами о его жизни и мог позаимствовать у него соответствующую идею. *Лангар* и в настоящее время является обязательным атрибутом собраний сикхской общины как в Индии, так и за рубежом.

История о встрече императора Акбара с третьим сикхским гуру Амар Дасом описана как в персидских хрониках [6, 55], так и в варах Бхаи Гурдаса и прокомментирована многими историками [19, 156–170], [21].

В 1567 г. император Акбар после визита в Лахор наведался в Гоиндвал, где жил третий гуру Амар Дас. Император вкушал пищу, сидя в *лангаре* на земле, рядом с верующими из разных каст и сословий. Атмосфера *лангара* понравилась Акбару, и он предложил подарить гуру Амар Дасу несколько деревень для финансовой поддержки трапезной. Однако Амар Дас отказался от царского подарка, сказав, что, по его мнению, *лангар* может существовать только на скромные пожертвования членов общины.

После того, как великого падишаха Акбара сменили на Могольском троне его менее веротерпимые наследники, началась эпоха противостояния сикхов могольскому двору. Однако, несмотря на это противостояние, наследие Бабура оказало большое влияние на различные процессы, связанные с развитием сикхской общины, в том числе на литературу, искусство и даже на архитектуру сикхских храмов – гурдвар, купола которых заканчиваются остроконечным шпилем, подобным шпилям мечетей.

Литература

1. Алаев Л. Б. Средневековая Индия. История: политическая, социальная, экономическая, культурная. – М. : Ленанд, 2018.
2. Захарьин Б. А., Хохлова Л. В. ‘Джанам Сакхи’ – памятник литературы раннего сикхизма // Вестник Московского университета : Серия 13: Востоковедение. – 1991. – № 4. – С. 38–56.
3. Захарьин Б. А., Хохлова Л. В. Джапджи Гуру Нанака в сикхской религиозной традиции // Вестник Московского университета : Серия 13, Востоковедение. – 1999. – № 4. – С. 59–91.

[1] В сикхский канон «Ади Грантх» включены шлоки поэта Шейха Фарида, написанные на западно-панджабском диалекте мультани. Некоторые исследователи приписывают их Фариду-уд-дину-Гандж-и-Шакару, другие – Фариду Сани, жившему в XVX – XV в.в.

4. Banerjee Anil Chandra. Guru Nanak and his times. – Patiala : Punjabi University Publication bureau, 2000.
5. Dabistān-i Maẓāhib / translated by Irfan Habib // Sikh History from Persian Sourses / eds. J. S. Grewal. & Ifran Habib. – Lahore : Fiction house, 2004. – P. 59–84.
6. Faẓl Abū'l. Akbarnāma / translated by Shireen Moosvi // Sikh History from Persian Sourses / eds. J. S. Grewal. & Ifran Habib. – Lahore : Fiction house, 2004. – P. 55.
7. Ghulām Saiyid. Imādu's Sa'ādat / translated by Irfan Habib // Sikh History from Persian Sourses / eds. J. S. Grewal. & Ifran Habib. – Lahore : Fiction house, 2004. – P. 212–216.
8. Gulshan Chahar. Chaturman /translated by Irfan Habib // Sikh History from Persian Sourses / eds. J. S. Grewal. & Ifran Habib. – Lahore : Fiction house, 2004. – P. 163–168.
9. Janam Sakhi Parampara / ed. Kirpal Singh. – Patiala : Punjabi University, 1969.
10. Kohli Surinder Singh. A Critical Study of Adi Granth. – Delhi : Motilal Banarsidass, 1961. – P. 69.
11. Latif S.M. History of the Panjab from the remotest antiquity to the present time**.** – New Delhi : Eurasia Publishing House, 1964.
12. Malcolm John. Sketch of the Sikhs. – Printed for John Murray, Albemarle street by James Moyes, Greville street, Hatton Garden, 1812.
13. McLeod W. H. Guru Nanak and the Sikh religion. – Oxford at the Clarendon Press, 1967. – P. 191–192.
14. McLeod W. H. The B40 Janam Sakhi / ed. McLeod W. H. – Amritsar : Guru Nanak Dev University, 1980.
15. McLeod W. H. Sikhism: Textual Sources for the Study of Sikhism. – London, Manchester University Press, 1984.
16. McLeod W.H. Sikhism. – London : Penguin Group, 1997.
17. Metcalf B. D. Moral Conduct and Authority: The Place of Adab in South Asian Islam. – University of California Press, 1984.
18. Puratan Panjabi Vartak / ed. Kohli Surinder Sing. – Chandigarh : Punjabi University publication bureau, 1973.
19. Singh Gopal. A History of the Sikh People 1469–1978. – New Delhi : World Sikh University press, 1979. – P. 107
20. Singh Kartar. Life of Guru Nanak Dev. – 2nd ed. – Ludhiana : Lahore book shop, 1958.
21. Singh Prithi Pal. The History of Sikh Gurus. – New Delhi : Lotus Press, 2009.
22. Sri Guru Granth Sahib. – Amritsar : Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee, 1965.

© **Хохлова Л. В.**, 2020

Х. Шарафиддинов,
к. ф. н., доц. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан);
Н. Х. Шарафутдинова,
преп. ФерГУ, г. Фергана (Узбекистан)

«БАБУР-НАМЕ» КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

В исследовании географических названий особое значение имеют исторические произведения. Произведение «Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура является одним из таких драгоценных источников. Как пишет географ Х. Хасанов, в «Бабур-наме» дается около тысячи географических названий – государств, городов, сел, крепостей, степей, гор, перевалов, горных проходов, рек, мостов, озер, родников, садов, пастбищ [6, 29]. Такие названия, как Кули Малик, Кафиристан, Ясси Кечит, Дараи Хуш, Яряйлак можно включить к названиям мест, где происходили битвы.

Только в каждом побережье Амударьи и Сырдарьи дано больше ста топонимов. Изучение по отдельности этих названий играет значительную роль во всех сферах топонимики и этнонимики. В «Бабур-наме» приведены полисонимы – места, связанные с названиями городов, как Андижан, Ташкент, Хужанд, Самарканд, Бухара, которые до сих пор употребляются без изменений. Сравнительное изучение таких сведений с современностью играет большую роль в социологии.

В энциклопедическом произведении Бабура входящие в состав ойконимов такие названия, как Сугд, Каратегин, Фергана, определяются как вилояты, где живет население. Территории Барин, Сагрийчи; кварталы Уйгур Мажам, Рабатек, Яр-яйлак; деревни Тангап, Сапан, Маян; города Акканчгай, Алатаоу, Куба, Аксу, Бурундук, Пап. В тоже время даются сведения о своеобразных географических аспектах и образе жизни населения. Например, Худжанд и Ура-Тепа характеризируются как область: «В книгах пишут, что первоначальное название этого города – Усрушна, но говорят также и Усруш; Худжанд некоторые не считают входящим в Фергану» [2, 33].

Очевидно, в изучении названия этой местности данная информация важна и для лингвистике, и для географии, в рассмотрении к какому региону входит та или иная область.

О Кара-Кульской области Бабур пишет: «Другой округ – Кара-Кул; он лежит ниже всех остальных и более многоводен. Находится в семи йигачах к северо-западу от Бухары. В области Самарканда есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугудский туман и туманы, примыкающие к Сугду. Начало их в Яр-Яйлаке, конец – в Бухаре. Нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанных земель». Они настолько знамениты, что слова Тимур-бека «У меня есть сад, который тянется тридцать йигачей», вероятно, сказаны об этих туманах. Ещё один туман – Шавдар. Он примыкает к городу и к его предместьям [2, 64].

По вышеуказанному отрывку можно получить точные сведения о географии, природных ресурсах, хозяйстве этих мест. Значительно ещё то, что при характеристике мест уделялось внимание на сравнение. В изображении Шавдар дальше пишется: «С одной стороны от него горы, возвышающиеся между Самаркандом и Шахрисябзом (большинство селений лежит у подножья этих гор); а с другой стороны – река Кухак. Это очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешевы. Путешественники, видавшие Миср и Шам, не могут указать такого здорового места» [2, 64].

В произведении дается описание Канд-и Бадама, подчиненного Худжанду: «Это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль там превосходен, по этой причине [Канд-и Бадам] и назван таким именем» [2, 14]. По описанию очевидно, что квартал типичен городу. Энциклопедический аспект произведения в том, что сведения даются кратко, но точно и полно. Говоря о Канд-и бадам: «Больше всего отправляются миндали в Хурмуз и Хиндустан отсюда», по нынешнем соображениям, он подразумевал экспорт миндаля Канд-и Бадама.

В «Бабур-наме» раздельно описываются такие места, как Пашагир, Сапан, Махан, и ряд территорий, таких как Хубан, Сако, Хисар, и другие маленькие городки.

В книге зарегистрировано множество гидронимов. Это реки Зарафшан – Сейхун, Чир-Чирчик, Камруд, Кухак и канал Камруд.

В «Бабур-наме» даны названия гор: Барокух, Мивагюль, Масчо, Сир-и Тог, Олгу, Кухак, входящие в состав оронимов. Описываются холм Кухак, площадь Кон-и Гил и здешние текущие воды, сады.

Также даны такие названия, как площадь Якчирак, равнины Дихкат, Кулба, летовка Бурка, степь Зердак и другие такие объекты, которые могут изучаться в системе агронимов.

Говоря о содержании «Бабур-наме», можно подчеркнуть, что это сочинение является и произведением языкознания. В связи с этим В. Рахмонов пишет: «Бабур приносит удивительные мысли о происхождении имен и прозвищ. Одно из таких прозвищ своего младшего дяди Султана Ахмед-хана: «Моложе Султан Махмуд хана был Султан Ахмед-хан, известный под именем Алача-хан. Говорят, будто причина, почему его назвали Алача, в том, что на языке калмаков и моголов убийцу называют «алачи», а так как Султан Ахмед-хан несколько раз побеждал калмаков и истребил много их людей, то его называли алачи; от частого употребления [слово алачи] превратилось в Алача» [2, 21].

Эта мысль побуждает на рассуждение. В припеве известной хорезмской песни «Лазги» вместе со словосочетанием «кара куз» повторяется и словосочетание «ала куз» (*кара куз гал, гал, ала гуз гал, гал*). Употребляемое здесь «ола куз» приводит к мысли, не связано ли это с «алачи куз», то есть «убивающие, сжигающие глаза». Может, это и так, побуждая на такие мысли, «Бабур-наме» считается ценной работой в области языкознания.

Еще одно типологическое явление приводит В. Рахмонов в своей вышеуказанной статье: «Бабур научно красиво доказывает термин “мечеть с

эхом” в городе Самарканд: “Внутри Самаркандской крепости есть ещё одна древняя постройка, которую называют «Мечеть с эхом». Если топнуть ногой по земле под ее куполом, то повсюду из-под свода раздается отголосок. Это удивительное дело, и никто не знает, в чем тут тайна”» [2, 21].

Именно о таком удивительном явлении рассказывает и И. С. Тургенев в своих воспоминаниях о Льве Толстом: «Природа лучше человека. В ней нет раздвоения, она всегда последовательна. Ее следует везде любить, ибо она везде прекрасна и везде и всегда трудится. Тургенев рассказывал, что, охотясь, он проводил иногда на опушке леса целую ночь без сна, прислушиваясь к тому, как природа работает ночью. И ему казалось, что она тяжело дышит и по временам в своем творческом труде говорит: “Уф! Уф!” самарские степи, например, днем, под палящим солнцем, однообразны и могут наскучить. Но какая прелесть ночью, когда земля дышит полною грудью, а над нею раскинут необъятный купол неба, и к нему несутся с земли нежные звуки» [3, 182].

Из двух приведённых примеров можно увидеть и представить, насколько красиво, воодушевленно, привлекающе изображены явления – в одном событии в сооружении, а в другом – чудесное природное описание... В «Бабур-наме» купол изображается, как крыша, покров постройки, а у Л. Толстого, как купол неба.

«Бабур-наме», как и все источники своего времени, является ценным источником и в изучении изменений семантической структуры слова. Например, в изложении исторических событий девятьсот шестого года по хиджре (1500-1501 гг.) слово «эл» (сейчас это слово обозначает смысл «народ», «люди») выражается как «войско», «армия». «Пришедшее к нам на помощь Могольское войско не хотело воевать. Оно начало грабить, сталкивать с коней наше же войско (эл)... Наступали спереди и сзади. У нашей армии (эл) началась паника» [2, 81].

В обоих случаях под словом «эл» («народ») подразумевается «войско», «армия».

Можно сказать, что и Алишер Навои в своих произведениях использовал это слово как «войско», «армия». В словарях, составленных для изучения языка произведений Алишера Навои, слово «эл» поясняется в нескольких значениях. Одно из этих значений приходит и в смысле «войско», «армия». Например, «Падишах несколько раз посылал большое войско (эл), но так и не смог уничтожить». Употреблённое здесь слово «эл», обозначает слово «войско».

В настоящее время это слово не толкуется в смысле «войско» или «армия», и поэтому этот смысл не изложен в толковом словаре узбекского языка. Но в историческом романе киргизского писателя Т. Касымбекова «Сломанный меч» наблюдается употребление слова «эл» в смысле «войско», «армия». «Стоящие у порога два джигита сразу же поклонились и дали дорогу вышедшему наружу Юсуф бийу… Он степенно посмотрел на своих временно отдыхающих войск и подумал, что перед ними стоит трудная дорога.

– Играйте, карнайи! – сказал Юсуф спокойно.

Двое карнайщиков изо всех сил начали искусно играть. Под горным звучанием карнаев армия (т.е. эл) начала двигаться» [5, 44].

Употреблённое в этом маленьком отрывке слово «эл» обозначает временно отдыхающие войска – теперь временно отдыхающие войско под звучанием карнаев начало двигаться.

Как уже сказано выше, толкование слова «эл» не дается в толковом словаре узбекского языка, также и не дается и в киргизско-русском словаре.

Итак, «Бабур-наме» по своему значению и объему занимает самое важное место в литературном наследии Бабура. Это произведение является важнейшим источником для многих наук. И с гордостью можно сказать, что каждая строка «Бабур-наме» представляет внутренний и внешний портрет великой личности всех времен.

Литература

1. Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли луғати : тўрт томлик, учинчи том. – Т. : Фан, 1984.
2. Бобур, Заҳирддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. : O‘qituvchi, 2012.
3. Қосимбеков Т. Синган қилич. – Т., 1980.
4. Раҳмонов В. Шоҳ, адиб ва шоир – Заҳириддин Муҳаммад Бобур // Заҳириддин Муҳаммад Бобур. – Т. : O‘qituvchi, 2012.
5. Толстой Л. Н. в воспоминаниях современников : в двух томах. – Том второй. – М. : Художественная литература, 1978.
6. Ҳасанов Ҳ. Заҳириддин Муҳаммад Бобур. – Т. : Ўзбекистон, 1996.

© **Шарафиддинов Х., Шарафутдинова Н. Х.**, 2020

Ф. Н. Шарипов,
ст. преп. Кар ГУ, г. Карши (Узбекистан);
Ж. П. Бердиев,
преп. Кар ГУ, г. Карши (Узбекистан)

ТРАКТОВКА ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В ТРУДЕ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА «БАБУР-НАМЕ» («ЗАПИСКИ БАБУРА»)

Захириддин Мухаммад Бабур написал о своих жизненных воспоминаниях труд под названием «Тузуки Бубур» («Уложения Бабура»), или «Бабур-наме», на своем родном языке тюрки. Этот труд считается и историческим, и литературным. Эта работа переведена на многие европейские языки, в том числе, на английский и французский. Перевод английского учёного А. С. Беверидж является самым лучшим, так как он выполнен с оригинальной копии тюрки.

Бесценные литературные и исторические произведения, труды, касающиеся исламских законов, которые оставил нам Бабур, особенно «Бабур-наме», сразу после его смерти было переведено на фарси, в 1826 году на английский язык, позже, в 1828 году – на немецкий язык, а позднее на многие другие языки.

В «Бабур-наме» даются бесценные и редкие сведения о сфере знаний и взглядов Бабура, оттуда мы узнаём о его достижениях и недостатках, о его заботах и наслаждениях, о политической обстановке его времени, о флоре и фауне краев, о нациях и народах, где путешествовал Бабур. Английский историк Лейн Поул смотрит на это произведение как на «важный исторический документ» и пишет, что «если не найдётся документ, утверждающий какое-нибудь событие того времени, нужно обращаться в этом вопросе к “Бабур-наме”». Английский историк и государственный деятель М. Элфингстоун считает это произведение «книгой, отражающей истинную историю Азии».

Ф. Телбот, который перевёл «Бабур-наме» на английский язык, пишет так: «Будет целесообразным начинать изучение истории современной Индии с чтения воспоминаний Бабура».

«Бабур-наме» – это гениальное произведение, которое известно во всём мире. Вначале это произведение называлось «Бабурия». Позже оно было известно под названиями «Вокеанома» («Писание о событиях»), «Тузуки Бабурий» («Уложения Бабура»), «Вокеоти Бабурий» («История Бабура»). Потом получил известное название – «Бабур-наме».

На основе описаний местностей и континентов Бабуром лежат его мировоззрение, политико-географическое состояние того времени и степень государственности, связанные той или иной местностью.

Созданное Захириддином Мухаммадом Бабуром произведение – сокровищница социально-исторических, научных, естественных и литературных сведений. В нём изображены исторические события Средней Азии, Афганистана и Индии, которые происходили в 1494–1530 гг. Бабур не ограничивается

описанием исторических фактов, хронологией сражений и военных походов, он также изображает события в живом виде, рисует пейзаж, описывает природу и этнографическое состояние, обрисовывает время и его особенности.

«Бабур-наме» Захириддина Мухаммада Бабура как историко-литературное произведение тем и дорого, что в произведении даются сведения об истории, о явлениях, касающихся географии, о природных зарисовках, об этническом составе населения, в том числе о многих исторических личностях – о представителях литературы и искусства, представителях религии, о шахах и о принцах, беках и эмирах.

В «Бабур-наме» в 17 строках даны названия местностей и рек, а также 27 названий собственных имен. Здесь не просто перечисляются названия местностей, но и указывается их географическое местонахождение, кроме рельефа, изображается точное стратегическое значение в логическом единстве.

Исследователь Р. Расулов отмечает, что в «Бабур-наме» встречаются свыше тысячи географических названий и 1800 имен личностей. Известный ученый топонимики Т. Нафасов привел точные цифры и пишет, что в «Бабур-наме» отмечаются свыше 1100 географических названий и 1406 имен личностей.

Видно, что мнения специалистов о географических названиях и именах личностей в «Бабур-наме» резко отличаются друг от друга. В «Бабур-наме» отмечаются всего 1540 имён личностей. Из них 357 составляют исторические личности, которые жили в Мавераннахре. Остальные – исторические личности, которые жили в разных странах в разные периоды. 357 исторических личностей из Мавераннахра являются представителями разных слоев. В том числе, из них 5 – эмиры и их сыновья, 42 – царицы и дочери шахов, 52 – умары, полководцы и беки, 21 человек – люди религии, 30 – представители науки и литературы, 187 человек – представители разных других слоев: воины, дехкане, представители искусства, ремесленники, рабы.

В «Бабур-наме» приведены сведения об именах 25 эмиров и их сыновей из Мавераннахра. Составитель даёт сведения о властителях Мавераннахра с Умара-Шейха Мирзы – отца Бабура. Здесь нужно отметить, что Бабур ввёл особые методы изображения жизни и деятельности властителей. Во-первых, рассказывая о властителях, под заголовками «Валодат ва насаби» («Рождение и присхождение»), «Шакл ва шамоили» («Нарухность и качества»), «Ахлок ва атвори» («Свойства нрава и обычаи»), «Масоф ва урушлари» («Битвы и сражения»), «Вилояти» («Владения»), «Авлоды» («Потомчтво»), «Хавотун ва сарори» («Его жёны и наложницы»), «Умароси» («Эмиры») в определённом порядке приводит сведения о них.

В книге Бабура передача сведений об Умар-Шейхе Мирзе, Султане Ахмеде Мирзе, Султане Мехмеде Мирзе, Байсунгуре Мирзе, Султане Хусейне Мирзе подчиняется вышеуказанному порядку.

Составитель, рассказывая о рождении и происхождении Умар-Шейха Мирзы, пишет: «Он родился в [году] восемьсот шестидесятом в Самарканде и был четвертым сыном султана Абу Сайид мирзы, моложе Султан Ахмед мирзы, Султан Мухаммад мирзы и Султан Махмуд мирзы. Султан Абу Сайид мирза был

сыном Султан Мухаммад мирзы, Султан Мухаммад мирза был сыном Миран Шах мирзы, а Миран Шах мирза был третьим сыном эмира Тимур бека и был младше Омар Шейх мирзы и Джихангир мирзы и старше Шахрух мирзы».

Надо отметить, что точное знание своё «хафт пушт» («Родословное семи поколений предков») у мусульманских народов стало обычаем для следующих поколений. Следуя этому обычаю, Бабур, останавливаясь на исторических личностях, старается давать точные генеалогические сведения об их происхождении и о семи поколениях предков. В повествовании «Хавотун ва сарори» («Жены и наложницы») об Умаре Шейхе Мирзе, размышляя о своей матери Кутлук Нигар ханум, пишет, что «она была вторая дочь Юнус хана, старшая сестра Султан Махмуд хана и Султан Ахмед хана». Указывая, что Юнус хан «потомок Чагатая, второго сына Чингисхана», Бабур описывает его семь поколений предков, то есть «Юнусхан – сын Ваис хана, сына Шир Али Отдана, сына Мухаммад хана, сына Хизр Ходжа хана, сына Туглук Тимур хана, сына Исаи Буга хана, сына Дува хана, сына Барак хана, сына Йесун Тува, сына Мутугена, сына Чагатай хана, сына Чингиз хана».

Итак, «Бабур-наме», отражая историю народов Мавераннахра, Хорасана, Ирана и Индии в конце XV века и в первой половине XVI века, является выдающимся произведением. Оно охватывает актуальные экономические и социальные вопросы и включает в себя редчайшие сведения о политико-экономических и торговых отношениях, о географическом положении, о климате, о флоре и фауне, о горах, о реках, о народах, о племенах и родах и их жизненных условиях, об обычаях и традициях, о важных исторических сооружениях, о храмах мусульман и индусов, о свадьбах и погребальных обрядах описанных в книге регионов.

Литература

1. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабур-наме. – Т., 1990.
2. Ибрагимов А. Наследие Бабуридов. – Т., 1993.
3. Кудратуллаев Х. Государственная политика и дипломатия Бабура. – Т., 2011.
4. Нафасов Т. Бабур – топонимист // Научный сборник. – Самарканд, 2000.
5. Расулов Р. Бабур – борец за чистоту узбекского языка // Научный сборник. – Самарканд, 2000.
6. Шамсутдинов Р., Каримов Ш., Убайдуллаев У. История Родины : 2 книга. – Т., 2010.
7. Шарма Л. П. Династия Бабуридов. – Т., 1998.

© **Шарипов Ф. Н., Бердиев Ж. П.**, 2020

Ф. Н. Шарипов,
ст. преп. КарГУ, г. Карши (Узбекистан);
Ж. К. Кучаров,
преп. КарГУ, г. Карши (Узбекистан);
Ш. К. Темиров,
преп. КарГУ, г. Карши (Узбекистан)

УНИКАЛЬНЫЙ ШЕДЕВР АРХИТЕКТУРЫ БАБУРИДОВ

Захириддин Мухаммад Бабур и Бабуриды заняли достойное место в мировой истории. История процветания в архитектуре Афганистана, Индии, Пакистана непосредственно связана с личностью, наследием Бабура и эпохой Бабуридов.

Архитектурные сооружения, возводившиеся Бабуром и Бабуридами, считаются уникальными: среди них мавзолей Хумаюна в Дели, архитектурный ансамбль «Красная крепость», мавзолей-мечеть Тадж-Махал в Агре, город Фатхпур Секрий, мавзолей Акбар-шаха в Секандараде, крепость в Лахоре.

Уникальным архитектурным сооружением эпохи Бабуридов является мавзолей-мечеть Тадж-Махал.

Тадж-Махал (в переводе с урду означает «Корона дворцов») – мавзолей-мечеть, находящийся в городе Агре, на берегу реки Джамна. Построен по приказу потомка Великого Амира Тимура, падишаха Империи Бабуридов Шах-Джахана, в память о жене Мумтаз-Махал. Позже здесь был похоронен и сам Шах-Джахан.

Арджуман Бону Бегим (Мумтаз-Махал) имела знатное происхождение: она была дочерью визиря дворца Бабуридов Асаф хана и была дальней родственницей матери Шах-Джахана. Она работала во дворце в должности советника. За мудрость, проницательность, красоту, преданность её прозвали «Мумтаз-Махал», что означает «Богиня дворца».

В супружеской паре они прожили около семнадцати лет, за это время Мумтаз-Махал родила мужу четырнадцать детей, и при родах последнего ребёнка скончалась. В произведении «Тазкират ул-хавотин» говорится о том, что из 14 детей Арджуман Бону Бегим (Мумтаз-Махал) выжили только 8. Сыновья – Доро Шукух (1616-1659 гг.), Шуджо Шах (1617-1661 гг.), Аврангзеб (1618-1707 гг.), Муродбахш (1621-1658 гг.); дочери – Джахан Орабегим, Анджуман Орабегим, Дахр Орабегим и Кити Орабегим.

Сначала её похоронили в городе, в котором она умерла, в Бурхан-Нуре, а через полгода её останки переправили в один из самых процветающих городов Индии, Агру. Именно здесь безутешный Шах-Джахан решил построить для своей жены усыпальницу, которая по красоте должна была стать достойной Мумтаз-Махал и одним своим видом рассказывала бы потомкам историю невероятной любви.

В каком именно городе строить мавзолей Тадж Махал, было решено практически сразу: пригород Агры, одного из красивейших и развитых городов

Индии, расположенный на берегу реки Джамна, подходил для этого наилучшим образом.

Главное здание было спроектировано турецким архитектором Исмаилом Афанди из Османской империи, а создателем архитектурного образа памятника считают его соотечественника Мухаммада Ису – именно их проекты понравились Шах-Джахану больше всего. Выбор правителя оказался удачен: возведённый Тадж Махал (Агра) оказался одним из самых выдающихся памятников мира, удачно сочетавший в себе стили индийских, персидских и исламских направлений, и недавно был признан одним из Новых чудес света.

Возводить Тадж Махал начали в 1632 г., и строительство длилось двадцать один год (при этом усыпальница была закончена на десять лет раньше). Чтобы построить этот уникальный комплекс, в строительных работах было задействовано более 20 тыс. рабочих со всех концов Индии, а также архитекторы, художники, скульпторы с близлежащих стран. Территория возле города размером в 1,2 га была перекопана, после чего, чтобы уменьшить сыпучесть почвы, на ней был заменён грунт. Уровень намеченной для возведения мечети площадки был поднят на 50 метров над уровнем берега. После этого рабочие выкопали колодцы, заполнили их бутовым камнем, получив, таким образом, фундамент, который к тому же должен был играть роль своеобразной подушки при землетрясениях и не давал бы комплексу разрушиться.

Интересный факт: вместо бамбуковых лесов архитекторы приняли решение использовать леса из кирпича: так было легче работать с тяжёлым мрамором. Каменные леса выглядели настолько внушительно, что архитекторы побаивались, что на то, чтобы их разобрать, потребуется несколько лет. Шах-Джахан нашёл выход из положения, объявив, что любой житель Агры может забрать себе нужное количество кирпичей – и строительные леса были разобраны за несколько дней. Чтобы доставить к мечети строительные материалы, индусы построили пологую наклонную земляную площадку, по которой быки тащили поклажу, находившуюся на специально спроектированных телегах. Доставляли их в город со всех концов Индии (и не только). Самый важный строительный материал – мрамор белого цвета – привозили в город из Макраны и Раджастхана, находившиеся на расстоянии 300 км от Агры. Поднимали мраморные глыбы на нужную высоту с помощью специальных приспособлений. Воду, необходимую для строительных работ, сначала добывали из реки, после чего сливали в водохранилище, откуда она поднималась в специальный резервуар и направлялась по трубах к стройке.

Все здания архитектурного комплекса Тадж Махал с геометрической точки зрения были чрезвычайно тщательно спланированы. Центральным зданием комплекса является мавзолей, повествующий об истории любви правящей четы Индии. Окружают это чудо света с трех сторон возведённые из красного песчаника зубчатые стены, оставив, таким образом, открытой для просмотра возможность лишь со стороны реки. Усыпальница Тадж Махал окружена ещё несколькими гробницами, в которых были похоронены другие жёны правителя

(гробницы также возвели из красного песчаника, который часто использовали при постройке склепов того времени). Неподалёку от главного мавзолея расположен Музыкальный дом (сейчас там находится музей). Главные ворота, как и основное здание, сделаны из мрамора, вход украшает ажурный портик белого цвета, сверху – одиннадцать куполов, по бокам расположены две башни с белыми куполами. По обе стороны центральной усыпальницы были построены из красного песчаника два больших сооружения: здание слева жители Агры использовали как мечеть, а правая служила пансионом. Перед мавзолеем находится роскошный парк, длина которого составляет 300 метров. Посреди парка расположен облицованный мрамором оросительный канал, в центре которого был сооружён бассейн, в котором полностью отражается мавзолей.

Для транспортировки мрамора и прочих материалов к месту строительства был построен пятнадцатикилометровый пандус из утрамбованной земли, и тридцать быков тащили блок за блоком на стройку на специальных запроектированных повозках. Тщательно разработанная объёмно-рамная конструкция с блоками использовалась для поднятия блоков на нужный уровень. Строительство гробницы и платформы заняло примерно двенадцать лет. Остальные части комплекса строились ещё десять лет, и завершались последовательно: минареты, мечеть, джаваб, большие ворота. Поскольку строительство велось этапами, существуют различные точки зрения о том, что можно считать окончанием строительства Тадж-Махала. К примеру, сам мавзолей был закончен к 1643 году, но после этого работы продолжались на оставшейся части комплекса.

Оценки стоимости строительства весьма разнятся ввиду сложности учёта цен многовековой давности. Приблизительно общая стоимость строительства по тем временам составила около 32 миллионов рупий или 3 миллиона 174 тыс. 802 фунтов стерлингов.

На стройке трудились двадцать тысяч рабочих, собранных по всей северной Индии. Среди группы из тридцати семи человек, отвечавших за художественный образ комплекса, были скульпторы из Бухары, каллиграфы из Сирии и Персии, мастера инкрустации из южной Индии, каменотёсы из Белуджистана, а также специалист по возведению башен и мастер по резке мраморных орнаментов.

Общая форма комплекса, включая дополнительные постройки, – прямоугольная, с длинной стороной в 600 м и короткой – в 300 м. Планировка самого мавзолея напоминает планировку построенного ранее в Дели по проекту персидского архитектора мавзолея Хумаюна (завершён в 1654 году). Пятикупольный ансамбль мавзолея с четырьмя минаретами по углам размещается на квадратной платформе с длиной стороны 95,4 м, его максимальная высота приближается к 74 м (высота минаретов – 41 м). В архитектуре мавзолея совмещены персидские, индийские и среднеазиатские элементы. Стены выложены полированным белым мрамором из Макраны и инкрустированы драгоценными и полудрагоценными камнями (в том числе яшмой, бирюзой, агатом, лазуритом, малахитом и сердоликом), что позволяет им

отражать солнечный и лунный свет. Со всех сторон Тадж-Махал окружает, а прямо перед зданием расположен обширный мраморный бассейн, в водах которого, при определённом ракурсе, отражается всё сооружение.

Со внутренней стороны вдоль стен мавзолея проходит коридор, на каждом повороте которого размещена восьмиугольная камера. Во внутреннем зале, в восьмигранной погребальной камере, находятся кенотафы Мумтаз-Махал и Шах-Джахана (захороненных в крипте под погребальной камерой). Кенотафы обнесены резной мраморной оградой, снаружи камеру венчает луковичный купол.

В архитектуре и планировке мавзолея скрыты многочисленные символы. Так, например, на воротах, через которые посетители Тадж-Махала заходят в парковый комплекс, окружающий мавзолей, высечены четыре заключительных аята из 89-й суры Корана «Заря» (Аль-Фаджр), обращённые к душе праведника:

«О ты, душа упокоившаяся! Вернись к твоему Господу довольной и снискавшей довольство! Войди с Моими рабами. Войди в Мой рай!»

К западу от усыпальницы находится мечеть из красного песчаника; симметрично ей с восточной стороны мавзолея расположен гостевой дом (*джаваб*). Весь комплекс имеет осевую симметрию. Усыпальница имеет центральную симметрию относительно гробницы Мумтаз-Махал. Нарушает эту симметрию лишь гробница Шах-Джахана, которую там соорудили после его смерти. По главной оси комплекса разбит регулярный сад — чарбаг, на территории которого располагаются павильоны, каналы и фонтаны. Вдоль длинной оси сада площадью 300 м² располагается узкий зеркальный бассейн.

В южной части комплекса расположен закрытый двор с четырьмя воротами, где находятся мавзолеи ещё двух жён Шах-Джахана — Акбарабади-Бегум и Фатехпури-Бегум, а также служебные постройки.

С самого начала Тадж-Махал стал источником восхищения, минуя все культурные и географические преграды, и эмоциональный отклик, который сооружение находило во многих сердцах, превзошёл сухую статистическую оценку сооружения.

Наиболее живучий миф, касающийся Тадж-Махала, говорит о том, что Шах-Джахан планировал построить ещё один мавзолей, уже из чёрного мрамора, как раз напротив Тадж-Махала, через реку. Данный миф восходит к несколько фантастическим запискам Жана-Батиста Тавернье, европейского путешественника, который посетил Агру в 1665 году. Было высказано предположение, что Шах-Джахан не успел построить мавзолей из чёрного мрамора, потому что был свергнут своим сыном, Аурангзебом. Руины из чёрного мрамора на противоположной стороне реки в «Лунном саду», казалось, подкрепляют эту легенду. Однако произведённые в 1990-х годах раскопки показали, что камни «чёрного мрамора» на самом деле являются почерневшим белым мрамором. Более основательную базу под источник мифа про чёрный мавзолей подвели археологи в 2006 году, когда ими была реконструирована часть пруда в Лунном саду. Обнаружилось, что чёрное отражение Тадж-Махала в воде пруда отчётливо видно, что ещё раз подтвердило одержимость Шах-

Джахана симметрией и обосновало место расположения самого пруда. Из-за своего великолепия Тадж-Махал признан седьмым чудом света.

Тадж-Махал считается лучшим примером архитектуры стиля Бабуридов, который сочетает в себе элементы индийского, персидского и арабского архитектурных стилей.

В 1983 году Тадж-Махал был назван объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО: «жемчужиной мусульманского искусства в Индии и одним из всеми признанных шедевров всемирного наследия».

Литература

1. Гадоев К., Бердиева С. Сайёрамиз мўжизалари. – Т., 2012.
2. Иброхимов А. Бобурийлар мероси. – Т., 1993.
3. Тошев Н. Шоҳ Жаҳон. – Т., 2002.
4. Тюляев С. Тадж Махал : искусство Индии. – М., 1996.
5. Шамсутдинов Р., Каримов Ш., Убайдуллакв У. Ватан тарихи : 2 китоб. – Т., 2010.
6. Шарм Л. П. Бобурийлар салтанати. – Т., 1998.

© **Шарипов Ф. Н., Кучаров Ж. К., Темиров Ш. К.**, 2020

Х. Х. Шахин (H. Hilâl Şahin),
Assistant Professor, Giresun University, Giresun (Türkiye)

Аннотация: Согласно сведениям из различных источников, история тюрок на территории современной Индии насчитывает более одного тысячелетия. В то время европейцы, арабы и персы стремились превратить регион в колонию, главной целью прихода тюрок было обретение новой родины. Начало нового периода в истории Индии ознаменовалось приходом к власти династии Бабуридов, вопрос об этническом происхождении которых все еще остается открытым и является задачей данного доклада.

BABURNAMEYE GÖRE BABÜRLÜLERİN KİMLİĞİ

Hindistan'da Türk varlığının eski dönemlere dayandığını biliyoruz. Türk varlığının yaklaşık 1000 yıl Hindistan'da varlık gösterdiği kaynaklarda geçmektedir. Farklı din, dil, kültür ve kimliklerin bir arada yaşadığı Hindistan'da Türkler, XI.yy'dan itibaren kalıcı bir güç, sonraki yüzyıllarda da belirleyici bir unsur olmuştur. İranlı, Avrupalı ve Arapların bu bölgeye karşı yürüttükleri siyaset tamamen sömürgeciliğe dayanırken, Türklerin Hindistan'a yeni bir yurt edinmek amacıyla gelmiş oldukları görülmektedir. Hindistan'ın Türk hükümdarlarının yönetiminde birleşmesi, yeni bir dönemin açılmasının olumlu gelişmelere vesile olduğu bilinmektedir. Hindistan'ı vatan olarak tasavvur eden Türklerin bu bağlamda ülkenin kalkınmasına katkıda bulunmuş oldukları kaydedilmektedir.

Yine bu süreçte Türk ve Hint kültürü arasında çift yönlü etkileşimler gerçekleşmiştir. Bu etkileşim Mahatma Gandhi tarafından, "Hindistan bir ana, Türk milleti ve Hint milleti de bu anadan dünyaya gelen iki evlat gibidir." şeklinde ifade edilir. Gandi'nin bu sözü, Hindistan'daki sosyal ve kültürel yapının Türk-Hint etkileşiminin bir izdüşümü olduğunu göstermesi bakımından kayda değerdir. Türkler zamanında Hindistan'ın devlet yönetiminden ordu sistemine, edebiyattan kültüre, sanattan mimariye kadar pek çok alanda geliştiğini görebilmekteyiz. Türkler, Hindistan'ın vatan bilinciyle sahiplenilmesinin bir mahsulü olarak harikulade mimari eserleriyle Hindistan'ı imar etmiştir. Bu tahayyülün bir eseri olarak bugün Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Forsu'nda yer alan 16 yıldızdan biri tarihî Babür devletini simgelemektedir. 1526-1858 yılları arasında Hindistan'a hakim olan ve Babür Şah tarafından kurulan Babürlüler Devletidir. Babürlüler Devleti bilhassa Batı literatüründe "Mughal Empire" olarak bilinmektedir. Babür Hanedanlığına böyle denmesinin nedeni Babür Şah'ın anne tarafından Moğol İmparatorluğu'nun kurucusu Cengiz Han, baba tarafından Timur'a dayanması mıdır? Bu ifadenin temelde dayanağı nedir? Tarihi bir yanılgı mı, basit bir yanlış, kasıtlı bir tutum mudur! Babürlülerin etnik menşeini Türk ve Moğol kavramlarının nerede ve nasıl geçtiğini Baburname ışığında inceleyerek Babür Şah'ın kendisini ne derece Türk hissettiğini ve Moğollardan farkını incelemeye çalışacağız.

Babür Şah Kimdir

Babürlüler Devleti'nin kurucusu Babür Şah, Türk ve Müslüman olarak bilinen bir devlet adamıdır. Babür Şah, babası tarafından Timur'a, annesi tarafından Moğol İmparatorluğu'nun kurucusu Cengiz Han'a dayanmakla birlikte aslen bir Çağatay Türk'üdür. Asıl adı Zahîrüddin Muhammed olan Babür Şah 1483'te Özbekistan'ın Fergana vilayetinde doğmuştur. Babası Fergana Valisi Ömer Şeyh Mirza annesi Cengiz Han'ın torunlarından Yunus Han'ın kızı Kutlug Nigâr Hanım'dır.

Çağatay Türkçesi'nin[1] en büyük şairlerinden biri olan Babür Şah, hayatını (1483-1530), Çağatay Türkçesi'yle kaleme aldığı Babürname adlı eserine adeta nakşetmiştir. Bu eserin Çağatay Türkçesi ile yazılmış olması kayda değer bir ayrıntı olarak görülmektedir. Babür Şah dönemi ve sonrasında Türk dili, Türk kültürünün yayılması ve Türk nüfusun artması konularında halka baskının yapılmadığı kaydedilmektedir. Bu konuda bir siyasetin de güdülmediği görülmektedir. Yazarlar, Babür'ün Sünni olduğuna ve bu dönemde Sünni inancın çok benimsendiğine işaret etmektedir.

Birçok tarih kitabında Babür Şah'ın, Türk tarih ve kültürüne, kişiliği ve bıraktığı eserlerle ışık tutan her koşulda Türklüğüyle övünen Türk hükümdarlardan biri olduğu yönündeki örnekler karşımıza çıkmaktadır. Bıyıktay isimli yazar Babür Şah için şunları söylemektedir: "…Onun çok sevdiği milleti Türklerdi…"

Babürname Hakkında Bilgi

Türk edebiyatında hatırat türünün ilk örneği Babürname'dir. Hatıratlar dönemin şart ve olaylarını anlatan önemli bilgi kaynakları arasında yer alır.

Babür Şah, dönemin olay, durum, şart ve özelliklerini anlattığı hatıratında Hindistan'a gitmeden önceki durumlarından başlayarak neden gittiklerini, gittiklerinde yaşadıkları zorlukları ve oraya hâkimiyet kurma süreçlerini anlatmaktadır. Bunların yanında her gittiği şehrin sosyal, siyasal, ekonomik durumunu hatta havasını, yetişen meyve ve sebzelerini hangi hayvanların bulunduğuna kadar birçok yönünü detaylı bir şekilde yazmıştır.

Biz de bu çalışmamızda Babür Şah'ın eserinde Türk ve Moğol kavramlarının nerede ve nasıl geçtiğini, Babür'ün kendisini ne derece Türk hissettiğini ve Moğollardan farkını incelemeye çalıştık.

Babürlülerin Etnik Menşei Hususunda Tartışmalar

Babür Şah, Hindistan coğrafyasında Moğol kökenli olarak tanınmaktadır. Bunun nedeninin Babür Şah'ın anne tarafından Moğol İmparatorluğu'nun kurucusu Cengiz Han'a[2] -annesi Cengiz Han'ın torunlarından Yûnus Han'ın kızı Kutluğ Nigâr Hanım- baba tarafından ise Emir Timur'a[3] -babası Timur'un torunlarından Fergana hâkimi

[1] Çağatayca, Özbeklerin dili ve Ural Altay dil grubundandır. Çağatayca veya Çağatay Türkçesi Kuzey-Doğu Türkçesinin ikinci döneminin adıdır. 15. yüzyıl başlarında başlar, 20. yüzyıl başlarına kadar devam eder. Çağatayca yazılmış eserlerin hemen hemen tümü Arap kaynaklı alfabeyle olmuştur."

[2] Bazı kaynaklarda Cengiz Han hakkında bugün dahi Türk mü Moğol mu gibi tartışmaların yapıldığı, Türklerin bir kısmının onu millî kahraman ilan ederken bir kısmının ise farklı gözlerle bakıldığına bilgilerine rastlamak mümkündür. Ayrıca Cengiz Han'ın fiziki olarak Moğollara benzemediği de iddia edilmektedir. Cengiz Han'ın kurduğu devlete bazen "Çingiz" bazen "Moğol" bazen de "Türk-Moğol Devleti" veya kağanlığı denmektedir.

[3] Türk tarihinin önemli şahsiyetlerinden biridir. 1336 yılında Semerkand yakınlarında Hoca Ilgar kasabasında dünyaya gelmiştir. 1495'te ölümüne kadar Çin hariç Asya'nın tamamına hâkim

Ömer Şeyh Mirza'dır- dayanması gösterilebilir[1] Diğer yandan hükümdarlık geleneğinde, hükümdar olacak kişilerin, soy ağaçlarını belli bir güce dayandırmaları vakidir. Babür Şah'ın da benzer bir şekilde otoritesini güçlendirmek için böyle bir girişimde bulunmuş olması muhtemeldir.

Babür Şah ile başlayan Türk İmparatorluğu dönemi İngilizlere kadar yaklaşık 350 yıl (1526-1858) sürmüştür. Daha sonra yönetimi devralan İngilizlerin Babür Türk Devleti'ne "Mugal-Mughal-Mogul" isimlerini verdikleri kaydedilmektedir. Babürlüler Devleti, Batı literatüründe bir Türk devleti olarak değil "Mughal Empire-Mogul Empire" yani "Moğol İmparatorluğu" olarak adlandırılmaktadır. "Mughal" Farsçadaki "Moġolī" kelimesiyle eş anlamlıdır. Ancak Farsçada bu kelime Moğolistan ve Moğollar için kullanılmaktadır.

Bir kısım kaynaklarda ise Babürlüler Devleti "Timuroğulları veya Gurkani Devleti" şeklinde yer almaktadır. Meşhur Hindistan Tarihçisi Yusuf Hikmet Bayur, Timur ve Timuroğulları için "Gurkani"nin bir soyadı "Cagatai" sözünün de bir ulus adı olarak kullanıldığına işaret etmektedir.

Babür Şah'ın teyzesinin oğlu olan tarihçi Mirza Muhammed Haydar Duğlat ise Timur oğullarına "Çağatai" der. Çağatay soyundan olan Moğol hanlarına, onların ordu ve devletlerine ise "Moğol" demektedir. Duğlat eserinde şu ifadelerle kendisinin de Moğol olmadığını acık bir ifadeyle dile getirmektedir: "*Keremiyle beni Moğollardan tamamen hur klan Allaha şükrediyorum. Bu boyun hakanları benim ırkımdan olmasına, hayır benim kuzenlerim olmalarına rağmen onların elinden çok kotu muamele gördüm…*"

Duğlat, başka bir sayfada da Moğol erkinin yıkılmasının ardından XIV. Yüzyılın sonlarına doğru ve XV. Yüzyılın başlarında bir süre için Timur ve haleflerinin hakimiyetinin düzenin korunması için iyi bir kurum olarak görüldüklerine yer verir. Devamında ise Timur ve haleflerinin Moğol çağının sarsılmaz etkilerinden çok azına sahip olduğuna değinmekle Moğolları, diğer milletlerden ayırmaktadır. Harunnisa Alan da bir yazısında, Emir Timur için 'O, Türklerin Beyi, Moğolların damadı, Müslümanların Emiridir' ifadeleriyle Timur'un Türklüğüne vurgu yapmaktadır.

Babürlüler Devleti uluslararası literatürde "Mughal" yani "Moğol" olarak yazılsa da devletin kurucusu Cengiz Han'ın oğlu Çağatay'ın kurduğu Çağatay Hanlığının İslamiyet'i kabul ettiği ve Türkleştiği ayrıca soyu bir Türk-Moğol boyu olan Barlaslara dayanan Babür Şah'ın büyükbabası Timurun da Müslüman ve Türk olduğu bilinmektedir. Bayur, Moğol adının zaman içerisinde "Hindistan'a kuzeyden ya da dışarıdan gelme" anlamında kullanıldığına yer vermektedir. Meşhur tarihçi İlber Ortaylı bir yazısında Babürlülere Moğol denmesiyle ilgili olarak şu ifadeleri kullanmıştır: "*…Timur'un torunu Babür'ün Hindistan'da kurduğu hâkimiyete Moğol devri (Mugal) demekte ısrar edilir, niçin olduğu anlaşılır gibi değil. Timur kendisini Cengiz Han'ın damadı diye göstermiştir. Bu hükümdarlık ve hâkimiyetin meşruluğu*

durumdadır. Babası yöredeki Barlas kabilesinin emîri Turagay, annesi Tekina Hatun'dur. Timur doğduğu sırada Çağatay Hanlığı çökmeye yüz tutmuştu ve hâkimiyet Cengiz Han soyundan gelen hanlardan çok kabile reislerinin elinde bulunuyordu.

[1] Tarihî kayıtlara göre Timur'un nesep itibarıyla bir tarafı zaten Cengiz Han'a dayanmaktadır.

için bir formüldür. Tabii Babür torun olarak zaten o soydan geldiğini iddia etti. Moğolluğu için bundan başka bir sebep yoktur. (…)"

Babürlülerden sonra Hindistan'ı işgal eden İngiliz yönetiminde Türkçe konuşup Türk kültürünü temsil etmesine ve yüzyıllarca Türk Devleti olarak varlığını mimari eserlerle kanıtlamış olmasına rağmen İngiliz işgalinden sonra Batılı yazarlar tarafından Babür Türk Devletinin Moğol İmparatorluğu olarak kayıtlara geçmesinin ardında Türkleri aşağılamak ve küçümsemek olabilir. İngiliz sömürgecilik anlayışının tesiriyle Türklerin Hindistan hâkimiyetinin izlerini yok etmek amacıyla Babürlülere Türk yerine Moğol denilmiş olması da ihtimal dâhilindedir.

Babürname'de Moğollar-Türkler

Babür Şah'ın Moğollar hakkındaki düşüncelerini Hâtırâtından bazı örneklerle özetlemek mümkündür. Babür Şah, Moğol askerleri için şu cümleleri kullanmaktadır: "*Bedbaht (melûn) Moğol'un âdeti her zaman böyledir, baskın yaparsa ganimet alır, baskına uğrarsa da kendi kavmini attan düşürüp ganimet alır*". Bu cümleleriyle ne olursa olsun Moğolların yağma ettiklerini belirtiyor. Bu sözleri söyleyen biri Moğol olabilir mi? Bu cümlelerin ışığında *"Babürlülerin, Moğol değil, öz be öz Türk oldukları"* nı söylemek mümkündür.

Babür Şah, Biyane Emiri'ne hitaben şunları söylemiştir:

"*Ey Biyane Emiri Türklerle kavgaya girme. Türklerin çevikliği ve kahramanlığı malumdur. Eğer çabuk gelmez ve öğüt dinlemezsen, malum olanı beyana ne lüzum vardır*".

Bir başka cümlesinde Moğol ulusunu farklı bir ulus olarak gördüğünü şöyle aktarıyor: "… Hüsrev Şâh, Moğol ulusunun bize katıldığını duyunca çok şaşırmış…"

Babür Şah, Hindistan seferlerini anlatırken şunları söylemiştir:

"Behre, Hoşap, Cenyut gibi birkaç vilayet kaç zamandır Türk tasarrufunda idi ve bunları kendi mülkümüz saydık. Türklerin oturdukları vilayetleri kendimizin saymıştık. Onun için onlara dokunulmadı."

Babür Şah, Babürnamesi'nde "Moğol" kelimesini sık sık kullanarak "Moğol istilası"ndan da bahsetmektedir. "İstila" dikkat edilmesi gereken bir sözcüktür. Babür Şah, Moğolları istilacı olarak görmekte olup Babürname'de onlardan genellikle "yakıp yıkan, tahrip edenler" şeklinde bahsetmektedir. Babür Şah, kendilerinin Moğollardan farklı bir ulus olduklarını defaten vurgulamaktadır. Babür Şah'ın eserinde Türkleri yücelttiği ve Moğolları basit cümlelerle anlattığını görmekteyiz.

SONUÇ

Hindistan sahasında tarihin en büyük devletlerinden biri olan Babürlüler Devleti'ni kuran Türkler, bu topraklara altın çağını yaşatmış ve bölgeyi kalkındırmayı amaçlamıştır. Türk-İslam Devletlerinin yönetim gelenekleri doğrultusunda sömürge anlayışından uzak kalınarak halkın refah seviyesinin yükseltilmesi hususunda gayretler gösterilmiş ve amaçlarını büyük ölçüde hayata geçirerek bölgeyi kalkındırmışlardır. Babürlülerin tarihin hiçbir döneminde olmadığı kadar Hindistan'ı imar ettiği ve zenginleştirdiği belgelerle vakidir.

Babür Şah, gerek Batı literatüründe gerekse de yerel halkın belleğine Moğol olarak kaydedilmiştir. Babür Şah'ın Moğol olması ihtimal dâhilinde dahi değildir. Babür Şah, zaman zaman Moğollardan pejoratif sözlerle bahsetmiştir.

Babür Şah'ın eserlerini Çağatay Türkçesiyle yazmış olması da yine anlamlı ve kayda değer bir detay olarak karşımıza çıkmaktadır. Son olarak istila anlayışının Türk İslam medeniyeti devletlerince kabul edilemez bir devlet anlayışı olması yönüyle sözü edilen farklılık kökleşmektedir. Ayrıca Türkiye Cumhuriyeti Forsu'ndaki yıldızlardan birisinin de Babürlüleri simgelemesi kayda değer bir delil olarak gösterilebilir. Bu bilgiler ve deliller ışığında Babür Devleti'ni Moğol Devleti olarak dünya literatürüne tanıtanların bilimsel yetkinliklerinden ve etiklerinden şüphe duyulması gerekir. Bilimin delillerle sabit ve nesillerle tamamlandığı gerçekliğinden hareketle gelecekte öne sürülecek yeni delillerin Babür Devleti'nin Türk-İslam Devletler zincirinin halkalarından biri olduğuna dair haklılığımızı kuvvetlendirmeleri muhtemeldir.

Babür Şah, mecbur kalarak Orta Asya coğrafyasından, ata topraklarından ayrılmıştır. Yazdıklarıve yaşanılanlardan Babür'ün ata topraklarından ayrılmak istemediğini ve ayrılığı sonrasında Orta Asya'da tekrar kalabileceği en küçük bir ihtimali değerlendirerek dönmeye çalıştığını görmekteyiz. Ancak bu durum mümkün olmayınca tek çarenin Hindistan topraklarına gitmekte olduğunu düşünen Babür, Hindistan'a varmış ve özellikle Türk olan vilayetleri kendisininmiş gibi kabul edip anlaşmaya yolu ile kendisine verilmesini talep etmiştir. Çok karışık ve renkli olan Hindistan coğrafyasında bir Türk devleti kurmayı başarmıştır. Eserinde Babür Şah; Türk halkına zarar vermekten kaçındığını yazarak Türklerin bulunduğu vilayetleri kendisininmiş gibi görmüş, Türkleri özellikle savaş becerilerinden övgülerle bahsetmiştir.

Babür bir Türk gibi yaşayıp kendisini Türk hissetmiştir. Türklüğü ileri seviyelere taşımaya çalışmış, Türk birliğini sağlayabilme yolları arayışında bulunmuştur. Türklerin bütün dünya coğrafyasında isminin geçmesinden rahatsız olan yazarlar, Babür'ün Türk olmadığı yönünde açıklamalara yer vermekte, Moğol, Mongol gibi ırklardan olduğunu öne sürülmektedir. Ancak yukarıda da çokça bahsettiğimiz gibi Babür Moğollar tarafından çokça zarar görmüş ve ihanetlerine defalarca uğramıştır. Moğol olduğuna yönelik düşüncelere karşı ise sürekli Moğollardan zarar görmesi, kendisine Moğolların ihanet erek öldürme girişiminde bulunmuş olmaları ve Moğolların güvenilemez oldukları yönündeki anlatıları açıklayıcı olacaktır.

© **H. Hilâl Şahin,** 2020

А. У. Шералиева,
преп. ТГЮУ, г. Ташкент (Узбекистан)

«БАБУР-НАМЕ» – ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПРАВИТЕЛЯ, ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, ПОЭТА, ПРЕДПРИИМЧИВОГО, СМЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА – ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

«Разделяй и властвуй» - мудрое правило;
но «объединяй и направляй» – ещё лучше.
И. В. Гёте

Бабур был …типичным государем эпохи Возрождения,
смелым, предприимчивым человеком, страстным ценителем искусства,
литературы, любил наслаждаться жизнью
Дж. Неру *[2, 371]*

Пора, в которую жил Бабур, была временем расцвета науки и культуры в Средней Азии. Мавераннахр дал миру уже таких учёных, как Улугбек, таких поэтов, как Алишер Навои, Абдурахман Джами, Кази заде Руми, Гиязадин Джамшид Каши, Али Кушчи и др. Такая атмосфера имела огромное значение для становления Бабура как личности образованной, творческой, тонкой, чувствительной, интеллигентной, а также как историка, поэта, человека Науки. Уже в 11 лет (1484 г.) он стал правителем, унаследовав Ферганский удел и Андижан. Бабуру-правителю пришлось бороться за престол с различными претендентами, воевать с захватчиками, завоёвывать новые земли и отступать. В этой борьбе Бабур побывал почти во всех районах, селениях и труднодоступных местностях Средней Азии и Хорасана. Это дало возможность собрать огромный историко-географический материал.

Из его книги «Бабур-наме» известно о ряде мероприятий, проведённых перед этими походами. Подробно описаны и сами походы. После утверждения своей власти в Северной Индии Бабур последние пять лет не покидал её пределов. И тогда же он запечатлел на страницах своей книги важнейшие события собственной жизни. Так появилась «Бабур-наме». В ней три части: первая посвящена политической истории Мавераннахра и Ферганы и охватывает 1483–1504 гг.; вторая – Кабульскому уделу, где Бабур правил в 1504–1525 гг.; третья касается Индии 1525–1530 годов. Правдивость и достоверность сведений «Бабур-наме» подтверждают такие историки того времени, как Гияс-ад-дин Хондемир, Мухаммед Хайдар, Мухаммед Салих и многие другие. Бабур утверждал: «Всё, что здесь написано, истина, и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя, – всё, действительно, было так, как я писал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мной слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило» [1, 233].

Большое место в «Бабур-наме» отведено описанию природы. Тут Бабур проявляет себя тонким и вдумчивым наблюдателем. С не меньшим тщанием он

характеризует обычаи окружающих народов. В его сочинении имеется много ярких и остроумных портретов современников – государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов, чиновников, военачальников. В частности, Бабур пишет, что в жизни Хорасана и Мавераннахра роль и влияние Навои были просто незаменимыми: он был не только поэтом, но и учёным, дипломатом и меценатом. Труд Бабура «Бабур-наме» – единственный в своём роде источник для воссоздания литературного окружения Навои в Герате, а также для познания культурной жизни Хорасана, Мавераннахра, Ирана, Афганистана и Индии на рубеже XV–XVI веков.

«Бабур-наме» полно отражает мировоззрение автора, его оценки происходивших в Средней Азии, Афганистане и Индии событий, и именно этим его произведение отличается от работ большинства восточных историков той эпохи, зачастую повторявших сведения предшественников. Бабур же от начала до конца остаётся оригинальным повествователем и ведёт рассказ, исходя только из своих наблюдений.

Подробно описывая крупные города Средней Азии, Хорасана и Индии, автор даёт представление об их географическом положении, торгово-экономической роли в хозяйстве той или иной страны. Сопоставляя данные Бабура с более поздними, можно проследить постепенное развитие этих городов. Из числа среднеазиатских, описываемых Бабуром, особое место занимают родные ему Фергана, Андижан, Ош, Маргелан, Ташкент, Ходжент, Ургенч. Андижан, как свидетельствует Бабур, расположен на южном берегу реки Сейхун (Сырдарья); там много хлеба, изобилие плодов, хорошие дыни и виноград; «груш лучше андижанских не бывает». «В области Ферганы нет города, равного Ошу по приятности и чистоте воздуха». Описывая Самарканд и его пригороды, Бабур отмечает: «В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд». Его внимание привлекли также холм Кухак и одноимённая река, канал Даргам. Бабур особо выделяет значение реки: «Всё от Бухары и Кара-Куля, то есть около тридцати – сорока ягачей земли, орошается и возделывается благодаря реке Кухак» [1, 12].

В «Бабур-наме» приводятся данные о банях, садах, других сооружениях, даётся их история, упоминаются имена тех, кому принадлежала идея их сооружения. Автор восторгался обсерваторией Улугбека, воздвигнутой у подножия холма Кухак и оснащённой специальным инструментом для изучения звёзд. Там Улугбек-мирза написал «Гургановы таблицы», которыми, по свидетельству Бабура, уже тогда пользовались «во всём мире». Очень интересны и ценны сведения «Бабур-наме» о полезных ископаемых Средней Азии, Афганистана, Индии, о ремесленно-хозяйственной жизни страны. В «Бабур-наме» даётся подробное описание жизни и деятельности различных племён, обитавших в Индии, подробно рассказывается о способах земледелия и методах орошения земель, дан материал о внутренней и внешней торговле, пошлинах, поземельном и других налогах, которые взимались с крестьян. Бабура интересовали также караванные пути. Много места в его труде отведено им описанию Кабула, Газни, других крупных городов Афганистана. Поразительна

точность сведений Бабура о ландшафте. Это свидетельствует о хорошем знании им географии. Он упоминает о 14 административных округах Кабульского удела, которые контролировались кочевыми племенами. Кабул являлся тогда одним из крупных торговых центров. Бабур подчёркивал значение Кабула и Кандагара как узловых пунктов караванной торговли на путях в Индию.

Третьей части «Бабур-наме», посвящённой политическим событиям в Индии, Бабур проявил незаурядные способности историка. Он приводит разнообразные сведения о политической, экономической и культурной жизни народов Индии, в княжествах Гуджарат, Мальва, Мевор, Бенгалия, Декан, Биджанагар. Ценны его данные по истории правления династии Лоди, последним представителем которой был Султан Ибрахим Лоди. Именно его Бабур разбил в сражении неподалёку от Дели, в Панипате. Победа Бабура при Панипате заложила фундамент империи Великих Моголов, которая по своей пышности, мощи и культуре осталась одной из величайших в мусульманском мире и могла бы соперничать с Римской.

Несмотря на кратковременность правления, Бабур успел частично объединить Индию, его власть простиралась от Кабула до Бихара, охватив большинство густонаселённых земледельческих оазисов Северной Индии, и повести в жизнь такие важные мероприятия, как упорядочение земельно-водных отношений и налоговой системы. Занимался он и сооружением зданий различного назначения, рытьём колодцев, постройкой бань. В Дели, Агре, Лахоре, Девалпуре им были заложены сады и парки, украшенные декоративными растениями. При планировке садов применялась среднеазиатская система *чарбаг*. Подробно описан в «Бабур-наме» Хиндустан: «Это удивительная страна; в сравнении с нашими землями, это иной мир. Горы, реки, леса, степи, города, области, животные, растения, люди, дожди и ветры – все там не так, как у нас, хотя жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое в чем сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны; стоит лишь перейти реку Синд, как земли и вода, и деревья, и камни, люди, пути и обычаи – все становится таким же, как в Хиндустане».

«Бабур-наме» значительно дополняет сведения об Индии других авторов того времени, но по обилию и многообразию изображаемых событий и яркости их изложения этот труд стоит особняком среди всех источников, написанных в средневековой Индии. Индия той поры характеризовалась дальнейшим развитием феодальных отношений. Возникало множество мелких феодальных владений, усиливалась феодальная раздробленность. Религиозная рознь между сторонниками индуизма и ислама ещё более запутывала политическую ситуацию. Всё это нашло отражение в «Бабур-наме». Находясь в Индии, Бабур пристально изучал природу этой страны.

В «Бабур-наме» приводятся сведения об изнурительном характере труда индийских крестьян, о способах орошения земель. В Хиндустане почти нигде нет каналов с проточной водой, текущая вода имеется только в реках, когда накапливается проточная вода. Хотя в некоторых местах есть возможность вырыть арыки и повести воду, но ее все-таки не проводят. Осенний урожай

орошается лишь дождями, а весенний урожай снимают даже в случае, если дождей нет. Бабур приводит много данных по этнографии. Интересны описания одежды индусов, их кастовой системы, образа жизни простого народа и знати. «Бабур-наме» рассказывает о мужской одежде, дхоти, и женской – сари. Последнюю автор называет среднеазиатским термином «лангут» и подробно излагает, как её надевают. Аналогичных сведений в хрониках той поры нет. Из поля зрения автора «Бабур-наме» не выпали и климатические условия: «Воздух Индии в период дождей очень хороший. Иногда дождь идёт идет десять, пятнадцать или двадцать раз в день, неожиданно потоки низвергаются на землю и образуют реки там, где до этого не было никакой воды. Недостаток только в том, что воздух становится слишком сырым». Повествование о флоре и фауне Индии сопровождается сравнением с растительным и животным миром Средней Азии. Бабур всегда выделяет местные особенности. В этом отношении характерно описание способов добычи финикового сока, изготовления пальмового вина (*тари*), плодов манго, банана, кадхила, бара, караунды, лимона, сашкары. Из представителей животного мира Бабура поразили особенно птицы, в частности павлины и попугаи. Красный цветок розовых лавров Гвалиора Бабур распорядился рассадить в своем саду Зарафшан. Привлекли внимание также цветок нилуфар, олеандра и местный вид жасмина.

Значение «Бабур-наме» не исчерпывается только тем, что это ценный источник по истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии. Бабур заложил основы мемуарной литературы на Востоке. Его личность сложна и противоречива. Поэт-лирик, образованный человек, он являлся в то же время типичным феодалом-завоевателем, и его политические взгляды отражали воззрения своего класса, а практическая деятельность была направлена на укрепление господства крупных феодалов, власть которых опиралась на жестокую эксплуатацию народа.

Говоря о Бабуре, надо проводить чёткую грань между государственным деятелем и одновременно выдающимся представителем среднеазиатской культуры, который внёс значительный вклад в ее развитие, особенно в сфере историографии и поэзии. В «Бабур-наме» проводится мысль, что в сем бренном мире долг каждого – оставить после себя славное имя: «Если я умру с добрым именем – хорошо. Мне нужно имя, а тело принадлежит смерти». Именно «Бабур-наме» обессмертила в веках имя его автора.

Заслуга Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой.

Литература

1. Бабур-наме : Записки Бабура – 2-е изд. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1993. – 464 с.
2. Неру Дж. Открытие Индии : в двух томах : [пер. с англ]. – М. : Политиздат, 1989. – С. 464-512.

© **Шералиева А. У.**, 2020

Н. Шукурова,
преп. школы №1, г. Самарканд (Узбекистан)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГАЗЕЛИ БАБУРА В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ-АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ (НА ОСНОВЕ ПЕРЕВОДОВ Л. ПЕНЬКОВСКОГО И Д. СУЛТАНОВОЙ)

Роль Бабура в развитии узбекской поэзии и языка значительна. Его поэтические произведения, написанные на узбекском языке, получили достойное признание в трудах многих ученых мира. В изучении «Бабур-наме», а также поэтического наследия Бабура наряду с западными учеными весомый вклад внесли ученые из Узбекистана. Среди них необходимо отметить П. Шамсиева, С. Мирзаева, В. Зохидова, С. Азимджанову и др. Первый полный перевод «Бабур-наме» на русский язык был осуществлен М. А. Салье и опубликован в 1958 г. с предисловием и под редакцией С. Азимджановой. «Бабур-наме», известный на западе как «Мемуары восточного Цезаря», был переиздан много раз. Помимо этого, Бабур писал много лирических стихов, где изложил свои внутренние чувства и переживания, философские мысли.

В рамках данной статьи мы рассматриваем переводы газели с редифом «…осталось ли?» Бабура на русский и английский языки, осуществленные известным русским переводчиком классической восточной поэзии Л. Пеньковским и Д. Султановой, переводчицей газелей Алишера Навои и других узбекских поэтов на английский язык, за что была награждена орденом «Дружба».

Чархнинг мен кўрмаган жавру жафоси қолдиму?
Ҳаста кўнглум чекмаган дарду балоси қолдиму?

қолдиму? (*осталось ли?*) – радиф, повторяющийся в конце каждой второй строки бейтов. Перед ним рифмующиеся слова: *жафоси, балоси, муддаоси, вафоси, ҳароси, сафоси*. Каждая трока состоит из 15 слогов.

Чарх – колесо, в значение вращающаяся земля.

Дословный перевод (наш):

На земле осталось ли страданий и мук, которых я не испытал?
Остались ли боль и беда, от которых моё больное сердце не пострадало?

Русский перевод Пеньковского:

Кто больше, кто был жесточе судьбой избит на земле,
Кто больших, горших изведал её обид на земле.

В переводе на русский язык форма газели воссоздана, рифма и редиф присутствуют, размер сохранен. Содержание, общий смысл передан, но перевод кажется вольным, автор ни с кем не сравнивает себя, говорит абстрактно о страданиях, бед, боли.

Английский перевод Д. Султановой:

And is there any grief and grips that I've not held yet?
And is there pain or smart my sore heart not held yet?

Характерный повтор, повторение согласных звуков (консонанс) в переводе воспроизведено.

больное сердце – sore heart

осталось которых я не имел – held yet (редиф дан)

Содержание, смысл, идея, форма, форма воспроизведены соответственно грамматическому строю предложений на английском языке.

Второй бейт

Мени хор этти-ю, қилди муддайига парвариш,

Даҳри дуннаварнинг ўзга муддаоси қолдиму?

Дословный перевод

Заботился о сопернике, совсем уничтожив меня,

Осталось ли у рока другое неисполненное желание?

Русский перевод:

Я вновь тобою унижен, соперник мой вознесен,

Но в мире ложь торжествует, правда скорбит на земле.

Первая строка передаёт точно содержания и идею оригинала. Однако вторая строка по содержанию не соответствует оригиналу.

Английский перевод:

The life of mine hath been decayed, and rival is cared for,

And is there any other ill to me that he's not sent yet?

Слово *даҳр* обозначает *время, мир, земля*.

Дунаввар – бесчестный рок.

Дословный перевод 2-ой строки:

Если ещё другое зло, которое он мне не послал ещё?

Вмасто слова *has* употреблено архаическое слово *hath*, что соответствует исторической эпохе.

Мени ўлтирди шафоу жабр бирла ул қуёш,

Энди тургизмак учун меҳру вафоси қолдиму?

Дословный перевод:

Убил меня со своей несправидливостью и бедою то солнце,

А сейчас осталась ли у него любовь и преданность, чтобы оживить меня?

Русский перевод:

Несправедливое солнце! Чем ты меня воскресишь?

Найдется ли благородство, верность и стыд на земле.

Слово «стыд» является окказиональным словом, оно употреблено ради рифмы.

Английский перевод:

By grace and blaze of hers, she made me pass away, o

And is there some love in her, to charm me from death yet?

Переводчик использует антонимический перевод: вместо отрицательных слов даны положительные. Вместо слова «солнце» употреблены его форма и блеск. По нашему мнению, поэт имел ввиду не земное существо, а Всевышнего (рок, несправедливый к нему).

Следующий бейт:

Ошиқ ўлғач кўрдум ўлумни ўзумга эй рафиқ,
Ўзга кўнглумнинг бу оламда ҳароси қолдиму?
(ҳарос – боязнь, страх).

Дословный перевод:

Когда влюбился, желал себе смерти, о друг,
Остался ли в этом мире еще другой страх для души моей?

Русский перевод:

Едва познал я влюбленность, свою увидел я смерть,
Какой же страх ещё больший меня устрашит на земле?

Перевод бейта близок к оригиналу, опущено обращение *«о друг»,* добавлено слово *«больший».*

Английский перевод:

O friend, and when in love fell I, for death did I cry?
There is there any other well that's in me left yet?

Вторая строка отходит от оригинала. Здесь сказано: «Я желал себе смерти, так как у меня не осталось ли иной воли?»

Следующий бейт:

Эй кўнгул, гар Бобур ул оламни истар қилма айб,
Тангри учун де, бу оламнинг сафоси қолдиму?

Дословный перевод:

О сердце, если Бабур мечтает о другом мире, не осуждай его,
Ради бога скажи, осталось ли в этом мире радости вообще?

Русский перевод:

Пойми, что недаром жаждет иного мира Бабур,
Какой услады напиток не ядовит на земле.

Употреблены окказиональные слова *пойми, ядовит* (для рифмы), *напиток недаром*. Слова *отражения, о сердце, ради бога скажи, не осуждай* пропущены. Общий смысл передан, перевод почти вольный.

Английский перевод:

O soul, don't blame Bobur, who dreamt of that world of unknown,
For God's sake tell, is there a joy in this false world yet?

Добавлено слово *false (обманчивый)*, но оно расширяет смысл.

Основываясь на проведенном сопоставительном анализе, можно сказать, что каждый перевод заслуживает внимания и одобрения. В обоих случаях читатель вникает во внутренней мир поэта, сочувствует ему, унылое настроение не покидает его до конца газели. Считаем, что перевод на английский язык более удачен, близок к оригиналу, чувствуется мелодика, присущая восточной поэзии, а именно газели.

Литература

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1967.
2. Бабур, З. М. Бабур-наме / под ред. Н. Тухлиева. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1993. – 463 с.

3. Бабур, З. М. Избранные сочинения / сост. С. Азимджанова, А. Каюмов. – Т., 1959.
4. Бобур, Заҳириддин Мухаммад. Девон. – Т., [б. г.]. – 146 б.
5. Краткий словарь для произведений Навои. – Т. : Фан, 1993. – 374 с.
6. Русско-английский словарь / под руководством проф. Смирницкого. – М., 1985. – 92 с.
7. Султанова Д. Leisure = Досуг. – Самарканд : Зарафшан, 1996. – С. 37-38.
8. Sultanova D. Selected Uzbek poetry. – T. : Навруз, 2019. – P. 84.

© **Шукурова Н.,** 2020

Ы. С. Эралиева,
ст. преп. КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек (Кыргызстан)

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ТВОРЧЕСТВО ЗАХРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Средняя Азия, находящаяся в сердце евразийского континента, всегда была средоточием бурных политических событий, колыбелью многих цивилизаций, родиной многих талантливых поэтов, искусных мастеров и общественных деятелей. Солнцем залитой и орошаемой великими реками Нарын, Сырдарья, Амударья, Ак-Буура золотой долине прошли много исторических событий. Они до неузнаваемости изменили судьбы людей, целых этносов и народов. Кто-то уходил без следа и без имени, кто-то отдавал жизнь ради жизни в плодородном и испещренном горными хребтами сердце Азии. Кто-то жаждал завоевать и править, кто-то посвящал целую жизнь воспеванию красоты и богатства этих земель, кто-то мечтал вернуться в родные края, находясь вдали от родных мест. Кто-то строил города, мавзолеи, дворцы, а кто-то разрушал, оставляя руины и пыль, смешанную с кровью и слезами. Судьбы правителей и простого народа, судьбы творцов и разрушителей переплелись на страницах многовековой сложной и интересной истории славной Средней Азии. Много имен написано золотыми узорными буквами в истории, культуре, литературе, в политике и в памяти потомков. Одно из таких громких имен по праву принадлежит основателю династии Бабуридов, Империи Великих Моголов, Тимуридскому правителю Афганистана и Индии, ученому, поэту и писателю Захириддину Мухаммаду Бабуру. Он родился 14 февраля 1483 года в Андижане в семье эмира Умар-Шейха-мирзы II и Кутлуг Нигар ханым. Умар-Шейх Мирза назначил двенадцатилетнего Бабура наследником престола. «Если я на поле брани или по какой-либо случайности покину мир, вы все должны исполнять распоряжения мирзы Бабура как мои собственные», – намеренно громко сказал Умар-Шейх своим женам и детям за утренним дастарханом в Ахси [5, 27]. В тот же день в надежде отправить почтовых голубей на Маргелан и Коканд Умар-шейх отправился на голубятню. Держа в руках голубя небесного цвета, Умар-Шейх подошел к самому краю крыши и прошептал: «Лети в Маргелан, мой крылатый. За доброй вестью – лети…» [5, 31] и бросил вверх. И тут деревянная верхотура голубятни с треском поехала вниз, унося с собой заднюю стенку к размытому берегу и вместе с тем и грузное тело Умар-шейха. Храбрый воин и воинственный властитель готовился в очередной раз встретится с врагом, осаждающим его с трех сторон с обнажённым мечом, но увы, смерть правитель Ферганских владений Умар-шейх нашел среди своих любимых голубей. В 1494 году 12-летний Бабур занял престол отца в Андижане и стал правителем Ферганского уезда [7, 18].

Территория империи Умар-шейха была к этому времени разорвана на части Шейбанидами. С 1498 по 1501 гг. юный Бабур безрезультатно два раза совершил освободительный поход на Самарканд. Тогда Бабур с 200 преданными

воинами и родственниками отправляется на другой конец отцовской империи – Кабул. Сформировав в Кабуле новую армию, в 1519 году Бабур двинулся на Северо-западную Индию, в 1526 году предпринял поход на Дели. Одержав победу, Бабур расширил границы свой империи до границ Бенгалии. Попытки вернуть отцовские владения не увенчались успехом. Большую часть своей не очень долгой жизни Захириддин Мухаммад Бабур провел в военных трудных походах и жестоких сражениях. Несмотря на победы на чужбине, его сердце и мысли были вместе далеким Маверранахром. Неиссякаемая тоска по Отчизне не покидала Бабура, она дала новый импульс и тему для его творчества.

Яркая личность восточного Возрождения оставила после себя богатое литературное и научное наследие. Этнографический, исторический и географический труд «Бабур-наме», состоящий из трех частей, содержит бесценные сведения народов, полезных ископаемых, политического и социально-экономического положения Средней Азии, Афганистана и Индии. «Бабур, являясь одним из лучших представителей среднеазиатской феодальной культуры, внес значительный вклад в развитие культуры народов Востока и, прежде всего, индийской историографии» [4, 11] – пишет С. Азимджанова в предисловии к «Бабур-наме».

По-своему уникальны и бесценны его поэтические произведения: газели, рубаи, фарды, масневи, кыт'а. С. Хасанов в предисловии к «Избранной лирике» пишет, что Бабур в своей лирике сумел выразить все тонкости движений человеческих чувств и что «его лирика – это гимн красоте и земной человеческой любви [3, 4]. Поэзия Захириддина Бабура богата на образы, на тропы и стилистические фигуры, а также богаты различной тематикой. Роль женщины, любви невольно возвышает чувства читателей. Поэтические сочинения Бабура были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Газели и рубаи были переведены на русский язык Л. М. Пеньковским, Р. Д. Морак, Н. А. Наумовым, Н. И. Гребневым. В масневи Бабура, переведенных Пеньковским, Гребневым и Лукашевичем, объект любви представлен в образе розы, а ветерок выступает в роли посыльного.

В светлый покой ханши моей тихо впорхни,
Ей поклонясь, речь на меня ты поверни [3, 104].

Или еще такие строки:

О ветерок, быстрей лети, найди порог,
Владычицы моей, прекрасной, как цветок.
О ветерок, ты не рысцой – вскачь устремись
К улице. Где стройный стоит мой кипарис!

Здесь автор нежно и взывающе обращается к «послушному и доброму» ветерку, который проникает в покои «розы, кипариса» и передает душевные волнения и думы влюбленного:

Лети, мой верный друг, лети в далекий край.
Мой стон, мои слова неверной передай [3, 106].

А сам лирический герой превращается в брошенного, больного и забытого влюбленного, который через ожившего ветерка хочет получить ответ от цветка

своей любви. Природная стихия у Бабура становится «приказчиком души», собеседником о страданиях, об ожиданиях героя. А как иначе! Тонкая душа требует тонкого подхода, и поэтому не «ветер, не ураган, не пурга», а лишь нежный ветерок способен передать дребезжание и мольбы тонких струн сердца лирического героя.

В фардах Бабура тема любви продолжается звучать в поэтическом бисере эпитетов, метафор, сравнений, антитез.

Без милой ничему душа не рада,
Ничто не мило мне и ничего не надо.
Я смерти не боюсь, но я боюсь разлуки.
Пусть причинят мне смерть твои глаза или руки.
Тебя пришелец полюбил, но робок он, несмел,
Как ветвь, он голову склонил, как лист, он пожелтел [3, 102].

Явно эти строки написаны на чужбине, когда сердце изнывало от разлуки с Родиной. Автор об этом подчеркивает словом «пришелец», и глаголы «склонил», «пожелтел» невольно заставляют провести аналогию пришельца и Отчизны. А чужбине он несмел, а робок, он не расцветает и не торжествует, а пожелтел от безответной любви. Тоску и отчаяние навевают следующие строки газели Бабура:

На чужбину заброшен, жестокой судьбой угнетенный прошу:
Помяни хоть в молитве меня – о тебя, отлученный, прошу.
Безответность любви, безграничную верность тебе доказав,
Только памяти доброй твоей, злой разлукой казненный прошу.

Далее разлука с Родиной уступает разлуке с возлюбленной:

Мне в разлуке ни радости нет, ни забвенья хотя бы на миг.
Без любимой не жизни, а смерти, смертельно влюбленный прошу.
Моему кипарису привет от Бабура снеси, ветерок.
Прах пред ним поцелуй – так я, заживо здесь погребенный, прошу [3, 11].

Образ Родины и любимой идут вместе, в унисон, превращаясь в недоступную далекую мечту. И лишь ветерок выступает слушателем и передатчиком душевных чаяний брошенного судьбой Бабура.

Сравнение любимой женщины с розой («атыргул») и кипарисом (в тюркской поэзии «чынар») – типичные образы для восточной, особенно для арабской, тюркской и персидской, поэзии Средневековья. И Бабур, воспитанный на традициях своей эпохи и впитавший эстетические вкусы Навои, Джами, Лютфи, Саади, Рудаки, Руми и многих других мастеров пера средневекового Востока, не отошел от канонов, образов, выразительных средств поэзии.

Розоликая гурия с грудью, как белая роза,
Отняла у меня и терпенье, и соображение.

Или вот эти строки:

Что мне весна, что мне цветы? Кудри любимой – как гиацинт.
Роза – лицо, стан – кипарис, вся, как весна, мне – пери одна [3, 14].

Далее образ женщины у Бабур превращается в цветущий сад и клад драгоценных камней:

Черты твои, и краски, весь несравненный лик –
Жасмин, фиалок россыпь и пряный базилик.
А твой язык, и зубы, и пламя жарких губ –
Агат, и нежный жемчуг, и алый сердолик [3, 66].

Эфемерный или виртуальный образ идеально красивой женщины в устах Бабура вобрал в себя все лучшие атрибуты красоты, недосягаемости и чистоты. Вообще образ женщины в восточной поэзии всегда был, так сказать, под «вуалью» цветущего сада, звездного неба и драгоценных камней. Открыто говорить о чувствах не принято в древнем и средневековом периодах развития поэзии. Например, в японской поэзии образ любимой передается цветком сакуры или сливы, листьями клена или бамбука. Объект любви не совсем рядом, а как бы спряталась в нежных лепестках раскрывшихся бутонов, под листьями, трепещущими от игры ветерка. В плаче о гибели придворной красавицы Какиномото Хитомаро пишет так:

Словно средь осенних гор
Алый клен,
Сверкала так
Красотой она!
Как бамбуковый побег,
Так стройна она была [9].

Сравнение женщины с явлениями природы и окружающей флорой является характерной чертой японской поэзии Средневековья. В приемах раскрытия образов поэзии разных народов Средних веков явно улавливается параллель: взор и сила слов обращены в природу, отражающуюся в человеческих чувствах.

У Бабура чувства сильны, они усилены любовью к далекой красавице, тоской, безответностью и болью:

Я болен любовью, а ты красотою пьяна.
Как выжить? С тобой – и с собою в разладе душа.
Я муки свои, как дирхемы, чеканю в груди,
В глазах же любимой не стоит ни гроша! [3, 65]

Сколько безысходности и отчаяния в этих строках Бабура, сколько боли. Этой болью пронизаны и следующие строки:

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя человек.
В своих скитаниях ни на час и радости не знает.
По милой родине скорбит извечно человек [2, 58].

Здесь автор подчеркивает значимость Отчизны и тоску по ней. Следующие строки наполнены гневом к врагам, заставившим ему скитаться по чужбине:

Хоть временем на краткий срок и вознесен твой враг,
Виной победы два-три дня он опьянен, твой враг.
Пусть кажется, что до небес он вырос, – не герой:
Ведь низок он, и будет вновь с землей сравнен твой враг [2, 58].

Последняя строка пронизана оптимизмом, надеждой, что враг будет все-таки побежден. Не только поэзия, но и его политическая деятельность была продиктована сильным желанием вернуться на отцовские владения, в Мавераннахр. А. Алиев в своей книге «Мухаммед Бабур – личность эпохи среднеазиатского ренессанса» пишет, что «Бабур вошел в историю не только как полководец и государственный деятель, как ученый и поэт, оставивший богатое творческое литературное и научное наследие, но и как привлекательная, харизматическая личность» [1, 61]. Автор заострил внимание читателя на самой личности Бабура – рассудительного, доброжелательного, образованного человека. Пройдя столь трудный жизненный путь, Бабур сумел остаться жизнелюбом, патриотом и лиричным человеком. Его жизненный путь и творчество высоко оцениваются историками, почитателями его творчества. И. Стеблева оценивает поэтическое творчество Бабура как «вершину на пути развития классической тюркоязычной поэзии Средней Азии» [8, 21]. Также Стеблева в своем анализе отмечает, что газели Бабура отличаются тем, что «многие из них посвящены не столько теме изображения красоты возлюбленной и любовных переживаний традиционного влюбленного, сколько описанию его жалоб на жизненные невзгоды и удары судьбы» [8, 9].

Конечно, не только в газелях, но и в рубаи, фардах, туюгах, прозе Захириддина Бабура мотив разлуки с любимой связан с мотивом разлуки с Родиной, скитаниями, чужбиной и неустроенности. Родина превратилась в Музу, а образ любимой всегда рядом с той далекой Ферганой.

Все творчество Захириддина Бабура – это отражение его мировосприятия, его эпохи, исторических событий и его богатого внутреннего мира, и творческого мышления. О нем сказано много, будет еще много оценок и анализа, переосмысления. Среди многих обращений к личности и творчеству Бабура особо хочется выделить роман «Звездные ночи» Пиримкула Кадырова. Перед нами оживают многие исторические личности времен Бабура, все события побед и поражений выдающегося представителя среднеазиатского ренессанса. Роман увлекает прекрасным авторским стилем, интересным повествованием. Роман переведен на кыргызский язык Акуном Токтосартовым (1985) под названием «Жылдыздуу түндөр» [6], что свидетельствует о неограниченном интересе к личности Бабура и в Кыргызстане.

Исторический и тематический экскурс в мир творчества Захириддина Мухаммада Бабура показал, что он сумел через силу художественного слова передать следующим поколениям красочную картину своей эпохи. Открыл свой неспокойный тоскующий внутренний мир перед читателем, оформленный поэтическими строками. Литературное и научное наследие Бабура стало своеобразной энциклопедией для историков, географов, литераторов. Красота поэтического слова, правдивость описания, повествования исторических событий и географических мест, личные переживания и любовь к Отчизне Захириддина Мухаммада Бабура продолжат привлекать к себе еще ни одно поколение исследователей его творческого и исторического наследия.

Литература

1. Алиев А. Мухаммед Бабур – личность эпохи среднеазиатского ренессанса. – Бишкек, 2000. – 62 с.
2. Бабур, Захириддин Мухаммад. Избранное / [сост. и авт. предисл. С. Хасанов ; отв. ред. А. Каюмов]. – Т. : ЦК КП УзССР, 1962. – 106 с.
3. Бабур, Захириддин Мухаммад. Избранная лирика : пер. с узб. / редкол. Абдурахманов Ф. А. и др. ; сост. и [авт. предисл.] С. Хасанова. – Т. : ЦК КП УзССР, 1982. – 128 с.
4. Бабур. Бабур-наме : Записки Бабура / сост. С. Азимджанова ; отв. ред. и пер. М. Салье. – Т. : ЦК КП УзССР, 1982. – 256 с.
5. Кадыров Пиримкул. Звездные ночи. – М. : Известия, 1981. – 494 с.
6. Кадыров Пиримкул. Жылдыздуу түндөр (Бабур) : роман / оусчадан котор. Акун Токтосартов ; [суротчусу С.Ямгарчиев]. – Фрунзе [Бишкек] : Кыргызстан, 1985. – 480 б.
7. Миниатюры к «Бабур-наме» / сост. Хамид Сулейман. – М., 1973. – 159 с.
8. Стеблева И. В. Захриддин Мухаммад Бабур : поэт, прозаик, ученый. – Т. : Фан, 1983. – 30 с.
9. Японская поэзия [Электронный ресурс]. – URL: http://lib.ru/JAPAN/japan_poetry.txt_with-big-pictures (Дата обращения – 02.02.2020).

© **Эралиева Ы. С.**, 2020

К. О. Эргашев,
к. ф. н., ст. н. с. АН РУз, Институт языка, литературы и фольклора, г. Ташкент (Узбекистан)

МЕМУАРНО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И ТЕЗКИРЕ АЛИШЕРА НАВОИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА «БАБУР-НАМЕ»

Мемуарно-биографические сочинения и тезкире (или тазкира) занимают особое место в творческом наследии Алишера Навои. Великий поэт написал три мемуарно-биографических произведения: «Пятерица изумленных» («Хамсат ул-мутаҳаййирин»), «Жизнеописание Саййида Хасана Ардашера» («Ҳолоти Саййид Хасана Ардашер»), «Жизнеописание Пахлавана Мухаммада» («Ҳолоти Пахлавон Мухаммад»). Этими своими произведениями Алишер Навои заложил основу мемуарно-биографического жанра в узбекской литературе, расширив сферу применения прозы, которая, как верно отмечал известный учёный-востоковед Е. Э. Бертельс, в XV веке занимала скромное место в литературе, применялась преимущественно историками, использовалась в литературе дидактической и научной или полунаучной [3, 54]. Вышеназванные произведения Навои стали его бесценным вкладом в узбекскую литературу, оказав заметное влияние на дальнейшее развитие узбекской прозы, в том числе и на «Бабур-наме». Неслучайно учёный, поэт и один из лучших переводчиков произведений Алишера Навои С. Иванов назвал их выдающимися памятниками биографической литературы [1, 220], а навоивед Я. Исхаков – новыми явлениями в прозе того времени [6, 22; 5].

Бабур в своих записках уделял большое внимание личности и творческому наследию Алишера Навои. В «Бабур-наме» упомянуты все основные стихотворные произведения поэта: «Пятерица» («Хамса»), четыре узбекских и один персидский диваны, поэма «Язык птиц» («Лисон ут-тайр»). Из прозы Навои упоминаются «Письмовник» («Муншаот») и трактат «Весы стихотворных размеров» («Мезон ул-авзон») [2, 179]. Тем не менее это не означает, что Бабур не знал либо не читал другие прозаические сочинения Алишера Навои. Как свидетельствуют наши исследования, Бабур не только хорошо знал их, но и активно пользовался ими при написании своих мемуаров, что, как упоминалось, оказало заметное влияние на «Бабур-наме».

В «Пятерице изумленных» Навои приводит множество рассказов, связанных с Джами и раскрывающих те или иные черты характера этой незаурядной личности. Таков, например, рассказ о том, как Навои заказал известному каллиграфу того времени Абдуссамаду переписать диван Джами, и переписчик очень красиво написал текст, но при этом допустил много ошибок, что дало повод Джами написать остроумный стих об этом; рассказ об одном событии, которое произошло во время возвращения Султана Хусейна из похода в Балх, когда Джами выехал к нему навстречу.

Навои часто посылал своего приближенного Ходжа Дехдора навестить Джами. Однажды Султан Хусейн находился в доме Алишера Навои в гостях, и

они отправили его к Джами с подарками и лакомствами. Когда Ходжа пришёл в дом Джами, тот пригласил его сесть и стал угощать его тем, что тот принёс. Ходжа с таким аппетитом принялся за еду и так много ел, что стало поводом для написания Джами шутливого стиха. В нем говорилось, что Ходжа всё то, что он принёс на своих плечах, унёс обратно в своём желудке.

На примере этих рассказов видны присущие Абдурахману Джами тонкое чувство юмора, остроумие, искрометность и находчивость. Примечательно, что именно эти черты личности Джами подчёркивает и один эпизод, имеющий место в «Бабур-наме». Приводя сведения о поэте Шайхим Сухайли, Бабур отмечает, что тот писал стихи особого рода, построенные на устрашающих совах и пронизанные таким же духом. В качестве примера он приводит следующий бейт Сухайли:

В ночь печали смерч моих вздохов сдвигает с места небесный свод.
Дракон потока моих слез уносит обитаемую четверть земли.

Далее Бабур пишет: «Хорошо известно, что он однажды прочитал этот стих в присутствии Маулана Абд ар-рахмана Джами». Маулана спросил его: «Мирза, что вы делаете – читаете стихи или пугаете людей?» [2, 182]

В другом мемуарно-биографическом произведении – «Жизнеописание Пахлавана Мухаммада» – Навои создаёт образ своего друга, выдающегося силача того времени, зримо передаёт ему человеческий облик. В изображении Навои этот человек предстоит перед читателем не только как обладатель большой физической силы, но и как личность, наделенная глубокими знаниями и многогранным талантом: он писал стихи, сочинял музыку, играл на разных музыкальных инструментах, занимался науками. Говоря об этом, Навои выражает свое удивление по поводу того, как в одном человеке может сочетаться столько достоинств. Именно таким, каким изображает его Навои, описывается Пахлаван Мухаммад и в «Бабур-наме», автор которого также удивляется многогранности его личности: «Еще одним из бесподобных людей того времени был Пахлаван Мухаммад Бу Сайид. Он был выдающимся борцом, а также слагал стихи, сочинял сауты и накши; у него есть хороший накш в ладу чар-гах. Пахлаван Мухаммад был человек приятный в беседе; сочетание с ремеслом борца таких качеств весьма удивительно» [2, 190].

Наибольшее влияние на «Бабур-наме» оказало тезкире Навои «Собрание изящных», которое содержит в себе ценнейшие сведения о поэтах того времени и интенсивной литературной жизни эпохи. Бабур также в своих записках приводит обширные сведения о многочисленных своих современниках: поэтах, учёных, правителях, представителей искусства. Большая часть этих людей упомянута и в произведениях Алишера Навои, в частности, в «Собрании изящных». Сравнительный анализ «Собрания изящных» и тех частей «Бабур-наме», где излагаются эти сведения, показывает, что они близки по содержанию, языковым и стилевым особенностям, которые, в первую очередь, проявляются в манере изложения, ясном и точном выражении мысли в сжатых фразах. Сведения, даваемые о поэтах, обычно краткие, примеров тоже приводится немного, чаще всего один или несколько бейтов.

Примечательно, что Бабур во многих случаях, описывая ту или иную личность и давая ей характеристику, использует те слова и выражения, которыми пользовался Навои в своей тезкире. В этом можно убедиться, исходя из следующих примеров.

В седьмом разделе «Собрания изящных» Навои излагает сведения об Абдуллатиф мирзе, отмечая его негативные качества и пороки. О том, что тот совершил отцеубийство, Навои пишет следующее: «Ўтар дунё маслаҳати учун донишманд ва подшоҳ отасини ўлтурди» («Тленного мира ради он убил своего ученого [мудрого] отца-падишаха»). Об этом тяжком проступке Абдуллатифа упоминает и Бабур: «Бу беш кунлук ўтар дунё учун андоқ донишманд ва қари отасини шаҳид қилди» («Ради благ сего скоротечного и преходящего мира он сделал мучеником такого ученого и старого человека, как его отец»). Как видим, Бабур повторяет употребленные Навои слова «ўтар дунё» («преходящий, тленный мир») и «донишманд» («ученый, мудрец»).

В пятом разделе тезкире приводятся сведения о поэте Мухаммад Салихе. Отмечая особенности его поэтического дара, Навои пользуется словом «чошни» («вкус»): «Табъида хейли диққат била чошни бор». («Он наделен тонкой наблюдательностью и вкусом»). Вот это слово «чошни», употребленное Навои, Бабур повторяет дважды, давая оценку творчеству Мухаммада Салиха: «Яна Мухаммад Солиҳ эди. Чошнилиқ ғазаллари бор, агарчи ҳамворлиги чошнисича йўқтур» («Еще был Мухаммад Салих. У него есть газели со вкусом, но гладкости в них меньше, чем вкуса»).

В тезкире, в подразделе, посвященном Ходжа Абдуллах Марвари, автор так описывает достоинства этого человека: «Адвор ва мусиқий илмида ва хутут фанида беназир бўлди. Ва қонунни маълум эрмаским, харгиз киши андоқ чолмиш бўлғай» («В теории музыки и искусстве писем он стал бесподобным. Никто не довел игры на кануне до такой степени совершенства, как он»). Бабур, перефразируя слова Навои, пишет: «Пурфазойил киши эди, қонунни онча киши чолмайдур... Хутутни хўб битур» («Это был человек, полный достоинств; никто не умел так играть на кануне.... Он хорошо писал многими почерками»).

Следует отметить, что в «Бабур-наме» в некоторых местах повторяются сведения, изложенные в «Собрании изящных», описываются события, приведенные в тезкире Навои. Например, Навои так рассказывает об известном ученом и поэте Мир Муртазе: «Он так увлекается шахматами, что, если ему попадается какой-нибудь партнер, тот никак не может избавиться от него, и поэтому все игроки бегут от него. Известно, что если он встретит двух игроков, то с одним играет, а другого крепко держит за подол с тем, чтобы хоть этот остался, если другой убежит». Об этом рассказывает и Бабур: «Мири Муртаз очень увлекался шахматами – до такой степени, если ему случалось встретить двух игроков, он с одним играл в шахматы, а другого держал за полу, чтобы не ушёл».

Седьмой раздел «Собрания изящных» посвящен представителям Тимуридского дома, писавшим стихи. Среди них Навои упоминает Кичик мирзу,

племянника (сына сестры) Султан Хусейна. В качестве примера он приводит одно рубаи Кичик мирзы, написанное на персидском языке:

Умре ба салох месутудам худро,
Дар шеваи зухд менамудам худро.
Чун ишк омад кадом зухду чи салох,
Алминнату лиллах, озмудам худро.

Содержание: «Всю жизнь благочестием я гордился, считал себя человеком набожным. Пришла любовь, отошли благочестие и набожность. Благодарение Аллаху, я испытал себя».

При этом Навои добавляет, что это рубаи Кичик мирзы стало таварудом с рубаи Джами. Сведения о Кичик мирзе есть и в «Бабур-наме». Отмечая его поэтический дар, Бабур тоже приводит это рубаи и пишет: «Получилось таваруд с рубаи Муллы Джами». В том же разделе тезкире Навои останавливается и на творчестве Мухаммада Хусейна мирзы – одного из сыновей Султана Хусейна – и приводит один его бейт. Этот бейт приводится также и в «Бабур-наме».

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, «Собрание изящных» служило для Бабура своеобразным источником, которым он пользовался при написании «Бабур-наме», и тезкире оказало заметное влияние на содержание, язык и стиль его мемуаров.

Кроме «Собрания изящных», у Навои имеется еще одно тезкире – «Ветерки любви», в котором содержатся сведения о суфийских деятелях, мыслителях, поэтах, численность которых доходит до 750 [4, 364]. Многие из них, в том числе Ходжа Убайдуллах Ахрар, Шейх Бурханиддин, Шейх Абу Мансур, Ибрахим ата, Исхак ата, Мир Сайид Али Хамадани, Шейх Низами, Хусрав Дехлави, Шарафуддин Али Язди, Шейх Пуран, Шейх Яхья Чишти, Шейх Низам авлия, упоминаются и в «Бабур-наме». Иногда сведения Навои и Бабура взаимодополняют друг друга. Например, в разделе, посвященном Мир Сайид Али Хамадани, Навои сообщает, что тот умер в семьсот восемьдесят шестом году хиджры в окрестности Савада и похоронен в Хутталане. Сведения Бабура вносят уточнение в это сообщение: «Мир Сайид Али Хамадани – помилуй его Аллах – странствуя по этим местам, перешел в другой мир в одном шери выше Кунара. Ученики перенесли его прах оттуда в Хутталан. На месте, где он умер, теперь стоит мазар. В девятьсот двадцать пятом году, когда я пришёл и взял Чаган-сарай, я совершил поклонение этому мазару. Там много апельсинов, лимонов и кориандра». Эти сведения ценны тем, что Бабур побывал в этих местах и воочию видел мазар.

Оба автора с благоговением пишут о Ходжа Ахраре, возвеличивают его и дают высокую оценку этой личности и ее деятельности. И в этом случае они взаимодополняют друг друга. Алишер Навои пишет о том, каким большим авторитетом пользовался Ходжа Ахрар у правителей, которые прислушивались к нему. Бабур конкретизирует эти сведения Навои и отмечает, что жители Самарканда двадцать пять лет во время правления Султана Ахмада Мирзы жили в довольстве и покое, так как обращение с ними благодаря Ходжа Ахрару в большинстве случаев соответствовало справедливости и закону [2, 49].

Такая близость мнений и оценок Навои и Бабура наблюдается и по отношению к Абдурахману Джами. Навои не только в «Ветерках любви», но и в «Собрании изящных», «Пятерице изумленных» и в других многочисленных сочинениях возвеличивает своего друга и соратника, пользуясь при этом такими эпитетами, как солнце, луна, глава, предводитель, называя его «океаном жемчужин мыслей», «полюсом». Обращаясь к «Бабур-наме», мы увидим, что и Бабур писал о нем с таким же восхищением и почтением, применяя при этом такие же, как у Навои, или близкие к ним эпитеты и сравнения. «Из поэтов Султана Хусейна Мирзы вождем и главой всех был Маулана Абд ар-Рахман Джами», – пишет он в главе, посвященной событиям 911 года хиджры. В другом месте этой главы Бабур так описывает ту эпоху и Абдурахмана Джами: «Время Султана Хусейна Мирзы – удивительное. Хорасан, в особенности город Герат, были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства».

Одним из таких возвышающихся людей был Маулана Абдурахман Джами. В его время не было другого человека, столь сведущего в науках явных и сокровенных. Стихи его хорошо известны, и достоинства Маулана Джами выше того, чтобы была нужда их восхвалять: «Мне пришла мысль начертать на этих ничтожных страницах его имя и упомянуть о некоторых из его качеств только своего благословения счастья ради» [2, 185].

Такие примеры сходства или близости сведений и оценок творчества, личности поэтов, ученых, правителей, деятелей искусства говорят об общности литературно-эстетических, социально-политических взглядов Алишера Навои и Бабура.

«Бабур-наме» – редкое явление в мировой литературе, шедевр мемуарной прозы, отличающийся своей самобытностью, оригинальностью, неповторимым языком и стилем. Его появление не случайно и обусловлено всем предыдущим развитием узбекской литературы, ее опытом и традициями, в частности, наследием Алишера Навои, оказавшим благотворное влияние на творчество Бабура.

Литература

1. Алишер Навои. Собрание сочинений : в десяти томах. – Том IX. – Т., 1970.
2. Бабур, З. М. Бабур-наме / перевод М. Салье. – Т., 1993.
3. Бертельс Е. Э. Джами. – Сталинабад, 1949.
4. История узбекской литературы : в 2- х томах. – Т. 1 : с древнейших времен до XVI века. – Т., 1987.
5. Исхаков Я. Икки жаҳон халқига ҳайрат // ЎзАС. – 2001. – 9 февраль.
6. Эргашев К. Алишер Навоийнинг мемуар-биографик асарларининг жанрий-услубий хусусиятлари // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2009. – 4-сон.

© **Эргашев К. О.**, 2020

А. Ф. Эфендиев,
д. ф. н., докторант Национального Музея Истории Азербайджана,
г. Баку (Азербайджан)

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЕФЕВИДОВ И МОГОЛОВ ПО МАТЕРИАЛАМ МИНИАТЮРНОЙ ЖИВОПИСИ

Уже с конца XVI века крупные империи Востока (Сефевиды, Османы и Моголы) стали придавать международным связям, в том числе дипломатическим и торговым, большое значение. Эти связи, выраженные постоянными обменами посольств, завершались пышными приемами и обменом подарками с обеих сторон. С начала XVII века они приняли невиданный размах. Помимо письменных источников эти события нашли неоценимое по важности отражение в изобразительном искусстве.

Два посольства прибыли в Исфахан, новую столицу государства Сефевидов, в ноябре 1618 г., одно от шаха Голконды Мухаммеда Кутб-шаха, другое – от императора Джахангира. Шах Аббас тесно сдружился с послом Великих Моголов Мирзой Бархударом или Ханом Аламом. Последний прибыл в сопровождении 800 человек. Наряду с многочисленными богатыми дарами были и редкие животные, среди которых и 10 слонов. Шах устроил необыкновенный по пышности и торжественности прием, когда Хан Алам прибыл к нему в Исфахан в июне 1619 года.

Великий Могол Джахангир, страстный любитель живописи, включил в свое посольство одного из лучших художников Вишну Даса с поручением сделать с натуры портрет шаха и привезти его в Индию. Вишну Дас добросовестно выполнил свою задачу. Исполненный им портрет дошел до наших дней. Он изображает Шаха Аббаса и Хана Алама на лоне природы, сидящими на земле друг напротив друга. Согласно индийской традиции школы Джахангира, они были исполнены с большим реализмом. Это не стилизованные образы сефевидских миниатюр, а реальные люди с выразительными лицами и естественными позами. Из тех портретов, что дошли до нас, этот является одним из лучших.

Шах Аббас же поручил своему ведущему художнику Рза-йи Аббаси запечатлеть его с индийским послом. К несчастью, оригинал пропал, и сохранилась лишь его копия, исполненная позднее учеником Рзы. По сравнению с индийским, портрет был условным, и главной опознавательной чертой было сходство с индийскими оригиналами.

До наших дней сохранился небольшой подготовительный портрет шаха Аббаса Первого (художник Бишн Дас, Индия, от. 1618 г. Виктория и Альберт) для групповой композиции, изображающей встречу шаха Аббаса и Хана Алама, могольского посла, в 1618 г. Бишн Дас, один из лучших придворных художников Могольского императора Джахангира, сопровождал посольство для того, чтобы запечатлеть это событие. Поздний аллегорический портрет Джахангира, обнимающего шаха Аббаса, показывает шаха слабым и робким по сравнению с

Великим Моголом. Тенденциозный, он уступал этому одиночному подготовительному портрету, который запечатлел внутреннюю сущность Сефевидского правителя. Простота однородного зеленого фона позади него, его спокойная поза и неброская одежда производят впечатление спокойствия и доверительности. В свою очередь, шах Аббас повелел своему ведущему художнику Рзе Аббаси также создать сцену встречи шаха с ханом Аламом, но сохранились лишь его копии. Портреты, созданные Бишн Дасом и Сефевидским художником Мухаммедом Касимом, – единственные дошедшие до нас оригиналы [10, 38].

С 1618 г. шах Аббас реализовал множество важнейших проектов: например, остановил гражданскую войну, победил главных врагов, узбеков, на востоке страны, подписал мирный договор с Османской Турцией, а также перенес столицу в Исфахан. Его торговая и земельная политика стимулировала рост экономики, власть его в стране стала несокрушимой.

Большая окончательная и многофигурная композиция послужила образцом для многочисленных копий как с могольской, так и с сефевидской стороны. По всеобщему мнению, портрет с натуры Бишн Даса был оценен выше, чем портрет Рзы Аббаси. Сходство портрета с оригиналом, то есть с правителями и их свитой, играло важную роль в дипломатии, помогая султанам и шахам оценивать физический облик и характер своих союзников или противников. Поскольку могольские художники живописали в более натуралистическом и правдоподобном стиле, чем их сефевидские коллеги, их портретное творчество оценивалось выше. Джахангир высоко оценил работу Бишн Даса и по его возвращению подарил ему слона.

Три варианта сцены встречи шаха Аббаса с ханом Аламом доказывают, что именно этот одиночный портрет шаха Аббаса стал эталонным при его изображении. По возвращении хана Алама к могольскому двору в 1620 г. и вплоть до конца 19 века художники по всей Индии создавали бесчисленные копии работ Бишн Даса. В сцене отдыха во время охоты, где хан Аллам принимает чашу вина от шаха Аббаса, он – единственный, кто облачен в индийский тюрбан [10, 38].

Миниатюра «Шах Аббас с ханом Аламом и пажом» (Голконда, конец XVII в.) является одним из многочисленных портретов шаха Аббаса Второго и шаха Сулеймана в альбоме с изображениями самых знаменитых правителей Декана и Могольской Индии. Из-за их шиитского вероисповедования и обоюдной ненависти к Моголам они тесно дружили и часто обменивались посольствами, пока Моголы, наконец, окончательно не захватили Голконду в 1683 г. [1, 343]

Помимо миниатюрной живописи, стенные росписи Чехиль Сутун, дворца шаха Аббаса Второго, дают полную развернутую картину дипломатических отношений Сефевидов с Моголами и другими сопредельными странами.

Начиная с эпохи шаха Аббаса Первого, исторические изображения уже не скрывались за литературными аналогиями, а служили документальным свидетельством происходящих событий. Таковы иллюстрации, посвященные приему шахом Аббасом I могольского посла Алам-хана, сделанные Ризой

Аббаси и могольским художником Бишн Дасом [10, 19-21]. В середине XVII в. встречу Тахмаспа I с Хумаюном, произошедшую столетием раньше, воспроизвели на стене парадного зала для посольских приемов дворца Чихил-Сутун. Среди работ самого Шайха Аббаси – изображение парадного приема, данного шахом Аббасом Вторым в честь индийского посла, датированное 1663-1664 гг.

Галина Ласикова отмечает, что, однако, образ шаха на рассматриваемом рисунке соответствует портретам не Аббаса II, чье правление приходилось на 1654-1655 гг., а Аббаса I (1587-1629 гг.), в частности портретам, выполненным Бишн Дасом. В то же время визави шаха не похож на Алам-хана, возглавлявшего индийское посольство. Возможно, Шайх Аббаси намеренно исказил события прошлого, желая придать изображению иной смысл, помимо документального. Костюм индийца соответствует эпохе императора Джахангира (1605-1627 гг.). Более того, в чертах его лица прослеживается портретное сходство с этим могольским императором, хотя портрет сильно идеализирован и заметно отличается от натуралистичных могольских прототипов [1, 344].

В реальности встречи Аббаса I и Джахангира не было. Однако около 1618 г. подобное событие, по крайней мере, дважды изобразил придворный портретист Джахангира Абу-л-Хасан. Первое из известных произведений носит название «Гостеприимство Джахангира» (Вашингтон, Галерея Фрир), второе – «Мечта Джахангира» (Галерея Фрир, P1945.9a). В первом случае два правителя сидят друг напротив друга, и Джахангир, фигура которого больше по размеру, а костюм богаче, протягивает руку более скромному Аббасу I. Другое изображение аллегорическое: оба властителя стоят на земном шаре, озаренные светящимся ореолом, поддерживаемым ангелами. Джахангир снисходительно обнимает прильнувшего к его груди иранского шаха. Помимо того, что в эти времена процветали сатира и карикатура [2, 10-17], на таком высоком императорском уровне они приобретали более усложненный, завуалированный характер.

Своеобразным ответом на это издевательское произведение явился рисунок «Шах Аббас I и Джахангир» (Москва, частная коллекция). Можно предположить, что сюжетом рисунка Шайха Аббаси тоже стала воображаемая встреча двух властителей. Однако, как подчеркивает Ласикова, в соответствии с иранской версией отношения между монархами носили противоположный характер: Аббас I, оказывающий гостеприимный прием, изображен во всем царственном величии, в то время как Джахангир – униженно кланяющимся.

Эта политическая установка прослеживается и в работе Али-кули Джаббадара того же периода – по заказу Аббаса II он изобразил основателя Могольской династии Бабура (1526-1530 гг.) целующим руку сефевидскому шаху Исмаилу I (1499-1524 гг.).

Настоящий рисунок стилистически и тематически тесно связан с современными ему росписями исфаханского дворца Чихил-Сутун. Согласно исследованию С. Бабаи, программа росписей Чихил-Сутуна целиком посвящена отношениям Ирана с восточными соседями – Индией и ханствами Средней Азии. Изображения шахских приемов на стенах дворца предназначены были для того,

чтобы демонстрировать роль Ирана как прибежища для властителей соседних стран в минуты опасности и роль Сефевидских шахов – как повелителей мира, из рук которых получают царства монархи соседних стран. Программа была задумана для обоснования иранских притязаний на Кандагар, ключевой пункт караванной торговли Ирана с востоком, пять раз в течение ста лет переходивший из подчинения одной страны к другой. В 1558 г. город отошел к Ирану, в 1594 г. – к Индии, в 1622 г. его захватили войска шаха Аббаса I, в 1638 г. он вновь оказался в руках Моголов, и, наконец, 22 февраля 1649 г. иранская армия после долгой осады снова вступила в крепость, на этот раз закрепив ее за Сефевидами на следующие полвека. По мнению исследовательницы, вскоре после этих событий и были созданы росписи Чихил-Сутуна, построенного в 1647 году [4, 127].

Дата рисунка Шайха Аббаси 1654-1655 гг. тоже соотносится с одним из событий в истории Кандагара. После февраля 1649 г. Могольский правитель Шах-Джахан трижды пытался отвоевать Кандагар. Последняя попытка была предпринята в 1653 г., после чего Моголы отчаялись вернуть себе город. Изображение шаха Аббаса I, завоевавшего г. Кандагар несколькими десятилетиями ранее, благосклонно принимающего покорного Джахангира, демонстрирует, что захват иранцами Кандагара является восстановлением исторической справедливости, с которой следует смириться могольскому императору, как когда-то смирился его отец.

Рисунок Шайха Аббаси 1654-1655 гг. – самое раннее из известных датированных произведений, близких по стилю росписям дворца Чихил-Сутун.

Известно, что в 16 лет Аббас Второй возглавил поход на Кандагар, отнял его у шаха Джахана, это яблоко раздора между Великими Моголами и Сефевидами, потерянное при шахе Сафи Первом. Доказательством важности обладания портретами своих союзников или соперников являются свидетельства западных путешественников. Французский путешественник и торговец Ж. Тавернье во время своих путешествий познакомился с шахом Аббасом Вторым. Во время своего шестого визита Тавернье прибыл в Исфахан 20 декабря 1664 г. Вскоре он показал шаху свой товар – драгоценности, а также богатую шпалеру (гобелен) с изображениями, восхитившую шаха. Он узнал в ней табло, послужившее образцом для вытканной копии.

Во время другой аудиенции Шах Аббас Второй спросил, узнает ли Тавернье по портретам индийских правителей. Он приказал главе белых евнухов принести портфель с поясными портретами. Он показывал их один за другим Тавернье, а тот сразу же узнавал Великого Могола шаха Джахана, его сына Аурангзеба, а также троих сыновей последнего. Также Тавернье узнал среди портретов шаха Голконды Абдуллу Кутб-шаха и Искендера Адиль шаха из Биджапура, а также Шаистан-хана и двух раджей.

Развитие событий вокруг Кандагара нашли продолжение и в дальнейшем. Новым вестником начала распада империи Сефевидов стали события в Кандагаре. Градоначальник этого города-крепости афганец-суннит Мир Вейс поднялся против центральной власти, уничтожил сефевидских должностных лиц

и взял всю полноту власти в свои руки. Чтобы добиться расположения жителей города, он объявил о превосходстве суннитской доктрины, а шиитов – еретиками. Иранцы потеряли Кандагар, и город перешел к Великому Моголу шаху Джахану.

Позднее шах Хусейн совершил непоправимую ошибку: сместил Лютфуллу-хана, победителя Мир Вейса, затем казнил его по ложному доносу, а подготовленная к походу на Кандагар армия была рассеяна.

Известно, какое большое значение монархи придавали изображению своих военных побед и в целом батальному жанру, как неотъемлемой и даже ведущей ветви жанра исторического.

Одной из интереснейших является миниатюра из «Падишах-наме» «Кулидж хан принимает ключи от Бадахшана», хранящаяся в Музее Гиме в Париже (около 1646 г., художник Мурад).

Как и Акбар и Джахангир, шах Джахан заказал большую иллюстрированную рукопись истории его жизни и правления, и также, как и предыдущие, эта рукопись дошла до нас во фрагментарном виде. Большая часть с 44 миниатюрами сохранилась в переплёте в Лакхнау до конца XVIII века, затем попала в Виндзор. До переплёта несколько миниатюр затерялись, в том числе эти две, украшенные полями в Лакхнау. Оба эпизода – позднего периода его правления.

Избранные шахом Джаханом темы иллюстраций отличались от таковых Джахангира, причудливых, но также и стандартных. Так, у шаха Джахана был сюжет его бесед со святыми старцами, или же увиденный им сюжет битвы змеи с пауком; были и такие обязательные темы, как события государственной важности, битвы, семейные торжества и т. д. Такие сюжеты художники исполняли очень ответственно, тщательно отображая всё до мельчайших деталей.

Могущественная, богатая, отягощенная сложным административным аппаратом, Могольская империя вступила в фазу стагнации, напоминающую старую черепаху своими ритмами.

В то время как Акбар возглавлял победоносную армию, быстро завоевывая земли, шах Джахан и его войско месяцами находились в военных походах, и, чаще всего, безрезультатных. Мотивация и настрой изменились: активный экспансионизм Акбара сменился застоем, лишь иногда сменяющимся мощным натиском на Кандагар в Афганистане, за обладание которым Моголы долго бились с Сефевидами. Также шла охота на предателей империи. Были также войны с султанами Деккана, земли которых Моголы хотели захватить ещё с XVI века.

У шаха Джахана была романтически-ностальгическая тяга к землям у Самарканда, столицы его предка Эмира Тимура. Некоторых из принцев он отправлял в походы в Трансоксиану. Первым стал Мурад Бахш, который в 22 года повёл пятидесятитысячную армию в Бадахшан. Но климат был неблагоприятным, условия тяжёлыми, и принц запросил разрешение на возвращение в Индию, не достигнув Самарканда. Однако шах Джахан запретил

и потребовал продолжения похода. Мурад взбунтовался и вернулся один в Лахор, за что и отец его строго отчитал, запретил появляться при дворе и заменил его на более энергичного брата, Аурангзеба.

Для «Падишах-Наме» был избран эпизод триумфа Кулидж хана Турани, преданного сторонника императора, чья армия была хваленным элитным полком из тысячи узбеков, носящих шапки с перьями цапли. В миниатюре Кулидж хан Турани принимает ключи от завоеванного города, скорее всего Буста, который был завоеван на 11 году правления императора Михраб-ханом, одним из наиболее талантливых полководцев иранского шаха. На переднем плане Могольский генерал принимает сдачу города, а на заднем – подробно передаются детали осады города. Моголы наводняют город, а также пленят Михраб-хана, спрятавшегося в цитадели. Вся эта сцена передана художником Мурадом в солнечном, ясном свете.

Если работа Мурада поднимала дух императора, то «Осада Кандагара» (Художник Пайаг, сер. XVII в. Музей Гарвардского Университета, Кембридж, Массачусетс) изображает эпизод 1649 г. неудачную попытку вернуть Кандагар. И это отнюдь не воодушевляло шаха Джахана. Мурад был мастером портретов знатных лиц, Пайаг же рисовал святых старцев и поверженных старых солдат, весь ужас войны. Побелевшие скелеты, печальное напоминание о предыдущей, также неудачной попытке завоевания Кандагара, рассеяны по центру композиции. Бросаются в глаза рьяный барабанщик, колотящий барабанными палочками, гордо шествующие слоны, пехотинцы, уменьшающиеся в размерах по мере удаления вглубь, карабкающиеся по холму, среди дыма от взрыва снарядов, спешащие к победе или к поражению.

Изобразительное искусство имперских государств всегда служило мощным средством агитации у обеих враждующих сторон. В данном случае искусство могольской Индии отличалось большим реализмом и являлось документальным свидетельством. Искусство Сефевидов было более изощренным, иносказательным. Это подтверждают как миниатюры с изображениями официальных приемов, так и фрески Чехель Сутуна, каждая из которых преследует строго продуманные идеологические цели.

Литература

1. Классическое искусство исламского мира IX-XIX вв. : 99 имен Всевышнего. – М. : Фонд Марджани, 2013.
2. Эфендиев А. Влияние Тебриза на индийскую миниатюрную живопись // IRS = Наследие. – Баку, 2016. – № 2. – С. 10-17.
3. Babaie Sussan. Shah Abbas II : the Conquest of Qandahar, the Chihil Sutun, and Its Wall Paintings // Muqarnas. – Vol. 11 (1994). – pp. 125-142.
4. Barrett, D. and Gray, B. Indian Painting. – Geneva, 1963.
5. Beach, M. C. The Grand Mogul: Imperial Painting in India 1600-1660. – Williamstown, 1978.
6. Beach, M. C. The Imperial Image: Painting for the Mughal Court. – Washington, 1981.

7. Beach, M. C. Early Mughal Painting. – NY : Asia Society, 1987.
8. Beach, M. C. Mughal and Rajput Painting / The New Cambridge History of India I. – Cambridge University Press, 1992.
9. Canby, Sheila R. Shah Abbas: The Remaking of Iran. – London : British Museum Press, 2009.
10. Das, A. K. Mughal Painting during Jahangir's Time. – Calcutta : Asiatic Society, 1978.
11. Desai, V. Life at Court: Art for India's Rulers : exhibition catalogue : 16th-19th Centuries. – Boston, 1985.

© **Эфендиев А. Ф.**, 2020

А. К. Эшонбобоев,
н. с. ТашГУУЯЛ им. Алишера Навои, г. Ташкент (Узбекистан)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА МИРЗО БАБУРА В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Узбекская литература имеет богатую историю. За прошедшее столетие были достигнуты определенные успехи в изучении жизни и творчества Мирзо Бабура. Его работы были переизданы и переведены на иностранные языки, подкреплены диссертациями, а информация о его жизни и творчестве включена в учебники для школ и университетов. В частности, за последние годы в бабуроведении накоплен определенный опыт, и это является важной основой для будущих исследований. В то же время, с изменением социальных и политических формаций, отношения между художником и его творческим наследием изменятся, поскольку литературное наследие должно отвечать духовным и литературным потребностям современности. Именно по этой причине мы признали некоторые позитивные сдвиги в эволюции изучения Бабуридов в период независимости и подчеркнули некоторые из проблем.

Общеизвестно, что при господствовавшей в Советском Союзе идеологии произведения поэта на религиозные темы выходили за рамки научных исследований. Однако без таких произведений литературное наследие художника было бы не богатым и неполным, что дало бы читателю одностороннее впечатление. За годы независимости такие произведения, как, например, «Мубаин» или «Волидия», были опубликованы полностью, с повторными комментариями, и явились объектами научных исследований. В советское время упоминается, что он являлся феодальным правителем, поэтому жизнь и творчество Мирзо Бабура изучались с ограничениями.

За годы независимости было много возможностей для свободного и объективного изучения творчества Бабура без идеологического давления. Создание Международного фонда Бабура в Андижане в 1992 году стало важным литературным, политическим и общественным событием. Фонд стал центром изучения искусства Бабура не только в Узбекистане, но и в мире в целом. Слова известного лингвиста по алтайским языкам А. В. Дыбо заслуживают внимания: «Неудивительно, что наследие Бабура и Бабуридов привлекало пристальное внимание востоковедов на протяжении почти двух столетий в Европе, США, в самой Индии (нынешних Индии, Пакистана, Бангладеш), Афганистане, Японии, России, бывшем СССР, на постсоветском пространстве**,** *прежде всего в Узбекистане – на родине Бабура* (он родился и вырос в городе Андижан – столице Ферганского удела государства Тимуридов). Его ярчайшая личность, удивительная судьба, захватывающие приключения и сильный характер вдохновлял и продолжает вдохновлять писателей, поэтов, драматургов и режиссеров на создание литературных, в том числе драматургических, произведений и фильмов» [1]. Несомненно, творчество Бабура изучается во всем мире, и за годы независимости узбекским ученым удалось установить научные

контакты с зарубежными учеными и наладить сотрудничество, что явилось продуктивным для узбекских бабуроведов.

Как известно, фондом Бабура в Андижане регулярно проводятся научные конференции, посвященные жизни и творчеству поэта. Каждые пять лет проводится международная научная конференция, и ее материалы регулярно публикуются. Кроме того, публикация энциклопедии *Захириддина Мухаммеда Бабура* (2014), спонсируемой Фондом, а также ее второе пересмотренное издание в 2017 году стали крупными событиями в области бабурологии. Эта энциклопедия является первой энциклопедией, опубликованной в истории народов Центральной Азии. Создание журнала *«Бабур и мир»* в годы независимости имеет важное значение для обеспечения широкой общественности исследованиями и инновациями в этой области.

Таким образом, изучение жизни, творчества и истории Бабура в Узбекистане поднялось на новый уровень. В то же время эта широкомасштабная работа требует от учёных критически анализировать исследования и теоретические обобщения. Мы считаем, что такой подход окажет положительное влияние на дальнейшее развитие бабуроведения и послужит повышению теоретического уровня исследований.

Акцентируя свое внимание на проблемы бабуроведов, мы всегда должны помнить одно – каждое художественное произведение, относящиеся к прошлому, станет вековым и обретёт «вторую жизнь» в том случае, если современным читателем будут понятны прочитанные произведения. Для этого литературное наследие должно быть представлено так, чтобы оно было понятно современному читателю.

Известно, что шедевр Бабура «Бабур-наме» несколько раз публиковался в Узбекистане и переводился на русский язык. Издание 1960 г. произведения, написанное академиком В. Й. Захидовым, начинается со знакомства с жизнью и творчеством поэта. В предисловии широко освещается жизненный путь поэта, его творчество и история изучения «Бабур-наме» мировыми учёными. Сведения такого рода дают читателям четкое представление о личности поэта, творчестве, сложном образе его жизни и подготавливает читателей к сближению (в широком смысле) с произведением. Кроме того, известный текстолог П. Шамсиев, который подготовил произведения к публикации, а также статья о российских и зарубежных изданиях «Бабур-наме» в некоторой степени дополняют вышесказанное. В конце книги приведены указатели, глоссарий для некоторых слов, комментарии, что облегчает читателям понимание произведения.

Однако в последующее переиздание произведения не внесены такие данные [2]. Расстояние между произведениями Бабура и сегодняшним днём требует от современного читателя чтение «Бабур-наме» с комментариями и толкованием слов. Учитывая это, исследователи В. Рахмонов и К. Муллаходжаева перевели работу на современный узбекский язык [3]. Этот подход облегчает студентам понимание «Бабур-наме». Однако, несмотря на эти важные особенности, введение не содержит информации о необходимости этой публикации, ее принципах и цели. Кроме того, книга не содержит аннотаций,

указателей или комментариев. Безусловно, представление произведения на современном узбекском литературном языке облегчеает задачу читателей и сближает их с книгой. Тем не менее, «Бабур-наме» и настоящий день разделяет пятьсот лет, это мемуарное произведение, где широко описывается история, многие исторические личности, названия мест, религиозные верования народов (афганские племена в Афганистане), традиции, а также говорится о классических произведениях восточной литературы. Все это содержится в тексте работы, который неизвестен сегодняшнему читателю. Именно по этой причине комментирование и толкование слов облегчают читателям понимание текста. В определенной степени необходимо содержание информации об исторических деятелях, географических названиях в Афганистане и Индии, правителях, которые имели тесные связи с Мирзо Бабуром и играли важную социальную и политическую роль. Благодаря таким пояснениям исторический контекст становится более ярким, и читатель получает необходимую информацию.

Издание произведения 2002 года основано на предыдущих работах, таких как «Бабур-наме», опубликованных в Узбекистане и за рубежом, к нему прилагаются указатели, а также даётся подробное сведение об истории изучения произведения Мирзы Бабура [4]. Кроме того, в тексте «Бабур-наме» имеются пробелы (событий 1508-1519 гг.), которые излагаются на основе других исторических источников и прилагаются к книге. Таким образом, обеспечивается относительная целостность текста «Бабур-наме». Кроме того, в приложение включены также письмо и указ Бабура. Можно сказать, что данное издание занимает особое место среди других изданий произведения.

В предисловии данного издания говорится о том, что американский востоковед У. Тэкстон перевел на английский язык «Бабур-наме»: «Через 75 лет после перевода госпожи Беверидж был дополнен англоязычным комментарием к “Бабур-наме” профессора Гарвардского университета Уилер Текстона в 1996 году», – и был опубликован еще один полный перевод. Целью переводчика было «перевести на современный английский, сохранив оригинальность». Переводчик не следовал словесному переводу А. С. Бевериж, применил свободный вид перевода, стремился сохранить дух произведения. На наш взгляд, переводчик достиг своей цели.

Одной из самых важных особенностей перевода является тот факт, что к нему прилагается *около семисот комментариев,* которые дают весомые сведения [4, 19]. Известно, что переводчик, в первую очередь, имел ввиду сегодняшнего англоязычного читателя.

Такой подход мы видим у японского исследователя Эйжи Мано, который создал научный текст «Бабур-наме». Известный бабуровед С. Хасанов пишет: «Этот критический текст основан на четырех оригинальных текстах (Эльфинсон, Хайдарабад, Британская библиотека и Казань) и персидской рукописи. Кроме того, Э. Мано использовал две персидские рукописи: рукопись «Вакеати Баурий», которая хранится в Национальном музее Нью-Дели, и копию, хранящуюся в Национальной библиотеке Парижа. Таким образом, автор использовал семь рукописей «Бабур-наме» – четыре на узбекском языке и три на

персидском, основой критическому тексту он берёт копию Хайдарабад [4, 17]. Следовательно, японский ученый использовал все доступные рукописи и переводы произведения в максимально возможной степени в своем критическом письме. Рассмотрим, в какой форме представлен научно-критический текст. Согласно сведениям «Энциклопедии Бабура», том первый состоит из критического текста, том второй из конкорданса и классифицированных показателей, том третий представляет собой аннотированный перевод на японский язык, а том четвёртый содержит монографию «Бабур и его эпоха» [5, 169]. Эти тома были впервые опубликованы в Японии в период с 1996 по 1998 год.

По-видимому, исследователь Э. Мано перевел работу на японский язык, не ограничившись составлением критического текста, и прилагает научные комментарии и указатели, а также монографию о Бабуре. Конечно, такой широкий диапазон комментариев и толкований в английских или японских изданиях связан с тем, что эти народы немного далеки от культуры, истории и литературы нашего региона. Тем не менее в представлении произведения оба исследователя действовали, ссылаясь на сегодняшнего «потребителя» – современного читателя, что немаловажно.

Выше было отмечено, что в Узбекистане за годы независимости бабуроведение поднялось на новый уровень. Следующей задачей является критическое осмысление проделанной работы, сделать научные обобщения, составление научно-критических текстов произведения Бабура на основе зарубежных исследований. Поскольку автограф автора не дошёл до нас, составленный критический текст является прочной основой для исследований во всех областях. В то же время публикация произведений Бабура для современного читателя с комментариями и толкованиями обеспечивает стабильную и устойчивую «вторую жизнь» «Бабур-наме».

Таким образом, критическое восприятие проделанной работы и литературные потребности времени являются важным условием успеха научных исследований.

Литература

1. Бабур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. : Юлдузча, 1989..
2. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома. – Т. ,2008. Ўқитувчи.
3. Бобур, Заҳириддин Муҳаммад. Бобурнома / П. Шамсиев, С. Мирзаев ва Эйжи Мано нашрлари асосида қайта нашрга тайёрловчи С. Ҳасан. – Т. : Шарқ, 2002.
4. Заҳириддин Муҳаммад Бобур : энциклопедия. – Т., 2014.
5. Рустамхўжаев Ш. Захириддин Мухаммед Бабур : Бабуриды : библиография. – М., 2016.

© Эшонбобоев А. К., 2020

Ф. Ф. Юлдашева,
преподаватель УзГУМЯ, г. Ташкент (Узбекистан)

О ЛИРИКЕ ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА

Поэтическое наследие Захириддина Мухаммада Бабура многогранно и богато. В его стихотворениях реалистически отражены исторические события эпохи, его личная жизнь, окружающая среда, отношение к человеку, религии, обычаям.

Можно сказать, что стихи Бабура – автобиография поэта, в которой поэтическим языком, трогательно излагаются глубокие чувства, мастерски рассказывается о переживаниях, порожденных в результате столкновения с жизненными обстоятельствами. О чем красноречиво говорит сам поэт:

Каких страданий не терпел и тяжких бед, Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет, Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур.

Лирика поэта пропитана вдохновенной поэзией Алишера Навои. Известна переписка Бабура с Навои незадолго до смерти последнего. В своих газелях и рубаи поэт поднимает такие проблемы человеческих взаимоотношений, как любовь, дружба, стремление к прекрасному и т. д. Земную любовь поэт воспевает как самое высокое человеческое достоинство.

Бабур утверждает, что ради свидания с возлюбленной он готов вынести любые трудности. Без своей возлюбленной он не представляет себе жизни. С большой искренностью поэт выражает готовность пожертвовать ради любви самим собой, всем своим существом.

Любовь для Бабура превыше всего: богатства, общественного положения и всех земных благ. Поэт в своих газелях создает образ прекрасной возлюбленной, наделяя ее небывало красивой внешностью, богатым внутренним и духовным содержанием.

В лирике Бабура особое место занимает тема родины. В его газелях и особенно в рубаи с большой впечатляющей силой выражены тоска по родине и беспредельная любовь к ней.

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек,
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

В поэзии Бабура также затронуты и вопросы нравственности и духовного совершенства человека. Поэт возвышает человека, относится к нему с великим уважением, высоко ставит человеческое достоинство. В своих рубаи он говорит о том, как человек должен воспитывать в себе лучшие моральные качества.

Говоря о художественном языке произведений Бабура, необходимо отметить его простоту, общедоступность, ясность и сжатость. Поэт не любит громких фраз и сложных выражений. Простота языка Бабура способствует

ясному восприятию читателями его творений, богатой палитры чувств и переживаний.

Поэтическое мастерство Бабура выражается в художественном стиле в умелом использовании наиболее выразительных средств родного языка и в творческом воссоздании источников народного творчества.

Центральное место в творчестве Бабура занимает бесценный литературный памятник прозы на узбекском языке, исторический труд «Бабур-наме», который востоковед Василий Владимирович Бартольд назвал «лучшим произведением тюркской прозы». Книга была завершена в Индии, она носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Центральной Азии конца XV – начала XVII вв.

По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме» является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии.

По богатству и разнообразию материала, по языку и стилю «Бабур-наме» стоит выше любой исторической хроники, составленной придворными летописцами того времени, неудивительно поэтому, что в разные времена труд этот привлекал пристальное внимание ученых своего мира. «Бабур-наме» посвящен описанию деятельности Бабура, его удачных и неудачных военных походов, изложению всех перипетий его богатой приключенческой жизни. История создания «Бабур-наме» неизвестна, по сведениям дочери Гульбадан-бегим, в ее книге «Хумаюн-наме» описывается, что в Индии, в городе Сикри, в саду была площадка, и наверху этой площадки Бабур имел обыкновение писать книги.

«Бабур-наме» состоит из трех частей. Первая ее часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV в. Вторая часть охватывает события, происходившие на территории Афганистана, в эпоху Бабура известный как «Кабульский удел». В последней части описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны, ее природные особенности, содержатся интересные сведения о народах, населявших эту страну.

Автор «Бабур-наме» с присущей ему откровенностью описывает борьбу за власть, приводит факты опустошения земледельческих оазисов, увеличения поземельного и др. налогов, сбор которых участился в годы смуты во владениях последних Тимуридов в Хорасане и Мавераннахре.

Благодаря «Бабур-наме» мы узнаем об имевшем место в г. Самарканде страшном голоде в дни осады его Шейбани-ханом в 1501 г. Правдивость сведений Бабура подтверждают историки того времени: Хандемир, Мухаммад Хайдар, Мухаммад Салих, Беннаи и др.

Сам Бабур пишет: «Все, что здесь написано, истина, и цель этих слов в том, чтобы похвалить себя, – все, действительностью, было так, как я написал. В этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мной слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило».

«Бабур-наме» хотя и посвящена политической истории вышеназванных стран рубежа XV-XVII вв., однако изобилует она также бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и аспекты современной автору эпохи.

«Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабура. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Центральной Азии и писавших стихи как на персидском, так и тюркском языке. В книге много словесных портретов целого ряда современников поэта, государственных деятелей, художников, музыкантов, историков. Чрезвычайно ценными являются сведения Бабура о полезных ископаемых городов Центральной Азии. В книге не только приводятся отдельные сведения о природных ископаемых, но одновременно отмечается их назначение в хозяйственной жизни страны.

С большой любовью пишет Бабур о Самарканде, не упускает автор из виду описание обсерватории Улугбека, которой восторгался, отмечая совершенство этого сооружения, его изумительность.

В книге Бабура получили подробные описания жизнь и трудовая деятельность различных афганских племен, обитавших на обширной территории между Вахшем и Пенджабом.

В «Бабур-наме» нашли отражение флора и фауна описываемых стран. Бабур, подробно описывая Хиндустан, восхищается его природой, сравнивает его со своей родной: «Эта удивительная страна; в сравнении с нашими землями это иной мир. Горы, реки, леса, города, области, язык, растения и ветры – все там не так, как у нас. Хотя и жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое-в-чем сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны: стоит лишь перейти реку Синд, как земли и вода, и деревья, и камни, и люди, и обычаи – все становится таким же, как в Хиндустане».

Описывая политическую жизнь Индии, Бабур дает сведения об истории Индии XV – начала XVI вв.

В «Бабур-наме» много фактических данных по этнографии: интересны описания одежды индусов, их обычаев, образа жизни простого народа и знати.

Бабур в своей деятельности преследовал цель благоустройства подвластных ему крупных городов Индии. Планировка и архитектура общественных и частных построек, их внешние оформление и интерьер имеют много общего со среднеазиатским стилем, органично сочетаясь с индийским и среднеазиатской. Бабур стремится укрепить торгово- экономические связи с соседними странами.

В настоящее время «Бабур-наме» все более привлекает внимание специалистов из разных стран. Ценность сведений, приведенных в «Бабур-наме», искренность и самокритичность автора, достоверность фактов получили единодушное признание ученых всего мира. Данные «Бабур-наме» вошли в сводные тома по истории народов Центральной Азии. Интерес к замечательным творениям Бабура, особенно к его книге «Бабур-наме», возрастает год от года во всем мире.

Литература

1. Бабур, З. М. Бабур-наме. – Т. : Главная редакция энциклопедий, 1992.
2. Бабур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
3. Дамье В. В. Бабур // Кругосвет.
4. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М. : Наука, 1977. – 176 с.

© **Юлдашева Ф. Ф.**, 2020

Д. Р. Юсупова,
д. ф. н., доц. ТашГУУЯЛ, г. Ташкент (Узбекистан)

РОЛЬ «ТРАКТАТА ОБ АРУЗЕ» БАБУРА В РАЗВИТИИ АРУЗОВЕДЕНИЯ В ТИМУРИДСКИЙ ПЕРИОД

Аруз как система стихосложения возникла в средние века на основе арабоязычной литературы. Основоположником этой теории является Халил ибн Ахмад (715/719 - 786/791), который создал фундаментальную структуру теории и вопросов, изучаемых в ней [9, 186]. В мировом стиховедении его теория стала исходной точкой для многих национальных теорий, и это по своей значимости стало уникальным явлением.

В средние века в Мавераннахре была сформирована уникальная научная школа арузоведения. Традиции этой школы продолжаются и по сей день. Арузоведы Мавераннахра изучали аруз сразу в трех направлениях, исследуя арабский, персидский и узбекский аруз. Поэтому обосновано рассмотрение их вклада в развитие стиховедения как научно-теоретического и литературного явления, значимого в становлении исламской цивилизации [8, 52].

Аруз как научно-теоретическое учение достиг своего пика в период Тимуридов. Работы таких создателей, как шейх Ахмад Тарази, Абдурахман Джами, Сайфи Бухари, Алишер Навои, Атауллох Хусайни, Захириддин Мухаммад Бабур имеют особое значение за счет глубокого изложения теоретических основ аруза. В особенности трактат Бабура «Аруз рисоласи» отличается доскональным рассмотрением явлений и понятий, связанных с ***аруз***ом, преимущественно ***джузв***ом, ***бахр***ом (поэтических метров), ***вазн***ом (стихотворных размеров) и ***доир***ой (концентрических кругов).

Несмотря на то, что в мировом и узбекском литературоведении были проведены некоторые исследования по научному творчеству Бабура [1], роль сочинения «Аруз рисоласи» в арузоведении периода Тимуридов, его взаимосвязь с другими источниками этого периода не была изучена специальным образом.

Книга «Аруз рисоласи» была написана в 1524-1525 годах в стиле *муфассал* (монографическое исследование, которое представляет собой подробную работу и прекрасно охватывает конкретную область науки). Сочинение носит также антологический характер. «В работе приводятся имена более 60 известных и еще менее известных поэтов и ученых X-XVI веков и цитаты из их произведений». Тот факт, что в «Аруз рисоласи» ритмические элементы (джузв, зихаф и метрический размер) аруза больше, чем в других трактатах этого времени, указывает на то, что тюркское арузоведение достигло своего эволюционного совершенства в эпоху Тимуридов.

Как известно, метрика стиха состоит из отдельных звуковых единиц, называемых в арузоведении *джузв.* Они имеют три вида: *сабаб*, *ватад* и *фасила.* В свою очередь, каждая единица разделяется на две подгруппы. Например, *сабаб* состоит из двухбуквенных слов: если первая буква огласованная (мутахаррик), а вторая неогласованная (сакин), т. е. по современному арузоведению один долгий

слог (типа *гул, дил*), то это *сабаб-и хафиф*, а если обе буквы огласованные, т. е. по современному арузоведению два кратких слога (типа *гала, тана*) – то это *сабаб-и сакил…*

Бабур в своем трактате начинает характеристику аруза с определения *сабаб, ватад, фасила.* Арузоведы этого периода: Шейх Ахмад Тарази, Абдурахман Джами, Алишер Навои – в своих сочинениях предоставили в общей сложности шесть *джузвов* и не рассматривали спорные вопросы, связанные с *фасила*. Хотя Бабур не отрицает наличие этих трех типов, он не считает *фасилу* достойной рассмотрения, в отличие от *джузв.* В этом случае он поддерживает мнение персидского наставника Насириддина Туси, автора «Меъор уль-Ашъор». В качестве дополнения к традиционным джузвам он говорит о возможности введения *сабаб-и мутавасита* в качестве третьего типа сабаба, *ватад-и касрата* в дополнение к ватаду и *фасила-и узмо* как другого типа фасилы. По этому поводу Бабур приводит следующий пример:

Туро лаъл шакаррез, маро чашм гухарбор,

Туро ханда бувад хуй, маро гиря бувад кор

(Перевод: «С твоих губ изливается сладость, с моих глаз осыпается жемчуг, // Твой характер отрадный, а моя участь – рыдание»). Как пишет Бабур: «Слова шакаррез («льющий сладость») и гухарбор («осыпающий жемчуг») в хашве и арузе этого бейта соответствуют размеру [стопы] мафоъийл, который является укороченной (максуром) стопой [от мафоъийлун]. Эти две следующие друг за другом неогласованные буквы [при скандировании] принимаются во внимание. Таким образом, есть причина, чтобы делить эти два стопообразующих элемента на три вида».

В действительности, невозможно отобразить слова *лаъл, чашм, гухарбор, кор* в таких типах, как *сабаби хафиф* и *сабаби сакил*, *ватади маджмуъ* и *ватади мафрук*. С этой точки зрения трактат Бабура считается единственной работой периода Тимуридов, специально посвященный этому вопросу.

Путем сочетания этих джузвов образуются *рукны* (стопы). Они делятся на правильные, или основные *(асли)*, и ответвленные (*фар'и)*. Правильные стопы – это стопы, не имеющие изменений в основной форме. В трактате Бабура число основных стоп – 8. Приводим ниже эти основные стопы: 1) фаувлун – فعولن , 2) фоилун – فاعلن , 3) мафоийлун – مفاعلن , 4) фоилотун – فاعلاتن , 5) мустафъилун – مستفعلن, 6) мафоилатун – مفاعلتن , 7) мутафоилун – متفاعلن , 8) мафъувлоту – مفعولات (Шчербак).

Изменения, введенные в основных стопах, называются *зихаф*, а получаемые от них ответвленные стопы приводятся под названием *фуруъ*. Существуют различия в количестве и интерпретации изменений в трактатах эпохи Тимуридов. Автор «Фунун аль-балага» в начале дает общее описание изменений (35 зихафов), а затем описание каждого зихафа. И в «Рисолаи аруз», и в «Мезон аль-авзон» описываются только 32 изменения из 5 основных стоп. Атаулла Хусейни интерпретирует 39 зихафов и делит их на арабские (28) и персидские (11). У Сайфи Бухари нет специальной главы о зихафах: Сайфи затрагивает 18 изменений, объясняя их место в преобразовании метров. В том

числе Бабур изначально объясняет, как появились 44 зихафа, а затем перечисляет названия зихафов и фуруъ: «Знай, что каждое изменение, которое происходит в основной стопе, называют зихафом, а видоизмененную стопу называют музахаф или фуруъ. Видоизменения бывают простыми или сложными. В простом видоизменении происходит не более одного видоизменения. В сложном видоизменении происходит более одного видоизменения. Зихаф – превращение огласованной буквы стопы в неогласованную; убавление или добавление букв в стопу, причем может быть убавлена или добавлена одна или более букв. Эти зихафы имеют свои названия. Всего зихафов 44».

После объяснения стоп и зихафов арузоведы переходят к анализу бахров (поэтических метров). Как известно, в науке аруз бахры образуются путем взаимного объединения рукнов. Система аруз, созданная Халилом ибн Ахмадом, включает 15 бахров (Тавиль, Мадид, Басит, Вофир, Комил, Хазадж, Раджаз, Рамал, Сари, Мунсарих, Музори, Хафиф, Муктазаб, Муджтас и Мутакориб). По этому поводу персидский арузовед Шамс-и Кайс Рази пишет: «Знай, что число арабских стихов, употребляемых в их сборниках, как повествуют арабские сказатели – 15, арузоведы называют их бахрами» [1, 63]. Позже последователь Халиля Абулхасан Ахфаш Балхи добавил еще один бахр (Мутадорик) в этот список и увеличил число арабских бахров до 16. Это разъяснение встречается повторно точно так же в источниках, созданных позднее на арабском языке: «Аль-Кистос» Махмуда Замахшари, «Аль-Кафи фил аруз вал кавофий» Абу Зикрио Хатиба, а также в других работах. Персидские ученые улучшили учение Халила ибн Ахмада, увеличив число метров до 19. Абдуррахман Джами, Атауллох Хусайни, Алишер Навои и Сайфи Бухари анализируют в общем количестве 19 бахров.

Работа Бабура представляет еще два бахра в дополнение к этим традиционным бахрам: *Ариз* и *Амик*. Ссылаясь на поэтический метр *ариз,* Бабур в своей книге подчеркивает, что этот метр не существует в арабском арузе, он является изобретением персидских поэтов: «Никакого арабского стихотворения не найти в этом метре. Это было изобретено персидскими поэтами, и они назвали его маклуби тавил [противоположный тавилю – Д. Ю.], а также аризом». Бабур также утверждает, что этот метр состоит из повторения рукнов *мафоийлун фаувлун мафоийлун фаувлун* (парадигма: *V – – – | V – – | V – – – | V – –*).

В разделе анализа бахров Бабур дает обзор четырех наиболее распространенных размеров метра *ариз*, утверждая, что два из них являются мустаъмали матбуъ, т.е. приятными в употреблении. В размере *Аризи мусаммани солим* Бабур приводит следующий бейт:

Лабинг маржон, тишинг дур, хатинг райҳон, хадинг гул,
Сочинг анбар, юзунг ҳур, менгинг мўлтон, юзунг мул [1, 84].

Этот бейт не встречается в сборнике поэта, что указывает на то, что Бабур написал этот бейт только для эксперимента, в качестве примера анализируемого размера. А для примера размера *Аризи мусаммани мақбуз* (*мафоилун фаувлун*

мафоилун фаувлун) приведен бейт поэта с псевдонимом Тари (к сожалению, об этом поэте никакой информации в источниках пока не обнаружено):

Сангаки барги гулдин либос қилса бўлғай,

Гуле бу гулшан ичра қиёс қилса бўлғай.

Поэтический метр *ариз*, упомянутый в трактате, также является нетрадиционным метром и сопровождается повторением стоп *фоилун* и *фоилотун*. По словам Бабура, этот метр также является изобретением персидских поэтов. Учитывая тот факт, что метр *Мадид,* типичный для арабской поэзии, состоит из таких стоп, как *фоилун* и *фоилотун*, его условно можно назвать *маклуб-и мадид,* т. е. «противопожный мадиду». Так как стопы метра *мадид* повторяются в обратном порядке (восьмистопная форма мадида: «фоилотун фоилун фоилотун фоилун»). В трактате для примеров приводятся бейты персидских и тюркских поэтов восьмистопным (*мусамман*) и четырехстопным размером метра *амик*. В частности, следующий бейт является примером для размера *амики мусаммани солим*:

Сўйи ман гоҳ-гоҳе, дилбаро, як нигоҳе,

Дилбаро, як нигоҳе сўйи ман гоҳ-гоҳе.

В своем трактате Бабур также включает эти бахры в особый круг, т. е. *доира*. Известно, что круги аруза представляют собой группу, которые расположены близко друг к другу, в зависимости от количества стоп, длины и краткости слогов. Халил ибн Ахмад, основатель аруза, изобрел эти круги, чтобы облегчить ассимиляцию бахров. Книга Бабура состоит из 9 кругов, и бахры Ариз и Амик включены в *Доира-и мухталифа* наряду с Тавилом, Мадидом и Баситом. Бабур в упорядочении кругов основывается на классификацию бахров, показанных в трактате Шейха Ахмада Тарози. Согласно этой классификации, бахры бывают двух видов: 1) *муттафик аль-аркона* (которые состоят из однотипных стоп); 2) *мухталиф аль-аркон* (происходящие из двух разных стоп). В трактате Бабура пять из девяти кругов состоят из бахров *муттафик аль-аркона*, а остальные четыре являются бахрами *мухталиф аль-аркон*. Круг, который состоит из размеров *Хазаджи мусаммани махзуф* и *Рамали мусаммани макфуф*, называется «Доира-и Муджталибаи мухтариа», который был изобретен самим Бабуром.

На основании изучения трактата Бабура «Аруз рисоласи» в сопоставительном аспекте с другими работами периода Тимуридов мы пришли к следующим выводам:

1. «Трактат об арузе» Бабура является превосходным источником в арузоведении периода Тимуридов, а также уникальной антологией поэтов.

2. Бабур в своем сочинении рекомендует изучать каждый вид джузвов не в двух, а в трех типах, и обосновывает это на практике.

3. Трактат Бабура содержит 44 зихафа, это является самым большим показателем в арузоведении тимуридского периода.

4. Бабур был одним из первых ученых, классифицировавших такие поэтические размеры, как *мустаъмал* (применимые) и номустаъмал (неиспользованные), а также *матбу* (приятный) и *номатбу* (неприятный).

5. В сочинении Бабура, в отличие от работ Навои, Джами, Атааллаха Хусейни Сайфи, анализируются 21 поэтический размер.

6. Бабур привел 537 размеров и проанализировал их. Такое количество поэтических размеров не встречается ни в одном из трактатов Средневековья.

7. В трактате «Аруз рисоласи» перечислены 9 *доира* (концентрических кругов), из которых *Доира-и Муджталибаи мухтариа* была изобретена самим Бабуром.

В заключение следует отметить, что «Трактат об арузе» Бабура достиг эволюционного развития арузоведения в эпоху Тимуридов, где теория тюркского аруза была обогащена новыми зихафами, размерами и новыми доирами. Трактат Бабура играет ведущую роль в исследованиях аруза того периода в ряду данных ритмико-поэтических приёмов.

Литература

1. Алишер Навои. Мизан ал-авзан : полное собрание сочинений : [на узб. яз.] : в 10 томах. – Т. 10. – Ташкент : Издательство Г. Гуляма, 2011.
2. Атааллах Хусайни. Бадайи‘ ас-санайи‘ : [на узб. яз.] / пер. с перс. А. Рустамова. – Ташкент : Издательство литературы и искусства, 1981.
3. Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X-XV вв.). – М. : Наука, 1989.
4. Мухаммад б. Умара ар-Радуйани. Тарджуман ал-балага : [на тадж. яз.]. – Душанбе : Дониш, 1987.
5. Насир ад-Дин Туси. Ми‘йар ал-аш‘ар : [на тадж. яз.] / авт. предисл., примеч. и подгот. текста У. Тоиров. – Душанбе : Ориёно, 1992.
6. Рукопись, хранящаяся в Институте Востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан. – Инв. № 8949.
7. Тоиров У. Становление и развитие аруза в теории и практике персидско-таджикской поэзии : автореферат дисс. … д. ф. н. – Душанбе, 1997.
8. Туйчиева Г. Система ʿarūḍ и её эволюционное развитие в поэзии исламского периода : автореферат дисс. … д. ф. н. – Ташкент, 2018.
9. Фролов Д. В. Классический арабский стих. – Москва : Наука, 1991.
10. Шамси Кайси Рози. Ал-муъчам : [на узб. яз.] / авт. предисл., примеч. и подгот. текста У. Тоиров. – Душанбе : Адиб, 1991.
11. Юсупова Д. История узбекской классической литературы : [на узб. яз.]. – Ташкент : Тамаддун, 2016.

© Юсупова Д. Р., 2020

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
ЗАХИРИДДИНА МУХАММАДА БАБУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей и тезисов докладов
Международной научно-практической конференции
28 февраля 2020 г.

Компьютерная верстка Д. Огнев
В редакции авторов

ISBN 978-5-98604-772-0

Подписано в печать 25.09.2020. Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Гарнитура Times. Объем 38,36 усл. печ. л. Тираж 20 экз.
Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».
Тел.: +7 (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru